

Выпускъ 6.

ПУТЕШЕСТВІЕ НА СѢВЕРЪ И ВОСТОКЪ СИБИРИ,

А. МИДДЕНДОРФА.

ЧАСТЬ II.

СѢВЕРЪ И ВОСТОКЪ СИБИРИ
ВЪ ЕСТЕСТВЕННО-ИСТОРИЧЕСКОМЪ ОТНОШЕНІИ.

ОТДѢЛЪ V. 6-7

СИБИРСКАЯ ФАУНА,

(ОКОНЧАНІЕ.) Стр. 311-618; 619-833

ДОМАШНІЯ И УПРЯЖНЫЯ ЖИВОТНЫЯ, ПОВОЗКИ, СУДА, РЫБОЛОВСТВО И ОХОТА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ, 1877.

ПРОДАЕТСЯ У КОММИССІОНЕРОВЪ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ:
И. Глазунова, въ С. П. Б.
Я. А. Исакова, въ С. П. Б.
Эггерса и Комп., въ С. П. Б.
Н. Киммеля, въ Ригѣ.
Леопольда Фосса, въ Лейпцигѣ.

Цѣна шестаго выпуска 2 руб. 35 коп.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

Сохраненіе теплоты въ Сибирскихъ животныхъ.

На стр. 142—146 и слѣд. этой части мы говорили о томъ, что даже зимою самый крайній сѣверъ не бываетъ совершенно безжизненъ. Нѣкоторые представители различныхъ видовъ гиперборейскихъ животныхъ, какъ сухопутныхъ, такъ и морскихъ, какъ млекопитающихъ, такъ и птицъ, рыбъ и безпозвоночныхъ, встрѣчаются даже среди самаго суроваго зимняго времени, даже вблизи самого полюса.

Нельзя, дѣйствительно, не удивляться этому въ отношеніи къ тѣмъ животнымъ, которыя зимою не отправляются на покой, и тѣмъ замѣчательнѣе обстоятельство, что какъ-разъ между гиперборейскими позвоночными животными нѣтъ настоящихъ представителей зимней спячки.

Кромѣ ужасающей стужи, безпріютныя пустыни глубокаго сѣвера, лишенныя растительности, а слѣдовательно и питательныхъ средствъ, подвержены еще страшнымъ вьюгамъ, повергающимъ чувство зрѣнія въ совершеннѣйшій мракъ. Эти бураны во время своего дѣйствія налагають покой на всѣхъ животныхъ.

Мракъ

въ теченіе зимней половины года заставляетъ, конечно, думать, что глубокій сѣверъ совершенно непригоденъ для проявленія животной жизни. Въ сущности же дѣло вовсе не такъ плохо, какъ бы можно было предполагать съ перваго взгляда. Длящуюся цѣлые мѣсяцы сряду зимнюю ночь, даже среди самой зимы, прерываютъ два-три полуденныхъ часа, которые бываютъ свѣтлѣе остальныхъ; подъ 75°—80° с. ш., сумеречный свѣтъ ихъ, правда при ясномъ небѣ, позволяетъ, хотя и съ трудомъ, на открытомъ воздухѣ, разбирать довольно мелкій шрифтъ. Тѣмъ болѣе, слѣдовательно, и люди и животныя въ состояніи при немъ отыскивать себѣ пищу. Сумеречный свѣтъ этотъ, какъ извѣстно, основанъ на томъ, что преломленіе атмосферныхъ лучей даетъ нѣкоторый свѣтъ до тѣхъ поръ, пока солнце не спустится за 18 градусовъ ниже горизонта. Но еще подъ 80° с. ш., въ самые короткіе дни, солнце въ полдень приближается къ горизонту на $13^1/_2$

градусовъ, такъ что подобная-же свѣтлая полоса, какая у насъ предшествуетъ восходу солнца, озаряетъ облачное небо и въ странахъ полярныхъ, сообщая мѣстности мерцающій свѣтъ. Кромѣ того, луна, при помощи снѣговаго отраженія, обливаетъ полярный пейзажъ великолѣпнымъ серебристымъ блескомъ; въ теченіе темнаго времени она видна также днемъ; наконецъ сѣверное сіяніе становится вседневнымъ свѣтиломъ и, подобно зареву сильнаго пожара, присоединяетъ багровые лучи свои къ упомянутому сумеречному свѣту. Все это на столько даетъ свѣту, что и человѣку и животнымъ представляется возможность существовать даже на крайнемъ сѣверѣ. И такъ какъ послѣдній зимою пользуется описаннымъ нами освѣщеніемъ, солнце же въ теченіе лѣтней половины вовсе не заходитъ, а въ два мѣсяца, прилегающіе къ лѣтней половинѣ, заходитъ только отчасти, то въ продолженіе круглаго года полярныя страны пользуются, можетъ быть, еще большимъ количествомъ свѣта, чѣмъ болѣе теплые поясы.

При всемъ томъ этотъ зимній дневной свѣтъ полярныхъ странъ не что иное, какъ сумерки, которые, правда, позволяютъ различать на разстояніи двухъ-трехъ верстъ, какъ напр. очерки крутыхъ горныхъ высотъ выдѣляются отъ равнины, но все-таки даютъ такой слабый, мерцающій свѣтъ, что охотнику, даже въ полдень, не всегда удается вѣрно направить на дичь прицѣлъ ружья. Какъ привидѣніе, передъ взорами его неожиданно мелькнетъ бѣгущее животное и вслѣдъ за тѣмъ опять погрузится во мракъ ночной. Свѣтлый пѣсецъ-однолѣтка является темнымъ пятномъ на бѣломъ снѣжномъ фонѣ.

По этому-то близъ полюса могутъ зимовать только животныя такихъ породъ, которыя и у насъ преимущественно выходятъ изъ своихъ убѣжищъ послѣ солнечнаго заката, какъ напр. лисицы, зайцы, мыши, совы[1]). Но, подобно полярному человѣку, и имъ на крайнемъ сѣверѣ приходится изъ-за темноты проводить во снѣ большую часть зимняго времени, хотя, какъ мы уже замѣтили, они не подвержены настоящей зимней спячкѣ. Эта необходимость порождаетъ на глубокомъ сѣверѣ непримиримыя противоположности, составляющія единственныя въ своемъ родѣ явленія.

Упомянутымъ животнымъ необходима чрезвычайно подвижная радужная оболочка, потому что въ Мартѣ, въ Апрѣлѣ и даже въ Маѣ, бываетъ еще болѣе 20° морозу и все еще покрыто снѣгомъ, а между тѣмъ солнце, во всей своей красѣ, уже остается надъ горизонтомъ все долѣе и долѣе, пока вскорѣ и вовсе не спускается ниже его. Зрѣніе невыносимо страдаетъ отъ сверканія солнечнаго диска, который стоитъ низко, почти въ уровень съ человѣческимъ глазомъ, и лучи котораго безчисленно отражаются въ зеркальныхъ кристаллахъ снѣга. Еще 5 (17) Іюня на р. Таймырѣ, послѣ свѣжей вьюги, я ужасно страдалъ отъ ослѣпительнаго блеска снѣга. Человѣкъ старается помочь горю и привязываетъ къ глазамъ снѣговыя очки, т. е. непропускающія свѣта пластинки, металлическія

---

[1]) Вотъ почему, можетъ быть, въ Таймырскомъ краѣ мнѣ не удалось подойти къ бѣлой совѣ на разстояніе выстрѣла, тогда какъ *у насъ* подъ средними широтами, или также въ южной Сибири (*Радде*) она легко подпускаетъ къ себѣ, потому что ослѣплена снѣжнымъ блескомъ.

или берестовыя, въ которыхъ прорѣзана небольшая горизонтальная щелочка. Но и такой приборъ мало помогаетъ; сверхъ того онъ затрудняетъ зрѣніе, потому что передъ собственнымъ, круглымъ зрачкомъ человѣка является еще другой, напоминающій щелкообразный зрачекъ нѣкоторыхъ ночныхъ животныхъ. При свѣтломъ солнечномъ сіяніи, снѣговыя очки, правда, явно спасаютъ отъ немедленнаго ослѣпленія, но въ туманную погоду приходится снимать ихъ, равно какъ и очки съ синими стеклами, чтобъ имѣть возможность различать предметы; при всемъ томъ пораженные свѣтомъ глаза ужасно страдаютъ. Они слезятся, воспаляются все сильнѣе и сильнѣе, болѣютъ болѣе и болѣе, все болѣе возбуждаютъ отчаянную раздражительность, пока, наконецъ, снѣжная слѣпота лишаетъ васъ всякой способности видѣть. Притомъ снѣговые лучи, должно быть, сопровождаются лучами тепла, потому что даже неприкрытыя части кожи на человѣческомъ тѣлѣ страдаютъ отъ нихъ точно также, какъ отъ солнечнаго припека въ странахъ, отличающихся знойнымъ лѣтомъ. Онѣ воспаляются и лупятся. Лишь со сходомъ снѣга это весеннее страданіе быстро прекращается.

Въ такомъ-же родѣ, хотя вѣроятно меньше, по-видимому страдаютъ и животныя. Тюлень, лежащій передъ своей отдушиной, очевидно совершенно ослѣпленъ; дикіе сѣверные олени натыкаются прямо на человѣка; черные волосы волка становятся почти совершенно бѣлыми.

Впрочемъ въ этомъ случаѣ сильнѣе дѣйствуетъ отраженіе свѣта въ зеркальныхъ кристаллахъ снѣга, чѣмъ низкое положеніе солнца, потому что вдали оттуда, подъ южными широтами, гдѣ по степямъ своимъ бродитъ кочевникъ Средней Азіи, Киргизъ и Калмыкъ едва-ли меньше, хотя и рѣже, да и далеко не такъ долго, одержимы тою-же болѣзнью снѣжной слѣпоты.

Упомянутому быстрому переходу животнаго глубокаго сѣвера изъ томительнаго мрака къ ослѣпительному свѣту, соотвѣтствуетъ такое-же внезапное пробужденіе изъ преобладающаго соннаго состоянія къ почти непрекращающейся дѣятельности.

Непрерывное присутствіе солнца въ теченіе лѣтней половины года возбуждаетъ усиленную дѣятельность. Уже Линнѐ въ своей Lachesis lapponica говоритъ, что постоянное вліяніе солнечнаго свѣта составляетъ одну изъ причинъ, почему лѣтнее путешествіе въ дальнія сѣверныя широты дѣйствуетъ такъ хорошо и живительно на здоровье. Ночной покой животныхъ, въ особенности птицъ, ограничивается нѣсколькими часами. Притомъ сонъ отбывается неправильно, и какъ скоро днемъ (это преимущественно случалось въ Таймырскомъ краѣ) бываютъ туманъ и дожди, ночью же, напротивъ того, солнце свѣтитъ непрерывно, такъ всѣ проявленія жизни главнымъ образомъ совершаются ночью. Пришельцы-животныя, подобно пріѣзжимъ людямъ, очевидно очень лишаются хорошаго сна. Тѣмъ болѣе времени они посвящаютъ ѣдѣ, по-видимому, вслѣдствіе такого-то усиленнаго обмѣна матеріала становятся возможными ускоренное линяніе, ускоренный ростъ животныхъ въ гнѣздахъ и накопленіе запасовъ жира, необходимыхъ для перенесенія зимняго голоданія или усиленныхъ странствованій.

*

Рядомъ съ мракомъ враждебно дѣйствуетъ на всякую животную жизнь

суровость зимней стужи на глубокомъ сѣверѣ.

Какъ ни гибельна она для животной жизни, но въ распоряженіи животныхъ находятся весьма разнообразныя средства, при помощи которыхъ они въ состояніи избѣгать дѣйствія ея. Главнымъ образомъ, конечно, это достигается тѣмъ, что животныя уходятъ отъ стужи. Подробнѣе мы займемся этимъ предметомъ при разсмотрѣніи вопроса о кочеваніяхъ Сибирскихъ животныхъ. Впрочемъ, крайніе градусы стужи на нашемъ земномъ шарѣ не совершенно губятъ животную жизнь: чрезвычайно обстоятельно можно прослѣдить это въ Якутской области (слѣдовательно еще подъ широтою Берлина) около полюса наибольшей зимней стужи [1]). Чѣмъ поразительнѣе тамошнее сочетаніе роскошной растительности и, въ особенности, сильнаго лѣснаго произрастанія съ крайнею зимнею стужею, тѣмъ исключительнѣе вліяніе суровой зимы, враждебное животной жизни, выдѣляется изъ своего смѣшенія съ остальными вліяніями, гибельными для животной жизни глубокаго сѣвера.

Въ отдѣлѣ, посвященномъ климату Сибири, я старался описать впечатлѣніе, которое производятъ на людей морозы, ниже 40° Р., переходящіе за замерзаніе ртути [2]); къ упомянутому описанію я считаю нужнымъ присовокупить еще нѣкоторыя свѣдѣнія на слѣдующихъ страницахъ этого изслѣдованія. За тѣмъ намъ привелось также убѣдиться [3]), что хотя въ болѣе холодныхъ мѣстностяхъ Сибири стволы деревьевъ и кустовъ промерзаютъ насквозь, все-таки жизнь этихъ растеній отъ этого не прекращается.

Съ животными, конечно, дѣло не должно доходить до этого, но все-же преобладающія доселѣ мнѣнія о безусловной смертельности замерзанія животныхъ, кажется намъ, слишкомъ односторонни. Лягушекъ я совершенно замораживалъ при 15° Р., но какъ скоро осторожно оттаивалъ ихъ, такъ онѣ опять скакали въ разныя стороны. Если лягушки не водятся на болѣе отдаленномъ сѣверѣ, то въ этомъ вѣроятно не столько виновата зимняя, сколько лѣтняя температура, недостаточная для того, чтобы икра этихъ животныхъ могла созрѣть и чтобы метаморфоза дѣтенышей могла вполнѣ совершиться. Нѣкоторыя Сибирскія рыбы также замерзаютъ зимою. Карасей, и въ особенности маленькаго, похожаго на линя, Cyprinus perenurus я находилъ въ мелководныхъ озерахъ, которыя, вмѣстѣ съ иломъ своимъ, промерзаютъ до самаго дна. При всемъ томъ, въ слѣдующую весну, рыбы эти преисправно оживаютъ опять, вмѣстѣ съ личинками комаровъ и другими, бóльшими личинами, плотно замерзшими съ ними въ иловомъ льду. Очевидно онѣ подвергаются сильной степени зимней спячки, которой болѣе или менѣе подпадаютъ всѣ рыбы сѣверной Сибири. Между 73° и 74° с. ш., въ половинѣ Мая, я разрубилъ ледъ промерзшаго до дна тундреннаго озера и въ замерзшемъ, наполненномъ льдомъ, илѣ нашелъ водяныхъ жуковъ, гидрахнъ, апусовъ, бранхипусовъ и другіе виды

---

1) См. отдѣлъ III «Климатъ», стр. 339 и слѣд.

2) См. тамъ-же стр. 328.

3) См. отдѣлъ IV «Растительность», стр. 619.

маленькихъ ракообразныхъ животныхъ, вмѣстѣ съ личинками насѣкомыхъ и безчисленными червяными трубочками, напоминавшими трубочки нашихъ наидъ.

Особенно поучительны были бы въ этомъ отношеніи наблюденія и въ южной Сибири въ тѣхъ мѣстахъ горныхъ потоковъ, гдѣ образуется ледъ на днѣ, который, какъ извѣстно, охватываетъ, окружаетъ и поднимаетъ не только камни, но и песокъ да илъ, затѣмъ сплочиваетъ ихъ съ общимъ ледянымъ покровомъ и увлекаетъ съ собою на огромныя разстоянія.

Гдѣ почти вовсе нѣтъ зимы, тамъ не умѣютъ цѣнить лѣто, а гдѣ царствуетъ вѣчная весна, тамъ нельзя и испытать вліянія весны.

Въ отношеніи

теплоты въ осѣдлыхъ животныхъ

глубокаго сѣвера и частей Сибири подверженныхъ зимней стужѣ, будущимъ изслѣдователямъ предстоитъ неисчерпаемое поприще для наблюденій и опытовъ. Новѣйшіе успѣхи питательной химіи, правда, такъ близко ознакомили насъ съ характеромъ процессовъ горѣнія, поддерживающихъ собственную теплоту животныхъ тѣлъ, что мы математически можемъ вычислить количество тепла, развивающагося въ этихъ тѣлахъ. Калориметръ, какъ извѣстно, указываетъ намъ въ такомъ-же точно количествѣ развитіе тепла въ животномъ, въ какомъ въ лабораторіи оно образовалось бы отъ сожженія соотвѣтственнаго количества кислорода. При этомъ оказались весьма значительныя, дотолѣ неизвѣстныя, количества тепла, которыя, будучи обращены въ механическія дѣйствія, доказываютъ, что, напр., ежедневно развитая въ человѣкѣ теплота тѣла могла бы сработать, пожалуй, въ шесть разъ болѣе того, съ чѣмъ справляется ежедневная рабочая сила того-же самаго человѣка, и т. д. Дѣйствительно, въ общей сложности, въ животныхъ усиленное дыханіе находится въ прямомъ отношеніи къ усиленному теплу тѣла; такимъ образомъ, напр., въ птицахъ не только больше собственнаго тепла, чѣмъ въ другихъ животныхъ, но и между птицами наибольшее количество собственнаго тепла приходится на долю самыхъ быстро-летающихъ (соколовъ и ласточекъ), которыя притомъ и дышутъ сильнѣе другихъ. При усиленномъ движеніи, дыханіе млекопитающихъ можетъ сравняться со степенью дыханія птицъ. Вмѣстѣ съ усиленіемъ дыханія животнаго, пробуждающагося отъ зимней спячки, возрастаетъ почти въ тотъ-же моментъ въ сильной степени его собственное тепло; голоданіе вызываетъ лихорадочный знобъ и т. п. Однимъ словомъ, по части развитія собственнаго тепла въ животномъ тѣлѣ мы находимся на твердой, доступной исчисленію, физико-химической почвѣ.

Въ иномъ видѣ представляется вопросъ о потерѣ тепла животнаго тѣла. По этой части необходимы еще сотни зоологическихъ подготовительныхъ изысканій, потому что въ этомъ отношеніи разнообразіе средствъ, предоставленныхъ въ распоряженіе животныхъ къ сохраненію собственнаго тепла, чрезвычайно велико. Самые крайніе градусы

стужи сами по себѣ, по-видимому, не смертельны для жизни животныхъ: все дѣло состоитъ въ томъ, чтобы приходъ и расходъ собственнаго тепла были приведены въ надлежащее соотношеніе. Намъ необходимо освоиться съ мыслью, что способность животныхъ глубокаго сѣвера сопротивляться стужѣ объусловливается не столько особою, закаленною противъ морозовъ, натурою ихъ, сколько нѣкоторыми небольшими данными, выгодными для сохраненія собственнаго тепла. По этому-то, даже при не очень значительной стужѣ, вьюги дѣйствуютъ на людей и животныхъ губительно, если бушуютъ очень свирѣпо, такъ какъ онѣ безпрерывно отнимаютъ у животнаго тѣла новые запасы тепла. При самой же сильной стужѣ, какъ извѣстно, очень рѣдко бываетъ вѣтеръ; развѣ только въ горахъ.

Такъ, напр., въ скалистыхъ ущельяхъ рѣки Килé (Гилюя), на южной покатости Становаго хребта, въ Декабрѣ мѣсяцѣ, при замерзшей ртути, насъ настигъ рѣзкій вѣтеръ[1]), встрѣтившій насъ въ видѣ падающаго вѣтра (Fallwind). Внезапно насъ обнялъ невыносимый адскій холодъ. Сначала рѣзко, съ ощущеніемъ уколовъ иглами и сотнями стекольныхъ осколковъ, онъ сталъ жечь намъ лице и захватывалъ дыханіе, потому что ротъ судорожно сжимался передъ этимъ натискомъ воздуха; только повернувшись впередъ спиной, намъ удалось пробраться чрезъ это адское ущелье.

Въ нѣсколько мгновеній, въ теченіе которыхъ мы пытались противостоять непогодѣ, крайне сухую кожу нашихъ лицъ, которую мы забыли натереть жиромъ, стянуло до такой степени, что она растрескалась безчисленнымъ множествомъ мелкихъ и нѣсколькими бóльшими прорвами. Люди, восходившіе на Альпы, испытывали тоже, но въ меньшей степени. Наша кожа стала слишкомъ тѣсна для нашего тѣла: вслѣдствіе этого мы и чувствовали какъ-бы уколы иглою и осколками стекла, чувство, продолжавшееся потомъ въ видѣ непріятнаго щипанія.

Вмѣстѣ съ тѣмъ изъ растрескавшихся частей кожи выступила кровь, которая въ видѣ охраняющей коры, покрыла пораженныя части лица. По моему мнѣнію, это примѣрно одно изъ тысячи приспособленій, которыя въ природѣ должны дѣйствовать въ видѣ регулятора, коль скоро дѣло идетъ о возстановленіи равновѣсія между приходомъ и расходомъ тепла. Къ числу этихъ приспособленій нужно отнести уже то, что при такихъ данныхъ человѣку, въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ житья въ шалашѣ, приходится отказываться отъ умыванія. Наше лице было покрыто жирнымъ слоемъ крови и грязи, который охранялъ и согрѣвалъ его, а потомъ, при переходѣ нашемъ въ теплое жилье, отдѣлялся вмѣстѣ съ омертвѣвшей кожей и на нѣсколько недѣль обнаружилъ блѣдныя, безцвѣтныя щеки. Съ носа и съ пальцевъ также сходила кожа въ видѣ изодранныхъ чехловъ[2]). Такую защиту отъ стужи я называю импровизован-

[1]) Съ этимъ случаемъ слѣдуетъ, кажется, сопоставить «хіусъ», о которомъ Эрманъ (Archiv, 1850, VIII, стр. 340) говоритъ, какъ о метеорологическомъ парадоксѣ Сибирскомъ.

[2]) Рядомъ съ значительной стужей этому отдѣленію кожи, очевидно, содѣйствуетъ также сухость воздуха. Гдѣ-то я читалъ, что путешественники, посѣщающіе такія полосы южной Америки, гдѣ не бываетъ дождей

нымъ естественнымъ приспособленіемъ, на ровнѣ со снѣговой стѣною, которая при сильной вьюгѣ, на открытой тундрѣ наметается передъ людьми и животными, наконецъ образуетъ надъ ними родъ свода и служитъ къ спасенію ихъ, потому что снѣгъ не прилегаетъ прямо къ задерживающему его предмету, а оставляетъ свободное пространство, происходящее вслѣдствіе отпряданія крутящагося снѣга. Строго говоря, удерживающимъ тепло приспособленіемъ можно считать уже и то обстоятельство, что вслѣдствіе сжиманія кожи отъ стужи, уменьшается обращеніе въ ней крови, а вслѣдствіе того, и отъ уменьшающагося въ тоже время испаренія, уменьшается и потеря тепла.

Если мы станемъ разсматривать предоставленную животнымъ возможность сопротивляться сильнѣйшей зимней стужѣ, то намъ придется принять въ соображеніе безчисленное множество разныхъ, большею частію оставленныхъ безъ вниманія и съ виду маловажныхъ, но выгодныхъ условій подобнаго рода, имѣющихъ гораздо больше значенія, чѣмъ бы можно было предполагать. Говоря, что въ долинѣ р. Килé стужа сперла, или должна была сперетъ намъ дыханіе, я смотрю на это, какъ на приспособленіе, которое, можетъ быть, насъ и спасло. Тоже самое обстоятельство, вслѣдствіе котораго въ Сибири, при быстрой ѣздѣ зимою, необходимо останавливаться послѣ всякой мили проѣханнаго пути и прочищать лошадямъ ноздри, залегающія отъ замерзшаго дыхательнаго пара (иначе животныя задохнутся), тоже самое обстоятельство, говорю я, явно находилось въ связи съ нашею способностью сопротивляться стужѣ на Становомъ хребтѣ, не смотря на весьма продолжительные ежедневные переходы.

Цѣлые мѣсяцы сряду мы странствовали въ теченіи цѣлаго дня, отъ восхода солнечнаго до вечернихъ сумерекъ. Такъ мы поступали изо дня въ день, желая быстрѣе подвигаться впередъ, потому что сборъ и навьючиваніе оленей сопряжено съ такою большою тратою времени, что ее можно допустить не болѣе одного раза въ день. Не смотря на то, что, съ одной стороны, ртуть постоянно замерзала, а съ другой — тѣло рѣдко нагрѣвалось, т. е. что между отопленіями [обѣдомъ и ужиномъ] былъ долгій промежутокъ времени, тепло въ нашемъ тѣлѣ сохранялось довольно хорошо.

Не мало, должно быть, это зависѣло оттого, что самое значительное выдѣленіе тепла изъ нашего тѣла, чрезъ ротъ и носъ, наступавшее послѣ надлежащаго укутыванія поверхности тѣла, пріостанавливалось самимъ морозомъ, какъ только мы опять начинали нашъ ежедневный походъ, и доводилось до возможно меньшей величины. Дѣло въ томъ, что паръ отъ нашего дыханія въ видѣ инея садился все гуще и гуще на усы и бороду и наконецъ сливался въ одинъ общій комъ, закрывавшій ротъ до такой степени, что оставлялъ лишь узенькую отдушинку, въ которую, при самомъ сильномъ морозѣ, нельзя было даже просунуть мизинецъ и поперечникъ которой, чрезвычайно соотвѣтственно цѣли, сообразовался со степенью наружной стужи въ отношеніи къ противодѣйствующему ей теплу

жалуются, что солнце, припекая высушенную знойнымъ воздухомъ кожу, совершенно спаляетъ обнаженныя части тѣла и формально слупаетъ кожу съ лица и съ рукъ. Какъ это похоже на то, что̀ намъ самимъ приходилось испытывать отъ мороза.

тѣла. То отдушина эта оттаивала и расширялась, то покрывалась осадками паровъ и съуживалась. Наконецъ все дыханіе довольствовалось этою отдушиною, служившею естественнымъ регуляторомъ степени необходимѣйшаго притока воздуха къ вьюшкамъ горнила, гдѣ развивается животное тепло. Невозможно было даже говорить. Когда, наконецъ, на вечернемъ привалѣ разгорался огонекъ, то прежде всего мы оборачивались лицомъ къ огню, чтобы раскрошить привѣшенный ко рту тяжелый замо̀къ и такимъ образомъ отдѣлаться отъ этого прекраснаго приспособленія.

При менѣе продолжительномъ дѣйствіи сильной стужи тепло сберегается тѣмъ, что закрываешь ротъ и дышешь только въ носъ. Если въ такомъ случаѣ, по привычкѣ, слишкомъ раскрываешь ротъ, а не ограничиваешься носовымъ проходомъ, то притокъ воздуха такъ начинаетъ щипать глотку, что невольно приходится откашляться и вытолкнуть избытокъ проглоченнаго воздуха, а это регулирующее приспособленіе вынуждаетъ васъ ограничиваться опять носовымъ проходомъ [1]).

При самыхъ крайнихъ градусахъ мороза это щипанье, можетъ быть, происходитъ отъ дѣйствія мельчайшихъ ледяныхъ кристалловъ, въ которые обращается дыхательный паръ. Эрманъ несправедливо отвергаетъ трещаніе дыханія при сильнѣйшемъ морозѣ [2]). 14-го Ноября на Становомъ хребтѣ, между рѣками Бысой и Инкацью, я въ первый разъ записалъ въ своемъ дневникѣ: «сегодня такъ холодно, что дыханіе издаетъ звукъ». Если бы мнѣ самому не удалось слышать это трещаніе, то я могъ бы сослаться на нѣсколько другихъ свидѣтельствъ [3]).

Совершенно иначе, чѣмъ къ подвижному воздуху, который легко отнимаетъ у тѣла излишнее количество тепла, и тѣмъ подвергаетъ его опасности, относится животное тѣло къ тихому безвѣтренному морозу. Самые неслыханные градусы мороза въ Сибири почти не тяготятъ даже пріѣзжаго путешественника, которому приходится испытывать ихъ въ первый разъ. На почтовомъ трактѣ въ Якутскъ я весело шелъ по дорогѣ въ простомъ полушубкѣ, кажется цѣлый часъ, впереди догонявшихъ меня саней, и мнѣ казалось, что

---

1) Ганстенъ (Reise-Erinnerungen aus Sibirien, стр. 14), хотя и Скандинавецъ, по-видимому, страдалъ легкими, потому что уже при не очень сильномъ морозѣ нуждался въ импровизованномъ респираторѣ. Онъ пишетъ: при такой низкой температурѣ нельзя дышать иначе, какъ держа передъ лицемъ медвѣжій мѣхъ и вдыхая такимъ образомъ воздухъ чрезъ медвѣжьи волоса; но и въ такомъ случаѣ нужно беречь дыханіе, чтобы не портить легкихъ.

2) Archiv, VIII, 1850, стр. 344.

3) Геденштрэмъ (Сиб. Вѣстн. III, стр. 62) сообщаетъ, что звукъ этотъ похожъ на то, какъ будто мнутъ сѣно; кромѣ того, говоритъ онъ, это трещаніе начинается при 38° мороза. Въ этомъ отношеніи онъ, кажется, не ошибается.

Но и свидѣтельства, относящіяся къ прошедшему столѣтію, уже давно не позволяютъ сомнѣваться въ этомъ явленіи. Сарычевъ (Путешествіе I, 1802, стр. 67), въ Январѣ 1787 года, при 43° моро̀за, въ Верхне-Колымскѣ сообщалъ слѣдующее: выходящій изо рта паръ немедленно превращается въ мельчайшія ледяныя частицы, которыя отъ тренія одной о другую, производятъ шумъ, похожій на легкое трещаніе. Зауеръ (Voyage traduit par Castéra I, 1802, p. 103) сообщаетъ тоже самое относительно той-же мѣстности уже въ Ноябрѣ предшествующаго года и сравниваетъ шумъ съ разрываніемъ толстой бумаги или ломаніемъ ивовыхъ прутьевъ.

Такихъ свидѣтельствъ можно бы было отыскать еще нѣсколько. Во всякомъ случаѣ самый фактъ не подлежитъ сомнѣнію.

меня обдаетъ свѣжее зимнее утро родины. Каково же было мое удивленіе, когда спутникъ мой догналъ меня и сообщилъ мнѣ, что спиртовой термометръ показываетъ небывалую новость въ году, т. е. 38° морозу по Р. Въ самомъ дѣлѣ, ртуть наша, отрекшись отъ своей подвижной натуры, превратилась въ ковкій металлъ. Я и не подозрѣвалъ, что температура такъ понизилась, потому что воздухъ былъ совершенно спокоенъ. Даже на равнинѣ, въ случаѣ крайней стужи, тотчасъ чувствуешь холодъ при малѣйшемъ притокѣ воздуха. При безвѣтренномъ морозѣ, достигавшемъ 40° Р. и болѣе, я впослѣдствіи, занимаясь выпавшею на мою долю колкою дровъ, каждый вечеръ снималъ съ себя полушубокъ, чтобы ускорить работу, довольствуясь рукавами рубашки. Не проходило, правда, 5 минутъ, какъ я опять надѣвалъ накинутый сверху волчій полушубокъ свой, но за тѣмъ, каждый разъ снова снималъ его, чтобы не вспотѣть. Часто, бывало, руки сначала окоченѣютъ до такой степени, что почти невозможно, кажется, держать топоръ, тѣмъ болѣе, что сотрясеніе при каждомъ ударѣ отдавалось чрезвычайно болѣзненно, но достаточно было напрячь всѣ силы и отнести претяжелый пень къ мѣсту привала, какъ уже наступала опасность подвергнуться испаринѣ.

Впрочемъ, при безвѣтренномъ морозѣ, доходящемъ до крайнихъ градусовъ стужи, опять является естественное, удерживающее тепло, приспособленіе, охранительный покровъ, заключающійся въ томъ, что дыханіе, какъ только оно прикасается къ воздуху, сплочивается въ густую туманную массу, благодѣтельная защита которой мнѣ постоянно напоминала согрѣвательныя качества вуалей нашихъ дамъ. Это туманное облако, при безвѣтренномъ морозѣ, окружаетъ отдыхающее стадо оленей такъ плотно и въ тоже время такъ неподвижно, что издали только по такому облаку, разстилающемуся непосредственно надъ снѣжною равниною, можно заключить о присутствіи стада. Если вы подойдете ближе, то даже тогда, когда вы уже сами охвачены таинственнымъ покровомъ, фигура каждаго животнаго еще не выдѣляется совершенно ясно. Не рѣдко минуешь уже передовые форпосты стада, а все еще подвигаешься впередъ, чтобы отыскать самое стадо.

Позади бѣгущаго животнаго, даже позади пролетающей птицы, нерѣдко тянется легкая туманная полоска. Слюна, которую выплевываешь, замерзаетъ прежде, чѣмъ успѣетъ упасть на землю.

Мы уже замѣтили, что мѣрило сильнѣйшихъ градусовъ мороза не заключается въ насъ самихъ, какъ я прежде полагалъ: если атмосфера охладилась уже на нѣсколько градусовъ ниже точки замерзанія ртути, то дальнѣйшее пониженіе температуры возможно постигнуть только посредствомъ наблюденія за упомянутыми измѣненіями въ окружающихъ васъ предметахъ. Въ дневникѣ моего путешествія отмѣчено слѣдующее: «Пока природа находится подъ гнетомъ сильнѣйшей стужи, путешественника окружаетъ что-то таинственное или, такъ сказать, нелегкое. Предвѣстниками этого чувства являются безвѣтріе и морозный туманъ» (мóрокъ). Палатка наша въ то время была поставлена въ первобытномъ лѣсу Становаго хребта. Безмолвная тишина, прерываемая только трещаніемъ, описаннымъ въ отдѣлѣ «Климата», очевидно наводитъ какую-то нервичность.

Разрѣшеніе вопроса, сносны ли для насъ самихъ эти крайніе градусы мороза, или почти невыносимы, скорѣе зависитъ отъ того состоянія, въ которомъ въ извѣстное время находится наше тѣло, отъ тѣхъ приспособленій, которыми оно окружено. При моихъ густыхъ волосахъ я никогда не надѣвалъ мѣховой шапки, а носилъ простую матросскую парусинную нордвестку, которую, конечно, каждый вечеръ приходилось освобождать отъ примерзшихъ къ ней волосъ. Ноги мои, покрытыя, правда, ихтіотически чешуйчатою кожею, въ двойныхъ шерстяныхъ чулкахъ и длинныхъ, полумягкихъ рыбачьихъ, не мѣховыхъ, сапогахъ, были достаточно защищены отъ мороза, коль скоро я не забывалъ отъ времени до времени соскакивать со своего оленя. Нерѣдко я снова долженъ былъ садиться и даже высовывать руки въ прорѣхи рукавовъ, чтобы не подвергаться испаринѣ. При достаточномъ движеніи, мы вскорѣ уже безъ чрезмѣрнаго затрудненія, даже въ самый сильный морозъ, могли подтягивать сѣдельную подпругу, смотрѣть на часы, распоряжаться пейль-компасомъ, или также спускать нижнее платье. Только однажды, я чуть-было не пришелъ въ отчаяніе, когда разстройство желудка принуждало меня повторять послѣднее занятіе едва-ли не черезъ каждую четверть часа. И такъ, суть дѣла состоитъ не въ закаленной отъ стужи натурѣ: человѣкъ южныхъ широтъ очень хорошо перенесетъ самую крайнюю стужу, если только онъ воспользуется всѣми тѣми небольшими выгодными условіями, которыя онъ вскорѣ, при внимательномъ разсмотрѣніи окружающихъ его предметовъ, научится чтить очень высоко. Вотъ почему въ Лифляндіи можно встрѣтить людей, искалѣченныхъ морозомъ, тогда какъ въ самыхъ суровыхъ мѣстностяхъ Сибири мнѣ не случалось видѣть такихъ калѣкъ. Даже во всѣхъ Сибирскихъ экспедиціяхъ, предпринимавшихся для новыхъ открытій, я только разъ встрѣтилъ случай пораженія антоновымъ огнемъ пальца у солдата, находившагося въ отрядѣ Харитона Лаптева.

При всемъ томъ и во внутреннихъ, развивающихъ тепло, процессахъ человѣческаго тѣла должны происходить значительныя измѣненія: это Сибирскій путешественникъ явно видитъ на закаленномъ отъ стужи положеніи Сибирскихъ туземцевъ. Хотя и не въ одинаковой степени, но все-таки на подобіе того, какъ въ степяхъ внутренней Африки туземцы то считаютъ необходимымъ закутываться отъ солнечнаго припека до крайняго кончика носа, то предоставляютъ дѣйствію его совершенно нагія тѣла, такъ нерѣдко, какъ мы уже замѣтили, васъ поражаетъ чрезвычайная закаленость Сибирскихъ туземцевъ отъ стужи. Невозможность отвергнуть этотъ фактъ заставила меня въ моемъ путевомъ донесеніи [1]) сказать нѣсколько словъ о приспособленіи развитія тепла. Правда, что Гумбольдтъ въ южной Америкѣ, при + 20° Р., не могъ спать отъ холода. Въ противоположность этому я могу указать на слѣдующій фактъ: когда мой вѣрный спутникъ Вагановъ и я, проживъ 7 зимнихъ мѣсяцевъ въ палаткѣ, наконецъ, при постоянной суровой зимней стужѣ, добрались до перваго топленнаго жилья при началѣ рѣки Амура, въ Усть-Стрѣлкѣ, то мы не могли выносить въ немъ даже въ рубашкѣ. Томительное

[1]) Beiträge zur Kenntniss des Russischen Reichs, IX, 1855. стр. 639.

чувство невыносимыхъ приливовъ крови заставило насъ разставить на дворѣ нашу любезную палатку. Въ ней — это было въ началѣ Января — мы спали, а въ жиломъ домѣ только занимались писаніемъ. Мало по малу мы привыкли оставаться въ послѣднемъ все дольше, не выходя наружу за свѣжимъ воздухомъ, и уже черезъ недѣлю могли убрать свою палатку.

Но упомянутому благополучному положенію моему, кажется, очень содѣйствовала значительная сухость воздуха на суровомъ континентальномъ горномъ хребтѣ; по крайней мѣрѣ въ дневникѣ моемъ прямо отмѣчено, что я уже больше не отмораживаю себѣ щекъ и носа, какъ въ Таймырскомъ краѣ, и что не страдаю болѣе ни отъ простуднаго разлива подъ надщечной кожей, ни отъ ознобообразной опухоли въ сочлененіяхъ пальцевъ. Въ Якутскѣ даже не слыхали о томъ, чтобы люди замерзали отъ холоду, хотя я встрѣчалъ инаго Якута, у котораго шея, да инаго Тунгуса, у котораго грудь, при откинутомъ нагрудникѣ, обнажалась и была предоставлена дѣйствію мороза.

Взглянемъ теперь на животныхъ и прежде всего припомнимъ приспособленіе, заключающееся въ охранительномъ жирномъ слоѣ, которымъ они запасаются къ осени. Для зимней спячки этотъ слой жира по-видимому такъ необходимъ, что тощіе бурые и бѣлые медвѣди, да другія животныя — такъ называемые шатуны — не могутъ отправиться на покой[1]). Не обинуясь, я приписываю это тому, что они зябнутъ, когда ложатся спать. Изъ осѣдлыхъ животныхъ ни одно не встрѣчаетъ зимы безъ такого слоя жира. Норвежцевъ до того поразила толщина жироваго слоя на спинѣ сѣверныхъ оленей, убитыхъ въ прошлое лѣто на сѣверныхъ прибрежьяхъ Новой Земли, что они привезли къ себѣ домой образцики этого жира. Такой-же толщины жиръ бываетъ на животныхъ и въ Таймырскомъ краѣ. Что въ состояніи сдѣлать здоровый запасъ жиру, это мы видимъ на китахъ, тюленяхъ и на нашихъ, потѣющихъ лѣтомъ, собратьяхъ-толстякахъ[2]).

Несравненно сложнѣе слоя сала и жира приспособленіе мѣха. Въ этомъ отношеніи представляется еще совершенно открытое поле для изысканій. Нельзя не удивляться разнообразію устройства мѣха. Привыкнувъ при драгоцѣнныхъ мѣхахъ Сибирскихъ животныхъ имѣть въ виду шелковисто-блестящіе верхніе волосы поверхъ густой пухообразной шерсти, въ Европѣ рѣдко знаютъ, что въ самой Сибири такіе мѣха почти вовсе не употребляются. Уже въ теченіи многихъ вѣковъ Средняя Азія и Европа скупаютъ ихъ за дорогія деньги. Эти драгоцѣнные мѣха, правда, отличаются своею легкостью, роскошною гибкостью, мягкостью и прочностью; но одни только мелкіе хищники, какъ-то: лисица, песецъ и соболь, да животныя, составляющія добычу послѣднихъ, т. е. заяцъ и бѣлка, которымъ приходится на легкѣ убѣгать отъ своихъ преслѣдователей, находятъ въ такихъ мѣхахъ защиту отъ сильной стужи. Мѣха, въ которые кутается Сибирякъ,

---

[1]) По словамъ Радде (стр. 85), Canis procyonoides также не ложится на покой, если не успѣлъ пожирѣть.

[2]) Въ отношеніи защиты отъ стужи я считаю не маловажнымъ доказанный уже фактъ, что у животныхъ холодныхъ странъ жиръ содержитъ меньше стеарину и больше элаину, чѣмъ жиръ, добытый въ болѣе теплыхъ странахъ (Dingler, Polytechn. Journ. 1848, стр. 159).

имѣютъ толстую шкуру, тяжелы и покрыты грубыми волосами, но обладаютъ тѣмъ преимуществомъ передъ тонковолосыми, что несравненно лучше защищаютъ отъ бурь, слякоти и дождей. Медвѣжьи шкуры слишкомъ тяжелы, волчьи все еще слишкомъ дороги, а потому приходится довольствоваться шкурами сѣверныхъ оленей и козуль. Всѣ они одинаково теплы, но все-таки, можетъ быть, хорошій, южно-европейскій бараній тулупъ былъ бы даже еще лучше ихъ.

Разсмотримъ шкуру сѣвернаго оленя по-ближе. На открытомъ воздухѣ она очевидно подвергается наибольшей пыткѣ, потому что хищные звѣри и мелкія пушныя животныя укрываются отъ вьюги, сѣверному же оленю не рѣдко приходится вести съ нею открытую борьбу. При всемъ томъ мнѣ ни разу не приходилось слышать, чтобы на плоской тундрѣ глубокаго сѣвера сѣверные олени гибли отъ вьюги на подобіе многихъ тысячъ стадъ, погибающихъ у южно-сибирскихъ кочевниковъ въ суровыя зимы. Самоѣды и собратья ихъ поступаютъ очень благоразумно, кутаясь въ шкуру сѣверныхъ оленей. Но шкура эта устроена совершенно иначе, чѣмъ шкура пушныхъ животныхъ: ее покрываютъ толстые волоса, которые болѣе чѣмъ въ десятеро толще волосъ пушныхъ животныхъ, лишены всякаго блеска, къ сожалѣнію очень ломки и въ такомъ незначительномъ количествѣ перемѣшаны съ пушистыми волосами, что послѣдніе служатъ лишь совершенно второстепеннымъ средствомъ для задержанія тепла. Упомянутая толщина и ломкость волосъ обусловливаютъ тутъ главнымъ образомъ способность шкуры удерживать тепло. Не смотря на свою толщину, волосы эти все-таки служатъ плохимъ проводникомъ тепла; ломки они потому, что, какъ показываетъ микроскопъ, плотно примыкающія другъ къ другу клѣточки входятъ въ самый составъ волосъ, такъ что стѣнки этихъ клѣточекъ съ виду образуютъ сѣтчатую поверхность. Такимъ образомъ, каждый отдѣльный волосъ оказывается приборомъ, который составленъ изъ вмѣстилищъ воздуха и на шкурѣ сѣвернаго оленя замѣняетъ воздушные, изолирующіе собственное тепло, слои, залегающіе между безчисленными тонкими волосами пушныхъ животныхъ и между пухомъ птицъ.

Съ другой стороны волосъ сѣвернаго оленя, съ своимъ сильно утончающимся къ низу или, лучше сказать, заостреннымъ корневымъ концемъ, такъ плотно сидитъ въ шкурѣ, что даже самый сильный, встрѣчный волосамъ, токъ воздуха въ состояніи сдѣлать въ нихъ не болѣе, какъ узенькое, клинообразное отверстіе и поразить кожу едва-ли на большемъ пространствѣ, чѣмъ уколъ иголкою. Устройству волосъ сѣв. оленя соотвѣтствуетъ, впрочемъ, устройство волосъ не только горныхъ животныхъ, каменнаго барана, аргали и мускуснаго животнаго, но и породы оленей и антилопъ. И такъ, не смотря на упомянутыя приспособленія, въ устройствѣ шкуры все-таки преобладаетъ типичное однообразіе. Вѣдь даже у песца, который равнодушнѣе всѣхъ относится къ зимней стужѣ, волосы устроены точно также, какъ у лисицъ теплыхъ климатовъ. Всѣ видоизмѣненія можно свести на минимонезначительныя различія въ тонкости, длинѣ и плотности расположенія остей и шерсти. Въ теченіи времени они получили правильную оцѣнку въ мѣховой торговлѣ, выражающуюся въ непомѣрныхъ съ виду разницахъ въ цѣнѣ пушныхъ товаровъ. Лягавый

пойнтеръ, котораго я возилъ съ собою, казался сѣвернымъ жителямъ такимъ безволосымъ существомъ, что мнѣ часто приходилось слышать выраженіе: «экій голый» [1])!

Въ этомъ отношеніи, какъ мы уже замѣтили, намъ необходимо еще произвести безконечное множество физическо-физіологическихъ наблюденій. Пока они не будутъ произведены, намъ нельзя будетъ понять, какимъ образомъ, при сильныхъ морозахъ, такія крошечныя существа, какъ корольки, синицы и крапивники, зимующіе подъ полярнымъ кругомъ, въ состояніи удерживать свое собственное тепло. Если даже мы воздадимъ должный почетъ удерживающимъ тепло качествамъ роскошнаго запаса перьевъ, то все-же пока еще нельзя понять, какимъ образомъ нѣжныя ножки этихъ крошечныхъ птицъ не коченѣютъ, не говорю уже о томъ, что не замерзаютъ. Будучи такъ тѣсно покрыты плотнымъ роговымъ слоемъ, что намъ кажутся почти голыми, эти чрезвычайно нѣжныя, раздѣленныя на нѣсколько частей, продолженія тѣла заключаютъ въ себѣ жилы, въ полую часть которыхъ едва можно просунуть тонкую иголку. Эти единственныя струйки жизненнаго тепла расходятся въ сѣтки тончайшихъ волосяныхъ трубочекъ, какъ будто бы дѣло шло объ устройствѣ охладительнаго прибора. Правда, что чѣмъ меньше животное, тѣмъ быстрѣе кровь совершаетъ свое обращеніе къ подготовляющимъ тепло легкимъ; правда, что ножки, о которыхъ мы говоримъ, находятся въ безпрерывномъ движеніи, а какъ скоро птичка захочетъ отдохнуть, такъ она присядаетъ и втягиваетъ ножки въ теплую взъерошенную пуховую шубу. Такимъ-же образомъ водныя птицы, зимующія въ южной Сибири въ нѣкоторыхъ, никогда не замерзающихъ, мѣстахъ (объ этомъ будетъ говорено ниже), прячутъ свои ноги по обѣ стороны тѣла подъ крыльями, коль скоро выходятъ изъ воды и располагаются на льду.

√ Всякому извѣстно, по собственному опыту, что сохранить собственное тепло гораздо труднѣе, когда тѣло покоится. Якуты уже давно успѣли подмѣтить, что если приходится ночевать при сильнѣйшемъ морозѣ подъ открытымъ небомъ или безъ особаго прикрытія, то необходимо затыкать не только ноздри, но и уши. Сдѣлавъ это, Якутъ ложится лицемъ въ снѣгъ, прикрывается собственною спиною и безъ дальнѣйшаго вреда впадаетъ въ глубокій сонъ утомленнаго.

Не перенялъ-ли онъ это у животнаго? Легко можетъ быть. У волка, въ особенности у Альпійскаго волка, у лисицы, песца, собаки, барса-ирбиса, манульской кошки, соболя, Сибирскаго хорька, горностая, бѣлки и т. д. длинный хвостъ, на которомъ волоса длиннѣе, чѣмъ на туловищѣ. Онъ не служитъ имъ ни рулемъ, ни подпорой, ни ухватомъ, ни закрутомъ, ни махалкой противъ насѣкомыхъ. При всемъ томъ это не безполезный

---

[1]) Длина зимняго волоса на тѣхъ Сибирскихъ животныхъ рѣдко превосходитъ 45 миллиметровъ. Только на нѣкоторыхъ частяхъ тѣла онъ достигаетъ большей длины, хотя нельзя отыскать связи съ цѣлью лучшей защиты отъ стужи. Такъ напр. мѣхъ на подгрудкѣ сѣв. оленя бываетъ въ 200 и даже въ 250 миллиметровъ длины. Такой-же длины достигаютъ волосы позади локтя бѣлаго медвѣдя. Брюшные волосы барса-ирбиса длиною въ 100 миллиметровъ; хвостовые волосы въ 60 миллим.

У Сибирскаго тигра волосы длиннѣе, чѣмъ у Бенгальскаго въ нашихъ звѣринцахъ; при всемъ томъ на зимней шкурѣ они не длиннѣе 25 миллим., а на хвосту въ 35, на брюхѣ въ 100 миллиметровъ.

значекъ, не пустое украшеніе, пушныхъ животныхъ холодныхъ странъ. Пушистый хвостъ, которымъ разновидность манджурскаго тигра главнымъ образомъ отличается отъ бенгальскаго, имѣетъ своего рода значеніе. По моему мнѣнію, на этотъ хвостъ нужно положительно смотрѣть, какъ на кусокъ мѣха, родъ муфты, которою эти животныя прикрываютъ себѣ лице и голову, когда они ложатся спать и свертываются въ клубокъ, чтобы какъ можно плотнѣе удержать собственное тепло. Птица достигаетъ того-же самого, пряча голову подъ крылья и какъ бы высиживая свои собственныя ноги. Для путешествующаго по полярнымъ странамъ такое толкованіе очень понятно. Какъ бы ужасна ни была стужа: за исключеніемъ легкаго озноба вы на открытомъ воздухѣ можете превосходно укрыться, если только для ночлега можете возить съ собою хорошій спальный мѣшокъ, т. е. родъ мѣховаго футляра, въ который вы залѣзаете по самую голову и, въ случаѣ нужды, прячете также и ее, чтобы пользоваться подогрѣтымъ воздухомъ вашей собственной атмосферы[1]). Полярному путешественнику, само собою разумѣется, необходимо при этомъ, не смотря на замерзшую ртуть, или совсѣмъ раздѣться или снять большую часть одежды, чтобы на снѣгѣ дать испариться влажности, перешедшей изъ тѣла въ платья. Отъ стужи защищаетъ только сухой мѣхъ.

Мнѣ могутъ замѣтить, что у бѣлаго и бураго медвѣдей, у полярнаго зайца, лемминга и сурка, встрѣчающагося еще у Нижнеколымска, только обрубки хвоста. Такъ, но вѣдь всѣ эти животныя, у которыхъ не хвостъ, а хвостикъ, укрываются въ пещерахъ. Да и тамъ зимнеспящія животныя, подобно медвѣдямъ [своими ступнеобразно раздвинутыми лапами], прикрываютъ прижатую къ груди морду свою. Бѣлые медвѣди, полярные зайцы и лемминги довольствуются снѣжными норами. Что имъ тамъ тепло, это доказываютъ намъ песцы, которые зимою выходятъ изъ своихъ зàмковъ, чтобы вездѣ, когда и гдѣ угодно, теплѣе устроиться въ мягкомъ снѣгу. Тоже самое доказываютъ намъ Эскимосы и Чукчи, устроивающіе себѣ изъ снѣга сводообразные пріюты, въ которыхъ температура воздуха, при свѣтѣ маленькаго жироваго свѣтильника, такъ высока, что обитатели ихъ лежатъ голыми въ сходящихся къ центру нишахъ общей пещеры. Тамъ они согрѣваются до такой степени, что, подобно посѣтителямъ сѣверныхъ паровыхъ бань, на короткое время смѣло выходятъ нагими вонъ, на зимнюю стужу. Рыхлый снѣгъ принадлежитъ къ самымъ дурнымъ проводникамъ тепла; жировой свѣтильникъ, окруженный снѣжнымъ сводомъ, становится согрѣвательнымъ каминомъ. Лишь въ по-

[1]) Что по-видимому невинныя перемѣны могутъ получить величайшее значеніе, это я самъ испыталъ на дѣлѣ; сообщаю этотъ случай въ видѣ предостереженія. Намъ удалось застрѣлить мускусную кабаргу, и затѣмъ мы проходили цѣлый день. Вечеромъ оказалось, что кабарга насквозь промерзла. Я дорожилъ шкурой и железой его, и потому, не успѣвъ оттаять ее за вечернимъ огнемъ, засунулъ ее, раздѣвшись, въ свой спальный мѣшокъ. На слѣдующее утро весь мой бокъ былъ неподвиженъ и холоденъ. Замерзшее чучело одержало верхъ надъ моимъ собственнымъ тепломъ. Ревматизмы свои, которые нѣсколько лѣтъ заставляли меня обращаться къ разнымъ минеральнымъ водамъ, я главнымъ образомъ долженъ приписать своему коварному однопостельнику.

Кстати замѣчу тутъ также, что въ Анаурской бухтѣ на Большомъ Шантарскомъ островѣ, мы послѣ обѣда легли спать въ травѣ, на морскомъ берегу, и проснулись съ распухшими лицами. Въ то время я принялъ это за ревматическую простуду. Теперь я вижу, что съ Козьминымъ случилось тоже самое, въ томъ-же мѣстѣ.

вѣйшее время наша техника дошла до того, что стала пользоваться дурною теплопроводностью стружекъ, мха и т. д., чтобы въ подобномъ-же родѣ отстранять напр. наружное тепло и, слѣдуя американской методѣ, удобно сохранять лѣтомъ запасы льду и развозить ихъ въ тропическія страны, или на оборотъ, нѣсколько часовъ сряду сохранять пищу въ горячемъ видѣ въ такъ называемыхъ Норвежскихъ ящикахъ, и пожалуй, безъ дальнѣйшаго употребленія огня, окончательно доваривать ее и т. п. Все это было слишкомъ просто, и потому до половины 19-го столѣтія не примѣнялось къ дѣлу, хотя природа, на каждомъ шагу указываетъ намъ, какими уловками пользоваться можно.

Полярный заяцъ или ждетъ, пока его замететъ снѣгъ, или прокапываетъ себѣ въ снѣгу ходъ въ сажень длины (подобіе того, но, въ видѣ исключенія, можно видѣть уже въ Лифляндіи), напоминая этимъ столь близко сроднаго ему кролика, прокапывающаго себѣ норы. Леммингъ, равно какъ прочія мыши и землеройки, даже устроиваютъ подъ снѣгомъ свое хозяйство. Какъ нашъ кротъ подъ землею, такъ они въ снѣгу роютъ себѣ длинные ходы и при этомъ иногда умудряются прокопаться до самой поверхности снѣга. Они погибаютъ, когда сбиваются съ пути на столько, что не могутъ отыскать отверстіе, ведущее въ аллеи ихъ подснѣжныхъ волшебныхъ садовъ. Сначала они такъ живо прыгаютъ по снѣжной поверхности, что ихъ трудно поймать, но вскорѣ они устаютъ и замерзаютъ, когда стужа велика и снѣгъ покрытъ ледяной корой. Немало такихъ заблудившихся мышей я укрылъ въ никогда не замерзающемъ пріютѣ моей спиртовой стклянки.

И такъ, подъ охраняющимъ снѣжнымъ покровомъ звѣрьки эти гораздо меньше подвержены стужѣ, чѣмъ обыкновенно полагаютъ, судя по мѣстному климату. Подобно рыбамъ, которыя на глубокомъ сѣверѣ, въ продолженіе всей зимы, также возятся на днѣ рѣкъ, озеръ и морей, упомянутые звѣрки спускаются въ охранительныя бездны снѣговаго покрова[1]).

---

[1]) Если Мартенъ въ своихъ чрезвычайно любопытныхъ наблюденіяхъ надъ снѣговою мышью (Arv. nivalis), обитательницею ближайшей къ снѣговому предѣлу полосы (отъ 7000′ даже до 12,800′ надъ уровнемъ моря), говоритъ (Annales des sc. natur. 1847, VIII, стр. 193), что она на зиму ни засыпаетъ, ни дѣлаетъ запасовъ, то мы находимъ, что въ этомъ отношеніи снѣговая мышь вполнѣ соотвѣтствуетъ леммингу, замѣщающему ее на глубокомъ сѣверѣ.

Но я никакъ не могу согласиться съ Мартеномъ, что ни снѣговая мышь, ни леммингъ не въ состояніи выносить пониженія окружающей ихъ температуры ниже точки замерзанія. Согласиться съ этимъ можно бы было только въ такомъ случаѣ, если бы рѣчь шла о спокойномъ пребываніи въ норѣ. Животныя, взятыя Мартеномъ для производства опытовъ, вѣроятно околѣли по какой-нибудь другой причинѣ.

Въ Таймырскомъ краѣ я встрѣтилъ необозримыя поля слѣдовъ, доказывавшія, что, не смотря на морозъ, большое стадо леммииговъ отправилось къ югу. Считаю нелишнимъ напомнить, что Россъ (Appendix to the second Voyage, 1835, Natur. Hist., стр. XIV) держалъ лемминга, который 18 дней жилъ на открытомъ воздухѣ при постоянной стужѣ въ 28° Р. и болѣе. Парри (Third Voyage, 1828, Append. p. 93] также видѣлъ среди зимы слѣды леммииговъ.

Увѣреніе Мартена, что снѣговая мышь, которая по Рютимейеру (Ueber die Herkunft ünserer Thierwelt, стр. 44) распространена по большей части Альпійской цѣпи, водится на снѣговой границѣ, потому что она болѣе страдаетъ отъ стужи, увѣреніе это не только похоже на парадоксъ, но и въ самомъ дѣлѣ парадоксъ. Впрочемъ наблюденія, производившіяся Мартеномъ въ Октябрѣ мѣсяцѣ на Фаульгорнѣ надъ температурою земной поверхности, какъ разъ происходили въ такое время года, когда температура ближе къ высшему, чѣмъ къ низшему своему предѣлу.

Несравненно труднѣе, чѣмъ упомянутой братьѣ большихъ и малыхъ снѣжныхъ троглодитовъ, теплый домъ которыхъ можетъ быть немедленно импровизованъ на любомъ мѣстѣ среди суровой зимы, гораздо труднѣе, говорю я, справляться немногочисленнымъ копателямъ земляныхъ пещеръ, живущимъ на сѣверѣ. Прежде всего мы вправѣ предположить съ величайшею достовѣрностью, что для млекопитающихъ животныхъ, зарывающихся въ землѣ, недоступна вся область ледяной почвы, нѣдра которой никогда не оттаиваютъ. Кому когда-либо приводилось возиться со вскалываніемъ промерзшей насквозь почвы, тотъ ни на одну минуту не задумается объявить, что пока почва мерзла, она не можетъ быть доступна для когтей землероющихъ животныхъ. Такимъ образомъ норы ихъ должны бы были проникать въ ледяную почву не глубже, чѣмъ лѣтніе солнечные лучи въ состояніи растопить поверхность ея. Мои изслѣдованія показали, что въ ледяной почвѣ Сибири, при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ, это дѣйствіе съ трудомъ простирается на 2 сажени отвѣсной глубины, а въ Нижнеколымскѣ едва-ли болѣе, чѣмъ на 1 сажень; обыкновенно же фута на два или на три, или еще меньше.

При всемъ томъ мы находимъ, что песецъ устроиваетъ свои норы на самомъ крайнемъ сѣверѣ, что водяная крыса заходитъ далеко въ область ледяной почвы: мы встрѣчаемъ даже сурка у Нижнеколымска, суслика у Якутска; даже птицы, какъ напр. морской попугай, уріи и стрижи, роютъ себѣ земляныя норы въ области ледяной почвы.

Если уже это обстоятельство довольно поразительно, то еще болѣе насъ поражаетъ сопоставленіе, которое мы встрѣчаемъ въ новѣйшихъ сочиненіяхъ. Въ нихъ увѣряютъ, что Европейскій сурокъ закапывается въ глубь на 6′, а Сибирскій сурокъ на 20′ [1]). По всей вѣроятности неправильно понятъ одинъ изъ подлинныхъ отчетовъ: должно быть отчетъ Палласа, а можетъ быть и мой собственный [2]). Уже 20 лѣтъ тому назадъ я предполагалъ, что у Палласа никакъ не могло быть рѣчи о 20′ глубины подъ поверхностью земли. Общепринятое мнѣніе, что европейскіе сурки, для избѣжанія мороза, прокапываются на такую глубину, которая внутреннею теплотою земли равномѣрно согрѣвается выше точки замерзанія, не можетъ имѣть никакого значенія для сурковъ сѣверо-восточной Сибири, потому что, по моимъ наблюденіямъ, такого слоя температуры тамъ можно достигнуть лишь на нѣсколько сотъ футовъ ниже промерзшей насквозь почвы.

На возбужденные мною по этому предмету вопросы [3]), уже два года спустя Радде

---

[1]) См. соч. Шмарды (Die geogr. Verbreitung der Thiere I, стр. 100) и Бергманна (Ueber die Wärmeökonomie der Thiere, 1848, p. 40). Это свѣдѣніе заимствовано у Прюнелля и получило всеобщее распространеніе, благодаря превосходному труду Баркова о зимней спячкѣ животныхъ.

[2]) Палласъ (Neue Nord. Beiträge, I, стр. 136) говоритъ, что въ Дауріи Мессершмидтъ встрѣтилъ нору тарбагана «глубиною болѣе 3 саженей».

Самъ я сообщилъ (см. Ч. I, стр. 116), что при устройствѣ Амгинской шахты, на глубинѣ около 20′ отрыты были кости Эверсманова суслика. Но противъ вывода вышеприведеннаго рода я долженъ положительно протестовать. По стѣнкамъ упомянутой шахты слои были наклонны и надъ костями, на глубинѣ 8′, найденъ слой чистѣйшаго льда (толщиною въ 3′ — 12′), чрезъ который суслики уже никакъ не прокопаются. Слѣдовательно въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ намывною почвою новѣйшаго времени. Подобнымъ-же образомъ при копаніи Мангановой шахты, на глубинѣ 15′—20′, напали на слой ясно замѣтнаго дерна (см. тамъ-же, стр. 115).

[3]) Mélanges biologiques de l'Acad. de St. Pétersbourg T. II, 1854, Oct. 20.

не преминулъ обратить вниманіе [1]). Въ южной Сибири онъ нашелъ нору сурка (по всей вѣроятности внѣ ледяной почвы), на глубинѣ 9 футовъ ниже поверхности земли, съ 21 футовою длиною ходовъ, которые впрочемъ иногда бываютъ, говорятъ, длиннѣе 40 футовъ. На югѣ Европейской Россіи суслики, нерѣдко устроиваютъ свои ходы только на 3 или на 4 фута въ глубину, въ болѣе или менѣе отвѣсномъ направленіи, а потомъ футовъ на 4 или на 5, почти паралельно земной поверхности [2]). Слѣдовательно, сообразно различію въ величинѣ тѣла, они довольствуются втрое меньшею глубиною и длиною своихъ норъ.

Если примѣрно взять окрестности Якутска или Нижнеколымска, то тамъ на глубинѣ 10 футовъ ниже поверхности земли, къ которымъ еще нужно прибавить нѣсколько футовъ снѣжнаго покрова, животное покоится въ такихъ слояхъ земли, температура которыхъ колеблется между — 5° до — 10° Р., слѣдовательно при несравненно худшихъ условіяхъ, чѣмъ въ Европѣ. Впрочемъ, мы вправѣ предположить, что и тамъ животное, на своемъ сѣнникѣ, отбываетъ зимнюю спячку все-таки еще при такой атмосферѣ, температура которой стоитъ выше точки замерзанія. При той необыкновенной тщательности, съ какою оно задѣлываетъ входъ къ своей норѣ посредствомъ все болѣе удлиняющейся къ веснѣ затычки (Радде напалъ на затычку въ слишкомъ 2 саж. длиною), животное положительно ставитъ себя въ условія, подобныя тѣмъ, которыя я привелъ выше, говоря о шалашахъ Эскимосовъ и Чукчей. Тунгусы справедливо замѣчали Радде, что въ такомъ зимнемъ логовищѣ больше тепла, чѣмъ у нихъ въ юртѣ. Въ послѣдней преобладаютъ другія условія, которыя можно сравнить примѣрно съ теплотою употребительныхъ въ Восточной Пруссіи перинъ, когда ротъ спящаго вдыхаетъ въ себя охладѣвшій до 10 градусовъ мороза воздухъ спальни.

Въ южной Сибири, почти на самомъ днѣ норы, Радде нашелъ + $2^3/_4$° Р. Это такая температура, на которую вѣроятно уже вліяла наружная стужа. Мы знаемъ, что въ Европѣ сурки отбываютъ зимнюю спячку свою въ норѣ при $3^3/_4$ до 5° Р. Почти при такой-же температурѣ они впадаютъ въ спячку. Впрочемъ это зависитъ, какъ извѣстно, еще отъ другихъ, весьма существенныхъ условій, такъ что бывали случаи, когда они отправлялись на покой уже при 12° Р. По-видимому это повторяется и въ Сибири. Убѣдительно предлагаю произвести тамъ точныя изслѣдованія и опыты по этой части. Вѣдь остается же для насъ еще доселѣ загадкой, какимъ образомъ животныя опять выбираются изъ своихъ плотно заткнутыхъ логовищъ. Трудно повѣрить, чтобы затычка, замерзающая въ одну плотную массу, весною уже могла опять растаять. Окружающая ее почва также не оттаиваетъ. Слѣдовательно, какъ поступаютъ животныя? Въ степяхъ Европейской

---

[1]) Bullet. phys.-math. de l'Acad. Imp. des Sc. de St.-Pétersb T. XV, № 20, и его Reisen im Süden von Nordsibirien, 1862, I, стр. 161.

[2]) Срав. рисунокъ Кипріанова, въ удостоенномъ преміи сочиненіи Черняева: Описаніе сусликовъ, 1857, стр. 17. Нельзя не пожелать, чтобы случаи изслѣдовать предметъ на свѣжихъ разрѣзахъ земли, представляющіеся чрезвычайно часто при производствѣ желѣзно-дорожныхъ работъ, вскорѣ доставили намъ болѣе обширныя свѣдѣнія.

Россіи, гдѣ почва глубоко не замерзаетъ, суслики изъ зимней норы своей прокапываютъ совершенно новый ходъ, чрезъ который и выходятъ изъ нея.

Что касается до тщательнаго затыканія входной трубы[1]), то я считаю нужнымъ обратить вниманіе еще на одно обстоятельство. По-видимому входъ къ глухому концу сурковой и сусликовой норы, съ самаго низу обыкновенно хотя слегка, но нерѣдко также довольно сильно, приподнимается кверху[2]). Это устройство, можетъ быть, предохраняетъ нору отъ промоканія, но въ тоже время положительно служитъ къ удержанію внутренняго, согрѣтаго животными, воздуха, который внизу задерживается холоднымъ, слѣдовательно и болѣе тяжелымъ воздухомъ трубы. Это напоминаетъ принципъ, вслѣдствіе котораго теперь такъ стали входить въ употребленіе герметическія печныя дверцы при колѣнчатой, изогнутой вверхъ и внизъ дымовой трубѣ. Принимая во вниманіе такую тщательную задѣлку входа, невольно приходится задать себѣ вопросъ: не дѣйствуетъ ли усыпительно развивающійся углеродъ и не усиливаетъ ли онъ летаргическій сонъ? Входныя галлерейки норъ устроены такъ, что заднею стороною обращены къ господствующимъ сѣверо-восточнымъ вѣтрамъ, а переднею — къ юго-западу.

Наконецъ нельзя оставить безъ вниманія еще и то обстоятельство, что сурки и суслики обыкновенно цѣлыми компаніями отправляются на покой. Сколько тепла удерживается такимъобразомъ, это доказываютъ намъ пчелы.

Зимнеспящія животныя, какъ извѣстно, пробуждаются при весеннемъ повышеніи температуры, обыкновенно въ одно время съ появленіемъ травы или пробужденіемъ насѣкомыхъ: ихъ пищи. Изъ перелетныхъ птицъ раннія гостьи давно уже успѣли прибыть, прежде чѣмъ зимнеспящія животныя выползаютъ изъ своихъ норъ. Притомъ возвращающееся лѣтнее тепло не сразу успѣетъ проникнуть въ тѣ погреба.

Но такому толкованію противорѣчатъ температурныя условія въ ледяной почвѣ Сибири. Обращаясь къ моимъ наблюденіямъ надъ температурою земли[3]), мы видимъ, что у Якутска, на той глубинѣ, на которой спятъ сурки и суслики, самая низкая температура этихъ слоевъ земли (примѣрно до —11° Р.) настаетъ лишь въ теченіе Апрѣля или Мая (нов. ст.), т. е. около времени ихъ пробужденія, тогда какъ около Декабря и Января въ этихъ слояхъ бываетъ наибольшее тепло. Слѣдовательно, осенью сурки и суслики уходящіе въ норки, когда средняя температура воздуха начинаетъ спускаться ниже точки замерзанія, прячутся въ своихъ логовищахъ, коль скоро въ окружающихъ слояхъ земли бываетъ около 7° холода. Потомъ въ нихъ опять становится теплѣе, а въ Январѣ снова настаютъ 7° холода, и за тѣмъ уже стужа значительно усиливается. Какъ разъ въ то время,

---

[1]) Разные виды улитокъ на зиму задѣлываютъ входъ къ своей раковинѣ посредствомъ крышки, а весною уходятъ еще дальше внутрь, за другую, болѣе тонкую покрышку. Не находится ли это обстоятельство въ связи съ тою выгодою, которую представляетъ заключающійся между обѣими крышками слой воздуха, дурно пропускающій тепло?

[2]) Срав. Кипріянова у Черняева въ указ. мѣстѣ. Около Екатеринослава глухая галлерея зимней норы отрытыхъ сусликовъ поднималась до 2 футовъ подъ поверхностью (Erman, Archiv, XII, 1835, стр. 279.

[3]) См. нѣмецкое изданіе этого сочин. ч. I, 1, стр. 134 и слѣд.

когда въ означенныхъ слояхъ земли холодъ достигаетъ высшей точки, или по крайней мѣрѣ недалекъ отъ нея, сурки и суслики вылѣзаютъ на воздухъ, средняя температура котораго потомъ быстро начинаетъ подыматься выше точки замерзанія. Уже 20 лѣтъ тому назадъ я писалъ: «Ради парадокса можно бы было увѣрять, что зимнеспящихъ пробуждаетъ не теплота, а напротивъ того, стужа». Въ настоящее время — я даже не считаю это болѣе парадоксомъ[1]), такъ какъ теперь полагаютъ, что упомянутыя животныя пробуждаются вслѣдствіе измѣненій температуры; притомъ какъ разъ къ веснѣ они теряютъ хорошую подкладку своей шубы, т. е. толстый слой жиру. Хотя южно-сибирскіе сурки въ Мартѣ и вылѣзаютъ изъ норъ, какъ говорятъ, еще очень жирными, но все-таки, не смотря на уменьшенное дыханіе, значительная доля жироваго запаса, должно быть, уже израсходована.

14-го Апрѣля нов. ст. я засталъ сусликовъ у Якутска еще въ зимней спячкѣ, но они уже легко просыпались. Можно предположить, что тамъ они выходятъ изъ норъ въ началѣ Мая, слѣдовательно мѣсяцомъ позже, чѣмъ въ степяхъ Европейской Россіи, правда подъ гораздо болѣе южными широтами[2]).

Въ это время, какъ мы замѣтили, температура воздуха находится около точки замерзанія, а при превосходной укупоркѣ норы нельзя и думать о томъ, что тепло быстро можетъ проникнуть въ глубину земли. Про Европу мы знаемъ, что въ ней зимнеспящія животныя могутъ бодрствовать вслѣдствіе сильной стужи и могутъ пробуждаться, чувствуя ознобъ; подобнымъ-же образомъ ихъ можно будить посредствомъ теплоты, голода,

---

[1]) Тѣмъ болѣе, что уже Марсильи на опытѣ убѣдился, что сурки пробуждаются при очень холодномъ воздухѣ, а по словамъ Валентина зимняя спячка не продолжается, если температура окружающихъ слоевъ ниже точки замерзанія (Moleschott, Untersuchungen zur Naturlehre etc. 136, p. 208).

[2]) Считаю не лишнимъ сообщить нѣсколько собранныхъ постепенно свѣдѣній о времени, когда суслики пробуждаются или отправляются на зимній покой. Время вездѣ показано поновому стилю.

- 70° с. ш. Сѣв. Америка; съ 24-го до 29-го Мая (кажется Sperm. Richardsonii, Rae, Expedit. to the shores, 1850, стр. 158).
- 55° с. ш. Приволжье (Уфа) 18-го Апрѣля (Pallas, Südl. Statthaltersch. I, стр. 70).
- 53½° с. ш. Приволжье (Самара), до половины Апрѣля (1768; Pallas, Reise I, стр. 148).
- 52° с. ш. Около Курска, въ началѣ Апрѣля (1851 г. Кипріяновъ въ указ. мѣстѣ).
- 50° с. ш. Около Харькова, въ половинѣ Марта (1850 г., Чернай, О фаунѣ Харьк. губ. стр. 16). Тамъ сказано: Къ концу Февраля бобакъ покидаетъ свои норы, а вскорѣ послѣ того также сусликъ и хомякъ).
- 49° с. ш. Около Царицына: 5 Марта (1774; Georgi, Reise, стр. 806). 18 Апрѣля (1850; Баумъ въ Журн. Мин. Госуд. Им. 1851, XXXIX, стр. 33).
- 49° с. ш. Въ Галиціи, въ началѣ Мая 1850 г.
- 46½° с. ш. Около Одессы въ Мартѣ (Nordmann, въ Annuaire météorologique par Kupffer, 1849, стр. 79 и пр. А именно 1842 г., 23 Марта; 1844 года, 5 Марта; 1845 года, 10 Марта; 1846 года, 7 Марта).
- 46½° с. ш. Около Одессы, къ концу Февраля (1853; необыкновенно рано. Nordmann, Demidof voyage).
- 67½° с. ш. Въ Сѣв. Америкѣ, въ концѣ Августа (1846, 1847 г. Rae, loc. cit. 52, 175).
- 52° с. ш. Около Курска, 19 Ноября (Кипріяновъ, loc. cit. 1848, со словъ Тарачкова, стр. 3).
- 49° с. ш. На Дону, 19 Октября (1769 г., Güldenstädt, Reise, p. 102; тушканчикъ, ежъ и черепаха уже въ зимней спячкѣ).
- 49° с. ш. Въ Галиціи, въ началѣ Сентября (Archiv f. Naturgesch. 1866, стр. 93, осенью 1850 года).
- 48⅓° с. ш. У Екатеринослава, въ началѣ Ноября (Erman, Archiv, XII, стр. 278).

*

шума, и т. п., причемъ пробужденіе сопровождается болѣе глубокимъ дыханіемъ и быстрымъ повышеніемъ собственнаго тепла. Но такъ какъ намъ также извѣстно, что сурокъ въ тепломъ комнатномъ воздухѣ впадаетъ въ зимній сонъ въ тоже самое время, когда ему подвергаются собратья его на открытомъ воздухѣ, то все-таки и въ этой области мы встрѣчаемъ еще недостаточно изслѣдованную побудительную силу, которая еще въ высшей степени проявляется въ вопросахъ, касающихся кочеванія животныхъ. Въ этомъ случаѣ очень много значитъ устройство организма извѣстной породы животныхъ; такъ напр. сурки чуть-ли не вездѣ пробуждаются раньше другихъ зимнеспящихъ животныхъ въ одной и той-же мѣстности, хотя лучше ихъ укупориваются и жирнѣе ихъ въ своихъ зимнихъ логовищахъ.

Во всякомъ случаѣ, одно изъ условій зимней спячки по-видимому составляетъ такая температура зимней норы, которая держится выше точки замерзанія [1]). Притомъ вѣдь зимнеспящія уже отправляются на покой при сравнительно тепломъ воздухѣ (+ 4° до 6°).

Хотя, такимъ образомъ, зимнеспящія составляютъ принадлежность не крайняго сѣвера, а болѣе умѣренныхъ широтъ, но все-таки отличительною особенностью крайняго сѣвера является з и м н я я д р е м о т а, сберегающая питаніе. Дѣло не доходитъ до полнаго летаргическаго сна, въ которомъ животное, будучи ущиплено, уколото или обожжено, хотя и подвергается движеніямъ рефлекса, но все-же не доходитъ до полнаго сознанія. Угрожающая жизни опасность въ состояніи вспугнуть зимнедремлющихъ. Впрочемъ настоящія зимнеспящія, прежде нежели впадаютъ въ летаргическій сонъ, по-видимому нѣсколько недѣль сряду находятся только въ з и м н е й д р е м о т ѣ. Послѣдняя имѣетъ нѣсколько степеней. Такъ напр. въ западной Европѣ согласны на счетъ того, что бурый медвѣдь не подверженъ настоящей зимней спячкѣ. Въ насъ, прибрежныхъ жителяхъ Финскаго залива, этотъ вопросъ также могъ бы возбудить мало сомнѣній. Но какъ скоро рѣчь заходитъ о самомъ ядрѣ стужи, тамъ гдѣ въ сѣверной Сибири медвѣдь проводитъ во снѣ даже болѣе половины года, тамъ гораздо труднѣе становится различать эти подраздѣленія. Чѣмъ ближе медвѣдь находится къ полярному предѣлу своего распространенія на континентальномъ востокѣ, тѣмъ болѣе и тѣмъ глубже онъ спитъ [2]). Можетъ быть, положеніе его сходно съ положеніемъ барсука, простирающагося не такъ далеко къ сѣверу, какъ медвѣдь: въ южной Германіи можно видѣть барсука еще въ умѣренную зимнюю погоду, тогда какъ въ

[1]) Въ этомъ отношеніи были бы чрезвычайно интересны подробныя извѣстія о способѣ зимованія самыхъ сѣверныхъ летучихъ мышей, которыя по этой части, кажется, составляютъ исключеніе, такъ какъ не прячутся въ норахъ. На К о л ы м и онѣ также простираются до полярнаго круга и вѣроятно вмѣстѣ съ тѣми видами, которые встрѣчаются въ Европѣ. Въ Сибири они, кажется, пробуждаются позднѣе другихъ зимнеспящихъ животныхъ. Въ Дауріи (Чикой, 50° с. ш.) онѣ проснулись 24-го Мая нов. ст. (S i e v e r s, Briefe, стр. 43), а въ Европ. Россіи подъ 54½° с. ш. уже въ началѣ Апрѣля. Ш р е н к ъ (Reisen und Forschungen, I, стр. 109) видѣлъ, какъ онѣ летали еще 12 Октября нов. ст. при движеніи льда на Аргуни, примѣрно подъ 53° с. ш. — Не улетаютъ-ли всѣ летучія мыши на зиму изъ сѣв. Сибири.?

[2]) Замѣчательно, что накопленный запасъ жира и питательнаго вещества не только достаточенъ для прокормленія животнаго въ теченіи бо́льшей половины года, но и къ вскормленію родившихся между тѣмъ дѣтенышей. Даже притупившіеся когти отростаютъ до такой степени, что медвѣди, добытые весною, считаются особенными украшеніями.

прибрежныхъ странахъ Финскаго залива онъ уже становится настоящимъ зимнеспящимъ животнымъ.

Во всякомъ случаѣ ошибочно приписывать бѣлому медвѣдю, въ противоположность бурому, зимнюю спячку [1]). Между бѣлыми медвѣдями, даже на глубокомъ сѣверѣ, какъ разъ и встрѣчаются тощіе медвѣди, и яловыя медвѣдицы, бродящіе цѣлую зиму, да притомъ такъ явно и такъ часто, какъ съ бурымъ медвѣдемъ этого никогда не бываетъ.

Интересный вопросъ, въ состояніи ли маленькія тѣла леммунговъ производить достаточное количество тепла для перенесенія зимняго сна, пока еще остается открытымъ. Считаю нужнымъ обратить на это вниманіе. Обыкновенная прожорливость леммунговъ, сопряженная съ неутомимою подвижностью, даетъ имъ возможность производить много тепла, да и собственное ихъ тепло, какъ извѣстно, нѣсколькими градусами выше собственнаго тепла человѣка. Но не наступаетъ ли къ срединѣ зимы періодъ отдыха? Въ ледяномъ ущельѣ Быррангскаго хребта, среди лѣта, найденъ мною L. torquatus въ состояніи, очень похожемъ на пробужденіе отъ летаргическаго сна. Позднею осенью они расплывались отъ жиру. Бѣлки [еще въ меньшей степени, т. е. около двухъ недѣль], а среди самой зимы и соболи предаются зимней дремотѣ. Но первыя тепло пристроены въ своемъ шарообразномъ гнѣздѣ, послѣднія въ дуплахъ.

Натаскиванія запасовъ на зиму я за леммингами не замѣтилъ, хотя пресловутые собиратели зимней пищи, которыхъ преизрядно эксплоатируютъ даже кочевники [напр. Arv. oeconomus, Arv. socialis, Arv. Brandtii, Arv. gregalis, Arv. amphibia [2]), пищухи и бурундуки], простираются далеко на сѣверъ. Сурки и суслики также отчасти принадлежатъ къ разряду предусмотрительныхъ по этой части животныхъ. Пользуются ли они этими запасами лишь весною, или уже осенью? Имѣя въ виду сильное пониженіе температуры ихъ въ продолженіе летаргическаго зимняго сна, мы вправѣ предположить, что для того, чтобы имѣть возможность переварить пищу, они должны почти совершенно пробуждаться, такъ какъ этотъ процессъ можетъ совершаться только при возвышенной температурѣ. При сильномъ уменьшеніи дыханія во время самого зимняго сна, вмѣстѣ съ тѣмъ и потребность въ питаніи доходитъ до самой малой степени. Слѣдовательно въ запасахъ нуждаются только животныя, дремлющія зимою, и такія зимнеспящія, которымъ приходится испытывать продолжительные переходные періоды.

Сравнивъ вѣсъ тѣла бѣлаго медвѣдя съ вѣсомъ тѣла лемминга, и принявъ въ соображеніе, что трудность сохраненія собственнаго тепла возрастаетъ въ одинаковой мѣрѣ, мы вправѣ предположить, что и подъ снѣгомъ, въ продолженіе всей зимы, леммингъ ведетъ такой-же образъ жизни, за какимъ я засталъ его (см. выше стр. 325) въ началѣ зимы. Впрочемъ, и въ этомъ отношеніи у насъ еще нѣтъ надлежащаго мѣрила. Положимъ, что крошечныя подуры, милліонами скачущія весною по снѣжной поверхности, появляются

---

1) Schmarda, loc. laud. I, p. 11.

2) Въ Норвегіи, гдѣ ее часто можно встрѣтить подъ 70° с. ш., равно какъ на сѣверѣ западной Сибири, она собираетъ запасы картофеля.

лишь тогда, когда снѣгъ уже ярко освѣщается солнцемъ, но все-таки странное насѣкомое, Chionea araneoides, примѣрно похожее на очень большаго, безкрылаго комара, я засталъ подъ полярнымъ кругомъ, у Туруханска, хотя и 17 Марта стар. ст., но при 8° мороза по Р. Оно быстро двигало своими длинными паукоподобными ногами, весело разгуливая по снѣгу при тускломъ небѣ и въ тѣни пихтоваго лѣса [1]). Тщетно я старался отыскать его на деревьяхъ. Какимъ образомъ сохраняется достаточное количество тепла въ такомъ крошечномъ животномъ? Неужели количество сгорѣвшаго въ немъ углерода необыкновенно велико? откуда оно беретъ его?

Кочеваніе.

Побудительная причина — недостатокъ въ пищѣ.

Съ ранней молодости мы привыкли слышать, что многія животныя мѣняютъ мѣста своего пребыванія и тѣмъ избѣгаютъ вліянія неблагопріятнаго времени года. Такое средство освобождаетъ эти животныя отъ цѣлаго ряда теплосберегательныхъ приспособленій и предостерегательныхъ мѣръ, о которыхъ мы выше говорили, но съ своей стороны заставляетъ предполагать хорошо устроенные органы движенія, главнымъ образомъ выпавшія именно на долю птицъ. Тѣмъ не менѣе процессъ линянія, заключающійся у млекопитающихъ въ перемѣнѣ шерсти, повторяется и у птицъ, въ видѣ перемѣны перьевъ. Хотя съ анатомической точки зрѣнія линяніе волосъ и перьевъ одно и тоже, все-таки изслѣдователь животной географіи нѣкоторымъ образомъ вправѣ разсматривать эти два явленія порознь въ двухъ совершенно различныхъ отдѣлахъ. Линяніе волосъ у млекопитающихъ преимущественно относится къ главѣ о сохраненіи тепла въ животныхъ, линяніе же перьевъ у перелетныхъ птицъ относится не столько сюда, сколько къ той главѣ, въ которой говорится о возстановленіи механически подержанныхъ (потертыхъ) внѣшнихъ частей тѣла. Линяніе перьевъ у перелетныхъ птицъ важно не потому, что птицамъ необходимо запастись болѣе легкою лѣтнею, или болѣе теплою зимнею одеждою, а главнымъ образомъ потому, что изношенная одежда утеряла способность летанія. Теперь намъ уже положительно извѣстно, что птицъ, да и вообще животныхъ, побуждаетъ кочевать не столько непосредственное вліяніе зимней стужи, сколько застой въ произрастаніи растеній и сковываніе водъ ледяною корою. Чтобъ не умереть съ голоду, бо̀льшая часть кочующихъ животныхъ должна удаляться задолго до наступленія холодной зимы. Вслѣдъ за ними, тоже по необходимости, тянутся хищники, которымъ они сами служатъ добычей.

Въ Сибири, этой странѣ противоположностей (особенно во всемъ, что̀ находится въ

[1]) Desoria glacialis встрѣчается миріадами въ глетчерѣ р. Ааръ и подъ каждымъ камнемъ среднихъ моренъ, который вы приподнимете. Но морозъ въ —18° Ц. убивалъ ихъ въ нѣсколько мгновеній. См. Collomb въ Comptes-rendus de l'Acad. de Paris, 1847.

связи съ климатомъ) кочеванiе животныхъ проявляется въ такихъ огромныхъ размѣрахъ, какiе внѣ Сибири, на всемъ земномъ шарѣ, можно встрѣтить только еще въ Сѣверной Америкѣ. Континентальный сѣверъ Сибири оказывается такою мѣстностью, гдѣ кочеванiе животныхъ можно видѣть въ самомъ полномъ развитiи. Не только высокая аристократiя свободныхъ обитателей воздуха предается въ Сибири удовольствiю странствовать, но и прикрѣпленныя къ глыбѣ млекопитающiя носятся съ мѣста на мѣсто, заботливо выполняя свою тягостную обязанность. Если мы хотимъ получить правильное понятiе обо всемъ этомъ, то намъ нельзя ограничиваться однимъ лишь разсмотрѣнiемъ перелета птицъ и странствованiя млекопитающихъ, а придется еще обратить особенное вниманiе и на рыбъ, которыя также большiя охотницы до странствованiй.

Во всякомъ случаѣ мы поступили бы слишкомъ односторонне, если бы кочеванiе животныхъ и въ особенности перелетныхъ птицъ, захотѣли главнымъ образомъ приписывать недостатку въ пищѣ, какъ это еще недавно сдѣлалъ проф. Петерсъ [1]), придерживаясь мнѣнiя Линнè.

Само собою разумѣется, что животное (отличающееся отъ растенiя тѣмъ, что должно отыскивать себѣ пищу) преимущественно прибѣгаетъ къ передвиженiю съ мѣста на мѣсто, чтобы отыскивать пищу и избѣгать недостатка въ пищѣ. Если поставить вопросъ такимъ образомъ, то всѣ животныя, безъ исключенiя, странствуютъ, то почти у всѣхъ животныхъ, а тѣмъ болѣе у птицъ, и въ особенности у хищныхъ птицъ, необходимо допустить ежедневныя перiодическiя странствованiя. Столь-же неопровержимо обстоятельство, что если вся пища съѣдена или истреблена суровымъ временемъ года, либо укрылась въ недоступныя мѣста или прикрыта глубокимъ слоемъ снѣга, то животное, которое питается этою пищею и не хочетъ умереть съ голоду, должно отыскивать ее въ болѣе отдаленныхъ мѣстахъ. Развивая эту мысль подробнѣе, мы встрѣчаемся съ временными передвиженiями (Streichen) животныхъ и должны согласиться, что они могутъ обратиться въ перiодическiя, и даже ежегодныя, странствованiя, если побудительныя причины перiодически измѣняются и возвращаются.

Но мы никакъ не вправѣ утверждать при каждомъ случаѣ, что причиною странствованiя служитъ недостатокъ въ пищѣ. Напротивъ того, намъ придется переставить предложенiе и формулировать мысль слѣдующимъ образомъ: съ прекращенiемъ пищи извѣстнаго животнаго на мѣстѣ его пребыванiя, оно не можетъ болѣе оставаться тамъ осѣдлымъ животнымъ.

Если же, какъ мы показали [2]), нѣкоторые индивидуумы, племена и расы иныхъ кочующихъ животныхъ глубокаго сѣвера въ состоянiи оставаться тамъ осѣдлыми, какъ напр. сѣверные олени, песцы, зайцы, бѣлыя куропатки, луни, то уже это доказываетъ, что бòльшая часть такихъ животныхъ кочуетъ ни вслѣдствiе холода, ни вслѣдствiе недостатка въ пищѣ. Приведемъ на выдержку примѣръ; если нашъ гуменникъ

---

[1]) Ueber das Wandern der Thiere, 1867, стр. 57, 66. [2]) См. эту часть, стр. 143.

въ состояніи провести зиму на прибрежьяхъ Фрисландіи, главныя же массы его все-таки улетаютъ на берега Средиземнаго моря, а нѣкоторые экземпляры залетаютъ даже въ Остъиндію, то побудительной причиной ихъ кочеваній уже очевидно не служитъ потребность въ пищѣ. Тоже самое должно замѣтить о Tr. canutus, который распространяется по всей сѣверной Африкѣ и достигаетъ Остъиндіи и даже 4-го градуса широты къ югу отъ Вестъиндіи.

И развѣ перелетныя птицы весною не проносятся мимо роскошно обставленныхъ трапезъ? Развѣ онѣ, по необходимости, иногда при перелетахъ своихъ не спускаются на землю и воды, а за тѣмъ, послѣ непродолжительнаго отдыха, не покидаютъ любимѣйшихъ своихъ лакомствъ? Онѣ улетаютъ на встрѣчу голоду и холоду, нерѣдко даже безразсудно на встрѣчу голодной смерти. Мы вскрываемъ желудокъ такихъ спѣшныхъ путниковъ и находимъ, что онъ либо пустъ [1]), либо набитъ, не пищею или остатками пищи, а однимъ только хрящевикомъ и пескомъ; часто онъ такъ тяжелъ, что вамъ невольно приходитъ мысль, не балластъ ли это, которымъ запасаются эти воздухоплаватели. Но въ какомъ бы видѣ птицы ни отправлялись въ свой весенній путь, т. е. довольно ли тучными, или исхудалыми: коль скоро вы застрѣлите ихъ во время самого перелета или вслѣдъ за прибытіемъ ихъ на мѣсто, вы непремѣнно найдете въ ихъ желудкѣ хрящевикъ и песокъ.

Такія птицы, которыя, заплывая отъ жира, тѣсно сомкнутыми стаями, отправлялись въ болѣе теплыя страны, обыкновенно тянулись безостановочно какъ разъ туда, откуда онѣ большею частію возвращались исхудалыми, съ значительнымъ недочетомъ и въ разбродъ. Уже въ моихъ «Isepiptesen» я обратилъ вниманіе (стр. 14) па то, что если птицѣ представится случай прозимовать гдѣ-нибудь поближе къ мѣсту своего рожденія, чѣмъ большей части соплеменницъ ея, то къ концу зимы и она тотчасъ-же готова тронуться въ путь, коль скоро погода позволяетъ себѣ несвоевременныя весеннія выходки, за которыми еще неизбѣжно должны послѣдовать строгія, зимнія непогоды. Мало того, что, прозимовавъ подъ слишкомъ сѣверной широтой, птица эта вдоволь натерпѣлась и горя и нужды: она еще отважнѣе начинаетъ сопротивляться климату.

Весною 1871 года, вслѣдствіе исключительно ранней весны, первыя перелетныя птицы прибыли въ Лифляндію, подъ $58\frac{1}{2}^\circ$ с. ш., уже 23-го Февраля стар. ст. Погода простояла хорошо почти цѣлый мѣсяцъ. Но 20-го Марта настала дурная погода и, за исключеніемъ нѣсколькихъ жаворонковъ, скворцовъ, пигалицъ и голубей, почти всѣ опять улетѣли и возвратились лишь 28-го Марта. Ясно, что въ такомъ видѣ эти животныя вовсе не домогаются бо̀льшаго количества пищи и болѣе роскошныхъ яствъ.

---

[1]) У хищныхъ птицъ, пролетающихъ надъ Босфоромъ, желудки такъ пусты, что Аллеонъ и Biò (Revue de Zoologie, 1869, p. 258) находили ихъ «pour ainsi dire atrophié». Большія хищныя птицы, не смотря на окружающую ихъ добычу, также участвующую въ перелетѣ, не дѣлаютъ, говорятъ, ни малѣйшей попытки добыть себѣ что-нибудь. Мелкіе хищники соблюдаютъ постъ не такъ строго, и на лету схватываютъ кое-что. Въ желудкѣ Falco subbuteo оказались одни только перепелы, т. е. спутники его.

И развѣ на глубокомъ сѣверѣ, даже среди самого лѣта, такая необычайно роскошная пища, что ее можно считать причиной влеченія къ сѣверу?

Я изслѣдовалъ первыхъ прилетныхъ птицъ въ Таймырскомъ краѣ, бѣлыхъ куропатокъ и подорожниковъ. Къ моему удивленію онѣ были жирны, иногда даже очень жирны, что составляло странную противоположность къ безотрадной пустынности покрытыхъ снѣгомъ тундръ. Не смотря на это, у всѣхъ только-что прибывшихъ птицъ желудокъ былъ пустъ, или набитъ однимъ пескомъ. Тѣ же птицы, которыя уже успѣли отдохнуть цѣлый день, наполнили себѣ желудокъ ивовыми сережками (у бѣлыхъ куропатокъ), а еще болѣе листьями и плодами прошлогоднихъ сухоребрицъ (Draba), дріадъ, саксифрагъ и т. д. Указанная нами (въ главѣ о растительности Сибири) особенность глубокаго сѣвера, заключающаяся въ томъ, что растенія, отчасти въ полномъ цвѣтѣ, либо съ плодами различной степени зрѣлости, какъ бы за-живо, въ полной свѣжести, заносятся снѣгомъ, и такимъ образомъ хорошо сохраняются зимою, а весною снова появляются на свѣтъ въ видѣ консервовъ, вкусныхъ ягодъ и прекраснѣйшаго корма, особенность эта, конечно, даетъ понятіе о ихъ необыкновенной питательности.

Гуси по-видимому также придерживались этихъ консервовъ, пока не явилась свѣжая трава. Во время осенняго своего перелета, они рядомъ съ тиркушками, на болотахъ и вершинахъ южныхъ прибрежій Охотскаго моря, блаженствовали среди необъятнаго множества ягодъ, которыми изобилуетъ природа сѣвера, какъ то: клюквы, черники, брусники, морошки и т. д.

А насѣкомоядныя птицы? Тутъ уже нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что съ щедро обставленной трапезы южныхъ широтъ онѣ улетаютъ въ самыя скудныя полосы глубокаго сѣвера, все далѣе и далѣе, туда, куда пробираются сѣверный олень и человѣкъ до тѣхъ поръ, пока не оставятъ за собою несносныхъ роевъ преслѣдующего ихъ овода. Только въ лужахъ часто встрѣчается множество мелкихъ ракообразныхъ животныхъ и личинъ. Уже 4-го Іюня я нашелъ у Limosa rufa (uropygialis) и Larus Sabinii желудокъ туго набитымъ личинками (кажется двукрылаго насѣкомаго).

Явному раздолью предаются на глубокомъ сѣверѣ только хищники и всеядныя животныя: песцы, соколы, сарычи, вороны, поморники, чайки. Но на дальнемъ сѣверѣ положительно-хищныя животныя обращаются во всеядныя; такъ напр. лунь даже ловитъ рыбъ и ѣстъ падаль.

Когда нарождается много лемминговъ, то хищники положительно не знаютъ, куда дѣваться съ ними и убиваютъ больше, чѣмъ въ состояніи съѣсть, очевидно ради любви къ дѣлу. Акад. Бэръ несправедливо хотѣлъ отвергнуть этотъ фактъ [1]). Даже животное способно, подобно человѣку, губить и истреблять другихъ ни за что, ни про что. Такъ поступаютъ вороны съ леммингами, отказавшись уже ѣсть что-либо другое, кромѣ своихъ любимыхъ кусочковъ: легкихъ, сердца и печени. Тоже самое мнѣ привелось видѣть на бе-

[1]) Срав. мое изслѣдованіе въ Beiträge zur Kenntniss des Russ. Reiches, 1843, VIII, стр. 203.

регу Охотскаго моря. Когда несмѣтныя стаи лоха Кета начинаютъ пробираться вверхъ по горнымъ рѣкамъ, то собаки и медвѣди вскорѣ доходятъ до того, что ѣдятъ только хрящеватыя, жирныя головы этихъ лоховъ, а остальнаго не трогаютъ [1]), въ заключеніе же, хотя и совершенно сытые, все-таки хватаютъ рыбу за рыбой, бросая добычу свою нетронутою на берегъ. Эта страсть губить другихъ очевидно содѣйствуетъ быстрому прекращенію слишкомъ сильнаго размноженія нѣкоторыхъ животныхъ. Такъ и розовые скворцы, очевидно изъ любви къ дѣлу, губятъ несравненно больше саранчи, чѣмъ они въ состояніи съѣсть [2]).

Въ желудкѣ поморника я нашелъ проглоченнаго цѣликомъ лемминга, такъ что трудно было понять, какимъ образомъ ему удалось проглотить его. Эти поморники самые наглые хищники глубокаго сѣвера: они высматриваютъ гнѣзда и съѣдаютъ яйца, вопреки пуху, которымъ послѣднія тщательно прикрыты; не смотря на отчаянное сопротивленіе матерей, они крадутъ у нихъ изъ гнѣзда птенцовъ, посягаютъ и на взрослыхъ животныхъ небольшихъ породъ [3]), ловятъ подстрѣленныхъ птицъ въ виду охотниковъ, хватаютъ пойманныхъ птицъ изъ сѣтей, убираютъ потрохи прежде, чѣмъ ихъ выбрасываютъ, и т. п.

Большія чайки (въ особенности Lar. argentatus) едва-ли уступаютъ поморникамъ въ опасности, которой они подвергаютъ птичьи гнѣзда. Притомъ содержаніе чаекъ и поморниковъ обезпечено, кажется, еще болѣе тѣмъ, что они отыскиваютъ себѣ добычу на чрезвычайно обширныхъ протяженіяхъ. Lestr. Buffonii до такой степени надоѣла мнѣ своимъ воровствомъ, что я рѣшился истребить двѣ пары, которыя подмѣтилъ возлѣ палатки. Но въ теченіи пяти дней въ Іюлѣ мѣсяцѣ я убилъ 16 штукъ; за тѣмъ насталъ день, въ который ни одной не было видно; потомъ я опять возлѣ палатки убилъ 9 штукъ и казалось, что имъ конца не будетъ. Къ сожалѣнію мы сняли палатку и отправились въ дальнѣйшій путь. — Это ворóны глубокаго сѣвера.

Вóроны простираютъ свои поиски еще дальше; очевидно они чуютъ въ воздухѣ кровавый запахъ недавно зарѣзанныхъ или павшихъ сѣверныхъ оленей, на почти невѣроятныя разстоянія, иногда на пространство нѣсколькихъ дней ѣзды. Подобный случай, упомянутый мною въ «Isepiptesen» (стр. 4), мнѣ привелось видѣть самому 20 Октября, среди безжизненной и безвороньей лѣсной глуши Становаго хребта. Охота ихъ парить на значительной высотѣ по-видимому находится какъ-разъ въ связи съ поднимающимися кверху теченіями воздуха.

Если мы спросимъ, что̀ же даетъ возможность хищнымъ и всеяднымъ животнымъ

[1]) Также на сѣверо-западномъ берегу Америки (Лисянскій, II, стр. 69).

[2]) Журн. Мин. Вн. Дѣлъ за 1848 годъ, Августъ.

[3]) Возлѣ самой палатки моей свили гнѣздо два подорожника. Однажды я слышу, какъ мой любезный придворный пѣвчій отчаянно пищитъ, выскакиваю изъ палатки и вижу, что покачиваніемъ то въ ту, то въ другую сторону старается спастись отъ поморника, котораго не смутили ни мой крикъ, ни брошенные въ него камни. Когда ружье мое убило разбойника, то и маленькій пѣвецъ свалился возлѣ меня на землю, съ широко-раскрытымъ клювомъ, едва дыша и неспособный отдѣлаться отъ моихъ ласокъ.

предаваться такой неумѣренности, то само собою является отвѣтъ, что это можетъ происходить только на счетъ и въ ущербъ беззащитной части населенія. Скопляясь на глубокомъ сѣверѣ, перелетныя птицы отбиваютъ только другъ у друга кормъ въ мѣстахъ питанія, вмѣсто того, чтобы отыскивать себѣ, какъ полагаютъ, болѣе обильную пищу. Скучиваясь въ одномъ мѣстѣ, но не пріобрѣтая этимъ больше безопасности, напр. для общей защиты противъ нападеній хищниковъ, онѣ только облегчаютъ послѣднимъ возможность истреблять ихъ, вмѣсто того, чтобы столь опасными путешествіями въ дальнія страны добыть себѣ спокойствіе и благоденствіе.

Подобно многимъ другимъ, я отправился въ сѣверную глушь съ тою надеждою, что на каждомъ шагу первобытная природа поразитъ меня своимъ изобиліемъ. Но я встрѣтилъ совершенно иное. На 4-ой страницѣ этой части я упомянулъ о противоположности между сборными пунктами животныхъ и пустынями. Мѣстами, равно какъ и временно, вода и суша либо совершенно пустынны и мертвы, либо преисполнены жизни. Не только зимою все пустѣетъ [1]), но и лѣтомъ большая часть тундры представляетъ вымершую пустыню, напоминающую нѣсколько, иные безжизненные и безконечные моховики среднихъ широтъ, мертвая тишина которыхъ лишь изрѣдка прерывается однообразнымъ свистомъ семендюхи.

«Тундра мертва и пуста; пуста до того, что можно умереть съ голода», записано мною въ дневникѣ еще въ Маѣ; «ничего, кромѣ нѣсколькихъ бѣлыхъ куропатокъ, да двухъ-трехъ подорожниковъ; кое-гдѣ слѣды песца и волка. Ружье отдыхаетъ».

Мы расположились на берегу р. Таймыра, подъ $73\frac{3}{4}^{\circ}$ с. ш. Тутъ-то наконецъ 2-го (14-го) Іюня появились кое-какіе признаки жизни. На томъ-же самомъ мѣстѣ и всего двумя днями позднѣе, вокругъ нашей палатки раздавались крикъ, гамъ, прыганіе и жужжанье, какого я въ жизни своей нигдѣ еще ни видалъ, ни слыхалъ [2]). Весеннія гостьи, перелетныя птицы, застигнутыя сильнымъ противнымъ вѣтромъ, подобно намъ, принуждены были отдыхать. Но въ тотъ-же день, послѣ полудня, когда сѣверо-восточный вѣтеръ по-видимому сталъ стихать, вдругъ все опустѣло, какъ будто все было выметено. На слѣдующій же день, 5 (17-го) Іюня, вокругъ насъ опять загудѣлъ прежній адскій шумъ, продолжавшійся почти 8 дней. Между тѣмъ большая часть прибывшихъ гостей отправилась дальше; оставшіеся — безъ большихъ приготовленій выбрали себѣ гнѣзда и, на

[1]) Въ первыхъ главахъ моего путеваго дневника, когда я находился между средними широтами (отъ 53° до 56° с. ш)., я встрѣчаю жалобу за жалобой. Такъ напр. въ Январѣ, въ Ишимской степи отмѣчено: «Нѣсколько дней сряду невыразимо мертвая степь. Никакого слѣда, не видно, даже ни ворона, ни вороны. Изрѣдка лишь кое-гдѣ слѣдъ зайца или ряда куропатокъ. Близь деревень сорока, ястребъ, подорожники». Или въ Барабѣ, въ концѣ Января: «Ни одной живой души, никакого слѣда. Подорожники и сороки; послѣднихъ безчисленное множество, чѣмъ ближе къ Барнаулу». Или по дорогѣ изъ Барнаула въ Красноярскъ: «Таже ужасная безжизненность, какъ и доселѣ. Лишь нѣсколько вороновъ и воронъ въ городахъ и деревняхъ». Отъ Красноярска пришлось ѣхать внизъ по Енисею. «Все таже мертвая тишина; ни одной тетерки; на тундрѣ кое-гдѣ нѣсколько стай бѣлыхъ куропатокъ; toujours perdrix». — Въ томъ-же родѣ дѣло шло все дальше и дальше.

[2]) Со времени краснорѣчивыхъ описаній Бэромъ прибытія его на Новую Землю, глубокій сѣверъ пріобрѣлъ славу торжественнаго безмолвія. Сравн. напр. Schmarda, Die geographische Verbreitung der Thiere, 1853, II, стр. 227.

*

сколько возможно тихо и уединенно, занялись высиживаніемъ птенцовъ. Во время нашихъ странствованій по тундрѣ въ половинѣ Іюня, не смотря на нашу лягавую собаку, изъ всей прежней массы появлялись только кое-гдѣ кривоноски (Tr. subarquata, красногрудка), Темминковы тиркушки, тавыты (Limosa rufa) и болотныя семендюхи, которыя старались отвлечь и охотника и собаку; пролетало нѣсколько поморниковъ и чаекъ, высматривая мѣстность, или смѣло натыкаясь на охотника и собаку; изрѣдка неуклюже взлѣталъ токующій самецъ бѣлой куропатки; мѣстами лунь тихохонько подстерегала леммինговъ или мелкихъ птицъ.

Хотя въ этихъ безконечныхъ пустыняхъ одиночество уже не чувствовалось болѣе такъ сильно, какъ прежде, но все-таки, даже во второй половинѣ Іюля (подъ $74^1/_2°$ с. ш.), я встрѣчаю въ своемъ дневникѣ прежнюю жалобу: «Тундра до невѣроятія безжизненна; только въ такихъ мѣстахъ, гдѣ чайки и веселые плавунчики высиживаютъ птенцовъ своихъ, замѣтна жизнь, лишь изрѣдка вспыхивающая оттого, что охотникъ натыкается на стаю линяющихъ гусей. Кое-гдѣ слышенъ крикъ песца, но изрѣдка».

Наконецъ, въ послѣднихъ числахъ Іюля и въ началѣ Августа, тундра снова ожила: птицы, высидѣвшія птенцовъ, стали собираться въ дальнѣйшій путь. Хищники блаженствовали. Но уже 9-го Августа степь очень опустѣла; 16-го числа убрались всѣ голенастыя. Съ подорожниками и бѣлыми куропатками въ началѣ Сентября исчезли послѣднія птицы, оставивъ насъ одинокими среди мертвой тишины пустыни.

И такъ жизнь проявлялась тамъ замѣтнымъ образомъ только въ продолженіе двухъ недѣль; лишь въ теченіе трехъ мѣсяцевъ можно было утѣшать себя сознаніемъ, что жизнь должна отыскаться, если только тщательно поискать ее. И по возвращеніи въ лѣса полярнаго круга у Туруханска, въ концѣ Декабря я цѣлый день бродилъ съ ружьемъ, но кромѣ двухъ-трехъ вороновъ и нѣсколькихъ чечетокъ не встрѣтилъ ни единаго живаго существа.

Въ то время я утѣшалъ себя надеждою на болѣе южныя широты, въ которыхъ долженъ былъ провести вторую часть моего путешествія, по южнымъ берегамъ Охотскаго моря и въ Амурскомъ краѣ. Но и тамъ мѣстность оживилась не ранѣе, какъ въ началѣ Іюня, когда мы дошли до долины р. Уди, подъ 55° с. ш. Впрочемъ тутъ жизнь проявлялась едва-ли болѣе, чѣмъ въ Европѣ подъ средними широтами. Когда опять настала зима и мнѣ пришлось бродить по Амурскому краю подъ 50° с. ш., то лѣса, на самомъ большомъ своемъ протяженіи, до того были пусты, что нѣсколько дней сряду я не встрѣчалъ ни единаго слѣда. «Непонятно, невыразимо пусто!» отмѣчено у меня въ дневникѣ. Цѣлыя недѣли не было даже видно ни одной тетерки.

Какія огромныя массы растительной пищи и какъ мало животныхъ, которымъ суждено питаться ею! Обращаясь къ извѣстіямъ путешественниковъ, посѣтившихъ тропическія страны, напр. Бурмейстера, Кастельно и др., мы узнаемъ, что и тамъ бо̀льшая часть первобытныхъ лѣсовъ, столь богатыхъ питательными средствами, оказывается безжизненной, какъ бы пустынной. Наклонность жить сообща побуждаетъ живот-

ныхъ, какъ на глубокомъ сѣверѣ, такъ и подъ экваторомъ, скопляться въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, такъ что въ общемъ цѣломъ животная жизнь съ виду обильнѣе, чѣмъ на самомъ дѣлѣ.

По-видимому рыбы также едва-ли отыскиваютъ себѣ лучшiя условiя для питанiя, предпринимая свои дальнiя странствованiя вверхъ по рѣкамъ. Въ нѣкоторыхъ заводяхъ верхняго теченiя горныхъ потоковъ лохи Кета до такой степени были скучены и до того изголодались, что откусывали другъ другу хвосты. Въ р. Таймырѣ, у муксуновъ, которые въ Сентябрѣ безчисленными стаями плывутъ внизъ по рѣкѣ, кишки постоянно были только наполнены проглоченной рыбьей икрой, которую я притомъ долженъ былъ признать за икру того-же муксуна. Но замѣчательно, что въ громадныхъ налимахъ, которые были пойманы вмѣстѣ съ этими муксунами и отличались своимъ безобразно-толстымъ брюхомъ, найдено было въ каждомъ отъ 10 до 20 и болѣе ряпушекъ (Albula), въ пядень длиною, но вовсе не было рыбьей икры. Эти налимы плыли на встрѣчу муксунамъ, изъ моря вверхъ по рѣкѣ, слѣдовательно на встрѣчу голоду.

Вышеприведенныя замѣтки дадутъ, надѣюсь, возможность понять, что хотя первобытныя пустыни глубокаго сѣвера и содержатъ достаточное количество пищи, чтобы своихъ лѣтнихъ гостей отпустить въ благообразномъ видѣ, но пища эта все-таки не всегда и не вездѣ дается слишкомъ легко, и многимъ изъ беззаботныхъ сѣверныхъ гостей въ мѣстахъ высиживанiя птенцовъ приходится бороться съ такими опасностями, которыя во стократъ хуже, чѣмъ подъ менѣе сѣверными, или даже подъ средними широтами Европы.

Но не только въ средней или южной Европѣ, въ средней или южной Азiи, нѣтъ: даже въ сѣверной Африкѣ птицы, любительницы странствованiй, еще не находятъ себѣ покоя. Даже домашнiя и трубныя ласточки, живущiя въ Сахарѣ, въ концѣ Ноября улетаютъ оттуда и возвращаются лишь въ Февралѣ. Осѣдлыхъ остается такъ мало, что ихъ принимаютъ за молодыхъ и болѣе слабыхъ птицъ, и на каждую лѣтнюю ласточку Арабы насчитываютъ 20 зимнихъ. Въ началѣ Февраля послѣднiя возвращаются домой [1]) изъ болѣе южныхъ странъ въ одно время съ тѣми ласточками, которыя летали на сѣверъ.

Какъ бы велико ни было значенiе, которое мы станемъ придавать влiянiю временнаго недостатка въ пищѣ на кочеванiе животныхъ, все-таки очевидно, что недостатокъ въ пищѣ никакъ нельзя считать единственною причиною, не какихъ-нибудь временныхъ переходовъ животныхъ и тому подобнаго, но удивительныхъ типическихъ странствованiй за 25 и за 30 градусовъ широты; не говорю уже о томъ, чтобъ этимъ можно было объяснить связанныя съ ними непонятныя явленiя. Кромѣ того, ниже мы подробно будемъ говорить еще о случайныхъ странствованiяхъ и о кочеванiи до-смерти, которыя также нельзя приписывать недостатку въ пищѣ.

---

[1]) Tristram, The Sahara.

Пытаясь отыскать основную причину кочеваго влеченія, мы прежде всего для различныхъ случаевъ можемъ найти различныя побужденія.

Одна изъ причинъ кочеванія — измѣненіе температуры.

Въ новѣйшее время непосредственное вліяніе осенней и зимней стужи на птицъ перестали считать основною причиною кочеванія. Послѣ всего сказаннаго на стр. 332 становится также ясно какъ ошибоченъ конечный выводъ, будто бы птицы потому болѣе всего должны страдать отъ измѣненій температуры, что онѣ обладаютъ наибольшимъ количествомъ собственнаго тепла [1]). Между косвенными послѣдствіями измѣненій въ температурѣ, недостатокъ въ пищѣ, конечно имѣлъ бы самое большое значеніе. Но такъ какъ мы видѣли, что и онъ не можетъ служить достаточнымъ поводомъ, то между кочеваніемъ и метеорологическими явленіями намъ едва-ли удастся отыскать такую тѣсную связь, какую надѣялся найти Эрманъ, увѣряя, что время прибытія нѣкоторыхъ перелетныхъ птицъ непосредственно связано съ извѣстною дневною температурою на мѣстѣ прибытія. Такъ напр. (говоритъ онъ) въ различныхъ мѣстностяхъ древняго материка домашняя ласточка появляется при средней дневной температурѣ въ 7° Р. Эрманъ даже неоднократно увѣрялъ, что это происходитъ съ замѣчательною регулярностью, такъ какъ въ день прибытія домашней ласточки, начиная отъ Атлантическихъ береговъ Европы до Охотскаго моря, температура колеблется не болѣе какъ между 6°,3 и 8° Р. Мнѣніе это опровергнуто мною уже 20 лѣтъ тому назадъ [2]). Въ моихъ «Isepiptesen» (стр. 141) я еще подробнѣе развилъ свое опроверженіе. Такимъ образомъ прилетающая ласточка никакъ не термометръ, постоянно вѣрно указывающій на приблизительно 7° Р., а очень неточный термоскопъ, который по меньшей мѣрѣ заставляетъ насъ отгадывать температуру между 2° и 12°. Слѣдовалельно передовая линія ласточекъ, устремляющихся надъ земнымъ шаромъ къ сѣверу, значительно можетъ уклоняться отъ направленія дневной изотермы для 7° Р.

Вѣдь само собою разумѣется, что если уже періоды растительности, напр. появленіе листьевъ и цвѣтовъ на растеніяхъ, весьма неточно согласуются съ соотвѣтственными въ ту минуту температурами, то еще въ гораздо большей степени это должно случаться съ прилетающими перелетными птицами. Помимо климатическихъ условій, кочеваніе ихъ зависитъ отъ самыхъ разнородныхъ обстоятельствъ и отъ непонятныхъ для насъ, внутреннихъ побужденій. Коль скоро температура оказываетъ существенное вліяніе на кочеваніе животныхъ, то, въ строгомъ смыслѣ, можетъ быть рѣчь только о температурахъ тѣхъ мѣстнотей, **откуда**, а не тѣхъ мѣстностей, **куда** тянутся

---

[1]) Serres въ Naturk. Verhandelingen van de Holl. Maatschap. der Wetenschappen, 1842, II, стр. 58.

[2]) Mélanges biologiques de l'Acad. de St.-Pétersb. II, стр. 200. Срав. также примѣч. къ 50-й страницѣ этого изслѣдованія.

путники или куда они только-что успѣли прибыть. Состояніе организмовъ ихъ не можетъ зависѣть только отъ той температуры, которая ихъ окружаетъ въ данный моментъ, а объусловливается, напротивъ того, тѣмъ, что̀ предшествовало кочеванію.

Съ этой точки зрѣнія, слѣдовательно, легче бы было отыскать связь между температурою и временемъ отбытія животнаго, чѣмъ между температурою и временемъ прибытія его. Такимъ образомъ мы вправѣ допустить, что предположеніе Эрмана, по которому время отлета домашнихъ ласточекъ соотвѣтствуетъ дневной температурѣ въ 10° или 11°, достовѣрнѣе вышеприведеннаго предположенія его. Совѣтую, впрочемъ, остерегаться страсти подводить жизнь подъ математическія формулы. Намъ извѣстно по опыту, что домашнія ласточки нѣсколько дней сряду, и притомъ добровольно, безъ вреда выдерживали температуру въ — 5° Цельсія [1]). По моему мнѣнію, мы едва-ли вправѣ согласиться съ Фрейзой, пришедшимъ къ тому заключенію, что птицы остаются на зиму въ такихъ мѣстахъ, гдѣ средняя зимняя температура приблизительно сходна съ нашей лѣтней температурой; какъ скоро тамъ становится нестерпимо тепло, такъ, говоритъ Фрейза, птицы улетаютъ къ сѣверу [2]).

Во всякомъ случаѣ нельзя не отнестись признательно къ заслугѣ Эрмана, обратившаго вниманіе на такую разность температуры въ день отлета и въ день прилета одной и той-же птицы. Это явленіе, кажется мнѣ, можетъ стать на ряду съ извѣстными наблюденіями, надъ различными растеніями, осенью замерзающими при той-же температурѣ воздуха, при которой весною продолжаютъ зеленѣть, не смотря на большую нѣжность.

Рѣзкія измѣненія погоды, на сколько я могъ замѣтить, оказываютъ на одну и туже птицу либо то, либо другое дѣйствіе. Прибывшая весною птица только въ крайнемъ случаѣ отступаетъ передъ тою-же непогодою, которая туже самую птицу удержала бы отъ отлета, если бы эта непогода разразилась раньше въ промежуточныхъ странахъ. Неоднократно я имѣлъ случай замѣчать, что дурная погода въ тѣхъ промежуточныхъ странахъ, чрезъ которыя перелетнымъ птицамъ приходится пробираться къ намъ, была причиною, почему, не смотря на прекрасную погоду у насъ, перелетныя птицы весною все-таки не являлись, или осенью вдругъ прилетали совершенно неожиданно.

Время наступленія поздней стужи весною имѣетъ такое важное значеніе, что напр. въ иной годъ не поддающіеся зимнему холоду подорожники, вмѣстѣ съ альпійскими жаворонками, могутъ быть опережены стаями водныхъ птицъ на своемъ зимнемъ эква-

---

[1]) Лёвенгіельмъ сообщаетъ намъ подобный-же фактъ изъ южной Швеціи (Öfversigt of Kongl. Vetensk.-Akad. Förhandlinger, 1851, стр. 70). Нѣсколько ласточекъ (какъ Hir. rustica, такъ и Hir. urbica) летало въ Ландскронѣ еще 11-го Октября нов. ст., хотя уже 9-го числа наступилъ морозъ въ 5°, продолжавшійся до 11-го числа. Въ 1838 году, въ Монпельѐ, не смотря на холодный сѣверный вѣтеръ и 7° Ц., ласточки летали еще 18-го Ноября нов. ст. (Serres, Des causes des migrations, стр. 45).

Среднія температуры дня, соотвѣтствующія днямъ отлета ласточекъ изъ Одессы съ 1842 до 1847 г., колеблются между 9° и 18° Р. и составляютъ среднимъ числомъ около 13° Р..

[2]) Journal für Ornithologie, 1857, стр. 385.

торіальномъ предѣлѣ, а въ другую весну даже почти двумя мѣсяцами ранѣе прибытія ласточекъ отправляются на сѣверъ [1]).

Но если погода непосредственно оказываетъ лишь слабое вліяніе на время перелетовъ, то напротивъ успѣхъ весенней погоды вообще, равно какъ послѣдствій ея, т. е. таянія снѣга, вскрытія рѣкъ, пробужденія растительности и насѣкомыхъ, непремѣнно долженъ находиться въ явной связи со временемъ перелета птицъ. Впрочемъ только вообще, а не въ особенности.

Отсюда само собою разумѣется, что только вслѣдствіе того, что въ средней Сибири лѣтняя теплота повышается несравненно быстрѣе, чѣмъ въ любой мѣстности въ Европѣ, подъ одинаковымъ градусомъ широты, возможна болѣе быстрая послѣдовательность въ прибытіи весеннихъ путниковъ.

Столь-же явна связь между мѣсячными изотермами (въ томъ видѣ, какъ ихъ начерталъ Дове) и изепиптезами. Читая приложенія Дове къ изотермамъ Мая мѣсяца: «Въ Камчаткѣ кривыя линіи уже идутъ съ сѣвера къ югу. Паралельныя кругамъ широты сѣверо-азіятскія кривыя линіи быстро поднимаются вверхъ по вост. прибрежью древняго материка и за тѣмъ столь-же быстро спускаются къ Алеутскимъ и Курильскимъ островамъ» — читая это, мы поражены сходствомъ съ направленіемъ изепиптезъ прилета птицъ. Въ такой-же степени соотвѣтствуетъ явленіямъ кочеванія животныхъ замѣтка Дове относительно Сентября: «Распредѣленіе тепла въ этомъ мѣсяцѣ самое правильное; даже Америка не составляетъ исключенія въ этомъ отношеніи. По этому-то Сентябрь тотъ мѣсяцъ, въ которомъ въ разные годы бываютъ наименьшія аномаліи. Осенью природа засыпаетъ спокойно; весною она пробуждается въ лихорадочномъ состояніи». Не среднія величины ежедневной температуры, но скорѣе среднія числа, взятыя черезъ каждые пять, а еще лучше черезъ каждые десять дней, отзываются сходствомъ съ движеніями перелетныхъ птицъ.

Вторая причина кочеванія животныхъ — вредныя насѣкомыя и другіе заклятые враги.

Отыскивая причину, побуждающую кочевать сѣверныхъ оленей, мы могли бы почти успокоить себя предположеніемъ, что это собственно лѣсныя животныя, которыя раннею весною стараются уходить отъ насѣкомыхъ и затѣмъ возвращаются къ предѣлу

[1]) Срав. напр. между собою 1793 и 1794 годы (Pallas, Südl. Statthaltersch. I, стр. 70 и Pallas, Reise, III, стр. 468). Послѣдній альпійскій жаворонокъ улетѣлъ изъ Иркутска въ тотъ-же самый день, въ который первая трясогузка (M. alba) прибыла градусомъ широты южнѣе въ Забайкалье. Лифляндію покидаютъ подорожники уже гораздо правильнѣе; обыкновенно за мѣсяцъ до прилета ласточекъ. Предоставляю каждому пріискать себѣ изъ путешествій множество подобныхъ же примѣровъ. Въ сѣв. Америкѣ встрѣчаются точно такія-же неправильности. Такъ напр. въ 1827 году, подъ 52° с. ш. внутри сѣв. Америки (Carlton House) подорожникъ явился съ юга уже 17-го Марта, но пробылъ тамъ цѣлый мѣсяцъ (до 18-го Апрѣля), прежде нежели сталъ продолжать свое путешествіе (Richardson, Searching-Exped. II, p. 239). Точно такимъ-же образомъ и альпійскія бѣлыя куропатки остановились среди своего перелета на цѣлый мѣсяцъ (Parry, Third Voyage, p. 80).

лѣсной растительности только тогда, когда могутъ быть покойны, что ихъ не станутъ болѣе тревожить ихъ мучители.

Кто испыталъ страшныя мученiя, причиняемыя въ Сибири комарами и мошками (см. начало этой части и мою статью о Барабѣ); кому привелось убѣдиться, что самыя плодородныя ея мѣстности всѣми были покинуты, потому что ни люди, ни домашнiя животныя не въ состоянiи были выносить эти страданiя; кто имѣлъ случай видѣть, что кочевники южной Сибири съ стадами своими уже рано въ году покидаютъ самые роскошные степные луга и отправляются на горныя вершины, еще скудно покрытыя зеленью; кому приходилось наблюдать, какъ даже на глубокомъ сѣверѣ Сибири спины сѣверныхъ оленей, на подобiе пробойнаго рѣшета, просверлены крючками обсаженными личинками оводовъ, и какъ сѣверные олени встряхиваютъ свое тѣло, чтобы сбросить съ себя своихъ истязателей; кто, наконецъ, извѣдалъ, съ какимъ страхомъ кочевникъ во время этого бѣдствiя слѣдитъ за своими оленями, и, видя, что они ускакали, смѣло предсказываетъ, гдѣ ихъ можно отыскать между востокомъ и западомъ на сѣверной половинѣ горизонта, потому что они безъ удержу мчатся противъ теченiя воздуха; — кто все это самъ испыталъ, тотъ навѣрное не затруднится признать всю важность значенiя, которое нарожденiе насѣкомыхъ должно имѣть для бѣдныхъ мучениковъ.

Какъ бы то ни было, взбираются ли животныя все выше и выше, на болѣе воздушныя и холодноватыя горныя вершины; прячутся ли они отъ своихъ мучителей въ воду, или прижимаются плотно, какъ у Охотскаго моря, къ нависшимъ ледянымъ, тающимъ глыбамъ, оставшимся на берегу во время прилива, не обращая вниманiя на опасность, которой ихъ такъ легко подвергаютъ въ этомъ положенiи и хищное животное и человѣкъ, — всюду въ лѣтнее время гадкiя насѣкомыя, порождаемыя гнилью первобытныхъ пустынь, составляютъ важный и главный вопросъ для жизни сѣверныхъ оленей.

Замѣтимъ, въ заключенiе, что многимъ породамъ животныхъ суждено быть добычею паразитовъ, исключительно живущихъ только на этой, а ни на какой другой почвѣ, такъ что и, наоборотъ, въ первобытномъ состоянiи нельзя найти животнаго упомянутаго рода, которому бы не приходилось принимать участiе въ питанiи паразитовъ, отведенныхъ на долю этой породы. Вспомнимъ о столь сообразномъ съ природою и наблюденiемъ воззрѣнiи кочевника (еще недавно это относилось даже и къ самому повелителю Небеснаго Царства), твердо убѣжденнаго въ томъ, что вмѣстѣ съ исчезновенiемъ послѣдней пары вшей на тѣлѣ человѣка, должна прекратиться и жизнь его.

Основываясь на томъ, что̀ справедливо въ этомъ наблюденiи, и зная, что оленiй оводъ (Oestrus Tarandi) свойственный сѣверному оленю паразитъ, безспорно составляетъ особый видъ оводовъ, мы не можемъ не удивляться, что на сѣверныхъ оленяхъ, водящихся на островахъ самаго глубокаго сѣвера (напр. на Шпицбергенѣ), не бываетъ оленьихъ оводовъ.

Объяснить это нельзя иначе, какъ предположенiемъ, что сѣверный олень упомянутыхъ острововъ, удаляясь все болѣе и болѣе отъ первоначальной своей родины, наконецъ

ушелъ за полярный предѣлъ возможности появленія и дальнѣйшаго развитія оленьяго овода и такимъ образомъ отдѣлался отъ присущаго ему въ самомъ началѣ паразита.

Отъ мучителей своихъ ему удалось уйти, пищи онъ находитъ вдоволь, такъ что при этомъ раздольѣ у него на зиму наростаютъ толстые слои жиру — но онъ замѣтно сталъ меньше ростомъ. Чрезмѣрныя невзгоды безконечной полярной зимней ночи задерживаютъ развитіе животныхъ; дѣло кончается тѣмъ, что они не находятъ достаточнаго количества пищи для себя, и что у нихъ нѣтъ молока для своихъ телятъ, а послѣ отела проходятъ цѣлые мѣсяцы, прежде нежели пробуждается растительность среди ледяныхъ массъ полярнаго моря. Телята страдаютъ отъ сырой и холодной погоды и даже отмораживаютъ себѣ уши, которыя такимъ образомъ похожи на искуственно подрѣзанныя. Порода хилѣетъ, не смотря на то, что ей удалось освободиться отъ своихъ мучителей; тѣмъ болѣе, что ей отрѣзана дорога вдаль, къ лучшимъ пастбищамъ. Тамъ на островахъ, гдѣ въ тоже время животнымъ нечего опасаться главнаго врага, волка, небольшія пастбища оказываются недостаточными вслѣдствіе избытка населенія. Гдѣ же наконецъ къ концу зимы ледъ настелетъ дорогу чрезъ морскія теченія, тамъ (какъ это бываетъ на востокъ отъ Лены) въ Февралѣ, Мартѣ, или даже въ Апрѣлѣ животныя появляются на прибрежьяхъ материка.

Въ полной силѣ, въ полномъ развитіи, сѣверный олень, и дикій и прирученный, какъ въ Сибири, такъ и въ Америкѣ, встрѣчается лишь въ горахъ подъ менѣе сѣверными широтами. На прибрежномъ хребтѣ Охотскаго моря, на Становомъ пограничномъ хребтѣ, этотъ видъ (хотя и встрѣчается тамъ рѣже) достигаетъ полнѣйшаго типичнаго развитія.

И въ Европѣ сѣверный олень нѣкогда былъ распространенъ до самыхъ Альповъ. Нельзя, конечно, не согласиться съ остроумными доводами Рютимейера[1]), «что животныя, которыя водятся на южной покатости Азіи, будучи разсматриваемы въ общей сложности, носятъ на себѣ отпечатокъ болѣе древняго происхожденія, чѣмъ животныя Сибири. Въ Индіи доселѣ еще находятся представители нѣкоторыхъ міоценовыхъ родовъ, которые по ту сторону Гималая, — по выраженію сибирскихъ преданій — живутъ только подъ землею». Не смотря на это, очевидно юное, происхожденіе сѣвернаго оленя, мы вправѣ предположить, на основаніи всего вышесказаннаго, что въ теченіе времени значительное передвиженіе области его распространенія мало по малу успѣло развиться. Вслѣдствіе этого можно допустить, что первоначально олень водился на горныхъ цѣпяхъ сѣверной окраины средне-азіятскаго плоскогорья и ихъ отрогахъ, за тѣмъ ежегодно къ зимней половинѣ года спускался въ низменности, какъ это еще теперь дѣлаютъ его родичи, олень и въ особенности козуля, но, при бо̀льшемъ расположеніи къ скитанію, простеръ свои похожденія еще дальше и при поискахъ за своею любимою зимнею пищею, лишайниками, главнымъ образомъ подвинулся къ сѣверу.

Въ то время прибрежья Ледовитаго моря находились ближе къ горамъ; съ теченіемъ времени изъ пучины морской выдвинулась низменная прибрежная равнина, которая еще

---

[1]) Ueber die Herkunft unserer Thierwelt, 1867, стр. 41.

доселѣ продолжаетъ приподниматься. Морской вѣтеръ отгонялъ мучительныхъ насѣкомыхъ, и животнымъ, не успѣвшимъ во-время возвратиться на горныя вершины, пришлось привыкать искать защиту на прибрежьяхъ Ледовитаго моря, идя все дальше противъ сѣвернаго вѣтра. На зиму, когда вьюги заметали тундры, животныя опять уходили въ лѣса, ища въ нихъ убѣжища отъ вѣтра. Такимъ образомъ первоначально-горный сѣверный олень могъ раздѣлиться на два колѣна, изъ которыхъ колѣно глубокаго сѣвера стало простирать свои странствованія все далѣе и далѣе, пока животныя наконецъ дошли до такой аномаліи, что телята рождаются во время самого кочеванія; за тѣмъ, вопреки правилу, взрослое животное является на родину только мимоходомъ, а къ сѣверу и къ югу отъ нея проводитъ довольно долгое время (срав. стр. 170 этой части и слѣд.).

Такимъ образомъ весьма просто объяснилось бы кочеваніе сѣверныхъ оленей, которые по части странствованія болѣе всего похожи на перелетныхъ птицъ, явно одержимыхъ страстью къ передвиженію съ мѣста на мѣсто. Процессъ кочеванія просто можно бы было приводить въ связь съ способностью вѣрно направляться по румбамъ и припоминать мѣстность.

Но спрашивается, какую же пользу намъ доставило это для объясненія процессовъ кочеванія вообще?

По моему мнѣнію, очень мало. Въ отношеніи къ рѣшительнымъ перелетнымъ птицамъ моя геологическая и гадинная теорія, заслуживающая вѣроятія, столь-же мало примѣнима, какъ теорія недостатка въ пищѣ.

Другія причины кочеванія — борьба за существованіе и сохраненіе потомства.

Кочеваніе, о которомъ идетъ рѣчь, не всегда соглашается съ борьбою за существованіе, или съ чувствомъ самосохраненія — въ какомъ бы видѣ оно ни являлось. Внимательный наблюдатель и любитель птицъ весною замѣчаетъ отсутствіе многихъ старыхъ знакомыхъ. Тщетно онъ поджидаетъ ихъ весною. Сотни тысячь отважныхъ путниковъ погибаютъ во время опаснаго путешествія [1]).

Для удовлетворенія своего внутренняго влеченія, животныя, пренебрегая смертью, подвергаютъ жизнь свою самымъ очевиднымъ опасностямъ. Изнемогающій отъ жиру перепелъ, барахтающійся болѣе обыкновеннаго дергачъ, отправляются въ путь черезъ дальнія, опасныя моря, начавъ свое странствованіе полубѣгая, полулетая. Долго

---

[1]) Кому неизвѣстно безпощадное истребленіе птицъ въ южныхъ странахъ Европы, снабжающихъ рынки крошечными кусочками, которые высиженныя у насъ пѣвуньи осуждены доставлять имъ.

Все, что только могло уйти отъ сѣтей и силковъ этихъ такъ называемыхъ цивилизованныхъ народовъ, переселяется чрезъ Средиземное море, въ Африканскую глушь. И что ожидаетъ тамъ путниковъ? Выслушаемъ разсказъ очевидца. Тристремъ (The Sahara, стр. 389 и слѣд.) сообщаетъ изъ Сахары слѣдующее: «Зимою миріады скворцовъ посѣщаютъ финиковые лѣса и причиняютъ тамъ спѣлымъ плодамъ неисчислимый вредъ. Тысячами ихъ ловятъ въ силкахъ и убиваютъ, потому что они составляютъ любимое блюдо. Лѣтомъ въ Африкѣ не остается ни единаго случайно отставшаго гостя».

*

птицы эти медлятъ на берегу, выжидая удобнаго вѣтра, пока наконецъ соберутся духомъ и боязливо въ темнотѣ полетятъ невысоко надъ поверхностью воды. Иная маленькая уставшая пѣвунья послѣ непродолжительнаго отдыха покидаетъ спасительный корабль, представлявшій ей возможность отдохнуть отъ крайняго утомленія. Водобоязливыя млекопитающія не обинуясь бросаются въ холодныя, какъ ледъ, бушующія или необозримыя пучины.

Тысячами и сотнями тысячь погибаютъ животныя, но слѣдующіе за ними ряды не устрашаются этимъ, остающіеся въ живыхъ не извлекаютъ изъ смерти ихъ ни малѣйшаго урока для будущности. Если бы животныя всегда и повсюду были такъ безпечны, то многія породы уже давно не избѣгли бы погибели. Можетъ-ли чувство самосохраненія проявляться въ такомъ видѣ?

Слѣдовательно тутъ рѣшается болѣе важный вопросъ. Не идетъ ли дѣло о сохраненіи вида посредствомъ потомства, о влеченіи приготовить гнѣздо, прежде нежели яйца созрѣютъ во чревѣ?

Въ пользу такого предположенія, конечно, можетъ служить то̀ обстоятельство, что нѣкоторыя птицы тѣхъ фалангъ, которыя весною направляются къ сѣверу, часто уже соединились въ пары. Въ концѣ Мая, въ Таймырскомъ краѣ я застрѣлилъ одинъ экземпляръ изъ цѣлой вереницы перелетныхъ гуменниковъ. Оказалось, что это была самка. Тотчасъ же́ изъ рядовъ съ сильнымъ крикомъ отдѣлился другой гусь, спустился на ближайшую рѣку и лишь черезъ часъ улетѣлъ по направленію своихъ спутниковъ, которые между тѣмъ преспокойно отправились дальше. Вѣроятно онъ не покинулъ бы могилы своей возлюбленной, если бы я не слишкомъ усердно преслѣдовалъ его [1]).

Но если въ такихъ случаяхъ влеченіе къ отлету зависитъ отъ оплодотворенныхъ яицъ, развивающихся въ яичникѣ, то это не можетъ объяснить намъ причину первоначальнаго отлета стаи, совершившагося нѣсколькими мѣсяцами ранѣе; кромѣ того, это не можетъ относиться къ такимъ птицамъ, самцы которыхъ, отдѣльно отъ самокъ, и раньше ихъ (хотя только нѣсколькими днями), прилетаютъ на глубокій сѣверъ, какъ напр. подорожники, или какъ въ нашихъ широтахъ это бываетъ съ жаворонками и другими птицами. Притомъ мы видимъ, что на глубокомъ сѣверѣ многія птицы вовсе и не торопятся вить гнѣзда и, не смотря на непродолжительность лѣта, начинаютъ устраивать гнѣзда лишь нѣсколько недѣль послѣ прибытія на мѣсто.

Если желаніе сохранить потомство было бы особенно сильно, то нѣкоторыя поздніе птицы, которыя осенью рано улетаютъ, какъ напр. наши ласточки, не стали бы иногда внезапно улетать [2]), и оставлять своихъ поздно-выведенныхъ птенцовъ на

---

[1]) Ричардсону (Searching Exped. II, стр. 107) разсказывали нѣчто подобное про Ans. hyperboreus и albifrons. Tetrao lagopus, какъ я уже замѣчалъ нѣсколько разъ, летаетъ, хотя и спарившись, но сначала все-таки цѣлыми стаями.

[2]) Такъ напр. въ западной Готландіи (въ Швеціи) ласточки улетѣли уже въ первыхъ числахъ Августа, когда настало ненастье, и многіе птенцы подохли съ голоду (Naumannia, 1858, стр. 279).

произволъ судьбы, хотя въ пищѣ еще нѣтъ особеннаго недостатка. Но онѣ слѣдуютъ примѣру большинства. На глубокомъ сѣверѣ бываетъ тоже со многими запоздавшими выводками, которыхъ родители, вопреки обычной своей готовности жертвовать собою, безжалостно покидаютъ.

Прирожденная страсть къ кочеванію.

Кому, подобно мнѣ, привелось видѣть, какъ первыя птицы, прилетающія въ безпріютную тундру глубокаго сѣвера, съ величайшимъ самоотверженіемъ подвергаются всѣмъ возможнымъ лишеніямъ и опасностямъ, тотъ не можетъ удовольствоваться предположеніемъ, что единственныя причины кочеваній — недостатокъ въ пищѣ, неудовлетворительность температуры, страданія отъ насѣкомыхъ и т. д. На каждомъ шагу проглядываетъ сила какого-то одолѣвающаго внутренняго влеченія.

Мы направлялись къ сѣверу, когда мѣстность была покрыта глубокимъ снѣгомъ, воды были скованы толстымъ льдомъ, и на квадратную милю едва приходилась скудная прогалинка плотно замерзшей почвы на крутыхъ обрывахъ, обметаемыхъ вѣтромъ. Съ трудомъ и борясь съ большими лишеніями, мы плелись по зимней пустынѣ, питаясь взятыми съ собою запасами. Вдругъ изъ странъ, наслаждавшихся прекраснѣйшею весною, нахлынули въ видѣ передовыхъ отрядовъ, гуси, чайки и даже лѣсныя птицы и, какъ бы издѣваясь надъ нами, пронеслись мимо насъ по направленію къ сѣверу. «Чего ищутъ легкомысленныя, не запасшіяся дорожной провизіей, среди зимней пустоты? Онѣ непремѣнно должны умереть съ голоду», такъ записалъ я въ своемъ дневникѣ. По всей вѣроятности многія и подохли отъ голода, но много гусей и голенастыхъ, изголодавшись, возвратились туда, откуда прилетѣли, а черезъ нѣсколько дней опять возобновили свои попытки, которыя однакоже удались имъ лишь послѣ нѣсколькихъ недѣль опасныхъ трудовъ. За исключеніемъ мелкихъ камушковъ, желудки убитыхъ нами птицъ всегда были совершенно пусты. Однѣ только промышленыя чайки добывали себѣ кое-что то тутъ, то тамъ. Какъ настоящія тундренныя вороны, онѣ летали вокругъ палатокъ и покинутыхъ юртъ, отыскивали себѣ разные объѣдки, оставленные людьми и хищными звѣрями, или по временамъ устраивали себѣ даже лакомый пиръ въ такихъ мѣстахъ, гдѣ телились сѣверные олени, глотая пропитанный кровью снѣгъ и послѣдъ. Тутъ не можетъ быть рѣчи о томъ, что птицы (какъ напр. у насъ нѣкоторыя передовыя ласточки) сначала увлекались обильною пищею, а потомъ, вслѣдствіе перемѣны погоды, подвергались голодной смерти.

Подобные-же примѣры я могъ бы разсказать не объ однихъ только птицахъ, но и о рыбахъ и млекопитающихъ глубокаго сѣвера.

Что же гонитъ всѣхъ этихъ животныхъ? Вѣдь ужъ никакъ не чувство самосохраненія. Нѣтъ: подвергая опасности свою собственную жизнь, они скорѣе пытаются сохранить свой родъ именно на глубокомъ сѣверѣ.

Но влеченіе къ распложенію можно бы было считать только весеннимъ, а никакъ не осеннимъ побужденіемъ того неодолимаго влеченія къ кочеванію, которому нами выше приведены были примѣры. Положимъ даже, что самые неугомонные кочевники, о которыхъ мною только-что говорено было, потому только подвергаютъ себя опасности, что чувствуютъ въ себѣ назрѣваніе плодовъ преждевременныхъ ласокъ, которые дома нужно пристроить въ гнѣздѣ: все-таки, даже въ области самаго кратковременнаго лѣта глубокаго сѣвера, нѣкоторые менѣе спѣшные путники, даже по прибытіи на мѣсто высиживанія, приступаютъ къ этому дѣлу лишь по прошествіи нѣсколькихъ недѣль. Кромѣ того, какъ уже было сказано, самцы (напр. подорожниковъ) не рѣдко отправляются на дальній сѣверъ отдѣльно отъ самокъ и прежде ихъ.

И такъ страсть къ кочеванію опять таки не зависитъ отъ одного только влеченія къ распложенію: иначе путники, посѣщающіе глубокій сѣверъ, могли бы пріютиться и подъ болѣе южными широтами, среди высиживающихъ яйца родичей своихъ. Но пойманныхъ сѣверянъ (не говорю уже о гиперборейскихъ птицахъ) пока еще никогда не удавалось доводить до высиживанія яицъ въ нашихъ умѣренныхъ широтахъ. Ихъ постоянно что-то опять тянетъ къ мѣсту родины, благодаря прирожденному влеченію къ родинѣ, почти столь-же непостижимому, какъ то влеченіе, вслѣдствіе котораго тѣ же самыя животныя часто безостановочно стремятся за 40 градусовъ широты, на южныя зимнія квартиры, не смущаясь гостепріимнымъ видомъ промежуточныхъ странъ, избытками которыхъ они лакомятся на пути. Повторяю, что даже такіе жалкіе субъекты по части летанія, какъ напр. перепелъ и дергачъ, перелетаютъ чрезъ Черное, чрезъ Средиземное море, хотя отъ утомленія тысячами погибаютъ въ волнахъ морскихъ, и встрѣчая на перепутьи корабль, скорѣе готовы отдать себя во власть человѣка, чѣмъ пытаться летѣть дальше [1]). Страсть птицъ къ странствованіямъ нисколько не соотвѣтствуетъ ихъ способности летать, слѣдовательно и надеждѣ на спасеніе во время продолжительнаго полета.

Если бы намъ вздумалось замѣтить, что въ ежегодномъ возвращеніи птицъ и млекопитающихъ нѣтъ ничего особенно удивительнаго, потому что оно повторяется періодически, подобно кругообращенію всего земнаго шара, то все-таки мы не знали бы что сказать, вспомнивъ о странствованіяхъ лоховъ восточной Сибири, которые едва успѣютъ вылупиться изъ яйца, какъ уже плывутъ внизъ по рѣкѣ къ морю, чтобы найти въ немъ настоящую свою родину, гдѣ они выростаютъ и блаженствуютъ. Нѣсколько лѣтъ спустя, ими также овладѣваетъ непреодолимое влеченіе; они покидаютъ море, въ которомъ имъ до тѣхъ поръ было привольно, и безъ удержу плывутъ вверхъ по рѣкамъ, для метанія икры, но на встрѣчу своей собственной погибели. Слѣдовательно, это не происходитъ ежегодно, соотвѣтственно правильному измѣненію временъ года, да кромѣ того нельзя предполагать, что рыбы плывутъ вверхъ только ради потребности въ свѣжей, бо-

---

[1]) Моряки испытали это на всѣхъ моряхъ. На нашемъ Понтѣ подобныя жалкія сцены видѣлъ Нордманъ (см. Démidoff, Voyage III, стр. 202, 274).

лѣе изобилующей воздухомъ, водѣ, такъ какъ намъ извѣстно, что тѣ же самыя рыбы возвращаются въ тѣ же рѣки, въ которыхъ онѣ вышли изъ икры.

Если бы лохъ Кета покидалъ родное море только для того, чтобы отыскать себѣ болѣе обильную воздухомъ, болѣе свѣжую воду, то онъ завернулъ бы въ первый, попавшійся ему на встрѣчу горный ручей. Но нѣтъ: онъ отыскиваетъ мѣсто своей родины, и не успокоивается до тѣхъ поръ, пока жалостно не погибнетъ среди обильнаго кислорода горнаго воздуха. Точно безуміе непреодолимой силы побуждаетъ его къ самоубійству.

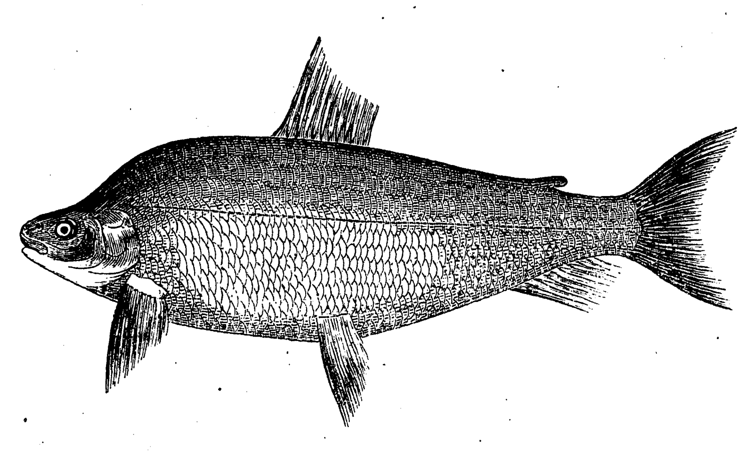
Кочеванiе до-смерти.

Остановимся нѣсколько на разсмотрѣніи того чрезвычайно замѣчательнаго факта, что въ восточной Сибири водятся странствующіе лохи, которые, на подобіе однихъ только насѣкомыхъ, вмѣстѣ съ окончаніемъ процесса распложенія, заканчиваютъ и жизнь свою. Неодолимые порывы эротическаго влеченія, до издыханія; цвѣтъ идеи кочеванія; и такіе идеалы въ тупоумной влажно-холодной рыбѣ!

Съ неудержимою силою, цѣлыми милліонами, лохъ Кета [1]) мчится вверхъ по рѣкамъ, въ горные потоки. Вода кишитъ ими, принимая рыбій вкусъ, весла вязнутъ, подкидывая рыбы, и какъ скоро лодка плыветъ вдоль нѣсколько плоскаго берега, такъ крайніе ряды вытѣсняются на сушу, гдѣ они жалостно погибаютъ. Но главная стая продолжаетъ стремиться впередъ, пробирается противъ напора потока, противъ быстринъ, вверхъ въ горы, все дальше и дальше, пока наконецъ не хватаетъ воды. Уже выдаются изъ воды спинные плавники, даже самыя спины; люди, вооруженные уже не сѣтями и гарпунами, а просто палками, медвѣди, собаки, птицы безжалостно губятъ ряды — но остальныя не прекращаютъ своего движенія. Гдѣ мало воды, тамъ они бросаются на плоскій бокъ, то вправо, то влѣво. Рыба теряетъ свой блескъ, темнѣетъ, становится зеленовато-сѣрой, чешуя на животѣ стирается; плавники, а наконецъ и вся нижняя половина тѣла какъ-бы покрыты запекшеюся кровью, становятся темно-багровыми, синевато-красными, и наконецъ даже черно-синими, зубчатыми изгибами по бокамъ, отвратительными на видъ, подобно полупочернѣвшимъ, цынготнымъ ранамъ искалѣченныхъ тѣлъ теплокровныхъ животныхъ, ободранными, какъ будто покрыты дикимъ мясомъ — а лохъ все-таки стремится вверхъ, пока теряетъ послѣднія силы, пока къ концу лѣта во многихъ мѣстахъ послѣдняя вода горныхъ потоковъ скроется между слоями валуновъ и затѣмъ воздухъ заражается зловоніемъ труповъ гніющихъ рыбъ. Въ такомъ положеніи я засталъ лоха Кета въ началѣ Октября, въ притокахъ рѣки Тугура. Это было четыре мѣсяца послѣ того, какъ онъ въ первый разъ при мнѣ прибылъ въ устья рѣкъ, впадающихъ у южнаго прибрежья Охотскаго моря. Онъ такъ измѣнился, что трудно было признать въ немъ стараго знакомаго. Даже фигура его перемѣняется; кромѣ общаго истощенія, васъ пора-

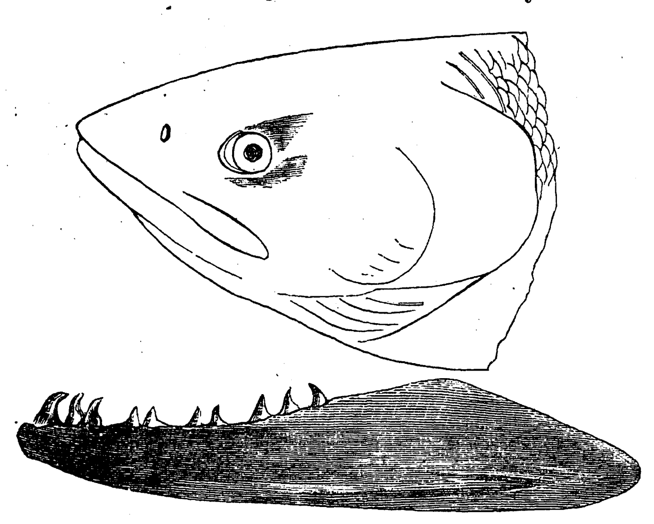
[1]) S. lagocephalus я имѣлъ случай самъ наблюдать. Неэрка и горбуша (S. lycaodon и Proteus), говорятъ, дѣлаютъ тоже самое.

жаетъ извѣстная крючковатость челюстей и выступаніе зубовъ; у горбуши, которая въ молодости имѣетъ форму лоха Кета, тѣло, въ случаѣ возвращенія рыбы въ море, принимаетъ такую горбатую форму, что по этой причинѣ рыба и названа горбушей. Говорятъ, что она тогда бываетъ похожа на интереснаго лоха «бокчегора», который водится въ низовьяхъ Енисея.

Лохъ «Бокчегоръ» изъ Боганиды, пойманный 6-го Сентября.

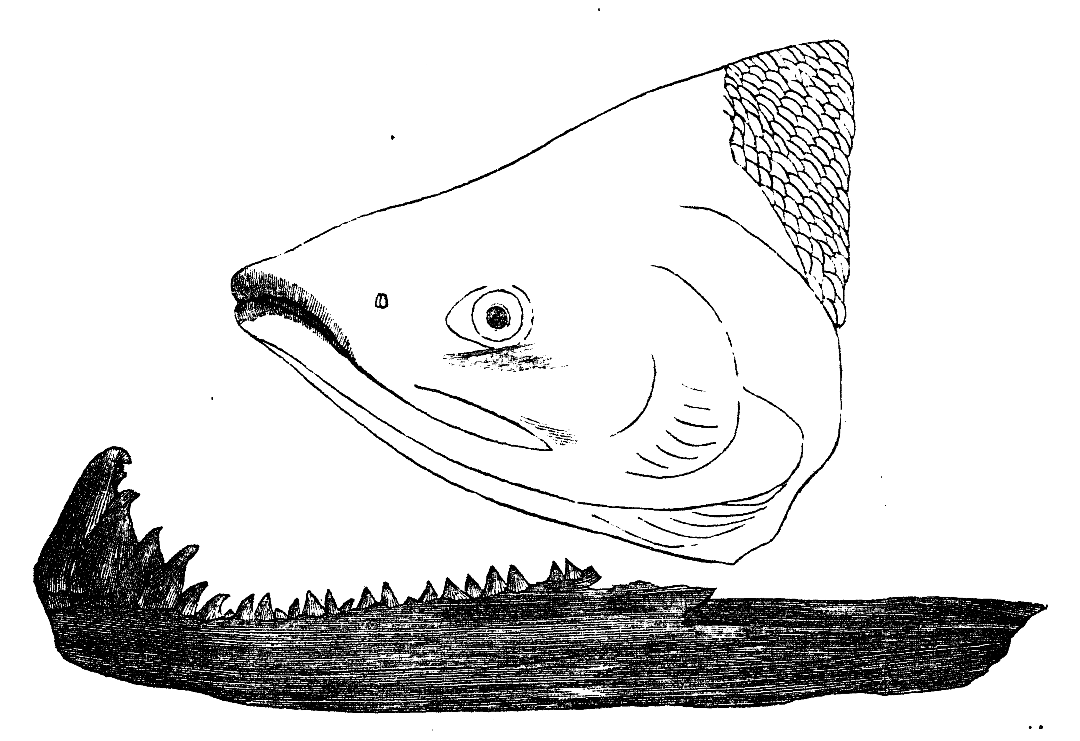
Только немного лоховъ Кета, да кромѣ того, по-видимому, болѣе молодые, остаются въ живыхъ, въ озерахъ, до которыхъ они добрались, или въ глубокихъ мѣстахъ рѣки, въ которыхъ наступившее пониженіе поверхности воды, насильно, очевидно противъ воли ихъ, отрѣзало имъ путь къ неизбѣжной смерти. Въ такихъ водоемахъ они плаваютъ взадъ и впередъ; даже у тѣхъ, которые по-моложе и по-свѣжѣе, мало чешуй, а ротъ и плавники въ бѣлыхъ пятнахъ, точно такъ, какъ у тѣхъ, которымъ въ городскихъ садкахъ уже слишкомъ долго пришлось ожидать покупателей. Нѣкоторые поворачиваютъ вверхъ брюхо свое, болѣе или менѣе испещренное пятнами. И тутъ подстерегаетъ ихъ человѣкъ. Истощенные, измученные и исхудалые, съ ноздреватымъ мясомъ, обезображенные до того, что ихъ нельзя узнать, синекраснаго цвѣта, съ крючкообразно загнутыми челюстями, растопыреннымъ ртомъ, огромными, похожими на волчьи клыки, зубами и даже, какъ мы сказали, сгорбленные, немногіе, оставшіеся въ живыхъ, гуляки, осенними водами уносятся въ море, гдѣ, и послѣдніе экземпляры этой братьи, совершенно одряхлѣвши, вѣроятно также погибаютъ мало по малу. Это весьма замѣчательное явленіе, напоминающее жизнь нѣкоторыхъ насѣкомыхъ, мы назовемъ кочеваніемъ до-смерти (Todtwandern). Оно такъ своебразно, что требуетъ особаго названія; оно

Плывущій вверхъ лохъ Кета (S. lagocephalus), въ 7 фунтовъ вѣсомъ, пойманный 26-го Іюля въ морской бухтѣ Ниитѣ.

повторяется въ такомъ-же размѣрѣ и на противоположномъ берегу Берингова рукава въ сѣверо-западной Америкѣ[1]).

Такимъ образомъ самыя упорныя изслѣдованiя метеорологiи, съ помощью своихъ градусниковъ, все-таки могутъ дать намъ лишь одностороннiя понятiя о законахъ кочеванiя животныхъ. Важнѣе оказывается прирожденное влеченiе, которое впрочемъ только

Одряхлѣвшiй лохъ Кета (S. lagocephalus), вѣсомъ въ 11 фунтовъ, пойманный въ началѣ Октября въ области рѣки Немиленъ, далеко въ верховьяхъ, на Становомъ водораздѣльномъ хребтѣ.

при извѣстныхъ внѣшнихъ условiяхъ возбуждается, развивается и за тѣмъ свободно можетъ дѣйствовать. Опредѣленiе этихъ внѣшнихъ условiй будетъ составлять задачу зоологiи, при выполненiи которой метеорологiя можетъ оказать намъ во многихъ случаяхъ важное содѣйствiе.

Сила влеченiя къ кочеванiю нигдѣ не высказывается такъ рѣзко, какъ на сѣверѣ, гдѣ она гонитъ животныхъ къ самому полюсу[2]), даже за первоначальные ихъ предѣлы, за мѣста ихъ родины, вдаль по направленiю къ сѣверу. Если явно-лѣсныя птицы, какъ напр. пустельга и сиринъ, осенью улетали далеко за черту своихъ послѣднихъ гнѣздъ, къ сѣверу на плоскую тундру, то на это была очевидная причина — непреодолимая при-

[1]) Сравн. напр. Kittlitz Denkwürdigkeiten, I, p. 232, и въ особенности Suckley, Explorations and survey's for a railroad route from the Mississipi-river to the Pacific Ocean Vol. XII, part. II, p. 309.

[2]) Такъ напр. Кэнъ еще подъ $81\frac{1}{2}^{\circ}$ видѣлъ, какъ значительная стая лебедей (?) летѣла на ССВ. (Müller, въ Journ. für Ornithologie, 1856).

тягательная сила лакомыхъ лемминговъ, которыхъ можно было добывать тамъ безъ всякаго труда. Но совершенно другой видъ принимаетъ это-же самое обстоятельство у значительнаго количества разныхъ птицъ, которыя въ періодъ перелета, либо ежегодно, либо только по временамъ, проникаютъ за свой полярный предѣлъ по направленію къ сѣверу, иногда начинаютъ дѣлать приготовленія къ высиживанію яицъ, но по большей части улетаютъ, не исполнивъ этого намѣренія. Онѣ залетаютъ за предѣлъ свой (versteigen sich); такъ я желалъ бы назвать это явленіе. Такихъ залетѣвшихъ слишкомъ далеко птицъ нужно однако отличать отъ занесенныхъ (Verschlagenen) противу воли. Въ этомъ положеніи залетающихъ находятся ласточки подъ 70° с. ш. въ Лапландіи или еще сѣвернѣе (до 76° с. ш.) на Новой Землѣ; также въ Исландіи, кромѣ ласточекъ, чапура и пигалица; въ Исландіи и Гренландіи ибисъ-коровайка. Такимъ родомъ горлица, скворецъ, жаворонокъ и даже удодъ появлялись до 69° с. ш. въ Лапландіи, хотя напр. послѣдній уже въ Лифляндіи составляетъ величайшую рѣдкость. Впрочемъ не нужно вовсе ходить такъ далеко за примѣрами, потому что тоже самое можно видѣть повсюду, гдѣ оканчивается полярный предѣлъ какой-нибудь породы птицъ. Перепелъ можетъ служить примѣромъ въ Лифляндіи, такъ какъ въ Курляндію онъ по большей части является, но все-таки иногда не прилетаетъ. Въ сѣверной Лифляндіи онъ столько-же разъ не бываетъ, сколько и прилетаетъ, а около С. Петербурга или Вологды появленіе его уже считается признакомъ особенно хорошаго лѣта. Нѣкоторые аисты въ окрестностяхъ Дерпта въ каждую весну попарно пробираются къ сѣверу за предѣлы послѣднихъ мѣстъ высиживанія яицъ, но вскорѣ, осмотрѣвшись, возвращаются назадъ. Около Кіева я имѣлъ случай видѣть прибытіе стаи пеликановъ и узналъ при этомъ, что такой прилетъ обыкновенно повторяется по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ. Подобныхъ наблюденій можно набрать множество для всѣхъ странъ изслѣдованной части западной Европы[1]).

Такое залетаніе бываетъ только весною. Непомѣрное влеченіе къ кочеванію, не дающее покоя даже птичкѣ уютно укрытой въ теплой комнатѣ, выходитъ изъ своихъ предѣловъ, и обращается въ страсть къ кочеванію (Wandersucht), которая съ одинаковою силою овладѣваетъ и человѣкомъ. Впередъ! впередъ! нашептываетъ и человѣку

---

[1]) Какъ около Кіева, такъ пеликаны появились и у Харькова (Czernay, Bullet. d. Natural. de Moscou, 1850. XXIII). Въ С.-Петербургѣ мнѣ привелось видѣть въ 1848 году прилетъ необыкновеннаго количества выпей. О появленіи въ Лапландіи Hir. rustica, Col. turtur, Sturn. vulgaris, Alauda arvensis, Emb. citrinella, Anas tadorna, Upupa epos, см. Пesслера и Шрадера въ Cabanis, Journ. für Ornithol., 1853, p. 243, 258). О Hir. rustica и urbica въ Исландіи см. Фабера, Leben hochnordischer Vögel, p. 34, и въ Новой Землѣ до 76½° с. ш., 22-го Іюля 1869 года, см. Isis, 1870, p. 303; Geogr. Mittheil. 1871, I; Heuglin, p. 35. О Coturn. dactylisona въ Курляндіи, см. Бюттнера въ Lüdde's Zeitschr. für Erdkunde, VI, p. 168. Такимъ-же образомъ Otis tarda, Otis tetrax, даже Otis houbara забираются въ Данію (Naumannia, 1850, II, p. 101; III, p. 45, 48; 1852, III, p. 7), Merops apiaster въ Кенигсбергъ и т. д. — Если Палласъ въ Апрѣлѣ около Петербурга видѣлъ Grus leucogeranus (Zoogr. II, p. 105), то это вѣроятно были сбившіяся съ дороги птицы. Но Grus virgo, убитую въ 1837 году около Гельголанда (Nordmann въ Démidoff, Voy. III, p. 268), я отношу къ числу залетѣвшихъ слишкомъ далеко. Ciconia alba появляется и въ сѣв. Лифляндіи и въ сѣв. Гельзингландѣ, въ Швеціи (Öfversigt af Kongl. Vetensk. Akad. Förhandlingar, 1851, p. 72) и т. п.

и птицѣ какой-то внутреннiй голосъ, пробуждая и въ томъ и въ другой отважныхъ героевъ, открывающихъ роду своему новые мiры.

Птицамъ, конечно, очень легко совершать свои перелеты, но и млекопитающiя, болѣе привязанныя къ почвѣ, собираются въ путь, какъ только ими овладѣваетъ страсть къ кочеванiю. Не только такiе отличные пловцы, какъ сѣверные олени, но и рыси, которыя, подобно всѣмъ кошкамъ, очень боятся воды, или такiе карлики, какъ леммингъ и экономическая мышь, очертя голову, бросаются въ самыя широкiя рѣки, въ рѣчныя быстрины, даже въ морскiя волны. Старались объяснить это явленiе недостаткомъ пищи, голодомъ. Въ дебряхъ, находящихся по берегамъ Колы, я однажды лежалъ среди роскошнѣйшей растительности глубокаго сѣвера, при великолѣпнѣйшей ясной погодѣ, и, прислонясь къ древесному стволу, задремалъ отъ усталости. Но вдругъ я въ испугѣ вскочилъ, потому что по спинѣ моей, черезъ голову и лице мое, перебирался леммингъ. Оказалось ихъ всего небольшая компанiя, которая безъ всякой видимой причины бросилась въ бушующiй, наполненный каменными глыбами, горный потокъ, въ явную неизбѣжную опасность; лишь немногимъ удалось перебраться на другой берегъ [1]). Что̀ побуждало ихъ поступить такимъ образомъ? Отвѣчаю: дошедшая до безумiя страсть къ кочеванiю.

Совершенно независимо отъ условiй метеорологическихъ, а въ особенности отъ условiй питанiя, образуется влеченiе къ кочеванiю въ цѣломъ ряду животнаго царства, начиная отъ саранчи и другихъ насѣкомыхъ до самого человѣка. Живетъ онъ себѣ цѣлые годы тихо и спокойно, но вдругъ въ немъ, даже въ цѣломъ народѣ, пробуждается страсть къ необычайнымъ переселенiямъ.

Выселенiе.

Между сѣверными животными главнымъ образомъ леммингъ прослылъ какъ-то особенно кочевымъ животнымъ. Въ новѣйшее время однакоже выяснилось довольно хорошо [2]), что странствованiя лемминга собственно не настоящiя перiодическiя кочеванiя, а только выселенiя (Auswanderungen), какiя предпринимаютъ многiе изъ тѣхъ мелкихъ грызуновъ, которые въ извѣстные годы размножаются непомѣрно сильно. Считаю впрочемъ нужнымъ разсмотрѣть этотъ вопросъ нѣсколько подробнѣе.

Въ настоящее время вообще сомнѣваются въ полной достовѣрности древнихъ сѣверо-скандинавскихъ извѣстiй о кочеванiи леммминговъ въ совершенно прямомъ направленiи Посѣтивъ Лапландiю лѣтомъ 1840 года, я самъ сталъ считать эти извѣстiя слишкомъ преувеличенными. Это-же мнѣнiе печатно высказано и Бэромъ. Дѣло состояло вотъ въ чемъ. Тщетно до начала Iюля мы отыскивали леммминговъ на восточномъ берегу Лапландiи; даже тогда, когда Бэръ за каждаго лемминга, котораго принесутъ матросы, обѣ-

---

[1]) Ричардсонъ (Searching Expedition I, p. 106) сообщаетъ случай, относящiйся также къ подобнымъ явленiямъ.

[2]) Мартенъ (Martins въ Revue Zoologique, 1840, стр. 195 и слѣд.) подробно и превосходно разсмотрѣлъ этотъ вопросъ.

*

щалъ платить по 1 руб. сер., лишь съ величайшимъ трудомъ удалось набрать съ полдюжины, не смотря на то, что торфяная почва тундры на каждомъ шагу была пронизана желобчатыми ходами лемминговъ и ходы эти были густо усѣяны ихъ испражненіями. Но уже во второй половинѣ Іюля мы вдругъ, совершенно неожиданно, застали милліоны леммииговъ на сѣверномъ берегу, и улицы Колы до такой степени были запружены ими, что даже собаки лишь изрѣдка на нихъ обращали вниманіе. Вскорѣ я убѣдился, что вся движущаяся толпа въ ширину простиралась только на нѣсколько миль, но вѣроятно она тянулась ко всѣмъ прибрежьямъ Русской Лапландіи, потому что въ концѣ Августа, когда я пѣшкомъ прошелъ по внутренней части Русской Лапландіи, отъ Колы до Бѣлаго моря (Кандалакши), въ прямомъ направленіи къ югу, я внутри полуострова не встрѣтилъ ни одного лемминга. Чѣмъ ближе къ берегу, тѣмъ безчисленнѣе становились они, какъ у Ледовитаго, такъ и у Бѣлаго моря. Но стоило отойти на нѣсколько миль во внутрь страны, и лемминги встрѣчались лишь кое-гдѣ. На нагорныхъ тундрахъ внутреннихъ частей края, равно какъ и въ лѣсахъ, вовсе не было леммииговъ. Слѣдовательно лѣсная растительность въ этомъ случаѣ также ничего не значила. Даже у Ледовитаго моря, въ концѣ Іюля и въ началѣ Августа, они еще не проникли ни до самаго крайняго, выдающагося къ сѣверу, полуострова (Рыбачьяго), ни до 70-го градуса широты на противоположномъ западномъ берегу Варангфіорда.

Изъ этихъ наблюденій я вывелъ заключеніе, что лемминги такъ непомѣрно размножились въ горныхъ цѣпяхъ внутренней части края. Въ концѣ лѣта, они отправились, подобно другимъ альпійскимъ животнымъ, вдаль по всѣмъ направленіямъ, въ томъ числѣ и по направленію къ сѣверу, пока наконецъ отовсюду одинаково-близкое морское прибрежье рѣшительно преградило ихъ шествіе. Объ опредѣленномъ направленіи, напр. о шествіи къ югу, не могло быть рѣчи, и я увѣренъ, что такое-же безчисленное множество леммииговъ мы встрѣтили бы и на восточномъ берегу Лапландіи [1]), если бы мы прибыли туда въ концѣ, а не въ началѣ лѣта. Это доказывалось несмѣтнымъ множествомъ прошлогоднихъ слѣдовъ. Немногихъ леммииговъ, которыхъ мы застали тамъ въ началѣ лѣта, должно, кажется, признать за осѣдлыхъ леммииговъ; вѣроятно это остатки прошлогоднихъ нашествій. Теперь, когда мнѣ удалось ознакомиться съ изслѣдованіемъ Эрнтрёма, я нахожу въ немъ подтвержденіе моей догадки и не сомнѣваюсь въ томъ, что тогда и въ Скандинавіи часть путниковъ могла направиться къ сѣверу [2]).

---

[1]) Ср. также Liljeborg, Observationes Zoologicae, 1844, стр. 11.

[2]) Нѣкоторыя стаи сообща перебирались чрезъ пороги р. Колы съ праваго берега на лѣвый. По всему берегу оз. Имандры не было видно ни одного лемминга, и только неподалеку отъ южнаго его берега опять стали показываться нѣкоторые. За тѣмъ, не смотря на густые лѣса, число ихъ стало увеличиваться, чѣмъ болѣе я приближался къ берегу (Бѣлаго моря). Впрочемъ въ Кандалакшѣ, хотя они и шныряли повсюду, ихъ все-таки было несравненно меньше, чѣмъ на берегахъ Кольскаго залива. Правда, что между тѣмъ уже наступало начало Сентября, сопровождаемое слякотью и снѣгомъ. Меньшее количество леммииговъ у Кандалакской губы Бѣлаго моря мы вправѣ приписать позднему времени года, въ которое я посѣтилъ эту мѣстность, тѣмъ болѣе, что въ тоже самое лѣто лемминги несмѣтными стаями доходили до Ботническаго залива, наводнивъ прибрежье его на 2 и на 3 мили ширины (срав. Ehrström въ Notiser ur sällskapets pro Fauna et Flora Fennica. Förhand-

Совершенно иное мнѣ привелось видѣть въ Таймырскомъ краѣ. Претерпѣвъ разныя невзгоды, я долженъ былъ тронуться въ обратный путь съ глубокаго сѣвера позднѣе, чѣмъ желалъ. Начиная съ $74^1/_2$° с. ш. къ югу до $73^3/_4$° мнѣ не удалось отыскать ни одного лемминга, ни одного слѣда этого звѣрька тамъ, гдѣ лѣтомъ ихъ было такъ много. Но еще далѣе къ югу, между $73^3/_4$° и 73° с. ш. (до источниковъ Логаты), снѣгъ густо былъ покрытъ ихъ слѣдами. Какъ на бѣлой бумагѣ необозримой карты, такъ на снѣжномъ полотнѣ обрисовывались несмѣтныя полоски слѣдовъ, почти совершенно паралельныя между собой и среднимъ числомъ на пядень ширины одна отъ другой, то болѣе, то менѣе. Лемминги — такъ явно свидѣтельствовалъ составленный ими самими чертежъ — одновременно, быстрыми скачками, совершенно прямо шли по тундрѣ съ сѣвера къ югу. Какъ широко было это необозримое шествіе, мнѣ осталось неизвѣстнымъ, потому что я пересѣкъ только одинъ предѣлъ его [1]), когда мы тянулись по направленію къ югу. Шествіе ихъ направлялось отъ юга не много къ западу, а намъ пришлось ѣхать отъ юга къ востоку, такъ что мнѣ, къ сожалѣнію, нельзя было догнать крохотныхъ путниковъ, тянувшихся передъ нами. Но теперь мнѣ стало ясно, что видѣнное мною въ Лапландіи не составляло самаго шествія. Тамъ они колыхались то туда, то сюда, потому что уже прибыли къ цѣли своего путешествія. Тамъ замѣтно было только еще слабое влеченіе къ западу, такъ какъ нѣкоторыя стаи рѣшались перебраться въ этомъ направленіи чрезъ р. Колу и даже чрезъ морской заливъ.

Въ Таймырскомъ краѣ вѣроятно кочевалъ Обскій леммингъ; впрочемъ, въ благопріятные годы кочуетъ и песцовая копытная мышь. Въ мое время послѣдняя не уродилась. Но она уходитъ даже за двадцать географ. миль по льду морскому, отъ Ново-Сибирскихъ острововъ на югъ къ берегамъ Сибири и при этомъ, говорятъ, погибаетъ столько-же отъ голода, сколько и отъ ранъ на подошвахъ [2]).

Это кочеваніе, овладѣвающее леммингами отъ времени до времени, по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, слѣдуетъ, можетъ быть, скорѣе назвать **выселеніемъ**, которое идетъ то съ высотъ внизъ по всѣмъ направленіямъ, то правильно съ сѣвера къ югу. Необходимо только знать, возвращаются ли они весною. Кочевникамъ, которыхъ я распрашивалъ объ этомъ, извѣстенъ былъ весенній походъ, хотя онъ имъ мало замѣтенъ, потому что лемминги идутъ, говорятъ, впереди ихъ. Въ началѣ Іюня и я уже засталъ леммингов на р. Таймырѣ. Хотя снѣгъ еще не успѣлъ стаять, но Обскихъ леммингов было тамъ такое множество, что я не могъ признать въ нихъ осѣдлыхъ животныхъ, по-

---

lingar, 1852, II, p. 1). Эрштрёмъ узналъ, что они кочевали тамъ въ направленіяхъ отъ С. къ Ю., отъ С.-В. къ Ю.-З. и отъ С.-З. къ Ю.-В., и что не измѣняли своего направленія чрезъ воды и даже чрезъ строенія. Что касается до сѣвернаго предѣла ихъ кочеванія, то мнѣ не удалось отыскать ни одного лемминга, ни на Рыбачьемъ полуостровѣ, ни у Wadsöe или Wardöe, но я не сомнѣваюсь въ томъ, что и ниже 70° с. ш. одно только море удерживаетъ ихъ отъ дальнѣйшаго движенія впередъ. Послѣднія мѣстности я посѣтилъ вѣроятно слишкомъ рано лѣтомъ.

[1]) Неподалеку отъ Логаты.

[2]) Фигуринъ въ Сибир. Вѣстн. I, стр. 222. Тоже самое у Пшеницына въ Сибир. Вѣсти. III, стр. 181, и у Врангеля, Путеш. I, стр. 138.

добно песцовымъ копытнымъ мышамъ, которыхъ тамъ было меньше. До того времени, т. е. въ теченіе всего Мая, между 71 и $73^1/_2{}^\circ$ с. ш. мы не видѣли ни одного лемминга.

Иногда, можетъ быть, лемминги и не возвращаются, но большею частью, вѣроятно не обращалось вниманія на возвращеніе и оно совершалось незамѣтно, такъ какъ лишь весьма немногіе переживаютъ всевозможныя невзгоды путешествія и зимняго пребыванія, да кромѣ того звѣрьки эти преимущественно странствуютъ въ ночное время. Впрочемъ и это возвращеніе подтверждается неоднократными свидѣтельствами изъ самыхъ различныхъ мѣстностей, такъ что слова Гюіона «il descend toujours, il ne remonte jamais» невѣрны[1]).

Слѣдовательно, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, странствованіе леммринговъ есть настоящее кочеваніе, но только не ежегодно-періодическое, а случайное кочеваніе (Gelegenheitswandern), повторяющееся по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ. Мы могли бы назвать его скитаньемъ (Streichen), если бы на первомъ планѣ не появлялось чистое влеченіе къ кочеванію, совершенно затмѣвающее отыскиваніе пищи. Въ такихъ случаяхъ, когда странствованіе не заканчивается возвращеніемъ, оно скорѣе походило бы на кочеваніе дò-смерти (Todtwandern), чѣмъ на выселеніе (Auswandern), потому что ушедшіе лемминги не только не размножаются, но даже и не сохраняются тамъ, куда они заходятъ при своихъ странствованіяхъ, а большею частью погибаютъ, и въ краѣ не бываетъ леммринговъ до тѣхъ поръ, пока ихъ туда не заведетъ новое нашествіе. Отъ кочеванія дò-смерти, на которое оно похоже тѣмъ, что только весьма немногіе переживаютъ переселеніе, странствованіе и погибаніе леммринговъ отличается тѣмъ, что не находится ни въ какой явной связи съ размноженіемъ рода. Мы должны признать леммринговъ за настоящихъ кочевниковъ тѣмъ болѣе, что какъ въ Лапландіи, такъ и въ Таймырскомъ краѣ, мѣста, гдѣ они устраиваютъ свои гнѣзда, осенью были совершенно пусты. По всей вѣроятности, на слѣдующій годъ они опять отправляются домой, чтобы устроить тамъ свои гнѣзда.

Разсматривая ближе вопросъ, по какой причинѣ подобныя случайныя кочеванія (Gelegenheitswanderungen) происходятъ въ извѣстные годы, мы находимъ, что каждый разъ они сопровождаются необыкновенно сильнымъ размноженіемъ того рода животныхъ, къ которому переселеніе относится. Помимо недостатка въ пищѣ, побуж-

---

[1]) Замѣчательно, что одинъ только Гогстрёмъ (Comptes-rendus de l'Acad. de Paris, 1866, p. 323, 324) свидѣтельствуетъ о фактѣ ихъ возвращенія въ Скандинавіи, гдѣ оно, говорятъ, происходитъ также въ прямомъ направленіи. У Самоѣдовъ сѣверо-восточнаго угла Европ. Россіи Шренкъ (Reise durch die Tundren der Samojeden, 1848, I, стр. 335) узналъ, что тамъ въ концѣ Мая и до половины Іюня лемминги (вѣроятно Обскіе) отъ Уральскаго хребта (и даже «черезъ него») правильными отрядами странствуютъ по направленію къ З. до Бѣлаго моря чрезъ Самоѣдскую тундру. Объ осеннемъ странствованіи у него, къ сожалѣнію, не говорится. Подобнымъ-же образомъ Ричардсонъ (Appendix to Parry, Sec. voyage, 1825, p. 307) упоминаетъ о видѣнномъ имъ издали переселеніи леммринговъ, по ледяному покрову Большаго Невольничьяго озера, въ теплую весну 1816 года. По весьма замѣчательному извѣстію, сообщенному намъ Эрштрёмомъ (l. c.), они даже перебирались по льду Ботническаго залива, въ 1755 году. Они шли тогда на лежащій передъ Улеоборгомъ островъ Carl-Öe; за ними слѣдовала стая горностаевъ. Ледъ подломился и множество животныхъ погибло.

дающаго къ кочеванію, сила прирожденнаго кочеваго влеченія возрастаетъ по мѣрѣ накопленія извѣстной породы животныхъ въ данномъ мѣстѣ, подобно тому, какъ дѣйствія одной и той-же гальванической силы возрастаютъ сообразно числу спиралей намотанныхъ на мультипликаторъ. Чѣмъ больше увеличивается масса животныхъ, тѣмъ рѣшительнѣе и правильнѣе каждымъ отдѣльнымъ индивидуумомъ ея овладѣваетъ склонность къ кочеванію. Начиная отъ пчелъ до самого человѣка переполненіе устраняется колонизаціей. Вслѣдствіе уменьшенія или разъединенія явно кочевыя животныя не рѣдко становятся осѣдлыми.

Но не одинъ только временный недостатокъ въ пищѣ, при извѣстномъ накопленіи, побуждаетъ животныхъ къ переселенію. Нѣтъ, оно бываетъ послѣдствіемъ совокупнаго дѣйствія всѣхъ особенностей чрезмѣрнаго континентальнаго климата. Въ континентальной Сибири бо̀льшая часть животныхъ становится кочевниками, такъ какъ тамъ часто происходитъ накопленіе животныхъ. Тамъ не только странствуетъ множество своеобразныхъ мышей, которыми Сибирь очень богата [1], и между которыми знаменитая экономическая мышь едва-ли уступаетъ леммингамъ по части кочеванія, но и много разныхъ животныхъ, одинаково свойственныхъ Европѣ и Сибири, и извѣстныхъ намъ дома какъ благонадежные осѣдлые граждане, тѣмъ положительнѣе становятся безпокойными кочевниками, чѣмъ дальше мы проникаемъ въ континентальную часть сѣв. Сибири. По этому едва-ли стоитъ упоминать о томъ, что такія европейскія животныя, которыя на однихъ только Альпахъ, смотря по временамъ года, то забираются на горы, то спускаются съ нихъ, устраиваютъ правильныя кочевки и на низменныхъ равнинахъ Сибири. Водяныя крысы, бѣлки, зайцы, и даже сони, т. е. настоящія зимнеспящія животныя — въ Сибири массами затѣваютъ случайныя кочеванія [2]). Сѣв. олени являются тамъ такими-же періодическими кочевниками, какъ и перелетныя птицы. Такимъ образомъ неудивительно, что

---

[1]) Въ томъ числѣ и Hyp. Brandtii, какъ недавно сообщилъ Радде (Reisen im Süden von Ostsibirien, I, p. 204). Говорятъ, что онъ кочуетъ сомкнутыми рядами и переплываетъ рѣки.

[2]) Полевая мышь (Arv. arvalis) еще въ западной Европѣ въ иные годы распложается въ почти невѣроятномъ множествѣ и становится настоящимъ мѣстнымъ бѣдствіемъ, но рѣдко дѣло заходитъ немногимъ дальше первыхъ приготовленій къ переселенію. Даже въ западноевропейскихъ степяхъ Россіи кочеваніе этихъ животныхъ высказывается лишь слабо, какъ мы напр. недавно узнали это, когда полевая мышь обратила на себя вниманіе истребленіемъ хлѣба въ Подоліи, а въ Октябрѣ того-же года, какъ говорили, стала переселяться. Впослѣдствіи слухъ этотъ признали преувеличеннымъ (Belke въ Bullet. des Natur. de Moscou, 1851, I, p. 549). Впрочемъ въ Европейской Россіи уже начинаютъ проявляться первые признаки случайнаго кочеванія. Говорятъ, что суслики нерѣдко трогаются съ мѣстъ, и напр. въ 1850 году перешли чрезъ Днѣпръ въ западномъ направленіи. (Чернай, О фаунѣ Харьков. губ. 1850, стр. 17. прим.). Въ 1847 году, они перебрались, говорятъ, черезъ Донъ, какъ сообщаетъ Тарачковъ (Сусликъ пятнистый, Курскъ, 1851, стр. 2, 18). Впрочемъ, вѣдь намъ извѣстно, что и сурки на Альпахъ на лѣто взбираются въ область сернъ. На кочеваніе Mus (Arv.) agrarius, vagus, socialis, amphibius, Sciurus и Myoxus указалъ Палласъ (срав. Glires p. 219, 230, 327, 341 и пр. и Neue Nord. Beiträge, 1781, I, p. 335). Объ экономической мыши не только Стеллеръ (Kamtschatka, 1774, стр. 131), но и Палласъ (Glires, стр. 230, со словъ другихъ) говоритъ, что она изъ сѣв. Камчатки перебралась, и притомъ весною, чрезъ рѣки, и даже чрезъ морскіе рукава Пенжинской губы, сначала въ западномъ направленіи, а потомъ вдоль прибрежья къ югу. Эрманъ (Reise um die Erde, I, 3, 1848, стр. 258), единственный ученый, старавшійся пополнить эти старинныя наблюденія нашихъ праакадемиковъ, успѣлъ узнать только объ осеннихъ кочеваніяхъ, которыя въ

хищныя животныя, которымъ, подобно россомахѣ, волку, лисицѣ [1]), песцу, соболю и горностаю, приходится питаться сѣв. оленями и грызунами, отправляются вслѣдъ за ними и изъ животныхъ скитающихся должны сдѣлаться кочевыми. Слѣдовательно, если даже допустить, что у этихъ хищниковъ нѣтъ внутренняго, непреодолимаго влеченія къ кочеванію, то фактъ все-таки остается неопровержимымъ, и напр. песецъ, которому преимущественно приходится питаться такимъ явно-случайнымъ странствователемъ, какъ леммингъ, также безусловно долженъ сдѣлаться случайнымъ кочевникомъ, тѣмъ болѣе, что даже въ такомъ случаѣ, когда лемминги не уродились на его родинѣ, и, слѣдовательно не кочевали, недостатокъ въ пищѣ побуждаетъ песца искать спасенія за предѣлами родины, гдѣ на чужомъ полѣ его часто ожидаютъ чужія ягоды. Въ Таймырскомъ краѣ песцы становятся періодическими кочевниками; можетъ быть ими тамъ дѣлаются и лемминги. Бэръ только отчасти правъ, утверждая въ своемъ прекрасномъ изслѣдованіи о песцѣ, въ опроверженіе Ричардсона [2]), что песецъ не кочуетъ. Гдѣ только узенькая полоска тундры отдѣляетъ прибрежье Ледовитаго моря отъ предѣла древесной растительности, который въ тоже время и экваторіальный предѣлъ песца, тамъ песцу, родившемуся неподалеку отъ предѣла древесной растительности, конечно, негдѣ кочевать. Но въ Сибири, а еще болѣе въ сѣверной Америкѣ, песцы, пристроившіеся подъ 76° с. ш., уходятъ по тундрѣ къ югу, въ Америкѣ за 15, въ Сибири за 10 градусовъ широты. У туземцевъ они извѣстны подъ названіемъ «ходовыхъ». Говорятъ, что обыкновенно они странствуютъ вверхъ по большимъ рѣчнымъ долинамъ, а иногда, даже осенью, переправляются чрезъ большія рѣки. Англійскіе искатели Франклина поступили не только научно и остроумно, но и весьма практично, заживо ловя песцовъ въ опорожнившихся бочкахъ и отпуская ихъ съ ошейниками, на которыхъ вырѣзаны были замѣтки, въ какихъ мѣстахъ для Франклина оставлены были жизненные припасы.

Но, въ теченіи столѣтія, не изгладились-ли и въ Сибири процессы кочеванія живот-

---

Камчаткѣ направляются отъ морскихъ береговъ къ внутреннимъ частямъ полуострова. Даже объ очевидныхъ кочеваніяхъ бѣлокъ мы со временъ нашихъ праакадемиковъ не получили болѣе точныхъ свѣдѣній. Степановъ (Енисейская губернія, 1835, I, стр. 104) говоритъ, правда, что «нѣтъ ничего пріятнѣе вида флотиліи бѣлокъ, когда онѣ толпою переплываютъ черезъ большую рѣку, приподнявъ хвосты въ видѣ паруса», но легко можетъ быть, что это лишь подогрѣтое старинное извѣстіе въ нѣсколько измѣненной формѣ. Палласъ (Reise III, стр. 11, и II, стр. 60), если не единственный, то все-же главный свидѣтель огромнаго появленія и кочеванія бѣлокъ въ Сибири. Радде (Reisen im Süden von Ostsibirien, I, стр. 143) говоритъ, что осенью 1847 года, у Красноярска нѣсколько тысячъ бѣлокъ переплыло съ востока на западъ чрезъ Енисей. Кривошапкинъ (Енисейскій округъ, 1865, I, стр. 18) разсказываетъ, что бѣлки переплывали чрезъ Енисей и при этомъ тонули въ большомъ количествѣ. Въ сѣв. Финляндіи бѣлки кочевали, говорятъ, въ 1840 году, въ одно время съ леммингами (Ehrström въ Notiser ur Sällsk. pro Fauna et Flora Fennica, 1852, II, p. 6). Мнѣ въ тоже самое лѣто не привелось ничего ни видѣть, ни слышать объ этомъ.

[1]) На предѣлѣ древесной растительности лисица по видимому больше бродитъ, чѣмъ кочуетъ. Она не связана необходимостью слѣдовать за какимъ-нибудь кочевникомъ; на цѣлое лѣто она забирается далеко на тундру, которая въ то время изобилуетъ пищей, слѣдов. по направленію къ полюсу, а осенью, когда тундра пустѣетъ, возвращается въ свои лѣса.

[2]) Fauna Boreali americana, 1829, I, p. 87. Срав. стр. 166 этой части. — Безконечная цѣпь ловушекъ, которая тянется вдоль тундры всего Сибирскаго сѣвера и составляетъ главный источникъ доходовъ тамошнихъ жителей, разсчитана единственно на кочеванія песцовъ.

ныхъ? Замѣчательно, что въ новѣйшее время до насъ не доходило положительныхъ извѣстій о такихъ кочеваніяхъ, о какихъ сообщаютъ старинные путешественники, а потому, въ интересахъ науки, весьма желательно получить ближайшія свѣдѣнія по этой части. Толпу кочующихъ зайцевъ, въ 500 или 600 штукъ, встрѣтилъ Белль въ 1720 году, въ началѣ Марта, около устья Верхней Тунгуски. Чтобы его не заподозрили въ преувеличеніи факта, онъ прибавляетъ: «i speak within compass». Внизъ по рѣкѣ, слѣдовательно въ западномъ направленіи, они осторожно плелись по дорогѣ, которую протоптали себѣ по рѣчному покрову, рядомъ съ проѣзжей дорогой, и только вслѣдствіе встрѣчи съ путешественниками своротили въ лѣсъ. Беллю разсказывали, что каждую весну зайцы еще въ большемъ количествѣ уходятъ къ югу, а осенью, какъ скоро рѣки замерзнутъ, опять возвращаются. Нѣсколько дней спустя, далѣе вверхъ по рѣкѣ, путешественникъ встрѣтилъ также большія «стада» заіцевъ, которыя тянулись къ западу. Въ рукописномъ дневникѣ Редовскаго я нашелъ, что въ 1806 году, когда онъ проѣзжалъ черезъ Киренскъ (58° с. ш.), жители этого города занимались изготовленіемъ чулокъ, одѣялъ и т. д. изъ заячьей шерсти, жалуясь, что въ послѣднія 15 лѣтъ зайцы, которые прежде, бывало, приходили съ Якутска (62° с. ш.) и ловились ловушками, стали являться рѣже.

Съ того времени о Сибирскихъ зайцахъ не было сообщено подобныхъ извѣстій. Не потому-ли, что съ тѣхъ поръ, вслѣдствіе частыхъ преслѣдованій, количество этихъ животныхъ уменьшилось? Направленія, указываемыя Беллемъ, позволяютъ предполагать, что изъ сильно занесенныхъ снѣгомъ горъ зайцы спускались въ долины. Съ этой точки зрѣнія, кажется, должно разсматривать бо́льшую часть кочеваній животныхъ средней и южной Сибири. О весеннихъ странствованіяхъ зайцевъ и мнѣ привелось слышать на Становомъ хребтѣ, но нигдѣ не могли мнѣ сказать, что эти странствованія происходятъ правильными большими стадами. При всемъ томъ охотничьи племена Сибири повсюду жалуются, что «звѣрь откочнулся». Сначала я былъ остороженъ. Не встрѣчая кочующихъ животныхъ, я полагалъ, что то, чему придавалось значеніе случайнаго кочеванія, слѣдуетъ объяснять иначе. При благопріятныхъ обстоятельствахъ бо́льшая часть мелкихъ грызуновъ размножается такъ быстро, что невольно можно подумать: да то, что мы обыкновенно принимаемъ за отвалъ и привалъ, не простая-ли это убыль и прибыль животныхъ. Между тѣмъ это вовсе не такъ, потому что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, иногда цѣлые годы сряду, до такой степени оказывается недостатокъ въ той или другой породѣ животныхъ (напр. бѣлокъ, соболей и т. п.), что при всемъ усердіи охотниковъ нельзя отыскать ни единаго слѣда [2]). Кромѣ того, постоянно въ туже самую осень, кото-

---

[1]) Въ томъ-же 1720-мъ году лоси и олени зашли въ окрестности Тары (Bell, l. c. стр. 203). Случается ли это и въ настоящее время?

[2]) Срав. 2-й томъ нѣм. изд. II, 2, 78. Въ сѣв. Америкѣ происходитъ тоже самое. По р. Мекензи, чрезъ каждыя 6 — 7 или 8 — 9 лѣтъ зайцы до такой степени всѣ уходятъ, что нельзя отыскать ни одного, ни живаго, ни мертваго. Слѣдовательно Гуперъ (Hooper, Ten months among the tents of the Tuski, London, 1853, p. 382) придаетъ эпидеміямъ слишкомъ большое значеніе.

рая бываетъ богата мелкими грызунами, появляется очень много хищныхъ животныхъ; невозможно предположить, чтобы и послѣднія размножались съ такою-же быстротою, хотя, правда, нельзя не принять во вниманіе, что въ голодные годы не только большія хищныя животныя уничтожаютъ меньшихъ, но и вообще хищники поѣдаютъ другъ друга. Наконецъ замѣчено, что на самомъ дѣлѣ удачная охота въ одной мѣстности сопровождается неудачею въ другой, ближайшей къ ней, мѣстности, такъ что напр. обильный песцами годъ на Оби соотвѣтствуетъ скудному году на Енисеѣ, а обильный годъ на полуостровѣ Камчаткѣ — скудному на р. Анадыри [1]). По этой части зоологія еще чрезвычайно бѣдна наблюденіями.

Удовольствуемся разъясненіемъ факта, что въ Сибири прирожденное царству животныхъ влеченіе къ кочеванію развито несравненно сильнѣе, и несравненно повсемѣстнѣе, чѣмъ намъ позволяютъ судить наблюденія въ Европѣ [2]). Повторимъ еще разъ,-что влеченіе къ кочеванію, въ полномъ своемъ разгарѣ, оказывается положительно-самостоятельнымъ, внутреннимъ побужденіемъ. Метеорологія даже не всегда будетъ имѣть возможность указывать средства, въ какой степени это влеченіе возбуждается и поощряется извнѣ. Способъ проявленія этого влеченія самобытенъ, типиченъ и объусловленъ внутреннею силою. Множество подтвержденій этого мы встрѣтимъ и при дальнѣйшемъ изложеніи нижеслѣдующихъ соображеній. Главнымъ доказательствомъ значительной самостоятельности влеченія животныхъ къ кочеванію долженъ намъ служить тотъ, подробно-разсмотрѣнный уже выше (см. стр. 142 и 311) фактъ, что на глубокомъ сѣверѣ, равно какъ въ умѣренныхъ широтахъ, нѣкоторыя осѣдлыя животныя на зиму остаются на мѣстѣ, хотя большая часть животныхъ того-же вида откочевываетъ въ другія мѣста. Слѣдовательно зимованію этого вида животныхъ нисколько не противятся неблагопріятныя условія метеорологическихъ особенностей даннаго мѣста. Такого рода осѣдлые особняки между переходными животными — назовемъ ихъ осѣдло-переходными животными (ständige Zugthiere) — встрѣчаются между всѣми кочующими млекопитающими [3]), даже между самыми явными кочевниками, сѣверными оленями. Туземцамъ сѣверной Сибири этотъ фактъ хорошо извѣстенъ, потому что охотники отличаютъ «стоячихъ» оленей отъ «ходячихъ».

---

[1]) Только вслѣдствіе непосредственной связи, существующей между обиліемъ мышей и обиліемъ хищныхъ животныхъ, первыя играютъ такую важную роль у охотничьихъ племенъ глубокаго сѣвера. Но и въ области земледѣлія встрѣчаются примѣры, которые относятся сюда. Осенью 1803 года, когда между Тобольскомъ и Тарой водяныя крысы опустошали поля, онѣ были ограничены множествомъ появившихся горностаевъ (Хвостова и Давыдова, Двукратн. Путешествіе). Срав. наконецъ извѣстія Палласа (Reise III, 88) и Стеллера (Kamtschatka, 123).

[2]) Серръ (Des causes des migrations, p. 310) увѣрялъ, что кочуютъ только мелкія млекопитающія животныя. Онъ забылъ про оленью и бычачью породу, про лошадей, антилопъ и т. д., между которыми встрѣчается множество кочующихъ видовъ.

[3]) Развѣ только мускусный быкъ сѣв. Америки нигдѣ не встрѣчается осѣдлымъ, а бываетъ только кочевымъ животнымъ. Въ Апрѣлѣ нов. ст., въ американско-арктическомъ архипелагѣ (Barthhurst-Island), подъ $75^1/_2$° с. ш., кромѣ мускусныхъ быковъ, встрѣчались также сѣв. олени (Osborn, Stray leaves, 1852, стр. 224). Но Осборнъ выводитъ отсюда, кажется, слишкомъ поспѣшное заключеніе, что зимою животныя съ островной группы Парри вовсе не уходятъ на материкъ.

Иное явленіе намъ представляютъ птицы и рыбы. Между явными перелетными птицами на глубокомъ сѣверѣ нѣтъ ни одной осѣдло-перелетной птицы, да ея и не можетъ быть, потому что у насѣкомоядныхъ птицъ истощается пища, а водныхъ и голенастыхъ птицъ ледяной покровъ лишаетъ ихъ стихіи. Осѣдло-перелетными птицами тамъ мнѣ извѣстны только такія, которыя подъ менѣе суровыми широтами чисто осѣдлыя и никакъ не болѣе какъ временно отлетающія птицы (напр. бѣлыя куропатки). Такимъ образомъ мы вправѣ сказать, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ осѣдлыми стали не прежнія перелетныя птицы, а по всей вѣроятности большая часть искони осѣдлыхъ птицъ, вслѣдствіе неблагопріятныхъ климатическихъ условій, преобразилась въ перелетныхъ птицъ. Но это опредѣленіе никакъ не можетъ имѣть такой силы, чтобы оправдать мнѣніе Фабера, полагающаго, что нельзя найти ни одного вида птицъ, у котораго одни индивидуумы, водящіеся въ болѣе южной птичьей полосѣ, принадлежали бы къ перелетнымъ, а другіе, въ болѣе сѣверной полосѣ, къ осѣдлымъ птицамъ. Кромѣ вышеприведенныхъ примѣровъ, галки, вороны, куропатки и т. п. также доказываютъ противное. Подъ болѣе сѣверными широтами (напр. въ Лифляндіи), онѣ постоянно зимуютъ, тогда какъ далѣе къ югу (напр. около Кіева) оказываются настоящими перелетными птицами [1]). Если мы, вмѣсто широтъ, примемъ за мѣрило изохимены, то мы, конечно, болѣе приблизимся къ истинѣ, но все-таки не получимъ совершенно вѣрныхъ данныхъ.

Воды глубокаго сѣвера потому только довольно богаты разными видами рыбъ, что въ нихъ остается немало осѣдло-переходныхъ рыбъ. Чѣмъ ближе къ морю, тѣмъ ихъ больше. Я не мало удивился, встрѣтивъ болѣе дюжины разныхъ рѣчныхъ рыбъ еще подъ 71° с. ш. и примѣрно въ 50 геогр. миляхъ отъ моря [2]). Кромѣ того, было еще много разновидностей этихъ рыбъ. При всемъ томъ я только два вида лоховъ сибирскихъ рѣкъ могу признать за настоящихъ осѣдлыхъ лоховъ [3]), которые никогда изъ моря не забираются вверхъ по рѣкамъ. Всѣ остальные — осѣдло-переходные лохи, т. е. такіе кочующіе лохи, которыхъ не только во время кочеваго періода и метанія икры, но и впродолженіе всего года, можно застать въ рѣкахъ, да притомъ также невзрослыми, а это доказываетъ, что они совершенно свыклись съ прѣсной водой. По-видимому существуютъ лохи, составляющіе нѣчто среднее между осѣдло-переходными и чисто-осѣдлыми рыбами, какъ напр. пелетъ [4]), который главнымъ образомъ осѣдлая рыба.

---

1) Въ Екатеринбургѣ (57° с. ш.) зимуютъ галки и вороны, въ Лифляндіи, подъ тою-же широтою, и куропатки, тогда какъ около Кіева (50½° с. ш.) первыя отчасти улетаютъ, а куропатки около Оренбурга (52° с. ш.) перелетныя птицы. Въ Исландіи Фаберъ засталъ осѣдлыми птицами даже Rallus aquaticus и Haematopus ostralegus, которыя подъ гораздо болѣе южными широтами Европы являются перелетными птицами. Въ этомъ случаѣ одними изохименами также нельзя объяснить дѣло, а необходимо принять въ соображеніе съ одной стороны затрудненіе для слабокрылаго Rallus aquaticus перелетѣть чрезъ океанъ, а съ другой — теплые ключи Исландіи.

2) У Боганиды однихъ лоховъ было: S. thymallus, S. Pelet, S. nasutus, sicus, omul, Boktschegor, microstomus, albula, Muksun, Kundscha. Кромѣ того тамъ водились налимы, щуки, колюшки, окуни.

3) Таковы въ особенности являются харіусы (Thymallus), настоящія горныя рыбы. За тѣмъ я причисляю къ этому отдѣлу ленка (S. coregonoides).

4) На сѣверѣ Сибири пелетъ большею частію извѣ-

*

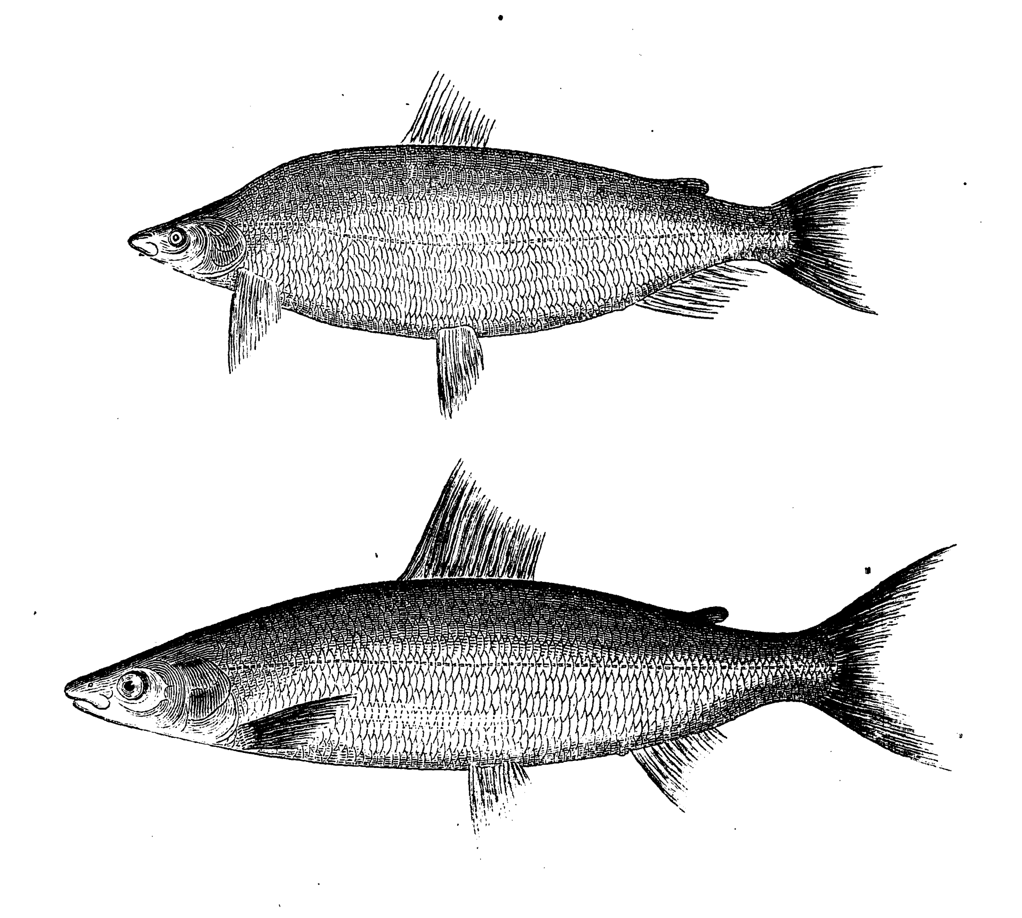
Осѣдло-переходныхъ рыбъ мы вправѣ считать за такихъ, сдѣлавшихся осѣдлыми, переходныхъ рыбъ, предки которыхъ почему-либо не успѣли возвратиться въ море. Такой способъ воззрѣнія тѣмъ удобнѣе можетъ быть примѣненъ къ глубокому сѣверу, что нерѣдко осѣдло-переходныхъ рыбъ я встрѣчалъ въ тундренныхъ озерахъ, которыя только во время прибытія лоховъ находятся въ связи съ рѣками, а потомъ, во время отбытія лоховъ, вслѣдствіе осенняго пониженія водной поверхности, разъединяются съ рѣками и лишаются всякаго стока. Въ такомъ случаѣ, слѣдовательно, чисто физическо-географическая необходимость заставляетъ рыбъ перемѣнять образъ жизни. Съ образомъ жизни измѣняются и ихъ свойства, потому что рыбаки глубокаго сѣвера умѣли хорошо отличать осѣдло-переходныхъ отъ неосѣдлыхъ рыбъ тогоже вида. Какіе поучительные примѣры для будущаго зоологическаго путешественника! Да, мнѣ хотѣлось бы имѣть такое вліяніе, которое дало бы мнѣ возможность отправить специалиста, въ сопровожденіи нѣсколькихъ молодыхъ ученыхъ, примѣрно на Енисей и, главнымъ образомъ, къ устьямъ этой рѣки, и окрестностямъ, для ближайшаго разрѣшенія вопроса о видахъ и разновидностяхъ рыбъ въ этихъ необыкновенно-богатыхъ мѣстахъ улова. Встрѣчаются видоизмѣненія формъ, о которыхъ наши музеи позволяютъ только догадываться, отрывочныя переходныя формы, правильный смыслъ которыхъ можно отыскать лишь тамъ, гдѣ вамъ дана возможность рыться въ сотняхъ тысячь экземпляровъ.

Сообщаю ниже нѣсколько политипажей, которые сдѣланы по рисункамъ моего дорожнаго портфеля и могутъ служить указаніемъ, какъ разнообразна можетъ быть форма одной и той-же рыбы. Сначала мнѣ хотѣлось оспоривать у зоологовъ дикой пустыни установленныя ими опредѣленія видовъ, но вскорѣ я понялъ, что они прозорливѣе меня, и не сталъ затрогивать ихъ, моей задачей было, подвигаться все далѣе и далѣе впередъ. Привезенный мною богатый запасъ ихтіологическихъ матеріаловъ будетъ обработанъ г. академикомъ Брандтомъ.

стенъ только какъ осѣдлая рыба. Кочующими рыбами, которыхъ ловятъ въ извѣстное время, можно назвать чира (S. nasutus), сига, нельму (S. leucichtys). Кромѣ того, эти осѣдло-переходныя рыбы въ теченіе всего года встрѣчаются въ прѣсныхъ водахъ.

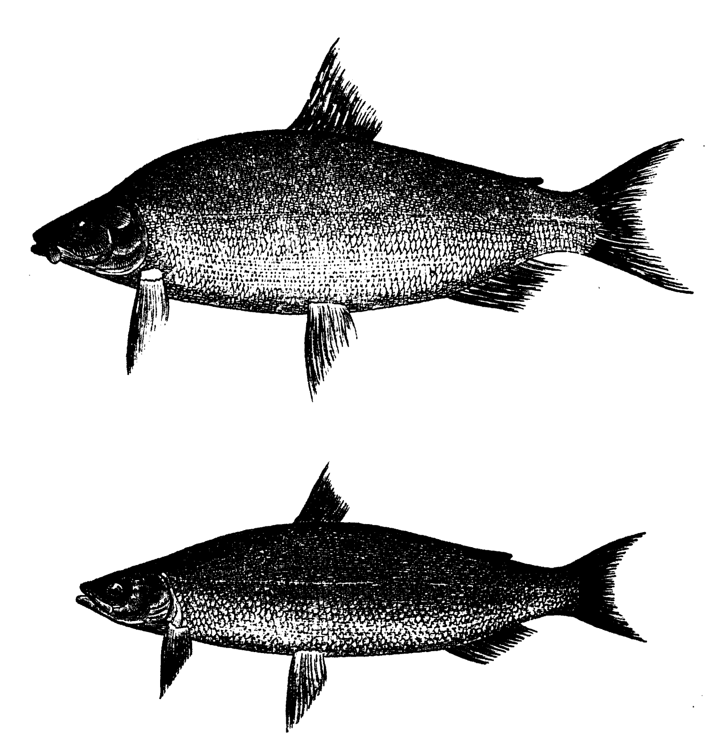
На Енисеѣ подъ $65\frac{1}{3}^{\circ}$ с. ш. (Мироѣдинское), чиръ еще является осѣдлой рыбой. Подъ 74° с. ш. онъ ловился отъ времени до времени къ концу Сентября, когда лохи муксуны сильно стали плыть къ морю. Въ рѣкахъ сѣверо-западной Америки самъ муксунъ называется осѣдло-переходной рыбой (Загоскинъ, Пѣшеход. Опись, I, 138).

Осетры и стерляди по временамъ, правда, также выходятъ изъ Ледовитаго моря, но далеко не такъ явно, какъ лохи; ихъ ловятъ впродолженіи всего года. Они проникли также далеко вверхъ въ рѣки (напр. въ верховья Иртыша) и въ озера, находящіяся въ связи съ этими рѣками. Впродолженіи всего года ловятся и разнаго возраста дѣти всѣхъ этихъ осѣдло-переходныхъ рыбъ, повидимому также предпринимающія дальнія странствованія. Такъ напр., мнѣ разсказывали, что подъ $69\frac{1}{2}^{\circ}$ с. ш. (въ Дудинѣ) по Енисею тянутся вверхъ костёры всего отъ одной до 3-хъ пядецей длины. Подъ $66\frac{1}{2}$ с. ш. (въ Ангутихѣ) мнѣ подтвердили тоже самое и рыбаки были согласны между собою, что это дѣти простаго осетра.

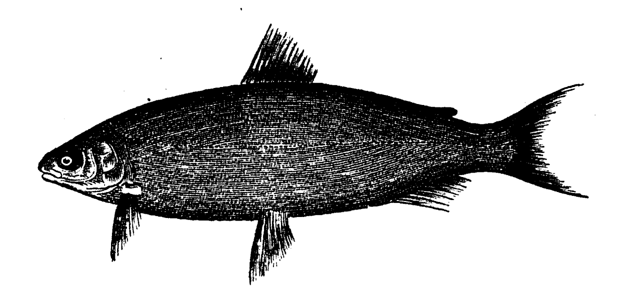

Два сига изъ Боганиды, пойманные въ началѣ Сентября.

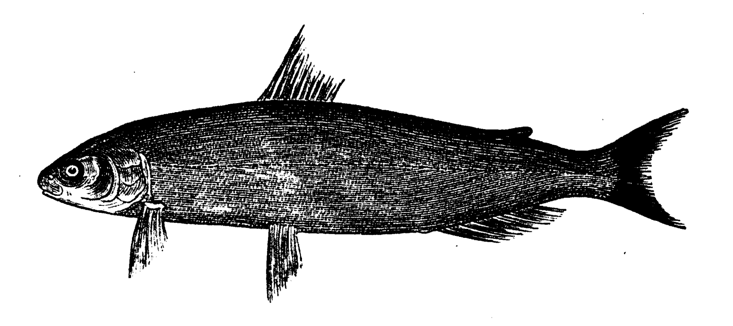
Регулярныя кочеванія переходныхъ рыбъ большею частію также простираются такъ далеко вверхъ по рѣкамъ, что пришлось бы удивляться, если бы изъ безчисленныхъ мильоновъ рыбъ возвратились всѣ до единой. Притомъ въ Таймырскомъ краѣ малютка лохъ-тугунъ, морской муксунъ и, можетъ быть, также сельдяной лохъ по-видимому единственныя рыбы, которыя, какъ исключительно-странствующія рыбы, нигдѣ не встрѣчались осѣдлыми въ прѣсной водѣ. Въ Охотскомъ же морѣ, напротивъ того, къ такимъ рыбамъ принадлежала бо́льшая часть лоховъ. Такъ какъ тамъ влеченіе къ кочеванію доходитъ до кочеванія до̀-смерти, то и не остается ни одной рослой рыбы въ пресныхъ водахъ.

Два пелета изъ Боганиды, пойманные въ началѣ Августа.

Морской чиръ (S. nasutus) изъ озера въ окрестностяхъ Боганиды.

Рѣчной чиръ (S. nasutus) изъ Боганиды; оба пойманы въ концѣ Іюля.

Направленіе и пути кочеванія.

Поищемъ сначала у сѣв. оленей отвѣта на вопросъ о направленіяхъ кочеваній. Между млекопитающими сѣв. олени едва-ли не самые отъявленные кочевники; они похожи на перелетныхъ птицъ въ томъ отношеніи, что проходятъ необыкновенно большія пространства, что, подобно имъ, отправляются въ путь стадами, даже еще многочисленнѣе птицъ, цѣлыми десятками тысячъ, и что, наконецъ, придерживаются извѣстныхъ путей и извѣстныхъ временъ кочеванія.

Прежде всего выдѣлимъ кочеваніе вверхъ и внизъ по горамъ, которое происходитъ во всѣхъ поясахъ и вдоволь извѣстно также Альпійскому обитателю Европы. Послѣдній ежегодно, на зиму, съ увѣренностію ждетъ посѣщенія съ горъ. Каменные бараны, серны, олени, козули, зайцы и лисицы спускаются съ горъ въ долину, хотя и играютъ тутъ роль чужеземцевъ, уходящихъ домой, какъ скоро ихъ безпокоятъ, и вовсе не являющихся, когда весеннее солнце мало-мальски дозволяетъ остаться дома. Страна свѣта тутъ вовсе ничего не значитъ: нерѣдко животныя на зиму какъ разъ уходятъ къ сѣверу. Вершина горъ — суровый полюсъ, отъ котораго они бѣгутъ; подножіе горъ, вокругъ — лучшій поясъ, къ которому они откочевываютъ, или также только на время уходятъ. Богатыя снѣгомъ мѣстности, или особенно снѣжные годы обыкновенно явно усиливаютъ кочеваніе съ горъ. Тогда для жителей долинъ настаетъ раздолье по части добыванія горныхъ животныхъ. По этому-то даже на сѣверной окраинѣ Азіятскаго плоскогорья, т. е. въ южной Сибири, какъ на Становомъ, такъ и на Саянскомъ хребтѣ или на Алтаѣ, горныя животныя, напр. козули[1], на зиму почти постоянно уходятъ въ долины не къ югу, а къ сѣверу; на западной же окраинѣ къ западу, и даже подъ 52° с. ш. къ югу онѣ тысячами переправляются чрезъ рѣки, соображаясь съ направленіемъ горнаго хребта, какъ напр. на южной покатости Становаго хребта. Еще десятью градусами южнѣе, тоже самое дѣлаютъ Кавказскіе олени и козули съ собратьями, но они не кочуютъ болѣе, а только спускаются нѣсколько ниже и останавливаются на зимнихъ квартирахъ уже на высотѣ 2000′ на уровнемъ моря.

Такимъ-же образомъ поступаютъ и сѣв. олени въ горахъ южной Сибири, но иначе на равнинахъ и въ горныхъ странахъ глубокаго сѣвера, гдѣ они становятся явно-кочевыми животными, которыя на зиму уходятъ далеко къ югу. Съ небольшими лишь исключеніями, которыя вынуждены мѣстностями, они странствуютъ по горамъ и по доламъ, и даже черезъ большія рѣки. Преимущественно, конечно, они тянутся отъ сѣвера къ югу, но въ разныхъ мѣстахъ это направленіе отклоняется отъ направленія меридіана, и идетъ отъ сѣверо-запада на юго-востокъ, или отъ сѣв.-востока на юго-западъ[2]). Но компасъ,

---

[1]) Срав. напр. Вѣстн. Геогр. Общ. т. XXII, 1858, Изслѣд. и Матеріалы, стр. 150, гдѣ Усольцевъ разсказываетъ, какъ Манегры подстерегаютъ переправу козулей при стеченіи Дзеи и Силимджи.

Срав. также нѣмецк. изд. этого соч. т. II, 2, стр. 119.

[1]) И въ Скандинавіи сѣверные олени болѣе или менѣе странствуютъ въ направленіи отъ сѣвера къ югу (Liliеborg, Observationes Zoologicae, 1844, p. 21). Они набираются тамъ тысячами.

которому они слѣдуютъ, такъ точенъ, что переправа сѣв. оленей чрезъ морской ледъ къ прибрежьямъ Чукотской земли подала главный поводъ не только къ предположенію о существованіи полярной земли, но и къ опредѣленію заранѣе ея положенія[1]); опредѣленіе это въ настоящее время, со стороны Берингова пролива, подтверждено Англичанами, за которыми съ тѣхъ поръ послѣдовало множество китолововъ.

Удивительна регулярность, которую животныя соблюдаютъ при своихъ «проходахъ». Все охотничье искусство, вся радость и все горе цѣлыхъ народныхъ племенъ глубокаго сѣвера основаны на точномъ знаніи настоящихъ періодовъ и положенія этихъ проходовъ, на которыхъ они подстерегаютъ кочующихъ животныхъ, чтобы заготовить запасы на цѣлую зиму. Кто хочетъ ясно представить себѣ свалку при такой почти невѣроятной рѣзнѣ, тому стоитъ только прочесть бойкое описаніе ея въ Путешествіи Врангеля[2]). Точно также и на томъ-же точномъ мѣстѣ, какъ во времена Врангеля и спутника его Матюшкина, сѣверные олени проходили уже въ прошломъ столѣтіи[3]). Сильное влеченіе къ кочеванію подавляетъ столь живое въ иное время влеченіе къ самосохраненію, и сѣверный олень, который обыкновенно очень боязливъ, по-видимому столь-же безсмысленно какъ кочующая рыба, ежегодно мчится къ однимъ и тѣмъ-же гибельнымъ для нихъ засадамъ.

Но такъ какъ птицамъ путь никогда не можетъ быть загражденъ до такой степени, какъ млекопитающимъ животнымъ, то при ближайшемъ разсмотрѣніи этого вопроса все-таки оказывается, что пути кочеванія послѣднихъ должны быть измѣнчивѣе тѣхъ путей, которымъ слѣдуютъ птицы. Мнѣ извѣстно нѣсколько примѣровъ, доказывающихъ, что стада переходныхъ сѣв. оленей пытались освободиться отъ дани проложеніемъ новыхъ путей. Но все-таки они охотно возвращаются опять на покинутый путь. Прекратившіеся со временъ Врангеля переходы упомянутыхъ выше сѣв. оленей чрезъ Анюй (они бросили ихъ, такъ что мѣстность опустѣла на долгіе годы), недавно, говорятъ, снова возобновлены ими, какъ сообщаютъ Майдель и Нейманъ[4]).

---

[1]) Срав. напр. свѣдѣнія, собранныя въ 1829 году (Врангель въ Записк. Гидрограф. Деп. Морск. Мин. 1842, I, стр. XXI). По слѣдамъ сѣв. оленей открыты были также Ляховы острова (Sauer, I, стр. 191).

[2]) Врангель, Путешествіе II, стр. 87, 92, 217. — Съ точно такими-же «проходами» ознакомились искатели Франклина на сѣверѣ Америки. Такъ напр. Кеннеди (Second voyage of the Prince Albert, 1853, стр. 128, 133), въ Сѣв.-Соммерсетѣ, между 72° и $72^1/_2$° с. ш., въ началѣ Апрѣля, нашелъ такой «проходъ» сѣв. оленей и мускусныхъ быковъ. Книгу (Narrative of a Journey, 1836, I, стр. 280) подъ $65^1/_3$° с. ш. въ одинъ день случилось видѣть по крайней мѣрѣ 20,000 сѣв. оленей.

[3]) Мое мнѣніе я основываю на сравненіи Матюшкинова описанія съ извѣстіями, собранными въ прошломъ столѣтіи Сарычевымъ (Путеш. I, 1802, стр. 78) и Зауеромъ (Voyage dans la mer glaciale, traduit par Castéra 1802, I, стр. 161). Кажется, что слышишь разсказъ современниковъ — И черезъ Анадырь стада кочевыхъ сѣв. оленей три дня сряду такъ тѣснили другъ друга, что, будучи убиваемы, не могли сторониться (Pallas, Neue Nord. Beiträge I, стр. 244).

[4]) Срав. нѣм. изд. этого соч. II, 2, стр. 120, относительно случая на Хатангѣ. Тамъ кочеваніе сѣв. оленей, и избіеніе ихъ при переправѣ чрезъ Хатангу были въ полномъ ходу уже за 100 лѣтъ ранѣе (см. Зап. Гидрогр. Деп. IX, стр. 39). На востокъ отъ Колымы происходило нѣчто подобное (Врангель, Путеш. II, стр. 228, 324, и Сибирск. Вѣстн. III, стр. 17). Въ полной мѣрѣ это подтверждается новѣйшими извѣстіями, привезенными намъ Нейманомъ изъ странъ, столь отдаленныхъ отъ цивилизованнаго міра (Извѣст. Сибир. Отд. Геогр. Общ.

Въ Таймырскомъ краѣ сѣв. олени, водящіеся на самомъ глубокомъ сѣверѣ, странствуютъ около 100 геогр. миль къ югу; въ сѣв. Америкѣ они уходятъ вдвое дальше. Прибывъ въ область лѣсной растительности, они раздѣляются на маленькія стада и сходятся опять лишь къ веснѣ.

У сѣв. оленей встрѣчается даже случай, котораго между птицами еще никогда не бывало. Нѣкоторыя телята родятся во время лѣтняго кочеванія оленей къ сѣверу и въ теченіе позднѣйшей своей жизни отправляются не къ мѣсту своей родины, а постоянно къ сѣверу или къ югу, т. е. мимо ея. И у леммминговъ родятся дѣтеныши во время странствованія, на пути. Не отстаютъ-ли они, оставаясь въ мѣстахъ случайнаго рожденія?

Наконецъ упомянемъ еще объ одной аномаліи: о безсмысленномъ, по-видимому, кочеваніи сѣв. оленей съ Ново-Сибирскихъ острововъ и сосѣдняго съ ними Полярнаго края. Весною они отправляются на югъ въ то время, когда всѣ прочія стада отправляются къ сѣверу [1]). Противорѣчіе объяснится, коль скоро мы будемъ смотрѣть на это кочеваніе какъ на распространенное бродяжничанье. Вѣроятно, голодъ гонитъ животныхъ съ ограниченной территоріи острова на материкъ, къ которому ледяной переходъ, какъ извѣстно, устанавливается лишь около весны. Осенью же, въ самое время кочеванія, пловучій ледъ еще болѣе открытой воды преграждаетъ всякое сообщеніе. То, что мы тутъ сообщили, разсмотрѣно уже выше (стр. 366) въ другомъ отношеніи.

За тѣмъ перейдемъ къ птицамъ. Узнать пути, по которымъ онѣ странствуютъ, несравненно труднѣе, и намъ удастся изучить ихъ только тогда, когда страны, по которымъ проходятъ пути перелетныхъ птицъ, будутъ покрыты густою сѣтью наблюдательныхъ пунктовъ. Въ Сибири по этой части еще ничего не сдѣлано, а въ Европейской Россіи едва положено начало. Эта истина оградитъ недостатки нижеслѣдующихъ соображеній отъ несправедливыхъ нареканій.

1871, I, стр. 27). Онъ говоритъ, что еще до сихъ поръ сѣв. олени тысячами и десятками тысячь у Анадырскаго острога переправляются чрезъ Анадырь, имѣющаго тамъ около 2 верстъ ширины. Еще лѣтъ 60 тому назадъ нѣчто подобное происходило на Колымѣ и обоихъ Анюяхъ; теперь это бываетъ только на Анадырѣ и Анабарѣ. На всѣхъ другихъ рѣкахъ эта охота теперь кончилась. Такъ гласитъ извѣстіе **Неймана**.

За 100 лѣтъ до меня въ низовьяхъ р. Таймыра проводили лѣто тысячи сѣв. оленей (Зап. Гидрогр. Деп. IX, стр. 42, 43). — И при **Адамсѣ** сѣв. олени каждую осень переправлялись чрезъ устья **Лены** (Mém. de l'Acad. de St.-Pétersb. 1815, т. V, стр. 435).

Ричардсонъ въ описаніи своего послѣдняго путешествія (Searching Exp. II, стр. 84) также говоритъ, что неподалеку отъ Гудзонова залива (York-Factory, 68° с. ш.) сѣв. олени покинули обычный проходъ послѣ непомѣрной рѣзни, и возвратились на старый путь лишь черезъ 17 лѣтъ. Но, слишкомъ уменьшившись числомъ, не ограничили ли они вообще своихъ странствованій? На сѣверѣ Европ. Россіи сѣв. олени также кочуютъ, какъ я разузналъ, въ Финляндіи, подъ 65° с. ш., но далеко не такъ положительно. Можетъ быть, сѣв. олени, ежегодно убиваемые къ югу отъ Ладожскаго озера, тоже лишь такіе странники?

1) У **Палласа** (Neue Nord. Beitr. VII, стр. 231 и 132) Мартъ и Апрѣль, а въ Запискахъ Гидрогр. Деп. I, XXI, Февраль считается временемъ прибытія сѣв. оленей къ двумъ наиболѣе выдающимся мысамъ на материкѣ Сибири (**Шелагскомъ**) на востокъ, и (**Святомъ**) на западъ отъ Колымы.

Имѣя въ виду, что на о. Шпицбергенѣ ежегодно убиваютъ 1500 сѣв. оленей, **Кропоткинъ** (Докладъ Коммиссіи по снаряженію экспедиціи въ сѣверныя моря, 1871, стр. 61) выводитъ отсюда заключеніе, что эта убыль покрывается приходомъ другихъ сѣв. оленей, напр. съ неизвѣстнаго Полярнаго края. Но я не вижу никакой надобности дѣлать такой выводъ: дѣло объясняется очень просто отсутствіемъ волковъ на Шпицбергенѣ. Протяженіе Шпицбергена вполнѣ достаточно.

Въ какомъ направленіи кочуютъ Сибирскія птицы? На это можно отвѣтить отчасти на основаніи непосредственныхъ наблюденій, отчасти косвенно. Въ Таймырскомъ краѣ, подъ 70° с. ш., на нашей постоянной станціи при Боганидѣ, я распорядился точнымъ сравненіемъ направленія кочеванія съ направленіемъ меридіана; за тѣмъ-же я слѣдилъ и самъ подъ болѣе сѣверными широтами. Какъ тамъ, такъ и тутъ, перелетъ водяныхъ птицъ вообще среднимъ числомъ направлялся отъ сѣвера къ югу, но у нѣкоторыхъ стай онъ отклонялся на столько, что самая крайняя разница, которую мы наблюдали, равнялась половинѣ прямаго угла, такъ какъ нѣкоторыя стаи, и притомъ бо́льшая ихъ часть, тянулись къ ССВ., а другія на ССЗ. По-видимому это относится даже къ птицамъ одного и того-же вида. Главный обратный путь, почти безъ исключенія, шелъ отъ ССВ. къ ЮЮЗ., надъ нашимъ наблюдательнымъ пунктомъ на Боганидѣ.

Остаются-ли при этомъ направленіи тѣ птицы, которыя высиживаютъ яйца свои въ Таймырскомъ краѣ? По моему мнѣнію, едва-ли. Дѣло въ томъ, что при удлиненіи упомянутаго направленія къ югу, оно натыкается на Алтайскій хребетъ и на верховья Енисея. По всѣмъ свѣдѣніямъ, которыя у насъ имѣются, вѣроятнѣе, какъ мнѣ кажется, что перелетныя птицы Таймырскаго края, по крайней мѣрѣ главныя ихъ массы, въ южной Сибири сильнѣе направляются къ западу, чтобы перебраться чрезъ степи при верховьяхъ Оби и Иртыша. Извѣстія путешественниковъ не позволяютъ намъ предполагать, что онѣ летятъ вдоль Енисея до горнаго хребта, чтобы чрезъ эти ворота пронестись надъ Азіятскимъ плоскогоріемъ. Будущимъ наблюдателямъ въ упомянутыхъ мѣстностяхъ необходимо обратить вниманіе на этотъ предметъ. Попытаемся пока отыскать для нашего взгляда нѣкоторыя данныя изъ другихъ мѣстностей.

Въ Таймырскомъ краѣ, который въ видѣ огромнаго однообразнаго полуострова тянется къ крайней сѣверной оконечности Азіи по направленію къ полюсу, перелетъ птицъ совершается безпрепятсвеннѣе всего, кажется, въ главномъ направленіи отъ сѣвера къ югу. Но дѣло принимаетъ другой оборотъ тамъ, гдѣ направленіе морскихъ береговъ оказываетъ свое вліяніе. По-видимому оно въ состояніи совершенно измѣнить нормальное направленіе, и притомъ по самымъ противоположнымъ странамъ свѣта. Не смотря на недостатокъ наблюденій, произведенныхъ именно для нашей цѣли, я не затрудняюсь представленіемъ доказательствъ въ подтвержденіе моего мнѣнія.

Переводчикъ мой, два раза зимовавшій при впаденіи Пясины въ Ледовитый океанъ, увѣрялъ меня, что тамъ, подъ $73\frac{1}{2}°$ с. ш., перелетныя птицы прилетали съ запада, да туда-же и улетали.

Врангель [1]), напротивъ того, при своей поѣздкѣ на востокъ отъ Колымы, подъ $71\frac{1}{2}°$ с. ш., 18-го Апрѣля, встрѣтилъ большую стаю «черныхъ утокъ», летѣвшихъ на С.-З., а десять дней спустя — множество стай той-же птицы, летѣвшихъ даже на западъ. Ихъ было такое множество, что онѣ, въ полномъ смыслѣ слова, покрывали большія ледяныя поля.

[1]) Путешествіе, II, стр. 171, 176.

Слѣдовательно, если въ Таймырскомъ краѣ водяныя птицы среднимъ числомъ летѣли по направленію отъ юга къ сѣверу, какъ разъ къ самому сѣверному мысу Сибири, то къ востоку и къ западу оттуда, птицы изъ противоположныхъ направленій стремятся къ тому-же самому пункту. Въ этомъ обстоятельствѣ мы должны признать существенное вліяніе, которое гидрографическая конфигурація различныхъ странъ оказываетъ на направленіе перелета птицъ. Прибрежья, равно какъ и рѣчныя системы, въ состояніи сдвинуть перелетъ на прямой уголъ, и даже направить его въ діаметрально противоположную сторону. Такія отклоненія часто, но не всегда, можно предсказывать; стоитъ только взглянуть на карту. Такъ гуси прилетаютъ къ южному прибрежью Новой Земли съ востока, или точнѣе съ В.-Ю.-В., какъ будто бы прилетали съ острова Вайгача. Осенью же они улетаютъ на Ю.-Ю.-З. или даже на Ю.-З.-Ю.[1]). Нѣкоторыя птицы, какъ извѣстно, перелетаютъ чрезъ Атлантическій океанъ изъ Европы въ Гренландію въ западно-сѣверо-западномъ направленіи[2]). Кто взялся бы предсказать это? въ особенности у насъ, привыкшихъ въ восточной Европѣ къ тому, что вообще перелетъ птицъ отъ своего сѣвернаго направленія нѣсколько отклоняется къ востоку.

Впрочемъ, этими замѣчаніями мы далеко еще не затронули всѣхъ отклоненій, которымъ подвергается направленіе перелетовъ. Разные виды птицъ пролетаютъ тутъ или тамъ надъ однимъ и тѣмъ-же мѣстомъ въ совершенно различныхъ направленіяхъ. Мало того, одинъ и тотъ-же видъ иногда можетъ покидать одну и туже страну въ разныхъ направленіяхъ, какъ это именно дѣлаютъ Камчатскіе гуси, которые осенью улетаютъ чрезъ море отчасти на юго-западъ (къ Японскимъ островамъ), отчасти на юго-востокъ и даже на востокъ, чрезъ Алеутскіе острова въ Америку[3]).

---

1) По Пахтусову (Зап. Гидрогр. Деп. I, стр. 112, 119).

2) Это положительный фактъ, на который указывалъ уже Фаберъ, но онъ установленъ Гольбёллемъ (Isis, 1845, стр. 748), вслѣдствіе непосредственныхъ наблюденій на морѣ. Этимъ путемъ Falco peregrinus, Str. brachyotos, Numenios phaeopus и Cygnus melanorhynchus перелетаютъ въ Гренландію. Saxicola oeneanthe въ состояніи пробираться только этимъ путемъ, потому что, кромѣ Гренландіи, она нигдѣ въ Америкѣ не встрѣчается. Голенастыя птицы по-видимому улетаютъ осенью изъ Англіи въ томъ-же направленіи, только на оборотъ, потому что на фонаряхъ маяковъ близь Гавра расшибаютъ себѣ головы съ запад. стороны (Журн. Коннозав. и Охоты, 1850, XXVI, Май, стр. 158).

3) Ричардсонъ (Searching Exped. I, стр. 282) видѣлъ, какъ примѣрно подъ 70° с. ш. къ востоку отъ р. Мекензи, Ans. hyperboreus и Colymbus borealis (?) перелетали на юго-востокъ. Нѣсколько дней передъ тѣмъ гаги и казарки улетѣли по направленію къ юго-западу. —Rae (Journal of the Royal Geogr. Soc. of London, 1852, № 22, p. 91) при второй своей поѣздкѣ въ Victoria-Land, подъ 70° с. ш. также видѣлъ, какъ большія стаи гусей тянулись въ юго-юго-западномъ направленіи, слѣдовательно во внутрь края, а Char. pluvialis и другія мелкія птицы, напротивъ того, пролетали въ юго-восточномъ направленіи, вѣроятно самымъ краткимъ путемъ къ Гудзонову заливу.

О двойномъ осеннемъ направленіи Камчатскихъ гусей свидѣтельствуетъ Эрманъ (Reise um die Erde, I, 3, стр. 231). Что они тянутся вдоль Курильскихъ острововъ къ Японскимъ прибрежьямъ, это понятно; у Головина (Путешествіе шлюп. Діаны, 1819, II, стр. 227, замѣч.) я нахожу замѣчательное извѣстіе, что около половины Сентября даже въ широтахъ Японіи сѣверныя перелетныя птицы тянулись въ юго-восточномъ направленіи. Куда? Вѣроятно къ Каролинскимъ и Сандвичевымъ островамъ?

Уже Стеллеръ (Beschr. von dem Lande Kamtschatka, 1774, стр. 188) увѣряетъ, что другая часть гусей зимуетъ дѣйствительно въ Сѣв. Америкѣ. Онъ прямо говоритъ, что перелетныя птицы, въ особенности гуси, и между ними Ans. albifrons, прилетаютъ къ Берингову острову съ востока и опять улетаютъ въ томъ-же направленіи. Это мнѣ подтвердилъ и г. Вознесенскій. По отзыву моряковъ, часто бывающихъ на Алеутскихъ островахъ,

Очень многія изъ новѣйшихъ наблюденій показываютъ, какъ извѣстно, что осенью нѣкоторыя птицы возвращаются не тѣмъ путемъ, по которому онѣ прилетѣли весной. Гдѣ весною ихъ бываетъ вдоволь, тамъ осенью часто ихъ вовсе не видно. Но для Сибири у меня нѣтъ никакихъ данныхъ, развѣ только то, что фомка (Lestr. pomarina) весною на Боганидѣ встрѣчалась очень рѣдко, осенью же, напротивъ того, весьма часто. Впрочемъ, иногда, можетъ быть на одномъ и томъ-же пути, птицы при прилетѣ отдыхаютъ въ однихъ мѣстахъ, при отлетѣ — въ другихъ; вслѣдствіе этого и могъ появиться вышеупомянутый взглядъ. Въ сухую осень охотники (напр. въ окрестностяхъ С.-Петербурга) тщетно выжидаютъ появленія бекасовъ на заведенныхъ искони мѣстахъ отдохновенія. Плавающія и голенастыя птицы вообще тянутся осенью вдоль морскихъ береговъ въ такихъ мѣстахъ, гдѣ осень бываетъ суха, весною же пролетаютъ надъ внутреннею частію тѣхъ-же странъ.

Чтобы покончить со всѣми уклоненіями, я долженъ еще прибавить, что жители сѣверной Сибири нерѣдко даже увѣряютъ, что перелетныя птицы не каждый годъ высиживаютъ яйца въ однихъ и тѣхъ-же мѣстахъ, а изъ году въ годъ мѣняютъ мѣста. При устьѣ Пясины въ одно лѣто преимущественно убивали казарокъ (Ans. bernicla), въ другой годъ — только пискунцевъ и плехановъ (ruficollis, leucopsis, albifrons и Temminckii)[1], тогда какъ въ оба эти года не появлялось ни одного гуменника. Хотя многія данныя изъ другихъ, болѣе изслѣдованныхъ странъ говорятъ въ пользу такихъ показаній, но вообще возвращеніе птицъ къ прежнему мѣсту высиживанія яицъ, даже къ прежнему гнѣзду, такой положительный фактъ, что нельзя не быть достаточно осторожнымъ, когда дѣло идетъ о подобныхъ разсказахъ. Легко можетъ быть, что только общая и основательная жалоба на этотъ разъ облечена въ другія слова. Дѣло въ томъ, что на глубокомъ сѣверѣ лебеди и гуси въ разные года даютъ то богатый, то очень скудный урожай, смотря потому, прилетѣли ли они въ большомъ или маломъ количествѣ[2]). На сколько это имѣетъ общее значеніе, на столько же это можетъ быть отнесено и къ отдѣльнымъ видамъ. Довольно часто намъ случается замѣчать, что одинъ видъ хорошо уродится въ тоже самое лѣто, въ которое другой видъ того-же самаго рода, составляетъ рѣдкость. Часто весною не возвращаются наши старые знакомцы, и въ такомъ случаѣ мы, кажется, вправѣ

Ans. segetum, нерѣдко утомленный осеннимъ перелетомъ, спускается на воды этихъ острововъ.

[1]) Срав. нѣм. изданіе этого сочиненія, II, 2, стр. 229. — Тоже самое, какъ общее правило, разузнали также Врангель (Путеш. I, стр. 251) и Кривошапкинъ.

[2]) Если изъ 84 видовъ, даже 18 не каждый годъ посѣщаютъ Гренландію (Holböll, Isis, 1845, стр. 747), но исключеніи, кромѣ того, 14 видовъ, которые являются туда только случайно; если въ иные годы въ Лифляндію не прилетаютъ стрижи (Fischer, Naturgesch. Livlands, стр. 235), если принять въ соображеніе сотни другихъ подобныхъ случаевъ, подмѣченныхъ нами самими, то нельзя, кажется, сомнѣваться въ томъ, что въ ежегодной правильности перелетовъ бываетъ не мало исключеній. Съ другой же стороны вышеприведенный случай при устьѣ Пясины можно объяснить очень просто, предположивъ, что въ первый годъ охота на казарокъ, какъ болѣе легкая, производилась съ такимъ успѣхомъ, что уцѣлѣло всего нѣсколько представителей этой породы гусей. Если за тѣмъ случайно, во время перелета и на мѣстѣ зимовки, успѣшно уничтожались и эти немногіе представители, то не трудно понять, что на другой годъ, въ той-же ограниченной мѣстности, добывались только гуси другихъ видовъ.

предполагать, что они погибли во время продолжительнаго своего путешествія, подверженнаго тысячи разныхъ опасностей.

И такъ вопросъ о путяхъ перелетовъ птицъ оказывается дѣломъ очень запутаннымъ. Нѣкоторые изслѣдователи пришли къ тому заключенію, что собственно нѣтъ опредѣленныхъ путей, а что птицы подвигаются впередъ огромнымъ развернутымъ строемъ. О нѣкоторыхъ птицахъ и мѣстностяхъ это, можетъ быть, и можно сказать, но что касается другихъ, напр. водяныхъ и голенастыхъ птицъ, въ особенности на глубокомъ сѣверѣ, то не подлежитъ сомнѣнію, что онѣ придерживаются опредѣленныхъ путей [1]). Стоитъ только подумать, что способъ питанія тѣхъ птицъ, которыя въ этомъ отношеніи своеобразны, требуетъ уже совершенно опредѣленныхъ приваловъ. Такъ напр. морскія гагары, преимущественно привязанныя къ морю, странствуютъ чрезъ внутреннія части Европы вдоль большихъ рѣкъ, такъ что у нихъ на пути нигдѣ не встрѣтится недостатка въ пищѣ; такимъ-же образомъ краснобрюхая семендюха, какъ справедливо замѣчаетъ Дросте [2]), тянется вдоль гребней горныхъ хребтовъ, а не вдоль морскихъ береговъ, какъ ея близкіе по гнѣздамъ гиперборейскіе товарищи; ближайшій же ея родичъ, Squatarola helvetica, напротивъ того, летитъ преимущественно вдоль морскихъ береговъ, равно какъ и Tr. platyrhincha, такъ что во внутреннихъ частяхъ Европы ихъ можно встрѣтить только чрезвычайно рѣдко [3]). Опредѣленные пути перелета обусловливаются этою зависимостью перелетныхъ птицъ отъ необходимыхъ для нихъ мѣстъ питанія уже потому, что птицы вовсе не такъ быстро перебираются черезъ страны, какъ это доселѣ вообще полагали.

Но главные пути сопровождаются побочными и распадаются на менѣе значительные пути. Чѣмъ ближе мы подвигаемся къ тому поясу, гдѣ извѣстный видъ птицъ высиживаетъ яйца, тѣмъ болѣе развѣтвляется масса древообразно развѣтвленныхъ путей вдоль рѣкъ и рѣчекъ, вдоль горъ и долинъ. Если бы распредѣленіе въ этомъ поясѣ мѣстъ, гдѣ каждый отдѣльный видъ птицъ высиживаетъ яйца, представить наглядно, то оно, подобно листьямъ, висящимъ на послѣднихъ развѣтвленіяхъ дерева, приняло бы форму совершенно своебразной древесной листвы, являющейся для каждаго вида птицъ въ другомъ родѣ. Дѣйствительно мы получили бы на бумагѣ самыя разнообразныя формы кустовъ и деревьевъ, если бы намъ удалось нанести на бумагу цѣлый перелетъ каждаго вида

---

[1]) Такія пути признаны и въ средней Европѣ; Фрейза (Journ. für Ornithol. 1857, стр. 385) находитъ, что Рейнъ, равно какъ Мозель и Маасъ, настоящіе большіе пути, по которымъ перелетныя птицы летятъ къ Женевскому озеру и Средиземному морю. Другія птицы отправляются вдоль Одера къ югу, а у истоковъ этой рѣки перебираются на притоки Дуная. Это совпадаетъ съ наблюденіями на Босфорѣ.

[2]) Droste, Die Vogelwelt der Nordseeinsel Borkum, 1869, стр. 149. По этому-то въ горахъ внутреннихъ частей средней Европы кое-гдѣ Char. morinellus высиживалъ яйца. Въ Крыму онъ остается съ осени до Декабря и возращается очень рано (Шатиловъ въ Bullet. des Natur. de Moscou, 1860, стр. 505).

[3]) Bullet. de la Soc. Ornitholog. Suisse, I, 1, 1865, стр. 31. Въ Швейцаріи встрѣчены только 3 экземпляра Tr. platyrhincha, хотя эта птица ежегодно зимуетъ около Монпелье.

По свидѣтельству многихъ (напр. Богданова, Поволжье, стр. 129) Squatarola helvetica и Char. morinellus, хотя и въ незначительномъ количествѣ, тянутся вдоль Волги.

птицъ въ томъ или другомъ краѣ. Надъ низкимъ сильно перепутавшимся кустарникомъ и густымъ лѣсомъ рослыхъ деревьевъ кое-гдѣ возвышались бы исполинскія, безъ сучьевъ, пальмы, которыя, будучи нанесены на карту, корнями своими засѣли бы въ Египтѣ, а широкими листьями своими осѣняли бы прибрежныя страны Ледовитаго океана, за предѣломъ древесной растительности.

Въ видѣ такихъ высокихъ пальмовыхъ фигуръ, съ моей точки зрѣнія, обрисовываются преимущественно пути обоихъ видовъ гусей глубокаго сѣвера: плехановъ и пискунцевъ (Ans. albifrons и ruficollis), на которыхъ мы ниже обратимъ особенное вниманіе.

Теперь, не смотря на совершенно недостаточный и даже едва существующій матеріалъ положительныхъ наблюденій, я позволю себѣ все-таки набросать нѣсколько замѣтокъ о томъ, какъ я себѣ представляю пути перелетовъ сѣверныхъ птицъ Россіи. Это ничто иное, какъ указанія на субъективныя мои предположенія, составленныя на основаніи произведенныхъ доселѣ недостаточныхъ наблюденій, указанія, цѣль которыхъ — побудить образованныхъ людей, находящихся въ нашемъ необъятномъ отечествѣ въ мѣстностяхъ удобныхъ для производства и сообщенія наблюденій по этой части.

Во-первыхъ, я вправѣ, кажется, предположить, что на сѣверныхъ берегахъ Сибири, нѣкоторыя гиперборейскія водныя птицы прилетаютъ съ запада на востокъ или съ востока на западъ, т. е. арктическимъ поперечнымъ путемъ, который преимущественно идетъ по направленію географической широты. Уже въ предыдущемъ выпускѣ (стр. 298), нѣсколько лѣтъ тому назадъ, я упомянулъ о томъ, что особенная довѣрчивость гребенухъ (spectabilis) у Таймырскаго озера привела меня къ заключенію, что зимою онѣ улетаютъ не къ югу, а на востокъ и на западъ, къ открытымъ частямъ Ледовитаго океана. Этимъ въ тоже время высказано было странное съ виду мнѣніе, что на самомъ глубокомъ сѣверѣ Сибири такія птицы весною прилетаютъ къ своимъ мѣстамъ высиживанія яицъ въ направленіи отъ С. къ Ю., осенью же, напротивъ того, съ своими птенцами отправляются на С., ища защиты отъ непогодъ наступающей зимы. Я очень радъ, что нашелъ свидѣтеля, подтверждающаго мою догадку. Священникъ Аргентовъ первый сообщилъ, что къ востоку отъ Лены, на сѣв. берегу Сибири, «однѣ птицы прилетаютъ съ востока, другія съ юга, а нѣкоторыя съ сѣвера, да притомъ, чѣмъ далѣе къ востоку мѣсто лежитъ, тѣмъ ранѣе»[1]). Этотъ поперечный путь мы, кажется, вправѣ предположить и для глубокаго сѣвера Америки; кромѣ гребенухи (An. specta-

---

[1]) Это извѣстіе подтверждаютъ Хитрово (Жичанскій улусъ) и недавно еще Майдель (Извѣст. Сибир. Отд. Геогр. Общ. 1871, II, 2 и 3), который говоритъ, что въ Чукотскомъ краѣ очень красивый видъ утокъ (не An. spectabilis ли?) тянется съ востока вдоль берега къ западу, а потомъ уже поворачиваётъ къ сѣверу. Тоже самое должно сказать о бѣлыхъ гусяхъ. Осенью они возвращаются тѣмъже путемъ, по которому прилетѣли. Вѣроятно они высиживаютъ яйца на Врангелевой землѣ, потому что часть этихъ гусей улетаетъ на сѣв.-востокъ. Третьякову также разсказывали (Зап. Геогр. Общ. 1869, стр. 323), что весною «съ моря» прилетаютъ нѣкоторые виды утокъ къ устью Хатанги.

Въ Кэново зимовье, подъ $80^1/_2{}^\circ$ с. ш., казарки также прилетали съ востока, (Arctic Explorat. I, стр. 289).

bilis) имъ вѣроятно пользуются еще казарки (Ans. bernicla)[1]), бѣлые гуси (Ans. hyperboreus) и Lar. Sabinei[2]). Съ распространеніемъ мнѣнія о вліяніи Гольфштрома и согрѣтыхъ лѣтомъ водныхъ массъ большихъ Сибирскихъ рѣкъ на Полярное море, указаніе такого поперечнаго пути, по которому тянется часть перелетныхъ птицъ глубокаго сѣвера, пріобрѣтаетъ особенное значеніе.

Судя по свѣдѣніямъ Радде, южно-сибирскій поперечный путь объусловливается стѣною окраиннаго хребта и избирается такими птицами, которыя не рѣшаются перебраться за этотъ окраинный хребетъ. Можетъ быть, нижнее теченіе Дуная также побуждаетъ нѣкоторыхъ перелетныхъ птицъ направляться тамъ по поперечному пути.

Перелетныя птицы, слѣдующія по арктическому поперечному пути, среди самой зимы по-видимому вытѣсняются изъ полярнаго водоема въ Атлантическій океанъ, въ Берингово море и въ Великій океанъ. Слѣдовательно, весною эти птицы отправляются вдоль западныхъ и восточныхъ береговъ Атлантическаго и Берингова рукавовъ къ сѣверу, и за тѣмъ, слѣдуя по прибрежьямъ Ледовитаго океана, расходятся въ противоположномъ направленіи, однѣ къ западу, другія къ востоку. Бѣлый гусь отличается отъ двухъ другихъ вышеупомянутыхъ видовъ тѣмъ, что лишь немногіе представители его вида придерживаются пути Атлантическаго восточнаго прибрежья. Главная масса его держится восточныхъ и западныхъ береговъ Америки, весною снимается здѣсь съ Кубы, тамъ изъ Калифорніи, къ сѣверу, и за тѣмъ, вилообразно, расходится по Американскимъ и Восточно-Сибирскимъ берегамъ Ледовитаго моря. Какъ на сѣверо-западныхъ прибрежьяхъ Европы, такъ и на берегахъ Японіи, онъ встрѣчается лишь въ весьма незначительномъ количествѣ.

Явнѣе всего по этимъ поперечнымъ путямъ слѣдуютъ тѣ сѣверныя плавающія птицы, которыя лишь шагъ за шагомъ отступаютъ передъ наступающей зимой[3]), какъ

---

[1]) И въ низовьяхъ Енисея Третьякову разсказывали (Зап. Геогр. Общ. 1869, стр. 319), что «чернаго гуся» потому-то и называютъ «морскимъ гусемъ», что онъ весною прилетаетъ съ востока, даже съ сѣверо-востока.

Валленгренъ (Naumannia, 1855, стр. 159) справедливо говоритъ, что казарки Скандинавіи родомъ съ сѣверо-востока, объясняя, что въ Балтійскомъ морѣ онѣ встрѣчаются гораздо чаще, чѣмъ на запад. прибрежьяхъ Скандинавіи.

[2]) Акклиматизація, 1861, стр. 484.

Можетъ быть и орелъ (очевидно морской), который какъ первая перелетная птица появляется, говорятъ, уже въ половинѣ Марта стар. ст. на Ледовитомъ океанѣ, и улетаетъ около половины до конца Октября, и «черная морская утка» (An. fusca; ср. стр. 374 примѣч. и предыдущій выпускъ, стр. 298), которая, по словамъ Аргентова, прилетаетъ къ Колыми также съ востока.

[3]) Larus Sabinei вовсе не встрѣчалась на Боганидѣ и по-видимому вообще не пролетаетъ по Сибири. Слѣдовательно, она тянется по р. Таймыру и по арктическому поперечному пути. An. spectabilis появляется въ половинѣ Декабря въ Варангеръ-фьордѣ, на юго-востокъ отъ Нордкапа, зимуетъ тамъ и исчезаетъ, не высиживая яицъ, около половины Мая (нов. ст.), вѣроятно на востокъ (Schrader въ Naumannia, 1853, II, стр. 220). Не тянутся ли они вдоль арктическаго поперечнаго пути изъ Новой Земли, и въ Новую Землю? можетъ быть изъ одной части западныхъ Сибирскихъ береговъ Ледовитаго океана? An. spectabilis дѣйствительно лишь рѣдко пролетаетъ по внутренней части Сибири, какъ напр. подъ 71° на Боганидѣ, но уже никакъ не вдоль Лены, о чемъ я тщательно разспрашивалъ на мѣстѣ. Въ Ледовитомъ океанѣ, къ востоку отъ Берингова пролива, Бичи встрѣтилъ безчисленныя стаи гребенухъ и гагарокъ, пробиравшихся вдоль прибрежья Ледовитаго океана, слѣдовательно по арктическому поперечному пути, на юго-западъ, къ Берингову проливу. Тѣ стаи тѣхъ-же самыхъ видовъ утокъ, которыя высижены на прилегающей восточной половинѣ арктическо-американскаго архипелага, странствуютъ, напротивъ того, въ

гребенуха, которая никогда не пролетаеть по внутренней части Сибири, а отчасти вмѣстѣ съ нею и гага. На сѣверо-западномъ берегу Америки тоже бываетъ съ An. Fischeri, столь похожей на An. spectabilis [1]).

противоположномъ направленіи, на юго-востокъ, милліонами вдоль Баффинова залива, какъ видно изъ донесеній искателей Франклина.

Казарки, вмѣстѣ съ прочими видами, прилетали съ запада къ устью Пясины, на западные берега Таймырскаго края. Мимо устья Колыми, напротивъ того, онѣ пролетали весною съ востока, вѣроятно, чтобы занять свои мѣста высиживанія птенцовъ на Ново-Сибирскихъ островахъ (напр. безспорно по Геденштрэму, въ Сибирск. Вѣстн. III, 143, видѣвшему на льду Колымскаго залива, какъ гуси тянулись на С.-С.-З.), можетъ быть даже до восточныхъ береговъ Таймырскаго края; по крайней мѣрѣ въ подлинникѣ полярныхъ путешествій Пронщищева я нашелъ извѣстіе, что въ Ледовитомъ океанѣ, къ западу отъ Лены, подъ $73^1/_2{}^\circ$ с. ш., онъ видѣлъ осенью гусей, летѣвшихъ съ сѣверо-запада на юго-востокъ. «Черныхъ утокъ», видѣнныхъ Врангелемъ, мы должны признать за казарокъ, тѣмъ болѣе, что въ сѣверной Сибири ихъ вообще называютъ не гусями, а утками. Если Киберъ прибавилъ къ этому anas nigra, то это ничего не значитъ, такъ какъ у насъ есть положительныя доказательства, что онъ прибѣгалъ къ сочиненію самыхъ невозможныхъ зоологическихъ названій. Не хочу впрочемъ скрыть, что на восточныхъ берегахъ Новой Земли Пахтусову встрѣчалась anas fusca (Гейглиномъ подтверждено это тамъ-же) еще въ гораздо высшихъ широтахъ, чѣмъ Врангель находилъ своихъ «черныхъ утокъ».

Когда все это уже было написано, я получилъ, благодаря дружескому содѣйствію г. Штубендорфа, рукописное извѣстіе съ нижняго теченія Лены, въ которомъ говорится, что, по увѣренію тамошнихъ уроженцевъ, нѣкоторые виды гусей и утокъ прилетаютъ къ нимъ не изъ лежащихъ южнѣе странъ, а съ сѣвера, съ Ледовитаго океана. Эти виды (сказано въ рукописи) прилетаютъ туда раньше другихъ перелетныхъ птицъ и не встрѣчаются далѣе внутри края. — Извѣстіе это превосходно согласуется съ моимъ предположеніемъ объ арктическихъ поперечныхъ путяхъ. Можетъ быть, оно указываетъ даже на птицъ, зимующихъ въ открытой водѣ полярнаго водоема. Мы можемъ даже навѣрно сказать заранѣе, что вытребованныя головы и ноги этихъ замѣчательныхъ птицъ окажутся головами и ногами Anas spectabilis, An. bernicla и Ans. hyperboreus.

Заканчивая это примѣчаніе, я нашелъ еще подтвержденіе высказаннаго тутъ мнѣнія. Изъ дневника г. Вознесенскаго оказывается, что внутри Камчатки гуси и лебеди въ 1846 и 1847 годахъ иногда тянулись съ юга на сѣверъ, впрочемъ весною чаще и тѣмъ положительнѣе на сѣверо-западъ, или даже съ востока на западъ, чѣмъ болѣе путешественникъ заходилъ на западные берега полуострова.

Это ничто иное какъ повтореніе извѣстія, сообщеннаго уже 100 лѣтъ тому назадъ нашими моряками (Зап. Гидрогр. Деп., IX, стр. 439) о томъ, что перелетныя птицы прилетаютъ въ Камчатку съ запада и на зиму опять возвращаются туда. — Даже Anas histrionica съ конца Сентября зимуетъ у Ситхи (Langsdorff, Reise, II, стр. 90).

Подъ 61° с. ш. въ Беринговомъ проливѣ гуси большими фалангами летѣли на югъ еще 5-го Октября нов. ст., а что имъ приходится зимовать даже близъ 64° с. ш., видно изъ того наблюденія, что еще 6-го Ноября при наступленіи теплой погоды тотчасъ-же появилось и множество гусей (Hooper, Ten·month's и т. д. 1853, стр. 11, 28).

Считаю нужнымъ упомянуть тутъ еще о весьма замѣчательномъ мнѣніи Сотерленда (Southerland, Journal of a voyage, I, стр. 8), полагающаго, что арктическія птицы, въ особенности чистики, отдаютъ себя на произволъ теченій и такимъ образомъ совершаютъ свои странствованія безъ помощи своихъ слишкомъ короткихъ крыльевъ. Зимній предѣлъ морскихъ птицъ, выносящихъ зимнюю стужу, вѣроятно не мало опредѣляется теченіями, которыя не только вліяютъ на предѣлъ полярнаго льда, но и увлекаютъ маленькія раковинныя животныя и китовый кормъ въ невольныя и опредѣленныя странствованія.

Отдѣльные пискунцы, бѣлые гуси и казарки, появляющіяся зимою около Даніи (Naumannia, 1850, II, стр. 53), у Боркума (Droste, Vogelwelt von Borkum, стр. 267), на берегахъ Шотландіи и Англіи, въ Провансѣ (Journ. für Ornithol., 1856, стр. 231), и даже на берегахъ сѣверной Африки, вѣроятно прилетаютъ по арктическому поперечному пути. Тоже должно замѣтить о столь гиперборейской птицѣ, какъ Larus Sabinei, который все-таки встрѣчается около Дублина (Zoolog. Record, 1868, стр. 109). Въ Швейцарію, на Женевское озеро, Lar. Sabinei вѣроятно былъ занесенъ только случайно (Naumannia, 1856, стр. 172).

Какія это «снѣговые гуси», которые, по словамъ Чуди (Die Alpenwelt, стр. 65), при своихъ перелетахъ, посѣщаютъ горную область? Навѣрное это не Ans. hyperboreus?

[1]) An. Fischeri была весьма обычная птица на островѣ св. Михаила (Dale et Bannister, List of the birds of Alasca).

Прилетъ птицъ на Сибирскіе берега Ледовитаго моря совершается однакоже не только вдоль упомянутыхъ арктическихъ поперечныхъ путей, но, главнымъ образомъ, по меридіаннымъ путямъ, изъ которыхъ Арало-Каспійскій Обскій путь безусловно самый важный. Всѣ сѣверныя водяныя птицы, оставшіяся на зиму въ Египтѣ, у Персидскаго залива, отъ береговъ Белуджистана до Остъиндіи, тянутся, кажется, преимущественно вдоль западной окраины и западныхъ отроговъ Гималайскаго хребта къ Арало-Каспійской низменности, къ сѣверу, соединяются тутъ съ тѣми птицами, которыя перенесли зиму уже у южной половины Каспійскаго моря, и за тѣмъ мчатся чрезъ степныя, но богатыя озерами, рѣчныя области Тоболя, Ишима и Иртыша далѣе на сѣверъ къ низовьямъ Оби. Этотъ-то путь я и называю Арало-Каспійскимъ Обскимъ. Это главный путь, оживленность котораго весною превосходитъ всякія соображенія. Въ этомъ согласны между собою всѣ извѣстія путешественниковъ [1]).

Этотъ главный путь не только разсыпаетъ свое богатство на прилегающія сѣверныя тундры, но и доставляетъ, по моему мнѣнію, не малое количество птицъ отъ устья Оби, поперекъ основанія полуострова Ялмалъ по направленію къ Карскому заливу и далѣе по арктическому поперечному пути, къ берегамъ Новой Земли [2]); срав. стр. 369. Но и птицы, прилетающія съ запада къ устьямъ Енисея и Пясины, по-видимому отчасти пролетаютъ вдоль Обскаго пути и Обскаго залива. Наконецъ, можетъ быть, обиліе птицъ, встрѣчающееся уже на Енисеѣ у Туруханска, происходитъ оттого, что отъ Арало-Каспійскаго Обскаго пути отдѣляется Иртышско-Енисейскій путь, выходящій на Енисейскій путь.

Но Арало-Каспійскій Обскій путь не только самъ по себѣ богатъ, но явно пополняется еще Волжско-Тобольскимъ путемъ. Изъ сѣверной половины Каспійскаго моря, резервуара, въ которомъ и при которомъ скопляется безчисленное множество перелетныхъ птицъ, послѣднія только отчасти отправляются прямо вдоль рѣки Урала и восточной покатости Уральскаго хребта къ низовьямъ Оби; самымъ же главнымъ путемъ на югѣ Европейской Россіи оказывается долина рѣки Волги. Благодаря въ особенности Донскому пути, она получаетъ очень значительное приращеніе съ Понта [3]). Часть перелетныхъ птицъ, которыя упомянутымъ образомъ поднимаются вдоль Волжскаго пути къ сѣверу, подъ широтами Самары и Уфы переходитъ на востокъ за Уралъ и такимъ образомъ по Волжско-Тобольскому пути достигаетъ нижняго Обскаго пути [4]). Только

---

[1]) Срав. напр. Палласа (Reise III, стр. 20).

[2]) Пахтусовъ говоритъ, правда, что перелетныя птицы южнаго берега Новой Земли прилетаютъ съ Печоры; но это противорѣчитъ его собственнымъ показаніямъ о компасныхъ направленіяхъ странствованія птицъ.

[3]) Сѣверцовъ (Періодич. явленія въ жизни и пр. Воронежской губ. 1855, стр. 247) говоритъ, что осенью казарки (т. е. Ans. segetum, Ans. albifrons и Ans. bernicla) тысячами, даже десятками тысячъ долго остаются въ долинѣ рѣки Дона. Изъ нихъ оказывается послѣднихъ меньше.

Еще однимъ указаніемъ на Волжско-Тобольскій путь можетъ, кажется мнѣ, служить замѣчаніе Богданова (Птицы и звѣри черноземной полосы Приволжья, 1871, стр. 99), что въ иные годы восточная Alauda tatarica цѣлыми тысячами весною пролетаетъ надъ Сарептою.

[4]) Уже Гмелинъ Младшій (Gmelin, Reise, I, стр. 168) называлъ Донъ путемъ для птицъ. При Волжской

часть птицъ, появляющихся въ низовьяхъ Волги, тянется на европейской сторонѣ Уральскаго хребта по Волжско-Печорскому пути до береговъ Ледовитаго океана.

На западъ отъ Волги, въ Европейской Россіи перелетъ водяныхъ птицъ сравнительно лишь незначителенъ, и не сильнѣе, чѣмъ на западѣ Европы. Въ особенности вдоль Днѣпра перелетъ можно назвать скуднымъ, хотя при взглядѣ на карту можно бы было назвать его удобнымъ путемъ чрезъ безконечныя Пинскія болота до нашихъ Прибалтійскихъ губерній. Тѣ перелетныя птицы, которыя тянутся вверхъ вдоль и по Малой Азіи, изъ Нильской долины къ западному берегу Понта, вѣроятно больше придерживаются равнинъ нижняго Дуная и Днѣстра[1]). Въ прибрежныя страны Финскаго залива птицы прилетаютъ, кажется, главнымъ образомъ съ юго-запада, вдоль Балтійскаго моря.

Будущія наблюденія рѣшатъ вопросъ, который изъ двухъ путей посѣщается болѣе всего: Нило-Каспійскій или Нило-Понтскій, ведущій частію къ Донско-Волжскому пути, частію изъ Малой Азіи кратчайшимъ путемъ къ оконечности Крыма[2]). Этимъ путемъ, кажется, летятъ только материковыя птицы.

лукѣ (49° с. ш.) Палласъ видѣлъ Ans. albifrons, летѣвшихъ на западъ, слѣдовательно по Донскому пути (Reise, III, стр. 648), тогда какъ другія птицы, а именно Grus leucogeranos, летѣли на югъ, т. е. вдоль Волжскаго пути.

Направленіе Волжско-Тобольскаго пути я беру изъ наблюденій Палласа (Reise, I, стр. 148; II, стр. 12), видѣвшаго, какъ около Самары и Уфы водяныя птицы весною летѣли по направленію отъ запада на востокъ и даже отъ сѣверо-запада на юго-востокъ. Этимъ объясняется также необыкновенное изобиліе перелетныхъ птицъ на Исети, гдѣ Арало-Каспійскій главный путь и Волжско-Тобольскій путь сталкиваются между собою. Не только Палласъ, въ разныхъ мѣстахъ, но и Георги (Reise, стр. 524) говоритъ о почти невѣроятномъ множествѣ птицъ на всемъ лѣвомъ берегу рѣки Тоболя.

[1]) Сюда указываетъ подмѣченное на Босфорѣ направленіе перелетовъ отъ Ю.-Ю.-В. къ С.-С.-З. (Alléon и Vian въ Revue et Magasin de Zoologie, 1869, стр. 258). — Далѣе къ сѣверу этотъ путь переходитъ, можетъ быть, въ указанный Фрейзою Одерскій путь (стр. 371, примѣч. 1-е).

[2]) Во время путешествія по внутренней части Финляндіи я отыскивалъ гнѣздилища безчисленнаго множества болотныхъ бекасовъ (именно дупеля, Scol. major), которыя въ иные годы около Новгорода, С.-Петербурга и въ Лифляндіи пролетаютъ столь огромными стаями, что ежедневно можно настрѣлять съ полсотни. Но до 62° с. ш. они, равно какъ и барашекъ (Scol. gallinago), встрѣчались лишь изрѣдка, а оттуда до полярнаго круга вовсе не попадались, хотя не могли ускользнуть отъ вниманія моей хорошей охотничьей собаки. Слѣдовательно, по-видимому они только потому такъ часто попадаются нашимъ охотникамъ, что изъ обширныхъ мѣстностей сѣверо-восточнаго угла Европ. Россіи (Двинской области) собираются на сравнительно узкомъ пути, вокругъ Финскаго залива, въ западо-юго-западномъ направленіи, чтобы за тѣмъ отправиться далѣе въ юго-западномъ направленіи. Къ югу оттуда, подъ тѣми-же меридіанами, около Кіева, въ теченіе трехлѣтняго моего тамъ пребыванія, пролетали только мѣстные бекасы, высиживавшіе тамъ свои яйца, но не сѣверныя стаи, потому что дупелей было очень мало; большую часть убивали въ концѣ Іюля, а послѣднихъ въ концѣ Августа. Очевидно это были только бекасы, высиживавшіе яйца и набравшіеся изъ той-же мѣстности. Въ слѣдующіе же годы Кеслеру (Естеств. Исторія Губерн. Кіевск. Учебн. Окр. Зоологія, 1852, стр. 31) удалось видѣть большія стаи, но и онъ жалуется на ихъ большую неправильность. Я полагаю, что тамъ едва-ли пролетаютъ сѣверныя стаи; вѣроятно это только такія птицы, которыя высижены около истоковъ Днѣпра и Десны. Просмотрѣвъ дневники одного страстнаго охотника, я убѣдился, что дупеля вовсе не пролетаютъ надъ южнымъ берегомъ Крыма и рѣдко высиживаютъ тамъ яйца, хотя ближайшій родичъ ихъ, барашекъ (Scol. gallinago) тамъ-же высиживаетъ яйца и пролетаетъ. Надъ Кіевомъ онъ, равно какъ гаршнепъ (Scol. gallinula), пролетаетъ, хотя все-еще въ такомъ умѣренномъ количествѣ, что мы не вправѣ принимать ихъ за то безчисленное множество сѣверянъ, которые встрѣчаются въ основаніи Финскаго залива. Замѣтимъ кстати, что около Томска, на Иртышѣ, пролетаетъ чрезвычайно много дупелей.

Вальдшнепъ же, котораго въ Финляндіи я встрѣчалъ гораздо чаще, чѣмъ маленькихъ родичей его, около Кіева

Все, что̀ намъ еще хочется сказать о путяхъ, по которымъ птицы прилетаютъ въ Сибирь, основано на подробныхъ извѣстіяхъ Радде о перелетѣ птицъ въ Дауріи. Онъ чрезвычайно наглядно описываетъ оживленность Селенго-Ангарскаго пути [1]), и указываетъ на то, что р. Сунгари также, можетъ быть, очень оживленный путь. Между тѣмъ у насъ нѣтъ никакихъ свѣдѣній о проходахъ и путяхъ, ведущихъ съ юга въ Амурскій край. Къ сожалѣнію Шренкъ, обратившій особенное вниманіе на время перелетовъ птицъ въ Амурскомъ краѣ, не имѣлъ случая пробыть надлежащее время на рѣкахъ Уссури и Сунгари. Можетъ быть, отъ Селенго-Ангарскаго пути вилообразно отвѣтвляется сѣверо-восточный путь къ Ленскому пути, который, говорятъ, уже у Якутска чрезмѣрно богатъ перелетными птицами всѣхъ видовъ [2]). Однакоже главная масса птицъ несомнѣнно прилетаетъ съ береговъ Охотскаго моря на Ленскій путь. Спрашивается только, у какихъ проходовъ онѣ главнымъ образомъ переправляются чрезъ Становой хребетъ. Мой путь, по которому я изъ Якутска ѣхалъ въ Удской острогъ, не давалъ мнѣ отвѣта на этотъ вопросъ; тамъ перелетъ оказался бѣднымъ. Съ другой стороны я засталъ перелетныхъ птицъ на изгибѣ р. Лены у Якутска такъ рано, что трудно предположить, чтобы эти птицы прилетали туда по Селенго-Ангарскому пути [3]).

Въ нѣкоторыхъ указанныхъ мною путяхъ птицъ дальнѣйшія наблюденія, которыхъ ожидаетъ наука по этой части, признаютъ, можетъ быть, больше слѣдовъ разгула моего воображенія, чѣмъ взмаховъ птичьихъ крыльевъ, но даже въ случаѣ преждевременности моихъ попытокъ я стану утѣшаться тѣмъ, что онѣ по крайней мѣрѣ не остались безъ послѣдствій, побудивъ другихъ къ разъясненію вопроса. Что бо̀льшая часть перелетныхъ птицъ посѣщаетъ и покидаетъ Сибирь по извѣстнымъ путямъ, въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія; это и понятно само по себѣ, если разсмотрѣть безпрерывный рядъ горныхъ гребней, которыя вѣнчаютъ сѣверный край Азіятскаго плоскогорья, начинаясь у Охотскаго моря въ видѣ громадной пограничной стѣны. Радде (Reisen im Süden von Ost-

---

собирается съ гораздо большаго пространства (для регулярнаго перелета, какъ весною, такъ и осенью), чѣмъ въ Лифляндіи, гдѣ онъ попадается гораздо рѣже. Такимъ образомъ пути ближайшихъ по родству птицъ все-таки различны.

Крымскимъ путемъ, прямо черезъ Понтъ въ Малую Азію, по наблюденіямъ Нордмана (Demidoff, Voyage, III, 1840, стр. 201), летали Falco rufipes, cenchris; Str. otus, brachyotos, scops; Motac. alba, flava et melanocephala; Sax. oenanthe, leucomela, stapacina, rubetra; Sylvia trochilus, phoenicurus, tithys; Alauda brachydactyla; Hir. rustica, riparia; Col. turtur; Perd. coturnix; Otis tetrax; Rallus porzana, Grus virgo. Также Anas querquedula.

1) Reisen im Süden von Ostsibirien, II, стр. 43, 46 и др. Очевидно это тѣ-же самыя перелетныя птицы, которыя, по наблюденіямъ Гюка (Souvenir d'un voyage I, стр. 242, 243), большими стаями пролетали надъ степью Гоби.

2) Въ пользу моего предположенія нѣкоторымъ образомъ говоритъ извѣстіе Мессершмидта (Pallas, Neue Nord. Beiträge, III, стр. 139), видѣвшаго, какъ въ Забайкальѣ, въ долинѣ Онона, примѣрно подъ $50\frac{1}{2}°$ с. ш., 1-го Октября разныя водныя птицы во множествѣ летѣли на юго-западъ.

3) Весьма странно, какъ рано въ 1844 году перелѣтныя птицы прилетѣли въ Якутскъ, хотя жители этого города не могли сказать мнѣ, что это было необыкновенно раннее лѣто. Въ прехолодный Якутскъ ласточки прилетѣли въ тотъ-же самый день, какъ въ С.-Петербургъ, лежащій 2-мя градусами широты южнѣе; даже еще цѣлымъ днемъ раньше, чѣмъ въ среднiй по расчету день С.-Петербурга. Трясогузка прилетѣла 4-мя, кукушка — 10-ю, иволга даже 24-мя днями раньше. Эти разности невѣроятно велики, такъ что мы съ величайшимъ нетерпѣніемъ будемъ ждать изъ Якутска дальнѣйшихъ свѣдѣній по этой части.

sibirien, Vögel, стр. 46) говоритъ, что даже журавли и гуси тянутся по окраинѣ плоскогорья съ востока на западъ, и что только самыя большія и самыя сильныя птицы круто поднимались вверхъ, чтобы продолжать свое странствованіе на высотѣ 8—9000′ надъ моремъ по направленію отъ сѣвера къ югу. Указаніе проходовъ, чрезъ которые масса стремится преимущественно, будетъ задачею будущности. Знаемъ же мы вѣдь уже нѣсколько такихъ проходовъ на Піемонтскихъ Альпахъ и въ Швейцаріи, хотя эти хребты, по своей незначительной поперечной длинѣ, отчасти могутъ быть обойдены, да частію и обходятся перелетными птицами.

Само собою разумѣется, что гдѣ конфигурація страны допускаетъ расширенія, тамъ и перелетныя птицы болѣе распространяются и установленіе опредѣленныхъ путей становится затруднительнымъ, можетъ быть невозможнымъ. Въ особенности, кажется, это бываетъ съ материковыми птицами. Впрочемъ, и онѣ, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, собираются на опредѣленныхъ путяхъ.

Столь-же понятно и то, что пути перелетовъ болѣе всего ограничены тамъ, гдѣ птицамъ пути заграждаются существенными препятствіями, какъ напр. очень круто и высоко выдающимися надъ морскою поверхностію горными цѣпями или также большими водными пространствами. Въ такихъ мѣстностяхъ животныя по-неволѣ скучиваются. Вотъ почему проходы между горными цѣпями, лежащими прямо поперекъ направленія перелетовъ, а еще болѣе острова и продолговатые полуострова, лежащіе по направленію перелетовъ, особенно годятся для наблюденій, могущихъ послужить къ разъясненію направленій нѣкоторыхъ перелетовъ. Въ этомъ отношеніи **Сардинія, Мальта и Босфоръ**[1]) успѣли пріобрѣсти себѣ извѣстность.

Въ Европейской Россіи интереснымъ по этой части краемъ является Крымъ, хотя, впрочемъ, доселѣ мы находимъ въ немъ только повтореніе того, чѣмъ уже прославились выдающіеся въ Средиземное море южные берега Европы, Балеарскіе и Сардинскіе острова, перепелочный островъ Капри, Сицилія и т. д. Какъ тутъ, такъ и на южномъ берегу Крыма, перелетные перепела, выжидая попутный вѣтеръ, въ Сентябрѣ долго остаются на мѣстѣ, прежде нежели рѣшаются приступить къ своему путешествію черезъ Понтъ. Частью днемъ, частью въ ночное время, при свѣтѣ факеловъ, Татары прикрываютъ ихъ тысячами либо маленькими сачками, либо еще проще вѣтками.

Вдоль подобныхъ береговъ, слѣдовательно, выступающія длиннымъ строемъ фаланги даже такихъ материковыхъ птицъ, которыя въ другихъ мѣстахъ, кажется, не придерживаются особыхъ путей, соединяются въ явно-замѣтные пути перелета. Даже на

---

[1]) Оттуда мы вправѣ ждать еще весьма важныхъ наблюденій. Чрезвычайно интересны извѣстія, сообщенныя намъ въ послѣднее время Аллеономъ и Віаномъ (Revue et Magasin de Zoologie, 1869, p. 258; 1870, p. 163).

Въ особенности хищныя птицы летаютъ тамъ такими массами, которыя превосходятъ всякое вѣроятіе. Milvus ater въ концѣ Августа встрѣчается тысячами. Къ началу же Сентября не остается ни одного. Они летаютъ вмѣстѣ съ Vult. percnopterus.

Черные аисты и цапли также летаютъ сообща съ хищными птицами. Но пѣвчихъ и водныхъ птицъ пролетаетъ тамъ также безчисленное множество.

островахъ Зеленаго мыса, которые, по-видимому, лежатъ въ сторонѣ отъ пути перепелочнаго перелета, къ немалому моему удивленію, повторилось тоже самое[1]).

Несравненно важнѣе всѣхъ прочихъ Европейскихъ приваловъ этого рода оказывается получившій, благодаря извѣстіямъ Гэтке, классическое значеніе, островъ Гельголандъ, на которомъ птицы, болѣе слабыя по части летанія, отдыхаютъ отъ своего странствованія чрезъ Нѣмецкое море[2]). Остановимся и мы нѣсколько на этомъ замѣчательномъ привалѣ.

Говорятъ, что на немъ, во время перелета вальдшнеповъ, въ одно утро убиваютъ отъ 300 до 400 штукъ. Откуда они прилетаютъ? Я предполагаю, что между ними лишь нѣсколько финляндскихъ, и можетъ быть вовсе нѣтъ русскихъ слонокъ. Вѣроятно, это почти исключительно скандинавскія птицы, изъ которыхъ многія, можетъ быть, зимуютъ уже въ Англіи и Ирландіи. Такимъ образомъ перелетъ ихъ совершается по направленію отъ сѣверо-востока на юго-западъ [3]). Во всякомъ случаѣ необходимо опредѣлить, не вліяетъ-ли тутъ, можетъ быть, направленіе Балтійскихъ береговъ, отвлекая эту птицу изъ Россіи на поперечный путь отъ востока на западъ?

Имѣя въ виду, что въ осеннее время вальдшнепы массами пролетаютъ надъ срединными частями Европейской Россіи и надъ прибрежными странами Чернаго моря, мы готовы на предложенный вопросъ отвѣтить отрицательно. Изъ моихъ «Isepiptesen» оказывается, что среднимъ числомъ вальдшнепъ прилетаетъ въ Одессу 11-го, въ Кіевъ 19-го, въ Курляндію, подъ $56^1/_2{}^\circ$ с. ш., 27-го, и тамъ-же, градусомъ сѣвернѣе, 31-го Марта. Это представляетъ убѣдительную соотвѣтственность. Въ Финляндіи, къ сожалѣнію, надъ этою птицею не дѣлались наблюденія, но если принять въ соображеніе, что Scol. galinago и Numenius arquata прилетаютъ въ Финляндію въ половинѣ Апрѣля, то мы вправѣ предположить съ величайшею достовѣрностью, что дѣйствительно вальдшнепъ въ Европ. Россіи пролетаетъ почти по направленію отъ сѣвера къ югу[4]).

---

[1]) Я чрезвычайно удивился, когда 13 Августа 1867 года экипажъ англійскаго военнаго корабля, бросившаго рядомъ съ нами якорь передъ Порто-гранде, настрѣлялъ въ горахъ множество перепеловъ. Впослѣдствіи уже я прочелъ въ разныхъ сочиненіяхъ, что въ концѣ Декабря въ С. Яго перепела бываютъ любимымъ предметомъ охоты. Одинъ изъ острововъ Зеленаго Мыса поэтому и называется «Перепельнымъ островомъ».

[2]) Journal für Ornithologie 1856, стр. 70.

Archiv für Naturgeschichte 1857, Jahresbericht über die Vögel, für 1856, p. 35.

[3]) По Кроммелину (Droste, Bericht über die 18-te Versammlung der deutschen Ornithologen - Gesellschaft, 1870, p. 35), бекасы прилетаютъ въ Голландію при западномъ вѣтрѣ въ Октябрѣ и Ноябрѣ. Двѣ страницы далѣе говорится, что они при восточномъ вѣтрѣ летятъ въ Фрисландію. Желательно было бы получить достовѣрныя извѣстія по этому предмету. — Въ первой недѣли Октября въ одномъ мѣстѣ Фрисландіи, въ кустарникѣ было поймано 400 вальдшнеповъ (ibid. стр. 37).

[4]) Правда, что осенью пролетаетъ безчисленное множество бекасовъ чрезъ Смирну (Journal für Ornithologie, 1858, VI, стр. 485), но эти бекасы могутъ также залетать туда изъ западной Сибири.

Вообще было бы довольно трудно въ отношеніи вальдшнеповъ добиться толку по этой части, такъ какъ мѣста, гдѣ они высиживаютъ яйца, тянутся на такое обширное пространство, что съ одной стороны заходятъ даже въ полярный кругъ, а съ другой встрѣчались еще въ Крымскихъ горахъ.

Дупель (Scolopax major) по-видимому прилетаетъ на зимнія квартиры преимущественно къ востоку отъ Греціи, гдѣ онъ часто зимуетъ, и едва-ли забирается южнѣе южныхъ береговъ Малой Азіи. Срав. стр. 376, прим. 2-е.

Большая же часть барашковъ, напротивъ того, переле-

Но что сказать въ такомъ случаѣ о пролетающихъ порознь надъ Гельголандомъ сибирскихъ птицахъ, которыя все-таки могли попасть туда не иначе, какъ летя по направленію отъ востока къ западу?

Хотя, конечно, Anas dispar можетъ прилетать и съ Лапландскихъ береговъ Ледовитаго океана, и съ береговъ Финляндіи, другія же птицы, Sylvia cyanecula, Phyllopneuste borealis, S. locustella, Emberiza aureola, pusilla, Anthus cervinus, Limicola pygmaea, могутъ являться съ сѣвера Европ. Россіи, а Sylvia cyanecula и Pastor roseus даже изъ Скандинавской Лапландіи, все-таки остается немало такихъ птицъ, о которыхъ мы пока не имѣемъ права сказать, что онѣ прилетаютъ въ Гельголандъ не изъ самой Сибири, а изъ болѣе близкихъ странъ; къ такимъ птицамъ можно отнести напр. Phyllopneuste superciliosa, Sylvia certhiola, Hirundo rustica, var. rufa, Lanius phoenicurus, Emberiza rustica, Pyrrhula rosea, Cinclus Pallasii, Turd. ruficollis.

Такъ какъ многія изъ нихъ встрѣчались также въ болѣе сѣверныхъ частяхъ Средней Европы, то едва-ли можно отрицать, что онѣ пролетаютъ по направленію отъ востока къ западу, хотя доказанное появленіе цѣлаго ряда ихъ въ Провансѣ заставляетъ предполагать, что птицы, временно прилетающія въ Гельголандъ изъ Сибири, продолжаютъ путь свой въ юго-восточномъ направленіи до Средиземнаго моря [1]). Во всякомъ случаѣ весьма странно, что напр. Phyllopneuste superciliosa пролетаетъ надъ Гельголандомъ очень поздно въ году, именно въ теченіи всего Октября нов. ст. [2]). Впрочемъ, по словамъ Радде, и у озера Тарей-Норъ (къ югу отъ Байкала) эта пѣвунья заключаетъ собою стаи перелетныхъ птицъ въ концѣ Сентября и безъ вреда переноситъ 4—5 градусовъ мороза.

Упомянутые Сибирскіе виды, какъ извѣстно, на о. Гельголандѣ сталкиваются съ американскими, какъ то: An. persicillata, Tr. rufescens, Totanus semipalmatus, Charadrius virginicus, Turdus (Orpheus) rufus, T. lividus, Anthus pensylvanicus. Это положительно случайно забревшіе туда гости.

Американскій Mergus cucullatus убитъ, говорятъ, даже на Сакмарѣ [3]).

Бердъ въ своемъ прекрасномъ изслѣдованіи [4]) обращаетъ вниманіе на то, что на о. Шпицбергенѣ доселѣ еще не встрѣчалось ни одного сѣверо-американскаго вида, тогда какъ изъ 69 видовъ, встрѣчавшихся въ Европѣ, лишь 19 видовъ еще не замѣчено въ Англіи.

Имѣя за тѣмъ въ виду, что на о. Шпицбергенѣ доселѣ не попадалось ни одного сѣверо-американскаго вида, и что европейскіе виды пролетаютъ въ Гренландію и обратно чрезъ Ферерскіе острова и Исландію, Бердъ развиваетъ мнѣніе, что американ-

---

таетъ чрезъ Средиземное море, во множествѣ встрѣчается по всей сѣверной Африкѣ и зимуетъ даже постоянно на Канарскихъ островахъ (Journ. für Ornithol. 1855, стр. 173).

[1]) Journ. f. Ornithologie, 1856, стр. 217, 219. По словамъ Мюллера, Emberiza aureola, rustica, pusilla ежегодно посѣщаютъ Провансъ къ концу Октября. Также pyrr. erythrina.

[2]) Naumannia, 1857, стр. 421.

[3]) Nouv. Mém. de Moscou, X, 1855, стр. 281. Не подлежитъ ли сомнѣнію опредѣленіе вида?

[4]) The distribution and migrations of American birds, p. 26 etc.

скія птицы вѣроятно рѣдко достигали береговъ Европы чрезъ Гренландію и Исландію‘ а заносятся въ Европу, равно какъ на Бермудскіе острова, главнымъ образомъ западными вѣтрами, господствующими во время осеннихъ перелетовъ между 32° и 58° с. ш. Если это предположеніе справедливо, то Азорскіе острова могли бы служить прекрасною точкою для повѣрки этого мнѣнія[1]). Извѣстный случай появленія Alca impennis на берегахъ Норвегіи служитъ новымъ подтвержденіемъ всѣхъ прежнихъ доказательствъ, что вмѣсто прямаго направленія отъ Исландіи къ Скандинавіи птицы выбираютъ другое, менѣе обыкновенное, направленіе отъ сѣверо-запада на юго-востокъ[2]).

Кромѣ непосредственнаго наблюденія и отмѣчанія направленія перелетающихъ птицъ, къ разъясненію этого вопроса значительно можетъ служить еще другой, косвенный способъ. Я разумѣю сравненіе крайнихъ лѣтнихъ мѣстъ пребыванія нѣкоторыхъ отличительныхъ и мало-распространенныхъ птицъ (все равно, будутъ ли это особые виды, или только разновидности) съ географическимъ положеніемъ ихъ крайнихъ зимнихъ квартиръ. Если напр. прекрасный Grus virgo ежегодно фалангами тянется чрезъ Одессу въ болѣе теплыя зимою страны (какъ сообщаетъ Нордманъ), то этотъ случай можно объяснить только предположеніемъ, что либо эта птица, высиживающая яйца отъ степей южной Россіи до самой Дауріи, перелетаетъ по направленію отъ В.-С.-В. на З.-Ю.-З., либо въ небольшомъ количествѣ выводитъ птенцовъ также къ сѣверу отъ Одессы, въ степяхъ, заключающихся между Днѣстромъ и Бугомъ. Мнѣ кажется, что послѣднее предположеніе заслуживаетъ бо́льшаго вниманія, потому что Grus virgo посѣщаетъ и покидаетъ Крымъ въ направленіи отъ сѣвера къ югу[3], да и молодыя птицы этого вида, по словамъ Кесслера, были убиваемы около Кіева.

Сибирская или восточная разновидность варакушки (S. suecica var., coerulecula Pall.) зимуетъ въ Египтѣ[4]). Отсюда намъ пришлось бы вывести заключеніе, что птица эта исключительно перелетаетъ по направленію отъ сѣверо-востока къ юго-западу, но недавно намъ стало извѣстно, что эта разновидность высиживаетъ яйца также въ Лапландіи. Поэтому-то направленіе перелета варакушки отъ сѣвера къ югу, противъ котораго, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, мы въ доказательство привели бы появленіе ея въ Египтѣ‘ тѣмъ болѣе можетъ быть допущено въ отношеніи этой птицы, что ее встрѣчали также въ Индіи[5]). Это доказываетъ только, какъ осторожно нужно дѣлать подобнаго рода заключенія. Во всякомъ случаѣ однакоже для этого вида птицъ нужно исключить направленіе перелета отъ юго-востока на сѣверо-западъ.

---

[1]) Глогеръ (Journ. für Ornithol. p. 113) собралъ случаи, изъ которыхъ выводитъ доказательство, что и материковыя птицы могутъ отдыхать на морѣ, и что слѣдовательно американскіе виды тѣмъ менѣе слѣдуетъ считать прибывшими изъ Сибири.

Все, кажется, зависитъ оттого, на сколько жилочки перьевъ пропитаны жиромъ, и посредствомъ присущаго воздуха удерживаютъ промоканіе.

[2]) Срав. Валленгрена (Naumannia, 1855, стр. 159).

[3]) Шатиловъ въ Bulletin de Moscou, 1860.

[4]) Это подтверждаютъ многіе единогласно; срав. напр. Journ. für Ornithol. 1854, стр. 73; Naumannia, 1856, стр. стр. 470; The Annals and Magazine of Natural History, 1860, стр. 128; также Baird, Ibis, 1867, стр. 62.

[5]) Въ Индіи, по Берду, Ibis, 1867, стр. 16. На Волгѣ эта разновидность выводитъ птенцовъ даже въ Симбирской губерніи (Богдановъ, Птицы и звѣри черноземной полосы и Поволжья, 1871, стр. 78).

Относительно черноголовой трясогузки можно замѣтить то же самое, что сказано о варакушкѣ.

Явственнѣе и легче замѣтнѣе, по своей привязанности къ человѣку, краснобрюхая разновидность трубной ласточки (Hir. rustica, var. rufa).

Эта краснобрюхая трубная ласточка, какъ извѣстно, не встрѣчается въ западной Сибири. За самый крайній западный предѣлъ, гдѣ она высиживаетъ свои яйца, уже Палласъ правильно принималъ рѣку Кань; слѣдовательно, мы смѣло можемъ предположить, что эта разновидность нигдѣ не встрѣчается къ западу отъ Енисея[1]). Отъ этой рѣки на востокъ по Сибири и Сѣв. Америкѣ распространена одна только эта краснобрюхая разновидность трубной ласточки. Гдѣ же зимуетъ эта ласточка Восточной Сибири? Сколько намъ до сихъ поръ извѣстно, Египетъ самая западная страна, гдѣ ее видѣли во время осенняго перелета; тамъ и въ Нубіи она появляется въ безчисленномъ множествѣ.

Вслѣдствіе этого, пока можно предположить съ величайшею достовѣрностью, что краснобрюхая трубная ласточка странствуетъ по направленію отъ сѣверо-востока на юго-западъ. Положимъ, что зимующія въ Египтѣ птицы прилетаютъ изъ Енисейскаго края, а зимующія на о. Цейлонѣ и Явѣ (Hir. javanica) — изъ болѣе восточныхъ частей Сибири: для всѣхъ будетъ приходиться направленіе отъ сѣверо-востока на юго-западъ. Если постоянно строго придерживаться этого направленія, то намъ придется предположить, что трубныя ласточки, встрѣчавшіяся въ Китайскомъ морѣ, подъ 14° с. ш. и вполнѣ соотвѣтствовавшія европейскимъ[2]), прилетали съ востока Сѣверной Америки. Это дѣло требуетъ ближайшаго изслѣдованія видовъ и разновидностей тѣхъ морей.

---

[1]) Обыкновенно говорится, что краснобрюхая трубная ласточка (подъ названіемъ Hir. Boissoneauti) встрѣчается также въ Македоніи, но Мюле прямо высказывается противъ этого (Beiträge zur Ornithologie Griechenlands, 1844, стр. 80).

[2]) Meyen, Observationes zoologicae въ Nov. Act. Caes. Leop. Carol, XVI, Supplem. primum 1834, стр. 72. Но откуда онѣ прилетали въ Китайское море? Получила же краснобрюхая трубная ласточка, сверхъ многихъ другихъ именъ, и названіе Hir. cahirica изъ Египта. Что она зимуетъ на о. Цейлонѣ, это намъ сообщаетъ Келаартъ, Prodromus Faunae Zeylanicae, Ceylon, 1862, Append. стр. 56.

Интересно было бы узнать, встрѣчаются ли въ Крыму и въ Абхазіи также положительно краснобрюхія трубныя ласточки, или только переходы между ними и европейскими, упоминаемые Нордманномъ (Démidoff, Voyage, III, 1840, стр. 202). Въ Египтѣ Бердъ (Ibis, 1867) не видѣлъ Hir. rufula, но въ Смирнѣ встрѣчалъ ее часто, въ Апрѣлѣ. Въ Греціи она не рѣдкость. Порознь она попадалась на о. Мальтѣ и Сициліи, въ Италіи и южной Франціи, но очевидно она занесена была туда сильными восточными вѣтрами (Ibis, 1864, стр. 57).

Въ Марсели убитъ экземпляръ этой птицы (Journ. für Ornithol. 1856, стр. 226), а на С. Готардѣ встрѣченъ даже въ парѣ съ нашей трубной ласточкой (Naumannia, 1855, III, стр. 400; 1857, стр. 254; Journ. f. Ornithol. 1859, стр. 200). За этимъ началомъ колонизаціи новой помѣси, встрѣчающейся также на Кавказѣ (по Нордманну), необходимо внимательно слѣдить.

Впрочемъ, краснобрюхая трубная ласточка встрѣчается, говорятъ, въ Египтѣ и осѣдлой птицей (Heuglin, System. Uebersicht der Vögel Nordost-Afrika's въ Sitzungsbericht der mathem. naturh. Klasse der Kais. Akad. der Wiss. XIX, стр. 255 и слѣд. (стр. 16).

Такъ какъ Hir. urbica, простирающаяся, правда, на востокъ до Камчатки, не встрѣчается, говорятъ, ни въ прибрежныхъ странахъ Охотскаго моря, Амурскаго края, ни на Японскихъ островахъ (Schrenck, Reisen und Forschungen, 1860, I, 2, стр. 388), то тщательное изслѣдованіе зимнихъ квартиръ этого вида позволяетъ разсчитывать на нѣкоторое разъясненіе направленій перелетовъ.

Далѣе мы вправѣ придавать столько-же значенія еще третьему, весьма замѣтному виду перелетныхъ птицъ: такъ называемому пискунцу (Ans. ruficollis) [1]).

Самые восточные пискунцы тянутся вдоль Арало-Каспійскаго Обскаго, а нѣкоторые вдоль Волжско-Тобольскаго пути [2]), по направленію отъ С.-С.-В. на Ю.-Ю.-З. Такъ какъ этотъ видъ гусей высиживаетъ яйца не къ западу отъ Урала, а только къ востоку отъ этого водораздѣльнаго хребта, и такъ какъ онъ пролетаетъ по Оренбургской губерніи, не останавливаясь въ ней, а въ Египтѣ зимуетъ тысячами, то мы вправѣ вывести отсюда заключеніе, что если въ мѣстностяхъ, прилегающихъ къ низовьямъ Оби, перелеты этого гуся и происходятъ по направленію отъ сѣвера къ югу, то чѣмъ далѣе мы станемъ подвигаться на югъ, тѣмъ болѣе они должны направляться отъ сѣверо-востока на юго-западъ, чтобы имѣть возможность привести птицъ въ Египетъ. Такимъ образомъ это можетъ служить еще новымъ доказательствомъ, что линія перелета птицъ не всегда въ точности направлена въ одну и ту же сторону, а можетъ отклоняться подъ угломъ [3]). Срав. стр. 368.

Можетъ даже быть, что при ближайшемъ наблюденіи разновидностей плехана (Ans. albifrons), подобнымъ-же образомъ, при помощи этого вида гусей, удалось бы получить болѣе точное понятіе о направленіи перелета. Вѣдь уже подмѣченъ въ Египтѣ Ans. medius Temm [4]).

Даже космополитъ, или по крайней мѣрѣ кругоборейскій (стр. 228) конюкъ могъ бы, пожалуй, дать возможность изучить направленія перелетовъ. Главнымъ образомъ, какъ извѣстно, онъ высиживаетъ яйца въ предѣлахъ полярнаго круга, вплоть до пояса криворослаго лѣса; слѣдовательно это, такъ сказать, настоящій землякъ лемминга, которымъ онъ по-видимому преимущественно и питается. Очевидно эти-то сѣверныя птицы, зимою, вмѣстѣ съ подорожникомъ съ собратьей, отыскиваютъ свои экваторіальные

---

[1]) Онъ высиживаетъ яйца преимущественно на сѣверѣ Западн. Сибири, но внутри лѣснаго предѣла, и по-видимому похожъ въ этомъ отношеніи на сѣверо-американскаго Anser canadensis.

[2]) Anser ruficollis ежегодно, хотя и въ незначительномъ количествѣ, пролетаетъ около Сарепты, подъ $49\frac{1}{2}^{\circ}$ на Волгѣ (Богдановъ, Птицы и звѣри черноземной полосы Поволжья, стр. 148).

[3]) На Понтѣ пискунецъ также рѣдкое явленіе (Nordmann, въ Démidoff, Voyage, III, стр. 286) и потому, кажется, преимущественно странствуетъ вдоль Каспійскаго моря, гдѣ, какъ извѣстно, стаями собирается около Астрахани. По Оренбургской губерніи онъ только пролетаетъ (Eversmann въ Nouv. Mém. des Natur. de Moscou, T. X, 1853, стр. 277). Уже Гмелинъ (Reise, III, стр. 87) удивлялся, что на южномъ берегу Каспійскаго моря не встрѣчалъ ни приморскихъ ласточекъ, ни плехановъ, ни пискунцевъ, и потому предложилъ вопросъ, не тянутся ли они, прилетая изъ Астрахани, въ болѣе восточномъ направленіи. Этимъ онъ возбудилъ вопросъ, на который мы даже и теперь не умѣемъ отвѣтить, хотя зимованіе въ Египтѣ (которое намъ стало извѣстнымъ въ настоящее время) даетъ мыслямъ нашимъ путеводную нить. — Менетріе (Catal. rais. 1832, стр. 56) говоритъ о стаѣ плехановъ у юго-западной половины Каспійскаго моря; не видно только, были ли эти, утомленныя бурею и заживо пойманныя, птицы ежегодныя тамъ гостьи или онѣ только случайно занесены туда? Гогенаккеръ приводитъ ихъ также въ перечнѣ закавказскихъ птицъ (Bullet. des Natur. de Moscou, VII, 1834, стр. 222).

Эйхвальдъ (Zool. spec. III, стр. 238; Naturhistor. Skizz. стр. 235) увѣряетъ, что пискунецъ встрѣчался даже въ Литвѣ. Безъ сомнѣнія только какъ случайно забревшій гость, подобно слѣдующимъ. Въ Германіи бывало нѣсколько случаевъ (въ Штутгартѣ) и въ Галиціи. Еще рѣже, большею частью едва-ли болѣе одного раза, его видѣли въ Голландіи и Франціи. Недавно онъ встрѣтился также около Флоренціи (Droste, Bericht über die 18te Versammlung der deutschen Ornithologen-Gesellschaft, 1870, стр. 28). Срав. также выше, стр. 374, примѣч.

[4]) Journ. f. Ornithologie, 1855, p. 367.

предѣлы. Нѣкоторые индивидуумы, правда, высиживаютъ яйца и подъ средними широтами. Но, можетъ быть, ихъ слѣдуетъ отличать отъ сѣверныхъ, какъ увѣрялъ Бремъ. Во всякомъ случаѣ странно, что часть этихъ копюковъ (не съ глубокаго-ли сѣвера?) зимуетъ уже въ средней Европѣ, тогда какъ другая часть не въ состояніи пробыть даже на южныхъ берегахъ, а перелетаетъ чрезъ Средиземное море, дальше на югъ [1]).

Даурская галка, появляющаяся въ Крыму (Radde, Bullet. des Natur. de Moscou, 1854, III, стр. 146), также весьма положительно указываетъ на направленіе перелета отъ сѣверо-востока и даже востока.

На такое-же направленіе (исходящее впрочемъ изъ еще болѣе восточной полосы высиживанія яицъ) указываетъ, можетъ быть, и Emberiza spodocephala, которая встрѣчается также въ Индіи [2]). Larus minutus и Sterna caspia, которыя, сколько мнѣ извѣстно, высиживаютъ яйца не дальше къ западу, какъ въ средней Финляндіи, и которыя зимою встрѣчаются въ Провансѣ и въ Испаніи, тоже, мнѣ кажется, говорятъ въ пользу направленія перелета отъ сѣверо-востока на юго-западъ [3]).

Limosa cinerea, напротивъ того (если только она не осталась незамѣченной въ сѣв. Сибири), на основаніи нашихъ теперешнихъ свѣдѣній, можетъ указывать на направленіе противоположнаго рода отъ сѣверо-запада на юго-востокъ или, по крайней мѣрѣ, отъ сѣвера къ югу, потому что доселѣ, сколько извѣстно, она высиживала яйца только въ Европ. Россіи и въ Запад. Сибири; зимою же она часто попадается на о. Явѣ и Суматрѣ [4]).

Тоже должно замѣтить про Limosa rufa и Limosa uropygialis (по Финшу, она

---

[1]) Въ Воронежской губерніи (примѣрно подъ 51° с. ш. въ области р. Дона) Buteo lagopus появляется уже въ началѣ Октября, на смѣну Buteo vulgaris, тогда какъ лишь въ Декабрѣ, при сильныхъ морозахъ, прилетаетъ въ значительномъ количествѣ (Сѣверцовъ, Періодич. явленія, стр. 257). Онъ зимуетъ также на Днѣпрѣ, около Кіева (Journ. für Ornithol. 1870, стр. 201), и около Харькова, подъ 50° (Czernay въ Bullet. des Natur. de Moscou, 1850), равно какъ на Волгѣ, подъ 49° с. ш. (Moeschler, Naumannia, 1853, III, стр. 303 и Богдановъ, Птицы и звѣри черноземной полосы Поволжья, 1871, стр. 36); по Богданову, Buteo lagopus тамъ даже высиживаетъ яйца.

Но и чрезъ Кіевъ ($50\frac{1}{2}$°) онъ летитъ на югъ (Кесслеръ, Живот. Кіевск. учебн. округа, 1851, стр. 11).

Нѣкоторыхъ изъ нихъ, дѣйствительно, даже не удовлетворяетъ климатъ Одессы ($46\frac{1}{2}$°), гдѣ они появляются ежегодно (Nordmann, Démidoff, Voyage, III, стр. 103; Bullet. des Natur. de Moscou, 1860, стр. 7). Да и въ Крыму онъ зимуетъ только тогда, когда зима не слишкомъ сурова (Шатиловъ, Bullet. des Natur. de Moscou, 1860, стр. 492; Радде, ibid. 1854, III, стр. 134).

[2]) Baird, Ibis, 1867, стр. 42.

[3]) Въ Голландіи (Кроммелинъ въ Droste, Bericht über die 18te Versamml. der deutschen Ornithologen-Gesellschaft, 1870, p. 37, 38).

Въ Провансѣ (Journ. f. Ornithol. 1856); въ Испаніи (Isis, Naturhist. Zeitung, 1857, стр. 473 и т. д.).

[4]) Gould, Handbook to the birds of Australia, 1865, Vol. II, 256.

Впервыя заставъ ее высиживающею яйца около Архангельска (Bericht über die ornithologischen Ergebnisse der naturhistorischen Reise in Lappland, 1840, стр. 33), я ее потомъ неоднократно убивалъ въ губерніяхъ Вологодской и Олонецкой. Сѣверцовъ встрѣтилъ этотъ видъ на Дону. Какъ извѣстно, ее хотѣли назвать по Тереку, у котораго ее застали въ прошломъ столѣтіи. Шренкъ и Радде встрѣтили ее на Яблонновомъ хребтѣ и на Амурѣ.

Въ Лифляндіи ее убивали два раза, во время пролета; равнымъ образомъ, въ видѣ исключенія, въ Нормандіи и около Парижа. Встрѣчалась она также близъ Пизы (Zoologic. Record, 1870, стр. 61) и около Брауншвейга (Droste, Bericht über die 18te Versamml. der deut. Ornithol.-Ges. 1870, стр. 63 и др.). Очевидно это были случайно забревшіе гости.

зимуетъ въ Новой Зеландіи), о которыхъ Дросте (l. c. стр. 202) совершенно справедливо говоритъ, что непонятно, гдѣ находятся лѣтнія мѣста пребыванія такого удивительнаго множества птицъ этого вида, пролетающихъ по среднимъ широтамъ.

Бѣлыя куропатки также, можетъ быть, могли бы играть роль въ этомъ отношеніи. Дѣло въ томъ, что снова и снова продолжаютъ увѣрять, что въ предѣлахъ полярнаго круга въ Сибири, зимою, кромѣ таловокъ и альпійскихъ бѣлыхъ куропатокъ, появляется еще третій, меньшій видъ [1]). Мѣста, гдѣ онъ высиживаетъ яйца, должны быть тѣсно ограниченныя — можетъ быть островообразныя — пространства на глубокомъ сѣверѣ, потому что въ Таймырскомъ краѣ я нигдѣ не могъ отыскать ихъ.

Если не только отдѣльныя разновидности, но и цѣлый рядъ разновидностей, замѣтныхъ орнитологу и свойственныхъ отдаленной полосѣ земли, зимою всѣ встрѣчаются въ другой странѣ, то для зоолога, мнѣ кажется, это должно служить еще гораздо болѣе убѣдительнымъ доказательствомъ, чѣмъ появленіе вышеупомянутыхъ разновидностей, легко замѣтныхъ и для простаго наблюдателя. Въ такомъ отношеніи, по-видимому, находятся прибрежныя страны Восточной Сибири съ одной, и Корея съ Японіей съ другой стороны. Но при этомъ мы никакъ не должны упускать изъ виду сѣверо-западные берега Америки, потому что, по Берду [2]), тамошнія туземныя птицы также болѣе темнаго цвѣта, чѣмъ птицы изъ срединныхъ частей.

Наконецъ и изепиптезныя линіи представили намъ путь, которымъ можно изслѣдовать направленія перелетовъ птицъ [3]). Такъ какъ направленіе прилетающихъ птицъ необходимо представлять себѣ подъ прямымъ угломъ къ направленію изепиптезныхъ линій, то уже изъ самаго поверхностнаго взгляда видно, что птицы, пролетающія только по срединнымъ частямъ Россіи, придерживаются (съ большими или меньшими уклоненіями) направленія отъ юга къ сѣверу, въ прибрежныхъ же странахъ на западныхъ предѣлахъ, равно какъ въ прибрежныхъ странахъ Восточной Сибири, напротивъ того, отклоняются отъ меридіаннаго направленія, и опять сходятся потому только, что въ первыхъ направляются отъ юго-запада на сѣверо-востокъ, а въ послѣднихъ отъ юго-востока на сѣверо-западъ, слѣдовательно въ томъ-же смыслѣ совершаютъ свой осенній обратный перелетъ. Такимъ образомъ въ сѣверныя прибрежныя страны Россіи птицы прилетаютъ главнымъ образомъ со стороны океана ограничивающаго полеты [4]).

---

[1]) Срав. нѣм. изд. этого соч. Bd. II, Th. 2, стр. 195, и Третьякова въ Запискахъ Имп. Русск. Геогр. Общ. 1869, стр. 314. — Гейглинъ и Ньютонъ признали напр. еще недавно Lagopus hemileucurus въ бѣлой куропаткѣ Шпицбергена (Journ. f. Ornithol. 1871, стр. 102, 205).

[2]) The distribution and migrations of North American birds, 1867, стр. 20.

Бердъ утверждаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что птицы Сѣв. Америки, занимающія большое пространство широтъ (все равно: будутъ ли это осѣдлыя или перелетныя птицы), тѣмъ больше ростомъ, чѣмъ сѣвернѣе онѣ высижены; при одинаковыхъ же широтахъ тѣ птицы больше, которыя выведены на бо̀льшей высотѣ.

Если это фактъ, то его положительно можно объяснить только такъ, какъ это сдѣлано въ первомъ выпускѣ этой части, на стр. 26.

Во всякомъ случаѣ это опять даетъ средство удостовѣриться въ направленіяхъ и путяхъ перелетовъ, совершаемыхъ нѣкоторыми видами птицъ.

[3]) См. мои «Isepiptesen», стр. 138.

[4]) Такимъ образомъ предположеніе Серра (Serres,

Но это еще вовсе не значитъ, что тѣ самыя птицы, которыя на югѣ Россіи начинаютъ свой весенній перелетъ отъ юга на сѣверъ, впослѣдствіи не продолжаютъ его съ уклоненіемъ на западъ или на востокъ (срав. стр. 383).

Вообще, большая часть материковыхъ птицъ Россіи, въ особенности насѣкомоядныхъ, главнымъ образомъ, кажется, придерживается направленія отъ юга къ сѣверу [1]). Можетъ быть, со временемъ удастся найти, что осенніе возвратные перелеты онѣ совершаютъ въ направленіи, вертикальномъ къ линіямъ одинаковаго осенняго тепла. Но случается также, что онѣ тянутся отъ сѣверо-востока на юго-западъ, или еще ближе къ направленію отъ востока къ западу [2]). Дрозды на западныхъ границахъ Россіи перелетаютъ съ юго-запада на сѣверо-востокъ, на восточныхъ границахъ съ юго-востока на сѣверо-западъ [3]), какъ большая часть тамошнихъ перелетныхъ птицъ.

Если, слѣдовательно, открытіе направленій, по которымъ перелетаютъ птицы, даетъ намъ лишь возможность судить о быстротѣ ихъ странствованія, то, съ другой стороны, и обратный ходъ изслѣдованія нерѣдко доставляетъ нѣкоторыя свѣдѣнія о направленіяхъ перелетовъ. Такъ напр. грачъ, жаворонокъ, скворецъ, пигалица, аистъ появляются въ Балтійскихъ прибрежныхъ странахъ двумя-тремя днями раньше, чѣмъ около 10 градусовъ широты южнѣе, подъ тѣми-же меридіанами [4]). Если предположить, что какъ тутъ,

---

Des causes des migrations, стр. 67), что птицы восточной Европы, летая на востокъ, достигали наконецъ Японіи, по моему мнѣнію совершенно невѣрно. Соотвѣтствіе птичьей фауны Японіи съ птичьей фауной Европы по всему, что нами будетъ приведено ниже, объясняется очень просто.

[1]) Палласъ (Reise, I, стр. 148) говоритъ, что на Волгѣ у Самары водныя птицы весною прилетаютъ съ запада, пеликаны же, аисты, журавли и материковыя птицы, напротивъ того,— съ юга. Гмелинъ (Reise, 1768 и 1769, I, стр. 78) вѣроятно полемизировалъ съ Палласомъ, говоря: «Замѣчено» и т. д. Но это тутъ непримѣнимо. Донъ — общій путь, по которому описанныя доселѣ перелетныя птицы, вдоль всего его теченія, съ юга, т. е. отъ Чернаго и Азовскаго морей, прилетаютъ (въ Воронежъ). Предложивъ Волжско-Тобольскій путь, по которому материковыя птицы, кажется, не летаютъ, я успѣлъ, кажется, устранить противорѣчіе этихъ двухъ наблюдателей.

[2]) Драхвы, фазаны, куропатки, жаворонки (напр. Al. arvensis, calandra, tartarica и др.) съ востока тянутся къ устью Волги, или въ Крымъ на зимовку (срав. Pallas, Reise, III, стр. 646, 647; Georgi, Reise, p. 786; Pallas, Reise in die südl. Statthaltersch., I, стр. 267, и II, стр. 13; Hablizl въ Палласовыхъ Neue Nord. Beiträge, III, стр. 16; Нордманнъ въ Démidoff, Voyage, стр. 121).

[3]) Науманъ (Naumannia, 1850, стр. 7, 9) въ этомъ отношеніи придерживается взгляда, который я вполнѣ раздѣляю. Что я видѣлъ дроздовъ Вост. Сибири пролетавшихъ въ перекрестномъ направленіи, это, какъ сказано было, не противорѣчитъ его взгляду, а скорѣе подтверждаетъ его. Такое направленіе съ востока на западъ вмѣстѣ съ тѣмъ дѣлаетъ также возможнымъ появленіе американскаго дрозда Turd. minor. Gm. въ средней Германіи, гдѣ его, какъ извѣстно, поймалъ Науманнъ. Во всякомъ случаѣ возможно, что онъ прибылъ въ Европу чрезъ Атлантическій океанъ; но можно также предположить, что онъ пролетѣлъ чрезъ Сибирь. Сколько мнѣ извѣстно, этого дрозда на древнемъ материкѣ въ другомъ мѣстѣ не видѣли. На сѣверо-западныхъ берегахъ Америки онъ встрѣчается. Китлицъ и Загоскинъ привезли намъ Turd. minor оттуда, и потому можетъ статься, что онъ живетъ въ Камчаткѣ и оттуда пробрался на западъ.

Ледебуръ (Reise, 1830, II, стр. 431) и въ Зап. Сибири, почти подъ 48° с. ш., на востокъ отъ Тарбагатая, 6-го Сентября видѣлъ многочисленныя стаи пестрой кедровки (Nucifr. caryocatact.), тянувшіяся съ запада на востокъ. Но странствовали ли эти цыганки, или скорѣе не бродили ли онѣ, въ качествѣ подъ-альпійскихъ птицъ, отыскивая шишки хвойныхъ деревъ, растущихъ на горныхъ отрогахъ».

[4]) Возмемъ нѣсколько примѣровъ изъ нашего «Приложенія». Corv. frugilegus прилетаетъ въ Петербургъ среднимъ числомъ двумя днями раньше, чѣмъ въ Кіевъ; Alauda arvensis двумя днями раньше бываетъ въ Митавѣ, чѣмъ въ Кишеневѣ; Vanell. cristatus въ Митавѣ двумя днями раньше, чѣмъ въ Кіевѣ; Cic. alba въ одно

такъ и тамъ, это все одни и тѣ же индивидуумы, летящіе въ меридіанномъ направленіи, то мы можемъ дойти до безсмысленнаго результата, что средняя часть Европ. Россіи посѣщается этими птицами весною съ сѣвера.

Несравненно легче, чѣмъ пути перелетовъ птицъ, можно установить пути кочеванія рыбъ, коль скоро онѣ заходятъ въ прѣсныя воды. Тѣмъ менѣе намъ извѣстны пути, которымъ онѣ слѣдуютъ въ моряхъ.

Будучи связано предѣлами, даже направленіемъ узкаго рѣчнаго пути, познаніе направленія страны свѣта теряетъ всякое значеніе для переходной прѣсноводной рыбы: сотни примѣровъ показываютъ намъ, какъ иногда одна и та-же рыба поднимается вверхъ по рѣкамъ въ діаметрально-противоположномъ направленіи; напр. одни нельмы или лохи Кета плывутъ къ югу, другіе — къ сѣверу, все вверхъ по рѣкѣ, для метанія икры.

Большую часть вопросовъ о путяхъ кочеванія рыбъ зоологія со временемъ, вѣроятно, успѣетъ разрѣшить только при помощи химіи, какъ скоро мы ближе ознакомимся съ свойствами жизненныхъ потребностей всѣхъ этихъ кочевыхъ рыбъ. Если омули и чиры избѣгаютъ Обь (они умышленно избѣгаютъ ее, потому что встрѣчаются къ западу и къ востоку этой рѣки), то это съ Палласомъ можно объяснить медленнымъ теченіемъ и впаденіемъ многихъ степныхъ и сѣверныхъ болотныхъ водъ въ Обь, вслѣдствіе которыхъ Обская вода, подъ замкнутостью ледянаго покрова, становится гнилою и вонючею. Вѣдь осѣдлый ленокъ (S. coregonoides) вовсе не встрѣчается въ Оби, а попадается только въ горныхъ притокахъ его; таймень и харіусъ лишь изрѣдка встрѣчаются въ Оби; осетры же, какъ иловыя рыбы, весьма часто[1]). Самоѣды увѣряли меня также, что омуль не заходитъ ни въ Пясину, ни въ одну изъ рѣкъ, текущихъ изъ тундръ въ нижній Енисей съ лѣвой его стороны. Мнѣ могутъ замѣтить, что въ р. Пясинѣ и въ озерѣ того-же имени нѣтъ также осетровъ. Но вѣдь Пясина впадаетъ въ Ледовитый океанъ почти подъ 74° с. ш., слѣдовательно подъ такими широтами, которыя могутъ находиться внѣ предѣловъ существованія осетровыхъ видовъ въ морѣ.

Омуль дѣйствительно, кажется, принадлежитъ къ самымъ чувствительнымъ рыбамъ, заходя изъ Байкальскаго озера только въ извѣстные горные потоки и оставляя

время появляется въ Митавѣ и въ Кіевѣ; Grus cinerea двумя днями раньше въ Якутскѣ, чѣмъ въ Барнаулѣ; Sturn. vulgaris 21 днемъ раньше въ Митавѣ, чѣмъ въ области р. Дона, т. е. 6-ю градусами широты южнѣе.

[1]) Такъ на южномъ берегу Охотскаго моря въ р. Удь не заходятъ ни джукча, ни мальма. Въ Торомъ же, напротивъ того, не заходитъ лохъ Кета, хотя я встрѣчалъ его и на востокъ и на западъ отъ этой рѣчки. Между рыбами р. Таймуръ ловятся чиры (S. nasutus) и только чиры въ огромномъ количествѣ, тогда какъ въ Оби рѣдко встрѣчается чиръ, но за то бываетъ главный уловъ лоховъ муксуновъ. Если бы послѣдніе не забирались такъ далеко вверхъ, то это было бы тѣмъ страннѣе, что въ Ленѣ и Енисеѣ они, какъ мы сказали, заходятъ вверхъ очень далеко.

Меня увѣряли даже, что въ р. Алдаму не заходятъ ни перки, ни харіусы (S. thymallus). Красный лохъ (перка?) избѣгаетъ, говорятъ, и рѣку Колыму, но къ востоку отъ нея заходятъ во множествѣ въ маленькія рѣчки, впадающія въ Ледовитый океанъ (Врангель, Путеш. II, стр. 208). Говорятъ, что красный лохъ (вѣроятно также нерка?) заходитъ во множествѣ даже въ рѣки Новой Сибири (Pallas, Neue Nord. Beiträge, VII, стр. 130).

Шокуръ и пыжанъ изъ Оби, говорятъ, заходятъ въ р. Сыпъ къ Уральскому хребту, а сельдяной лохъ въ Сосву и Лыгву (Сибир. Вѣстн. II, стр. 290, 291).

въ сторонѣ другія, лежащія между ними, рѣчки, не смотря на то, что вода и весь характеръ ихъ по-видимому имѣетъ совершенно одинаковое достоинство. Что побуждаетъ омуля положительно избѣгать множество значительныхъ притоковъ Селенги, когда онъ поднимается вверхъ по этой рѣкѣ[1])? Это замѣчательное явленіе происходитъ такъ близко отъ Иркутска, что по всей вѣроятности мы вскорѣ получимъ ближайшія свѣдѣнія по этой части отъ живущихъ тамъ естествоиспытателей.

Если въ направленіи птичьяго перелета можно было предположить связь съ магнетической силой, а именно съ магнетическимъ полюсомъ, то въ вопросѣ о направленіи, въ которомъ странствуютъ рыбы, уже не можетъ быть рѣчи объ этомъ, тѣмъ болѣе, что движеніе рыбъ противъ теченія воды представляется очень простымъ явленіемъ, и подало даже поводъ предположить, что рыбы чувствуютъ потребность пропускать сквозь жабры большее количество пропитанной воздухомъ воды. Углубляясь въ разсмотрѣніе вопросовъ, что̀ такое можетъ служить кочевымъ животнымъ путеводною нитью при ихъ странствованіяхъ, и что̀ такое даетъ имъ возможность, вопреки громаднымъ разстояніямъ, постоянно отыскивать опять свои прежнія мѣста высиживанія яицъ, мы доселѣ натыкаемся на болѣе и болѣе сильныя препятствія, затрудняющія объясненіе этого явленія. Что большею частію таже самая птица ежегодно возвращается къ тому-же самому гнѣзду, въ этомъ уже никакъ нельзя болѣе сомнѣваться. На это у насъ достаточное количество прямыхъ доказательствъ. Косвенное доказательство я нашелъ въ томъ, что въ одной мѣстности Лифляндіи, три года сряду, до послѣдняго истреблялъ бекасовъ, во множествѣ выводившихъ тамъ своихъ птенцовъ. Не смотря на чрезвычайно блатопріятныя условія мѣстности, до сихъ поръ въ теченіи 35 лѣтъ не появлялась для высиживанія яицъ ни одна птица на томъ мѣстѣ, гдѣ прежде бекасы водились въ большомъ количествѣ[2]).

Млекопитающимъ при оріентированіи, должно быть, не мало помогаетъ способность ихъ хорошо помнить мѣстности. Нельзя, впрочемъ, сомнѣваться и въ томъ, что они знаютъ направленіе странъ свѣта, потому что умѣютъ находить дорогу и въ такихъ мѣстностяхъ, которыя имъ совершенно чужды, да притомъ идутъ къ цѣли самымъ прямымъ путемъ. По части этой способности узнавать направленіе (Richtsinn) мнѣ въ теченіе моей жизни случалось видѣть самые убѣдительные примѣры, особенно на собакахъ, да на лошадяхъ[3]). Но никогда я не былъ пораженъ наблюденіями этого рода до такой

---

[1]) Какъ Георги (Reise, стр. 183), такъ и Палласъ (Reise III, стр. 289 и Zoogr. III, стр. 406) довольно согласны между собою въ томъ, что омуль не заходитъ въ рѣчки, впадающія въ Байкалъ съ сѣверо-запада, а на восточномъ берегу заходитъ только въ верхнюю Ангару, Сосновку, Чивиркуй, Ковакъ, Баргузинъ и Селенгу; въ послѣдней даже до Орхона, т. е. до Кяхты.

Изъ Ангары омуль, по Гмелину, заходитъ только въ Свѣтлую, изъ Баргузина лишь въ Ину и Кургу, изъ Селенги въ Итанцу и Уду, и даже мимо Большаго Чогикоя, въ Джиду. Палласъ прямо говоритъ, что омуль избѣгаетъ Уду и Хилокъ; но въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ (стр. 165), что нѣкогда омуль встрѣчался въ Хилокѣ. Относительно Чикоя неясное извѣстіе Гмелина разъясняется Палласомъ, который прямо говоритъ, что въ Чикоѣ омуль заходитъ вверхъ за Урлукъ.

[2]) Подобный-же случай съ Columba turtur указанъ въ Гартвиговомъ Forst- u. Jagd-Archiv, 1816, I, стр. 1.

[3]) Нельзя-ли намъ отъ иныхъ покровителей естественныхъ наукъ со средствами ожидать добросовѣст-

степени, какъ въ безграничныхъ тундрахъ глубокаго сѣвера, увидѣвъ, что тамъ въ дикомъ первобытномъ человѣкѣ тоже самое животное свойство развито почти въ такой-же степени. Способности Самоѣдовъ по этой части превосходятъ всѣ наши понятія.

Крайне обрадовавшись, что въ этихъ людяхъ мнѣ наконецъ удалось найти истолкователей тайны, какимъ образомъ животныя въ состояніи оріентироваться, я старался выпытать у нихъ эту уловку и при всякомъ случаѣ приставалъ къ нимъ съ своими распросами. Но они глядѣли на меня съ изумленіемъ, удивлялись моему удивленію и отвѣчали, что такое простое дѣло само по себѣ понятно, что имъ, напротивъ того, непонятно, какимъ образомъ мы не умѣемъ оріентироваться. Подъ конецъ они совершенно обезоружили меня вопросомъ: «ну, какимъ же образомъ маленькій песецъ всегда находитъ дорогу и никогда несбивается съ пути въ безконечной тундрѣ?» Такъ вотъ въ чемъ дѣло! мнѣ опять-таки указывали на безсознательное проявленіе прирожденной животной дѣятельности.

Послѣ двухлѣтняго безпрерывнаго странствованія по Сибирскимъ пустынямъ, я постояннымъ упражненіемъ и вниманіемъ до такой степени успѣлъ довести свою, уже отъ роду весьма хорошую и всячески развитую способность распознавать мѣстности и направленія, что при совершенно пасмурной, туманной погодѣ могъ отвѣчать немедленно и гдѣ угодно на распросы моихъ спутниковъ. Не смотря на то, что мы странствовали по бездорожнымъ пространствамъ и, слѣдуя за руслами горныхъ потоковъ или избѣгая крутые скаты, непроходимыя лѣсныя чащи и сотни разныхъ мелкихъ препятствій, извивались мэандрообразно, я могъ все-таки точно опредѣлять направленія странъ свѣта среднимъ числомъ до 5°. Рѣдко магнитная стрѣлка изобличала меня въ ошибкѣ, показывая бо̀льшее отклоненіе; часто показаніе было совершенно вѣрно. Безпрестанное повтореніе такихъ повѣрокъ служило намъ ежедневнымъ развлеченіемъ, какъ скоро странствованіе становилось однообразнымъ. Но когда я старался подмѣтить то, что̀ во мнѣ происходило при этомъ, то самый ходъ проявленія ускользалъ отъ моего сознанія; мнѣ казалось только, что въ то время, когда вся духовная дѣятельность, проявлявшаяся во мнѣ сознательно или безсознательно, устремлена на правильное веденіе каравана, я слѣдилъ за каждой отдѣльной перемѣной въ направленіи моего шествія и постоянно опять приводилъ ее въ связь съ направленіемъ

ныхъ опытовъ, произведенныхъ именно съ этою цѣлью? Томпсонъ (The Note-Book of a Naturalist, 1845, стр. 224) увѣряетъ, что лисицу, отрытую въ Кентѣ для Earl of Thanet, два года сряду увозили въ Уестморлендъ, за 320 англ. миль и тамъ выпускали, но что оба раза она опять уходила на прежнее мѣсто. Какъ желательно было бы получить о подобныхъ случаяхъ самыя подробныя свѣдѣнія.

Очень интересны опыты, произведенные надъ птицами, которыхъ на воздушномъ шарѣ брали на высоту 11,000′, гдѣ ихъ выпускали. Зеленушка, а потомъ голубь, послѣ непродолжительнаго колебанія, винтообразно спустились на землю, скрывшуюся за облаками.

Джонъ Россъ при послѣдней поѣздкѣ своей за поискомъ Франклина взялъ съ собою почтовыхъ голубей. Сначала всѣ говорили, что они возвратились домой за 2,400 англ. миль. Но впослѣдствіи оказалось, что это неправда. (Richardson, Searching Expedition, II, стр. 157 и 826, прим.). Вся дрессировка почтовыхъ голубей состоитъ, какъ извѣстно, въ развитіи способности распознавать мѣстность. Путеводное чувство прирожденно. Срав. стр. 393.

Въ Сибири меня увѣряли, что лошади, послѣ головаго и даже болѣе продолжительнаго отсутствія, умѣли опять отыскивать мѣсто своего рожденія, на разстояніи 100 геогр. миль и болѣе.

меридіана. Слѣдовательно, если при этомъ самонаблюденіи я не поддавался самообману, то при каждой перемѣнѣ направленія, въ мѣстѣ нахожденія способности моей помнить мѣстности происходилъ тотъ-же самый процессъ, который морякъ графически наноситъ на карту, какъ скоро онъ мѣняетъ курсъ свой. Такимъ образомъ оба процесса находились бы другъ къ другу въ такомъ-же отношеніи, въ какомъ примѣрно математическое исчисленіе изустное находится къ исчисленію на доскѣ. Какую роль при этомъ играетъ упражненіе, это показывала положительная разница между мною и моимъ топографомъ. Онъ началъ свою карьеру съ семилѣтняго странствованія по Киргизскимъ степямъ, за которымъ послѣдовало наше путешествіе по тундрамъ глубокаго сѣвера. Въ послѣднихъ онъ умѣлъ оріентироваться несравненно лучше меня. Въ нагорныхъ же лѣсныхъ чащахъ Вост. Сибири, напротивъ того, онъ легко сбивался съ пути, особенно сначала, и затѣмъ, въ случаѣ разнорѣчія, всегда не обинуясь предоставлялъ мнѣ вести караванъ. При всемъ томъ весьма сильно развитая у кочевниковъ способность распознавать мѣстность и направленіе въ высшей степени замѣчательна, и я сохраню на память грядущихъ вѣковъ тотъ листокъ моего дневника, на которомъ, какъ ниже подробнѣе будетъ разсказано, я отмѣтилъ поразившее меня открытіе, что меня обманула не Самоѣдская способность распознавать направленіе, а мой компасъ. Не ее, а мой компасъ близость магнетическаго полюса въсостояніи была отклонить необыкновенно сильно, и къ стыду моему я замѣтилъ, что я неправильно обвинилъ моихъ почтенныхъ спутниковъ. Прекрасно-развитое естественное чувство ихъ пристыдило меня со всѣми моими свѣдѣніями и приборами.

Важную роль при этомъ очевидно играютъ различныя обстоятельства. Ежедневное упражненіе съ ранней молодости, чрезвычайно развиваетъ способность распознавать и помнить мѣстность; кромѣ того, ограниченный кругъ идей, въ которомъ вращается мозгъ кочевника, а съ другой стороны сильнѣйшая опасность, которую влечетъ за собою всякій недосмотръ, сосредоточиваютъ всѣ его мысли, гораздо положительнѣе, чѣмъ у образованнаго Европейца, въ одномъ направленіи. Положимъ, что въ случаѣ нужды Европеецъ въ состояніи принудить себя зорко слѣдить за мѣстностями и направленіемъ: все-таки множество и живость другихъ его духовныхъ интересовъ опять отвлечетъ и разсѣетъ его. Притомъ кочевникъ очевидно превосходитъ его въ этомъ случаѣ, благодаря большей прирожденной способности по этой части, перешедшей на кочевника вслѣдствіе наслѣдственной передачи ея нѣсколько поколѣній сряду.

Слѣдуетъ еще замѣтить, что у различныхъ кочевниковъ, съ которыми я имѣлъ дѣло, способность распознавать мѣстность и направленіе была развита въ различныхъ видахъ и въ различной степени. Въ тундрѣ и въ степи въ сомнительныхъ случаяхъ путеводителями служатъ малѣйшіе признаки, указывающіе на направленіе странъ свѣта. Выручаютъ то направленіе снѣговыхъ волнъ (застругъ), либо лишаевъ на древесныхъ стволахъ, то направленіе выходовъ въ норахъ землероекъ, то созвѣздія и т. п.

Но въ чащахъ первобытнаго лѣса на Становомъ хребтѣ Тунгусы — я не хотѣлъ вѣрить ушамъ своимъ — не знали даже полярной звѣзды, потому что у нихъ способность

распознавать мѣстность на столько преобладаетъ надъ способностью распознавать направленіе, на сколько у обитателей степей и тундръ послѣдняя способность превосходитъ первую. Для лѣснаго жителя направленіе горныхъ цѣпей, горныхъ рѣкъ и впадинъ несравненно важнѣе; онъ не уходитъ до такой степени, какъ они, въ безпредѣльную, необозримую даль, а отыскиваетъ вершины, съ которыхъ можетъ обозрѣвать окрестности.

Вопреки этимъ обстоятельствамъ, дающимъ намъ возможность открыть другіе способы объясненія, я все-таки не могу еще отказаться отъ предположенія, что животныя отчасти слѣдуютъ безотчетному чувству тѣхъ отношеній, въ которыхъ вращающіеся въ ихъ тѣлѣ гальваническо-магнетическіе токи находятся къ магнитнымъ полюсамъ; слѣдовательно въ родѣ подобномъ тому, въ какомъ образованный человѣкъ пользуется магнитною стрѣлкою.

Перелетныя птицы, между которыми нѣкоторые виды преимущественно странствуютъ даже ночью, въ тундрѣ пролетали при такой непроницаемой слякоти и въ такую темень (я видѣлъ и слышалъ это самъ), что зрѣніе ихъ, а слѣдовательно, при помощи его, и способность помнить мѣстность, никакъ не могли быть приняты въ соображеніе. Способность эта начинаетъ оказывать свое дѣйствіе, кажется, только тогда, когда птицы, благодаря своей способности распознавать направленіе, успѣютъ добраться до мѣстности, гдѣ онѣ прежде высиживали яйца, или до зимнихъ квартиръ своихъ. Тогда только, и тогда уже навѣрное, благодаря способности помнить мѣстности, онѣ узнаютъ давно знакомыя имъ мѣста, и мы въ полномъ правѣ говорить о радости, съ какою подорожникъ на глубокомъ сѣверѣ привѣтствуетъ свой обломокъ скалы, подъ которымъ онъ нѣкогда вывелъ своихъ птенцовъ, а савка (Anas glacialis) прилетаетъ на старый низкорослый кустъ, въ которомъ она такъ успѣшно оберегала яйца отъ жадныхъ хищниковъ. Пришельцы оглядываются во всѣ стороны, осматриваютъ мѣстность, а потомъ тщательно пересматриваютъ отдѣльныя мѣста. Когда все въ томъ видѣ, въ какомъ они оставили его въ добрыя, старыя времена, то во всѣхъ движеніяхъ ихъ высказывается удовольствіе; онѣ тотчасъ же затягиваютъ веселую пѣсенку и вскорѣ изъ остатковъ прошлогоднихъ устраиваютъ новое гнѣздо. Другія птицы довольно долго носятся то туда, то сюда, недовольныя и нерѣшительныя; домовитая самка не можетъ рѣшиться, гдѣ ей устроить гнѣздо, а горячка самецъ, менѣе привязанный къ мѣстности, очевидно недоволенъ медлительностью самки. По всей вѣроятности такимъ птицамъ, во время ихъ отсутствія, стихіи или человѣкъ попортили ихъ старыя жилища.

Способность распознавать мѣстность покидаетъ птицъ, покидаетъ почтовыхъ голубей въ темную ночь, при густомъ туманѣ, но способность разузнавать направленіе не покидаетъ ихъ. Свойственна ли эта послѣдняя способность преимущественно кочевымъ животнымъ?

Судя по моимъ наблюденіямъ въ Таймырскомъ краѣ, я не могу придавать направленію вѣтра ни путеводнаго, ни какого-либо другаго замѣтнаго вліянія на кочеваніе.

Правда, что по увѣренію жителей, поселившихся неподалеку отъ предѣла лѣсной растительности, первые гуси постоянно прилетаютъ съ первымъ Майскимъ продолжительнымъ южнымъ вѣтромъ, который поэтому и получилъ тамъ знаменательное названіе **гусиной пурги**. Это случилось и въ мое время, когда гуси стали появляться въ Таймырской тундрѣ при необыкновенно сильныхъ юго-западныхъ вѣтрахъ, не смотря на то, что вмѣстѣ съ тѣмъ наступилъ сильный морозъ. Но это относится все-таки лишь къ первому началу кочеванія, такъ какъ на глубокомъ сѣверѣ такія южныя бури предшествуютъ наступленію весенней погоды. Впрочемъ, водяныя птицы летали при всѣхъ возможныхъ вѣтрахъ [1]). Но одна ли это случайность, что главные перелеты гусей постоянно происходятъ при боковомъ вѣтрѣ? именно, при западномъ или юго-западномъ вѣтрѣ перелетъ былъ направленъ къ С.-С.-З., а при восточномъ или юго-восточномъ вѣтрѣ — къ С.-С.-В. Уклонялось ли направленіе перелета съ тою цѣлью, чтобы вѣтеръ не могъ поддувать перья сзади? При сильной Ю.-Ю.-З. бурѣ въ концѣ Мая я видѣлъ лебедей, гусей, чаекъ и голенастую птицу (Limosa uropygialis), летѣвшихъ на сѣверъ, при сильной вьюгѣ, слякоти и дождливой погодѣ, которая была такъ ужасна, что нельзя было видѣть на 10 сажень вдаль, да такъ ужасна, какъ только можетъ быть непогода въ открытой тундренной степи. Мы съ трудомъ держались на ногахъ. Птицы то отдавали себя на произволъ бури, то боролись съ ней надъ самой землей. Гдѣ онѣ подвергались полному напору бури, тамъ она одолѣвала ихъ; онѣ обращались лицомъ противъ нея и опускались на снѣжную равнину. Вскорѣ однакоже онѣ опять поднимались, разносились по разнымъ направленіямъ и все снова пытались летѣть по направленію къ сѣверу. 4-го Іюня я видѣлъ, какъ птицы боролись противъ сильнаго сѣверо-восточнаго вѣтра, который впрочемъ не столько утомлялъ ихъ. Убѣдясь, что имъ не сладить съ нимъ, онѣ большими стаями спустились для отдыха неподалеку отъ нашей палатки и ждали, пока буря послѣ обѣда нѣсколько улеглась. За тѣмъ онѣ отправились дальше [2]).

На этомъ останавливаются мои наблюденія среди свободной, мало извѣданной человѣкомъ, природы, въ пустыняхъ глубокаго сѣвера.

---

[1]) Напр. въ Таймырскомъ краѣ, въ продолженіе весенняго перелета:

при С.-В. вѣтрѣ		Ans. albifrons, An. acuta, Charadrius hiaticula, Tr. subarquata,
» В.	»	Cygnus, Ans. albifrons или Temminckii,
» Ю.-В.	»	Ans. albifrons,
» Ю.-Ю.-З.	»	Cygnus, Larus, Tringa,
» Ю.-З.	»	Ans. albifrons, An. glacialis, Limosa rufa (uropygialis),
» З.	»	Cygnus, Ans. segetum, albifrons, Strepsil. interpres.

Осенній перелетъ въ Таймырскомъ краѣ говорилъ еще положительнѣе въ пользу совершенной независимости направленія перелета отъ направленія вѣтра, потому что осенью гуси тянулись тамъ безъ исключенія въ одномъ и томъ-же направленіи отъ С.-С.-В. на Ю.-Ю.-З. Но ихъ замѣчали

при С.-В. вѣтрѣ		нѣсколько разъ
» В.	»	разъ
» З.	»	разъ
» З.-С.-З.	»	нѣсколько разъ.

Большею частію, казалось, это былъ Ans. albifrons.

При сильномъ вѣтрѣ онѣ часто летѣли такъ низко, что ихъ можно было сбивать палками.

Слѣдовательно дознанное **Третьяковымъ** (Зап. Географ. Общ. 1869, стр. 320) направленіе перелета гусей при нижнемъ Енисеѣ съ Ю. на Ю.-В. и съ Ю.-В. обратно, не подтвердилось, также какъ и увѣреніе его, что они преимущественно тянутся по вѣтру.

[2]) Перепела и коростели положительно выжидаютъ въ Крыму благопріятную погоду. Лишь по наступленіи ея

Но передъ нами рядъ опытовъ, которые произведены въ Европѣ и должны имѣть положительное значеніе въ отношеніи къ правильному пониманію тѣхъ наблюденій. Я разумѣю существующее уже нѣсколько столѣтій, недавно вновь вошедшее въ обыкновеніе, употребленіе почтовыхъ голубей.

Остановимся на, сколько я знаю, самомъ новомъ, разсудительномъ извѣстіи по этому дѣлу, сообщенномъ однимъ изъ самыхъ тщательныхъ современныхъ наблюдателей жизни и быта птицъ [1]).

Игравшая такъ часто важную роль, особенно въ биржевыхъ спекуляціяхъ, сопровождавшаяся такими большими денежными успѣхами, голубиная почта, которая лишь въ телеграфахъ встрѣтила себѣ опаснаго соперника, далеко оставляющаго ее за собою, повела къ образованію голубиныхъ обществъ и даже къ появленію особаго журнала, въ которомъ сообщаются произведенныя наблюденія. Сводя добытые барономъ Дросте результаты, мы считаемъ нелишнимъ обратить вниманіе на слѣдующія обстоятельства относительно перелетовъ птицъ:

1) Самое большое разстояніе, на которое доставляли почтовыхъ голубей отъ мѣста высиживанія ими яицъ и съ котораго они возвращались съ успѣхомъ, должно считать отъ Мадрида въ Люттихъ, т. е. на 10 градусовъ широты [2]).

Но изъ 150 голубей возвратилось только 6 или 7, т. е. 4 процента.

2) Такъ какъ всѣ опыты показали, что горныя цѣпи, а въ меньшей степени и морскія поверхности, значительно замедляютъ быстроту обратнаго полета, или при очень значительной высотѣ (какъ напр. Альпы) совершенно не допускаютъ возврата, то очевидно, что въ вышеприведенномъ случаѣ Пиренеи были причиною, почему такой малый процентъ голубей могъ возвратиться на родину.

3) Примѣрно отъ 5 до 6 градусовъ широты (напр. отъ С. Себастіана до Парижа) составляютъ такое разстояніе, которое всякій сильный почтовый голубь, хорошей породы, и надлежащимъ образомъ подготовленный посредствомъ пробныхъ полетовъ, можетъ смѣло пролетѣть при хорошей погодѣ.

4) Въ полной силѣ бываютъ трехъ- и четырехъ-лѣтніе голуби. Хорошей породы они могутъ быть названы, если они происходятъ отъ такихъ родителей и прародителей, которые отличались въ качествѣ почтовыхъ голубей, хотя бы и произошли отъ помѣси различныхъ разновидностей.

они рѣшаются перебираться черезъ Понтъ. Такъ и на Босфорѣ измѣненія вѣтра влекутъ за собою остановку на нѣсколько дней. Чѣмъ сильнѣе бываетъ вѣтеръ, тѣмъ ниже птицы летаютъ и тамъ.

Плохіе летуны, какъ напр. перепела, летятъ всегда очень низко надъ водою, и притомъ ночью (Revue et Magasin de Zoologie, 1869, стр. 258).

Весенній перелетъ обыкновенно происходитъ тамъ, говорятъ, при южномъ, осенній преимущественно при западномъ вѣтрѣ.

[1]) Die Taubenpost, Vortrag, gehalten im historischen Verein zu Münster, von Ferd. Baron Droste.

[2]) Мнѣ помнится, что разные искатели Франклина брали съ собою почтовыхъ голубей, которыхъ спускали въ Баффиновомъ заливѣ. Нѣкоторыхъ ничѣмъ нельзя было заставить покинуть корабль. Объ остальныхъ никогда болѣе не было ни слуху, ни духу.

Упражненія въ полетахъ начинаются съ полугодоваго возраста и съ 2—3 часовъ разстоянія. Послѣ надлежащаго отдыха, продолжающагося нѣсколько дней, разстоянія удвоиваются.

5) При бурѣ и туманѣ почтовые голуби никакъ не могутъ совершать свои полеты. По этому пробные полеты должны быть совершаемы въ хорошіе ясные дни.

6) Направленіе страны свѣта, въ которомъ голубямъ приходится летатъ, вовсе, говорятъ, не имѣетъ значенія; даже пробные полеты на необыкновенно дальнія разстоянія не нужно производить по направленію главнаго полета. Даже въ совершенно неизвѣстныхъ мѣстностяхъ голуби хорошо узнаютъ направленіе, по которому имъ слѣдуетъ летѣть домой.

Какъ ни важны вышеприведенныя указанія, все-таки доселѣ ими можно пользоваться почти только въ отрицательномъ смыслѣ.

Значительную роль, которую въ искусствѣ голубей играютъ постепенное упражненіе и даже наслѣдственная передача его, равно какъ независимость этого искусства отъ происхожденія голубей отъ той или другой разновидности, вправѣ утвердить въ насъ мнѣніе, что и самыя отъявленныя перелетныя птицы изъ едва замѣтныхъ начатковъ могли развить свою способность кочеванія въ теченіе тысячелѣтій до тѣхъ колоссальныхъ размѣровъ, которые поражаютъ насъ въ настоящее время.

Далѣе мы знакомимся съ размѣромъ препятствія, представляемаго горными цѣпями, и съ важною поддержкою, которую перелетныя птицы (если онѣ сначала въ меньшей степени были преданы кочеванію) должны были найти въ островахъ, какъ бы указывавшихъ имъ путь чрезъ большія моря.

При всемъ томъ эти опыты не столько разъясняютъ, сколько спутываютъ наши понятія о томъ, какимъ образомъ птицы такъ хорошо сознаютъ направленіе къ родинѣ.

Что бури совершенно могутъ сбивать съ толку этихъ воздухоплавателей, это для меня (срав. часть I, стр. 368—370, о метеляхъ или буранахъ) совершенно понятно. Если дѣло уже такъ плохо въ то время, когда вы чувствуете подъ собою твердую почву, то что̀ же сказать о томъ, когда вы безъ всякой опоры носитесь по безграничному пространству воздуха. По этому бури, какъ я полагаю, должны служить однимъ изъ важнѣйшихъ рычаговъ для далекаго распространенія птичьихъ видовъ.

Туманы же, также мѣшающіе голубямъ исполнять свой долгъ, должны (какъ справедливо замѣчаетъ Дросте) служитъ препятствіемъ не только потому, что лишаютъ ихъ возможности видѣть конечную цѣль путешествія. Разстоянія, которыя одолѣваетъ почтовый голубь, такъ велики, что способность зрѣнія едва-ли можетъ преобладать, не говоря уже о томъ, чтобы она одна могла указывать направленіе перелета. Тоже самое доказывается и тѣмъ, что рѣшительно все равно: будутъ ли упражнительные или подготовительные полеты производиться въ видѣ чрезвычайно далекихъ экскурсій, по направленію образцоваго полета, или по любымъ другимъ направленіямъ, такъ чтобы при образцовомъ полетѣ голубю пришлось летѣть по совершенно неизвѣстнымъ мѣстностямъ. Подоб-

нымъ-же образомъ птенцы нѣкоторыхъ видовъ уже въ первую осень своей жизни совершаютъ свои странствованія отдѣльно отъ старыхъ птицъ, безъ руководителей, да притомъ въ темнотѣ, какъ это любитъ дѣлать бóльшая часть перелетныхъ птицъ.

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что мы еще положительно ничего не знаемъ о характерѣ прирожденныхъ животнымъ инстинктовъ. По этому-то впредь до разъясненія этихъ вопросовъ, котораго вѣроятно нужно будетъ ожидать еще очень долго, приходится отдѣлываться выраженіями, прикрывающими наше незнаніе настоящихъ причинъ, какъ напр. способностью распознавать направленіе, влеченіемъ къ родинѣ, влеченіемъ къ кочеванію.

Что птицамъ, высиживающимъ яйца на глубокомъ сѣверѣ, нѣтъ крайней надобности отыскивать именно тѣ безпріютныя мѣстности, капризное лѣто которыхъ такъ часто вредитъ выводкѣ птенцовъ, это лучше всего доказывается тѣмъ, что отъ иныхъ видовъ, проникающихъ до самаго крайняго сѣвера, нѣкоторыя пары остаются для выводки почти на 25° южнѣе другихъ и, не смотря на совершенно другія климатическія условія, всетаки на югѣ также чувствуютъ себя очень хорошо. Между такими птицами Larus argentatus, какъ кругоборейская тундренная птица, представляетъ одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ примѣровъ [1]). Рядомъ съ этой всеядной птицей, почти столь-же поучительна насѣкомоядная ласточка, которая высиживаетъ яйца не только на глубокомъ сѣверѣ, но и въ Сахарѣ, да и тутъ не можетъ отвыкнуть отъ кочеванія.

Животныя до такой степени чувствуютъ потребность кочевать, что, очевидно со страху запоздать, на глубокомъ сѣверѣ собираются въ путь при несравненно болѣе неблагопріятныхъ условіяхъ, чѣмъ въ нашихъ среднихъ широтахъ, гдѣ, въ случаѣ нужды, они довольно долго выжидаютъ наступленія лучшей погоды. Даже такіе маленькіе пѣвцы, какъ трясогузки и подорожники, на глубокомъ сѣверѣ по-видимому до того теряютъ терпѣніе, что, при недостаткѣ собственныхъ силъ, пользуются иногда лебедями и гусями, какъ паровиками, для продолженія своего путешествія [2]).

---

[1]) Хотя въ южныхъ странахъ на зиму прилетаетъ множество Lar. argentatus въ качествѣ перелетныхъ птицъ съ сѣвера, но родичи ихъ выводятъ птенцовъ вокругъ Средиземнаго моря и даже на Канарскихъ островахъ.

Въ Крыму эта чайка является осѣдлой птицей. Она огромными массами высиживаетъ яйца на берегахъ Гнилаго моря, такъ что яйца ихъ составляютъ тамъ предметъ значительный торговли (Radde, Thierleben im Faulen Meere, Bullet. des Natur. de Moscou, стр. 12, 29 отдѣльн. оттиска).

Кстати замѣтимъ еще, что Дросте (Die Vogelwelt der Nordseeinsel Borkum, 1869, стр. 348) несправедливо говоритъ о Larus argentatus: «Чайка никогда не выводитъ птенцовъ своихъ въ срединныхъ частяхъ материковъ, ни на озерахъ, ни на рѣкахъ; она устроивается обыкновенно на морскихъ прибрежьяхъ». Въ одномъ изъ моихъ имѣній въ Лифляндіи она высиживаетъ яйца на прудахъ моховаго болота, оттуда ей приходится пролетать по крайней мѣрѣ $^1/_3$ геогр. мили до ближайшаго озера, рыбами котораго кормятся она и птенцы ея. По прямому направленію къ морю разстояніе составляетъ болѣе 5 геогр. миль.

[2]) Словамъ моего стараго, но не всегда правдиваго, толмача я не сталъ бы особенно довѣрять, если бы разсказъ его не подтвердился съ другой стороны. Толмачъ этотъ увѣрялъ меня, что онъ видѣлъ своими глазами, какъ трясогузки отправлялись на югъ, сидя на спинахъ лебедей. Ричардсону (Searching Expedition) разсказывалъ охотникъ, что онъ видѣлъ, какъ весною съ подстрѣленнаго на лету гуся, тянувшагося къ сѣверу, слетѣла маленькая птичка (кажется Pl. lapponica).

Замѣчательно, что въ то время, когда на сѣверѣ съ

Размѣры путей кочеванія.

При разсмотрѣніи условій кочеванія перелетныхъ птицъ, однимъ изъ самыхъ затруднительныхъ вопросовъ очевидно является слѣдующій: долетаютъ ли птицы, высиживаемыя подъ самыми высшими широтами, только до полярнаго предѣла зимнихъ квартиръ этого вида птицъ? тянутся ли за тѣмъ птицы того-же вида, выведенныя южнѣе, на столько-же дальше на югъ?

Непосредственныя наблюденія, къ сожалѣнію, пока не даютъ намъ еще никакого отвѣта на эти вопросы.

Нельзя, однакоже, совершенно терять надежду, что со временемъ ближайшія наблюденія дадутъ намъ возможность различать, изъ какихъ мѣстъ пребыванія являются кочующія животныя одного и того-же вида, которыя намъ удается видѣть въ различныхъ мѣстахъ ихъ зимняго пребыванія. На разрѣшеніе этого вопроса намъ можно будетъ надѣяться, если мы станемъ тщательнѣе различать разновидности.

Пояснимъ это примѣромъ сперва на сѣверныхъ оленяхъ. Жители сѣверной Сибири отличаютъ 1) морскихъ сѣв. оленей, т. е. такихъ немногихъ осѣдлыхъ оленей на берегахъ Ледовитаго океана, которые и зимою не покидаютъ этого мѣста пребыванія, да вѣроятно среди зимы еще болѣе пододвигаются къ менѣе суровой температурѣ, господствующей по близости этого океана. Они отличаются, говорятъ, чрезвычайно малымъ ростомъ, и можетъ быть еще тѣмъ, что у оленицъ почти нѣтъ роговъ.

Во всякомъ случаѣ они напоминаютъ намъ Шпицбергенскихъ сѣв. оленей; для меня только одно странно, что интересное извѣстіе, которымъ мы обязаны Шведской экспедиціи, по-видимому не примѣнимо къ гораздо болѣе сѣверной Сибири. Мнѣ не приводилось тамъ ни видѣть дикихъ сѣверныхъ оленей съ укороченными ушами, ни слышать о нихъ, тогда какъ на Шпицбергенѣ короткоухіе сѣв. олени встрѣчаются, говорятъ, очень часто вслѣдствіе того, что у телятъ позднею зимою отмерзаютъ уши.

Что касается до двухъ другихъ разновидностей, различаемыхъ жителями сѣв. Сибири, т. е. 2) тундренныхъ и 3) лѣсныхъ сѣверныхъ оленей, то я считаю возможнымъ сослаться на то, что̀ мною сказано на стр. 172 перваго отдѣла этого сочиненія. Новѣйшія, многократныя поѣздки на Новую Землю подтвердили, что на этомъ островѣ у сѣв. оленей ноги нѣсколько выше, чѣмъ у Шпицбергенскихъ сѣв. оленей. Чрезвычайно толстый слой жиру у сѣв. оленей на Новой Землѣ недавно обратилъ на себя особенное вниманіе, благодаря Норвержскимъ тюленьщикамъ. Въ упомянутомъ выше мѣстѣ я разсмотрѣлъ уже, кажется, все, что̀ можетъ быть сказано объ этомъ предметѣ.

южными вѣтрами прилетаютъ первыя плавающія птицы, на западномъ берегу Каспійскаго моря, въ Октябрѣ и Ноябрѣ, цѣлыми стаями является фламинго, при сѣверо-восточныхъ вѣтрахъ, приносящихъ съ собою дождливую погоду и метель. Онъ прилетаетъ съ востока, слѣдовательно съ вѣтромъ. При южныхъ, западныхъ, сѣверо-западныхъ или даже сѣверныхъ вѣтрахъ птицы этого вида безслѣдно опять исчезаютъ (Gmelin, Reise, 1774, III, стр. 92).

Новѣйшія извѣстія, сообщенныя **Нейманномъ**, подтверждаютъ также низкорослость Чукотскихъ сѣв. оленей.

Такимъ образомъ относительно сѣв. оленей намъ дана возможность положительно отвѣтить на нашъ вопросъ. Необходимо только самымъ точнѣйшимъ образомъ различать разновидности.

Можетъ быть, мы получимъ также возможность отвѣтить на нашъ вопросъ, облекши его въ другую форму и поставивъ его слѣдующимъ образомъ: если въ мѣстностяхъ, лежащихъ подъ средними широтами, пролетаютъ птицы извѣстнаго вида, то какія изъ нихъ прилетаютъ изъ болѣе отдаленныхъ мѣстъ: тѣ ли, которыя прибываютъ **прежде** всѣхъ, или тѣ, которыя являются **послѣ** всѣхъ?

Вотъ отвѣтъ, полученный изъ ряда моихъ наблюденій. Подъ 71° с. ш. въ Таймырскомъ краѣ, 7-го Сентября стар. ст., появились тянувшіяся съ болѣе отдаленнаго сѣвера бѣлыя куропатки, уже явно въ зимнемъ нарядѣ. Часть ихъ отправлялась на югъ, такъ что примѣрно подъ полярнымъ кругомъ прежде всѣхъ прибыли обитатели самаго крайняго сѣвера. Это было весьма очевидно, потому что въ тоже самое время бѣлыя куропатки, выведенныя подъ 71° с. ш., по большей части были еще въ своемъ лѣтнемъ нарядѣ, да еще вовсе и не собирались въ путь[1]). Если бы со временемъ дѣйствительно подтвердилось, что въ Туруханскѣ бѣлыя куропатки прилетаютъ уже въ началѣ Сентября[2]), то это должны быть куропатки глубокаго сѣвера, которыя онѣ только такъ рано отправляются въ путь.

Но спрашивается: какъ возвращаются эти осеннія передовыя птицы весною, т. е. бываютъ ли онѣ и **весною, подобно позднимъ птицамъ, послѣдними** своего вида?

По-видимому это подтверждается тѣмъ, что подъ 71°. с. ш. весною встрѣчались мнѣ бѣлыя куропатки (обоихъ видовъ), у которыхъ отчасти уже замѣтны были первые признаки линянія, и самцы которыхъ уже токовали, тогда какъ другія, въ зимнемъ нарядѣ, еще цѣлыя недѣли летали стаями и своею пугливостью и нерѣшительностію доказывали, что это не была ихъ родина и что онѣ тутъ только гостили во время перелета. Нѣкоторыя другія птицы подтвердили мнѣ это наблюденіе, которое однакоже опять опровергается другими противоположными наблюденіями. По всей вѣроятности, это бываетъ различно, смотря по обстоятельствамъ[3]).

[1]) Мнѣ очень пріятно, что къ такому-же выводу пришелъ и **Сѣверцовъ** (Періодич. явленія, стр. 313), на основаніи собственныхъ наблюденій; на перекоръ тому предположенію, что самыя раннія гостьи прилетаютъ изъ ближайшихъ мѣстъ.

[2]) **Третьяковъ** въ Зап. Имп. Русск. Геогр. Общ. за 1869 годъ, стр. 314. Съ Марта бѣлыя куропатки, говорятъ, опять тянутся къ сѣверу.

[3]) Барашекъ прибылъ въ Таймырскій край подъ 71° с. ш., уже 27-го Мая. Двѣ недѣли спустя появилась еще большая стая этихъ-же птицъ, но она немедленно отправилась далѣе. Въ области р. Лены (см. IV-ю часть, стр. 27), подъ 59° с. ш., я встрѣтилъ еще большія стаи трясогузокъ, тогда какъ 11-ью днями раньше, и всего на одинъ градусъ широты сѣвернѣе, онѣ попадались мнѣ уже разъединенными попарно. Чечетка являлась въ мѣстахъ, гдѣ она высиживаетъ яйца свои въ Таймырскомъ краѣ (подъ 71° с. ш.) уже въ концѣ Апрѣля: годъ спустя, 14-ью градусами южнѣе я встрѣтилъ ее почти въ половинѣ Мая стаями, летѣвшими къ сѣверу.

Какъ объяснить себѣ, рядомъ съ этими наблюденіями, что Falco tinnunculus покинулъ Таймырскій край (IX, 7) позднѣе, чѣмъ мѣстности, лежащія 20-ью градусами южнѣе, напр. Кіевъ (см. Приложеніе) или устья Волги, гдѣ эту птицу, вслѣдствіе регулярнаго ея появленія, считаютъ предвѣстницей осени, потому что она является изъ верховьевъ Волги около половины Августа и остается не дольше Сентября. Подъ 71° с. ш.

Со временемъ, можетъ быть, положеніе, въ какомъ животныя прибываютъ въ различныя мѣста, также намъ дастъ нѣкоторыя указанія по этой части. Незначительная по-видимому замѣтка[1]), что осенью, на берегахъ Нѣмецкаго моря, первые пришельцы (Totanus glottis) всегда бываютъ худощавы, тогда какъ тѣ, которыхъ убиваютъ впослѣдствіи, чрезвычайно жирны, замѣтка эта, говорю я, со временемъ можетъ повести къ любопытнымъ заключеніямъ.

Воздержимся отъ дальнѣйшихъ толкованій и ограничимся тѣмъ, что успѣли обратить вниманіе на важность вопросовъ, которые, можетъ быть, удастся разрѣшить посредствомъ точнаго наблюденія незначительныхъ по-видимому разновидностей.

Весьма буду радъ, если нижеслѣдующими соображеніями мнѣ удастся содѣйствовать къ разъясненію вопроса о томъ, какъ велики вообще могутъ быть пути, которые животныя глубокаго сѣвера совершаютъ во время своего кочеванія.

Относительно сѣверныхъ оленей въ настоящее время можно только высказать догадки по этому предмету. Экваторіальный предѣлъ странствованій кочующихъ сѣв. оленей по-видимому лишь мало заходитъ въ область высокоствольной лѣсной растительности, такъ что главными мѣстами ихъ пребыванія во время кочевокъ служатъ безлѣсная тундра и криволѣсье. Слѣдовательно, чѣмъ шире тундра, тѣмъ длиннѣе пути кочеванія, по которымъ тянутся сѣв. олени. Такимъ образомъ сѣв. оленю, отправляющемуся изъ Таймырскихъ предгорій къ югу, нужно пройти, по крайней мѣрѣ, 5, 6 и даже 7 градусовъ широты, прежде нежели ему удастся добраться до своего зимовья. Въ сѣверной же Америкѣ, пути кочеванія сѣв. оленей, соотвѣтственно протяженію тамошнихъ тундръ, почти вдвое длиннѣе.

Такъ какъ осѣдлые сѣв. олени изъ высокоствольнаго и криворослаго лѣса лишь недалеко заходятъ за предѣлъ древесной растительности, то полоса, въ чертѣ которой кочующіе сѣв. олени зимою являются вмѣстѣ съ осѣдлыми сѣв. оленями, вообще довольно узка. Впрочемъ, гдѣ тундры невелики, какъ напр. въ Лапландіи, въ которой сѣв. олени всегда родятся въ виду лѣса, тамъ и пути кочеванія, кажется, тянутся на нѣсколько градусовъ широты къ югу въ предѣлахъ высокоствольной лѣсной растительности, какъ напр. въ Финляндіи, вокругъ Онежскаго и Ладожскаго озеръ, да на Уралѣ[2]). Въ Сибири же, напротивъ того, во многихъ мѣстахъ, кочующій сѣв. олень сталкивается съ осѣдлымъ довольно рѣзко, почти безъ постепеннаго перехода, въ предѣлахъ криворослаго лѣса. Вблизи предѣла лѣсной растительности, вопреки высокимъ широтамъ, именно зимою бываетъ наибольшее количество сѣв. оленей[3]).

она появилась лишь 24-го Августа и оставалась тамъ двѣ недѣли.

Не кроется ли въ томъ, что мною выше (въ текстѣ) сказано о бѣлыхъ куропаткахъ, разрѣшеніе того факта, что Lagopus albus зимуетъ подъ болѣе сѣверными широтами, чѣмъ Lagop. alpinus? (Parry, Third Voyage, стр. 101).

[1]) Droste, Die Vogelwelt der Nordseeinsel Borkum, 1869, стр. 178.

[2]) Еще и теперь сѣв. олень ежегодно уходитъ съ сѣвера большими стадами въ сѣверо-западный уголъ Казанской губерніи (Богдановъ, Птицы и звѣри черноземной полосы Поволжья, 1871, стр. 176).

[3]) Тоже самое должно замѣтить объ Америкѣ. Зе-

Обращаясь за тѣмъ къ птицамъ, мы встрѣчаемъ безчисленное множество различій въ разстояніяхъ, которыя онѣ пролетаютъ. Начиная съ осѣдлыхъ птицъ, кочевыя разстоянія которыхъ равны нулю, мы доходимъ до такихъ птицъ, которыя ежегодно пролетаютъ огромное пространство въ 300, даже, можетъ быть, до 500 геогр. миль, и столько-же обратно. Немудрено, что это отражается въ формѣ ихъ крыльевъ, которыя у нихъ гораздо длиннѣе и острѣе, чѣмъ у осѣдлыхъ птицъ, такъ какъ кончикъ крыла ближе подходитъ къ первому маховому перу [1]).

Чѣмъ ближе къ полюсу, тѣмъ болѣе уменьшается число осѣдлыхъ, тѣмъ многочисленнѣе становится количество кочующихъ животныхъ. При всемъ томъ, на стр. 143 этого тома мы уже доказали, что нѣкоторые индивидуумы различныхъ видовъ млекопитающихъ и птицъ обыкновенно зимуютъ даже на самомъ крайнемъ сѣверѣ, какъ настоящія осѣдлыя животныя, и даже мало переходятъ съ мѣста на мѣсто.

Какъ ни велико лѣтомъ число перелетныхъ птицъ на глубокомъ сѣверѣ, все-таки онъ бѣденъ видами. Только часть птицъ, водящихся подъ нашими средними широтами, добирается до него. Это такія птицы, которыя у насъ являются осѣдлыми и развѣ только къ зимѣ отправляются на поиски за болѣе обильными условіями питанія, но которыя тѣмъ положительнѣе становятся перелетными птицами, чѣмъ дальше онѣ приближаются къ полюсу, чѣмъ континентальнѣе страна и чѣмъ она въ тоже время гористѣе. Такимъ образомъ, напр., на сѣверѣ Сибири, улетаютъ къ югу [2]), за 5 и даже за 10 градусовъ широты, не только альпійская бѣлая куропатка, свойственная безлѣснымъ тундрамъ, но и наша простая осѣдлая птица Лифляндіи, болотная бѣлая куропатка. Послѣдняя сдѣлалась тамъ постоянною перелетною птицею, хотя одно изъ нашихъ лучшихъ руководствъ по части орнитологіи, съ европейской точки зрѣнія, должно было назвать эту птицу непригодною для кочеванія.

Странствующихъ животныхъ такого рода я готовъ бы назвать скитающимися кочующими животными (Strich-Zugthiere). Въ нѣкоторыхъ случаяхъ онѣ доходятъ не дальше скитанья, а въ другихъ случаяхъ становятся положительно-перелетными

манъ (Reise um die Welt, стр. 142) замѣтилъ, что на сѣв.-западномъ берегу Америки, подъ полярнымъ кругомъ (Коцебу-зундъ), число сѣв. оленей скорѣе увеличивается, чѣмъ уменьшается.

[1]) Naumannia, 1857, стр. 274. Уже по различной степени округленія, заостренности и длины крыльевъ, можно (говоритъ Блазіусъ) судить о различіи манеры и способности летанія.

Весьма рѣзкими исключеніями могутъ служить перепелъ, дергачъ и лысуха.

[2]) 19-го Апрѣля вечеромъ, подъ 72° с. ш., (на Хатангѣ) при мнѣ прибыли альпійскія бѣлыя куропатки. Многими, близко слѣдовавшими другъ за другомъ парами онѣ пролетали мимо меня, на высотѣ роста человѣческаго, какъ разъ на сѣверъ. Туземцы опровергали мои сомнѣнія о томъ, дѣйствительно ли это прилетныя птицы, а не вспуганные бѣглецы. Впрочемъ онѣ кочуютъ и на сѣверномъ Уралѣ (Hofmann, Reise, стр. 196).

Переходомъ къ этимъ странствованіямъ бѣлыхъ куропатокъ служатъ Лофоды. По словамъ Бойе (Journ für Ornithol., 1869, стр. 90), Lagopus (subalp.) albus набирается числомъ до 3000. Lagop. alpin. собирается въ Октябрѣ; такимъ образомъ птицы остаются вмѣстѣ до Мая мѣсяца.

Глухари, которые въ Лифляндскихъ лѣсахъ едва скитаются только мимоходомъ, въ гористой Скандинавіи почти становятся перелетными птицами (Nilson, Illuminerado figurer, текстъ къ 76-ой таблицѣ), подобно болотной бѣлой куропаткѣ въ Сибири.

птицами. Пространства, которыя онѣ пролетаютъ, въ различные годы бываютъ различны; разрѣшеніе вопроса, какъ далеко въ извѣстную зиму приходится имъ пробираться на югъ, зависитъ отъ качества зимы, въ особенности же отъ количества выпавшаго снѣга, отъ наличнаго запаса корма и т. д. Кромѣ того, онѣ кочуютъ не очень скоро, часто отдыхаютъ и лишь исподоволь отступаютъ передъ невзгодами. Съ одинаковою выносливостью онѣ очень рано въ году возвращаются къ сѣверу. Кочеваніе, очевидно, не составляетъ для нихъ абсолютной необходимости, какъ это на самомъ дѣлѣ и доказываютъ нѣкоторыя особи.

Такія **скитающіяся перелетныя птицы** во многомъ похожи на **скитающихся**, но свои перелеты онѣ совершаютъ нерѣдко за 20 градусовъ широты къ югу' а иныя, какъ напр. большая часть голенастыхъ птицъ, нѣкоторыя казарки и др.[1]) предаются даже вполнѣ развитой страсти кочеванія, пролетая безъ удержу чрезъ такія мѣстности, гдѣ онѣ положительно могли бы оставаться на извѣстное время. Мы вправѣ, кажется, утверждать, что эти **скитающіяся перелетныя птицы**, по близости отъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ онѣ высиживаютъ свои яица, являются настоящими перелетными птицами и даже совершаютъ перелеты свои въ довольно опредѣленныя времена. Но чѣмъ дальше онѣ пробираются къ югу, тѣмъ явнѣе тѣ же самые индивидуумы, во всѣхъ своихъ пріемахъ, становятся скитающимися птицами. Слѣдовательно, смотря по обстоятельствамъ, эти виды бываютъ то осѣдлыми, то скитающимися, то перелетными птицами.

Къ **скитающимся перелетнымъ птицамъ**, кромѣ многихъ другихъ, принадлежатъ всѣ гиперборейскіе обитатели тундры, т. е. птицы, высиживающія яйца лишь внѣ предѣла лѣсной растительности. Между ними встрѣчаются такіе чудаки, которые, не въ видѣ какихъ-нибудь отдѣльныхъ особей, а всѣ до послѣдняго, вьютъ гнѣзда не иначе, какъ подъ самыми дальними градусами широты. Во главѣ этихъ полюсолюбцевъ является красивая маленькая крячка, L. **Sabinei**, которую и въ Гренландіи и въ Сибири трудно встрѣтить высиживающею яйца къ югу отъ 74° с. ш. Это тѣмъ замѣчательнѣе, что эта чайка выводитъ своихъ птенцовъ на берегу прѣсныхъ водъ, такъ что къ ней нельзя примѣнить то, что можетъ быть сказано о многихъ птицахъ, которыя въ Таймырскомъ краѣ, подъ дальнею широтою въ 74° все-таки еще не находили покоя, а пролетали мимо меня, до послѣдняго индивидуума, еще дальше по направленію къ полюсу. Эти-то птицы, а именно **Tr. canutus**, **Tr. maritima**, **Cal. arenaria**, столь-же положительно, какъ чистики, кайры, гаги, казарки и т. д. вьютъ гнѣзда свои только близъ самаго моря[2]). Гдѣ

---

[1]) An. glacialis занимаетъ средину между ними и **зимоупорными** скитающимися перелетными птицами. Но она никогда не добирается даже до Понта. Появленіе ея около **Монпеллье** въ Январѣ 1840 года (**Serres**, Des causes des migrations, стр. 12) нужно считать неслыханнымъ случаемъ. Казарка, какъ извѣстно, добирается до Египта.

[2]) Не только нельзя было встрѣтить ни одного экземпляра крячки на Боганидѣ (подъ 71° с. ш.), но и подъ $73\frac{3}{4}$° на р. Таймырѣ она являлась лишь гостьей. **Гольбёлль** говоритъ, что въ Гренландіи эта чайка не высиживаетъ яицъ своихъ къ югу отъ 75-го градуса (Isis, 1845, стр. 745). На островѣ Шпицбергенѣ ей даже не приходится измѣнять своему правилу. Но на полуостровѣ Мельвиллѣ она, по-видимому, заходитъ къ югу отъ 70-го градуса широты и высиживаетъ яйца даже подъ поляр-

материкъ не такъ далеко простирается къ полюсу, тамъ онѣ рѣшаются высиживать яйца даже къ югу отъ 70° с. ш. Но экваторіальный предѣлъ той полосы, гдѣ онѣ высиживаютъ яйца, или вовсе не доходитъ до полярнаго круга или, можетъ быть, достигаетъ его только на восточномъ берегу Сѣв. Америки. Оставляемъ въ сторонѣ встрѣчающихся кое-гдѣ поселенцевъ, очевидно происшедшихъ отъ случайно заброшенныхъ туда животныхъ. Нѣкоторыя изъ нихъ, какъ напр. Anser bernicla, An. spectabilis[1]), пролетающія надъ Европой, по-видимому считаютъ даже Нордкапъ за невыносимо экваторіальную полосу высиживанія яицъ, потому что переправляются на время выводки птенцовъ на Шпицбергенъ и Новую Землю. Для такихъ птицъ даже прибрежья Сибирскаго Ледовитаго океана все еще не довольно прохладны; по-этому онѣ и тутъ остаются недолго и тянутся дальше, на острова Ледовитаго океана и на встрѣчу неизвѣстнымъ полярнымъ странамъ[2]).

Часть этихъ поклонниковъ полюса кочуетъ, какъ уже замѣчено было, на подобіе настоящихъ перелетныхъ птицъ, но неохотно заходитъ за 45° широты европейскихъ береговъ къ югу. Другая часть ихъ (въ томъ числѣ и голенастыя птицы, какъ напр. морскія тиркушки и плавунчики) соединяется съ многочисленными морскими птицами, которыя не такъ разборчивы относительно полосы высиживанія яицъ, не такъ стоятъ за близость полюса и одинаково охотно выводятъ птенцовъ своихъ какъ внѣ, такъ и внутри полярнаго круга[3]), какъ напр. чистики, кайры, гаги и савки. Единомышленниками ихъ оказываются: чогунокъ, краснобрюхая семендюха, морская и альпійская тиркушки. Соединяясь въ безчисленныя стаи, птицы эти, которыхъ мы назовемъ зимоупорными ски-

---

нымъ кругомъ (Appendix to Parry's second voyage, 1825 стр. 360).

Еще подъ 80° с. ш., 23-го Мая нов. ст., казарки съ Шпицбергена тянулись къ сѣверу. Torell und Nordenskjold, Die schwedische Expedition nach Spitzbergen, 1861—1868, стр. 37.

Въ верховьяхъ р. Таймыра, и даже на Боганидѣ (71° с. ш.) лишь изрѣдка можно было встрѣтить казарокъ высиживающими яйца. Причиною этого, вопреки отдаленности моря, вѣроятно была дальняя широта. Въ Гренландіи, говоритъ Гольбёлль, 70-ый градусъ широты обозначаетъ экваторіальный предѣлъ той полосы, гдѣ онѣ вьютъ гнѣзда свои (Isis, 1845, стр. 745). Но Calidris arenaria, говорятъ, высиживаетъ тамъ яйца до 69°, а Tringa canutus даже до 68° с. ш.

О многихъ птицахъ, которыя въ Таймырскомъ краѣ, подъ 71° с. ш. только пролетали, но не высиживали яицъ, я не рѣшаюсь утверждать положительно, но полагаю, что онѣ тянулись дальше только вслѣдствіе отдаленности моря. Я разумѣю Sterna macrura, Lestris pomarina, Col. glacialis, Anas spectabilis, Anas Stelleri, Tr. subarquata, Lim. uropygialis. Гдѣ высиживаетъ яйца Ans. hyperboreus, въ Зап. Сибири? Она тянется вдоль Арало-Каспійскаго Обскаго пути (Pallas, Reise, II, стр. 323), а въ видѣ исключенія даже вдоль Днѣпровскаго пути (Кеслеръ въ вышепривед. сочин. стр. 91).

[1]) Schrader, Journ. für Ornithol. 1853, стр. 317, 322. Ans. bernicla весною часто встрѣчается въ схерахъ Финляндіи (Nordmann, Bull. des Natural. de Moscou, 1860, стр. 44. И на Данцигскомъ прибрежьѣ почти каждую зиму являются An. mollissima, spectabilis и Stelleri; но никогда еще не было стараго самца (Radde, Bullet. des Natur. de Moscou, 1854, III, стр. 165.

Lar. glaucus и Lar. leucopterus встрѣчались также около Гельсингфорса (Falek, Description d'un exemplaire et Notice, 1843).

[2]) Изъ рукописныхъ дневниковъ Прончищева я вижу, что, когда онъ находился 24-го Августа 1735 года, примѣрно, на меридіанѣ устья рѣки Лены, подъ 74° с. ш., то прилетѣли гуси съ сѣверо запада. Очевидно они прибыли съ неизвѣстныхъ намъ полярныхъ острововъ.

[3]) Онѣ высиживаютъ яйца, примѣрно, до 55° с. ш.; на берегахъ Ирландіи (Thompson, Report of the British Association, tenth meeting, 1841, стр. 380, въ Даніи (Naumannia, 1850, III, стр. 46), на о. Борнгольмѣ (тамъ-же стр. 56); на о. Сильтѣ (Rhea, 1849, стр. 131. Anas mollissima). Uria grylle и Alca torda высиживаютъ яйца на скалахъ Готландіи, какъ мнѣ сообщаетъ академикъ Фр. Шмидтъ. An. mollissima во множествѣ на Оландскихъ островахъ и въ Финляндскихъ схерахъ (Nordmann, Bullet. des Natur. de Moscou, 1860, стр. 45), а порознь даже An. Stelleri и An. spectabilis.

*

тающимися перелетными птицами (winterzähe Strich-Zugvögel), съ такимъ упорствомъ сопротивляются зимней стужѣ, что при внезапно наступающемъ морозѣ морскія птицы погибаютъ тысячами, и даже десятками тысячъ [1]). Не мудрено, что нѣкоторыхъ заноситъ тогда до Азорскихъ и Канарскихъ острововъ [2]).

Зимнее пребываніе этихъ зимоупорныхъ водяныхъ птицъ сообразуется, слѣдовательно, каждый разъ съ предѣлами какъ неподвижнаго, такъ и пловучаго льда. Онѣ напоминаютъ моихъ гиперборейскихъ ледяныхъ животныхъ (стр. 153). Зимуютъ онѣ, примѣрно, ежегодно въ Кольскомъ заливѣ Лапландіи (69° с. ш.) и въ сосѣднемъ Варангскомъ фіордѣ [3]); но заходятъ и дальше, вдоль береговъ Норвегіи, на 15 градусовъ широты южнѣе, до береговъ Даніи, Голландіи, Великобританніи, а съ рѣдкими исключеніями еще на 10 градусовъ широты южнѣе, до береговъ Испаніи, подъ 44° с. ш. Соотвѣтственно этому, тѣже самыя птицы спускаются вдоль болѣе холодныхъ восточныхъ береговъ Америки

An. Stelleri, впрочемъ, выводитъ птенцовъ не только въ Русской Лапландіи, но и въ восточной части Варангскаго Фіорда (Wright, Bidrag 1843, till. Prakt-Eiderns, Helsingfors; Heuglin, Journ. für Ornithol. 1871, стр. 107).

На берегахъ Норвегіи, An. glacialis высиживаетъ яйца, говорятъ, до 61° и даже до 60° с. ш. къ югу; на Шведскихъ же берегахъ не южнѣе 64° с. ш.

Tr. cinclus высиживаетъ яйца и на о. Боркумѣ (Droste, die Vogelwelt der Nordsee-Insel Borkum, 1869, стр. 221).

1) Напр. по Гольбёллю, гаги на берегахъ сѣв. Гренландіи, въ 1856 году (Isis, 1845, стр. 750), по Фаберу, Uria Brünnichi и Uria alle у Исландіи (Leben hochnord. Vögel, 1825, стр. 73). Уже Парри (Append. to the Sec. Voyage, стр. 371, 373) сообщалъ, что гаги и гребенухи на самомъ глубокомъ сѣверѣ почти осѣдлыя птицы и преимущественно ищутъ такія мѣста, гдѣ вода не замерзаетъ, и что у Гудзонова залива онѣ не заходятъ къ югу далѣе 59° с. ш. То же самое въ маломъ видѣ мы ежегодно видимъ въ С.-Петербургѣ. Савка не хочетъ покидать немногихъ незамерзшихъ частей рѣки, даже во время самаго сильнаго ледохода, и при этомъ сопротивляется не только стихіи, но и многократнымъ преслѣдованіямъ, которымъ ихъ подвергаютъ, бросая въ нихъ каменьями. Никогда не посѣтивъ Крыма (Шатиловъ въ Bullet. des Natur. de Moscou, 1860, стр. 513), эти пролетающіе надъ С.-Петербургомъ экземпляры, вѣроятно отправляются на западъ, чрезъ Финскій заливъ въ Балтійское море. Столь-же упорно она держится на соляныхъ озерахъ Обскаго края (Pallas, Reise, II, стр. 323). Въ Таймырскомъ краѣ, подъ 71° с. ш., это была послѣдняя водяная птица, остававшаяся до 8-го Сентября, да вмѣстѣ съ нею еще Falco tinnunculus.

An. histrionica въ южной Сибири остается до Ноября, пока быстрины горныхъ рѣкъ еще гдѣ-либо открыты. Тоже самое должно замѣтить объ An. fusca подъ 65° с. ш. на рѣкѣ Мекензи (до IX, 29).

2) Напр. чистики до Канарскихъ и Mergulus alle до Азорскихъ острововъ (Ibis, 1861, стр. 96). Но какимъ путемъ Fratercula arctica въ 1832 году добралась до Мальты? (Ibis, 1864, стр. 157).

3) По Нордманну (Bulletin des Natur. de Moscou, 1860, стр. 52) Lar. eburneus.

О томъ, что Mormon arcticus, Alca torda, Uria grylle, Anas mollissima и An. glacialis зимуютъ въ Кольскомъ заливѣ, я узналъ отъ тамошнихъ жителей. И въ Америкѣ An. glacialis отступаетъ только передъ замерзаніемъ воды и зимуетъ на открытыхъ мѣстахъ Девисова пролива и Гудзонова залива (Parry, Append. to the Sec. Voyage, стр. 373).

Въ Варангскомъ фіордѣ зимуютъ Mergulus alle, Larus eburneus, Anas spectabilis и Anas Stelleri (Naumannia, 1853, II, стр. 220, по Шрадеру). Въ открытомъ океанѣ, напротивъ того, 53-ій градусъ широты составляетъ экваторіальный зимній предѣлъ для Mergulus alle и Procellaria glacialis; какъ только корабли поворачивали на югъ, такъ птицы исчезали (Goodsir, An. arctic Voyage, 1850, стр. 5).

Anas spectabilis, An. Stelleri, An. mollissima, An. histrionica Ans. bernicla, т. е. многіе изъ тѣхъ-же самыхъ видовъ, которые зимуютъ на сѣв. берегахъ Лапландіи, зимою появляются и на берегахъ Даніи (Naumannia, 1850, стр. 53, 55) и, подъ тѣми-же широтами (55°), на берегахъ Ирландіи (Thompson, Report of the Brit. Associat. tenth meeting, 1841, стр. 376, 377), вмѣстѣ съ гуменниками, лебедями, плеханами, плавунчиками, морскими тиркушками и морскими орлами.

Mormon fratercula и Uria troila простираютъ свои странствованія до Прованса (Journ. für Ornithol. 1856, p. 231) до береговъ Испаніи (Archiv für Naturgesch. 1853,

регулярно до 42° с. ш., слѣдовательно среднимъ числомъ примѣрно на 10 градусовъ широты южнѣе, чѣмъ на западныхъ берегахъ Европы и Америки[1]).

Впрочемъ индивидуумы одного и того-же вида встрѣчаются то на полярномъ, то на экваторіальномъ предѣлѣ широкаго пояса, занимаемаго ихъ зимовьями. При этомъ, кажется, немаловажную роль играютъ индивидуальныя способности, личная храбрость и особое расположеніе къ приключеніямъ, привычка, товарищество, примѣръ и т. п. Однолѣтки по-видимому при своихъ зимнихъ странствованіяхъ всегда улетаютъ дальше къ югу, чѣмъ старыя птицы[2]), а между послѣдними самцы забираются дальше самокъ.

Часть материковыхъ птицъ глубокаго сѣвера и сѣвера вообще также принадлежитъ къ зимоупорнымъ скитающимся перелетнымъ птицамъ. Между всѣми ими первое мѣсто принадлежитъ альпійской бѣлой куропаткѣ, которая даже въ Сибири лишь недалеко переходитъ за полярный кругъ, хотя она ежегодно должна удаляться изъ тундръ въ криволѣсье, а оттуда въ высокоствольный лѣсъ, совершая эти странствованія очень быстро[3]).

Вслѣдъ за бѣлою куропаткою тянется ея заклятой врагъ, лунь, но, соотвѣтственно безпокойному характеру всѣхъ хищниковъ, лунь забирается уже на нѣсколько градусовъ южнѣе, чѣмъ бѣлая куропатка, а въ исключительныхъ случаяхъ, даже по ту сторону Океана, играетъ роль перелетной птицы и большими стаями появляется на сѣверныхъ берегахъ Великобританніи. Тѣже самые градусы широты, но не та же самая изохимена, обозначаютъ тогда самое крайнее и исключительное появленіе луни въ видѣ зимняго гостя по Средней Европѣ, почти до 49° с. ш. на Волгѣ. Около Петербурга же и въ Лифляндіи онъ лишь неблагонадежный гость[4]), хотя и появляется также большими стаями.

II, стр. 31) и, вѣроятно въ видѣ заблудившихся экземпляровъ, до Канарскихъ островов.

Anser albifrons появляется регулярно въ холодныя зимы въ Камаргѣ; рѣже встрѣчаются Ans. bernicla, Ans. leucopsis, An. glacialis, An. mollissima, Phalarop. cinereus и rufescens въ Провансѣ (Journ. für Ornithol. 1856, стр. 231).

Прежде, говорятъ, зимоупорныя скитающіяся перелетныя птицы встрѣчались на восточномъ берегу Америки, еще нѣсколько южнѣе 42° с. ш. (Andubon, American. Ornithological Biography, III, стр. 342). Phalarapus hyperboreus часто встрѣчается даже до 40° с. ш. на сѣверо-западномъ берегу Америки (United States Exploring Exped. VIII, 1848, стр. 236).

[1]) По Пилю (United States Explor. Exped. VIII, 1848, стр. 257) Uria grylle простирается на западныхъ берегахъ Америки до 45° с. ш. — Squatarola helvetica доходитъ тамъ до Санъ-Франциско, т. е. до 38° с. ш. (Explorations and surveys for Railroad-route from the Missisipi, to the Pacific Ocean, vol. XII, part. II, стр. 232).

[2]) Такъ въ южной Франціи встрѣчались только молодые Mormon fratercula, Anas mollissima, Colymb. glacialis, Plectroph. calcarata. Равнымъ образомъ у Данцига встрѣчаются лишь молодыя An. molissima, spectabilis и Stelleri (Radde, Bullet. des Natur. de Moscou, 1854, III, стр. 165).

[3]) Даже подъ 69° с. ш. бываютъ въ Норвегіи зимы, когда альпійскія куропатки или вовсе не появляются въ долинахъ или попадаются лишь немногія (Schrader въ Journ. für Ornithol. 1853, стр. 260). Срав. также Мальмгрена (Botanik resa in Sällskap pro Fauna et Flora Fennica, Ny serie, III, 1861) и Нордманна (Bullet. des Natur. de Moscou, 1860).

Съ р. Таймыра бѣлыя куропатки неслись такъ быстро къ югу, что мнѣ нельзя было обогнать ихъ на своемъ пути. 9-го Ноября онѣ уже пробрались за $69\frac{1}{2}$° с. ш. (см. нѣмецк. изд. этого соч. т. II, 2, стр. 191).

[4]) Въ Ирландіи Томпсонъ встрѣчалъ его перелетной птицей (Annals of Natural Hist. 1838, I, стр. 244). Въ Ней-Форпоммернѣ, не смотря на чрезвычайно умѣренную зиму 1865—66 годовъ, луни появились въ такомъ множествѣ, въ какомъ уже давно не встрѣчались (Journ. für Ornithologie, 1866, стр. 143). Въ туже самую зиму они появились и въ *Лифляндіи* (срав. выше стр. 233).

Въ Европѣ Str. funerea, Garrul. infaustus и Corythus enucleator зимою странствуютъ почти до тѣхъ-же экваторіальныхъ предѣловъ, какъ и лунь[1]), слѣдовательно въ Сибири залетаютъ лишь недалеко за экваторіальный предѣлъ странствованій сѣверныхъ оленей[2]).

Съ другой же стороны цѣлый рядъ зимоупорныхъ, большею частію небольшихъ, материковыхъ птицъ ежегодно добирается до экваторіальнаго предѣла полярнаго зайца[3]), часто даже за этотъ предѣлъ. Въ этомъ отношеніи, кажется, особенно замѣчательно то, что какъ разъ самыя гиперборейскія изъ нихъ, напр. Plect. nivalis, Pl. lapponica и Fring. linaria, вмѣстѣ съ птицами, вьющими гнѣзда свои южнѣе, какъ-то: Al. alpestris, Bombyc. garrula, Pyrrhula vulgaris, достигаютъ даже южныхъ береговъ Европы[4]). На этомъ предѣлѣ кочеванія сталкиваются какъ гиперборейски высиживающія яйца, такъ и плодящіяся въ лѣсахъ, скитающіяся перелетныя птицы, а именно: подорож-

---

Въ Германіи они встрѣчаются по $51\frac{1}{2}$° с. ш. (Naumannia, 1849, стр. 7) и еще южнѣе, потому что упоминаются въ числѣ птицъ Австрійской Имперіи (Wiener zoolog.-botan. Verhandlungen, VII, стр. 553—566). Около Кіева ($50\frac{1}{2}$ °с. ш.) Кеслеръ видѣлъ ихъ только всего одинъ разъ (Естеств. Исторія губ. Кіевск. Учебн. Окр. 1852, стр. 100, дополн.). На Волгѣ они являются подъ 49° с. ш. (Naumannia, 1853, III, стр. 303).

[1]) На зиму Garrul. infaustus по-видимому положительно удаляется изъ Сѣв. Сибири, такъ что на Енисеѣ въ предѣлахъ полярнаго круга я уже не встрѣчалъ болѣе ни одного. Нѣкоторые запоздалые экземпляры впрочемъ, говорятъ, зимуютъ подъ полярнымъ кругомъ. Въ Верхней Силезіи онъ встрѣчался еще въ Татрѣ (Naumannia, Naturg. der Vögel, XIII, стр. 219). Въ Сѣв. Америкѣ ему соотвѣтствуетъ Garrul. canadensis. Послѣдній зимовалъ въ срединныхъ частяхъ Сѣв. Америки, подъ 66° с. ш. (King, Journey to the shores of the arctic Ocean, 1836, II, стр. 123), на сѣверо-западномъ берегу, вопреки зимней стужѣ, подъ $63\frac{1}{2}$° с. ш. (Загоскинъ, Пѣшех. Опись, I, стр. 115).

[2]) Но не то мы видимъ въ Европѣ, какъ полагаетъ Блазіусъ (Reise, стр. 97). Въ Европ. Россіи лунь уже въ Лифляндіи, гдѣ даже вьетъ гнѣзда, достигаетъ болѣе южныхъ широтъ, чѣмъ сѣв. олень. Безъ сомнѣнія, странствованія его въ серединныхъ частяхъ Европ. Россіи также достигаютъ болѣе южныхъ широтъ. Срав. Сѣверцова, Період. явленія, 1855, стр. 20.

[3]) Срав. Миддендорфа, Ueber die als Bastarde angesprochenen Mittelformen zwischen Lepus europaeus und Lep. variabilis (Mélanges biologiques de l'Acad. de St.-Pétersb. 1851, I, 3, p 217) и Шренка, Zoolog. Nachrichten vom Ussuri и пр. (Bullet. de l'Acad. de St.-Pétersb. 1861) T. IV. стр. 182).

[4]) Подорожникъ добирается до Кіева ($50\frac{1}{2}$° с. ш.) почти ежегодно. Однакоже и тамъ онъ не являлся зимою 1841—1842 г. По крайней мѣрѣ я тщетно отыскивалъ его. На Волгу, къ 49° с. ш., онъ прилетаетъ, кажется, каждую зиму (Naumannia, 1853, III, стр. 304; Georgi, Reise, стр. 786). Даже до Одессы ($46\frac{1}{2}$°) онъ добирается почти каждый годъ (Nordmann, въ Démidoff, Voyage, III, стр. 179). Въ Крыму онъ появляется, говорятъ, только въ очень суровыя и продолжительныя зимы (Schatilov, Bullet. des Natur. de Moscou, 1860, стр. 502, и Radde, Journal für Ornithol. 1855, стр. 60), такъ что Палласъ никогда не встрѣчалъ его тамъ.

При всемъ томъ нѣкоторыя стаи не улетаютъ къ югу дальше Оландскихъ острововъ ($60\frac{1}{2}$°). Въ Ирландіи онѣ появляются ежегодно до 55° с. ш., рѣдко южнѣе, (по Томпсону). Въ Тюрингіи подорожникъ встрѣчается только въ сѣверной части; въ южной его никогда нѣтъ (Naumannia, 1854, стр. 196).

Такъ какъ въ Провансѣ его ловили не болѣе 4 или 5 разъ (Journ. für Ornithol. 1856, стр. 217, и Guérin, Revue et Magasin de Zoolog. 1855, стр. 315), равно какъ и Pl. lapponica, то едва-ли можно сомнѣваться въ томъ, что экземпляры, видѣнные на Азорскихъ островахъ (Ibis, 1866, стр. 96) были, должно быть, заблудившіяся птицы.

Въ Сѣв. Америкѣ Plectr. nivalis ежегодно доходитъ до 54-го градуса широты (Parry, Sec. Voyage, Append. стр. 344), но въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже до 40-го градуса.

Тракилокъ, который, какъ извѣстно, зимуетъ въ средней части Зап. Европы, а съ другой стороны и въ Юж. Сибири, въ Европ. Россію, кажется, вовсе не заходитъ, или только очень рѣдко. Въ Кіевѣ напр., гдѣ подорожникъ является постоянно и во множествѣ, ни Кеслеръ, ни я не встрѣчали тракилока. Нордманнъ (Démidoff, Voyage, III, стр. 177) также полагаетъ, что тракилокъ не встрѣчается въ южной Россіи. И у Богданова я не нахожу его. Не встрѣчался онъ мнѣ также около С.-Петербурга. Слѣдовательно, изъ сѣв.-восточной Европы онъ улетаетъ, кажется, на юго-западъ, а изъ Сѣв. Сибири на югъ и на юго-востокъ, такъ что Европейская Россія остается въ сторонѣ. Въ Сѣв. Америкѣ онъ остается у

никъ, тракилокъ, альпійскій жаворонокъ, чечетка, свиристель, кречетъ, которыя никогда не залетаютъ далѣе южныхъ береговъ Европы, и сарычъ да короткоухая сова, которыя частію останавливаются на этихъ южныхъ берегахъ, частію тянутся чрезъ Понтъ и Средиземное море дальше на югъ [1]).

Такимъ образомъ скитающіяся перелетныя птицы сѣв. Сибири привели насъ къ большимъ соленымъ водамъ, ограничивающимъ южную Европу. Всѣ птицы, улетающія за Средиземное море, за Понтъ и Каспійское море, могутъ быть признаны за настоящихъ перелетныхъ птицъ. Впрочемъ даже эта явно высказывающаяся кочевая натура большей части птицъ какого-нибудь извѣстнаго вида не въ состояніи одолѣть въ нѣкоторыхъ болѣе смѣлыхъ характерахъ зимоупорное свойство, которое не только равняется свойству, составляющему отличительную черту зимоупорныхъ скитающихся перелетныхъ птицъ, но иногда даже превосходитъ его.

Вслѣдствіе умѣренныхъ зимъ западной Европы случается, что даже въ южной Норвегіи, въ Даніи, не говоря уже о Великобританніи, подъ 55° с. ш., зимуютъ нѣкоторые жаворонки, скворцы, бекасы, галки и даже чапуры [2]), которыя на западѣ Европ. Россіи

Гудзонова залива (по крайней мѣрѣ подъ 51°) въ теченіе всей зимы (Parry, Sec. Voyage, Append. стр. 347).

Альпійскій жаворонокъ едва замѣтно улетаетъ къ югу за экваторіальный предѣлъ своего спутника, подорожника, долетая ежегодно только до Одессы (Nordmann, loc. cit. стр. 161), и забираясь также въ Крымъ (Radde, Journ. für Ornithol. 1855, стр. 60); 1854, III, стр. 142; Schatilov, Bullet. des Natur. de Moscou, 1860, стр. 501).

Въ Данію залетаетъ онъ рѣдко, но въ особенно снѣжныя зимы забирается даже въ среднюю Германію (Naumannia, 1850, III, стр. 43; II, стр. 4).

Впрочемъ альпійскій жаворонокъ не настоящая гиперборейская птица, потому что по словамъ Эверсманна (Journal für Ornithol. 1853, IV, стр. 284) любитъ вить гнѣзда въ степяхъ южной Сибири, подъ 48° с. ш., между Волгой и Ураломъ, и въ южной Зюнгарской степи. Слѣдовательно не на однихъ только горахъ южной Сибири. Не зимуетъ онъ также, говорятъ, ни на южномъ Уралѣ, ни въ прилегающихъ Оренбургскихъ степяхъ, а появляется тамъ только въ Мартѣ, когда снѣгъ начинаетъ таять.

Чечетка и свиристель держатся одинакихъ предѣловъ съ альпійскимъ жаворонкомъ. Около Кіева они встрѣчаются сотнями. Въ Одессѣ и въ Крыму они являются постоянно. Въ 1843 году они даже не останавливались въ Одессѣ (Kupffer, Ann. météorol. 1846, II, стр. 76 и др.). По Сѣверцову (Періодич. явленія, стр. 258) въ Воронежѣ чечетки, говорятъ, являются позднѣе и заканчиваютъ свой осенній перелетъ въ Декабрѣ. На западѣ они добираются до береговъ Нѣмецкаго моря (Droste, Borkum, стр. 111). Уже въ Верхней Италіи чечетки встрѣчаются рѣдко.

Свиристель часто зимою добирается до Крыма (Schatilov, Bullet. des Natural. de Moscou, 1860, стр. 491, 514), но говорятъ, что это молодыя птицы (Radde, ibid. 1854, III, и Journ. für Ornithol. 1855, стр. 56); встрѣчается онъ не только въ лѣсу, но и въ степи. Въ Лифляндіи бываетъ ежегодно.

Въ Даніи свиристель является почти каждую зиму (Naumannia, 1850, III, стр. 41), въ Маркѣ Бранденбургской (Journ. für Ornithol. 1859, стр. 126) до половины Апрѣля. У Средиземнаго моря въ южной Франціи встрѣчался только два раза (Journ. für Ornithol. 1856, стр. 221).

Въ Лифляндіи онъ остается до поздней весны; напр. въ 1867 году до 15 го, а на слѣдующій годъ до 2-го Апрѣля около Дерпта.

Зимою, да и то только при сильной стужѣ, снигирь заходитъ въ Крымъ (Шатиловъ въ Bullet. des Natur. de Moscou, 1860, стр. 503). Вьетъ гнѣзда даже около Казани (Богдановъ, Приволжье, стр. 111).

Около Боркума снигирь встрѣтился только разъ въ Ноябрѣ (Droste, die Vogelwelt der Nordseeinsel Borkum, стр. 113).

[1]) Въ Крыму (Radde, Bullet. des Natural. de Moscou, 1854, III, стр. 136; Schatilov, ibidem, 1860, стр. 490) и около Одессы (Nordmann, въ соч. Демидова, Voyage стр. 112) послѣдняя зимуетъ, равно какъ и въ южной Франціи; но въ половинѣ Апрѣля улетаетъ черезъ Понтъ къ сѣверу и за тѣмъ позволяетъ брать себя руками на корабляхъ (Nordmann, Bullet. des Natur. de Moscou, 1860, стр. 10). Такимъ-же образомъ и на Альпахъ она прилетаетъ и отлетаетъ съ бекасами; въ умѣренныя зимы она даже и зимуетъ тамъ (Tschudi, стр. 105).

[2]) Faber, Leben hochnordischer Vögel, стр. 23.

(въ Одессѣ) едва рѣшаются на это 10-ью градусами широты южнѣе. По этому не мудрено, что въ Лифляндіи, подъ 57° с. ш., въ рѣдкія, особенно умѣренныя, зимы, въ довольно теплыхъ родниковыхъ мѣстахъ и на незамерзшихъ, по другимъ причинамъ, водахъ зимуютъ туземныя прѣсноводныя утки (а именно кряквы и чирки). Но въ высшей степени замѣчательно, что тоже самое встрѣчается подъ тою-же широтою, съ тѣми-же видами, въ Уральскихъ горахъ, или близъ Байкала подъ $52^1/_2$° с. ш., не смотря на всевозможныя преслѣдованія, и подъ 54° с. ш. въ Камчаткѣ. Такимъ образомъ намъ удалось указать полярный предѣлъ такихъ зимоупорныхъ чудаковъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что ихъ отыщется тѣмъ больше, чѣмъ дальше мы станемъ отодвигаться отъ этого полярнаго предѣла къ югу[1]).

Вышеупомянутымъ пловучимъ птицамъ подражаютъ (Cinclus) водяныя оляпки[2]).

Поясъ странъ, въ предѣлахъ котораго явно-перелетныя птицы Сѣверной Сибири зимуютъ постоянно и релулярно, начинается приблизительно съ 44-го градуса широты и простирается, кажется, до ближайшихъ окрестностей экватора. Слѣдовательно ширина его очень значительна.

---

[1]) Относительно Лифляндіи можно сослаться на Фишера (Naturgesch. Livlands, 1845, стр. 29). Упоминаются An. fusca, cresca, querquedula и boschas. Неожиданнѣе извѣстіе Мочульскаго (Bullet. des Natur. de Moscou, 1845, III, стр. 29), что на Уралѣ, около Екатеринбурга, на незамерзающемъ горномъ озерѣ, зимуютъ не только утки (подъ 57° с. ш.), но даже гуси и лебеди.

Самымъ замѣчательнымъ случаемъ можетъ служить зимованіе водяныхъ птицъ на полыньяхъ нижней Тунгуски, которыя примѣрно подъ 65° с. ш. въ разныхъ мѣстахъ не замерзаютъ въ теченіе всей зимы; такъ мнѣ разсказывали это мои казаки, которые зимовали тамъ неоднократно.

Тоже самое повторяется на Пясинѣ и на Хатангѣ, гдѣ, говорятъ, находятся подобныя-же мѣста, вѣроятно еще внутри полярнаго круга.

На полыньяхъ альпійской Ангары и Байкала (53° с. ш.) многія водяныя птицы, садясь на ночь на ледъ, сковываются набѣгающею на нихъ и примерзающею водою, такъ что ихъ потомъ легко ловятъ (Georgi, Reise, стр. 500 и 501). При выходѣ Ангары изъ Байкальскаго озера Сиверсъ (Pallas, Neue Nord. Beiträge, VII, стр. 235) въ Январѣ встрѣтилъ также кряковъ, бѣлоглазокъ, чирковъ и другихъ водяныхъ птицъ и осматривалъ приспособленія, при помощи которыхъ ихъ тамъ стрѣляютъ въ теченіе всей зимы (см. также Мартоса, стр. 135).

Уже подъ 59° с. ш., къ югу отъ Охотска, на Улѣ, водяныя птицы зимуютъ, говорятъ, около теплыхъ родниковъ (Вѣстн. Геогр. Общ. 1853, VII, Отд. VIII, стр. 5).

На Паратункѣ, равно какъ на берегу Камчатки, въ Петропавловской гавани (53° с. ш.). зимуютъ An. boschas, An. crecca, An. clangula, An. glacialis, чайки, лебеди (Сарычевъ, Путеш. 1802, I, стр. 168; Sauer, Voyage de Billings, trad. par Castéra, 1802, II, стр. 194; Erman, Reise um die Erde, I, 3, стр. 331). Въ Декабрѣ 1846 года г. Вознесенскій застрѣлилъ Larus glaucopterus на р. Камчаткѣ, гдѣ эта чайка иногда зимуетъ, какъ я видѣлъ изъ дневника этого путешественника.

На о. Сахалинѣ водяныя птицы могутъ зимовать только подъ 51° с. ш. въ верховьяхъ никогда не замерзающей тамъ рѣки Тыми (Schrenck, Reise, Zool. стр. XVI).

Гуси зимуютъ на сѣв.-западномъ берегу Америки въ видѣ исключенія подъ 57° с. ш. (у Кадъяка; см. Хвостова и Давыдова, Двукрат. Путеш. II, стр. 208).

За тѣмъ неудивительно, что, по словамъ Палласа (Reise, II, стр. 25), An. marila ежегодно зимуетъ въ Приволжьѣ (около Уфы), подъ 55° с. ш.; по Сѣверцову (Періодич. явленія, стр. 226), въ области р. Дона, подъ 52° с. ш., Anas boschas и An. leucophtalma. Но еще менѣе странно, что An. boschas и An. fuligula зимуютъ около Кіева ($50^1/_2$°) нерѣдко (Kessler, Bullet. des Natur. de Moscou, 1853, I, стр. 184), или даже на Волгѣ подъ 48°—46° с. ш. постоянно (Pallas, Reise, III, стр. 646, у Царицина, а по Габлицлю въ Палласовыхъ Neue Nord. Beitr. III, стр. 10, при устьѣ Волги).

[2]) Cinclus aquaticus зимуетъ постоянно въ Лифляндіи (58°) при быстринахъ мельничныхъ плотинъ. Еще полными тремя градусами широты сѣвернѣе онъ зимуетъ, говорятъ, у водопадовъ Финляндіи, подъ 61° с. ш. (Wright, Helsingfors - Traktens Fogel - Fauna, 1847, стр. 43).

На сѣверныхъ берегахъ Понта и Каспійскаго моря зимуетъ мало сѣверныхъ водяныхъ птицъ, напр. гагары, чайки и нѣсколько плехановъ [1]); на южныхъ же берегахъ этихъ водъ и въ Малой Азіи, напротивъ того, зимуетъ уже очень много сѣверныхъ перелетныхъ птицъ всякаго рода [2]). Но и онѣ, по большей части, все еще могутъ считаться лишь передовыми отрядами, потому что главная масса зимующихъ сѣверянъ всякаго рода останавливается только въ сѣверной Африкѣ и на южныхъ берегахъ Азіи, къ югу отъ 30-го градуса широты. Наиболѣе выдвинувшихся мы находимъ въ верховьяхъ Нила, въ Абиссиніи, на Канарскихъ и Азорскихъ островахъ, равно какъ въ Индіи [3]).

Между разными названіями, встрѣчающимися въ этомъ главномъ отрядѣ, наше

1) Colymb. septentrionalis и въ особенности arcticus часто зимуютъ около Одессы; Ans. albifrons въ небольшомъ количествѣ (Нордманнъ въ соч. Демидова, Voyage, III, стр. 305, 285). На южныхъ берегахъ Крыма нырки не только часто зимуютъ, но даже, говорятъ, высиживаютъ яйца въ большомъ количествѣ (Bullet. des Natur. de Moscou, 1860, стр. 517). Встрѣчались они зимою также у Мальты (Ibis, 1864. стр. 157); въ этомъ, впрочемъ, нѣтъ ничего удивительнаго, потому что эти птицы странствуютъ вдоль рѣчныхъ областей, къ югу, и потому были убиваемы въ Венгріи, однакоже только молодыя птицы (Zoolog. Garten, 1864, стр. 27), въ Штиріи (Versamml. der Ornitholog. XVII, стр. 6), въ Швейцаріи и т. д. Чайки зимуютъ близь устья Волги (Gmelin, Reise, II, стр. 191).

2) У южной половины Каспійскаго моря, отчасти уже на Терекѣ, зимуютъ: Corvus frugilegus и corax, Muscicapa albicollis, Saxicola stapazina, Alauda cristata, Parus caeruleus, major и palustris, Loxia coccothraustes, Alauda arvensis и tatarica, Columba oenas, Calidr. arenaria, Charadr. hiaticula, Totan. hypoleucos, Scolop. gallinula, Phalarop. hyperboreus, Haematop. ostralegus, Numen arquata, Grus leucogeranos, Ciconia alba и nigra, Anas clypeata, An. boschas, An. querquedula, An. rufina, ferina, glacialis, fuligula, Podiceps cristatus, Cygnus musicus, Ans. albifrons, пеликаны, кормораны, чайки и т. д. (срав. Gmelin, Reise III, стр. 87; Güldenstädt, Reise, p. 146; Hablizl въ Палласовыхъ Neue Nord. Beitr. IV, p. 1; Ménétriè, Catalogue raisonné, 1832, стр. 28 и др.; кромѣ того я имѣлъ случай пользоваться рукописными замѣтками того-же автора).

3) По Боллю (Journal für Ornithol. 1857, стр. 263, 265), на Канарскихъ островахъ встрѣтаются не только Turdus iliacus, Char. pluvialis, Numen. phaeopus, Saxicola oeneanthe, Motac. alba, но и такіе положительные сѣверяне, какъ Calidris arenaria и Squatarola helvetica (см. выше стр. 186).

Такъ и на Азорскихъ островахъ (Ibis, 1866, стр. 96, 100 и др.) являются не только Strepsilas interpres, но и Tringa maritima.

Въ Абиссиніи (Heuglin, Reise, 1868, стр. 288) встрѣчаются не только голенастыя нашихъ среднихъ широтъ Tot. ochropus, hypoleucos, stagnatilis, но даже и Tr. minuta и Tr. variabilis.

Въ сѣверо-восточной Африкѣ зимуютъ по Гейглину (Uebersicht der Vögel Nordost-Afrika's, стр. 9 и др.): Numen. phaeopus, Machetes pugnax, Calidris arenaria, Tr. subarquata, Tr. alpina, Tr. Temminckii, Tr. minuta, Scol. gallinago и gallinula, Sterna macrura, Squatarola helvetica, Charadr. pluvialis, Char. morinellus, Str. brachyotos, Str. bubo, F. tinnunculus, F. peregrinus, F. aesalon, F. rufipes.

Какъ въ сѣв.-восточной, такъ и въ сѣверо-западной Африкѣ, европейскія птицы простираются до 14° с. ш. и далѣе; а именно въ Гамбіи: Ciconia alba и nigra, Numenius phaeopus, Limosa rufa, Tringa canutus, Tr. subarquata, Tr. Temminckii, Tr. minuta, Calidris arenaria, Strepsilas interpres, Scolop. gallinago, Larus argentatus, Larus tridactylus. Sterna caspia и т. д. (Hartlaub, Journ. für Ornithol. 1854, стр. 289).

Ср. также Tristram, Ibis, 1860, II, стр. 76.

Между тѣмъ какъ тысячи вострохвостокъ зимуютъ на озерахъ и ломкахъ Нижняго Египта, сотни тянутся длинными фалангами вверхъ по Нилу, слѣдуя всѣмъ изгибамъ его теченія, съ такою-же спѣшностію у Хартума, какъ у Каира, и отдыхая, можетъ быть, лишь подъ 4-мъ градусомъ широты (Alfr. Brehm, Reiseskizzen in Nordost-Afrika, III, стр. 212).

Tr. subarquata, Tr. canutus (чрезвычайно рѣдко), Strepsilas interpres и др. встрѣчаются въ Индіи (Gould, Handbook, to the birds of Australia 1865, Vol. II, стр. 256, 263). Также Tr. crassirostris, которую, хотя и не высиживающею яйца, во множествѣ заставалъ я на южныхъ берегахъ Охотскаго моря; она водится и на Амурѣ (Шренкъ) и въ Японіи и встрѣчается также въ Новой Голландіи.

Strepsilas collaris и Charadr. pluvialis, которыхъ Китлицъ принялъ за Камчатскихъ птицъ, онъ встрѣтилъ въ Уаланѣ (примѣрно подъ 5° с.ш.). См. Kittlitz, Denkwürdigkeiten, II, стр. 32. Ближайшее изученіе разновидностей обыкновенной семендюхи могло бы вѣроятно послужить къ разъясненію его догадки.

особенное вниманіе должны обратить на себя тѣ, которыя обозначаютъ виды, высиживающіе яйца по близости отъ предѣла лѣсной растительности, отчасти же и только по ту сторону этого предѣла. Прежде всѣхъ должно назвать плехана (Anser albifrons); онъ высиживаетъ яйца въ Сибири тольто гиперборейски, т. е. внѣ предѣла лѣсной растительности [1]), и на экваторіальномъ предѣлѣ своихъ зимовьевъ стаями достигаетъ 30-го градуса широты въ Египтѣ. Желая приступить къ дѣлу по осторожнѣе, предположимъ, что плеханы, высиживающіе яйца на самомъ глубокомъ сѣверѣ, останавливаются на полярномъ предѣлѣ зимовьевъ своего вида и что, слѣдовательно, это именно тѣ немногіе плеханы, которые зимуютъ на берегахъ Понта и Каспійскаго моря; тогда мы вполнѣ удостовѣримся, что плеханъ и осенью и весною пролетаетъ въ оба пути по крайней мѣрѣ болѣе 30 градусовъ широты. Мы получимъ 35 градусовъ широты, если сравнимъ самыя южныя мѣста высиживанія яицъ подъ полярнымъ кругомъ съ самыми южными зимовьями (въ Египтѣ). Получится даже разстояніе въ 50 градусовъ широты, если окажется. что индивидуумы, родившіеся въ самыхъ сѣверныхъ мѣстахъ высиживанія яицъ, посѣщаютъ прибрежья Египта, а это весьма вѣроятно не только потому, что плеханы появляются при устьяхъ Нила большими стаями, но и потому, что подобное-же явленіе представляютъ и другія полярныя птицы, напр. бѣлый гусь (Ans. hyperboreus [2]), который въ Америкѣ вмѣстѣ съ плеханомъ отправляется на общія зимовья подъ тѣми-же широтами, какъ на древнемъ материкѣ, морская чайка (Lar. glaucus), доходящая до 13° с. ш., и варакушка (S. suecica), приближающаяся къ экватору на 12°. Относительно Америки у насъ также есть неопровержимыя доказательства подобной длины перелетныхъ путей, совершаемыхъ нѣкоторыми сѣверными птицами [3]).

Сверхъ упомянутыхъ птицъ, мы могли бы привести въ доказательство еще нѣсколько голенастыхъ, которыя высиживаютъ яйца свои далеко за предѣломъ лѣсной растительности по направленію къ полюсу, зимою же встрѣчались на берегахъ Нила (и даже подъ 4° с. ш.), напр. краснобрюхая семендюха. Но какъ она, такъ и нѣкоторыя другія голенастыя [4]) и даже двѣ-три хищныя птицы, голубятникъ и конюкъ (F. peregrinus и

---

1) И та пара, которую я засталъ высиживающей яйца въ Лапландіи, подъ 67° с. ш. (Baer und Helmersen, Beiträge zur Kenntn. des Russ. Reichs, 1843, VIII, стр. 200, табл. № 81), находилась внѣ предѣла лѣсной растительности. Въ Сѣв. Америкѣ Ans. albifrons также высиживаетъ яйца въ тундрахъ, въ предѣлахъ полярнаго круга (Richardson, Search. Exped. I, стр. 320).

Извѣстіе Черная (О фаунѣ Харьк. губ. 1850, стр. 34), что Ans. albifrons высиживала яйца въ Харьков. губ., мнѣ кажется не очень вѣроятнымъ, даже какъ аномалія.

2) Ans. hyperboreus высиживаетъ яйца въ Волластоновой землѣ еще близь 70° с. ш. (Richardson, Search. Exped. I, стр. 320).

3) На запад. берегахъ Сѣв. Америки Ans. albifrons и Ans. hyperboreus проводятъ зиму также примѣрно подъ 30° с. ш. въ Калифорніи (Peale въ United States Explor. Exped. 1848, VIII, стр. 248). На восточныхъ берегахъ Ans. hyperboreus является даже примѣрно подъ 20° с. ш. на о Кубѣ, большими стаями (Arch. für Naturgesch. 1853, XIX, III, 58).

На о. Кубѣ (приблизительно подъ 21° с. ш.) Дорбиньи (Arch. für Naturgesch. 1842, II, стр. 63) засталъ 48 видовъ, которые въ Сентябрѣ и Октябрѣ прилетаютъ туда на зимовку. Между ними находятся Tr. Temminckii и Char. squatarola, вьющіе гнѣзда подъ самыми дальними широтами Сибири.

4) Гиперборейскій Strepsilas interpres, кругоборейскій Char. squatarola, Char. pluvialis, Char. hiaticula, Tr. cin-

Buteo lagopus), принаддежатъ уже къ космополитамъ, живущимъ на обоихъ полушаріяхъ нашей земли. Такихъ космополитовъ (въ этомъ, теперь, кажется, нельзя болѣе сомнѣваться) встрѣчали въ самыхъ отдаленныхъ пунктахъ земнаго шара. Хотя это обитатели глубокаго сѣвера Европы, Сибири и Сѣв. Америки, но они встрѣчаются также на южныхъ оконечностяхъ древняго и новаго материковъ, въ архипелагѣ южно-азіятскихъ острововъ и въ Нов. Голландіи, встрѣчаются[1]) какъ близь полюса, такъ и близь экватора. Со временемъ, по ближайшемъ изслѣдованіи вопроса: вездѣ-ли, гдѣ ихъ встрѣчали лѣтомъ, онѣ и вьютъ гнѣзда, нѣкоторыхъ изъ нихъ, можетъ быть, придется исключить изъ числа космополитическихъ вьющихъ гнѣзда птицъ[2]).

Присоединимъ къ этимъ космополитамъ еще нѣсколько видовъ птицъ, которые мы назовемъ меридіанными. Это такія птицы, которыя, правда, также встрѣчаются на обоихъ полушаріяхъ, къ сѣверу и къ югу отъ экватора, но не распространились по всему земному шару, а водятся лишь подъ извѣстными долготами, какъ напр. черный устричникъ (Haematopus ater), который водится на зап. берегахъ Сѣв. Америки, но встрѣчается также на Курильскихъ островахъ и въ Чиле; морская турухтановка (Calidris arenaria), которая однакоже на сѣверѣ оказывается кругополярной птицей; буревѣстникъ (Альбатросъ), который отъ южной оконечности Америки и даже отъ Нов. Голландіи простирается до Охотскаго моря и до Алеутскихъ острововъ, и еще нѣсколько другихъ видовъ[3]).

---

clus, Calidris arenaria; также Falco peregrinus и F. aesalon (Naumannia, 1856, III, стр. 211). Торелль и Норденскіольдъ застали Char. hiaticula на яйцахъ даже на о. Парри, къ сѣверу отъ Шпицбергена.

Char. pluvialis большими стаями тянется надъ Вестъиндіей въ Юж. Америку до Патагоніи (Baird, The distribution and migrations in North-America, стр. 32). Вѣроятно это такія, которыя выведены въ Сѣв. Америкѣ, слѣдовательно въ этомъ отношеніи меридіанныя птицы.

О томъ, что Tot. fuscus, Tot. calidris, Tot. ochropus, Actitis hypoleucos, Tr. canutus, Tr. maritima, Tr. subarquata и т. д. появляются въ Капской землѣ, а Limosa uropygialis (Миддендорфъ принималъ ее за Limosa rufa) въ Новой Зеландіи, срав. Финша (Droste, Bericht über die 18te Versamml. der deut. Ornithologen-Gesellsch. 1870, стр. 40, 41).

[1]) По Фирталеру (Naumannia 1853, I, стр. 19) Strepsilas interpres встрѣчался подъ 4° с. ш. при истокахъ Нила. Подъ 7° с. ш. онъ является на о. Цейлонѣ (Kelaart, Prodr. Faunae Zeylanicae, Zeylon, 1852, стр. 133). Альфр. Бремъ (Cabanis, Journal für Ornithol. 1854, I, стр. 73) полагаетъ, что немногія пары высиживаютъ яйца въ Египтѣ. На о. Ямайкѣ онъ дѣйствительно вьетъ гнѣзда (Günther, The record of zoological literature, 1864).

Относительно Tr. cinclus (Schinzii) и Calidris arenaria уже Гай (Historia fisica y politica de Chiles, 1847, стр. 425) положительно говорилъ, что они встрѣчаются въ Чиле. Гартлаубъ недавно подтвердилъ это извѣстіе (Naumannia, 1853, II, стр. 222). Но мнѣ неизвѣстно, встрѣчались ли эти два вида и въ Нов. Голландіи.

При сопоставленіи всѣхъ извѣстныхъ доселѣ случаевъ космополитизма между птицами, самый фактъ уже не можетъ болѣе подлежать сомнѣнію, хотя коегдѣ и могутъ оставаться еще нѣкоторыя затрудненія, напр. относительно меньшаго роста F. peregrinus въ Капской землѣ, къ которому, впрочемъ, пандантами могутъ служить нѣкоторые экземпляры Лифляндскіе. Срав. Глогера относительно Buteo lagopus и Lestr. catarrhactes (Journal für Ornithol. 1856, стр. 260, 298, 300).

[2]) Извѣстно, что космополитическія птицы, голенастыя, лѣтомъ стаями летаютъ по морскимъ прибрежьямъ такихъ странъ, гдѣ онѣ никогда не высиживаютъ яицъ. Такъ напр. я засталъ ихъ на южныхъ берегахъ Охотскаго моря, а Радде (Thierleben am faulen Meere, Bullet. des Natur. de Moscou, 1855, стр. 31 отдѣльнаго оттиска); это были: Strepsilas interpres, Tr. canutus, Tr. minuta, Tr. variabilis.

[3]) Haematopus niger встрѣчался, впрочемъ, и на Канарскихъ островахъ (Hartlaub, Bericht, 1856, стр. 10). Если американскій Brachyotos palustris дѣйствительно разновидность нашего Str. brachyotos древняго материка (что, по моему мнѣнію, еще нельзя считать рѣшеннымъ дѣломъ), то онъ также принадлежитъ къ меридіаннымъ птицамъ, потому что распространенъ по Америкѣ отъ сѣвера до южной оконечности.

*

Нельзя, кажется, сомнѣваться въ томъ, что космополиты, а можетъ быть и меридіанныя птицы, изъ тропическихъ странъ прилетаютъ въ противоположныхъ направленіяхъ къ тѣмъ мѣстамъ, гдѣ онѣ высиживаютъ свои яйца: однѣ, водящіяся къ сѣверу отъ экватора, къ сѣверному, другія, зимующія къ югу отъ экватора, къ южному полюсу. Мы обязаны Пилю прекраснымъ доказательствомъ въ пользу этого предположенія. Онъ утверждаетъ, что космополиты и другія, зимующія въ тропикахъ, перелетныя птицы встрѣчаются въ зимнемъ нарядѣ къ сѣверу отъ экватора въ Ноябрѣ и въ Январѣ, а къ югу отъ экватора въ томъ-же нарядѣ отъ Мая до Іюля[1]),

Но какъ быть съ тѣми необозримыми стаями ласточекъ, которыя Андерсенъ видѣлъ въ концѣ Ноября въ срединныхъ частихъ Африки подъ тропикомъ Козерога, т. е. подъ 20° южной широты[2])? гдѣ онѣ высиживали яйца свои? Желательно, чтобы вскорѣ удалось ближе узнать обстоятельства, при которыхъ совершаются эти перелеты.

И такъ, желая опредѣлить пути, по которымъ летаютъ сибирскія птицы, мы пока изъ списковъ должны исключить космополитовъ и меридіанныхъ птицъ. Между тѣмъ птицы, высиживающія яйца свои лишь за предѣломъ лѣсной растительности или неподалеку отъ него, доказываютъ, что протяженіе въ 35 градусовъ широты соотвѣтствуетъ средней длинѣ самыхъ длинныхъ путей перелета. Изъ птицъ, которыя высиживаютъ яйца свои до средней или даже южной Европы, но которыхъ мы встрѣчали на гнѣздахъ и подъ 71° с. ш. въ Сибири, почти ни одна не зимуетъ къ сѣверу отъ 36° с. ш. Слѣдовательно птицы, высиженныя на полярномъ предѣлѣ ихъ видовъ, должны пролетать до своихъ зимовьевъ болѣе 35 градусовъ широты. Такимъ образомъ, точное опредѣленіе полярнаго предѣла ихъ зимовьевъ, въ сущности для насъ пока интереснѣе опредѣленія экваторіальнаго ихъ предѣла, хотя для насъ не можетъ быть безъинтересно, что птицы, о способѣ которыхъ спеціалистамъ приходится допытываться у Лапландцевъ и Самоѣдовъ, хорошо извѣстны въ своемъ зимнемъ нарядѣ (какова иронія!) неграмъ внутренней Африки[3]).

Можетъ быть мы вправѣ назвать нашу Tot. glareola древ. материка также меридіанной птицей, потому что она встрѣчалась въ Капской землѣ.

Sterna caspica Pall. достигаетъ, по словамъ Финша (Journ. für Ornithol. 1870, стр. 364), до Нов. Зеландіи, а Calidr. arenaria до Чили (срав. Hartlaub, Naumannia, 1853, стр. 232).

Бердъ (The distribution and migrations of North-American birds, стр. 17) недавно даже утверждалъ, что большая часть голенастыхъ птицъ Сѣв. Америки зимою распространяется по Южн. Америкѣ, до Патагоніи. За ними слѣдуютъ, говорятъ, нѣкоторыя плавающія птицы.

[1]) Peale въ United States Explor. Exped. VIII, стр. 238, 239. Дѣйствительно, Haemat. niger не встрѣчается, говорятъ, къ сѣв. отъ Вальпарайсо (32° ю. ш.), на берегахъ Юж. Америки (см. тамъ-же), такъ что онъ временно (во время перелета?) также встрѣчается въ двухъ, ненаходящихся въ связи, областяхъ распространенія, т. е. на сѣв. и на южномъ полушаріи.

Нельзя-ли, можетъ быть, такимъ-же образомъ разрѣшить загадочное и даже странное извѣстіе, что альбатросъ удаляется съ южной оконечности Америки, гдѣ онъ высиживаетъ яйца, и все время, пока на южномъ полушаріи продолжается зима, т. е. съ Апрѣля до Августа, проводитъ на сѣв. полушаріи до 50° с. ш.

[2]) H. Wagner, Die neuesten Entdekkungsreisen an der Westküste Afrika's, 1863, стр. 279. У маленькаго озера Омонбонда пролетаютъ стаи ласточекъ, своимъ протяженіемъ напоминающія стаи саранчи. Нѣкоторыя изъ этихъ стай были шириною въ нѣсколько сотъ футовъ, и по-видимому имѣли подобную-же толщину; въ длину же тянулись болѣе чѣмъ на часъ пути.

[3]) Изъ тѣхъ видовъ, представители которыхъ вьютъ гнѣзда свои также близь предѣла древесной раститель-

Въ заключеніе обратимъ особенное вниманіе на то, что наблюденія не показываютъ ни малѣйшей послѣдовательной связи между положеніемъ, которое птица занимаетъ въ системѣ, и степенью ея способности къ странствованію. Близко сродственныя птицы принадлежатъ: одна къ положительно осѣдлымъ, другая къ положительно перелетнымъ птицамъ; одна пролетаетъ максимумъ перелетныхъ путей, ближайшая же его родня вдвое меньше. Даже птицы одного и того-же вида различны между собою, смотря по климату, мѣстности, или даже по индивидуальной способности[1]).

ности и даже за этимъ предѣломъ, нижеслѣдующіе встрѣчаются въ Египтѣ до 18, 12, а нѣкоторые даже до 4° с. ш., или даже на о. Цейлонѣ (примѣрно до 7° с. ш.): Falco aesalon, F. tinnunculus, Str. brachyotos, Saxicola oenanthe (по Брему, около Хартума, подъ 18° с. ш.; что онъ тутъ, впрочемъ, еще не достигаетъ своего экваторіальнаго предѣла, это намъ доказываетъ случай, когда онъ встрѣтился подъ 7° с. ш. въ Атлантич. Океанѣ; см. Peale въ United States Explor. Exped. VIII, стр. 90), Motac. alba, M. flava, Hirundo rustica (поймана подъ 7° с. ш. въ Атлантич. Океанѣ 20-го Октября нов. ст.; см. United States Explor. Exped. VIII, стр. 174. Мейенъ засталъ Hir. rustica, Lan. phoenicurus и Motac. flava въ Китайскомъ морѣ, подъ 14° с. ш., въ большомъ количествѣ во время перелета ихъ къ югу; срав. Nov. Act. Acad. Leop. Carol. XVI, Suppl. I, 1834, стр. 72, 73, 80), Hir. urbica и riparia, Cuculus canorus (на о. Цейлонѣ), Scolopax gallinago и gallinula, Tringa minuta, Tr. subarquata, Tot. ochropus, fuscus, calidris, hypoleucus, glareola (? на о. Цейлонѣ, примѣрно подъ 7° с. ш.; см. Kelaart, Prodrom. Faunae Zeylonicae, Zeylon, 1852, стр. 133, 134 и Append. 55; Hartlaub въ Journ. f. Ornithol., 1854, II, стр. 159, 160), Numenius arquata, N. phaeopus, Grus cinerea (также до 4°), Anas acuta, An. crecca.

Изъ птицъ, высиживающихъ яйца подъ менѣе дальними широтами, зимуютъ въ Египтѣ, между 22° и 18° с. ш. или на о. Цейлонѣ: Coturnix dactylisona, Fring. carduelis, cannabina, coelebs, Merops apiaster (также до Сенегамбіи, вмѣстѣ съ Saxic. rubicola, rubetra и Musc. grisola; см. Cabanis, Journ. f. Ornithol. 1854, I, стр. 5), Oriolus galbula (до 4°), красношейки, соловьи, жаворонки, Curruca cinerea, Anthus campestris и rufogularis, Motac. sulfurea, Crex pratensis, Totan. hypoleucos, Ardea purpurea, Grus virgo (до 4°), Ciconia alba (до 4°), Cic. nigra, Anas clypeata и др.

Но гдѣ остаются Scolop. major и Scolop. rusticola, которыя, по Альфр. Брему, не прилетаютъ въ Египетъ? или Char. pluvialis, который тамъ, по словамъ того же ученаго, при перелетѣ бываетъ рѣдкое явленіе, тогда какъ въ Крыму онъ собирается въ путь на югъ съ милліонами пигалицъ (Radde, Thierleben am faulen Meere, стр. 34). Не улетаютъ ли всѣ вальдшнепы въ юго-западную Африку? Тамъ, по словамъ Лабуисса (Naumannia, 1853, III, стр. 344) они зимуютъ въ Алжирѣ.

[1]) Такимъ образомъ, нельзя считать замѣчательнымъ исключеніемъ, что Гмелинъ (Reise, II, стр. 174) встрѣтилъ въ Европ. Россіи, около Воронежа ($51^1/_2$° с. ш.) зимовавшаго тамъ Ember. schoeniclus, тогда какъ около Астрахани ($46^1/_2$°) всѣ птицы этого вида улетаютъ къ югу. Можно еще собрать нѣсколько наблюденій того-же рода. Такъ напр. подъ 69° с. ш. въ Гренландіи нѣкоторые подорожники остаются на зиму, бо́льшая же часть улетаетъ (Holböll, Isis, 1848, стр. 746). Подъ 64° с. ш. въ Исландіи, напротивъ того, бо́льшая часть подорожниковъ остается на зиму, и только немногіе улетаютъ (тамъ-же, стр. 756, 757). Подобные-же примѣры можно привести относительно южныхъ широтъ Россіи. Нѣкоторыя трясогузки (Mot. alba), нѣкоторые барашки и гаршнепы (Scolop. gallinago и gallinula) и нѣкоторыя водяныя курочки зимуютъ, какъ рѣдкости, на южныхъ берегахъ Крыма (45° с. ш.), хотя значительно бо́льшая часть тѣхъ же видовъ бываетъ тамъ только пролетомъ (взято изъ многолѣтнихъ рукописныхъ замѣтокъ охотника; относительно трясогузки это подтверждается въ Кабанисовомъ Journ. f. Ornithol. 1854, I, стр. 58). На западѣ Европы равнозначительная широта зимованія доходитъ до 64° с. ш., такъ какъ въ Исландіи зимуютъ нѣкоторые барашки. Отъ этого острова линія опускается почти на 10 градусовъ широты до сѣверной Ирландіи, гдѣ перепелы, желтыя трясогузки (Motac. boarula) и барашки зимуютъ уже постоянно (Thompson, въ Report of the British Associat., 10 meeting, 1841, стр. 354). Лишь слегка опускаясь, линія идетъ къ востоку, чрезъ Данію и сѣв. Германію и образуетъ за тѣмъ, обходя Одессу (тамъ даже вальдшнепы не зимуютъ), второй переходъ къ Крыму. Отсюда линія въ равныхъ широтахъ направляется чрезъ внутреннюю Азію и въ вост. Азіи снова поднимается вверхъ, почти на 10 градусовъ широты, до Охотскаго моря, гдѣ (подъ $54^1/_2$° с. ш.), у Удскаго острога, встрѣченъ былъ зимующій куликъ-отшельникъ (Scolop. solitaria), составляющій нѣчто среднее между болотнымъ куликомъ и барашкомъ.

Грачъ, самый положительный кочевникъ изъ вороньей породы, зимуетъ въ видѣ исключенія въ Европ. Россіи

Относительно климата особенно важенъ болѣе или менѣе континентальный характеръ его, камъ мы уже неоднократно имѣли случай замѣчать при нашихъ изслѣдованіяхъ. Материковыя же перелетныя птицы на зиму покидаютъ страны полярнаго круга всегда и безъ всякаго исключенія; онѣ не могутъ тамъ зимовать, каковъ бы климатъ ни былъ. Этимъ онѣ положительнѣе всего отличаются отъ скитающихся перелетныхъ птицъ, между которыми нѣкоторыя на глубокомъ сѣверѣ остаются на зиму, и притомъ тѣмъ болѣе, чѣмъ болѣе мы подвигаемся внизъ къ югу. Подъ 69° с. ш. въ Гренландіи изъ материковыхъ птицъ зимуютъ нѣкоторые подорожники, альпійскія бѣлыя куропатки, чечетки, вороны, луни и Исландскіе соколы [1]). Въ Лапландіи подъ тѣми-же широтами зимуютъ всѣ тѣже виды птицъ, но къ нимъ присоединяется еще столько-же другихъ птицъ, какъ то: таловка, глухая тетерка, сибирская синица, водяная оляпка, Garrul. infaustus, ворона, Str. nisoria, такъ что зимою внутренняя часть сѣверной Лапландіи населена вдвое болѣе Гренландіи. Причина этого явленія понятна; она заключается въ климатѣ, т. е. въ зависящемъ отъ него обиліи лѣсовъ въ Лапландіи, потому что присоединившіяся птицы живутъ въ лѣсахъ. Вмѣстѣ съ водяными птицами въ Лапландіи насчитываютъ до 25 видовъ птицъ, зимующихъ въ предѣлахъ полярнаго круга [2]).

Если мы за тѣмъ обратимся дальше къ востоку, на сѣверъ континентальной Сибири, то количество зимующихъ тамъ птицъ не увеличится, а скорѣе, можетъ быть, нѣсколько уменьшится. Впрочемъ, за исключеніемъ водяной оляпки, которая нуждается въ открытой водѣ и потому, подобно всѣмъ водянымъ птицамъ, должна покидать сѣверную Сибирь, тамъ встрѣчаются тѣже самые виды материковыхъ птицъ, какъ и въ Лапландіи, но въ меньшемъ количествѣ [3]).

подъ $51^1/_2$° с. ш. (Воронежъ). Подъ $50^1/_2$ с. ш. (Кіевъ) каждую зиму остается ихъ нѣсколько. Тоже самое повторяется въ Лифляндіи подъ $58^1/_2$°.

[1]) По Гольбёллю. Весьма важно было бы убѣдиться положительно въ показаніи Гольбёлля (Loc. cit. стр. 760), что Lin. Hornemanni зимуетъ въ сѣверной Гренландіи, а Lin. linaria постоянно улетаетъ. Если это подтвердится, то придется предположить, что мѣста, гдѣ эти два вида высиживаютъ яйца, имѣютъ различное положеніе. Мои сибирскія наблюденія говорятъ противъ Гольбёлля, но не довольно убѣдительно.

[2]) Срав. Шрадера въ Кабанисовомъ Journ. f. Ornithol. 1853, стр. 243. Морскаго орла (Aq. albicilla) я не включилъ въ свой списокъ, потому что эта птица положительно связана съ моремъ. Изъ зимующихъ водяныхъ птицъ Шрадеръ называетъ: Tr. maritima, Lar. glaucus, Hal. carbo, Hal. graculus, An. glacialis, An. mollissima, Merg. serrator, Uria grylle, Uria troile, Ur. Rhingvia, Morm. arctica, Alca torda.

[3]) Нѣтъ никакого сомнѣнія, что нѣкоторые подорожники, бѣлыя куропатки, луни и вороны зимуютъ въ сѣверной Сибири.

Ворона, которая въ Норвегіи остается на зиму подъ 70° с. ш., зимуетъ, какъ извѣстно, подъ полярнымъ кругомъ, при устьѣ Оби. Говорятъ, что она даже зимуетъ у Нижнеколымска (Киберъ въ Сиб. Вѣстн. I, стр. 22), но спрашивается, не подало ли поводъ къ этому извѣстію смѣшеніе вороны съ ворономъ, потому что Киберъ называетъ птицу въ одно и тоже время Corv. cornix и ворономъ. Мое сомнѣніе еще подтверждается тѣмъ, что въ близьлежащей системѣ р. Яны ворона не встрѣчается ни у Верхоянска, въ полярномъ кругѣ (Фигуринъ въ Сиб. Вѣстн. I, стр. 230, 231), ни даже къ сѣверу отъ 58-го градуса широты, въ Камчаткѣ (Steller, Kamtschatka, 1774, стр. 195). Замѣчательно, что ворона, слѣдуя за добычею, которую выбрасываетъ море, повсюду по морскимъ прибрежьямъ пробирается дальше, чѣмъ во внутреннихъ частяхъ материковыхъ странъ. Даже на лежащемъ насупротивъ Камчатки сѣверо-западномъ берегу Америки вороны водятся еще подъ полярнымъ кругомъ (Seemann, Reise um die Welt, 1853, стр. 30). Во всякомъ случаѣ только немногія изъ нихъ зимуютъ неподалеку отъ упомянутаго полярнаго зимняго предѣла; большая часть принадлежитъ къ скитающимся перелет-

Подъ полярнымъ кругомъ во внутреннихъ частяхъ Сибири къ вышеупомянутымъ зимнимъ птицамъ присоединяются уже нѣкоторые тетерева и глухари, орѣховки, дятлы и конюки, а на Оби, подъ 64° с. ш. (Березовъ), къ нимъ пріобщаются даже сороки и воробьи.

Желая, наконецъ, привести также примѣръ тому, какъ важно вліяніе, которое горныя формы могутъ оказывать не только на направленіе путей перелетовъ, но и на длину пролетаемыхъ пространствъ, я считаю нелишнимъ напомнить, что на сѣверной окраинѣ Алтая (приблизительно подъ 53° с. ш.) драхвы, куропатки и перепела зимуютъ на солнечныхъ и безснѣжныхъ горныхъ покатостяхъ[1]). Они не рѣшаются болѣе перебираться за горы къ югу, потому что послѣднія ко времени ихъ прибытія уже покрыты снѣгомъ. Такимъ образомъ упомянутыя птицы совершенно неожиданно останавливаются въ южной Сибири, отличающейся холодными зимами, уже подъ широтами Берлина, тогда какъ перепела, почти 10 градусовъ широты южнѣе, на югѣ Европ. Россіи, гдѣ зима гораздо теплѣе, ежегодно покидаютъ Крымъ всѣ до единаго, какъ ни трудно и ни гибельно этимъ неуклюжимъ летунамъ перебираться чрезъ водную поверхность Понта.

О путяхъ, совершаемыхъ сибирскими странствующими рыбами въ морѣ, и о пространствахъ, которыя онѣ проплываютъ въ морскихъ водахъ, мы пока еще ничего не знаемъ[2]).

Разстоянія, проплываемыя странствующими рыбами противъ теченія рѣкъ, несравненно короче самыхъ длинныхъ путей перелетныхъ птицъ, но едва-ли они менѣе замѣчательны. И между странствующими рыбами Сибири, морскими лохами, нѣкоторые, напр. Кута, пробираются едва 14, другіе же, напротивъ того, какъ напр. лохъ Кета (S. lagocephalus) до 40 геогр. миль въ одной и той-же рѣкѣ (а именно въ Уди); даже одинъ и тотъ-же видъ въ одной рѣкѣ проплываетъ больше, въ другой меньше. Въ

нымъ птицамъ и на зиму улетаетъ къ югу въ населенныя деревни и города. Съ 53½° до 56° с. ш. я засталъ южную Сибирь переполненною такими прилетѣвшими туда воронами, воронами и сороками. Когда во второй половинѣ Февраля я ѣхалъ внизъ по Енисею, то къ сѣверу отъ 62-го градуса широты меня нагнали вороны, уже такъ рано возвращавшіеся домой. Ихъ множество удивляло жителей, которые восклицали: а воронье-то, а воронье-то!

Чечетокъ встрѣчалъ я на Енисеѣ еще въ Январѣ подъ полярнымъ кругомъ у Туруханска.

1) Pallas, Reise III, стр. 389, и Gebler въ Mém. des Sav. étrang. III, стр. 473. Въ юго-западной Европѣ, гдѣ зима умѣрена, зимуютъ по крайней мѣрѣ на 5 градусовъ широты южнѣе лишь нѣкоторые рѣдкіе перепела въ южной Франціи, лежащей подъ одинаковыми градусами широты съ Крымомъ (Serres, Des causes des migrations, стр. 31).

Нѣчто подобное, впрочемъ, по-видимому происходитъ даже подъ 48½° с. ш. на западныхъ предѣлахъ Россіи въ Подоліи. По крайней мѣрѣ изъ моихъ «Iserpitesen» можно убѣдиться, что въ 1851 году тамъ замѣтили перепеловъ уже въ первыхъ числахъ Февраля, т. е. цѣлыми двумя мѣсяцами раньше, чѣмъ тамъ обыкновенно наступаетъ весна. Въ рѣдкихъ исключительныхъ случаяхъ вѣроятно зимуютъ только нѣкоторые запоздавшіе экземпляры, задержанные горами. Если это справедливо, то въ Европѣ, гдѣ зима умѣренна, совершенно исключительно разъ происходитъ то, что въ Сибири, гдѣ зима сурова, пятью градусами широты сѣвернѣе, происходитъ постоянно.

2) Лохъ Кета является, говорятъ, въ устьѣ Алы довольно правильно около 10-го Іюля. Въ тоже время онъ появляется въ устьѣ Уды; но лишь отъ 7 до 10 дней позднѣе въ устьѣ Тугура. Такъ какъ въ Тугурскомъ заливѣ ледъ постоянно держится дольше, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, то промедленіе въ появленіи тутъ лоха я приписываю именно этому обстоятельству, а не направленію рыбы въ водѣ съ запада на востокъ.

этомъ отношеніи Лена и Енисей особенно удобны для сравненія, потому что обѣ рѣки впадаютъ въ Ледовитый океанъ подъ 72° с. ш. и въ главномъ своемъ направленіи текутъ паралельно. Въ Енисеѣ только нѣкоторыя передовыя рыбы изъ настоящихъ странствующихъ лоховъ, какъ напр. **муксунъ**, **омуль** и **чиръ**, пробираются вверхъ по рѣкѣ до 61°. Это составляетъ разстояніе въ 11 градусовъ широты, которое, со включеніемъ изгибовъ рѣки, можетъ составить путь въ 200 геогр. миль. Маленькій, въ палецъ длины, лохъ **тугунъ**, говорятъ, единственная рыба, которая въ Енисеѣ пробирается еще дальше вверхъ по рѣкѣ. На сѣверномъ и сѣверо-западномъ берегахъ Америки лохи странствуютъ на стольже дальнія разстоянія[1]).

Въ Ленѣ же три вида лоховъ, которые только-что нами были упомянуты, пробираются еще на 2, и даже на 3 градуса широты южнѣе, чѣмъ въ Енисеѣ[2]). Мы можемъ предположить это разстояніе въ 300 геогр. миль пути, потому что верхняя Лена течетъ съ запада на востокъ. Слѣдовательно тѣже самые лохи проплываютъ въ Ленѣ путь на $^1/_3$ болѣе, чѣмъ въ Енисеѣ. Отчего это происходитъ? Не сокращаетъ ли большее сопротивленіе, противупоставляемое рыбамъ болѣе сильнымъ теченіемъ Енисея, пути, совершаемые ими въ этой рѣкѣ? Въ пользу этого предположенія служитъ также то обстоятельство, что упомянутые лохи въ Енисеѣ оканчиваютъ свой путь вблизи его быстринъ.

Не берусь утверждать, что въ Оби тѣже самые странствующіе лохи заходятъ дальше къ югу, чѣмъ въ Ленѣ[3]), но считаю нужнымъ обратить вниманіе на то, что путь, который имъ приходится проплывать, долженъ быть весьма значителенъ, и что поэтому Обь,

---

[1]) По **Суклею** (Expeditions and surveys for a railroad route from the Mississippi-river to the Pacific Ocean, vol. XII, part. 2, стр. 309) странствующіе лохи въ р. **Колумбіи** пробираются до **Snake-river**, а въ послѣднемъ еще 200—275 миль (англ.) вверхъ до большихъ водопадовъ **Clark's river**, слѣдовательно всего отъ впаденія Колумбіи въ Тихій Океанъ до 650 миль вверхъ по рѣкѣ.

И въ **Квихпакѣ**, по словамъ **Загоскина** (Пѣшеход. опись, I, стр. 33), лохъ **чавыча** (Salmo orientalis) пробирается вверхъ по рѣкѣ до 700 миль.

[2]) На Енисеѣ я тщательно разспрашивалъ, отъ поселенія до поселенія, о крайнемъ предѣлѣ, до котораго добираются странствующія рыбы. Еще въ **Ярцовѣ**, примѣрно подъ $60^1/_2$° с. ш., положительно не знали ничего о странствующихъ рыбахъ, а дальше внизъ по рѣкѣ, мнѣ указывали на мѣстность подъ 61 град. широты (поселенія Зотино, Ворогово или Дубчесы и Осиново), гдѣ ежегодно, какъ мнѣ говорили, ловятся послѣдніе являющіеся порознь экземпляры **омуля** и **чира** (S. nasutus). **Муксунъ**, говорили поселенцы, приплываетъ туда все-таки иногда стаями. Но въ **Ярцовѣ** и его уже не знали. Въ Назимовѣ (60° с. ш.) меня увѣряли, что **чиръ** и **муксунъ** рѣдко встрѣчаются, можетъ быть въ видѣ странствующихъ осѣдлыхъ рыбъ, чего нельзя было допытаться. Сельдь и пелеть отстали уже къ сѣверу отъ быстринъ Енисея (61° с. ш.). **Степановъ** (Енис. губ. I, стр. 89) говоритъ, что **омуль** встрѣчается вверхъ по Енисею до **Хатанги**, изъ которой **Словцовъ** (Истор. обозр. Сибири, II, стр. 98), сообразно другимъ показаніямъ **Степанова**, сдѣлалъ **Хантайку**, но эти извѣстія приводятъ къ совершенно фальшивымъ заключеніямъ, такъ какъ послѣдняя рѣчка впадаетъ въ Енисей подъ $68^1/_2$° с. ш. Въ мое время еще при устьѣ **Нижней Тунгузки** ($65^3/_4$°) **омуль** составлялъ весьма важную статью улова.

Въ Ленѣ странствующія рыбы забираются лишь немного къ югу отъ Витима (69°), но **Палласъ** (Zoogr.) говоритъ, что **валекъ** (S. microstomus) забирается даже до Киренска ($57^3/_4$°). Я упустилъ случай собрать объ этомъ въ Киренскѣ ближайшія свѣдѣнія. Въ Якутскѣ **муксунъ** и **омуль** ловятся еще въ значительномъ количествѣ. **Тугунъ** встрѣчается еще вблизи **Олекминска**. Стерлядь заходитъ въ р. Витимъ.

Чавыча (S. orientalis) заходитъ въ Квихпакѣ въ сѣв.-зап. Америкѣ болѣе 150 геогр. миль (**Загоскинъ**, Пѣш. Опись, I, стр. 33, примѣч.), а **муксунъ** забирается даже въ верховья Квихпака (**Загоскинъ**, Пѣшеход. опись, I, стр. 137).

[3]) По словамъ **Гмелина** (Reise, 1751, I, стр. 318), **муксунъ** встрѣчался по крайней мѣрѣ до Томска ($56^1/_2$° с. ш.). Срав. также Сиб. Вѣстн. II, стр. 290.

впадающая въ Ледовитый океанъ уже подъ полярнымъ кругомъ, нельзя просто сравнивать съ Енисеемъ и Леною. Такъ какъ Енисей впадаетъ въ Ледовитый океанъ на $5\frac{1}{2}$ град. широты сѣвернѣе Оби, то отсюда видно, почему Палласъ отнесся къ нему несправедливо[1]), сказавъ, что Енисей несравненно беднѣе рыбами, чѣмъ Обь, Иртышъ и Томь, и что по-этому мѣстности около Красноярска и Енисейска запасаются рыбой изъ Томска. На одинаковомъ разстояніи отъ устья, Енисей, по моему мнѣнію, положительно богаче рыбой, чѣмъ Обь, вода котораго, какъ извѣстно, течетъ весьма медленно и менѣе годна для лоховъ.

Кромѣ разстоянія отъ устья должны быть приняты въ соображеніе еще другія обстоятельства, которыя намъ доселѣ неизвѣстны. Въ доказательство привожу Колыму, которая впадаетъ въ Ледовитый океанъ подъ 69° с. ш., и въ которой вышеупомянутые три вида лоховъ (муксунъ, омуль, чиръ, а также и сельдь) доходятъ только до полярнаго круга. Менѣе предпріимчивый въ другихъ мѣстахъ чиръ единственный между ними, который ловится въ Верхнеколымскѣ (примѣрно подъ 60° с. ш.). Не появился ли онъ тамъ въ качествѣ осѣдлой странствующей рыбы, рядомъ съ сигомъ и нельмой?[2]).

Изъ показаній рыбаковъ я считаю себя вправѣ заключить, что даже состояніе погоды въ теченіе года положительно оказываетъ вліяніе на длину путей кочеванія, потому что при необыкновенно раннемъ наступленіи ледохода, рыбы, плывущія осенью вверхъ по рѣкѣ, не доходятъ такъ далеко до послѣдней цѣли своего странствованія, какъ въ обыкновенное время.

Вопросъ о разстояніяхъ, проплываемыхъ сибирскими лохами, получитъ особенно важное значеніе, когда мы обратимъ вниманіе на омуля. Дѣло въ томъ, что если омуль Байкальскаго озера принадлежитъ къ тому-же виду, какъ омуль Ледовитаго океана, то рождается вопросъ: не зашелъ ли онъ въ Байкальское озеро изъ Ледовитаго океана, какъ это полагаетъ и Палласъ? Въ пользу Палласова предположенія дѣйствительно говоритъ то обстоятельство, что омуль встрѣчается не только въ Байкалѣ, но и въ сравнительно небольшомъ озерѣ, Маджарѣ, которое чрезъ Тубу у Минусинска вливается въ Енисей[3]). Аналогія этого факта съ существованіемъ Байкальскаго тюленя, который, кромѣ того, встрѣчается еще въ другомъ, меньшемъ озерѣ, Oронѣ, поразительна и вопросъ этотъ долженъ быть разсматриваемъ въ связи съ другими, тѣмъ болѣе, что сырокъ (S. wimba), лохъ, водящійся преимущественно въ устьѣ Оби, встрѣчается также въ Байкалѣ[4]). Но сырока мнѣ не умѣли даже назвать поселенцы при низовьяхъ Енисея. Какимъ же образомъ онъ могъ попасть въ Байкалъ чрезъ Енисей? Послѣдній предѣлъ, до котораго добирается омуль, также находится почти на 10 градусовъ

[1]) Reise, III, стр. 13.

[2]) Срав. Sauer, Voyage, I, стр. 159.

[3]) Pallas, Reise, III, стр. 290, 392; Сибир. Вѣстникъ II, стр. 95, 132.

[4]) Georgi, Reise, стр. 181, 355. — Pallas, Zoogr. III, стр. 409.

широты къ сѣверу отъ Байкала и озера Маджаръ, и у меня нѣтъ ни малѣйшихъ свѣдѣній о томъ, чтобы когда-либо омуль оказывался между этими двумя мѣстами нахожденія. Мы можемъ даже зайти еще дальше и утверждать, что разстояніе между Байкаломъ и мѣстомъ впаденія Енисея въ Ледовитый океанъ, простирающееся на 20 градусовъ широты и составляющее до 500 геогр. миль пути, такъ велико, что мы не въ состояніи предположить, чтобы странствующая рыба могла проплыть его въ теченіе короткато Сибирскаго лѣта.

Итакъ, прежде всего слѣдовало бы доказать, что тождественность упомянутыхъ рыбъ въ томъ и другомъ мѣстѣ не подлежитъ никакому сомнѣнію. На мой взглядъ она довольно сомнительна; если же она все таки окажется дѣйствительною, то я стоялъ бы за то предположеніе, что рыбы попали изъ Ледовитаго океана въ Байкалъ въ такое время, когда этотъ океанъ врѣзывался еще несравненно дальше къ югу въ материкъ Сибири. Впослѣдствіи океанъ отступилъ назадъ по направленію къ полюсу, а вмѣстѣ съ нимъ подался и предѣлъ странствованія рыбъ, прежнее сплошное распространеніе которыхъ такимъ образомъ разъединилось на двѣ части.

Приписка, сдѣланная при чтеніи корректуры: Г. Дыбовскій положилъ весьма похвальное начало разъясненію этихъ вопросовъ, установивъ различіе между Байкальскимъ и простымъ тюленемъ. Жалѣю, что, находясь теперь за границей на минеральныхъ водахъ, я не въ состояніи указать цитату и снова справиться съ этимъ мѣстомъ. Считаю впрочемъ необходимымъ обратить вниманіе на то, что весьма важно сравнить именно тюленя, водящагося въ устьѣ Енисея, съ Байкальскимъ тюленемъ, и принять также въ соображеніе всѣ другія разновидности.

Времена кочеванія.

Только теперь, хотя и поздно, могу сообщить то, о чемъ намѣренъ былъ поговорить уже на стр. 128 этой части.

Прошло почти 20 лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ я напечаталъ рядъ заключеній, въ которыхъ сообщилъ все, что считалъ себя вправѣ высказать о временахъ прибытія перелетныхъ птицъ въ Россіи[1]).

За тѣмъ на 2-ой годъ я счелъ себя обязаннымъ подтвердить эти заключенія документами, издавъ мои «Isepiptesen Russlands, Grundlagen zur Erforschung der Zugzeiten und Zugrichtungen der Vögel Russlands[2]).

Я заявилъ въ то время, что накопившіяся мало по малу данныя по части наблю-

[1]) Die Ankunftszeiten der Zugvögel in Russland im Allgemeinen (Mélanges biologiques, T. II, стр. 209, и Bulletin phys.-mathém. de l'Acad. de St.-Pétersbourg, T. XIII, стр. 212) подъ заглавіемъ: Bemerkungen zur Kenntniss der Wärme-Oekonomie einiger Thiere Russlands.

[2]) Mém. de l'Acad. Imp. des Sc. de St. Pétersb., Sciences naturelles, T. VIII.

деній надъ временемъ перелетовъ птицъ въ разныхъ странахъ, всегда отодвигались въ сторону какъ сырой матеріалъ, но при этомъ приняли такой объемъ, что по моему мнѣнію настала крайняя пора приняться за разработку ихъ для окончательныхъ выводовъ, иначе вскорѣ всѣ попытки исполнить этотъ трудъ заглохнутъ въ массѣ собранныхъ свѣдѣній.

Отъ первоначальнаго моего намѣренія собрать все, что относилось къ временамъ перелетовъ птицъ во всѣхъ странахъ, мнѣ вскорѣ пришлось отказаться, такъ какъ я былъ заваленъ дѣлами по званію Непремѣннаго Секретаря Академіи, и потому ограничился сводомъ всего, что относилось до области Россійской имперіи. Въ этомъ отношеніи Финляндія значительно превосходила всѣ остальныя части государства, благодаря цѣлымъ рядамъ многолѣтнихъ наблюденій, производившихся на 50 различныхъ, прекрасно распредѣленныхъ пунктахъ, вообще же чуть ли не въ 150 мѣстахъ. Остальной, весьма неудовлетворительный матеріалъ я заимствовалъ изъ 91 сочиненія.

Въ противоположность Кеслеру я высказался въ пользу того мнѣнія, что многія птицы придерживаются извѣстныхъ путей кочеванія, и причину моего разногласія съ Кеслеромъ по этой части нашелъ въ томъ, что Кеслеръ производилъ свои наблюденія на западѣ Европ. Россіи, тогда какъ главнѣйшіе пути перелетныхъ птицъ тянутся по востоку нашего государства.

Мѣста одинаковыхъ дней прибытія извѣстныхъ птицъ я соединялъ на картѣ посредствомъ линій — линій прибытія или изепиптезъ — и оказалось, что, вопреки нѣкоторымъ уклоненіямъ въ направленіяхъ линій прибытія различныхъ видовъ птицъ между собою, всѣ линіи прибытія вообще могутъ быть сведены въ одинъ широкій поясъ Прилетъ птицъ происходитъ къ этому поясу въ перпендикулярномъ направленіи. Такимъ образомъ изъ разсмотрѣнія общаго направленія этого пояса оказалось, что подъ меридіаномъ средней Сибири птицы тянутся отъ юга къ сѣверу; въ Европ. Россіи отъ юго-запада на сѣверо-востокъ; на восточныхъ же прибрежьяхъ Сибири, напротивъ того, отъ юго-востока на сѣверо-западъ. Кромѣ того, по берегамъ Ледовитаго океана нѣкоторыя птицы тянулись съ запада на востокъ и съ востока на западъ.

Указавъ на явную неудовлетворительность наличнаго матеріала и неизбѣжно проистекающій изъ нея произволъ при опредѣленіи дня средняго времени прибытія извѣстной птицы въ опредѣленномъ мѣстѣ, я развилъ общіе мои выводы въ слѣдующей формѣ:

a) Н а меридіанахъ западныхъ предѣловъ Европ. Россіи, за исключеніемъ Балтійскихъ прибрежныхъ странъ, птицы прилетаютъ, подъ самыми различными широтами, приблизительно въ одно время (слѣдовательно въ юго-западномъ и западномъ направленіи). Иногда онѣ появляются даже нѣсколько раньше подъ болѣе сѣверной, чѣмъ подъ болѣе южной широтой.

Въ этой области сближеніе направленія нашихъ линій прибытія съ направленіемъ изохименъ очевидно.

*

b) Выводъ *a* примѣняется къ мѣстностямъ, лежащимъ отъ западныхъ границъ примѣрно до меридіановъ С.-Петербурга, ведущихъ чрезъ Кіевъ въ Одессу. Еще дальше къ востоку направленіе линій прибытія вдругъ поворачиваетъ подъ прямымъ угломъ, т. е. въ мѣста, лежащія подъ одинаковыми широтами, перелетныя птицы прилетаютъ почти въ одно время. Въ ту полосу Европ. Россіи, которая лежитъ приблизительно подъ меридіанами Онежскаго озера, внизъ до Крыма, перелетныя птицы прилетаютъ позднѣе всего; почти въ тоже время какъ въ мѣстности на Балтійскихъ прибрежьяхъ, лежащія до 10 градусовъ широты сѣвернѣе. При извѣстныхъ, впрочемъ, обстоятельствахъ, ближайшія окрестности Онежскаго озера составляютъ исключеніе изъ этого запаздыванія.

Запаздываніе перелетныхъ птицъ подъ Онежско-Крымскими меридіанами безспорно, кажется, можно приписать главнымъ образомъ горнымъ цѣпямъ Малой Азіи. Сильный снѣгъ, выпадающій въ этихъ горахъ, задерживаетъ весну, а вмѣстѣ съ нею и всѣхъ путниковъ, избирающихъ самый краткій путь чрезъ водное пространство Понта (къ южнымъ берегамъ Крыма). Впрочемъ очевидно, что тамъ, гдѣ перелетъ совершается вдоль морскаго прибрежья — будетъ ли это у Балтійскаго моря или Понта (отъ Одессы до устья Днѣпра) — перелетныя птицы подвигаются впередъ нѣсколько быстрѣе, чѣмъ рядомъ, надъ внутренними частями материка.

Что касается до птицъ, тянущихся съ юго-запада на сѣверо-востокъ, то причину замедленія ихъ прибытія внутри Европейской Россіи подъ Онежско-Крымскими меридіанами, слѣдуетъ, кажется, главнымъ образомъ приписать тому, что тутъ онѣ встрѣчаются съ болѣе положительнымъ континентальнымъ климатомъ, рѣзкія температурныя измѣненія котораго портятъ птицамъ начало весны.

c) Чѣмъ дальше отъ этихъ долготъ къ востоку, до подошвы Урала, тѣмъ раньше опять прибываютъ перелетныя птицы, въ сравненіи съ географическою широтою мѣста. Мѣста одновременнаго прибытія лежатъ у подножья Западнаго Урала, лишь нѣсколькими градусами широты южнѣе, чѣмъ въ Балтійскихъ прибрежныхъ странахъ.

d) Восточная сторона Урала, а именно даже мѣстность въ низовьяхъ Оби, едва или только немного запаздываетъ въ сравненіи съ западною стороною; она даже оживляется иногда раньше послѣдней.

На востокѣ Европ. Россіи, о которомъ тутъ идетъ рѣчь, направленіе линій прибытія почти перпендикулярно къ направленію изохименъ и близко соотвѣтствуетъ направленію изотеръ. Кромѣ ранняго открытія пути, которое Каспійское море представляетъ путникамъ, зимующимъ къ югу отъ него, намъ очевидно необходимо принимать въ соображеніе быстрое развитіе весенней теплоты, свойственное континентальному климату; тогда намъ будетъ понятно сравнительно раннее прибытіе перелетныхъ птицъ, при подножьѣ Урала и на востокъ отъ него. Слѣдуетъ также брать въ разсчетъ незначительное коли-

чество снѣга, выпадающаго въ степяхъ. На огромныхъ пространствахъ отъ Волги до Алтая почва обнажается уже отъ дѣйствія первыхъ лучей весенняго солнца. Этотъ недостатокъ въ снѣгѣ даетъ даже нѣкоторымъ перелетнымъ птицамъ возможность зимовать тамъ, не смотря на то, что градусы холода непомѣрны. Само собою разумѣется, что это не такія перелетныя птицы и совершенно другаго свойства, чѣмъ упомянутыя подъ буквою *b*, тянущіяся съ юго-запада на сѣверо-востокъ.

e) Азіятская плоская возвышенность и окаймляющія ее Алтайскія, Саянскія и Даурскія горы заставляютъ опаздывать прибытіе перелетныхъ птицъ, хотя значительно меньше, чѣмъ подъ Онежско-Крымскими меридіанами.

f) Въ соотвѣтственныхъ широтахъ средней долины Лены (Якутскъ) съ одной стороны и меридіановъ С.-Петербурга съ другой, перелетныя птицы прибываютъ опять довольно одновременно; иныя материковыя птицы даже нѣсколько раньше. Нижняя долина Колыми, внизъ до самаго Ледовитаго океана, принимаетъ значительное участіе въ этомъ ускореніи прибытія.

Попытка моя сдѣлать общій сравнительный выводъ о времени прибытія перелетныхъ птицъ въ долинѣ Лены на основаніи одного неполнаго годоваго свода наблюденій, произведенныхъ въ Якутскѣ въ продолженіе нашей экспедиціи, должна казаться слишкомъ смѣлою. Въ оправданіе свое я долженъ впрочемъ сказать, что птицы, время прибытія которыхъ въ то время наблюдалось въ Якутскѣ, преимущественно были водяныя птицы; притомъ 15-ти лѣтнія наблюденія надъ вскрытіемъ Лены у Киренска изданныя нашимъ сочленомъ Веселовскимъ, достаточно доказываютъ, что 1844-ый годъ, въ который производились наблюденія надъ прилетомъ птицъ, какъ разъ былъ не исключительнымъ, а скорѣе нормальнымъ, среднимъ годомъ. Такое-же мнѣніе уже въ мое время высказывали жители Якутска.

g) На востокъ отъ верховьевъ Лены, до восточныхъ береговъ Сибири, опять замѣтно значительное и внезапное запаздываніе перелетныхъ птицъ. Въ прибрежныя страны Вост. Сибири перелетныя птицы прилетаютъ съ востока, такъ что тутъ, до устья Колыми, линіи прибытія опять болѣе являются въ меридіанномъ направленіи, приблизительно соотвѣтствуя тѣмъ, которыя мы отмѣтили на европейскихъ западныхъ предѣлахъ Россіи.

Становой хребетъ своими снѣжными вершинами безъ сомнѣнія задерживаетъ полетъ птицъ въ прибрежныхъ странахъ Охотскаго моря; вслѣдствіе этого и происходитъ запаздываніе. Тѣмъ важнѣе было бы получить рядъ годовыхъ сводовъ такихъ наблюденій, которыя были бы произведены на прибрежьяхъ Охотскаго и Берингова морей, какъ напр. въ Николаевскѣ, въ Аянѣ, Гижигинскѣ, Большерецкѣ, Петропавловскѣ, на р. Анадыри и въ Нижнеколымскѣ.

Не смотря на то, что въ Охотскомъ морѣ ледъ держится до второй половины лѣта, полетъ птицъ все-таки этимъ задерживается не столько, сколько, именно въ гораздо большей степени замедляется время высиживанія ими яицъ.

Взглядъ на двѣ карты, приложенныя къ моимъ «Isepiptesen», лучше пояснитъ вышеприведенныя заключенія, чѣмъ это можно сдѣлать на словахъ, и указываетъ поразительнымъ образомъ, какъ тѣсно прилегаютъ другъ къ другу изепиптезы на среднемъ Уралѣ, а вслѣдствіе этого оказывается безпримѣрное, можетъ быть, замедленіе въ весеннемъ передвиженіи перелетныхъ птицъ, замедленіе, которое скопляетъ ихъ въ одномъ мѣстѣ и должно заставлять думать, что ихъ количество несоразмѣрно велико. Этому-то обстоятельству, главнымъ образомъ, а далеко не столько дѣйствительно большему числу птицъ въ тѣхъ мѣстахъ мы должны приписывать кипучее движеніе весенняго перелета, которое, по единогласному отзыву нашихъ академическихъ путешественниковъ прошлаго столѣтія, превосходитъ всякія понятія.

Эти выводы я выставилъ въ видѣ «возбудительнаго средства, или спорныхъ пунктовъ, чтобы вызвать противорѣчія», указавъ на то, что для науки было бы полезнѣе, если бы первая попытка могла быть сдѣлана въ западной Европѣ, на основаніи несравненно болѣе богатаго запаса наблюденій, въ особенности, если бы моему труду могла предшествовать разработка многочисленныхъ и систематическихъ наблюденій, произведенныхъ въ Скандинавіи.

Я дѣлалъ различіе между ранними птицами (Frühvögel), рядъ которыхъ начинается съ появленіемъ грачей или жаворонковъ и заканчивается прилетомъ чогунка (Saxicola) и аиста, и между поздними птицами (Spätvögel), вереницы которыхъ открываются ласточкою и заканчиваются дергачомъ (Crex). Первыя отличаются самыми непостоянными временами прибытія, но это непостоянство все-таки не смущаетъ соблюденія извѣстнаго послѣдовательнаго порядка.

Гдѣ птицы при своемъ перелетѣ скопляются, какъ напр. на среднемъ Уралѣ, тамъ раннія и позднія птицы больше сливаются между собою.

Но ничто такъ не нарушаетъ правильности временъ перелетовъ, какъ близость исходнаго или конечнаго пункта путешествія извѣстной птицы. Такъ какъ у различныхъ птицъ полярный предѣлъ ихъ распространенія находится подъ самыми различными широтами, то подъ этими широтами бываютъ неправильности, правда, чаще всего въ самыхъ сѣверныхъ странахъ, которыя препятствуютъ распространенію бо́льшаго числа птицъ.

За тѣмъ мною указано (стр. 15), что, въ строгомъ смыслѣ, нельзя болѣе говорить о видахъ, летящихъ примѣрно съ юга на сѣверъ, и противопоставлять имъ другихъ, примѣрно летящихъ съ юго-запада на сѣверо-востокъ; нельзя дѣлать это потому, что одна и таже птица полетъ свой въ предѣлахъ прибрежнаго климата направляетъ иначе, чѣмъ по внутренней части материка.

На стр. 131 своихъ «Isepiptesen» я попытался указать среднія дни прибытія 16-ти различныхъ видовъ птицъ въ 15-ти мѣстахъ Европ. Россіи, лежащихъ между $46\frac{1}{2}°$ и 60° с. ш. Несравненно вѣрнѣе и правильнѣе можно было опредѣлить въ томъ-

же родѣ (стр. 134 — 137) средніе дни прибытія перелетныхъ птицъ въ Финляндіи и Скандинавіи. Тутъ, въ предѣлахъ Прибалтійскаго края, оказывается двоякое запаздываніе весенняго прилета, которое можно приписать съ одной стороны горной природѣ внутреннихъ частей, а съ другой — морскому льду, понижающему весною температуру непосредственныхъ морскихъ прибрежьевъ[1]). Между этими двумя полосами, слѣдовательно, должна лежать полоса, на которой прибытіе перелетныхъ птицъ совершается нормально. Отлетаютъ ли онѣ осенью на морскомъ прибрежьѣ на столько-же позднѣе, на сколько онѣ запоздали весною? Во всякомъ случаѣ на берегу и внутри Финляндіи изепиптезы идутъ въ самомъ не соотвѣтствующемъ направленіи, если мы станемъ сравнивать ихъ съ направленіемъ остальныхъ западныхъ границъ Россіи, слѣдовательно не паралельно градусамъ широты, а отъ юго-запада на сѣверо-востокъ.

Что касается до быстроты перелета, то я показалъ не только на кукушкѣ, но и на быстролетной ласточкѣ, что столь прославляемая быстрота, свойственная птичьему полету, имѣетъ значеніе только въ нѣкоторыхъ вопросахъ, относящихся къ перелету птицъ, но никакъ не въ вопросѣ о быстротѣ путешествія вообще, отъ одного исходнаго пункта до другаго.

Положимъ, что самые быстрые почтовые голуби могутъ пролетать по 25 геогр. миль въ часъ, а медленные по 15, или еще меньше, когда рѣчь идетъ о такихъ разстояніяхъ, какъ о путешествіи сокола, возвратившагося съ Канарскихъ острововъ въ Андалузію: все-таки средняя быстрота полета кукушки и ласточки ограничивается совершеніемъ ежедневнаго пути примѣрно въ $\frac{1}{3}$ градуса широты или 5 геогр. миль. Смотря по обстоятельствамъ, эта быстрота можетъ иногда увеличиться вдвое или даже втрое, если понадобится наверстать упущенія. Эти замѣчательные факты я выразилъ въ моихъ «Isepiptesen» слѣдующимъ образомъ: птицы, въ томъ числѣ и самыя лучшія летуньи, путешествуютъ крайне медленно; тѣ изъ нихъ, которыя тянутся съ сѣвера на югъ или на оборотъ, летятъ медленнѣе всѣхъ другихъ. — Этимъ мы не хотимъ сказать, что путешествуя, онѣ значительно уменьшаютъ быстроту своего мѣстнаго движенія, а желаемъ выразить, что перелетныя птицы на время останавливаются тамъ, гдѣ имъ нравится, отдыхаютъ и т. д., а потому среднимъ числомъ, въ теченіе каждаго путеваго дня, пролетаютъ не болѣе 4—12 миль, такъ что инымъ млекопитающимъ, а въ благопріятномъ случаѣ даже и пѣшеходу, возможно бы было не отставать отъ перелетныхъ птицъ.

Первыя передовыя птицы появляются такъ неправильно, что на ихъ появленіи нельзя основывать вычисленія, тѣмъ болѣе, что наблюденія не въ состояніи порядочно услѣдить за ними. Болѣе достовѣрную основу даетъ начало главнаго полета, т. е. появленіе первой стаи, за которой вскорѣ являются другія. Сравнивая между собою моменты

---

[1]) Въ г. Або, сравнительно съ Петербургомъ, ласточки запаздываютъ едва замѣтно. Трясогузки же прилетаютъ 3-мя или 4-мя днями позднѣе, кукушка 9-ью и 10-ью, жаворонокъ 10-ью и 11-ью днями, даже по вычетѣ одного или двухъ дней пути на полградуса широты, которымъ Або лежитъ сѣвернѣе С.-Петербурга.

наступленія его на нашихъ двухъ пунктахъ, гдѣ одновременно производились наблюденія въ Таймырскомъ краѣ (70° и 74° с. ш.), мы видимъ, что гусямъ нужно было 6—7 дней на то, чтобы подвинуться на 2 градуса широты; слѣдовательно, ежедневно они пролетали, по крайней мѣрѣ, 4 геогр. мили. Такой-же точно путь совершали и голенастыя птицы[1]). Опредѣляя среднюю быстроту, съ которою плеханъ (Ans. albifrons) изъ своихъ зимовьевъ спѣшитъ на глубокій сѣверъ, по 5—6 геогр. миль въ день[2]), оказывается, что въ Таймырскомъ краѣ сравнительно онъ подвигался нѣсколько медленно. Снѣжный покровъ тундры заграждалъ ему путь.

Какъ ни незначительна упомянутая выше средняя скорость путешествія, все-таки по-видимому она приложима къ большей части перелетныхъ птицъ Россіи, какъ водяныхъ. такъ и материковыхъ. Можетъ быть, что самые плохіе летуны, какъ напр. перепелы, странствуютъ еще медленнѣе. Лишь недолго, напр. во время перелета чрезъ море, или возвышенную степь Гоби, или столь-же пустынную, покрытую снѣгомъ, тундру, птицы летятъ несравненно быстрѣе[3]). За такіе необыкновенные перелеты онѣ по-видимому вознаграждаютъ себя сравнительно болѣе продолжительными привалами.

Если принять въ соображеніе извѣстіе, сообщенное такимъ превосходнымъ наблюдателемъ, какъ Бердъ (Ibis, 1867, стр. 57), уже послѣ появленія моихъ «Изепиптезъ», извѣстіе, что Hir. rustica прилетѣла въ Каиръ 25-го Марта (лишь въ Апрѣлѣ она стала являться чаще), и если предположить, что она летитъ въ сѣверо-восточномъ направленіи къ Оби, гдѣ, въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, подъ 64° град. широты она появляется среднимъ числомъ 19-го Мая н. ст., то и въ этомъ случаѣ мы получимъ отъ $8^1/_2$ до $9^1/_3$ миль въ день (см. ниже).

---

[1]) Если за основаніе нашего исчисленія мы примемъ времена прибытія голенастыхъ птицъ, то мы должны класть до 10 дней на $2^3/_4$ град. широты, такъ какъ тѣже самыя птицы, которыя съ 24 до 29 Мая прилетали на Боганиду, лишь 4-го Іюня появлялись на р. Таймырѣ, Это опять составляетъ по 4 геогр. мили въ день.

[2]) По нашему «Приложенію 1-му» оказывается, что среднимъ числомъ плеханъ пролетаетъ чрезъ Харьковъ (50° с. ш.) около 20-го Марта. Положимъ, что въ тѣже годы, равно какъ и въ мое время, онъ появлялся 27-го Мая подъ 73° с. ш.; значитъ, на 23 градуса широты онъ употреблялъ 68 дней, т. е. пролеталъ ежедневно 5 геогр. миль. Тѣже самые результаты мы получимъ для гуменника, если станемъ сравнивать времена прилета его на Таймыръ и въ Каменецъ. Но, придерживаясь того-же способа исчисленія, мы получимъ лишь $4^1/_2$ геогр. миль въ день, если за исходную точку примемъ пролетъ плехана у устья Волги 1-го Марта, или только 4 геогр. мили, если въ основу исчисленія положимъ наблюденія Георги въ Казани.

Какъ на древнемъ материкѣ Ans. albifrons принадлежитъ къ числу первыхъ прилетныхъ птицъ, такъ внутри Сѣв. Америки положительно раньше всѣхъ появляется Канадскій гусь. Время прибытія его прослѣжено такъ точно отъ привала до привала, что мы должны помѣстить его тутъ для сравненія. Онъ прилетаетъ (срав. Parry, Append. to the Second Voyage, стр. 363):

подъ	$64^1/_2{}^\circ$ с. ш.	между 12—20 Мая;	что составл.	4 геогр. мили, ежедневно.
»	61° »	» 1—6 »	» »	(4)
»	59° »	» 20—25 Апр.	» »	$2^3/_4$
»	54° »	» 8—12 »	» »	$6^1/_4$
»	$41^1/_2$ »	» 22-го Февр.	» »	4

Среднимъ числомъ и по разсчету конечныхъ сроковъ наблюдательныхъ пунктовъ, Канадскій гусь, слѣдовательно, также пролетаетъ не болѣе $4^1/_4$ геогр. миль ежедневно. Но такъ какъ при всѣхъ этихъ вычисленіяхъ я принималъ въ разсчетъ только число градусовъ широты, то средняя быстрота путешествія навѣрное составитъ отъ 5 до 6 геогр. миль, которыя эти птицы дѣйствительно ежедневно пролетаютъ.

[3]) Справедливо-ли извѣстіе Бѣлова, что у перелетныхъ птицъ, прибывающихъ въ Африку, въ зобу попадаются еще непереварившіяся хлѣбныя зерна изъ южныхъ странъ Европы? Это, конечно, указывало бы на значительную скорость совершенія этого пути.

Въ Смирну ($38\frac{1}{2}$ с. ш.) журавли прилетаютъ среднимъ числомъ 2-го Марта стар. ст., а такъ какъ намъ положительно извѣстно, что подъ $60\frac{1}{2}$ с. ш. въ Финляндіи они прибываютъ 8-го Апрѣля стар. ст., то и на этого быстролетнаго и аккуратнаго странника приходится въ день по 9 геогр. миль. По всей вѣроятности-же журавли, пролетающіе у насъ съ сѣвера на югъ, придерживаются этого направленія и при дальнѣйшемъ путешествіи. Чрезъ Рюгенъ и Померанію, гдѣ журавли собираются, они тянутся съ сѣвера на югъ (Quistorp, Journ. f. Ornithol. 1868, стр. 260).

Самое достовѣрное подтвержденіе этихъ выводовъ я нашелъ въ томъ, что сравнилъ и вычислилъ время прилета нѣкоторыхъ птицъ на протяженіи 30 градусовъ широты. Въ этомъ отношеніи оказалась особенно удобной Ans. ruficollis, потому что эта птица меньше распространена по направленію географическихъ долготъ, чѣмъ другія птицы, какъ напр. Grus cinerea и Anser albifrons. По-этому мы едва-ли ошибемся, предположивъ, что въ Египтѣ зимуетъ та-же Ans. ruficollis, которая прилетаетъ изъ прибрежной низменности между Обью и Енисеемъ, да туда-же опять и возвращается.

Въ заключеніе я указалъ въ своихъ «Изепиптезахъ», что проведеніемъ этихъ линій едва удалось достигнуть половины цѣли этого труда; настоящее ихъ значеніе выяснится только тогда, когда, при сопоставленіи ихъ съ равнозначащими имъ линіями температуры, окажется, что онѣ или согласуются съ ними, или уклоняются отъ нихъ, сообразно внутренней причинной связи.

Съ тѣхъ поръ прошло, какъ я уже замѣтилъ, почти 20 лѣтъ, и надежда моя, что мнѣ удалось подать поводъ къ дальнѣйшимъ трудамъ по этой части, доселѣ не оправдалась. Назначенная между тѣмъ премія[1]) за разрѣшеніе вопросовъ, относящихся къ странствованію птицъ, подтвердила мое мнѣніе о необходимости разсмотрѣнія этого предмета, но, сколько мнѣ извѣстно, не успѣла вызвать отвѣта.

Чрезвычайно богатый матеріалъ о временахъ перелета птицъ, накопившійся въ различныхъ странахъ западной Европы, все еще составляетъ грубую массу неразобранныхъ документовъ. Должно же наконецъ настать время, когда этотъ матеріалъ будетъ разработанъ. Доселѣ мы почти отстали отъ кочевыхъ первобытныхъ народовъ Сибири, которые, по крайней мѣрѣ съ своей точки зрѣнія, распредѣлили время прилета птицъ по мѣсяцамъ или, скорѣе на оборотъ, назвали мѣсяцы по прилету птицъ, какъ это видно напр. изъ слѣдующихъ названій:

Мартъ называется у Юраковъ и Тунгузовъ: мѣсяцъ прибытія.
у Остяковъ еще точнѣе: прибытіе орла.

---

[1]) Götting'sche Gel. Anzeigen, 1859, стр. 202, Preisaufgabe: Такъ какъ доселѣ еще недостаточно извѣстны пути, въ предѣлахъ которыхъ движутся различные виды перелетныхъ птицъ при своихъ періодическихъ странствованіяхъ, то желательно ближайшее изслѣдованіе и опредѣленіе какъ направленія, въ которомъ тянутся птицы или, по крайней мѣрѣ, бо̀льшая часть птицъ извѣстной мѣстности, такъ и продолжительности пути, времени отлета и времени возвращенія съ родины и обратно. Премія въ 50 червонцевъ.

Апрѣль называется у Остяковъ: прибытіе гусей или гусиный мѣсяцъ
(также отелъ сѣверныхъ оленей).

Май называется у Юраковъ и Якутовъ: прибытіе гусей.

Августъ называется у Якутовъ: отлетъ гусей.
у Юраковъ: отлетъ комаровъ.
у Остяковъ: прибытіе сельдей (S. albula).

Сентябрь называется у Юраковъ: отлетъ лебедей.

Я готовъ предположить, что въ своихъ «Изепиптезахъ» избралъ ложный путь, если бы возможно было открыть хотя малѣйшій признакъ болѣе сообразнаго пріема въ изслѣдованіи. Съ другой же стороны мои преемники на дальнемъ востокѣ Сибири не преминули обратить особенное вниманіе на времена перелетовъ птицъ Восточной Сибири на основаніи моихъ Изепиптезъ; изслѣдованія ихъ подтвердили, и притомъ блистательно, результаты моего труда.

Шренкъ[1]) нашелъ, что указанное мною, сравнительно весьма значительное, запаздываніе перелетныхъ птицъ на всемъ пространствѣ къ востоку отъ Лены и до восточныхъ береговъ Сибири (см. предыдущія страницы) вполнѣ подтверждается и въ нижнемъ Амурскомъ краѣ; онъ успѣлъ точнѣе опредѣлить это запаздываніе, замѣтивъ, что: въ Якутскѣ, лежащій на 9 градусовъ широты сѣвернѣе, перелетныя птицы прилетаютъ почти въ тоже самое время, часто даже нѣсколько раньше, чѣмъ въ Николаевскій постъ при устьѣ Амура. Шренкъ совершенно справедливо приписываетъ это огромному изобилію снѣга да лѣсовъ, вслѣдствіе чего весна отдаляется на столько, что при устьѣ Амура Мартъ чисто-зимній мѣсяцъ. Онъ доказываетъ, что въ низовьяхъ Амура, также какъ при Охотскомъ морѣ, птицы, какъ осѣдлыя, такъ и перелетныя, очень поздно высиживаютъ свои яйца. Главной побудительной причиной поздняго высиживанія яицъ я готовъ считать преимущественно исключительное положеніе морскаго льда, который, какъ я уже замѣтилъ, держится тамъ даже до Августа мѣсяца.

Радде[2]), на основаніи своего богатаго матеріала по части наблюденій пролета, приходитъ также къ тому результату, что соображенія, высказанныя въ моихъ «Isepiptesen Russlands», вполнѣ подтверждаются. Къ моимъ выводамъ *e*) и *g*) Радде прибавляетъ еще 4 другіе пояснительные, которые сводятся на слѣдующее: 1) на восточномъ Саянскомъ хребтѣ оказывается запаздываніе перелетныхъ птицъ, рядомъ съ раннимъ прилетомъ по Селенго-Байкальскому пути; 2) на среднемъ теченіи Амура бо̀льшая часть прибывающихъ туда перелетныхъ птицъ прилетаетъ еще нѣсколько раньше, чѣмъ въ Дауріи, т. е. чѣмъ на Селенго-Байкальскомъ пути.

Съ своей стороны я вижу по наблюденіямъ Радде, что указанный мною ранній прилетъ птицъ въ долинѣ средняго теченія Лены не можетъ быть выраженъ такъ рѣзко,

---

1) Reisen und Forschungen im Amur-Lande, 1860, стр. 532 и 554 и слѣд.

2) Reisen im Süden von Ost-Sibirien, 1863, II, стр. 8 и слѣд., стр. 43 и слѣд., стр. 59 и слѣд.

какъ это сдѣлано въ моихъ Изепиптезахъ. Въ самомъ дѣлѣ, едва-ли можно предположить, что въ Якутскъ весною птицы прилетаютъ не внизъ по Ленѣ, Селенго-Байкальской дорогой, а инымъ путемъ, такъ что во всякомъ случаѣ въ Якутскъ птицы должны бы были прилетать замѣтно позднѣе, чѣмъ на Байкалъ[1]). Но прилетъ такихъ легко узнаваемыхъ птицъ, какъ напр. Corvus corone и Cuculus canorus[2]) на оз. Тарей-Норъ, лежащее почти на 12 градусовъ южнѣе Якутска, у Радде отмѣченъ позднѣе, чѣмъ у меня значится прилетъ ихъ въ Якутскъ. Слѣдовательно, или въ тотъ годъ, когда я отмѣтилъ свое наблюденіе, весна наступила необыкновенно рано, хотя туземцы увѣряли противное, или Радде наблюдалъ необыкновенно запоздавшій весенній перелетъ. Можетъ быть произошло и то и другое въ незначительной степени, въ противоположныхъ направленіяхъ. Кромѣ того мнѣ кажется вѣроятнымъ, что ворона, прилетѣвшая въ Якутскъ такъ рано (во второй половинѣ Марта), прозимовала въ Иркутскѣ, тогда какъ тѣ вороны, которыя пролетѣли у Тарей-Нора цѣлымъ мѣсяцемъ позднѣе, очевидно прибыли чрезъ Монголію изъ болѣе южныхъ странъ.

Имѣя въ виду подтвержденіе возможности достигнуть положительныхъ и важныхъ результатовъ способомъ, предложеннымъ въ моихъ «Изепиптезахъ», я все еще надѣюсь, что со временемъ изслѣдователи западной Европы этимъ путемъ успѣютъ проложить дорогу дальнѣйшимъ открытіямъ. Если со временемъ рядъ продолжительныхъ наблюденій представитъ дѣйствительныя, тщательно разслѣдованныя, среднія величины временъ прилета, то намъ станетъ ясно то, о чемъ теперь мы можемъ высказывать только догадки, будучи принуждены принимать кое-какія наблюденія за среднія величины.

Между тѣмъ я позволю себѣ представить слѣдующія, извлеченныя изъ моихъ дневниковъ, и подробнѣе разработанныя наблюденія, которыя, подобно дополненіямъ, напечатаннымъ на стр. 422, еще не вошли въ мои «Изепиптезы».

---

[1]) Извѣстіе, что въ 1827 году кукушка прилетѣла за цѣлые $1\frac{1}{2}$ мѣсяца раньше, чѣмъ въ 1772 году, и по крайней мѣрѣ мѣсяцемъ раньше обыкновеннаго, заставляетъ насъ остерегаться колебаній въ временахъ прилета птицъ въ Сибири. Но во всякомъ случаѣ весьма замѣчательно упомянутое выше раннее прибытіе иволги въ Якутскъ, потому что этимъ подтверждается подобное-же явленіе въ Барнаулѣ, за годъ передъ тѣмъ. Если даже положить 25 дней на совершеніе пути въ $6\frac{1}{2}$ градусовъ широты, на которые С.-Петербургъ лежитъ сѣвернѣе Барнаула, то иволга все-таки прилетѣла въ Барнаулъ еще 15-ью днями раньше обыкновеннаго. Дальнѣйшія изслѣдованія со временемъ, безъ сомнѣнія, успѣютъ разъяснить это обстоятельство. Дѣло это тѣмъ подозрительнѣе, что прилетъ ближайшаго по времени спутника иволги, кукушки, никакъ не подходитъ относительно Барнаула; между тѣмъ въ пользу его говоритъ даже голенастая птица, такъ какъ баращекъ (Scol. galinago) прибылъ въ Кіевъ только 6-ю днями раньше, чѣмъ въ Барнаулъ, лежащій на 3 градуса широты сѣвернѣе Кіева.

[2]) Plectr. lapponica, которую Радде видѣлъ 8-го Мая на Байкалѣ въ 80 экземплярахъ, я же встрѣтилъ на Алданѣ уже 27-го Апрѣля, также, мнѣ кажется, заслуживаетъ вниманія.

Обратимъ сначала вниманіе на времена кочеванія сѣверныхъ оленей. На прилагаемой таблицѣ эти времена обозначены какъ для Сибири, такъ и для Сѣв. Америки.

ОТПРАВЛЕНІЕ по новому ст.				ВОЗВРАЩЕНІЕ по новому ст.		
Мѣсто наблюденія.	Широта.	Передовые.	Главный отрядъ.	Передовые.	Главный отрядъ.	Отсталые.
[1]) Мельвилевъ остр., Сѣв. Ам.	74½°	V/13	V/сред.	—	IX/сред.	IX/кон.
Рѣка Таймыръ, Сиб.	74°	—	V	IX/сред.	IX/кон.	
Боганида, Сиб.	71°	IV/сред.	IV/кон.	—	X	
Новая Земля.	70½°	III/сред.	—	—		
[2]) Боотія, Сѣв. Амер.	69°	IV/сред.	V/кон.	—	IX/сред.	
[3]) Колыма, Сиб.	68°	V/кон.	VI/нач.	VIII/нач.	IX	
[4]) Мельвилевъ полуостровъ	до 67½°	V/2	—	VIII/9		
[5]) Тамъ-же	66½°	II/23	III	IX/кон.	X/нач.	X/кон.
[6]) Рѣка Мекензи	66°	—	IV/кон.			
[7]) Анадырь, Сиб.	65°	—	V/кон. до VI/нач.	—	VIII/кон. до IX/сред.	
[8]) Сѣв.-зап. берегъ Америки	63°	III/сред.				

[1]) Parry, First Voyage, Suppl. to the Append. стр. 189 и First Voyage, стр. 173, 183.
[2]) Ross, Sec. Voyage, Appendix, 1835, Natur. Hist. стр. XVII.
[3]) Врангель, Путеш. II, стр. 87.
[4]) Rae, Expedition, 1850, стр. 58, 132.
[5]) и [6]) Въ томъ-же сочиненіи, стр. 73, 76 и 92.
[7]) Pallas, , Neue Nord. Beiträge, I, стр. 244.
[8]) Загоскинъ, Пѣшеход. Опись, 1847, II, стр. 57.

При разсмотрѣніи этой таблицы, которая такъ скудна, что не можетъ дать положительныхъ результатовъ, нельзя не обратить вниманія на значительное различіе въ показаніяхъ. Время перекочевки сѣв. оленей длится въ данномъ мѣстѣ, пожалуй, цѣлый мѣсяцъ, потому что не всѣ стада разомъ трогаются съ мѣста: сѣв. олени, зимующіе близъ предѣла древесной растительности, уже до ухода своего, при хорошей погодѣ охотно забѣгаютъ въ прилегающія тундры; даже осѣдлые сѣв. олени любятъ бродить съ мѣста на мѣсто. Всѣ эти обстоятельства, вмѣстѣ взятыя, значительно ослабляютъ силу показаній, но при всемъ томъ странно, что сѣв. олени Приколымскаго края чрезвычайно поздно весною уходятъ за притокъ Колыми, Анюй, и возвращаются чрезъ него уже въ началѣ осени. Мои собственныя наблюденія на глубокомъ сѣверѣ согласуются съ наблюденіями, произведенными въ Сѣв. Америкѣ подъ одинаковыми широтами, въ томъ отношеніи, что лѣтній сезонъ сѣв. оленей между 74° и 75° с. ш. продолжается около 4 мѣсяцевъ. На предѣлѣ лѣсной растительности кочующіе сѣв. олени Сибири остаются среднимъ числомъ отъ 6 до 7 зимнихъ мѣсяцевъ; съ Мая до Сентября стар. ст. они странствуютъ, покидая лѣсной предѣлъ. Какимъ же образомъ въ Колымскомъ краѣ часть кочующихъ оленей даже подъ 69° с. ш. остается только 2 мѣсяца, а наиболѣе запоздавшіе между ними проводятъ на тундрѣ лишь $3^1/_2$ мѣсяца? Какимъ это образомъ еще дальше къ востоку, въ Чукотскомъ краѣ, и даже однимъ или двумя градусами широты южнѣе, сѣв. олени, переплывавшіе чрезъ Анадырь, поступали точно также, какъ и на Колыми[1])?

Впрочемъ другое извѣстіе въ соч. Врангеля[2]) указываетъ на особенныя, оставшіяся намъ неизвѣстными, вредныя условія, вслѣдствіе которыхъ сѣв. олени Приколымскаго края съ году на годъ все долѣе и долѣе оставались на тундрѣ, и наконецъ, вмѣсто того, чтобы переплывать черезъ Анюй, переходили черезъ него по льду какъ туда, такъ и обратно. Этимъ они приближались, слѣдовательно, къ нормальнымъ срокамъ странствованій сѣв. оленей вообще.

Положительную противоположность явленіямъ на Колымѣ представляетъ необыкновенно короткое зимнее пребываніе сѣв. оленей въ основаніи Мельвилева полуострова, подъ полярнымъ кругомъ. Только въ Январѣ и Февралѣ тамъ собираются всѣ сѣв. олени; уже въ концѣ Февраля проявляется у нѣкоторыхъ охота откочевать, а въ теченіе Марта трогается главное стадо. При неблагопріятномъ положеніи климатическихъ условій на всемъ сѣверо-восточномъ берегу Америки, въ особенности же Мельвилева полуострова, при значительномъ разстояніи упомянутаго мѣста наблюденія отъ предѣла древесной растительности, насъ тѣмъ болѣе должно поразить такое раннее проявленіе кочевыхъ стремленій. Другой наблюдательный пунктъ, на томъ-же полуостровѣ, и едва на градусъ широты сѣвернѣе, позволяетъ намъ нѣсколько понять это явленіе. Такъ какъ тутъ сроки прохода приближаются къ срокамъ, замѣченнымъ при Колымѣ, то становится яснымъ, что часть сѣв. оленей глубокаго сѣвера Америки зимуетъ подъ

---

[1]) Срав. Pallas, Neue Nord. Beiträge I, стр. 244.

[2]) Путеш. II. стр. 228.

полярнымъ кругомъ, въ основаніи Мельвилева полуострова, не смотря на то, что лѣсной предѣлъ находится оттуда еще на нѣсколько градусовъ широты южнѣе. Не такіе-ли это сѣв. олени, которые лѣто проводятъ на самомъ крайнемъ сѣверѣ? Это легко можетъ статься, да и довольно вѣроятно. У нихъ цѣлый мѣсяцъ времени на то, чтобы, при осеннемъ передвиженіи, пробраться съ самаго крайняго сѣвера до полярнаго круга, при чемъ имъ необходимо пройти отъ 9 до 10 градусовъ широты, т. е. среднимъ числомъ примѣрно по 5 геогр. миль въ день. При своемъ осеннемъ возвращеніи они странствуютъ, какъ извѣстно, безостановочнѣе, чѣмъ весною, въ началѣ которой они бродятъ то туда, то сюда, а потому лишь исподоволь уходятъ со своихъ зимовьевъ и нерѣдко, какъ это напр. тутъ ясно доказываетъ Мельвилевъ полуостровъ, два мѣсяца проводятъ на протяженіи одного градуса широты. Дѣйствительно ли оленицы уходятъ раньше самцовъ? Мои наблюденія говорятъ противное[1]).

Кочевые олени, появляющіеся на Мельвилевомъ полуостровѣ уже въ началѣ Августа, очевидно сходились только изъ ближайшихъ окрестностей наблюдательнаго пункта, потому что на самомъ глубокомъ сѣверѣ они начинаютъ возвращаться лишь въ Сентябрѣ.

И такъ, мы замѣчаемъ на кочующихъ сѣв. оленяхъ тѣ же явленія, съ которыми мы сейчасъ ознакомимся на птицахъ: величайшую неопредѣленность во времени кочеванія; съ приближеніемъ къ зимовьямъ болѣе правильное осеннее странствованіе; и осенніе предварительные сборы и предварительные переходы животныхъ, родившихся подъ менѣе отдаленными широтами. Кромѣ того, я считаю вѣроятнымъ, что при весеннемъ кочеваніи должно принимать въ соображеніе разстояніе лѣснаго предѣла отъ крайняго лѣтняго мѣстопребыванія сѣв. оленей самаго дальняго сѣвера. Сѣверо-американскіе сѣв. олени, которымъ приходится проходить отъ 150 до 200 геогр. миль, отправляются въ путь раньше сибирскихъ, а между послѣдними сѣв. олени Таймырскаго края, гдѣ отъ моря до лѣснаго предѣла едва 70 миль, раньше оленей къ востоку отъ Колымы, гдѣ разстояніе между моремъ и лѣснымъ предѣломъ еще меньше, чѣмъ въ половину противъ указаннаго.

Перелетнымъ птицамъ приходится на глубокомъ сѣверѣ проводить такое короткое время, что тамошняя тундра почти внезапно наполняется всѣми возможными гостями. Тѣ изъ нихъ, которыя высиживаютъ яйца въ 35, и даже, можетъ быть, въ 50 градусахъ широты отъ своихъ зимовьевъ, проводятъ неслыханнымъ образомъ только $^1/_6$ и не больше $^1/_4$ каждаго года на мѣстѣ своего рожденія[2]). Большую часть своей жизни, они, какъ

---

[1]) Россъ (Wiegmann, Archiv für Naturg. 1836, I, стр. 188) утверждаетъ даже, что сѣв. оленицы приходятъ на глубокій сѣверъ Америки почти мѣсяцомъ раньше самцовъ. Въ Сибири я видѣлъ во главѣ стадъ старыхъ самцовъ, въ особенности при обратномъ кочеваніи.

[2]) Позднія птицы, какъ напр. Merops apiaster, проводятъ, смотря по обстоятельствамъ, и не болѣе 3-хъ мѣсяцевъ въ мѣстахъ высиживанія яицъ, но только неподалеку отъ своего полярнаго предѣла. Въ Одессѣ, въ 1845 году, Mer. apiaster оставался цѣлыхъ 4 мѣсяца $\left(\frac{V}{5}\text{ до }\frac{IX}{6}\right)$. Тѣмъ дольше, вѣроятно, они остаются въ своихъ зимовьяхъ (такъ какъ путь, который имъ приходится пролетать, коротокъ). По крайней мѣрѣ болѣе половины года.

курьеры, проводятъ на оси тяжести своего тѣла, которая, какъ извѣстно, соединяетъ между собою основанія обоихъ крыльевъ. Такъ какъ имъ приходится пролетать ежегодно въ оба конца 1000 и еще гораздо болѣе геогр. миль, то имъ нигдѣ нельзя оставаться особенно долго. За исключеніемъ времени высиживанія яицъ, вся жизнь ихъ уходитъ на странствованія.

Явно опасаясь опоздать, эти сѣверяне покидаютъ свои зимовья такъ рано, что на глубокомъ сѣверѣ они нерѣдко натыкаются на снѣжныя и ледяныя равнины, останавливающія ихъ дальнѣйшее движеніе. Внезапно на глубокомъ сѣверѣ наступаетъ весна; внезапно, безъ удержу, какъ мощный потокъ, постепенно накопившійся изъ небольшихъ ручейковъ, прорываются перелетныя птицы изъ-за своей плотины, заставлявшей ихъ ждать благопріятной погоды.

Масса прилетающихъ птицъ, которая у насъ постепенно разлетается въ разныя стороны, наводняетъ глубокій сѣверъ почти разомъ. Одинъ видъ птицъ слѣдуетъ за другимъ. Нѣкоторые смѣльчаки отправляются впередъ для развѣдокъ. Какъ только имъ удастся пробраться, такъ авангардъ, главный отрядъ и арріергардъ, которые у насъ странствуютъ порознь, одинъ за другимъ сомкнутыми рядами устремляются на тундру. Чѣмъ позднѣе, чѣмъ внезапнѣе наступаетъ весна, тѣмъ сильнѣе напоръ. Разъ за разомъ они безостановочно подвигаются впередъ.

Еще за долго до того времени, когда вода освободится отъ своихъ оковъ, уже появляются плавающія птицы. Онѣ располагаются на безснѣжныхъ возвышенностяхъ, какъ-то странно выдѣляясь изъ снѣжной равнины, среди падающаго снѣга и слякоти, всячески стараются удержаться кое-какъ на малѣйшемъ обнаженномъ клочкѣ земли, въ самой жалкой лужицѣ, образовавшейся изъ растаявшаго снѣга, около покинутыхъ кочевьевъ Самоѣдовъ, пока наконецъ на ледяныхъ покровахъ покажется первая вода.

Возвратное путешествіе осенью совершается правильнѣе, потому что тогда полетъ птицъ не можетъ быть задержанъ климатическими случайностями. Необыкновенно благопріятная осенняя погода дѣйствуетъ однакоже подобно неблагопріятной веснѣ въ томъ отношеніи, что хорошая погода побуждаетъ птицъ долѣе оставаться на одномъ мѣстѣ, а потому дальнѣйшее странствованіе становится тѣмъ быстрѣе, тѣмъ скученнѣе. При весеннемъ своемъ путешествіи птицы въ сѣверныхъ мѣстностяхъ иногда должны подвигаться впередъ довольно медленно и останавливаться на довольно продолжительное время, тогда какъ, тронувшись съ мѣста, онѣ безостановочно пролетаютъ черезъ мѣстности, лежащія по близости отъ ихъ зимовьевъ. При осеннемъ же путешествіи, напротивъ того, онѣ безъ удержу покидаютъ сѣверныя мѣстности, по которымъ имъ приходится пролетать, и только подъ болѣе южными широтами позволяютъ себѣ летѣть спокойнѣе [1]).

---

[1]) Эти замѣтки мои съ сѣвера подтверждаются соотвѣтственнымъ положеніемъ перелетныхъ птицъ около Астрахани. Уже Габлицль (Pallas, Neue Nord. Beitr. III, стр. 11) сообщилъ, что оба сѣверянина Ans. ruficollis и albifrons, при отправленіи своемъ на сѣверъ, почти вовсе не останавливаются у Астрахани, но уже въ Сентя-

Но какъ весною, такъ и осенью время странствованія затягивается процессомъ расположенія; нигдѣ до такой степени, какъ на самомъ глубокомъ сѣверѣ, нельзя убѣдиться въ томъ, что птицы, которымъ лѣтомъ спокойно удалось высидѣть яйца свои, составляютъ главную перелетную силу. Тѣ же, которыя не связаны никакими родительскими обязанностями, которымъ вовсе не удалось вывести птенцовъ, выказываютъ свое неудовлетворенное состояніе раннимъ безпокойствомъ. Меня, для котораго сѣверъ былъ такъ привлекателенъ, поразили уже среди самаго лѣта эти пресыщенные сѣверомъ индивидуумы. Едва успѣвъ покончить линяніе, онѣ скучивались и отправлялись въ путь, составляя авангардъ своего вида.

Птенцы же запоздавшихъ выводковъ задерживаютъ и своихъ родителей[1]). Эти семейства составляли на глубокомъ сѣверѣ весьма многочисленный арріергардъ, который напр. у гусей улетѣлъ цѣлыми 3-мя недѣлями позднѣе авангарда[2]). Кромѣ арріергарда на глубокомъ сѣверѣ остается еще нѣсколько запоздавшихъ птицъ до послѣдней крайности. Это наиболѣе запоздавшія выводки. Они нарушаютъ даже порядокъ отправленія, который обыкновенно строго соблюдается. Такъ напр. морскія ласточки успѣли уже покинуть рѣку Таймыръ, авангардъ слѣдовавшихъ за ними чаекъ также уже тронулся въ путь, а между тѣмъ запоздавшая морская ласточка встрѣтилась мнѣ еще 16/28 Августа. Такія запоздалыя птицы показываются тѣмъ чаще (по этому ихъ кажется больше, чѣмъ ихъ на самомъ дѣлѣ), чѣмъ неугомоннѣе онѣ становятся вслѣдстіе внутренняго безпокойства. Впрочемъ послѣдовательный порядокъ отлета не совсѣмъ отказывается отъ своихъ правъ. Частыя по-видимому исключенія нерѣдко, кажется, не что иное какъ ошибки въ наблюденіяхъ[3]). Главный отрядъ, а тѣмъ болѣе послѣдніе остатки чаекъ вы-

---

брѣ возвращаются и тогда остаются тамъ цѣлый мѣсяцъ. Нужно замѣтить, что они въ томъ-же самомъ мѣсяцѣ, въ которомъ, по моимъ наблюденіямъ, покидаютъ глубокій сѣверъ, прилетаютъ въ Астрахань, слѣдовательно безостановочно летятъ къ югу.

[1]) Если бы Радде (Bullet. des Natur. de Moscou, 1854, III, стр. 165) былъ правъ и по части менѣе сѣверныхъ широтъ, то онъ во всякомъ случаѣ не правъ относительно глубокаго сѣвера, говоря, что «для всѣхъ видовъ утокъ, перелетающихъ съ сѣвера на югъ, можно принять за правило, что молодые птенцы обоего пола и старыя самки первыя оставляютъ холодныя страны».

[2]) Три пріема отлета по-видимому очень замѣтны даже въ южной Сибири. Въ этомъ отношеніи обратила на себя мое вниманіе замѣтка одного неспеціалиста (Отеч. Зап. 1848, Авг. VIII, стр. 137) о томъ, что по словамъ Иркутскихъ старожиловъ, ласточки улетаютъ оттуда въ три пріема (1-го, 6-го, 15-го Авг.), продолжающіеся до среднихъ чиселъ Августа мѣсяца.

Многочисленный авангардъ возвращавшихся гусей показался въ Таймырскомъ краѣ, подъ 71° сѣв. широты, уже 13-го Августа. Въ теченіе всего Августа за ними слѣдовали сильныя фаланги, не ежедневно, но почти регулярно черезъ каждые 3 или 4 дня, а именно 13-го, 17-го, 21-го, 28-го, 31-го Августа, 5-го и 6-го Сентября. 7-го Сентября уже не пролетѣло ни одного гуся.

[3]) Въ концѣ третьей недѣли Августа (21-го) исчезли подъ 71° с. ш., въ Таймырскомъ краѣ, послѣдніе насѣкомоядные пѣвцы. Недѣлю спустя пролетѣла чечетка. Голенастыя птицы разлетѣлись въ теченіе первой недѣли Сентября, а 6-го Сентября улетѣли послѣдніе гуси (Ans. albifrons). Два дня спустя убрались чайки и савки, а подъ конецъ — и пустельга. 20-го Сентября тамъ оставался еще только воронъ, можетъ быть какъ осѣдлая или кочевая птица.

Слѣдовательно чечетка, прилетѣвшая туда уже 29-го Апрѣля, сравнительно улетѣла слишкомъ рано. По-этому намъ приходится предположить, что она начала только кочевать, но не отлетать. И въ Гренландіи чечетка прилетаетъ лишь нѣсколькими днями позднѣе подорожника и улетаетъ только въ началѣ Октября (Holböll, Isis, 1845, стр. 758). An. glacialis замѣтили весною лишь недѣлею позднѣе, чѣмъ Ans. albifrons, что слѣдовательно также не согласуется съ общимъ правиломъ.

держиваютъ долѣе, чѣмъ запоздалыя морскія ласточки. 4/16 Сентября на р. Таймырѣ, подъ 74° с. ш., видны были еще цѣлыя стаи чаекъ; вскорѣ послѣ того онѣ исчезли. Но медлившіе птенцы еще долго задерживали иныхъ матокъ. 21 и даже 22 Сентября, т. е. уже двѣ недѣли послѣ того, какъ установился ледъ, еще носились взадъ и впередъ послѣднія чайки и поморники; они ходили даже внизъ по рѣкѣ, къ сѣверу. Обильные остатки осенней прощальной рыбной ловли Самоѣдовъ щедро питали этихъ воронъ глубокаго сѣвера, не смотря на толстую снѣжную и ледяную кору. Когда мнѣ въ началѣ мѣсяца пришлось лежать одному, въ изнеможеніи и безъ всякой помощи, я цѣлыми часами наблюдалъ, какъ матки старались сманивать за собой своихъ малютокъ. Но послѣдніе, еще не вполнѣ привыкнувъ летать, снова предавались наслажденію настоящимъ и, не заботясь о морозномъ будущемъ, опять возвращались къ хорошо знакомому озерному прибрежью, пролетѣвъ сперва болѣе или менѣе въ сторону, къ югу, вслѣдъ за матерью. Громко, отчаянно кудахтая, мать бросалась опять въ погоню за своимъ птенцомъ, обгоняла бѣглеца и старалась перерѣзать ему путь. Но пути въ поднебесьи широки, яйца вездѣ, даже близь полюса, хотятъ учить курицъ и бѣдной взволнованной матери еще нѣсколько дней сряду приходилось возиться съ своимъ глупымъ упрямцемъ. Увѣнчались ли ея хлопоты и заботы наконецъ достиженіемъ цѣли или нѣтъ? Меня, брошеннаго на произволъ судьбы, тогда чрезвычайно занималъ этотъ вопросъ. Какъ мало онъ теперь тревожитъ меня, естествоиспытателя, живущаго въ довольствѣ[1])!

При опредѣленіи времени перелета птицъ на глубокомъ сѣверѣ слѣдуетъ принимать въ соображеніе, что у нѣкоторыхъ видовъ самцы летятъ отдѣльно отъ самокъ и прибываютъ на мѣсто раньше ихъ. Такъ на Боганидѣ, подъ 71° с. ш., маленькія кучки непомѣрно жирныхъ самцовъ подорожника прибыли недѣлею раньше большихъ стай, въ которыхъ находились и самцы и самки. Въ слѣдующую весну я засталъ подорожниковъ въ тотъ-же самый день въ долинѣ р. Лены, лишь подъ 60° с. ш., но дѣйствительно только однѣхъ самокъ. У нѣкоторыхъ голенастыхъ птицъ самцы также встрѣчались нѣсколькими днями ранѣе самокъ[2]); плавающія птицы, именно гагка, слѣдуютъ, говорятъ,

Въ американско-арктическомъ архипелагѣ перелетныя птицы покидаютъ $74^1/_2$° с. ш. по видимому позднѣе, чѣмъ въ Таймырскомъ краѣ. Голенастыя и водяныя птицы улетаютъ оттуда въ концѣ Сентября (нов. ст.), слѣдовательно добрую недѣлю позднѣе, чѣмъ по моимъ наблюденіямъ. Я готовъ это не столько признать за уклоненіе отъ среднихъ годичныхъ данныхъ, сколько приписать большей близости моря, вслѣдствіе которой осень дѣлается продолжительнѣе.

[1]) На сѣверѣ по-видимому не мало молодыхъ птицъ платятъ своею жизнью за такое безразсудство. Подъ 75° с. ш. Char. morinellus улетѣлъ 15-го Августа, но 27-го Августа я все-таки встрѣтилъ годовалую птицу этого вида. Она уже такъ изнемогла, что я безъ труда убилъ ее каменьями. 30-го Августа я нашелъ уже околѣвшаго Tr. canutus; онъ былъ очень вкусенъ.

[2]) Въ этомъ отношеніи многія другія пѣвчія птицы, кажется, сходны съ подорожниками. По Фаберу (Leben hochnord. Vögel, стр. 33), самцы Mot. alba, Anth. pratensis и Sax. oeneanthe прилетаютъ въ Исландію также раньше самокъ. У болотныхъ и водяныхъ птицъ этого не бываетъ, говоритъ тотъ-же Фаберъ. Между тѣмъ не подлежитъ никакому сомнѣнію, что весьма замѣтные самцы Limosa rufa встрѣчались намъ 4-мя днями ранѣе самокъ. Случайность ли это? Бичи (Voyage, стр. 271, 279), относительно 70° с. ш. сѣв.-западнаго прибрежья и Rae (стр. 64), относительно полярнаго круга на сѣв.-восточномъ берегу Америки, согласны между собою въ томъ, что осенью самцы гагъ улетаютъ уже раньше, а самки съ птенцами отправляются за ними позднѣе. Не однѣ ли это поздніе выводки?

тому-же обыкновенію. Мнѣ кажется даже, что и альпійскія бѣлыя куропатки поступаютъ точно также, потому что самцовъ ихъ я убивалъ въ Таймырскомъ краѣ задолго до самокъ, а когда послѣднія появились большими стаями, то самцы все-таки держались въ сторонѣ отъ нихъ, частію порознь, частію гораздо меньшими кучками.

У другихъ видовъ, напр. у чистиковъ и топориковъ, старыя птицы постоянно улетаютъ раньше на югъ, чѣмъ птенцы однолѣтки: какъ напр. въ Охотскомъ морѣ старыя Alca cirrhata и Uria carbo.

Наконецъ на времена перелета вліяютъ, кажется, даже различныя мѣстности. Какъ высокіе горные хребты въ состояніи отодвигать экваторіальный предѣлъ перелета нѣкоторыхъ видовъ птицъ значительно къ полюсу (стр. 394 и 413), такъ, по-видимому, даже невысокія горныя цѣпи на время могутъ задерживать перелетъ птицъ. На Становомъ хребтѣ это положительно такъ и было. Мы прошли во время перелета птицъ нѣсколько паралельныхъ цѣпей этого хребта и, странствуя съ сѣверо-запада на юго-востокъ, всякій разъ, перебравшись чрезъ новый гребень, на восточномъ склонѣ, т. е. на морской его сторонѣ, встрѣчали множество новыхъ стай перелетныхъ птицъ [1]).

Какъ бы ни передвигались времена перелета птицъ, смотря по обстоятельствамъ и годамъ, все-таки послѣдовательный порядокъ, въ которомъ прилетаютъ извѣстные виды птицъ одинъ за другимъ, довольно постояненъ. Даже на глубокомъ сѣверѣ, гдѣ промежутки между перелетами, къ которымъ мы привыкли, почти незамѣтны, потому что одинъ видъ птицъ быстро слѣдуетъ за другимъ, даже на глубокомъ сѣверѣ, говоримъ мы, строго соблюдается первенство, по крайней мѣрѣ въ главныхъ чертахъ послѣдовательнаго порядка. Въ Таймырскомъ краѣ, этотъ порядокъ былъ слѣдующій:

Вся мѣстность была еще въ полномъ зимнемъ облаченіи и только внимательному наблюдателю природы возможно было замѣтить первое дѣйствіе весенняго солнца по движенію, начавшемуся въ сережкахъ тѣхъ ивъ, верхушки которыхъ выглядывали изъ глубокаго снѣжнаго покрова, а между тѣмъ подъ 71° с. ш. уже въ концѣ Марта и въ началѣ Апрѣля (стар. ст.) успѣли появиться оба вида бѣлыхъ куропатокъ. Размягченіе почекъ приманило птицъ, которыя наслаждались ими, пока изъ-за чешуекъ не проглянули пушистыя сережки. Какъ только появились послѣднія, такъ куропатки стали отыскивать ивы другихъ, менѣе развившихся мѣстностей, или улетали дальше на сѣверъ.

Но онѣ странствовали скорѣе, чѣмъ мы, и обгоняли насъ. Подъ $72\frac{1}{2}$ с. ш., 10-го Мая, сережки уже были объѣдены бѣлыми куропатками, а самихъ куропатокъ я уже засталъ на Таймырѣ, когда прибылъ туда наконецъ 2-го Іюня. Двѣ, почти три недѣли куропатки властвовали тутъ однѣ, пока, въ половинѣ Апрѣля, подъ 71° с. ш., появился

---

[1]) Уже при переходѣ изъ Амгинской долины въ Алданскую, подъ 60° с. ш., чрезъ незначительные и поросшіе лѣсомъ, но, конечно, покрытые снѣгомъ, гребни, я удивился, 20-го Апрѣля, жизни, которую я засталъ позади такой небольшой завѣсы. Я счелъ за случайность, что встрѣтился тутъ съ вѣстниками весны. Но я замѣтилъ свою ошибку, встрѣтивъ даже три недѣли спустя (15-го Мая) и притомъ почти 3 градусами южнѣе, послѣ перехода черезъ покрытую снѣгомъ, болѣе высокую горную цѣпь Кётъ-Катъ, и въ долинѣ Учура, множество запоздавшихъ голенастыхъ птицъ. Даже 21-го Мая пролетѣли тамъ значительныя стаи птицъ.

передовой отрядъ подорожниковъ, состоявшій изъ однихъ самцовъ. Не смотря на ясное, чрезвычайно ослѣпительное солнце, вся мѣстность была еще объята глубокимъ зимнимъ сномъ, такъ что птичкамъ, этимъ любимымъ вѣстницамъ весны, приходилось, ради корма, слетаться около человѣческаго жилья. На слѣдующій годъ, 9-го Марта, мнѣ привелось видѣть въ Якутскѣ, какъ жители его навѣщали и поздравляли другъ друга по случаю прилета первыхъ подорожниковъ. Среди суровой зимы пріѣзжему лицу подорожникъ представляется какимъ-то прозорливымъ пророкомъ.

Показались также два-три ворона, можетъ быть зимовавшія осѣдлыя птицы. Недѣлю спустя, число подорожниковъ увеличилось, явились самки, но только недѣли три или четыре послѣ появленія первыхъ подорожниковъ пролетѣлъ главный отрядъ [1]), Была уже почти половина Мая (12/24 Мая). Съ тѣхъ поръ, какъ показались первыя бѣлыя куропатки, т. е. въ теченіи $1\frac{1}{2}$ мѣсяца, явились только двѣ различныя птицы [2]).

Вмѣстѣ съ главнымъ отрядомъ подорожниковъ, когда на возвышенностяхъ снѣгъ уже началъ исчезать и показались первые лемминги, появился и заклятой врагъ послѣднихъ, конюкъ. Но вѣроятно подорожникъ, котораго труднѣе добыть, не доставляетъ ему удовлетворительнаго путеваго пропитанія, а потому онъ чрезвычайно охотно мѣняетъ его на свою любимую добычу, лемминга, котораго ему легче схватить и прижать къ сердцу.

Этотъ третій видъ скитающихся перелетныхъ птицъ заключаетъ собою рядъ ихъ къ половинѣ Мая (по нов. ст. къ концу Мая), и за тѣмъ только появляется въ одиночку плеханъ, какъ первая положительно-перелетная птица. Съ восторгомъ люди привѣтствуютъ этого непогрѣшимаго вѣстника наступившей весны, настоящаго пророка грядущаго лѣта. Проходитъ еще недѣля и съ нею оканчивается, шумя и свистя, среди слякоти и бури, самая свирѣпая борьба стихій. За тѣмъ уже самые отважные смѣльчаки ихъ рода слѣдуютъ за этими пролагающими путь пророками, которые часто становятся мучениками своего призванія. Съ такими передовыми смѣльчаками изъ гусей вмѣстѣ съ тѣмъ появляется нѣсколько чаекъ и даже нѣсколько тиркушекъ, какъ первые посланцы голенастыхъ птицъ (Tr. cinclus). По недостатку корма эти первые гуси дѣлятся съ подорожниками ивовыми почками.

---

[1]) Тоже самое бываетъ и въ Сѣв. Америкѣ. Въ 1825 году въ американско-арктическомъ архипелагѣ, т. е. двумя градусами сѣвернѣе, чѣмъ въ Таймырскомъ краѣ, подорожники прилетѣли $1\frac{1}{2}$ недѣли ранѣе (Parry, Third Voyage, Append. стр. 98). Подъ 67° с. ш. онѣ появились за 4 недѣли до первой водяной птицы (Richardson, Searching Exped. II, стр. 104). Даже чрезъ Атлантическій океанъ эти маленькія птички улетаютъ почти такъ-же рано, какъ чрезъ сушу къ сѣверу. Подорожники нерѣдко уже въ половинѣ Апрѣля (12/24 Апрѣля) ищутъ себѣ на корабляхъ мѣстечка отдохнуть (Goodsir, Arctic Voyage, 1850, стр. 9). Десять дней спустя появилась чечетка (тамъ-же, стр. 15). Даже подъ $78\frac{1}{2}$ с. ш. подорожники еще не улетали 10 Сентября (нов. ст.), хотя морскія ласточки и молодыя морскія чайки уже успѣли покинуть мѣсто (Kane, Arctic Explor. 1856, стр. 105).

[2]) Киберъ безъ сомнѣнія жестоко ошибается, говоря, что въ Нижне-Колымскѣ Plectr. nivalis прибылъ вмѣстѣ съ Sylvia calliope въ началѣ Апрѣля. Я не въ состояніи даже отгадать, какую птицу онъ принялъ за Sylvia calliope. Русское названіе «гили», которое ей даетъ Киберъ, мнѣ неизвѣстно. Стоило бы разузнать это.

*

Съ каждымъ днемъ число прежняго прилета увеличивается, съ каждымъ днемъ, въ послѣднюю недѣлю Мая, прилетаютъ новые виды голенастыхъ птицъ, тиркушекъ, семендюхъ разнаго рода и т. п.[1]). Вмѣстѣ съ ними является и первая изъ утокъ, савка.

На слѣдующій день (26-го Мая) прибыли морская ласточка, большой поморникъ и альпійскій жаворонокъ.

Еще днемъ позднѣе показался Лапландскій подорожникъ, ближайшій родичъ простаго подорожника и товарищъ его по высиживанію яицъ. Его сопровождаютъ лебеди, гуменники и турухтаны.

Лишь въ послѣдніе три дня Мая мѣсяца появилась наша трясогузка (Mot. alba) вмѣстѣ съ нашимъ вирильдикомъ (Tot. glareola), но въ сообществѣ такихъ положительныхъ сѣверянокъ, какъ Исландскія и кривоклювыя тиркушки.

Уже въ первыхъ числахъ (по нов. ст. въ половинѣ) Іюня прибыли остальные. Къ такимъ замедлившимъ птицамъ принадлежали не только чечетка и другія маленкія пѣвуньи, не только самыя малыя тиркушки, и оба вида красиваго плавунчика, не только наши утки, какъ-то: вострохвостка, черная утка и бѣлоглазка (An. marila), но и самые явные сѣверяне, какъ напр. пискунцы и казарки, поморники и сѣверная льдистая гагара.

И такъ, подъ 71° с. ш., настоящій перелетъ продолжался едва-ли болѣе двухъ недѣль. Эти наблюденія по части прибытія птицъ производились на р. Боганидѣ, на постоянной обсерваторіи, которую я тамъ оставилъ. Бо́льшая часть замѣтокъ была подкрѣплена занумерованными шкурками застрѣленныхъ тутъ перелетныхъ птицъ. Какое значеніе могутъ имѣть такія наблюденія на глубокомъ сѣверѣ, которую биткомъ набитъ прилетающими и улетающими птицами и гдѣ мудрено не замѣтить того или другаго? Поставивъ себѣ задачей отвѣтить на этотъ вопросъ, я тщательно отмѣчалъ то, что́ встрѣчалъ между тѣмъ подъ болѣе дальними широтами. Хотя я постоянно подвигался впередъ, но къ счастію все-таки я находился къ сѣверу отъ наблюдательнаго пункта, почти въ томъ направленіи, въ которомъ перелетали птицы, такъ что нерѣдко мнѣ приходилось видѣть вѣроятно тотъ-же самый птичій индивидуумъ, который видѣли мои товарищи на Боганидѣ. Такъ напр. 12-го Мая гусь въ одиночку пролетѣлъ мимо обоихъ наблюдательныхъ пунктовъ по направленію къ югу. Вообще наши обоюдныя наблюденія хорошо согласовались между собою[2]). Только прибытіе двухъ голена-

[1]) Напр. Limosa rufa (uropygialis), Char. morinellus, pluvialis, hiaticula и squatarola, Strepsilas interpres.

[2]) Сообщимъ нѣсколько сравнительныхъ данныхъ въ такомъ-же точно видѣ, въ какомъ ихъ можно извлечь и свести изъ дневниковъ. Бѣлыхъ куропатокъ и подорожниковъ я уже засталъ на тундрѣ.

Первые гуси отмѣчены слѣдующимъ образомъ:

	Криворослый лѣсъ на Боганидѣ, 71° с. ш.	Таймырская тундра.
Мая 10-го.	Якуты видѣли, какъ гуси летѣли по направленію къ сѣверу (вѣроятно Ans. albifrons).	
» 12-го.	Вѣроятно тѣже самые возвращались съ сѣвера на югъ (очень высоко въ воздухѣ)	72° с. ш. гусь, летящій съ сѣв. на югъ.
» 14-го.	Два гуся (Ans. segetum, по направленію къ сѣверу)	72½° с. ш. Гуси, послѣ обѣда при пасмурномъ небѣ и почти совершенной тишинѣ, довольно высоко.

стыхъ[1]) какъ на Боганидѣ, такъ и на градусъ широты къ сѣверу отъ нея, показано было въ одинъ и тотъ-же день, да двѣ водяныя птицы встрѣтились далѣе къ сѣверу ранѣе, чѣмъ на Боганидѣ, но за то почти цѣлою недѣлею ранѣе[2]). Эти отдѣльные случаи не имѣютъ значенія, потому что касаются передовыхъ птицъ, которыя по своей рѣдкости, или можетъ быть въ ночное время, могли пролетѣть незамѣченными мимо перваго пункта, гдѣ наблюдатели жили подъ кровлею, тогда какъ мы днемъ и ночью слѣдили за пролетомъ птицъ подъ открытымъ небомъ.

Лѣто на глубокомъ сѣверѣ такъ коротко, что тамъ не можетъ быть и рѣчи о столь сильномъ колебаніи временъ прилета въ различные годы, къ какимъ мы привыкли въ средней Европѣ. Подъ 50° с. ш. разности этого колебанія въ Европ. Россіи доходятъ до цѣлаго мѣсяца, а подъ 75° въ Таймырскомъ краѣ вѣроятно не далѣе полумѣсяца.

Лѣто глубокаго сѣвера такъ непродолжительно, что явленія, которыя у насъ далеко отстоятъ одно отъ другаго, тамъ совпадаютъ между собою. Такъ напр. подъ 71° въ Таймырскомъ краѣ варакушка появилась на другой день послѣ вскрытія рѣки.

Осенью же перелетъ затягивается и на глубокомъ сѣверѣ. Подъ 71° с. ш. въ Таймырскомъ краѣ гуси прилетѣли уже 6-го и 7-го Августа и отдыхали тамъ. Лишь двѣ недѣли спустя (21-го Августа) улетѣли послѣднія пѣвчія птицы, а черезъ двѣ слѣдующія недѣли послѣдніе гуси покинули этотъ наблюдательный пунктъ.

Хотя на основаніи этихъ данныхъ на пролетъ гусей приходится цѣлый мѣсяцъ, и тѣмъ нарушается отношеніе ихъ ко времени отлета пѣвчихъ птицъ, но я полагаю все-таки, что тутъ наблюденіе путается вслѣдствіе смѣшиванья видовъ, и что это были различные виды гусей, у которыхъ есть различныя времена перелета[3]). Продолжительность

» 21-го. За первымъ довольно большимъ отрядомъ, примѣрно въ 50 штукъ, слѣдовало много другихъ	$72\frac{1}{2}$ с. ш.	Одинъ, а нѣсколько часовъ спустя, еще два гуся по направленію къ сѣверу.
» 27-го	73° с. ш.	Первыя стаи гусей (Ans. albifrons).
Іюня 3-го	$73\frac{3}{4}$° с. ш.	Тѣже гуси.

Передъ вторичнымъ появленіемъ нѣсколькихъ гусей показалась, 16-го Мая, чайка. 22-го Мая показались первые два лебедя и ржаво-красный куликъ (Lim. uropyg.), какъ первыя голенастыя. Птицы прилетѣли въ одиночку, такъ что прошелъ день, когда не было видно ни одной. На слѣдующій день, 24-го Мая, показалась первая стая поморниковъ и Char. pluvialis. День спустя, 25-го Мая, явилась стая кривоклювыхъ тиркушекъ и двѣ чайки (L. argent.). Но лишь 4-го Іюня тиркушки подъ $73\frac{3}{4}$ стали появляться массами. Уже два дня спустя онѣ вездѣ встрѣчались попарно и усердно вили гнѣзда. При всемъ томъ 9-го Іюня опять прибыла новая стая тиркушекъ, но не берусь сказать, были ли это тѣже самые виды, или новые, разсѣялись ли онѣ также въ разныя стороны, или полетѣли вмѣстѣ къ сѣверу.

[1]) Limosa uropygialis и Char. pluvialis.

[2]) Лебеди тремя днями, чайка (L. argent.) недѣлею раньше.

[3]) Это одинаково примѣнимо и къ Америкѣ и къ Сибири. Первымъ изъ всѣхъ гусей въ Сѣв. Америкѣ положительно является свойственный этой части свѣта Ans. Canadensis. Въ этомъ согласны между собою всѣ извѣстія. Какъ первый перелетный гусь, онъ соотвѣтствуетъ Ans. albifrons нашего древняго материка. Какъ въ сѣв. Сибири (напр. въ Якутскѣ, въ 1844 году) Ans. hyperboreus прилетаетъ даже 4-мя недѣлями позднѣе Ans. albifrons (срав. также извѣстіе Зауера, подъ 66° с. ш., въ Верхнеколымскѣ), такъ и въ Сѣв. Америкѣ онъ опаздываетъ въ сравненіи съ Ans. canadensis (Franklin, Second Journ. Append. II, стр. 84).

Между тѣмъ встрѣчается важное уклоненіе, такъ какъ Франклинъ (въ вышепривед. сочиненіи, стр. 86) гово-

перелета одного и того-же вида едва-ли продолжается столько времени, какъ мы привыкли полагать. При всемъ томъ въ Средне-Европ. Россіи случалось, что ласточки весною прилетали за нѣсколько дней до аррiергарда Ans. albifrons, хотя авангардъ того-же вида гусей принадлежитъ къ первымъ весеннимъ гостямъ [1]).

Впрочемъ время странствованія находится въ весьма плохой связи съ систематическими степенями родства, станемъ ли мы принимать во вниманіе роды, или виды того-же рода. Близко сродственныя между собою птицы часто кочуютъ въ разныя времена, другіе же совершенно различные виды, напротивъ того, иногда странствуютъ вмѣстѣ. Даже ни по стихіи, ни по пропитанію, нельзя сгруппировать птицъ относительно временъ перелета. Хотя бо̀льшая часть водяныхъ птицъ является раньше материковыхъ, все-таки бѣлыя куропатки и подорожники принадлежатъ къ самымъ раннимъ весеннимъ, а Podiceps, Ib. falcinellus, дергачъ и др. къ явно-позднимъ птицамъ. Между зерноядными однѣ прилетаютъ рано, другія поздно.

О насѣкомоядныхъ можно сказать положительнѣе, что всѣ онѣ принадлежатъ къ позднимъ птицамъ [2]). Между ними однѣ только личинкоядныя менѣе зави-

ритъ, что въ Сѣв. Америкѣ первый Ans. albifrons прилетѣлъ 10-ью днями позднѣе, чѣмъ Ans. hyperboreus и 20-ью днями позднѣе перваго Ans. canadensis. Я готовъ бы предположить тутъ ошибку въ наблюденіи, если бы Ричардсонъ (Search. Exped. II, стр. 105) не утверждалъ того-же самаго. Не летятъ-ли, можетъ быть, Ans. albifrons и Ans. Temminckii въ различное время и не разрѣшится ли такимъ образомъ путаница? По словамъ туземцевъ въ низовьяхъ Енисея (Третьяковъ въ Зап. Геогр. Общ. 1869, стр. 348 и пр.), весною туда прежде всѣхъ прилетаетъ гуменникъ; послѣ него Ans. albifrons, а позднѣе всѣхъ Ans. Temminckii(?). Правда, что и между лебедями Cygn. Bewickii принадлежитъ къ тѣмъ водянымъ птицамъ, которыя прилетаютъ позднѣе всѣхъ; такъ это увѣряютъ не только Американскіе путешественники (Back, Reise, übers. von André, стр. XLV, подъ 63°, и Franklin, loc. cit. стр. 307, подъ 59° с. ш.), но и Вознесенскій, по наблюденіямъ въ Камчаткѣ ($54^1/_2$ с. ш.), гдѣ этотъ лебедь, напр. въ 1847 году, еще 11-го Мая летѣлъ на сѣверъ.

1) Напр. въ Казани, въ 1774 году (Georgi, Reise, стр. 806). Послѣднія Ans. albifrons пролетѣли тамъ двѣ недѣли послѣ прибытія зябликовъ и пѣвчихъ птицъ, а именно варакушки.

Еще положительнѣе намъ привелось видѣть это на глубокомъ сѣверѣ. Подъ 71° с. ш. въ Таймырскомъ краѣ, еще 20-го, 22-го и даже 25-го Іюня, слѣд. среди ранняго лѣта, летѣли большія стаи гусей, въ томъ числѣ и Ans. albifrons, въ сѣверо сѣверо-восточномъ направленіи. Двумя недѣлями ранѣе прибыла туда варакушка. Первые гуси появились тамъ почти за $1^1/_2$ мѣсяца до этого арріергарда.

2) Такъ напр. морскія ласточки улетаютъ цѣлыми недѣлями раньше чаекъ, да и прилетаютъ позднѣе, какъ на глубокомъ сѣверѣ, такъ и у Каспійскаго моря (срав. съ моими наблюденіями Гмелина, Reise, III, стр. 87). Podicil. aritus subcristatus и cristatus прилетаютъ чуть-ли не цѣлый мѣсяцъ позднѣе лебедей, гусей и утокъ. Ib. falcinellus въ Одессѣ прилетаетъ еще позднѣе, чѣмъ щурка (Nordmann, Démidoff Voyage, III, стр. 256). Тракилокъ на глубокомъ сѣверѣ появляется двумя или тремя недѣлями, даже цѣлымъ мѣсяцемъ, позднѣе наиболѣе сродственнаго ему подорожника. И подъ 55° с. ш., въ юго-западной Сибири, онъ иногда встрѣчается еще, когда перелетныя птицы уже успѣли прилетѣть двумя недѣлями ранѣе. Дѣйствительно и въ Сѣв. Америкѣ Индѣйцы увѣряютъ, что онъ странствуетъ сидя на Гучинсовомъ гусѣ. Но этотъ видъ принадлежитъ къ тѣмъ гусямъ, которые прилетаютъ позднѣе всѣхъ. Бѣлая трясогузка принадлежитъ къ положительно раннимъ птицамъ, тогда какъ желтая и лимонная трясогузка подъ 71° с. ш. въ Таймырскомъ краѣ почти заключали собою рядъ прилетныхъ птицъ. Даже обѣ наиболѣе сродственныя между собою ласточки, домашняя и трубная, которыхъ мы вообще считаемъ одновременными, не прилетаютъ въ одно время, а какъ по ту сторону полярнаго круга въ Сибири, такъ и подъ средними широтами Россіи и Европы, трубная ласточка прилетаетъ нѣсколькими днями ранѣе домашней (срав. Зауера, loc. cit. стр. 146, для Нижнеколымска; Черная для Харькова). Между голенастыми птицами Char. morinellus на весеннемъ перелетѣ является позднѣе, чѣмъ Char. pluvialis (подъ 74° с. ш. въ Таймырскомъ краѣ, равно какъ въ Одессѣ; срав. Нордманна, Démidoff, Voy. III, стр. 232). Изъ

сятъ отъ температуры и потому зимуютъ даже подъ средними сѣверными широтами [1]).

Нѣтъ сомнѣнія, что одинаковыя жизненныя потребности, какъ это само собою разумѣется, должны бы были вызывать одновременное или совокупное странствованіе. Но не слѣдуетъ забывать, что многія птицы, по окончаніи перелета, соединяясь попарно, совершенно измѣняютъ свои прежнія привычки. Такъ напр. многія морскія птицы глубокаго сѣвера на время высиживанія яицъ удаляются на прѣсныя воды и въ теченіи лѣтней половины вовсе не видятся съ тѣми товарищами своими, съ которыми зимою бываютъ неразлучны [2]).

Оказывается совершенно справедливымъ, что тѣ виды, которые весною являются позднѣе другихъ, упорнѣе всѣхъ придерживаются своихъ временъ, такъ что если вообще можетъ быть рѣчь о довольно точномъ прилетѣ нѣкоторыхъ птицъ къ извѣстному вре-

---

водяныхъ птицъ пискунцы и казарки прилетаютъ тремя недѣлями позднѣе перваго плехана, какъ на самомъ сѣверѣ Таймырскаго края, такъ и подъ 49° на Волгѣ (Pallas, Reise III, стр. 648 и т. п.).

1) Назовемъ напр. Sylvia rubecula, Regulus ignicapillüs, Cinclus aquaticus. Изъ личинкоядныхъ зимуютъ въ предѣлахъ полярнаго круга нѣкоторые Garrul. infaustus и дятлы.

2) Anas glacialis, An. histrionica, Ans. hyperboreus, разные виды Phalaropus и Lestris покидаютъ море для высиживанія яицъ, но въ различной степени. Ans. hyperboreus напр. высиживаетъ яйца лишь совершенно близко отъ моря.

Скворецъ и пигалица являются въ среднѣй Европ. Россіи, напр. въ Кіевѣ (вѣроятно повсюду) вмѣстѣ на сырыхъ лугахъ и на берегахъ водъ. Начинается время вывода птенцовъ; тогда скворцы тотчасъ-же отправляются на деревья вить гнѣзда, и таже самая птица, которую, подобно пигалицѣ, мы до тѣхъ поръ привыкли видѣть только на болотистыхъ равнинахъ, теперь постоянно находится на самыхъ высокихъ верхушкахъ деревьевъ, постоянно высоко надъ дроздами, которые тамъ занимаютъ средину древесныхъ верхушекъ.

Въ Кіевѣ наша европейская Fring. coelebs прилетала съ болѣе восточной Fring. montifringilla и даже съ глубоко-сѣверной Fr. linaria, большими стаями, хотя у этихъ птицъ бываютъ разныя времена перелета. Дѣйствительно я нашелъ, что застрѣленныя мною въ этихъ стаяхъ экземпляры Fring. coelebs всѣ были самцы, такъ что тутъ авангардъ Fr. coelebs совершалъ путь совокупно съ главнымъ отрядомъ Fr. montifringilla и съ арріергардомъ Fr. linaria. Гораздо позднѣе слѣдовали другія стаи, въ которыхъ Fr. chloris были соединены съ Fr. coelebs, а именно съ самками ея. Fr. coelebs летаетъ также съ Fr. petronia (Pallas, Reise, III, стр. 648).

Наконецъ я долженъ упомянуть еще о двухъ чрезвычайно замѣчательныхъ сотовариществахъ, изъ которыхъ одно впервые было замѣчено Фаберомъ въ Исландіи и вполнѣ подтвердилось въ Таймырскомъ краѣ. Это — еще совершенно непонятное сотоварищество Tringa cinclus и Charadrius pluvialis, изъ которыхъ первый играетъ при второмъ какъ бы роль караульнаго и при наступленіи опасности подаетъ знакъ къ отлету. Эти, въ первую весну самые неразлучные товарищи оставляютъ другъ друга, какъ скоро настаетъ время высиживанія яицъ.

Другое сотоварищество подобнаго-же непонятнаго рода встрѣтилось мнѣ въ Сибири. Прибыли первыя горлицы и я съ двоякою страстью охотника и зоолога сталъ охотиться на нихъ. Мое усердіе не осталось безплоднымъ, потому что это была положительно разновидность (Col. gelastes). Но представьте себѣ, какъ я удивился фокуснической продѣлкѣ природы, когда я три раза сряду, слѣдя за воркованьемъ голубей, и съ трудомъ подкрадываясь къ пугливымъ животнымъ, послѣ хорошо намѣченнаго выстрѣла, вмѣсто голубя находилъ — кукушку. У каждаго голубя былъ товарищъ-кукушка, которому случайно, или скорѣе потому что онъ легче поддавался, пришлось поплатиться за своего товарища. Къ сожалѣнію намъ пришлось отправиться дальше и я не могъ прослѣдить, что это за товарищество. Уже возвратившись, я отыскалъ извѣстіе (Tiedemann, Zoologie, III, стр. 616), что въ Греціи кукушку зовутъ предводителемъ горлицъ, потому что онѣ обѣ прилетаютъ туда въ одно время. Но тутъ кроется, какъ мы видѣли, настоящее товарищество.

О подобныхъ товариществахъ, какія существовали между вышеупомянутыми голенастыми, сообщаетъ интересныя извѣстія Дросте (Die Vogelwelt der Nordsee-Inse[l] Borkum, 1869, стр. 144).

мени, то это можно сказать о позднихъ птицахъ, въ особенности о такихъ, которыя находятся не слишкомъ близко къ своему полярному предѣлу. Чѣмъ раньше пришлецъ является въ послѣдовательномъ порядкѣ перелетныхъ птицъ и чѣмъ позднѣе онъ улетаетъ, тѣмъ неопредѣленнѣе время его прибытія. По-этому къ самымъ непостояннымъ принадлежатъ зимоупорныя скитающіяся перелетныя птицы, осеннее появленіе которыхъ, неподалеку отъ экваторіальнаго предѣла, подобно появленію скитающихся птицъ, можетъ быть названо совершенно неопредѣленнымъ, потому что въ различные годы уклоняется на два и даже на три мѣсяца (отъ Ноября до Января[1]). Нѣсколько опредѣленнѣе время ихъ прилета.

Прилетъ раннихъ птицъ главнымъ образомъ потому такъ неопредѣленъ, что приходится въ самую шаткую пору года. Бо̀льшая часть раннихъ птицъ зимуетъ не на слишкомъ дальнемъ разстояніи и потому тотчасъ-же можетъ явиться, какъ скоро окажутся первые признаки весны[2]). Ходъ погоды при первомъ началѣ весны рѣшаетъ дѣло. Если зима затягивается, то раннія птицы прилетаютъ позднѣе обыкновеннаго, тогда какъ позднія птицы, напр. кукушка, иволга, соловей и другія пѣвчія птицы въ томъ-

---

[1]) Merops apiaster, почти послѣдняя перелетная птица; являлся въ Одессѣ въ 1843, 1845 и 1846 годахъ постоянно 5-го Мая; въ 1844 году 4-го Мая (Nordmann, въ Купферовомъ Annuaire méteorol. 1846, стр. 76 и сл.). Между тѣмъ всего на 6 лѣтъ въ Кіевѣ приходится разность въ 21 день между самымъ раннимъ и самымъ позднимъ прибытіемъ. Но около Кіева Merops apiaster находится возлѣ самого полярнаго предѣла своего. Ласточка является около Кіева, какъ около С.-Петербурга равномѣрнѣе, хотя и раньше. Вѣроятно потому, что и тамъ и тутъ она находится еще далеко отъ полярнаго своего предѣла.

Если мы хотимъ опять примириться съ неопредѣлительностію временъ пролета птицъ, то намъ необходимо взять среднія числа возможно длинныхъ рядовъ наблюдательныхъ годовъ и сравнить ихъ между собою. Тогда даже довольно раннія птицы, какъ журавль и аистъ, дадутъ чрезвычайно утѣшительную соотвѣтственность среднихъ чиселъ между собою.

Считаю нелишнимъ сообщить еще нѣсколько ближайшихъ свѣдѣній объ осеннихъ перелетахъ раннихъ птицъ. Buteo lagopus начинаетъ показываться около Одессы уже въ Ноябрѣ. Число его увеличивается до Января.

Bombycilla garrulla, по Кеслеру, прилетаетъ въ Кіевъ иногда въ концѣ Октября, обыкновенно же въ Ноябрѣ. Въ 1840 году я тщетно ожидалъ ее тамъ цѣлую зиму; наконецъ она явилась въ Февралѣ, и улетѣла уже въ концѣ того-же мѣсяца. Хотя въ Кіевъ она прилетаетъ въ Октябрѣ, но 10-ью градусами сѣвернѣе, въ Гельсингфорсѣ, она является обыкновенно лишь около половины Ноября (Wright, Helsingfors Tractens Fogel-Fauna 1847, стр. 41). Вѣроятно это опять доказательство тому, что свиристель прилетаетъ въ Кіевъ съ сѣверо-востока. Въ Одессѣ свиристель бываетъ между концемъ Октября и началомъ Декабря (Нордманнъ въ Démidoff, Voyage, III, стр. 194).

И въ Сѣв. Америкѣ мы встрѣчаемъ тоже, потому что подорожникъ, неопредѣленные сроки котораго у насъ достаточно извѣстны, даже на лѣсномъ предѣлѣ Сѣв. Америки появляется то въ Ноябрѣ, то лишь въ Январѣ (Back, Reise durch Nordamerika, übers. von Andrée, 1837, Anhang, стр. XL).

По словамъ Нордманна, альпійскій жаворонокъ прилетаетъ въ Одессу въ половинѣ Ноября, а улетаетъ оттуда въ концѣ Марта, тогда какъ по наблюденіямъ Кеслера, да и моимъ собственнымъ въ Кіевѣ альпійскій жаворонокъ прилеталъ лишь въ концѣ Декабря и улеталъ оттуда до конца Марта. Можно ли отсюда заключать, что въ южной Россіи эта птица тянется съ юго-запада на сѣверо-востокъ? или другими словами, прилетаетъ ли альпійскій жаворонокъ среднимъ числомъ въ Кіевъ позднѣе, чѣмъ въ Одессу и улетаетъ-ли онъ изъ Кіева опять ранѣе?

[2]) По этой причинѣ, вѣроятно, такъ запаздываетъ и жаворонокъ въ Якутскѣ и въ Барнаулѣ. Разстояніе его тамошняго зимовья отъ этихъ городовъ больше, чѣмъ разстояніе его зимовьевъ отъ Балтійскихъ прибрежныхъ странъ. Вотъ почему вѣроятно и An. fusca, An. spectabilis, Ans. bernicla появляются въ арктической Америкѣ гораздо раньше, чѣмъ въ Сибири. Они на меньшемъ разстояніи встрѣчаютъ открытое море, на которомъ и проводятъ зиму.

же самомъ году могутъ прилетать раньше обыкновеннаго времени, въ такомъ случаѣ, когда развитіе весны хотя и началось поздно, но тѣмъ быстрѣе наставало лѣто.

Если весна настаетъ необыкновенно рано, то все зависитъ оттого, когда и какъ сильно наступитъ слѣдующая за тѣмъ стужа; сообразно этому тѣ или другіе виды перелетныхъ птицъ задерживаются и пропускаютъ свой законный срокъ.

Если странствованіе различныхъ видовъ птицъ происходитъ въ опредѣленномъ послѣдовательномъ порядкѣ, то прежде всего можно бы было требовать, чтобы исходная точка этого порядка была совершенно опредѣленная. Между тѣмъ этого нѣтъ, потому что во главѣ перелетныхъ стай мы находимъ то гусей, то лебедей, то утокъ, а то и чаекъ. Но въ одной и той-же мѣстности перелетъ птицъ вѣроятно всегда начинается одинаково. Это указываетъ намъ на ту роль, которую мѣстное положеніе играетъ въ этомъ отношеніи. Чѣмъ ближе какой-нибудь видъ птицъ могъ прозимовать къ тому мѣсту, о которомъ идетъ рѣчь, тѣмъ быстрѣе онъ и можетъ явиться при первомъ наступленіи весны.

За зерноядными скитающимися перелетными птицами на глубокомъ сѣверѣ, какъ мы видѣли, слѣдовали прежде всего хищныя. Это не подлежитъ сомнѣнію. Въ Таймырскомъ краѣ, не говоря о луни, являлся конюкъ; по близости моря на глубокомъ сѣверѣ, рядомъ съ нимъ, мы встрѣчаемъ морскаго орла[1]).

За ними слѣдуютъ всеядные члены вороньяго рода, вóроны, ворóны, галки, на сколько послѣднія простираются къ сѣверу. Этотъ послѣдовательный порядокъ появленія ихъ въ средней Европейской Россіи и въ Сибири не подлежитъ сомнѣнію.

Изъ водныхъ птицъ перелетъ открываютъ обыкновенно гуси и лебеди; впрочемъ, мнѣ извѣстно множество случаевъ, въ которыхъ утки оспариваютъ у нихъ первенство; большею частію это бываетъ наша обыкновенная кряква[2]). При всемъ томъ главный отрядъ

---

[1]) У Нижнеколымска морской орелъ появлялся недѣли двѣ послѣ прилета подорожника и ранѣе первыхъ водяныхъ птицъ (Киберъ въ Сибир. Вѣстн. I, стр. 122). Подъ 54° с. ш. (Cumberlandhouse), въ Сѣв. Америкѣ морской орелъ также первая перелетная птица, которую тамъ можно видѣть (12/24 Марта, Richardson, Search. Exped. II, стр. 235). Въ Кіевѣ, въ мое время, зимовало нѣсколько морскихъ орловъ, но безъ сомнѣнія это были такіе, которые высижены въ средней Россіи, потому что морскіе орлы не пролетаютъ ни по болѣе сѣв. широтамъ Европ. Россіи, ни по Сибири; слѣдовательно морскіе орлы въ русскихъ Ледовитыхъ моряхъ вѣроятно летятъ вдоль арктическихъ поперечныхъ путей.

По Кингу (см. вышеприв. соч. II, стр. 135), во внутреннихъ частяхъ Сѣв. Америки Str. brachyotos явилась первою изъ числа перелетныхъ птицъ; въ предѣлахъ полярнаго круга (Fort Confidence у Медвѣжьяго озера), по словамъ Ричардсона (l. c. II, стр. 104), за два дня до перваго гуся (17/29 Мая) появились разнаго рода хищныя птицы.

Даже подъ 47° с. ш., на сѣв. берегу Касп. моря, стаи хищныхъ птицъ принадлежатъ къ первымъ прилетнымъ птицамъ (II, въ концѣ).

Подъ 74° с. ш., 8/20 Апрѣля 1851 года вóроны были единственныя живыя существа, которыя, кромѣ тюленей, встрѣчались въ американско-арктическомъ архипелагѣ. Зимовали-ли они тамъ, или это уже былъ весенній прилетъ? (срав. Sutherland, Journal of a voyage, 1852, II, стр. 49).

[2]) Въ Сибири, 18-го Апрѣля, подъ 60° с. ш., въ долинѣ Алдана, утка была первой прилетной птицой, хотя мѣстность еще была покрыта глубокимъ снѣгомъ, такъ что даже подорожникъ еще не могъ улетѣть и пропитывался только вблизи человѣческаго жилья. Въ 1843 году, въ Барнаулѣ простая кряква прилетѣла за цѣлыя двѣ недѣли ранѣе гусей и лебедей.

Подъ $61\frac{1}{2}°$ с. ш., на сѣверо-западныхъ берегахъ Америки также появилась кряква за два дня до гусей (Загоскинъ, Пѣшеход. Опись, II, стр. 79).

И при устьѣ Волги кряква прилетаетъ раньше гусей и лебедей (Габлицль въ Палласовыхъ Neue Nord. Beitr. III, 1782, стр. 10).

утокъ прилетаетъ всегда послѣ гусей и лебедей и, по моему мнѣнію можно сказать вообще, что утки являются во главѣ перелета только тамъ, гдѣ зимоупорные индивидуумы ихъ рода нашли случай прозимовать подъ болѣе высокими широтами, чѣмъ гуси и лебеди. По этой-то причинѣ первенство полета остается по-видимому въ болѣе южныхъ широтахъ за утками, въ болѣе сѣверныхъ же, главнымъ образомъ, за гусями и лебедями. Это одинаково примѣнимо и къ древнему и къ новому материку[1]).

Чайка только тамъ является во главѣ всѣхъ водяныхъ птицъ, гдѣ открытое море позволяетъ ей прозимовать по близости[2]).

Наконецъ бросимъ еще бѣглый взглядъ на времена кочеванія рыбъ. Если трудно слѣдить за перелетомъ птицъ, то еще преждевременнѣе было бы требовать уже теперь результатовъ по части періодическихъ явленій, замѣчаемыхъ въ кочеваніи рыбъ. Впрочемъ наблюденіе за движеніемъ прѣсноводныхъ рыбъ не встрѣчаетъ особенныхъ препятствій[3]); скорѣе мы вправѣ предположить, что уже есть на лицо цѣлый запасъ такихъ наблюденій, которымъ только нужно воспользоваться. Рыбная ловля представляетъ въ Сибири одинъ изъ самыхъ обильныхъ источниковъ питанія, и вездѣ, гдѣ это бываетъ, столѣтняя практика достаточно подготовила данныя для естествоиспытателя. Къ сожалѣнію моя неугомонная кочевая жизнь удерживала меня вдали отъ всѣхъ, маломальски значительныхъ рыбныхъ тоней Сибири, но все-таки считаю нелишнимъ сообщить тотъ

---

[1]) Срав. напр. Franklin, Second Journey, 1828, стр. 88, подъ 66° с. ш. Срав. также его Append. II, стр. 84 и Richardson, Search. Exped. II. стр. 104. Гуперу (Ten months among the tents of the Tuski, 1853, стр. 387) привелось видѣть на р. Мекензи, что сперва прилетѣла утка, а уже на слѣдуюшій день гуси.

[2]) По этому-то при устьѣ Волги чайка появляется прежде (Hablizl, l. c. стр. 10), да и на берегахъ Новой Земли (Пахтусовъ, въ Зап. Гидрограф. Деп. I, стр. 111, подъ $70\frac{1}{2}°$ с. ш., 13-го Мая, за два дня до первыхъ гусей).

Вслѣдствіе той-же близости моря, вѣроятно, и плавунчики въ арктической Америкѣ принадлежатъ къ раннимъ, а въ Таймырскомъ краѣ къ позднимъ птицамъ.

Въ американско-арктическомъ архипелагѣ чайки, а именно Lar. glaucus, принадлежатъ къ первымъ птицамъ, которыя даже раньше морскихъ птицъ, и почти въ одно время съ бѣлыми куропатками, прилетали 29-го Мая (нов. ст.) подъ 75°—$75\frac{3}{4}°$ с. ш. (Sutherland, Journ. of a voyage, II, стр. 106 и 138).

[3]) Между тѣмъ все-таки возможны ошибки въ наблюденіяхъ во всякой рѣкѣ, въ которой рыбу не ловятъ переходящими на обѣ стороны заторами или сѣтями соотвѣтственной величины. Такъ напр. Загоскинъ (Пѣшех. Опись, I, стр. 33, примѣч.) удивляется, что чавича (S. orientalis) въ одно время приходитъ въ устье Квихпака и 150 геогр. миль вверхъ по той-же рѣкѣ. Къ концу І-ой части его путешествія (I, стр. 179) загадка разрѣшается сама собою тѣмъ, что лохъ кета (хайко) вовсе не ловится при устьѣ Квихпака, а только выше по рѣкѣ. Плывя по рединѣ рѣки или въ глубинѣ ея, рыбы не попадаются въ сѣти. Вслѣдствіе тѣхъ-же причинъ рыбы ловятся преимущественно лишь на нѣкоторыхъ мѣстахъ рѣки. Такъ напр. въ Енисеѣ, подъ 65° с. ш. (Пупковское) ежегодно ловилось едва-ли 50 муксуновъ; полагая, что я добрался почти до самаго крайняго предѣла кочеванія этого вида лоховъ, я и занесъ этотъ случай такъ въ свой дневникъ. Между тѣмъ вверхъ по рѣкѣ были мѣстности, гдѣ приплытія ихъ ожидали съ нетерпѣніемъ; они плыли даже еще 4 градуса широты дальше. Притомъ время улова не всегда совпадало со временемъ кочеванія, когда временный уровень воды, другаго рода промыслы и т. п. не позволяли во-время заняться рыбной ловлей.

Въ р. Таймырѣ мы закинули нашу сѣть въ первый разъ лишь 14-го Іюня; до того времени этого не дозволялъ толстый ледъ, въ этотъ же день ледъ образовалъ на берегу пробѣлъ. Мы тотчасъ-же наловили нѣсколько S. Thymallus, и особенно много сиговъ, хотя оба вида были малорослы, но мы должны были принять ихъ за такихъ сиговъ, которые уже плыли вверхъ по рѣкѣ. Впослѣдствіи я убѣдился, что это были не кочевые, а осѣдлые лохи. Вотъ и однимъ поводомъ къ ошибкамъ болѣе

небольшой матеріалъ, который находится въ моемъ распоряженіи, желая болѣе выяснить нѣкоторые вопросы и вызвать на нихъ отвѣты.

Къ сожалѣнію наша систематическая ихтіологія такъ поотстала, что пока нельзя еще поручиться, дѣйствительно ли всѣ тѣ рыбы принадлежатъ къ одному и тому-же виду, которыя въ обыкновенной рѣчи сводятся подъ одно названіе. Такъ напр. Эрманнъ неоднократно говоритъ о водящихся въ сибирскихъ рѣкахъ сельдяхъ, имѣющихъ весьма важное значеніе для Сибиряковъ. Сельди въ прѣсной водѣ? Въ зоологическомъ отношеніи это, конечно, безсмыслица, которая коренится въ языкѣ Сибиряковъ и производитъ путаницу тѣмъ болѣе, что на берегахъ Камчатки дѣйствительно водится несмѣтное множество настоящихъ сельдей. Сельдь сѣвернаго Сибиряка есть видъ небольшаго лоха, какъ уже замѣтилъ Палласъ[1]). Наука въ настоящее время подъ именемъ бѣлаго лоха (S. leucichtys) разумѣетъ два рода распространенныхъ по всей Сибири рыбъ, которыхъ вмѣстѣ съ тѣмъ повсюду и различаютъ, нельму и бѣлорыбицу. Нельма достигаетъ большей величины, вкуснѣе, а потому и цѣнится дороже. Непосредственно сравнивая ту и другую, я нашелъ различія въ откосахъ головы и даже въ формѣ жаберной крышки. При всемъ томъ мы пока не вправѣ различать обѣ формы въ видовомъ отношеніи. Опредѣленіе видовъ лоха составляетъ одну изъ труднѣйшихъ задачъ ихтіологіи. Въ послѣднее время стали сводить подъ одну категорію все большее число видовъ европейскихъ лоховъ и форелей. Я имѣлъ случай видѣть въ Сибири самыя поразительныя разновидности одного и того-же вида лоха, какъ напр. пелета, кеты, горбуши. Притомъ нѣтъ сомнѣнія, что подъ старость, да вслѣдствіе болѣе питательнаго корма, рыбы скорѣе растутъ въ ширину, чѣмъ въ длину, слѣдовательно мѣняютъ форму тѣла. Худощавыя съ виду рыбы кажутся сравнительно большеголовыми; мы и называемъ ихъ такъ, хотя голова собственно самая постоянная часть тѣла.

Съ другой стороны смѣшиваются также положительно различные виды рыбъ. Тотъ, кто захотѣлъ бы взяться за сравненіе омуля Ледовитаго океана съ омулемъ Байкальскаго озера, оказалъ бы наукѣ положительную и важную услугу по части вопросовъ, затронутыхъ уже на стр. 415. Геденштремъ нашелъ, что оба вида замѣтно отличаются другъ отъ друга[2]).

Слѣдовательно, собственно нужно еще поразобрать кое-что, прежде нежели намъ возможно будетъ основательно говорить о кочеваніи рыбъ. Къ сожалѣнію г. акад. Брандтъ, принявшій на себя обработку привезеннаго мною богатаго матеріала по части рыбъ, не успѣлъ еще исполнить свое намѣреніе. Да и кто изъ насъ не застрялъ бы въ изобиліи матеріала, подлежащаго разработкѣ? Пусть это хотя нѣсколько послужитъ извиненіемъ неопредѣлительности нижеслѣдующихъ страницъ.

Вообще мы вправѣ сказать, что кочеваніе лоховъ начинается не раньше вскрытія льда на рѣкахъ. Впрочемъ, даже на самомъ глубокомъ сѣверѣ, водятся лохи, которые

---

[1]) Фигуринъ (Сибирск. Вѣстн. стр. 238) замѣтилъ разницу, но не понялъ, въ чемъ суть дѣла.

[2]) Отрывки о Сибири, стр. 113.

осенью тянутся вверхъ по рѣкѣ, чтобы прозимовать въ рѣкѣ или въ озерахъ подъ ледянымъ покровомъ, а потомъ вмѣстѣ съ вскрывшимся льдомъ, раннимъ лѣтомъ опять уходятъ въ море[1]). Вообще ошибаются тѣ, которые полагаютъ, что съ установленіемъ ледяной коры прекращаются жизнь и движеніе въ водахъ глубокаго сѣвера[2]). Напротивъ того, средина лѣта самое неоживленное время года. Со второй половины Іюля подъ 74° с. ш. въ р. Таймырѣ уловъ рыбы у насъ по большей части совсѣмъ прекратился; только во второй половинѣ Сентября, когда ледъ успѣлъ уже давно установиться, безчисленное множество **муксуновъ** поплыло внизъ по рѣкѣ. Обѣднѣвшій Самоѣдъ, котораго потеря сѣверныхъ оленей заставила тамъ прозимовать, даже разбогатѣлъ вслѣдствіе большихъ запасовъ рыбы, которые онъ наловилъ при началѣ и въ концѣ зимы.

Налимъ, впрочемъ, кажется, и на глубокомъ сѣверѣ самая положительная зимняя рыба. Онъ странствуетъ еще въ предѣлахъ полярнаго круга до Ноября и Декабря, а въ Февралѣ опять уже начинаетъ копошиться[3]).

Слѣдовательно, если вы вслѣдствіе разныхъ исключеній не захотите допустить нашъ вышеупомянутый выводъ, то всежъ во всякомъ случаѣ время ледохода можетъ служить самой удобной исходной точкой для сравненія временъ кочеванія.

Составленные за нѣсколько лѣтъ списки временъ прихода рыбъ и времени вскрытія льда, вдали отъ впаденія Сибирскихъ рѣкъ въ море, безъ сомнѣнія дали бы намъ лучшія точки опоры. При устьѣ Уды я замѣтилъ, что лѣтомъ 1844 года **кута** зашла въ рѣку тремя недѣлями позднѣе (16-го Іюня), чѣмъ обыкновенно. Морской ледъ тогда продержался чрезвычайно долго въ устьѣ упомянутой рѣки и оказалъ сильное вліяніе на температуру воды.

Такимъ образомъ время прибытія кочевой рыбы въ данномъ мѣстѣ рѣки обусловливается не только временемъ вскрытія льда на рѣкѣ, но и положеніемъ морскаго льда, хотя оно, вѣроятно, и имѣетъ только второстепенное значеніе.

---

1) Подобно **омулю**, по устнымъ извѣстіямъ, **голецъ** (S. leucomaenis) въ Августѣ безчисленными стаями плыветъ верхъ по рѣчкѣ **Нехватовѣ** на западн. берегу Новой Земли ($71\frac{1}{2}°$ с. ш.), чтобы прозимовать въ озерѣ, изъ котораго эта рѣчка вытекаетъ. На слѣдующій годъ, съ конца Іюня до половины Іюля, онъ опять возвращается въ море. Это подтверждаетъ **Лангсдорфъ** (Mém. des Natural. de Moscou, III, стр. 99), по словамъ котораго въ Камчаткѣ **голецъ** въ теченіи Апрѣля возвращается въ море.

Даже близко сродственные между собою виды одного и того-же рода поступаютъ въ этомъ случаѣ различно; такъ напр. **севрюга** осенью возвращается въ Каспійское море, тогда какъ осетръ и бѣлуга зимуютъ въ рѣкѣ (**Pallas**, Reise, I, стр. 285).

2) Этотъ взглядъ я еще до моей поѣздки усвоилъ себѣ изъ прежнихъ извѣстій. Такъ напр. **Сарычевъ** (Путеш. I, стр. 64) говоритъ, что въ Верхнеколымскѣ, подъ полярнымъ кругомъ, когда вода стала замерзать въ Октябрѣ, ловились **чиры** (S. nasutus), а когда ледяная кора установилась, уловъ совершенно прекратился. **Зауеръ** (Voyage 1802, I, стр. 103) сообщаетъ, что въ томъ-же самомъ мѣстѣ, въ концѣ Октября, налимы ловились еще массами, а черезъ 3 дней уже стали убавляться и въ Ноябрѣ мало по малу совершенно исчезли, такъ что около половины Декабря нельзя было поймать ни одной рыбы.

3) У Туруханска (66° с. ш.) запрудили рѣку Туруханъ только ради ловли налимовъ, послѣ образованія ледяной коры. Подъ $61\frac{1}{2}°$ с. ш. (Сумароково) уже въ половинѣ Февраля выставили сѣти для налимовъ, поднимавшихся вверхъ по рѣкѣ. Въ Сѣв. Америкѣ мы видимъ тоже самое, такъ какъ тамъ въ концѣ Февраля нов. ст. (подъ $65\frac{1}{4}°$ с. ш.) у форта Франклина уловъ рыбы уже былъ очень обиленъ (**Franklin**, Second Voyage, стр. 72).

Подъ $61\frac{1}{2}°$ с. ш. въ сѣверо-западной Америкѣ налимы начинаютъ трогаться уже въ началѣ Декабря и тянутся въ теченіи всего Января. — У насъ, въ Средней Европѣ, налимъ мечетъ икру, какъ извѣстно, въ Январѣ.

Впрочемъ, въ устьяхъ рѣкъ, впадающихъ въ Ледовитый океанъ, рыбы зимою, кажется, не только водятся, но и переходятъ съ мѣста на мѣсто[1]). По этому-то, согласно отзывамъ рыбаковъ, разные виды лоховъ и собираются почти въ одно время близъ впаденія рѣкъ въ Ледовитый океанъ. Отсюда они начинаютъ свое движеніе вверхъ по рѣкѣ въ опредѣленномъ послѣдовательномъ порядкѣ.

Кромѣ наступленія ледохода. время движенія рыбъ существенно зависитъ еще отъ разстоянія мѣстности отъ устья рѣки. Чѣмъ дальше мѣсто лежитъ вверхъ по рѣкѣ, тѣмъ позднѣе приходятъ туда рыбы, тѣмъ ранѣе онѣ и уплываютъ[2]).

Такимъ образомъ, при дальности географическаго положенія устьевъ рѣкъ и діаметрально противоположномъ направленіи текущихъ въ нихъ водъ, можетъ случиться, что подъ однимъ и тѣмъ-же градусомъ широты одинъ и тотъ-же видъ лоховъ появится въ одной рѣчной области въ совершенно другое время года, чѣмъ въ близьлежащей. Напр. нельма уже въ Февралѣ начинаетъ подниматься изъ Каспійскаго моря къ сѣверу вверхъ по р. Уралу. Отправляясь же изъ Ледовитаго океана къ югу вверхъ по Енисею, она достигаетъ 61-го градуса широты полгода позднѣе. Еще поразительнѣе примѣръ, который мнѣ привелось видѣть на кетѣ. Устье Амура лежитъ южнѣе устья Тугура, и потому кета заходитъ въ устье этой послѣдней рѣки, можетъ быть, въ одно время, но по всей вѣроятности позднѣе, чѣмъ въ устье Амура. При всемъ томъ кета по Тугуру гораздо скорѣе доплываетъ до того мѣста (Укакытъ), гдѣ Тугурская и Амурская системы, посредствомъ соприкасающагося изгиба руслъ Тугура и Немилена, близко подходятъ другъ къ другу. Притомъ путь по Амуру до того мѣста примѣрно вшестеро длиннѣе пути по Тугуру. Тунгусы, пользуясь этимъ, сперва кончаютъ рыбную ловлю на изгибѣ Тугура (Буруканъ), а затѣмъ отправляются на сосѣдній Немиленъ, снова ловить кету.

Кромѣ вышеуказанныхъ главныхъ условій, на передвиженія рыбъ значительно вліяютъ еще нѣкоторыя, по-видимому маловажныя обстоятельства. Такъ напр. у маленькихъ горныхъ потоковъ, впадающихъ въ Охотское море, рыбы выжидаютъ время, когда эти потоки усиливаются отъ дождевой воды; иногда имъ приходится ждать этого довольно долго. На Енисеѣ рыбаки даже приписывали особое вліяніе на передвиженіе рыбъ охотамъ морскихъ чудовищъ, подъ которыми они преимущественно разумѣли бѣлыхъ дельфиновъ. Они увѣряютъ, что все зависитъ оттого, кто явится раньше другаго: если рыбы раньше приходятъ къ устью рѣки, то онѣ тѣмъ быстрѣе и тѣмъ болѣе сплошными массами стараются уйти вверхъ по рѣкѣ, если же ихъ опередятъ бѣлухи, то рыбы уходятъ въ другія рѣки и на такой годъ уловъ уже плохъ. Мои наблюденія у Охотскаго моря противорѣчатъ, какъ мы видѣли, этому предразсудку.

---

[1]) Въ морѣ это было даже подъ 70° с. ш. на сѣв. берегу Русской Лапландіи, гдѣ рыбу ловятъ круглый годъ и ловлю пріостанавливаютъ только на время сѣнокоса. Конечно, это морскія рыбы. Впрочемъ, при устьѣ Колымы цѣлую зиму ловятъ нельму и омулей (Врангель, Путеш. II, стр. 254).

[2]) Подъ 72° с. ш. сельди (S. albula) плывутъ вверхъ по Хатангѣ до 1-го Октября, слѣдовательно подо льдомъ. Подъ 65° с. ш. (Пуповское) они-же тянутся внизъ по Енисею незадолго до ледохода.

Тамъ ежегодно, говорятъ, бываетъ одинаково много кеты, да и въ мое время ея было вдоволь, хотя бѣлые дельфины и шли на встрѣчу подплывавшимъ рыбамъ. Дѣйствительно и рыбаки во многихъ мѣстахъ, какъ извѣстно, умѣютъ отличать между лохами мѣстныя расы, которыя встрѣчаются только въ той или другой рѣкѣ, а это служитъ лучшимъ доказательствомъ, что постоянно одни и тѣже индивидуумы возвращаются въ однѣ и тѣже воды [1]). Это гораздо замѣчательнѣе памятованія мѣстности птицами, потому что происходитъ лишь черезъ нѣсколько лѣтъ, т. е. тогда, когда рыба, родившаяся въ рѣкѣ, успѣла выросги въ морѣ. Никогда напр. нельзя видѣть въ рѣкѣ молодой кеты. Тунгусамъ она извѣстна либо въ видѣ зародыша, либо полнорослой. Никто до сихъ поръ еще не знаетъ, гдѣ выростаетъ молодая кета.

Какъ многое, что нами доселѣ высказано, должно было уже напомнить намъ законы, которымъ слѣдуетъ перелетъ птицъ, такъ и во всемъ остальномъ нельзя не признать соотвѣтствія между перелетомъ птицъ и передвиженіемъ рыбъ.

Гораздо рѣшительнѣе, чѣмъ у птицъ, передвиженіе рыбъ обусловливается потребностями распложенія. Соленая морская вода очень быстро погубила бы икру плывущихъ вверхъ лоховъ; такъ на оборотъ морскіе обитатели, офіуры и подобные, немедленно дохнутъ, если ихъ положить въ прѣсную воду. Чистая вода дѣйствуетъ на нихъ какъ сильнѣйшій ядъ. Икра лоховъ, напротивъ того, нуждается, какъ извѣстно, не только въ чистой, но и изобилующей кислородомъ, прѣсной водѣ. Впрочемъ, подобно птицамъ, даже ближайшіе по родству виды одного и того-же рода, весьма отличаются другъ отъ друга относительно времени прибытія, продолжительности метанія икры и другихъ особенностей.

Къ самымъ раннимъ рыбамъ принадлежитъ, кажется, сигъ: онъ одинъ изъ первыхъ, если только не самый первый изъ весеннихъ рыбныхъ гостей. Сообразно законамъ послѣдовательнаго порядка, соблюдаемаго при перелетѣ птицъ, онъ осенью и возвращается послѣднимъ [2]). Подъ $69\frac{1}{2}^{\circ}$ с. ш., напротивъ того, ѳмули только тогда плывутъ вверхъ по Енисею (Дудино), когда предстоитъ прибытіе возвращающихся сиговъ. Это особенно чувствительно для рыбаковъ, живущихъ на Енисеѣ подъ упомянутою

---

[1]) Такъ напр. уже Палласъ (Reise, III, стр. 289) обратилъ вниманіе на то, что омуль, заходящій въ Селенгу, всего въ 2 пядени длины, тогда какъ тотъ, который ловится въ Чивирикуйской бухтѣ Байкальскаго озера, славится своею необыкновенною величиною. Тоже самое должно замѣтить о всѣхъ почти рыбахъ, которыя въ однихъ водахъ величиною, формою, цвѣтомъ, вкусомъ и т. д. отличаются отъ другихъ своихъ видовыхъ товарищей. Скептику стоитъ только понавѣдаться у нашихъ рыбаковъ. Уже Геденштремъ (Отрывки о Сибири, стр. 113) говоритъ, что въ Янѣ самые маленькіе сельди, въ Индигиркѣ они по больше, и въ Колымѣ самыя большія, такъ что къ востоку онѣ становятся больше. Имѣя притомъ въ виду, что въ Ленѣ, слѣдовательно совсѣмъ на западѣ, сельдь рѣдко показывается, Геденштремъ счелъ себя вправѣ заключить, что сельдь отправляется къ устьямъ рѣкъ съ сѣверо-востока. Врангель (Путеш. I, стр. 253) очевидно повторяетъ его слова. Дѣло о мѣстныхъ расахъ было ими ложно понято. Доказывается это тѣмъ, что по собраннымъ мною свѣдѣніямъ на Хатангѣ, слѣдовательно къ западу отъ Лены, подъ 72° с. ш., сельдь составляетъ главное средство пропитанія жителей.

[2]) Подъ 74° с. ш. въ исходѣ Сентября его еще не было въ р. Таймырѣ, хотя ледяная кора давно уже установилась. Только нѣсколько передовыхъ пловцевъ (врядъ ли осѣдлыя рыбы?) показалось вмѣстѣ съ главною массою муксуна. Въ Енисеѣ подъ 68° с. ш. (Носовское) послѣдніе сиги тянутся еще до конца Ноября. Но это и послѣднія странствующія рыбы. Позднѣе они тамъ и не ловятся.

широтою, потому что во время прохода этихъ двухъ видовъ, скупщики (Карасинцы), опасаясь ледохода, уже успѣли уѣхать, а потому означенными рыбами могутъ пользоваться поселенцы только для собственнаго потребленія. На 6 градусовъ широты вверхъ по рѣкѣ (Алинское) омуль появляется среднимъ числомъ 1-го Октября, и не рѣдко избавляется отъ ловли, потому что въ то время уже идетъ ледъ. По-этому плывущіе вверхъ омули вѣроятно встрѣчаются съ плывущими внизъ сигами приблизительно подъ 67° — 68° с. ш. Интересно было бы развѣдать мѣста, гдѣ эти виды рыбъ сходятся съ противоположныхъ сторонъ.

Хотя порядокъ, въ которомъ различные виды рыбъ слѣдуютъ другъ за другомъ при своихъ передвиженіяхъ, довольно опредѣленъ[1], но все-таки они плывутъ одни за другими то сплошь, то съ промежутками, которые измѣняются, смотря по разстоянію даннаго мѣста отъ устья рѣки, потому что тутъ рыбы остаются то дольше, то меньше. Напр. у Обдорска, слѣдовательно близъ самаго устья Оби, муксунъ появляется, говорятъ, только нѣсколькими днями, едва-ли недѣлею, позднѣе, чѣмъ вимба и нельма. На $2\frac{1}{2}$ градуса широты сѣвернѣе, у Березова, муксунъ является уже цѣлымъ мѣсяцемъ позднѣе двухъ другихъ вышеозначенныхъ видовъ лоховъ, потому что послѣдніе безостановочно тянутся дальше, а муксунъ остается съ мѣсяцъ у Обдорска, и затѣмъ уже быстро плыветъ вверхъ по рѣкѣ.

Каждый видъ тянется двѣ или нѣсколько недѣль сряду; ближе къ морю меньше. Вслѣдствіе разныхъ препятствій, которыя онѣ встрѣчаютъ въ рѣкахъ, отдѣльныя части, изъ которыхъ состоитъ каждый кочующій отрядъ, измѣняютъ своему первоначальному порядку. При р. Хатангѣ меня увѣряли, что сельдь никогда не кочуетъ днемъ, а только ночью. Слѣдовательно менѣе разборчивыя кочевыя рыбы вѣроятно обгоняютъ его.

Различному времени кочеванія соотвѣтствуетъ въ одинаковой степени различное время метанія икры. Послѣднее и на глубокомъ сѣверѣ приходится въ самыя различныя времена года и у лоховъ вообще распредѣлено весьма неравно. Въ Таймырскомъ краѣ встрѣчались лоха, метавшіе икру въ Сентябрѣ и Октябрѣ, но встрѣчались и такіе, которые метали ее уже въ Іюнѣ и Іюлѣ[2]).

---

[1]) Такъ вверхъ по р. Уралу тянутся, какъ извѣстно, сначала бѣлорыбица (въ Февралѣ), потомъ бѣлуги (въ Мартѣ), за тѣмъ осетры и стерляди (въ Апрѣлѣ), а въ концѣ Апрѣля севрюги (Pallas, Reise, I, стр. 284). — Такъ у Охотска появляются сперва мальма (S. callaris) и кунджа (S. leucomaenis) въ Маѣ, потомъ корюшка и сельдь въ Іюнѣ и наконецъ кета (lagocephal.) и нерка (S. lycadon) въ Іюлѣ (Сарычевъ, Путеш. I, стр. 43). И во время моего пребыванія на южномъ берегу Охотскаго моря, мальма вмѣстѣ съ джукчей прошла тамъ задолго до кеты.—Эти два вида лоховъ на берегахъ Берингова рукава постоянно послѣдніе; на восточныхъ его берегахъ имъ непосредственно предшествуетъ то чавыча (S. orientalis), то, гдѣ ея нѣтъ, горбуша (S. proteus). См. Загоскина, Пѣшеход. Опись, II, стр. 104; I, стр. 26, При устьѣ Оби сначала плыветъ сырокъ (S. wimba); за нимъ слѣдуетъ нельма (S. leucichtys), а потомъ уже муксунъ и осетръ (Сибирск. Вѣстн. II, стр. 305).

[2]) Подъ 74° с. ш. Самоѣды ловили въ озерахъ Таймырскаго края, въ концѣ Августа и въ началѣ Сентября, кунджу, пелетовъ и сиговъ, наполненныхъ въ то время крупно-зернистой, легко сходившей икрой. Въ концѣ Сентября чиры и муксуны въ р. Таймырѣ собирались метать икру, такъ что она отдѣлялась въ то время, когда рыбъ вынимали изъ сѣтей. Тамъ-же харіусы метали икру въ двѣ послѣднія недѣли Іюня, когда въ

Продолжительность метанія икры столь-же значительна и иногда, кажется, нарушаетъ законный послѣдовательный порядокъ кочеванія рыбы. Корюшка кута остается въ р. Уди едва-ли болѣе двухъ недѣль и за тѣмъ, окончивъ метаніе, немедленно возвращается въ море. У лоха кеты же это дѣло длится до самой глубокой осени. Еще на второй недѣлѣ Октября мы поймали въ р. Немиленѣ (въ Хамбыканѣ) не мало лоховъ кеты, наполненныхъ икрой, такъ что въ каждый день наша похлебка приправлялась икрою. Не смотря на то, уже цѣлый мѣсяцъ ранѣе воздухъ былъ зараженъ гніющей кетой[1]), и я нашелъ, что въ тоже самое время промежутки между валунами (въ кулакъ и въ голову величиною), устилавшими дно горныхъ ручьевъ, были наполнены кучами кетиной икры, имѣвшей величину горошинокъ. По словамъ Тунгусовъ, эта икра лежитъ тамъ цѣлую зиму и развивается на столько, что Тунгусы умѣли вѣрно указывать двѣ темныя глазныя точки. Вмѣстѣ съ ледянымъ покровомъ, говорятъ, вода уноситъ въ море и едва вылупившуюся рыбку.

Мнѣ привелось быть свидѣтелемъ, какъ лоха стали опять спускаться внизъ по рѣкамъ, прежде нежели успѣли выпустить икру. Въ нашихъ «пущальняхъ» въ р. Таймырѣ, въ Іюнѣ и Іюлѣ, ловились лоха, у которыхъ головы были обращены противъ теченія. Въ концѣ же Сентября у всѣхъ пойманныхъ муксуновъ головы были обращены внизъ по теченію, хотя, какъ мы замѣтили, икра ихъ только-что начала сходить. Морозъ ли застигъ ихъ, или любовный пылъ ихъ остылъ преждевременно?

Какъ птицы, такъ и бо́льшая часть лоховъ кочуютъ, такъсказать, порывами, нѣсколькими, слѣдующими другъ за другомъ отрядами. Впереди каждаго изъ этихъ отрядовъ, плыветъ, говорятъ, нѣсколько отдѣльныхъ рыбъ того-же вида, за два и даже за нѣсколько дней раньше остальныхъ. Заслуги этихъ предвѣстниковъ съ благодарностью признаются рыбаками.

На основаніи наблюденій, находящихся въ нашемъ распоряженіи, мы едва-ли имѣемъ право вывести заключеніе о быстротѣ, съ которою Сибирскія рыбы совершаютъ свои странствованія. По-видимому она весьма различна: ближе къ устью она очень незначительна. Среднимъ числомъ она, можетъ быть, подходитъ къ средней быстротѣ перелета птицъ, т. е. составляетъ около 2 до 3 географическихъ миль въ день[2]).

чирахъ и сигахъ икра была лишь небольше проса. Въ Пясинѣ подъ 70° с. ш. харіусы, говорятъ, мечутъ икру около половины Іюля. Въ южной же Франціи они мечутъ икру уже въ Мартѣ. Совершенно иначе мечутъ икру разные виды карповъ, окуни и щуки въ Лифляндіи. Всѣ они мечутъ въ Маѣ и даже самые поздніе, лещи, въ Іюнѣ.

[1]) Еще въ Октябрѣ мы въ числѣ преобладавшихъ зубастыхъ самцевъ поймали нѣсколько штукъ кеты, челюсти которой съ виду мало измѣнились. Почти три мѣсяца ранѣе (16-го Іюля) мы поймали въ морѣ точно такихъ-же рыбъ. Горбуша зашла въ рѣки раньше кеты. Мѣсяцемъ позже (23 Іюля) я видѣлъ горбушу, у которой еще не было горба. Не была-ли эта помоложе рыба? Дѣйствительно, на южномъ берегу Охотскаго моря, у Медвѣжьяго острова, мы поймали сразу 400 лоховъ мальмы, и притомъ мѣсяцомъ позже (16 Іюля), чѣмъ мальма двинулась въ рѣки для метанія икры. Я принялъ ихъ за болѣе молодыхъ рыбъ, которымъ, можетъ быть, въ слѣдующее лѣто предстояло удовольствіе въ первый разъ метать икру.

[2]) При устьѣ Колымы сельдямъ понадобилось 3 дня, чтобы проплыть 3 версты (Врангель, Путеш. I, стр. 233, примѣч.). Въ Оби сырокъ (вимба) и нельма съ

ПЕРЕЧЕНЬ ВРЕМЕНЪ ПРИПЛЫТІЯ И ОТПЛЫТІЯ.

(Сокращенія объяснены ниже на стр. 451).

Источникъ.	Мѣсто наблюденія.	Геогр. шир.	
			Salmo leucichthys.
1.	Колыма (Нижне-Кол.) .	$68\frac{1}{2}°$	**1787**, VII — X.
4[d].	Устье Квихпака (Сѣв.-З. Америка)	63	**1842**, VI, П.
M.	Лена (Якутскъ)	62	**1844**, VI, 20.
4.	Кускоквимъ (С.-З. Америка). . . . . , . .	$61\frac{1}{2}$	**1844**, IV, Н.
M.	Енисей (Осиновка)	$61\frac{1}{2}$	**1843**, VIII, 15 — IX, 23.
9.	Устье Урала	47	**1769**, II.
			Salmo nasutus.
M.	Рѣка Таймыръ	74°	**1843**, VI, 18.
M.	Хатанга	72	**1843**, VII, 8.
M.	Енисей (Дудино)	$69\frac{1}{2}$	**1843**, VI, К.
			Salmo Muksun.
M.	Хатанга	72°	**1843**, VII, П.
7.	Яна (Устьянскъ).	71	**1822**, VIII, К — IX, Н.
M.	Енисей (Дудино)	$69\frac{1}{2}$	**1843**, VI, К.
1.	Колыма	$68\frac{1}{2}$	**1787**, IX.
M.	Енисей (Мироѣдинское) .	$65\frac{1}{2}$	**1843**, VIII, К. — IX, Н.
M.	Лена (Якутскъ)	62	**1844**, IX, 1.
M.	Енисей (Осиновка)	$61\frac{1}{2}$	**1843**, IX, 14.
4.	Кускоквимъ (С.-З. Америка).	$61\frac{1}{2}$	**1844**, II, К.
			Salmo albula (сельдь).
M.	Хатанга	72	**1843**, V, Н — VI, 24.

осетромъ въ двѣ недѣли добираются изъ Обдорска до Березова. Это составляетъ $2\frac{1}{2}$ град. широты, равняющіеся 40 милямъ сухопутья; слѣдовательно, они ежедневно проплываютъ до 3 геогр. миль. Омуль въ концѣ Октября прибываетъ въ Верхнеудинскъ, поднимаясь вверхъ по Селенгѣ. Слѣдовательно на 12 геогр. миль ему нужно около 6 дней, что составляетъ по 2 геогр. мили въ день.

Источникъ.	Мѣсто наблюденія.	Геогр. шир.	
M.	Боганида (Кор. Филиповское)	71°	**1843**, IV, 14.
1; 6.	Колыма	68½	**1787**, IX, H. (плывя вверхъ!)
4[d].	Нортоновъ заливъ (Редутъ Михаилъ)	63½	**1842**, IV, K.
5[b].	Охотскъ	59½	**1786**, V, П.
1[a].	Камчатка (Авача)	53	**1793**, IV, K — VI, (VI, 7, меча икру).
			Salmo sicus.
M.	Рѣка Таймыръ	74°	**1843**, VI, 14 (вскрытіе рѣки).
M.	Енисей (Дудино)	69½	**1843**, VI, 14 — VI, K.
1.	Колыма	68½	**1787** до XI.
			Salmo lavaretus (сигъ морской).
4.	Кускоквимъ (С.-З. Америка)	61½°	**1844**, II, K.
			Salmo Omul.
M.	Рѣка Таймыръ	74°	**1843**, VI, 18.
M.	Енисей (Дудино)	69½	**1843**, IX, H.
1.	Колыма	68½	**1787**, XI.
M.	Енисей (Ниж. Тунгуска)	65¾	**1843**, IX, 14 — XI.
M.	Енисей	63½	**1843**, X, 1.
M.	Лена	62	**1844**, VIII, 15.
M.	Енисей (Осиновка)	61½	**1843**, X, I.
8; 8[a].	Забайкалье (Баргузинскъ)	53½	**1772**, VIII, 14; VIII, 26. **1864**, VIII, 31 до IX, 29. **1865**, VIII, 7 — IX, 7. **1866**, VIII, 18. **1867**, VIII, 20. **1868**, VIII, 24 — IX, 20. **1869**, VIII, 20 — IX, 21. **1870**, VIII, 24. **1871**, VIII, 17 — IX, 23. **1872**, VIII, 14.
6.	Устье Ангары при выходѣ изъ Байкала	51½	**1855**, VIII, 28 — IX, 8.
			Salmo eperlano-marinus.
5	Охотскъ	59½	**1786**, V, П.

Источникъ.	Мѣсто наблюденія.	Геогр. шир.	
7.	Камчатка, зап. берегъ. .	55°	**1847**, V, 10.
М.	Устье Уди	$54\frac{1}{2}$	**1830**, V, 18, вверхъ; VI, 5, внизъ. **1844**, IV, 16.
7ᵃ.	Камчатка (Авача)	53	**1793**, IV, К. **1848**, V, 7,
			Salmo leucomaenis (голецъ).
	Новая Земля (Нехватова)	$71\frac{1}{2}$	**1840**, VIII, 1 — 15.
5ᵇ.	Охотскъ.	$59\frac{1}{2}$	**1786**, V, Н.
			Salmo callaris (мальма).
2.	Гижигинскъ (Охот. море)	63	[1]) **1787**, VI, П.
5ᵇ;10.	Охотскъ.	$59\frac{1}{2}$	**1786**, V, Н. **1852**, V, 10 — V, 21.
10.	Камчатка (Еловка)	57	**1787**, не ранѣе VIII, 3.
			Salmo lagocephalus (кета).
4ᵃ.	Квихпакъ, въ самыхъ верховьяхъ.	$64\frac{3}{4}$	**1843**, VI, 21.
2.	Гижигинскъ (Охот. море)	63	**1852**, VI, К. до X.
4.	Кускоквимъ	$61\frac{1}{2}$	**1844**, VI, П.
5ᵇ.	Охотскъ.	$59\frac{1}{2}$	**1786**, VI, К. и VII, Н.
10.	Камчатка (Еловка)	57	не позже IX, 8 до IX, 13, плывя вверхъ въ р. Камчатку.
М.	Охотское море, южн. берегъ	54	**1844**, VII, 9.
5ᵃ.	Уналашка.	54	**1792**, VI.
			Salmo lycaodon (неэрка).
4.	Кускоквимъ (С.-З. Америка)	$61\frac{1}{2}$	**1844**, VI, П.
5ᵇ.	Охотскъ.	$59\frac{1}{2}$	**1786**, VII, Н.
			Salmo orientalis (чавыча).
4ᵃ.	Кускоквимъ (С.-З. Америка).	$62\frac{3}{4}$	**1844**, VI, 10 — 15.
4.	Кускоквимъ	$61\frac{1}{2}$	**1844**, VI, 7 (VI, П. среднимъ числомъ).

[1]) Въ рукописномъ дневникѣ Редовскаго я нахожу замѣтку, что мальма осенью, говорятъ, плыветъ вверхъ по р. Ижигѣ, зимуетъ въ ней и потомъ весною возвращается въ море.

*

Источ-никъ.	Мѣсто наблюденія.	Геогр. шир.	**Salmo proteus** (горбуша).
	Гижига (Охотск. море) .	64°	**1844**, тотчасъ по вскрытіи льда.
4.	Кускоквимъ	61½	**1844**, II, К.
	Устье р. Уди.	54½	**1844**, VI, 22.
5ª.	Уналашка.	54	**1792**, V, Н.
			Petromyzon camtschaticus.
4ª.	Квихпакъ (С.-З. Америка)	61¾	**1844**, XI, 5.
			Lota vulgaris.
M.	Рѣка Таймыръ.	74	**1843**, VII, 1.
M.	Енисей (Сумароково). . .	61½	**1844**, II, 16 (плыли еще вверхъ).
	Кускоквимъ	61½	**1844**, XII, Н. до I, К.
			Acipenser.
1.	Колыма	68½	**1787**, VII — X.
			Acipenser ruthenus.
	[1]) Енисей (Дудино). . . .	69½	VIII, 25 (возвращаясь, внизъ по рѣкѣ).
			Delphinus leucas.
4.	Устье Енисея (Лед. море)	72¾	**1738**, VIII, 16.
2.	Новая Земля	71	**1833**, VI, 24.
1.	Нортоновъ заливъ	61½	**1843**, VII, Н.
M.	Охот. море, южн. бер. .	54½	**1844**, VII, 1 — VII, 15.
			Otaria ursina (котики[2]).
	Беринг. море, о. Св. Павла	57	IV, 18 — 23 (всегда около 20-го). До Іюля, П. самки X, 5 при сѣв. и сѣв.-зап. вѣтрахъ.
3.	Беринговъ островъ	55	**17**?? IV, 19 прибываютъ.
	Алеутскіе острова	52	X, К. уплыли.
			(Сивучъ).
3.		55	**17**?? V, А. прибываетъ.

[1]) Кривошапкинъ, I. стр. 162.

[2]) Прежнее мнѣніе, что Котики меридіанныя животныя, справедливо, кажется, опровергается въ новѣйшее время (см. Zoological record, 1868, стр. 19. Ср. также стр. 61, 99–100, 257 этой части моего Сиб. путеш.).

Объясненіе сокращеній, употребленныхъ въ вышеприведенныхъ таблицахъ.

Въ первомъ столбцѣ значатъ: 1. Загоскина, Пѣшеходная опись, I, стр. 53. — 2. Зап. Гидрографическаго Департамента, I, стр. 122. — 3. Палласа Neue Nordische Beiträge, VI, стр. 19; стр. 288. — 4. Дневникъ Минина; рукопись. — 6. Радде, статья въ Beiträge zur Kenntniss des Russ. Reichs, p. 310. — 7. Рукописное сообщеніе Вознесенскаго. — М. служитъ для обозначенія наблюденій, лично мною произведенныхъ или разысканныхъ.

Въ послѣднемъ столбцѣ Н. значитъ начало, П. половина, а К. конецъ мѣсяца.

Дополненія.

Условія, при которыхъ я живу уже нѣсколько лѣтъ сряду, повели къ большимъ замедленіямъ въ изданіи выпусковъ предлежащаго Путешествія. Они даже лишаютъ меня возможности слѣдить за зоологической литературой. Свободное время мое раздроблено, библіотекъ у меня нѣтъ подъ рукою; наконецъ подступило и бремя прожитыхъ лѣтъ. Нѣсколько изслѣдованій, написанныхъ въ это время по разнымъ случаямъ, показываютъ, куда отвлекли меня обстоятельства. Я посѣтилъ тропики, изучалъ морскія теченія въ Ледовитомъ океанѣ между Новой Землей и Исландіей[1]), изслѣдовалъ Барабинскую степь, внутри Сибири[2]), производилъ практическія наблюденія и въ особенности опыты скрещиванія рогатаго скота и лошадей[3]) и т. п. Съ тѣхъ поръ, какъ продолжительная горловая болѣзнь, которую мнѣ наконецъ-таки удалось одолѣть, заставила меня сперва сложить съ себя должность секретаря при Академіи Наукъ, а потомъ окончательно выдти въ отставку, съ тѣхъ поръ я сдѣлался практическимъ сельскимъ хозяиномъ.

Глядя на отпечатанные уже годъ тому назадъ листы этого выпуска, представленные мною Вѣнскому сельско-хозяйственному съѣзду въ 1873 году, съ цѣлью обратить вниманіе на необходимость оказать покровительство птицамъ, я еще больше сознаю всю трудность рѣшенія затронутыхъ мною вопросовъ.

Пересматривая эти листы, со включеніемъ предшествующаго выпуска, въ которомъ

---

[1]) Гольфштромъ къ востоку отъ Нордкапа, 1870; см. Mél. phys. et chim. de l'Acad. de St.-Pétersb. T. VIII и Зап. Акад. Наукъ, т. ?

[2]) Бараба въ Mém. de l'Acad. de St.Pétersb. VII, T. XIV, № 9 и Зап. Акад. Наукъ, т. XIX, прилож. № 2.

[3]) По вопросу объ опредѣленіи чистопородности Орловской лошади. Журн. Коннозаводства, 1865, № VIII, стр. 106. — Замѣтки по поводу статей объ улучшеніи русск. скотоводства, Землед. Газета, 1868, № 9. — О способахъ улучшенія нашего скотоводства, Журн. Сельское Хозяйство и Лѣсоводство, 1872. — Das Landesgestüt der Livländischen Ritterschaft zu Togel, 1872. Mittheil. der Kais. Livl. Oekonom. Societät, № 3. — Вѣнская международная выставка лошадей, 1874. Журн. Коннозав. 1874, № 1. — Отзывъ объ отчетѣ г. Бландова по изслѣдованію Ярославскаго крупнаго скота. Труды Импер. Вольн. Эконом. Общ. 1874, I, 1.

говорится о Сибирской фаунѣ, я считаю теперь нужнымъ присоединить къ нимъ слѣдующія дополненія, къ которымъ иные, можетъ быть, добавятъ еще много другихъ свѣдѣній.

См. стр. 1-ую и слѣд. Любитель охоты, какого я предполагалъ, и притомъ одинъ изъ самыхъ ретивыхъ, какіе когда-либо существовали на свѣтѣ, нашелся. Я разумѣю г. Пржевальскаго. Но, перешагнувъ чрезъ безотрадно скудную пустыню, о которой я говорилъ, посредствомъ быстраго перехода примѣрно въ $1\frac{1}{2}$ тысячи геогр. миль, онъ занялся осмотромъ прибрежій Великаго океана, на южной границѣ русскихъ владѣній, странъ, прилегающихъ къ Кореѣ, и мѣстностей въ верховьяхъ Уссури[1]). Уже въ тамошнихъ безлюдныхъ пустыняхъ, лежащихъ между $42\frac{1}{2}$ и 45° с. ш., встрѣчается необыкновенное изобиліе животныхъ, не смотря на довольно неблагопріятныя, какъ извѣстно, климатическія условія и на опустѣніе края во время зимы.

Такое богатство первобытной природы въ упомянутой области мы готовы бы были приписать главнымъ образомъ удвоенію силъ ея вслѣдствіе страннаго смѣшенія южныхъ, даже тропическихъ формъ съ кругоборейскими, если бы словесныя сообщенія отважнаго путника, недавно возвратившагося изъ своего втораго путешествія, не удостовѣрили насъ, что на южной окраинѣ плоской средне-азіатской возвышенности, встрѣчается такое-же безчисленное множество четвероногихъ животныхъ, какъ и во внутреннихъ частяхъ Африки. При всемъ томъ эти широты, приближающіяся въ экватору едва до 35-го градуса, не въ состояніи однакоже произвести такихъ исполинскихъ животныхъ, поразительную смѣсь которыхъ встрѣтилъ напр. Андерсонъ.

Во всякомъ случаѣ Рютимейеръ имѣлъ полное право сдѣлать остроумное замѣчаніе (Herkunft unserer Thierwelt, 1867, p. 41), что «животныя южнаго ската Азіи въ совокупности носятъ на себѣ отпечатокъ болѣе древняго происхожденія, чѣмъ Сибирскія «животныя. Въ Индіи еще доселѣ существуютъ нѣкоторые міоценовые роды, которые «по ту сторону Гималая — выражаясь словами сибирскихъ и китайскихъ сказаній о мамонтахъ и носорогахъ — живутъ еще только подъ землею». Еще болѣе это можетъ относиться къ Африкѣ.

См. стр. 2-ую и слѣд. Гомейеру угодно было (Journ. für Ornithologie, 1868) разразиться Зевсомъ-громовержцемъ надъ Сибиряками Миддендорфомъ, Шренкомъ и Радде. Очевидно онъ не замѣтилъ, что страница 12-ая уже заранѣе изобразила его. Путнику, производящему наблюденія ежедневно среди огромнаго обилія животной жизни, подъ вліяніемъ безконечно разнообразныхъ видоизмѣненій ея (срав. стр. 270, 287, 290), природа является въ совершенно иномъ видѣ, чѣмъ роющемуся въ музеѣ знатоку отдѣльныхъ чучелъ.

И тому и другому, конечно, необходимо учиться другъ у друга. Но жаль во всякомъ случаѣ, что такой орнитологъ, какъ г. фонъ Гомейеръ, въ заключеніе приходитъ къ тому, что увѣковѣчиваетъ себя слѣдующимъ нефизіологическимъ заключеніемъ: измѣре-

---

[1]) Пржевальскаго, Путешествіе въ Уссурійскомъ краѣ, 1870.

нію придается слишкомъ много вѣсу. Гораздо важнѣе и постояннѣе всѣхъ мѣръ оказывается цвѣтъ животнаго.

По этому намъ тремъ Сибирякамъ нетрудно утѣшиться на счетъ неправильнаго замѣчанія г. ф. Гомейера, будто бы мы не обратили вниманія на незначительныя уклоненія въ цвѣтѣ птичьихъ нарядовъ. Мы расходимся съ нимъ лишь въ мнѣніяхъ относительно предѣловъ видоваго понятія; онъ могъ упрекнуть насъ развѣ только въ непомѣрной боязни окрещиванія. Accentor erythropygus въ видовомъ отношеніи, можетъ быть, отличается отъ Acc. alpinus, а можетъ быть и долженъ только считаться его разновидностью; это разсудитъ будущность нашей науки. Но я уже теперь не могу скрыть улыбки при видѣ того, какъ г. фонъ Гомейеръ съ такою положительною, ультрамонтанскою увѣренностью трубитъ на весь міръ, что болѣе красный цвѣтъ зада несомнѣнно служитъ доказательствомъ самостоятельности вида. Это мнѣ чрезвычайно живо напоминаетъ тѣхъ, которые серьезно увѣряютъ, что феодалы отличаются отъ другихъ людей болѣе мрачнымъ темнымъ цвѣтомъ той-же части тѣла.

Г. ф. Гомейеръ можетъ причислить себя къ тѣмъ пророкамъ, о которыхъ я говорилъ выше (стр. 12). Отъ души, какъ уже тамъ сказано, поздравляю его съ этимъ саномъ.

Въ систематикѣ цѣль окрещиванія именами можетъ заключаться лишь въ желаніи не только вѣрнымъ, но и удобопонятнымъ, облегчающимъ память и кругозоръ способомъ помочь намъ оріентироваться среди пестроты безконечнаго разнообразія органическихъ формъ. Но достигается ли эта цѣль разумно посредствомъ всѣхъ тѣхъ поименныхъ дробленій родовъ и видовъ, къ которымъ такъ любятъ прибѣгать зоологическіе перекрещенцы? Мнѣ кажется, что исторія систематической синонимики минувшихъ временъ надѣлила насъ такой грудой названій, которая невольно заставляетъ насъ опасаться дальнѣйшаго непомѣрнаго размноженія ихъ. Новѣйшее развитіе палеонтологическихъ взглядовъ на происхожденіе нынѣ существующихъ видовъ изъ формъ незадолго предшествовавшей имъ эпохи образованія нашей земли въ настоящее время совершенно отвергаетъ всякое мелочное видовое дѣленіе. Нельзя болѣе отвергать предположеніе, что передъ нами нерѣдко являются отчасти разные возникающіе виды, отчасти сливающіяся разновидности, да и не Дарвинъ впервые высказалъ эту догадку. Вопросъ о томъ, на сколько замѣняющія другъ друга формы должны или не должны быть объясняемы на основаніи такого предположенія, относится къ трудным задачамъ географической зоологіи, которыя большею частію должна еще разрѣшить будущность.

Само собою, конечно, разумѣется, что однимъ изъ главныхъ условій происхожденія замѣняющихъ видовъ должно считать продолжительное разъединеніе съ родовымъ видомъ, въ положеніи отдѣльной колоніи.

См. стр. 54: Предѣлы распространенія упомянутой тамъ пестрой смѣси глубоко-сѣверныхъ и южныхъ, даже тропическихъ формъ раздвигаются еще болѣе, благодаря новѣйшимъ изслѣдованіямъ Пржевальскаго, доказавшаго (см. вышеприв. соч. стр. 262, примѣч.), что экваторіальный предѣлъ лося и мускуснаго животнаго при истокахъ Ус-

сури простирается на 3 градуса широты южнѣе, чѣмъ Радде показалъ его на своей картѣ; слѣдовательно до 43° с. ш.

См. стр. 89 и 205: Мое толкованіе подтверждается тѣмъ, что волкъ избѣгаетъ какъ альпійскія возвышенности Кавказа (Radde, Biologisch-geographische Untersuchungen, 1866, стр. 112), такъ и обильную снѣгомъ область рѣки Уссури. (По Пржевальскому, тамъ-же, стр. 251).

См. стр. 116: Тогда какъ въ Скандинавіи воробью удалось расширить свое царство только на одинъ градусъ широты (отъ 67° до 68° с. ш., по Валленгрену, Naumannia 1855, стр. 437), въ теченіе четверти вѣка послѣ моего пребыванія на Енисеѣ, тамошній воробей подвинулся отъ 61° почти до 66° с. ш. (Туруханска) и послѣдовалъ тамъ за человѣкомъ далѣе полярнаго предѣла земледѣлія (Третьяковъ въ Зап. Имп. Русск. Геогр. Общ. за 1869 годъ, стр. 313). Онъ пользуется защитою и искусственною теплотою человѣческихъ жилищъ. Будущимъ изслѣдователямъ предлагаю искать въ Сибири рѣшенія вопроса, предложеннаго Глогеромъ. Такъ какъ воробей проникъ въ Германію очевидно изъ Италіи, то это явно была Fr. cisalpina или hispaniolensis или rufidorsalis; а насъ увѣряютъ, что воробей, выдвинувшійся въ Сибири съ распространеніемъ культуры, Passer Pallasii Bonap., особый видъ, отличавшійся уже въ древности отъ вышеупомятаго воробья (см. Journ. für Ornithol. 1862, стр. 261). Это требуетъ ближайшаго изслѣдованія.

Мыши и тараканы со времени моего пребыванія также подвинулись впередъ (Schmidt, Mél. biologiques, VI, 3, 1868, стр. 655).

Даже перепелъ, говорятъ, долетаетъ въ видѣ исключенія, до Туруханска (по Третьякову, въ тѣхъ-же записк.). Если это извѣстіе подтвердится, то оно будетъ служить дополненіемъ къ стр. 120.

См. стр. 124: Г. Пржевальскій подтверждаетъ, что уже въ самыхъ отдаленныхъ дебряхъ Уссури ласточка оказывается тщательно оберегаемой сожительницей встрѣчаемыхъ мѣстами китайскихъ земледѣльческихъ поселеній.

Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ изданія «Sea-bird Act», обыкновенно столь пугливыя птицы уже сдѣлались чрезвычайно смирными. Онѣ преспокойно оставались на мѣстѣ и подпускали наблюдавшаго за мѣстами высиживанія ими яицъ на нѣсколько футовъ. Вскорѣ онѣ стали также вить гнѣзда свои на большемъ пространствѣ (Report of the 40 meeting of the British Association for the advancement of science, 1871, p. 14).

См. стр. 245: Относительно истребленія Otis tarda въ Англіи срав. Report of the 38 Meeting of the British-Association of Advancement of science, 1869, стр. 111.

См. стр. 247, прим. 5: Ньютонъ присоединилъ къ своимъ выводамъ карту (Ibis, 1864, стр. 185). Новѣйшую литературу по этому предмету принялъ въ соображеніе Дросте (Bericht über die Vers. der deutsch. Ornithol. Ges. 1871, стр. 76). Syrrhaptes встрѣчался не только въ Италіи (Zoolog. Garten, 1864, стр. 346; Zoolog. Record, 1868,

p. 102), но и появился въ 1863 году около Баіонны и Бордò (Zoolog. Garten, 1864, p. 172), равно какъ и въ Швейцаріи (Bullet. de la Soc. Ornithol. suisse, I, 1865. p. 111).

Въ Лифляндіи, о которой я упомянулъ, онъ явился близь гор. Валька. Другіе изъ большой вереницы были убиты весною около Риги (Correspondenzblatt des Naturf. Vereins zu Riga. 1864, p. 52).

Если самымъ сѣвернымъ пунктомъ появленія этихъ птицъ сначала считали О. Готландъ (Journ. f. Ornithol. 1869, p. 256), а потомъ 62-й градусъ широты въ Норвегіи (тамъ-же, стр. 393), то мнѣ все-таки еще удалось присоединить къ длинному списку 65-ый градусъ широты, при устьѣ Сѣв. Двины, близь Архангельска (Bericht über die 19. Versamml. der deutsch. Ornithologen-Gesellsch., 1872, p. 65). У Фишера (Journ. f. Ornithol. 1872, p. 389) сказано: Syrrh. paradoxa (около Петербурга) встрѣчается «не ежегодно въ большомъ количествѣ». — Это похоже на мистификацію.

См. стр. 261, прим. 1: Высказанное тамъ сомнѣніе теперь устранено. Aegoceros montanus Desm. простирается къ западу до Енисея (срав. F. Schmidt, Mammuthcadaver, 1872, стр. 40). Недавно мы узнали, что это горное животное часто встрѣчается на Анюѣ и даже у Ледовитаго Океана (Изв. Сиб. Отд. И. Р. Геогр. Общ. 1871, I, стр. 19).

См. стр. 262: Обращаю вниманіе на то, что необходимо еще узнать, встрѣчается-ли на Омолонѣ Tetr. urogalloides или T. falcipennis. На одну изъ этихъ двухъ птицъ указываетъ названіе «Омолонская тетеря», о которой говоритъ Аргентовъ (Акклим. 1861, II, стр. 494).

См. стр. 266: Съ тѣхъ поръ Arv. rutilus неоднократно встрѣчался въ болѣе западныхъ частяхъ Средней Европы.

См. стр. 270: Mustela sarmatica водится также въ Малой Азіи.

См. стр. 278: Барабинская степь также подтверждаетъ правильность предположенія, что безлѣсье удержало бѣлокъ отъ перехода въ Камчатку и въ Крымъ. Въ Барабу по временамъ заходятъ сѣв. олени, лоси и медвѣди, но не являются ни бѣлки, ни соболи.

Не по той-ли самой причинѣ и сорока не встрѣчается на южномъ берегу Крыма? (Шатиловъ въ Bullet. de Moscou, 1860, стр. 503).

См. стр. 289: Слѣдовательно каждая область фауны должна отличаться такими животными формами, которыя составляютъ ея исключительную особенность и не встрѣчаются въ другой области.

Изъ сказаннаго (см. также стр. 140 и слѣд.) явствуетъ, что я не могу согласиться съ академикомъ Брандтомъ, пришедшимъ въ своихъ доводахъ къ тому заключенію, что сѣв. олень «полуполярное животное» (Unters. über die Verbreitung des Tigers, 1856, p. 34).

Для меня очень утѣшительно, что Гёксли, въ противоположность Склатеру, признаетъ «сѣверную кругополярную область» сверхъ новоарктической и древнеарктической области (Zoolog. Record. 1868, p. 35).

См. стр. 294: Въ Киргизской степи удоды часто встрѣчаются на кладбищахъ. Въ то время, когда этимъ краемъ завладѣли Русскіе, удоды позволяли брать себя въ руки и

даже спокойно оставались на мѣстѣ, когда ихъ сажали на луку сѣдла (Венюковъ, стр. 135).

См. стр. 310: Слово маръ совершенно неожиданно встрѣчается намъ также на Эйфелѣ, въ видѣ кратерныхъ озеръ Pulver-Mar, Schalkenmehrer-Mar, Weinfelder-Mar, Gemündener-Mar, Meerfelder-Mar, Dauner-Mare.

См. стр. 313: Снѣжную слѣпоту значительно усиливаетъ нестерпимый дымъ въ шалашахъ, а при противномъ вѣтрѣ болѣзнь увеличивается отъ бьющихъ въ глаза ледяныхъ иголочекъ. Въ дневникахъ нашихъ сѣверныхъ геодезистовъ: Стерлегова, Чекина, Лаптева, Моисеева (Зап. Гидрогр. Деп. III, стр. 84, 88; IX, стр. 287, 307 и др.) безчисленное множество разъ говорится, въ одинаковомъ тонѣ, о необходимости вернуться, вслѣдствіе снѣжной слѣпоты.

Такъ какъ кожа на лицѣ воспаляется точно также, какъ при солнечномъ ударѣ, и ухудшаетъ гнойное воспалительное состояніе глазъ, то неоднократно прибѣгали къ вуалямъ, но они слишкомъ затрудняютъ свободу дѣйствій при настоятельной необходимости зрѣнія во время странствованій. Кисея, вдѣланная въ очковую оправу, нравилась мнѣ въ этомъ отношеніи болѣе, а именно она лучше узкой прорѣхи кочевниковъ, слишкомъ мѣшающей смотрѣть вокругъ себя.

Что касается клеевыхъ листковъ или желатиновыхъ пластинокъ, которыя предлагаютъ въ видѣ масокъ (Dingler, Polyt. Journ. 1855, April, p. 160), то необходимо было бы испробовать на дѣлѣ, въ состояніи ли онѣ удовлетворить предположенной цѣли. Нѣтъ сомнѣнія, что горю можно бы было помочь, если бы сдѣлать его предметомъ спеціальнаго, основаннаго на опытахъ, изслѣдованія. Посредствомъ извѣстныхъ цвѣтныхъ стеколъ вѣроятно удалось бы облегчить способность видѣть при поражающихъ зрѣніе сѣверныхъ туманахъ (ср. Фрорипа, Tagesberichte über die Fortschritte der Natur- u. Heilkunde, 1850, № 180, p. 128).

При первомъ появленіи воспаленія хорошо дѣйствуетъ постоянное прикладываніе снѣга. Впослѣдствіи доставляютъ облегченіе тинктура опіума и Гулярдова вода.

Упряжныхъ собакъ снѣжная слѣпота, говорятъ, иногда поражаетъ такъ-же сильно, какъ и человѣка.

См. стр. 315 и слѣд., особенно же стр. 320: Что по части развитія тепла въ животныхъ нельзя принимать за исходную точку преимущественно физическо-химическіе процессы, въ этомъ мы можемъ убѣждаться ежедневно. Вслѣдствіе безпрерывнаго вліянія стужи, организмъ пріобрѣтаетъ способность развивать все болѣе и болѣе собственнаго тепла. Такимъ-же образомъ онъ лишается этой способности при продолжительномъ дѣйствіи тепла, и потому-то значительные градусы холода, внезапно наступающіе иногда лѣтомъ и осенью, животнымъ гораздо чувствительнѣе, чѣмъ зимою и весною. Способность развивать тепло находится въ обратномъ отношеніи ко времени года. Либермейстеръ (Deutsche Klinik, 1869, p. 40) доказалъ, что посредствомъ душей или другихъ холодныхъ прикладыванiй реактивное повышеніе тепла можетъ быть доведено до возбужде-

нія вчетверо, и даже вшесгеро большаго количества тепла сравнительно съ нормальнымъ. Къ сказанному мною на стр. 320 я считаю нужнымъ добавить еще слѣдующія приключенія и наблюденія, чтобы между прочимъ оправдать также употребленное мною въ путевыхъ донесеніяхъ выраженіе «приспособленіе для развитія тепла» (Adaptation), такъ какъ меня чрезвычайно поражало различіе въ способности тѣла къ развитію тепла.

Когда 25-го Марта 1842 года на Енисеѣ подъ 67° с. ш. (между Денежкинымъ и Карасинымъ) караванъ мой подвигался очень медленно, то я сбросилъ съ себя шапку, армякъ и галстукъ, потому что въ полдень стало сильно таять при густомъ туманѣ, подвязалъ лыжи и отправился впередъ къ ближайшей станціи. Не успѣлъ я осмотрѣться, какъ меня охватилъ рѣзкій сѣверный вѣтеръ, переобразовавшійся изъ дувшаго передъ тѣмъ южнаго вѣтра. Температура быстро понизилась до 18° и даже почти до 20° морозу. Во весь опоръ я пробѣжалъ разстояніе приблизительно въ 6 геогр. миль и не зябнулъ, когда прибылъ на мѣсто; но слишкомъ легкая нижняя одежда моя, заключавшаяся всего въ холщевыхъ штанахъ, повлекла за собою нѣкоторыя непріятныя послѣдствія, въ особенности несносный зудъ, отъ котораго я долго не могъ отдѣлаться (pernio glandis, cum oedemate praeputii) и за который меня лишь слабо вознаградили изумленіе поселенца, къ которому я примчался, и восклицаніе его: «этакого у насъ еще не бывало».

На Становомъ хребтѣ я проснулся однажды отъ собачьяго лая. Не случись этого, я преспокойно проспалъ бы долѣе, не смотря на то, что при 10 градусахъ холода моя спина ничѣмъ не была прикрыта. Я вспомнилъ при этомъ случаѣ описанія путешествій Гумбольдта и Мейена, въ которыхъ разсказывается, что они подъ тропиками чувствовали ознобъ при + 22°. Вотъ до какой степени измѣняется способность развивать тепло, равно какъ и субъективное чувство.

20-го Ноября, не смотря на — 24°,6 Р., мнѣ въ шалашѣ, передъ пылавшимъ огонькомъ, показалось такъ тепло, что я нѣсколько времени оставался въ подштанникахъ и откладывалъ надѣваніе штановъ. Перемѣна бѣлья, не смотря на тѣ градусы холода, причиняла мало затрудненій. Убѣдительна была польза отъ насыщеннаго желудка, въ особенности когда онъ былъ наполненъ теплою пищею или чаемъ въ 60° или 70° Р.; вмѣстѣ съ тѣмъ проявлялось также постоянно возраставшее расположеніе къ жирнымъ кушаньямъ и даже къ употребленію топленнаго жира.

18-го Октября, когда на дворѣ было — 11° Р., я поднесъ руку къ горѣвшему въ шалашѣ огоньку на столько, на сколько она могла вытерпѣть жаръ, и въ то время, когда пальцы жгло и подъ ногтями чувствовалась сильная боль, термометръ, прикасавшійся къ рукѣ шарикомъ, никогда не поднимался выше 25°,6 Р.

Вслѣдствіе этого я измѣрилъ температуру въ различныхъ мѣстахъ шалаша и нашелъ, сидя, какъ всегда, передъ пылавшимъ въ немъ огонькомъ,

на землѣ, у самой стѣнки шалаша, — 10°,3
у моей спины . . . . — 4°—5°

у моихъ колѣнъ. . . . . . ∓ 0°
передъ ними . . . . + 10°+15° и т. д.;

при всемъ томъ сидѣть было весьма удобно. Мы сняли шалашъ и развели огромный костеръ (галеунъ). Въ то время, когда я подносилъ руку мою къ нему на столько, что она едва была въ состояніи выдерживать жаръ, стоявшій возлѣ термометръ показывалъ + 10°,9 при наружной температурѣ въ — 21°,1. Когда я, при тѣхъ-же условіяхъ, держалъ термометръ непосредственно передъ своею голою ладонью, то онъ поднимался до 16°; когда же я одѣвалъ рукавицу, то онъ опять доходилъ до 16°. Слѣдовательно при лучистой жарѣ рука моя уже не была въ состояніи выносить нашу обыкновенную комнатную теплоту. 3-го Ноября я повторилъ эти сравнительные опыты при 11° мороза и нашелъ въ шалашѣ, хорошо обнесенномъ снѣгомъ:

возлѣ самой стѣнки шалаша, на землѣ . . — 3°,2 Р.
2′ ближе къ огню, у спины моей . . . . . — 0°,8
у моихъ колѣнъ . . . . + 5° до 11°, когда огонь раздували,
возлѣ самаго тыла руки, когда я подводилъ его къ огню, на сколько могъ выносить жаръ . . . . + 21° до 26°; немногимъ болѣе, когда я ставилъ термометръ передъ ладонью.
Когда я обтянулъ термометръ замшею тѣльнаго цвѣта, то онъ возлѣ тыла руки, поднесеннаго къ огню до невыносимой боли, показывалъ. . . . . 35°; вѣроятно вслѣдствіе накопленія тепла и устраненія холоднаго наружнаго воздуха.

См. стр. 323: Что даже самыя маленькія птицы въ состояніи переносить весьма значительные градусы мороза, это доказываютъ упомянутыя тамъ крошечныя животныя, зимующія подъ полярнымъ кругомъ. Въ этомъ отношеніи интересна замѣтка (Zoolog. Garten 1864, № 9, p. 297), что въ Регенсбургѣ даже сильвіи, которыя при раннемъ лѣтѣ прилетаютъ позднѣе всѣхъ, а потому и улетаютъ опять раньше всѣхъ, перенесли зимнюю стужу въ нетопленной комнатѣ, безъ всякихъ вредныхъ послѣдствій.

Правда, что на глубокомъ сѣверѣ, осенью, при внезапномъ наступленіи суровой погоды, попадаются замерзшія птицы. Такихъ я самъ встрѣчалъ много, такими и Ф. Шмидтъ (Mammuthcadaver p. 42) нашелъ Turd. atrigularis и T. pilaris послѣ ранней вьюги 20-го Августа, подъ 70° с. ш. Но по всей вѣроятности это все-таки хворые экземпляры и притомъ большею частью поздніе выводки, число которыхъ увеличивается по мѣрѣ приближенія къ полюсу.

См. стр. 328: Срав. интересныя изслѣдованія Радде (Reisen im Süden von Ostsibirien 1863, I, стр. 162 и слѣд.). Въ другомъ мѣстѣ (стр. 235?) онъ говоритъ, что въ Ногайской степи входъ байбачьей норы постоянно обращенъ къ югу, такъ что для оріен-

тированья при пасмурномъ небѣ, или въ темнотѣ ночи стоило только ощупывать норы, чтобы узнать страну свѣта.

См. стр. 330, прим. 1: Относительно сказаннаго необходимо было бы въ точности знать, какъ далеко простираются странствованія летучихъ мышей въ Сибири.

См. стр. 331: Радде привелось видѣть въ Забайкальѣ, что барсуки покидали свои норы уже 10-го Марта ст. стиля, хотя по утрамъ холодъ еще доходилъ до — 12° Р.

См. стр. 334: Въ упомянутомъ отношеніи мы обязаны г. Гримму (Сельское Хозяйство и Лѣсоводство, 1874, Январь, стр. 10) чрезвычайно интереснымъ извѣстіемъ о томъ, что пока стерлядь еще плыветъ вверхъ, для метанія икры, она не принимаетъ никакой пищи. Необходимо далѣе прослѣдить этотъ фактъ, чтобы узнать, составляетъ-ли онъ у рыбъ такое общее явленіе, какъ у птицъ. Если это подтвердится, то мы можемъ смѣлѣе ожидать открытія существенной основной причины этого страннаго явленія.

См. стр. 344: Уже подъ 69° с. ш. за сѣверными оленями горнаго народа Долганъ признаютъ гораздо болѣе силы (Schmidt, Mammuthcadaver, 1872, стр. 41).

См. стр. 345: Какъ въ упомянутомъ случаѣ взрослое животное бываетъ на родинѣ только мимоходомъ, такъ и настоящее мѣстопребываніе кочующихъ рыбъ часто находится на нѣсколько сотъ миль отъ ихъ мѣсторожденія, которое имъ, какъ напр. кетѣ (стр. 349) съ собратьей, удается видѣть снова лишь при самой смерти. Мы согласились считать родиною птицъ то мѣсто, гдѣ онѣ вьютъ гнѣзда, даже если онѣ проводятъ тамъ меньше времени, чѣмъ въ зимовьяхъ своихъ. Въ примѣненіи къ упомянутымъ кочующимъ рыбамъ, этотъ принципъ не имѣлъ бы смысла.

См. стр. 350: У Пржевальскаго (Путеш. 1870, стр. 98, 127) я нахожу подтвержденіе того, что кета заходитъ и въ маленькіе горные потоки Усури даже тогда, когда они не шире сажени и такъ мелки, что плавательныя перья рыбы выглядываютъ изъ воды. Когда онъ хотѣлъ разузнать время возвращенія ея, то ему сказали, что зашедшія въ рѣки рыбы всѣ погибаютъ. Въ такомъ-же точно видѣ этотъ замѣчательный фактъ мнѣ привелось видѣть на Тугурѣ и Немиленѣ.

Бокчегоръ, котораго Шмидтъ (Mammuthcadaver, p. 45) приводитъ подъ другимъ его названіемъ мучугора, ближе всего, говорятъ, похожъ на S. Polkur, и встрѣчается не только въ устьѣ Енисея и въ Таймырскомъ краѣ, но и въ озерахъ Гыдинской тундры, даже въ цѣпи Норильскихъ озеръ.

См. стр. 354: По этой части, равно какъ и по многимъ другимъ, скандинавскія наблюденія представляютъ намъ немало потаенныхъ кладовъ, такъ какъ почтенные господа приставляютъ къ этимъ кладамъ, въ видѣ цербера, трудность понимать скандинавскіе языки. Въ Notiser ur Sällskapet pro Fauna et Flora Fennica Förhandlingar, 1852, II, стр. 1, я нахожу весьма важные выводы Эрштрёма относительно странствованія лемминговъ въ Финляндіи.

Мѣстныя ограниченныя странствованія, не переходящія за горы, происходятъ, говорятъ, каждые 5, 6, и никакъ не болѣе какъ 10 лѣтъ. Большія же кочеванія, прости-

рающіяся до Ботническаго залива, бываютъ, говорятъ, лишь каждые 20 или 30 лѣтъ. Такъ

въ 1755 году они весною добрались до Карлё (извѣстный островъ въ виду Улеоборга, подъ 65° с. ш.);

въ 1798 году осенью произошло кочеваніе, какого не было въ теченіе цѣлаго столѣтія. Животныя исчезли зимою;

въ 1808, 1809 и 1810 годахъ также происходили странствованія;

въ 1827 — 1838 годахъ въ Муоніо, Торнео и на рѣкѣ Кеми были неурожаи, такъ что кочующіе звѣрки (особенно Arv. amphibius) стали размножаться лишь послѣ того;

въ 1839 и 1840 годахъ весною открылось странствованіе лемминговъ, которое наводнило прибрежныя мѣстности на 2 и на 3 мили отъ моря, внутрь страны, и разразилось такъ быстро, что крестьяне стали увѣрять, что лемминги свалились съ неба. Большею частью странствованіе происходило съ С. на Ю., но кочевали также съ С.-В. на Ю.-З. и съ С.-З. на Ю.-В. Животныя переплывали рѣки и тутъ погибали тысячами. При этомъ они распложались во время кочевки. Осенью животныя исчезли. Нѣкоторыя прозимовали въ болѣе южныхъ мѣстностяхъ.

Въ 1840 году въ Финляндіи кочевали и бѣлки.

Въ такіе годы, которые слѣдуютъ за усиленнымъ появленіемъ млекопитающихъ животныхъ, чрезвычайно размножается, говорятъ, и дичь, такъ что на финскомъ языкѣ существуетъ пословица: «впереди коготь, а позади перо».

Относительно замѣчанія моего на стр. 354 и слѣд., что странствованіе леммииговъ вѣроятно ничто иное, какъ распространеніе явленія, происходящаго въ горныхъ мѣстностяхъ въ видѣ кочеванія съ горъ и на горы, вполнѣ подтверждается данными, которыя намъ сообщаетъ Эрштрёмъ.

Замѣчательны весеннія странствованія, о которыхъ говорится два раза. Были-ли это обратныя перекочевки?

Еще замѣчательнѣе распложеніе животныхъ во время этихъ странствованій, т. е. не то, что впродолженіи путешестія являются на свѣтъ дѣтеныши, а то, что родители вѣроятно оставляютъ ихъ на произволъ судьбы, такъ какъ нахлынувшіе кочевники, всетаки опять совершенно исчезаютъ.

Во всякомъ случаѣ слѣдовало бы тщательно разсмотрѣть, дѣйствительно-ли справедлива упомянутая пословица.

См. стр. 359: Что перекочевки зайцевъ еще доселѣ положительно происходятъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Сибири, это доказывается вліяніемъ, которое они продолжаютъ оказывать на хозяйство туземцевъ. Въ пользу этого факта весьма убѣдительно говоритъ при-

водимый Третьяковымъ обращикъ обычнаго разговора въ зимней лачугѣ въ низовьяхъ Енисея: «а что ушканъ? на проходъ идетъ?»

См. стр. 360: Если мы попытаемся представить себѣ данныя, отъ которыхъ зависитъ страсть къ кочеванію, то намъ нельзя не замѣтить, что прежде всего мы должны различать внутреннія и внѣшнія условія.

Дѣло въ томъ, что животныя по своей природѣ чрезвычайно отличаются другъ отъ друга тѣмъ, что одни способны подчиняться самымъ разнообразнымъ условіямъ жизни, другія же, какъ бы созданныя для совершенно особыхъ обстоятельствъ, легко гибнутъ, коль скоро вырвать ихъ изъ тѣхъ условій, при которыхъ они родились и выросли.

Животныхъ, легко переносящихъ очень значительныя измѣненія температуры, академикъ Брандтъ назвалъ поликлиническими, причисливъ къ нимъ напр. тигра, медвѣдя, волка (Untersuchungen über die Verbreitung des Tigers, 1856, стр. 46, 91).

На способность къ большому распространенію вліяютъ условія питанія еще гораздо больше климата. Вотъ отчего такъ далеко распространяются всеядныя животныя, какъ напр. птицы вороновой породы, чайки, поморники и т. д. Ворона мы встрѣчаемъ и около самого полюса, и въ Сахарѣ, гдѣ онъ является самой обыкновенной птицей и, за неимѣніемъ другаго возвышеннаго мѣста, обыкновенно садится на верблюжій горбъ (Tristram, The great Sahara, 1860, p. 61). Какъ скоро ко всеядной природѣ еще присоединяется особенное умѣнье принаровливаться ко всѣмъ возможнымъ условіямъ, такъ получаются превосходныя данныя для космополитическаго существованія. Припомнимъ въ этомъ отношеніи напр. необыкновенно податливый характеръ крякушки (An. boschas). Смолоду имѣвши дома случай удивляться способности, съ какою эта по-видимому глупая птица ускользаетъ отъ всѣхъ преслѣдованій ея на болотистыхъ трясинахъ и топяхъ, какъ тамъ, гдѣ на ровномъ мѣстѣ гнѣздо не довольно безопасно, она укрываетъ яйца на развѣтвленіяхъ старыхъ древесныхъ стволовъ, въ вороньихъ гнѣздахъ или въ дуплахъ, вы окончательно поражены, когда, бродя среди засохшихъ пучковъ травы на безводныхъ, лишенныхъ тѣни, нагорныхъ степяхъ, то тутъ, то тамъ, туже крякушку спугиваете съ гнѣзда. И тамъ даже, на самомъ ровномъ пространствѣ, она умѣетъ укрываться.

Животныя, до такой степени чувствующія себя вездѣ хорошо, менѣе всѣхъ другихъ сознаютъ въ себѣ потребность къ кочеванію; но если внѣшнія обстоятельства все-таки вынуждаютъ ихъ странствовать, то они обладаютъ способностью устраиваться гдѣ угодно, уживаться повсюду, смотря по обстоятельствамъ. Отсюда напр. у крякушки явилось особенное свойство зимовать въ безлюдныхъ мѣстностяхъ, подъ такими дальними широтами, подъ какими, судя по общимъ климатическимъ условіямъ, нельзя и предполагать ее. Даже въ Сибири она довольствуется полыньями на горныхъ рѣкахъ подъ 65° с. ш. (срав. стр. 406).

Если я сказалъ «даже въ Сибири», то это относится къ дальней широтѣ, тогда какъ съ другой стороны можно смѣло сказать, что и въ древности въ Европѣ иныя водныя

птицы проводили зиму на полыньяхъ сѣверныхъ широтъ. Въ настоящее время ихъ истребляютъ тѣмъ вѣрнѣе, чѣмъ ограниченнѣе такого рода мѣста. Теперь даже маленькая оляпка въ тѣхъ-же мѣстахъ избѣгаетъ этой участи, лишь благодаря эстетическимъ чувствамъ образованнаго человѣка. Ее охраняютъ потому, что она служитъ у водопадовъ мельничныхъ плотинъ живымъ украшеніемъ безжизненнаго зимняго пейзажа.

Сказанное позволяетъ намъ судить о томъ, какъ мы должны относиться къ дознанному теперь факту, что въ различныхъ частяхъ свѣта, остаются кое-гдѣ, на продолжительное время, разные виды птицъ, главная масса которыхъ положительно улетаетъ въ самые отдаленные края къ извѣстнымъ климатическимъ мѣстамъ высиживанія яицъ. Для примѣра укажемъ на Lar. argentatus. Мы причислили его къ кругоборейскимъ тундреннымъ птицамъ (стр. 209). Въ этомъ качествѣ онъ положительный кочевникъ, и является въ безчисленномъ множествѣ зимою на Средиземномъ морѣ и до Канарскихъ островов. Съ наступленіемъ весны онъ удаляется массами къ мѣстамъ высиживанія яицъ, на сѣверъ. При всемъ томъ нѣкоторые остаются на зимнихъ квартирахъ и высиживаютъ яйца либо на Азорскихъ (Ibis, 1866, стр. 96), либо на Канарскихъ островахъ (Journ. f. Ornithol. 1855, стр. 173), въ Провансѣ (Journ. f. Ornithol. 1856, стр. 234), на о. Мальтѣ (Ibis, 1864, стр. 151; очень рѣдко), либо при устьѣ Днѣпра (Journ. f. Ornithol., 1870) и т. д.

Хотя такіе сѣверяне, поселяющіеся, по какой бы то ни было причинѣ, на югѣ, положительно доказываютъ, что эти животныя могутъ жить, а со временемъ и благоденствовать, да чрезвычайно размножаться подъ южными широтами, но съ другой стороны они столько-же свидѣтельствуютъ о силѣ влеченія къ кочеванію, все-таки опять непреодолимо побуждающаго главныя массы къ дальнимъ опаснымъ странствованіямъ.

Какъ въ разсмотрѣнномъ нами случаѣ Lar. argentatus заводитъ на югѣ колоніи, гдѣ высиживаетъ яица подъ совершенно другимъ небомъ, такъ нѣкоторыя отставшія птицы заводятъ себѣ съ другой стороны зимнія квартиры необыкновенно далеко на сѣверѣ. Такъ напр. ворóна, залетающая въ Египетъ и Аравію, гдѣ нѣкоторыя семейства ея высиживаютъ яйца, все-таки зимуетъ также у Нижнеколымска подъ $68\frac{1}{2}$ с. ш. (Киберъ въ Сиб. Вѣстн. I, стр. 122), потому что тамъ въ теченіе всей зимы находитъ разные остатки пищи. Такимъ-же образомъ въ Лифляндіи иногда (особенно въ 1866 и 1867 годахъ) зимовали нѣкоторые зяблики и даже хохлатые жаворонки, или до поздняго лѣта оставались свиристели и т. д. При этомъ сначала меня въ особенности поражало появленіе зимою хохлатаго жаворонка, потому что лѣтомъ онъ не встрѣчался около Дерпта. Оказывается, что онъ высиживаетъ яйца въ сѣверной Эстляндіи и потому на улицахъ Везенберга бываетъ постояннымъ зимнимъ гостемъ. Такіе отдѣльные случаи заслуживаютъ вниманія, какъ документы, поясняющіе процессъ распространенія животнаго царства на землѣ въ древнія времена. Нужно поступать какъ можно осторожнѣе, нужно отыскивать по возможности больше доказательствъ, если мы хотимъ уловить происходящія на нашихъ глазахъ передвиженія предѣловъ распространенія животныхъ.

Убѣдившись, что всеядный характеръ нѣкоторыхъ животныхъ служитъ главнымъ рычагомъ далекаго распространенія ихъ, мы не вправѣ безъ дальнѣйшаго выводить заключеніе въ противоположномъ направленіи. Лучшимъ примѣромъ въ этомъ отношеніи можетъ служить орѣховка. Мало, кажется, птицъ, которыя такъ положительно обрѣчены на извѣстную любимую пищу, какъ орѣховка на кедровые орѣхи. Въ ней развился, такъ сказать, вполнѣ выработанный пріемъ срыванія шишекъ, раскусыванія орѣховъ и накапливанія потаенныхъ запасовъ на черный день. Она наполняетъ послѣдніе не рѣдко при помощи обворовыванія Сибиряковъ, занимающихся собираніемъ тѣхъ-же орѣховъ.

Если такая односторонность условій питанія орѣховки заставляетъ ее ограничиваться тѣсными предѣлами распространенія, то съ другой стороны ей приходится улетать въ самые дальніе края, коль скоро дома не уродился ея плодъ. Вслѣдствіе этого она сдѣлалась чисто-цыганской птицей, которая однакоже мало по малу съумѣла развѣдать, за предѣлами цѣлыхъ частей свѣта, всѣ мѣста, гдѣ только растутъ кедры. Гдѣ бы послѣдніе ни находились, хотя бы въ самомъ ограниченномъ размѣрѣ, непремѣнно туда является орѣховка, по крайней мѣрѣ, въ осеннее время, когда орѣхи созрѣли.

Кромѣ того, орѣховка чрезвычайно интересная птица еще и потому, что простые орѣхи, которыми она питается въ случаѣ нужды, принуждаютъ ее чрезвычайно напрягать жевательные аппараты, почему и сила клюва необыкновенно разнообразна (см. нѣм. изд. этого соч. II, 2, стр. 158). Вотъ прекрасный случай для видодѣлителей (они уже и воспользовались имъ) приставлять новосочиненнымъ видамъ то необыкновенно толстые, то необычайно длинные клювы. Жаль только, что какъ разъ эта птица до того неизмѣнно придерживается своего стариннаго фрака, что никакая новомодная одежда не хочетъ явиться на помощь столь кстати раздувающемуся и съеживающемуся носу.

Мимоходомъ мы замѣтимъ тутъ еще, что по части тѣсной связи между Pin. cembra и орѣховкой можно отыскать нѣсколько замѣчательныхъ аналогическихъ примѣровъ, какъ напр. Tetrao tetrix и Betula, Tetr. urogallus и Populus tremula, Tetr. falcipennis и Ab. Ajanensis, Tetr. alpinus и Dryas, Tetr. albus и Empetrum, Tamias striatus и Ab. obovata рядомъ съ Ab. pichta, Rangifer и Cenomyce и т. п.

Лучшимъ доказательствомъ того, что даже всеядный характеръ все-таки еще не составляетъ необходимаго условія осѣдлости, можетъ служить альпійская бѣлая куропатка, которой почти столько-же приходится пользоваться плодами Dryas, сколько орѣховкѣ кедровыми орѣхами. При всемъ томъ альпійская бѣлая куропатка по своимъ прирожденнымъ свойствамъ такъ склонна къ осѣдлости, что есть не мало стай альпійскихъ бѣлыхъ куропатокъ, которыхъ даже соединенная сила самыхъ глубоко-сѣверныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ альпійскихъ условій не въ состояніи побудить къ странствованіямъ.

Бросивъ нѣсколько взглядовъ на вліяніе, которое первоначальныя природныя свойства и прирожденный характеръ животнаго оказываютъ на его способность кочевать, мы обратимъ вниманіе на внѣшнія побудительныя причины, обусловливающія кочеваніе.

Если оставить въ сторонѣ географическія широты и зимы полярнаго климата то однимъ изъ главнѣйшихъ поводовъ къ кочеваніямъ оказывается форма рельефовъ земной поверхности. Мы должны обратить особенное вниманіе на то, что обѣ крайности, т. е. и рѣзкая альпійская природа и безпредѣльно ровная степь въ одинаковой степени побуждаютъ животныхъ къ кочеванію. Такое-же вліяніе оказываютъ на нихъ и степи глубокаго сѣвера, тундры и степи южныхъ широтъ. Въ послѣднихъ, не только во время лѣтнихъ жаровъ подъ тропиками, но и зимою, напр. даже подъ 45° с. ш. къ востоку отъ Аральскаго моря, водворяется полнѣйшая мертвая тишина. На поприщѣ яростной борьбы стихій жизнь животная не въ состояніи состязаться съ суровымъ временемъ года. Когда млекопитающія уже успѣютъ удалиться, особенно на безснѣжныхъ солончакахъ, сѣверные подорожники и чисто степныя, зерноядныя птицы, жаворонки, Pterocles, Syrrhaptes и великанъ между ними, драхва, пытаются еще удержаться въ степи. Но даже глубокосѣверныя пуночки и альпійскіе жаворонки, вмѣстѣ съ своимъ землякомъ-тиранномъ, конюкомъ, принуждены избѣгать крайней ярости зимы на ровной степной поверхности. Южная степь представляетъ даже еще другую побудительную причину къ кочеванію, чѣмъ самая пустынная тундра и самая суровая альпійская возвышенность. Причина эта — безводность, сухость, жажда. Послѣдняя побуждаетъ къ самымъ далекимъ странствованіямъ, какъ зимою, по недостатку снѣга, такъ и среди лѣта, когда на сотни квадратныхъ миль не въ состояніи удержаться ни малѣйшая капля воды. Что̀ это значитъ, объ этомъ намъ свидѣтельствуютъ извѣстныя мученія, испытываемыя въ тропическихъ песчаныхъ пустыняхъ, и восклицаніе Перуанскаго путешественника (Kittlitz, Denkwürdigkeiten II, стр. 207) «какъ несчастна страна, гдѣ при постоянно сильномъ и гнетущемъ зноѣ нельзя укрыться подъ тѣнью деревъ».

Подобно горамъ, степь гонитъ своихъ животныхъ не всегда только къ югу, въ лучшій климатъ, но и въ другія мѣста: тамъ вдоль по долинамъ, а тутъ во всѣ страны свѣта, не исключая и сѣвера. Сообщенныя нами извѣстія безпріютности, охватывающей степи по временамъ, представляютъ намъ обширное поприще для разныхъ предположеній по части объясненія замѣчательнѣйшаго изъ всѣхъ кочеваній, разнесшаго Syrrhaptes paradoxus въ 1863 году по всей Европѣ. Въ дополненіи къ стр. 247 мы указали на послѣдній сводъ извѣстій объ этомъ кочеваніи, которое, если я не ошибаюсь, Ньютонъ удачно назвалъ «татарскимъ нашествіемъ». Въ пользу того, что это было нѣчто въ родѣ выселенія, какое мы указали, говоря о млекопитающихъ животныхъ (стр. 353 и слѣд.), свидѣтельствуетъ то обстоятельство, что уже въ 1853 году въ Европѣ показались первыя птицы этого вида, что потомъ въ 1859 году опять появилось нѣсколько, и за тѣмъ уже 4 года спустя нахлынула главная масса. Не будь этого обстоятельства, мы могли бы нашествіе 1863-го года смѣло признать за непомѣрное появленіе случайно забревшихъ гостей, вызванное чрезвычайно сильною весеннею бурею, пронесшеюся надъ нагорною степью. Въ этомъ случаѣ проявилось бы въ огромныхъ размѣрахъ тоже самое, что мы безпрестанно встрѣчаемъ въ одиночку у подобныхъ-же длиннокрылыхъ птицъ, буревѣстни-

ковъ, альбатросовъ, пеликановъ, фрегатъ-орловъ и т. д., которые съ степной поверхности океановъ заносятся въ средину материковъ, и позволяютъ брать себя руками, потому что они слишкомъ утомлены. Такое предположеніе прекрасно подтверждалось бы наблюденіемъ Радде (Reisen, II, стр. 294), по которому около той-же весенней поры (въ Маѣ), у Тарей-Нора, стая Syrrhaptes, въ количествѣ чуть-ли не 1000 штукъ, исчезла за ночь. Слѣдовательно, они также собираются весною стаями и предпринимаютъ за тѣмъ дальнѣйшіе полеты, во время которыхъ легко могутъ быть занесены въ другія мѣста. Во всякомъ случаѣ, способъ распространенія птицъ по всей Европѣ доказалъ, что птицы, унесенныя съ своего материка, совершенно сбились съ толку, и не съумѣли оріентироваться. Сибиряку при этомъ невольно приходитъ на память доходящее до какой-то безсмысленности состояніе людей, заблудившихся въ первобытной пустыни. Вѣерообразно разсыпавшись отъ сѣвера до востока, Syrrhaptes въ 1863 году распространились по Европѣ на столько, на сколько полетъ ихъ не преграждался океаномъ. Тоже самое усиленное вниманіе къ необычайнымъ явленіямъ природы, которое намъ дало возможность обозрѣть это переселеніе, было однакоже вѣроятно причиною, почему на этотъ разъ не могло послѣдовать такое расширеніе области распространенія птицъ, какое въ этомъ случаѣ произошло бы въ древнее время. На дюнахъ Ютландіи и Голландіи животныя нашли себѣ жилища, которыя были въ состояніи замѣнить имъ родныя ихъ степи. Но яйца, птенцы и старики были истреблены вслѣдствіе большихъ премій, назначенныхъ за нихъ орнитологическою жадностью.

Лѣсная растительность положительно вызываетъ осѣдлость животныхъ, такъ что Гейглинъ справедливо замѣчаетъ, что въ сѣв. Африкѣ не встрѣчается ни одинъ изъ нашихъ дятловъ. Тоже самое должно замѣтить о нашихъ тетеревахъ.

Но не смотря на лѣса, вызываемое ими нерѣдко изобиліе осадковъ (если послѣдніе образуютъ слишкомъ толстый снѣжный покровъ) принуждаетъ животныхъ предпринимать кочеванія, либо случайныя и мѣстныя, либо регулярныя и дальнія. Въ этомъ отношеніи поучительнѣе всего, безъ сомнѣнія, русское прибрежье Великаго Океана, къ югу отъ низовьевъ Амура, потому что рѣдко-гдѣ такъ близко сходятся непомѣрные осадки съ сильною сухостью воздуха и такъ непосредственно вызываютъ животныхъ на переселеніе. Самый характеръ мѣстности манитъ ихъ къ почти внезапному переходу отъ величайшихъ лишеній къ раздольному житью.

Къ упомянутымъ причинамъ причислимъ еще слѣдующія: воды первобытныхъ мѣстностей ежегодно по временамъ возвышаются отъ 3 до 8 саженъ надъ обыкновеннымъ уровнемъ воды и на время затопляютъ цѣлыя сотни квадратныхъ миль сухихъ въ другую пору земель; иногда огромныя водныя пространства (напр. Тарей-Норъ) совершенно высыхаютъ; необъятные степные и лѣсные пожары ежегодно на столь-же обширныхъ пространствахъ, лежащихъ гораздо выше надъ водною поверхностью, производятъ еще болѣе продолжительныя измѣненія, чѣмъ паводненія; животныя сами (напр. многочисленныя колоніи корморановъ, организованнымъ разбойничьимъ шайкамъ кото-

*

рыхъ удалось выловить рыбу изъ ближайшихъ озеръ) иногда, вслѣдствіе истребленія своей пищи, поставлены въ необходимость выселяться; насѣкомыя (оводъ) въ степи становятся невыносимыми и т. д. Принявъ все это въ соображеніе, мы найдемъ дѣйствительно больше поводовъ къ кочеванію, чѣмъ къ осѣдлому существованію.

Все, что мы имѣли случай видѣть въ первобытныхъ мѣстностяхъ, показываетъ намъ, до какой степени культура была въ состояніи уменьшить кочеваніе животныхъ, являющееся въ первобытныхъ странахъ земнаго шара нормальнымъ состояніемъ и притомъ въ такихъ огромныхъ размѣрахъ, которые въ Европѣ давно уже забыты. Этотъ фактъ положительно доказываетъ, что, возводя нынѣшнія явленія къ древнимъ временамъ, мы должны постоянно имѣть въ виду, на сколько въ то время кочеванія происходили въ болѣе сильной степени. Очевидно мы не придадимъ слишкомъ большаго значенія перекочеваніямъ дилувіальныхъ животныхъ, маммутовъ, носороговъ и ихъ современниковъ, предполагая, что они въ свое время предпринимали кочеванія по обширнѣе тѣхъ, какія теперь совершаютъ сѣв. олени, современниками которыхъ они были вмѣстѣ съ мускусными быками, зубрами, лосемъ, оленемъ, барсукомъ и т. д. Но какъ послѣдній, безъ сомнѣнія, никогда не кочевалъ, такъ и въ настоящее время не кочуетъ въ Сибири Lagomys и Moschus, породы которыхъ въ Европѣ вымерли и, будучи тамъ находимы только въ третичныхъ слояхъ, напоминаютъ о прежнихъ условіяхъ распространенія животныхъ. Намъ не нужно восходить къ тѣмъ временамъ новѣйшей исторіи земли, когда полярныя страны были покрыты буками, ясенями, орѣшниками, платанами и липами и очевидно имѣли среднюю температуру въ слишкомъ 8° Ц. Да и тотъ недавній періодъ, когда море омывало низменности, прилегающія къ Уральскому хребту съ востока, равно какъ отроги сѣверной окраины средне-азіятскаго плоскогорія, когда сѣверная окраина Сибири еще не выдавалась изъ моря, когда, можетъ быть, даже существовала связь между Арало-Каспійскою низменностью и Ледовитымъ океаномъ и т. д., и этотъ періодъ, говорю я, относился къ условіямъ кочеванія животныхъ, должно быть, совершенно иначе, чѣмъ мы можемъ судить по теперешнему времени. Но мы вправѣ также предполагать, что въ тѣ времена нѣкоторыя изъ нашихъ, теперь положительно кочующихъ, животныхъ принадлежали еще къ числу осѣдлыхъ.

См. стр. 362: При устьяхъ большихъ Сибирскихъ рѣкъ всѣ переходныя рыбы являются, кажется, осѣдлыми. Предположеніе мое, что осѣдло-переходныя рыбы ничто иное, какъ переходныя рыбы, сдѣлавшіяся осѣдлыми, отчасти даже вслѣдствіе того, что онѣ были совершенно отрѣзаны, предположеніе это, говорю я, становится вполнѣ достовѣрнымъ, когда мы, слѣдуя Рютемейеру (Die Herkunft unserer Thierwelt, 1867), мысленно перенесемся въ давно-минувшія времена. Въ этомъ отношеніи весьма важно отмѣчать происходящія на нашихъ глазахъ перемѣны въ образѣ жизни животныхъ. Мы видѣли, что нѣкоторыя водныя птицы проводятъ зиму необыкновенно далеко на сѣверѣ вездѣ, гдѣ по какимъ-нибудь причинамъ воды мѣстами зимою не покрываются льдомъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ мы видѣли также, какъ быстро распространеніе

человѣка и его смертоносныхъ орудій по всѣмъ первобытнымъ странамъ земнаго шара истребляетъ на всегда такія зимующія колоніи.

Тоже самое бываетъ со вторженіемъ обитателей моря въ рѣки и озера. Съ году на годъ бѣлуха слѣдуетъ за входящими въ рѣки стаями рыбъ на меньшее разстояніе; да и послѣднія постепенно все менѣе далеко заходятъ въ рѣки[1]). Въ Сѣв. Двинѣ бѣлуха, какъ извѣстно, прежде заходила по крайней мѣрѣ верстъ за 80 выше устья, мимо Архангельска[2]), но уже въ прошломъ столѣтіи это прекратилось.

Палласъ[3]) могъ еще сообщить, что въ Оби бѣлухи заходили вверхъ обыкновенно верстъ на 200 (до Кушеватскаго погоста), и что одна забралась даже до Иртыша. Въ Енисеѣ и Хатангѣ онѣ также заходятъ далеко вверхъ. Съ каждымъ годомъ это дѣлается рѣже[4]) и совершенно измѣнится, когда станутъ серьезно преслѣдовать этихъ дельфиновъ въ моряхъ, окружающихъ Новую Землю, гдѣ смѣлые Норвежскіе жиропромышленники еще въ послѣдніе годы встрѣчали ихъ тысячами.

Поразительнѣе всего первобытный порядокъ вторженія бѣлухъ въ рѣки, въ Амурѣ, на которомъ пока еще мало поселеній, и гдѣ эти чудовища забираются верстъ за 400 отъ устья этой рѣки; правда, что это уже рѣдко случается, но верстъ за 200 отъ устья онѣ встрѣчаются еще часто[5]).

Это тѣмъ болѣе заслуживаетъ вниманія, что тамъ и тюлень (а именно два вида его) на столько-же заходитъ въ рѣку[6]). Впрочемъ забираются, говорятъ, такъ далеко только молодыя животныя, какъ это уже замѣчено и въ Европѣ, гдѣ они даже, перебираясь сухимъ путемъ чрезъ шлюзы и плотины, доходили до Дессауа[7]).

Если бы эти животныя не подвергались неизбѣжному истребленію, то они, безъ всякаго сомнѣнія, могли бы оставаться въ рѣкахъ въ теченіи всей зимы и, не смотря на самую сильную зимнюю стужу, держать открытыми свои продушины въ ледяномъ покровѣ. Это слѣдовало бы принять въ соображеніе при разсмотрѣніи сказаннаго нами на стр. 415 о происхожденіи Байкальскаго тюленя и Байкальской омули. Даже Альпійскій Salmo salvelinus принимается Рютимейеромъ за species relicta Поляр-

---

[1]) Въ этомъ не позволяютъ сомнѣваться общія жалобы по этому предмету. На Енисеѣ главные рыбные промыслы мало по малу подвигались вслѣдъ за предѣлами странствованій муксуновъ все далѣе внизъ по рѣкѣ (Кривошапкинъ, Туруханскій край, II, стр. 173). Въ очень безлюдной рѣчной области Уди мнѣ сообщали даже, какъ несомнѣнный фактъ, что кета, никогда не появлявшаяся въ Половинной въ слишкомъ большомъ количествѣ, въ то время почти совершенно не показывалась, и притомъ не заходила уже по прежнему до устья Курунга. Фактъ по-видимому былъ вѣренъ, но не столько былъ результатомъ уменьшенія кеты, сколько, кажется, слѣдствіемъ неизвѣстныхъ измѣненій въ свойствѣ воды или ложа Половинной.

[2]) Лепехинъ, Путешествіе, IV, стр. 337.

[3]) Zoographia I, стр. 274; срав. также Сиб. Вѣстн. II, стр. 306.

[4]) Впрочемъ въ 1858 году все-таки поймана была бѣлуха въ 560 верстахъ отъ Тобольска, у погоста Самаровскаго (Завалишинъ, Описаніе Зап. Сибири, 1862, стр. 49).

Въ Енисеѣ въ 1856 году выброшено было на берегъ 10 бѣлугъ при устьѣ Пыри (Третьяковъ, Зап. Имп. Р Геогр. Общ. 1869, стр. 263).

[5]) L. v. Schrenck, Reise, Zool. p. 191. Bullet. de Moscou, 1861, II, p. 237.

[6]) L. v. Schrenck, p. 180, 181.

[7]) Bolle, Archiv des Vereins in Meklenburg, 1856, стр. 71 и 73, примѣч.

наго моря, съ тѣхъ поръ какъ изслѣдованія Мальмгрена доказали тождественность этой рыбы съ Скандинавскимъ морскимъ S. alpinus L. Уже въ первомъ путевомъ донесеніи моемъ изъ Сибири я высказался объ этой тождественности 30 лѣтъ тому назадъ.

Изъ всѣхъ этихъ случаевъ, равно какъ изъ образа жизни лоховъ, оказывается, какъ легко многія морскія животныя перемѣняютъ соленую воду на прѣсную.

Осѣдло-переходными рыбами Таймырскаго края, сколько мнѣ позволяютъ судить мои собственныя наблюденія, я долженъ признать кунджу, чира, пелета, сига, нельму и, можетъ быть, также омуля.

Шмидтъ [1]) говоритъ, что въ Енисеѣ муксуна ловятъ цѣлый годъ около Звѣрева (71½° с. ш.). Слѣдовательно тамъ эта явно-переходная рыба является осѣдлою.

См. стр. 364: Проф. Кеслеръ сообщилъ (Труды С.-Петерб. Общ. Естествоиспыт. I, 2, 1870, стр. 135) интересныя, относящіяся сюда, свѣдѣнія о значительныхъ уклоненіяхъ въ ростѣ мелкихъ видовъ лоховъ въ различныхъ частяхъ Финскаго водоема; онъ упоминаетъ даже объ одномъ случаѣ, въ которомъ морская корюшка бываетъ меньшаго роста, чѣмъ соотвѣтствующая прѣсноводная корюшка.

См. стр. 365, прим. 1: Менетріе (Catalogue raisonné, 1832, стр. 14) первый сообщилъ свѣдѣнія о кочеваніяхъ альпійскихъ животныхъ Кавказа.

Уже Геденштрёмъ (Отрывки о Сибири, стр. 73) сообщилъ о странствованіи козулей Саянскаго хребта. Впослѣдствіи Бунге (Ledebour, Reise, II, стр. 201, 322) описалъ, какъ козули перебираются черезъ Иртышъ, когда онѣ въ началѣ Октября отправляются на равнины, а въ началѣ Апрѣля опять возвращаются въ горы.

О странствованіяхъ козуль на южной покатости Становаго хребта см. нѣм. изд. этого соч. т. II, 2, стр. 119, и дальнѣйшія свѣдѣнія, сообщенныя Шренкомъ, Радде и Шварцомъ (стр. 33, 72, 112).

Максимовичъ (Bullet. de l'Acad. de St.-Pétersbourg, II, стр. 601) познакомилъ насъ съ кочеваніями козуль на р. Уссури, а Пржевальскій (loc. cit. стр. 267) описалъ громадные размѣры этихъ кочеваній съ краснорѣчіемъ страстнаго охотника. Въ его время соединялись въ одно, не только стаи и маленькія общества, но и стада въ 100 головъ и болѣе.

См. стр. 366: Почти подъ 70° с. ш. сѣв. олени кочевали регулярно и переправлялись черезъ Енисей (Ф. Шмидтъ, Mammuth-Kadaver, стр. 40). Теперь это прекратилось и они переправляются черезъ рѣку то тутъ, то тамъ, стаями или небольшими отрядами.

См. стр. 369: Эта европейская колонія нѣсколькихъ древне-борейскихъ видовъ, безъ сомнѣнія, ежегодно перебирающихся съ западныхъ береговъ Европы, чрезъ Ферэрскіе острова и Исландію, въ Гренландію, заслуживаетъ полнаго нашего вниманія тѣмъ болѣе, что направленіе, въ которомъ тянутся эти птицы, поразительно напоминаетъ намъ столь раннее открытіе древней Винляндіи. Какъ Норманны тогдашняго времени распо-

---

[1]) Mammuth-Kadaver, p. 46.

лагали лишь столь слабыми мореходными средствами, что ничѣмъ не превосходили перелетавшихъ туда птицъ, двигавшихся однакоже несравненно быстрѣе людей, такъ и птицы, о которыхъ мы говоримъ, вѣроятно происходятъ отъ занесенныхъ первоначально изъ Европы въ Гренландію паръ, потомки которыхъ возвратившись въ Европу не могли не направиться обратно къ мѣсту высиживанія ихъ изъ яицъ.

Развивая прежнія наблюденія, Бэрдъ (The Distribution, стр. 23) обратилъ вниманіе на то, что всѣ европейскія материковыя птицы, часто встрѣчающіяся въ Исландіи, почти безъ исключенія принадлежатъ къ числу обычныхъ птицъ Гренландіи. Замѣчательно, что Falco aesalon единственная европейская, встрѣчающаяся въ Исландіи, материковая птица, которую до сихъ поръ еще не видѣли въ Гренландіи. По словамъ Бэрда, всѣ европейскія птицы, часто попадающіяся въ Гренландіи, встрѣчаются также въ континентальной части Сѣв. Америки. Часть же ихъ, вмѣстѣ съ чисто-американскими перелетными птицами, странствуетъ, говорятъ, вдоль Сѣв. Америки къ югу. Plectr. nivalis, Saxic. oenanthe, Hir. riparia, Strix nyctea, по случаю перелета своего изъ Новой Шотландіи и Ньюфоундлендена въ Мехику, Гватемалу и Вестъиндію, появляются, говорятъ, на Бермудскихъ островахъ.

Если бы можно было безошибочно отличать исландскаго Charadr. apricarius отъ гренландскаго Char. americanus, какъ напр. Num. phaeopus отъ Num. melanorhynchus (см. Comptes-rendus de l'Acad. de Paris, 1856, стр. 1019), то была бы возможность прослѣдить далѣе вопросъ о колонизаціи, о которой идетъ рѣчь, и въ такомъ случаѣ слѣдовало бы обратить вниманіе на отличительные признаки Char. apricarius сѣв. Сибири.

Бэрдъ (The distribution and migrations of North-American birds, p. 26) подтверждаетъ, что въ Америкѣ птицы при осеннемъ возвращеніи также не всегда избираютъ весенніе пути. Осенью нѣкоторыя птицы во множествѣ являются въ такихъ мѣстахъ, въ которыхъ въ другое время года онѣ вовсе не бываютъ. Очень много птицъ, возвращающихся вдоль морскаго прибрежья, нерѣдко, особенно при сильномъ сѣверо-восточномъ вѣтрѣ, движутся, кажется, по долинѣ рѣки Миссисипи, перелетая изъ Флориды чрезъ Кубу въ Юкатанъ, слѣдовательно примѣняютъ направленіе своего странствованія также къ мѣстностямъ. И тамъ стаи весною совершаютъ перелетъ гораздо быстрѣе и дѣлаютъ менѣе приваловъ.

Если осенній перелетъ сравниваютъ съ этапнымъ странствованіемъ, то весенній перелетъ дѣйствительно можно сравнить съ желѣзно-доронымъ поѣздомъ. Осенью различные виды меньше смѣшиваются. Положительно сѣверныя птицы, какъ напр. Ans. albifrons и Ans. bernicla, во время осенняго перелета своего, остаются въ срединныхъ частяхъ Россіи тысячами и десятками тысячъ нѣсколько мѣсяцевъ сряду (Сѣверцовъ, Період. явленія, стр. 247). Аллеонъ (Revue et Magas. de Zoologie, 1869, стр. 258) подтверждаетъ, что и на Босфорѣ существуютъ подобныя различія во время осенняго перелета. Такое различіе тѣмъ болѣе натурально, что уже въ обыденномъ порядкѣ, столь

близко-сродные виды, какъ Sterna hirundo и St. cantiaca, тянутся каждый своимъ особымъ путемъ (Droste, p. 331).

Если Радде (Beiträge zur Kenntn. des Russ. Reichs, стр. 436) нашелъ, что у Тарей-Нора осеннiй перелетъ не такъ продолжителенъ, какъ весеннiй, то это можетъ относиться только къ такимъ мѣстностямъ, гдѣ осень непродолжительна и зима настаетъ внезапно.

См. стр. 370: Майдель сообщаетъ (Изв. Сиб. Отд. Геогр. Общ., 1871, II, стр. 63), что бѣлые гуси, которые въ прежнее время во множествѣ вили гнѣзда на Индигиркѣ, теперь встрѣчаются только при перелетѣ на острова Ледовитаго океана (въ сѣверо-восточномъ направленiи).

См. стр. 371: Char. morinellus (по Радде, Reisen, II, стр. 323, высиживающiй яйца въ альпiйскихъ тундрахъ Саянскаго хребта; по Тристрему, 1860, стр. 61, водящiйся громадными стаями въ Сахарѣ) и Squat. helvetica рѣдко зимуютъ въ Испанiи, какъ это въ большомъ количествѣ дѣлаетъ Char. pluvialis (Isis, Nat. Zeit. 1857, стр. 473). При всемъ томъ Squat. helvetica во время своего перелета встрѣчается и близь Харькова (Czernay, Bullet. de Moscou, 1865, стр. 60). Tr. canutus пролетаетъ чрезъ Провансъ (Cabanis, Journ. f. Ornithol. 1856, стр. 230) и, въ видѣ рѣдкаго исключенiя, является въ Февралѣ, даже лѣтомъ, на о. Мальтѣ (Ibis, 1864, стр. 148), и даже внутри Сибири (Radde, Reisen II, стр. 322).

Трудно составить себѣ ясное понятiе объ этихъ птицахъ, такъ какъ онѣ столько-же способны зимовать на морскихъ прибрежьяхъ глубокаго сѣвера (какъ это не рѣдко встрѣчалось), сколько съ другой стороны часть ихъ появляется среди лѣта на прибрежьяхъ Средней Европы и проводитъ тамъ нѣкоторое время. Къ такимъ птицамъ должны быть причислены не только Tr. cinclus, Tr. minuta, Tr. Temminckii, и многiя другiя, но и въ особенности оба вида Phalaropus, обыкновенно водящiеся зимою въ Исландiи и Гренландiи (Holböll (Isis, 1845, стр. 764), и притомъ на столько приближаются къ полюсу, на сколько море не покрыто льдомъ. При всемъ томъ онѣ рано улетаютъ изъ Шпицбергена (Heuglin, Journ. f. Ornithol. 1871, p. 102), даже лѣтомъ являются въ Испанiи (Isis, 1857, стр. 47), были убиваемы въ Москвѣ, въ концѣ Августа встрѣчались въ Крыму (Шатиловъ, Bullet. de Moscou, 1860, стр. 507) и осенью часто тянутся надъ внутренними частями Сибири, оживляя тогда степныя озера ея.

Птицы, отъ которыхъ трудно было ожидать этого, какъ напр. Lestr. parasitica и Lar. glaucus, иногда пролетаютъ надъ внутренними частями материковъ. Перваго вида птицы были убиваемы подъ Москою, втораго — на Ангарѣ (Radde, Reisen, II, стр. 382). Tr. maritima же при своихъ перелетахъ до того держится морскихъ прибрежiй, что по этому никогда, кажется, и не долетаетъ до Понта.

Впрочемъ Lestr. parasitica, можетъ быть, остается въ южной Россiи для высиживанiя яицъ, такъ какъ, по Шатилову (Bullet. de Moscou, 1860, стр. 509), она появляется въ Крыму въ концѣ Iюля и началѣ Августа, когда морскiя ласточки покидаютъ

свои гнѣздилища, на счетъ которыхъ онѣ живутъ. Чрезвычайно странно, что тамъ водится, говорятъ, именно Sterna arctica.

См. стр. 372: Существованіе арктическаго поперечнаго пути недавно подтверждено Майделемъ (Изв. Сиб. Отд. Геогр. Общ. 1871, II, стр. 2 и 3). Онъ говоритъ, что на берегахъ Чукотскаго края перелетныя птицы летятъ не прямо на сѣверъ черезъ море, а сначала нѣкоторое время къ западу, вдоль прибрежья, и уже за тѣмъ направляютъ полетъ свой къ сѣверу.

См. стр. 377 и прим. 1: Чрезвычайно интересныя наблюденія, сообщенныя г. Пржевальскимъ (Путеш. въ Уссурійскомъ краѣ, 1870, стр. 168 и слѣд.; Приложенія на стр. 55), уже теперь даютъ намъ возможность, если не вполнѣ ясно уразумѣть дѣло, то по крайней мѣрѣ точно означить, на что̀ будущимъ изслѣдователямъ необходимо обратить главное вниманіе.

Въ Уссурійскомъ краѣ, подъ 45° с. ш., явились жаворонки 6 недѣль, трясогузки 3 недѣли, ласточки 8 дней раньше, чѣмъ въ Якутскѣ, лежащемъ на 17 градусовъ широты сѣвернѣе. Можно конечно сказать, что эти птицы поспѣшили съ Уссури въ Якутскъ, но эта поспѣшность слишкомъ отличается отъ дознанной средней быстроты перелета, такъ что мы не вправѣ считать ее вѣроятною относительно двухъ послѣднихъ птицъ. Если мы, кромѣ того, сравнимъ времена прилета позднихъ птицъ, т. е. кукушки, прилетавшей и туда и сюда почти въ одно время, и иволги (правда, другой видъ: Oriol. cochinchinensis), явившейся въ Якутскъ 4 недѣли ранѣе, то оказывается необходимымъ предположить, что часть перелетныхъ птицъ, прибывающихъ въ Якутскъ, тянется другимъ путемъ. Срав. стр. 425.

Что касается мѣстностей, лежащихъ ближе къ морскому прибрежью и къ устью Амура, то Шренкъ (Reisen und Forschungen im Amurlande, 1858, I, Введеніе, стр. XXVI; подтверждено Шварцомъ, Подробный Отчетъ математич. Отдѣла Сиб. Эксп., 1864, стр. 12) чрезвычайно наглядно и подробно доказалъ необычайное запаздываніе тамошней весны. Согласно съ этимъ онъ и нашелъ, что предсказанное мною запаздываніе тамъ перелетныхъ птицъ вполнѣ оправдывается (стр. 558). По-этому, оставляя въ сторонѣ долины Уссури и Сунгари, онъ считаетъ Селенгинско-Ангарскій путь главнымъ проходомъ, чрезъ который перелетныя птицы возвращаются въ Сибирь. Такъ какъ это съ самаго начала было и мое мнѣніе, то я не стану противорѣчить ему, а относительно нѣкоторыхъ не подходящихъ дней прилета замѣчу еще и теперь, что въ Якутскъ перелетныя птицы могутъ прилетать и по Сунгарскому пути, гдѣ, по словамъ Шренка, царствуютъ болѣе умѣренныя весна и лѣто, замѣняющія зимнюю стужу болѣе высокою температурою. Рѣкѣ Сунгари соотвѣтствуютъ въ сѣверномъ направленіи преобразившіяся въ плоскогорья мѣста истоковъ Дзеи. Не только Сунгари, по всей вѣроятности, но и Уссури, безъ всякаго сомнѣнія, служатъ перелетнымъ птицамъ путями кочеванія. Сотни за сотнями и тысячи за тысячами тянулись внизъ по Уссури, густыми толпами, то спускаясь на землю для отдыха, то проносясь мимо безчисленными стаями. Тамошняя мѣстность

кишмя кишѣла отъ несшихся вдаль птицъ. Впрочемъ, часть этого изобильнаго количества должно приписывать, кажется, какъ на южномъ Уралѣ, чрезмѣрному накопленію птицъ остановленныхъ препятствіями.

Чрезвычайно интересно было для меня словесное сообщеніе г. Пржевальскаго, что второе его путешествіе, простершееся до Тибета, убѣдило его въ томъ, что перелетныя птицы, почти безъ исключенія (какъ я уже замѣтилъ на стр. 359, 378 и 413) не рѣшаются перелетать черезъ азіятское плоскогорье по степи Гоби. Онѣ, напротивъ того, тянутся вдоль юго-восточной окраины средне-азіятской возвышенности, въ сѣверо-восточномъ направленіи, за широту Пекина къ сѣверу, и потомъ подъ прямымъ угломъ направляются къ Селенгѣ на сѣверо-западъ, туда, гдѣ степь представляетъ самое узкое пространство. По-видимому это высоко-приподнятая, обуреваемая непогодами, пустыня перелетнымъ птицамъ чуть-ли не страшнѣе морей, чрезъ которыя онѣ перебираются. Съ напряженнымъ вниманіемъ ожидаемъ появленія самихъ наблюденій, которыя отважный путешественникъ намѣренъ издать въ непродолжительномъ времени.

Прекрасна замѣтка Чуди, что перелетныя птицы и путь, которому онѣ слѣдуютъ при переправѣ черезъ Альпы, уже давно означили направленіе позднѣйшихъ проходовъ и искусственныхъ путей.

Замѣтки г. Пржевальскаго изъ Уссурійскаго края уже теперь даютъ намъ нѣкорыя указанія по части особеннаго свойства перелета птицъ въ такихъ мѣстахъ, гдѣ голая континентальная степь и глубокій снѣгъ до такой степени сталкиваются съ пышною лѣсною растительностію густаго подлѣсья, какъ при истокахъ Усури. Постараемся обрисовать эти явленія нѣсколькими характеристичными чертами.

Кое-гдѣ утка (особенно An. clangula) зимуетъ въ полыньяхъ горнаго ручья или озернаго стока. Мѣстность еще глубоко погружена въ зимній сонъ, но уже 24-го Февраля (стар. стиля) начинаютъ появляться лебеди, въ качествѣ первыхъ перелетныхъ птицъ. За ними, въ началѣ Марта, быстро слѣдуютъ другъ за другомъ утки, журавли, хищныя птицы, даже Emberiza polaris, Alauda arvensis, Vanellus cristatus, Lanius major; короче сказать, до 9-го Марта прибыло уже 22 вида. Между тѣмъ 4-го Марта холодъ достигалъ еще 21° Р., ледъ на озерѣ былъ толщиною до 3′; лишь 23-го Марта въ полдень термометръ въ тѣни поднимался выше 0, и, не смотря на это, стужа (до 13°), вьюги и непогоды продолжали свирѣпствовать еще и въ Апрѣлѣ. Но отважныхъ спутниковъ это нисколько не удерживаетъ, а развѣ только немного задерживаетъ. Уже 10-го Марта являются Monedula dahurica, Sturnus cineraceus, Totanus fuscus; 20-го и 21-го Марта Motac. alba paradoxa, Upupa epops, Ibis, Nipon; 28-го и 29-го — Coturnix muta, Columba gelastes, Ruticilla aurorea; въ началѣ Апрѣля Ficedula superciliosa, Motac. cinereocapilla, Scolop. gallinago, Calliope kamtschatkensis; въ половинѣ Апрѣля — Yunx torquilla, Ficedula sibirica; 19-го Hir. rustica rufa; 30-го Hir. urbica, Plectr. lapponica; 10-го Мая Cucul. canorus, и 15-го Oriolus cochinchinensis заканчиваетъ собою перелетъ, хотя недѣлю передъ тѣмъ еще тянулись послѣдніе гуси.

Противоположности такъ рѣзки, что Ibis Nipon раздѣляетъ пребываніе съ Plectr. nivalis, и даже еще цѣлый мѣсяцъ съ Str. nyctea (до IV, 7). Внезапно наступающая теплота во вторую недѣлю Апрѣля, начинающая распускать болота, застаетъ огромное озеро Ханка еще совершенно покрытымъ льдомъ. До тѣхъ поръ прилетѣвшія птицы жалко довольствуются немногими проталинами. Сходство этого явленія на Уссури, подъ 45° с. ш., съ явленіемъ на глубокомъ сѣверѣ, какъ оно описано мною на стр. 429, явно бросается въ глаза.

См. стр. 381: Количество зимующихъ въ Египтѣ Sylv. suecica coerulecula во всякомъ случаѣ такъ велико, что едва-ли можно считать ихъ прибывшими изъ Лапландіи.

Варакушка очень рѣдко является осѣдлой птицей въ Крымскихъ горахъ (Шатиловъ въ Bullet. des Natur. de Moscou, 1860, стр. 498, 516), равно какъ и на Дону (Сѣверцовъ, Період. явленія 1855, стр. 301).

Что встрѣчающіяся на югѣ западной Европы краснобрюхія трубныя ласточки должны считаться случайно занесенными туда птицами, это доказываетъ также появленіе ихъ въ одиночку на о. Гельголандѣ, въ Ростокѣ (Naumannia, 1858, стр. 403, 1160) и т. д.

См. стр. 383: Пискунецъ (Ans. ruficollis), говорятъ, ежегодно пролетаетъ по Галиціи (Journ. f. Ornithol., 1856, I, стр. 95) и встрѣчался также въ Финляндіи (Ibid. 1870, стр. 287).

См. стр. 384, прим. 1: Хотя Buteo lagopus въ Европѣ кое-гдѣ вьетъ гнѣзда (напр. въ Помераніи, Journ. f. Ornithol. 1853, стр. 153; Моравіи, Verhandl. des zoolog.-botan. Vereins in Wien, IV, стр. 433) и постоянно въ ней зимуетъ, но все-таки въ Провансѣ, даже во время перелета, онъ встрѣчался очень рѣдко (до 1854 года только разъ, см. Revue de Zoologie, V, стр. 259, и Journ. f. Ornithol. 1856, стр. 214). Въ Ирландіи онъ также рѣдкое явленіе (Thompson, Report of the British Association tenth meeting, 1841, стр. 365).

При всемъ томъ онъ встрѣчается, говорятъ, въ Алжирѣ. Во всякомъ случаѣ пути его перелета лежатъ на востокѣ, гдѣ онъ ежегодно пролетаетъ по Босфору въ большомъ количествѣ (Revue et Magasin de Zoologie, 1869, стр. 258 и слѣд.).

Къ упомянутымъ уже мѣстамъ перелета птицъ по югу Европ. Россіи я долженъ присоединить еще дальше къ востоку южный Уралъ (Eversmann, Bull. des Natur. de Moscou, 1848, I, стр. 214), гдѣ впрочемъ Buteo lagopus также вьетъ гнѣзда, и подобно альпійскому жаворонку, держитъ себя какъ степная птица. Въ Каракумѣ онъ зимуетъ къ сѣверу отъ Сыръ-Дарьи (по частнымъ свѣдѣніямъ); на Алтаѣ, на сѣверномъ скатѣ (Gebler, Mém. des sav. étrangers, 1857, стр. 528).

О томъ, что онъ будто бы встрѣчается въ южной Африкѣ, срав. Финша (Droste, Bericht über die 18. Versamml. der deutshen Ornithologen-Gesellschaft, 1870, стр. 39).

Такъ какъ Buteo lagopus встрѣчается на крайнемъ востокѣ въ Камчаткѣ и на Курильскихъ островахъ, то странно, что ни я, ни Шренкъ, ни Радде, ни Пржевальскій не встрѣтили его въ Амурскомъ краѣ во время перелета его.

*

См. стр. 384 прим. 1: Райтъ (Wright) встрѣтилъ St. caspia на о. Мальтѣ (Ibis, 1870).

См. стр. 387: Хотя для рыбы, странствующей въ прѣсной водѣ, страна свѣта не имѣетъ никакого значенія, но все-таки и у рыбъ мы встрѣчаемъ въ этомъ отношеніи какіе-то таинственные процессы, объясненіе которыхъ доселѣ намъ кажется еще совершенно невозможнымъ. Какимъ образомъ оріентируются рыбы, когда имъ приходится снова отыскивать часто весьма скрытыя устья незначительныхъ притоковъ на нѣсколько сотъ верстъ отъ моря? Очень поучительна въ этомъ отношеніи напр. рѣка Уссури, устье которой уже довольно далеко отстоитъ отъ устья Амура. Венюковъ (стр. 35, 82 и др.) первый указалъ на то, что Уссури тѣмъ отличается, что выпуклая сторона каждаго изъ мэандрообразныхъ изгибовъ ея расширяется въ просторную бухту. Въ этихъ бухтахъ, которыя я принимаю за прежніе рукава рѣки, живущіе при ней Гольды занимаются рыболовствомъ, изъ чего мы вправѣ заключить, что переходныя рыбы пользуются болѣе спокойной, питательной водой ихъ для своихъ странствованій. Но при этомъ упомянутые рыбаки считаютъ правиломъ, что во время половодья, когда рыбы плывутъ вверхъ по рѣкѣ, необходимо обращать вниманіе на то, какой путь, какой рукавъ рѣки онѣ избираютъ. Тѣмъ-же самымъ путемъ, говорятъ, рыбы и возвращаются, а вслѣдствіе постояннаго въ то время мелководія уловъ рыбы въ такихъ рукавахъ чрезвычайно обиленъ. Такимъ образомъ рыбы, направляясь къ своей цѣли, слѣдуютъ вполнѣ опредѣленнымъ путямъ. Но, читая интересное путевое сообщеніе Пржевальскаго (Путеш. въ Уссур. краѣ, стр. 204) о регулярномъ появленіи переходныхъ рыбъ въ обширномъ озерѣ Ханка, которое въ мѣстѣ съ трудомъ доселѣ отыскивающемся, посредствомъ своего истока Сунгачи, на возвышенности, гдѣ беретъ начало р. Уссури, соединяется съ этимъ притокомъ Амура, мы конечно раздѣляемъ вполнѣ понятное удивленіе путника тому, что рыбы на своемъ длинномъ, чуть ли не 2000 верстномъ пути, умѣютъ безошибочно оріентироваться и направляться къ своей цѣли съ такою необыкновенною точностью. Не могу не замѣтить при этомъ, что большая часть рыбъ, кромѣ того, подобно многимъ перелетнымъ птицамъ, странствуетъ въ темное ночное время. Но что̀ значатъ всѣ эти мелкія побочныя обстоятельства на ряду съ великой загадкой, т. е. тѣмъ фактомъ, что едва вылупившееся изъ яйца и безобразное по своему желтковому мѣшечку животное теченіемъ воды уносится въ море, проводитъ тамъ цѣлые годы, пока становится способнымъ плодиться, и за тѣмъ умѣетъ отыскивать путь къ тому мѣсту, гдѣ оно было оставлено въ видѣ икры. Разъясненіе всего этого зависитъ еще отъ дальнѣйшихъ изслѣдованій.

Обратимся теперь ко второму, загадочному, относящемуся къ области предчувствій, вопросу, который мы разсматриваемъ на стр. 478, говоря о грызунахъ. Какъ на глубокомъ сѣверѣ, такъ и въ высокихъ горныхъ странахъ южной Сибири, многія рѣки, населенныя рыбами, зимою совершенно лишаются воды и замерзаютъ до самаго дна. Хотя при этомъ, конечно, не малое количество рыбъ остается въ прудообразно выдѣляющихся, болѣе глубокихъ мѣстахъ рѣкъ, но все-таки большая часть еще во̀-время уходитъ отъ

такой бѣды посредствомъ перекочевокъ, которыя совершаются ею обыкновенно очень стремительно. Замѣчательно при этомъ, что рыбы обыкновенно спускаются внизъ по рѣкѣ въ болѣе обширныя воды, но что въ Сибири бываютъ и такіе случаи, когда рыбы уходятъ вверхъ по рѣкамъ въ озера[1]), въ болѣе глубокой водѣ которыхъ онѣ за тѣмъ проводятъ зиму. Это обстоятельство служитъ къ объясненію совершившагося въ древности превращенія нѣкоторыхъ чисто-переходныхъ рыбъ въ осѣдло-переходныя.

Изъ р. Таза, въ которую, по освобожденіи ея отъ льда, далеко заходятъ почти всѣ виды переходныхъ рыбъ, исчезаютъ не только эти, но и всѣ вообще рыбы, какъ скоро она покрывается льдомъ. Уже въ первой половинѣ зимы вода ея становится зловонною и рѣка какъ бы умираетъ. Осѣдлыя рыбы ея, говорятъ, удаляются вверхъ по рѣкѣ изъ предѣловъ стоячей воды.

См. стр. 391: Если магнитные полюсы имѣютъ нѣкоторую связь съ способностью животныхъ отыскивать направленіе и съ перелетами птицъ, то въ послѣднемъ отношеніи въ теченіи послѣднихъ столѣтій произошли, должно быть, нѣкоторыя измѣненія, такъ какъ полюсъ, приходящійся теперь на Таймырскій край, съ 17-го столѣтія мало по малу пододвинулся отъ меридіана Великобританскихъ острововъ.

Бэрдъ говоритъ, что въ Сѣв. Америкѣ мое предположеніе ничѣмъ не подтверждается.

См. стр. 393: Возвращаюсь еще разъ къ разсмотрѣнію голубиной почты, которая могла бы послужить прекраснымъ средствомъ для безчисленнаго повторенія опытовъ по части кочеванія птицъ. Ознакомясь съ литературою о голубиной почтѣ[2]), мы убѣждаемся къ сожалѣнію, что съ тѣхъ поръ, какъ древніе Египтяне и Греки пользовались этой почтой, а халифы раскинули вокругъ водоема Средиземнаго моря сѣть голубиныхъ почтъ, устроенныхъ въ огромныхъ размѣрахъ, все-таки до сего времени это нисколько не привело къ лучшему пониманію означеннаго вопроса. Журналы, посвященные голубиной почтѣ, почти исключительно издаются лишь для спортсменовъ, и хотя въ одной Бельгіи они служатъ органомъ чуть-ли не 800 обществъ, хотя ставки бьющихся объ закладъ ежегодно простираются до 500,000 франковъ, все-же эти спортсменскіе листки, если мы станемъ разсматривать ихъ съ научной точки зрѣнія, въ сущности служатъ только для удовлетворенія всякаго рода страстишекъ, для самообмановъ, превозношеній и преувеличеній разгорячившихся и жадныхъ до пари любителей. Больше надеждъ возбуждаютъ 4000 почтовыхъ голубей, воспитываемыхъ, какъ говорятъ, въ Jardin d'acclimatation для снабженія крѣпостей; въ Пруссіи также помышляютъ объ учрежденіи центральнаго заведенія въ Берлинѣ, которое въ случаѣ надобности должно будетъ снабжать крѣпости (главнымъ образомъ Мецъ, Страсбуръ, Кёльнъ) почтовыми голубями. Привлече-

---

[1]) Какъ на глубокомъ сѣверѣ, такъ и на Становомъ хребтѣ. Относительно сѣверной покатости послѣдняго я могу сообщить подобный-же случай изъ путеваго отчета г. **Шварца** (Подробный отчетъ матем. отдѣла, 1864, стр. 15). Онъ касается р. Ханды, впадающей въ Киренгу. Относительно р. Таза сообщается такое-же свѣдѣніе.

[2]) Напр. **Lenzen**: Die Briefbauben, 1873; **Liese**, Postduiven, etc.

ніемъ къ дѣлу научныхъ спеціалистовъ, чрезвычайно богатыя средства, предоставленныя въ распоряженіе военныхъ потребностей, будутъ сопровождаться строго-научными изслѣдованіями, которымъ несомнѣнно принесутъ пользу успѣхи усовершенствованной практики.

При распространеніи страстной охоты къ голубямъ, обереганію и разведенію голубей въ Россіи, нетрудно было бы посредствомъ небольшихъ премій быстро довести у насъ разведеніе почтовыхъ голубей до огромныхъ размѣровъ.

Къ соображеніямъ моимъ, высказаннымъ на стр. 393 и слѣд., я считаю нелишнимъ добавить еще слѣдующее:

Кромѣ способности распознавать направленіе, почтовыхъ голубей по-видимому особенно руководитъ способность помнить мѣстность, которая и служитъ главнымъ основаніемъ умѣнія ихъ оріентироваться. Чтобы правильно понять это, мы должны вдуматься въ дальнозоркость голубиныхъ глазъ, обозрѣвающихъ раскинутую передъ ними панораму съ значительной высоты. Самыми вѣрными данными для разъясненія дѣла могли бы послужить обзоры мѣстностей, произведенные съ воздушнаго шара, вооруженнымъ глазомъ, въ видахъ подобнаго сравненія. Пока это будетъ сдѣлано, намъ постоянно нужно имѣть въ виду, что гусеница должна судить о разстояніи между двумя недалекими пространствами совершенно иначе, чѣмъ мотылекъ, образовавшійся изъ этой гусеницы. Очень можетъ быть, что едва замѣтныя очертанія горъ, увѣнчанныхъ лѣсистыми вершинами и т. п., хотя они почти и теряются въ синевѣ, все-таки служатъ голубямъ вѣрными руководителями; легко можетъ быть, что при полетѣ голубей изъ Мадрида въ Люттихъ, дальнее мерцаніе моря по лѣвую сторону служитъ имъ такою-же точкою опоры, какъ очертанія рельефовъ материка по правую сторону.

По этому одно изъ главныхъ условій, требуемыхъ отъ хорошаго почтоваго голубя, заключается въ томъ, чтобы онъ, будучи спущенъ, поднялся на воздухъ, [не чрезъ мѣру высоко, но] на такую высоту, съ которой лучше всего можно обозрѣть мѣстность. По этому и понятно, что голубь, взлетѣвъ, поворачиваетъ голову во всѣ стороны, въ незнакомой мѣстности описываетъ все болѣе и болѣе значительные круги до тѣхъ поръ, пока по-видимому высмотритъ знакомый ему предметъ, и за тѣмъ направляетъ полетъ свой прямо на него. Будучи спущенъ тамъ-же вторично, онъ уже не кружится такимъ образомъ, а взлетаетъ прямо вверхъ и потомъ направляется прямо на извѣстный ему предметъ.

Очевидно по той-же причинѣ голуби ночью летятъ только при лунномъ свѣтѣ; въ сумеркахъ и при неясной, туманной погодѣ, они летятъ низко (какъ и перелетныя птицы), садятся на крыши, выжидая прекращенія тумана, и сбиваются съ пути почти всегда, когда во время полета ихъ внезапно начинаетъ разстилаться густой туманъ или идти снѣгъ. Если голуби не совсѣмъ собьются съ дороги, то они возвращаются домой, правда поздно, часто чрезъ нѣсколько недѣль. Въ такихъ случаяхъ они нерѣдко бываютъ крайне утомлены, вѣроятно вслѣдствіе долгихъ поисковъ. Замѣчательно, что запазды-

вающіе голуби преимущественно возвращаются по воскресеньямъ; это позволяетъ намъ думать, что они присоединяются къ возвращающимся голубямъ, которые въ этотъ день высылаются для упражненія или вслѣдствіе пари, и многими сотнями проносятся по однимъ и тѣмъ-же направленіямъ, или пожалуй путямъ именно въ этотъ день.

Сезонъ ежегодно приходится открывать (даже съ самыми испытанными голубями) небольшими пробными полетами; разстояніе въ 20 — 30 геогр. миль составляетъ, кажется, тотъ предѣлъ, при которомъ можно быть увѣреннымъ въ возвращеніи даже и не отборныхъ голубей; слѣдовательно оно можетъ быть принято за норму при выборѣ станцій для военныхъ цѣлей. Все это также доказываетъ, какое значеніе при этомъ имѣютъ зрѣніе, способность помнить мѣстность и упражненіе. Но по приведеннымъ уже причинамъ, мы все еще не можемъ отрѣшиться отъ предположенія, что существуетъ такъ называемая способность распознавать направленіе (см. стр. 391).

Удастся-ли намъ со временемъ, когда мы ближе ознакомимся съ существовавшими прежде условіями, объяснить правдоподнымъ образомъ то, что пока еще намъ кажется страннымъ по части кочеванія животныхъ, въ особенности птицъ, возможно ли будетъ со временемъ, подъ вліяніемъ прежнихъ условій, признать почти всѣ загадочныя явленія кочеванія за результатъ одного лишь стремленія къ родинѣ; разрѣшеніе этихъ вопросовъ мы должны предоставить будущности. Въ настоящее время мнѣ такое простое рѣшеніе кажется еще невѣроятнымъ. Да и для возможности предположить наслѣдственныя наклонности тутъ слишкомъ мало простору. Во всякомъ случаѣ насъ должно поразить, что птицы, покидающія насъ ранѣе, чѣмъ этого требуютъ условія питанія, промедливъ нѣсколько времени въ трепетномъ ожиданіи, перелетаютъ чрезъ Средиземное море, и по ту сторону его прибываютъ какъ разъ ко времени самыхъ роскошныхъ трапезныхъ удовольствій, примѣрно къ тому времени, когда Нилъ опять уходитъ въ прежніе берега свои.

Много было говорено и писано о таинственномъ предчувствіи животныхъ, главнымъ образомъ птицъ, о способности ихъ предугадывать явленія природы, особенно измѣненія погоды. Въ введеніи къ Изепиптезамъ я упомянулъ объ основанномъ на этомъ авгурствѣ. Такъ какъ инстинктъ признается за нѣчто въ родѣ ясновидѣнія, а не за сознательное дѣйствіе, возбуждаемое чувственными воспріятіями, то въ признаваніи такой способности предчувствованія можно отыскать извѣстный смыслъ.

Разсмотримъ ближе нѣсколько случаевъ подобнаго рода. Такъ напр. вообще говорятъ о предчувствіи наступленія наводненій. Уже Гмелинъ (Reise II, стр. 81) сообщалъ, что большія животныя предчувствуютъ начало затопленій Волжскихъ острововъ и удаляются оттуда, тогда какъ зайцы, мыши и т. д. уходятъ на вышележащія мѣста и наконецъ тонутъ или дѣлаются добычей охотниковъ, которые спеціально занимаются такою охотою и хватаютъ ихъ руками. — Еще положительнѣе, говорятъ (Pallas, Neue Nordische Beiträge, I, стр. 335), пасюки по временамъ уходятъ съ наносныхъ острововъ Волги на низменный берегъ ея, но чувствуя себя и тутъ не совсѣмъ безопасными, ухо-

дятъ въ вышележащую степь. Такимъ-же образомъ Тунгусы Байкальскіе (Georgi, Reise, p. 162) приписываютъ всѣмъ степнымъ мышамъ способность вѣрно предчуствовать приближеніе наводненій; предчувствіе это, говорятъ, уже осенью до наводненія гонитъ мышей съ островов въ возвышенную степь. Когда это бываетъ, то на слѣдующую весну мѣстность непремѣнно будетъ затоплена. По прекращеніи наводненія онѣ возвращаются опять на свои прежнія мѣста.

Этимъ разсказамъ мы можемъ однакоже противопоставить, не только изъ собственныхъ, но и многихъ постороннихъ наблюденій, весьма убѣдительные примѣры другаго рода, которые по части перелета птицъ относятся къ самымъ обыденнымъ явленіямъ. Палласу самому привелось видѣть (Reise, II, стр. 10, 13), что въ 1770 году подъ 55° с. ш. около Уфы гуси появились уже въ концѣ Марта, но были опять отбиты непогодами, такъ что главныя массы могли тронуться въ путь лишь въ Маѣ. Въ томъ-же году и въ Лифляндіи ласточки прилетѣли во множествѣ въ началѣ Мая и оставались тамъ до 18-го числа, но потомъ исчезли вслѣдствіе холодной погоды (Fischer, Naturgesch. Livlands, стр. 232, 235). Тоже самое случилось видѣть Тарачкову въ 1851 году въ Орлѣ (Отеч. Зап. за 1851 г., Іюль, VIII, стр. 149), гдѣ ласточки появились уже 10-го Апрѣля, но еще 1-го Мая должны были удалиться вслѣдствіе дурной погоды. Палласъ (Reise, стр. 19, и Südl. Statthaltersch. I, стр. 69) видѣлъ въ 1773 году, что подъ 51° с. ш., при р. Уралѣ, прибывшіе туда пчелояды погибли по случаю холода и снѣга. Годъ передъ тѣмъ, погибло множество мелкихъ пѣвчихъ птичекъ въ Дауріи, 5-го Мая, когда послѣ совершенно лѣтней погоды вдругъ выпалъ снѣгъ по колѣно (Pallas, Reise, III, стр. 520). Въ Лифляндіи 11-го Марта 1756 года (Fischer, Landwirthschaftsbuch, стр. 162) возвратились гуси, соблазненные теплою погодою Февраля мѣсяца и начала Марта. За тѣмъ выпалъ глубокій снѣгъ, прогнавшій ихъ съ сѣвера.

Бютнеру (Wiegmann, Archiv f. Naturgesch. 1839, II, стр. 397) случилось видѣть, что съ 12-го Апрѣля стали являться скворцы, голуби, жаворонки, 30-го трясогузки, 2-го Апрѣля аисты, а 12-го Апрѣля, вслѣдствіе снѣга, выпавшаго на 2′ глубины, имъ пришлось опять вернуться.

Радде (Thierleben am Faulen Meere, Bullet. de Moscou 1855, стр. 20) имѣлъ случай видѣть, какъ сотни утокъ, слишкомъ рано прилетѣвшихъ въ Крымъ, погибли отъ холода и голода.

Третьяковъ (Зап. Геогр. Общ. 1869, стр. 283) сообщаетъ, что 6-го Іюля 1850 года и 7-го Іюля 1857 года около Туруханска (66° с. ш. на Енисеѣ) наступила дурная погода, съ сѣвернымъ вѣтромъ и снѣгомъ, которая продолжалась 3 или 4 дня и погубила всѣхъ птицъ, сидѣвшихъ на гнѣздахъ. Подъ $74\frac{1}{2}$° с. ш. при р. Таймырѣ, 22-го и даже 27-го Августа мнѣ самому привелось найти нелетавшихъ еще птенцовъ An. spectabilis, Lar. leucopterus, L. argentatus, которые всѣ, вслѣдствіе запозданія, безусловно должны были погибнуть. Говорятъ, что и лебеди на глубокомъ сѣверѣ Сибири оставляютъ много птенцовъ на произволъ судьбы, вслѣдствіе такого-же запаздыванія. Причиною запаздыванія многихъ

выводковъ очевидно весьма часто бываетъ повышеніе весенней воды въ Сибири. У пары пуночекъ, свившей гнѣздо свое на $1^1/_2$ сажени надъ уровнемъ ледянаго покрова р. Таймыра, за моимъ шалашемъ, при вскрытіи рѣки вода унесла гнѣздо ихъ съ полнымъ количествомъ снесенныхъ яицъ. Не смотря на краткость времени подъ 74° с. ш., птичкамъ этимъ, подобно множеству другихъ сомучениць, пришлось снова приняться за устройство гнѣзда и высиживаніе новыхъ яицъ. Онѣ столько-же не предчувствовали наводненія, сколько и мы сами, когда на южномъ берегу Охотскаго моря преспокойно легли отдыхать на вышинѣ 3 саженъ надъ поверхностью моря и вдругъ, въ темнотѣ ночи, были застигнуты необыкновеннымъ тогда повышеніемъ воды на 21′.

Такихъ примѣровъ, противорѣчащихъ способности животныхъ предчувствовать бѣду, можно отыскать множество. Мы знаемъ также, что во время изверженій Геклы птицы въ Исландіи стали вить гнѣзда свои слишкомъ рано.

Съ другой стороны, при довольно значительной возбудительности, безспорно свойственной птицамъ, дѣйствительно нельзя отвергать у нихъ способности предчувствовать сильныя готовящіяся въ атмосферѣ перемѣны. Но вѣроятно она простирается не далѣе того предчувствія, которое проявляется въ старинныхъ ранахъ, въ подверженныхъ ломотѣ костяхъ, или въ барометрѣ. По-этому мы можемъ противопоставить упомянутымъ ошибкамъ Исландскихъ птицъ слѣдующій случай изъ Камчатки. Зауеръ (Voyage de Billings trad. par Castéra, 1802, II, стр. 166) разсказываетъ, что въ 1792 году ласточки появились въ большомъ количествѣ въ Петропавловской гавани въ Камчаткѣ. Изъ этого необыкновеннаго событія жители заключили, что предстоитъ какое-нибудь необыкновенное явленіе. Дѣйствительно, на другой день произошло чрезвычайно сильное землетрясеніе.

Подобнымъ-же образомъ сообщали, что галки и ласточки иногда покидали мѣста, въ которыхъ появлялась сильная холера. Такъ это случилось въ Каменцѣ-Подольскѣ (Bullet. de Moscou, 1859, стр. 28) и во Франціи (Serres, Causes des migrations, стр. 147). Совершенно отвергать такую связь нельзя, но все-таки это слишкомъ большія исключенія изъ правила, по которому птицы нисколько не смущаются холерой. Нужно бы было ближе изслѣдовать этотъ пунктъ.

Такимъ-же образомъ животныя способны очень вѣрно измѣрять небольшіе промежутки времени, съ которыми сопряжены извѣстныя явленія, правильно повторяющіяся. Домашній скотъ, привыкшій къ извѣстнымъ срокамъ, когда его кормятъ, убѣдительно свидѣтельствуетъ объ этомъ не только на любомъ скотномъ дворѣ, но и весьма поразительно на всѣхъ прибрежьяхъ, подверженныхъ значительному измѣненію морскаго уровня. Домашнія животныя, коровы, собаки и т. д., превосходно знаютъ время отлива и являются на берегу во-время столь-же аккуратно, какъ медвѣди, лисицы и огромныя стаи голенастыхъ птицъ, чаекъ и т. п. На южныхъ берегахъ Охотскаго моря я имѣлъ случай видѣть, что даже дельфины постоянно съ приливомъ заходили въ устья рѣкъ и каждый разъ во-время возвращались въ море чрезъ мелководные бары, находящіеся пе-

редъ устьями, прежде чѣмъ могли быть отрѣзаны отъ него обнажавшимися мелями валуновъ на этихъ барахъ. Они уходили не смотря на то, что самое ложе рѣки (напр. въ Уди) повыше бара было глубже, чѣмъ нужно было для того, чтобы доставить должный просторъ этимъ огромнымъ хищникамъ. Очевидно ихъ проучилъ опытъ, въ особенности-же охота на нихъ.

См. стр. 395: Глубоко-сѣверная Fring. linaria также встрѣчалась высиживающею яйца въ Курляндіи (Naumannia, 1858, стр. 274) и въ Верхней Штиріи (Verhandl. des zoolog.-botan. Vereins in Wien, IV, стр. 620). Есть также нѣсколько примѣровъ того, что нѣкоторыя пары Bomb. garrula высиживали яйца въ Германіи (Naumannia, 1850, III, стр. 68). Срав. впрочемъ стр. 411, примѣч. 1-е.

См. стр. 401, примѣч. 3-е: Fratercula arctica выводитъ яйца на берегу Атлантическаго океана, подъ широтою Лиссабона (Saunders, Ibis, 1871).

См. стр. 404: Str. funerea простираетъ свои зимнія странствованія до Харькова (Czernay, Bullet. des Natur. de Moscou, 1865, стр. 60).

См. стр. 404: Райтъ (Wright) видѣлъ Plectrophanes nivalis на о. Мальтѣ въ Ноябрѣ 1869 года (Ibis, 1870).

Впрочемъ эта птица зимуетъ, какъ извѣстно, на Ферэрскихъ островахъ, даже въ Исландіи и Гренландіи.

См. стр. 405, примѣч. 2-е: По словамъ Коллетта (Droste, Bericht über die 18. Versamml. der deutsch. Ornithol.-Ges. 1870, стр. 46), въ южной Норвегіи, подъ 60° с. ш., иногда зимуютъ Turd. viscivorus, T. musicus, Erythr. rubecula, Accentor modularis, Sturnus vulgar., Motac. alba, Corv. frugilegus, Scolop. rusticola, Rallus aquaticus, Numen arquata.

См. стр. 407: Уже Соннини сообщилъ намъ довольно удовлетворительныя извѣстія о тѣхъ перелетныхъ птицахъ, которыя зимуютъ въ Африкѣ (Tiedemann, Zoologie, III, стр. 618). Срав. также стр. 410, примѣч. 1-е.

Пролетающія по Восточной Сибири Phyllopneuste coronata, Lusciola cyanura, Parus ater, Muscicapa cinereo-alba, Fring. montifringilla, Emberiza rustica, Totan. glareola, Scol. rusticola, Anas glacialis и т. д. встрѣчаются опять въ Гакодаде; Calliope kamtschatkensis на Филипинскихъ островахъ (Ibis, 1867).

См. стр. 410: Нелишнимъ будетъ напомнить при этомъ случаѣ, что у растеній мы встрѣчаемъ нѣчто подобное. Гукеръ въ своей Flora antarctica призналъ до полусотни видовъ явнобрачныхъ растеній за тожественныя съ европейскими видами; но изъ нихъ большая часть считается занесенною, остальныя же, по мнѣнію нѣкоторыхъ ботаниковъ, различными въ видовомъ отношеніи, хотя и чрезвычайно похожи на европейскіе виды.

См. стр. 413: На Енисеѣ я встрѣчалъ орѣховку зимою не далѣе 64° с. ш. Но, по словамъ Фигурина, орѣховка и тетерки зимуютъ на Янѣ у Верхоянска, подъ 67° с. ш.

По рукописнымъ извѣстіямъ, даже въ предѣлахъ полярнаго круга на Ленѣ (у Жиганска) зимою встрѣчались Falco islandicus, Buteo lagopus, Stryx nyctea, Corv. corax, Tetrao lagopus, T. urogallus и tetrix, Picus martius, одинъ изъ пестрыхъ дятловъ, и Fring. linaria.

См. стр. 414: Относительно тугуна въ моемъ дневникѣ прямо замѣчено, что я его развѣдалъ въ Пупковскомъ (на Енисеѣ, примѣрно подъ 65° с. ш.), гдѣ онъ, какъ мнѣ сказали, во время своего кочеванія появлялся въ одно время съ сельдями (S. albula). Другая замѣтка показываетъ мнѣ, что онъ заходитъ даже, какъ говорятъ, за Енисейскъ. Но Шмидтъ (Mammuth-Kadaver, стр. 46) говоритъ, что при устьѣ Енисея (Бреховскіе острова) вовсе не знаютъ тугуна и что о немъ шла рѣчь только выше Туруханска.

Такъ какъ не вѣроятно, чтобы тугунъ могъ быть единственнымъ примѣромъ кочующаго лоха, не заходящаго изъ моря вверхъ по рѣкѣ, то я скорѣе готовъ предположить, что при устьѣ Енисея, среди изобилія большихъ лоховъ, не обращаютъ никакого вниманія на этого крошечнаго лоха. Дѣло это заслуживаетъ однакоже точнаго изслѣдованія потому, что въ осетриной породѣ стерляди представляютъ отдѣльный примѣръ подобнаго исключительнаго положенія. Стерляди кочуютъ для метанія икры почти стольже положительно, какъ и другіе виды осетринаго рода, но въ море они заходятъ только въ видѣ исключенія.

Было бы интересно узнать, далеко-ли сельдь (S. albula) заходитъ вверхъ по р. Ленѣ. До Якутска (62° с. ш.) онъ не добирается.

См. стр. 419: Почти въ одно время съ моею разработкою изепиптезъ Россіи, Стенструпъ (Videnskablige Meddelser fra den naturhistoriske Forening i Kjöbenhavn, 1854, p. 4 и т. д.) на основаніи продолжительныхъ наблюденій, произведенныхъ въ Даніи, доказалъ тоже, что и я, т. е. что разница между сроками прибытія одной и той-же птицы въ различные годы бываетъ тѣмъ значительнѣе, чѣмъ ранѣе прилетаетъ эта птица; такъ напр. для скворцевъ въ Даніи промежутокъ составляетъ 47 дней, а для ласточекъ только 20 дней, для кукушекъ лишь 13, для соловья не болѣе 11 дней.

См. стр. 423: Само собою разумѣется, что при исчисленіяхъ быстроты путешествія перелетныхъ птицъ необходимѣе всего, чтобы для сравненія принимались въ соображеніе такія мѣстности, которыя лежатъ по направленію полета разсматриваемой птицы. Не угадавъ мѣстности, мы получимъ невѣрные результаты.

Если бы напр. мы вздумали сравнивать время прибытія аиста въ Одессу, подъ 46½° с. ш., безъ всякаго дальнѣйшаго соображенія, со временемъ прилета его въ Лифляндію, то мы получили бы въ результатѣ, что онъ ежедневно пролетаетъ отъ 10 до 14 геогр. миль. Если же, обративъ вниманіе на изепиптезы аиста, мы примемъ въ соображеніе, какъ слѣдуетъ, перпендикулярно приходящееся къ нимъ направленіе полета этой птицы отъ Кишенева къ Кіеву, то мы получимъ скорость путешествія приблизительно по 4 геогр. мили въ день и убѣдимся, что въ Лифляндію аисты прилетаютъ чрезъ Германію и Польшу, а не прямо съ юга.

Я успѣлъ убѣдиться, что, въ противоположность аисту, перепелъ во внутреннихъ частяхъ Россіи довольно положительно слѣдуетъ направленію съ С. на Ю. Будь у насъ точныя свѣдѣнія о времени прибытія перепела въ болѣе сѣверныя широты, мы могли бы точно исчислить быстроту его полета. Кишиневъ и Вологда, будучи сравнены между

собою, даютъ почти 6 геогр. миль въ день. Можетъ быть, конечно, это и совершенно правильно, но Вологда лежитъ слишкомъ близко отъ полярнаго предѣла этой птицы, такъ что мы пока еще не вправѣ вывести окончательное заключеніе.

На Tot. glareola, Scol. galinago, Plectr. nivalis, по разсчету разстояній между широтами Кіева и Таймырскаго края, приходится по 5 геогр. миль въ день, а на Plectr. nivalis, между $51\frac{1}{2}^\circ$ на Волгѣ (Pallas, Südl. Statthalt., стр. 38) и Таймырскимъ краемъ, по 6 геогр. миль.

Alauda arvensis пролетаетъ по 6 геогр. миль между Кишиневомъ и Вологдою.

Saxicola oenanthe по $5\frac{1}{4}$ геогр. миль между Одессой и Таймырскимъ краемъ; по 6 между Одессой и Кіевомъ.

На Hirundo приходится по 5 геогр. миль между Митавой и Петербургомъ, по $5\frac{1}{4}$ между Одессой и Таймырскимъ краемъ, по 5 между Одессой и Кіевомъ, по 7 между Одессою и Петербургомъ или также Березовымъ.

На S. suecica причитается по $5\frac{1}{2}$ геогр. м. между Кіевомъ и Таймырскимъ краемъ.

На Milvus niger по 4 геогр. м. между Барнауломъ и Якутскомъ.

На Oriolus galbula приходится по 5 геогр. м. между Одессою и Кіевомъ и только по $2\frac{1}{2}$ между Одессою и Петербургомъ, изъ чего ясно видно, что и онъ прилетаетъ къ намъ не съ юга, а съ юго-запада, какъ это доказываетъ его изепиптеза. На глубокомъ сѣверѣ и вообще тамъ, гдѣ вслѣдствіе замедленія (особенно климатическаго) въ наступленіи весны, происходятъ накопленія птицъ, быстрота путешествія можетъ то на половину, то вдвое противъ обыкновенной величины, и еще болѣе, либо повышаться, либо уменьшаться.

Ричардсонъ (Search. Expedit. II, стр. 107) дознался напр., что подъ 68° с. ш. у Пилъ-риверъ-форта первые гуси каждый годъ регулярно появлялись между 12 и 15 Мая. Теперь я нахожу, что на 9 градусовъ южнѣе, въ фортѣ Чёрчиль (59° с. ш.), близь Гудзонова залива, наблюденія, производившіяся нѣсколько лѣтъ, представили разницу всего въ 2 недѣли (Parry, Sec. Voyage, Append. 1825, стр. 364). Это дало бы скорость въ слишкомъ 9 геогр. миль въ день.

На перелетъ же пуночки, тракилока и чогунока въ Гренландіи приходится только $2\frac{1}{2}$ до $3\frac{1}{2}$ геогр. м. въ день, если мы примемъ за исходную точку, что они появляются подъ 64° с. ш. въ началѣ Апрѣля, въ началѣ и въ половинѣ Мая, а подъ 69° с. ш. въ началѣ Мая, въ концѣ Мая и до начала Іюня (Holböll, Isis 1845, стр. 755 и слѣд.).

Что касается направленія, по которому прилетаютъ различныя перелетныя птицы, быстроты, съ которой онѣ совершаютъ перелетъ, и причинъ большаго ускоренія и большаго промедленія, то мы скоро получили бы объ этомъ самое точное понятіе, если бы, хотя только въ теченіе одного лѣта, могла быть раскинута правильно распредѣленная сѣть наблюденій, особенно при помощи телеграфическихъ извѣщеній, которыя опережали бы путешественниковъ.

См. стр. 425. Для перелетныхъ птицъ Якутска я пока еще и теперь оставляю Сунгарскій путь; срав. мое дополненіе къ стр. 377.

Ans. glocitans, который подъ 45° с. ш. на Уссури появился въ половинѣ Марта, а въ концѣ мѣсяца набирался нѣсколькими тысячами (Пржевальскій), принадлежитъ, по собраннымъ мною свѣдѣніямъ, къ числу самыхъ обыкновенныхъ птицъ, пролетающихъ черезъ Якутскъ. Если онъ въ началѣ Апрѣля появлялся въ Маріинскѣ, а въ концѣ того-же мѣсяца въ Николаевскѣ (Шренкъ), то эта птица должна находиться въ связи съ перелетными Ans. glocitans, которыхъ я встрѣтилъ лишь въ началѣ Мая на Становомъ хребтѣ.

Но Радде видѣлъ, что у Тарей-Нора, подъ 50° с. ш., и примѣрно на градусъ южнѣе у Буреинскаго хребта, та-же птица появилась уже въ концѣ Марта. Это скорѣе заставляетъ предполагать Дзейскій и Олекминскій путь, чѣмъ Селенго-Ангарскій.

Уже Георги (Reise I, стр. 169) сообщилъ, что Ans. glocitans лишь пролетаетъ чрезъ Иркутскъ. Яйца свои птица высиживаетъ въ этихъ широтахъ по видимому только въ рѣдкихъ случаяхъ, а на глубокомъ сѣверѣ повсюду, какъ я видѣлъ это въ Таймырскомъ краѣ. Въ верховьяхъ Уссури ни одна изъ нихъ не остается.

См. стр. 430. Третьяковъ (Зап. Имп. Р. Геогр. Общ. 1869, II, стр. 317) приписываетъ даже поздній отлетъ лебедей изъ глубокаго сѣвера только тому обстоятельству, что птенцамъ нужно больше времени для того, чтобы подрости и опериться. Это мнѣ кажется весьма вѣроятнымъ.

Дикіе гуси не рѣдко покидаютъ своихъ птенцовъ еще поспѣшнѣе, чѣмъ лебеди, если они не въ состояніи во-время собраться въ путь.

См. стр. 439. Описаніе это, основанное на моихъ собственныхъ наблюденіяхъ, превосходно подтверждается извѣстіемъ, сообщеннымъ въ Bericht über die 17-te Versammlung der deutsch. Ornitholog.-Gesellsch. 1869, стр. 7. Птицы, обыкновенно являющіяся въ Голландіи въ началѣ Марта, въ означенномъ году прилетѣли лишь въ концѣ Марта или въ началѣ слѣдующаго мѣсяца. Апрѣльскія же птицы прибыли во-время.

Непрерывная связь между періодами произрастанія извѣстныхъ растеній и временемъ прилета извѣстныхъ видовъ птицъ мыслима только для положительно позднихъ птицъ.

См. стр. 441. Рыбы, пойманныя въ р. Таймырѣ въ теченіи Іюня, всѣ были такъ тощи, что изъ нихъ нельзя было добыть ни малѣйшаго жиру, какъ ни нуждались въ немъ наши смазные сапоги.

См. стр. 442. Налимъ дѣйствительно самая отъявленная зимняя рыба и кочуетъ притомъ ночью. По-этому рыбачьи кузовы, которые сначала обращены были отверстіями вверхъ по рѣкѣ къ возвращавшимся лохамъ, поворачивались потомъ внизъ по рѣкѣ. Тоже самое дѣлается и на Уссури, по Пржевальскому (стр. 99). Только въ сильную стужу, при замерзаніи ртути, и налимъ, кажется, не трогается съ мѣста (Сарычевъ, Путеш. I, стр. 68).

20-го Сентября налимы въ р. Таймырѣ начали уже подниматься вверхъ по рѣкѣ, для метанія икры, и встрѣчались съ муксунами, которые, хотя на половину готовые метать икру, уже тянулись къ морю.

Такимъ-же образомъ дѣйствуютъ не только всюду встрѣчающійся налимъ, но и родичи его. Такъ напр. и вахня въ Сѣв.-Зап. Америкѣ является тогда только, когда ледъ уже установится, и уходитъ, говорятъ, также подъ ледянымъ покровомъ (Загоскинъ, Пѣшеход. Опись, I, стр. 33).

См. стр. 443. Пржевальскій (l. c. стр. 97) говоритъ, что кета въ концѣ Августа заходитъ въ устье Амура, а въ половинѣ Сентября достигаетъ низовьевъ Уссури. Это не согласуется со сроками прибытія кеты на южный берегъ Охотскаго моря (срав. стр. 413, прим. 2-е). Изъ рукописнаго дневника Редовскаго я вижу, что кета въ Ижигѣ (62° с ш.) идетъ вверхъ въ Іюлѣ, тогда какъ переходное движеніе рыбъ начинается тамъ съ нерки (S. lycaodon), за которой слѣдуютъ корюшка, а въ Іюнѣ горбуша (S. proteus).

Мнѣ говорили, что кета уже не доходитъ до Буреи, что Ўнмў самый дальній притокъ Амура, до котораго она добирается. Въ рѣки Большаго Шантарскаго острова кета по-видимому также не заходитъ, хотя мальму и горбушу тамъ ловили.

Даже въ прежнее время въ Сѣв. Европѣ не были извѣстны такія странствованія лоховъ, которыя можно бы было сравнивать съ странствованіями ихъ въ Сибири. Въ древнѣйшія времена даже материкъ Норвегіи причислялся къ морскому прибрежью до тѣхъ мѣстъ, до которыхъ лохъ пробирался по рѣкамъ (Weinhold, Altnordisches Leben, стр. 70). Въ Сибири такое опредѣленіе было бы безсмыслицею.

См. стр. 444. Эрманъ (Archiv, IV, стр. 620) говоритъ: «Близь Охотска и въ Камчаткѣ при какомъ-нибудь селеніи на главной рѣкѣ или на притокахъ ея, лохи извѣстнаго вида являются ежегодно какъ-разъ въ одинъ и тотъ-же день, и въ этомъ отношеніи, кажется, съ незапамятныхъ временъ не произошло ни малѣйшей перемѣны.

Мои собственныя наблюденія, распросы и всѣ печатныя свѣдѣнія, которыя мнѣ извѣстны, единогласно свидѣтельствуютъ о томъ, что хотя прибытіе лоховъ въ одномъ и томъ-же мѣстѣ ежегодно приходится почти въ одно и тоже время, но что все-таки бываетъ разница въ нѣсколько дней и недѣль, точно также какъ и у птицъ.

Впрочемъ Эрманъ самъ противорѣчитъ своему вышеприведенному, очевидно совершенно неосновательному показанію, сообщая на той-же страницѣ, что мальма (S. callaris) у Охотска «между 22 Мая и 2 Іюня возвращается въ море», что «у Еловки въ Камчаткѣ первые экземпляры этого вида появляются не раньше 15 Августа» и что послѣдніе странники кеты (S. lagocephalus) «заходятъ въ р. Камчатку едва-ли позже 20—25 Сентября».

Такъ какъ цѣлый рядъ разныхъ явленій, изъ которыхъ я привелъ только нѣсколько, оказываетъ свое вліяніе на начатіе странствованій рыбъ, и безъ того продолжающихся у каждаго вида, равно какъ у птицъ, цѣлыя недѣли, то и невозможно, чтобъ день прибытія былъ такъ опредѣленъ, какъ того хочетъ Эрманъ.

Г. Кноху мы должны быть признательны за то, что онъ успѣлъ дознаться (Bullet.

des Natur. de Moscou, 1871, p. 262), что время метанія икры стерлядями находится въ тѣснѣйшей связи съ половодьемъ Волги. Этимъ весьма просто разъясняется непонятное до тѣхъ поръ обстоятельство, что рыба эта мечетъ икру подъ сѣверными широтами раньше, чѣмъ подъ южными. Легко можетъ быть, что время метанія икры нѣкоторыми лохами Сибири также находится въ связи съ тѣмъ-же обстоятельствомъ. На Енисеѣ это можно бы было провѣрить тѣмъ легче, что у пороговъ ея, близь Осиновки, такъ называемая «черная вода» образуетъ повышеніе воды, бывающее два раза въ году, а именно въ концѣ Октября или въ началѣ Октября и въ первой половинѣ Декабря, совершенно независимо отъ настоящаго времени половодья въ Енисеѣ.

Вѣдь до сихъ поръ не разъяснена даже связь между температурою воды и потребностью метать икру. Не подлежитъ, какъ мнѣ кажется, сомнѣнію, что омуль изъ холодной Байкальской воды заходитъ въ болѣе нагрѣтую въ теченіи всего лѣта воду притоковъ Байкала, тамъ выпускаетъ свою икру и тогда только, когда рѣчная вода позднею осенью снова сильно охладѣетъ, возвращается (подъ названіемъ котцоваго) въ воду Байкала, которая теперь опять теплѣе рѣчной. Подтвержденіемъ догадки, что рыбы чувствуютъ себя хорошо не въ слишкомъ холодной водѣ, служатъ показанія рыбаковъ, что при хорошей теплой осенней погодѣ переходныя рыбы всякаго рода заставляютъ ожидать себя очень долго, пока наконецъ вслѣдствіе внезапно наступившаго мороза начинаютъ проноситься тѣмъ быстрѣе и нежданнѣе. Говорятъ даже, что при необыкновенно раннихъ осеннихъ морозахъ рыбы, обыкновенно забирающіяся въ это время въ рѣки далеко вверхъ, возвращаются прежде чѣмъ достигнутъ верховьевъ, въ которыхъ онѣ прежде бывали. Такъ какъ съ другой стороны рыбаки увѣряютъ также, что въ теченіе тѣхъ лѣтъ, когда въ рѣкахъ и рѣчкахъ бываетъ много воды, рыбы заходятъ вверхъ по рѣкамъ дальше, то опять спрашивается, какъ же быть въ такомъ случаѣ съ правильнымъ возвращеніемъ рыбъ въ тѣ мѣста, на которыхъ онѣ вылупились изъ яйца? Что этотъ фактъ впрочемъ должно разсматривать не слишкомъ строго, а только въ такомъ смыслѣ, какъ по отношенію къ птицамъ, это намъ доказываетъ нерѣдкое появленіе рыбъ въ такихъ мѣстахъ, въ которыхъ ихъ прежде не знавали[1]).

Къ вышеприведеннымъ соображеніямъ мы можемъ присоединить еще, что бѣлорыбица S. leucichthys (тожествена ли съ нельмой, или нѣтъ?) въ текущихъ на сѣверъ рѣкахъ, Сѣв. Двинѣ и большихъ рѣкахъ Сибири, заходя въ рѣки, отыскиваетъ болѣе теплую воду, тогда какъ, плывя вверхъ по текущимъ къ югу рѣкамъ, напр. по р. Уралу, очевидно покидаетъ теплую воду, чтобы отыскать болѣе холодную.

Мы вправѣ надѣяться, что ближайшее изученіе лоховъ въ этомъ направленіи вскорѣ разъяснитъ дѣло, потому что характеръ этихъ рыбъ по-видимому въ связи съ большою чувствительностью къ уклоненіямъ температуры, а уклоненія, которыя онѣ выносятъ, едва-ли простираются дальше 10 градусовъ. Совершенно иначе устроена порода

---

[1]) Какъ напр. появленіе стерлядей въ области Сѣв. Двины, корюшки въ р. Мстѣ, въ 1851 году, какъ сообщилъ Кесслеръ (Труды С.-Петерб. Общ. Естество-испыт. I, 2, 1870).

карасей. Эти рыбы зимою преспокойно замерзають, зарывшись въ илъ; лѣтомъ же онѣ выносятъ полный солнечный припекъ, нагрѣвающій воду мелкихъ степныхъ озеръ выше 30°. Съ этою нечувствительностью къ измѣненіямъ температуры идетъ объ-руку большое равнодушіе къ химическому свойству воды. Солоноватыя степныя озера, содержащія болѣе 3 процентовъ поваренной соли, съ сильною примѣсью глауберовой и горькой соли, и развивающія сквернѣйшій запахъ сѣрнистаго водорода, при всемъ томъ служатъ карасямъ безвреднымъ мѣстомъ пребыванія.

См. стр. 445. Изъ всѣхъ лоховъ странствованіе рыбъ открываютъ, кажется повсюду, осетриные виды, вскорѣ послѣ вскрытія льда; затѣмъ уже слѣдуютъ лохи.

Свѣдѣніе о томъ, что въ Сибири сигъ поднимается вверхъ вскорѣ по вскрытіи льда, я не умѣю согласить съ достовѣрнымъ извѣстіемъ, что въ Новгородской губерніи сиги начинаютъ метать икру съ послѣдней недѣли Октября[1]).

По словамъ Третьякова (Зап. Геогр. Общ. 1869 года, стр. 269, 467), странствованіе рыбъ открываетъ чиръ, за которымъ слѣдуютъ сельдь, сигъ и пелетъ. Большая часть этихъ рыбъ, говоритъ онъ, достигаетъ примѣрно 60 градуса широты и задерживается порогами близъ Осиновки, такъ что лишь нельма и тугунъ доходятъ до Енисейска. Добрая часть муксуновъ заходитъ, говорятъ, въ Нижнюю Тунгуску. Въ началѣ этого столѣтія муксуны начинали свое странствованіе, кажется, 10 днями ранѣе. Омуль только въ такіе годы, когда осень бываетъ тепла и продолжительна, достигаетъ устья Каменной Тунгуски ($61\frac{1}{2}$ с. ш.) и, не останавливаясь тамъ, возвращается оттуда. По словамъ Шмидта (Mammuth-Kadaver, стр. 46), омуль является въ Енисеѣ, между 70° и 71° с. ш., въ одно время съ муксуномъ, въ Іюнѣ или въ началѣ Іюля; позднею осенью его ловятъ въ Подкаменной Тунгускѣ еще подо льдомъ. Тоже дѣйствительно я встрѣтилъ и у Пескина ($63\frac{2}{3}$° с. ш.).

Муксуны встрѣчались Шмидту подъ тѣми-же широтами 70° и 71° (Бреховскіе острова) нѣсколькими отдѣльными стаями лишь въ началѣ Іюля; но въ Августѣ за ними слѣдовали еще дальнѣйшія стаи.

По словамъ Шмидта, сельдя во множествѣ ловятъ въ началѣ Сентября у Туруханска. Онъ тянется плотными стаями и слѣдовательно проводитъ мѣсяца $1\frac{1}{2}$ или 2 въ путешествіи отъ устья Енисея до Туруханска.

Судя по моимъ даннымъ, послѣдовательный порядокъ, въ которомъ прибываютъ рыбы, подъ разными широтами, по-видимому измѣняется. Однѣ обгоняются другими.

Тѣ рыбы, которыя въ началѣ весны поднимаются вверхъ по рѣкамъ, въ концѣ Октября или въ первой половинѣ Ноября, опять, кажется, являются у впаденія рѣкъ въ Ледовитый Океанъ.

---

[1]) Согласно отчету заведенія для искусственнаго разведенія рыбъ, въ Земледѣльч. Газетѣ за 1870 годъ, № 22. стр. 340.

Въ то время, когда я пересматривалъ послѣднюю корректуру вышеприведенныхъ дополненій, я получилъ сочиненіе «Om Foglarnes flyttingsvägar, af Iohan Axel Palmén, Helsingfors, 1874». Не смотря на то, что почтенный авторъ его, хорошо извѣстный по своей прекрасной Орнитологіи Финляндіи, очень обязалъ меня присылкою вышеупомянутой книги, я нахожусь однакоже въ непріятномъ положеніи, не имѣя возможности тотчасъ-же воспользоваться этимъ весьма интереснымъ для меня сочиненіемъ, потому что въ уединеніи своемъ не могу отыскать человѣка, знающаго шведскій языкъ, который не принадлежитъ къ числу шести извѣстныхъ мнѣ языковъ.

Будучи вынужденъ отложить ближайшее изученіе Пальменова труда до другаго времени, я теперь могу только отъ души радоваться тому, что мы оба въ одно время, хотя и совершенно независимо другъ отъ друга, занялись разслѣдованіемъ одного и тогоже предмета. Результаты, которые, судя по картѣ, приложенной къ соч. Пальмена, въ главныхъ чертахъ, кажется, сходны съ моими, должны быть тѣмъ достовѣрнѣе.

Хотя книга Пальмена поступила въ продажу нѣсколькими мѣсяцами раньше предлежащаго выпуска моего Путешествія, но уже въ Сентябрѣ 1873 года, на съѣздѣ сельскихъ хозяевъ въ Вѣнѣ, по случаю совѣщаній объ охранѣ птицъ, я роздалъ нѣсколько экземпляровъ первой половины этого послѣдняго выпуска Путешествія (нѣм. изд. до стр. 1228), а именно въ видѣ отдѣльныхъ оттисковъ подъ слѣдующимъ заглавіемъ: Zur Kenntniss der Wärme-Oekonomie und des Wanderns der Thiere, 1873, im August.

Въ Ноябрѣ 1874 года, т. е. въ то время, когда въ нѣмецкомъ изданіи эта глава уже была отпечатана, я получилъ отъ г. Пальмена составленный на нѣмецкомъ языкѣ рукописный перечень содержанія вышеупомянутаго сочиненія.

Пользуюсь предстоящимъ случаемъ, чтобы разсмотрѣть этотъ перечень на столько, на сколько г. Пальменъ высказывается противъ метода, предложеннаго и развитаго въ моихъ «Изепиптезахъ».

Во-первыхъ, по мнѣнію г. Пальмена, для достиженія вполнѣ надежныхъ результатовъ, необходимы гораздо болѣе точныя среднія данныя, чѣмъ тѣ, которыми мы можемъ располагать до настоящаго времени.

Вполнѣ согласенъ съ г. Пальменомъ, что такія данныя крайне желательны. Въ изслѣдованіи своемъ вѣдь я старался снова подстрекнуть почти уже ослабѣвающія силы на продолженіе прежнихъ и предпринятіе новыхъ наблюденій по части перелетовъ птицъ. Этого можно было достигнуть только тѣмъ, что я, въ видѣ опыта и примѣра, попытался показать, какую положительную пользу могутъ наконецъ оказать такія наблюденія. Болѣе точныя среднія данныя могутъ быть добыты лишь при помощи обширныхъ и продолжительныхъ наблюденій.

Во-вторыхъ, г. Пальменъ полагаетъ, что «если бы у насъ и были такія болѣе точныя среднія данныя, то въ проведенныхъ на основаніи ихъ общихъ изепиптезахъ должны оказаться пробѣлы для нѣкоторыхъ видовъ. Слѣдовательно, принимая за основаніе изслѣдованія одни только среднія данныя, мы можемъ провести изепиптезы и по такимъ мѣстамъ, въ которыхъ извѣстная птица вовсе не бываетъ».

Изепиптезы, безъ сомнѣнія, должно обозначать посредствомъ прерывающихся линій, и я не нахожу ни малѣйшаго затрудненія изображать ихъ, гдѣ нужно, посредствомъ прерывающихся рядовъ линій. Вѣдь и изотермическія линіи въ извѣстныхъ случаяхъ могутъ быть наносимы только съ промежутками и касаться лишь такихъ мѣстностей, въ которыхъ дѣйствительно производились наблюденія.

Наконецъ г. Пальменъ дѣлаетъ еще одно возраженіе, касающееся самаго принципа этой методы. Если вопросъ (говоритъ онъ) долженъ быть рѣшенъ въ такомъ смыслѣ, то означенное явленіе, на подобіе метеорологической проблемы теплоты, болѣе или менѣе разсматривается какъ физическій процессъ, и потому результатъ получаетъ такой-же колеблющійся характеръ. Между тѣмъ явленіе, о которомъ у насъ идетъ рѣчь, совершается надъ живыми существами, слѣдовательно оно гораздо сложнѣе и потому должно быть разсмотрѣно съ біологической стороны».

Всѣ предыдущіе листы этого выпуска свидѣтельствуютъ о томъ, что я смотрю на означенное явленіе какъ на очень сложный біологическій вопросъ. При всемъ томъ едва-ли кто станетъ отрицать, что перелетъ птицъ главнымъ образомъ находится въ связи съ измѣненіемъ временъ года; даже зависитъ отъ нихъ. Если же климатическія данныя играютъ главную роль, то важнѣе всего разъяснить, въ какомъ именно отношеніи къ нимъ находится перелетъ птицъ, и такимъ образомъ получить возможность, выдѣливъ ихъ, правильно оцѣнить и опредѣлить значеніе остальныхъ данныхъ. Для этой цѣли графическій способъ изображенія, введенный мною въ «Изепиптезахъ», самый наглядный; онъ позволяетъ намъ ознакомиться съ дѣломъ въ самыхъ обширныхъ размѣрахъ и потому уже оказался положительно полезнымъ.

Верховыя и упряжныя животныя Сибирскихъ кочевниковъ.

Принужденный довольствоваться въ своемъ быту однимъ лишь царствомъ животныхъ, первобытный житель Сибири также долженъ былъ приняться за кочеваніе. Какъ охотнику и рыбаку ему, конечно, открывалась возможность устраивать свой шалашъ въ такихъ мѣстахъ, которыя кочевыя животныя посѣщали больше всего, подстерегать ихъ на пути кочеванія и сбирать съ нихъ десятину, нѣкогда причитавшуюся вѣнцу творенія въ необыкновенномъ изобиліи.

При всемъ томъ мы находимъ, что и осѣдлаго первобытнаго жителя Сибири, подобно животнымъ, одолѣвало желаніе выбраться въ даль. Возможность исполнить это желаніе представляли рыбаку лодка, а охотнику — вѣрная спутница его, собака, на которую онъ напяливалъ упряжь.

Но значительно бо́льшая часть первобытныхъ жителей Сибири, въ противоположность туземцамъ Сѣв. Америки, съ незапамятныхъ временъ была пастушескимъ народомъ и вслѣдствіе этого въ такой-же степени должна была предаться кочеванію, въ какой послѣднее составляетъ, какъ мы показали, жизненное условіе Сибирскихъ животныхъ. Чтобы облегчить себѣ эти кочеванія, кочевникамъ пришлось сдѣлать домашнія животныя верховыми и упряжными животными, ближайшее изслѣдованіе которыхъ должно возбудить любопытство внимательнаго наблюдателя животнаго царства тѣмъ болѣе, чѣмъ явственнѣе первобытныя особенности различныхъ домашнихъ животныхъ внесли и совершенно различные культурно-историческіе моменты въ образъ жизни эксплоатирующихъ и тиранящихъ ихъ благодѣтелей.

Сѣверный олень въ упряжи.

Употребленіе сѣв. оленя въ упряжи такъ извѣстно, что я не намѣренъ и не стану тутъ распространяться объ этомъ предметѣ. По нижеуказаннымъ причинамъ я займусь здѣсь единственно подробнымъ разсмотрѣніемъ вьючнаго и верховаго сѣвернаго оленя. Пусть нѣсколько отрывочныхъ замѣтокъ относительно упряжнаго сѣв. оленя обратятъ вниманіе читателей на то, что̀ мнѣ привелось видѣть и о чемъ я считалъ нелишнимъ упомянуть съ тою цѣлью, чтобы ученый изслѣдователь исторіи человѣческой культуры могъ

ознакомиться съ такими вещами, которыя въ состояніи сообщить только опытный путешественникъ, насмотрѣвшійся на безпріютныя пустыни глубокаго сѣвера.

Всѣмъ достаточно извѣстно, что сѣв. олень эксплоатируется сѣверными кочевниками самымъ экономическимъ образомъ до послѣдней капли крови, до послѣдней жилки, даже до перепрѣвшаго содержанія желудка его. Всякому извѣстно также, что это ничѣмъ незамѣнимое для сѣвернаго хозяйства животное обязано своимъ существованіемъ лишь произрастанію оленьяго моха. По-этому А. Шренкъ совершенно справедливо ставитъ значеніе этого лишайника въ хозяйствѣ полярнаго пояса еше выше значенія хлѣбныхъ растеній въ умѣренныхъ климатахъ. Но едва-ли еще по достоинству оцѣнивается, въ кругу большинства образованныхъ людей, то неопредѣлимое вліяніе, которое должно было оказать на развитіе человѣка въ Европѣ и Азіи прирученіе домашнихъ животныхъ. Америка и Австралія, гдѣ человѣкъ не сдѣлалъ изъ животнаго своего помощника, должны были остаться на прежней степени культуры, пока наконецъ Европа явилась къ нимъ на помощь подвозомъ своихъ домашнихъ животныхъ. Хотя житель глубокаго сѣвера Азіи прослылъ за дикаря, все-таки и онъ болѣе развитъ, чѣмъ житель Сѣверной Америки, не съумѣвшій подчинить себѣ сѣв. оленя. Туземецъ Сѣв. Америки самъ никогда не съумѣлъ отдѣлаться отъ состоянія вьючнаго животнаго. Съ большимъ трудомъ онъ да жена носятъ все свое добро на спинѣ и въ самомъ благопріятномъ случаѣ тащатъ его за собою на салазкахъ. Эта причина достаточна для того, чтобы заставить ихъ довольствоваться возможно меньшимъ количествомъ имущества. Въ Сибири же кочевникъ, владѣющій сѣв. оленями, нагружаетъ свои пожитки на безчисленное множество саней: потребности его усиливаются. О низкомъ уровнѣ Сѣвернаго Американца свидѣтельствуетъ уже то обстоятельство, что готовый примѣръ столь близкихъ сосѣдей, какъ Чукчи, не могъ привиться къ нимъ. Даже на американскихъ прибрежьяхъ Берингова моря туземецъ не съумѣлъ хотя приблизительно обучить собаку такъ хорошо, какъ это дѣлается въ Сибири (Загоскинъ, Пѣшеход. Опись, 1847, I, стр. 59). Онъ даже самъ не садится на санки, а идетъ рядомъ съ собакой, вмѣстѣ съ нею тащитъ поклажу и въ теченіе ряда всѣхъ поколѣній остается вьючнымъ животнымъ.

Скажу нѣсколько словъ о цвѣтѣ сѣв. оленей. Замѣчательно, на сколько онъ вообще однообразенъ. На нѣсколькихъ тысячахъ, осмотрѣнныхъ мною на сѣверѣ, преобладалъ нормальный сѣрый костюмъ, а если онъ и измѣнялся, то перемѣна происходила въ такомъ-же направленіи, въ какомъ перемѣна волосъ къ зимѣ сопровождается болѣе бѣловатою шубою. Короткіе, плотно прилегающіе, блестящіе волоса переднихъ частей ногъ и головы преимущественно упорно придерживаются темно-сѣраго цвѣта, изрѣдка переходящаго въ темно-бурый и черноватый; грудь, брюхо, подвздохи и задъ готовы принять совершенно бѣлый цвѣтъ. Слѣдовательно и въ этомъ случаѣ обнаруживается преобладающее у всѣхъ нашихъ домашнихъ животныхъ правило, что у небѣлыхъ, одноцвѣтныхъ животныхъ сгибающаяся часть туловища и оконечностей готова принимать болѣе или менѣе преобладающій бѣлый цвѣтъ. Эти бѣлые цвѣта и пятна, которыя съ нижней стороны тѣла, чрезъ

нижнюю челюсть и морду, такъ любятъ тянуться вплоть до самаго *лба* или перескакивать туда, свидѣтельствуютъ у рогатаго скота и лошади весьма достовѣрно о томъ, что родители или прародители ихъ были разнаго цвѣта; въ сущности однакоже они все-таки сводятся на то, что животныя принимаютъ болѣе свѣтлый цвѣтъ въ то время, когда на нихъ появляются зимніе волосы. Чѣмъ континентальнѣе климатъ, тѣмъ рѣзче выступаетъ зимняя бѣлизна. Ссылаясь относительно цвѣта на сказанное мною на стр. 27 и слѣд. этой части[1]), я возвращаюсь къ ручнымъ сѣв. оленямъ на глубокомъ сѣверѣ.

Въ Таймырскомъ краѣ бѣлые сѣв. олени также встрѣчаются несравненно рѣже сѣрыхъ. Но и послѣдніе весною являются бѣлыми или, по крайней мѣрѣ, въ бѣлыхъ яблокахъ на нижней части боковъ, съ плечъ до заднихъ колѣнъ.

Замѣчательно, что когда бѣлые волосы доходятъ и до копыта, то у бѣлыхъ сѣв. оленей копыто растетъ нормально, у сѣрыхъ же бѣлое копыто выростаетъ такъ сильно, что его приходится подрѣзать, чего у другихъ обыкновенно не дѣлаютъ. Если не подрѣжутъ копыта, то оно до того удлиняется, что (мнѣ самому случалось видѣть это) кончикъ копыта закручивается вверхъ, какъ у рогатаго скота, простоявшаго бòльшую часть года въ хлѣвѣ, на хорошемъ кормѣ, на мягкомъ навозѣ. Это необыкновенное прорастаніе бѣлаго копыта соотвѣтствуетъ подобному-же явленію, замѣченному мною на принадлежащемъ мнѣ семействѣ рогатаго скота изъ вост. Фрисландіи. На всѣхъ большихъ и малыхъ бѣлыхъ пятнахъ, разбросанныхъ по черному полю главнаго цвѣта, волоса вдвое длиннѣе, чѣмъ на черныхъ частяхъ тѣхъ-же животныхъ.

Чѣмъ дальше въ сѣв. Сибири подвигаешься къ востоку, тѣмъ больше проявляются перемѣны въ цвѣтѣ, которымъ подвержены вообще домашнія животныя. Наконецъ къ востоку отъ Колымы встрѣчаются сѣв. олени шифернаго цвѣта, черноватые, пѣгіе (бѣло-бурые) и чубарые. Вѣроятно это результаты искусственнаго скрещиванія, на которое Коряки и Чукчи особенные мастера. Такъ какъ подобный мѣхъ цѣнится очень дорого, то они вѣроятно воспользовались огромнымъ выборомъ племенныхъ животныхъ, находящихся въ ихъ распоряженіи, чтобы добыть такіе необычные наряды и размножить однажды достигнутыя, годныя въ дѣло, измѣненія.

Оленята Таймырскаго края всѣ желтобураго или козульяго цвѣта, переходящаго въ ржавокрасный цвѣтъ съ черноватой мордочкой и полосой на спинѣ. Встрѣчались также два пятна черноватаго цвѣта на томъ мѣстѣ, гдѣ должны были пробиться рога. Первые оленята появились 4-го Мая и уже до окончанія этого мѣсяца всѣ оленицы успѣли отелиться. Хрюканіе оленятъ, очень напоминающее хрюканіе старыхъ и молодыхъ свиней и раздающееся также отрывочно и въ тактъ свинаго хрюканія, никакъ не носовой, а положительно горловой звукъ, похожій на стонущее хрюканіе людей, неловко подражающихъ хрюканію свиньи. Иногда оно напоминаетъ кашель и хриплый ревъ на-

---

[1]) Кромѣ того должны быть приняты въ соображеніе дополнительныя замѣтки моихъ преемниковъ, гг. Л. Шренка и Радде.

шихъ коровъ. Европейскія уши очень поражаетъ хрюканіе сѣв. оленя; въ предѣлахъ басоваго голоса хрюкающаго быка яка оно ежедневно и ежечасно напоминаетъ о томъ, что самыя разнообразныя варіаціи хрюканія составляютъ настоящій основной тонъ всякаго рода скотоводства.

Довольно странны на видъ мягкія, черныя роговыя шишки, зачатки которыхъ весною вѣнчаютъ головы сѣв. оленей. Онѣ легко испускаютъ кровь изъ себя и довольно легко даже совершенно отламываются. Тогда на кровь или вовсе не обращаютъ вниманія, или обвязываютъ шишки веревочкой. Ломкость по-видимому вызываетъ иного слишкомъ грубаго Самоѣда на жестокое обхожденіе съ животными и на насилія, такъ какъ отломанный кусокъ немедленно отправляется въ ротъ Самоѣда и съѣдается имъ цѣликомъ. Я замѣтилъ, что посредствомъ тщательнаго разсмотрѣнія этихъ черныхъ роговыхъ шишекъ, изъ которыхъ по-видимому проглядываетъ что-то красноватое, Самоѣды въ состояніи судить о томъ, страдаетъ-ли животное приливомъ крови къ головѣ или нѣтъ.

Въ популярныхъ сочиненіяхъ и журналахъ въ послѣднее время слишкомъ сентиментально стали восхвалять достоинства сѣв. оленя. Указываютъ на его привязанность къ хозяину, на его вѣрность и т. д. Къ сожалѣнію всего этого въ нихъ вовсе не видно. По-видимому животное едва въ состояніи отличать своего хозяина отъ другихъ. Притомъ оно привязано къ человѣку только потому, что страстно любитъ лакомиться его испражненіемъ и боится волка. Сѣв. олень не столько довѣрчивъ къ человѣку, сколько смиренъ, даже назойливъ, наглъ. Но при этомъ онъ покоренъ, податливъ, чрезвычайно терпѣливъ и все спокойно переноситъ. Однимъ словомъ, вслѣдствіе множества пассивныхъ качествъ удобнаго и полезнаго рода, онъ для человѣка дорогое животное, но за то активныхъ, пріятныхъ душевныхъ качествъ въ немъ рѣшительно нѣтъ никакихъ. Не мудрено, что кочевникъ съ этимъ животнымъ, о которомъ онъ вообще заботится, часто обходится очень грубо, потому что оно переноситъ все безропотно. Когда однажды сѣв. олень, пойманный на арканъ изъ стада, послѣ нѣкотораго сопротивленія, не хотѣлъ идти въ упряжь, не смотря на всѣ толчки, то его закололи. Оказалось, какъ я увидѣлъ, что непослушаніе его произошло оттого, что во время возни съ нимъ ему проломили 4 ребра.

Ѣзда на сѣв. оленяхъ также имѣетъ свои степени развитія. Когда мы, отправившись изъ Туруханска на собакахъ, внизъ по рѣкѣ, подъ полярнымъ кругомъ, у поселенія Курейскаго въ первый разъ перешли къ новой для насъ въ то время ѣздѣ на сѣв. оленѣ, то мы такъ были озадачены ею, что я вскорѣ потерялъ терпѣніе и отправился пѣшкомъ впередъ за цѣлую станцію [1]), чтобы пріучиться бѣгать на лыжахъ. У Остяковъ нашихъ было лишь нѣсколько сѣв. оленей, съ которыми имъ нужно было обходиться очень бережно. Они везли насъ почти только шагомъ.

Такъ дѣйствительно всегда движутся тяжелые транспорты, плетущіеся изрѣдка маленькою рысцою. На далекія разстоянія накладываютъ только отъ 250 до 300 русскихъ

---

[1]) Отъ Денежкина до Карасина 25-го Марта.

фунтовъ на всякую нарту въ два сѣв. оленя и ежедневно проходятъ не болѣе 5 или 6 геогр. миль. Дальше внизъ по рѣкѣ намъ встрѣчались уже болѣе нагруженные транспорты съ рыбою. На каждую нарту навалено было свыше 300 и даже болѣе 350 фунтовъ. Но транспортъ сопровождали запасные сѣв. олени, такъ что каждый день можно было дѣлать смѣну. Совершенно иначе пошло дѣло у богатыхъ сѣв. оленями Юраковъ, которые впрягали въ наши тяжелонагруженныя нарты[1]) по четыре сѣв. оленя, но за то быстрою рысью[2]), при которой мы проѣзжали въ часъ по $1\frac{1}{2}$ геогр. мили и болѣе, везли насъ 10 геогр. миль, безъ перепряжки. Это конечно можно было дѣлать только въ такомъ случаѣ, когда за тѣмъ впрягали свѣжихъ сѣв. оленей. Люди эти старались перещеголять другъ друга въ быстротѣ и ловкости ѣзды. На тундрѣ самыми ловкими оказывались такіе опытные возчики, которые умѣли весело погонять рядомъ двѣ четверки.

Сѣв. оленя нельзя очень нагружать, но онъ отличается тѣмъ, что умѣетъ пробираться по глубокому снѣгу, равно какъ по болоту, лучше всякаго другаго животнаго. Правда, что при этомъ безпрестанно раздается понуканіе «кс» или «кш», правда, что ямщикъ вмѣсто стяганія кнутомъ грозно размахиваетъ своимъ копьемъ и по временамъ, противуположнымъ закругленнымъ концемъ копья въѣзжаетъ животному въ ляшки. Кнутомъ вовсе бы нельзя было пробрать его по густому, толстому мѣху. Кочевникъ наноситъ удары свои клапштосами, такъ что летятъ клочья волосъ, остатки которыхъ за тѣмъ при остановкѣ тщательно выдергиваются. Если онъ по ошибкѣ ударитъ въ корень хвоста, то хвостъ обыкновенно вывихается, либо въ бокъ, либо кверху и навсегда уличаетъ виновника въ его жестокой неловкости. Такіе удары тупымъ, съ шарикомъ на концѣ копьемъ, такъ называемымъ «хореемъ»[3]), раздаются съ извѣстнымъ шикомъ, иногда съ двойнымъ толчкомъ, какъ бы въ подражаніе стихотворнаго размѣра хорея.

При такой безжалостной погонѣ сѣв. олени, впряженные въ легкія сани, въ состояніи оказать чудеса. Изъ достовѣрныхъ случаевъ извѣстно, что въ день (т. е. едва 14 часовъ) проѣзжали 30 геогр. миль; разсказываютъ даже о еще болѣе необыкновенныхъ исключительныхъ подвигахъ[4]).

---

[1]) Мы считали по 1000 фунтовъ на нарту.

[2]) См. ниже таблицу скорости ѣзды на сѣв. оленяхъ.

[3]) См. политипажъ въ главѣ о Самоѣдахъ.

[4]) А. Шренкъ (Reise nach dem Nordosten des Europ Russl., 1854, II, стр. 339) разсказываетъ про одинъ случай, когда 200 верстъ проѣхали въ 12 — 14 часовъ, но сѣв. олени пали.

Гофманъ (Der nördliche Ural, стр. 58) говоритъ: Въ Березовѣ меня посѣтили Остяки, стада которыхъ находились за слишкомъ 80 верстъ; они остались часа два въ городѣ, катали насъ по улицамъ и за тѣмъ пустились въ обратный путь, который хотѣли также совершить, не распрягая своихъ оленей.

Считаю нелишнимъ присоединить еще замѣтку, которая при этомъ имѣетъ свое значеніе. Кочевникъ дѣлаетъ привалъ, не слѣзая съ саней; въ это время сѣв. олени пасутся.

Гамель (въ своемъ Традескантѣ, стр. 309) сообщаетъ со словъ Гордона, что сѣв. олень не отдыхая можетъ пробѣжать 200 миль, и притомъ послѣднія 350 верстъ въ 40 часовъ.

Невѣроятно извѣстіе Пиктè (Nov. Comment. Acad. Petrop. 1769), что проѣхать въ сутки 150 англ. миль (т. е. болѣе 30 геогр. миль) дѣло обыкновенное. Проскакать такое разстояніе въ 13—14 часовъ на однихъ и тѣхъ-же животныхъ уже значитъ быстро ѣздить. Но въ 1699 году кто-то проскакалъ 124 швед. мили (слѣд. 1240 верстъ или 177 геогр. миль) въ 48 часовъ, за что и возведенъ былъ въ дворяне подъ именемъ Rhenstjerna, но жи-

На ровной тундрѣ поимка сѣв. оленей для впряганія легче, чѣмъ поимка этихъ животныхъ въ лѣсныхъ чащахъ, какъ мы увидимъ при описаніи верховой ѣзды на сѣв. оленяхъ. При безпрерывныхъ восклицаніяхъ на всемъ скаку объѣзжаютъ животныхъ на двухъ саняхъ, въ которыя впряжены самые быстроногіе олени, сгоняютъ ихъ въ тѣсную кучку и прежде чѣмъ они успѣютъ опомниться, при содѣйствіи всей путешествующей компаніи окружаютъ длиннымъ ремнемъ. Вскорѣ животныя отказываются отъ попытки сбѣжать, ловятся на арканѣ, на время привязываются къ окружающему ихъ ремню и отводятся на мѣсто, какъ скоро пойманы всѣ тѣ, которыхъ хотѣли словить.

Нѣкоторыя животныя стараются, правда, испытывать ловкость людей, но арканъ застигаетъ ихъ вѣрнѣйшимъ образомъ на всемъ скаку на разстояніи 30 или 40 шаговъ.

Вьючный и верховой сѣверный олень.

Мартенсъ[1]) сообщаетъ, что Альбертъ Великій говоритъ о сѣв. оленѣ: «equitant eum». Въ видѣ поясненія онъ прибавляетъ, что такая «верховая ѣзда на сѣв. оленяхъ» упоминается кое-гдѣ у другихъ старинныхъ писателей, но кажется всегда ошибочно понималась, такъ какъ подъ ней должно разумѣть обыкновенную ѣзду въ повозкѣ на сѣв. оленяхъ, сообразно тому времени, когда, въ противоположность нынѣшнимъ порядкамъ, верховая ѣзда составляла гораздо болѣе общій способъ путешествованія, чѣмъ ѣзда въ повозкѣ. Да и уже до Мартенса смотрѣли на это точно также[2]).

Мартенсъ съ собратіей правъ въ томъ отношеніи, что дѣйствительно на всемъ сѣверѣ Европы, равно какъ и материка сѣв. Сибири, за р. Леной, различные небольшіе народцы, какъ-то: Лапландцы, Зыряне, Остяки, Юраки, Самоѣды, Долганы, Якуты, Юкагиры и т. д. употребляютъ сѣв. оленя только въ упряжь. Но какъ скоро мы зайдемъ въ область Тунгускиныхъ горъ и Становаго хребта, покрывающаго, какъ извѣстно, своими развѣтвленіями Восточную Сибирь, слѣд. съ 70° с. ш. къ югу за 50°, такъ мы увидимъ, что на дальнемъ востокѣ сѣв. олень служитъ первобытному человѣку дѣйствительно столько-же вьючнымъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и верховымъ животнымъ, сколько остальному сѣверу онъ извѣстенъ только какъ упряжное животное.

Вслѣдствіе нѣжнаго своего сложенія, сѣв. олень дѣйствительно не такъ пригоденъ для непосредственнаго навьючиванія грузовъ на его спину, какъ лама, которая одинаковаго съ нимъ роста, но положительно коренастѣе его. Неудобность протащить какую-бы то ни было, хотя бы и легчайшую повозку, по лѣснымъ чащамъ и скаламъ означенныхъ хребтовъ, вынудила восточнаго Сибиряка воспользоваться ничѣмъ незамѣнимымъ спутни-

---

вотное (?) его пало. - Ср. ниже таблицу скорости ѣзды на сѣв. оленяхъ.

1) Archiv für Naturgeschichte 1858, I.

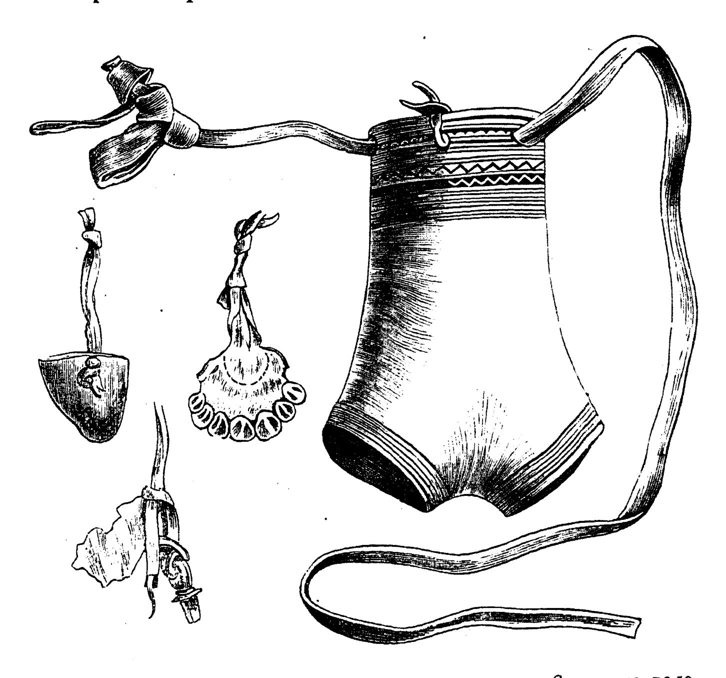
2) Марсденъ напр. (Travels of Marco Polo, 1818, p. 222) подобно Бюрку сомнѣвается въ томъ, что сѣв. олени употреблялись иначе какъ въ упряжи. Слово «cavalcano» онъ поясняетъ такъ: «but this must have been a misconception, either on the part of our author, or more probably of those who made the early versions of his work».

комъ такимъ способомъ, который во многихъ отношеніяхъ составляетъ крайній предѣлъ возможнаго.

Если предположить, что по всей вѣроятности санная упряжь, нынѣ употребляемая жителями плоской тундры сѣв. Сибири, не что иное какъ первоначальная упряжь, улучшенная, въ настоящее время, благодаря тысячелѣтнимъ усовершенствованіямъ, то мы увидимъ, что одинаковыя причины — горы и лѣса — съ одной стороны на самомъ дальнемъ западѣ, съ другой на самомъ крайнемъ востокѣ, измѣнили способъ употребленія сѣв. оленя въ совершенно противоположномъ направленіи. И тутъ и тамъ пришлось отказаться отъ мысли впрягать по нѣскольку сѣв. оленей разомъ точно также, какъ въ безлѣсной тундрѣ.

Въ гористой и лѣсистой Лапландіи высокія Самоѣдскія сани преобразились въ маленькое, короткое, спереди загнутое вверхъ, корыто легчайшаго вида, которое впряженный въ него сѣв. олень въ состояніи тащить за собою куда-угодно; въ рыхломъ снѣгѣ оно рѣдко вязнетъ и никакому пню, никакому сучку и т. д. не представляетъ ни малѣйшаго свободнаго мѣста, за которое они могли бы зацѣпиться.

Должно бы казаться, что такое удобное приспособленіе успѣлъ усвоить себѣ и горный житель Вост. Сибири, но нѣсколько тысячъ верстъ отдѣляютъ его отъ лапландскаго изобрѣтателя. Непосредственное навьючиваніе слабаго спиною сѣв. оленя съ перваго взгляда значительно уступаетъ, кажется, способу впряганія его въ упомянутое корыто. Но при ближайшемъ разсмотрѣніи дѣла оказывается, что при извѣстныхъ обстоятельствахъ вьючный, въ особенности же верховой сѣв. олень имѣетъ большое преимущество предъ впряженнымъ въ корыто. Преимущество это заключается не только въ большей свободѣ движеній, но и главнымъ образомъ въ возможности да-

Роговой колоколъ тунгусскій, на южной покатости Становаго водораздѣльнаго хребта.

же въ теченіе лѣтней половины года, которая подъ южными широтами болѣе продолжительна, перебираться чрезъ многочисленные, большею частію мелководные, горные потоки. Такимъ образомъ таже самая причина преобладала при выборѣ

сѣдла сѣв. оленя, которая съ теченіемъ времени придала Самоѣдскимъ санямъ высокія ходульныя подпорки. Нагруженное корыто, содержаніе котораго должно быть защищено отъ сырости, немыслимо въ видѣ привѣски къ сѣв. оленю, пробирающемуся чрезъ шумящій горный потокъ. Животному и безъ того приходится употреблять всѣ усилія, чтобы сохранить равновѣсіе и не быть увлеченнымъ водою.

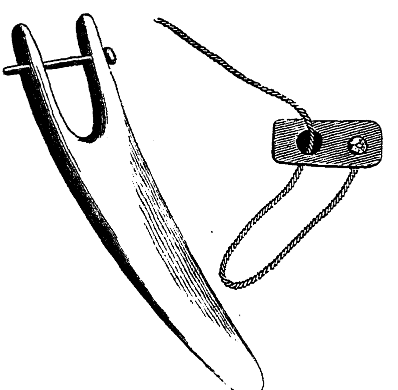
Чтобы ознакомиться съ путешествіемъ на вьючныхъ и верховыхъ сѣв. оленяхъ, читателю придется поѣздить со мною въ горахъ нѣсколько дней. Нѣсколько мѣсяцевъ сряду мы водили съ собой болѣе 40 сѣв. оленей, изъ которыхъ около $^1/_3$ свободно слѣдовало въ видѣ резерва, безъ поклажи, для выручки въ случаѣ надобности.

Пробывъ нѣсколько дней на одномъ и томъ-же мѣстѣ, приходилось разыскивать и сгонять животныхъ, хотя изо дня въ день за ними присматривали и ихъ собирали. Дѣлать это довольно трудно, пока осенью еще мало или вовсе нѣтъ снѣга; труднѣе же всего, когда съ собою водишь только нѣсколько сѣв. оленей. Въ этомъ случаѣ Тунгусы, содержащіе сѣв. оленей, прибѣгаютъ къ весьма первобытному колоколу, звукъ котораго напоминаетъ деревянный колоколъ рогатаго скота у неразвитыхъ финскихъ народовъ (см. политипажъ на стр. 495-ой).

Колоколъ состоитъ изъ выдолбленнаго до наружной оболочки лосинаго рога; вмѣсто язычка я нашелъ въ немъ передніе зубы и ноготь мускуснаго животнаго (кабарга), кусочекъ жести и кончикъ проволоки, висѣвшіе на тоненькомъ ремешкѣ. Такимъ ненадежнымъ животнымъ, которыя имѣютъ привычку далеко убѣгать, подвязываютъ подъ одну изъ переднихъ ногъ изображенный ниже деревянный башмакъ. Длина его разсчитана такимъ образомъ, что животное, дѣлая большіе шаги, заднею ногою наступаетъ на кончикъ башмака и тѣмъ само себя задерживаетъ. Иногда же привѣшиваютъ къ шеѣ дубину.

Только въ крайнемъ случаѣ, на слишкомъ богатомъ кормомъ мѣстѣ, ненадежное животное, либо его олененокъ привязываются на ночь.

Не только отыскиваніе и сборъ животныхъ, но и сѣдланіе ихъ послѣ продолжительнаго привала требуетъ столько времени, что рѣдко удается сняться съ мѣста еще до полудня. Но по этому-то и не откладываютъ отправленія въ путь, какъ бы мало ни было разстояніе, которое приходится проѣхать. Однажды, когда снѣгъ еще не успѣлъ выпасть, мы цѣлыхъ $1^1/_2$ дня собирали нашихъ сѣв. оленей. Въ другой разъ 4 изъ нашихъ запасныхъ сѣв. оленей возвратились къ привалу предшествовавшей ночи. Только что успѣлъ я поужинать, какъ мнѣ пришлось вернуться верхомъ; благодаря свѣту звѣздъ, я послѣ долгихъ поисковъ выслѣдилъ бѣглецовъ въ перетоптанномъ снѣгѣ, а пока я ихъ пригналъ къ новому привалу, успѣла пройти ночь и караванъ уже собирался въ

1. Колодка или оленій башмакъ; по якутски Меннä. | 2. Арканъ, по якутски и тунгусски Маонъ.

дальнѣйшій путь. Пришлось не спать, хотя я совершенно утомился отъ тягости переѣзда, напряженія и заботъ.

Когда, благодаря ежедневному странствованію, наконецъ привыкнешь къ дѣлу, то оно справляется скорѣе, но все-таки среднимъ числомъ уходитъ часа полтора на сборы и навьючиваніе. Въ первый ночлегъ животныя не далеко уходятъ, и даже собираются около шалаша. Во всякомъ случаѣ слѣды не затоптаны.

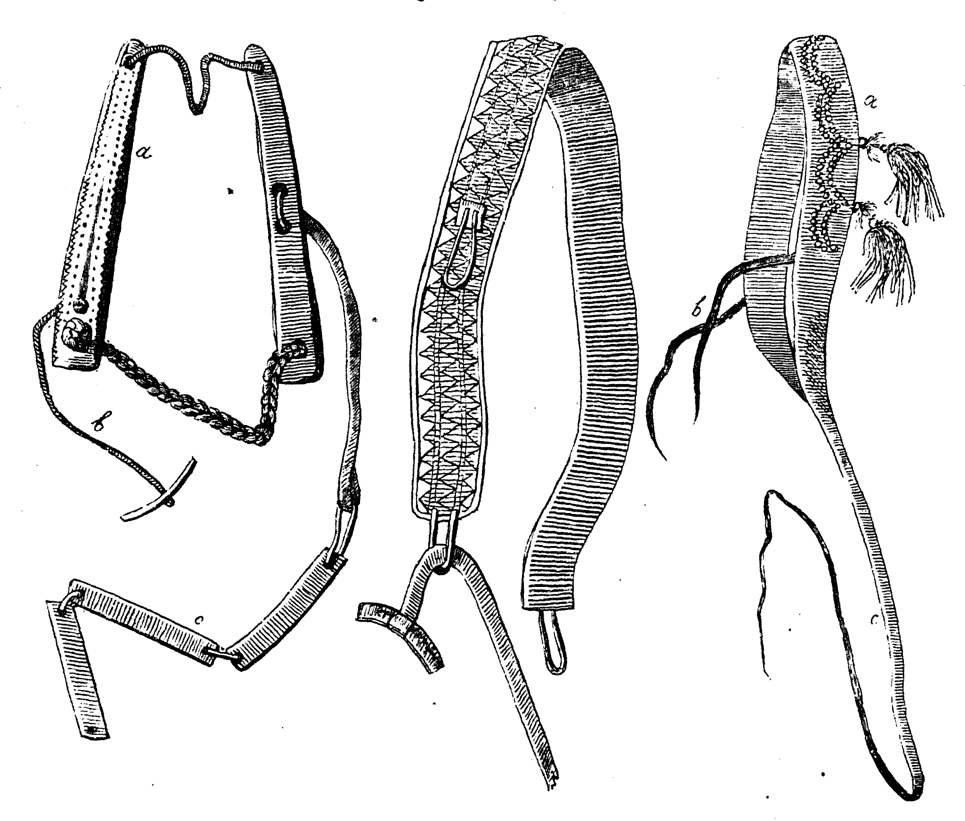
Въ началѣ осени, т. е. въ началѣ Сентября, надежными помощниками нашими были комары и въ особенности мошки (срав. начало Сиб. фауны и Бараба, стр. 3), потому что какъ скоро утромъ ночной морозъ смѣнялся пригрѣвавшимъ солнечнымъ свѣтомъ, эти мучители начинали вылѣзать изъ своихъ закоулковъ, и бѣдные сѣв. олени, глаза которыхъ, вслѣдствіе уязвленій этими почти невыносимыми, назойливыми насѣкомыми, были наполнены гноемъ, добровольно прибѣгали къ мѣсту привала, подъ защиту дымокура отъ пылавшихъ огоньковъ, которые мы разводили.

Впослѣдствіи, въ теченіи зимы, намъ помогала возраставшая все болѣе и болѣе страсть сѣв. оленей лизать соль. Страсть эта такъ усиливается, что требуется величайшая аккуратность при укладкѣ дорожнаго мѣшка, въ которомъ хранится соль. Одаренныя прекраснымъ чутьемъ, животныя эти, шаря, раззоряютъ всѣ оболочки, когда найдутъ мѣшокъ. Описанною прежде жадностью, съ которою сѣв. олень бросается на каждый клочокъ снѣга, смоченный человѣкомъ при удовлетвореніи естественной потребности, кочевники пользуются въ полной мѣрѣ при поимкѣ животныхъ. Рано утромъ всей путешествующей братіи приходится терпѣть и особенно копить мочу до тѣхъ поръ, пока начинаютъ ловить животныхъ, съ тѣмъ чтобы нагрянуть на нихъ за «чаемъ». Сначала дѣло идетъ быстро и арканъ, петля котораго проходитъ черезъ костяную трубку, забираетъ одно животное за другимъ. Обыкновенно подъ конецъ загонки два-три оленя, которые подичѣе другихъ, остаются еще на волѣ, но тогда и вся приманка уже успѣетъ истощиться. Чрезвычайно смѣшно видѣть, какъ каждый на свой ладъ старается обмануть животное, притворяясь, что онъ испражняется. Бѣглецъ остается въ почтительномъ отдаленіи, но не можетъ устоять противъ искушенія и пучитъ глаза, посматривая, не поднесетъ ли все-таки чего-нибудь тотъ или другой разстегнувшійся человѣкъ, присѣвъ на корточки, пыхтя и кряхтя. Въ это время другой идетъ въ обходъ животнаго и накидываетъ на него арканъ. Страсть полакомиться солью развивается, кажется, тѣмъ сильнѣе, чѣмъ исключительнѣе сѣв. олени зимою питаются одними лишайниками, которые, слѣдовательно, должны содержать въ себѣ очень мало соли: по крайней мѣрѣ въ сравненіи съ дающими поташъ травами, которыми сѣв. олень питается лѣтомъ. Какъ только зимою остановишься и распахнешься, такъ сѣв. олень, видя это, начинаетъ страшно таращить глаза. Если есть чѣмъ поживиться, то они безцеремонно протискиваются и, отбивая другъ у друга лакомое угощеніе, грозятъ опрокинуть шалашъ. Въ стадѣ почти всегда бываетъ нѣсколько животныхъ, которыя постоянно посматриваютъ на шалашъ, чтобы тотчасъ-же быть на мѣстѣ, какъ только представляется пожива.

*

Другаго рода лакомство соблазняетъ осенью нѣкоторыхъ сѣверныхъ оленей нерѣдко уходить такъ далеко, что иногда они совершенно пропадаютъ, какъ это разъ мнѣ случилось испытать. Я разумѣю грибы, которые содержатъ въ себѣ столько азота.

Пасущіеся сѣв. олени большею частью возвращаются по направленію предшествующей ночевки, и потому ихъ прежде всего начинають отыскивать по этому направленію. Въ горахъ они любятъ взбираться вверхъ. При сильномъ морозѣ они убѣгаютъ дальше. Впрочемъ, при самой сильной стужѣ, т. е. не только при замерзаніи ртути, но и въ такіе дни, когда температура понижалась до 60° Цельсія и болѣе, мнѣ случалось заставать ихъ утромъ дрожащими, съ взъерошенными волосами. При сдвиганіи переднихъ и заднихъ ногъ, спина была нѣсколько сгорблена, фигура животнаго казалась какъ то шарообразною. Одинъ сѣв. олень, у котораго зябла нога, приподнималъ даже эту ногу, точно такъ, какъ у насъ это дѣлаетъ собака, когда у нея зябнутъ подошвы.

Самоѣдскій недоуздокъ. Подпруга сѣв. оленя въ четверной упряжи. Тунгусскій недоуздокъ.

Животное изъ большаго стада не легко заблудится. Нѣкоторыя изъ нихъ, какъ у лошадей, въ видѣ товарищей, слѣдуютъ за болѣе старшимъ вожакомъ. Молодыя животныя присоединяются къ старшимъ; даже тогда, когда собиралось отъ 3 до 4 однолѣтокъ, они не рѣшались удаляться отъ стада, если впереди не шелъ старшій вожакъ. При этомъ приходитъ вамъ на память идущая во главѣ «madrina» погонщиковъ муловъ.

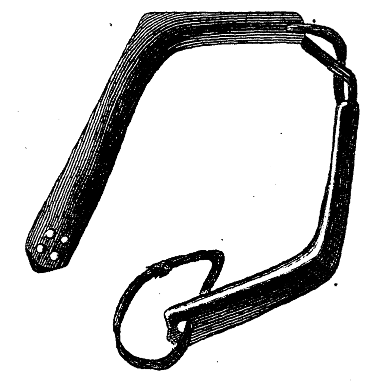
Если въ началѣ путешествія сѣв. олени слишкомъ куролѣсятъ, то приходится прибѣгать къ быстро импровизованнымъ засѣкамъ, въ которыя загоняютъ животныхъ; потомъ ихъ вылавливаютъ по одиночкѣ посредствомъ аркана.

Будучи вспуганы хищными животными, сѣв. олени большею частію укрываются по близости отъ шалаша; это во всякомъ случаѣ заставляетъ предполагать въ нихъ сознаніе, что человѣкъ въ состояніи защитить ихъ.

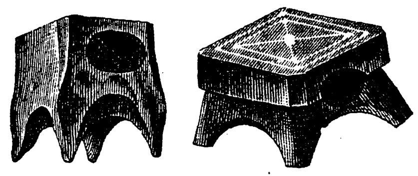
Если сѣв. олени въ дорогѣ устали, то рано утромъ ихъ сгоняютъ свистомъ и громкими восклицаніями, отыскивая ихъ пѣшкомъ или верхомъ. Протяжный, громкій зовъ кой-кой-кой раздается по лѣсу и будитъ отдыхающихъ. Но послѣ утомительныхъ переходовъ животныя, которыя сначала очень проворны, встаютъ съ трудомъ. Особенно имъ тягостно вставать, когда они заняты жвачкою; нерѣдко даже нѣкоторыя ждутъ, чтобы человѣкъ толкнулъ ихъ ногой, прежде чѣмъ они встанутъ.

Очень забавно видѣть, какъ животное приподнимается, сгибаетъ спину по кошачьему, при этомъ обрубокъ хвоста своего плотно прижимаетъ къ спинѣ и иногда даже зѣваетъ. Когда все стадо собрано, послѣднее животное привязано, тогда принимаются за взнуздываніе и сѣдланіе.

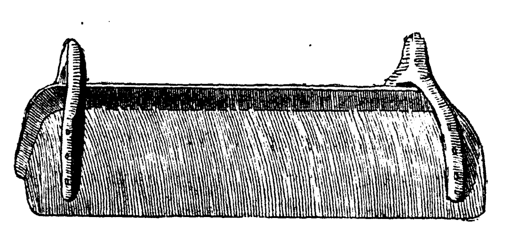
Недоуздокъ у вьючныхъ животныхъ такой-же и накладывается точно также, какъ у самоѣдскихъ упряжныхъ сѣв. оленей, т. е. идетъ съ верхней части лба, позади ушей, вокругъ роговъ до затылка; позади челюстей до сгиба шеи. У верховыхъ сѣв. оленей этотъ недоуздокъ принимаетъ видъ узды вслѣдствіе того, что поперечный ремень подъ глазами обхватываетъ морду и отчасти обложенъ нанизанными другъ возлѣ друга кусочками роговъ, которые, если ихъ сильнѣе натянуть, давятъ скулу животнаго и дѣйствуютъ какъ подбородочная цѣпочка. Если-же животное все таки еще не слушается, то ремень, идущій поперекъ морды, продѣвается черезъ костяную скамѣечку, у которой либо нѣсколько туповатыя, либо остроконечныя ножки (см. прилаг. рисунокъ).

Первобытная цѣпочка подбородочная.

При сильномъ натягиваніи вожжи, какъ это дѣлаетъ ѣдущій верхомъ, ножки нажимаются на спинку морды и дѣйствуютъ какъ капцунъ, самымъ первобытнымъ примѣромъ котораго можетъ считаться этотъ приборъ, тогда какъ ни одинъ народъ, пользующійся сѣв. оленемъ, неуспѣлъ, кажется, добиться того, чтобы вложить этому животному въ ротъ мундштукъ. Я видѣлъ изображенный приборъ на двухъ слишкомъ горячихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ слишкомъ пугливыхъ сѣверныхъ оленяхъ.

Вьючное сѣдло сѣв. оленя состоитъ изъ двухъ дощечекъ, сдерживаемыхъ спереди и сзади двумя сучковыми вилами изъ твердаго дерева, какъ показываетъ прилагаемый рисунокъ.

Сѣдло сѣв. оленя по якутски: иигаръ.

Средняя щель образуетъ свободное пространство для спиннаго хребта. Хотя подъ это сѣдло подкладываютъ шубы, мѣховыя одѣяла, и рогожныя подушки въ палецъ толщины, сплетенныя для этой цѣли изъ мягкой травы и состоящія изъ двухъ половинокъ, которые соединены между собою посредствомъ снурка, слѣдовательно не дотрогиваются спиннаго хребта, но при всемъ томъ кочевники еще далеко не успѣли устранить вообще давленіе сѣдла. При толстой шерсти, которою покрытъ сѣв. олень, это озадачиваетъ.

Пока стояла не очень холодная погода, я находилъ, что расположеніе къ нажиму сѣдла было очень сильно. 7-го Сентября мы совершили первое свое путешествіе, проѣхавъ не болѣе 16 верстъ, и для перваго начала нагрузили на каждое вьючное животное только по 2 пуда. Между тѣмъ къ вечеру у четырехъ изъ нихъ оказались желваки отъ нажима. Когда послѣдніе потомъ были разрѣзаны, то изъ одного изъ нихъ вытекло съ полстакана воды съ кровью, а изъ другаго пошелъ гной.

Старикъ Тунгусъ упрекнулъ меня за эту операцію и его кочевничій практическій взглядъ на дѣло былъ, кажется, правиленъ. Онъ объяснилъ мнѣ, что съ каждой стороны нужно было сдѣлать по двѣ, слѣдовательно всего 4 моксы. Такъ и поступили съ третьимъ животнымъ, у котораго натертый желвакъ на плечѣ находился еще въ первой степени развитія. За недостаткомъ особаго желѣзнаго прибора, сильно накалили на огнѣ сковороду и однимъ краемъ надавили ее на больное мѣсто, такъ что спалили волоса. Кромѣ удобства, которое представляла такая оттягивающая эмпиревматическая припарка, этотъ способъ леченія представлялъ по-видимому еще ту выгоду, что на больномъ мѣстѣ укорачивалъ шерсть, которая вслѣдствіе этого избѣгала давленія. Настоящую моксу сдѣлали другому сѣв. оленю, у котораго натертый желвакъ на плечѣ уже началъ гноиться. На больномъ мѣстѣ шерсть сбрили ножомъ, кожу смазали густою слизью, которую докторъ своимъ ногтемъ соскоблилъ у себя съ зубовъ и съ десны[1]), потомъ наложили трутъ, величиною въ простой орѣхъ, зажгли его и начали раздувать.

При этомъ случаѣ считаю нелишнимъ разсказать еще объ одномъ леченіи, при которомъ мнѣ привелось присутствовать. Одинъ изъ сѣв. оленей сталъ хворать. Послѣ непродолжительной діагнозы объявили, что онъ «внутренно боленъ». Моей толстой штопальной иглѣ почти въ два дюйма длины привелось пойти въ дѣло. Отъ края послѣдняго

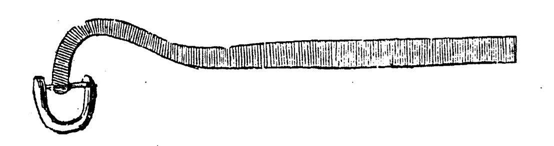
[1]) Это дѣйствительно, кажется, практическій способъ. Если обожжешься и обожженное мѣсто немедленно и нѣсколько разъ сряду намажешь соплей, то этимъ большею частію устраняешь образованіе пузыря.

настоящаго ребра отсчитали впередъ промежутки между ребрами и на боку, между 3 и 4 обратно отсчитаннымъ такимъ образомъ настоящимъ ребромъ, втыкали иглу такъ глубоко, что она совершенно уходила въ тѣло и могла быть вытащена только за продѣтую въ нее нитку. Такую акупунктуру повторили три раза и за тѣмъ произвели эту операцію еще на концѣ хвоста и въ обоихъ ушахъ.

При той легкости, съ какою развивается нажимъ сѣдла, не смотря на длинные въ 2 дюйма волосы сѣв. оленя, и при важномъ значеніи этого нажима, стараются дѣлать все возможное, чтобы избѣгнуть его. Выбираютъ старательно такія сѣдла, наклонные углы которыхъ лучше всего приходятся къ спинѣ животнаго, или въ извѣстныхъ случаяхъ вовсе не накладываютъ сѣдла, замѣняя его толстыми мѣховыми подушками и т. п. При всемъ томъ у нѣкоторыхъ животныхъ отдѣляется шкура зашейка и верхней части спины, такъ что ничего не подѣлаешь и остается только заколоть животное. Подобныя непріятныя обстоятельства приводятъ къ нѣкоторымъ суевѣріямъ. Такъ напр. поднялся сильный ропотъ, когда для разведенія вечерняго огня я употребилъ прекрасно разгорающуюся березовую кору. Послѣдняя, растолковали мнѣ, да подкладываніе въ огонь кедровыхъ вѣтвей, содержащихъ въ себѣ много скипидару, а потому ярко вспыхивающихъ, и производятъ желваки.

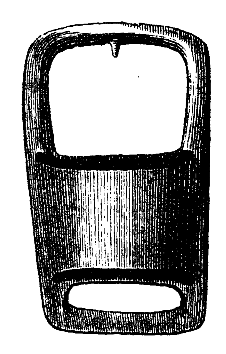
Особенно осторожнымъ нужно быть въ сырую погоду. Только при наступленіи ея въ то время, когда уже находишься въ пути, можно продолжать путешествіе, потому что необходимость защитить и бока животнаго отъ нажима вьюковъ, заставляетъ класть на сѣдло подъ вьюки или мягкія мѣховыя платья или особо приготовляемыя для этого бисквитообразныя мѣховыя одѣяла, которыя называются кумаланъ. Они приготовляются изъ крѣпкихъ, коротковолосыхъ головныхъ шкурокъ сѣв. оленей, и такъ какъ мѣста вокругъ глазъ окаймлены бѣлыми волосами, да кромѣ того нашиваются мѣховые квадратики другаго цвѣта, и все кругомъ обшивается пестрой каймой, то такія покрывала на видъ очень красивы, блестящи и щеголеваты. Эти кумаланы защищаютъ отъ проникапія дождя и слякоти, тѣмъ болѣе, что тунгусскія женщины подъ ними вѣшаютъ еще карманы, въ которые укладываютъ мягкое платье. Въ такомъ случаѣ кумаланъ набрасываютъ на тюки въ видѣ дождеваго зонтика.

Само собою разумѣется, что весьма много значитъ равновѣсіе тюковъ съ обѣихъ сторонъ. Окончательное уравновѣшиваніе дѣлается при помощи добавочнаго груза, который кладется между наложенными по обѣ стороны вьюками и заключается либо въ ружьѣ, медвѣжьей рогатинѣ, сверткахъ березовой коры, служащихъ для устройства стѣнокъ шалаша, либо въ ребенкѣ и т. п. Накладка эта обвязывается широкой подпругой (по якутски: тимектинъ); на одномъ концѣ этой подпруги придѣлана вилообразная часть рога сѣв. оленя, замѣняющая пряжку или

скорѣе кольцо; чрезъ него сперва продѣвается ремень, который потомъ завязывается въ узелъ. Подпруга скрѣпляетъ всю равномѣрно наложенную поклажу.

У одного зажиточнаго Тунгуса я встрѣтилъ также прототипъ нашей пряжки въ столь-же практической, сколько и простой формѣ. Сдѣлана она, какъ показываетъ рисунокъ, изъ трубчатой кости. Черезъ нижнюю поперечную скважину продѣвается конецъ подпруги и пришивается. Небольшой шпинекъ на другомъ концѣ замѣняетъ нашъ язычекъ, а въ слѣдующую за тѣмъ дужку вкладываютъ свободный конецъ ремня.

Если же сѣв. олени успѣютъ промокнуть, прежде чѣмъ дѣло дошло до сѣдланія, то нельзя отправляться въ путь до тѣхъ поръ, пока они не высохнутъ вполнѣ. Это очень замедляетъ путешестіе. Хотя однажды дождь прекратился уже рано утромъ, но сѣв. олени просохли лишь послѣ обѣда. Да, среди первобытной природы научаешься терпѣнію по неволѣ. Утренней росѣ, стрясенной въ лѣсу съ деревьевъ, нужно дать испариться на болѣе открытомъ мѣстѣ. Если забудешь эту мѣру предосторожности, то вскорѣ образуются опасные желваки вслѣдствіе того, что нѣкоторыя мѣста нагрѣваются и начинаютъ прѣть.

Расположеніе къ желвакамъ очевидно вызывается не только нѣжностью шкуры, но и въ особенности необходимостью пододвигать ношу какъ можно ближе къ переднимъ ногамъ. Вслѣдствіе этого чрезвычайно подвижныя лопатки сѣв. оленей попадаютъ подъ тиски сѣдла, а потому давленіе зашейка становится неизбѣжнымъ. По той-же причинѣ поклажа лежитъ такъ безпокойно, что становится необходимымъ безпрестанно останавливаться, передвигать и перетягивать тюки, хотя при переходѣ чрезъ неровныя мѣстности употребляются тормозящіе ремни, которые проходятъ спереди вокругъ груди и сзади, подъ заднею частью, и не должны позволять поклажѣ съѣзжать въ разныя стороны.

Но необходимо отодвигать поклажу какъ можно ближе къ зашейку, потому что связь между спинными позвонками сѣв. оленя, въ особенности около поясницы, чрезвычайно слаба. Тунгусы увѣряютъ, что достаточно опереться рукою на поясничные позвонки и налечь тѣломъ, чтобы у животнаго совершенно отнялись заднія ноги. Сначала жалко видѣть, какъ животныя сильно выгибаютъ спину даже тогда, когда на нихъ положишь руку, не говоря уже о тяжелой ношѣ, и какъ, если этого мало, у нихъ сгибаются также заднія колѣна. Это сгибаніе повторяется вездѣ, гдѣ дорогу заграждаютъ хотя и незначительныя, но крутыя возвышенности. Только благодаря тому, что у сѣв. оленя при спускѣ съ горы такъ сгибаются заднія ноги, поклажа не съѣзжаетъ имъ еще чаще на шею. Присматриваешься къ этому уже впослѣдствіи, когда замѣтишь, что это вовсе не такъ опасно, какъ кажется Во всякомъ случаѣ сѣв. олень въ этомъ отношеніи составляетъ противоположность ослу, у котораго крѣпкая, приподнятая кверху въ видѣ свода, спина

выдерживаетъ самыя большія тяжести. Киргизская степная лошадь въ этомъ отношеніи похожа на осла.

Сѣдло вообще нажимаетъ подъ ѣздокомъ рѣже, чѣмъ подъ поклажею. Когда къ 2 пудамъ размѣщеннымъ по обѣ стороны вьюковъ прибавляютъ еще добавочную поклажу до ½ пуда, то это довольно полная нагрузка. Такъ какъ ѣздокъ тяжелѣе, а въ пріѣзжемъ Европейцѣ вдвое больше вѣсу [1]), то упомянутый фактъ о томъ, что подъ сѣдокомъ сѣдло рѣже давитъ, кажется страннымъ. Онъ объясняется тѣмъ, какъ сѣдоку приходится сидѣть на сѣдлѣ.

Онъ становится по правую сторону животнаго возлѣ передней его ноги, но на нѣкоторомъ разстояніи отъ нея, и держитъ единственный длинный поводъ въ лѣвой рукѣ, которою опирается на переднюю часть сѣдла. Правою рукою онъ берется за верховую палку, упирается ею возлѣ своей правой ноги въ землю и, занося за тѣмъ лѣвую ногу вверхъ, по возможности бережно садится на сѣдло, приподнимая свое тѣло при помощи двухъ опоръ, которыя ему даютъ руки его. Слѣдовательно до спины животнаго онъ нисколько не дотрогивается. Хорошій ѣздокъ вмѣстѣ съ тѣмъ пододвигаетъ къ себѣ сѣв. оленя при помощи надавливанія лѣвой рукой, такъ что незамѣтно какъ бы вспалзываетъ на животное. Въ особенности это необходимо дѣлать съ такими животными, которыя стараются не позволить ѣздоку сѣсть на нихъ.

Для того, чтобы усидѣть на сѣв. оленѣ, нужно имѣть нѣкоторый навыкъ, потому что ѣздоку приходится сидѣть на тарелкообразной, сѣдельной замшевой подушкѣ въ тарелку величиной, набитой шерстью сѣв. оленя. Сѣдло это еще болѣе вьючнаго сѣдла лежитъ на зашейкѣ; о стременахъ же или смыканіи колѣнъ не можетъ быть и рѣчи, потому что этимъ прямо задерживался бы ходъ животнаго. Колѣна не должны прикасаться къ животному и икры, равно какъ и ноги, должны свободно болтаться, да по немногу принять равномѣрную качку, соотвѣтствующую движеніямъ сѣв. оленя.

Такимъ образомъ ѣдешь, балансируя и избѣгая всякаго смыканія колѣнъ, тѣмъ болѣе, что сѣдельная подушка на острой верхушкѣ спиннаго хребта, на обложенномъ покачивающимися лопатками зашейкѣ, шатается, да и подпругу нельзя сильнѣе подтянуть, чѣмъ нужно, чтобы удержать пустое сѣдло; слѣдовательно она совершенно слабо натянута. Это сотрудничество балансирующаго ѣздока очевидно очень облегчаетъ животному обязанность нести его на себѣ, такъ что на небольшихъ разстояніяхъ кочевники ѣдутъ скорою рысью, даже обгоняя другъ друга, иногда и вскачь, такъ что разъ мнѣ пришлось дѣлать перевязку такому молодчику, который свалился вмѣстѣ съ своимъ животнымъ и при этомъ порядкомъ расшибъ себѣ голень о пень дерева.

Въ первый день я постоянно падалъ, особенно когда садился на оленя. То привскочишь слишкомъ мало, то слишкомъ сильно, такъ что въ послѣднемъ случаѣ перекачнешься,

---

[1]) Священникъ, отецъ Геронтій, вѣсъ котораго я вслѣдствіе его большаго роста и необыкновенной его тучности долженъ былъ цѣнить въ 6 пудовъ, пытался ѣздить на сильныхъ сѣв. оленяхъ. Попытка удавалась, но конечно только на небольшихъ разстояніяхъ.

пока не научишься пользоваться верховой палкой, къ которой на обширныхъ болотахъ снизу придѣлываютъ тарелочку [1]). За побудительными причинами дѣло не станетъ; я напр. началъ свой дебютъ съ того, что хотѣлъ заставить своего сѣв. оленя пройти черезъ болотистую, узкую, но глубокую канаву. Однакоже мое животное поняло дѣло иначе, сдѣлало скачокъ черезъ канаву, и я очутился погруженнымъ въ Сентябрьскій холодный илъ. Особенно важно ни за что не выпускать изъ рукъ повода: иначе сѣв. олень уходитъ. Впрочемъ, само собою разумѣется, что когда животное заупрямится, то съ нимъ не совладаешь, не смотря на небольшія его силенки. Всѣ старанія ловкаго Тунгуса, который, ради моего поученія, хотѣлъ заставить свое животное пройти черезъ наполненную водою канаву, окончились пресмѣшною круговою ѣздою. Съ иною лошадью довольно трудно справиться, слѣдовательно тѣмъ болѣе съ сѣв. оленемъ, у котораго только одинъ поводъ съ лѣвой стороны и вмѣсто непосредственнаго смыканія колѣнъ приходится удерживаться при помощи верховой палки. Упрямый сѣв. олень сбрасываетъ своего сѣдока, когда угодно, и тѣмъ болѣе прибѣгаетъ конечно къ своей продѣлкѣ, чѣмъ чаще она ему удавалась. Я видѣлъ, какъ сѣв. олень безошибочно сбрасывалъ своего сѣдока разъ за разомъ тѣмъ, что спереди опускался, при чемъ ѣздокъ самымъ смѣшнымъ образомъ переваливался черезъ шею, голову и рога и падалъ въ снѣгъ.

Займемся еще нѣсколько сравненіемъ сѣв. оленя съ лошадью. При большой слабости сѣв. оленя, особенно въ сравненіи съ вѣсомъ человѣческаго тѣла, непосредственное навьючиваніе поклажи на это животное является лишь крайней необходимостью, вызванною преимущественно тѣмъ, что ѣзда на саняхъ невозможна и что сѣв. оленя зимою можно кормить, не заготовляя особыхъ запасовъ корма. Питавшись въ теченіе лѣтней половины года травой [2]) и листьями [3]), онъ пренебрегаетъ имѣющеюся еще въ обильномъ количествѣ сухою травою, какъ скоро осенью начинаетъ выпадать снѣгъ, а придерживается листьевъ и грибовъ, переходя вмѣстѣ съ тѣмъ къ употребленію лишайниковъ, которые на сибирскихъ горныхъ вершинахъ не рѣдко растутъ въ непомѣрномъ изобиліи. Такимъ образомъ сѣв. олень блаженствуетъ тамъ, гдѣ лошадь издыхаетъ отъ голода. Даже и въ такихъ случаяхъ, когда мѣсто привала выбрано неправильно и подъ снѣгомъ нѣтъ лишайниковъ, стараются помочь горю тѣмъ, что срубаютъ хвойныя деревья, которыя на сибирскихъ горахъ часто густо покрыты длиннымъ мхомъ. Этотъ мохъ для сѣв. оленей также служитъ пріятнымъ лакомствомъ.

Плохо приходится оленю послѣ сильной оттепели, когда снѣгъ, пропитавшись водою, превращается въ ледъ, такъ что до почвы невозможно добраться; плохо бываетъ и

---

1) Какъ у лыжной палки.

2) Говорятъ, что сѣв. олени любятъ также замѣчательную хвощевую траву «сибиктэ» (срав. нѣм. изд. этого соч. I, Сибирскія растенія, Прилож. IV, стр. XXV) и откармливаются ею.

Нашему ученію о кормленіи домашнихъ животныхъ предстоитъ въ этомъ отношеніи еще ближайшее изслѣдованіе. И въ Исландіи хозяева лошадей увѣряли меня, что тамошній хвощъ (equiset. palustre) вовсе не вреденъ лошадямъ, а напротивъ того очень укрѣпляетъ ихъ.

3) Напр. листья тополей, осинъ и березъ.

послѣ большихъ лѣсныхъ пожаровъ, опустошающихъ огромныя пространства, какъ напр. это случилось со мною на лѣвомъ берегу Амура, гдѣ я очень обрадовался неожиданной встрѣчѣ съ контрабандистами, давшей мнѣ возможность отослать назадъ сѣв. оленей и пересѣсть на лошадей. Послѣ лѣсныхъ пожаровъ, правда, скоро начинаетъ пышно расти трава, но нужны долгіе годы, болѣе четверти столѣтія, чтобы получились опять хорошіе лишайники. Сама зола, должно быть, въ которой, правда, превосходно растутъ марханціи, не благопріятствуетъ произрастанію оленьяго моха. Проходитъ нѣсколько лѣтъ, прежде чѣмъ почва покроется коротенькими трубочками молодыхъ цетрарій, которыя однакоже еще вовсе не пригодны для корма.

При выборѣ мѣста привала кочевники слѣдуютъ указаніямъ опыта. То шалашъ устраивается въ чисто-лиственичныхъ лѣсахъ, гдѣ есть надежда на сыроватую почву; при этомъ важно не попасть на мѣста, слишкомъ заросшія болотнымъ багульникомъ. То останавливаются въ лѣсахъ, перемѣшанныхъ съ березой, которые лежатъ выше и бываютъ суше, но за то угрожаютъ тѣмъ, что можно попасть на давнишнія пожарища, на которыхъ изъ-за кустовъ брусники, черники, голубицы, водяники, гордовины и т. д. лишь кое-гдѣ является оленій мохъ. Дурны также мѣста, на которыхъ уже прежде долго паслись сѣв. олени, потому что такія мѣста, вслѣдствіе разгребанія ихъ животными, обнажались отъ снѣга и потомъ нерѣдко, оставаясь непокрытыми, подвергались сильнымъ морозамъ. Выбирать мѣста прошлогодняго привала также обманчиво потому, что они могутъ оказаться мѣстами лѣтнихъ приваловъ, а въ это время года преобладаютъ совершенно другаго рода условія питанія.

Обыкновенно снѣгъ разгребаютъ ногою, чтобы получить болѣе правильное понятіе о мѣстѣ привала. Но несравненно основательнѣе выбираютъ мѣста сами сѣв. олени, потому что тамъ, гдѣ есть чѣмъ поживиться, они тотчасъ-же, какъ остановится караванъ, начинаютъ рыть снѣгъ мордою, а если онъ глубокъ, то и разгребать его. Прекрасно развитое въ нихъ чувство обонянія проявляетъ себя тѣмъ, что сѣв. олени часто прямехонько направляются шаговъ 15 въ сторону къ какому-нибудь мѣсту и тамъ безошибочно, подъ снѣжнымъ покровомъ въ 1 — 1½ фута толщины, добываютъ лакомые клочки оленьяго моха. Такъ какъ для человѣческихъ носовъ эти лишайники не имѣютъ особаго поразительнаго запаха, а съ другой стороны толстый снѣжный покровъ прикрываетъ ихъ такъ плотно, что доставляетъ имъ лучшую защиту противъ вліяній температуры — какъ это уже доказываетъ зависимость толщины льда отъ снѣжнаго слоя, — то упомянутое чутье сѣв. оленей весьма замѣчательно и доказываетъ, что при всемъ томъ чрезъ снѣжный покровъ должны проникать вверхъ токи воздуха. Какъ бы глубокъ ни былъ слой снѣга, сѣв. олень никогда не ошибется и не станетъ шарить въ снѣгу, когда привалъ дѣлается на льду.

Слѣдовательно во-первыхъ мы показали, что въ сравненіи съ лошадью сѣв. олень совершенно незамѣнимъ относительно нѣкоторыхъ условій прокармливанія. Во-вторыхъ сѣв. олень несравненно лучше переправляется чрезъ болотистыя топи: отчасти

*

вслѣдствіе гораздо болѣе легкаго абсолютнаго вѣса своего тѣла, отчасти благодаря раздвоеннымъ копытамъ, на помощь которымъ являются еще побочныя копытца, чрезвычайно развитыя у сѣв. оленей. Эти-то копытца, стуча одинъ о другой, и образуютъ звукъ кастаньетовъ, который замѣчательно какъ характеризуетъ шествіе стада сѣв. оленей, особенно въ противоположность тихой походкѣ неуклюжаго верблюда, выступающаго на своихъ мозоляхъ какъ въ туфляхъ.

Сѣв. олень отличается отъ своихъ родичей, оленя и козули, чрезвычайно широкими подошвами копытъ, вслѣдствіе чего слѣды, которые онъ оставляетъ по себѣ, очень велики и въ особенности очень широки. Впрочемъ онъ не только раздвигаетъ настоящія и побочныя копыта, особенно на переднихъ ногахъ, но и ходитъ болѣе всею стопою, чѣмъ лошадь, выступающая такъ сказать колючею походкою, какъ бы на кончикахъ пальцевъ. Съ этою цѣлью онъ сгибаетъ всѣ составы подъ болѣе острыми углами и выше поднимаетъ ноги. Эта бо́льшая гибкость прежде всего поражаетъ васъ тѣмъ, что сѣв. олень съ такою-же легкостью чешетъ себя за ухомъ, какъ собака. Такимъ-же образомъ сѣв. олени расчищаютъ себѣ ноздри, когда послѣднія при сильной стужѣ обмерзаютъ и ни чиханіе, ни трѣніе о другіе предметы не достигаютъ цѣли. Снѣгъ и ледъ, которые забиваются у нихъ въ копыта, они также обгрызаютъ и облизиваютъ, какъ собаки.

Благодаря этимъ особенностямъ, навьюченный сѣв. олень перебирается черезъ совершенно зыбкіе моховища, мхи которыхъ (Sphagnum) до того пропитаны водою, что никакая лошадь не посмѣла бы приблизиться къ нимъ. Гдѣ среди топкаго болота мѣстами встрѣчаются болѣе твердыя кочки, тамъ сѣв. олень пользуется ими и своими раздвоенными копытами удерживается на нихъ. Завязнувшую въ болотѣ ногу онъ безъ труда опять вытаскиваетъ на поверхность. Такъ какъ чрезъ подобныя мѣста очень трудно перебираться, то животныхъ въ этомъ случаѣ не привязываютъ, какъ всегда, одно къ другому, а предоставляютъ имъ самимъ въ одиночку выбирать лучшія переправы. Они выказываютъ при этомъ замѣчательную осмотрительность и ловкость.

Въ такихъ топяхъ, или въ горахъ, покрытыхъ слегка-соприкасающимися между собою обломками скалъ, опасные промежутки которыхъ прикрыты обманчивыми моховыми подушками, или наконецъ въ нагорныхъ лѣсахъ, гдѣ огромные стволы валежника со множествомъ обломанныхъ сучьевъ заграждаютъ путь на каждомъ шагу, сѣв. олень несравненно полезнѣе лошади. Кромѣ увѣренности въ поступи преимущество его заключается еще, чего и не ожидаешь, въ болѣе быстрой походкѣ. Лошадь передъ каждымъ особымъ препятствіемъ слегка медлитъ, какъ бы одумывается и становится въ позицію, тогда какъ сѣв. олень, не останавливаясь, подвигается впередъ совершенно одинаковымъ шагомъ. Нисколько не смущаясь, онъ перебирается чрезъ разныя препятствія, на сколько позволяетъ длина его ногъ, т. е. на сколько туловище его отстоитъ отъ земли. Бо́льшая равномѣрность поступи и сравнительно большіе шаги составляютъ отличительную черту сѣв. оленя. На гололедицѣ, которая такъ часто бываетъ въ горахъ, онъ выказываетъ опять тѣ же достоинства, т. е. бо́льшую увѣренность въ поступи, меньшую опасность при

паденіи и бо̀льшую ловкость при вставаніи. Нерѣдко на гололедицѣ сѣв. олени, даже съ ношей, встаютъ опять безъ содѣйствія человѣка. Рѣдко приходилось надрубать ледъ для переправы чрезъ гололедицу. Но забавно было видѣть, когда изъ десяти привязанныхъ другъ за другомъ сѣв. оленей, первые уже успѣютъ перебраться черезъ гололедицу и за тѣмъ для слѣдующихъ за ними слишкомъ спѣшатъ впередъ. Въ этихъ случаяхъ трусливые сдвигали всѣ четыре ноги поближе одну къ другой и скользили, какъ на конькахъ, предоставляя тащить себя по льду. Когда при этомъ животное падало, то его перетаскивали по льду лежащимъ на согнутыхъ ногахъ. Крики наакъ-наакъ-наакъ предостерегаютъ сѣв. оленей быть осторожными, гдѣ слѣдуетъ.

Чрезвычайно важна увѣренность сѣв. оленя при переправѣ чрезъ горные потоки и рѣчки. Какъ бы сильно послѣднія ни напирали на животное и ѣздока, какъ бы явно валуны на днѣ потоковъ ни скатывались подъ ногами животнаго внизъ по рѣкѣ, съ громкимъ шумомъ, сѣв. олень не пошатнется, не спотыкнется, не оступится. Часто вода стремится чрезъ туловище животнаго, какъ черезъ плотину, но оно храбро выдерживаетъ напоръ воды и, сознавая опасность, употребляетъ всѣ усилія съ величайшимъ напряженіемъ. При томъ сѣв. олень плаваетъ чрезвычайно легко, такъ что половина туловища, и до $^3/_4$ задней части находятся надъ водою. Даже съ вьюкомъ сѣв. олень плыветъ прекрасно и при этомъ держитъ хвостъ свой такъ же прямо вверхъ, какъ во время ходьбы; на видъ это презабавно.

Подобно лошади, сѣв. олень обладаетъ способностью превосходно помнить мѣстность, а по части обонянія онъ превосходитъ даже лошадь. Онъ умѣетъ чутьемъ отлично отыскивать стадо по слѣдамъ его. Однажды, когда я отсталъ на нѣсколько часовъ и, торопясь догнать караванъ, вдругъ неожиданно увидѣлъ передъ собою р. Силимджи, которая шириною болѣе версты, и дробясь на нѣсколько рукавовъ, смыла слѣдъ, мою Аріаднину нить, я усомнился въ томъ, удастся ли мнѣ выпутаться изъ лабиринта зигзаговъ, образуемыхъ переправою, удастся ли мнѣ перебраться чрезъ разные острова и въ сумеркахъ наступавшей ночи еще во̀-время отыскать на другомъ берегу слѣдъ. Но увѣренность, съ которою мое вѣрное верховое животное пробиралось по перепутаннымъ ходамъ, вскорѣ убѣдила меня, что оно не идетъ вслѣдъ за непосредственнымъ, прямо, переносившимся къ намъ испареніемъ стада. Пробираясь до половины туловища въ водѣ, оно слѣдовало за извилинами прошедшаго передъ нимъ каравана, который мнѣ дѣйствительно и удалось догнать. Въ другой же разъ, когда я опять предоставилъ себя на волю моего животнаго, я потерпѣлъ неудачу, потому что не съумѣлъ угадать хода его мыслей. Дѣло происходило 20-го Октября въ горахъ. Я отсталъ для съемки мѣстности и слѣдовалъ за караваномъ по сильно натоптаннымъ дорожкамъ. Передо мною лежали двѣ долины; по обоимъ направленіямъ шли дороги. Я предоставилъ выборъ моему животному, которое, нисколько не задумываясь, и побрело по одной изъ нихъ. Черезъ нѣсколько времени я очутился на мѣстѣ, на которомъ нѣкоторое время жили Тунгусы, но которое ими уже было

покинуто. Мнѣ пришлось вернуться и стоило много труда, чтобы среди путаницы разныхъ дорогъ отыскать настоящую. Я прибылъ на почлегъ, когда всѣ уже успѣли улечься.

Сѣв. олень кажется смирнѣе лошади, чуть ли не потому только, что онъ не такъ силенъ, какъ она, и человѣкъ въ состояніи легче справиться съ нимъ. Но во всякомъ случаѣ сѣв. олень и добрѣе лошади. Разъ только одинъ изъ нашихъ сѣв. оленей показалъ видъ, что намѣренъ укусить человѣка. При навьючиваніи они никогда не сопротивляются такъ, какъ напр. якутскія лошади. Если сѣв. олень запутается, если передовое животное безжалостно притянетъ поводъ его къ дереву такъ, что онъ наконецъ разорвется, если, завязнувъ въ болотѣ, онъ наткнется на сучокъ, если ѣздокъ свалится и т. п., — сѣв. олень останавливается, даже если его только-что истязаніями до крайности раздражили, и спокойно ждетъ, а не бѣсится, какъ лошадь. Замѣчательно, что онъ не только не пугливъ, но и не боится выстрѣла, чего я объяснить не умѣю.

Такъ какъ ѣздоку трудно держаться на сѣдлѣ, то дрессирующій кочевникъ нерѣдко теряетъ терпѣніе и, вслѣдствіе добродушія животнаго, очень часто позволяетъ себѣ страшно истязать его. Только въ такомъ случаѣ я видѣлъ, что сѣв. олень дѣлаетъ слабыя попытки сопротивленія, и какъ бы вынужденной обороны. Если у животнаго нѣтъ болѣе роговъ, то озлобленный кочевникъ наноситъ ему удары верховою палкою на боковыя части морды и въ лобъ; сѣв. олень встаетъ на дыбы и, чтобы хоть нѣсколько дать отпоръ, старается передними ногами ударить человѣка или выступаетъ противъ него нагнувъ голову, пока не сбросилъ еще роговъ. Это случалось въ концѣ Сентября и началѣ Октября, когда животныя еще въ полной силѣ и кромѣ того въ течкѣ. Мнѣ самому пришлось испытать тоже позднѣе, въ довольно критическомъ случаѣ. Нужно замѣтить, что если подъ вечеръ, когда предвидится привалъ, животныя уже безъ того торопятся и, не смотря на усталость, начинаютъ бѣжать рысью, то верховые сѣв. олени, съ которыми остаешься позади каравана, становятся еще нетерпѣливѣе. Прозябнувъ отъ пейлеванія и записыванія и потому бѣжа сзади пѣшкомъ, я вдругъ очутился передъ глубокимъ и широкимъ горнымъ потокомъ, по которому неслись льдины. Я еще не пріучился хорошо сидѣть на сѣдлѣ и для меня было очень важно приноровиться къ правильной качкѣ, прежде чѣмъ начнется переправа. По этому я отвелъ свое отборное животное, необыкновеннаго роста, шаговъ на 50 назадъ, нѣсколько крѣпче подтянулъ подпругу и попытался вскочить на сѣдло. Чѣмъ больше животное, тѣмъ труднѣе это сдѣлать. Нѣсколько разъ я падалъ въ снѣгъ, или соскакивалъ передъ самой рѣкой, потому что не уловилъ еще настоящій тактъ этого гимнастическаго упражненія. Тогда животное мое, отъ нетерпѣнія догнать остальныхъ, начинаетъ выходить изъ себя, бьетъ ногами, опускаетъ голову и съ своими большими рогами надвигается на меня. Я изо всѣхъ силъ верховою палкою ударилъ его по основанію роговъ, и такъ какъ это происходило при замерзаніи ртути [1]), то сломалъ не только рогъ, имѣвшіе 2 дюйма въ поперечникѣ, но и мою надеж-

[1]) А между тѣмъ вода все-таки не замерзла!

ную палку, вырѣзанную изъ каменной березы. Пока мой сѣв. олень, потряхивая головою, раздумывалъ о сотрясеніи своего мозга, я успѣлъ вскочить, привести себя въ равновѣсіе и отдѣлаться отъ холоднаго купанья.

Что сѣв. олени такъ рѣдко сопротивляются человѣку, это говоритъ въ пользу ихъ добродушнаго характера тѣмъ болѣе, что другъ противъ друга они прибѣгаютъ къ оружію при каждомъ случаѣ. По этому въ короткое время тѣ изъ нихъ, у которыхъ шея по крѣпче, хотя бы они были и меньше ростомъ, успѣваютъ другимъ внушать къ себѣ уваженіе, такъ что изъ прежнихъ соперниковъ уже никто не рѣшается затѣвать дѣло съ опытнымъ бойцемъ. Не смотря однакоже на это, такіе побѣдители не отличались отъ другихъ по части переноски тяжести, да и впослѣдствіи, когда рога сваливаются и споры изъ-за алчности приходится рѣшать передними ногами, вѣроятно должны уступать право сильнѣйшаго другимъ, умѣющимъ лучше справляться съ этимъ дѣломъ. Тунгусская собака — Лугди — которою я обзавелся лишь въ половинѣ зимы и которая по-этому еще не была признана стадомъ, часто только съ трудомъ, а часто и вовсе не могла отдѣлываться отъ нападеній и въ такомъ случаѣ быстро обращалась въ бѣгство.

Заключимъ перечисленіе преимуществъ верховой ѣзды на сѣв. оленѣ замѣчаніемъ, что на немъ гораздо меньше зябнешь, чѣмъ на лошади. Это весьма естественно объясняется балансированіемъ при ѣздѣ, которое съ одной стороны постоянно приводитъ въ движеніе мускулы туловища по всѣмъ направленіямъ, а съ другой не вынуждаетъ ногъ задерживать въ нихъ кровообращеніе постояннымъ смыканіемъ, а напротивъ того требуетъ безпрерывнаго, маятникообразнаго движенія ногъ.

Причина, почему на сѣв. оленѣ меньше зябнешь, чѣмъ на лошади, заключается наконецъ отчасти и въ недостаткахъ, сопряженныхъ съ верховой ѣздой на сѣв. оленѣ. Слѣзаешь напр. чаще, уже потому, что это дѣлается очень легко.

За тѣмъ необходимо сдѣлать оговорку, что на путешествіе на сѣв. оленѣ не должно смотрѣть съ точки зрѣнія человѣка, избалованнаго ѣздою по желѣзнымъ дорогамъ. Вы ѣдете куда глаза глядятъ, по бездорожнымъ мѣстамъ, чрезъ бездонныя топи и по ревущимъ, покрытымъ несущимися льдинами, потокамъ, чрезъ ужаснѣйшія лѣсныя чащи, которыя мѣстами вихри повалили и обратили въ непроницаемыя засѣки. Въ поту лица, при 50 градусахъ мороза, стараешься въ такихъ мѣстахъ проложить дорогу съ топоромъ въ рукахъ. При всемъ томъ иногда, бывало, стемнѣетъ, а мы уже не въ силахъ шевелиться; стаду сѣв. оленей приходилось ночью грызть скудные бородатые мхи, а мы бывали принуждены утромъ угрюмо отступать отъ засѣки. Пропалъ цѣлый день тяжкой работы, вьючныя животныя выбились изъ силъ, второй день потерянъ. Или вы подвигаетесь, перебираясь съ камня на камень, такъ что сѣдло безпрестанно приходится поддерживать, передвигать, перевязывать; въ такихъ мѣстахъ опять натыкаешься на непроницаемыя засѣки, состоящія изъ нераспутываемыхъ кустарныхъ кедровъ или кустарныхъ березъ.

То на равнинѣ или въ долинѣ слишкомъ мягко и вы подвергаетесь опасности завязнуть, то снѣгъ слишкомъ глубокъ, то въ горахъ слишкомъ неровная и каменистая

почва, то стволы и сучья заграждаютъ вамъ путь, то вамъ угрожаетъ гололедица, то колѣна заболятъ и окоченѣютъ, то морозъ вцѣпится въ ваши ноги, то пронесется звѣрь— однимъ словомъ представляются сотни причинъ, которыя заставляютъ человѣка, ѣдущаго верхомъ на сѣв. оленѣ, бѣгать побольше пѣшкомъ. Вѣдь тутъ опять идетъ дѣло о томъ, какъ бы поберечь превосходное, необходимое животное. Тамъ оно для путешествующаго дороже всѣхъ желѣзныхъ дорогъ въ мірѣ, потому что оно единственное, ничѣмъ не замѣнимое средство передвиженія. Правда, что вы подвигаетесь впередъ очень медленно, но все-таки, проѣхавъ тысячи верстъ, вы достигаете цѣли.

Пусть странствователь по желѣзнымъ дорогамъ, полагающій, что онъ чуть-ли не во всемъ отказываетъ себѣ, потому что поклажа, которую онъ возитъ съ собою, не превышаетъ вѣса дароваго багажа, пусть онъ отправится путешествовать на сѣв. оленѣ и испробуетъ тамъ свою умѣренность. Онъ можетъ расчитывать только по 2 пуда на каждое животное, а между тѣмъ долженъ везти съ собою хорошій запасъ обуви, бѣлья, лѣтняго, зимняго и запаснаго платья, постель и наконецъ свой домъ, свою палатку — конусъ, который при 15 футахъ въ поперечникѣ долженъ защищать отъ непогодъ 5 занятыхъ дѣломъ людей, собаку, ружье, множество разныхъ вещей, таганъ съ кухоннымъ приборомъ и т. д. Естествоиспытателю, путешествующему на оленѣ, приходится таскать съ собою на нѣсколько мѣсяцевъ провіантъ, инструменты, аммуницію, топоры, кухонные приборы, табакъ и другіе, замѣняющіе деньги, подарки, возить много бумаги для сушки растеній, хранить коллекціи и т. д. и т. д.

Тутъ поневолѣ научишься быть невзыскательнымъ и бѣгать пѣшкомъ, чтобы беречь животныхъ, которыя и безъ того не въ состояніи долго выдерживать тягости путешествія. Хотя мы ежедневно проходили среднимъ числомъ не болѣе $2\frac{1}{2}$ геогр. миль, и ни разу не прошли болѣе $4\frac{1}{2}$, все-таки изъ 42 сѣв. оленей, съ которыми я тронулся въ путь отъ Охотскаго моря, три мѣсяца спустя только 11 могли добраться до р. Дзеи, а еще три недѣли позднѣе ни одинъ не дошелъ до прибрежій Амура. Мы же верховые въ продолженіе первыхъ двухъ мѣсяцевъ прошли пѣшкомъ по меньшей мѣрѣ половину, а мѣстами пожалуй и $\frac{2}{3}$ дороги. Въ послѣдній мѣсяцъ мы запаслись чередовавшимися животными, которымъ лишь черезъ день приводилось ходить подъ верхомъ, но за то они должны были носить на себѣ сѣдока болѣе половины, даже до $\frac{3}{4}$ дороги въ день. Вьючныхъ животныхъ со дня на день облегчали уменьшеніемъ провіанта; закалывали же лишь немногихъ.

При всемъ томъ животныя, которыя съ самаго начала были круглы, явно стали худѣть, хотя впрочемъ эта худоба не сразу замѣтна на ребрахъ, вслѣдствіе толстой въ два дюйма и чрезвычайно густой шерсти, а проглядываетъ только на поясницѣ и на бедрахъ. Какъ у верблюда худѣніе замѣчается по горбу, такъ у сѣв. оленя оно отзывается на зашейкѣ, на плечевыхъ лопаткахъ и на шеѣ. Сѣдло безпрестанно съѣзжаетъ съ исхудавшаго зашейка. Если животное, по снятіи съ него сѣдла и недоуздка, хоть на минуту задумается, или пожалуй ляжетъ, вмѣсто того, чтобы немедленно приняться за отыскиваніе

корма, то дѣло съ нимъ положительно подходитъ къ концу, особенно когда это случается вечеромъ, потому что многіе, которые въ полдень выказываютъ самые явные признаки сильнѣйшаго изнеможенія, къ вечеру опять становятся совершенно бодрыми. Очевидно постъ съ утра до вечера для нихъ слишкомъ продолжителенъ. Необходимъ хорошій аппетитъ, потому что и кормовыя мѣста не изъ лучшихъ; часто мы дѣйствительно нѣсколько недѣль сряду не встрѣчали никакихъ слѣдовъ дикихъ сѣв. оленей. Нашимъ приходилось отгребать кормъ изъ-подъ глубокаго снѣга, тогда какъ дикіе олени уходили на такія возвышенности, съ которыхъ вѣтеръ сметаетъ снѣгъ [1]).

Подвигаясь весьма медленно, можно почти подумать, что такое путешествіе въ сущности пѣшее странствованіе. Но на дѣлѣ это не такъ. Не говоря уже о вьюкахъ, съ которыми не сладишь безъ животныхъ, чувствуешь чрезвычайное облегченіе въ томъ отношеніи, что не приходится самому таскать ружье и что на ровныхъ мѣстахъ можно попеременно садиться на сѣв. оленя. Путешествіе замедляютъ необыкновенныя затрудненія бездорожья, о которыхъ мы выше говорили. Раннею осенью оказалось, правда, что Тунгусы, отправившіеся пѣшкомъ чрезъ обширныя болота Тугура, добрались до цѣли скорѣе, чѣмъ мы, которымъ приходилось обходить иныя трясины и постоянно передвигать поклажу на проваливавшихся животныхъ. Въ заключеніе мы должны были 11-го Сентября безъ крова, промокши съ головы до ногъ, проночевать на голой, обуреваемой вѣтромъ равнинѣ. Никогда я не зябъ такъ отчаянно, какъ тогда, потому что утромъ не только почва, но и нѣкоторыя части одежды, которая на насъ была, совершенно смерзли. Лишь тогда, когда моховой покровъ, замерзнувъ сверху въ видѣ корки, еще не выдерживалъ давленія человѣческой ноги, да и потомъ, когда глубокій, покрытый корою снѣгъ, заграждалъ намъ путь, мы ясно сознали, какое благодѣяніе сидѣть на сѣв. оленѣ. Даже по совершенно утоптанному снѣгу тропинки, по которой мы плелись гусинымъ шагомъ, часто трудно было слѣдовать за караваномъ, главнымъ образомъ, впрочемъ, потому, что животныя дѣлаютъ короткіе и частые шаги, да и ямки, образуемыя ихъ копытами, слишкомъ узки. Кончикъ ноги въѣзжаетъ въ эти ямы, такъ что человѣку преимущественно приходится наступать на пятки, которыя вскорѣ становятся очень чувствительными. При разныхъ препятствіяхъ, затрудняющихъ путь, не легко поспѣвать пѣшкомъ даже за незначительною скоростью каравана, составляющею отъ $3\frac{1}{2}$ до $3\frac{1}{4}$ верстъ въ часъ [2]), особенно въ толстой укупоркѣ противъ такихъ бѣдовыхъ морозовъ, при кото-

---

[1]) Въ Долинѣ р. Керби, по которой мы тянулись вверхъ, были напр. очень плохія кормовыя мѣста. Гораздо лучше, говорятъ, ѣхать чрезъ истоки Тылакачана, Джакдадякона и Омольекона.

[2]) Въ Сентябрѣ у Бурукана и 19 Октября на р Керби мы отмѣрили 3 версты и нашли, что мы среднимъ числомъ проходили отъ $3\frac{1}{2}$ до $3\frac{3}{4}$ верстъ слишкомъ въ часъ. За тѣмъ, на основаніи неоднократныхъ опытовъ, мы установили шесть различныхъ степеней нашего марша съ верховыми сѣв. оленями по замерзшей почвѣ:

I. на очень трудныхъ мѣстахъ....	$2\frac{1}{2}$	версты въ часъ
II. спокойная путевая поступь животныхъ..................	$3\frac{1}{2}$	» » »
III. ускоренная поступь животн.	$3\frac{3}{4}$ до 4	» » »
IV. быстрая » »	4	» » »
V. самая быстрая; на ровной негладкой ледяной поверхности	5	» » »

рыхъ замерзаетъ ртуть. По этому быстрота путешествія обусловливается временемъ года и сопряженными съ нимъ побочными обстоятельствами, особенно погодою, такъ что позднею осенью часто безъ труда проѣзжаешь въ одинъ день такія разстоянія, на которыя весною требовались три дня.

Мы признали сѣверныхъ оленей даже за нашихъ благодѣтелей, когда на насъ вдругъ повалилъ сильнѣйшій снѣгъ и мы 3-го Ноября проснулись среди снѣжнаго слоя въ 3 фута толщины. Мнѣ, не говорю уже о меньшихъ ростомъ кочевникахъ, онъ доходилъ до паха, даже до половины живота; подвигаться впередъ можно было только такъ, что самые длинноногіе сѣв. олени должны были идти впереди безъ ноши и чередоваться въ прокладываніи тропинки. Въ хвойномъ лѣсу дѣло все-таки шло еще лучше, потому что часть снѣга остается на сучьяхъ, а упавшій на землю сильно слегается. За то въ березовомъ лѣсу едва можно было пробраться: добра накопилось уже слишкомъ много. Мы проклинали снѣгъ, котораго недѣлю передъ тѣмъ не могли дождаться, потому что на крѣпко замерзшей почвѣ наши животныя начали хромать. Когда въ другомъ мѣстѣ снѣгъ оказался лишь въ $^5/_4$ футовъ глубины, но былъ покрытъ корой, то онъ намъ столько-же мѣшалъ двигаться, сколько и бѣднымъ сѣв. оленямъ, находившимся теперь въ томъ-же безвыходномъ положеніи, въ какомъ бываютъ дикіе ихъ родичи, когда ихъ закалываютъ цѣлыми сотнями.

Но что могъ бы сказать самый злѣйшій критикъ сѣв. оленя, очутившись передъ горнымъ потокомъ съ пловучими льдинами, глубина котораго доходитъ до половины бедра и по которому ему приходится пробраться при 20° мороза (18-го Октября и позднѣе въ году) даже при замерзаніи ртути? Запрятавъ ноги, какъ мы, въ высокіе, съ толстыми травяными стельками, мягкіе смазные сапоги (сары) и сидя высоко на сѣв. оленѣ, онъ счелъ бы себя счастливымъ, что вода смочитъ его только снизу, на противоположномъ берегу постарался бы обсушить набрызганную воду снѣгомъ и вознесъ бы до небесъ сѣв. оленя, своего благодѣтеля. Никакая лошадь не сдѣлаетъ того, что̀ дѣлаетъ въ этомъ случаѣ сѣв. олень, который въ такіе морозы, конечно, также неохотно принимается за это дѣло. Не продѣлаетъ она и того, что̀ неоднократно случалось съ на-

---

VI. таже поступь тамъ-же, съ переходомъ въ иноходь....... $5^1/_2$ верстъ въ часъ.

Впослѣдствіи изъ-за глубокаго снѣга движеніе замедлилось примѣрно на $^1/_4$ версты и болѣе въ часъ.

Въ тундрѣ глубокаго сѣвера, напротивъ того, скала стала повышаться, начиная съ послѣдней упомянутой выше скорости, которая впрочемъ вслѣдствіе большей тяжести саней замедлялась бывало на $^1/_4$ версты; поэтому тамъ въ Апрѣлѣ оказалось

V. въ упряжи шагомъ........ $5^1/_4$ верстъ въ часъ.
VI. самою малою рысью....... $6^1/_2$ » » »
VII. спокойною путевою рысью въ упряжи.............. 8 верстъ въ часъ.
VIII. ускоренною рысью........ $9-9^1/_2$ » » »
IX. самою быстрою рысью..... 13 » » »
X. тоже, по временамъ галопомъ 16 » » »

Если Пиктѐ (Bacmeister, I, стр. 153) опредѣлилъ среднюю скорость сѣв. оленя въ 19′ въ секунду, то тутъ кроется ошибка. Вѣдь это составляло бы 19.5 верстъ въ часъ, т. е. примѣрно самую крайнюю скорость, которой возможно добиться только на самыхъ короткихъ разстояніяхъ. Срав. стр. 493, прим. 4-е.

шими вьючными животными, которыя при сильнѣйшемъ морозѣ[1]) проваливались сквозь ледъ, но плавали до тѣхъ поръ, пока съ нихъ можно было снять вьюки и послѣ долгой возни помочь имъ выбраться, потомъ усердно отряхивались и за тѣмъ спокойно продолжали свой путь, какъ будто ничего не случилось.

Основательно отряхиваться сѣв. олени умѣютъ мастерски; дѣлаютъ они это обыкновенно вечеромъ, когда съ нихъ снимутъ вьюки. Однажды осенью, когда они вечеромъ стали отряхиваться съ необыкновеннымъ искусствомъ, кочевникъ, основываясь на этой примѣтѣ, предсказалъ, что на слѣдующій день будетъ сильный морозъ. И дѣйствительно, они натрясли намъ морозъ. Весною они иногда стряхиваютъ съ себя личинки оленьяго овода, какъ стрѣлы.

Преимущество четвероногаго животнаго передъ двуногимъ человѣкомъ научаешься цѣнить только тогда, когда плетешься по глубокому снѣгу ровной по-видимому мѣстности, а между тѣмъ постоянно попадаешь то въ незамѣтно скрытыя щели камней, то въ сучки, то въ валежникъ и т. д., спотыкаешься, падаешь, въ рукавицы и мѣховую одежду забираешь снѣгу и т. д. При всѣхъ этихъ препятствіяхъ человѣкъ въ сравненіи съ животнымъ находится въ невыгодномъ положеніи; также впрочемъ и на ровныхъ мѣстахъ. Не только нѣтъ несносной задержки по части передвиганія вьюковъ, но и животныя подвигаются — особенно по ледянымъ покровамъ рѣкъ — такъ весело, что мы удивились немало, когда вмѣсто прежнихъ $4\frac{1}{2}$ верстъ въ часъ, по измѣреніи довольно большаго разстоянія, нашли, что скорость ходьбы составляла 5 верстъ въ часъ. Если хорошенько закутаешься отъ мороза, то опять не легко и не долго выдержишь пѣшкомъ такой темпъ каравана. Притомъ это не малая скорость; даже въ Аральскихъ степяхъ путевая поступь киргизскаго верблюда, опредѣленная на основаніи одометрическихъ измѣреній, составляла ровно 4 версты въ часъ.

У себя дома станешь, пожалуй, разсуждать о возможности поспѣвать за караваномъ при 5-ти верстной скорости. Но вспомните только обо всемъ, что нужно дѣлать и какъ приходится возиться, когда вечеромъ, послѣ семи- или восьмичасоваго странствованія, наконецъ дѣлается привалъ. Отыскавъ кормовое мѣсто, иногда также заставляющее васъ сворачивать въ сторону, прежде всего нужно развьючить животныхъ. Потомъ расчищается мѣсто для шалаша, вбиваются шесты для него, прилаживаются и обтягиваются стѣнки, добывается достаточное количество вѣтвей отъ хвойныхъ деревьевъ для подстилки, устанавливается таганъ, нарубается запасъ льда и сухаго дерева, разбирается, выколачивается, чистится багажъ и тщательнѣйшимъ образомъ просушивается вся одежда, особенно обувь. Съ этимъ часто бываетъ немало хлопотъ. То въ обувь проникла снизу вода, или сверху снѣгъ. На колѣнахъ штаны обыкновенно промочены. То въ одежду попалъ снѣгъ, свалившійся съ деревьевъ и съ похожихъ на нагнувшихся снѣговыхъ чучелъ маленькихъ деревецъ, то на верхней части тѣла все обледенѣло отъ дыханія, то все платье пропитано пóтомъ вслѣдствіе усиленной работы.

[1]) Въ первый разъ на р. Бурeѣ, 31-го Октября стар. ст., при 24° мороза.

За тѣмъ уже начинаешь варить и штопать, преимущественно обувь свою и сбрую сѣв. оленей, постоянно портящуюся; принимаешься за дневникъ — поставивъ желѣзную чернильницу въ огонь, за коллекціи и т. д. Спать ложишься очень поздно. Утромъ же опять приходится исполнять часть вечернихъ работъ въ обратномъ порядкѣ; во всякомъ случаѣ нужно пересматривать сбрую сѣв. оленей съ удвоеннымъ вниманіемъ. Ни на чемъ не должно быть льду. Если напр. подпруга не вычищена какъ слѣдуетъ, то она до-крови растираетъ локтевую часть, потому что должна очень выдаваться впередъ, или примерзаетъ къ волосамъ и образуетъ ссадины на кожѣ, такъ что животныя начинаютъ хромать. Послѣ вьюги или слякоти работа эта чрезвычайно продолжительна, особенно если и шкуры, которыми прикрываютъ стѣнки шалаша (инюканъ), приходится не только очищать, но и скоблить медвѣжьими рогатинами (пальма) и ножами и сушить передъ огнемъ, потому что эти шкуры, нагрѣвшись отъ огня въ шалашѣ, пропитались водою. Наконецъ необходимо отыскать, согнать и изловить сѣв. оленей, чему нѣкоторыя животныя довольно ловко долго не поддаются. Если проберешься черезъ воду — а по стоящей поверхъ льда водѣ приходится странствовать даже среди зимы, — то пропитанныя водою комья снѣга или ледяные куски засѣдаютъ между ногтями или примерзаютъ къ пучку длинныхъ волосъ, соотвѣтствующихъ щеткамъ лошадей. Часто тамъ висятъ двѣ, три, даже четыре грушеобразныя, толстыя сосульки. Все это нужно устранять, если хочешь, чтобы сѣв. олени не хромали.

Измучаешься вдоволь. Считаешь себя счастливымъ, когда представится возможность проѣхать верхомъ хотя четверть дороги. Но хорошо откормленный смолоду Европеецъ положительно слишкомъ тяжелъ для сѣв. оленя, такъ что приходится избѣгать малѣйшаго дорожнаго мѣшка, даже не привязывать ремешковъ, служащихъ Тунгусамъ для привѣшиванія сзади къ сѣдлу мелкой дичи. Для меня и для моего топографа припасены были издалека животныя, которыя были больше и сильнѣе обыкновенныхъ. Это отборные, такъ называемые «ламскіе» сѣв. олени, т. е. приморскіе, что значитъ взятые изъ отроговъ Алданскаго хребта; они были пальца на четыре выше другихъ. Одинъ изъ нихъ носилъ меня превосходно и я совершилъ на немъ бо̀льшую часть моего пути; другой былъ, правда, также высокаго роста, но спина его сгибалась подо мною и при этомъ у него такъ подгибались заднія ноги, что сѣдло постоянно соскользало назадъ, а шаткость и неувѣренность походки все болѣе усиливались. Высокій ростъ животныхъ очень затруднялъ вскакиваніе на нихъ. Чрезвычайно смѣшно было видѣть, какъ малорослая Тунгуска, на перекоръ лучшей балетной танцовщицѣ, подъ тупымъ угломъ откидывала лѣвую ногу отъ правой, протягивала ее вверхъ и спускалась на сѣдло моего громаднаго животнаго.

Этихъ горныхъ (ламскихъ) сѣв. оленей можно было отличать отъ сѣверныхъ[1]) уже потому, что стѣнки копытъ ихъ спускались довольно круто и не расходились такъ тарелко-

---

[1]) Къ нимъ Тунгусы причисляли и Вилюйскихъ сѣв. оленей, которыхъ они называли малу.

образно, какъ у оленей сѣверной тундры. Это вполнѣ согласуется съ нашими европейскими наблюденіями относительно крутыхъ копытъ горныхъ и арабскихъ лошадей, сравнительно съ лошадьми низменностей, и подтверждаетъ тѣмъ несомнѣннѣе, что мы справедливо приписываемъ такого рода копыта вліянію горныхъ путей. Далѣе утверждали, что у горнаго сѣв. оленя ноги длиннѣе, да и красивѣе, шея также длиннѣе, такъ что въ сравненіи съ болѣе плотными сѣверными животными наружностью онъ болѣе похожъ на козулю. Правда, что это плохо согласуется съ нашими наблюденіями относительно признаковъ горныхъ породъ нашихъ жвачныхъ домашнихъ животныхъ, горныхъ оленей, которые плотнѣе оленей, водящихся на равнинѣ, и т. д. По-этому мы рекомендуемъ будущимъ путешественникамъ обратить на этотъ вопросъ особое вниманіе.

Наконецъ нельзя было не замѣтить, что у сѣверныхъ спина оказывалась совершенно прямою, а у горныхъ приподнималась къ зашейку, который сильнѣе выдавался кверху. Слѣдовательно передъ у нихъ выше.

Эти горные сѣв. олени обнаруживаютъ своимъ прирученіемъ, что они находятся въ болѣе близкихъ отношеніяхъ къ человѣку. Уже оленята спокойно позволяютъ себя трогать. Между этими горными животными попадаются пестрые экземпляры. Ни того ни другаго я не встрѣчалъ у Самоѣдовъ. У Тунгуса-то всего нѣсколько оленей, у Самоѣда ихъ сотни и тысячи. У Тунгусовъ сѣв. олень въ большей степени домашнее животное, чѣмъ у Самоѣдовъ.

Индивидуальная разница въ доброкачественности верховыхъ сѣв. оленей такая-же какъ у лошадей и высказывается въ цѣнахъ, за которыя они продаются [1]).

Недостатки ихъ заключаются главнымъ образомъ въ слабости; шалости ихъ въ неготовности дозволять садиться на нихъ, при чемъ часто наѣзжаешь на пни и сучки, или торопливо усаживаешься и вскорѣ валишься въ болото, лужи или снѣгъ.

Спотыкаются они рѣдко, развѣ только вслѣдствіе очевидно чрезмѣрной навалки вьюковъ или утомленія. Мягкая поступь этихъ животныхъ отличается увѣренностью. При всемъ томъ, разумѣется, иногда дѣло не обходится безъ опасныхъ паденій. Такъ мнѣ привелось видѣть, что сѣв. олень споткнулся и упалъ, хотя на немъ было мало поклажи, потому что сверху сидѣлъ, какъ это въ обычаѣ у Тунгусовъ, маленькій ребенокъ, затиснутый между двумя досками. Начался большой переполохъ; старики тотчасъ подбѣжали, хотя мальчуганъ вовсе не кричалъ. Теперь только я увидѣлъ, что онъ ртомъ окунулся въ воду. Когда его вытащили, начался плачъ и ревъ, не хуже европейскаго. Подобно нашимъ ребятамъ, мальчишка сталъ бояться всякаго, маломальски опаснаго мѣста.

---

[1]) Когда моему поставщику сѣв. оленей пришлось заколоть одного изъ нихъ вслѣдствіе сѣдельнаго нажима, то онъ оцѣнилъ его (въ 1844 году!) въ 65 руб. ассигн. Сѣли 4 моихъ проводниковъ за карты и каждый поставилъ на ставку $1/4$ этого сѣв. оленя. Играли они до тѣхъ поръ, пока всего проиграно было 65 руб., и сколько каждый проигралъ, столько онъ заплатилъ за свою четвертую часть оленя. Другой оцѣненъ былъ только въ 40 руб. За моего сѣв. оленя было заплачено 100 рублей, за другаго бо́льшаго, 80 руб. Говорили, что иногда платили по 150 руб. за штуку.

Разница въ цѣнѣ упряжныхъ сѣв. оленей никогда не бываетъ такъ велика.

Не говоря уже объ опасности задохнуться, такое сибирское холодное купанье, на открытомъ воздухѣ, въ концѣ Сентября, вовсе не привлекательно.

Лѣнь не составляетъ слабой стороны сѣв. оленя, хотя иные и заставляютъ идущихъ спереди тащить ихъ за собою за поводъ [1]). Большая часть подвигается впередъ очень усердно. Для понуканія достаточно обыкновеннаго восклицанія чоу — чоу или мёду. Употребляется также слово ганга, которымъ вмѣстѣ съ тѣмъ обращаютъ вниманіе животныхъ на дурныя или сомнительныя мѣста. Лѣнивыхъ погоняютъ прищелкиваніемъ языка, похожимъ на звукъ, которымъ въ Лифляндіи манятъ поросятъ. Но гораздо основательнѣе погоняетъ неизбѣжное при тамошней верховой ѣздѣ болтаніе ногами и равномѣрное какъ бы въ тактъ удареніе ногами въ грудной ящикъ. Въ случаѣ надобности наносится также ударъ верховой палкой. Лѣнивый сѣв. олень еще несноснѣе лѣнивой лошади, потому что вдругъ некстати начинаетъ отставать на ровномъ мѣстѣ; за тѣмъ въ затруднительныхъ мѣстахъ приходится торопиться, чтобы не отстать совсѣмъ или не потерять слѣда. Восклицаніемъ тать Тунгусъ выражаетъ нетерпѣніе свое и гнѣвъ, въ случаѣ какого-нибудь сопротивленія со стороны сѣв. оленя.

Нужно упомянуть еще о двухъ обстоятельствахъ, а именно во-первыхъ о столь непривычномъ для насъ стенаніи и рычаніи сѣв. оленей, не смотря на то, что подпруга у нихъ очень слабо подтянута. Оно происходитъ во время самой жвачки, при чемъ они часто захлебываются и потомъ долго перхаютъ. Во-вторыхъ слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ о рогахъ. Сначала имъ удивляешься, сидя среди такой величественной наколки. Не обходится дѣло и безъ толчковъ, которымъ подвергаешься при этомъ, особенно когда животное, которое на бѣгу держитъ голову въ горизонтальномъ положеніи, теряетъ терпѣніе, начинаетъ вертѣть или трясти голову, или старается пробраться чрезъ лѣсную чащу. По этому я очень обрадовался, когда въ концѣ Сентября уже почти всѣ сѣв. олени успѣли лишиться роговыхъ мочекъ. Это было первое начало омертвѣнія. Дѣйствительно въ концѣ того-же мѣсяца я удивился, что красивая наколка моего верховаго животнаго преобразовалась въ палки длиною въ $^3/_4$ фута. Ее отпилили, и голова животнаго, внезапно освобожденная отъ такой тяжелой ноши, замѣтно дрожала цѣлый вечеръ, и даже до слѣдующаго дня. Черезъ нѣсколько дней кровь перестала идти и за тѣмъ поверхность обрѣза была замазана саломъ и смолой; иначе вода, которая попадетъ туда, нерѣдко, говорятъ, производитъ смертельныя нагноенія. Съ этихъ поръ, правда, я могъ сидѣть на сѣдлѣ гораздо удобнѣе, но, какъ это бываетъ съ человѣкомъ, пустота вокругъ моего сидѣнія, на верхушкѣ зашейка, нѣсколько дней все-таки казалась странной. Вьючнымъ животнымъ въ тоже время главнымъ образомъ срѣзали глазныя вѣтви, въ которыхъ повода путаются и производятъ безпорядокъ. Сосуну олененку подрѣзали и заострили всѣ кончики роговъ его, (которые были похожи на козульи рога), такъ что мать не позволяла ему болѣе сосать.

---

[1]) Поводъ сѣв. оленей по якутски называется N'jugó, уздечка S'yrbá.

Послѣднія животныя сбросили роговыя мочки въ концѣ Октября. Тунгусъ, спилившій полуобвисшіе рога, снялъ мочки, ножемъ сбрилъ съ нихъ волоса и тотчасъ-же съѣлъ мочечную кожу. Кровь изъ оставшагося обрубка роговъ тщательно высосали потому, будто бы, что это предупреждаетъ дальнѣйшій вредъ, вѣроятнѣе же потому, что она составляетъ лакомство; но такъ какъ кровь продолжала сильно идти, то навязали сверху кусокъ мочечной кожи.

Выкладенные въ томъ-же году молодые сѣв. олени сбросили рога уже въ концѣ Сентября и въ началѣ Октября. Въ половинѣ мѣсяца тоже сдѣлали и нѣкоторые другіе. Физіономія ихъ казалась совершенно измѣненною, особенно у бабьихъ оленей, у которыхъ недоуздки разукрашены были разными болтавшимися, кистеобразными привѣсками. Изъ роговъ, обломанныхъ въ бою, сильно шла кровь, а такое кровотеченіе иногда, говорятъ, очень опасно. Во второй половинѣ Октября изъ роговъ, когда ихъ обламывали или пилили, вовсе не шла болѣе кровь, вѣроятно отчасти вслѣдствіе наступившаго между тѣмъ холода. Въ половинѣ Ноября въ нашемъ стадѣ уже на многихъ не было роговъ.

Такимъ образомъ у сѣв. оленя на южномъ предѣлѣ его распространенія возрожденіе роговъ совершается раньше, чѣмъ на сѣверной тундрѣ[1]). Вѣроятно это главнымъ образомъ зависитъ отъ способа питанія животныхъ. Пріемъ смышленаго Зырянина, который уже весною обламываетъ наростающій роговый стволъ животнаго (подлежащаго закланію осенью) съ тѣмъ, чтобы облегчить ожирѣніе[2]), очевидно основанъ на правильномъ наблюденіи. Эту уловку должно считать дополненіемъ къ кастраціи.

Если изъ вышесказаннаго приходится вывести заключеніе, что сѣв. олень, въ качествѣ верховаго и вьючнаго животнаго, очевидно слишкомъ слабъ для непосредственнаго навьючиванія на него тяжестей, но все-таки не менѣе полезенъ и необходимъ, чѣмъ упряжной сѣв. олень, то невольно рождается вопросъ: почему же первобытный человѣкъ Восточной Сибири не обратилъ лося въ верховое и вьючное животное? Лось обладалъ бы всѣми перечисленными выше преимуществами сѣв. оленя передъ лошадью; притомъ для него была бы бездѣлица таскать на себѣ человѣка. Что лосю еще больше, чѣмъ сѣв. оленю,

---

[1]) Подъ 70° с. ш., въ Таймырской тундрѣ, дикіе самцы сбросили рога между Декабремъ и Февралемъ. Такимъ-же образомъ тамошніе сильные упряжные сѣв. олени сбросили рога въ Декабрѣ и новые комли начали расти въ Январѣ. Это не согласуется съ утвержденіемъ, что ручные сѣв. олени будто бы всегда опережаютъ дикихъ по части течки, отелки и сбрасыванья роговъ почти на цѣлый мѣсяцъ. До слабыхъ же и измученныхъ очередь доходила мѣсяца на 3 и даже на 4 позднѣе. Въ концѣ Марта между нашими упряжными сѣв. оленями можно было видѣть такихъ, у которыхъ еще были оба рога; у нѣкоторыхъ было только по одному рогу, а у иныхъ выросли уже комли въ 3 дюйма длины. Но въ концѣ Мая встрѣчались самки, у которыхъ былъ еще одинъ рогъ. Такимъ образомъ этотъ процессъ, подобно линянію, зависитъ отъ способа питанія, а слѣдовательно и отъ отелки. Послѣ отелки онъ совершается очень быстро.

[2]) A. Schrenck, Reise n. d. Nordosten Russlands. I, стр. 323; II, стр. 386.

и даже зимою, слѣдовательно со включеніемъ хвойныхъ деревъ, приходится питаться листьями, корою, почками и вѣтками, это даетъ ему въ горахъ большое преимущество передъ сѣв. оленемъ. По части этой особенности онъ могъ бы прекрасно замѣнить козу, которая въ отдаленномъ будущемъ не можетъ не выступить на сцену какъ особенно удобное средство, дающее возможность воспользоваться богатыми лѣсомъ горами.

Мнѣ кажется, что тотъ-же самый избытокъ силы, который могъ бы быть такъ полезенъ человѣку, былъ виною того, что первобытный человѣкъ не съумѣлъ подчинить лося своей власти. Впрочемъ, можетъ быть, лось свирѣпъ именно вслѣдствіе этого полнаго сознанія своей силы. Онъ чуть-ли не отъ природы строптивѣе добродушнаго, смирнаго какъ овца, сѣв. оленя; вся неуклюжая фигура лося напоминаетъ намъ о томъ, что собственно это не столько нашъ современникъ, сколько переходный видъ отъ чудовищъ прежняго времени къ нашимъ теперешнимъ животнымъ, такъ сказать младшій сверстникъ торфянаго оленя, носившаго исполинскіе рога.

Во время течки лоси-самцы дѣйствительно злы, и я хорошо помню, съ какимъ выраженіемъ ужаса Тунгусы, мои товарищи по охотѣ, старались спрятать меня за прикрытіемъ древесныхъ стволовъ, когда я въ концѣ Сентября, ничего не чая, хотѣлъ направиться на тяжело-раненнаго лося-самца, котораго пока занимала лаявшая на него собака. Что впрочемъ въ извѣстныхъ обстоятельствахъ нужно опасаться и сѣв. оленя, въ этомъ я убѣдился совершенно неожиданно, въ предшествовавшую осень въ Таймырской тундрѣ, ранивъ въ пятку стараго вожака стаи сѣв. оленей. Самоѣды подъѣзжали къ нему, одинъ за другимъ шаговъ на 30, и, пустивъ въ него стрѣлу, тотчасъ-же во весь опоръ удалялись отъ него. Но развѣ нашъ конь на свободѣ и во главѣ табуна менѣе строптивъ и золъ?

И съ лосемъ можно бы было уладить это затрудненіе, какъ это намъ доказываетъ примѣръ съ столь строптивымъ верблюдомъ и буйволомъ. Но тутъ все зависитъ отъ того, какъ это станутъ дѣлать. Если напр. на одинъ изъ разспросовъ моихъ о томъ, какъ обращаются съ прирученными лосями въ Лифляндіи и какъ они ведутъ себя, мнѣ замѣтили: «они именно не позволяли вкладывать удила», то въ этомъ отвѣтѣ кроется больше, чѣмъ думаешь. Мы видѣли, что не совсѣмъ послушнымъ сѣв. оленямъ Тунгусъ не вкладываетъ въ ротъ ни ремня, ни узды, даже и костяной, а налагаетъ капцунъ. Это, конечно, былъ и самый первобытный способъ взнуздыванья лошади, но у сѣв. оленя онъ вѣроятно имѣетъ болѣе глубокое основаніе, извѣданное вѣками, основаніе, которое можетъ быть примѣнено и къ лосю. Послѣдняго скорѣе слѣдовало бы укротить посредствомъ продѣтаго въ носъ кольца, какъ это дѣлается съ быками и у Якутовъ глубокаго сѣвера и у южныхъ Африканцевъ. Во всякомъ случаѣ и тутъ, какъ у всѣхъ домашнихъ животныхъ, дѣло окончательно рѣшила бы кастрація, хотя строптивость во время течки обыкновенно уменьшаютъ уже тѣмъ, что устраняютъ главнаго виновника ея, т. е. равноправнаго соперника.

Такъ какъ лося уже неоднократно удавалось не только приручать и вскармливать,

но и доводить въ плѣну до распложенія[1]), то и теперь еще не поздно бы было назначать преміи за удачные случаи прирученія лося и обращенія его въ вьючное и верховое животное[2]). Высказывая это, я хорошо знаю, что принадлежу къ преобразовательной эпохѣ желѣзныхъ дорогъ, но безпредѣльныя, дальнія пустыни горныхъ дебрей Сибири нужно разсматривать не съ точки зрѣнія столичнаго министра, а съ точки зрѣнія Сибирскаго кочевника, если мы хотимъ извлечь изъ нихъ пользу въ экономическомъ отношеніи. Слабо-населеннымъ горнымъ развѣтвленіямъ Сибири придется ждать еще нѣсколько столѣтій, прежде чѣмъ въ нихъ могутъ явиться вѣтви желѣзныхъ дорогъ. Должны ли они до тѣхъ поръ оставаться безъ употребленія или рядомъ съ охотничьимъ промысломъ въ нихъ должно быть развито скотоводство? Если хотятъ достигнуть послѣдняго, то спрашивается, какое домашнее животное слѣдуетъ выбрать? По моему мнѣнію, благоустроенному государству легко должно удасться то, что вслѣдствіе отдѣльныхъ попытокъ частныхъ лицъ привело лишь къ разрозненнымъ намекамъ на возможность успѣха. Какъ это непрактично! даже желать предложить разведеніе новаго домашняго животнаго! такъ, можетъ быть, воскликнетъ тотъ или другой чиновникъ.

Я пожалуй готовъ согласиться, что сѣверо-американскій Индѣецъ сказалъ бы тоже, если бы ему предложили приручить сѣв. оленя, составляющаго основу существованія всѣхъ сѣверныхъ Азіятцевъ въ теченіи многихъ столѣтій. Сибирякъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и европейскій практикъ-скотоводъ, вправѣ судить объ этомъ иначе.

Собака.

Собаку, одну изъ древнѣйшихъ спутницъ человѣческаго рода, по всей вѣроятности уже рано заставляли быть также упряжнымъ животнымъ. Въ Европѣ однакоже она издавна, вѣроятно еще въ доисторическое время, вытѣснена лошадью, а

---

[1]) Въ Лифляндіи и Курляндіи несмѣтное число разъ вскармливали и приручали лосенятъ; между тѣмъ мнѣ извѣстно лишь нѣсколько случаевъ, въ которыхъ, хотя бы въ видѣ опыта, пытались употребить это животное въ дѣло. Вскармливаніе молодыхъ лосей часто не удается вслѣдствіе поносовъ, что очевидно слѣдуетъ приписывать такому-же несоблюденію чистоты при вспаиваніи молокомъ, какое случается и при вскармливаніи телятъ рогатаго скота, а потому было бы полезнѣе давать имъ сосать корову. Лѣтняя жара имъ положительно вредитъ, такъ что нужно заботиться, чтобы у нихъ всегда была вода и чтобы они могли укрываться въ сыровато-прохладныхъ сараяхъ. Кромѣ сѣна и овса имъ особенно полезны древесныя листья. Въ Preussisch-Litthauen неудавались попытки сдѣлать изъ нихъ вьючныхъ животныхъ (Wildungen, Weidmanns Feierabende, Marburg, 1821, VI, стр. 75). Древнѣйшимъ свѣдѣніемъ о прирученіи лося въ Россіи можно считать извѣстіе, помѣщенное въ С.-Петерб. Вѣдом. за 1781 годъ, № 58, стр. 436. Палласъ (Reise II, стр. 139) сообщаетъ, что они распложались въ зоологическомъ саду. Бауманъ разсказываетъ въ своихъ охотничьихъ анекдотахъ, что у одного Курляндскаго помѣщика лоси въ тѣсной загородкѣ размножились до 16 головъ. Объ употребленіи лося въ дѣло мнѣ извѣстно только нѣсколько случаевъ. Въ Дерптѣ, на бѣгѣ, много лѣтъ тому назадъ, явился, говорятъ, совершенно выѣзжанный лось. Самымъ удачнымъ примѣромъ можетъ служить лось Лобановскаго имѣнія въ Вяземскомъ уѣздѣ Смоленской губ. (Акклиматизація, II, 1861, стр. 166). Отъ пойманной пары лосей размножилось 10 штукъ; онѣ впрягались попарно въ телѣги, на которыхъ свозился хлѣбъ.

Въ Скандинавіи извѣстны, можетъ быть, еще болѣе удачные примѣры, потому что по словамъ Фишерштрёма при Карлѣ IX лоси (дѣйствительно ли лоси? М.) употреблялись для перевозки курьеровъ и, будучи впряжены въ сани, въ день, говорятъ, пробѣгали по 36 шведскихъ миль (см. Capell Brook, a Winter in Lappland, p. 209).

[2]) Срав. стр. 95.

дальше къ сѣверу, гдѣ лошадь была непригодна, замѣнена сѣв. оленемъ. Даже въ нашемъ Остзейскомъ краѣ выраженіе «pennikorm» (собачья нога), вмѣсто географической мили, напоминаетъ давно исчезнувшій обычай впрягать собакъ. Въ Сибири же собачья упряжь еще въ историческое время была болѣе распространена, чѣмъ теперь, хотя и въ настоящее время она играетъ тамъ большую и почетную роль.

Эліанъ (Кн. XVI, гл. XXXI) разсказываетъ еще чудеса о народѣ «Cynomolgi», т. е. о доителяхъ собакъ. Дѣло въ томъ, что ему сообщены были неудовлетворительныя свѣдѣнія; но такъ какъ до него все-таки уже дошли темныя преданія о жителяхъ Сибири, то разсказъ его о волкахъ, которые, при переправѣ чрезъ стремительные потоки, хватаютъ другъ друга за хвостъ (Кн. III, гл. VI), чтобы не быть увлеченными водою, можно отнести къ обычаю Сибиряковъ привязывать недоуздки слѣдующихъ другъ за другомъ животныхъ въ караванѣ къ хвостамъ идущихъ передъ ними животныхъ.

Уже Марко Поло зналъ о торговлѣ Сибирскими мѣхами и описалъ ѣзду на собакахъ, которая съ тѣхъ поръ очень стала обращать на себя вниманіе и повела къ тому, что у нѣкоторыхъ писателей и географовъ говорилось о странѣ «Насобачье». Войско въ извѣстномъ походѣ въ Югорскій край, въ 1499 году, прибѣгало къ собачьей упряжи[1]). У старика компилятора Витсена мы находимъ также названіе «Насобачье», какъ обозначеніе частей Восточной Сибири до Чукотской земли. Тому-же Витсену (II, стр. 426, 482) мы обязаны однакоже точнымъ извѣстіемъ о томъ, что въ его время далеко на сѣверѣ на Енисеѣ не было лошадей, а были только собаки, и что даже по большой дорогѣ у Томска лѣтомъ ѣздили на лошадяхъ, зимою же на собакахъ. Въ мое время еще было много собакъ въ Туруханскѣ и оттуда внизъ по Енисею, но уѣздные начальники Туруханскаго округа всячески старались замѣнять собакъ лошадьми и оттѣснять первыхъ все дальше въ тундру.

Въ глуши собака въ значительномъ количествѣ можетъ водиться только на берегу моря и при самыхъ рыбныхъ рѣкахъ, снабжаемыхъ рыбою изъ моря, потому что это хищное животное требуетъ слишкомъ большихъ запасовъ животной пищи. Но гдѣ послѣдняя имѣется, тамъ собака принадлежитъ къ любимѣйшимъ упряжнымъ животнымъ. Собака и сѣв. олень взаимно дополняютъ другъ друга. На всѣ поѣздки въ такія мѣстности, въ которыхъ нѣтъ корма для сѣв. оленей, можно употреблять одну только собаку. Уже вслѣдствіе того, что упряжныхъ собакъ можетъ прокармливать только осѣдлый рыбакъ, собака, въ качествѣ упряжнаго животнаго, не принадлежность юрта, не спутница кочеваго пастуха. Гдѣ собаку хотятъ употреблять въ упряжь, тамъ человѣку необходимо устроить себѣ осѣдлое жилище. Такимъ образомъ собака принуждаетъ человѣка къ осѣдлости, равно какъ къ заблаговременному заготовленію зимнихъ припасовъ для домашняго животнаго. Вотъ отчего зависитъ процвѣтаніе собачьей упряжи при устьяхъ Яны и Индигирки, откуда предпринимаются поѣздки черезъ морской ледъ, на Ново-Сибирскіе острова, поѣздки, получившія извѣстность со временъ Геденштрёма и Вран-

[1]) Lehrberg, Untersuchungen über das Jugrische Land, стр. 17.

геля. Въ Геденштрёмово время Устьянскія собаки превосходили Индигиркинскихъ [1]). Врангель посвятилъ этимъ животнымъ не только множество замѣтокъ, разбросанныхъ въ его книгѣ, но и особую главу въ приложеніи ко 2 му тому, такъ что я считаю достаточнымъ обратить вниманіе только на нѣкоторые практическіе вопросы.

Уже въ Нижнеколымскѣ собаки значительно хуже вышеупомянутыхъ, хотя, можетъ быть, и не уступаютъ собакамъ другой школы, которыхъ впрягаютъ въ совершенно другаго рода сани и которыхъ мы назовемъ камчатско-американскими [2]). На Оби, на Енисеѣ, а тѣмъ болѣе въ Удскомъ острогѣ, равно какъ у Гиляковъ, я засталъ только еще тѣнь вышеупомянутой красивой собачьей упряжи.

Въ Западной Сибири васъ непріятно поражаетъ способъ упряжи. Собаки тянутъ тамъ сани не грудью, какъ на востокъ отъ Лены, а тазомъ, т. е. передъ подвздошною костью черезъ спину протянутъ мягкій въ видѣ хомута поясъ, который идетъ черезъ подвздохи и на животѣ смыкается въ хомутное кольцо, а между задними ногами проходитъ бичевка, которая въ этомъ мѣстѣ обматывается чѣмъ-нибудь мягкимъ, чтобы не растирать ногъ. Этотъ способъ упряжи требуетъ кастраціи, которой кочевники впрочемъ и по другимъ, обусловливаемымъ выгодою, причинамъ подвергаютъ даже собакъ, предназначенныхъ исключительно для охоты. Съ самой верхней части упомянутаго хомутнаго пояса, протянута веревка чрезъ поясницу къ бичевой для того, чтобы послѣдній не съѣзжалъ подъ ноги [3]).

На Енисеѣ собачья упряжь была очень неразвита и тѣмъ неудовлетворительнѣе, что въ полную упряжь рѣдко могли быть употребляемы животныя, вмѣстѣ обученныя; обыкновенно онѣ набирались изъ разныхъ поселеній [4]). При неизбѣжной, чрезмѣрной нагрузкѣ нашихъ саней намъ часто приходилось идти рядомъ на лыжахъ, или при дурной дорогѣ самимъ впрягаться рядомъ съ собаками. При болѣе быстрой ѣздѣ оказывалось, что собаки были плохо вышколены, безпорядки повторялись безпрестанно, животныя постоянно снова перепутывались, нѣкоторыя уставали, при всякомъ соблазнительномъ случаѣ свора соскакивала съ дороги; однимъ словомъ, вожакамъ приходилось то и дѣло бѣжать рядомъ съ собаками и приводить ихъ въ порядокъ. Безпрерывно повторялись скучнѣйшія остановки, даже при поѣздкѣ по улицамъ главной квартиры, Туруханска.

Безпорядочное состояніе тамошней упряжи высказывалось къ моему удивленію уже въ томъ, что приходилось разспрашивать, понимаетъ ли передовая собака по русски или по якутски. Дѣло въ томъ, что когда кричали «поцъ—поцъ», то собака, понимающая по русски, разумѣла, что ей нужно повернуть направо, собака же, обученная по якутски, сворачивала налѣво [5]). Для «лѣвой стороны» въ русскомъ словарѣ ихъ были даже различ-

[1]) Сибир. Вѣстн. III, стр. 98, 129.

[2]) Со временъ Сарычева, многіе описывали Камчатскихъ собакъ; не меньше писано и объ Эскимосскихъ собакахъ, о которыхъ Кэнъ говоритъ чрезвычайно подробно и съ особенною любовью.

[3]) Судя по названію, тазовая упряжь перешла въ Азію изъ Европы, потому что Енисейскіе Якуты называли ее «нуча-алыгвэ», т. е. русскій поясъ, а грудную упряжь «саха-алыгвэ», т. е. якутскій поясъ.

[4]) Въ прошломъ столѣтіи, напротивъ того, каждый домъ въ Охотскѣ содержалъ отъ 12 до 24 собакъ (Сарычевъ, Путеш. I. стр. 44).

[5]) Направо по якутски говорилось «стагъ». Осталь

*

ныя выраженія, напр. «мана́» или «пхра», вѣроятно чтобы испытывать умственныя способности животныхъ воспитанниковъ путемъ человѣческой путаницы.

Собака, единственное хищное животное, которое мы употребляемъ въ упряжь, сообразно этому и носитъ на себѣ совершенно другой отпечатокъ, чѣмъ наши остальныя упряжныя животныя, особенно въ тундрѣ, гдѣ она еще является самымъ первобытнымъ, исключительно плотояднымъ животнымъ. Будь она такъ сильна, какъ напр. лошадь, съ нею нельзя бы было совладать; ѣзда на ней была бы такъ опасна, что пришлось бы отказаться отъ ея содѣйствія. Песъ отъ головы до ногъ страстный, холерическій сангвиникъ. Подъ вліяніемъ неукротимыхъ страстей онъ сравнительно гораздо сильнѣе жвачныхъ животныхъ, даже, можетъ быть, сильнѣе представителя самаго сильнаго тѣла, арабскаго коня. Подобно послѣднему и еще гораздо болѣе его, собака создана скорѣе для быстраго бѣга, для внезапныхъ, часто повторяющихся сокращеній мускуловъ, чѣмъ для продолжительнаго и постояннаго, хотя и медленнаго одолѣванія тяжестей. Уже вдавливаніе въ снѣгъ тормазной палки тотчасъ задерживаетъ весь поѣздъ. На Енисеѣ полагалось на каждую собаку не болѣе $2\frac{1}{2}$ пудовъ. Отъ возки тяжестей собака вскорѣ доходитъ до полнаго утомленія, тогда какъ передъ легкими санками она утомляется меньше сѣв. оленя и въ состояніи пробѣжать въ день 30 геогр. миль[1]). Желудокъ собаки, довольствующійся небольшимъ количествомъ самой концентрированной пищи, безъ того почти всегда пустой и не требующій, какъ напр. желудокъ жвачныхъ животныхъ, извѣстнаго растяженія посредствомъ набиваемыхъ въ него массъ, — желудокъ собаки, говорю я, не обременяетъ ее и можетъ нѣсколько времени вовсе обходиться безъ корма, не смотря на быстрое бѣганье животнаго. Послѣ лошади собака принадлежитъ къ тѣмъ упряжнымъ животнымъ, которыхъ подвергаютъ самому тщательному подготовленію къ тягостямъ дальняго путешествія, потому что отъ старательности, которая употребляется на такую подготовку[2]), зависитъ быстрота бѣга.

Если мы разсмотримъ Врангелеву таблицу исчисленій быстроты ѣзды на собакахъ[3]) и сравнимъ ее съ нашею таблицею быстроты ѣзды на сѣв. оленяхъ[4]), то мы увидимъ, что у Врангеля не достаетъ всѣхъ тѣхъ болѣе медленныхъ степеней, которыя дѣйствительно встрѣчаются при ѣздѣ. Врангель начинаетъ съ 6 верстъ ѣзды на собакахъ въ часъ, что̀ нѣсколько менѣе самой медленной рыси сѣв. оленя, и заканчиваетъ вдвое бо̀льшею быстротою, соотвѣтствующею очень быстрой рыси сѣв. оленя. Какъ послѣдняго на короткихъ разстояніяхъ можно довести до болѣе значительной скорости, такъ тоже самое можно заставить сдѣлать и собачью упряжь. Но ни на одну упряжь

ныя выра̀женія, какъ напр. «тааі» стой, «то» ступай, были на обоихъ языкахъ одни и тѣже.

Бичевая называлась «поводокъ», тормазнаяпалка «торыло».

1) На Енисеѣ сочли впрочемъ за неслыханный подвигъ, что Мироѣдинскій поселенецъ, выѣхавъ вечеромъ съ уѣзднымъ начальникомъ, чтобы догнать почтаря, на слѣдующій вечеръ прибылъ въ Нижне-Имбатское, не кормивъ собакъ. Поселенецъ насчиталъ 209 верстъ; почта расчитывала это разстояніе въ мое время въ 166 верстъ. Такъ какъ оба поселенія отстоятъ одно отъ другаго приблизительно на $1\frac{3}{4}$ градуса широты, и дорога по Енисею дѣлаетъ нѣсколько извилинъ, то расчетъ въ 200 верстъ едва-ли неправиленъ.

2) На Хатангѣ это называлось: «справить собакъ».

3) Путешествіе 1841, Прибавленія, стр. 106.

4) Срав. стр. 511—512, примѣч.

не вліяетъ такъ сильно качество снѣга, какъ на собачью. Все дѣло сводится на вопросъ: бродъ или торъ?[1]).

Но и между упряжными собаками есть опять такія, которыя способны скоро бѣжать, и такія, которыя годны къ тасканію тяжестей. На Енисеѣ считали дѣломъ рѣшенымъ, что собаки изъ самыхъ сѣверныхъ странъ не годятся для поселеній подъ полярнымъ кругомъ, потому что тамъ «на тору и на духахъ» бѣганіе важнѣе тасканія. Собаки же, оказавшіяся хорошими нѣсколько южнѣе, годны, говорятъ, и для дальняго сѣвера. На этомъ основанъ и выборъ щенковъ, хотя только во вторую зиму можно быть увѣреннымъ въ правильномъ выборѣ собаки, обѣщающей сдѣлаться лучше другихъ. Впрочемъ на каждую собаку полагается отъ 2 до $2^1/_2$ пудовъ тяжести; при этомъ все зависитъ отъ того, хорошо ли сдѣланы полозья, хороша ли дорога. То приходишь въ отчаяніе, что не трогаешься съ мѣста, то собаки скачутъ во весь опоръ. Зимою нагружаютъ только половину всей весенней поклажи, потому что въ то время снѣгъ еще не убитъ и броденъ.

Дрессировка важна не только по отношенію къ передовой собакѣ, но и потому, что отъ нея отчасти зависитъ также, чтобы собака не излѣнилась. Неисправимыхъ лѣнтяекъ впрягаютъ не въ бичевую, а прямо къ барану саней. Какъ мало усовершенствована дрессировка передовыхъ собакъ на Енисеѣ, это видно изъ того, что въ мое время обыкновенная упряжная собака стоила тамъ 5 руб. ассигн., передовая 10 руб.[2]); напротивъ того, къ востоку отъ Лены платили по сту и нѣскольку сотъ рублей[3]).

Погоняютъ собакъ посредствомъ постояннаго понуканія и покрикиванія. Лѣнивую называютъ по имени[4]), при этомъ потряхиваютъ кнутовищемъ, грозятъ и наконецъ стегаютъ. При дурныхъ дорогахъ или, что совпадаетъ съ ними, при тяжелой поклажѣ, и это наконецъ не помогаетъ. Все чаще и чаще уставшій песъ оглядывается на своего хозяина или, лучше сказать, на его кнутъ, все отвратительнѣе становится это посматриваніе вкось, съ поворачиваніемъ головы, потому что глаза затекаютъ кровью и принимаютъ болѣе и болѣе злобный видъ. Все чаще и чаще повторяется и безъ того отвратительно исполняемое отправленіе естественной потребности.

Наконецъ прибѣгаютъ къ послѣднему средству: къ возбужденію животнаго посредствомъ его страстей. Замѣтимъ при этомъ, что дѣйствительность психическаго возбужденія послѣ того, какъ тѣло животнаго стало нечувствительнымъ для истязаній, служитъ вѣрнымъ масштабомъ его страстности. Впереди идутъ вожаки на лыжахъ, частію для того, чтобы выровнять дорогу, частію потому, что собаки въ этомъ случаѣ слѣдуютъ охотнѣе за идущимъ передъ ними. Внезапно раздаются слова: ушканъ! т. е. заяцъ! заяцъ!

---

[1]) Срав. т. I, Климатъ, стр. 368.

[2]) Харитонъ Лаптевъ заплатилъ, какъ я вижу изъ рукописныхъ его дневниковъ, за двѣ передовыя и 8 простыхъ упряжныхъ собакъ 7 руб. и 80 коп. Это было въ 1739 году. Таймырскій край извѣдывали въ то время при помощи собакъ.

[3]) Даже у сѣверо-американскихъ туземцевъ доброкачественность хорошей собаки оцѣняется тѣмъ, что за нее гораздо больше платятъ (Prinz Max Reise, II, стр. 285). Срав. также стр. 288 объ украшеніи упряжи.

[4]) Ихъ называли преимущественно именами разныхъ животныхъ и, что замѣчательно, большею частью, именами птицъ, рѣже именами качественными: напр. соловей, пѣтухъ, воронъ, беркутъ, нерпа; кривой, шибкій, баскій и т. д.

и вдругъ, столь-же внезапно, вся свора вскачь съ воемъ несется впередъ. Но, пробѣжавъ небольшое пространство, собаки замѣчаютъ, что ихъ обманули, и за тѣмъ мало по малу настаетъ прежняя бѣда: сильное, неохотное утомленіе. Куропать! куропать! куропать! снова кликнулъ вожакъ отстающимъ собакамъ, и снова онѣ воя пробѣгаютъ небольшое пространство. Такъ еще долго смѣняются то заяцъ, то куропатка, но фантазія страсти все-таки наконецъ ослабѣвала, и приходилось по необходимости останавливаться. Если же истощается провизія, то собакъ доводятъ лучше до крайняго непомѣрнаго утомленія, но не останавливаются, не добравшись до запасовъ корму. Стóитъ только машинѣ остановиться изъ-за голоданія, и на слѣдующій день уже не поставишь ее болѣе на ноги. Съ пустымъ же желудкомъ собака въ состояніи справляться лучше всякаго другаго упряжнаго животнаго. Не нужно только останавливаться: дѣло все еще пойдетъ.

Лучшимъ доказательствомъ правильности этого заключенія мнѣ послужили мои собаки, когда я съ огромною поклажею возвращался съ сѣвера. Это былъ послѣдній день ѣзды до Туруханска, но на нашу бѣду дулъ теплый вѣтеръ и снѣгъ рыхлѣлъ. Вся поэзія съ зайцами и куропатками идеальнаго міра, лучшаго чѣмъ пустынный зимній пейзажъ, была израсходована съ полнѣйшимъ безстыдствомъ. Впрягшись въ сани, подобно собакамъ, мы сами, рядомъ съ ними, употребляли послѣднія наши усилія, чтобы на сколько можно было заставить собакъ двигаться впередъ. Я такъ добросовѣстно занялся этимъ, что и не глядѣлъ впередъ; съ трудомъ и только при помощи моего гужа я успѣлъ еще броситься на сани, которые внезапно, какъ по волшебному мановенію, пронеслись мимо меня. Псы подняли безконечный гамъ, лай и радостный вой, раздававшійся по всему лѣсу, и мы вдругъ, со скоростью быстрѣйшей почтовой ѣзды, безостановочно пронеслись 8 верстъ, въ самый Туруханскъ. Произошло это по двумъ причинамъ. Во-первыхъ мы попали на крѣпко и ровно утоптанный слѣдъ возовъ съ дровами, которыми Туруханскъ запасался для начала наступающей зимы, и во-вторыхъ собаки узнали мѣстность, гдѣ онѣ находились. Будучи психически возбуждены, животныя въ запасѣ своей безграничной страстности нашли пищу для выполненія такого необыкновеннаго подвига.

На основаніи этого можно себѣ представить, чего должно ожидать, когда при легкихъ саняхъ и хорошей дорогѣ, вы дѣйствительно встрѣтите дичь. Свора громко лаетъ и изо всѣхъ силъ несется вслѣдъ за дичью, съ быстротою паровоза, какъ попало, въ лѣсную чащу или въ оврагъ, ничѣмъ не стѣсняясь, или санки ваши разлетаются въ дребезги, или вамъ удастся палкой затормозить скачку, и въ такомъ случаѣ вся упряжь въ 13 собакъ растянется на снѣгу въ томъ видѣ, какъ она скакала, не только передними ногами впередъ, но и задними ногами назадъ, подобно человѣку. Въ этомъ положеніи онѣ продолжаютъ лежать нѣкоторое время. Да, упаси Богъ, если бы этотъ бѣдовый народъ обладалъ лошадиною силою. Какъ сошедшій съ рельсовъ локомотивъ, онъ расшибъ бы все въ дребезги. Въ такихъ случаяхъ видно, чтó значитъ хорошая передовая собака. Она обманываетъ свою свору и крюкомъ приводитъ ее на прежнюю дорогу. Это указываетъ на высокую школу дрессировки.

Мою лягавую собаку мнѣ приходилось возить съ собою въ мѣшкѣ, потому что, какъ только я ее выпускалъ на волю, такъ начиналась возня, и мы кружились до тѣхъ поръ, пока собака моя улучшала время, чтобы вскочить ко мнѣ на сани.

Такая громадная разница между этими необузданными хищниками и степенными сѣв. оленями поразила меня въ особенности однажды, когда я съ Хатанги ѣхалъ домой въ легкихъ санкахъ, въ которыя впряжены были сѣв. олени. Безмолвно мы скользили по снѣжной поверхности, ровною спокойною рысью. Вдругъ раздается убійственный гамъ; олени мои, почтительно давая дорогу, дугою шаговъ въ 50 уклоняются отъ направленія, но нисколько не измѣняютъ бѣга. Мимо насъ съ воемъ проносится, какъ курьерскій поѣздъ, во весь опоръ, бѣшеная собачья свора поселенца, возвращающагося въ Хатангскій погостъ.

Эта необузданная страстность проявляется въ частыхъ дракахъ и свалкахъ собакъ между собою. Сначала это васъ очень поражаетъ. Представьте себѣ такой случай, что одной изъ нашихъ лошадей, впряженныхъ рядомъ въ экипажъ, вдругъ вздумалось бы накинуться на другую, и что ихъ только съ трудомъ можно было бы рознять. Со мною случилось еще нѣчто худшее. Мы остановились въ 5 саняхъ передъ поселеніемъ, до котораго добрались, и разговаривали съ поселенцами. Наши собаки были набраны изъ разныхъ поселеній и отчасти не знали другъ друга. Вдругъ поднялся шумъ; не успѣли мы подбѣжать, какъ уже вся упряжная компанія, состоявшая болѣе чѣмъ изъ 50 собакъ, вступила въ драку. Всѣ накинулись на двухъ несчастныхъ псовъ, не признанныхъ компаніей; всѣ хватали ихъ и звѣрски рвали во всѣ стороны. Прежде чѣмъ мы могли спасти ихъ, обѣ несчастныя собаки буквально были растерзаны на куски.

Какими бы усталыми ни лежали собаки передъ санями, стоитъ только завязаться дракѣ, и ихъ ничѣмъ не разнимешь.

При всемъ томъ эти проказницы не злонравны, и положительно сознаютъ надъ собою власть кнута. Скорѣе онѣ недовѣрчиво-робки, потому что лишились своего призванія, оберегать имущество отъ чужихъ посѣщеній. Въ самомъ городѣ Туруханскѣ никто не боялся этихъ рабовъ. Даже мой лягавый поинтеръ, которому удивлялись не только люди, потому что онъ казался имъ голымъ звѣринечнымъ животнымъ, но и сибирскія коровы да лошади, при видѣ его ужаснѣйшимъ образомъ ревѣвшія, толкавшія, скребшія, пыхтѣвшія, тòпавшія и обращавшія его въ бѣгство, даже поинтеръ мой умѣлъ справляться съ ними, когда его окружàла толпа такихъ упряжныхъ собакъ. Но когда онъ бѣгалъ, то та или другая любила подкрадываться къ нему, чтобы украдкою укусить его въ пятки.

Очень важную роль играетъ раса собакъ. Между всѣми упряжными собаками очевидно чище всѣхъ сохранились собаки эскимосовъ, живущихъ внѣ всякаго сообщенія, и за тѣмъ собаки Чукчей, да жителей Камчатки. Въ остальной Сибири въ упряжныхъ собакахъ есть примѣсь чужой крови, такъ что тамъ встрѣчаются собаки не только всѣхъ цвѣтовъ, но и всѣхъ формъ.

Не вслѣдствіе ли этой разнообразной помѣси, или вслѣдствіе усиленнаго культурою

обособленія, измѣняется не только цвѣтъ шерсти, но и устройство и способъ употребленія глотки? Во всякомъ случаѣ обратимъ вниманіе на хорошенькую замѣтку Врангеля, удивлявшагося, что изъ 400 собакъ въ Нижнеколымскѣ, когда онѣ начинали выть, каждая лаяла на особый, свойственный ей ладъ. Переходъ отъ баса къ высокому сопрано такъ великъ, что среди подобнаго концерта замѣчательныя личности слышны по особому оттѣнку голоса.

Въ Туруханскѣ и лежащемъ близъ него Троицкомъ монастырѣ преобладало цѣнное собачье семейство [1]). Подъ длинною, сѣро-бурою, блестящею остью находился очень густой пухъ мышасто-сѣраго цвѣта. Внутреннія стороны членовъ тѣла нерѣдко были бѣлаго цвѣта. Очень часто наслѣдственно переходили отъ одной собаки къ другой бѣловато-сѣро-желтое очковое пятно вокругъ глазъ и желто-бурое пятно у внутренняго угла бровей. Не указывало-ли это на примѣсь крови монгольской собаки? Но и эти животныя не достигали величины упряжныхъ собакъ при устьѣ Яны, которыя, по словамъ Врангеля [2]), бываютъ вышиною слишкомъ въ $2^3/_4{}'$. Притомъ у собакъ на устьѣ Яны, кажется, болѣе высокія ноги, потому что вышина ихъ достигала $^6/_7$ длины ихъ тѣла, тогда какъ въ Туруханскѣ она составляла отъ $^3/_4$ до $^5/_6$.

Весьма жалки и малы были собаки въ Удскомъ острогѣ [3]), которыя тогда, во время весенняго голода, должны были почти исключительно питаться человѣческими испражненіями и едва могли быть отгоняемы палками. Позднѣе весною онѣ разбѣжались въ разныя стороны и бродили по берегамъ р. Уди и на прибрежьяхъ моря. Сосѣдки ихъ, гиляцкія собаки, однажды, когда на берегъ выбросило кита, неслись за кормомъ за три геогр. мили и переправлялись чрезъ два стремительныхъ горныхъ потока. Впослѣдствіи, когда появилась кетà, онѣ опять предались раздолью и были до того сыты, что, подобно важнымъ лакомкамъ, запускали только зубы въ самую лучшую рыбу, да и то не были въ состояніи съѣсть ее. По временамъ собаки питаются, говорятъ, и медузами. Такимъ образомъ, то утопая въ изобиліи, то съ трудомъ добывая себѣ нѣсколько мышей и худѣя до того, что остаются только кожа да кости, онѣ теряютъ свои достоинства, если человѣкъ не позаботится о нихъ въ ихъ молодые годы.

Такъ какъ сибирскимъ собакамъ приходится самимъ добывать добрую долю своего лѣтняго корма, то не мудрено, что вездѣ, гдѣ преобладаютъ упряжныя собаки, не могутъ укорениться ни овцы, ни домашнія птицы. Даже телятамъ эти хищныя домашнія животныя становятся опасны. Этому нечего удивляться; разсказываютъ же намъ англійскія экспедиціи, что эскимосскія собаки, одичавъ, соединяются въ большія своры и охотятся на сѣв. оленей. Хотя передъ прожорливостью ихъ не устоятъ ни шуба, ни ремень, ни испражненіе, но все-таки онѣ питаютъ отвращеніе къ нѣкоторымъ предметамъ. Такъ напр. онѣ заѣдаютъ песца, но не съѣдаютъ его; гнушаются онѣ также свѣжаго мяса

---

[1]) Тамошній мѣщанинъ Турбовъ былъ счастливымъ обладателемъ лучшихъ собакъ. Отличались также поселенія Мироѣдинское и Мельничное.

[2]) Путешествіе, I, стр. 260.

[3]) Сарычевъ (Путеш. II, стр. 103) нашелъ, что у Чукчей собаки малорослы и худо дрессированы.

бѣлаго медвѣдя и волка. Очевидно это дѣло обонянія. Отъ мерзлаго мяса того и другаго они не отказываются.

Всѣ путешественники, побывавшіе въ Сибири, въ странѣ Эскимосовъ и въ менѣе полярной Сѣв. Америкѣ, согласны между собою въ томъ, что производятъ упряжную собаку отъ волка, или прямо называютъ ее прирученнымъ волкомъ. Дѣйствительно, нельзя не признать въ ней большаго сходства съ волкомъ; откуда бы мы ни начали путешествія: съ Лапландіи ли или подъ тѣми-же широтами, вокругъ земнаго шара до Гренландскихъ Эскимосовъ, вездѣ мы встрѣтимъ одну и туже, чистокровную, волкообразную собачью породу, которая въ Европѣ простирается даже съ береговъ Ледовитаго Океана, мимо Улеоборга, до Куопіоскаго края, а въ Вост. Сибири до лѣсистыхъ горъ при-амурскихъ странъ. Въ этихъ безпредѣльныхъ областяхъ повсюду оказывается замѣчательное единство: все одна и таже порода собакъ, все одна и таже раса, хотя и съ нѣкоторыми видоизмѣненіями.

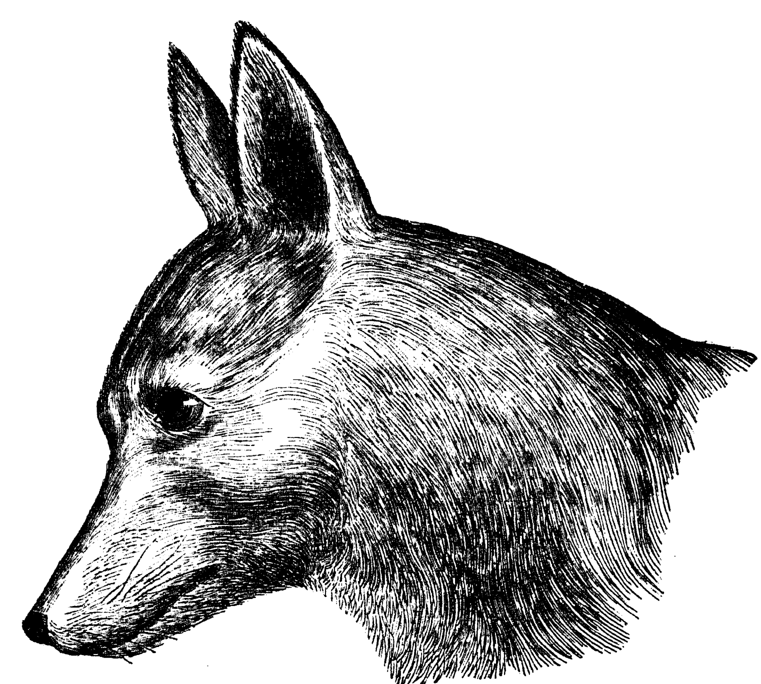
Не смотря на то, что всѣ признаютъ сходство упряжной собаки съ волкомъ и часто безусловно производятъ ее отъ него, мы все-таки находимъ, что всякій умѣетъ указать нѣкоторыя отличія. Даже Линнеевъ отличительный признакъ, который тѣмъ замѣчательнѣе, что повидимому онъ очень маловаженъ, а именно изгибъ кончика хвоста на лѣво, также всегда оправдывается. Но всегда волкоподобная собака значительно меньше волка, хотя мѣстами такъ похожа на него, что на открытомъ полѣ, если при ней нѣтъ человѣка, положительно не знаешь, кого видишь передъ собою: волка или собаку.

Давно указанное сходство характера ея съ характеромъ шакала дѣйствительно такъ поразительно, что только огромное разстояніе его отечества отъ отечества собакъ, о которыхъ мы говоримъ, вызвало сравненіе съ волкомъ, встрѣчающимся вмѣстѣ и рядомъ съ этими собаками. Бóльшая часть сѣверныхъ путешественниковъ не имѣла случая видѣть шакала подъ открытымъ небомъ. Сообразивъ все это какъ слѣдуетъ, лучше всего, кажется, признать сѣверную упряжную собаку за помѣсь волка съ шакаломъ. Если кто серьозно захочетъ положить начало рѣшенію стариннаго вопроса о происхожденіи собаки, тому необходимо начать съ опытовъ добыванія волко-шакальихъ и шакало-волчьихъ ублюдковъ.

Водится ли и на сѣверѣ настоящая шавка въ качествѣ пушной или охотничьей собаки какъ особая первобытная порода, или она принадлежитъ только къ крайнему флангу ублюдковыхъ разновидностей между волкомъ и шакаломъ, это вопросъ другаго рода. По ея крайней типичной малорослости, по величайшему сходству острой морды ея съ мордой лисицы, и совершенно лисоподобнымъ пріемамъ, путешественники часто сравнивали ее съ лисицей, нерѣдко весьма положительно производили ее отъ лисицы и даже прямо называли ее прирученной лисицей. Сходство дѣйствительно поразительно, когда еще въ добавокъ собака является въ лисоподобной шубѣ. Но какъ разъ у этой-то шавки, отъ которой Самоѣды разводятъ только бѣлыхъ или черныхъ псовъ, не допуская краснаго цвѣта, хвостъ нерѣдко загнутъ впередъ надъ спиной; зра-

чекъ же ея, который всегда бываетъ круглъ, не имѣетъ уже ни малѣйшаго сходства съ зрачкомъ лисицы. Манеры ея столько-же похожи на манеры волка и шакала, сколько и на манеры лисицы, которую только больше знаютъ, чѣмъ волка и шакала.

Но если, можетъ быть, эта шавка и не одного происхожденія съ упряжной собакой, все-таки она имѣла самое положительное вліяніе на вырожденіе послѣдней, и средніяміжду ними формы составляютъ, на сколько теперь можно судить, нераздѣльную переходную степень[1]).

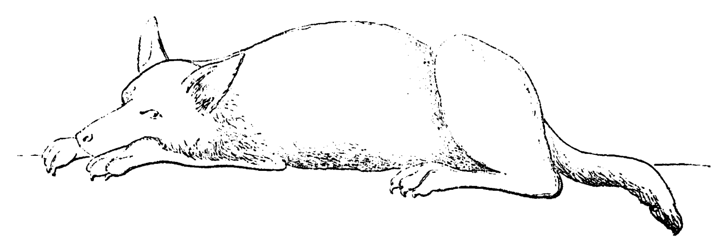
Уо́рчакъ.

Необыкновенный интересъ, который представляетъ подробное изученіе собачьихъ породъ у первобытныхъ народовъ, побуждаетъ меня сообщить прилагаемыя изображенія тунгусской шавки, водящейся въ горахъ на лѣвомъ берегу Амура, при истокахъ Силимджи, самой чистокровной породы, существовавшей еще 30 лѣтъ тому назадъ.

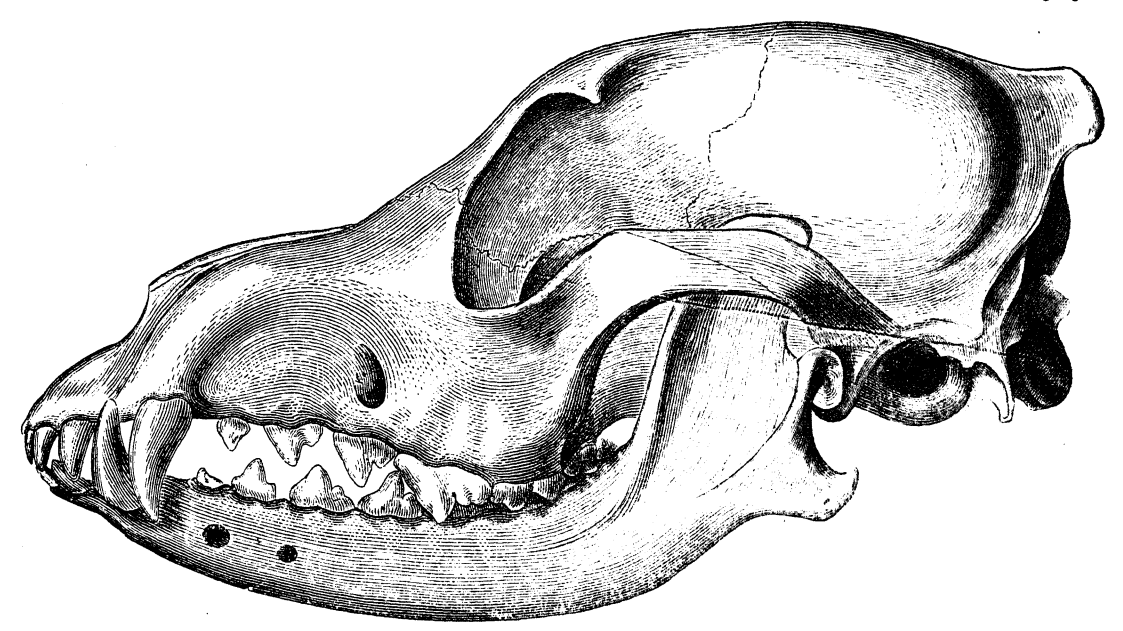
Уо́рчакъ, такъ называлось это животное[2]), былъ небольшаго роста, — зашеекъ его

1) Подмѣченный Радде (Reisen im Süden von Ost-sibirien, I, стр. 87) въ Забайкальѣ способъ судить о способностяхъ собакъ посредствомъ ощупыванія черепа заслуживаетъ особеннаго вниманія. Очень можетъ быть, что способъ правиленъ; въ такомъ случаѣ зоотому можно тамъ многому поучиться, чтобы потомъ развить это научнымъ путемъ. Вѣроятно однакоже, что это одна изъ тѣхъ продѣлокъ, къ которымъ повсюду прибѣгали и прибѣгаютъ охотники.

2) Другую тунгусскую собаку звали совершенно романическимъ для нашего слуха именемъ Меолинда. Третья называлась Сироманномъ. Уо́рчакъ означаетъ, говорятъ, маленькую пѣвчую птицу, кажется синицу.

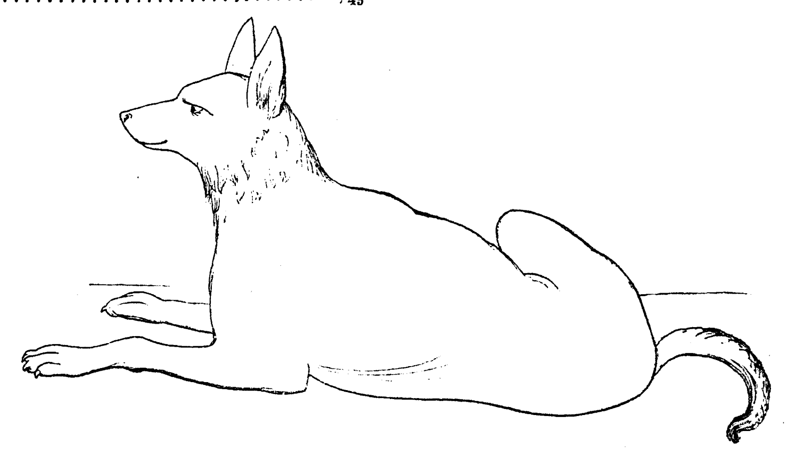
былъ всего въ $1\frac{1}{2}$ фута вышины[1] —, но веселый и умный песъ. Длинные, гладкіе волоса его были сѣраго цвѣта въ перемежку съ черными; за тѣмъ бѣлая лысина и бѣлое брюхо. Радужный кружокъ былъ свѣтло-орѣховаго цвѣта, съ нѣсколько болѣе темнымъ внутреннимъ кругомъ. Зрачекъ большею частью былъ очень расширенъ; даже, будучи

Черепъ Уорчака въ натуральную величину.

[1]) По тщательномъ измѣреніи Уорчака оказалось:

	децим.
1) Вся длина отъ бугра на затылкѣ до корня хвоста	6,18
2) Вышина тѣла у зашейка	4,5
3) Вышина тѣла у крестца	4,3
4) Длина головы, отъ конца морды до бугра на затылкѣ	1,45
5) Длина хвоста безъ волосъ	2,3
6) Длина волосяной кисточки на концѣ хвоста	0,6
7) Длина ушей	1,06
8) Объемъ шеи у туловища	3,22
9) Объемъ переднихъ ногъ, у туловища	2,19
10) Объемъ заднихъ ногъ, у туловища	3,06

*

обращенъ къ яркому свѣту, онъ съуживался немного и, во всякомъ случаѣ, очень медленно. Уши его обыкновенно торчали кверху столь-же остро, какъ на изображеніи профиля; когда же онъ отдыхалъ, то оба уха отклонялись одно отъ другаго примѣрно подъ угломъ въ 70°. При этомъ они на половину захлопывались, такъ что щель входа въ ушную раковину была обращена внаружу. Уши были чрезвычайно подвижны. Ласкаясь къ вамъ, онъ плотно отодвигалъ ихъ назадъ. Но какъ скоро онъ не совсѣмъ былъ увѣренъ въ чемъ-нибудь, или когда его звали, то онъ сильно выдвигалъ уши наружно. Лишь изрѣдка, и то на минуту, онъ шевелилъ однимъ ухомъ. Слухъ очевидно служилъ ему въ сильной степени.

Хвостъ, этотъ странный, никогда не измѣняющій себѣ, критерій собаки, какъ особой породы животныхъ, въ спокойномъ состояніи онъ всегда держалъ прямо, нѣсколько книзу, но все-таки съ поворотомъ по крайней мѣрѣ въ 60° влѣво, и такъ, что кончикъ приходился влѣво отъ средней линіи спины, хотя средняя часть хвоста нѣсколько направлялась вправо отъ нея. Когда собака вставала и прислушивалась, то она большею частью задирала хвостъ кверху; въ этомъ случаѣ онъ описывалъ полукругъ, такъ что кончикъ опускался на лѣвое бедро.

Бѣгая, собака, казалось, быстро частила ногами.

Уóрчакъ былъ очень мирнаго нрава, весьма довѣрчивъ и особенно любилъ ласкаться, но ласкался ко всякому встрѣчному, такъ что въ первобытныхъ странахъ собака еще не отличается привязанностью, символомъ которой ее сдѣлала уже культура. Вѣдь и любовь, соединяющая членовъ тунгусскаго семейства между собою, проявляется совершенно иначе, чѣмъ у насъ. Тунгусская шавка чрезвычайно легко переходила отъ одного хозяина къ другому. Верхъ ласки ея высказывался необыкновенно нѣжнымъ лизаніемъ. На сколько она, по нашимъ понятіямъ, не была вѣрна, на столько-же она не отличалась и другой характерной чертой культурной собаки, бдительностью, какъ мы ее понимаемъ; можетъ быть, это происходило оттого, что въ ней не было спеціально развитой до болѣзненнаго состоянія личной привязанности, и вѣроятно также потому, что въ глуши встрѣча съ другими людьми, равно какъ и съ ихъ собакой, вполнѣ радостное событіе и для человѣка и для собаки. Это отсутствіе бдительности поражаетъ васъ тѣмъ болѣе, что собака чрезвычайно внимательна, какъ это уже доказываетъ сильная подвижность ушей. Уóрчакъ очевидно былъ настоящій типичный шпицъ первобыт-

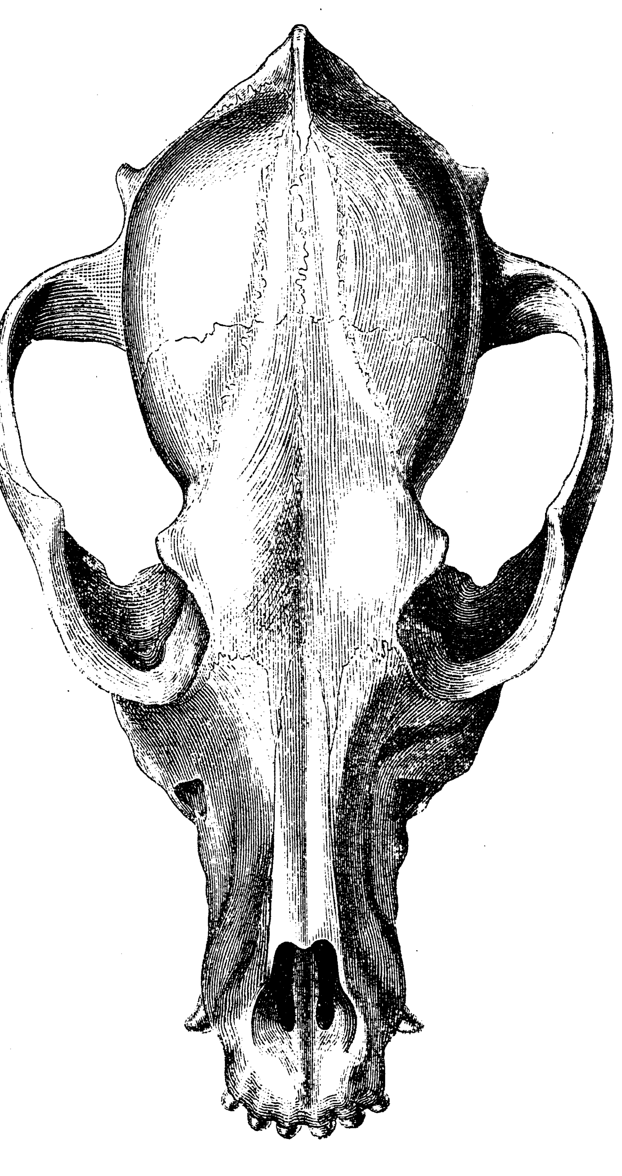
Уóрчакъ.

ной природы. Къ нашимъ культурнымъ собакамъ онъ относится, примѣрно, такъ, какъ вѣнскій «Spitzerl» къ нашему почтенному благовоспитанному гражданину.

Не могу тутъ умолчать объ одномъ случаѣ, проливающемъ на собачью натуру, не совсѣмъ понятный для меня свѣтъ. Однажды оказалось, что мы потеряли одинъ изъ нашихъ добавочныхъ тюковъ. Я очень дорожилъ тѣмъ, что̀ въ немъ находилось и потому не могъ безъ дальнѣйшаго отказаться отъ него. Нашъ караванъ тронулся дальше, а я поскакалъ верхомъ назадъ. Нѣсколько часовъ сряду я тщетно ѣхалъ по нашимъ слѣдамъ; наконецъ я увидѣлъ тюкъ, но къ величайшему удивленію возлѣ него, свернувшись, лежалъ Уо́рчакъ.

Его никогда не обучали этому; что̀ же могло побудить его, посвятить себя этому тюку? По моему мнѣнію, это возможно объяснить только тѣмъ, что родители или прародители этой собаки обучались охраненію сложенныхъ предметовъ. Подобнаго-же рода проявленіе наслѣдственной передачи пріобрѣтенныхъ качествъ не трудно подмѣтить при внимательномъ изученіи свойствъ нашихъ домашнихъ животныхъ.

Въ голодное время собратьи его пожирали все, что попадалось на глаза, напр. усердно набивали желудокъ разнаго рода ягодами, даже такими, которыя еще были довольно кислы. Такъ какъ медвѣдь, соболь и бѣлка дѣлали тоже самое, то я вывелъ изъ этого заключеніе, что по всей вѣроятности на покрытыхъ ягодами безконечныхъ пожарищахъ южно-сибирскихъ первобытныхъ лѣсовъ, лисицѣ и волку осенью также преимущественно приходится довольствоваться этою

Черепъ Уо́рчака въ натуральную величину.

растительною пищею, какъ меня въ этомъ увѣряли туземцы. Когда же зимою нашъ шалашъ доставлялъ достаточное количество животныхъ остатковъ, чтобы накормить Уóрчака, то онъ сталъ брезгать всякою растительною и мучною пищею, заявивъ себя исключительно плотояднымъ животнымъ и любителемъ отборнаго вкуса, haut-goût нашихъ изверженій.

По должности своей это былъ настоящій глухарегонитель нашихъ старинныхъ охотниковъ. Послѣ дичи онъ охотнѣе всего гонялся за бѣлками. Это была его спеціальность. Но съ такимъ-же усердіемъ онъ преслѣдовалъ соболей и другихъ животныхъ, на слѣдъ которыхъ его наводили. Однажды въ лѣсу раздался ужаснѣйшій гамъ. Уóрчакъ гнался за старымъ самцомъ-лосемъ, котораго лай собаки, подскакиваніе къ мордѣ и хватаніе за ноги по-видимому тяготили также, какъ намъ иногда надоѣдаетъ жужжаніе назойливаго комара. Но лосю (сохатому) пришлось при этомъ поплатиться жизнью.

Этотъ шпицъ служитъ охотничьей собакой всѣмъ мѣстнымъ кочевникамъ, какъ въ Сибири, такъ и въ Сѣв. Америкѣ[1]).

Тѣмъ-же первобытнымъ, но еще менѣе культивированнымъ и болѣе малорослымъ, шпицомъ является маленькое, лисоподобное, длинноволосое, совершенно бѣлое (рѣже черное) животное, которое Самоѣдскія женщины возятъ съ собою и держатъ въ чýмѣ на привязи. Не смотря на сошалашничество съ человѣкомъ, эти собаки были чрезвычайно пугливы. Ихъ держатъ ради шерсти, изъ которой Самоѣдки дѣлаютъ нижнюю бахрому своего подшубка и шапки — потому что это такъ слѣдуетъ и красиво. Кочевники держатъ такихъ собакъ у себя подобно тому, какъ поселенцы держатъ у себя молодыхъ лисицъ, особенно черныхъ, для того чтобы потомъ продать шкуру вполнѣ выросшихъ животныхъ. Такихъ пушныхъ шпицовъ я видѣлъ, впрочемъ, и у Лапландцевъ. Встрѣчаются они, говорятъ, также у Чукчей.

Между тѣмъ какъ въ степяхъ Европ. Россіи, особенно въ болѣе отдаленныхъ мѣстностяхъ, кое-гдѣ встрѣчается тотъ-же самый первобытный, волкоподобный песъ, о которомъ мы выше говорили, степная собака средне-азіятскаго плоскогорья, такъ называемая монгольская собака, совершенно въ другомъ родѣ, какъ по строенію, такъ и по наклонностямъ и способностямъ своимъ. Я встрѣчалъ ее только проѣздомъ по Забайкалью. На видъ это свирѣпый субъектъ, переходъ къ нѣсколько коренастымъ, коротко- и широко-мордымъ собакамъ, которыя пользуются больше своимъ зрѣніемъ, чѣмъ обоняніемъ.

Лошадь.

До какой степени собака приноровилась къ домашнему быту человѣка и стала настоящимъ сотоварищемъ и спутникомъ его, это мы чувствуемъ по внезапному скачку, который дѣлаемъ, переходя къ разсмотрѣнію лошади. Мы начали говорить о собакѣ, какъ упряжномъ животномъ, и перешли къ собакѣ, спутницѣ охотника.

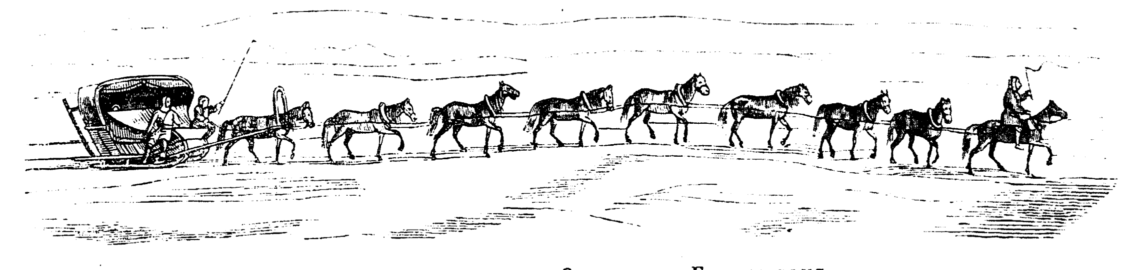
[1]) Срав. напр. Загоскина, Пѣшеходная опись. II. стр. 66; I, стр. 134.

Прежде чѣмъ человѣкъ сталъ пользоваться лошадью для своихъ потребностей, она безспорно была положительно степнымъ животнымъ. По-этому не безъинтересно ближе разсмотрѣть условія, при которыхъ въ Сибири она постепенно водворилась въ лѣсныхъ мѣстностяхъ.

Въ богатыхъ снѣгомъ лѣсныхъ областяхъ однимъ изъ самыхъ существенныхъ условій употребленія лошадей зимою является необходимость извѣстной учащенности движенія, при которой затрудненія по части постепеннаго прокладыванія дорогъ, послѣ каждаго, вновь выпавшаго снѣга, и въ особенности послѣ каждой новой метели, распредѣляются на цѣлый рядъ путешественниковъ; иначе затрудненія эти, накопляясь и не будучи постепенно уравниваемы вслѣдъ за выпавшимъ или наметеннымъ снѣгомъ, разростаются до громадныхъ, непреодолимыхъ размѣровъ.

Если лѣтнее употребленіе лошади главнымъ образомъ сопряжено съ прокладываніемъ дорогъ, и если въ непроторенныхъ дебряхъ, сверхъ разныхъ затрудненій, которыя приходится одолѣвать, ѣзда на лошадяхъ доходитъ до медленности пѣшеходнаго странствованія, то зимою, напротивъ того, значеніе проложенной разъ на всегда большой дороги отступаетъ на второй планъ, и постепенное но непрерывное дѣйствіе повторяющейся ѣзды по дорогѣ пріобрѣтаетъ почти такое-же значеніе, какое въ другихъ мѣстахъ имѣетъ снѣжный плугъ[1]) по отношенію къ тяжелымъ возамъ и локомобилямъ.

Нагляднымъ выраженіемъ высказанной нами мысли можетъ служить прилагаемый рисунокъ.

Почтовая упряжь между Омскомъ и Барнауломъ.

Рисунокъ этотъ не требуетъ особаго поясненія. Глубина снѣга не позволяетъ запрягать лошадей рядомъ. Само собою разумѣется, что для такихъ мѣстностей нашъ экипажъ совершенно нераціоналенъ. Одна только необходимость дальше опять воспользоваться этимъ экипажемъ, напр. въ малоснѣжномъ Забайкальѣ, можетъ оправдывать столь смѣшное съ точки зрѣнія раціональной механики употребленіе его до поры до времени. Болѣе всего безсмыслица эта бросается въ глаза, когда дорога сворачиваетъ подъ угломъ, или вьется то въ одну, то въ другую сторону. Половина лошадей могла бы сдѣлать больше, если бы таже самая тяжесть была разложена на пару болѣе легкихъ саней.

[1]) Составленный изъ бревенъ треугольникъ, употребляемый на сѣверѣ и на востокѣ для расчистки дороги послѣ сильно выпавшаго снѣга.

Пусть читатель представитъ себѣ, для обстановки сцены, невидимую деревню, лежащую подъ наметеннымъ снѣгомъ. Останавливаешься наконецъ посреди безлюдной на видъ снѣжной равнины и спускаешься, какъ черезъ шахту, въ глубину теплаго людскаго жилья.

Въ другихъ мѣстахъ, напр. въ Ишимской степи, въ Забайкальѣ и вообще тамъ, гдѣ мало снѣгу, тройка несется съ тѣми-же санями такъ неистово, что у путешественника сердце замираетъ. Мѣстами я съ очень тяжелой поклажей проѣзжалъ по $3^1/_2$ геогр. мили въ часъ, какъ лѣтомъ, такъ и зимою. Ниже я разскажу объ этомъ еще подробнѣе.

По отношенію къ предшествующей виньеткѣ и вступительнымъ замѣткамъ къ этой главѣ, конечно, интересно узнать, что еще во времена Витсена даже по большой столбовой дорогѣ около Томска лѣтомъ ѣздили на лошадяхъ, а зимою на собакахъ. По прошествіи полутораста лѣтъ я засталъ тѣже самые порядки, но нѣсколько дальше къ сѣверу. Уже подъ 60° с. ш., по дорогѣ изъ Енисейска въ Туруханскъ, я встрѣтилъ упряжныхъ собакъ въ поселеніяхъ на Енисеѣ. Въ болѣе значительныхъ селеніяхъ держали даже до 10 такихъ собакъ, но такъ, что каждый домъ поставлялъ по одной собакѣ и упряжь составлялась изъ общей складчины[1]). Людямъ по неволѣ приходилось дѣлать это, потому что ихъ обязали возить почту и чиновниковъ въ Туруханскъ. Но зимою метели затрудняютъ ѣзду или нагромождаютъ по дорогамъ тѣ странныя плотины, о которыхъ мною говорено въ отдѣлѣ, посвященномъ «Климату». Съ трудомъ тащишься шагомъ, версты по 3 въ часъ, такъ что станція длиною въ 40 верстъ, кажется, тянется безконечно долго. Весною же иногда наступаетъ весьма продолжительная распутица, при которой никакъ нельзя проѣхать на лошадяхъ[2]). Подъ снѣгомъ набирается и стекается глубокая вода, лошадь проваливается по самое брюхо; нѣтъ возможности ѣхать дальше. Тутъ-то важна вытѣсненная уже изъ употребленія упряжная собака, потому что она незамѣнима въ теченіи многихъ недѣль, пока дороги находятся въ такомъ положеніи. Въ продолженіи остальныхъ $^5/_6$ года она, правда, составляетъ тягость, какъ хищное животное, отъ котораго все нужно прятать, но за то въ теченіи всей лѣтней половины ей приходится самой, какъ лошади, заботиться о своемъ прокормленіи. Окружные начальники Туруханска сочли долгомъ довести дѣло до того, что сверхъ собаки введены были также лошади, по крайней мѣрѣ по одной въ каждомъ поселеніи. Эта мѣра должна была быть выполнена правительствомъ, потому что тогда только могла оказаться успѣшною, когда была введена во всѣхъ 22-хъ поселеніяхъ Туруханскаго округа, которыя должны были отбывать почту. Правительство дало деньги на первое обзаведеніе, и такимъ образомъ послѣднюю лошадь я еще засталъ къ сѣверу отъ Туруханска, въ чертѣ полярнаго круга[3]).

---

[1]) До 60 градуса собаки встрѣчались только мѣстами, для особыхъ цѣлей. Въ Вороговѣ ихъ было всего 10; въ Осиновкѣ только 5 и т. д.

[2]) Шмидтъ (Mammuthkadaver, стр. 3) ѣхалъ въ болѣе удобное время года и уже тогда, когда Сибирь успѣла подвинуться впередъ на четверть столѣтія. Верхъ быстроты моей ѣзды на перекладныхъ, между Енисейскомъ и Туруханскомъ, составлялъ 77 верстъ, которыя я проѣхалъ съ 7 часовъ утра до 11 часовъ вечера.

[3]) Въ Усть-Курейскомъ поселеніи. Можно довольно хорошо прослѣдить постепенно проникаціе лошади къ сѣверу вдоль Енисея. Полстолѣтія послѣ Витсена,

часто повторявшіеся голодные годы, значеніе которыхъ усиливалось еще тѣмъ, что собаки съѣдали большую часть рыбныхъ запасовъ, лучше всего содѣйствовали водворенію лошади.

Въ это время, благодаря ежедневнымъ опытамъ, успѣли убѣдиться въ томъ, что лошадь вполнѣ способна подчиниться климатическимъ условіямъ глубокаго сѣвера. Не смотря на то, что уже Витсенъ [1]) собралъ свѣдѣнія о томъ, что въ его время въ Зыряніи держали лошадей, Палласъ [2]) все-таки повѣрилъ, что лошади не въ состояніи водиться на сосѣдней Оби въ Березовѣ, а подъ полярнымъ округомъ въ Обдорскѣ даже дохнутъ, не переживая года. Правда, что въ Обдорскѣ до сихъ поръ еще не водворилась лошадь [3]), но это очевидно происходитъ отъ условій сообщенія, и нисколько не зависитъ отъ климата.

Лучшимъ доказательствомъ въ этомъ случаѣ могутъ служить рѣчныя области къ востоку отъ Лены. И тамъ нѣкогда упряжными животными служили только собаки да сѣв. олени. Но съ тѣхъ поръ, какъ Якуты поселены по Верхоянскому водораздѣльному хребту въ видѣ этаповъ, для перевозки почты, лошадь выдвинулась впередъ до Средне-колымска, слѣдовательно уже въ полярный кругъ [4]). Въ 1808 году въ Верхоянскѣ, т. е. также въ чертѣ полярнаго круга, Геденштрёмъ нашелъ лошадей до такой степени освоившихся съ тамошнимъ климатомъ, что ему пришла несбыточная мысль, предпринять на нихъ путешествіе къ Новосибирскимъ островамъ [5]). Въ то время лошади водились также въ Устьянскѣ, подъ 71° с. ш., но въ незначительномъ количествѣ. По этому неудивительно, что тамъ, въ области полюса стужи, Врангель [6]) отправился на лошадяхъ изъ Средне-Колымска въ Нижне-Колымскъ ($68\frac{1}{2}°$ с. ш.). Хотя отъ деревни Омолонской къ сѣверу и начиналась ѣзда на собакахъ, все-таки уже тогда до Нижне-Колымска повсюду часто встрѣчались лошади [7]); зимою же ихъ замѣняли собаками, особенно тамъ, гдѣ по близости отъ моря снѣгъ такъ сильно спекается, что на отгребаніе подножнаго корма уже нельзя болѣе разсчитывать. Для съемки береговъ Ледовитаго океана и Врангель рѣшился воспользовался лошадьми, добытыми изъ Средне-Колымска.

Тогда какъ рогатый скотъ на сѣверномъ предѣлѣ его распространенія приходится тщательно укрывать въ хорошо-защищенныхъ хлѣвахъ и прокармливать зимою наготовленными запасами корма, якутская лошадь, даже въ самые сильные на земномъ шарѣ морозы, когда-либо измѣренные человѣкомъ при помощи термометра, безпощадно предоставлена самой себѣ. Никогда мнѣ не случалось видѣть, чтобы она дрожала, развѣ

Гмелинъ (Reise, I, стр. 238) засталъ лошадей примѣрно до половины дороги отъ Енисейска въ Туруханскъ. Сто лѣтъ спустя это дѣло находилось въ такомъ-же положеніи, такъ какъ лошади простирались только до Дубческаго (Ворогово). См. Степанова, Енис. Губ. стр. 190, и Hansteen, Reise-Erinnerungen, стр. 115, 116.

1) II, стр. 469.

2) Reise, III, стр. 18, 23.

3) Castrén, Reise-Erinnerungen, 1853, стр. 280; Журн. Мин. Вн. Дѣлъ за 1853 годъ, стр. 237.

4) Словцовъ, Историч. Обозрѣніе Сибири, 1844, II, стр. 119.

5) Сибирскій Вѣстникъ, III, стр. 97.

6) Путешествіе по сѣв. берегамъ Сибири, 1841, I, стр. 220.

7) Тамъ-же, I, стр. 247 и 256; II, стр. 54 и 142. Каж-

только послѣ самого пойла. Большею частію ей даже приходится самой отгребать себѣ кормъ, при чемъ ей весьма кстати является превосходно сохранившаяся питательная, осенью еще заживо занесенная снѣгомъ растительность, о которой мною уже прежде говорено. Трудную задачу эту ей облегчаетъ невзыскательность ея, не гнущающаяся ни прошлогоднихъ травяныхъ стебельковъ, ни кустовъ, ивовыхъ сережекъ, березовыхъ, ольховыхъ и осиновыхъ вѣтокъ, ни вяжущихъ листьевъ брусники, ни мховъ, лишайниковъ и хвощей[1]), ни вонючаго болотнаго багульника, ни ядовитаго Veratrum. Она довольствуется тайнобрачными растеніями, стараясь превзойти въ этомъ отношеніи сѣв. оленя. Однажды, во время нашего странствованія, будучи занесены въ горахъ снѣгомъ, а потомъ застигнуты гололедицей, мы срубили деревья полу-высохшего горнаго лѣса, и животныя наши чувствовали себя хорошо, довольствуясь соскабливаньемъ древесныхъ мховъ и обгрызаніемъ коры. Притомъ хлопоты Якута о лошади ограничиваются развѣ только тѣмъ, что онъ вокругъ своего зимовья не коситъ травы и не пасетъ лошадей съ тѣмъ, чтобы имъ зимою легче было отгребать кормъ; или онъ обрубаетъ ивы съ тѣмъ, чтобы онѣ пускали отростки, кора и заболонь которыхъ должны выручать изъ бѣды, какъ скоро снѣгъ станетъ слишкомъ глубокъ или покроется корой. Я не мало удивился, когда увидѣлъ, что между Иркутскомъ и Леной бурятскія лошади въ концѣ Января были предоставлены дѣйствію самой суровой зимней стужи; но снѣга было мало, и лошадямъ было нетрудно разгребать его. Тѣмъ болѣе я былъ изумленъ, когда передъ Якутскомъ нашелъ образовавшіеся отъ срубанія ивъ отпрыски толстыхъ ивовыхъ стволовъ и слѣды положительнаго западно-европейскаго способа подрѣзанія деревьевъ. Мѣстами весною и лѣтомъ поджигаютъ деревянистую траву, чтобы вызвать болѣе сочный кормъ[2]). Этимъ и ограничиваются всѣ хлопоты о полнорослыхъ животныхъ. Только 3-хъ и 4-хъ лѣтнимъ животнымъ зимою даютъ немного сѣна, когда они, мѣняя зубы, не въ состояніи справиться съ грубою пищею. По этому ихъ-то въ этомъ возрастѣ все еще и называютъ жеребятами, хотя трехгодовое животное по временамъ уже ходитъ подъ сѣдломъ.

Такимъ образомъ точное знаніе хорошихъ кормовыхъ мѣстъ принадлежитъ къ главнымъ предметамъ, которые изучаетъ кочующій Якутъ. Онъ долженъ знать, гдѣ подъ глубокимъ снѣгомъ можно найти высокую траву, гдѣ короткій, но питательный хвощъ, долженъ знать, въ какое время года подъ тою или другою наледью[3]) освободится зеленѣющій подъ нею хвощъ и т. д. Такъ какъ въ неблагопріятныхъ мѣстностяхъ всегда нужно обращать вниманіе на кормовыя мѣста, то постоянно встрѣчаешь препятствіе въ устройствѣ поѣздокъ по собственному усмотрѣнію. При своемъ нетерпѣніи скорѣе до-

---

дый домъ содержалъ 1 или 2 и болѣе лошадей. Еще въ концѣ прошлаго столѣтія въ Верхне-Колымскѣ было мало лошадей; большею частью тамъ ѣздили на собакахъ.

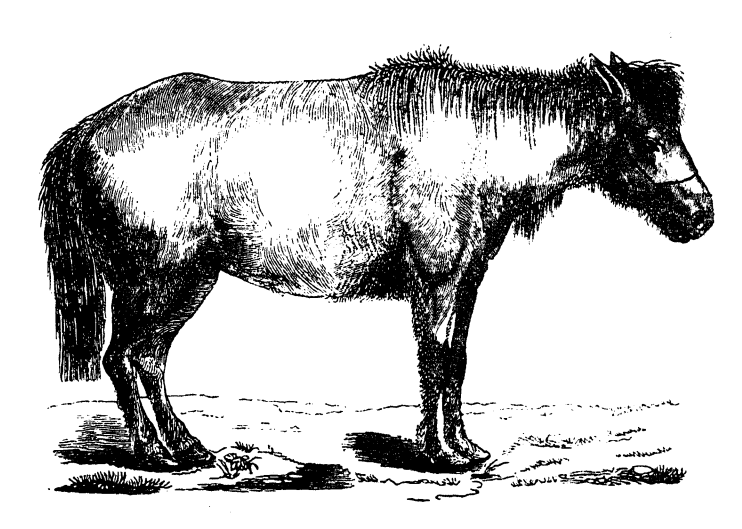
[1]) О пресловутой сибиктѣ я сообщилъ нужнѣйшее уже въ прежнемъ выпускѣ: «Растительность Сибири», Прилож. IV, стр. XXVII. Ссылаясь на наши европейскія наблюденія, я все-таки долженъ обратить вниманіе на то, что въ Восточ. Сибири говорили о какой-то «пьяной травѣ», получившей свое названіе оттого, что лошади, поѣвши ее, шатались.

[2]) Срав. т. I, стр. 613.

[3]) Срав. т. I, стр. 407.

браться до моря, я сначала задумалъ учить своихъ Якутовъ, но потомъ, понявъ въ чемъ дѣло, подчинился ихъ лучшему знакомству съ природою и мѣстностью.

Да, якутская лошадь замѣчательное животное и очевидно больше всякаго другаго домашняго животнаго, не исключая даже собаки, съумѣла освоиться съ самыми разнообразными климатическими условіями. Собака распалась на сотни разнообразнѣйшихъ породъ, изъ которыхъ десятки, если бы мы захотѣли примѣнить къ нимъ такое-же мѣрило, какъ къ дико-живущимъ животнымъ, пришлось бы возвести въ разныя новыя породы. Лошадь же и подъ экваторомъ и подъ полюсомъ въ сущности сохранила свою породу. Этимъ я никакъ не хочу сказать, что изображенный на прилагаемомъ рисункѣ якутскій конь мой очень похожъ на арабскаго коня, однакоже въ сѣверной Сибири измѣнился все-таки только наружный видъ лошади; степень дѣятельности ея мало пострадала и, по отношенію къ жалкому корму, должна быть названа необычайною. Внѣшнія очертанія ея весною, когда на ней еще висятъ зимнія клочья, очень непривлекательны, какъ это показываетъ рисунокъ; тщетно пытаешься разгадать отдѣльныя части внѣшности. На ней не только длинные, но и косматые волосы, ибо подъ верхними волосами выросъ густой пушистый волосъ, который къ лѣту она теряетъ, такъ какъ лѣтомъ она является довольно коротковолосой и гладкой. Особенно на жеребятахъ какъ-бы медвѣжья шуба. Въ образованіи волосъ проявляется необыкновенная производительность. При этомъ волосъ сдѣлался безцвѣтнѣе, большею частью сѣро-бѣловатымъ. Эта безцвѣтность нерѣдко переходитъ даже на радужную плеву, такъ что мой спутникъ Брантъ не упускалъ случаи замѣчать, что на родинѣ его, въ Даніи, это бываетъ совершенно иначе, что тамъ лошадь, у которой оба глаза бѣлаго цвѣта, свободно проходитъ по шоссè, потому что случай увидѣть такую диковинку считается равноцѣннымъ шоссейному сбору.

Мой якутскій верховой конь.

Въ Забайкальѣ я нашелъ лошадей похожихъ на лошадей Ишимской степи: онѣ были ниже ростомъ и не такъ сильны какъ якутскія лошади, хотя меньшій ростъ ихъ главнымъ образомъ обусловливался короткими оконечностями. Въ Ишимской степи меня поразили: нѣсколько болѣе покатый крестецъ, необыкновенная ширина бедра при со-

гнутомъ скакательномъ составѣ, весьма широкая пристановка шеи къ груди съ сильнымъ утоненіемъ къ головѣ, и нѣсколько дугообразный подъ самымъ глазомъ профиль. Такъ какъ якутская лошадь родомъ изъ Байкальскаго края, то на тучныхъ низменныхъ пастбищахъ Якутовъ, на которыхъ лѣтомъ она стоитъ по брюхо въ сочной травѣ, объемъ ея по-видимому увеличился, хотя она еще далеко не сдѣлалась лошадью низменности въ европейскомъ смыслѣ. Зимнее голоданье очевидно противодѣйствуетъ росту, а при помощи морозовъ, доходящихъ до замерзанія ртути, и сырому вспучиванію тѣла. Животное сохраняетъ свои сухія жилистыя части, которыя вслѣдствіе боковаго расширенія ногъ выступаютъ очень сильно, хотя и скрываются за густыми волосами.

Если принять въ соображеніе кажущуюся разладицу между устройствомъ тѣла и жалкимъ, превосходящимъ всякія европейскія понятія, кормомъ, то якутская лошадь, подобно всѣмъ первобытнымъ конямъ во всѣхъ частяхъ свѣта, отработываетъ чудеса. Въ сравненіи съ тѣмъ, что̀ могутъ дѣлать такія первобытныя лошади въ первобытныхъ мѣстахъ, намъ, европейскимъ заводчикамъ нужно откровенно сознаться, что мы со всѣми своими ухищреніями и нововведеніями успѣли лишь или ослабить организмъ лошади, или развѣ только односторонне и съ такими расходами закалить ее, что выгоды, которыхъ мы думаемъ добиться при этомъ, въ сущности заслуживаютъ понесенныхъ жертвъ лишь въ томъ отношеніи, что необыкновенная польза, которую лошадь доставляетъ первобытному человѣку, сравнительно умаляется культурою и приводится въ рабскую зависимость отъ цѣлаго ряда разныхъ предварительныхъ условій.

И такъ, начнемъ съ разсмотрѣнія неблагопріятныхъ условій, при которыхъ мнѣ стала извѣстна якутская лошадь, въ качествѣ культурнаго животнаго, почтовой лошади, вдоль Лены до Якутска. Верхъ людской заботливости объ этихъ лошадяхъ заключался въ томъ, что имъ давали сѣно «сколько его оказывалось», да и то только тамъ, гдѣ глубина снѣга не позволяла довольствоваться законнымъ подножнымъ кормомъ. При такомъ содержаніи онѣ, смотря по тратку, черезъ каждые 2, 3 или 4 дня пробѣгали отъ станціи до станціи среднимъ числомъ 25 верстъ и такое-же разстояніе обратно, домой. Были впрочемъ и станціи длиною верстъ въ 40.

Но при какихъ обстоятельствахъ лошади эти отбывали свою почтовую гоньбу! Чтобы впрячь ихъ, сначала приходилось ловить ихъ арканами и притаскивать насильно къ экипажу. За тѣмъ, при самомъ впряганіи, нерѣдко случалось, что лошадь со спутанными ногами (связывалась передняя нога съ заднею на одной и той-же сторонѣ) нѣсколько человѣкъ пододвигали къ экипажу; при всемъ томъ, во время прикрѣпленія постромокъ еще одинъ человѣкъ изо всѣхъ силъ держалъ ее за хвостъ, а двое другихъ за ноздри и за уши, не смотря на то, что передъ впрягаемыми лошадьми, въ видѣ препятствія, ставились поперекъ сани. Все это преимущественно дѣлалось у Бурятъ.

Наконецъ все готово, путники усѣлись, ямщикъ сидитъ на козлахъ; по данному знаку въ одинъ и тотъ-же мигъ всѣ путы снимаются, стоящія поперекъ сани разомъ отодвигаютъ; едва раздаются слова: айда-пошелъ, какъ тройка уже мчится во весь опоръ,

съ горы на гору, какъ попало. Но бываютъ также случаи, когда лошади ведутъ себя иначе. Онѣ стоятъ какъ вкопанныя; никакія понуканія не помогаютъ, пока наконецъ, когда вся команда сзади надвинетъ имъ сани на шею и на пятки, чары внезапно какъ рукой сняты и разражается буря.

Этотъ бурный періодъ кончается тѣмъ, что лошади, совершенно запыхавшись, не прочь послѣдовать приглашенію остановиться, но при всемъ томъ не всегда позволяютъ ямщику подойти, чтобы смести съ нихъ иней и прочистить имъ ноздри. За тѣмъ онѣ снова несутся впередъ, но бѣшенство ихъ мало по малу улегается. До чего оно доходитъ, объ этомъ можно судить по слѣдующимъ двумъ несчастнымъ случаямъ, которыхъ мнѣ привелось быть свидѣтелемъ. Одинъ разъ припряжная лошадь, бѣжавшая паралельно наѣзжанному крѣпкому пути, по глубокому снѣгу, пала и задохлась; въ другой разъ (между Якутскомъ и Амгинскомъ) припряжная-же лошадь не успѣла во время посторониться, лбомъ ударилась въ дерево, стоявшее у самой дороги, и упала мертвой на снѣгъ.

Опасности задохнуться лошади подвергаются при стужѣ, доходящей до замерзанія ртути, если ихъ отъ времени до времени не останавливать и не прочищать ноздрей, которыя все сильнѣе и сильнѣе затягиваются льдомъ.

При тяжелой поклажѣ, плохой дорогѣ и въ голодные годы случается, правда, что даже кнутъ не помогаетъ и вся машина останавливается прежде чѣмъ доберешься до мѣста. Тогда высылаются на выручку свѣжія лошади.

Наконецъ лошади въ поту приходятъ на мѣсто и вскорѣ покрываются инеемъ, среди обдающей ихъ морозно-туманной оболочки. Ихъ привязываютъ, подтянувъ имъ голову, чтобы они не хватали снѣга; при этомъ якутскій кнутъ оказывается не только весьма соотвѣтствующимъ цѣли, но и необходимымъ инструментомъ. Придѣланная къ нему съ боку, пилообразно жестяная пластинка неоднократно употребляется для очистки волосъ отъ пѣны, пота и инея.

Якутскій кнутъ.

Дальнѣйшую осушку разгорячившихся животныхъ принимаетъ на себя непомѣрная стужа. Попоны я видѣлъ только въ Якутскѣ, да и тамъ лишь въ видѣ исключенія, и главнымъ образомъ какъ украшеніе для городской щегольской упряжи. Въ то время всѣ еще разъѣзжали верхами, и лошади при сильнѣйшемъ морозѣ, на привязи, ничѣмъ не покрытыя, ожидали, бывало, своихъ хозяевъ полдня. Не будь другихъ поводовъ предполагать, что лошадь первоначально явилась на свѣтъ животнымъ степнымъ, животнымъ нагорной степи, одна уже эта необыкновенная способность выносить крайнюю степень стужи на земномъ шарѣ была бы достаточнымъ доказательствомъ ея происхожденія.

Но лишь въ качествѣ верховаго и вьючнаго животнаго, въ продолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ вашего странствованія по горамъ, якусткая лошадь даетъ вамъ возмож-

ность понять, какъ она въ состояніи служить. Хотятакое странствованіе большею частью и совершается шагомъ, но лошади подготовляются для него систематически; подготовленіе это тамъ, гдѣ отъ него много зависитъ, начинается съ откармливанія лошади мѣсяца за два до отправленія. За то послѣднюю недѣлю имъ приходилось плохо, потому что начиналась выдержка, т. е. или имъ вовсе не давали корму, или имъ попеременно на 24 часа клали только 10 фунтовъ сѣна, а на слѣдующій день опять ничего не давали. Лошади по цѣлымъ днямъ стоятъ съ высоко подвязанными къ деревьямъ головами (вывязывать, «вывязанный конь»). Опытъ убѣдилъ Якутовъ, что у лошадей, отправляющихся въ путь безъ подготовки, жирными, заболѣваютъ легкія и ноги («жирные кони непремѣнно загораютъ»); очевидно вслѣдствіе приливовъ крови и воспаленій, равно какъ извѣстной совпадающей съ ними боли въ жилистыхъ частяхъ ногъ съ застоемъ крови въ подреберной плевѣ у лошадей. Если возможно, то имъ дается умѣренное движеніе, или, выражаясь мѣстнымъ языкомъ, ихъ мнутъ, пока покажется малая отпоть. Столь-же тщательно лошадей, во время путешествія, каждый вечеръ, снявъ вьюки, высоко подвязываютъ къ деревьямъ, пока онѣ совершенно не остынутъ, и за тѣмъ уже позволяютъ имъ пастись. Это дѣлаетъ тотъ-же самый Якутъ, который, не смотря на сильнѣйшее утомленіе своихъ лошадей, не иначе какъ верхомъ можетъ приняться за сборъ лошадей, по окончаніи ночлега, если бы даже ему пришлось пройти всего нѣсколько сотъ шаговъ.

Не смотря на всѣ эти подготовленія, въ первые дни приходится по возможности сокращать переѣзды. Притомъ возня при отправленіи такъ продолжительна, что, не смотря на ранніе сборы и на множество помощниковъ, трогаешься съ мѣста не раньше полудня. Нѣтъ конца сортировкѣ и уравновѣшиванію тюковъ и ящиковъ, распредѣленію добавочной клади, навьючиванію, перевьючиванію и болѣе удобному размѣщенію тюковъ. Обыкновенная тяжесть вьюковъ простирается отъ 250 до 300 фунтовъ. Едва только тронется караванъ, какъ строптивость того или другаго животнаго или какая-нибудь ошибка въ навьючкѣ опять разстраиваетъ движенія его; едва только случится что-нибудь на одномъ концѣ необозримаго каравана, какъ въ другомъ мѣстѣ самыя предпріимчивыя животныя начинаютъ шалить и бѣситься, или въ другомъ ими овладѣваетъ паническій страхъ. Не успѣешь оглянуться, какъ всѣ уже подверглись какимъ-то эпидемическимъ припадкамъ, которые можно унять только съ величайшимъ трудомъ. Тутъ идутъ другъ за другомъ два противника, которые кусаются и брыкаются; тамъ вьюки теряютъ равновѣсіе и съѣзжаютъ подъ брюхо; лошадь скачетъ, мечется, падаетъ, снова вскакиваетъ, лягается, однимъ словомъ не успокоивается до тѣхъ поръ, пока ей не удастся стащить съ себя всю кладь чрезъ крестецъ и высвободить заднія ноги. Или оторвется лошадь, пронесется вдоль и мимо всего каравана, ящиками своими ударитъ въ другіе тюки, и наткнется на деревья; снова раздается общее фырканіе, ржаніе и ляганье. Начинаются общая суматоха и адскій шумъ, который тѣмъ сильнѣе, чѣмъ больше караванъ. Но у передоваго коня бѣглецъ останавливается. Мой караванъ состоялъ изъ 72 лошадей.

Въ теченіи первыхъ двухъ или четырехъ переходовъ караванъ провожаютъ помощ-

ники. Тогда только онъ мало по малу начинаетъ приходить въ нѣкоторый порядокъ и затѣмъ образуются болѣе правильные отряды по 10 вьючныхъ животныхъ въ каждомъ, подъ начальствомъ передоваго ѣздока. Сплетенный изъ лошадиныхъ волосъ поводъ повязанъ вокругъ шеи каждаго идущаго впереди животнаго и ведетъ къ недоуздку слѣдующей лошади, будучи приподнята кверху тѣмъ, что у передней лошади подвязана часть хвостовыхъ волосъ.

Но не думайте, что наконецъ водворилось полное спокойствіе. Вѣдь приходится ѣхать, не разбирая дороги, по лужамъ, болотамъ, топямъ, ручьямъ (срав. политипажъ въ 1-ой части, на стр. 722), чрезъ лежащія поперекъ дороги стволы свалившихся старцевъ первобытнаго лѣса, съ горы на гору, перебираясь на высокихъ горахъ со скалы на скалу. Каждое изъ такихъ препятствій подаетъ поводъ ко всѣмъ возможнымъ невзгодамъ. Къ этому присоединяются шалости животныхъ, которыя даже въ бѣдѣ не могутъ забыть своего нерасположенія другъ къ другу, кусаются и лягаются. На это вообще охотницы лошади, выросшія на свободѣ. Если вы подтянете подпругу, лошадь старается схватить васъ, а не удастся ей это, она вымещаетъ свою злобу на первой-же близьстоящей лошади, кусая или лягая ее.

Ревниво животныя охраняютъ порядокъ, въ которомъ они слѣдуютъ другъ за другомъ. Какъ только лошадь задумаетъ выдти изъ ряда, такъ та, которая чувствуетъ себя обиженною, опускаетъ уши, оглядывается, старается укусить ее, сгибаетъ крестецъ въ сторону къ наглецу, грозитъ задней ногой и наконецъ лягаетъ то одной, то обѣими ногами. Если все это не помогаетъ, то обогнанное животное начинаетъ бѣжать рысью, и не рѣдко дѣло кончается тѣмъ, что весь караванъ пускается въ бѣгъ. Нѣкоторымъ животнымъ удается обогнать другихъ вслѣдствіе облегченія, которое любятъ доставлять себѣ вожаки. Такихъ лошадей, которыя уже испытаны въ прежнія поѣздки, любятъ предоставлять ихъ собственной опытности; онѣ не ставятся въ общую цѣпь, а слѣдуютъ за караваномъ свободно, отыскивая себѣ дорогу по собственному усмотрѣнію.

Поводомъ къ величайшимъ безпорядкамъ часто служитъ паническій страхъ, овладѣвающій лошадьми, когда онѣ почуютъ хищныхъ звѣрей, въ особенности столь часто встрѣчающихся въ Вост. Сибири медвѣдей, которые попадаются на пути, или успѣли оставить по дорогѣ свѣжіе слѣды. Часто лошади пугаются собакъ, камней, пней и т. п., и нѣкоторыя животныя поддаются внезапному впечатлѣнію такъ быстро, что нерѣдко, уставши и слѣдя за другими предметами, замѣтишь слишкомъ поздно, что лошадь понеслась, и вдругъ порядкомъ ударишься о стволъ дерева, головой натыкаешься на сучья и т. д. Однажды верховой конь мой, вдругъ соскочивъ въ сторону съ береговаго обрыва, въ сажень вышины, погрузилъ меня въ воду, прежде чѣмъ я успѣлъ опомниться отъ своихъ размышленій. Это только показываетъ, какъ осторожно слѣдуетъ выбирать верховую лошадь. Благонадежность, увѣренная и быстрая поступь, преимущественно иноходь, спокойный нравъ, возможно меньшая пугливость, такъ чтобы съ коня можно было стрѣлять,—вотъ самыя существенныя качества, на которыя нужно обращать вниманіе. Не

слишкомъ малый ростъ лошади очень облегчаетъ ей трудъ перебираться чрезъ воду въ бродъ.

Одной изъ труднѣйшихъ задачъ оказывается переправа чрезъ стремительные и глубокіе горные потоки. Вода напираетъ на выступающаго наискось коня, хотя вы тщательно направляете его прямо противъ теченія и туго натягиваете поводъ. При этомъ лошадь сравнительно не такъ смѣла, какъ сѣв. олень. Она слишкомъ возбуждена, не довольно спокойна, горячо спѣшитъ за идущими передъ нею и недостаточно остерегается при этомъ спотыканія о камни, торчащіе подъ водой; кромѣ того, копыто ея, сравнительно съ раздвоеннымъ копытомъ, оказывается менѣе удобнымъ, потому что среди валуновъ, съ громкимъ трескомъ катящихся по дну рѣки внизъ по теченію, не можетъ пріобрѣсти той стойкости, какой требуетъ такая, ускользающая подъ ногами подстилка. Два раза лошади моихъ спутниковъ теряли подъ собою почву; вода увлекала сѣдока и коня и крутила ихъ такъ, что попеременно всплывали то всадникъ, то четыре ноги животнаго [1]). При переправѣ чрезъ Уянъ я лишился двухъ вьючныхъ животныхъ съ ихъ тюками. Въ другой разъ я очень обрадовался, что мнѣ опять удалось возвратиться на берегъ, послѣ того, какъ мы съ трудомъ добрались до плоской мели Уяна, состоявшей изъ валуновъ, и отыскивая бродъ чрезъ другой рукавъ руки, были застигнуты внезапно наступившимъ приливомъ воды. Не успѣли мы осмотрѣться, какъ наше временное убѣжище, мель, было затоплено водою. Жизнь всего каравана подвергалась опасности.

При переплываніи чрезъ горные потоки лошадь не можетъ сравниться съ сѣв. оленемъ. Лошади при этомъ робѣютъ, и часто проходитъ много времени, прежде чѣмъ онѣ рѣшаются броситься въ широкій шумящій потокъ. Въ случаѣ необходимости должны выручать изъ бѣды быстро импровизованныя боковыя засѣки. Какъ только одна лошадь войдетъ въ воду, такъ и другія довольно слѣпо идутъ за нею. Но въ водѣ онѣ не слѣдуютъ другъ другу. Однѣ изъ нихъ возвращаются; самыя смѣлыя и сильныя храбро борются съ потокомъ и переплываютъ черезъ него; боязливыя совершенно теряются, изо всѣхъ силъ плывутъ противъ теченія, но все-таки уносятся водою, и тонутъ, или, подобно болѣе слабымъ лошадямъ, прибиваются къ стволамъ наплывнаго лѣса, которые на противоположномъ берегу торчатъ въ водѣ. Если къ нимъ во̀-время не подоспѣешь на помощь, то онѣ безвозвратно погибаютъ; нерѣдко однакоже, не смотря на всѣ старанія, также пропадаютъ.

Замѣчательна осторожность и смышленость, съ какою старшія вьючныя лошади, предоставляемыя самимъ себѣ, отыскиваютъ себѣ дорогу, особенно между деревьями лѣсной чащи. Онѣ имѣютъ совершенно точное понятіе о томъ, на сколько ширина ихъ собственнаго тѣла увеличивается вьюками. Интересно было видѣть, какъ въ этомъ отношеніи въ первые дни путешествія постоянно ошибались лошади, на которыхъ были навьючены тол-

[2]) Въ раздувшемся Конунномъ и притокѣ его, и въ Солурной. Много хлопотъ надѣлала намъ Половинная, когда намъ пришлось переправлять лошадей черезъ нее вплавь. Быстрота ея теченія составляла 13 верстъ въ часъ

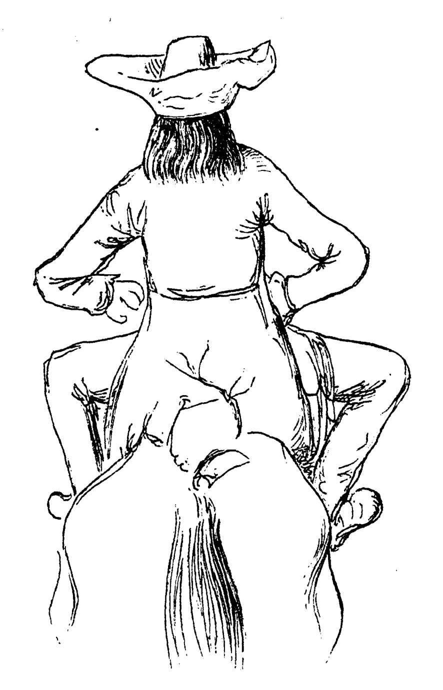
стые мѣшки съ сухарями. Застрянувъ въ узкомъ пространствѣ между двумя стволами, онѣ пытались сначала податься назадъ, а потомъ съ удвоенною силою все-таки старались проложить себѣ дорогу, разгорячались при этомъ все болѣе и болѣе и подъ конецъ бѣсновались, сбрасывали съ себя вьюки и т. д. Но вскорѣ онѣ пріучились приспособлять свой глазомѣръ къ непомѣрной ширинѣ непривычной тяжести, не слѣдовали за лошадями, на которыхъ навьючены были болѣе узкіе вьюки, а благоразумно отыскивали себѣ для прохода бо̀льшіе промежутки между деревьями. Такимъ-же образомъ лошади, несшія на себѣ очень высокіе тюки, вскорѣ стали обращать все свое вниманіе на вышину ихъ, и сторонились въ лѣсу отъ толстыхъ нависшихъ сучьевъ.

Нѣкоторыя лошади превосходно умѣли перебираться съ своею тяжелою ношею чрезъ болота и выкарабкивались изъ нихъ, не смотря на то, что мѣстами проваливались по самое брюхо. При одномъ такомъ случаѣ одна изъ нашихъ лошадей оказала чудеса. Тронувшись въ путь, мы съ утра должны были перебираться черезъ очень опасное болото. Со многихъ лошадей пришлось снять вьюки, другихъ нужно было вытаскивать за хвосты и за гривы. Одна изъ отборнѣйшихъ, самостоятельно выступавшихъ лошадей, съ тяжестью въ 9 пудовъ, все-таки успѣла перебраться черезъ опасныя мѣста, нѣсколько, правда, прихрамывала, но благополучно дотащила свои вьюки до ночлега. Мы совершили въ тотъ день переходъ въ 5 геогр. миль. При развьючиваніи позвали меня къ лошади, потому что она была больна. Подъ брюхомъ я открылъ у нея небольшую рану, съ мокрыми зелеными краями, а въ самой ранѣ оказался сухой сучекъ, который, скрываясь въ болотѣ, прокололъ лошади внутренности. При всемъ томъ, лошадь, которую теперь тотчасъ-же убили, была въ состояніи проходить цѣлый день съ ношей, не смотря на свою смертельную, мучительную рану.

Такія болота самыя бѣдовыя мѣста. Мнѣ самому привелось испытать это однажды, послѣ того какъ я успѣлъ проѣхать уже длинное пространство бурыхъ, мутныхъ лужъ, и лошадь моя, перебравшись чрезъ старый стволъ, лежавшій въ водѣ, вдругъ, по другую сторону его, лишилась почвы подъ собою и погрузила меня въ наполненную водою яму глубоко выгорѣвшей когда-то впадины. Сколько ни остерегаешься, а все-таки попадешься. Счастливъ тотъ, кто опять благополучно вылѣзетъ въ видѣ какого-то лѣшаго, покрытаго толстымъ слоемъ бурой грязи. За насмѣшками дѣло не станетъ.

Подобнаго рода приключенія по временамъ утомляютъ и обезсиливаютъ лошадей. При этомъ обнаруживается такая особенность лошадей, на которую профанъ сначала считаетъ себя вправѣ не обращать никакого вниманія, пока наконецъ горькій опытъ проучаетъ его. Уставшая лошадь плетется за другими, напрягая послѣднія силы, безъ всякаго понуканія. Если во̀-время не обратишь вниманія на нее, въ особенности же на шаткую ея походку, то она по-видимому внезапно изнемогаетъ и падаетъ, силы ея до такой степени измѣняютъ ей, что большею частію даже развьючиваніе не приноситъ пользы; меньше всего въ этомъ случаѣ можно сдѣлать кнутомъ. Дѣйствію послѣдняго предшествовало несравненно болѣе сильное возбудительное средство, т. е. страсть быть

въ сообществѣ прочихъ животныхъ. За истощеніемъ этой страсти, дѣйствіе кнута теряетъ всякое значеніе. Лошадь продолжаетъ лежать въ лѣсу, хотя бы это было въ виду цѣли путешествія. Нѣкоторыхъ истребляютъ хищные звѣри, иныя поправляются, отъѣдаются и съ радостнымъ крикомъ принимаются позднѣйшими путешественниками или отыскиваются хозяевами на возвратномъ пути. Всякій, маломальски значительный караванъ оставляетъ по дорогѣ такихъ измученныхъ лошадей; усилія напрягаются все болѣе, потому что послѣ каждаго несчастнаго случая на остальныхъ животныхъ приходится распредѣлять вьюки тѣхъ лошадей, которыя выбыли изъ рядовъ. Какъ я ни хлопоталъ о томъ, чтобы сохранить моему верховому коню свободу движенія, но въ послѣднія недѣли нашего путешествія въ Удской Острогъ мнѣ все-таки пришлось, подобно всѣмъ другимъ сѣдокамъ, навьючить на моего коня прибавку въ 80—120 фунтовъ. Этимъ еще больше, чѣмъ широкимъ якутскимъ сѣдломъ, обусловливается якутская посадка ѣздока, характеристически изображенная на прилагаемомъ рисункѣ.

Заложивъ ноги въ короткія стремена, вамъ, вслѣдствіе разныхъ придачъ, занимающихъ спину лошади спереди и сзади, необходимо приложить верхнюю часть тѣла горизонтально къ шеѣ лошади и, на сколько можно, согнуть въ колѣнѣ правую ногу; иначе вы не попадете на сидѣніе. На послѣднемъ вы можете удержаться также только при помощи сильно согнутыхъ и обращенныхъ въ сторону колѣнъ. Но и къ этому привыкаешь.

Самое путешествіе совершается при обстоятельствахъ, подобныхъ тѣмъ, какія мною описаны въ главѣ о «верховыхъ сѣв. оленяхъ». И тутъ также является трудность утромъ собрать всѣхъ лошадей, трудность, доходящая иногда до невозможности, вслѣдствіе чего теряется нѣсколько лошадей. Въ первую недѣлю странствованія особенно видно, что лошадь гораздо болѣе сдѣлалась домашнимъ животнымъ, чѣмъ сѣв. олень: она старается пробраться домой и потому сначала ее приходится стеречь, спутывать (голову и ноги съ одной и той-же стороны) или даже удерживать посредствомъ огораживанія ночнаго пастбища. Тогда только, когда мы перебрались чрезъ широкій Алданъ, водворилось спокойствіе въ этомъ отношеніи, потому что желаніе вернуться домой не могло преодолѣть тяжелую рѣшимость въ одиночку ринуться въ волны необозримой рѣки. Громкое ржаніе лошадей, по которому ихъ отыскиваютъ, составляетъ въ тиши первобытнаго лѣса замѣчательную противоположность къ спокойному характеру сѣв. оленей.

Какъ и при путешествіи съ сѣв. оленями, главнымъ условіемъ для быстраго пере-

движенія оказывается точнѣйшее знакомство съ предстоящими кормовыми мѣстами. Въ случаѣ ранней весны особенно много зависисъ оттого, успѣли ли уже поля, покрытыя хвощевыми травами, освободиться отъ накипней, или нѣтъ (срав. отдѣлъ «Климатъ», стр. 414 и слѣд).

Подобно сѣв. оленю, лошадь посредствомъ обонянія отыскиваетъ слѣдъ тѣхъ лошадей, которыя отправились въ путь раньше ея; но чувство обонянія у нея очевидно развито не такъ сильно, какъ у сѣв. оленя: послѣдній при отыскиваніи слѣда, держитъ голову высоко, лошадь же опускаетъ носъ свой въ самый слѣдъ.

И въ первобытныхъ мѣстахъ лошади идутъ въ ногу, а если одна изъ нихъ собьется, то она перемѣняетъ ногу, какъ это дѣлаетъ человѣкъ въ подобныхъ случаяхъ. Выбоины, вслѣдствіе которыхъ зимою наши дороги въ такихъ мѣстахъ, гдѣ проѣзжаетъ много возовъ, превращаются въ ухабистые пути съ правильными поперечными бороздками, основаны, слѣдовательно, на анатомическомъ свойствѣ ногъ.

О разныхъ приключеніяхъ, начиная отъ давленія сѣдла, вывиховъ, всякаго рода хроманія, всевозможныхъ ранъ, до вспарыванія брюшной полости, которую пришлось зашить, я не стану тутъ распространяться. Замѣтимъ только къ чести Якутовъ, что они посредствомъ огромныхъ, т. е. пальца въ три толщиною, войлоковъ, тщательно окоймленныхъ, по возможности стараются устранять давленіе сѣдла. Войлокъ остается на лошади до тѣхъ поръ, пока она остынетъ, и за тѣмъ служитъ человѣку прекраснымъ ложемъ, или употребляется для укрыванія поклажи отъ ночнаго дождя.

Чѣмъ дальше подвигаешься, чѣмъ терпѣливѣе устраиваешь привалы для надлежащаго и своевременнаго отдохновенія животныхъ, тѣмъ правильнѣе устанавливается шествіе. Утромъ начинаешь съ успокоивающаго бā-бā-бā, потомъ подбодряешь лошадей перерывистымъ свистомъ и громкимъ хотъ-хотъ, а иногда даже громкимъ тпрр пытаешься заставить ихъ бѣжать рысью.

Предоставляю себѣ право поговорить еще о якутской лошади въ другомъ мѣстѣ, такъ какъ изученіе и разведеніе лошадей уже сдѣлалиеь моею спеціальностью. Тутъ же скажемъ еще нѣсколько словъ относительно другихъ вьючныхъ животныхъ, о которыхъ можетъ быть рѣчь при разсмотрѣніи Сибири.

Верблюдъ, оселъ и рогатый скотъ [1]).

Изъ всѣхъ вьючныхъ и упряжныхъ животныхъ, которыхъ человѣкъ съумѣлъ подчинить себѣ въ различныхъ странахъ свѣта, верблюдъ и оселъ меньше другихъ простираются по направленію къ полюсу. Такъ какъ эти животныя, на своемъ мѣстѣ неоцѣнимы, то этотъ полярный предѣлъ безспорно основанъ на тысячелѣтнихъ, мѣстами вѣроятно тысячекратно неудававшихся, попыткахъ развести ихъ дальше къ полюсу.

---

[1]) Срав. также нижеслѣдующій листъ.

Отъ «корабля пустыни» и кабинетный ученый не сталъ бы требовать большей способности подчиняться совершенно другимъ условіямъ. На это у верблюда уже слишкомъ степная натура. При всемъ томъ у управленія Вост. Сибири хватило духу попытаться, если и не водворить верблюдовъ, то все-таки по крайней мѣрѣ воспользоваться ими для переходовъ чрезъ болотистыя, изобилующія снѣгомъ, Алданскія горы, подъ 62° с. ш. Вѣроятно это была затѣя моряка, такъ какъ дѣло шло о раззорительной для жителей Якутской области доставкѣ кораблестроительныхъ матеріаловъ къ Восточному Океану. Исторія кончилась, разумѣется, тѣмъ, что всѣ верблюды передохли. Такимъ образомъ Прибайкальскимъ Бурятамъ, и Киргизамъ Иртышскаго края нужно отдать честь, что они разводятъ самыхъ сѣверныхъ, уже нѣсколько хилѣющихъ верблюдовъ, примѣрно подъ 55° с. ш. Практическое выполненіе идеи Американцевъ, задумавшихъ развести сибирскаго верблюда на солончакахъ сѣв.-западной Америки, напротивъ того, такъ соотвѣтствуетъ естественнымъ условіямъ, что неудачный исходъ этой попытки едва-ли возможенъ. На стр. 95 мною уже говорено объ этомъ.

Къ ослу нужно отнестись нѣсколько иначе. Судя по устройству его и по сравненію съ дикими родичами, онъ долженъ быть родомъ по крайней мѣрѣ изъ нагорныхъ степей; онъ даже до такой степени горное животное, что могъ быть употребленъ человѣкомъ на порожденіе отъ лошади такихъ потомковъ, посредствомъ которыхъ этому повсемѣстному животному привитъ желаемый болѣе типичный горный характеръ. Если мы припомнимъ, что важнѣйшія услуги оселъ оказываетъ въ Африкѣ и что тамъ водятся благороднѣйшіе или, по крайней мѣрѣ, самые щегольскіе родичи его, намъ могутъ замѣтить, что оселъ считается произведеніемъ болѣе теплыхъ климатовъ и боится холода. Но Сибирь какъ разъ опровергаетъ это предположеніе, потому что водящійся тамъ родичъ его, джиггетай (Eq. hemionus), какъ слѣдуетъ, выноситъ самыя ужасныя климатическія невзгоды, самыя крайнія явленія зимнихъ и лѣтнихъ температуръ въ Даурскомъ сѣверо-восточномъ углу степи Гоби, правда всего подъ 50° с. ш. Въ образѣ джигегтая столь невзыскательный и полезный оселъ могъ бы, кажется, быть распространенъ до полярнаго круга. Неоднократныя усилія приручить его доселѣ не удавались въ Сибири. Китайцы повели это дѣло, кажется, правильнѣе, и такъ какъ джиггетаи, привезенные отъ нихъ въ Парижъ, расплoжаются въ заточеніи [1]), то для нашего правительства является необходимая, уже оправданная сдѣланными за границею опытами, обязанность разводить джиггетая такимъ неизбалованнымъ, какимъ онъ водится въ Сибири, и сдѣлать изъ него полезное домашнее животное. Наука и Академія сдѣлали въ этомъ отношеніи болѣе, чѣмъ отъ нихъ требовалось, потому что Палласъ уже сто лѣтъ тому назадъ обращалъ вниманіе на то, какъ бы полезно было сдѣлать это. Притомъ это можно устроить очень просто и дешево. Возможность со временемъ, соотвѣтственно мѣстному климату,

---

[1]) Радде въ Beiträge zur Kenntniss des Russ. Reiches. XXIII, p. 433. Въ числѣ старинныхъ замѣтокъ моихъ значится, что уже въ 1848 году (Schleiden u. Froriep, Notizen aus Natur- und Heilkunde, 155, VIII, I, p. 58) сообщено было извѣстіе о прирученномъ джиггетаѣ.

разводить муловъ при помощи самцовъ джиггетаевъ, должна была бы содѣйствовать осуществленію этой идеи и вызвать правительственныя преміи для поощренія попытокъ по этой части [1]).

Кромѣ верблюда и осла въ Сибири отказался подвинуться въ полярный кругъ и рогатый скотъ. Мы должны удивляться способности также рогатаго скота принаровляться къ мѣстнымъ условіямъ, зная, что быкъ является наиболѣе цѣннымъ вьючнымъ и упряжнымъ животнымъ въ разныхъ странахъ Африки, и въ тоже время играетъ такую-же роль у Якутовъ въ Сибири. Но что у этого народа рогатый скотъ распространенъ далеко за предѣлы верблюда и осла только искусственнымъ образомъ, это доказываетъ съ перваго-же взгляда искусственная старательность, съ какою его тамъ оберегаютъ. У южныхъ степныхъ кочевниковъ, Бурятъ, Монголовъ, Киргизовъ и т. д. стада, зимующія подъ открытымъ небомъ, насчитываются тысячами и десятками тысячъ, да иногда, когда выпадаетъ глубокій снѣгъ или образуется гололедица, гибнутъ тысячами, тогда какъ Якутъ устраиваетъ теплыя зимнія помѣщенія, въ которыхъ и самъ живетъ и стадо укрываетъ; потому онъ заготовляетъ также сѣно для своихъ животныхъ, ставитъ ихъ на деревянный помостъ, такъ какъ у него нѣтъ соломы для подстилки, и выметаетъ навозъ. Такимъ образомъ тутъ быкъ сдѣлался только лѣтнимъ вьючнымъ и упряжнымъ животнымъ, а сами Якуты изъ кочевниковъ превратились въ положительно пастушескій народъ, даже въ скотоводовъ [2]). Гдѣ занимаются хлѣбопашествомъ, тамъ быкъ становится

---

[1]) Нѣтъ никакого сомнѣнія, что мы съ величайшей надеждой на успѣхъ могли бы приручить еще не мало другихъ животныхъ. Какъ мало на это нужно, это доказываютъ примѣры, приведенные мною на стр. 124, 299 и 519; къ нимъ я присоединю еще слѣдующіе.

Въ Якутскѣ я къ удивленію своему увидѣлъ, что вмѣсто домашнихъ гусей приученъ былъ только Anser cygnoides. Это напоминаетъ мнѣ, что въ Улеоборгѣ я повсюду заставалъ Ans. cinereus. Ежегодно ихъ ловятъ молодыми и уже на другой день они бѣгаютъ за человѣкомъ. Они ходятъ тамъ на свободѣ и уплываютъ въ море. Никто и не опасается, что они уплывутъ, но боятся, что ихъ могутъ убить охотники. Они высиживаютъ яйца лишь по прошествіи двухъ лѣтъ. — Тоже самое сообщалъ уже Георги (стр. 166) изъ Забайкалья.

Судя по описанію, это была, должно быть, утка телкэ (An. clangula), которая эксплоатируется тамъ преимущественно какъ яйценосная птица. Отбирая яйца у крехалей, Mergus, ихъ доводятъ до того, что она кладетъ до 20 яицъ.

Сибирь почти безъ всякаго труда могла бы доставить еще цѣлый рядъ красивыхъ дворовыхъ птицъ. Въ Якутскѣ, у одного купца я видѣлъ двѣ прекраснѣйшія клокушки (An. glocitans). Это была совершенно ручная парочка, очищавшая поля отъ сорныхъ травъ.

[2]) Извѣстно, что при такихъ ограниченіяхъ трудолюбивые Норвежцы съ успѣхомъ занимаются разведеніемъ рогатаго скота до Нордкапа. Такъ какъ и въ Новой Землѣ встрѣчается еще множество травъ, то даже тамъ, равно какъ и въ Таймырскомъ краѣ, мыслимо разведеніе рогатаго скота. Вѣдь уже теперь, благодаря Траутфеттеру, мы знаемъ, что въ Нов. Землѣ встрѣчаются изъ сладкихъ травъ: Dupontia Fischeri, Aira caespitosa, Arctagrostis latifolia, а изъ кислыхъ травъ Carex rigida, frigida, pulla, Eriophoron Scheuchzeri. Я нашелъ еще у Вардэгуза: Poa pratensis, Festuca rubra var. arenaria, Calamogrostis phragmitoides и т. д. Но особенно убѣдительно мнѣніе мое подтверждается тѣмъ, что у р. Таймыра, между 73° и 75° с. ш., я встрѣтилъ еще цѣлый рядъ сладкихъ травъ (см. нѣм. изд. т. I, ч. 2, стр. 6), какъ-то: Alopecurus alpinus, Hierochloa racemosa, Phippsia algida, Colpodium latifolium, Calamogrostis lapponica, Deschampsia caespitosa, Poa arctica и pratensis, Koeleria hirsuta, Festuca rubra, Elymus mollis и, кромѣ того, девять видовъ кислыхъ травъ, которыя на низменностяхъ (лайдахъ, срав. «Растительность Сибири», прилож. IV, стр. XXIV) образуютъ пышный дернъ.

Недавно это блистательно подтверждено Шмидтомъ (Mammuthcadaver, p. 73, 80, 81, 83, 122). Въ низовьяхъ Енисея онъ нашелъ, какъ я, до 70° с. ш. чрезвычайно пышную растительность, которая множествомъ своихъ злаковъ походила на прекраснѣйшія луговыя равнины

необходимостью, потому что обыкновенная якутская лошадь рѣдко позволяетъ впрягать себя въ плугъ.

Основаніемъ возможности развести рогатый скотъ такъ далеко на сѣверѣ служило происхожденіе рогатаго скота. Человѣкъ очевидно взялъ его не изъ степей, а изъ лѣсныхъ областей среднихъ широтъ. По видимому рогатый скотъ уже первоначально простирался отъ плодородныхъ низменностей далеко въ горы.

Съ разведеніемъ рогатаго скота для кочевника глубокаго сѣвера настаетъ необходимость дѣйствовать предусмотрительно, т. е. заводить для скота зимніе запасы. Такимъ образомъ онъ вдругъ вступаетъ въ культурное состояніе скотовода, а это составляетъ рѣзкую противоположность къ первобытнымъ порядкамъ южныхъ пастушескихъ народовъ, равно какъ сѣверныхъ пастуховъ, у которыхъ сѣв. олени и лошади должны довольствоваться отгребнымъ кормомъ. Между сѣверными народами только собаководы вынуждены хлопотать о зимнихъ запасахъ для своихъ животныхъ. Это обстоятельство влечетъ за собою капитальный переворотъ въ наклонностяхъ кочевниковъ, во всемъ устройствѣ хозяйства, въ направленіи идей и тамъ, гдѣ невозможно хлѣбопашество, значительно обусловливаетъ переходъ къ осѣдлости. Такимъ образомъ мы видимъ, какъ Якуты, еще подъ 64° и 65° с. ш., въ притокахъ верховьевъ Индигирки, равно какъ къ западу и востоку отъ нихъ, скученные обработываютъ населенные оазисы и живутъ въ пріятномъ довольствѣ. Они содержатъ тамъ тысячи рогатаго скота и лошадей, отчасти на тучныхъ пастбищахъ, добытыхъ посредствомъ спуска мелководныхъ озеръ.

Уже въ началѣ нынѣшняго столѣтія Якуты проникли съ одной стороны до Зашиверска и Верхоянска, а съ другой до лежащаго у Пенжинской губы, къ сѣв. отъ Тауиска, мѣстечка Оля (Фигуринъ въ Сибир. Вѣстн. I, стр. 228; Cochrane, Fussreise, 1825, стр. 181, и Zeitschrift für allgem. Erdkunde, 1857, стр. 171) и Ямска. Въ послѣднемъ Редовскій уже въ 1806 году нашелъ (какъ я узналъ изъ рукописнаго дневника его), что скотоводство уменьшилось, хотя, кромѣ 50 штукъ рогатаго скота, тамъ водились также лошади.

Еще на два градуса широты сѣвернѣе, въ Средне-Колымскѣ, одинъ Лифляндскій баронъ (Cochrane, Fussreise, 1825, стр. 188) съ трудомъ пытался водворить скотоводство. Въ Нижне-Колымскѣ же (68′ 2° с. ш.) Кохрэнъ, этотъ псевдопѣшій англійскій чудакъ пѣшеходъ, засталъ лишь еще нѣсколько коровъ. Слѣдовательно, въ нѣсколько

южныхъ странъ и могла прокормить цѣлую зиму довольно значительное количество рогатаго скота. Занимающійся разведеніемъ рогатаго скота восторгается, слыша, что кромѣ 2 видовъ Luzula, 4 видовъ Juncus, 4 Eriophorum, 17 (замѣтьте 17) Carex, встрѣчаются еще слѣдующія прелести: Triticum repens, Festuca ovina, F. rubra, Bromus ciliatus, Poa alpina, P. arctica, P. caesia, P. nemoralis, P. pratensis, Colpodium pendulinum, Dupontia Fischeri, Catabrosa algida, Hierochloa borealis, H. alpina, H. pauciflora, Avena subspicata, Deschampsia caespitosa, Calamogrostis neglecta, C. Langsdorffii, C. phragmitoides, Arctagrostis latifolia, Agrost. rubra, Digraphis arundinacea, Alopecurus alpinus, Al. pratensis.

Чего еще болѣе желать скотоводу? Какое разнообразіе блюдъ! Даже у тупѣйшаго чиновника въ столицѣ, тормозящаго ходъ государственныхъ дѣлъ, текутъ при этомъ слюнки по молокѣ, маслѣ и сырѣ отъ Холмогорскихъ коровъ, благоденствующихъ и неискоренимыхъ при подобныхъ-же условіяхъ.

лѣтъ тамъ оказался положительный прогрессъ, потому что въ 1822 году Врангель (Путеш. I, стр. 282; срав. также Фигурина въ Сиб. Вѣстн. I, стр. 228) призналъ привезенныя ему въ Нижне-Колымскъ консервы, т. е. пластинки замороженнаго молока и сливокъ, за привозную статью величайшей роскоши.

Въ низовьяхъ Енисея я встрѣтилъ послѣднюю корову подъ тою-же широтою [1]), но и дальше къ сѣверу не имѣлъ надобности отказываться отъ употребленія молока—хоть и въ небольшихъ порціяхъ, въ видѣ подливки къ чаю—, потому что его заступило оленье молоко [2]).

Должно полагать, что хрюкающій якъ (о которомъ я упомянулъ уже на стр. 97 съ приложеніемъ рисунка) способенъ, подобно гиперборейскому мускусному быку, послѣдовать за человѣкомъ до крайнихъ полярныхъ предѣловъ. На немъ такая-же шуба, какъ на мускусномъ быкѣ, и во всякомъ случаѣ онъ больше въ состояніи переносить стужу, чѣмъ жаръ, такъ что для него лѣто въ Якутскѣ, пожалуй, уже слишкомъ положительно, и ему пріятнѣе было бы провести его въ Нижне-Колымскѣ. Въ качествѣ вьючнаго, дойнаго и мяснаго животнаго якъ могъ бы сдѣлаться для глубокаго сѣвера такимъ-же чрезвычайно полезнымъ животнымъ, какимъ онъ оказывается на средне-азіятскомъ плоскогорьѣ, гдѣ онъ встрѣчается въ дикомъ состояніи еще на высотѣ 19,000 футовъ.

Можно также продолжать попытки скрещиванія его съ нашимъ домашнимъ рогатымъ скотомъ, потому что нѣкоторые случаи подтверждаютъ удачу скрещиванія [3]). Такъ какъ яка въ видѣ опыта стали разводить въ Сибири уже въ прошломъ столѣтіи [4]), то необходимо было бы собрать на мѣстѣ самыя точныя свѣдѣнія о томъ, что̀ могло препятствовать его распространенію.

Въ животныхъ, которыхъ я наблюдалъ въ Якутскѣ, явно высказывалась буйволовая натура въ томъ отношеніи, что лѣтомъ они даже тамъ отправлялись въ воду. Въ крестцѣ якъ-самецъ не выше [5]) рослыхъ домашнихъ Якутскихъ быковъ, да и вѣсомъ,

---

[1]) Въ поселеніи Сергѣевѣ, ниже историческаго мѣстечка Хантайскаго. И тамъ также телята являлись около Рождества и были однохатниками жителей. Отъ Сергѣева вверхъ по рѣкѣ въ каждомъ поселеніи было отъ одной до трехъ коровъ. У монаховъ Троицкаго монастыря, лежащаго подъ полярнымъ кругомъ, было уже стадо коровъ въ 20.

[2]) А. Шренкъ (loc. cit. II, стр. 387) говоритъ, правда, ссылаясь на Палласа, что въ Сибири еще не имѣютъ понятія о доеніи сѣв. оленицъ. Но на Енисеѣ и Пясинѣ я уже засталъ обыкновеніе доить оленицъ, какъ роскошь, которую нѣкоторые позволяли себѣ, или считали приличнымъ для угощенія важныхъ чиновниковъ.

[3]) Въ соч. Шребера, Säugethiere, Дополненіе, 4-ый отдѣлъ, стр. 517, и въ Proceed. Zool. Soc. Mammalia, табл. XV, помѣщены ближайшія свѣдѣнія о послѣдствіяхъ такихъ скрещиваній. См. также примѣч. къ стр. 98 этой книги. По словамъ Радде, въ Забайкальѣ много продуктовъ скрещиванія, мясо которыхъ очень хвалили, тогда какъ про яка говорили, что мясо его состоитъ изъ толстыхъ волоконъ.

[4]) По Беллю (Travels, I, стр. 212) якъ въ прежнія времена, кажется, встрѣчался въ Кузнецкѣ чаще, чѣмъ впослѣдствіи. Палласъ (Neue Nord. Beiträge, I, стр. 21) сообщаетъ свѣдѣнія о такихъ экземплярахъ, которые распложались въ 1772 году въ Иркутскѣ и впослѣдствіи въ Москвѣ. О разведеніи яка въ Забайкальѣ, въ Чиндантскомъ округѣ, недавно говорилось въ Журн. Сельскаго Хозяйства за 1857 годъ. № 3, стр. 138. Радде также говоритъ, что нѣкогда яка держали въ Забайкальѣ несравненно чаще теперешняго.

[5]) Въ немъ было:

Вышина въ зашейкѣ	56 англ. дюйм.
» » крестцѣ	49,2 » »

казалось, онъ не превосходилъ ихъ. Теленокъ, которому было два мѣсяца, былъ значительно больше своихъ ровесниковъ изъ числа домашняго рогатаго скота.

Слѣдовало-бы произвести опытъ съ нѣкоторыми животными этого рода въ Верхоянскѣ, Зашиверскѣ, Гижигинскѣ или Пенжинскѣ, т. е. въ одномъ изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ найдется способный на это человѣкъ.

Домашнія Сибирскія животныя, разсматриваемыя съ точки зрѣнія культурнаго государства.

Можетъ казаться почти какимъ-то злополучіемъ, что во многихъ отношеніяхъ человѣчеству, послѣ тысячелѣтняго развитія, приходится снова возвращаться къ тому, съ чего оно начало.

Въ концѣ того выпуска, въ которомъ говорится о растительности Сибири (см. Приложеніе IV-е, стр. XXX и слѣд.), я указалъ, что въ первобытномъ Забайкальскомъ земледѣліи достигается высшая степень того, чего самые лучшіе хозяева Западной Европы все еще тщетно добиваются: не только луга, но и поля тамошнія орошаются искусственно, а луга тамошніе удобряются. Все это дѣлается подъ гнетомъ естественной необходимости, не смотря на полное отсутствіе поощрительныхъ мѣръ со стороны правительства. Чего бы мало по малу нельзя было сдѣлать изъ такихъ добровольныхъ зачатковъ, если бы это дѣло поддержать, какъ слѣдуетъ.

Но этого не дѣлаютъ даже по части скотоводства, и вотъ въ этомъ-то отношеніи человѣчество въ Европѣ опять дошло до того, съ чего началъ сибирскій кочевникъ. Послѣдній, даже на перекоръ требовательной Англіи, еще болѣе питается животною пищею. Усиленіе мясной пищи и введеніе ея въ общее употребленіе сдѣлалось въ Европѣ главной статьей всякаго сельскаго и государственнаго хозяйства. Одна Англія уже теперь поглощаетъ весь избытокъ животныхъ остальной Европы, Англія расшевелила также Сѣв. и Южную Америку и Новую Голландію. Цѣны за произведенія скотоводства чрезвычайно повышаются; чѣмъ сильнѣе онѣ повышаются, тѣмъ больше народныя массы требуютъ мяса. Но безпредѣльныя степи Сибири, которыя должны бы были наводнить мясомъ всю Европу и непомѣрно обогатить своихъ жителей, до сихъ поръ эксплуатируются такъ недостаточно и неправильно, что бо́льшая часть ежегодной ихъ производительности поглащается сама собою. Мы старались убѣдиться въ томъ, что и на глубокомъ сѣверѣ Сибири выгодно заниматься скотоводствомъ разнаго рода, даже разведеніемъ рогатаго скота. Если же мы станемъ доискиваться причинъ, которыя все-таки затрудняютъ большее его распространеніе и приводятъ къ тому, что выгоды всего ското-

---

От̀ъ лба до основанія хвоста ..... 86 англ. дюйм.
» загейка внизъ до груди, между передними ногами .... 38,5 » »
Длина головы отъ кончика морды до выдающагося на 1 дюймъ затылочной шишки .... 21 англ. дюйм.
Ширина лба отъ уха до уха .... 13,5 » »
Объемъ шеи позади затылка .... 48 » »

водства обширныхъ странъ, превосходящихъ пространствомъ всѣ европейскія государства вмѣстѣ взятыя, уничтожаются непроизводительнымъ образомъ, то мы можемъ надѣяться, что рѣшеніе нашей задачи облегчится, если мы сначала разсмотримъ не глубокій сѣверъ Сибири, а болѣе южныя, необыкновенно благопріятно расположенныя, мѣстности ея.

Въ этомъ отношеніи чрезвычайно поучительна Камчатка. Чего только уже не сдѣлано въ теченіи полутораста лѣтъ въ пользу скотоводства въ Камчаткѣ, которая по видимому такъ благопріятна для него! Сколько уже разъ новые начальники требовали все новыхъ жертвъ со стороны правительства и какъ мало при всемъ томъ удалось сдѣлать! Но намъ пришлось бы вдаться въ слишкомъ большія подробности, если бы мы захотѣли ближе разсмотрѣть Камчатское скотоводство. Предоставляя болѣе свѣжимъ силамъ изслѣдовать этотъ вопросъ во всей подробности[1]), мы укажемъ тутъ только на описаніе превосходящей всякое вѣроятіе травяной растительности на низменностяхъ первобытной почвы (срав. мою статью «Бараба» и особенно «Растительность Сибири», Прилож. IV, стр. XXV).

Обратимся къ неменѣе благопріятно расположенному Удскому Острогу, къ южному прибрежью Охотскаго моря. Какъ тамъ не улаживалось дѣло съ хлѣбопашествомъ, такъ не улаживается и скотоводство. Въ 3-емъ Приложеніи къ «Растительности Сибири», стр. XVI, я уже показалъ, что, не смотря на всякаго рода поддержку, на всевозможныя распоряженія, на присмотръ и отвѣтственность, въ Удскомъ Острогѣ рогатый скотъ болѣе пятидесяти лѣтъ, какъ-то странно все оставался при злополучномъ количествѣ 22-хъ головъ. Это былъ предписанный шаблонъ. Какъ только правительство уменьшило строгость ревизій, такъ стадо съ каждымъ годомъ стало убавляться. Въ началѣ этого столѣтія Поповъ, старшина Якутовъ Мегинскаго улуса, подарилъ небольшое стадо въ Удской Острогъ. При всемъ томъ, лѣтомъ 1844 года, т. е. 100 лѣтъ послѣ введенія перваго скота[2]), я засталъ тамъ только 7 головъ «казеннаго скота» и жители очевидно

---

[1]) Сообщаю только нѣсколько замѣтокъ изъ моего портфеля. Можетъ быть онѣ подадутъ другимъ поводъ приняться за разработку этой статьи. Камчатское скотоводство началось, если не ошибаюсь, при Павлуцкомъ въ 1733 году. Десять лѣтъ спустя Стеллеръ (Beschr. v. Kamtschatka, 1774, стр. 54, 86, 140) не могъ нахвалиться, какъ необыкновенно благопріятна Камчатка для скотоводства, какъ скотъ, перевезенный туда изъ Якутска, быстро увеличивается ростомъ и улучшается, такъ что его и не узнаешь, какъ онъ раньше созрѣваетъ и т. д. Барда отъ водки, которая тамъ выкуривалась изъ зонтичныхъ растеній, оказалась также пригодной скоту. Главнымъ распространителемъ рогатаго скота въ Камчаткѣ онъ называетъ Девьера. Срав. также Записки Гидрогр. Департ. IX, стр. 429. Въ послѣдней четверти 18-го столѣтія обращено было много вниманія на скотоводство и коневодство въ Камчаткѣ. Особеннымъ покровителемъ называютъ главнаго начальника Бема (Pallas, Neue Nord. Beiträge, IV, стр. 146; Сибир. Вѣстн. I, стр. 3). Въ 1772 году въ Камчаткѣ было, говорятъ, уже 570 головъ рогатаго скота (Словцовъ, Историч. Обозр. II, стр. 30). См. Сиб. Вѣстн. II, стр. 333 о скотоводствѣ въ Верхне-Камчатскѣ. — Сарычевъ (Путеш. I, стр. 169, 176, 187) въ 1790 году замѣтилъ, кажется, уже уменьшеніе скотоводства — Крузенштернъ (Reise um die Welt, I, стр. 234, II. стр. 216, 232, 254, 255) цѣнилъ количество рогатаго скота въ Камчаткѣ уже опять въ 600 головъ и т. д.

[2]) Впослѣдствіи (когда вышеупомянутое «Приложеніе № III» было напечатано) я нашелъ, что въ одно время съ попытками водворить земледѣліе, уже въ 1747 году въ Удской Острогъ посланы были поселеннымъ тамъ

очень обрадовались, когда я потребовалъ у нихъ за деньги одну изъ этихъ коровъ, чтобы запастись мясомъ для своей морской поѣздки. Но я встрѣтилъ тамъ толковаго и помышлявшаго о доходахъ священника, разсчиталъ съ нимъ громадную выгоду, которую должно бы доставить тщательно веденное скотоводство, такъ какъ ежегодно огромное количество масла привозилось на вьючныхъ лошадяхъ болѣе чѣмъ за 1200 верстъ черезъ горы изъ Якутскаго края, и разсчиталъ, что на 100 слишкомъ десятинахъ луговъ, отличавшихся величайшею пышностью, и на безпредѣльныхъ пастбищахъ, можно прекрасно прокормить сотни двѣ скота. Я сталъ усовѣщивать отца Новгородова, что ему не слѣдуетъ терять времени, чтобы нажить огромныя богатства, и въ тоже время сдѣлаться незабвеннымъ благодѣтелемъ этого дальняго уголка земли, для котораго онъ, какъ самъ сознавался, ничего не въ состояніи сдѣлать въ другомъ отношеніи [1]). Я обнадеживалъ его особеннымъ поощреніемъ со стороны правительства. Дѣйствительно, отецъ Новгородовъ очевидно былъ наэлектризованъ и обѣщалъ сдѣлать все возможное. При всемъ томъ я готовъ побиться объ закладъ, что коровой, которую я велѣлъ заколоть, воспользовались съ величайшимъ удовольствіемъ, чтобы прикрыть совершенную гибель «казеннаго скота» несомнѣнно послѣдовавшую за тѣмъ въ Удскомъ острогѣ. Корова, которую я велѣлъ заколоть, дошла, вслѣдствіе дурнаго присмотра и зимняго голоданія, до почти невѣроятно малорослой фигуры, вѣсомъ едва въ 7 пудовъ, тогда какъ потомство пригнаннаго изъ Якутскаго края скота, принадлежавшаго священнику, замѣтно улучшилось въ Удскомъ острогѣ, сдѣлалось рослѣе, мясистѣе и стало давать больше молока [2]). Но въ Якутскѣ всѣми было признано, что скотъ Якутовъ рослѣе того, который Буряты иногда скупаютъ и отправляютъ внизъ по рѣкѣ. Слѣдовательно степной скотъ Бурятскій

земледѣльцамъ «казенный рогатый скотъ, казенные жеребцы и казенныя кобылы», съ строгими предписаніями тамошнему надзирателю сержанту, наблюдать за тѣмъ, чтобы они не пострадали и чтобы ихъ хорошо кормили. Кромѣ того уже тогда предписывалось доносить о положеніи ихъ. Въ Удскомъ архивѣ я нашелъ даже указъ 1745 года, предписывавшій мѣры, которыя должны быть приняты въ случаѣ появленія скотскаго падежа. Слѣдовательно легко можетъ быть, что упомянутому «казенному скоту» уже предшествовалъ другой скотъ.— Изъ перечня поступившихъ указовъ я увидѣлъ, что 16 Октября 1773 года разсуждали о займообразной раздачѣ казакамъ Удскаго Острога до 40 «казенныхъ коровъ».

[1]) Урочище Шапка, при устьѣ Галлама, казалось, было особенно удобно для устройства хутора. Необыкновенно хороши показались мнѣ луга на право и на лѣво отъ р. Уди. Хотя они и заливаются во время половодья, но я засталъ ихъ на сажень вышины надъ уровнемъ воды, на пропускающей сырость почвѣ, и они были покрыты прекраснѣйшими сладкими травами.

[2]) Быкъ, котораго я у него купилъ, былъ низокъ на ногахъ; по-этому тѣло его казалось длиннымъ и особенно тяжеловѣснымъ въ передней части. Крестецъ спускался очень покато къ далеко отстоявшимъ отъ спинной линіи бугоркамъ сѣдалищной кости. Спинная часть тѣла сравнительно была слишкомъ длинна. Короткая голова при тонкихъ, не очень длинныхъ, рогахъ указывала на незначительное преобладаніе костяка. Когда онъ былъ убитъ, мясо его вѣсило безъ малаго 10 пудовъ, безъ головы, крови и внутренностей. Такимъ образомъ въ немъ при жизни было въ три раза больще вѣсу, чѣмъ въ вышеупомянутой коровѣ. Кромѣ того коровы священника давали въ нѣсколько разъ больше молока противъ того, что онѣ давали въ Амгинскѣ.

Вышина его въ зашейкѣ составляла...	$53,_5$	англ.	дюйм.
» » » крестцѣ	52	»	»
Вся длина отъ лба до основанія хвоста	87	»	»
Отъ зашейка (холки) внизъ до груди, посреди переднихъ ногъ	38	»	»

не доходитъ ростомъ до скота сѣверныхъ низменностей, хотя послѣдній, по всей вѣроятности, и происходитъ отъ перваго.

Такъ почему же въ Удскомъ острогѣ и въ сходныхъ съ нимъ мѣстностяхъ скотоводство все-таки не удается?

Главнымъ препятствіемъ прежде всего безспорно служатъ рыбы. Онѣ счастливые, или, правильнѣе, злополучные конкуренты, не позволяющіе развиться разведенію рогатаго скота тамъ, гдѣ время передвиженія морскихъ рыбъ, стремящихся вверхъ по рѣкамъ, представляетъ такіе-же неистощимые запасы пищи, какъ всѣ Сибирскія побережья; нерѣдко на далекія разстоянія вглубь страны.

Только тамъ, куда стаи этихъ переходныхъ рыбъ не забираются, успѣло водвориться правильное скотоводство. Убѣдительно это доказываетъ Забайкалье (срав. «Растительность Сибири», Прилож. IV, стр. XXXVIII), а еще убѣдительнѣе Якутскій народъ въ мѣстахъ, лежащихъ несравненно неблагопріятнѣе при истокахъ Вилюя и рѣкахъ Вост. Сибири, впадающихъ въ Ледовитый Океанъ; въ лежащемъ на Ленѣ Жиганскѣ еще вовсе не было рогатаго скота въ то время, когда въ лежащемъ по сосѣдству Верхоянскѣ уже завелось скотоводство.

Первобытный человѣкъ живетъ только настоящимъ; будучи рожденъ хищнымъ животнымъ, онъ вообще не иначе, какъ по крайней необходимости, мѣняетъ охоту и рыбную ловлю на беззаботную пастушескую кочевую жизнь; еще неохотнѣе онъ промѣниваетъ послѣднюю на скотоводство, заставляющее его сегодня хлопотать о запасахъ, которые могутъ пригодиться его скоту лишь на слѣдующій годъ. Гораздо охотнѣе онъ готовъ болѣе напрягать свои силы, но въ тоже время удовлетворяетъ своей прирожденной страсти, вытаскивая изъ воды, разъ за разомъ, что ему благосклонно предлагаетъ естественный первобытный порядокъ. Онъ трудится съ утра до вечера, не знаетъ устали, копитъ запасъ за запасомъ, и притомъ не для одного себя и своей братьи, но и для множества собакъ своихъ. Рыба является прекрасною охотничьею добычею, которая тотчасъ-же можетъ быть съѣдена, которая возбудительно дѣйствуетъ на хищнаго отъ природы звѣря, человѣка, и производитъ сильныя очущенія, возбуждаемыя игрою счастья, т. е. удачею или неудачею улова. Какъ, напротивъ того, невыносимо скучны для первобытнаго человѣка продолжительныя усилія ежедневныхъ однообразныхъ занятій по уборкѣ сѣна.

Время же улова рыбъ большею частью совпадаетъ съ уборкою сѣна. Нерѣдко сѣнокосъ откладывается до окончанія рыбной ловли. Не говоря уже о томъ, что трава перестоится [1]), обыкновенно тогда и конецъ хорошей погодѣ. Сѣно гніетъ, или наводненія уносятъ его. Если кто вздумаетъ раньше приняться за сѣнокосъ, то всѣ оставляютъ его и онъ не въ состояніи найти себѣ ни одного помощника, потому что въ прекрасную

[1]) Въ мое время начинали косить не раньше 15-го Іюля, тогда какъ скотъ посылали пастись уже 25 го Апрѣля, но, правда, онъ загонялся въ хлѣвы уже въ концѣ Сентября. Эти 7 мѣсяцевъ прокармливанія скота въ хлѣвахъ требуютъ, конечно, большихъ зимнихъ запасовъ, которые являются тамъ въ весьма неблагопріятномъ свѣтѣ, потому что Забайкальскія степи въ хорошіе годы представляютъ пастбища въ теченіи всей зимы.

*

лѣтнюю пору и послѣдній бѣднякъ либо утопаетъ въ раздольѣ безпредѣльныхъ природныхъ богатствъ, либо предается по-крайней-мѣрѣ надеждѣ, что завтра настанетъ и для него праздникъ, завтра и на его долю выпадетъ счастіе.

Вслѣдствіе этого, конечно, зимою большею частію оказывается лишь столько корму, что скотъ удается кое-какъ проволочить при помощи голоданья и зимней спячки. Впрочемъ съ такими порядками хорошо знакомы и въ Европѣ, а потому мы не станемъ распространяться о нихъ. Но Европа въ случаѣ нужды изворачивается обмѣномъ произведеній, въ первобытныхъ же странахъ мы видимъ не то. Весною 1843 года, вслѣдствіе необыкновенныхъ наводненій, въ Якутскѣ оказался такой недостатокъ въ сѣнѣ, что за возъ пришлось платить по 70 и даже по 80 руб. ассигнаціи. Въ слѣдующую весну, когда я былъ тамъ, такой-же возъ можно было купить за рубль, а въ болѣе отдаленныхъ мѣстахъ даже за 50 коп., слѣдовательно въ 160 разъ дешевле! Когда возможны такія значительныя колебанія цѣнъ, отъ 1 до 100 слишкомъ, то и выгода отъ скотоводства становится вообще сомнительною; не успѣешь оглянуться, какъ настанетъ неурожайный годъ, снѣгъ выпадетъ глубже обыкновеннаго, или весна наступитъ позднѣе, чѣмъ ее ожидали, и все опять пропадаетъ. Тогда-же скотъ подвергается разнымъ заразительнымъ болѣзнямъ изнурительнымъ, желвачнымъ и др., коровы выкидываютъ, телята дохнутъ отъ злокачественныхъ поносовъ. Племенный скотъ гибнетъ исчезаетъ.

Чрезвычайно опасны заразы, по временамъ распространяющіяся въ краѣ, особенно опустошительная чума рогатаго скота.

Какъ осторожно должна дѣйствовать добрая воля лицъ, желающихъ помочь дѣлу, это весьма ясно показываетъ слегка затронутый Врангелемъ (Путеш. I, стр. 262, прим.) проектъ запрещенія жителямъ Сѣв. Сибири держать упряжныхъ собакъ. Благонамѣренное чиновное усердіе основывалось на математическомъ разсчетѣ: 13 собакъ ежедневно съѣдаетъ отъ 60 до 80 и даже 100 сельдей [1]). Для 3,000 собакъ, которыхъ, по Киберу [2]), держали на одной нижней Колыми и ея притокахъ, это составляло, правда, огромное количество въ 200,000 рыбъ ежедневно. Но если бы мы вздумали также разсчитывать по фунтамъ количество зерноваго хлѣба, поѣдаемаго въ Англіи примѣрно скотомъ и лошадями, то мы подобнымъ-же образомъ затерялись бы въ статистической дебри численныхъ данныхъ.

Въ то время кстати появился собачій сапъ, свирѣпствовавшій въ 1821 и 1823 годахъ и показалъ игравшимъ цифрами господамъ чиновнымъ математикамъ, пріѣхавшимъ издалека, какое значеніе упряжныя собаки имѣютъ на глубокомъ сѣверѣ. Докторъ Киберъ обвинялъ суровую зимнюю стужу въ томъ, что она была причиною болѣзни, которая, какъ онъ увѣрялъ, вовсе не была заразительна, а появилась одновременно въ

---

[1]) Геденштрэмъ (Сибир. Вѣстн. III, стр. 72) кладетъ среднимъ числомъ по 2200 сельдей на полный возъ, если на него не садится возница. За тѣмъ каждая собака можетъ увезти лишь столько корму, сколько хватаетъ на прокормленіе ея въ теченіи мѣсяца.

[2]) Сибир. Вѣстн. III, стр. 5, въ концѣ.

мѣстностяхъ, далеко отстоящихъ одна отъ другой. Многія собаки околѣвали въ теченіи 24 часовъ въ судорогахъ [1]). Передохло все собачье населеніе.

Въ такихъ случаяхъ оказывается необыкновенное превосходство собакъ передъ всѣми другими упряжными животными: чрезвычайная ихъ плодовитость, при весьма раннемъ созрѣваніи. Если не пострадавшія мѣстности сами, то по-крайней-мѣрѣ окрестности ихъ, въ состояніи покрыть убыль уже на слѣдующій годъ. Въ урожайные годы жители Сѣвера топятъ бóльшую часть сукъ, вслѣдъ за ихъ рожденіемъ.

При этомъ случаѣ будетъ кстати упомянуть о совершенно еще загадочномъ явленіи, что на глубокомъ сѣверѣ не бываетъ бѣшенства собакъ [2]). Всѣ разспросы мои по этому предмету были безуспѣшны. Если бы мы захотѣли приписать это обстоятельство стужѣ или тому, что на сѣверѣ большую часть собакъ холостятъ, то этому противорѣчитъ рѣдкость бѣшенства и въ тропическихъ первобытныхъ странахъ, къ которымъ непримѣнимы обѣ предложенныя причины.

Попытавшись показать, что прежними мѣрами правительству не удалось содѣйствовать хозяйству первобытныхъ жителей Сибири [3]), мы тѣмъ болѣе должны обратить вниманія на то, что по такимъ предметамъ, по которымъ слѣдовало бы всячески дать возможность безпомощнымъ кочевникамъ устроить свое скотоводство, пока еще ничего не сдѣлано.

Въ столицахъ еще не имѣютъ никакого понятія о томъ, какія огромныя массы народнаго богатства ежегодно истребляются хищными звѣрями. Если бы успѣли составить себѣ разумный взглядъ на это, то безъ сомнѣнія было бы сдѣлано распоряженіе, чтобы вмѣсто разныхъ дорогихъ, убійственныхъ для человѣчества, мѣръ обращено было вниманіе на этотъ предметъ. Собрать статистическія свѣдѣнія объ убыткахъ, которые хищные звѣри причиняютъ пастухамъ-кочевникамъ, само собою разумѣется, невозможно, но окружающія нашу столицу губерніи Новгородская и Псковская даютъ намъ уже довольно поучительныя данныя [4]). Я утомилъ бы своихъ читателей, если бы сталъ выписывать изъ своего дневника постоянно повторяющіяся въ Таймырской тундрѣ происшествія, случающіяся отъ непомѣрнаго голода волковъ. То мы натыкались на послѣдніе объѣдки растревоженныхъ нами пиршествъ, то отбивали у хищниковъ годную еще для насъ добычу. Не проходило

---

1) И Кэнъ (Arctic Explorations, 1856, I, стр. 158, 163) лишился всѣхъ собакъ вѣроятно вслѣдствіе той-же болѣзни, которую онъ, врачъ, принялъ за болѣзнь мозга.

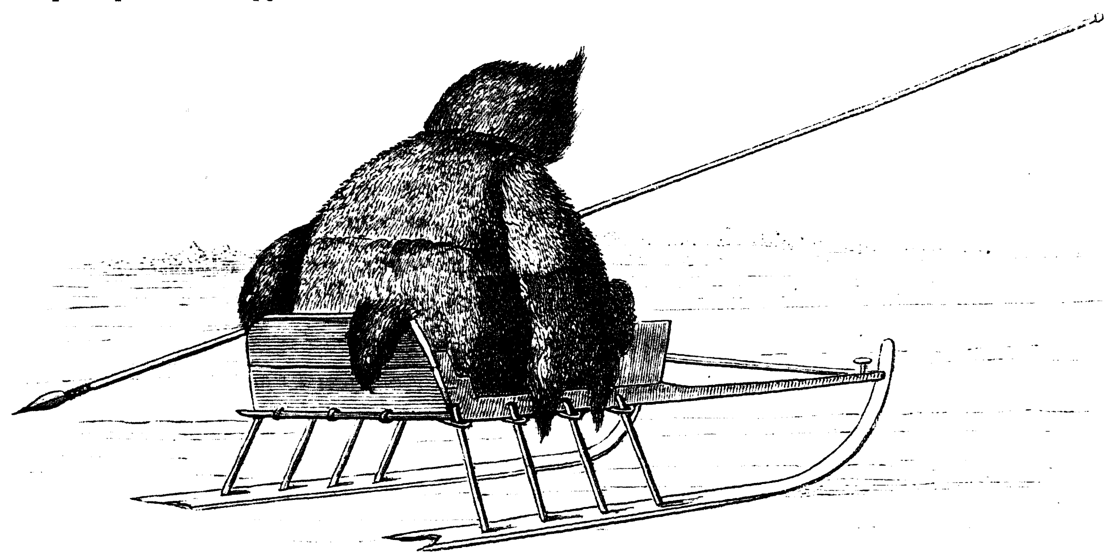
2) Даже въ Тобольскѣ и въ Дауріи оно встрѣчалось чрезвычайно рѣдко. Впрочемъ и самое сѣверное положеніе не предохраняетъ безусловно отъ этой болѣзни. Подъ 72° с. ш. въ Февралѣ 1860 года проявилось бѣшенство собакъ въ самой сѣверной колоніи Гренландіи, при —25° Р. и распространилось быстро (Canstatt, Jahresber. 1861, стр. 55).

3) Одной изъ самыхъ рѣдкихъ пародій на это обстоятельство является написанное въ серьезномъ тонѣ донесеніе врача Маньяра (Revue contemporaine 1857, p. 43), который, побывавъ на мѣстѣ, пишетъ: Les Russes ont établi des haras dans toutes les Zaimka. Dans peu d'années il y aura autant de chevaux au Kamtschatka qu'en Écosse et en Irlande.

4) Въ Новгородской губерніи убытокъ, причиненный въ 1871 г. хищными животными, оффиціально исчисленъ въ 126,000 рублей. На самомъ же дѣлѣ онъ безспорно былъ вдвое больше, такъ какъ свѣдѣнія подобнаго рода по возможности не сообщаются. Въ Вологодской губерніи ежегодный убытокъ оцѣненъ въ 380,000 рублей (см. Землед. Газ. за 1874 годъ, № 10).

въ тундрѣ ни одной ночи безъ бѣды, хотя кочевники постояно стерегли своихъ животныхъ. Впродолженіи одной и той-же ночи три раза происходила тревога для отраженія хищниковъ. Послѣ удачнаго отраженія двухъ нападеній, волкамъ подъ утро все-таки удалось утащить оленицу.

Какъ только вечеромъ ужинъ кончался, такъ выдвигалось 2, 3, даже 4 саней, которыя разставлялись на самыхъ опасныхъ пунктахъ около пасущихся сѣв. оленей. Точно въ рыцарскомъ вооруженіи, готовый на бой Самоѣдъ, плотно закутавшись въ шубу и

Асинскій Самоѣдъ, стерегущій стадо отъ волковъ.

подогнувъ ноги, сидитъ на своихъ санкахъ и держитъ въ лѣвой рукѣ наготовѣ длинное копье. Впряженные сѣв. олени пасутся, онъ же отъ времени до времени нагибается надъ своими санями, и поглядываетъ въ темную ночь, стараясь кошачьими глазами своими во-время подкараулить злаго врага. «Темная пора» зимней половины года самая дурная. Закругленный кончикъ своего копья онъ пока еще повернулъ впередъ, чтобы въ случаѣ надобности быстро погнать оленей на встрѣчу разбойникамъ.

О положеніи, въ какое приходитъ бѣдный народъ, можно судить по слѣдующему примѣру. Возвращаясь съ глубочайшаго сѣвера съ громоздкими запасами коллекцій, я пожелалъ добытьсебѣ побольше подводъ и съ этою цѣлью отрядилъ впередъ самого расторопнаго своего казака съ Самоѣдомъ. Ему слѣдовало скорѣе добраться до южной окраины Большой сѣверной тундры и во-время сообщить тамъ нужныя свѣдѣнія народцамъ, кочующимъ въ такъ называемой Малой тундрѣ.

Потихоньку плелись мы за нимъ нѣсколько дней сряду, какъ вдругъ прекратился слѣдъ его санокъ. Это возбудило наше подозрѣніе и заставило насъ остановиться. Мы распрягли нашъ караванъ и пара легкихъ санокъ съ здоровою упряжью отправилась со мною назадъ, развѣдать, куда дѣвался слѣдъ. Опасенія наши оправдались: казакъ и са-

моѣдскій вожакъ его сидѣли па санкахъ среди необъятной равнины и готовились къ самому дурному исходу своего положенія. Ночью волки зарѣзали у нихъ двухъ сѣв. оленей и разогнали остальныхъ, такъ что посланецъ мой безъ нашей помощи былъ обрѣченъ на погибель.

Охранять сотни и тысячи сѣверныхъ оленей самоѣдскаго стада отъ нападеній хищныхъ звѣрей слишкомъ трудно. Волки врываются цѣлами стаями, чтобы разогнать перепуганныхъ до смерти животныхъ, разъединить ихъ и за тѣмъ легко справиться съ ними. По этому важнѣе всего постояно держать стадо въ одной кучѣ; при этомъ Сибиряку недостаетъ вѣрной сотрудницы собаки, столь-же умно помогающей Лапландцамъ, какъ пастухамъ цивилизованной Европы. Волковъ еще слишкомъ много, стерегущая собака еще не въ состояніи сладить съ ними. На каждаго волка въ теченіи года по меньшей мѣрѣ можно положить по одному сѣв. оленю въ недѣлю, слѣдовательно 52 оленя въ годъ. Такимъ образомъ на тысячи водящихся тамъ волковъ число жертвъ простирается на нѣсколько сотенъ тысячъ сѣв. оленей, изъ которыхъ каждый въ первыхъ рукахъ представляетъ цѣнность въ нѣсколько рублей серебромъ. Неоднократно въ одну ночь волки растерзывали по двадцати и болѣе животныхъ изъ одного того-же стада, а множество другихъ разгоняли въ разныя стороны[1]).

При такихъ убыткахъ было бы чрезвычайно важно назначить большія преміи за содранныя волчьи шкуры, какъ это дѣлается въ Соединенныхъ штатахъ Сѣверой Америки [2]).

До сихъ поръ убиваютъ чрезвычайно мало волковъ; будучи очень хитры, волки не идутъ на обычныя ловушки кочевниковъ, да и не легко поддаются на другія хитрости. Въ теченіи всего моего Сибирскаго путешествія ни мнѣ, ни спутникамъ моимъ, ни кочевникамъ, у которыхъ мы бывали, не удалось убить ни одного волка.

Кромѣ назначенія премій, было бы необходимо дать людямъ возможность уничтожать волковъ. Мы встрѣчаемъ тутъ странную аномалію, что народы, все пропитаніе которыхъ основано на охотѣ, остаются при своихъ первобытныхъ стрѣлахъ и лукахъ; тогда какъ имъ всячески слѣдуетъ облегчить возможность пріобрѣтать хорошее огнестрѣльное оружіе, въ особенности же огнестрѣльные снаряды. Впрочемъ, добывать порохъ чрезвычайно трудно еще въ настоящее время даже въ нашихъ большихъ городахъ, и любителямъ охоты пришлось бы бѣдствовать, если бы имъ на помощь не явилась контрабанда и тайная продажа.

Этою замѣткою мы хотѣли указать на послѣдствія запрещенія свободной продажи пороха.

---

[1]) Въ такомъ-же размѣрѣ уничтожаются рогатый скотъ и лошади Якутовъ на глубокомъ сѣверѣ. Волки усерднѣе безпріютнаго климата противятся водворенію прогресса. Въ одинъ мѣсяцъ они съѣли 80 головъ рогатаго скота въ извѣстной мѣстности на Колымѣ (Врангеля, Путеш. II, стр. 67, 70, 142); въ мое время медвѣди уничтожили 60 штукъ въ небольшой Прибайкальской деревушкѣ. и т. д.

[2]) Тамъ платятъ за каждую шкуру по 3 доллара (Gerstäkker, Jagd- und Streifzüge, II. p. 176).

Мое огнестрѣльное оружіе возбуждало во всѣхъ кочевникахъ сильнѣйшіе желаніе добыть нѣчто подобное; они громко вскрикивали отъ удовольствія, видя, какъ вѣрно пуля настигала добычу на большомъ разстояніи, и на бѣгу и на лету. Правда, что рядомъ съ уменьшеніемъ числа хищныхъ звѣрей быстрѣе уменьшилась бы также удачная охота на съѣстные припасы. Но тѣмъ скорѣе установилось бы и правильное скотоводство.

Я полагаю, кажется правильно, что одно только превосходство силъ волчьихъ стай заставляетъ кочевниковъ сѣв. Сибири не прибѣгать для охраненія стадъ сѣв. оленей къ содѣйствію овчарки, какъ это дѣлаютъ Лапландцы да Самоѣды по сю сторону Урала. Тѣмъ необходимѣе было бы завести волкодавовъ, которыхъ, вслѣдствіе премій на волковъ, вскорѣ стали бы разводить повсюду; они могли бы послужить къ улучшенію породы упряжныхъ собакъ, и, внушая волкамъ уваженіе къ собакамъ, проложили бы путь къ употребленію овчарки.

Гдѣ нельзя завести собакъ, тамъ необходимо было бы предоставить въ распоряженіе людей капканы, въ особенности же стрихниновыя пилюли съ подлежащимъ указаніемъ способа ихъ употребленія. Можно было бы также научить ихъ извѣстному, хотя и жестокому средству прибрежныхъ жителей Берингова моря, т. е. употребленію спирально скрученнаго и съ обѣихъ сторонъ заостреннаго китоваго уса, который, какъ скоро успѣетъ перевариться наткнутый на него кусокъ жира, непремѣнно, говорятъ, прокалываетъ внутренности [1]) и т. п.

При этомъ слѣдуетъ обратить вниманіе на то, что въ Сибири на большихъ протяженіяхъ вовсе не бываетъ волка, какъ я объяснилъ это уже прежде [2]). По этому живущіе въ лѣсахъ Долганы, отвезшіе меня въ Тундру, въ лихорадочномъ волненіи спѣшили домой, не давая животнымъ своимъ роздыха, въ которомъ послѣднія очень нуждались.

Гдѣ нѣтъ волковъ, тамъ тѣмъ чаще встрѣчаются медвѣди, которыхъ нисколько не смущаетъ толстый слой рыхлаго снѣга, удерживающій волковъ. Они спятъ въ это время. Лѣтомъ же, въ селеніяхъ, лежащихъ по рѣкѣ ниже Енисейска и при верховьяхъ Амура, они нападали на лошадей, на рогатый скотъ и на овецъ. Въ оленеводство они, кажется, рѣдко вмѣшиваются.

Сколько нашему правительству можно бы было сдѣлать добра по этому предмету, т. е. по освобожденію странъ отъ подобныхъ разбойниковъ, это намъ показываетъ Пршевальскій [3]), особенно въ той части своего труда, гдѣ онъ говоритъ о томъ, что въ 1867 году тигры на одной рѣкѣ при Владивостокѣ умертвили 21 человѣка и ранили 6 другихъ.

Къ числу несомнѣнно весьма важныхъ указаній на постепенное развитіе способностей, и на умѣніе ихъ принаравливаться къ измѣняющимся обстоятельствамъ принад-

---

[1]) Объ этомъ сообщали уже наши академическіе путешественники. Загоскинъ (Пѣшеходная Опись, I, стр. 52) говоритъ, что этотъ способъ употребляется съ большимъ успѣхомъ и въ сѣверо-западной Америкѣ.

[2]) Срав. нѣм. изд. т. II, 2, стр. 70 и т. IV, стр. 869, 983.

[3]) Путешествіе въ Уссурійскомъ краѣ, 1870, стр. 233.

лежитъ и то обстоятельство, что не только волкъ, какъ мы замѣтили на стр. 292, но и медвѣдь не трогаетъ коровъ и овецъ въ такихъ мѣстахъ, гдѣ послѣднія недавно заведены. Очевидно онъ не увѣренъ въ томъ, на сколько онѣ способны защищаться. Одинъ уже запахъ ихъ кажется ему, можетъ быть, страннымъ и заставляетъ его быть осторожнымъ.

Давно бы уже слѣдовало обратить особенное вниманіе на открытіе правильнаго сбыта для нарастающаго количества скота у кочевыхъ племенъ. Посредствомъ такого сбыта можно было уже столѣтіе тому назадъ надѣлить ихъ множествомъ благодѣтельныхъ послѣдствій культуры.

Если у каждаго Пустозерца было не болѣе 2000, а у Березовскихъ горожанъ до 6000 сѣв. оленей[1]), если вообще въ сравнительно-небольшомъ уголкѣ земли между Бѣлымъ моремъ и Ураломъ содержалось до 90,000 сѣв. оленей[2]), а на прилегающемъ къ нему восточномъ скатѣ Урала все-таки уже встрѣчаются нѣкоторые зажиточные Остяки, у которыхъ оленьи стада заключаютъ въ себѣ отъ 5 до 8 тысячъ головъ[3]), если вообще количество сѣв. оленей въ Березовскомъ краѣ принимается въ 150 тысячъ головъ[4]), то въ этомъ счетѣ заключаются почти всѣ сѣв. олени, доставляющіе доходъ сѣв. Россіи. А какъ мало они приносятъ барыша. При всемъ томъ промышленный Зырянинъ осенью закалываетъ изъ своего стада нѣсколько сотъ, иногда даже болѣе 1000 головъ[5]), и сбываетъ ихъ по 10 руб. и болѣе за штуку. Недавно начали приготовлять для западной Европы оленьи языки. Чего бы только нельзя было нажить, если бы въ оленицахъ, какъ въ коровахъ, развили способность давать молоко, или если бы стали по крайней мѣрѣ обработывать, какъ слѣдуетъ, тотъ стаканъ молока, который теперь ежедневно даетъ оленица. Чего бы нельзя было выварить уже изъ цѣлаго лѣса нѣсколькихъ сотенъ тысячъ роговъ, ежегодно сбрасываемыхъ животными и большею частью пропадающихъ нынѣ безъ пользы, между тѣмъ какъ нѣкогда они вмѣстѣ съ костями вывозились въ Норвегію. Вѣдь лишь въ недавнее время около Самары развилась новая отрасль промышленности, дающая 100 процентовъ тѣмъ, что кишки убиваемыхъ тамъ овецъ, прежде ни на что не употреблявшіяся, солятся и разсылаются въ западную Европу, гдѣ онѣ употребляются на оболочки для сосисекъ.

Вы спросите конечно: куда же дѣвается бездна подростковъ, такъ какъ молодыя оленицы на третій годъ опять телятся; гдѣ остаются безчисленныя стада къ востоку отъ Енисея до Камчатки, тамъ, гдѣ оленеводство процвѣтало, да и теперь еще процвѣтаетъ болѣе, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ; тамъ, гдѣ еще въ Палласово время у иного Коряка было до 50 тысячъ сѣв. оленей, гдѣ и теперь еще иное стадо состоитъ изъ десятковъ тысячъ головъ? Вѣдь у счастливаго обладателя ихъ могло бы быть отъ 10 до 30 ты-

[1]) Записки Р. Геогр. Общ. 1857. XII, стр. 363.

[2]) A. Schrenck, Reise nach dem Nordosten des europ. Russlands, 1848, I, стр. 303, и Пелавинъ, Самоѣды, 1847, стр. 75.

[3]) Hofmann, Der Nördliche Ural, 1856. II. стр. 199.

[4]) Зап. Р. Геогр. Общ. 1857, XII, стр. 403.

[5]) Гофманъ (loc. cit. стр. 202) говоритъ только о 4 руб. сер., но А. Шренкъ (въ вышеупом. соч. II, стр. 390) представилъ намъ очень подробный разсчетъ.

сячъ рублей годоваго дохода. Между тѣмъ жизнь его ничѣмъ не отличается отъ жизни самыхъ трудолюбивыхъ, самыхъ грязныхъ родичей его, подверженныхъ всѣмъ возможнымъ лишеніямъ, и весь его капиталъ, доставляющій ему едва заслуживающій вниманія процентъ по части бойнаго скота, для собственнаго его продовольствія, заключается въ этихъ оленьихъ стадахъ — до тѣхъ поръ пока они живы.

Въ другомъ мѣстѣ я говорилъ о томъ, что столь обычное въ Россіи голоданіе скота, въ теченіи зимы, постоянно снова безъ пользы уничтожаетъ тѣ милліоны пудовъ, которыя успѣваютъ нарастать на животныхъ во время питательныхъ лѣтнихъ пастбищъ. Тоже самое кажется, происходитъ съ сѣв. оленями Сибирскихъ кочевниковъ. Закалывая ежегодно весьма незначительный процентъ своихъ оленей, даже самый богатый стадами кочевникъ судорожно дорожитъ удовольствіемъ наслаждаться несмѣтностью своихъ стадъ точно также, какъ скотоводъ западной Европы держитъ скота вдвое больше того, сколько онъ въ состояніи прокармливать. Кочевникъ поступаетъ такимъ образомъ очевидно только подъ вліяніемъ неоднократно испытанныхъ имъ невзгодъ, доказавшихъ ему, какъ внезапно и быстро все опять можетъ исчезнуть. Положимъ даже, что все сошло благополучно, что волковъ успѣшно отгоняли, что сѣв. оленей сбѣжало немного и т. д., однимъ словомъ, что стадо подросло благополучно, но вдругъ настаетъ падежъ, а онъ повторяется, говорятъ, среднимъ числомъ, по крайней мѣрѣ каждыя 10 лѣтъ.

То появляется копытная, то желвачная болѣзнь, и мы вправѣ предположить, что если бы представился случай къ распространенію заразы, то мѣжду сѣв. оленями могла бы разразиться и чума рогатаго скота. Говорятъ, по крайней мѣрѣ, что не рѣдко, особенно весною, свирѣпствуютъ смертельные поносы[1]). Уже старикъ Витсенъ (II, стр. 600) упоминаетъ о падежѣ сѣв. оленей у Самоѣдовъ. Дѣло въ томъ, что такіе падежи бывали тамъ искони[2]).

Читая ужасныя извѣстія о губительномъ дѣйствіи ихъ, мы вправѣ придти въ тупикъ и спросить: не слишкомъ-ли сѣв. олень подверженъ такимъ заразительнымъ болѣзнямъ и въ состояніи-ли онъ служить полезнымъ домашнимъ животнымъ при дальнѣйшемъ развитіи государственнаго хозяйства? Вскорѣ однакоже мы узнаемъ, что въ первобытномъ состояніи не менѣе сильнымъ опустошеніямъ подвергаются и рогатый скотъ въ своихъ степяхъ[3]), и лошадь[4]).

---

[1]) А. Шренкъ, loc. cit. II, стр. 384. Около Зашиверска сушатъ, говорятъ, сусликовъ и даютъ ихъ сѣв. оленямъ противъ такихъ смертельныхъ поносовъ (Сиб. Вѣстн. I, стр. 221).

[2]) Это было въ Канинскомъ краѣ. А. Шренкъ (I, стр. 118 и 693; II, стр. 382) говоритъ о падежѣ (вѣроятно желвачномъ) въ 1831—1833 годахъ, въ Малоземельской тундрѣ. Стадо въ 3000 головъ лишалось напр. ежедневно 100 штукъ, пока наконецъ осталось 600. Лѣтомъ 1847 года снова свирѣпствовала копытная болѣзнь въ Тиманской и Канинской тундрѣ и уничтожила тамъ, по письменнымъ свѣдѣніямъ 30 тысячъ животныхъ. По словамъ Гофмана (Der nördl. Ural, стр. 161, 183), богатый владѣлецъ стадъ лишился въ три дня всего своего стада въ 8000 головъ и долженъ былъ, бросивъ все, самъ бѣжать.

Осенью 1837 года свирѣпствовала копытная болѣзнь (A. Schrenck, l. c. I, 513; II, p. 383), а въ 1847 году она повторилась снова (Hofmann, l.c. p 128). Эта болѣзнь вообще, говорятъ, появляется очень часто.

[3]) И на верблюдовъ переходитъ чума рогатаго скота (Pallas, Reise II, p. 382; III, p. 109).

[4]) Срав. Миддендорфа, Бараба, стр. 46

Съ другой же стороны мы узнаемъ, что таже самая способность чрезвычайно сильнаго развиванія и хорошаго сохраненія собственнаго тепла, которая даетъ сѣв. оленю возможность переносить страшнѣйшія невзгоды сибирской стужи и непогоды, дѣлаетъ его также чрезвычайно чувствительнымъ къ наружному теплу. Мнѣ случалось видѣть, что уже при 8° мороза сѣв. олени, пройдя извѣстное пространство шагомъ, начинали томиться. Слѣдовательно, если въ Лапландіи, въ видѣ исключенія, ихъ впрягаютъ въ соху и въ борону, то это дѣлается по необходимости и наперекоръ природѣ. Лишь въ гористомъ краѣ оленеводство въ состояніи, какъ у Койбаловъ, примкнуть къ верблюдоводству, потому что тутъ можетъ быть рѣчь только о переселеніи домашнихъ животныхъ, встрѣчающихся у первобытныхъ народовъ, а не объ акклиматизаціи ихъ. Даже зимою приходится черезъ каждые полчаса останавливаться на 10 минутъ, чтобы дать животнымъ возможность перевести духъ и успокоить волнующуюся кровь ихъ; при всемъ томъ они не упускаютъ случая постояно на бѣгу подхватывать снѣгъ, чтобы освѣжиться; весною или даже лѣтомъ возможно путешествовать только ночью и все-таки это чрезвычайно утомляетъ животныхъ. Они часто бросаются на землю и не встаютъ даже, не взирая на всевозможныя истязанія. Самоѣды не рѣдко считаютъ это за плутовство и лукавство и повидимому, по молодымъ, мягкимъ роговымъ стволамъ, умѣли отличать дѣйствительно-ли у животныхъ приливъ крови къ головѣ, или нѣтъ, и если по осмотрѣ находили, что животныя просто лѣнятся, то тѣмъ свирѣпѣе трясли ихъ за весьма еще чувствительные роговые отроски. Даже, на свободѣ, сѣв. олени въ знойные дни глядятъ какъ-то уныло. Притомъ въ теплыхъ мѣстахъ насѣкомыя, въ особенности оленьи оводы, свирѣпствуютъ гораздо безжалостнѣе. Такъ еще подъ 72° с. ш., подъ спинной кожей заколотаго съ этою цѣлью оленьяго теленка я насчиталъ болѣе 150 личинокъ оленьяго овода, въ бобъ величиною. Теленокъ этотъ былъ взятъ изъ стада на удачу. Такъ страдали всѣ животныя. Личинки сидятъ съ двухъ сторонъ вдоль позвоночнаго столба, на ладонь ширины отъ него. При снятіи шкуры, снимаются и сумочки личинокъ, тѣсно прилегающія къ нимъ. Только на нижней части спины и на крестцѣ, гдѣ ихъ было слишкомъ много, сумочки эти, очевидно вслѣдствіе сильнаго воспаленія, срослись съ подкожною сухожильною оболочкою, такъ что личинки висѣли на мясѣ [1].

Слѣдовательно, гдѣ сѣв. олени при наступленіи теплой погоды лишены возможности перебраться на горныя вершины, по возможности покрытыя снѣгомъ, или къ Ледовитому океану, тамъ они въ особенности подвержены опасности заболѣть сибирскою язвою. Если при этомъ на пастбищахъ собирается слишкомъ большое количество животныхъ [2], какъ это положительно бываетъ на сѣверѣ Европейской Россіи, то зараза дѣй-

---

[1]) Было бы чрезвычайно важно дознаться практически, дѣйствительно-ли, какъ говоритъ Палласъ, Veratrum album съ пользою можетъ быть употреблено противъ оленьихъ оводовъ (можетъ быть даже противъ слѣпней).

[2]) А. Шренкъ справедливо считаетъ повальныя болѣзни въ тундрахъ по сю сторону Урала регуляторами, которые одни только опять даютъ возможность оленьимъ мхамъ оправиться, благодаря продолжительному отдыху, и снова достигнуть необходимой пышности.

*

*

ствуетъ тѣмъ губительнѣе, и гибели избѣгаютъ только такія стада, которыя во-время успѣли удалиться въ самые недоступные уголки глубокаго сѣвера.

Образованію и распространенію чумныхъ болѣзней лучше всего могла бы противодѣйствовать болѣе сильная эксплоатація стадъ посредствомъ раціональнаго употребленія ихъ на убой. Укрѣпленіе тѣла, большее изолированіе, избѣганіе неблагопріятныхъ мѣстностей, вотъ единственныя средства, которыми можно дѣйствовать въ первобытныхъ мѣстахъ противъ повальныхъ заразъ, а не командировка ветеринарнаго врача, какъ это принято и требуется закономъ.

На Становомъ хребтѣ чумныя болѣзни повидимому бываютъ рѣже, чѣмъ на сѣверѣ [1]).

Но спрашивается: какъ великъ долженъ бы быть процентъ употребленія такихъ стадъ на убой? Всѣ показанія сходятся въ томъ, что осенью изъ стада сѣв. оленей смѣло можно бы было закалывать $^1/_6$ и даже $^1/_5$ часть всѣхъ головъ [2]). Это осторожный разсчетъ, потому что въ гасіендахъ Южной Америки назначается на убой $^1/_4$ часть стадъ рогатаго скота [3]). И тамъ стада большею частію состоятъ приблизительно изъ 1000, а иногда содержатъ также отъ 4 до 20 тысячъ головъ.

Чѣмъ меньше общее количество стада, тѣмъ осторожнѣе имъ слѣдуетъ пользоваться [4]), тѣмъ больше становится пропорція необходимѣйшихъ вьючныхъ животныхъ, тѣмъ чаще случается недонашиваніе телятъ вслѣдствіе напряженія стелекъ, пока наконецъ при стадѣ всего въ 10 головъ владѣльцу лишь при случайныхъ несчастіяхъ представляется возможность отвѣдать оленьяго мяса. О сбытѣ, само собою разумѣется, не можетъ быть рѣчи. Вотъ почему пастуху-кочевнику надобно по крайней мѣрѣ нѣсколько сотенъ животныхъ, чтобы имѣть возможность скромно существовать исключительно произведеніями своего стада. Если ему однакоже не представится случай сверхъ того значительно поживиться звѣриною ловлею, то онъ и тутъ еще подвергается явной опасности попасть въ просакъ, и въ такомъ случаѣ стаду вскорѣ угрожаетъ очевидная опасность.

Необходимо упомянуть еще объ одномъ обстоятельствѣ, которое окончательно губитъ оленьи стада уже обѣднѣвшихъ племенъ. Оно заключается въ вѣрованіи Самоѣдовъ

---

[1]) Рѣчь шла о чумѣ, дѣйствовавшей губительно лѣтомъ 1829 года.

[2]) Мы застали слѣдующій составъ стадъ:

Стельныхъ коровъ	$^4/_{12}$ до $^{[illegible]}/_{12}$	стада
Молодаго скота	$^3/_{12}$	
Убойнаго скота	$^3/_{12}$ до $^2/_{12}$	»
Племенныхъ быковъ	$^1/_{12}$	»
Воловъ	$^1/_{12}$	»

[3]) Срав. напр. Poeppig, Reise, I. p. 132, 133.

[4]) Въ Европѣ необходимость беречь дикія стада оказалась столь настоятельною, что Вагенгеймъ (Hartig, Forst- und Jagd-Archiv, 1816, I. 1, p. 46) заканчиваетъ свое интересное изслѣдованіе тѣмъ, что хотя старыя лосицы всегда имѣютъ по 2, даже по 3 теленка, онъ все-таки не рѣшается въ годъ убивать болѣе 10—12 штукъ (въ томъ числѣ 8—9 негодныхъ по старости лосей и лосицъ), если на одномъ участкѣ, считая молодыхъ и старыхъ, не болѣе 100 животныхъ и если мы хотимъ, чтобы составъ лосьяго стада не подвергся опасности уменьшиться. Правда, что въ такомъ совѣтѣ кроется добрая доля нѣмецкой осторожности. Но если даже не принять въ разсчетъ экстренныхъ несчастныхъ случаевъ, то все-же, по строгому математическому исчисленію вѣроятностей, и формулы не подаютъ намъ особой надежды. Срав. Миддендорфа, Естеств. исторія медвѣдя Бураго, 1851, стр. 276. изъ соч Ю. Симашко: «Русская Фауна».

и Тунгусовъ, что лучшія упряжныя животныя каждаго умершаго хозяина должны сопровождать его на тотъ свѣтъ. Такъ въ мое время, въ честь и въ успокоеніе души богатаго Самоѣда, принявшаго православіе, заколото было 20 лучшихъ упряжныхъ сѣв. оленей. Лучшая сторона этого обычая еще заключается въ томъ, что тамъ шаманы не одни поѣдаютъ животныхъ. Противодѣйствуя такому обряду, а не поддерживая его изъ своекорыстныхъ видовъ[1]), можно было бы очень помочь кочевникамъ, оленьи стада которыхъ и такъ уже сильно убываютъ.

Наконецъ мы должны затронуть еще одинъ важный вопросъ. Выше я говорилъ о томъ, что сѣв. олени очень жадны до всего, что содержитъ въ себѣ соль. Столь-же необходимо это рогатому скоту и лошадямъ. Недавно Г. Бунге отлично доказалъ, что это объусловлено химическими данными. Въ луговыхъ степяхъ (prairies) Америки соль служитъ главнымъ вспомогательнымъ средствомъ, чтобы регулярно по вечерамъ собирать въ извѣстныхъ мѣстностяхъ стада полудикихъ домашнихъ животныхъ. Въ Сибири это попеченіе ограничивается ежедневной естественной дистиляціей пастуховъ и огонькомъ, который разводится для того, чтобы служить убѣжищемъ для животныхъ, мучимыхъ насѣкомыми. Сильную потребность въ соли животныя доказываютъ жаднымъ испиваніемъ морской воды. Иной сѣверный Финнъ, при помощи вышеупомянутой собственнѣйшей цѣженой приправы, приготовляетъ для своихъ оленей и рогатаго скота изъ нелюбаго подспорья сѣна вкусный кормъ. Столь важная для всякаго человѣка и животнаго, жизненная потребность, какъ соль, къ величайшему вреду для государственнаго хозяйства, обращена въ источникъ доходовъ государственной казны. Это необходимо отмѣнить.

Скотоводству оказали бы огромную пользу, если бы приняты были мѣры ко введенію устройства сѣнныхъ сараевъ. Повсюду, и чѣмъ лѣсистѣе мѣстность, тѣмъ сильнѣе, раздаются жалобы, что все сѣно сгниваетъ отъ частыхъ дождей. Слѣдовало бы только лѣсъ на мѣстѣ срубить на сараи. Труднѣе всего было бы устраивать крыши. Въ случаѣ недостатка коры хвойныхъ деревьевъ, прекрасно могъ бы быть устроенъ весьма простой снарядъ для выдѣлки гонтовъ, приводимый въ движеніе водою, особенно тамъ, гдѣ вмѣстѣ съ тѣмъ возможна доставка водою на очень далекія разстоянія.

Для правильнаго пониманія условій перехода отъ дикаго кочеваго пастушества къ скотоводству, необходимо разсмотрѣть еще нѣкоторыя обстоятельства.

Что въ сѣверныхъ горныхъ странахъ такъ называемое дикое скотоводство должно продержаться еще нѣсколько столѣтій, это достаточно доказываетъ Норвежскій Финмаркенъ. Но особенно поучительными мнѣ показались переходныя условія, съ которыми я ближе ознакомился въ сѣв. Финляндіи, вверхъ до Лапландіи.

Переходъ отъ пастушеской жизни къ скотоводству улаживается не безъ затрудненій и легко приводитъ даже къ полному разстройству хозяйства. Затрудненія усиливаются въ особенности при переходѣ отъ одного рода домашнихъ животныхъ къ другому.

---

[1]) «Помины», отвѣтилъ мнѣ на мои замѣчанія Самоѣдскій старшина Тойчумъ, спасшій мнѣ жизнь. Этимъ не самоѣдскимъ словомъ, усвоеннымъ отъ культурныхъ народовъ, все выражалось коротко и ясно.

*

Владѣлецъ сѣв. оленей, намѣревающійся постепенно перейти къ разведенію рогатаго скота, легко можетъ придти въ такое затруднительное положеніе, что не сладитъ, какъ слѣдуетъ, ни съ тѣми, ни съ другимъ. Ради примѣра, могущаго лучше уяснить дѣло для непосвященныхъ, скажемъ нѣсколько словъ объ особенныхъ свойствахъ, которыми означенныя животныя отличаются другъ отъ друга.

Корова безъ отвращенія съѣдаетъ свѣжій лошадиный пометъ, такъ что въ Европѣ нѣкоторые скотоводы основали на этомъ прокармливаніе скота.

Въ Норвегіи уже искони варятъ лошадиный навозъ съ рыбьими костями и рогатый скотъ жадно съѣдаетъ этотъ наваръ[1]), находясь при этомъ въ такомъ хорошемъ положеніи, что въ новѣйшее время опытный прогрессивный сельскій хозяинъ рекомендовалъ въ журналахъ этотъ способъ прокармливанія. Я готовъ видѣть въ этомъ нѣкоторое сходство съ кормленіемъ масляными лепешками[2]).

Лошадь же, напротивъ того, не ѣстъ даже свѣжей травы, если послѣдняя достигла роскошнаго роста вслѣдствіе удобренія коровьимъ навозомъ.

Изъ Норвегіи же опять намъ извѣстно[3]), что корова очень брезгаетъ пометомъ сѣв. оленей; не прикасается къ травѣ, унавоженной имъ, даже не ѣстъ травы или сѣна, на которомъ, хотя бы нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, стояла нога сѣв. оленя.

Но это подъ конецъ все-таки улетучивается и я привелъ эти случаи только потому, что мнѣ хотѣлось нагляднѣе показать, что для различныхъ домашнихъ животныхъ существуютъ различныя жизненныя условія, и что вслѣдствіе этого нерѣдко возникаютъ противоположныя требованія. Съ другой стороны и человѣкъ иногда съумѣлъ преобразить жизненныя условія различныхъ домашнихъ животныхъ до такой степени, что животныя, которыя могли бы пополнять другъ друга, враждуютъ между собою. Такъ напр. въ 1770 году, какъ извѣстно, Датское правительство завело сѣв. оленей въ Исландіи, горы которой, покрытыя мхами, должны были такимъ образомъ послужить ко благу Исландцевъ. Животныя дѣйствительно стали быстро размножаться, но до такой степени стали противны Исландцамъ, что въ настоящее время послѣдніе, пожалуй, опять совершенно истребили ихъ; по крайней мѣрѣ, мнѣ, при посѣщеніи Исландіи, невозможно было собрать вѣрныя свѣдѣнія о томъ: водятся ли еще сѣв. олени на этомъ островѣ, или нѣтъ. Дѣло въ томъ, что, подобно всѣмъ почти сѣверянамъ, Исландцы пріучили рогатый скотъ свой и овецъ, въ случаѣ надобности, за недостаткомъ сѣна зимою, кромѣ листьевъ, вереска и морской капусты, довольствоваться также оленьимъ мхомъ, который приправляютъ рыбьимъ наваромъ, разваренными рыбьими внутренностями и рыбьими костями. Сѣв. олени вскорѣ слишкомъ усердно принялись за уничтоже-

---

[1]) Capel Brooke, A winter in Lappland, p. 323.

[2]) Срав. Миддендорфа, Bericht über einen Abstecher durch das Innere von Lappland, въ Beiträge zur Kenntniss des Russ. Reichs, Бэра и Гельмерсена, 1845, XI, стр. 171.

[3]) Впервые сообщено Бухомъ (Reise durch Norwegen und Lappland, 1810, p. 455); впослѣдствіи подтверждено многими другими.

ніе моховиковъ Исландіи, такъ что Исландцы, существованіе которыхъ основано на скотоводствѣ и преимуществено на овцеводствѣ, возненавидѣли сѣв. оленей.

По древнѣйшимъ скандинавскимъ извѣстіямъ лошадь существовала у Финновъ рядомъ съ сѣв. оленемъ до завоеванія Скандинавіи германскими племенами. Всѣ другія животныя получены Финнами, какъ доказываетъ ихъ языкъ, отъ Германцевъ [1]). Слѣдовательно рогатый скотъ у Финновъ лишь въ новѣйшее врамя подвинулся къ сѣверу. Медленно, но положительно, онъ пробрался во всѣ низменности, даже быстрѣе по самымъ сѣвернымъ морскимъ прибрежьямъ, чѣмъ во внутреннихъ, отчасти гористыхъ мѣстностяхъ. Въ настоящее время даже рыбаки, ежегодно отправляющіеся лѣтомъ съ южныхъ береговъ Бѣлаго моря въ Русскую Лапландію, къ берегамъ сѣв. Ледовитаго океана, съ завистью жалуются, что Норманъ съ своей коровой непозволительнымъ образомъ начинаетъ селиться на Рыбачьемъ полуостровѣ, самомъ сѣверномъ отросткѣ Лапландскаго полуострова, вдающемся въ Ледовитый океанъ [2]). Даже тутъ, гдѣ доселѣ господствовали одни лишь сѣв. олени Лапландца, рогатый скотъ уже сталъ отодвигать ихъ отъ прибрежья и оттѣснять во внутреннія части. За то только, что корова явилась тамъ подъ норвежскимъ флагомъ, бюрократическое неблагоразумье вздумало пожертвовать ею въ пользу оленя, и притомъ въ виду блистательнаго примѣра, поданнаго намъ скотоводствомъ, заведеннымъ иноками Соловецкаго монастыря. Подобное распространеніе скотоводства въ отдаленномъ будущемъ предстоитъ также сѣверу Сибири. Но не вездѣ это совершается безъ внутренней борьбы. Поселянинъ колеблется, потому что онъ консерваторъ и справедливо не довѣряетъ нововведеніямъ, пока не научится справляться съ ними.

Въ Оллѣ, въ сѣв. Финляндіи, я встрѣтилъ крестьянина, который кромѣ своихъ 6 лошадей, да рогатаго скота, составившаго стадо въ 15 коровъ и 2 быковъ, держалъ еще стадо въ 100 сѣверныхъ оленей. Но для нихъ ему пришлось держать особаго пастуха, который долженъ былъ оберегать ихъ отъ насѣкомыхъ на открытыхъ мѣстахъ, въ районѣ болѣе соединенныхъ между собою водныхъ пространствъ. Зимою уже легче было караулить ихъ въ обширныхъ изгородяхъ, составленныхъ посредствомъ засѣкъ. Рогатый же скотъ лѣтомъ пасся безъ присмотра среди необозримо большаго пространства, ограниченнаго съ обѣихъ сторонъ множествомъ озеръ и имѣвшаго только два входа, одинъ спереди, другой сзади, т. е. перешейки, у которыхъ рукава этихъ озеръ близко сходились между собою и которые заканчивались плотными засѣками. Такимъ образомъ становилось возможнымъ съ успѣхомъ отдѣлить обѣ породы животныхъ одну отъ другой, но въ заключеніе сѣв. оленямъ все-таки придется отступить передъ рогатымъ скотомъ.

Далѣе къ востоку Пустозерскъ, 30 лѣтъ тому назадъ, представлялъ, да вѣроятно

---

[1]) Weinhold, Altnordisches Leben, p. 35, 50.

[2]) На Лапландскомъ берегу Бѣлаго моря, подъ полярнымъ кругомъ, въ деревнѣ Поной. я засталъ, лѣтомъ 1840 года, уже до 20 головъ рогатаго скота, которымъ зимою приходилось главнымъ образомъ довольствоваться оленьимъ мхомъ.

и теперь еще представляетъ подобное-же зрѣлище[1]). Но у богатаго жителя этой мѣстности больше, даже отъ $1^1/_2$ до 2 тысячъ сѣв. оленей, которыхъ онъ употребляетъ преимущественно въ качествѣ упряжныхъ животныхъ, для своихъ торговыхъ дѣлъ. Главный промыселъ его составляютъ рыболовство и ловля морскихъ животныхъ, но и рогатый скотъ уже успѣлъ тамъ водвориться, преуспѣваетъ и принадлежитъ къ извѣстной холмогорской породѣ. Разведеніе рогатаго скота успѣло упрочиться, потому что какъ ни незначительно оно, но уже можетъ переносить невзгоды. Съ каждымъ годомъ оно станетъ не уменьшаться, а возрастать. Пустозерскъ доказываетъ убѣдительно, что Палласу по недоразумѣнію навязали ошибочное мнѣніе[2]), будто бы въ сосѣднемъ Обдорскѣ ни одна рогатая скотина не въ состояніи прожить болѣе 4 лѣтъ. Пятьдесятъ лѣтъ спустя Кастренъ нашелъ, что въ Обдорскѣ коровы и овцы «не очень рѣдки»[3]).

Несравненно труднѣе устраивается дѣло тамъ, гдѣ изъ небольшихъ зачатковъ хотятъ выростить подобныя большія стада. Это доказалъ намъ Удской острогъ, это еще яснѣе видѣлъ я въ нѣсколькихъ поселеніяхъ на Енисеѣ ниже Туруханска. Гдѣ держатъ одну только корову, тамъ уже нельзя добыть быка, тамъ такъ легко причиняютъ бѣду упряжныя собаки проѣзжихъ лицъ, еще никогда не видавшія коровы, тамъ хищныя животныя направляютъ свои нападенія положительно на одинъ пунктъ, тамъ съ гибелью одного животнаго все дѣло покончено. Но на большой рѣкѣ, по которой теперь даже ѣздятъ пароходы, легко можно пополнять убыль сверху и пополненіе это повторяется до тѣхъ поръ, пока наконецъ новые подростки успѣютъ вполнѣ укрѣпиться.

Въ иномъ положеніи находится кочевой охотникъ въ горахъ. У Тунгусовъ восточной Сибири оленеводство уже пришло въ такой упадокъ, что они не въ состояніи оправиться. Еще въ концѣ прошлаго столѣтія былъ богатый старшина Ламутовъ, Гарамзинъ, у котораго было до 3000 сѣв. оленей[4]). Уже Георги разсчиталъ[5]), что 10 сѣв. оленей не въ состояніи прокормить одного Тунгуса, и нашелъ, что у болѣе зажиточныхъ было до 50 животныхъ[6]). Георги былъ совершенно правъ; 10 сѣв. оленей не только не могутъ прокормить Тунгуское семейство, но даже лишь при самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ едва достаточны для сохраненія необходимаго количества вьючныхъ животныхъ, коль скоро могутъ быть закалываемы только такія животныя, которыя сдѣлались негодными.

Если Тунгусъ хочетъ навѣрное прокармливаться охотою и рыболовствомъ, то онъ долженъ быть готовъ на самыя дальнія странствованія, чтобы, въ случаѣ неудачи на

1) A. Schrenck, Reise nach dem Nordosten des europaischen Russlands, 1848. I, стр. 582-590.

2) Reise, III. стр. 23.

3) Castrén, Reise-Erinnerungen. 1843. стр. 280.

4) По рукописному дневнику Редовскаго (1806 г.). Аріоски называлось сборное мѣсто при устьѣ Маялы. Уже въ то время Гарамзинъ и другіе Тунгусы Алданскаго хребта отправлялись, черезъ Удской острогъ, къ Китайской границѣ за соболями. Срав. также Сарычева, Путеш. I. стр. 35.

5) Reise. I, стр. 258.

6) Подтвержденіе вышесказаннаго мы встрѣчаемъ и въ Сѣв. Америкѣ. Принцъ Максъ (I, стр. 360) нашелъ, что Индѣйца уже называютъ богачемъ, когда у него отъ 30 до 40 лошадей.

одномъ мѣстѣ, попытать счастіе на другомъ. Такимъ образомъ эти кочевники дошли до того, что въ теченіи года проходятъ нѣсколько тысячъ верстъ. Вслѣдствіе этой потребности, на Алданскомъ и Становомъ хребтѣ за сѣвернаго оленя платятъ такія цѣны, которыхъ Тунгусъ уже едва-ли въ состояніи платить. Ниже, въ главѣ о Тунгусахъ, мы еще нѣсколько ближе взглянемъ на эти замысловатыя отношенія.

Старанія завести снова оленеводство въ такихъ мѣстахъ, гдѣ оно уже совершенно прекратилось, составляютъ такое предпріятіе, за которое можно взяться только въ чрезвычайно благопріятной мѣстности и притомъ съ самаго начала въ довольно большихъ размѣрахъ. Не рѣдко самый фактъ неудачи уже служитъ указаніемъ, что съ теченіемъ времени условія измѣнились и что наступаетъ періодъ другой, болѣе высокой культуры, затрудняющій кочевые порядки, съ которыми сопряжена пастушеская жизнь оленеводовъ.

Если мы въ заключеніе взглянемъ снова на эксплоатацію животной силы со стороны первобытнаго человѣка, то прежде всего насъ должно поразить то, что оба избранника крайнихъ полярныхъ странъ, сѣв. олень и собака (хотя одинъ изъ нихъ, какъ жвачное, а другой, какъ хищное животное, принадлежатъ къ двумъ совершенно различнымъ организаціямъ), все-таки сходны по одной физіологической особенности, которая, кажется, имѣетъ положительное значеніе въ жизни и трудахъ ихъ при самыхъ суровыхъ климатическихъ условіяхъ. У обоихъ животныхъ испарина не выдѣляется чрезъ покровъ тѣла, т. е. чрезъ наружную кожу, но регулированіе испаренія и температуры тѣла совершается посредствомъ многосложной поверхности слизистой оболочки легкихъ; оба они запыхаются, далеко высунувъ языкъ, при чемъ грудная полость дѣйствуетъ въ видѣ мѣха. Въ практическомъ отношеніи непотѣніе тотчасъ-же бросается путешественнику въ глаза тѣмъ, что мѣховую одежду, за сухостью которой зимою нужно строго слѣдить, смѣло можно класть подъ вьючное сѣдло на спину сѣв. оленя: одежда даже не отсырѣетъ.

Вслѣдствіе того, что сѣв. оленю и собакѣ, при помощи рта съ одной стороны и упомянутаго мѣха съ другой стороны, дана возможность ежеминутно, вдругъ и сообразно потребности въ данное мгновеніе, регулировать истокъ собственнаго тепла тѣла, т. е. или усиливать его по усмотрѣнію, или уменьшать до крайности, — оба они по возможности предохранены отъ вліянія невзгодъ и рѣзкихъ климатическихъ скачковъ температуры. Они не зябнутъ, не покрываются льдомъ, не подвергаются такимъ неизбѣжнымъ случайностямъ злѣйшихъ ревматизмовъ, какъ животныя, шкура которыхъ при напряженіяхъ пропитывается потомъ, и въ такомъ видѣ, по самымъ простымъ и физическимъ причинамъ, не въ состояніи переносить внезапно наступающія бури, при стужѣ, доводящей ртуть до замерзанія. Что происходитъ на сѣверѣ съ потовыми железами собакъ, у которыхъ онѣ, какъ извѣстно, потѣютъ только на ступняхъ, т. е. отступаютъ ли онѣ так-

же на второй планъ и остаются неразвитыми, это необходимо было бы еще изслѣдовать. Во всякомъ случаѣ животныя, даже при самыхъ дурныхъ условіяхъ, не страдаютъ ознобами и не сморoживаютъ себѣ ногъ, но сравнительно легко стираютъ себѣ до крови подошвы бѣганіемъ, а потому повсюду, гдѣ держатъ собакъ, употребляются сапожки (бокарки собачьи[1]) или поршни.

Собака и сѣв. олень, какъ уже замѣчено было выше, взаимно дополняютъ другъ друга; преимущественно смотря по условіямъ питанія. По этому, при усиленіи культуры, собаку вытѣсняетъ не сѣв. олень, а лошадь.

Замѣчательно, что съ развитіемъ культуры (какъ мы уже замѣтили выше въ другомъ отношеніи) опять наступаетъ время, когда и собака, къ собственному своему вреду, снова пріобрѣтаетъ свое старинное право служить упряжнымъ животнымъ. Les extrêmes se touchent. По мѣрѣ того какъ пріобрѣтеніе и содержаніе большихъ домашнихъ животныхъ становится все дороже, а съ другой стороны увеличивается количество объѣдковъ человѣческой пищи, которыми культурный человѣкъ, даже бѣднѣйшій, начинаетъ пренебрегать, оказывается надежный и дешевый способъ содержанія всеяднаго животнаго, собаки, и Европа, въ особенности Германія, снова впрягаетъ собаку. Если я не ошибаюсь, въ Англіи не дѣлаютъ этого лишь вслѣдствіе запрещенія, очевидно внушеннаго предразсудками. Спрашивается только, станетъ-ли Европа, успѣвшая ввести у себя конину, подражать со временемъ Китаю и островамъ Великаго океана также въ томъ, что и безъ нужды, вызванной осаднымъ положеніемъ, на рынкахъ будутъ продавать собачье и крысье мясо. Такъ называемый кровельный заяцъ Парижскихъ ресторацій подаетъ поводъ допустить такое предположеніе.

Но какъ различно все-таки слагаются взгляды! Въ Европѣ почти само собою кажется понятнымъ, что человѣкъ впрягается въ повозку, чтобы помочь своей вѣрной собакѣ. Въ Сибири, гдѣ нерѣдко также настоятельно требуютъ этого особенныя обстоятельства, этимъ обозначается низшая школа собачьей упряжи. Тамъ, гдѣ послѣдняя успѣла достигнуть извѣстнаго развитія, человѣкъ не только заставляетъ ее возить себя, но часто съ большимъ трудомъ управляетъ необузданною, несущеюся во весь опоръ, сворою, при помощи разумнаго передоваго вожака, пса.

Если мы станемъ доискиваться окончательной причины, придающей разнымъ упряжнымъ животнымъ у первобытныхъ народовъ особенное значеніе, то мы все-таки опять столкнемся съ безпутицей, о значеніи которой мы говорили уже на стр. 533. Она заставляетъ прибѣгать то къ тому, то къ другому средству, чтобы имѣть возможность подвигаться впередъ.

Въ первобытныхъ мѣстностяхъ человѣкъ въ состояніи удержаться только тѣмъ, что принаравливается къ естественнымъ условіямъ. Если напр. непомѣрно-глубокій снѣгъ затрудняетъ ходьбу, какъ это описано на стр. 512, то вы рады-радехоньки, когда доберетесь

[1]) Такъ они назывались на Хатангѣ

до рѣки, на которой ледяной покровъ провалился подъ тяжестью снѣга, такъ что выступившая вода, пропитавъ снѣгъ, превратила его въ плотно-замерзшую дорогу. Становишься неразборчивымъ, радуешься, что подвигаешься впередъ, если даже открытая дорога ведетъ на западъ, вмѣсто того чтобы на югъ. Радуешься, когда весеннее солнце сдѣлало тоже самое, т. е. спекло затруднявшій васъ снѣгъ, и за тѣмъ передало его въ распоряженіе мороза (настъ и убой), такъ что полозья скользятъ съ удивительною легкостью. Съ удовольствіемъ мѣняешь дневныя путешествія на ночныя странствованія, чтобы воспользоваться ночными морозами. Стараешься даже подмочь дѣлу и предусмотрительно подготовляешь дорогу на слѣдующую ночь тѣмъ, что на всемъ пространствѣ притаптываешь снѣгъ лыжами[1]). Осѣвшій на такомъ мѣстѣ снѣгъ иногда держитъ въ слѣдующую ночь и собакъ и сани, тогда какъ рядомъ съ нимъ проваливаешься. Съ какимъ тщаніемъ въ этихъ случаяхъ отыскиваешь въ глубинѣ заметенныхъ снѣгомъ равнинъ крѣпкую подстилку, которую представляютъ слѣды прежнихъ путниковъ, занесенные лишь рыхлымъ снѣгомъ. Палка превращается въ тщательно сондирующій щупъ.

Съ восторгомъ привѣтствуешь счастливую находку, которую представляетъ среди первобытной природы всякій, нежданно открываемый, проторенный путь.

Европейцы, незнакомые съ способомъ путешествія среди первобытной природы, обыкновенно совершенно ложно судятъ о времени, необходимомъ для того, чтобы пройти большія пространства и притомъ не перемѣняя животныхъ. Важное вліяніе безпутицы на совершеніе путешествія въ первобытной природѣ особенно поразительно высказывается въ томъ, что вы вездѣ ежедневно совершаете въ сложности не болѣе 4 до 6 геогр. миль и что при этомъ сравнительно почти все равно, какое домашнее животное вы станете употреблять, потому что, смотря по силѣ его, главнымъ образомъ измѣняются только размѣры тяжести, которую вы можете везти съ собою.

Станете ли вы спрашивать, какъ великъ переходъ, который совершаетъ въ день кочующій пѣшкомъ сѣверо-американскій Индѣецъ, неимѣющій домашняго животнаго, или полярный путешественникъ, пытающійся пробраться на салазкахъ, намѣрены ли вы путешествовать по ровной степи на собакахъ, на лошадяхъ, на сѣв. оленяхъ (либо впрягая ихъ въ повозку, либо навьючивая ихъ, либо сидя на нихъ верхомъ), или вы наконецъ хотите ѣхать на верблюдахъ[2]), все-же вамъ придется удовольствоваться неизбѣжными 4—6 геогр. милями, составляющими средній размѣръ совершаемаго въ день перехода; къ этому слѣдуетъ еще прибавить необходимыя дневки и необычайныя препятствія, вызываемыя бурями и непогодами, временемъ года и мѣстностью, безпутицей, водой и т. д. Въ сказанномъ отношеніи и слонъ не составляетъ исключенія.

---

[1]) Слѣдовательно извѣстіе, которое сообщаетъ старикъ Витсенъ (II. стр. 473), не вымыселъ, какъ ни баснословно оно показалось Европейцамъ. Срав. также сказанное на стр. 572.

[2]) На верблюдахъ улаживается, когда раскачаешься, проходить въ день до 46 верстъ (Basiner въ Beitr. zur Kenntn. d. Russ. Reichs, XV, стр. 48). Среднее число всѣхъ переходовъ въ день составляетъ $31^1/_2$ версты или почти $4^1/_2$ нѣм. мили.

Только тогда, когда мы все это примемъ въ соображеніе, намъ станетъ понятно, почему кочевникъ, отправляющійся въ путь со всѣмъ своимъ скарбомъ и съ своими стадами, проходитъ въ день такое незначительное пространство. Число его переходовъ совпадаетъ съ числомъ «дневокъ», «ночевокъ» и «установокъ котловъ». Это служитъ ему единицей для опредѣленія пройденнаго пространства. Но этотъ масштабъ имѣетъ неопредѣлимую растяжимость. Больше всего, безъ сомнѣнія, распространено выраженіе, которое употребляютъ Якуты для такой путевой и походной единицы: кёссъ [1]). Какъ татарско-монгольское племя тянется по западной сторонѣ азіятскаго плоскогорья отъ крайняго сѣверо-востока до отдаленнаго юга, такъ точно распространено, рядомъ съ словомъ улусъ, это якутское выраженіе кёссъ. Въ Афганистанѣ, гдѣ улусъ значитъ тоже, что у Якутовъ, мы встрѣчаемъ и слово кёссъ, но оно съёжилось тутъ всего въ $2\frac{1}{2}$ версты [2]), тогда какъ у Якутовъ, да у Киргизовъ оно обнимаетъ 5—10 верстъ. Эта слишкомъ малая мѣра, рядомъ со многими другими признаками болѣе южнаго происхожденія, по-видимому указываетъ также на то, что Якуты, прежде чѣмъ были оттѣснены къ сѣверу, преимущественно пасли овецъ. Употребляемая же на сѣверѣ мѣра для опредѣленія дневнаго перехода, вездѣ извѣстная тамъ подъ названіемъ аргышъ, сводится на вышеприведенныя 4—6 геогр. миль.

---

[1]) Казацкое названіе «Кошевой атаманъ» также, какъ извѣстно, находится въ связи съ этимъ многозначущимъ кёссъ.

[2]) Petermann, Geogr. Mittheilungen, 1857, IV и V, стр. 216.

Коренные жители Сибири.

Повозки кочевников.

О глубокой древности употребленія упряжныхъ собакъ несомнѣнно свидѣтельствуетъ чрезвычайно искусственное устройство употребляемыхъ для этой ѣзды саней. Оно носитъ на себѣ, даже въ самыхъ мельчайшихъ подробностяхъ, явный отпечатокъ появлявшихся мало помалу улучшеній и переходившихъ изъ рода въ родъ усовершенствованій, которыя, вслѣдствіе тысячелѣтнихъ опытовъ, сложились въ особый характеристичный принципъ.

Этотъ принципъ заключается въ упруго-податливомъ сочетаніи всѣхъ отдѣльныхъ частей повозки. Основу его составляетъ необходимость, при извѣстной степени податливости, или я почти готовъ сказать посредствомъ ея, достигнуть наибольшей, по возможности, силы сопротивленія. Такая сила, въ примѣненіи къ непроторенной первобытной природѣ, достигается не упорною твердостью, а посредствомъ превосходной способности принаравливаться, т. е. при помощи упругой податливости.

Примѣненіе этого принципа по-видимому получило начало свое у первобытныхъ народовъ на берегахъ Берингова моря, и служитъ характеристическою чертою сѣверо-азіятскихъ судовъ и повозокъ.

Не постигнувъ этого принципа при устройствѣ своихъ саней на подобіе собачьихъ санокъ Эскимосовъ, Кэнъ [1]), несмотря на то, что снарядился въ походъ лучше всѣхъ полярныхъ путешественниковъ [2]), засѣлъ въ рыхломъ снѣгѣ, какъ я вижу изъ замѣтки, которую я записалъ у себя въ свое время.

Крѣпкость камчатскихъ собачьихъ санокъ, не смотря на чрезвычайно незначительный

---

1) Arctic explorations, I, 1856, стр. 219, 220, 457; II, стр. 98.

2) Когда я писалъ это, знаменитая Австрійская экспедиція еще не была совершена.

вѣсъ ихъ, возбуждало уже удивленіе Стеллера [1]). Онъ говоритъ: «Камчатскія сани такъ хорошо приспособлены къ силамъ собакъ и къ гористой мѣстности края, что искуснѣйшій механикъ не могъ бы придумать ихъ лучше. Они основаны, кажется, на анатоміи человѣческаго тѣла... Хотя всѣ части ихъ очень тонки и гибки, но онѣ все-таки выдерживаютъ такое давленіе, что нельзя довольно надивиться имъ. Частенько такъ сильно наѣзжаешь на деревья, что сани сгибаются почти на двое, а все-таки они не повреждаются.»

Но главное достоинство ихъ заключается все-таки не въ крѣпости верхняго станка, а въ эластичной гибкости полозьевъ, именно въ томъ отношеніи, что они могутъ принаравливаться къ волнистой поверхности снѣга. Чтобы достигнуть верха совершенства, эти полозья должны быть длиною до 9 футовъ, шириною почти въ $1/2$ фута и толщиною сначала въ $1 1/2$ дюйма, но потомъ эта толщина уменьшается, потому что полозья стираются. При такой тонкости и такой значительной длинѣ, санки на ходу представляютъ нѣчто въ родѣ лыжъ, тѣмъ болѣе что тяжесть, которая можетъ быть навалена на нихъ, простирается до 30 пудовъ. При такомъ сильномъ грузѣ гнутся отдѣльныя части полозьевъ, принаравливаясь, на ходу, къ объусловливающимъ неровностямъ снѣжной поверхности. Поэтому они не врѣзываются въ снѣгъ, какъ болѣе короткія, узенькія, толстыя и крѣпкія полозья обыкновенныхъ саней, которыя на непроторенныхъ дорогахъ при глубокомъ снѣгѣ проваливаются даже безъ груза и взрываютъ борозды снѣга.

Помимо основнаго факта, что полозья должны быть гибки, метода устройства саннаго кузова получила два противуположныхъ направленія. Камчатскій кузовъ, устройство котораго напоминаетъ наши стулья, сплетенныя изъ ивовыхъ прутьевъ, поставленъ на такія высокія стойки, что вамъ во всякое время удобно соскочить и вскочить. Основной идеи полозьевъ онъ соотвѣтствуетъ меньше, потому что главнымъ образомъ разсчитанъ на возможно-бóльшую легкость собственнаго вѣса и только на легкую нагрузку, очевидно и на меньшее количество упряжныхъ животныхъ. Въ спеціальной отдѣлкѣ онъ подвергается измѣненіямъ, которыя начинаются у сѣверо-западнаго берега Америки [2]) и кончаются у Эскимосовъ. Такъ устроены камчатско-американскія сани.

Другое устройство верхней части саней представляютъ сибирскія нарты, которыя преимущественно, кажется, разсчитаны на грузы, и потому должны устраиваться поплотнѣе, дѣлаются безъ кузова, и имѣютъ во всю длину полозьевъ полотно, недалеко отстоящее отъ полозьевъ. Тутъ вполнѣ высказывается польза упругихъ полозьевъ. Ихъ можно сравнить, какъ сказано было, съ лыжами, а потому мы и начнемъ съ того, что сперва посвятимъ нѣсколько словъ лыжамъ лѣсной области Сибири.

Лыжа служитъ кочевнику зимнимъ челнокомъ, къ которому онъ прибѣгаетъ, когда послѣ коротенькаго лѣта ему приходится покинуть влажную стихію. Какъ онъ въ челнокѣ ежедневно опорожняетъ и снова разставляетъ свои сѣти, такъ на лыжахъ онъ

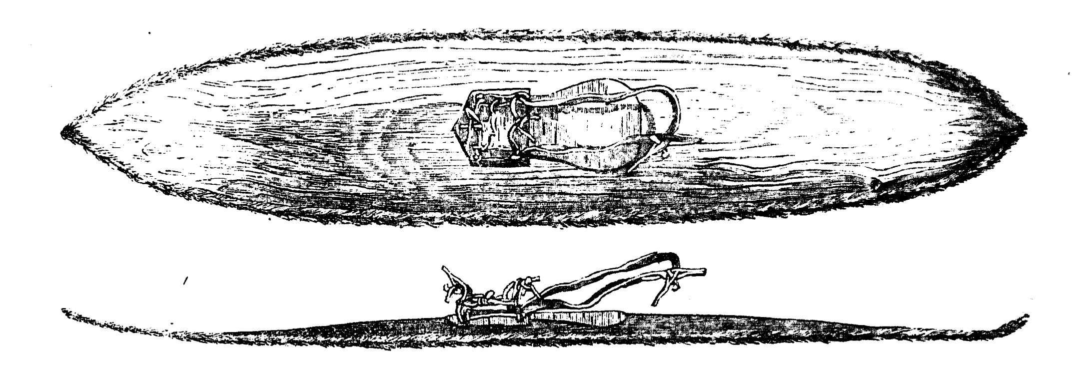
---

[1]) Beschreibung von dem Lande Kamtschatka, 1774, p. 370.

[2]) Срав. Загоскина, Пѣшеходная опись, I, стр. 59.

распоряжается съ своими ловушками. Какъ онъ выжидаетъ время, пока успокоятся бушующія волны, и тогда тогда только опять рѣшается отправиться дальше на своемъ челнокѣ, такъ онъ и зимою выжидаетъ, пока пройдетъ метель. Но волны метели цѣпенѣютъ и образуютъ неровности (заструги), которыя затрудняютъ ему путь, и вотъ ему нерѣдко приходится ждать до тѣхъ поръ, пока другая буря въ другомъ направленіи намететъ снѣгъ въ прежнія волнистыя долины и выровняетъ дорогу.

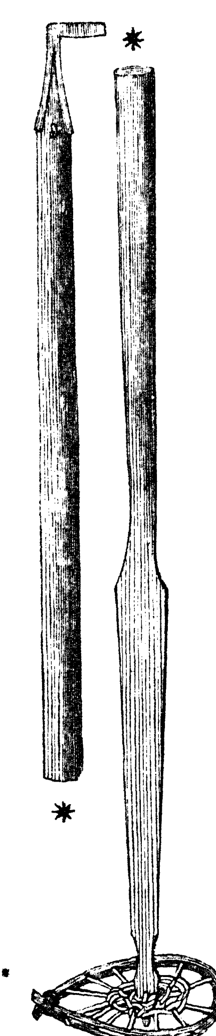
Лыжи, употребляемыя въ Лапландіи и Европейской Россіи, состоятъ изъ тоненькихъ досокъ, въ 4 дюйма ширины и 7 до 8 футовъ длины, съ нѣсколько загнутымъ кверху носкомъ. По-этому онѣ очень похожи на пару полозьевъ и Сибиряку кажутся не только негодно аляповатыми, но и сдѣланными безъ толку, хотя по срединѣ нижней поверхности ихъ дѣйствительно идетъ продольный желобокъ, въ одну линію глубины и $^3/_4{}''$ ширины, предназначенный для того, чтобы нельзя было поскользнуться въ сторону. Онѣ слишкомъ аляповаты, потому что толщиною отъ $1''$ до $1^1/_2{}''$, и нѣсколько упруги только на крайнихъ концахъ загнутыхъ кверху носковъ. Это приборъ древнихъ Финновъ, которые отъ нихъ получили названіе Skrida Finna, Finni lignipedes. И на Енисеѣ я встрѣтилъ эти лыжи у русскихъ поселенцевъ. Тамъ онѣ называются голицами, въ противоположность лыжамъ, которыя въ мое время стоили до 15 рублей. Настоящій охотникъ не поскупится ни на какое вооруженіе.

Въ сравненіи съ такими тесаными чурбанами, лыжи кочевыхъ охотниковъ Сибири, сдѣланныя подъ вліяніемъ идеи о необходимости возможно-большей упругости, оказываются художественными произведеніями.

Отобравъ, послѣ долгаго исканія и перебиранія, безупречно прямую, не сучковатую ель, срубаютъ часть ствола въ слишкомъ 5 футовъ длины и раскалываютъ. Если стволъ, согласно ожиданію, расходится по прямой плоскости, безъ изгибовъ, то изъ него выкалывается на сколько возможно тонкая доска и отесывается такъ тонко, что могла бы служить резонансомъ для отличнѣйшаго віолончеля. Какъ при віолончелѣ дѣло идетъ объ удовлетвореніи требованій виртуозности въ искусствѣ, такъ тутъ идетъ рѣчь о гораздо важнѣйшихъ требованіяхъ по части насущной заботы о добычѣ. За тѣмъ доску натяги-

ваютъ и высушиваютъ такимъ образомъ, что она, какъ показываетъ верхній контуръ профиля, принимаетъ очертаніе лука кочевника, т. е. не только по срединѣ, но и по концамъ, приподнята. Кромѣ того устраивается легкая выпуклость сбоку, такъ что доска, на срединѣ своей длины по поперечному разрѣзу, также слегка приподнята. Когда доска окончательно приметъ такую форму, то на обоихъ концахъ ее заостряютъ въ видѣ ланцета съ притупленною оконечностью, какъ показываетъ прилагаемый рисунокъ. Къ нижней сторонѣ посредствомъ бѣлужьяго клея прикрѣпляютъ коротковолосыя шкурки съ оленьихъ ногъ (ка́массы); эти шкурки, чтобы онѣ крѣпче держались, должны заходить за край верхней стороны. Тунгусы, у которыхъ нѣтъ бѣлугъ, приготовляютъ клей посредствомъ варки хорошо очищенной рыбьей кожи, особенно лоховъ (кеты́, лено́ка). Добываемый такимъ образомъ клей сгущается и сохраняется въ замороженномъ видѣ.

Наконецъ на срединѣ верхней части лыжи наклеивается ногообразный кусокъ коры и продѣваются ремни, которые спереди образуютъ плетеную сумку, для вдѣванія носка ноги, а оттуда проходитъ назадъ ремневая петля, обхватывающая пятку.

Хотя обтяжка оленьими шкурками придаетъ лыжамъ бо́льшую тяжесть, но только благодаря щетинистому свойству ихъ возможно взбираться на горы; вмѣстѣ съ тѣмъ при такой ширинѣ достигается надлежащая стойкость. Въ каждой изъ двухъ лыжъ, если онѣ правильно изготовлены, отъ 3 до $3^1/_2$ фунтовъ вѣсу. Бываютъ обстоятельства, когда легкій вѣсъ и величайшая гибкость такъ важны, что лыжи не обтягиваются оленьими шкурами и послѣднія замѣняются узенькими сухожильными связками, которыя наклеиваются подъ лыжу въ продольномъ направленіи.

Если весною снѣгъ покрывается корою, то Тунгусъ подвязываетъ подъ лыжи пару костяныхъ пластинокъ, чтобы онѣ лучше скользили и не уклонялись въ сторону. Случается даже, что онъ прибѣгаетъ къ особымъ, совершенно узкимъ лыжамъ и подкрѣпляетъ быстроту своего бѣга тѣмъ, что въ каждую руку беретъ снѣговую палку и, сильно напирая обѣими руками, съ большимъ успѣхомъ ускоряетъ передвиженіе ногъ.

Такой-то приборъ, въ слишкомъ 5 футовъ длины и 13 дюймовъ ширины, позволяетъ вамъ пройти нѣсколько миль, въ случаѣ хорошаго состоянія снѣга; при каждомъ шагѣ, который вы дѣлаете, подтягивая за нимъ другую ногу, онъ несетъ васъ вдвое дальше того, что вы шагнули, а при плохомъ состояніи снѣга представляетъ единственное средство пробираться дальше, и наконецъ даетъ бѣгущему кочевнику возможность не говорю уже утомить, но догнать быстроногихъ оленей. Употребленіе лыжъ подкрѣ-

пляется изображенною выше снѣговою палкою, просвѣтная, оплетенная пластинка котораго, будучи уперта въ снѣгъ, позволяетъ вамъ упираться, а когда вы ее приподнимаете, пропускаетъ лежащій на ней снѣгъ [1]). Крюкъ на другомъ концѣ служитъ къ тому, чтобы ухватиться за деревья, въ случаѣ если вы слишкомъ раскатитесь подъ гору.

Говорю я такъ подробно объ устройствѣ лыжъ для того, чтобы доказать, какъ оно вполнѣ соотвѣтствуетъ своему назначенію и какъ искусно тутъ также примѣнена упругость. Нога стоитъ на сводообразной верхушкѣ продолговатой, спускающейся во всѣ стороны, весьма плоской выпуклости. Подъ тяжестью тѣла эта выпуклость становится совершенно плоской, но, благодаря щетинистому свойству оленьей шкуры, которою лыжи обтянуты, придаетъ каждому шагу упругій толчекъ и, тотчасъ же приподнимаясь, когда тяжесть тѣла переходитъ на другую ногу, сбрасываетъ снѣгъ, падающій на поверхность лыжи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, благодаря своей упругости, лыжи принаравливаются къ неровностямъ снѣговой поверхности, по которой онѣ скользятъ, не проваливаясь. Все, до самыхъ мелкихъ частей, принято въ соображеніе при устройствѣ лыжъ. Даже пластинка березовой коры подъ ступней должна не только придавать ногѣ большую плотность, но и въ особенности предохранять ее въ теплую погоду отъ прилипанія снѣга, такъ какъ древесная кора не всасываетъ въ себя воды.

Новичку ширина такихъ лыжъ, раздвигающая ноги шире, чѣмъ онѣ расположены въ полости таза, причиняетъ усталость и боль; но кто умѣетъ переносить невзгоды, тотъ черезъ нѣсколько дней привыкаетъ къ такимъ лыжамъ. Можетъ быть, впрочемъ, кочевникъ монгольской расы, у котораго тазъ шире европейскаго, по этому и менѣе чувствуетъ растопыриваніе ногъ. Въ рыхломъ снѣгѣ густыхъ лѣсовъ, гдѣ необходимо подвязывать короткія лыжи, приходится раздвигать ноги въ ширину по крайней мѣрѣ на одинъ футъ. Вѣдь и Монголкѣ приходится пропускать черезъ тазъ свой преширокое лицо.

Если, въ случаѣ нужды, намъ захотѣлось бы уложить на такія лыжи тяжесть, вѣсомъ немногимъ болѣе $7\frac{1}{2}$ пудовъ [2]), то ее удобно можно бы было перевезти по глубокому непротоптанному, рыхлому снѣгу, по которому иначе пробраться невозможно.

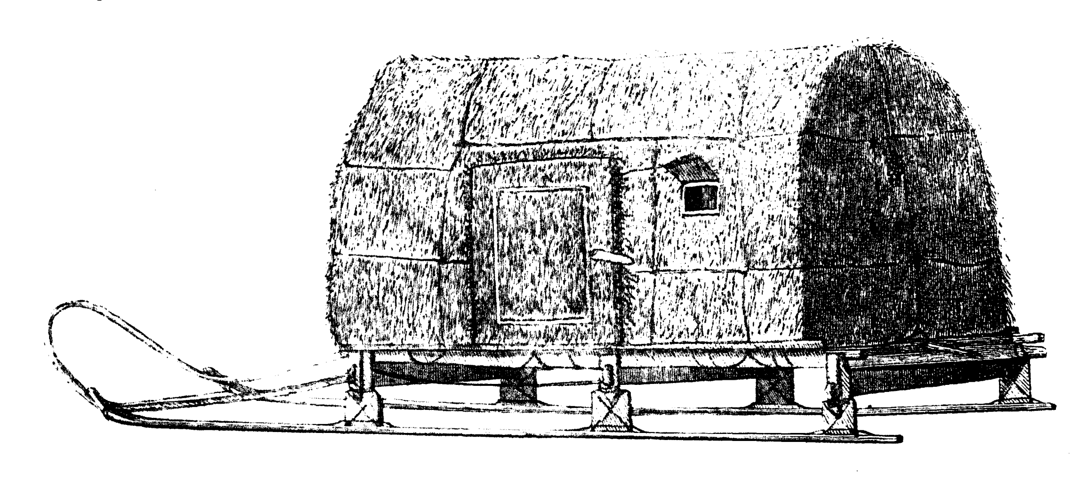
Вотъ идея, на которой основано устройство нарты, и привыкшій къ удобству Европеецъ не ограничился этимъ, а поставилъ надъ нартой огромный сундукъ изъ оленьихъ шкуръ и такимъ образомъ устроилъ себѣ легкую, но при всемъ томъ просторную, крытую повозку, въ которой превосходно можно укрыться отъ всѣхъ непогодъ. Такая повозка,

1) На этомъ принципѣ основано устройство особаго рода лыжъ, такъ называемыхъ лапокъ. Весною, когда снѣговая вода садится и покрываетъ почву, но сама еще прикрыта толстымъ слоемъ наста, нѣтъ возможности пробраться иначе, какъ на такихъ сѣткообразно ажурныхъ лапкахъ, которыя иногда имѣютъ лишь небольшой объемъ, иногда же бываютъ длиною до $4\frac{1}{2}$ футовъ, въ родѣ лыжъ. На изготовленіе ихъ требуется также извѣстное искусство, которое уже у первобытнаго человѣка вызываетъ раздѣленіе труда. Не всякій кочевникъ въ состояніи смастерить ихъ для собственнаго употребленія, и только въ случаѣ нужды принимается за эту работу.

Когда настъ начинаетъ прилипать къ ногамъ, то онъ крайне затрудняетъ ходьбу.

2) Попытка подобнаго рода увѣнчалась успѣхомъ. Срав. Записки Гидрограф. Деп. III, стр. 80.

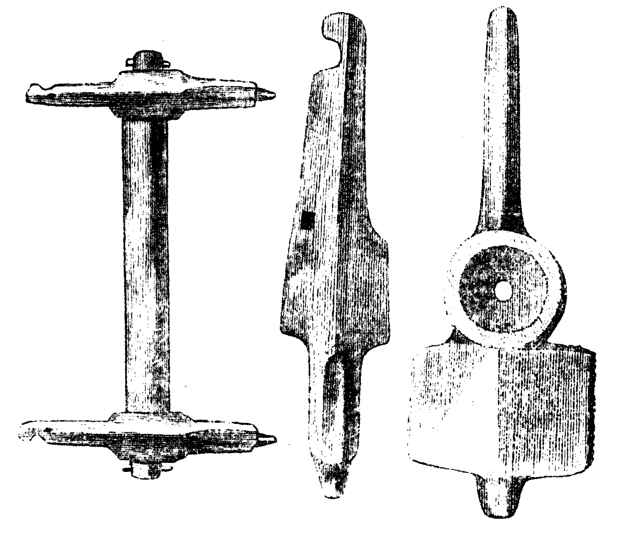
которую Третьяковъ неблагодарно сравниваетъ съ погребальными носилками, называется болокомъ [1]). Я нашелъ ее, правда, не совсѣмъ удобною, потому что она была слишкомъ низка; притомъ мнѣ не хотѣлось отказаться отъ свободнаго сидѣнія на партѣ.

Болокъ въ низовьяхъ Енисея.

Полозья, какъ показываетъ рисунокъ, въ трехъ мѣстахъ нѣсколько утолщены, для вставки шипа или копыля. Эта стойка придумана такъ умно, что я изобразилъ ее съ трехъ сторонъ, при чемъ первая фигура уменьшена вдвое противъ другихъ.

Съ внутренней стороны у копыля находится шарообразная суставная чашечка (см. 3-ью фигуру). Въ эту чашечку входятъ подставки горизонтальной плоскости въ видѣ поперечныхъ перекладинъ между обоими полозьями съ полушаріемъ; однимъ кончикомъ, въ которомъ чека, онѣ выдаются нѣсколько дальше. Эти части, при помощи дырочки и выемки (см. 2-ю фигуру), привязываются ремнями на-крестъ къ утолщеннымъ мѣстамъ полозьевъ въ такомъ видѣ, какъ показываетъ рисунокъ. Такъ прикрѣпляется копыль нижнимъ концомъ своимъ къ полозьямъ. Верхній конецъ копыля соединяется съ такимъ-же концемъ остальныхъ копылей тѣмъ, что привязывается къ

Копыль съ трехъ сторонъ.

[1]) Въ Дудинѣ я видѣлъ небольшіе деревянные шалаши, которые также назывались болоками. Ихъ ставили на обыкновенныя санные полозья и впрягали въ нихъ 8 сѣв. оленей. Они служили пастуху странствующимъ жилищемъ, которое по временамъ передвигалось, когда истощенное пастбище сѣв. оленей приходилось замѣнять новымъ.

идущему чрезъ всѣ санки продольному гибкому бруску, входящему въ выемку этого верхняго конца (срав. 2-ую фиг.). Этотъ продольный брусокъ, посредствомъ туго натянутыхъ ремней, притягиваютъ къ просверленной доскѣ горизонтальной плоскости. Посредствомъ упругаго изогнутаго вязка (по-русски баранъ) соединяются головяшки полозьевъ между собою и съ самыми передними копылями. Такъ какъ эти передніе копыли далеко отстоятъ отъ головяшекъ полозьевъ, то передній свободный конецъ полоза особенно гибокъ. Онъ послушно слѣдуетъ за всѣми неровностями снѣга и прокладываетъ для всего длиннаго полоза змѣеобразно-колебательное движеніе, которое вы, растянувшись вдоль саней, ясно чувствуете подъ собою. Когда полозья мало помалу сотрутся до толщины тупой стороны ножа, то это колебательное движеніе начинаетъ возбуждать въ васъ какое-то томительное чувство. Наконецъ раздается трескъ и вамъ приходится нѣсколько часовъ чинить полозья или подводить новые. Но кто перечтетъ всѣ безчисленныя препятствія и непріятности такого странствованія: стираніе полозьевъ на безснѣжной почвѣ, остановки вслѣдствіе того, что вы проваливаетесь въ глубокомъ снѣгѣ, подъ которымъ уже скопилась вода, боль въ плечахъ отъ вытаскиванія изъ снѣга тяжело нагруженныхъ саней и т. д., однимъ словомъ всѣ невзгоды и мгновенныя отчаянныя положенія? Это принадлежности путешествія среди первобытной природы, закаляющія человѣка до невозмутимости.

Изобрѣтательность человѣка выразилась и въ изготовленіи упомянутыхъ нами полозьевъ. Съ тѣхъ поръ, какъ замѣтили, что въ чертѣ полярнаго круга дерево березы теряетъ часть своей твердости, полозья для нартъ стали привозить изъ болѣе южныхъ мѣстностей, вдоль большихъ Сибирскихъ рѣкъ [1]). Въ иномъ мѣстѣ и въ иное время полозья просто мочатъ въ водѣ, выставляютъ на морозъ, и отъ времени до времени поливаютъ водой, чтобы дать имъ покрыться свѣжей ледяной глазурью [2]). Подвязываютъ подъ полозья также китовыя кости, которыя еще ноздреватѣе дерева и тѣмъ лучше всасываютъ въ себя воду.

Когда весною выпадаетъ хотя легкій снѣжокъ, то онъ съ своей стороны смазываетъ дорогу и въ почти невѣроятной степени облегчаетъ ѣзду по ней. Тогда слѣдъ, оставляемый нартами, какъ зеркало блеститъ въ лучахъ весенняго солнца.

При крѣпкомъ снѣгѣ тоненькія пластинки мамонтовыхъ зубовъ исполняютъ роль нашей желѣзной оковки. Слоновая кость тамъ самая обыкновенная вещь, тогда какъ желѣза добыть нельзя.

До тѣхъ поръ, пока на сѣверѣ человѣку придется ѣздить по непроторенныиъ дорогамъ, до тѣхъ поръ удержатся тамъ и эластично-устроенныя сани и упряжныя собаки, потому что онѣ незамѣнимы. Сомнительнѣе вопросъ о долговѣчности эластичныхъ морскихъ судовъ, но и большой кожаный челнъ прибрежныхъ жителей Берингова моря — байдара́ — осуществляетъ въ такой-же степени, какъ нарта, идею упруго-податливой

[1]) Къ югу отъ 60° с. ш. Бо́льшая часть привозилась изъ Ворогова; въ мое время пара стоила 5 руб. ассигнаціями.

[2]) У поселенцевъ это называется войдать. Вѣроятно взято изъ финскаго языка (намаслить).

*

силы сопротивленія. Мы положительно ошиблись бы, если бы стали утверждать, что особенности байдары происходятъ только отъ недостатка въ доскахъ и въ желѣзѣ, подобно тому какъ недостатокъ и дороговизна гвоздей на сѣверѣ Европейской и Азіятской Россіи породили такъ называемые шитики. Доски этихъ шитиковъ, которые еще доселѣ тамъ употребляются, скрѣпляются между собою посредствомъ прутьевъ, продѣваемыхъ какъ швъ, чрезъ просверленныя отверстія [1]. За тѣмъ эти отверстія законопачиваются. Правда, что и этотъ способъ представляетъ не такое тугое скрѣпленіе, какъ гвозди, но тутъ подобная податливость является только случайною принадлежностью.

Основу байдары составляютъ упругій киль и рядъ поперечныхъ нижнихъ досокъ, наколоченныхъ на него, въ нѣкоторомъ разстояніи одна отъ другой. На этой подставкѣ устраивается сѣткоподобный кузовъ, который обшивается шкурами, но этотъ кузовъ такъ упругъ, что даже ребра, служащія опорой боковымъ стѣнкамъ, только привязаны къ подставкѣ. Не смотря на упругость, которую такое судно противопоставляетъ напору волнъ, и не смотря на тонкія бычачьи шкуры, которыми я обшилъ свою байдару «Шантаръ», я везъ въ ней грузъ въ 300 пудовъ и 12 человѣкъ [2].

---

[1] И тутъ также высказывается очевидно финское происхожденіе посредствомъ употребляемаго на Бѣломъ морѣ выраженія: «сшитъ вицею.»

Въ прошломъ столѣтіи сшиваніе досокъ считали еще неизбѣжною необходимостью, говоря, что огромныя магнитныя горы вытащили бы гвозди изъ кораблей (Das veränderte Russland, 1744, II, стр. 18).

[2] Если бы я въ Таймырскомъ краѣ устроилъ себѣ не лодку, а байдару, то мнѣ не только удалось бы избѣгнуть многихъ затрудненій и неудобствъ, но и навѣрное я успѣлъ бы объѣхать восточный полуостровъ Таймырскаго края. Не имѣя возможности во-время справиться въ Удскомъ острогѣ съ устройствомъ лодки и узнавъ, что на пути туда зимнее состояніе горъ задержитъ меня до самаго лѣта, я задумалъ въ Якутскѣ устройство байдары и съ этою цѣлью купилъ въ Якутскѣ 64 бычачьи шкуры, которыя тамъ-же могли быть приготовлены и сшиты въ 4 тюка. Это была прекрасная идея, которая одна только и дала мнѣ возможность добраться до мѣста моего назначенія, т. е. до Шантарскихъ островов, когда начальникъ Аянска, (впослѣдствіи адмиралъ) Завойко, наотрѣзъ отказалъ мнѣ въ снаряженіи лодки съ матросами, ссылаясь на отвѣсно спадающія въ море береговыя скалы, на непреодолимо бурныя теченія и заканчивая письмо свое словами: «мнѣ поручено бережно сохранять, а не губить своихъ людей.»

Опасно, въ отношеніи байдары, было только то, что у меня не было прочныхъ тюленьихъ кожъ, необходимыхъ для обшивки байдары, особенно такой величины, как и я требовалъ. Я рѣшился прибѣгнуть къ воловьимъ шкурамъ, и какъ ни страшно казалось сперва, когда чрезъ эту тонкую, пропитанную водою, а потому и прозрачную обшивку съ солнечной стороны видишь и прибои волнъ и весело шнырявшихъ морскихъ рыбъ, какъ ни вздувалась подъ сильнымъ давленіемъ промокшая шкура и какъ ни вдавливалась она въ петли свободной части сѣткоподобнаго кузова, но выбранная нами обшивка не измѣняла намъ. А когда ледъ сталъ напирать и прорвалъ дыру, то насъ тотчасъ-же выручилъ изъ бѣды самый большой кусокъ нашей солонины, которымъ мы прикрыли отверстіе, такъ какъ море плотно прижало обрывки шкуры къ мясу.

Непріятны были многочисленные порѣзы шкуры, сдѣланные по неосторожности при сдираніи шкуръ, выходныя отверстія, прогрызанныя личинками слѣпней, и т. д. Приходилась заплата на заплату. Еще больше протекали сначала швы, которые при такихъ тонкихъ шкурахъ слѣдовало бы устроить иначе. Подлежащіе сшиванію края нужно бы было наложить одинъ на другой болѣе, чѣмъ на дюймъ ширины, скрѣпить ихъ двойнымъ швомъ и на эти швы снаружи нашить еще нѣсколько болѣе широкій ремешокъ, прикрѣпивъ его посредствомъ шва, проникающаго въ шкуру только до половины ея толщины.

Посредствомъ смазыванія шкуръ густымъ коровьимъ саломъ задѣлывалась снаружу самая незначительная течь и нѣсколько уменьшалась промокаемость сырыхъ, безволосыхъ шкуръ. За недостаткомъ дегтя шкуры подвергали надъ угасавшими кострами дѣйствію развивающихся въ нихъ смоляныхъ и скипидарныхъ паровъ. При всемъ томъ нужно было просушивать шкуры какъ можно чаще, такъ какъ онѣ слишкомъ размокали. По этому нельзя было употреблять смолы.

Съ благодарностью вспоминая услуги, оказанныя намъ байдарою и подъ впечатлѣніемъ сожалѣнія, что не устроилъ себѣ въ Таймырскомъ краѣ маленькаго кожа-

Челноки кочевниковъ внутренней Сибири разсчитаны единственно на легкость. Въ глазахъ кочевниковъ они имѣютъ цѣну только въ такомъ случаѣ, когда они чрезвычайно быстры на ходу, такъ что на нихъ можно догонять и закалывать животныхъ, переплывающихъ черезъ рѣки и озера. Челнокъ долженъ быть такъ легокъ, чтобы его безъ труда можно было перетаскивать сухимъ путемъ отъ одного озера къ другому, отъ одной рѣки къ другой.

Повсюду, въ низовьяхъ Сибирскихъ рѣкъ, впадающихъ въ Ледовитый океанъ, употребляются челноки, выдолбленные изъ тополеваго ствола. Они изготовляются къ югу отъ полярнаго круга и привозятся сѣвернымъ жителямъ.

наго ботика такого-же рода, я сообщаю нижеслѣдующія замѣтки съ тою подробностью, съ какою я записалъ ихъ въ своемъ дневникѣ, полагая, что онѣ могутъ пригодиться позднѣйшему полярному путешественнику.

Вся длина байдары составляла 33 англ. фута, наибольшая ширина ея 9′. Киль былъ подысканъ такъ, что одинъ конецъ его корня шелъ отъ него вертикально вверхъ на $3^1/_2{}'$; онъ былъ въ 6″ ширины и $6^1/_2{}''$ вышины. Къ главному килю притесанъ былъ постепенно возвышавшійся носъ въ слишкомъ 8′ длины, прикрѣпленный посредствомъ двухъ деревянныхъ болтовъ и сдерживаемый двумя желѣзными кольцами, отстоявшими одна отъ другой на футъ.

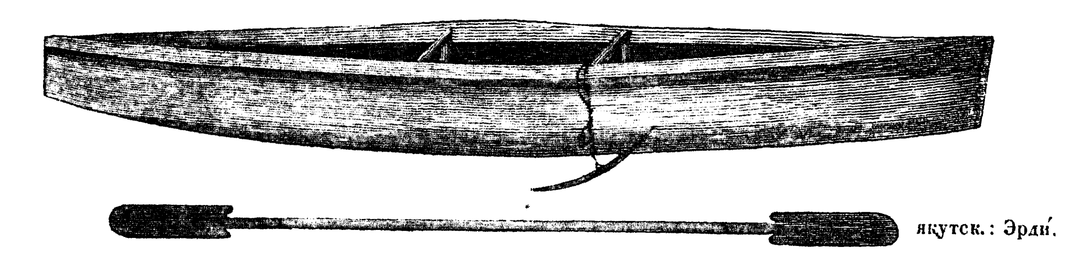
За тѣмъ на киль были поперекъ впущены и прибиты гвоздями 13 половыхъ дощечекъ въ $1^1/_2{}''$ толщины и отъ 6 до 8″ ширины, на равномѣрномъ разстояніи (среднимъ числомъ $^5/_4$ футовъ.) Онѣ образовали плоское дно байдары и прилажены къ желаемой формѣ корабельнаго дна, такъ что наибольшая ширина дна составляла $6^1/_3{}'$. На эти половыя дощечки, при помощи просверленныхъ въ нихъ отверстій, навязано было съ каждой стороны по 16 изогнутыхъ брусьевъ, составившихъ ребра судна. Эти ребра возвышались съ своимъ стволомъ на 4′ и образовывали каждое подъ нѣсколько тупымъ угломъ ногу, длиною отъ 6″ до 11″, плотно сидѣвшую на половыхъ дощечкахъ, и имѣвшую на нѣсколько утолщенномъ концѣ выемку для шнурка, посредствомъ котораго она притягивалась къ отверстіямъ половой дощечки. Чѣмъ ближе къ концамъ судна, тѣмъ нога была короче, тѣмъ уголъ ребра былъ менѣе тупъ. Самая передняя и самая задняя пара ребръ приходилась своею ногою подъ острымъ угломъ къ килю, къ которому она непосредственно примыкала. Ребра были въ $1^1/_2{}''$ толщины, внизу въ $2^3/_4$, на верху въ $2^1/_4{}''$ ширины. Въ нижней части реберной ноги въ небольшомъ разстояніи отъ изгиба, сдѣланъ поперечный желобокъ, надъ которымъ просверлено отверстіе. Въ этотъ желобокъ, чрезъ оконечности всѣхъ изгибовъ, кладется съ каждой стороны нижній лежень, который у нашей байдары былъ свыше 30′ длины и привязывался чрезъ реберныя отверстія къ ребрамъ, равно какъ къ двойнымъ отверстіямъ нижнихъ дощечекъ. По концамъ шли веревки отъ одного лежня къ другому противоположному, ради лучшаго скрѣпленія.

Такихъ лежней было всего 4 пары; изъ нихъ 3 пары въ равномѣрныхъ разстояніяхъ одна отъ другой были привязаны къ ребернымъ стволамъ чрезъ просверленныя въ послѣднихъ отверстія. Верхняя изъ этихъ паръ (въ 36′ длины) одна имѣла круглый разрѣзъ ($2^1/_2{}''$), сидѣла на желобкѣ ребернаго ствола и образовыла бортъ судна. Четвертая пара, единственная, которая прикрѣплена къ внутренней сторонѣ реберъ, проходитъ на ладонь ширины ниже упомянутаго борта съ тѣмъ, чтобы сквозь обшитыя кожею петли кожаная обшивка байдары могла быть подтянута посредствомъ продѣтыхъ веревокъ черезъ бортъ. Чтобы придать задней части судна круглую форму, нужно было помощью огня гнуть задніе концы лежней, хотя послѣдніе, за исключеніемъ болѣе толстой бортовой перекладины, имѣли только 2″ въ поперечникѣ.

Всему судну придается стойкость тѣмъ, что между стволами реберъ вдвигаются банки, а чтобы ребра не раздвигались, то подъ каждой банкой соотвѣтствующая противоположная пара реберъ соединяется веревочною петлею, которая посредствомъ заворотня затягивается, смотря по надобности, такъ какъ напряженіе веревки измѣняется сообразно сырой или сухой погодѣ. Въ полученномъ такимъ образомъ кузовѣ судна промежутки были слишкомъ велики для нашихъ тонкихъ шкурокъ, такъ что потомъ пришлось сплотнить его, протянувъ мѣстами прутья, особенно подъ нижними дощечками, черезъ которыя, само собою разумѣется, нужно класть нѣсколько продольныхъ половыхъ досокъ.

Весьма важную роль играетъ еще фальшкиль, который снаружи прилаживается къ настоящему и привинчивается къ нему посредствомъ двухъ желѣзныхъ шкворней по концамъ и одного по срединѣ, проходящихъ какъ черезъ кожаную обшивку, такъ и черезъ главный киль. Такъ какъ подъ этимъ фальшкилемъ шкура легко начинаетъ прѣть, то при продолжительныхъ привалахъ нужно сни-

У Самоѣдовъ этотъ челнокъ не такъ плосокъ, какимъ мы его знаемъ, а имѣетъ нижеслѣдующую форму.

По русски: Ветка; по якутски: Той, на Богаипдѣ.

Изображенный тутъ челнокъ не принадлежалъ къ самымъ маленькимъ [1]), а былъ въ 16 англ. фут. длины, 2 фута наибольшей ширины и 11 дюймовъ вышины. Не смотря на то вѣсу въ немъ было не болѣе 70 фунтовъ, по тому что стѣнки нигдѣ не оказывались толще полудюйма. Чтобы достигнуть этого, въ сомнительныхъ мѣстахъ просверливаются въ стѣнкахъ отверстія, которыя потомъ тщательно законопачиваются. Тогда получаются такіе легкіе челноки, что на всякій, опрокинутый на берегу, челнокъ кладутъ камни, чтобы вѣтеръ не могъ унести его. У Самоѣдовъ бываютъ челноки, которые длиною не болѣе 11′, а между тѣмъ, кромѣ человѣка, могутъ вмѣщать въ себѣ еще убитаго сѣв. оленя, или также собаку, да сотни полторы убитыхъ гусей.

Великолѣпенъ видъ цѣлаго ряда челноковъ, возвращающихся домой послѣ удачной охоты, когда стройныя лодки до самаго края погружены въ воду и съ берега видишь, какъ стрѣлою несется по водѣ лѣсъ прекрасныхъ роговъ старыхъ сѣв. оленей, вѣнчающій верхи челноковъ. Между ними сверкаетъ въ тактъ, то справа, то слѣва, высоко подымающійся кверху свободный конецъ двухлопатнаго, красиваго весла, которое дѣлается на сколько возможно легкимъ. Покойно, но какъ будто вкопанный, сидитъ Самоѣдъ въ маленькомъ корытѣ своемъ, и поджавъ ноги, безошибочно соблюдаетъ равновѣсіе узенькаго челнока, который, не смотря на вѣтеръ и непогоду, держится своего направленія. Онъ не обращаетъ вниманія даже на высокія волны, которыя часто жестоко врываются въ челнокъ, и съ стоическимъ равнодушіемъ опять вычерпываетъ лишнее добро. Какъ скоро

мать его. Мы находили весьма полезнымъ вдвигать между фальшкилемъ и кожаной обшивкой узенькую полоску шкуры.

Алеуты, какъ извѣстно, связываютъ вещи распластаннымъ китовымъ усомъ. Ремни неудобны тѣмъ, что отъ сырости растягиваются, а веревки слишкомъ подаются, когда высохнутъ. Сначала мы слишкомъ растягивали кожаную обшивку, но это совершенно безполезно и при сушкѣ ея только портитъ швы. Во всякомъ случаѣ для привязыванія кожаной обшивки полезнѣе употреблять веревки, которыя при сушкѣ подаются. Но все-таки необходимо присматривать.

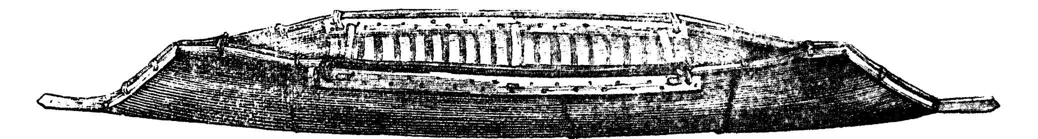
Воротъ необходимъ, чтобы въ опасныхъ мѣстахъ притягивать судно на берегъ. Нашъ якорь, съ 37 саженями каната, спасъ насъ при чрезмѣрномъ теченіи и сильномъ ледоходѣ по близости отъ берега.

Будучи нагружена, наша байдара сидѣла въ водѣ немного глубже 2′. Ей смѣло можно было быть по крайней мѣрѣ на $1/2'$ ниже настоящей своей вышины, потому что она чрезвычайно легко покачивилась на волнахъ и въ случаѣ боковаго вѣтра, при распущенныхъ парусахъ, ее слишкомъ относило въ сторону.

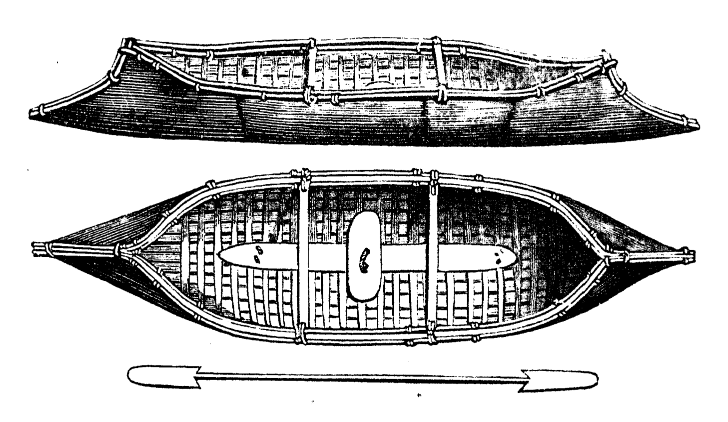
[1]) У поселенцевъ бываютъ челноки, вѣсомъ до 50 пудовъ и длиною до 30′.

гдѣ окажется течь, такъ замазка, наскоро составленная изъ угля и гусинаго жира, быстро выручаетъ изъ бѣды.

Но еще легче челноки, которые Сибирскіе Тунгусы, особенно Тунгусы Становаго хребта, подобно туземцамъ Сѣв. Америки ловко умѣютъ дѣлать изъ бересты. На изго-

товленіе одного челнока достаточно коры трехъ березъ. Устройство такихъ челноковъ не трудно понять по слѣдующимъ рисункамъ. То у нихъ борты приподняты нѣсколько выше, для защиты отъ сильнаго бушеванія волнъ, то нѣсколько болѣе плоска середина, чтобы придать челноку больше устойчивости, когда онъ сильнѣе нагружается; въ такомъ случаѣ они далеко не такъ шатки, какъ Самоѣдскіе челноки. Но такія лодки не пригодны для большихъ водныхъ пространствъ, потому что при вѣтрѣ онѣ не слѣдуютъ данному направленію и потому не могутъ сладить съ волнами.

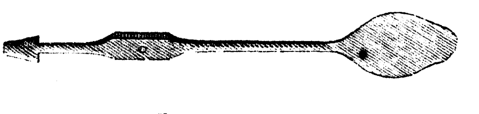
Тунгускіе челноки изъ бересты.

Щегольски отдѣланныя, какъ куклы, онѣ вѣсомъ едва въ 50 фунтовъ и обязаны своею крѣпостью вложенію стружекъ и обкладкѣ краевъ стружками. Онѣ разсчитаны на горные потоки, потому что почти совершенно сидятъ надъ водою и въ состояніи проходить по самымъ мелководнымъ порогамъ. Но замѣчательна также необыкновенная, мгновенно пользующаяся каждымъ удобнымъ случаемъ, ловкость Тунгуса, когда онъ, какъ стрѣла, несясь внизъ по теченію, то обходитъ или камень или затонувшее дерево и его развѣтвленія, то направляетъ челнокъ въ шумящій порогъ, либо въ покрывающій его брызгами водоворотъ, либо въ несущееся на встрѣчу теченіе, то ищетъ спасенія на правомъ, то на лѣвомъ берегу, то хватается за весло, то за багоръ, или стольже внезапно отъ самаго возбужденнаго вниманія и напряженія всѣхъ своихъ силъ переходитъ къ самому, по-видимому, апатичному спокойствію и на безопасномъ фарватерѣ отдаетъ себя на произволъ побѣжденной стихіи, которая должна довезти его до цѣли.

Не знаешь, когда болѣе удивляться упругости тунгусскаго горнаго обитателя: тогда-ли, когда онъ, какъ мы только-что описали, несется съ горными потоками внизъ по те-

ченію, или когда онъ, съ неутомимымъ терпѣніемъ, при помощи двухъ короткихъ шестовъ (мукечи̇̆), которые онъ съ каждой стороны челнока упираетъ въ воду, пробирается противъ теченія шумящаго потока, часто борется съ нимъ съ величайшимъ трудомъ, почти отбрасывается имъ назадъ, но опять настаиваетъ на своемъ и все-таки подвигается впередъ, хотя и поднимается въ гору. На Тугурѣ я имѣлъ случай ближе ознакомиться съ этими челноками. Ни разу я не выходилъ изъ нихъ, не бывъ совершенно промоченъ снаружи водоворотами, извнутри дѣйствіемъ всѣхъ поръ моей кожи [1]).

Какъ противоположность къ щегольскому челноку Тунгусовъ и его принадлежностей, считаю нелишнимъ сообщить тутъ рисунокъ Гилякскаго весла.

Гилякское весло

Хотя это весло предназначено для моря, но оно коротко и лопатообразно, напоминая собою неуклюжихъ людей, которые его употребляютъ. При всемъ томъ лодка, къ которой онъ принадлежитъ, является представителемъ особой идеи, такъ какъ широкая доска, образующая плоское дно челнока, выдается далеко впереди носа его, и тѣмъ помогаетъ этому концу легче взбираться на верхушки волнъ.

---

[1]) Въ противоположность этому челноку я считаю нужнымъ упомянуть о небольшомъ челночкѣ, который мы составили изъ остатковъ шкуры отъ большой байдары. Хотя нашъ маленькій кожаный челнокъ имѣлъ всего $11^{1}/_{4}'$ длины, 3′ наибольшей ширины и 14 дюймовъ глубины, но онъ плавалъ легко по водѣ, какъ орѣховая скорлупа, и мы съ Вагановымъ успѣли сдѣлать на немъ съемку Тугурскаго залива. Правда, что однажды, когда море сильно стало бушевать и мы находились въ 3 верстахъ отъ ближайшаго берега, мы подверглись большой опасности, но за то насъ спасла чрезвычайная легкость челнока, когда приливъ настигъ насъ при морскомъ вѣтрѣ и такъ прижалъ насъ къ скалистымъ стѣнамъ отвѣснаго берега, что мы тѣмъ только могли выкрутиться изъ бѣды, что, взбираясь отъ бѣшенаго прибоя волнъ все выше и выше, съ уступа на уступъ, все-таки могли тащить за собою спасительный челнокъ свой.

Рыболовство въ Сибири.

Хотя изобиліе первобытной природы прекрасно питаетъ человѣка рыболовствомъ, но континентальный кочевникъ Сибири исключительно предается ему все-таки только въ крайней нуждѣ. Какъ случайный второстепенный промыселъ, успѣшная рыбная ловля пастуху и охотнику пріятна, но когда потеря домашнихъ животныхъ, исчезновеніе звѣрей и т. п. принуждаетъ ихъ совершенно предаваться рыболовству, то они такое несчастіе принимаютъ за тяжкое для нихъ наказаніе. Правда, что къ различнымъ племенамъ это должно примѣнять въ различной степени. Разницу въ этомъ отношеніи составляетъ морское прибрежье, у котораго рыбная ловля тѣсно связана съ ловлею большихъ морскихъ животныхъ. При всемъ томъ рыбакъ въ Сибири означаетъ если не европейскаго переселенца, или потомка его, то во всякомъ случаѣ низшій классъ туземцевъ.

Не имѣя нималѣйшаго намѣренія представить общую картину рыбнаго промысла въ Сибири, я хочу сообщить тутъ изъ моихъ дневниковъ лишь нѣсколько отрывочныхъ замѣтокъ, которыя, какъ мнѣ кажется, заслуживаютъ вниманія въ томъ или другомъ отношеніи.

Къ югу отъ полярнаго круга, слѣдовательно вверхъ по теченію Енисея, я часто слышалъ жалобы поселенцевъ на малый уловъ рыбы. При ближайшемъ ознакомленіи съ дѣломъ, дѣйствительно оказалось, что тамошняя рыбная ловля, въ сравненіи съ рыболовствомъ прибрежныхъ жителей низовьевъ Енисея, не только была значительно скуднѣе [1]), но даже, дѣйствительно, не всегда могла прокармливать людей.

Хотя деревни Назимово, Анцыферово, Ярцово, Ворогово и т. д. первоначально были рыбачьи поселенія, но въ мое время онѣ уже сильно стали приниматься за другіе промыслы, и при незначительности своего хлѣбопашества занимались главнымъ образомъ извозомъ на золотыхъ розсыпяхъ, заготовленіемъ сѣна для нихъ, звѣроловствомъ и т. п. Преимущественно, кажется, это указывало на переходъ къ болѣе надежному промыслу, вызванному усилившимися потребностями новооткрытыхъ золотыхъ пріисковъ, которые такъ глубоко затрогивали интересы промышленной дѣятельности. Даже кочевники того края частенько бросали свои тяжелые, а вмѣстѣ съ тѣмъ все-таки сопряженные съ огромными лишеніями, охотничьи и рыбачьи промыслы: Тунгусы во множествѣ нанимались вожатыми безчисленныхъ искателей золота, Остяки покинули свои сѣти и ловушки и

1) Обстоятельство это привело Палласа (Reise III, стр. 13) къ неправильному заключенію, что въ Енисеѣ мало рыбъ. Палласъ, прибывшій тула изъ мѣстъ, лежавшихъ близь устья Оби, забылъ принять въ соображеніе, что на Енисеѣ онъ находился очень далеко отъ впаденія его въ море.

стали изготовлять нарты, лыжи и другія принадлежности этого рода, работали плотниками у золотопромышленниковъ, платившихъ имъ неслыханными до тѣхъ поръ запасами муки и предметами роскоши. Кромѣ того, Остяки на Енисеѣ не пользовались тѣми-же правами на лучшіе рыболовные участки, какими они пользуются на своей родной рѣкѣ, Оби, гдѣ они, въ вождѣленной праздности, живутъ большими откупными деньгами, которыя имъ должны платить за такіе участки (пески) расторопные рыбаки рускаго происхожденія.

За тѣмъ, нѣкоторыя поселенія, при вынужденномъ устройствѣ которыхъ мѣстныя власти главнымъ образомъ имѣли въ виду только удобство почтовыхъ сообщеній между Енисейскомъ и Туруханскомъ, уже съ самаго начала заведены на такихъ береговыхъ мѣстахъ, которыя были очень неблагопріятны для рыболовства. Такъ напр. духоборцамъ пришлось почти совершенно отказаться отъ пользованія Енисеемъ и довольствоваться преимущественно ловлею пелетовъ въ близьлежащихъ озерахъ. Кромѣ того мнѣ казалось, что уже Верхне-Имбатское селеніе потому имѣло полное право жаловаться на недостатокъ рыбы, что оно лежало почти на крайнемъ предѣлѣ, до котораго нѣкоторыя изъ главнѣйшихъ морскихъ рыбъ заходили вверхъ по рѣкѣ.

Подъ 65 градусомъ широты (въ сел. Пупковскомъ) было уже совсѣмъ не то. Тамъ еще прекрасно ловились S. albula, лохи, которые въ Сибири, какъ извѣстно, неправильно называются сельдями. Впрочемъ и имъ на совершеніе длиннаго путешествія нужно столько времени, что они являются туда незадолго до ледохода. Но при мнѣ, именно вслѣдсвтіе этого поздняго времени года, чрезвычайно облегчавшаго заготовленіе ихъ, они весьма охотно закупались разъѣзжающими по Енисею Карасинцами, платившими отъ 2 руб. 60 коп. до 3 рублей ассигнаціями за пудъ.

Нѣсколько ниже лежащій Туруханскъ пользовался особой выгодой: возможностью совершенно загородить значительную рѣку Туруханъ посредствомъ запруды (язъ, заязокъ). Загражденіе это устраивалось какъ только ледъ маломальски позволялъ ходить по немъ, и три рыбачьихъ кузова принимали въ себя проносившихся по рѣкѣ рыбъ. Если въ кузова ежедневно попадалось только 60 огромныхъ рыбъ, то это возбуждало горькія жалобы; большею частью ловилось гораздо болѣе, ловилось даже до 150 штукъ.

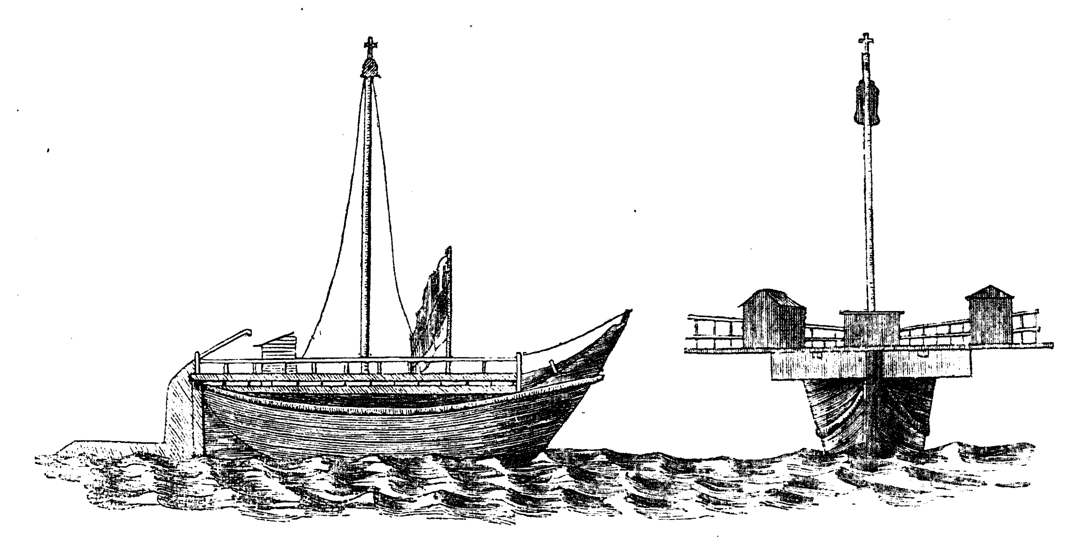
Чѣмъ дальше внизъ по рѣкѣ, тѣмъ положительнѣе смолкали жалобы; сожалѣли развѣ лишь о томъ, что все-таки можно разсчитывать уловъ рыбы собственно только на 3 лѣтнихъ мѣсяца, или что бывали годы, когда бурная лѣтняя погода не позволяла осматривать и опоражнивать выставленныя сѣти, въ особенности при такихъ вѣтрахъ, которые дули противъ теченія и тѣмъ вздымали высокія волны.

Можно надѣяться, что въ теченіи тридцати протекшихъ съ того времени лѣтъ послѣдняя жалоба смолкла и прежнія рыбачьи суда вытѣснены другими, лучшими. И такъ называемые шитики и набойницы (струговыя) плохо соотвѣтствовали своему назначенію. Правда, что мѣстами не стѣснялись нѣсколько лишнею величиною судовъ; лодкою называлось даже всякое судно, не имѣвшее пяти саж. длины; были даже крытыя лодки

подобнаго рода, но при всемъ томъ это были какіе-то уродливые ящики, нисколько не усвоившіе себѣ той мастерской формы, образцомъ которой служила корабельная лодка голландскаго покроя, лежавшая лѣтъ сто тому назадъ передъ глазами всѣхъ, на Хатангѣ, у Казачьяго зимовья. Правда, что киль ея былъ не болѣе 15 футовъ длины.

Впрочемъ изолированныхъ поселенцевъ въ низовьяхъ Енисея нельзя было слишкомъ упрекать въ равнодушіи къ болѣе совершеннымъ образцамъ. Хотя историческія названія дощаниковъ и кочей исчезли безслѣдно, но громадныя суда, въ мое время ежегодно появлявшіяся въ низовьяхъ Енисея, напоминали чудовища былаго времени. Въ виду нартъ и лыжъ, онѣ напоминали тѣ домообразные чудовищные фургоны, въ которыхъ укрываются путешественники на материкѣ южной Африки. Эти Енисейскія суда отвозили, на счетъ Енисейскихъ купцовъ, богатые запасы мѣховъ и рыбъ, которые заготовлялись Сѣверомъ. Впрочемъ уже на Волгѣ я встрѣчалъ точно такія-же суда.

Не нужно также думать, что это были безпріютныя уродливыя произведенія грубой спѣшной работы. Нѣтъ, они съ большимъ искусствомъ были всячески разукрашены

Купеческое судно въ низовьяхъ Енисея.

множествомъ рѣзныхъ орнаментовъ по борту, самыми яркими, пестро намазанными красками, особенно у сдѣланныхъ въ видѣ тріумфальныхъ арокъ входовъ въ каюты и т. д.

Къ красивому присоединено было и полезное, какъ это доказываетъ паромообразный полъ, выдававшійся надъ палубой, съ будочками для удовлетворенія естественныхъ нуждъ. Еще полезнѣе былъ, какъ мнѣ говорили, придѣланный къ кораблю съ обѣихъ сторонъ прорубень, посредствомъ котораго грузовая способность небольшаго судна, поднимающаго до 500 пудовъ, доводилась до 1000 пудовъ. Мнѣ объясняли даже, что въ случаѣ слишкомъ сильной нагрузки корабля къ нему прикрѣпляются еще два

легкихъ бревна. Самыя большія изъ этихъ рѣчныхъ судовъ поднимали до 5000 пудовъ и могли быть управляемы едва-ли менѣе чѣмъ 50 работниками.

Въ мое время, въ 1843 году, почетный гражданинъ Мясниковъ взялъ первую привилегію на постройку парохода. По Третьякову [1]) это пароходство осуществилось однакожъ лишь въ 1863 году. Въ настоящее время пароходы ходятъ по Енисею почти до 71° с. ш., отвозя грузы прекраснѣйшихъ лоховъ, набирающіеся тамъ изъ неизсякаемаго множества рыбъ, въ южную Сибирь, которая съ своей стороны сплавляетъ внизъ по рѣкѣ свои избытки хлѣба, снабжая имъ неспособныя къ земледѣлію пустыни глубокаго сѣвера.

Такой обмѣнъ взаимнаго избытка можетъ спокойно продолжаться еще нѣсколько столѣтій сряду. Истощенія громадныхъ запасовъ въ устьяхъ Енисея пока нечего опасаться, если мы даже вспомнимъ, что еще въ историческія времена въ Зундѣ Балтійскаго моря происходило тоже, о чемъ теперь вѣсть доходитъ до насъ изъ Камчатки и Амурскаго края почти въ видѣ баснословнаго разсказа. И въ Зундѣ нѣкогда было такое изобиліе рыбъ, что часто лодкамъ не было прохода и рыбъ ловили руками [2]).

Съ другой же стороны можно предсказывать, что уже въ непродолжительномъ времени являющіяся доселѣ исполинскія рыбы всякаго рода станутъ, пожалуй, встрѣчаться все рѣже и рѣже. До сихъ поръ тамъ попадаются въ сѣти патріархи удивительныхъ размѣровъ, такъ что лохи и налимы въ пудъ и даже въ три пуда вѣсомъ не слишкомъ большія рѣдкости [3]). На сколько быстро рыбы растутъ въ молодости, на столько повидимому ростъ ихъ медленно подвигается впередъ по достиженіи ими средней величины.

Байкалъ служитъ намъ убѣдительнымъ доказательствомъ необходимости и въ Сибири во-время приняться за раціональное устройство рыболовства. Удобный сбытъ омулей въ Иркутскъ, не смотря на еще весьма слабое населеніе тѣхъ мѣстностей, все-таки уже успѣлъ истощить считавшійся нѣкогда неизсякаемымъ запасъ рыбъ, которымъ въ былое время славилась Селенга. Уже въ мое время стали жаловаться на уменьшеніе числа омулей; теперь поселенцы нашли себя даже вынужденными ловить его въ другой большой рѣкѣ, впадающей въ Байкалъ: въ Верхней Ангарѣ. Такъ какъ омуль ловится именно во время метанія икры, когда онъ собирается цѣлыми стаями, чтобы заходить въ рѣки и выпускать въ нихъ свою икру, то производящаяся тамъ неправильная ловля становится весьма гибельною; но посредствомъ надлежащихъ мѣропріятій она могла бы быть устроена весьма хорошо, именно потому, что весь надзоръ за правильнымъ выполненіемъ ихъ ограничивается только нѣсколькими пунктами и продолжался бы лишь нѣсколько недѣль. По разспросамъ Радде, во всемъ количествѣ пойманныхъ тамъ омулей лишь $1/4$ и

---

[1]) Въ вышеприведенномъ сочиненіи (срав. «Долгане»), стр. 515.

[2]) Weinhold, Altnordisches Leben, p. 69.

[3]) Подъ 64° с. ш. мнѣ могли показать сельдя (S. albula) въ $1^1/_3$ фута длины. Тамъ былъ пойманъ чиръ въ 44 фунта, а между тѣмъ половина этого вѣса уже представляла необыкновенное явленіе. Въ мое время въ Туруханѣ наловили съ дюжину Таймепскихъ лоховъ длиною въ ростъ человѣческій и вѣсомъ до 3 пудовъ. Нашъ простой налимъ въ Енисеѣ нерѣдко также достигалъ пуда вѣсу.

никакъ не больше $1/3$ молоковыхъ рыбъ, такъ что на 10—12 бочекъ рыбы добывается бочка икры въ 25 пудовъ вѣсу. Какъ легко при такихъ обстоятельствахъ устроить обезпеченную на всегда эксплоатацію!

На стр. 361 (примѣч. 2-е) мы ознакомились съ неожиданнымъ разнообразіемъ лоховыхъ породъ, дѣлающихся добычею Самоѣдовъ *даже* къ сѣверу отъ 70° с. ш. При этомъ случаѣ перечислимъ названія, которыми Асинскіе Самоѣды строго отличаютъ одну породу отъ другой.

чи́ра	они	называютъ	бäхта́нга,	сига	они	называютъ	сига́хку,
муксуна	»	»	гфау́лā,	сельдя	»	»	сельдей,
омуля	»	»	сыррулŏ́,	харіуса	»	»	моку-джорру,
пелета	»	»	пелäтка,	нельму	»	»	дьинту,
кунджу	»	»	ніóрра,	голеца	»	»	болīета.

Изъ всѣхъ этихъ названій мнѣ удалось только узнать, что имя харіуса «моку-джорру» значитъ «черное плавательное перо.»

Живущіе на Боганидѣ Якуты давали рыбамъ русскія названія; только харіуса они называли джáрга, а пелета—іюкӯ.

Разнообразіемъ рыбъ своихъ Таймырскій край очевидно обязанъ какъ близости моря, такъ и не очень гористой природѣ страны. Въ отношеніи рыбъ Боганида принадлежала къ самымъ бѣднымъ водамъ глубокаго сѣвера. Тамошнимъ жителямъ преимущественно приходилось довольствоваться сельдемъ, такъ какъ въ рѣкѣ только весною бываетъ достаточное количество воды; главнымъ образомъ они питаются рыбами изъ тундровыхъ озеръ, лежащихъ за областью лѣсной растительности. При всемъ томъ собранная нами тамъ коллекція рыбъ представляетъ очень хорошенькій сборникъ образцовъ.

Даже на южномъ скатѣ Становаго хребта количество породъ, важныхъ для рыболовства, сводится на весьма небольшое число, какъ скоро мы выйдемъ изъ тѣхъ предѣловъ, до которыхъ доходятъ странствующія рыбы. Рыбакъ опять долженъ довольствоваться харіусами, тайменями и леноками, къ которымъ еще присоединяются неизбѣжный налимъ, да мѣстами два-три вида карповъ. Но что между ними вѣроятно окажутся новые виды, это уже доказываетъ первая попытка Базилевскаго [1]), ознакомившаго насъ съ Nasus Dahuricus, Leptocephalus mongolicus, Abramis Mandshuricus и др.

Вѣроятно между однимъ изъ этихъ видовъ намъ придется искать кетакита Шамагровъ, о необыкновенно жирномъ мясѣ котораго мнѣ, постоянно причмокивая, разсказывали на р. Немиленѣ. Считаю еще нелишнимъ замѣтить, что въ озерѣ Большаго Шантарскаго острова водится особый видъ карповъ, который, говорятъ, не встрѣчается на южномъ прибрежьѣ Охотскаго моря и потому заслуживаетъ ближайшаго вниманія.

Налимъ пользуется у Сибиряковъ почти бóльшимъ почетомъ, чѣмъ любой лохъ.

---

[1]) Ichthyographia Chinae borealis въ Nouv. Mémoires des Natural. de Moscou, 1855, T. X; p. 217, 234, 250.

Правда, что тамошніе исполины-патріархи его, вѣсомъ превосходятъ бо́льшую часть лоховъ. Кожа и плавательный пузырь его высоко цѣнятся, потому что содержатъ въ себѣ клей, мясо вкусно, а жирная печень, какъ лакомство, составляетъ приправу всякой порядочной похлебки. Она замѣняетъ сметану и масло нашихъ поваровъ и своимъ живительнымъ вкусомъ всякій разъ напоминала мнѣ Liquor hepaticus mustelae fluviatilis европейскаго лекарственнаго запаса, въ который она попала вѣроятно вслѣдствіе давнишней извѣстности своей, снисканной еще въ первобытныхъ пустыняхъ.

За тѣмъ обратимся къ необычайному богатству Берингова рукава Великаго океана по части странствующихъ рыбъ, пока еще столь-же неисчерпаемому, какъ на прибрежьяхъ Ледовитаго Океана. Мы упомянули объ этомъ уже на стр. 349. Мы видѣли, какъ просты могутъ быть приспособленія, необходимыя для взиманія пошлинъ съ имѣющихся тамъ въ избыткѣ источниковъ пропитанія. Достаточно обложить берегъ рѣки досками такимъ образомъ, чтобы онѣ образовывали наклонныя плоскости, погруженныя нижнимъ концомъ въ воду, и несмѣтное количество рыбъ своей-же братьей выпирается изъ воды за эти доски на сушу, потому что рѣка не въ состояніи вмѣстить въ себѣ всѣ стаи, старающіяся обогнать другъ друга. Самые же цѣнные лохи кеты останавливаются въ нѣсколько болѣе глубокихъ заводяхъ рѣки и въ рукавахъ ея, которые отчасти, вслѣдствіе осенняго спада водъ, обращаются въ отдѣльные пруды. Такія мѣста по тунгуски называются тамъ гадыгъ, что̀ Русскіе исказили въ слово ва́дяга или ба́дяга[1]). На Тугурѣ у Бурукана и въ урочищѣ Хамбыканъ я нашелъ 11-го Октября такія заводи глубиною въ 2 и въ 3 фута; онѣ были устланы валунами (величиною въ кулакъ и въ голову), между которыми вездѣ видна была выпущенная икра. Рыбы плавали въ этихъ вадягахъ стаями въ 10—20 штукъ.

Смотря по осени, рыбы въ этихъ заводяхъ ловятся или въ концѣ Сентября, или въ началѣ Октября. Якуты и Тунгусы, аккуратно эксплоатирующіе эти рыбныя мѣста, увѣряли меня, что одно и тоже несмѣтное количество рыбъ является тамъ изъ году въ годъ и никогда не уменьшается.

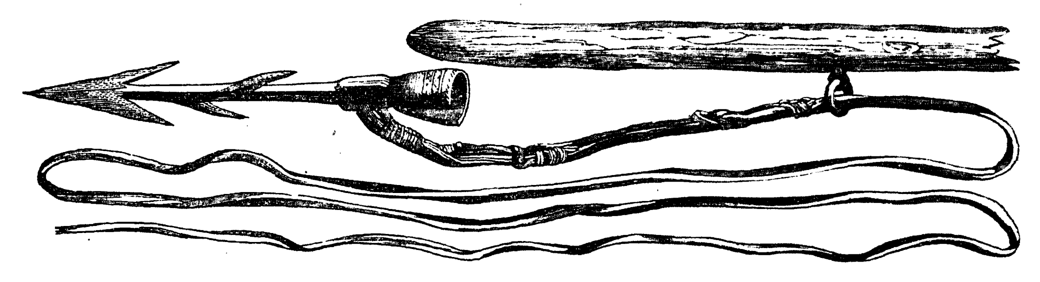
Для вытаскиванія рыбъ изъ этихъ прудовъ Тунгусы употребляли особаго рода гарпунъ, который они постоянно носятъ при себѣ и которымъ дѣйствуютъ чрезвычайно ловко.

Къ концу тонкой, даже гибкой жерди въ 3 саж. длины они придѣлываютъ большой здоровый крюкъ, изгибъ котораго въ радіусѣ имѣетъ около 1 дюйма, вдвигая его за намотанный на жердь ремень такимъ образомъ, что стволъ крюка плотно прилегаетъ къ жерди, а изгибъ и оконечность его обращены къ концу жерди, но такъ, что этотъ конецъ жерди все-таки выдается дюйма на два дальше оконечности крюка. Этотъ гарпунъ Тунгусъ вонзаетъ такъ ловко въ плывущую по дну рыбу, что конецъ жерди подъ нею

[1]) Это такъ называемая «курья» сѣв.-западной Россіи. На р. Уди слѣдующія ва́дяги пользовались особенною извѣстностью и въ Октябрѣ собирали вокругъ себя множество рыбаковъ: 1) въ 15 верстахъ вверхъ отъ устья (Чумиканъ); 2) въ 20 верстахъ, Тушканъ; 3) въ 50 верстахъ, Сохатый; 4) въ 97 верстахъ; 5) въ 190 верстахъ, т. е. въ 10 верстахъ выше впаденія Галла́ма; 6) въ 230 верстахъ, на Шевелеѣ.

входитъ въ покрывающіе дно валуны, а защищенный такимъ образомъ крюкъ прокалываетъ рыбу. Такъ какъ стволъ крюка привязанъ къ концу жерди посредствомъ коротенькаго ремня, то рыба не можетъ уйти, потому что, начиная сильнѣе биться, вырываетъ крюкъ изъ ремневой обвязки, за которую онъ задвинутъ, и освобожденный такимъ образомъ крюкъ вонзается въ рыбу тѣмъ сильнѣе, чѣмъ больше она бьется. При вынимапіи жерди изъ воды, крюкъ и сидящая на немъ рыба, слѣдуютъ за коротенькимъ ремнемъ, соединяющимъ стволъ крюка съ концомъ жерди.

Довольно долго я тщетно пытался наловчиться искусству, котораго требуетъ употребленіе этого умно-задуманнаго снаряда. «Весьма неуклюжій приборъ» отмѣтилъ я у себя въ дневникѣ. Вышеизложенное да послужитъ выраженіемъ моего покаянія. Помимо приспособленія, предохраняющаго крюкъ отъ удара о валуны и отъ притупленія, интересенъ еще принципъ, вслѣдствіе котораго крюкъ тѣмъ вѣрнѣе обезпечиваетъ добычу, чѣмъ больше она силится высвободиться. По-видимому, если я правильно понялъ нѣкоторыя описанія, этотъ-же принципъ очень распространенъ въ Сѣв. Америкѣ, какъ у Индѣйцевъ, такъ и у Эскимосовъ. Алеуты усовершенствовали его еще тѣмъ, что между желѣзнымъ наконечникомъ гарпуна (см. прилагаемый рисунокъ) и стволомъ его вставляютъ еще дру-

Гилякскій гарпунъ.

гой, приблизительно столь-же длинный кусокъ, средина котораго посредствомъ коротенькаго ремня также прикрѣплена къ главному ремню. Какъ скоро удастся вонзить гарпунъ въ мягкокожее животное, напр. въ дельфина, такъ сильно, что обѣ приставныя части входятъ въ него, то обѣ онѣ, отдѣлившись отъ жерди, тѣмъ болѣе становятся поперекъ тѣла животнаго, чѣмъ ближе укрѣпленіе гарпунной бичевки находится отъ средины этого гарпуннаго желѣза [1]) и второй вставленной части. Къ свободному концу гарпунной бичевы Алеуты, какъ извѣстно, прикрѣпляютъ надутый пузырь, указывающій имъ, гдѣ слѣдуетъ ожидать появленія пронзенныхъ гарпуномъ моржей и китовъ.

У Хамбыкана (на р. Немиленѣ) Тунгусы ежедневно убивали около 100 рыбъ, такъ что каждый изъ нихъ ежедневно очень легко и безъ большихъ приспособленій, добывалъ до 25 пудовъ рыбнаго мяса.

Гдѣ кету хотѣли ловить уже въ Іюлѣ, прежде чѣмъ она станетъ заходить въ гор-

[1]) Такимъ образомъ и изображенное тутъ гарпунное желѣзо прикрѣплено къ своему ремню слишкомъ близко отъ толстагѣ конца своего.

ныя рѣки, тамъ стоило только по морскому берегу разставить сѣти съ петлями въ 4—5 пальцевъ ширины. Однажды вечеромъ, въ Уяконскомъ заливѣ, когда мы, будучи тѣснимы льдомъ, должны были укрыться на берегу и выбросили нашъ маленькій неводъ, мы уже не были въ состояніи вытащить его. Привязавъ его къ кольямъ, мы легли спать, Когда мы проснулись, послѣ сильнаго отлива воды, нашъ неводъ лежалъ на песчаномъ берегу и въ немъ находилось болѣе 400 порядочныхъ мальмъ. Это было 20-го Іюля. Жители Удскаго Острова ловили рыбу не сѣтями. На мои укорительные разспросы по этому предмету беззаботный народъ отговаривался тѣмъ, что у него нѣтъ сѣтей. При всемъ томъ, у нихъ оказались большіе неводы, которые имъ навязали изъ Якутска. Но стѣнки этихъ неводовъ были слишкомъ высоки, потому что мелководныя горныя рѣки и прибрежья, которыхъ придерживаются плывущія стаи рыбъ, допускаютъ только глубину сѣти въ 4 фута. Беззаботность облѣнившихся жителей была такъ велика, что передѣлка подареннаго имъ невода была, по ихъ мнѣнію, сопряжена съ слишкомъ большими хлопотами. По заведенному изстари порядку и такое казенное имущество конечно нельзя было уменьшать.

Изъ всего этого читателю однакоже не слѣдуетъ выводить заключеніе, что въ юго-восточной Сибири сѣти вообще мало употребляются. Напротивъ того, я удивился, какъ ловко съумѣли извернуться Тунгусы, у которыхъ, въ противоположность Самоѣдамъ Таймырскаго края, получающимъ все съ Енисея, большею частію не было пеньковыхъ нитокъ. У Тунгусовъ были въ употребленіи ставныя сѣти, сдѣланныя какъ изъ жилъ сѣв. оленей, такъ и изъ конскихъ волосъ. Мнѣ особенно нравились послѣднія, которыя не только отличались чистотою, но и были такъ легки, что, вися за сѣдломъ, не обременяли лошади. Между тѣмъ онѣ были чрезвычайно полезны тѣмъ, что когда во время привала на ночь ихъ опускали въ ближайшія воды, то при осмотрѣ ихъ утромъ рѣдко случалось не находить въ нихъ весьма пріятной приправы къ утренней похлебкѣ.

Само собою разумѣется, что въ болѣе населенныхъ мѣстностяхъ Сибири употребляются всѣ тѣ разнообразныя измѣненія въ приспособленіи сѣтей, которыя хорошо извѣстны въ Европѣ. По-этому мы не станемъ останавливаться на перечисленіи ихъ.

Главнымъ средствомъ повсюду служатъ запруды, съ принадлежащими къ нимъ вершами. Въ устьѣ Уди такимъ образомъ ловились сотни тысячъ заходившей изъ моря куты. Къ запрудамъ съ величайшимъ успѣхомъ прибѣгаютъ мѣхопромышленники, запружая уже лѣтомъ тѣхъ рыбъ, которыя весною зашли вверхъ по рѣкамъ. Окончивъ охоту свою, они осенью возвращаются къ этимъ запрудамъ, ставятъ въ нихъ верши и наслаждаются обильною добычею.

У Тунгусовъ употребляется способъ багренья рыбы зимою, который особенно въ началѣ этого времени года, пока ледъ еще не успѣетъ покрыться снѣгомъ, обыкновенно бываетъ очень удаченъ. Багоръ состоитъ изъ трезубца съ коротенькой рукояткой, такъ какъ горныя рѣки въ это время мелководны. Черезъ множество прорубленныхъ во льду отверстій высматривается, что происходитъ на днѣ рѣки, и за тѣмъ выбирается мѣсто

ловли. Тутъ прорубается во льду отверстіе фута въ 2 въ квадратѣ, и надъ нимъ, при помощи шестовъ, шубъ и мѣховыхъ одѣялъ, устраивается шалашъ, который снизу обкладывается снѣгомъ. Если въ этомъ темномъ шалашѣ ляжешь на ледъ и смотришь въ прорубь, то очень ясно видишь все до самаго дна и тѣмъ легче можешь попадать багромъ въ рыбу. Это такъ называемая сидѣбка русскихъ Сибиряковъ. При этой ловлѣ со мною случилось слѣдующее забавное происшествіе: пока я, желая ознакомиться съ нею, около четверти часа пролежалъ на животѣ, налимъ наконецъ наскочилъ на мой багоръ, а когда я захотѣлъ вытащить его, то къ удивленію моему самъ оказался пойманнымъ. Дикая борода моя примерзла ко льду и не хотѣла отстать отъ него. Мнѣ разсказывали, что въ 1844 году въ Забайкальѣ, въ Аргуни, вслѣдствіе сильнаго половодья, рыбы изъ породы карповъ зашли въ рѣку выше обыкновеннаго предѣла и сидѣбка [1]) доставляла несмѣтное количество рыбы, но все-таки не могла равняться успѣхамъ запруды, гдѣ въ первую половину зимы крестьянинъ тамъ-же наловилъ болѣе 1000 пудовъ рыбы, на которую, вслѣдствіе такого изобилія, цѣна понизилась отъ средней цифры (6—8 рублей) на половину и менѣе.

Козаки дѣлаютъ забойки поперекъ всей Аргуни и ловятъ въ нихъ осетровъ, тайменей, ленковъ и т. д. Въ мое время тамъ помѣшалъ этому ледоходъ. Но уже тогда козаки спускались по Амуру, чтобы ставить извѣстныя снасти. На полную снасть считались 51 крюкъ, которые, вися на бичевкахъ, прикрѣплялись къ одной общей веревкѣ и опускались въ болѣе спокойныя или обратныя теченія (улова). Главная веревка прикрѣплена къ якорю, на положеніе котораго указываютъ плавающіе колья. Кромѣ большихъ осетровъ, козаки главнымъ образомъ разсчитывали при этомъ на Амурскую бѣлугу (калуга, Нигидальскій адинъ, Acipenser orientalis), между которой нѣкоторые пойманные экземпляры вѣсили отъ 10 до 20 пудовъ. Люди, заслуживающіе довѣрія, разсказывали мнѣ даже, что встрѣчались калуги въ 30 пудовъ вѣса, какъ напр. пойманная въ 1844 году у Шилкинскаго завода, успѣвшая передъ тѣмъ уйти со всею снастью. Она дала болѣе 5 пудовъ икры.

Само собою разумѣется, что при такихъ обстоятельствахъ старинная метода уженія рыбъ, искони свойственная всѣмъ первобытнымъ народамъ, не употребляется. Исключеніе однакоже составляли русскіе поселенцы въ Введенскомъ, на Дудыптѣ, которые таскали лоховъ-кунджу изъ ближайшихъ озеръ.

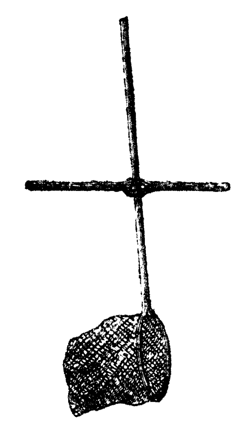
Въ заключеніе считаю нелишнимъ сообщить описаніе особаго способа, какъ Якуты ловятъ карасей и крошечныхъ линьковъ мундушекъ (Cypr. perenurus), которые въ тамошнихъ мелководныхъ, илистыхъ болотныхъ озерахъ водятся въ необыкновенномъ изобиліи. Пробивъ долотооб-

Сибирскій ледосниматель.

[1]) Здѣсь она устраивается подъ шалашами, крытыми соломою.

разнымъ концомъ лома прорубь во льду и убравъ ледоснимателемъ отдѣльно плавающіе кусочки льда, опускаютъ изображенный тутъ сачекъ подъ ледъ, кладутъ просверленную палку поперекъ проруби и крѣпко придавливаютъ ее колѣнами, продѣвъ въ нее предварительно рукоятку сачка. За тѣмъ сачекъ толчками опускается на дно и вслѣдствіе того, что рукоятка, поворачиваясь кругомъ, въ тоже время постепенно приподнимается вверхъ, сѣтка сачка описываетъ спираль. Сдѣлавъ до 50 оборотовъ, рыбакъ быстро поворачиваетъ сачекъ вокругъ оси, такъ что онъ закрывается, и вытаскиваетъ его изъ воды. При этомъ вода взбалтывается въ какую-то илистую кашу. Вкусъ рыбъ дѣйствительно отзывается такимъ происхожденіемъ.

Сачекъ для ловли карасей и линей.

Охота въ Сибири.

Преданіе возводитъ первые зачатки человѣческаго существованія къ райскому питанію растеніями. Исторія главнымъ образомъ принимаетъ за исходную точку первоначальнаго быта рыболовство и охоту, которыя наконецъ, посредствомъ кочеваго скотоводства, доходятъ до созидающаго государство земледѣлія.

Объ охотѣ говорится, что ею занимались сначала по необходимости, а потомъ ради удовольствія, и что наконецъ она обратилась въ искусство, примкнувшее къ наукѣ о лѣсоводствѣ.

Съ зоотомической точки зрѣнія физіологическая антропологія должна согласиться съ преданіемъ, такъ какъ зубы и кишечный каналъ человѣка, хотя и устроены какъ у всеядныхъ животныхъ, но все-таки главнымъ образомъ приспособлены къ растительной пищѣ. Съ психологической же точки человѣкъ является положительно хищнымъ животнымъ, которому страсть къ охотѣ такъ прирожденна, что до сихъ поръ высшей культурѣ и цивилизаціи нисколько не удалось измѣнить его хищническую натуру. О воинскихъ его наклонностяхъ, вплоть до каннибализма, мы не станемъ тутъ говорить.

Образъ дѣйствій кочевниковъ, любаго племени, среди первобытной природы, на каждомъ шагу доказываетъ, что человѣкъ родился хищнымъ животнымъ. Кто человѣка признаетъ за высшую степень развитія одной изъ породъ обезьянъ, тотъ долженъ представить его себѣ потомкомъ хищной обезьяны, или предположить, что первоначальная обезьянья порода его предковъ, преимущественно питавшаяся растеніями, въ теченіи тысячелѣтій болѣе и болѣе переходила къ питанію мясомъ, болѣе и болѣе передавала своимъ потомкамъ плотоядныя наклонности, все сильнѣе возбуждая этимъ дѣятельность мозга, все сильнѣе разжигая страсти, составляющія все-таки основу всякой культуры. Питающійся растеніями браминъ положительно помѣшанное на одномъ предметѣ искусственное произведеніе культурныхъ условій глубокой древности.

Одаренный такою страстью къ охотѣ, что въ молодые годы каждая внезапно вылетавшая дичь судорожно сжимала мнѣ сердце, но смолоду пріучившись обуздывать этотъ пылъ и доводить себя до невозмутимаго спокойствія надежнаго охотника, я былъ увѣренъ, что среди кочевниковъ найду настоящихъ мастеровъ этого дѣла. Каково же было мое удивленіе, когда я въ первый разъ отправился на охоту съ моими спокойными миролюбивыми пріятелями, Асинскими Самоѣдами. Мы тронулись въ путь на 14 саняхъ. Пришлось проѣхать нѣсколько верстъ съ однихъ возвышеній на другія, выдававшіяся надъ тундрою, и быстроногіе сѣв. олени, составлявшіе нашу упряжь, несли насъ довольно скоро. Но на каждомъ возвышеніи дѣлался привалъ, и болтовня да куренье, въ которыхъ я не умѣлъ

принимать участіе, требовали очень много времени, потому что привалы повторялись очень часто. Моему нетерпѣливому понуканію самоѣдскій старшина Тойчумъ, мой патронъ, затягиваясь табачнымъ дымомъ до самый глубины своихъ легкихъ, противопоставилъ философское, спокойное изрѣченіе: «кто не куритъ, тотъ плохой охотникъ; ему недостаетъ необходимой доли спокойствія». По дѣломъ тебѣ, горячка, подумалъ я, и замолчалъ. Наконецъ показалось соотвѣтствовавшее охотничьимъ требованіямъ стадо, и мы тотчасъ-же отретировались за небольшой пригорокъ. Оставивъ тамъ запряженныя сани свои, мы, стрѣлки, укрылись на возвышеніи, съ котораго довольно хорошо видна была вся охота. Дичь стала приближаться; я не узнавалъ своихъ друзей. Кровь ихъ вскипала, какъ у самой горячей охотничьей собаки. Возбужденная до крайности страстность ихъ высказывалась въ отрывочныхъ замѣчаніяхъ; по временамъ они обмѣнивались коротенькими восклицаніями, свидѣтельствовавшими о спертомъ дыханіи, и когда животныя по-видимому хотѣли уйти въ сторону, то охотники стали издавать громкіе, похожіе на вой, протяжные вопли, въ высокихъ тонахъ. Ими вполнѣ овладѣла самая страстная возбужденность, и мнѣ, привыкшему къ строгому соблюденію порядка при европейскихъ облавахъ, казалось, что теперь все дѣло испорчено. Но открытая тундра обширнѣе, чѣмъ ее себѣ представляетъ новичекъ, вѣтеръ былъ выбранъ превосходно, животныя ничего не слышали и даже вдругъ пошли прямо на насъ. Какъ пораженные молніей, сотоварищи мои по охотѣ пали на землю за свое снѣговое прикрытіе. Нѣсколько минутъ спустя, стадо въ слишкомъ 30 головъ подошло къ намъ и пробѣжало мимо насъ шагахъ въ 50. Двѣ, даже три стрѣлы каждый Самоѣдъ успѣлъ вынуть черезъ плечо изъ своего колчана и пустить въ животныхъ, прежде нежели они ушли изъ подъ выстрѣла, но даже и на такомъ разстояніи большая часть стрѣлъ не попала въ цѣль. Такъ неукротимъ былъ дикій охотничій пылъ у этихъ дѣтей природы, умѣвшихъ иногда убивать чаекъ на лету! Я онѣмѣлъ отъ удивленія: этого я никакъ не ожидалъ. Это были, отъ головы до пятокъ, настоящіе хищные звѣри. Глаза ихъ сверкали, сами они выли съ отчаянія. Правда, что это былъ исключительно неудачный случай, но онъ былъ тѣмъ характеристичнѣе. Столь-же характеристичны были восторженные крики, низкіе поклоны и изъявленія благодарности, когда раненныя мною животныя вскорѣ пали. Описаніе такой-же страстности я встрѣтилъ прежде, читая объ охотѣ у Кафровъ, добыча которой доставалась даже не имъ самимъ, а ихъ князю.

Такимъ образомъ не удивительно, что иногда въ горахъ Тунгусъ на лыжахъ своихъ слишкомъ отважно преслѣдуетъ дичь и, не будучи въ состояніи во-время остановиться, падаетъ въ пропасти. Вблизи крутыхъ долинъ р. Керби, 14-го Октября, мнѣ самому привелось Тунгуса, поспѣшившаго раньше насъ на охоту за соболями, застать въ самомъ странномъ положеніи. Было прехолодное утро, градусовъ въ 20° Р. Когда я, съ полчаса послѣ ухода Тунгуса, верхомъ, на сѣв. оленѣ, отправился въ путь впереди нашего каравана, то я вдругъ, верстахъ въ 3-хъ въ сторонѣ, увидѣлъ пылающій огонекъ. Поѣхавъ прямо на него, я засталъ тамъ своего спутника, который какъ на вертелѣ голый кружился

у сильно пылавшаго костра и въ тоже время ножемъ тщательнѣйшимъ образомъ соскабливалъ съ кожаной стороны своей одежды ледяные наросты и впитавшуюся въ нее воду. Желая во что бы то ни стало поймать уже почти настигнутаго имъ соболя, онъ провалился въ ручей, который еще едва успѣлъ покрыться льдомъ, потому что вода его вытекала изъ горныхъ расщелинъ.

Но кто въ состояніи перечислить всѣ невзгоды и опасности, которымъ ежедневно подвергается кочевникъ-охотникъ? Мнѣ хотѣлось только охарактеризовать охотничій задоръ этихъ записныхъ охотниковъ. Вспыхнувъ случайно, онъ разгорается быстро и безъ удержу, а между тѣмъ тотъ-же кочевникъ вообще прехладнокровный человѣкъ, умѣющій напр. свою страсть къ наживѣ подчинить разсудку на столько, что въ тундрѣ успѣлъ установиться обычай въ извѣстное время не охотиться на песцовъ. По-этому одна изъ главныхъ жалобъ европейскихъ Самоѣдовъ на вторгающихся въ ихъ землю Зырянъ заключалась въ томъ, что послѣдніе выкуриваютъ песцовъ изъ норъ. Когда я попытался сдѣлать тоже самое въ Таймырской тундрѣ, то друзья мои очень внушительно упрекнули меня въ этомъ, говоря, что вслѣдствіе этого нора на будущій годъ останется незанятою. Такимъ образомъ предложеніе Гамеля [1]) вовсе не такъ невыполнимо, какимъ оно кажется; онъ совѣтовалъ назначить срокъ прекращенія охоты на сѣв. оленей, также какъ на козуль, сайгу и т; д. въ такое время, когда мѣха ихъ не имѣютъ цѣны, т. е. въ началѣ лѣта, когда шкура ихъ какъ сито пробуравлена прошлогодними подкожными личинками.

Припомнимъ, какое значеніе охота имѣла уже въ первыя времена открытія или завладѣнія Сибири казаками. Ссылаемся въ этомъ отношеніи на сказанное нами на стр. 81. Соболи, чернобурыя лисицы и песцы составляли золотое руно, за которымъ стремились искатели богатствъ. Они-то и влекли завоевателей отъ открытія къ открытію, потому что правительство измѣряло значеніе этихъ открытій по цѣнности тѣхъ пушныхъ животныхъ, о существованіи которыхъ ему можно было донести. Выгода, которую сулила каждая вновь открытая полоса земли, опредѣлялась главнымъ образомъ по числу «сороковъ», добытыхъ у кочевниковъ; сорокъ соболей составляли связку и обращались въ торговлѣ подъ названіемъ «сорока» соболей, уже въ началѣ 13-го столѣтія [2]) и вѣроятно еще гораздо раньше. Герберштейнъ говоритъ, что въ Новгородѣ онъ видѣлъ собольи шкуры (вѣроятно цѣлую шубу), за которыя платили отъ 20 до 30 тысячъ червонцевъ [3]). Наплывъ разнаго рода «промышленныхъ гулящихъ людей», привлекавшихся такими богатствами, сопровождался гораздо болѣе бурными переворотами, чѣмъ настоящее золотое руно, открытое два съ половиною вѣка позднѣе въ образѣ чрезвычайно богатыхъ золотыхъ пріисковъ, распространенныхъ въ Сибири на большомъ протяженіи.

Что касается самой охоты, то въ общемъ цѣломъ она, кажется, мало измѣнилась

---

[1]) Mémoires de l'Acad. de St.-Pétersbourg, VIe série. Bullet. scientif. p. XVIII.

[2]) Adelung, S. Freih. v. Herberstein, 1818, стр. 207, примѣч.

[3]) Мнѣ не представляется теперь возможность справиться съ подлинникомъ, и потому ссылаюсь на извѣстіе, напечатанное въ Журн. Мин. Внутр. Дѣлъ за 1853 годъ, стр. 185.

тѣхъ поръ, какъ Сибирь подпала европейскому владычеству. Въ этомъ слѣдуетъ упрекнуть правительственныя учрежденія. Напр. (срав стр. 558) они вовсе не старались поощрять возможно бо̀льшее распространеніе цѣлибухи, а въ новѣйшее время не позаботились о замѣнѣ его стрихниномъ, объ обученіи жителей приготовленію стрихниновыхъ пилюль, о возможно большемъ распространеніи огнестрѣльнаго оружія, объ ознакомленіи кочевниковъ съ постепенными его усовершенствованіями, объ отпускѣ лучшаго пороху въ достаточномъ количествѣ и т. д.

Огнестрѣльное оружіе первоначально распространилось изъ Китая къ сѣверу. Уже при старикѣ Витсенѣ [1]) у Манджуровъ и Монголовъ были мушкеты. Но передъ Албазинымъ они все еще играли въ видѣ фитильныхъ ружей. Отъ Монголовъ послѣдніе въ концѣ восьмаго столѣтія перешли къ Калмыкамъ и Киргизамъ [2]), которые однакоже до самаго послѣдняго времени не могли отвыкнуть отъ фитиля. Весь сѣверъ Сибири до нынѣшняго столѣтія довольствовался лукомъ и стрѣлою. Между приобскими татарами Ермакъ возбудилъ удивленіе и ужасъ огнестрѣльнымъ оружіемъ своей дружины, особенно «невидимыми стрѣлами», поражавшимй враговъ, не смотря на щиты ихъ [3]).

Тогда какъ въ шведской Лапландіи уже въ концѣ первой половины 18-го столѣтія огнестрѣльное оружіе совершенно вытѣснило лукъ и стрѣлу, мнѣ привелось лично убѣдиться цѣлое столѣтіе спустя, что народы въ низовьяхъ Енисея, (не говорю уже о моихъ пріятеляхъ, Асинскихъ Самоѣдахъ Таймырскаго края) всѣ безъ исключенія довольствовались лукомъ и стрѣлой. Между тѣмъ негры африканскихъ прибрежныхъ странъ уже двумя столѣтіями раньше запаслись огнестрѣльнымъ оружіемъ. Кромѣ русскихъ поселенцевъ, въ мое время огнестрѣльное оружіе было только у Тунгусскаго племени (со включеніемъ Долганъ, Ламутовъ и Юкагировъ). Это были извѣстныя мелкопульныя винтовки, которыя на всемъ сѣверѣ Европейской Россіи служатъ главнымъ образомъ для стрѣлянія куропатокъ и бѣлокъ и по-видимому заведены тамъ въ первой половинѣ 18-го столѣтія [4]). При состязаніи въ стрѣльбѣ, которое я устроилъ на прибрежьяхъ Охотскаго моря, оказалось, что Тунгусы съ недлинными дулами, въ 4 или 5 пядей длины, которые они клали на подставки въ 2 или $2^1/_2$ пяди вышины, на 100 шаговъ рѣдко дѣлали промахъ въ четвертушку бумаги, часто даже попадали въ нее довольно близко къ центру.

Тунгусъ въ прибрежныхъ странахъ Охотскаго моря содержалъ свою винтовку очень чисто; главнымъ образомъ онъ дѣлалъ это вѣроятно потому, что ружье сильно засорялось отъ плохаго пороха. Не успѣешь, бывало, оглянуться, какъ Тунгусъ опять уже отвинтилъ казенный винтъ и чиститъ дуло.

---

[1]) Witsen, II, стр. 5, 133.

[2]) Müller, Samml. Russ. Geschichte. III, стр 488; IV, стр. 223.

[3]) Тамъ-же, VI, 264, 265.

[4]) Въ 1733 гогу Черемисы употребляли лукъ и стрѣлы, тогда какъ у сосѣдей ихъ, Чувашей и Вотяковъ, уже были винтовки (Müller, Samml. Russ. Gesch. III, стр. 327, 379). Но еще при Георги (Reise, II, стр. 597) Вогулы были вооружены луками.

Въ мое время въ округѣ Удскаго Острога трудно было пріобрѣсти винтовку дешевле 100 руб. асс., хотя на Уралѣ она тогда стоила отъ 2—5 рублей, а перевозка изъ Екатеринбурга въ Якутскъ обходилась не дороже 7 рублей. Давленію со стороны купцовъ, торгующихъ этимъ необходимымъ товаромъ, мѣстному управленію въ то время слѣдовало противопоставить конкурренцію. Въ настоящее время дѣло приняло, кажется, другой оборотъ[1]).

Кромѣ мелкопульныхъ винтовокъ въ мое время только въ верховьяхъ Амура встрѣчались мѣстами винтовки бо́льшихъ размѣровъ, пріобрѣтенныя, какъ говорили, въ Ташкентѣ и слывшія подъ именемъ Солорнскихъ винтовокъ.

О странномъ короткомъ прикладѣ, да еще болѣе странномъ, открытомъ снаружи замкѣ, пружина котораго усиливается или совершенно замѣняется упругой деревянной дужкой, о выдолбленной деревяшкѣ съ желобомъ для литья, въ которомъ, посредствомъ раздуванія горящихъ углей, топится свинецъ для пуль, и о тому подобныхъ, поражающихъ насъ, первобытныхъ особенностяхъ, я не стану распространяться, такъ какъ это всѣмъ хорошо извѣстно.

По видимому не только апатія, но и послѣдствія прежнихъ порядковъ, были причиною, почему бѣднымъ кочевникамъ долго не представлялась возможность запастись лучшимъ оружіемъ. Длинный рядъ мелкихъ возстаній, послѣдовавшихъ за занятіемъ Сибири, повлекъ за собою неоднократное подтвержденіе строжайшаго запрещенія снабжать сибирскихъ туземцевъ огнестрѣльными припасами[2]).

Вслѣдствіе этого дѣло дошло до такой несообразности, что правительство, оставивши продажу пороха за собою, своихъ же собственныхъ подданныхъ, для которыхъ охота составляетъ единственный источникъ пропитанія, и у которыхъ подать взимается въ видѣ добытыхъ ими мѣховъ, лишало огнестрѣльныхъ принадлежностей. На замѣчаніе Палласа[3]), что Башкиры сами приготовляютъ для себя порохъ, на жалобу Крузенштерна[4]) относительно недостатка пороха въ Камчаткѣ, на заявленіе Уваровскаго[5]), требовавшаго отъ своего начальства уже въ 1827 году, чтобы въ Удской край вмѣсто дозволенныхъ до того времени 2 пудовъ, впрочемъ также не отпускавшихся (см. главу

---

1) По письменному сообщенію Радде, на Амурѣ не было недостатка въ винтовкахъ и въ его время хорошую маленькую винтовку можно было купить за 10 руб. сер. И по словамъ Черкасова (Записки охотника Восточн. Сибири, 1867, стр. 13), путешествовавшаго 20 лѣтъ послѣ меня, винтовка въ Забайкальѣ стоитъ отъ 15 до 3 руб. сер. Очевидно тамъ дѣлу помогли вооруженія по случаю занятія Амура.

2) Такое распоряженіе было сдѣлано напр. еще въ 1700 году (Словцовъ, Историч. обозр. Сибири, II, стр. 468). При Стеллерѣ (Kamtschatka, стр. 178) огнестрѣльное оружіе было запрещено Камчадаламъ и самъ Стеллеръ подвергся слѣдствію за то, что уступилъ Камчадаламъ пороху. Въ Палласово время (Reise, II, стр. 74) Башкирамъ не позволено было имѣть при себѣ огнестрѣльное оружіе, и въ Якутскѣ я самъ еще засталъ приказаніе не отпускать жителямъ пороху, хотя они большею частью питались дичью.

3) Reise, II, стр. 63.

4) Reise, II, стр, 258.

5) Найдено мною въ Якутскомъ архивѣ.

о Тунгусахъ), ежегодно посылалось 10 пудовъ пороху (и 20 пудовъ свинцу) не обращалось никакого вниманія. Прибывъ въ Удской Острогъ, я, вопреки указанію правительства, не засталъ тамъ ни малѣйшаго количества пороху, которое могло бы быть отпущено въ мое распоряженіе. Изъ пороха же, все-таки находившагося у Тунгусовъ, имъ приходилось дѣлать непомѣрно большіе заряды, потому что онъ былъ слишкомъ слабъ [1]).

Затронутыя тутъ несообразности не могли бы удержаться столько времени, если бы въ охотничьемъ быту кочевниковъ вообще ружье не играло лишь второстепенной роли до тѣхъ поръ, пока дебри оставались настоящими первобытными дебрями. Отчасти огнестрѣльное оружіе достаточно замѣняется лукомъ и стрѣлой. Пока не представляется случая, во всякое время, безъ труда, добывать огнестрѣльныя принадлежности, до тѣхъ поръ кочевникъ благоразумно придерживается оружія собственнаго изготовленія.

На первый взглядъ лукъ Таймырскихъ Самоѣдовъ по-видимому чрезвычайно простъ; при всемъ томъ однакоже требуется немало опытности и искусства, чтобы толково приготовить для него дерево смолистыхъ корней глубоко-сѣверной лиственицы. За тѣмъ весь лукъ, при помощи налимнаго клея, красиво обклеивается берестою и вслѣдствіе того отчасти укрѣпляется, отчасти предохраняется отъ прониканія сырости въ дерево и отъ ослабленія упругости. Дознанныя опытомъ, самыя слабыя части лука укрѣпляются посредствомъ неоднократнаго обматыванія ихъ берестою. Въ заключеніе кобылка (*a*) по обоимъ концамъ придаетъ луку больше упругости и правильно распредѣляетъ напряженіе различныхъ частей лука. Нужно замѣтить, что лукъ натягивается не по направленію дуги, какъ могутъ думать непосвященные въ это дѣло, а въ противоположную сторону.

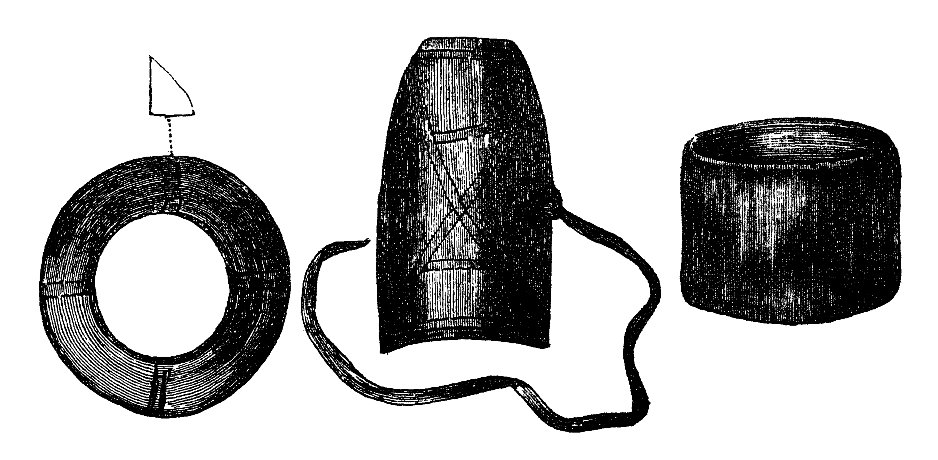
Лукъ Таймырскихъ Самоѣдовъ.

Отъ поврежденій и главнымъ образомъ отъ сырости лукъ защищается футляромъ, сдѣланнымъ изъ шкуры сѣв. оленя, а на морскихъ прибрежьяхъ изъ тюленьей шкуры. На XV-й таблицѣ изображенъ самоѣдскій футляръ въ полномъ его блескѣ. Тщательно исполненные узоры могутъ служить нашимъ дамамъ доказательствомъ, что самоѣдскія женщины опередили ихъ по части любезной внимательности.

У Юкагировъ упругость лука усиливается, какъ извѣстно, тѣмъ, что онъ обкладывается пластинками носоваго нароста отъ ископаемаго носорога; Чукчи употребляютъ китовый усъ и т. д.

[1]) При этомъ случаѣ считаю нелишнимъ упомянуть о слѣдующемъ, непонятномъ для меня обстоятельствѣ. Вслѣдствіе-ли необыкновенной стужи, перенесенной моей прекрасной двустволкой (Бартмеръ), или по другой причинѣ, выстрѣлы изъ нея стали такъ слабы, что въ Апрѣлѣ и Маѣ дробинки мои отлетали только на 30—40 шаговъ и лежали разбросанными по снѣгу. «Вотъ тебѣ твои стрѣлы», говорили мнѣ Самоѣды, которые подбирали ихъ и приносили ко мнѣ.

Неизбѣжную принадлежность лука составляетъ предохраненіе натягивающей его руки отъ обратнаго отскакиванія тетивы. Это предохранительное приспособленіе (у Русскихъ **наручка**) имѣетъ либо видъ металлическаго щитка, который ремнемъ прикрѣпляется вокругъ сгиба руки и прикрываетъ мѣсто около пульса, либо видъ кольца, которое или дѣлается изъ металла, или бываетъ только наперсткообразнымъ кускомъ трубчатой кости, насаживается на большой палецъ и задерживаетъ обратный ударъ тетивы.

Приспособленіе противъ обратнаго удара тетивы.

Значительный выборъ стрѣлъ встрѣчается даже у Таймырскихъ Самоѣдовъ, приборы которыхъ вообще отличаются большою простотою. На слѣдующей страницѣ изображена вся моя коллекція стрѣлъ изъ Таймырскаго края.

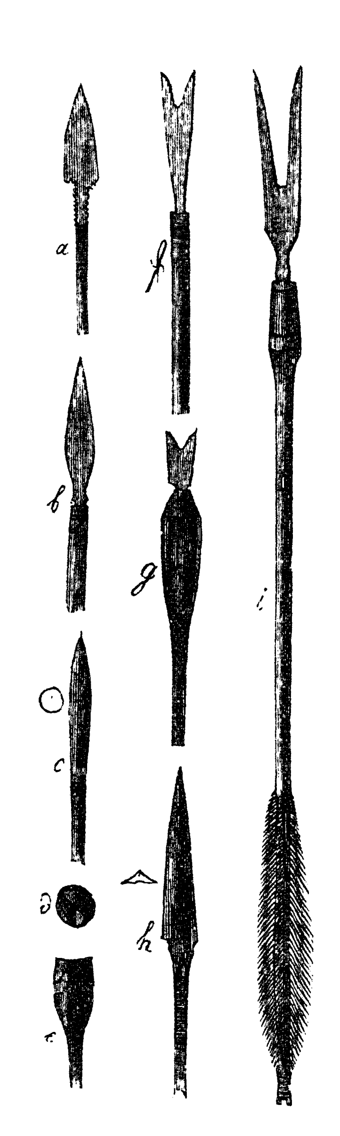
a, *b*, *h* назначены для крупныхъ животныхъ, вплоть до сѣв оленя; *c* имѣетъ конусообразный костяной наконечникъ и служитъ для нанесенія широкой раны при недальнемъ разстояніи выстрѣла; *f*, *g*, *i* употребляются для птицъ, преимущественно гусей, а *e* остяцкій обращикъ, т. е. тупая стрѣла, которою Остяки убиваютъ бѣлокъ. Она не портитъ шкуры, но на тупомъ концѣ ея дѣлаются разныя нарѣзки (*d*) для усиленія удара [1]).

Такимъ образомъ на самомъ глубокомъ сѣверѣ недостаетъ развѣ только свистящей бурятской стрѣлы, наконечникъ которой просверленъ такъ, что стрѣла не только шипитъ, но и свиститъ, подобно просверленнымъ пулямъ. Она остроумно придумана, для пусканія вслѣдъ за убѣгающими четвероногими, которыя на время пріостанавли-

[1]) Ниже, въ главѣ о Долганахъ, будутъ приведены якутскія названія, которыми обозначается каждый видъ этихъ стрѣлъ. Срав. также стр. 606, гдѣ говорится о самострѣлахъ.

ваются, прислушиваясь къ свисту, и тѣмъ даютъ стрѣлку время прицѣлиться. Обыкновенно это достигается простымъ свистаніемъ, либо подражаніемъ голосу каркающаго ворона или воющаго волка.

Стрѣльбу изъ лука я представлялъ себѣ болѣе успѣшною. Самоѣды, которымъ приходится довольствоваться только этимъ оружіемъ, не отличались ни ловкостью прицѣла, ни дальними и сильными выстрѣлами. Однажды, при санной облавѣ, когда я изъ каждаго ствола убилъ по сѣв. оленю и взялся за винтовку, чтобы убить вожака стаи, стараго самца, ружье осѣклось. Пока я успѣлъ насадить новый пистонъ, животное уже ускакало далеко въ тундру, но посланною ему въ слѣдъ пулею мнѣ все-таки удалось раздробить ему голенную кость какъ-разъ надъ правою пяткою. Олень мой, прихрамывая, медленно подвигался впередъ. Чтобы ознакомиться съ дѣйствіемъ стрѣлъ, я предложилъ Самоѣдамъ доконать животное. Одинъ за другимъ подъѣзжалъ къ нему шаговъ на 30 или на 40, соскакивалъ съ саней, спускалъ свою стрѣлу и уѣзжалъ въ величайшемъ страхѣ. Тутъ я въ первый разъ узналъ, что раненный сѣв. олень самецъ, подобно лосю, иногда можетъ сдѣлаться охотнику опаснымъ; при добродушіи этихъ животныхъ мнѣ никогда это не приходило въ голову. Одиннадцать стрѣлъ пронзило бѣдное животное, прежде нежели оно пало. Изъ нихъ двѣ попали въ ребра, желѣзный наконечникъ согнулся отъ удара въ кость и стрѣла повисла безвредно; двѣ другія стрѣлы пронзили животъ, такъ что концы торчали съ другой стороны; остальныя засѣли болѣе или менѣе глубоко въ разныхъ мѣстахъ туловища. Самоѣды постоянно разсказывали мнѣ о сѣв. оленяхъ, которые хотя и были сильно ранены, все-таки уходили. Это мнѣ напомнило убитаго спутниками Врангеля медвѣдя, въ которомъ сидѣли три стрѣлы отъ прежняго преслѣдованія[1]). Только одинъ Самоѣдъ пытался стрѣлять на лету поморниковъ, которые подлетаютъ очень близко и долго висятъ на одномъ мѣстѣ. Онъ приманивалъ ихъ брызгами воды, которыя производилъ весломъ. Но и онъ не попадалъ въ птицу.

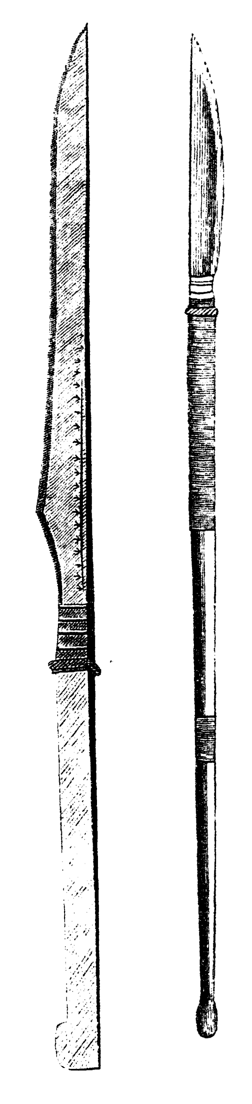

Стрѣлы Таймырскихъ Самоѣдовъ.

[1]) Врангель, Путешествіе II, стр. 69.

У Забайкальскихъ Тунгусовъ, славящихся своимъ искусствомъ стрѣлять изъ лука, я уже засталъ огнестрѣльное оружіе и потому не имѣлъ случая любоваться ихъ искусствомъ.

Неудовлетворительное дѣйствіе стрѣлъ повело къ употребленію средствъ, усиливающихъ это дѣйствіе. Должно казаться страннымъ, что ядовитыя стрѣлы употребляются и на глубокомъ сѣверѣ, который вѣдь пользуется особою привилегіею, т. е. изъятъ природою отъ опасныхъ ядовитыхъ веществъ растительнаго и животнаго царства, свойственныхъ теплымъ климатамъ. Это вспомогательное средство по-видимому распространилось вдоль береговъ Великаго Океана до Сибири. По словамъ Зибольда [1]) Айно смазываютъ свои стрѣлы для медвѣжьей охоты аконитовымъ ядомъ. О сѣверныхъ сосѣдяхъ ихъ, Курильцахъ и Камчадалахъ, равно какъ о Корякахъ, Чукчахъ и Юкагирахъ, со временъ Стеллера, говорятъ тоже самое [2]). Этотъ-же обычай перешелъ, говорятъ, и на Манджурскихъ Тунгусовъ. О дальнѣйшемъ его распространеніи въ Сибири мнѣ ничего не извѣстно. Но отравленіе пометовъ (приманокъ) посредствомъ целибухи — способъ, употреблявшійся уже древними Римлянами, — распространилось съ Запада по всей Сибири до восточныхъ береговъ ея [3]). Я уже говорилъ (стр. 558) о необходимости особенной поддержки этой методы, такъ какъ въ глуши она безопасна и хищныя животныя легко идутъ на приманку [4]).

Медвѣжья рогатина изъ Якутстка. Русск: отказъ; якутск. Bataja. На Богапидѣ.

Вообще же охота въ Сибири основана главнымъ образомъ на самомъ точномъ знакомствѣ съ характеромъ животныхъ, ихъ образомъ жизни, привычками и т. д. По-этому Сибиряки преимущественно любятъ разставлять ловушки; въ гораздо меньшей степени они стрѣлки и несравненно бо́льшая часть животныхъ добывается не оружіемъ какого-бы то ни было рода. Даже страшнаго своего соперника, медвѣдя, сибирскій кочевникъ встрѣчаетъ не огнестрѣльнымъ оружіемъ, а рогатиной, которую Тунгусъ дѣлаетъ длиною въ 6 футовъ и, на случай надобности, у мѣста соединенія рукоятки съ желѣзомъ, привязываетъ коротенькимъ ремнемъ небольшой поперечный валекъ, чтобы устранить слишкомъ глубокое про-

1) Fauna Japonica, Mammalia, p. 29.

2) Steller, Kamtschatka, стр. 27, 94, 236. Шелеховъ, Странствованія, стр. 91.

3) Въ Чаунскомъ заливѣ, по Запискамъ Сибир. Отд. Геогр. Общ., кн. III, стр. 99.

4) Поселенцы въ низовьяхъ Енисея очень требовали

никаніе ея въ мясо. За тѣмъ свирѣпо наступающему сопернику рогатину втыкаютъ въ грудь и вмѣстѣ съ тѣмъ свободный конецъ ея упираютъ въ землю, такъ что медвѣдь накалывается собственною тяжестью.

На сколько Тунгусъ отважно вступаетъ въ бой съ медвѣдемъ, на столько боятся этого животнаго обитатели тундръ, Русскіе, Самоѣды, Якуты, къ которымъ оно забирается лишь изрѣдка. Они привыкли охотиться не на медвѣдей, а на сѣв. оленей.

Упражненіе, съ ранней молодости, сообщаетъ человѣку первобытной природы невѣроятное умѣнье отыскивать почти совершенно изгладившіеся слѣды животныхъ. Онъ читаетъ по нимъ, какъ по книгѣ, что̀ дѣлало животное, которое онъ отыскиваетъ, что̀ оно будетъ дѣлать сегодня или завтра въ такое-то и такое-то время. За тѣмъ ему уже не трудно подстеречь свою добычу и, подкрадываясь какъ кошка, напасть на нее въ расплохъ; не трудно засѣсть, гдѣ слѣдуетъ, или въ безграничной пустыни загнать любое животное какъ разъ въ то мѣсто, гдѣ поджидаетъ товарищъ охотника. Онъ неподражаемый мастеръ подкрадываться и для этой цѣли употребляетъ также сѣв. оленя[1]), на длинномъ поводѣ, въ замѣнъ стрѣлковаго коня. Если же снѣгъ глубокъ, или весною покрытъ настомъ, то Тунгусъ опять на иной ладъ подражаетъ волку, т. е. соединяется по возможности съ другимъ охотникомъ и пускается въ запуски. Такъ напр. въ тундрѣ, на границѣ лѣсной растительности, караулятъ сѣв. оленей. Имъ осторожно отрѣзаютъ путь въ тундру и этотъ маневръ удается кочевникамъ, какъ было сказано, такъ хорошо, что они вдвоемъ гонятъ другъ къ другу животныхъ не только въ горахъ, но и на ровной степи, даже если они охотятся на антилопъ[2]). Сѣв. оленей понемногу оттѣсняютъ къ лѣсу и часто травля начинается только подъ вечеръ назначеннаго для охоты дня. На чрезвычайно легкихъ охотничьихъ лыжахъ преслѣдуютъ животныхъ до тѣхъ поръ, пока они едва дышатъ, за тѣмъ настигаютъ ихъ, и не рѣдко закалываютъ ножемъ, не рѣдко же на нѣсколько шаговъ не попадаютъ въ нихъ стрѣлою, потому что и охотникъ до такой степени запыхается, что ему даже не всегда удается натянуть лукъ. Такимъ-же образомъ охотятся и на лося и часто при благопріятномъ снѣгѣ онъ, съ трудомъ пробѣжавъ двѣ мили, уже болѣе не въ состояніи трогаться съ мѣста. Закалываніе же его рисковано, потому что онъ сильно бодается и бьется.

Въ горахъ Тунгусъ бродитъ по хребтамъ и заглядываетъ въ долины. Завидѣвъ животное или услышавъ его, потому что звукъ несется кверху, онъ какъ молнія спускается на лыжахъ своихъ въ долину и настигаетъ стаю прежде, нежели она успѣетъ ускакать отъ него. На Алданскомъ хребтѣ я бесѣдовалъ съ двумя тунгусскими братьями, кото-

---

целибухи. Это весьма понятно, потому что, во-первыхъ, они терпятъ большіе убытки въ количествѣ сѣв. оленей, а во-вторыхъ, мѣха хищныхъ животныхъ доставляютъ большія выгоды. Въ мое время въ Дудинѣ росомаха стоила еще отъ 12 до 20 руб., а волкъ, за котораго прежде платили до 50 руб., отъ 10 до 25 руб. Все это на ассигнаціи.

[1]) Маньчикъ. Нѣкогда такая охота происходила и въ Лапландіи.

[2]) Срав. напр. Радде въ Beitr. zur Kenntniss des Russ. Reiches, p. 369.

рымъ при глубокомъ снѣгѣ и настѣ въ теченіи трехъ недѣль удалось заколоть до 600 сѣв. оленей. Пригодились имъ единственно шкуры этихъ оленей.

Въ другомъ мѣстѣ и въ другое время Тунгусъ высматриваетъ слѣдъ лося или оленя, преслѣдуетъ животное осторожно и медленно, но безпрерывно, не даетъ ему возможности поѣсть, ночуетъ, преслѣдуетъ его на другой, на третій день, пока оно наконецъ дѣлается его жертвой. Обыкновенно оно становится слишкомъ смѣлымъ.

Всего этого Самоѣдъ не въ состояніи продѣлать, потому что онъ плохой ходокъ. Но пріятель мой Тойчумъ, Асинскій старшина, показалъ мнѣ, что и Самоѣды занимаются травлей, хотя въ совершенно другомъ родѣ. Былъ Октябрь мѣсяцъ и тундра была уже покрыта глубокимъ снѣгомъ, который бури еще не успѣли ни смести, ни сбить; онъ былъ рыхлъ. Впрягши въ сани двухъ здоровыхъ сѣв. оленей, Тойчумъ пустился въ погоню за песцомъ, постоянно перерѣзалъ ему путь и вскорѣ довелъ его до утомленія. Изнемогавшее животное стало описывать вокругъ саней все меньшіе круги и Тойчуму приходилось употребить въ дѣло всю поворотливость своихъ оленей. Забава кончилась тѣмъ, что Тойчумъ сбросилъ съ саней свой мѣховой ножной мѣшокъ, совершенно утомленный песецъ залѣзъ подъ него, и ловкій возница на запыхавшихся оленяхъ привезъ намъ свой трофей. Въ другой разъ, когда мы во время сильной вьюги замѣтили песца, откапывавшаго мышей, Тойчумъ подъѣхалъ къ нему съ подвовѣтренной стороны, соскочилъ съ саней и, снявъ съ себя верхнюю шубу, такъ ловко подползъ къ песцу, что схватилъ за хвостъ усердно лакомившагося звѣря прежде, нежели онъ успѣлъ опомниться. Песецъ столь же неостороженъ, какъ его землячки на глубокомъ сѣверѣ, бѣлыя альпійскія куропатки, которыхъ на открытой тундрѣ Самоѣдъ одинъ загоняетъ въ сѣть. Послѣдняя состоитъ большою частью, изъ 5 крыльевъ, каждое длиною въ 5 шаговъ. Ячейки величиною въ 4 квадр. дюйма, стѣнка, вышиною всего въ $1\frac{1}{2}$ фута, выпукло ниспадаетъ на землю между туго натянутыми на палки бичевками. Такую сѣтку разставляетъ Самоѣдъ, когда находитъ стаю бѣлыхъ куропатокъ; за тѣмъ заходитъ къ нимъ съ тыла, преспокойно гонитъ ихъ къ сѣткѣ, и, нагибаясь, прокрадывается то туда, то сюда, чтобы дать птицамъ необходимое направленіе. Догнавши ихъ до самой сѣтки, онъ съ крикомъ выскакиваетъ, куропатки взлѣтаютъ и запутываются въ ячейкахъ сѣти.

Чтобы вкратцѣ покончить дѣло съ охотой кочевниковъ на птицъ, считаю еще только нужнымъ замѣтить, что нѣсколько тысячъ гусей и лебедей, убиваемыхъ во время линянія на тундренныхъ озерахъ, да множество тетеревовъ и рябчиковъ, добываемыхъ Тунгусами, по временамъ не мало содѣйствуютъ увеличенію съѣстныхъ запасовъ кочевниковъ. Дубина, лукъ да стрѣла, винтовки и простыя ружья, всякаго рода ловушки, капканы и силки употребляются въ дѣло для добыванія гусей.

Однимъ словомъ, способовъ добыванія животныхъ, смотря по обстоятельствамъ, безконечно много. Не являются на помощь насты и вьюги, такъ охоту облегчаютъ то комары, то прибой волнъ, то шумъ горныхъ потоковъ и т. п. Кромѣ того, у каждаго

животнаго есть своя слабая сторона: такъ напр. сѣв. олень чуетъ присутствіе человѣка, по запаху, едва-ли не за версту и въ такомъ случаѣ тотчасъ убѣгаетъ, но за то, подобно медвѣдю, сравнительно плохо слышитъ и видитъ.

Такъ мнѣ привелось быть свидѣтелемъ не совсѣмъ понятнаго для меня случая. Въ началѣ Мая, подъ 72° с. ш., въ Таймырской тундрѣ, когда мы съ Самоѣдами медленно подвигались къ сѣверу, при незначительномъ туманѣ, небольшая стая дикихъ сѣв. оленей быстро направлялась прямо на нашъ караванъ. Поднялся страшный шумъ и крикъ, при чемъ Самоѣды приподнимались и стояли на своихъ саняхъ, но все это ничего не помогало. Наконецъ они ухватились за конецъ башлыка своего рубашкообразнаго верхняго тулупа, скидывая эту шубу черезъ голову, стали съ адскимъ шумомъ раскачивать ее и махать руками, пока животныя не повернули назадъ и не убѣжали въ открытую тундру. Самоѣды, встревожившіеся со страху, что дикіе сѣв. олени увлекутъ за собою свободно слѣдовавшихъ за караваномъ запасныхъ сѣв. оленей, утверждали, что въ это время года сѣв. олень страдаетъ насморкомъ и что, вслѣдствіе этого, животное, вообще столь осторожное, становится просто нахальнымъ [1]).

Самый удобный случай для успѣшной охоты, преимущественно на сѣв. оленей и козуль, представляютъ регулярныя странствованія этихъ животныхъ, на которыя они собираются цѣлыми тысячами (срав. стр. 366). Бывали времена, когда одинъ охотникъ съ лодки своей закалывалъ до 100 животныхъ, при переправѣ ихъ вплавь [2]).

Кочевникъ положительно можетъ разсчитывать на то, что добыча его не уйдетъ отъ него, когда она отправилась въ воду. По этому Самоѣдъ подстерегаетъ сѣв. оленей въ удобныхъ мѣстахъ въ лодкѣ. Часто животныя и безъ всякаго видимаго повода охотно идутъ въ воду. Мнѣ самому случилось видѣть, какъ двѣ оленицы съ своими телятами добровольно вошли въ Таймырское озеро, въ такомъ мѣстѣ, гдѣ разстоянія до противоположнаго берега было болѣе географической мили. Особенно это бываетъ въ Таймырскомъ краѣ въ то время, когда молодыя альпійскія бѣлыя куропатки начинаютъ летать, т. е. отъ половины до конца Іюля. Трава и ивовые побѣги уже становятся жесткими, и по временамъ, даже такъ глубоко на сѣверѣ, появляются насѣкомыя; по-этому сѣв. олени заходятъ въ горы, за лишайниками. При этомъ самцы бываютъ спокойнѣе и легче позволяютъ загонять себя въ опредѣленныя мѣста.

Чтобы облегчить себѣ этотъ трудъ, Самоѣды разставляютъ въ тундрѣ ряды маленькихъ колышковъ, на которые насаживаютъ головки изъ дерна, землею кверху. Этимъ они замѣняютъ лѣтомъ свои зимнія мастерски придуманныя махалки.

Для послѣднихъ они тщательно собираютъ чернобурыя крылья черныхъ гусей, сушатъ ихъ въ растопыренномъ видѣ, попарно кладутъ одно противъ другаго, и посредствомъ колышка соединяютъ ихъ въ одно неподвижное цѣлое. Каждая пара этихъ крыльевъ

---

[1]) Геденштрёмъ (Отрывки о Сибири, стр. 114) испыталъ нѣчто подобное.

[2]) Точно тоже самое повторяется въ Сѣв. Америкѣ, въ такъ называемыхъ deer-passes (напр. King, I, стр. 245, 255).

составляетъ махалку и короткимъ ремнемъ привязывается къ пруту въ 3 фута длины. За тѣмъ выѣзжаютъ на сѣв. оленяхъ по крайней мѣрѣ въ 4 или 5 саняхъ, порядкомъ нагруженныхъ мѣшками съ такими махалками и развѣдываютъ тундру указаннымъ выше (см. стр. 594) способомъ. Какъ скоро показываются животныя, такъ въ 2 или болѣе саней впрягаютъ лучшихъ сѣв. оленей, по 3 въ каждые, кладутъ на нихъ всѣ махалки, во весь опоръ несутся впередъ, все болѣе удаляясь одни отъ другихъ, и черезъ каждые 30 или 50 шаговъ вкось втыкаютъ въ снѣгъ прутъ съ крыльями, попеременно то болѣе высокій, то болѣе низкій, т. е. болѣе короткій прутъ. Крылья эти покачиваются даже при совершенно тихой по-видимому погодѣ. Несясь все далѣе въ тундру, эти сани такимъ образомъ натыкаютъ на снѣгѣ очертанія громадной воронки и въ тоже время объѣзжаютъ замѣченную стаю на такомъ разстояніи, что забираются ей въ тылъ. Потомъ, по возможности спокойно, начинаютъ загонять стаю въ пространство, обставленное махалками до тѣхъ поръ, пока она подойдетъ къ съуженому концу воронкообразнаго пространства. Тутъ на самомъ опасномъ поворотѣ, примѣрно шаговъ на сто отъ стрѣлковъ, лежащій въ засадѣ загонщикъ внезапно выскакиваетъ, скидываетъ съ себя мѣховую рубаху черезъ голову, размахиваетъ ею и руками и кричитъ. Такимъ неистовымъ крикомъ Самоѣды не даютъ животнымъ времени опомниться и до такой степени увѣрены въ своемъ успѣхѣ, что къ удивленію моему мы, три стрѣлка, залегшіе конечно изъ-подъ вѣтра, повалены были въ снѣгъ не рядомъ, а по одной линіи одинъ позади другаго, и дѣйствительно подвергались опасности, что насъ животныя задавятъ. При этомъ черноволосые, да чернобурые отъ грязи Самоѣды надѣваютъ на голову и на лобъ маленькіе, бѣлые колпаки изъ оленьей шкуры, чтобы лучше укрыться. Мнѣ пришлось лежать на животѣ, спутники же мои, сидя на поджатыхъ подъ себя ногахъ, свернулись какъ складные ножи.

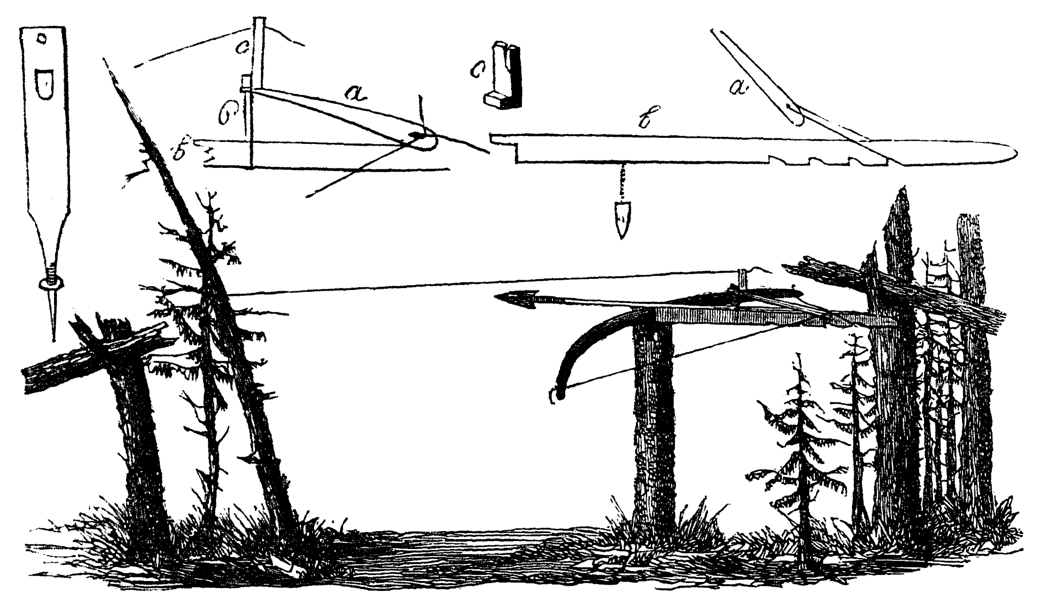
У Самоѣдовъ сцена измѣняется, принимая, то тутъ, то тамъ, новую или другую форму, тогда какъ въ области лѣсной растительности Тунгусъ въ одиночествѣ, въ которомъ онъ является, достигаетъ того-же посредствомъ засѣкъ [1]). На Становомъ хребтѣ я нѣсколько дней сряду ѣхалъ вдоль такихъ засѣкъ. Обыкновенно онѣ тянутся по хребтамъ возвышенностей; одно дерево за другимъ надрублено на высотѣ лосиной груди и повалено для загражденія пути. На 40, 60 или болѣе шаговъ разстоянія, въ болѣе рѣдкихъ мѣстахъ, по которымъ животныя обыкновенно проходятъ быстрѣе, поваленъ болѣе толстый стволъ и оставленъ проходъ шага въ полтора. Но въ этихъ проходахъ встрѣчаетъ животныхъ не охотникъ, а либо силки, либо ямы, либо самострѣлы. Точно «Hage» древнихъ Германцевъ.

Силокъ, этотъ простой охотничій приборъ, употребляется для ловли, начиная съ рябчиковъ, бѣлокъ, горностаевъ и соболей до животныхъ оленьей породы и медвѣдя. Для ловли послѣдняго Гиляки разставляютъ большія ремневыя петли, которыя укрѣ-

---

[1]) По якутски: toṅgú, по тунгуски: ogór.

цляются между двумя стволами въ такихъ мѣстахъ, гдѣ глубоко протоптанныя тропинки, ведущія высоко на верху вдоль скалистаго отвѣснаго прибрежья, спускаются къ морю, такъ что часто ни справа, ни слѣва нѣтъ другой дороги. Такимъ-же образомъ разставляются силки въ засѣчныхъ проходахъ, а на мелкую дичь силки раскладываются преимущественно по стволамъ валежника, особенно тамъ, гдѣ такой стволъ служитъ мостомъ черезъ рѣчку. По такимъ стволамъ любятъ перебираться, главнымъ образомъ, не только бѣлки, горностаи, а въ особенности соболи, но и рябчики. Прикрѣпленный къ стволу силокъ соединяется съ камнемъ. Какъ только звѣрекъ попался въ силокъ и начинаетъ метаться, такъ камень съѣзжаетъ съ своей подставки и давитъ животное. Иногда, въ другомъ мѣстѣ, упругій сучекъ, разгибаясь, замѣняетъ камень. Тоненькими, прикрѣпленными къ шесту, силками изъ лошадинаго волоса или китоваго уса ловятъ даже рыбъ.

Тунгусскій самострѣлъ въ засѣчномъ проходѣ.

Интересное примѣненіе силка мы встрѣчаемъ у Самоѣдовъ, особенно въ Таймырской тундрѣ. Въ Сентябрѣ мѣсяцѣ, когда течка у сѣв. оленей достигаетъ высшей степени, выбираютъ смирныхъ самцовъ, отличающихся безупречною типичностью цвѣта. На развѣтвленія роговъ его раскладываютъ съ большимъ искусствомъ большую ремневую петлю. Когда на томъ или другомъ мѣстѣ недостаетъ необходимаго зубчика, то рога просверливаютъ, втыкаютъ коротенькій колышекъ и на добытую тѣмъ опору надѣваютъ петлю. Вооруживъ его такимъ образомъ, Самоѣды отправляются въ тундру противъ вѣтра и спускаютъ самца, какъ скоро покажется стая. Вожакъ стаи тотчасъ выступаетъ противъ приближающагося соперника, начинается бой, рога скрещиваются и дикій самецъ вскорѣ попадается въ петлю, такъ что не въ состояніи уйти, когда Самоѣдъ подъѣзжаетъ на помощь своему домашнему животному.

Впрочемъ, въ засѣчныхъ проходахъ устраиваютъ главнымъ образомъ не столько силки, сколько волчьи ямы и самострѣлы. Послѣдніе заслуживаютъ ближайшаго разсмотрѣнія, потому что должны быть причислены къ самымъ искуснымъ охотничьимъ приспособленіямъ кочевниковъ.

Лукъ[1]) дѣлается незатѣйливо изъ смолистаго корня лиственицы и все вниманіе обращено только на выборъ хорошаго дерева. Его защемляютъ въ щель древеснаго пня[2]) и посредствомъ кола, вбитаго передъ нимъ примѣрно на полфута, предохраняютъ отъ сдвиганія животнымъ; прикрываютъ его также вѣтвями. Тетива[3]), выдубленный на манеръ замши, слегка прокопченный, не смазанный жиромъ кожаный ремень, въ дождливую погоду, правда, нѣсколько растягивается, но за то дерево лука отъ сырости тѣмъ сильнѣе напрягается. Опасаются только чрезмѣрнаго натяженія дерева, ослабляющаго дѣйствіе на столько, что онъ не сохраняетъ болѣе прежней упругости, когда за дождемъ наступаетъ сухая погода[4]).

На лукѣ лежитъ безперая стрѣла, которая, страннымъ образомъ, получаетъ совершенно различныя названія, смотря по тому, костяной ли у нея наконечникъ или желѣзный, и оканчивается ли онъ простыми крючками (для соболей) или въ видѣ гарпуна[5]). Послѣдній предназначенъ для соболей, преимущественно же для выдръ. Наконечникъ стрѣлы находится приблизительно на шагъ отъ средины прохода, или отъ слѣда, потому что самострѣлъ ставится не только въ засѣкахъ, но и по слѣдамъ животнаго тамъ, гдѣ оно протаптываетъ себѣ тропу. Такіе самотрѣлы дѣлаютъ лѣсъ опаснымъ для путниковъ и немалому числу ихъ уже пришлось убѣдиться въ этомъ. Такъ какъ чрезвычайно важно установить вышину стрѣлы именно такъ, какъ это дознано давнимъ опытомъ, то изображенный на рисункѣ слѣва мѣрникъ[6]) составляетъ необходимую принадлежность самострѣловъ. Черезъ отверстія такихъ мѣрниковъ, на нѣкоторомъ разстояніи наводится стрѣла, для правильной установки ея. Конецъ ея долженъ слегка смотрѣть вверхъ и это обстоятельство такъ важно, что если одинъ крючекъ наконечника обломанъ, то неповрежденную сторону его поворачиваютъ кверху.

Слабая сторона самострѣловъ заключается въ томъ, что необходимо знать, какого

---

[1]) По якутски: ajá, по тунгусски: börkānj.

[2]) По якутски: äḡahä́, по тунгусски { у Учурскихъ Тунгусовъ: tjülömnaj'. / у Кангаласскихъ Тунгусовъ: tāna. }

[3]) По якутски: Kirís'j, по тунгусски: īlj.

[4]) Палласу (Reise, III, стр. 352) хвалили, правда, тетивы изъ конопля, крапивы или Linum perenne, но я нашелъ, что Тунгусы избѣгали ихъ, потому что въ дождливую погоду напряженіе лука, какъ отъ дерева его, такъ и отъ растительнаго волокна тетивы, становится слишкомъ велика.

[5]) На Становомъ водораздѣльномъ хребтѣ я узналъ слѣдующія названія:

Стрѣла съ костянымъ наконечникомъ по якутски: biljtös'j; по тунгусски: tschāhámdra.

Стрѣла съ желѣзнымъ наконечникомъ по якутски: äbänj; по тунгусски: djūgogi.

Соболиная, заячья стрѣла по якутски: badár; по тунгусски: bièrä.

Стрѣла съ гарпуннымъ наконечникомъ по якутски: uhúl; по тунгусски: uhulkān (Кангаласскимъ Тунгусамъ не извѣстна). Срав. еще главу о Долганахъ.

[6]) По якутски: choló; по тунгусски: ulkàwon.

рода животное можно ожидать, потому что каждое животное требуетъ другой мѣры установки, если вы хотите, чтобы стрѣла хорошо попала въ цѣль. Необходимо не только различнымъ образомъ устанавливать вышину стрѣлы надъ землей для каждой породы животныхъ, но и натягивать приводный волосъ[1]) различнымъ образомъ, съ тѣмъ, чтобы стрѣла спускалась лишь тогда, когда животное, смотря по длинѣ своего тѣла, пододвинулось надлежащею частью своего туловища подъ линію выстрѣла[2]).

На стрѣлахъ, выставляемыхъ противъ лосей, оленей или сѣв. оленей, дѣлаются въ двухъ или трехъ мѣстахъ зарубки, съ противоположныхъ сторонъ, съ тою цѣлью, чтобы стрѣлы эти, вонзясь въ тѣло, обламывались, но не могли бы быть сброшены; въ особенности олени не легко гибнутъ отъ стрѣлы, и, по увѣренію Тунгусовъ, умѣютъ излечивать свои раны, посредствомъ цѣлительныхъ растеній. Для мѣстъ, гдѣ слѣдуетъ дѣлать эти зарубки, также существуютъ вполнѣ опредѣленная, установленная опытомъ, мѣра, даже особыя названія[3]).

Приводъ видѣнъ на политипажѣ. На прикладѣ (*b*)[4]) сдѣланы три или четыре зарубки, дающія возможность натягивать лукъ въ различной степени. Язычекъ (*a*)[5]) захватываетъ за взводный клинъ (*c*), выступъ котораго удерживается петлею (*б*)[6]), свободно скользящею по прикладу въ ту и другую сторону.

Неудобное обстоятельство, заключающееся въ томъ, что животное, неожиданно наткнувшись на самострѣлъ, вслѣдствіе неразсчитанной на него установки, или безнака-

---

1) По якутски на Становомъ хребтѣ: ys'ö'n; на Алданскомъ Билирѣ, у самострѣловъ на зайцевъ: kylý; тунгусски: s'irä'nj.

2) Я засталъ у Тунгусовъ слѣдующіе размѣры:

	Вышина стрѣлы надъ землей.	Запасная длина приводнаго волоса сверхъ мѣры растяженія,
для лося	41″	21″ до 18″
» сѣв. оленя	37″	14″
» медвѣдя	24″	14″ до 10″
» волка	25″ до 24″	6″ до 4″
» рыси, кабарги и козули	17″ до 16″	2″ когда стрѣла выставлена на слѣдъ, или 0, если можно ожидать, что набѣжитъ кабарга или козуля. Когда же для приманки положены лишайники, въ особенности бородатые мхи, то дѣлается запасъ въ 4″.
» росомахи	10″ до 9″	4″ до 2″
» лисицы	11″ до 10″	3″ до 2″
» выдры и соболя	5½″	—
» бѣлки	2½″	0

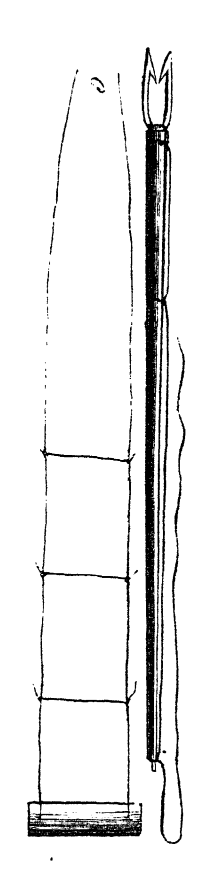
3) Первая зарубка дѣлается на 5½″ отъ конца и называется по тунгусски: munkördīn. Другая, 3½″ дальше отъ конца, называется: ortónnin. Третья, опять на 3½″ далѣе, называется: ölgy'nnan.

4) По якутски: khollorúk; по тунгусски: lotahaj'.

5) По якутски: elberä'kh; по тунгусски: chjurjugún. — Для самострѣловъ на зайцевъ приманка состоитъ изъ такихъ березовыхъ прутиковъ, которые, будучи прогрызаны, освобождаютъ приводъ. По якутски они называются: känty'k.

6) По якутски: bietschugajá; по тунгусски (у Кангаласскихъ Тунгусовъ): agenä'konj.

занно уходитъ или не получаетъ смертельной раны, вызвало измѣненіе въ томъ, что лукъ и стрѣла устанавливаются отвѣсно. Но и отвѣсная установка годна только для малорослыхъ животныхъ, начиная отъ кабарги до болѣе мелкихъ, потому что для вѣрности выстрѣла необходимо, чтобы лукъ не былъ поставленъ слишкомъ высоко, хотя стрѣла и направляется по отвѣсу. Отвѣсный самострѣлъ годенъ, слѣдовательно, только для всякаго рода мелкихъ животныхъ, но не для лося, сѣв. оленя, медвѣдя и волка. Преимущественно онъ разсчитанъ на соболя, а потому оканчивающаяся зубчиками стрѣла посредствомъ сплетеннаго изъ жилъ шнурка прикрѣпляется къ дереву, такъ какъ соболь очень живучъ и легко уходитъ.

Соболиная стрѣла съ приспособленіемъ для отвѣснаго прибора [1]).

Тунгусскимъ засѣкамъ въ Сибирскихъ горныхъ лѣсахъ соотвѣтствуютъ необозримые ряды ловушекъ (**пастники**, отъ слова **пасть**) въ тундрахъ глубокаго сѣвера. Онѣ предназначаются для песца и разставляются самыми сѣверными поселенцами разныхъ народностей. Онѣ похожи на засѣки не потому, что принуждаютъ животныхъ идти извѣстными путями, а по обширности своего расположенія, вслѣдствіе которой песецъ, куда бы онъ ни шелъ по безграничной тундрѣ, не можетъ не наткнуться на какую-нибудь ловушку или пасть, приманка которой щекотитъ носъ проголодавшемуся бѣдняку. Онъ находится въ положеніи пьяницы, котораго, куда бы онъ ни повернулся, и справа и слѣва манятъ къ себѣ кабаки. Прекраснѣйшія намѣренія кончаются тѣмъ, что послѣдній, также какъ и первый, попадаются въ ловушку. Количество ловушекъ, разставленныхъ по всему бездревесному прибрежью Ледовитаго океана до предѣла лѣсной растительности, почти невѣроятно. Гдѣ я ни бывалъ въ тундрѣ, на **Хатангѣ**, на **Хетѣ**, **Боганидѣ**, **Дудынтѣ**, **Пясинѣ**, и въ **Авамской** тундрѣ, которую эксплоатируютъ Долгане, повсюду она была испрещрена рядами ловушекъ и очевидно это въ такомъ-же родѣ продолжается дальше на востокъ, за **Колыму**. Каждый рядъ идетъ въ меридіанномъ направленіи и простирается отъ предѣла лѣсной растительности къ сѣверу нерѣдко на два и даже на три градуса широты. На **Хетѣ** людямъ приходилось выѣзжать очень рано, съ восходомъ солнца, чтобы въ тотъ-же вечеръ доѣхать до лѣснаго предѣла, т. е. только до начала своихъ пастниковъ. Поэтому каждый хозяинъ пастника — а у инаго ихъ три — строитъ по крайней мѣрѣ одинъ охотничій шалашъ [2]), стоящій на противоположномъ концѣ пастника и дающій возможность переночевать въ немъ и

[1]) По якутски: ütkölj; по тунгусски: tjü'wka.

[2]) Или «отъѣзжее зимовье»; въ Приколымскомъ краѣ: «балаганъ, поварня».

*

обождать непогоду. Такъ какъ р. Новая течетъ на значительномъ разстояніи отъ предѣла лѣсной растительности, съ З. на В., то она [1]) почти на всемъ своемъ протяженіи обставлена такими шалашами. Каждый хозяинъ пастниковъ разставляетъ по нѣскольку сотъ, даже до 500 пастей, такъ что на осмотръ пастниковъ, на выниманіе пойманныхъ животныхъ, на разстановку приманокъ и т. п., уходитъ нѣсколько дней. Первый владѣлецъ пастниковъ, съ которымъ я познакомился (на Хатангѣ), возвратился домой черезъ цѣлую недѣлю, замѣтивъ, что на этотъ разъ ему удалось отдѣлаться довольно скоро, потому что онъ ничего не засталъ. Вслѣдствіе этого пастники объѣзжаются среднимъ числомъ только разъ въ мѣсяцъ. Такимъ образомъ лишь въ особенно удачный годъ въ Таймырскомъ краѣ выдается счастливый случай, что на 8 и даже на 6 пастей попадется одинъ песецъ. Хорошій годъ [2]) бываетъ не раньше какъ черезъ 3 года, но добываніе шкуръ сильно уменьшается, пожалуй на одну треть, вслѣдствіе того, что при непомѣрномъ количествѣ песцовъ, они вѣчно голодны и варварски поѣдаютъ не только сдохшихъ, но и живыхъ плѣнныхъ. Кромѣ того, ловушки нерѣдко ревизуются волками прежде, нежели хозяиномъ. Но самымъ опаснымъ разбойникомъ оказывается россомаха, которая, говорятъ, набираетъ большіе запасы и портитъ пасти. За тѣмъ доходъ еще уменьшается тѣмъ, что шкура песца рѣдко вполнѣ хороша, и изъ извѣстныхъ низкихъ сортовъ двѣ шкуры всегда идутъ за одну.

Но, несмотря на всѣ ловушки, судьба песца иногда все-таки устраивается лучше, чѣмъ бы можно было думать. Такъ напр. въ тундрѣ мы нашли охотничій шалашикъ, который чрезъ дверь и окошко до верху наполнился снѣгомъ. Очистивъ его, добывъ съ ближайшаго озера стекло для окна, и выждавъ добрый часъ, пока вода съ потолка перестала капать, мы влѣзли въ шалашъ и провели въ истопленномъ ящикѣ комфортабельную ночь, хотя около очага почти можно было сгорѣть, а стѣны старались уравнить внѣшнюю температуру въ—27° Р. съ теплотою нашего тѣла. Впослѣдствіи мы узнали, что хозяинъ этого шалаша умеръ и теперь не было никого, кто бы взялся настороживать пастникъ, разставлять приманку и. т. д. При первобытныхъ порядкахъ случается нерѣдко, что домъ и усадьба остаются въ запустѣніи, потому что нѣтъ никого, кто бы вступилъ въ обладаніе наслѣдствомъ и оно предоставляется любому лицу.

Ловушки, въ которыя ловятъ песцовъ, придавливаютъ животное, въ родѣ изображенной далѣе заячьей ловушки, съ тою только разницею, что первыя устраиваются по крѣпче и снабжаются двумя давящими бревнами.

Ловушка или пасть [3]) по бокамъ обставляется кольями [4]), которые вбиваются въ землю. Конецъ давящаго бревна [5]) образуетъ, какъ показано съ лѣвой стороны, сомкнутую

---

[1]) Отъ Калтарова зимовья внизъ по рѣкѣ.

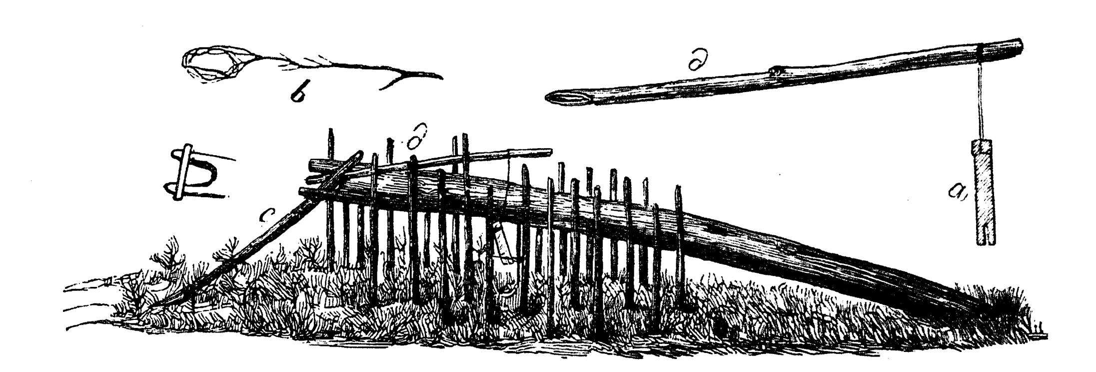
[2]) Зима 184½ года въ Таймырской тундрѣ дала богатую добычу.

[3]) По якутски: s'ochs'ó.

[4]) По якутски: s'erdita.

[5]) По якутски: bamy'k.

вилку; въ нее сбоку входитъ подпорка (*c*)[1]) которая, упираясь въ одинъ изъ боковыхъ кольевъ[2]), поддерживается перекладиной (*d*)[3]) и приводомъ (*a*)[4]) до тѣхъ поръ, пока послѣднiй молодою вѣткою (*b*)[5]) и кольцеобразно сплетенными концами ея припирается къ одному изъ боковыхъ кольевъ. Вмѣсто вѣтки, которую предлагаютъ прогрызть зайцу, песцу кладутъ кусокъ мяса отъ попавшагося въ ловушку предшественника его.

Пасть для зайцевъ.

Пасть эта бываетъ самыхъ разнообразныхъ размѣровъ, начиная отъ мелкихъ до такихъ, которыя приспособляются для медвѣдей[6]). Дерево для песцовыхъ ловушекъ привозится въ тундру съ большимъ трудомъ отъ предѣла лѣсной растительности. Впрочемъ, въ случаѣ нужды, прибѣгаютъ и къ каменнымъ плитамъ. Ловушки изъ ледяныхъ глыбъ, употребляемыя Эскимосами, въ Таймырскомъ краѣ неизвѣстны.

Другая ловушка, приспособленная для мелкихъ животныхъ: бѣлокъ, горностаевъ, хорьковъ и. т. д., прекрасно помогавшая намъ ловить лемминговъ и мышей, и справедливо предлагаемая для ловли сусликовъ, основана на примѣненiи лука къ придавливанiю животнаго. Это такъ называемый чирканъ, способъ установки котораго указанъ на

---

[1]) По якутски: bwuragás'.

[2]) По якутски: baganatá.

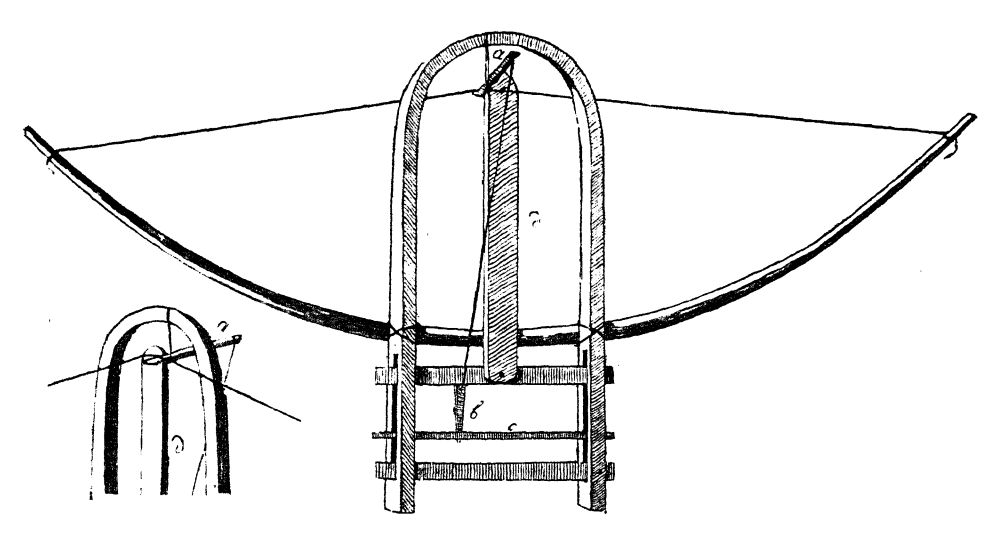
[3]) По якутски: eljbrä′g.

[4]) По якутски: kymmitá.

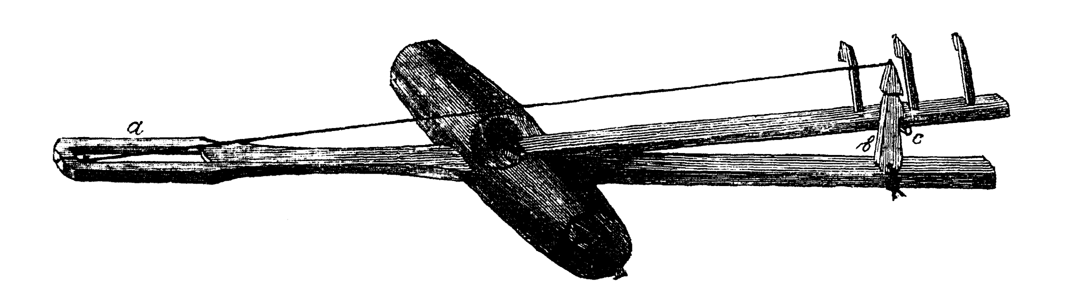
[5]) По якутски: tarderà.

[6]) Можетъ быть Цесарево извѣстiе, что Германцы надрубали деревья, придавливавшiя лосей и оленей, какъ скоро эти животныя прислонялись къ нимъ, должно быть также отнесено къ такой придавливающей ловушкѣ?

прилагаемомъ рисункѣ. Животное защемляется, когда оно, принимаясь за приманку, надавливаетъ на подножку (*c*).

Болѣе жестоко дѣйствуетъ и потому менѣе удобенъ нижепоказанный приборъ, издалека ударяющій своими зубцами въ жертву (въ *a*). Пружиною служитъ сильно скрученная бичевка, которая скрыта въ углубленіи главной положенной поперекъ части и по желанію сильнѣе можетъ быть закручиваема и натягиваема.

Упомянемъ еще разъ (срав. стр. 558) объ оригинальномъ, также слишкомъ жестокомъ, но при всей его простотѣ остроумномъ, способѣ ловли посредствомъ заостренныхъ кусковъ китоваго уса, которые скручиваютъ въ маленькіе клубки, смачиваютъ и въ такомъ замороженномъ видѣ обкладываютъ приманкой. Не только волки, но и бѣлые медвѣди, говорятъ, попадаются такимъ образомъ въ руки охотниковъ, когда проглоченные клубки, растаявъ въ кишкахъ, раскручиваются и распарываютъ внутренности.

О степени страданія животныхъ, убиваемыхъ такимъ образомъ, равно какъ самострѣлами и пастями, можно судить по тому обстоятельству, что охотники и мѣхопромы-

шленники, по качеству волосъ и менѣе плотному сидѣнію ихъ въ шкурѣ, хорошо умѣють отличать мѣхъ животныхъ, замученныхъ такимъ образомъ, отъ мѣха тѣхъ, которыя быстро убиты и съ которыхъ тотчасъ-же содрана шкура. По видимому у первыхъ происходитъ такое-же разложеніе крови, какъ у животныхъ, добытыхъ способомъ травли. Даже при морозахъ, доходящихъ до замерзанія ртути, это разложеніе совершается быстро, или, можетъ быть, прямо припорціонально силѣ такихъ морозовъ. По крайней мѣрѣ отъ кабарги, пойманной въ пасти во время самой свирѣпой зимней стужи, сильно воняло, когда ее сварили. Наружный слой тѣла въ короткое время замерзаетъ въ непроницаемую оболочку, между тѣмъ какъ внутреннія части сохраняютъ еще теплоту крови. Получился бы такой-же результатъ, если бы животное, у котораго кровь еще тепла, заключить въ тѣсноприлегающій къ нему плотный ящикъ.

Говоря о способахъ ловли, которыми съ помощью приманокъ обманываютъ животныхъ, нельзя не упомянуть и о лизаніи соли. Сдѣланное надъ животными оленьей породы наблюденіе, что они, особенно весною, чрезвычайно жадно облизываютъ и глотаютъ землю, пропитанную солью, повело къ тому, что стали не только подстерегать ихъ тамъ, гдѣ отъ природы находятся подобныя мѣста, но и устраивать искусственныя лизни такого рода. Дѣйствительно животныя льнутъ къ подобнымъ мѣстамъ такъ сильно, особенно раннею весною, что дернъ совершенно растаптывается и земля превращается въ какую-то грязную кашу.

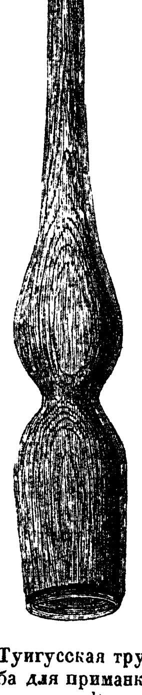
Но при этомъ интересно одно обстоятельство, проливающее неожиданный свѣтъ на психическую сторону жизни животныхъ. Тамъ, гдѣ животныхъ преслѣдуютъ, они такъ осторожны, что малѣйшее колебаніе въ теченіяхъ воздуха, малѣйшій обратный вѣтерокъ вспугиваетъ ихъ, потому что они чуятъ скрытаго охотника. Для устраненія этого обстоятельства, охотники придумали вышки, которыя устраиваютъ на деревьяхъ, скрываясь такимъ образомъ въ болѣе высокихъ слояхъ воздуха. За тѣмъ оказалось, что столь осторожныя вообще животныя не обращаютъ никакого вниманія на огонекъ, который разводитъ охотникъ, чтобы защититься отъ комаровъ. Притомъ дымъ отбиваетъ запахъ, выдающій человѣка. Этимъ-то и пользуется сибирскій охотникъ. Въ Сѣв. Америкѣ умудрились еще гораздо лучше: тамъ обкладываютъ вышку дерномъ, на которомъ поддерживаютъ веселый огонекъ, сожигая смолистое дерево, а подъ вышкой въ темнотѣ прячется охотникъ. Животныя, не боясь огня, подходятъ къ нему шаговъ на 20, и даже въ темную ночь представляютъ охотнику вѣрную цѣль, особенно если онъ, въ избѣжаніе ослѣпляющаго дѣйствія огня, вооружится зачерненнымъ забраломъ.

Это спокойствіе животныхъ при видѣ дыма и огня можно объяснитъ только такимъ образомъ: мы должны считать его слѣдствіемъ наблюденія животныхъ, которымъ съ одной стороны ежегодно приходится имѣть дѣло съ луговыми, степными и лѣсными пожарами; съ другой же стороны имъ по опыту извѣстно, что люди, ночью сидящіе за огнемъ, ни для одного животнаго не опасны, а напротивъ того, будучи ослѣплены огнемъ, безнаказанно могутъ быть разсматриваемы животными на самомъ близкомъ разстояніи. Кромѣ

того, лѣсныя животныя, подобно домашнимъ, нерѣдко, говорятъ, находятъ себѣ защиту отъ насѣкомыхъ около многочисленныхъ костровъ, которые разводятся для домашнихъ животныхъ. Невольно вспоминаешь при этомъ, что и четвероногіе хищники по пятамъ преслѣдуютъ степной пожаръ, чтобы поѣдать обнаженныхъ грызуновъ, и что въ Африкѣ, въ случаѣ пожаровъ въ деревняхъ, насѣкомоядныя хищныя птицы появляются немедленно, даже изъ отдаленныхъ мѣстъ, для добыванія вспуганныхъ огнемъ насѣкомыхъ [2]).

Не только за желаніе полакомиться, но и за священный огонь любви, животнымъ приходится жизнью расплачиваться предъ коварнымъ человѣкомъ. Мы уже видѣли, какъ въ этомъ отношеніи въ Сентябрѣ прирученный сѣв. олень предаетъ въ руки Самоѣдовъ отборнѣйшихъ стадныхъ вожаковъ. Для приманки оленей, Тунгусъ подражаетъ громкому крику ихъ во время течки, воспроизводя хриплый ревъ ихъ, раздающійся по горамъ и долинамъ, посредствомъ изображеннаго тутъ инструмента.

Есть еще, говорятъ, трубы, сдѣланныя изъ большой веретенообразной морской раковины, у которой кончикъ на столько отрѣзываютъ, что кажется, какъ будто въ ней просверлено небольшое отверстіе.

Тунгусская труба для приманки оленя [1]).

Можно приманивать, говорятъ, и лосей. Впрочемъ иногда вмѣсто оленя къ охотнику подкрадывается тигръ, какъ это въ мое время случилось съ Буральцами на Букульдивынѣ.

Самцовъ козули и кабарги приманиваютъ свисткомъ; послѣднихъ сдѣланной на подобіе гобойнаго мундштука кудрей изъ бересты, длиною въ 1″, шириною въ ½″.

Гибельнѣе всего становится свистокъ для самокъ кабарговыхъ, до тѣхъ поръ, пока дѣтенышъ еще малъ и тщательно прячется. Онѣ тотчасъ кидаются на свистъ и обыкновенно впослѣдствіи является дѣтенышъ къ матери и раздѣляетъ горькую судьбу ея.

Помимо нѣкоторыхъ отдѣльныхъ удачъ, случающихся тому или другому охотнику въ видѣ чернобурой лисицы, даже помимо морскихъ выдръ, высшую цѣну въ глазахъ охотника имѣютъ такъ называемые панты. Пантами называются оленьи рога, пока они въ первую половину лѣта, приблизительно до конца Іюня, еще мягки, покрыты волосами (лыкомъ) и концы ихъ еще шишковаты. Добиваются ихъ чрезвычайно потому, что выстрѣлъ, убивающій оленя съ парой хорошихъ пантовъ, доставляетъ счастливому бѣдняку, за одни рога, отъ китайскихъ купцовъ 150 руб. сер. [3]). На вопросъ мой, къ чему Китайцамъ нужны такіе панты, спрошенный Тунгусъ отвѣтилъ мнѣ такими пантоминами, которыя довольно ясно указывали на любителей

---

[1]) Любопытно было бы узнать форму трубъ, которыми приманиваютъ оленей на Кавказѣ.

[2]) Heuglin, Reisen in Nordost-Afrika, 1857, p. 16.

[3]) Гюкъ (Voyage, I стр. 25) говоритъ, что въ Китаѣ ихъ оцѣниваютъ въ 150 унцій серебра.

женскаго пола. Странно, что наша materia medica мало знаетъ объ этомъ дѣйствіи cornu cervi, которое все-же должно быть очень сильно, потому что за нее платятъ такія огромныя деньги [1]).

За пантами самую цѣнную добычу составляетъ соболь. При этой охотѣ особенно важна хорошая собака (срав. стр. 528). Кромѣ того, тутъ много зависитъ отъ счастья. Если напр. на кустарномъ кедрѣ бываетъ много плодовъ, то на такой годъ охота испорчена, потому что соболь покидаетъ долины и отыскиваетъ кедровые орѣхи на возвышенностяхъ. Такъ по крайней мѣрѣ увѣряли Тунгусы. Конечно, это возможно, но все-таки я желалъ бы оставить открытымъ вопросъ: не гоняется ли соболь скорѣе за мышами, бѣлками и разными птицами, которыя всѣ имѣютъ гораздо больше права находить кедровые орѣхи весьма вкусными.

Въ трудности и почти невозможности преслѣдовать соболя въ предѣлахъ растительности кустарныхъ кедровъ я убѣдился 20-го Октября на Становомъ хребтѣ. Повсюду лежалъ глубокій снѣгъ; мы шли по свѣжему слѣду и вскорѣ спустили собаку. Она быстро стала подвигаться впередъ, изъ лѣса все выше въ область кустарнаго кедра. Не смотря на —27°Р., которые показывалъ термометръ, не смотря на то, что я сбросилъ тулупъ и въ матросской рубашкѣ слѣдовалъ за собакой, у меня скоро потъ градомъ сталъ струиться по лбу. Уже прежде, въ отдѣлѣ о сибирской растительности, говоря о кустарномъ кедрѣ, я мимоходомъ замѣтилъ, что́ значитъ забраться въ сѣть, образуемую перепутавшимися сучьями кустарныхъ кедровъ. Проходишь большія пространства и нога не проникаетъ до земли, но вдругъ она проваливается и засядетъ внизу, въ промежуткахъ между раздробленными глыбами скалъ, наверху въ непроходимой путаницѣ переплетенныхъ между собою сучковъ. Теперь представьте себѣ эту путаницу еще прикрытою толстыми слоями снѣга, которые, лежа на густомъ хвойникѣ кедровъ, еще плотнѣе придавливаютъ сучья. Сверху на васъ безпрестанно падаютъ комья снѣга, ноги перепутываются, вы безпрестанно падаете въ снѣгъ, а внизу кроется особый прикрытый сверху безснѣжный міръ лабиринтообразныхъ ходовъ, сводовъ, погребовъ, какъ бы созданныхъ для гибко извивающагося соболя. Вскорѣ ему удалось на столько забѣжать впередъ, что собака потеряла его слѣдъ. Но на сколько въ лѣсу мнѣ показалось тепло, на столько теперь на возвышенности охватилъ меня немилосердый вѣтеръ. Хотя со лба потъ скатывался крупными каплями, но шапка примерзла къ волосамъ и къ покрытымъ ледяными сосульками бровямъ; особенно тягостно было и даже раздражало нервы немедленное смерзаніе вѣкъ рѣсницами, какъ только при морганіи они прикасались другъ къ другу. Это была одна изъ самыхъ трудныхъ моихъ экскурсій и я возвратился въ шалашъ, вполнѣ убѣдившись, что соболи дѣйствительно стоятъ платимыхъ за нихъ дорогихъ цѣнъ. Другой разъ собака

---

[1]) У кого подъ рукою сочиненіе «Das veränderte Russland, 1744, I», тотъ пусть прочтетъ въ немъ стр. 71. Въ Маймачинѣ, едва я успѣлъ войти въ городъ, и у меня на улицѣ стали просить «шампанскихъ мухъ». Непомѣрное количество шампанскаго, которое въ то время истребляли золотопромышленники, подало Китайцамъ поводъ къ забавному смѣшенію.

выгнала соболя изъ-подъ огромной кучи валежника, нагроможденной горнымъ потокомъ во время половодья. Соболя трудно выкурить, хотя и зажжешь огонь надъ вѣтромъ. На этотъ разъ онъ все-таки вылѣзъ, но, скача по глубокому рыхлому снѣгу, едва показалъ раза два свою спину, и два выстрѣла мои позволили мнѣ только заглянуть въ подснѣжный міръ, въ который нырнулъ мой соболь.

Хорошая ловля соболей рѣдко продолжается долгое время. Даже осенью, которою ограничивается охота на соболей съ собакою, необходимы еще ясная погода, благопріятное паденіе снѣга и т. п. Въ мое время, 27-го Октября, когда дня два сряду продолжалась слякоть, стали говорить, что на нынѣшній годъ конецъ охотѣ на соболей. Зимою дни слишкомъ темны и слишкомъ коротки; весною же слишкомъ много снѣга на хвойныхъ деревьяхъ въ лѣсу и упадающій съ нихъ снѣгъ уничтожаетъ слѣдъ животныхъ.

Часто и соболій мѣхъ бываетъ съ большими недостатками; но Тунгусы въ этомъ отношеніи очень смѣтливы: то они растягиваютъ шкурки, то чернятъ ихъ ягодами Empetrum, то разводятъ слегка курящійся огонекъ изъ сырыхъ сучьевъ кустарнаго кедра и дымомъ чернятъ волоса и т. п.

Но и въ первобытной природѣ оправдывается практичность системы мелкаго сбора. Самую крупную статью дохода доставляютъ вообще охотнику бѣличьи шкурки, тѣмъ болѣе, что количество бѣлокъ увеличивается по мѣрѣ уменьшенія количества соболей. Помѣщая ниже нѣкоторыя извѣстія о хозяйствѣ Тунгусовъ, мы будемъ имѣть случай сообщить въ этомъ отношеніи нѣсколько указаній на уменьшеніе количества соболей. Бѣлка представляетъ еще то удобство, что охота на нее прерывается только на время самыхъ сильныхъ зимнихъ морозовъ, происходитъ и осенью и весною, и можетъ производиться въ видѣ дополненія къ земледѣлію, въ такое время, когда долгая зима сковываетъ почву.

Смотря по годамъ, успѣшность и этой охоты бываетъ различна. Тунгусы не знали, какими словами описать несмѣтное количество бѣлокъ, появившихся въ рѣчной области большаго Анма осенью, передъ моимъ пріѣздомъ. Будь у насъ достаточно пороху и свинцу, говорили они, каждому можно бы было убить по 2,000 штукъ. Въ слѣдующую за тѣмъ весну мѣстность опустѣла: по крайней мѣрѣ 4 Тунгуса, которыхъ я встрѣтилъ въ концѣ Апрѣля въ Алданскихъ горахъ и которые отправлялись въ путь на 2 вьючныхъ лошадяхъ, возвращались каждый всего съ 50—100 бѣличьими шкурками, убивъ кромѣ того нѣсколько лосей и сѣв. оленей. На притокахъ нижней части Амура въ мое время было еще столько соболей, что Тунгусы убивали тамъ бѣлокъ только между прочимъ. Притомъ у нихъ были уже не крочешныя винтовки, а штуцера довольно большаго калибра, разсчитанные на большихъ животныхъ.

Правильнѣе всего въ мое время охота на бѣлокъ производилась въ Забайкальѣ. Столь-же правильно, какъ тамъ воздѣлывалась земля, столь-же аккуратно тамошніе хлѣбопашцы и козаки, по окончаніи полевыхъ работъ, отправлялись на охоту за бѣлками; при

этомъ нѣкоторые заходили очень далеко, вглубь Китайскихъ владѣній. Въ этихъ континентальныхъ, большею частью плоскогорныхъ странахъ, во всякомъ случаѣ подверженныхъ вліянію нагорной степи и пустыни, падаетъ такъ мало снѣгу, что лыжи не употребляются и даже неизвѣстны. Въ случаѣ нужды лошадь вездѣ находитъ подножный кормъ. На нее навьючиваютъ провизію, и охотникъ почти всегда идетъ пѣшкомъ. Но такъ какъ лошади цѣлый день, пока охотникъ бродитъ по лѣсамъ, стоятъ на привязи и только ночью могутъ пастись, то онѣ очень, говорятъ, выбиваются изъ силъ.

Кто не можетъ отлучиться на долго, тотъ охотится по близости. У охотниковъ такого рода, встрѣченныхъ много въ Селенгинскомъ краѣ, дѣла на этотъ разъ шли плохо. Въ двѣ или три недѣли лучшіе охотники убили не болѣе 6 штукъ; у многихъ было только по 3 и по 4 шкурки, тогда какъ въ хорошій годъ можно добыть вдесятеро больше.

Тѣ, которые могли собраться въ дальній путь, отправлялись на 2 и даже на $2\frac{1}{2}$ мѣсяца въ горные лѣса: нѣкоторые вверхъ по Нерчѣ въ Становой пограничный хребетъ, къ верхнимъ притокамъ Олекмы, Тунгира, Витима; другіе, тронувшись съ истоковъ Амура (Срѣтенска) уходили на Уръ, къ Албазихѣ, многіе даже далеко вверхъ въ область рѣки Панги. Въ хорошіе годы приходилось до 300 бѣлокъ на ружье. Годъ моего пребыванія былъ чрезвычайно неблагопріятенъ, такъ что въ $1\frac{1}{2}$ мѣсяца лучшій охотникъ привезъ домой всего 60 штукъ, т. е. по 10 штукъ на недѣлю. Въ этомъ году охотники на Урѣ и на Пангѣ были счастливѣе, чѣмъ на Олекмѣ.

Приманкой, увлекающей людей въ такую даль, служитъ премія на бѣлокъ, т. е. возможность добыть также двухъ-трехъ соболей, тогда какъ по близости соболи уже почти совершенно истреблены. Кромѣ того въ такую дальнюю глушь манитъ человѣка еще богатая придаточная добыча: крупныя, мясныя животныя, да цѣнность ихъ кожъ.

Такъ какъ эти охотничьи экспедиціи происходили весьма регулярно, то нашлось много людей, которые устраивали дѣло поудобнѣе, строили себѣ на наиболѣе нравившихся имъ мѣстахъ охотничьи шалаши, на плотахъ спускались въ окрестности прежняго Албазина, чтобы беречь лошадей, и т. п. Такимъ образомъ даже въ самомъ дикомъ и безлюдномъ первобытномъ лѣсу все-таки можно было набрести на шалаши.

Соколиная охота, столь обычная у кочевниковъ южныхъ степей, у Киргизовъ и Калмыковъ, не производится ни въ тундрахъ, ни въ области лѣсной растительности, отдѣляющей эти сѣверныя степи отъ южныхъ, хотя нѣкогда именно сѣверъ Сибири долженъ былъ доставлять множество соколовъ, требовавшихся ко дворамъ. Герберштейнъ [1]) говоритъ: «за этою рѣкою (Печорою) находятся большія и высокія горы, ко«торыя простираются до прибрежья. На нихъ не растутъ ни деревья, ни трава. . . . На

---

[1]) Moskowiter wunderbare Historien, 1567, p. 92, 182.

*

«этихъ горахъ гнѣздятся соколы (Gyrfalcken). . . . Между послѣдними находится бѣлый «видъ съ пестрыми крыльями, называемый Herodii».

Въ Сибири существовали[1]) особые кречетники и сокольничьи помощники для двора. Царю Алексѣю Михайловичу въ 1669 году доставлено было водою, черезъ Холмогоры и Вологду, 77 кречетовъ, а осенью еще 22. На нихъ отпускались кормовыя деньги [ежедневно по 2 деньги на птицу], сдѣланы были особыя сани, обтянутыя рогожами и войлокомъ и т. п.[2]).

---

[1]) Журналъ Коннозаводства за 1842 годъ, стр. 35.

[2]) Дополненія къ актамъ историческимъ, V, стр. 435.

Выпускъ 7.

ПУТЕШЕСТВІЕ НА СѢВЕРЪ И ВОСТОКЪ СИБИРИ,

А. МИДДЕНДОРФА.

ЧАСТЬ II.

СѢВЕРЪ И ВОСТОКЪ СИБИРИ

ВЪ ЕСТЕСТВЕННО-ИСТОРИЧЕСКОМЪ ОТНОШЕНІИ.

ОТДѢЛЪ VI.

КОРЕННЫЕ ЖИТЕЛИ СИБИРИ.

(ОКОНЧАНІЕ ВСЕГО СОЧИНЕНІЯ.)

СЪ ШЕСТЬЮ ТАБЛИЦАМИ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ, 1878.

ПРОДАЕТСЯ У КОММИССІОНЕРОВЪ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ:

И. Глазунова, въ С. П. Б. — **Эггерса и Комп.**, въ С. П. Б.
Я. А. Исакова, въ С. П. Б. — **Н. Киммеля**, въ Ригѣ.
Леопольда Фосса, въ Лейпцигѣ.

Цѣна седьмаго выпуска 1 руб. 55 коп.

Къ сему выпуску приложены оглавленія первой и второй части.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Общія свѣдѣнія о коренныхъ жителяхъ Сибири.

Одну изъ весьма существенныхъ принадлежностей возложенной на меня экспедиціи на самый глубокій сѣверъ Сибири, снаряженной въ 1842 году С.-Петербургскою Академіею Наукъ, составлялъ, по плану предпріятія, лингвистическій этнографъ. Между тѣмъ назначеніе и отправка его продлились почти до моего возвращенія изъ Сибири.

Съ какимъ умѣніемъ, съ какимъ искреннимъ научнымъ самоотверженіемъ, съ какою преданностью дѣлу, пренебрегшею даже таившимся въ немъ зародышемъ смерти, наконецъ съ какимъ успѣхомъ Кастренъ выполнилъ свою задачу, объ этомъ ученому міру повѣдали посмертныя его сочиненія [1]), обработанныя и изданныя трудами академика Шифнера.

Такимъ образомъ на мою долю выпала только зоофизіологическая сторона этнографическаго наблюденія, которая впрочемъ въ то время вообще еще была, такъ сказать, въ пеленкахъ. Сначала, т. е. тамъ, гдѣ болѣе продолжительное пребываніе предоставляло мнѣ нѣсколько свободнаго времени, я съ величайшимъ усердіемъ занимался измѣреніемъ череповъ различныхъ народностей, съ которыми я встрѣчался. Дѣло въ томъ, что въ началѣ 1843 года поѣздка моя въ пустыни глубокаго сѣвера значительно замедлилась отъ необходимѣйшихъ матеріальныхъ приготовленій къ ней. Впослѣдствіи мнѣ пришлось странствовать, и странствовать безостановочно, да еще большею частью въ самое дурное время года, чтобы одолѣть неизмѣримыя пространства, которыя я долженъ былъ пройти. Лѣтомъ мнѣ удалось работать нѣсколько болѣе осѣдло, но и 1843—1844 годы я провелъ въ безлюдныхъ пустыняхъ.

Когда главное мое сокровище, нѣсколько тысячъ копотливыхъ измѣреній, произведенныхъ мною надъ черепами Остяковъ, Юраковъ, разныхъ Самоѣдскихъ племенъ, Тунгусовъ, Долганъ, сѣверныхъ Якутовъ, потонуло, какъ извѣстно, во время погибели нашей лодки на Таймырскомъ озерѣ, то мнѣ уже нельзя было снова приняться за такой-же трудъ, потому что народы разбрелись и мнѣ удалось бы собрать развѣ только какіе-нибудь лоскутки. Въ

---

[1]) A. Castrén's Reiseberichte und Briefe aus den Jahren 1845—1849. A. Castrén's Wörterverzeichniss aus den samojedischen Sprachen, 1855, и цѣлый рядъ изслѣдованій по части языковъ остяцкаго, тунгусскаго и т. д.

особенности же меня одолѣвала бездна другихъ работъ[1]), и я долженъ былъ торопиться въ отдаленный Якутскъ, для производства ожидавшихъ меня тамъ геотермическихъ наблюденій.

Все, что уцѣлѣло отъ этнографической коллекціи, читатель найдетъ на приложенныхъ къ этому выпуску 14 таблицахъ типическихъ головъ, встрѣченныхъ мною въ началѣ 1843 года. За вѣрность изображеній я могу поручиться, потому что на мѣстѣ сличалъ ихъ съ оригиналами со всею точностью систематическаго зоолога-видодѣлителя, а потомъ, когда ихъ рисовали на камнѣ, не допустилъ ни малѣйшихъ художническихъ прикрасъ.

Кромѣ этихъ портретовъ, я нахожу въ дневникахъ своихъ разныя этнографическія замѣтки, изъ которыхъ хочу сообщить тутъ нѣкоторыя данныя. О томъ, что я собралъ

---

[1]) Воспоминаніемъ о моихъ погибшихъ трудахъ у меня остались только слѣдующія измѣренія, которыя я привожу здѣсь какъ матеріалъ для сравненій, пригодный, можетъ быть, для инаго этнографа:

А) Бурятъ Банзаровъ съ широкимъ черепомъ и типическимъ монгольскимъ лицомъ.

		Миллиметр.
Въ средней лицевой линіи:	1) Отъ того мѣста на лбу, гдѣ начинались волоса, до промежутка между внутреннимъ концомъ бровей	33
	2) Отъ послѣдняго мѣста до переносицы (шва носовой кости)	10
	3) Оттуда до линіи щелей вѣка	9
	4) Оттуда до нижняго конца носа	30
	5) Отъ носовой стѣнки до отверстія рта (вышина верхней губы)	27
	6) Оттуда до подбородка	46
	7) Линія щели вѣка находится выше ушнаго отверстія	27
	8) Внутренній уголъ глаза находится ниже линіи щели вѣка (отверстіе которой очень узко)	0,5
	9) Внѣшній уголъ глаза находится ниже линіи щели вѣка (отверстіе которой очень узко)	0,25
	10) Нижняя часть ушной мочки (почти недостающей) выше нижняго конца носа	15
	11) Вся длина наружнаго уха	70,5
	12) Отъ внутренняго угла глаза горизонтально до основанія носоваго хребта	12
	13) Ширина носоваго хребта	9,5
	14) Наибольшая ширина лица въ скуловыхъ сводахъ	123
	15) Вся длина тѣла	1601
	16) Отъ плеча до локтя (сбоку)	280
	17) Отъ локтя до ручной кисти	238
	18) Оттуда до корня средняго пальца	80
	19) Длина средняго пальца	113
	20) Длина большаго пальца	69
	21) Ширина руки у корня пальцевъ	82

Слѣдовательно, щель вѣка, хотя была узка и у наружнаго угла оканчивалась складкою кожи, все-же не тянулась косо кверху; носъ широкъ; пальцы длинны и тонки, за исключеніемъ коротковатаго большаго пальца. Цвѣтъ кожи ясно показываетъ распредѣленіе чернаго пигмента и потому кажется черновато-блеклымъ, въ сравненіи съ смуглой отъ солнца кожи нашихъ крестьянъ подъ 58° шир., имѣющей бурый цвѣтъ.

	А) Тиманск. Самоѣдъ. Монгольск. типъ.	В) Канинск. Самоѣдъ. Финнск. типъ.
	въ англійск.	дюймахъ.
1) Вышина тѣла	50,33	46,4
2) маховая его сажень	54,5	—
3) Вышина послѣдняго шейнаго позвонка (надъ землею)	40,5	36
4) Вышина начала грудной кости	38,58	35,15
5) » гребня тазовой кости (crista oss. ill.) и пупа	37,25	33,75
6) Вышина spina ant. sup. oss. ilei	35	32
7) » symphysis oss. pub.	32,25	28,5
8) » trochanter	31,5	29,25
9) » колѣна (нижній край Patella)	17,25	15
10) Длина ноги	9,2	8,1
11) » передней части руки	11	9,3
12) » руки (отъ кисти до конца сред. пальца)	6,83	6,75
13) Ширина плечъ (со включеніемъ рукъ)	14,1	14,8
14) Разстояніе между сосками	7,3	7,3
15) Ширина таза (отъ одного trochanter до другаго)	12,1	10,7
16) Зрачекъ	темнобурый	желтобурый.

и разные филологическо-этнографическіе матеріалы, ученому міру стало достаточно извѣстно потому, что они подали поводъ такому знаменитому филологу, какъ Бётлингку, своротить съ главнаго пути изслѣдованій, которыми опъ постоянно занимался прежде, и посвятить нѣсколько лѣтъ подробному изученію Якутскаго языка, т. е. побочному труду, который между тѣмъ можетъ поспорить съ главнымъ трудомъ иныхъ ученыхъ.

Сборникъ словъ, собранныхъ мною у береговыхъ Юраковъ, Тавгинскихъ и Енисейскихъ Самоѣдовъ, равно какъ у Тунгусовъ, также не совсѣмъ остался незамѣченнымъ. Акад. Шифнеръ воспользовался имъ для интересныхъ сравненій, при обработкѣ Кастреновыхъ сборниковъ словъ [1]). Для правильнаго пониманія этихъ сравненій, позволю себѣ замѣтить тутъ, что тщательно пріучивъ ухо вслушиваться въ звуковыя отличія произношенія, я употреблялъ много вниманія на возможно вѣрное выслушиваніе и передаваніе звуковъ. По этому алфавитъ нашъ, дѣйствительно, вскорѣ показался мнѣ неудовлетворительнымъ. Я прибѣгнулъ къ надписыванію одной надъ другой двухъ буквъ, между которыми заключался слышанный мною звукъ. По этому желанье отстоять мой собственный способъ передачи звуковъ не сочтутъ, надѣюсь, за неумѣстное самолюбіе, хотя, правда, такой основательный филологъ, какъ Кастренъ, послѣдовалъ по моему слѣду. Если напр. Кастрену слышалось только *п*, а я постоянно находилъ нужнымъ ставить звукъ, колеблющійся между *п* и *ф*, или если я передъ *к* и *т* указывалъ сильное или слабое придыханіе, то я очевидно не довольствовался звукомъ *п*, или звуками *к* и *т* безъ придыханія, слѣдовательно иной разъ, можетъ быть, точнѣе подмѣчалъ звукъ, или встрѣчалъ людей, иначе произносившихъ слова.

Акад. Шифнеръ совершенно справедливо указываетъ на то, какъ трудно бываетъ правильно понимать звуки первобытнаго народа, у котораго органы произношенія устроены совершенно иначе, чѣмъ у насъ. Кромѣ того, я полагаю, что лингвистъ, имѣющій возможность пользоваться заблаговременно придуманнымъ алфавитомъ сравнительнаго языкознанія новѣйшаго времени, не смотря на это великое удобство, можетъ подвергнуться невыгодѣ предвзятаго систематизирующаго обобщенія, невыгодѣ, которая нисколько не смущаетъ простаго, немудрствующаго дилеттанта, прислушивающагося только къ произношенію словъ. Бывало слушаешь, навостривъ уши, и все-таки никакъ не уловишь полу-бормотнаго, полу-гортаннаго, полу-носоваго, полу-проглоченнаго глухаго звука первобытнаго человѣка. Языкъ этихъ первобытныхъ народовъ, казалось мнѣ, находится въ дѣтскомъ состояніи и въ томъ отношеніи, что даже произношеніе не приняло еще совершенно твердой формы, и что каждый кочевой родъ, даже любое отдѣльное лицо вправѣ произносить звукъ на свой ладъ.

---

[1]) См. вышеприввед. сочиненіе, стр. XIV—XIX. Тунгусскія замѣтки мои сообщены акад. Шифнеромъ въ изданномъ имъ небольшомъ соч. Кастрена: Grundzüge der Tungusischen Sprachlehre, 1856, стр. XI — XV и стр. 119—139.

Послѣднее обстоятельство даже поразило меня среди русскихъ поселенцевъ въ низовьяхъ Енисея. Они жили въ то время чрезвычайно изолированно, и этимъ-то недостаткомъ взаимныхъ сношеній я объяснялъ себѣ нѣкоторыя странности въ произношеніи русскихъ словъ, иногда чрезвычайно меня поражавшія. Такъ напр. были поселенія, въ которыхъ не только у всѣхъ членовъ семейства, но и у всѣхъ другихъ, постепенно перебравшихся туда, домочадцевъ различнаго происхожденія, преобладало шепеляніе [1]). Мнѣ казалось, что это примѣры особенностей, усвоенныхъ привычкою, а не унаслѣдованныхъ вслѣдствіе особаго устройства органовъ произношенія.

При этомъ случаѣ не мѣшало бы согласиться на счетъ нѣкоторыхъ названій степеней родства. Изъ писемъ Кастрена [2]) я вижу, что акад. Шёгренъ не былъ доволенъ его способомъ употребленія названія племя (Stamm). Я намѣренъ удержать слово родъ (Geschlecht) для подраздѣленія народности тѣхъ сибирскихъ туземцевъ, между которыми должно предположить близкое семейное родство. Слово племя (Stamm) заключаетъ въ себѣ болѣе обширное понятіе и соотвѣтствуетъ слову ордѣ (Horde) [3]). Вождь или начальникъ племени искони получаетъ титулъ князца [4]). Едва-ли не каждая изъ различныхъ сибирскихъ народностей дѣлится на племена, за исключеніемъ развѣ такихъ, которыя уже начали исчезать.

Въ видѣ введенія къ нижеслѣдующимъ извѣстіямъ, предпосылаю прилагаемое изображеніе новой церкви и старой колокольни въ Туруханскѣ. Пусть точный рисунокъ съ нихъ станетъ говорить за меня тамъ, гдѣ Кастренъ смотрѣлъ на дѣло иначе, чѣмъ я. Мнѣ постройка показалась весьма изрядной по отношенію къ тому, что мы вправѣ требовать отъ заштатнаго города подъ пустыннымъ полярнымъ кругомъ. Кастренъ же [5]) говоритъ: «для пріѣзжаго человѣка въ Туруханскѣ церковь очень трудно отличить отъ солянаго магазина». Упряжныя собаки въ городѣ ему показались страшными, я же нашелъ (см. стр. 525), что онѣ были трусливы. Поселенія ему пока-

---

[1]) Какъ-то въ Нижне-Имбатскомъ и Баклановскомъ, напр. низайсе; сибко; усли запрекать; стѣсній уроменецъ (вм. уроженецъ). Буква *в* пропускалась; напр. мѣстѣ (вм. вмѣстѣ): *р* часто вовсе не произносилось; вм. *л* употреблялось *ы*.

Все это такъ напоминало мнѣ нашихъ Эстовъ, что я усердно, но тщетно старался отыскать связь съ финскимъ племенемъ.

Подобнымъ образомъ Редовскій въ своемъ рукописномъ дневникѣ замѣтилъ, что у крестьянъ въ Инѣ, на Охотскомъ морѣ, было странное произношеніе, напр. Осхипъ, вм. Осипъ.

[2]) Reiseberichte und Briefe, стр. 142.

[3]) Въ мое время мѣстное управленіе создало искусственную неизмѣнную грань, установивъ, что небольшой народъ въ болѣе чѣмъ 100 душъ муж. пола нужно называть ордой, а при меньшемъ числѣ душъ — родомъ.

[4]) Изъ нихъ Гантимурскіе князцы въ Забайкальѣ возводились, какъ извѣстно, въ дворянское достоинство. Обдорскіе князья—являющіеся въ царскомъ титулѣ, получали дипломы и почетные кафтаны. Одинъ изъ нихъ дошелъ до того, что сталъ чувствовать свое достоинство. Онъ обзавелся тѣлохранителемъ, и когда его разбирала охота выказать свой санъ, то онъ отъ времени до времени бросалъ на землю свою шапку, которую тѣлохранитель долженъ былъ поднимать.

[5]) Reiseberichte und Briefe, 1865, стр. 234.

зались невыносимыми; по моему мнѣнію они были сносны и, для приваловъ въ глуши, неоцѣнимы. Кастренъ, въ ущербъ другимъ кочевникамъ, питалъ особенную любовь

Церковь въ Туруханскѣ.

къ Остякамъ, въ которыхъ онъ видѣлъ ближайшихъ родичей Финновъ; онъ восхваляетъ добродѣтели и извиняетъ недостатки ихъ. Я же не видѣлъ болѣе жалкаго и испорченнаго Сибиряка-туземца, какъ Остяка, и не знаю другаго спасенія для этого народа, какъ сглаженія его національности, сліянія съ Русскими, и полнаго поглощенія его послѣдними, хотя я вполнѣ того мнѣнія, что правительству необходимо загладить много ошибокъ своихъ въ отношеніи къ другимъ народнымъ племенамъ и что не слѣдуетъ затрогивать самостоятельный характеръ большей части ихъ.

Но вернемся къ дѣлу.

Что касается наружнаго вида Сибирскихъ туземцевъ, то путешественнику вскорѣ становится яснымъ, что, не смотря на поразительныя типическія особенности, на которыя онъ повсюду натыкается, послѣднія все-таки потому только такъ бросаются въ глаза, что составляютъ противоположность европейскимъ физіономіямъ, среди которыхъ онъ выросъ. Если мы станемъ поближе входить въ сравнительное различеніе Сибирскихъ туземцевъ, если станемъ сравнивать народъ съ народомъ, племя съ племенемъ, родъ съ родомъ, или наконецъ отдѣльныя личности одного и того-же рода между собою, то передъ нами станутъ возникать, все сбивчивѣе и сбивчивѣе, такія различія, которыя

намъ, сообразно съ лингвистическими и историческими изслѣдованіями, придется объяснять все-таки одинаковымъ способомъ, т. е. тѣмъ, что въ теченіи доисторическихъ тысячелѣтій жители Сибири въ огромныхъ размѣрахъ мѣняли между собою мѣста пребыванія своего, а еще болѣе скрещивались, вслѣдствіе кровныхъ помѣсей. Конечнымъ же результатомъ этихъ помѣсей для зоотехника, занимающагося скрещиваніемъ скота, оказывается, что обратившееся въ непоколебимый догматъ ученіе о математически-формулированныхъ условіяхъ помѣси, т. е. о полукрови, четверти крови, трехъ четвертяхъ крови и т. д., совершенно неправильно. Больше всего, напротивъ того, намъ приходится удивляться возвращенію скрещенныхъ индивидуумовъ къ первоначальному типу, совершается-ли это возвращеніе уже въ первомъ поколѣніи, или только въ теченіи цѣлаго ряда поколѣній; какъ только различные типы народовъ, племенъ или родовъ скрещивались между собою, такъ является возвращеніе или къ типу отца, или къ типу матери. Но рѣзче всего монгольскій типъ высказывается всегда у женщинъ, у которыхъ въ молодые годы появляется недурная кошачья физіономія, съ широкими скулами и яблокообразно выдающимися щеками, со впадиною снизу, переходящею въ довольно острый подбородокъ.

Можно бы было подумать, что я нѣкоторыя убѣжденія, добытыя въ послѣднія 30 лѣтъ изъ результатовъ производившихся мною скрещиваній, теперь, по легкопонятному самообману, переношу и на сибирскихъ туземцевъ. По этому я очень радъ, что у меня есть неопровержимое доказательство на то, что я съ такими-же убѣжденіями возвратился уже изъ Сибири, и что они только еще болѣе подтвердились моими наблюденіями надъ домашними животными.

Нижеслѣдующее извлеченіе изъ изустнаго доклада, читаннаго мною 5-го Марта 1847 года въ засѣданіи Импер. Русскаго Геогр. Общества, но не помѣщеннаго ни въ одномъ изъ спеціальныхъ журналовъ, будетъ служить доказательствомъ[1]), которымъ я дорожу.

Уже нѣсколько лѣтъ сряду два самоѣдскихъ семейства зимою посѣщали нашу столицу. Денежный разсчетъ побудилъ корыстолюбивыхъ аферистовъ преподнести намъ эти этнографическія рѣдкости. Успѣхъ соотвѣтствовалъ ожиданіямъ. Со всѣхъ сторонъ стекались любопытные, всѣ осматривали, на ледяномъ покровѣ Невы, этотъ странный на-

[1]) Заимствую его буквально изъ St. Petersb. Zeitung, 1847, № 76, 77, изъ статьи, озаглавленной слѣдующимъ образомъ: «Die Samojeden in Petersburg als Gegenstand ethnographischer Forschung. Nach einem von Herrn v. Middendorff ... gehaltenen Vortrage» Этотъ рефератъ въ свое время возбудилъ много желчи. Показавъ съ одной стороны, что черепа, хранившіеся тогда спеціально какъ славянскіе типы, болѣе всего отличаются характеристическими признаками финскаго типа, принявъ съ другой стороны разсмотрѣніе черепа обезьяны за исходную форму для видоизмѣненій человѣческаго черепа, я расшевелилъ пчелиный рой квасного національнаго чувства. Меня стали честить названіемъ единомышленника сочинителя эпиграммы на Буле. Какъ съ тѣхъ поръ Дарвинова теорія успѣла все-таки охладить чувства людскія относительно происхожденія человѣка отъ обезьяны!

Столь-же положительно, какъ въ этомъ рефератѣ, я уже за два года передъ тѣмъ противопоставилъ также Лапландцевъ — финское племя, Самоѣдамъ — Монгольскому племени. Въ то время, т. е. въ 1840 году, когда я посѣтилъ Бѣлое море, я еще не зналъ Самоѣдовъ съ финскимъ типомъ лица (срав. Baer und Helmersen, Beiträge z. Kenntn. d. Russ. Reiches, 11-tes Bändchen, 1845, p. 172.)

родецъ, жалкій шалашъ ихъ, который долженъ былъ защищать ихъ отъ самой сильной стужи, и помѣщавшуюся въ немъ Самоѣдку, съ утра до ночи глодавшую сырыхъ, замерзшихъ рыбъ. По осмотрѣ всего этого, быстрою рысью катались на саняхъ, въ которыя впрягалась рогатая четверка — однимъ словомъ Самоѣды между нами превосходно довели свою роль до конца. Они продержались, съ почетомъ и барышемъ, долѣе италіянской оперы и почти столько-же времени, сколько вольтижеры. На этотъ разъ они покинули насъ съ намѣреніемъ лишить насъ на нѣсколько лѣтъ своего интереснаго знакомства и пребываніе ихъ, которое за границею безъ сомнѣнія породило бы ученѣйшія объемистыя изслѣдованія, совершенно безслѣдно прошло бы мимо насъ среди столичной суматохи, если бы рѣзецъ г. Митрейтера не сохранилъ для потомства грубыхъ лицъ ихъ съ такою вѣрностью и отчетливостью, за которую иное благообразное и благородное лицо чисто-кавказскаго типа должно позавидовать этимъ рожицамъ [1]).

Тогда какъ частыя большія морскія экспедиціи новѣйшаго времени доставили намъ точныя изображенія самыхъ отдаленныхъ народовъ и дали намъ возможность въ одной галлереѣ разставить для сравнительнаго изученія сѣверъ и югъ, востокъ и западъ, у насъ до сихъ поръ не было изображеній многочисленныхъ кочевниковъ, бродящихъ по внутреннимъ частямъ нашей континентальной Сибири. Вотъ почему коммиссія, которая назначена была для обсужденія плана сибирскаго путешествія автора, постановила издать всѣ привезенные имъ, набросанные г. Брантомъ, портреты Самоѣдовъ, Юраковъ, Остяковъ, Тунгусовъ, Юкагировъ, Долганъ и Якутовъ. Но коль скоро признавалось нужнымъ издать портреты первыхъ, то безспорно важно было имѣть возможность сравнить нашихъ самыхъ западныхъ Самоѣдовъ Европы съ самыми восточными Сибирскими Самоѣдами, чтобы получить точку опоры въ пользу или противъ тождественности ихъ тѣлосложенія Если, однакоже, мы посмотримъ, чего мы достигли собственно въ этомъ отношеніи, то намъ со стыдомъ придется сознаться, что мы умѣемъ строго различать мышей европейской части края, населеннаго Самоѣдами, но этнографически еще не опредѣлили людей. Въ классическомъ сочиненіи Причарда [2]) мы находимъ, пожалуй, на стр. 225, изображе-

---

[1]) Передъ нами двѣ таблицы, изъ которыхъ одна изображаетъ двухъ Канинскихъ, другая двухъ Тиманскихъ Самоѣдовъ. Уже при разсмотрѣніи этихъ портретовъ, каждый долженъ убѣдиться въ необыкновенномъ талантѣ упомянутаго художника. Г. Митрейтеръ обладаетъ такою удивительною твердостью руки и такою изощренностью глаза по части правильнаго пониманія размѣровъ и соразмѣрности, что всѣ дѣлаемые имъ портреты тотчасъ прямо самъ рисуетъ на камнѣ. Такимъ образомъ составлены и эти два листка. Рисунокъ сдѣланъ такъ вѣрно и такъ отчетливо, что даже критикующій глазъ этнографа не съумѣлъ отыскать въ немъ ни малѣйшей ошибки и что, слѣдовательно, эти точные индивидуальные портреты нисколько не грѣшатъ противъ истины и сдѣланы безъ всякой предвзятой системы, которая часто бываетъ неизбѣжна, когда рукою художника управляетъ критика этнографическаго изслѣдователя.

Двѣ таблицы, о которыхъ тогда говорилось, предназначались уже въ то время для предлежащаго сочиненія и съ прибавленіемъ другихъ портретовъ приложены къ этому выпуску на таблицахъ III и IV. Академикъ Шифнеръ присоединилъ ихъ въ уменьшенномъ масштабѣ къ путевымъ воспоминаніямъ Кастрена. Въ Русской Фаунѣ Симашко также уже помѣщены нѣкоторые изъ издаваемыхъ тутъ портретовъ. Но правда, что до сихъ поръ приходилось ожидать ключа къ пониманію этихъ изображеній.

[2]) The natural history of man by J. C. Pritchard. London 1845.

*

ніе Самоѣдской головы, но она очевидно взята изъ стариннаго путешествія Голландца Де-Брюинса [1]). Можетъ быть это есть единственное существующее изображеніе этого народнаго племени, но во всякомъ случаѣ оно скорѣе напоминаетъ о состояніи нашей этнографіи въ началѣ прошлаго столѣтія, чѣмъ о характерѣ Самоѣдской физіономіи. Лобъ выше Талейрановскаго, который у Каруса представленъ какъ образчикъ мыслящей головы: глаза и ротъ кавказскаго происхожденія и только выдающіяся скулы могутъ служить намекомъ на монгольскую расу.

Первый достовѣрный матеріалъ для будущаго сравнительнаго изслѣдованія даютъ лишь наши рисунки. Если мы станемъ разсматривать каждую пару въ отдѣльности, то нельзя не убѣдиться въ сходствѣ чертъ мужскаго и женскаго лица; а если мы обѣ пары будемъ сравнивать между собою, то насъ поразитъ разница въ обоихъ типахъ лицъ. Между тѣмъ не слѣдуетъ забывать, что это только портреты двухъ самоѣдскихъ паръ, случайно занесенныхъ въ нашу столицу, а никакъ не подобранные представители того или другаго типа лица. Съ перваго же взгляда васъ поражаютъ у Тиманскихъ Самоѣдовъ узковатые и наискось внаружу и кверху прорѣзанные впавшіе глаза, совершенно плоская переносица (glabella), сильно выдающіяся скулы и довольно значительно выступающія челюсти (prognathous, — Причарда). У Канинскихъ Самоѣдовъ всѣ эти признаки имѣютъ противоположный характеръ: глазное отверстіе также не можетъ быть названо большимъ, но все-таки оно замѣтно больше, чѣмъ у Тиманскихъ, и прорѣзано совершенно горизонтально, такъ что наружный глазной уголъ находится на одной плоскости съ внутреннимъ или, пожалуй, еще ниже. Сами глаза очень близки къ верхней части глазной впадины. Переносица большею частью не такъ широка и не такъ плоска, какъ у Тиманскихъ Самоѣдовъ, но посреди ея возвышается узенькій и выдающійся сверху книзу хребетъ, образуемый носовыми костями. Скулы развиты меньше, чѣмъ у Тиманцевъ и, хотя спереди довольно похожи на скуловыя очертанія послѣднихъ, но, будучи разсматриваемы сбоку, во всякомъ случаѣ, выдаются гораздо меньше, а слѣдовательно и меньше закрываютъ носъ, чѣмъ у Тиманцевъ. Челюсти выдаются меньше (prognathous — Причарда), что̀ весьма бросается въ глаза, если мы станемъ сравнивать женщинъ, а при сравниваніи мужчинъ становится яснымъ только тогда, когда, по примѣру Каруса, рисуешь профили одинъ надъ другимъ.

Точное численное опредѣленіе всѣхъ этихъ различій посредствомъ пропорцій должно составлять задачу этнографіи, какъ зоологически классифицирующей науки; здѣсь мы должны довольствоваться тѣмъ, что намъ удалось достигнуть поразительнаго дѣйствія наглядности и убѣдиться въ томъ, что портреты Тиманскихъ Самоѣдовъ во всемъ соотвѣтствуютъ признакамъ монгольской расы и въ особенности полярнаго семейства (polar-family), что съ другой стороны оба Канинскихъ Самоѣда очень близко похожи на типъ финскихъ народовъ, и притомъ во всякомъ случаѣ больше всего на Лапландцевъ. Входить въ дальнѣйшее изслѣдованіе этихъ частностей намъ не позволяетъ цѣль этой статьи.

[1]) Cornelius de Bruins Reizen over Moskovie etc. Amsterdam 1711.

Если за тѣмъ мы пожелали бы переступить за предѣлы разсмотрѣнія этихъ портретовъ и, опираясь на него, вывести общее заключеніе, то послѣднее могло бы только состоять въ томъ, что по кровному происхожденію своему Самоѣды смѣшаный народъ, образовавшійся изъ смѣшенія финскихъ и монгольскихъ народовъ. При этомъ можетъ быть допущено, хотя и съ малою вѣроятностью, что Тиманскіе Самоѣды происходятъ отъ Монголовъ, а Канинскіе отъ Финновъ. Скорѣе можно предположить, что въ этой помѣси участвуютъ оба племени, но въ различной степени, т. е. съ преобладаніемъ въ первомъ случаѣ монгольскихъ, въ послѣднемъ — финскихъ элементовъ.

Вопросъ о томъ, согласуются ли съ этими выводами результаты лингвистическихъ розысканій, или нѣтъ, не долженъ смущать этнографическаго изслѣдователя, потому что намъ не трудно указать случаи, когда народъ въ теченіи времени мѣнялъ свой прежній языкъ на новый. Чѣмъ менѣе подвинулась цивилизація какого нибудь народа, чѣмъ больше становилась несоразмѣрность, слѣдовательно чѣмъ значительнѣе былъ перевѣсъ новаго языка надъ прежнимъ по части понятій и словъ, тѣмъ безслѣднѣе могъ изгладиться языкъ предковъ. Большое количество примѣровъ этого рода очевидно относится къ доисторическому періоду Сибири, но для того, кто все-таки еще захотѣлъ бы усомниться въ этомъ, мы приведемъ примѣръ Киргизовъ, который столько-же замѣчателенъ, сколько пока еще непонятенъ. Они несомнѣнно по рожденію и безъ всякой помѣси принадлежатъ къ монгольскому племени, а между тѣмъ говорятъ языкомъ кавказскихъ Турко-Татаръ. Единство языка двухъ народовъ нисколько еще не доказываетъ природнаго ихъ единства, точно также, какъ на оборотъ различіе языка не доказываетъ природнаго ихъ различія. Изъ этого слѣдуетъ, что изъ природнаго единства или различія еще нельзя выводить заключенія о единствѣ или различіи языка, а изъ послѣднихъ нельзя выводить заключенія о природномъ единствѣ или различіи. Вопросъ о соплеменности народовъ окончательно должна рѣшать соматическая этнографія, и только въ такомъ случаѣ, когда она подтверждаетъ результаты лингвистическихъ изслѣдованій, они могутъ считаться достовѣрными и несомнѣнными. Что касается Самоѣдовъ, то мы имѣемъ полное основаніе предполагать, что лингвистическія изслѣдованія подтвердятъ данныя указанія [1]).

У Гиляковъ (Айно) еще въ гораздо большей степени, чѣмъ у Самоѣдовъ, можно строго отличать два совершенно различныхъ типа лица. Противъ предположенія, что это случайныя измѣненія, ежедневно встрѣчающіяся на каждомъ шагу, какъ выраженія личныхъ или свойственныхъ нѣкоторымъ семействамъ особенностей въ формѣ головы и лица, авторъ возстаетъ самымъ положительнымъ образомъ на основаніи многочисленныхъ наблюденій, произведенныхъ имъ на мѣстѣ. Чѣмъ замкнутѣе въ самомъ себѣ (продолжаетъ онъ), чѣмъ необразованнѣе народъ, чѣмъ одностороннѣе его образъ жизни, чѣмъ незначительнѣе разница между сословіями, тѣмъ болѣе внѣшній видъ его получаетъ

---

[1]) В. Иславинъ, Самоѣды въ домашнемъ и общественномъ быту. Спб. 1847.

замѣчательное однообразіе. Сначала путешественнику только съ большимъ трудомъ удается подмѣчать индивидуальныя черты отдѣльныхъ лицъ орды, которую онъ посѣтилъ, и часто происходятъ презабавныя ошибки. Физіономіи отдѣльныхъ личностей теряются въ общемъ физіономическомъ впечатлѣніи, какъ въ стадѣ овецъ, пока продолжительное упражненіе не разовьетъ въ путешественникѣ взора овчаря, который, среди сотни животныхъ своего стада, узнаетъ каждую отдѣльную овцу по ея особой физіономіи. Доказательствомъ этому служатъ портреты Юраковъ, снятые авторомъ во время его путешествія въ мѣстностяхъ, далеко отстоящихъ одно отъ другаго. Однажды случилось, что самоѣдскую вдову, нѣсколько недѣль сряду починявшую одежду путешественниковъ, авторъ все-таки не узналъ потому, что она умылась. Единственный отличительный признакъ ея составляли особенности грязи на ней. При смѣшеніи кочевниковъ помѣси весьма односторонне возвращаются къ типу отца или матери, тогда какъ у цивилизованныхъ народовъ онѣ несравненно больше склонны заимствовать одну черту у отца, другую — у матери и вслѣдствіе этого образуютъ безконечное количество переходныхъ членовъ.

Впрочемъ цѣль этихъ строкъ не заключалась въ одномъ только желаніи доказать, что намъ необходимо совершенно отказаться отъ мысли о тѣлесномъ единствѣ всѣхъ тѣхъ нашихъ сѣверныхъ кочевниковъ, которые говорятъ на одномъ и томъ-же языкѣ, и что уже въ доисторическое время нѣкоторыя національности на сѣверѣ были поглощены другими въ такомъ-же родѣ, въ какомъ еще теперь Самоѣды поглощаются Зырянами и Тунгусами, а Тунгусы, въ свою очередь, Якутами и т. д. Нѣтъ, онѣ хотѣли также побудить къ собиранію матеріаловъ, которые дали бы возможность съ тѣлесной точки зрѣнія составить самостоятельную этнографію нашихъ мелкихъ разбросанныхъ народностей. Необходимо поторопиться, потому что съ каждымъ днемъ изглаживаются грани тамъ, гдѣ вчера онѣ еще были видны. Считаемъ нелишнимъ напомнить о томъ, что мы люди и что изученіе высшаго творенія природы справедливо должно стоять выше изученія мышей, жуковъ и всего остальнаго зоологическаго добра. Собираніе череповъ не есть впрочемъ единственное средство къ добыванію данныхъ для болѣе твердыхъ основаній этнографіи тѣлесной стороны человѣка. Если черепа будутъ доставляться такъ рѣдко, какъ до сихъ поръ, и если мы не будемъ знать въ точности, какимъ личностямъ они принадлежали, то они скорѣе могутъ спутать, чѣмъ разъяснить наши знанія. Всякому извѣстно, что религіозные обычаи и воззрѣнія загораживаютъ путь самому усердному собирателю череповъ или, пожалуй, угодятъ не по добру пожалованіемъ въ морозный край, и что съ другой стороны рѣдко удается собрать точныя свѣдѣнія о томъ человѣкѣ, которому черепъ принадлежалъ при жизни. Всѣ эти затрудненія намъ очень легко избѣгнуть, если мы станемъ изучать головы живыхъ людей. Такимъ способомъ намъ можно накопить въ самое непродолжительное время чрезвычайно богатый матеріалъ, который именно вслѣдствіе этого богатства и вытекающей изъ него многосторонности будетъ служить мѣриломъ. Только этимъ способомъ мы и будемъ въ состояніи представить кабинетному краніоскопу возможность провѣрить этнографическую задачу, рѣшенную имъ

дома. Все дѣло заключается только въ томъ, чтобы съ крумциркулемъ въ рукѣ измѣрять различныя головы различныхъ націй и добытыя мѣры размѣщать по рубрикамъ.

Въ этомъ отношеніи до сихъ поръ несправедливо обращали слишкомъ мало вниманія на лицевую часть черепа, которая даже въ систематикѣ животныхъ играетъ одну изъ важнѣйшихъ ролей. Если бы и прежде на лицевую часть обращено было вниманіе во всѣхъ, а не въ отдѣльныхъ только случаяхъ, то не укоренилось бы много ошибочныхъ взглядовъ. Всѣмъ хорошо извѣстно, что форма черепа американскаго близко сходна съ формою черепа монгольскаго. Вслѣдствіе почти непреодолимой трудности раскрыть путаницу формъ американскихъ череповъ, большею частью искусственно искаженныхъ, этнографы ухватились за поразительную форму лица и стали ее ставвить рядомъ съ постояннымъ конькомъ въ пользу Монголовъ, т. е. съ **Калмыками**. Но послѣдніе только одна отрасль этой огромной расы, представляющая гораздо больше различій въ національностяхъ, чѣмъ разныя народности Европы! За то каждаго поразитъ большое сходство Долганскаго старшины Мани, съ котораго авторъ распорядился снять портретъ, съ Онопатонгой, старшиной американскихъ Omawhaws, который у **Мортона**[1]) изображенъ на заглавномъ листѣ и представляетъ единственный портретъ Индѣйца. По нашимъ понятіямъ ихъ можно бы было признать за двоюродныхъ и даже за родныхъ братьевъ. Оба портрета, правда, единственные, которые существуютъ, но отнюдь не подобраны, ради сравненія, изъ цѣлой коллекціи. Въ Европѣ это сходство **рѣшительно ничего** не значитъ; даже для Азіи оно, само по себѣ, только намекъ, а въ связи съ другими — руководящая нить. Эта нить должна обратиться въ якорный канатъ, когда съ нею тѣсно сплетется историческая ткань. Но изъ того, что въ приведенномъ случаѣ лица и habitus доселѣ одни могли служить опорою для большей половины мнѣній даже противъ намековъ нѣкоторыхъ историческихъ указаній, каждый тѣмъ убѣдительнѣе можетъ уразумѣть, что мы придаемъ этимъ признакамъ больше значенія невольно и по какому-то внутреннему чувству, хотя они еще совершенно лишены научной оболочки. Но не слѣдуетъ пренебрегать правиломъ, которому насъ научаетъ чтеніе исторіи систематической зоологіи. Хорошіе рисунки вездѣ послужили основаніемъ для рѣзкаго разграниченія видовъ. Основательное изслѣдованіе началось со времени цитированія опредѣленныхъ изображеній; за ними послѣдовали понемногу описанія, которыя цѣлыя столѣтія сряду полировались и получали большую опредѣленность, пока наконецъ (правда въ слишкомъ незначительномъ кругу) мы дошли до окончательной отдѣлки главной статьи, т. е. до математическаго метода распредѣленія видовъ (на основаніи численныхъ данныхъ и измѣреній).

---

[1]) S. C. **Morton**, Crania Americana. Philadelphia 1839. Comptes-rendus de l' Acad. des Sciences de Paris, 1845. Juillet, p. 4, 7 etc.

И такъ первый мой тезисъ, представленный безъ малаго 30 лѣтъ тому назадъ, былъ тотъ, что Самоѣды, по кровному происхожденію своему, смѣшанный народъ, образовавшійся изъ смѣшенія финскихъ и монгольскихъ народовъ.

Это положеніе вполнѣ подтверждено, какъ я предсказывалъ заранѣе, лингвистическими изслѣдованіями Кастрена, который прямо говоритъ [1]: «Къ тому-же самому результату насъ приводитъ и самоѣдское племя, которое въ родствѣ съ одной стороны съ финскимъ племенемъ, съ другой съ семействомъ монгольскихъ народовъ». Обоими путями, зоологически- и филологически-этнографическимъ, оба мы, совершенно разносторонніе изслѣдователя, пришли къ одному и тому-же выводу, который, слѣдовательно, тѣмъ болѣе, кажется, заслуживаетъ довѣрія.

Сказанное мною въ то время о Киргизахъ, я теперь, посѣтивъ ихъ [2], снова могу подтвердить еще положительнѣе; вмѣстѣ съ тѣмъ, вслѣдствіе моихъ изслѣдованій въ Башкиріи, оно примѣнимо также къ Башкирамъ тѣмъ болѣе, что различіе лошадиныхъ породъ въ сѣверной и южной Башкиріи помогаетъ доказать несомнѣнно столкновеніе различныхъ національностей.

Мое наблюденіе надъ Гиляками, о которомъ тамъ говорится, подтвердитъ, надѣюсь, акад. Шренкъ. Отъ сопровождавшихъ меня Якутовъ и Тунгусовъ Гиляки замѣчательно отличались своими кругловатыми формами лица; особенно у женщинъ были почти совершенно круглыя, полнолунныя лица. Противоположность монгольскихъ или же опять кавказскихъ типовъ между Гиляками Тугурскаго залива была такъ поразительна, что я не могъ не приписать ея сильному кровному смѣшенію туземнаго населенія съ русскими удальцами, во время занятія страны при низовьяхъ Амура, въ то время, когда заложники ихъ показывались даже въ Москвѣ [3]. У такихъ личностей скулы почти совсѣмъ не выдавались, да и въ глазахъ не было ничего монгольскаго. Были между ними такія лица, которыхъ въ европейской одеждѣ нельзя бы было отличить отъ Европейцевъ. У одного Гиляка были двѣ жены, изъ которыхъ одну, по нашимъ понятіямъ, можно было назвать красивою, а другая могла быть крайне-китайскою красавицею. Слѣдовательно тутъ искони происходили самыя замѣчательныя помѣси [4].

Если мы примемъ во вниманіе постоянныя взаимныя передвиженія туземныхъ кочевниковъ; если мы сообразимъ, что сибирскіе туземцы покупаютъ жену у родителей, что эта покупка легко опять разстраивается, что нѣкогда, а у Самоѣдовъ еще и въ мое время, одна изъ обязанностей гостепріимства состояла въ томъ, что гостю предоставлялось право свободно располагать женою и дочерью хозяина, что нисколько не казалось страннымъ, когда (напр. казакамъ, золотопромывальщикамъ и т. д.) Тунгуски и женщины другихъ племенъ мужьями уступались за извѣстное вознагражденіе на лѣтнее или на зимнее

---

[1] Reiseberichte und Briefe, 1856, p. 22.

[2] Срав. мое изслѣдованіе о Барабѣ.

[3] Müller, Samml. Russ. Gesch. I, 2 p. 303, 341, и II, p. 293. Это было около половины 17-го столѣтія.

[4] Уже Мюллеръ (Samml. Russ. Gesch. III, 2, p. 92) говоритъ, что во время занятія Русскими, многіе Камчадалы и Камчадалки содержались плѣнными на Курильскихъ островахъ.

время, что у якутскихъ (да и русскихъ) торговцовъ, объѣзжавшихъ кочевниковъ на нѣсколько тысячъ верстъ, въ мое время нерѣдко въ 2, 3, 4, далеко отстоящихъ другъ отъ друга мѣстностяхъ, были, да безъ сомнѣнія и теперь еще есть, маленькія избы, гдѣ въ каждой жила туземка, большею частью Тунгусска, нерѣдко со множествомъ дѣтей, оказывавшихся отводками остававшагося въ городѣ законнаго семейства торговца[1]; если мы все это взвѣсимъ, то во всякомъ случаѣ нужно удивляться не столько многочисленнымъ переходнымъ типамъ, сколько существованію характерныхъ типовъ. Въ прежнія времена Русскіе очень часто покупали дѣтей у кочевниковъ и впослѣдствіи нерѣдко усыновляли ихъ. Я самъ у поселенцевъ очень часто находилъ дѣтей, наружность которыхъ свидѣтельствовала о ихъ происхожденіи. Большею частью это были спасенныя отъ голодной смерти, часто найденныя въ чумахъ, круглыя сироты. Будучи усыновлены, они потомъ входили въ составъ семейства, но иногда возвращались въ тайгу (пустыню).

Не рѣшаясь останавливаться на мелочахъ, я позволю себѣ просмотрѣть съ моимъ читателемъ приложенныя таблицы рисунковъ, но предварительно считаю нужнымъ увѣрить его, что путешествующему этнографу въ Сибири неоднократно представляется случай не только изощрять, но и провѣрять свою наблюдательность. Такъ, напр., въ поселеніи Осиновѣ первый-же Чувашъ, котораго я увидѣлъ, выдалъ себя своимъ эстскимъ произношеніемъ русскаго языка. Въ поселеніи Зырянскомъ киргизская помѣсь ссыльнаго вполнѣ оправдалась подтвержденіемъ, что онъ родомъ съ Семипалатинской линіи.

Сымскій Остякъ, который на 1-ой таблицѣ преспокойно сидитъ на боченкѣ, не подозрѣвая, что это наполенная порохомъ бочка нашей экспедиціи, вмѣстѣ съ женой и ребенкомъ отличается несомнѣннымъ типомъ чисто-финскаго происхожденія, хотя и живетъ въ крайнемъ юго-восточномъ углу распространенія этого народа. На сѣверѣ Скандинавскаго полуострова я не съумѣлъ бы отличить его отъ Лапландца. Люди эти такіе-же несомнѣнные Финны, какъ изображенные на III-ьей таблицѣ самые западные Канинскіе Самоѣды, отличительные признаки которыхъ нами разсмотрѣны выше и которые, діагонально противоположно, въ Европѣ, живутъ въ самомъ крайнемъ сѣверо-западномъ углу распространенія Самоѣдовъ. Енисейскій Самоѣдъ Сылкинъ, на табл. V-ой нѣм. изданія также можетъ считаться типичнымъ Финномъ, тѣмъ болѣе, что у него чрезвычайно широко раскрытые глаза. Но цвѣтъ его кожи болѣе былъ похожъ на цвѣтъ монгольской, чѣмъ на цвѣтъ остяцкой кожи.

Противоположностью этому финскому типу являются намъ два другихъ вполнѣ выразившихся типа. Я разумѣю, во-первыхъ, татарско-якутское лицо, кавказской расы, на табл. VI-ой, 3, изображающее Долгана Маний. Характеристическую черту его составляютъ пре-

[1]) Этотъ обычай заимствованъ, можетъ быть, у китайскихъ торговцевъ, посѣщавшихъ приамурскій край. Послѣдніе оставляютъ дѣтей своихъ въ тайгѣ. Іакинѳъ, «Китай въ гражданскомъ и нравственномъ состояніи» 1848, I, стр. V. — И наши государственныя учрежденія точно также очень часто подаютъ поводъ къ значительнымъ помѣсямъ. Въ Сибири издавна многіе туземцы зачисляются въ мѣстное казачество. Тунгусъ, котораго я встрѣтилъ на Билярѣ, былъ сынъ обывателя города Якутска и его братъ находился еще въ этой категоріи. Онъ же, какъ рожденный до свадьбы, былъ включенъ въ списки Тунгусовъ.

обладаніе (но не выдающееся положеніе) верхней челюстной части и удлиненная оттого форма лица, въ особенности удлиненный носъ съ рѣзко приподнятымъ кверху сгибомъ, нѣсколько напоминающимъ орлиный носъ. Въ сравненіи съ двумя другими типами, линія, проведенная черезъ оба внутреннихъ глазныхъ угла, дѣлитъ голову на нижнюю продолговатую и верхнюю короткую половину. Въ слегка выдающихся скулахъ и малораскрытой глазной щели высказывается на лицѣ Мани незначительная доля монгольской примѣси. Въ поселеньѣ Бахтинскомъ, по этой удлиненной формѣ лица, мнѣ, къ большому моему удовольствію, удалось отыскать между Остяцкими Самоѣдами двухъ сосланныхъ туда Минусинскихъ Татаръ, хотя они почти по всѣмъ признакамъ въ замѣчательной степени похожи были на первыхъ.

Во-вторыхъ, передъ нами положительные типы третьей, т. е. монгольской расы, но они являются въ двухъ формахъ, составляющихъ рѣзко отличающіяся другъ отъ друга подраздѣленія, а именно: у однихъ широкіе, у другихъ высокіе черепа.

Чтò я разумѣю подъ этимъ, станетъ понятнымъ читателю, если я укажу ему на табл. IV-ую, изображающую самоѣдскую чету съ положительно широкими черепами, равно какъ на Тунгусовъ Савилія (табл. V), Черемокъ, табл. IV, 1; Тюприна (табл. VIII), и Шантаула (табл. IX). (Двѣ послѣднія въ нѣмецкомъ изданіи). Широкія и выдающіяся скулы, большія глазныя впадины, обозначенныя уже высокими дугообразными бровями, тѣмъ болѣе узкая, косо внаружу и [по крайней мѣрѣ на видъ также] кверху идущая глазная щель, широкая вдавленная glabella (переносица) и протянутые впередъ жевательные органы вполнѣ достаточны, чтобы этимъ лицамъ придать совершенно монгольскій типъ.

Такими-же типичными Монголами являются двѣ тунгусскія головы на V-ой 1 и 2, таблицѣ, у которыхъ однакоже, при этомъ, въ противоположность предыдущимъ, черепъ такъ высокъ, что онъ гораздо выше идетъ поверхъ линіи, соединяющей оба внутреннихъ глазныхъ угла, чѣмъ ниже этой линіи, до подбородка. Это почти такъ называемая башенная голова. Менѣе высокочерепными, но сходными съ ними въ томъ, что надъ скулами до лба голова en face съуживается, оказываются головы Юкагиро-Тунгуса на табл. I-ой, Долгана Гаврилы Палькова на табл. VI-ой, 2, и Якутки съ Учура на табл. VI, 1. У нихъ оба вышеприведенныя измѣренія равны между собою.

У широкочерепнаго монгольскаго лица эти два размѣра также сходны, но лобовыя шишки хорошо видны и отстоятъ другъ отъ друга, такъ что, вслѣдствіе этого, лобъ получаетъ четыреугольный видъ, а лицо разумное выраженіе. И дѣйствительно, при этой формѣ лица умственныя способности безъ исключенія казались мнѣ немалыми. Кромѣ того, я на высокопоставленномъ врачѣ, на сынѣ извѣстнаго ученаго, на воспитанномъ въ Петербургѣ филологѣ и т. д. могу доказать прекрасныя, фактически заявленныя умственныя способности при означенной широкочерепной и широколобной формѣ монгольскаго типа, потому что въ указанныхъ лицахъ несомнѣнно течетъ монгольская кровь. При этомъ монгольскій глазъ придаетъ умному лицу лукавое выраженіе.

Еще прежде чѣмъ я успѣлъ добраться до Сибири, меня поразило, что у двухъ Калмыковъ, пріѣхавшихъ изъ степи въ Казань, точно также, какъ у разсмотрѣнныхъ нами тунгусскихъ головъ, у одного былъ положительно широкій, у другаго положительно высокій черепъ. Если бы мнѣ не удалось видѣть это, то я принялъ бы распаденіе на двѣ упомянутыя формы за особенность, свойственную Тунгусамъ, потому что у Забайкальскихъ Бурятъ и Монголовъ, являвшихся мнѣ самыми типичными Монголами, я встрѣчалъ одни только широкіе черепа. Упомянутыя двѣ различныя формы развитія череповъ очевидно должны зависѣть отъ двухъ различныхъ способовъ оссификаціи черепныхъ швовъ.

Принявъ за исходную точку вышеразсмотрѣнные три основныхъ типа моихъ портретовъ, нетрудно будетъ объяснить и остальныя физіономіи, заключающіяся между ними.

Такимъ образомъ можно замѣтить, что между Тунгусами встрѣчаются только монгольскія формы лица; изъ нихъ у Савилія на табл. V-ой, и Черемокъ на табл. IV-ой 1, такой-же широкій черепъ, какъ у Самоѣдовъ на табл. IV-ой. Но при этомъ у Савилія совершенно якутская форма носовой части лица, точно такъ какъ у Шантаула (табл. IX нѣм. изд.). Самыя монгольскія лица Самоѣдовъ всегда можно было отличать отъ Тунгусскихъ по кругловато-овальному очертанію первыхъ, тогда какъ у Тунгусовъ были болѣе продолговатыя лица. Это относилось къ обоимъ поламъ.

У Якутокъ на табл. VI-ой, не смотря на то, что онѣ раздѣлены нѣсколькими тысячами верстъ (одна изъ нихъ съ Учура, другая, Одаӥ, съ Хеты), такія типичныя монгольскія лица, что ихъ нельзя отличить отъ Тунгусокъ. По всей вѣроятности онѣ и монгольскаго происхожденія, потому что только по близости у Амура, у китайскихъ Нигидальцевъ-Тунгусовъ, я встрѣчалъ еще болѣе типичныя китайско-японскія монгольскія лица. Въ сравненіи съ ними Якутъ съ Хеты, изображенный на XII таблицѣ нѣм. изд., кажется Русскимъ съ небольшою примѣсью тунгусской крови. Къ такимъ явленіямъ на Хетѣ, какъ мы увидимъ ниже, представляется особенно много поводовъ. Хотя у Мирона Тюприна (табл. VIII нѣм. изд.) положительно тунгусскіе глаза и носъ, но совершенно круглая форма лица его, соотвѣтствующая предыдущему лицу, все-таки напоминаетъ также о русской, если не финской примѣси.

Снова просматривая таблицы съ самаго начала, мы замѣтимъ, что Юкагиръ на табл. I-й на столько-же не позволяетъ сомнѣваться въ томъ, что онъ Тунгусъ, на сколько у остяцкаго семейства несомнѣнно чисто-финскія лица. Остякъ Уктá, на табл. I-ой также Финъ, только менѣе типиченъ, да притомъ заплылъ отъ жира, но представляетъ особенный интересъ потому, что принадлежитъ къ Енисейскимъ Остякамъ, языкъ которыхъ Кастренъ, какъ мы увидимъ ниже (въ главѣ о Енисейскихъ Остякахъ), считаетъ совершенно своеобразнымъ.

За финно-монгольскую помѣсь я готовъ признать Юраковъ на табл. II-ой 4, 6, 7, 8. Они, и въ профили (см. нѣм. изд.), отличаются чрезвычайною однородностью, столь-же ре-

гулярно встрѣчающеюся при извѣстныхъ скрещиваніяхъ въ скотоводствѣ и напоминающею замѣчательное однообразіе формы муловъ, которая постоянно составляется изъ разнообразныхъ элементовъ, но неизмѣнно слагается въ одинъ и тотъ-же типъ. Всѣ они очень короткоголовы; у женщины Фхыддо (нѣм. изд.), кромѣ того, лобъ сильно подается назадъ. У Юрака Агатѣ (нѣм. изд.) замѣчательны чисто монгольскія высокія брови, слѣдовательно монгольская широкая глазная впадина, съ довольно узкими глазными щелями и незначительно выдающимися скулами.

Въ Самоѣдахъ на табл. V-ой нѣм. изд. также много финскаго, хотя глаза у Нгуфо свидѣтельствуютъ о монгольскомъ происхожденіи. О слѣдующихъ затѣмъ таблицахъ до X-ой нѣм. изд. включительно мы уже говорили.

Долганъ Гаврила Пальковъ на табл. VI-ой 2, представляетъ самое поразительное изъ всѣхъ лицъ. Онъ вовсе не былъ такъ тупоуменъ, какимъ кажется, и при здравомъ человѣческомъ разсудкѣ отличался такими прекрасными правилами, какихъ я бы желалъ иному благородному Европейцу. Средняя часть его лица отличается полною длиною якутскаго типа, но глазная щель и носъ отзываются монгольскою примѣсью. Очень низкій лобъ составляетъ индивидуальную уродливость. У Прыса Палькова нѣм. изд., вслѣдствіе осѣдлой поселенской жизни и питанія рыбою, зажирѣвшее тунгусско-русское лицо.

Вотъ что мы хотѣли сказать о формѣ черепа и лица. Для яснаго пониманія географическихъ случайныхъ причинъ разнообразной помѣси разсматриваемыхъ нами народовъ, необходимо представить себѣ положеніе ихъ мѣстопребываній и принять въ соображеніе, что иное племя въ теченіи всего года проходитъ двѣ-три тысячи верстъ и забирается очень далеко, не стѣсняясь опредѣленными границами.

Мѣста жительства различныхъ народовъ въ низовьяхъ Енисея я старался указать на II-ой картѣ атласа, приложеннаго къ нѣмецкому изданію моего Путешествія, и акад. Шмидтъ могъ только подтвердить мои показанія относительно посѣщенныхъ имъ съ тѣхъ поръ странъ въ низовьяхъ Енисея. Но, вслѣдствіе спеціальныхъ изслѣдованій Кастрена, распредѣленіе красокъ впредь должно подвергнуться нѣкоторымъ измѣненіямъ, которыя мы попытаемся тутъ выяснить.

Кастренъ самъ, и притомъ къ концу своего путешествія, замѣтилъ[1]), что его труды «не могутъ быть напечатаны въ настоящемъ ихъ видѣ» и при жизни старался отыскать ученаго, который, по его стопамъ, долженъ былъ заняться обработкою его матеріаловъ. Такъ какъ ему не удалось сдѣлать это, то довольно трудно изъ объемистыхъ томовъ составить себѣ общій краткій выводъ. Постараемся свести результаты Кастреновыхъ отчетовъ, чтобы ясно увидѣть, на сколько совпадаютъ выводы соматическихъ и лингвистическо-историческихъ изслѣдованій.

По языкамъ Кастренъ[2]) дѣлитъ туземцевъ всей сѣверо-западной Сибири на

1) Угорскихъ, т. е. Вогуловъ и Остяковъ, и

2) Самоѣдскихъ.

---

[1]) Reiseberichte und Briefe, 1856, стр. 432

[2]) Тамъ-же, стр. 166.

Первые живутъ въ рѣчной области низовьевъ Оби (вверхъ до Иртыша) и въ рѣчной долинѣ низовьевъ Иртыша, а послѣдніе — въ рѣчныхъ областяхъ Таймыра, Пясины, низовьевъ Енисея и вверхъ по лѣвому берегу его, на всемъ пространствѣ, которое заключается между среднимъ теченіемъ Оби и Енисея къ югу до лежащаго поперекъ передъ ними Чулыма.

Обитателей этого послѣдняго пространства [1]) сибирскіе Русскіе большею частью принимали за Остяковъ, но уже Клапротъ и Шёгренъ [2]) указывали на ихъ самоѣдскій языкъ. Кастренъ придалъ этой догадкѣ величайшую достовѣрность [3]).

Далѣе къ западу Самоѣды простираются за Тазъ и низовья Оби до восточнаго прибрежья Бѣлаго моря.

Самоѣдскій языкъ дѣлится на 3 главныхъ нарѣчія [4]): 1) сѣверо-западное, 2) сѣверовосточное и 3) южное или остяцко-самоѣдское.

Каждое изъ этихъ нарѣчій дѣлится на поднарѣчія, ведущія самыми разнообразными сплетеніями отъ одного нарѣчія къ другому [5]).

На сѣверо-западномъ главномъ нарѣчіи, кромѣ Самоѣдовъ Европейской Россіи, говорятъ Обдорскіе и Касымскіе Самоѣды, да Юраки [6]), простирающіеся отъ лѣваго берега нижняго Енисея до рѣчной области нижняго Таза.

Къ сѣверо-восточному или Тавгынскому (или Авамскому) главному нарѣчію Кастренъ пріурочиваетъ всѣхъ Самоѣдовъ, кочующихъ къ востоку отъ Пясины [7]) (Авамскихъ и Водеевскихъ Самоѣдовъ), и Енисейскихъ Самоѣдовъ, которые зиму проводятъ на лѣвомъ берегу нижняго Енисея, а лѣтомъ отчасти (Карасинцы) на самомъ глубокомъ сѣверѣ уходятъ на правый берегъ его и добираются до рѣчной области Пыры. Подъ именемъ Енисейскихъ Самоѣдовъ разумѣются Хантайцы, Карасинцы и Баи [8]). Это сѣверо-восточное главное нарѣчіе распадается на четыре поднарѣчія [9]).

Южное, остяцко-самоѣдское нарѣчіе, самое чистое выраженіе котораго слѣдуетъ искать, примѣрно, около р. Кеты, дѣлится на два поднарѣчія, томское и туруханское.

---

[1]) Къ нему принадлежатъ рѣчныя области Ваха, Тыма, Васюгана, Кета и верховья Сыма и Елогуя. Такимъ образомъ Самоѣды простираются до сѣв.-восточной оконечности Барабы, а Остяки до сѣв.-западнаго конца ея. Самоѣды обхватываютъ Остяковъ съ сѣвера, востока и юга.

Встрѣчались мѣстами отдѣльныя самоѣдскія семейства (Евши) до устья Иртыша (стр. 66, 67); на Надымѣ, Ляминъ Сорѣ; производить ихъ слѣдуетъ отъ Касыма.

[2]) Тамъ-же, стр. 509.

[3]) Тамъ-же, стр. 119, 127, 134.

[4]) Тамъ-же, стр. 462, 139, 150, 237, примѣч.

[5]) Такъ юракское поднарѣчіе очень — даже почти совершенно — сходно съ обдорскимъ (стр. 262, 266), а тазское поднарѣчіе на столько-же, если не болѣе, близко къ нарымскому, сколько послѣднее къ чулымскому (стр. 255, 261).

[6]) Стр. 235, прим. 3; стр. 255, 259, 265, 461. У Таза, къ югу до Кудасея (или Кудосья, какъ мнѣ называли эту рѣку).

[7]) По словамъ Кастрена (стр. 266, 278), всѣ они говорятъ на одномъ поднарѣчіи.

[8]) Пыру называли Кастрену Турой (стр. 245); она впадаетъ съ запада въ нижнюю Пясину.

[9]) Тавгынское, затѣмъ Хантайское и Карасинское съ одной и Байхинское поднарѣчіе съ другой стороны (стр. 279), и наконецъ Камассинцское въ южной Сибири (стр. 381)

Изъ нихъ первое представляетъ три видоизмѣненія [1]), а второе обнимаетъ Тазскихъ [2]) [или] (Тымско-Караконскихъ) Самоѣдовъ.

Это нарѣчіе простирается слѣдовательно къ сѣверу до средняго теченія Таза [3]), къ югу до Чулыма и средней Оби. У Курейки, Нижней Тунгуски и нѣкоторыхъ мелкихъ рѣчекъ на небольшомъ протяженіи переходитъ и за правый берегъ Енисея [4]).

Кромѣ этихъ различныхъ подраздѣленій самоѣдскаго языка, у средняго теченія Енисея появляется еще языкъ — енисейско-остяцкій — и притомъ въ двухъ поднарѣчіяхъ, изъ которыхъ одно на Имбакѣ, другое южнѣе, на Сымѣ. Языкъ этотъ, по словамъ Кастрена, очень разнится отъ финско-самоѣдскихъ языковъ и, по всей вѣроятности, обломокъ своеобразнаго семейства языковъ, находящагося лишь въ дальнемъ родствѣ съ финско-самоѣдскими языками [5]); родъ китайскаго безъ полной флексіи. По Кастрену Енисейскіе Остяки составляютъ, кажется, послѣдній остатокъ нѣкогда распространеннаго и могущественнаго племени, отъ котораго уцѣлѣло нѣсколько сотъ душъ.

На столько, слѣдовательно, все хорошо выяснилось; лишь на счетъ Юраковъ дѣло для меня не совсѣмъ ясно. Кастренъ, вездѣ пріурочивающій ихъ къ сѣверо-западному главному нарѣчію, на стр. 277 говоритъ, что языкъ береговыхъ Юраковъ [6]) «до послѣдней мелочи сходенъ съ тазовскимъ нарѣчіемъ, но нѣсколько разнится отъ обдорскаго». Въ другомъ же мѣстѣ (стр. 235) Кастренъ прямо говоритъ, что подъ Тазскими Самоѣдами онъ разумѣетъ только два рода или племени, причисленные къ Тымско-Караконской управѣ. Но они говорятъ, какъ мы знаемъ, на южномъ главномъ, т. е. на остяцко-самоѣдскомъ нарѣчіи. Съ другой стороны (стр. 266) Кастренъ увѣряетъ, что юракское нарѣчіе почти совершенно (fast auf ein Haar) сходно съ обдорскимъ.

При всемъ томъ я предполагаю тутъ ошибку со стороны Кастрена и думаю, что береговыхъ Юраковъ во всякомъ случаѣ слѣдуетъ причислить къ сѣверо-западному главному нарѣчію. Собранные мною у нихъ образчики языка не возвращены мнѣ гг. лингвистами, такъ что я болѣе не въ состояніи разъяснить себѣ дѣло.

Въ заключеніе мы должны упомянуть еще о томъ, что Кастренъ [7]) по историческимъ причинамъ возстаетъ противъ предположенія о гиперборейской или полярной расѣ. Уже въ 1840 году, увидѣвъ у Бѣлаго моря съ одной стороны Самоѣдовъ, съ другой — Лапландцевъ, я также отвергъ это предположеніе съ соматической точки зрѣнія [8]).

---

[1]) Нижнее на Вахѣ и Тымѣ; среднее на Кетѣ; верхнее на Чулымѣ (стр. 167, 463).

[2]) Стр. 235, прим. 3-ье. Было бы, кажется, лучше оставить названіе Тазскихъ Самоѣдовъ, потому что въ административныхъ спискахъ это имя уже дано одному отдѣлу Юраковъ (см. ниже главу о Самоѣдахъ).

[3]) Въ упомянутомъ соч. стр. 255.

[4]) Тамъ-же, стр, 236. Сюда относятся Карасинскіе Самоѣды (обыкновенно Остяки) на Курейкѣ; ихъ не слѣдуетъ смѣшивать съ тѣми, которые живутъ на противоположномъ лѣвомъ берегу Енисея и принадлежатъ къ сѣв.-восточному главному нарѣчію (стр. 235).

[5]) Стр. 250. 280, 281, 291, 292.

[6]) Они живутъ между устьями Енисея и Таза и зимуютъ преимущественно на Соленой и на Кетѣ, впадающихъ съ запада въ рукавъ нижняго Енисея.

[7]) Стр. 394.

[8]) Baer und Helmersen, Beiträge zur Kenntniss d. Russ. Reiches, XI, 1845, p. 172.

Хотя Кастренъ въ одномъ мѣстѣ по-видимому сильно колеблется на счетъ своихъ мнѣній о довольно близкомъ сродствѣ Самоѣдовъ и Финновъ [1]), но впослѣдствіи онъ опять подтверждаетъ все [2]). Онъ приводитъ много словъ въ доказательство сродства [3]) и выводитъ это сродство изъ общей исходной точки обоихъ народовъ, т. е. Алтая [4]). Пріискивая затѣмъ еще общія данныя, составляющія переходъ отъ финскаго и самоѣдскаго къ татарскому, манджурскому и тунгусскому [5]), и открывая съ перваго же взгляда въ бурятскомъ языкѣ точки соприкосновенія съ самоѣдскимъ [6]), Кастренъ даже начинаетъ сомнѣваться въ томъ, существуетъ-ли извѣстная разница между кавказскою и монгольскою расою людей. Онъ отвѣчаетъ на этотъ вопросъ отрицательно [7]), и не смущается тѣмъ, что естествоиспытатели ссылаются на различную форму череповъ. «Замѣчателенъ фактъ, (продолжаетъ онъ), что у европейскаго Финна кавказскій, у азіятскаго монгольскій типъ, что Турокъ въ Европѣ похожъ на Европейца, въ Азіи на Азіятца. Но если все-таки хотятъ отстаивать это различіе расъ физіологическимъ путемъ, то одну половину финскихъ и тюркскихъ племенъ нужно причислить къ кавказской, другую къ монгольской расѣ — а это было бы нелѣпо».

Почему же? Кастренъ упустилъ изъ виду, что онъ самъ больше всѣхъ привелъ свидѣтельствъ въ пользу сліянія и еще болѣе рѣзкой замѣны языковъ въ Сибири, а потому ему слѣдовало не отрицать вѣроятности тѣлеснаго смѣшенія различныхъ типовъ, а напротивъ того, подтвердить ее съ лингвистической точки зрѣнія [8]). Различіе между разными поднарѣчіями и нарѣчіями одного и того-же языка самъ онъ, главнымъ образомъ, приписываетъ вліянію чужихъ языковъ [9]). Въ остяцкомъ онъ находилъ примѣсь то русскаго, то татарскаго, то самоѣдскаго; въ нижнемъ остяцко-самоѣдскомъ поднарѣчіи замѣтилъ много словъ, взятыхъ съ остяцкаго, а въ верхнемъ — вліяніе татарскаго языка [10]); хантайское и карасинское поднарѣчія примыкаютъ, по его мнѣнію, къ тавгынскому нарѣчію и напоминаютъ о сосѣдствѣ Юраковъ, между тѣмъ какъ байское поднарѣчіе по-видимому заимствовало кое-что изъ енисейско-остяцкаго [11]) и т. д.

Въ южной Сибири онъ встрѣчаетъ повсюду отатарившихся Самоѣдовъ, обрусѣвшихъ Коттовъ и т. д., т. е. полнѣйшія замѣны языковъ.

Какъ вышеприведенный сводъ результатовъ Кастреновыхъ тщательныхъ лингвистическихъ изслѣдованій, и наше вышеизложенное разсмотрѣніе портретовъ, такъ и немногія историческія извѣстія, а еще гораздо убѣдительнѣе теперешняя географическая спутанность мѣстожительствъ всѣхъ упомянутыхъ народовъ, единогласно и несомнѣнно

---

[1]) Стр. 137. — [2]) Стр. 160.

[3]) Стр. 69—74. Уже такого профана, какъ меня, который зналъ только эстскій языкъ, поразило множество сходныхъ словъ, какъ напр. и тутъ и тамъ munna; самоѣдское s'ejmae вмѣсто эстскаго silma; тунгусское nadáldra вмѣсто эстскаго näddal.

[4]) Стр. 91. — [5]) Стр. 76. — [6]) Стр. 394. — [7]) Стр. 161.

[8]) Тогда только, когда мною это уже было написано, мнѣ стала извѣстна выходка Кастрена противъ антропологовъ (Castrén, Ethnolog. Vorlesungen über die Altaischen Völker, p. 11 и 12). Возраженіе издателя, акад. Шифнера (тамъ-же, стр. VII) освобождаетъ меня отъ особаго опроверженія, которое впрочемъ заключается въ приведенныхъ выше данныхъ.

[9]) Стр. 121. — [10]) Стр. 167. — [11]) Стр. 279.

свидѣтельствуютъ о чрезвычайно сильномъ смѣшеніи, которому въ теченіи временъ подверглись туземные народы Сибири.

Изъ теперешнихъ сѣверныхъ Сибиряковъ я готовъ признать первоначальными обитателями Тунгусовъ, типичный, распространенный по всѣмъ возвышенностямъ сѣверной Сибири горный народъ, который постепенно, пожалуй, и могъ подвинуться болѣе къ сѣверу, но все-таки вездѣ, какъ на сѣверѣ, такъ и на югѣ, удерживаетъ свои горныя мѣста пребыванія при такихъ условіяхъ, какимъ остальные кочевые народы не въ состояніи подчиниться.

Отрѣзанные, въ видѣ острова, остатки Самоѣдовъ на Алтаѣ, которые и Кастренъ призналъ таковыми, доказываютъ, что Самоѣды, будучи вѣроятно не столько вытѣснены съ Алтая, сколько обращены въ отчаянное бѣгство [1]), не могли остановиться ни въ Барабинской степи, ни въ первобытныхъ лѣсахъ между Обью и Енисеемъ, но, оставивъ на мѣстѣ обезсиленныхъ бѣгствомъ, устроили себѣ новую родину только тогда, когда пробрались чрезъ широкій лѣсной поясъ и опять увидѣли передъ собою степь на самомъ крайнемъ сѣверѣ. Тутъ-то, среди тундры, они и засѣли, сдавленные съ одной стороны обитавшими къ западу Финнами, именно Остяками, а съ другой — живущими въ лежащихъ къ юго-востоку горахъ Тунгусами.

Лишь къ сѣверу передъ ними широко открывалась совершенно необитаемая прибрежная европейско-азіятская полоса, по которой они и распространились. Вслѣдъ за Остяками, Самоѣдами и Тунгусами, внизъ по большимъ рѣкамъ, тронулись Русскіе завоеватели. Но на Іенѣ ихъ успѣли уже опередить Якуты, въ свою очередь очевидно вытѣсненные переселеніемъ средне-азіятскихъ народовъ, ринувшихся также на Европу. Впрочемъ Якуты, приведшіе съ собою въ сѣверную Сибирь татарскую лошадь, которая до тѣхъ поръ въ области лѣсной растительности вовсе не была извѣстна, явились въ Сибири болѣе въ качествѣ промышленныхъ торговцевъ, чѣмъ завоевателями. При своей изворотливости, гибкости, страсти барышничать и заниматься спекуляціями, они играли на дальнемъ востокѣ роль жидовъ, съ тою только разницею, что вездѣ выказывали готовность усвоивать мѣстные, приспособленные къ природѣ края, нравы и обычаи болѣе простодушныхъ туземцевъ и сливаться съ ними, не утрачивая однакоже при этомъ своего превосходства надъ ними.

Будучи тѣснимы Русскими, Якуты разсѣялись до Ледовитаго океана, къ востоку отъ Лены, а съ другой стороны были отброшены на западъ до Таймырскаго края и до окрестностей Туруханска, гдѣ они потомъ, опять скорѣе другихъ туземцевъ, слились съ русскими поселенцами. Слѣды постепеннаго передвиженія Якутовъ, подобно слѣдамъ проникапія Русскихъ, можно изобразить на картѣ Сибири въ видѣ цвѣтныхъ червообразныхъ фигуръ, которыя вслѣдъ за теченіемъ большихъ рѣкъ тянутся до Ледовитаго океана.

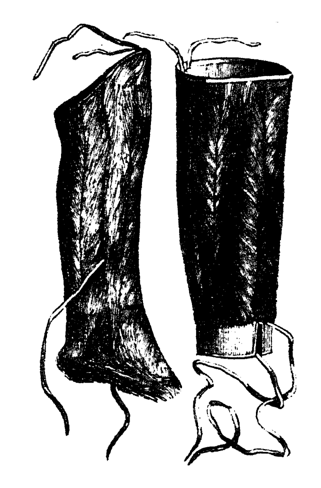
Какъ на европейскомъ сѣверѣ Самоѣды эксплоатируются, развращаются, вытѣсня-

[1]) По словамъ Плано Карпини, Оготаемъ, сыномъ Чингисъ-Хана. Срав. Witsen, p. 13.

ются и поглощаются дѣятельными и смѣлыми Зырянами, принадлежащими къ финскому племени, какъ на Оби Русскіе такимъ-же образомъ поступаютъ съ Остяками, опять финскаго племени, и какъ въ томъ и другомъ случаѣ правительство, уже давно обратившии на это вниманіе, не находитъ средства помочь горю, такъ и тунгусскіе да самоѣдскіе народы Сибири, мало по малу, Якутами обращаются въ Татаръ.

Болѣе общею типичною чертою Сибирскихъ туземцевъ, нежели различная форма головъ, съ которою мы ознакомились, служитъ маленькая нога, особенно у Самоѣдовъ и Тунгусовъ. Помимо незначительнаго ихъ роста, нога ихъ, даже при исключительно бо́льшей длинѣ тѣла, поразительно мала и во всякомъ случаѣ короче 8 англ. дюймовъ. Ни мнѣ, ни спутникамъ моимъ, невозможно было надѣть даже самые просторные сапоги кочевниковъ, хотя форма Самоѣдскихъ сапоговъ, напоминающая слоновую ногу, устраняетъ всякое препятствіе, которое могъ бы представить высокій подъемъ ноги. Хотя неразвитость самоѣдскихъ ногъ сначала я и приписывалъ привычкѣ Самоѣдовъ сидѣть, поджавъ подъ себя ноги, и тому, что они на время, такъ сказать, почти разучиваются ходить, но все-таки болѣе положительныя данныя для разрѣшенія вопроса намъ могутъ представить лишь точныя сравнительныя измѣренія и сопоставленія съ ногами безпрерывно странствующихъ Тунгусовъ. Не составляютъ-ли уже крошечныя ноги первобытную особенность монгольской расы, и не потому-ли у Китайцевъ вошла въ моду крайность, непомѣрное изувѣчиванье женскихъ ногъ?

Что касается цвѣта коренныхъ жителей сѣв. Сибири, то я не могу признать повсемѣстнымъ желтоватый тонъ, который нѣкоторые хотѣли приписать цѣлой расѣ, принявъ за основаніе монгольскіе народы, живущіе южнѣе. При чрезвычайно сильномъ отраженіи свѣта, о которомъ я уже говорилъ на стр. 313, нельзя удивляться весьма сильному загару лица, какъ онъ переданъ съ натуры на табл. VII и X нѣм. изд. Стужа, дымъ и изобиліе грязи не мало служатъ къ усиленію смуглости кожи, и если Русскіе, да пожалуй и Якуты, казались, можетъ быть, нѣсколько менѣе смуглыми, то это должно было все-таки считать слѣдствіемъ меньшаго дѣйствія дыма и грязи. Цвѣтъ неприкрытыхъ одеждою частей тѣла туземцевъ вообще былъ одинаковъ съ цвѣтомъ кожи русскихъ лицъ. Но я долженъ замѣтить, что между Монголами у нѣкоторыхъ личностей дѣйствительно былъ нѣсколько желтоватый цвѣтъ кожи, особенно тамъ, гдѣ мнѣ представлялся случай сопоставлять ихъ съ Остяками, которые болѣе казались блёклаго цвѣта. Чрезъ смуглую кожу Монгола, въ особенности же Монголки, довольно часто просвѣчиваетъ свѣжій румянецъ молодости.

Сапогъ Самоѣда Таймырскаго края. Набедренные штаны Тунгуса.

Характеристическую черту Монголовъ составляли черные жесткіе волосы на головѣ, равно какъ рѣденькіе усы и

борода, которые впрочемъ, страннымъ образомъ, и у финскихъ типовъ Сибири растутъ почти столь-же плохо[1]).

У сѣверныхъ кочевниковъ сплошь сухое, мускульное, жилистое тѣлосложеніе. Между всѣми Самоѣдами я видѣлъ только одного, нѣсколько толстоватаго человѣка. Онъ страдалъ ожирѣніемъ и былъ мнѣ предъявленъ своими соплеменниками какъ рѣдкость. Впрочемъ полярный Монголъ столько-же расположенъ къ дородности, сколько и южный Монголъ. Объ этомъ свидѣтельствовалъ мнѣ въ Хантайскомъ поселеніи толстобрюхій откормленный Самоѣдскій мальчишка, котораго усыновилъ богатый поселенецъ и который, благодаря безразсудной любви къ нему новыхъ родителей, отъ неумѣренной ѣды и бездѣлья обратился въ какой-то безобразный чурбанъ, едва переваливавшійся съ одной ноги на другую. У Якутовъ, равно какъ и у Киргизовъ, можно встрѣтить поразительные образщики такого-же рода. Среди населенія, укрѣпляющагося постоянною подвижностью, откормленные богатые старшины народа составляютъ какую-то отвратительную противоположность.

Въ началѣ моей встрѣчи съ туземцами меня поразило, какъ въ Остякахъ, такъ и особенно въ Тунгусахъ, какое-то совершенно особое дѣйствіе ихъ мускуловъ урывками. Преимущественно это проявлялось въ языкѣ ихъ. Слова произносились до такой степени толчками, что часто казалось, какъ будто человѣкъ старался преодолѣть расположеніе къ заиканію. Они вырывались съ особенною силою и прекращались внезапно оторваннымъ послѣднимъ слогомъ. Даже пятнадцатилѣтній тунгусскій юноша, съ пятаго года жизни воспитывавшійся между Русскими въ Троицкомъ монастырѣ и совершенно свободно говорившій по-русски, отличался такою-же особенностью, разговаривая на томъ и на другомъ языкѣ.

Въ тѣлодвиженіяхъ также замѣтно было проявленіе такихъ толчковъ. Такъ какъ эта особенность была свойственна кочевникамъ и финскаго и монгольскаго племени, то мнѣ казалось, что тутъ повторялся какъ бы тотъ-же самый энергическій способъ дѣйствій мускуловъ, который отличаетъ арабскаго коня отъ лошади низменныхъ странъ. Къ сожалѣнію, въ моемъ дневникѣ нигдѣ больше ничего объ этомъ предметѣ не говорится. Успѣлъ-ли я привыкнуть къ этой особенности? Или это только мѣстное явленіе на среднемъ Енисеѣ?

Европеецъ, надѣющійся, что въ глуши самаго безпріютнаго сѣвера ему наконецъ удастся отдохнуть отъ повелительницы міра, моды, вскорѣ разочаровывается въ своей надеждѣ, видя, что мода властвуетъ вездѣ, куда только успѣлъ проникнуть человѣкъ на земномъ шарѣ. Само собою разумѣется, что я не говорю тутъ о разнообразіи нарядовъ и о томъ, на сколько покрой ихъ приспособленъ къ различнымъ условіямъ жизни, при которыхъ каждый народъ ведетъ свое хозяйство. Въ этомъ отношеніи разсудительный

---

1) Таймырскихъ Самоѣдовъ такъ поражала моя густая борода, что по ней они вывели заключеніе о моей старости и называли меня Войкунанку, т. е. «старикомъ». Славная европейская лысина съ парикомъ подѣйствовала бы на нихъ конечно несравненно больше, но уничтожила бы выводъ о глубокой старости.

путешественникъ научается со дня на день правильнѣе судить о томъ, что сначала ему казалось страннымъ, или, пожалуй, смѣшнымъ. И даже чѣмъ онъ разсудительнѣе, тѣмъ чаще онъ ловитъ самого себя на усвоенныхъ привычкою, а потому одностороннихъ и предвзятыхъ сужденіяхъ, которыми запасся у себя дома. Очень трудно относиться къ дѣлу совершенно объективно. Тамъ только мы научаемся понимать, сколько рутиннаго въ нашихъ жизненныхъ привычкахъ, и какъ мало онѣ соотвѣтствуютъ полнѣйшей практичной сущности.

Существуютъ только два средства, чтобы вникнуть въ эти условія безъ всякаго предубѣжденія; или нужно всмотрѣться какъ можно ближе въ наши высшія европейскія положенія съ ихъ волшебною обстановкою всяческаго приличія и всяческой мнимой важности, или необходимо цѣликомъ влѣзть въ шкуру кочевника; одѣваться, укрываться, питаться и жить какъ кочевникъ, и стараться, такъ-ли или не такъ, дѣлать то, что онъ дѣлаетъ. Не успѣешь оглянуться, какъ чувствуешь себя разбитымъ на всѣхъ пунктахъ, какъ въ надменномъ Европейцѣ не останется слѣда спѣси, и ему станетъ ясно, какъ день, что въ первобытныхъ условіяхъ жизни заключаются своего рода совершенства, которыя развиваются посредствомъ тысячелѣтнихъ усовершенствованій до тѣхъ поръ, пока они въ данномъ направленіи становятся недоступными для дальнѣйшаго совершенствованія и вступаютъ въ періодъ оцѣпенѣнія. Спѣсивый Европеецъ, не упускающій случая сначала устраивать все по-своему, лучше глупыхъ туземцевъ сѣверной Азіи, вскорѣ, послѣ жестокихъ уроковъ (которые своеобразность природы и жизненныя условія неминуемо даютъ ему, изолированно стоящему культурному человѣку), отказывается отъ всякаго умничанья и, если не хочетъ погибнуть, можетъ сохранить себя только тѣмъ, что самъ превращается въ кочующаго Азіятца. Онъ ежечасно начинаетъ сознавать, что все его европейское житье-бытье кроется только въ обмѣнѣ промышленныхъ, торговыхъ и подобныхъ выгодъ соціальнаго хозяйства. Но вѣдь какъ скоро истощается запасъ пороха, портится курокъ или дуло, изнашиваются привезенное бѣлье и верхнее платье и т. д.!

Да, переходы отъ лука и стрѣлы къ огнестрѣльному оружію, отъ мѣховой къ тканой одеждѣ, составляли скачки, повергавшіе человѣка въ новый міръ. Я живо припоминаю чувство сожалѣнія, которое я испыталъ, когда, вскорѣ по возвращеніи изъ путешествія, прочелъ въ Динглеровомъ Polytechnisches Journal подробное описаніе и громкое восхваленіе необыкновенныхъ преимуществъ новаго изобрѣтенія по части отдѣлки замши при помощи мозговъ и яичнаго желтка. Это было ничто иное, какъ способъ, искони мастерски употребляемый полярными народами Сибири, но болѣе усовершенствованный ими сначала посредствомъ разныхъ мелкихъ уловокъ, а въ заключеніе посредствомъ прокапчиванія, и позволяющій дѣйствительно превосходно выдѣланную замшевую шкуру подвергать сырости безъ малѣйшаго вреда. Дѣло въ томъ, что мягкость [вопреки сильнѣйшей стужѣ] и сухость мѣховой одежды составляютъ необходимыя условія для того, чтобы человѣкъ могъ переносить сильнѣйшую степень мороза. Чтобы правильно понять чрезвычайную важность этихъ свойствъ, нужно только вдуматься въ противоположную

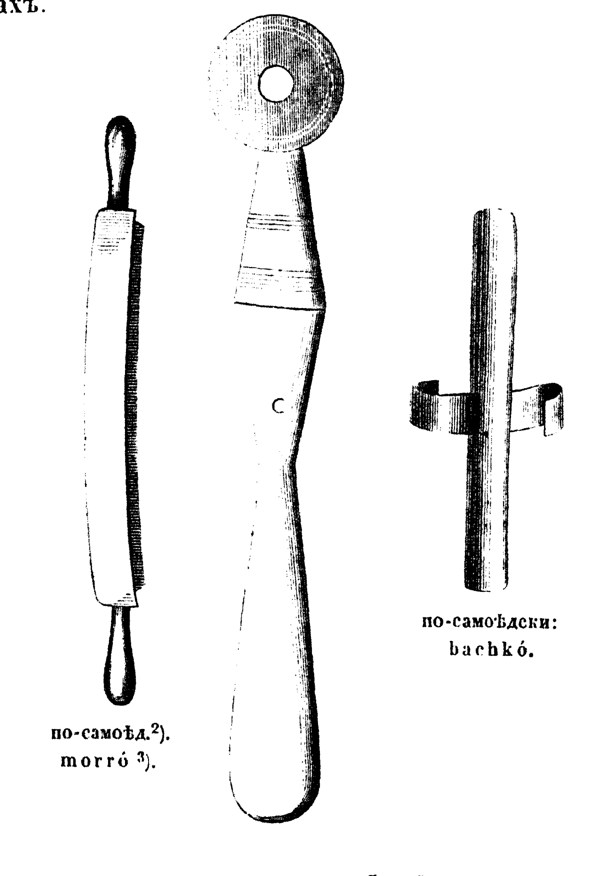
*

крайность. Охотникъ, который захотѣлъ бы лучше уберечь себя отъ мороза при помощи свѣжо-содранныхъ шкуръ сѣв.оленей, заснулъ бы, закутавшись, пожалуй прекрасно, но на слѣдующее утро увидѣлъ бы, что безъ чужой помощи безвыходно замерзъ бы въ самыхъ тѣсныхъ оковахъ.

Вотъ почему всѣ сѣверяне тщательно снимаютъ все съ себя на ночь, что тѣмъ необходимѣе, чѣмъ сильнѣе морозъ, которому они намѣрены противостать подъ открытымъ небомъ или въ шалашѣ. Въ другомъ мѣстѣ (стр. 322) я уже коснулся этого предмета. Такъ просто разрѣшается непонятное для непосвященнаго въ дѣло извѣстіе старика Витсена[1], что Самоѣды «werpen hare kleederen des nachts buiten de tente».

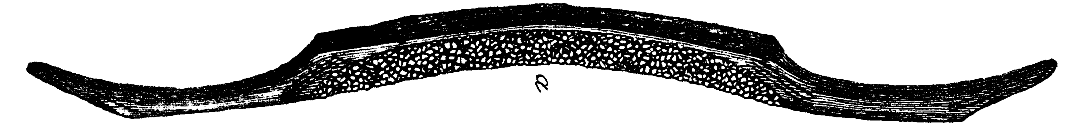
Этимъ-то и объясняется превосходная отдѣлка замши у полярныхъ народовъ.

Я нашелъ даже, что чѣмъ болѣе я удалялся отъ центровъ цивилизаціи въ Сибири, тѣмъ техника дубленія была болѣе развита. Ближе къ нимъ, у Остяковъ, Тунгусовъ и Самоѣдовъ, встрѣчались, правда, еще тѣ-же самые болѣе усовершенствованные инструменты, которые употребляются и Русскими въ Сибири и изображены на прилагаемыхъ рисункахъ.

Дубильная скребница.

Примѣч. Палка слѣва длиною въ 15 дюймовъ, съ желѣзными концами; средняя палка длиною въ 2 фута, съ желѣзною круглою пластиною. У Тунгусовъ рукоятка ея была длиннѣе, такъ что она, когда одна нога положена на другую, вмѣстѣ съ тѣмъ исполняла роль швальнаго пресса, лежавшаго на одномъ колѣнѣ. Палка справа была длиною въ 10 дюймовъ, а изогнутое въ видѣ *s* желѣзо шириною въ 2 дюйма.

---

[1]) Witsen, II, p. 543.

[2]) На асинскомъ нарѣчіи.

[3]) Русскіе поселенцы называли этотъ инструментъ: кодеро.

У Авамской Самоѣдки я купилъ въ Таймырской тундрѣ изображенную внизу скребницу первобытнѣйшаго рода. При всемъ томъ дерево было симметрически обдѣлано съ большимъ искусствомъ, чѣмъ вышеозначенные приборы, гладко отполировано и украшено красивымъ узоромъ. Но желѣзо у этихъ людей составляло еще такую большую рѣдкость, что его нельзя было добыть. Вмѣсто него обращенная въ лезвіе сторона *a* была обмазана искусственно приготовленнымъ, чрезвычайно вязкимъ рыбьимъ клеемъ и плотно обставлена остроугольными осколками кремневаго кварца, столь-же острыми какъ обломки стекла.

Не смотря на несовершенство этого инструмента, замшевыя шкуры, выдѣланныя Авамскими Самоѣдами, принадлежали къ самымъ лучшимъ[1]). Недостатокъ желѣза у этихъ Самоѣдовъ женщины ихъ замѣняли при дубленіи отчасти прилежаніемъ и терпѣніемъ въ механической обработкѣ, да неусыпнымъ скобленіемъ и треніемъ, отчасти знаніемъ и тщательностью въ дальнѣйшей химической обработкѣ. Европейскій техникъ, пожалуй, станетъ смѣяться надъ этимъ, но увидѣвъ, какъ печень сѣв. оленя, а затѣмъ и мозгъ его да желтокъ отъ яицъ морскихъ птицъ, сперва тщательно пережевываются мастерицами, при этомъ усердно смачиваются слюною, и уже потомъ употребляются при натираніи и слѣдующемъ за нимъ распариваніи шкуръ, не нужно обладать физіологическими познаніями, чтобы признать важное значеніе чрезвычайно разрѣшающаго дѣйствія слюны при этомъ производствѣ. Участіе, которое наслюниваніе принимаетъ въ перевариваніи пищи, въ этомъ случаѣ содѣйствуетъ успѣху дубленія. Шкуры смазываются пережеванною кашицею, свертываются и въ такомъ положеніи, въ видѣ подушекъ — очевидно для нагрѣванія, необходимаго для броженія — остаются нѣсколько дней. Затѣмъ со шкуры все соскабливаютъ, въ случаѣ надобности снова смазываютъ ее, опять предоставляютъ броженію и т. д. У южныхъ Тунгусокъ я встрѣтилъ такое-же употребленіе жеванія. Отваренную сначала печень жуютъ, а потомъ про запасъ либо сгущаютъ, когда предстоитъ теплая погода, либо сохраняютъ замороженною.

Замшевую кожу дубятъ мозгомъ, а замшевую шкуру (покрытую волосами) печенью. Маленькія шкурки, напр. съ ногъ выхухоли, скоблятся, потомъ сшиваются и затѣмъ уже дубятся.

Но возвратимся къ разсмотрѣнію моды, о которой начали говорить, и прежде всего укажемъ на то, что нами утрачены многія принадлежности покроя и наряда, которыя были въ употребленіи у нашихъ предковъ и которыми мы научаемся дорожить у кочевниковъ, вслѣдствіе необыкновенной ихъ практичности. Для примѣра я напомню объ употреблявшихся нѣкогда, особенно на корабляхъ, набитыхъ листьями кожаныхъ мѣшкахъ, въ которые залѣзали на ночь. Подобный мѣшокъ единственное средство, позволяющее безопасно лечь спать подъ открытымъ небомъ при стужѣ, доходящей до за-

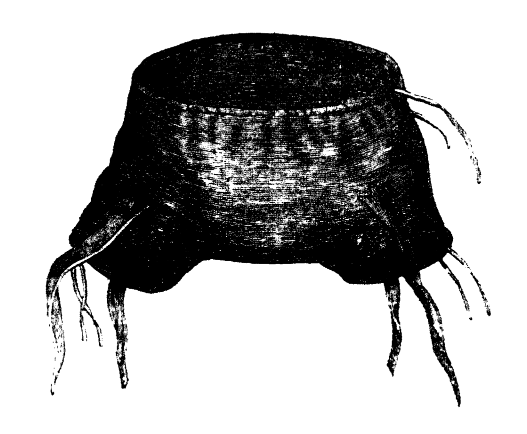
---

[1]) Уже при первомъ знакомствѣ съ Европейцами, Самоѣды отличались именно этимъ. Müller, Samml. Russ. Gesch. III, p. 557.

мерзанія ртути. Гдѣ у насъ не было приготовленныхъ такимъ образомъ мѣховыхъ мѣшковъ, тамъ мы спасались только тѣмъ, что ложились по два, антиподами другъ къ другу, пряча ноги до туловища одинъ въ рубашкообразномъ тулупѣ (сокуй) другаго, вслѣдствіе чего эти тулупы смыкались и составляли одинъ общій мѣшокъ. Это опять напоминаетъ обычай предковъ спать вдвоемъ въ одномъ мѣшкѣ. Нашимъ Эстамъ такіе мѣшки часто могли бы очень пригодиться.

Другой примѣръ представляетъ употреблявшееся также нашими предками дѣленіе теперешнихъ штановъ на двѣ части, которое и въ настоящее время положительно было бы полезно нашему сельскому работнику, нашимъ сельскимъ хозяевамъ, лѣсничимъ и любителямъ охоты. Въ центральныхъ горахъ Европы такое дробленіе штановъ [«Beinhösl» и «Gasshose»], благодаря своей практичности, удержалось до сихъ поръ. Ту часть штановъ, которая служитъ набедреннымъ футляромъ [1]), мы уже изобразили на стр. 639); другую часть составляютъ туловищные штаны (см. прилагаемый рисунокъ), къ которымъ привязываются набедренные штаны.

Въ глубокомъ рыхломъ снѣгѣ нагорныхъ лѣсовъ мы вскорѣ ознакомились съ необыкновенною выгодою такого двоенія, потому что даже при 15—20 градусахъ холода, во время труднаго перехода, еще до вечера наши колѣна были промочены и намъ приходилось сушить прикрывавшую ихъ одежду, чтобы не лишиться способности продолжать странствованіе. Мягкіе смазные сапоги прибрежныхъ жителей сѣверныхъ морей [2]), дотолѣ служившіе намъ превосходно, оказались совершенно негодными для такихъ прогулокъ въ рыхломъ снѣгѣ нагорныхъ лѣсовъ.

Туловищные штаны Тунгуса.

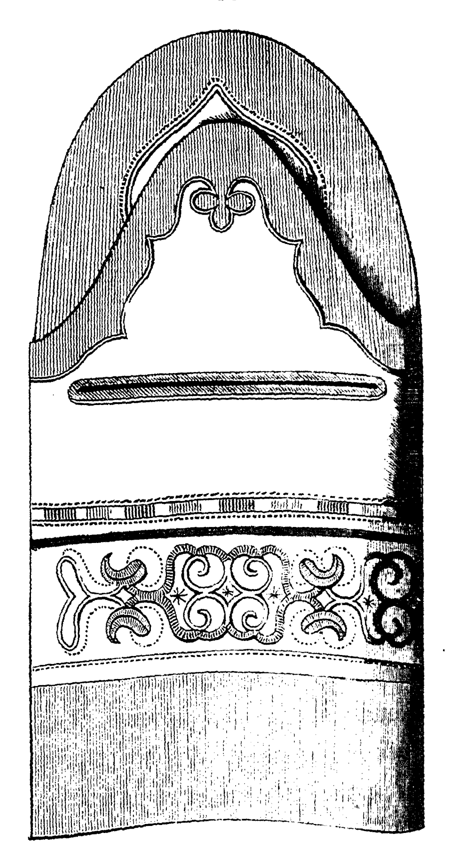
Заговоривши о двойственномъ дѣленіи, считаю нелишнимъ упомянуть еще объ одномъ такомъ двоеніи, также ока-

[1]) Мы встрѣчаемъ его и у Сѣвероамериканцевъ подъ мѣткимъ названіемъ «leggin». Тунгусы называли его Künni.

[2]) Сары Якутовъ, у которыхъ Верхоянскіе пользуются особенною извѣстностью. Большею частью они сдѣланы изъ лошадиной шкуры, только на половину дублены, очень сильно пропитаны ворванью и за тѣмъ прокопчены. Такъ какъ у нихъ, какъ и у всей остальной обуви кочевниковъ, мягкія подошвы, сдѣланныя изъ такой-же кожи, то ихъ рѣдко носятъ недѣлю; на прибрежныхъ утесахъ и скалистыхъ горахъ они часто держатся лишь одинъ день. При отличной легкости и плотности, они тѣмъ не хороши, что пропитываются насквозь, промокши растягиваются въ половину, и слишкомъ скользятъ на мокрой травѣ или мхѣ. Лучшіе сары выходятъ, говорятъ, изъ шкуры двухгодовыхъ коровъ.

Впрочемъ легкую и при всемъ томъ тихую, крадущуюся походку кочевниковъ очевидно слѣдуетъ приписать ихъ обуви, которая позволяетъ подкрадываться къ дичи, нѣжностью своею вынуждаетъ носящаго эту обувь обращать вниманіе какъ и на что онъ наступаетъ и всегда быть готовымъ, въ случаѣ непригоднаго шага, немедленно переносить центръ тяжести тѣла на другую ногу.

зывающемся полезнымъ. Я разумѣю рукавицу у южныхъ Тунгусовъ, которая устроена такъ, что часть, прикрывающая большой палецъ, составляетъ положительную оппозицію второй части прикрытія пальцевъ. Указательный палецъ часто перебѣгаетъна помощь большому. Схватываніе и удерживаніе предмета облегчается этою клещеобразною формою. Разрѣзъ въ основаніи части, прикрывающей большой палецъ, это такое придуманное полярными народами средство, которымъ ученый, обязанный дѣлать разнаго рода тонкія наблюденія, топографическія съемки и т. д., не можетъ нахвалиться. Къ счастію, кочевникъ, которому постоянно приходится возиться съ упряжью и сѣдельнымъ приборомъ, также вынужденъ, при сильнѣйшихъ морозахъ, выставлять на мгновеніе голые пальцы[1]). Можно тотчасъ-же опять спрятать ихъ, благодаря этому разрѣзу, который, будучи густо обшитъ мѣховой опушкой, тѣмъ лучше заграждаетъ путь морозу, чѣмъ больше сдвинутъ сгибъ руки. У Самоѣдовъ рукавицы составляютъ нераздѣльное продолженіе рукавовъ, къ которымъ онѣ пришиты, такъ что часто Самоѣды представляютъ забавную позу, когда вытаскиваютъ обѣ руки изъ рукавовъ, чтобы согрѣть ихъ въ поясномъ мѣшкѣ тулупа, а рукава стоятъ оттопырившись отъ туловища.

Покрой рукавицы Нигидальскихъ Тунгусовъ.

Послѣ разныхъ замѣтокъ, вызванныхъ разсмотрѣніемъ практической стороны модъ, я возвращаюсь къ модѣ, вызванной роскошью. Удивительно какъ глубоко засѣло эстетическое чувство уже въ первобытномъ человѣкѣ, хотя сначала оно и высказывается только въ разукрашиваніи одежды. Оно тѣмъ болѣе удивительно, что къ кочевнику вообще, а въ особенности полярному, никакъ нельзя приложить цивилизаціонный масштабъ употребленія мыла. Онъ еще живетъ въ Гомеровскомъ періодѣ, и незнакомъ съ мыломъ, а знаетъ развѣ только щелочное мытье, употребляемое Алеутами, Коряками, сѣверо-западными Американцами и Готтентоттами[2]). Даже у Европейца, пріѣзжающаго въ его пустыни, очень скоро исчезаетъ охота мыться въ теченіи продолжительной зимней поло-

[1]) У Забайкальскихъ охотниковъ я нашелъ, что для облегченія такихъ манипуляцій, вмѣсто теплыхъ рукавицъ, употреблялся при длинныхъ рукавахъ родъ пульсонагрѣвателей изъ пушистаго мѣха (затычка), какъ бы мѣховое кольцо, прикрывавшее всю длину пальцевъ. Оно очень практично.

[2]) Щелочные растворы, выдѣляемые ихъ собственными мочевыми органами.

вины года. При такой грязи, отъ которой немытыя физіономіи часто, а мытыя уже непремѣнно, низачто не узнаешь, женщины каждую свободную минуту посвящаютъ не только убранству своего собственнаго и дѣтскаго наряда, но и наряжанію мущинъ своего племени. Между тѣмъ всякому извѣстно, что тамъ на женщинахъ и такъ уже лежитъ рабское бремя безконечныхъ домашнихъ хлопотъ, между тѣмъ какъ мущина считаетъ своею обязанностью только изготовлять деревянную посуду и приборы для ловли животныхъ, пасти стада, заниматься охотою и рыболовствомъ. Дѣло доходитъ до того, что пріятель мой Тойчумъ, князецъ Асинскихъ Самоѣдовъ, при всемъ уваженіи, которое онъ мнѣ оказывалъ, все-таки считалъ меня и моихъ спутниковъ весьма несчастными людьми, находившимися въ неслыханной бѣдѣ, потому что обязаны были заботиться о своемъ хозяйствѣ. Указавъ мѣсто привала и отпустивъ сѣв. оленей, везшихъ его, онъ не выходилъ изъ своихъ саней. Какъ онъ, такъ и остальные мущины орды сидѣли совершенно равнодушно, преисполненные чувствомъ собственнаго достоинства, не шевеля ни однимъ пальцемъ, хотя женщины въ это время выбивались изъ всѣхъ силъ и иной разъ казалось сомнительнымъ, удастся ли имъ, при установкѣ шалашей, совладать съ свирѣпою борьбою мощныхъ стихій. Распредѣленіе труда въ тундрѣ разграничено, правда, до того, что женщина никогда не входила и не смѣетъ входить въ лодку.

Какъ бы свирѣпо погода ни бушевала, женщина, уставивъ сначала шалашъ, должна отправиться за льдомъ для котла, должна набрать охабку кроющихся подъ снѣгомъ малорослыхъ ивъ, самое жалкое изъ всѣхъ топливъ, или расколоть на дрова привезенные пни. Кончилась стряпня, начинаются безустальное нянчанье дѣтей, выколачиванье, сушка и починка сильно поврежденныхъ стѣнокъ чума, одежды, а въ особенности обуви, заготовленіе впрокъ рыбы и мяса на безконечно долгую зиму и т. д. Каждая свободная минута употребляется на дубленіе неотдѣланныхъ шкуръ, и хотя вездѣ проглядываетъ Эвва, но все-таки я скорѣе готовъ сообщаемый Гофманомъ фактъ [1]) истолковать въ пользу чрезвычайнаго прилежанія жены кочевника, чѣмъ выставлять на видъ искусство этихъ женщинъ притворяться.

Едва горитъ огонекъ среди зимней полярной ночи; чадъ и дымъ вылетаютъ изъ полусухаго, гнилаго топлива и затемняютъ свѣтъ въ чумѣ. Слезы безостановочно струятся изъ воспаленныхъ глазъ, а женщина сидитъ лицомъ къ огню, выкраиваетъ лоскутокъ за лоскуткомъ по красивому узору, сортируетъ волосы по цвѣтамъ, прицѣпляетъ разныя мелкія привѣсочки и кисточки, краситъ и шьетъ, сшиваетъ и вышиваетъ, нанизываетъ

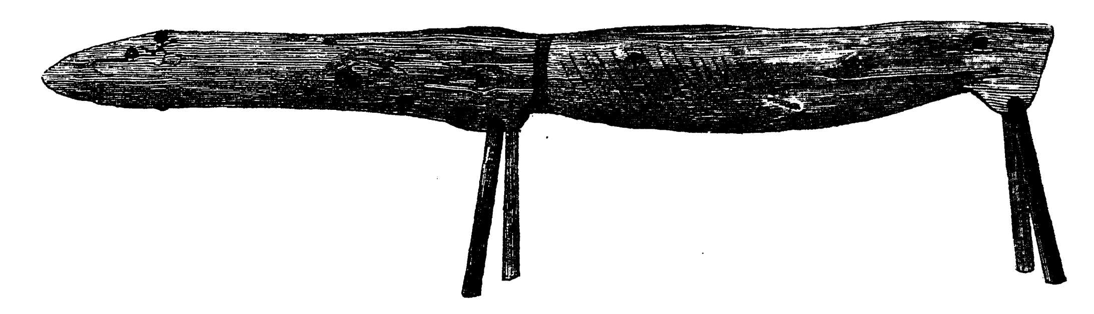
[1]) Pae-Choi und das Uralgebirge, p. 105. Гофманъ говоритъ, что Самоѣдскія женщины считаютъ стыдомъ, если ихъ застанутъ безъ дѣла, хотя у нихъ въ сущности страсть къ бездѣльничанью также велика, какъ у мущинъ. Когда вы, продолжаетъ Гофманъ, неожиданно войдете въ чумъ или юртъ, то женщины немедленно принимаются за первую попадающуюся подъ руки работу и такъ усердно перебираютъ руками, какъ будто онѣ все время были заняты и работаютъ отъ всей души. Обыкновенно онѣ принимаются за дубленіе, растирая руками кусокъ шкуры. Случалось намъ иногда пріѣзжать въ юртъ поздно, когда обитатели его уже спали. Еще въ темнотѣ женщины схватывали кусокъ шкуры и т. д.

бисеринку за бисеринкой на самодѣльныя нитки, которыя она съумѣла расщепить и спрясть изъ сухихъ жилокъ сѣв. оленя.

Не туфли, не подушечку для дивана вышиваетъ она въ досужій часокъ, при яркомъ освѣщеніи, портя глаза, и не по купленному, на половину уже готовому образцу. Нѣтъ, не довольствуется Тунгуска однимъ кисетомъ, а рядитъ съ головы до ногъ всѣхъ дорогихъ ея сердцу, да и самое себя, въ великолѣпнѣйшее, блистательнѣйшее шитье. Что значатъ въ сравненіи съ ними произведенія нашихъ наемныхъ изготовителей нарядовъ? самые блестящіе костюмы или парадные мундиры нашихъ самыхъ щегольскихъ гвардейцевъ? Развѣ еще камергеръ можетъ сравниться съ нарядньмъ Тунгусомъ, потому что и у него шитье тянется по запретной части тѣла [1]).

Теперь взглянемъ еще разъ на дѣло и посмотримъ на жертвующую собою модистку, которая сама никогда не моется и одежда которой, когда чумъ долго запертъ, до такой степени наполняетъ его рѣзкимъ кислымъ запахомъ, что даже вонючіе Китайцы прозвали эти народы «вонючими Татарами» [2]). Въ какомъ видѣ она представляетъ себѣ божество, управляющее ея судьбою? въ какія формы и краски облекаетъ она это высшее проявленіе человѣческой силы воображенія?

Два ниже изображенныхъ идола **Асинскихъ Самоѣдовъ** сами пусть отвѣтятъ на эти вопросы.

Божество Асинскихъ Самоѣдовъ въ видѣ сѣв. оленя.

Грубая фигура этого божественнаго сѣв. оленя [3]), взятая съ жертвеннаго мѣста на р. Таймырѣ, была сдѣлана изъ дерева лиственицы. Передняя темная точка, отверстіе отъ выпавшаго сука, изображала глаза. Нѣсколько выше и позади ея была просверлена дыра, въ которую очевидно продѣто было подражаніе рогамъ. Лопатки, ребра и тазъ принадлежатъ къ наиболѣе удачнымъ частямъ этого художественнаго произведенія.

Другой идолъ, домашній божокъ, котораго я привезъ отъ Таймырскихъ Самоѣдовъ, изображенъ на слѣдующей страницѣ съ двухъ сторонъ.

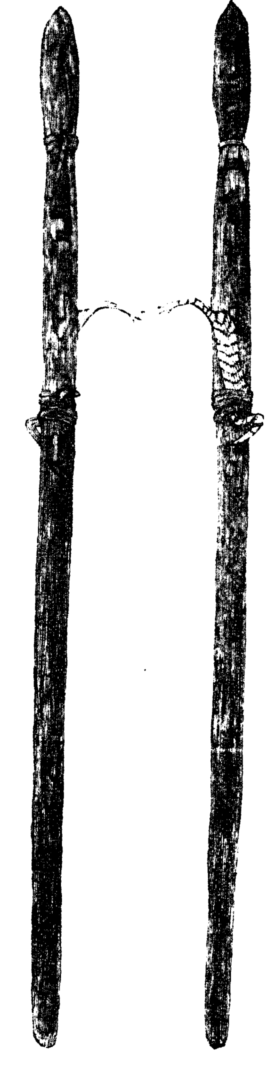
1) Срав. политипажи въ главѣ о Тунгусахъ.

2) Tmo-ta-Dze, по Гюку, Voyage I, стр. 65.

3) Срав. Castrén, Reiseberichte und Briefe, стр. 179 и 168. Сѣверные Самоѣды даютъ божеству эпитетъ «стража сѣв. оленя», опасаясь употреблять во зло настоящее его имя Num.

Это кусокъ лиственичнаго дерева, воплощенный шаманомъ Loh или духъ[1]), который опиравшемуся на него старику, страдавшему каменною болѣзнью, долженъ былъ служить талисманомъ противъ другихъ злѣйшихъ страданій. Верхній конецъ составляетъ голову, чрезвычайно грубо вырѣзанную, съ обычнымъ заостреніемъ темени. Двѣ голубыя стеклянныя бусы, играющія роль глазъ, придаютъ ему видъ какого-то привидѣнія. Нѣсколько ниже помѣщена жестяная фигура, которая должна изображать сѣв. оленя; съ противоположной стороны палки ему соотвѣтствуютъ какія-то очертанія лицъ. Старикъ крѣпко держался своего домашняго божка. Только мои увѣренія, что нужно сжечь этотъ шаманскій талисманъ, прежде чѣмъ можетъ подѣйствовать мое средство — лѣкарство высшаго шамана, за котораго меня принимали, передали это сокровище въ мои руки.

Какую непростительную свободу позволила себѣ фантазія благочестивыхъ художниковъ при изображеніи этихъ божествъ; какъ мучительно-аккуратно, напротивъ того, тутъ-же дѣйствовала мода; какъ образовательно она вынудила неотесаннаго дикаря выдти изъ грубаго, первобытнаго состоянія.

Самоѣдскій домашній божокъ.

Ни выборъ покроя, ни выборъ матеріала и цвѣта она не предоставила свободной фантазіи дикаря. Съ всеподавляющимъ деспотизмомъ мода даже въ первобытной глуши все предусмотрѣла, все въ точности установила. Горе тому, кто бы рѣшился пренебречь ея требованіями; горе ему въ Европѣ, горе и въ Азіи!

Уже издали узнаешь длинноволосаго, растрепаннаго Самоѣда по его кокардѣ. Надо лбомъ, на мѣховой его шапкѣ, торчитъ хвостикъ сѣв. оленя, несомнѣнно отличая его отъ сосѣда Юрака. Жена его спереди, сверху до низу, покрыта, какъ броней, болтающимися, брянчащими щитками изъ мѣдныхъ пластинокъ. Совершенно иначе одѣвается Тунгусъ съ своей косичкой; на другой ладъ наряжаются также Якутъ и жена его.

Тутъ кормятся черныя и бѣлыя собаченки особаго рода, единственно съ тою цѣлью, чтобы украсить шапку Самоѣдки длинными, жесткими волосами, дико развѣвающимися вокругъ косматой, черноволосой головы; тамъ для украшенія нѣкоторыхъ частей наряда выше всего цѣнится шкура какого-нибудь баснословнаго въ глазахъ полярнаго Самоѣда, никогда не виданнаго имъ живот-

[1]) Срав. Castrén, Reiseberichte und Briefe, 1856, p. 169.

наго [1]), напр. козы, лошади или жеребенка; въ другомъ мѣстѣ шерсть росомахи или лоскутокъ рысьей шкуры составляетъ такую необходимую принадлежность извѣстной части одежды, что мѣха ихъ продаются по непомѣрно-высокимъ цѣнамъ.

При вышиванiи не только узоры, но и цвѣтъ бусъ подчинены совершенно опредѣленнымъ правиламъ. Какъ въ торговлѣ съ сѣверо-американскими туземцами вскорѣ оказалось, что для кушаковъ-вампумъ требуются черныя и бѣлыя бусы, такъ мы читаемъ уже въ прошломъ столѣтiи [2]), что Якутамъ нужны были бѣлыя, синія и черныя, Бурятамъ красныя, Тунгусамъ зеленыя стеклянныя бусы. Это тѣмъ болѣе странно, что къ моему удивленiю я убѣдился въ почти невѣроятной неспособности Самоѣдовъ и Тунгусовъ отличать извѣстные цвѣта. Объ этомъ уже говорено акад. Шифнеромъ, на основанiи собранныхъ мною перечней словъ [3]). Не только у Самоѣдовъ желтый, зеленый и синiй цвѣта нерѣдко обозначаются однимъ названiемъ, но и у южныхъ Тунгусовъ я встрѣтилъ неумѣнье отличать близко сходные между собою цвѣта. Я не могу согласиться съ акад. Шифнеромъ въ томъ, что такое отсутствiе способности различать цвѣта происходитъ отъ недостатка упражненiя въ распознаванiи цвѣтовъ. Тунгусъ обсыпанъ стеклярусомъ разныхъ цвѣтовъ, со вкусомъ нанизаннымъ его женою. Вопросъ, почему эта неспособность различать цвѣта, довольно часто встрѣчающаяся въ Европѣ у отдѣльныхъ личностей, составляетъ почти всеобщую принадлежность первобытныхъ народовъ, вопросъ этотъ требуетъ ближайшаго изслѣдованiя; можетъ быть причина явленiя, при необыкновенной дальнозоркости этихъ людей, заключается въ несовершенствѣ ахроматiи глаза. Они въ состоянiи отличать, послѣ долгаго раздумыванiя, только самые яркiе тоны упомянутыхъ цвѣтовъ. Всѣ темноватые цвѣта они называютъ просто «чернымъ». Сначала я потѣшался надъ ними, когда они, разсматривая мою таблицу цвѣтовъ, не умѣли отличать положительно желтый цвѣтъ ни отъ синяго, ни отъ зеленаго, не говорю уже о неумѣнiи отличать другъ отъ друга оба послѣднихъ цвѣта; но впослѣдствiи я пересталъ осмѣивать такiя явленiя, потому что даже мои добродушные и веселые Самоѣды не на шутку обижались этимъ.

И такъ, всѣ требованiя моды искони установились на неумолимо твердыхъ основахъ. Богоподобная, безсмертная мода, прости, что я такъ часто хулилъ тебя! Ты неоспоримо древнѣйшаго, самоѣдско-тунгусскаго происхожденiя, несомнѣнно созданiе небесной милости. Кто рѣшался сомнѣваться въ этомъ, тотъ пусть взглянетъ на помѣщенные ниже политипажи, на которыхъ изображены нѣкоторыя одежды Самоѣдовъ, Тунгусовъ и Якутовъ, да сравнитъ ихъ съ идолами на предыдущей страницѣ. Табл. XV-ая нѣм. изд.,

[1]) Мой бараній тулупъ я выдавалъ за медвѣжью шкуру. Друзья мои на глубокомъ сѣверѣ съ ужасомъ разсматривали его. — Во времена Витсена (II, стр. 432, 433) Остяки цѣнили собачій мѣхъ выше соболя и украшали соболью шубу собачьимъ мѣхомъ.

[2]) Müller, Sammlung Russisch. Geschichte, III, стр. 491, 489.

[3]) Castrén's Wörterverzeichnisse aus den Samojedischen Sprachen, 1855, p. XIX.

*

рис. 2-ой, также показываетъ намъ, какъ красиво Самоѣдка убираетъ сайдакъ своего мужа, какъ Долганка, посредствомъ чрезвычайно красиво составленной привѣски, старается удержать свою плотно-обмотанную косу въ надлежащемъ положеніи. Но рис. 1-ый, на той-же таблицѣ, можетъ служить намъ доказательствомъ (въ сравненіи съ чисто-самоѣдскимъ кафтаномъ, изображеннымъ въ главѣ о Самоѣдахъ), до чего можетъ довести вкусъ, если первобытная мода столкнется съ цивилизаціей. Впрочемъ легко можетъ статься, что этотъ тулупъ самоѣдскаго старшины не гермафродитъ, а только подражаніе европейскому образцу. Можетъ быть, такой видъ имѣли въ прошломъ столѣтіи почетные кафтаны, которые раздавались Москвою знатнѣйшимъ вождямъ туземцевъ и опоясывались коротенькою саблею, какъ мнѣ самому привелось видѣть это на Становомъ водораздѣльномъ хребтѣ. Въ нашъ вѣкъ Петербургъ высылалъ туда красные кафтаны, обшитые золотыми галунами. На темномъ грязномъ фонѣ туземцевъ, при вспыхивающихъ огонькахъ въ шалашѣ, такой парадный нарядъ напоминалъ появленіе Самієля на нашихъ сценахъ [1]).

Отъ бубенчиковъ, которыми Самоѣдки убираютъ свои косы, да отъ параднаго украшенія, которымъ служитъ Тунгускамъ изображенная на табл. XV-ой привѣска къ косѣ, наши дамы, правда, изволили отказаться; но цвѣтъ человѣческаго чувства изящнаго, наши образованныя дамы все еще уродуютъ свое тѣло привѣшиваніемъ серегъ. Непонятно, почему имъ угодно такъ упорно отставать отъ нѣкоторыхъ первобытныхъ народовъ въ томъ отношеніи, что онѣ не просверливаютъ для подобныхъ привѣсокъ, если не губу, то по крайней мѣрѣ стѣнку между ноздрями, какъ это дѣлаютъ Гольдскія Тунгуски на Амурѣ. Въ виду этого, право, неудивительно, что и сибирскіе туземцы татуируютъ себя.

У чванныхъ, любящихъ наряжаться, Тунгусовъ я неоднократно встрѣчалъ татуированныя лица. Фигуры вытравляются тоже по однажды установленному образцу, какъ это видно на табл. IV-ой. Уже со временъ первыхъ этнографическихъ изслѣдованій Сибири имѣются извѣстія о татуированіи Тунгусовъ и о томъ, что оно производится посредствомъ шитья [2]). Очевидно, оно проникло изъ южной Азіи и съ береговъ Тихаго Океана въ самыя сѣверныя страны. Уже Марко Поло [3]), говоря о татуированіи, называлъ его индѣйскимъ искусствомъ. Странно только то, что, не смотря на плотное укутываніе тѣла въ полярныхъ странахъ, фигуры, непосредственно и неизгладимо вытрав-

---

[1]) Такіе парадные наряды неоднократно испрашивались для тѣхъ туземцевъ, которыхъ, въ угоду ихъ тщеславію, удавалось убѣдить сначала подарить на государственныя надобности нѣсколько сотъ сѣв. оленей. Считаю нелишнимъ замѣтить, что одинъ изъ такихъ щедрыхъ жертвователей успѣлъ совершенно обѣднѣть, прежде чѣмъ ему могъ быть присланъ парадный кафтанъ. Ничѣмъ нельзя было убѣдить честнаго кочевника принять этотъ кафтанъ. Такой важный нарядъ, говорилъ онъ, назначенъ великимъ государемъ богачу. Я (бѣднякъ) въ теперешнемъ своемъ положеніи не вправѣ осквернить эту державную волю.

[2]) Gmelin, Reise I, p. 358. Das veränderte Russland, 1774, I, p. 164. Кастренъ (Reiseber., p. 221) встрѣтилъ татуированныхъ Тунгусовъ на Сымѣ.

[3]) Bürck, Die Reisen des Venezianers Marco Polo, 1845, p. 498.

ленныя на кожѣ, все-таки проложили себѣ путь ко всѣмъ народамъ глубокаго сѣвера. Татуируются не только сѣверо-американскіе Индѣйцы, жители Кадьяка [1], Алеуты и Чукчи [2], но даже Эскимосы въ Comittee-Bay, и притомъ послѣдніе до единаго [3]).

Тѣмъ болѣе татуированіе въ Сибири нельзя считать особенностью однихъ Тунгусовъ. На р. Новой я видѣлъ татуированную Самоѣдку [4]; у Остяковъ [5]) и Якутовъ [6]) также встрѣчали татуированныхъ. Но упомянутой Самоѣдки татуировано было не лицо, а рука. Вдоль поверхной кровопускательной вены, наискось снаружи и сверху, во внутрь и книзу, слѣдовали три кругловатыхъ пятна, сопровождавшіяся двумя другими, неправильно размѣщенными пятнами. Операція произведена была въ ранней молодости, посредствомъ вшиванія скрученной изъ жилы нитки, намазанной углемъ. Вшиваніе это, какъ незначительно оно ни было, сопровождалось сильною краснотою и опухолью.

Татуированіе мало по малу, кажется, начинаетъ все болѣе выходить изъ употребленія, прежде же производилось чаще и во всякомъ случаѣ распространено было между всѣми народами. Съ завоеваніемъ Сибири должна была также наступить новая эра и въ отношеніи одежды. Туземцамъ, рядившимся прежде въ мѣха соболей и выдръ, пришлось совершенно отказаться отъ такихъ дорогихъ мѣховъ [7]). Уже во времена Стеллера [8]), Камчадалы всѣ носили рубашки. Въ мое время додумались до нихъ, или даже до зипуновъ, только самые богатые Якуты и Тунгусы. Теперь, вѣроятно, все это уже опять совершенно измѣнилось, потому что сбытъ товаровъ въ безпредѣльныя азіятскія страны чрезвычайно усиливается.

Доселѣ мы разсматривали вліяніе моды и видѣли, что корень ея пускаетъ живѣйшіе побѣги въ продолженіи грубѣйшаго, первобытнаго состоянія человѣка. Цивилизація успѣла чрезвычайно разнообразно видоизмѣнить и художественно развить первобытныя моды, но не преминула вмѣстѣ съ тѣмъ значительно усилить дурачества первобытной моды.

Взглянемъ еще на нѣкоторыя первобытныя явленія, заслуживающія, кажется, вниманія.

Въ тѣсномъ помѣщеніи Тойчумоваго чума съумѣли размѣститься 18 человѣкъ, старыхъ и молодыхъ. Между ними было восемь женщинъ, и при всемъ томъ тутъ, гдѣ нельзя было шевельнуть локтемъ, не затронувъ сосѣда, царило величайшее согласіе. Даже въ высшей степени рѣзвымъ дѣтямъ, которыхъ чрезвычайно рѣдко наказывали, нельзя было возбудить ссоры между матерями, къ большому стыду культурнаго человѣка. Но

---

[1]) Впрочемъ уже Лисянскій, Путеш. II, стр. 74, говорилъ, что тамъ начало выводиться татуированіе.

[2]) Сарычевъ, Путеш. II, стр. 110, 126.

[3]) Rae, p. 39, 58.

[4]) У европейскихъ Самоѣдовъ Ал. Шренкъ (I. p. 486) не нашелъ никакихъ слѣдовъ татуированія.

[5]) Сибир. Вѣстн. IV, стр. 43. — Pallas, Reise III. p. 41. — Ermann, I, 638; II, 36.

[6]) Gmelin. Reise I, p. 70, съ рисункомъ.

[7]) Въ сѣв.-западной Америкѣ Загоскинъ (Пѣшеходная опись, I, стр. 172) еще полстолѣтія тому назадъ, засталъ у туземцевъ одежды изъ собольихъ и выдровыхъ шкуръ.

[8]) Kamtschatka, p 308.

уже и тутъ это счастливое состояніе общественнаго строя одержимо порожденіями коммунизма, мечты котораго Асинцы осуществили посредствомъ несчастной долевой системы [1]), равно какъ и тѣмъ, что у нихъ самый жалкій бѣднякъ и самый великій богачъ вели совершенно одинаковый образъ жизни. Голышъ живетъ на счетъ богача, а богачъ, у котораго нѣсколько тысячъ сѣв. оленей и который, по нашимъ понятіямъ, капиталистъ, живетъ ничѣмъ нелучше любаго нищаго земляка своего. А все-таки богачъ имѣетъ то преимущество передъ нимъ, что въ плохія времена онъ не умретъ съ голоду, потому что при всемъ коммунизмѣ и при всемъ первобытномъ гостепріимствѣ являются и для нихъ нѣкоторыя, и притомъ весьма тѣсныя ограниченія, какъ скоро распространится паника всеобщаго бѣдствія и голодная смерть грозитъ прикрыть своимъ саваномъ не только того или другаго, а цѣлыя племена. Стада самаго богатаго хозяина быстро уменьшаются, какъ только началось бѣдствіе и кто въ нынѣшнемъ году насчитываетъ нѣсколько тысячъ головъ, у того на слѣдующій годъ, можетъ быть, не будетъ ни одной, если наступитъ безпощадный падежъ. Не смотря на такія превратности судьбы, Самоѣды и Якуты обозначаютъ качества «бѣдный» и «дурной» однимъ и тѣмъ-же словомъ. Какъ это знаменательно! [2]).

До какой степени въ нашемъ общественномъ строѣ многое объусловливается только условнымъ приличіемъ, это вскорѣ можно подмѣтить въ самоѣдскомъ чумѣ: гдѣ 18 человѣкамъ обоего пола, да еще нѣсколькимъ гостямъ, собакамъ, разнымъ приборамъ, очагу и т. д. приходится умѣститься въ чумѣ, имѣющемъ 3 саж. въ поперечникѣ, и непогода часто нѣсколько дней сряду не позволяетъ выходить изъ чума, гдѣ, кромѣ необходимости самымъ тщательнымъ образомъ осушать нижнее платье, насѣкомыя заставляютъ при каждомъ случаѣ снимать тулупъ, какъ только огонь въ чумѣ разгорится сильнѣе, тамъ не можетъ быть рѣчи о стыдливости въ европейскомъ смыслѣ. Что въ этомъ отношеніи дѣти кочевниковъ нѣсколько опередили деревенскую молодежь Европы, это само собою разумѣется. Но меня удивилъ оригинальный способъ выговора, сдѣланнаго мнѣ Тунгусомъ. Нашъ чумъ былъ наполненъ гостями, которыхъ я угощалъ чаемъ. При коверканіи языка я, говоря о дочери главнаго гостя, стоявшей возлѣ него, сдѣлалъ промахъ и произнесъ слово сынъ. Не долго думая, отецъ отдернулъ занавѣсъ, чтобы зоологически наглядно доказать мнѣ передъ всей почтенной компаніей, на сколько жестоко я ошибаюсь.

Въ другой разъ мнѣ привелось видѣть нѣчто несравненно худшее, а именно какъ Тунгусскій мальчикъ, передъ цѣлымъ обществомъ, успокаивалъ плакавшаго въ люлькѣ брата своего на манеръ иныхъ негодныхъ кормилицъ и нянекъ, — обстоятельство, заставившее физіолога сильно призадуматься, такъ какъ при всемъ томъ мнѣ нерѣдко встрѣчались между Тунгусами престарѣлые отцы грудныхъ дѣтей (срав. главу о Тунгусахъ)

---

[1]) См. ниже въ главѣ объ Асинцахъ.

[2]) Нѣчто подобное встрѣчается также въ эстскомъ, и даже въ шведскомъ языкѣ («дурной народъ»).

Между тѣмъ Тунгуски часто долго чванились, прежде нежели мнѣ удавалось упросить ихъ, чтобы они мнѣ спѣли пѣсню. Tout comme chez nous. Но, рѣшившись наконецъ пѣть послѣ долгаго хихиканія, онѣ совершенно простодушно высказывали слова и мысли, которыя перо мое отказывается переводить. А при всемъ томъ сколько смысла въ тунгускомъ преданіи, по которому названіе крутой скалистой стѣны Сырраджöкъ, въ основаніи Тугурскаго залива, производится отъ имени чрезвычайно искусной въ вышиваніи Тунгуски. Она и сестра ея (говоритъ это преданіе), подобно другимъ дѣвушкамъ того-же племени, обыкновенно занимались шитьемъ на упомянутой скалѣ, представляющей такую веселую, дальнюю перспективу. Однажды, расположившись на скалѣ, старшая сестра шила какъ-то лѣниво, пѣла пѣсни и поглядывала на море. Будучи спрошена младшею сестрою, что̀ съ нею, она поцѣловала ее вмѣсто всякаго отвѣта, поручила ей много поклоновъ и бросилась въ море.

Это единственный проблескъ мысли о самоубійствѣ, который мнѣ удалось открыть у сибирскихъ туземцевъ.

На перекоръ-же сказанному отсутствію стыдливости, горе той самоѣдской дѣвушкѣ, которая, перемѣняя обувь, выкажетъ свою босую ногу [1]). Самоѣдка и краснѣетъ до такой степени, что волненіе ея просвѣчиваетъ даже сквозь слой грязи въ палецъ толщины. Это проявленіе краски и чувство, служащее ему основою, весьма естественно и неразрывно связано съ неугомоннымъ біеніемъ сердца. Эта стыдливость относительно ногъ совершенно условна, и ничуть не менѣе условна, чѣмъ наше отвращеніе отъ лошадинаго мяса или нисколько не предосудительное въ чумовомъ быту проявленіе чистоплотности Самоѣдки, которая кончикъ своего языка, необыкновенно искусно, пропускаетъ не только по верхней губѣ, но и глубоко въ ноздри своего сопливаго любимца, чтобы очистить ихъ; ничуть не менѣе условна, чѣмъ усиленіе того «пожиранія» и щелканія, о которомъ говорится въ главѣ о Самоѣдахъ по случаю изображенной тамъ спинной скребницы, до степени внимательнаго поднесенія отъ жены мужу [2]), или чѣмъ наше упорное сопротивленіе ѣсть мясо сѣв. оленей, задушенныхъ на самоѣдскій ладъ, при чемъ Окó мнѣ замѣтилъ совершенно справедливо: «вѣдь вы же ѣдите птицъ и рыбъ, пойманныхъ въ сѣтяхъ и силкахъ»; не менѣе условна, чѣмъ старинная сыновняя обязанность у Чукчей, отправлять роднаго отца, по его желанію, на тотъ свѣтъ, когда онъ состарится и соскучится жизнью; наконецъ не менѣе условна, чѣмъ свѣтскость Долгана, который уже слышалъ, что Европейцы считаютъ мокроты нечистотою, и, разговаривая со мною, высокопочтеннымъ, непосредственнымъ посланцемъ изъ столицы солнцеподобно возсѣдающаго на престолѣ самодержца, изо всей силы харкаетъ въ руку и держитъ въ ней нечистоту, чтобы укрыть ее отъ моихъ глазъ.

Потому именно, что онъ слышалъ, что̀ прилично и что̀ неприлично, тотъ-же Долганъ уже умѣлъ принимать со скромною благодарностью то, что я ему давалъ въ изоби-

[1]) Почему именно ногу? — Отвѣтъ на этотъ вопросъ даетъ, можетъ быть, стр. 639.

[2]) Prinz Max, Reise II, p. 138. — Вѣдь нѣсколько столѣтій тому назадъ Phtirophagi жили въ нашей теперешней Европейской Россіи.

лiи, и не быть назойливымъ, между тѣмъ какъ Самоѣды — эта нищенствующая братья вѣчно сытыхъ и ненасытныхъ — подобно избалованнымъ дѣтямъ, становились все требовательнѣе, все безстыднѣе, чѣмъ больше я имъ давалъ.

Но эти-же ненасытные, которые, въ моемъ присутствiи, передъ боченкомъ съ водкой предавались звѣрской необузданности [1]), съ непоколебимою твердостью не поддавались искушенiю, когда я, отправившись на нѣсколько мѣсяцевъ къ полюсу, оставилъ тотъ-же боченокъ, и бутылки, открыто и безъ присмотра на тундрѣ. Тойчумъ былъ правъ, увѣряя меня, что мнѣ нечего опасаться какого бы то ни было похищенiя и совѣтуя вспомнить, что съ той лодки, которую я осматривалъ и которая, какъ я ему говорилъ, выброшена на тундру уже сто лѣтъ тому назадъ, не взятъ ни одинъ гвоздь, потому что это собственность солнцезарнаго царя. Между тѣмъ, еще въ мое время, для самыхъ сѣверныхъ Самоѣдовъ гвозди, и вообще желѣзо, были дороже лучшаго золота.

Откуда же у этихъ бѣдняковъ, необузданно предающихся своимъ страстямъ и алчности, является такая образцовая честность? Откуда берется эта сила самообладанiя рядомъ съ такими дѣтскими выходками? Откуда столько правдивости, столько вѣры и довѣрiя, такое точное выполненiе даннаго обѣщанiя?

Какъ часто мнѣ приходилось убѣждаться въ послѣднемъ, хотя стихiи напускали на слабаго человѣка цѣлый рой своихъ фурiй: въ такихъ случаяхъ, казалось, сверхъестественныя силы непогодъ такъ и напрашивались служить отговоркою.

Означенные вопросы, кажется мнѣ, чрезвычайно важны какъ для государственныхъ людей, такъ и для друзей человѣчества. Безъ сомнѣнiя, недостаточно предположить, что перечисленныя выше добродѣтели основаны единственно на прирожденномъ нравственномъ чувствѣ, т. е. такъ сказать на инстинктѣ, и на вытекающемъ изъ ежедневной общественной жизни ученiи, что безъ честности и довѣрiя, безъ неприкосновенности собственности, не возможно существовать при всѣхъ коммунистически-гостепрiимныхъ обычаяхъ. Это заставляло бы предполагать необыкновенную твердость характера, который у Самоѣда, дѣтски-предающагося минутному влеченiю, не достаетъ.

Скорѣе можно, да и необходимо предположить, что въ еще болѣе грубыя времена самой первобытной жизни, когда не только старшина, но и каждая глава семейства по своему усмотрѣнiю располагалъ жизнью и смертью своихъ приближенныхъ, установлены были такiя тяжкiя и немедленныя наказанiя за проступки противъ истины и честности, за ложь и воровство, что боязнь совершить такiе проступки не только путемъ преданiя искоренила ихъ, но и мало по малу перешла въ плоть и кровь людей. Съ этимъ выраженiемъ моимъ иной скептикъ все-таки, можетъ быть, согласится, если я для примѣра укажу на первостепенно-породистую лягавую собаку, которая по наслѣдственно перешедшей на нее, второй, т. е. привитой, природѣ, не шевелясь, стоитъ передъ дичью и къ досадѣ охотника, при сильнѣйшемъ истощенiи, ни за что не станетъ ѣсть костей дичи, если бы даже онѣ были поджарены на маслѣ. Оба эти качества никакъ не могли быть прирожденными

[1]) Срав. главу о Самоѣдахъ.

свойствами ея со временъ первобытныхъ порядковъ, иначе она бы сдохла съ голоду и вымерла окончательно.

Я могу привести еще другое убѣдительное доказательство изъ настоящаго быта нашего края. Еще недавно въ нашихъ губерніяхъ полевое и луговое воровство было, можно сказать, совершенно неслыханное явленіе, даже тамъ, гдѣ лѣсъ, желѣзо, веревки и т. п. крестьяне считали общимъ достояніемъ. Доискиваясь причины, мы найдемъ ее во времена зачатковъ распространенія хлѣбопашества въ Европѣ тамъ, гдѣ вмѣстѣ съ тѣмъ уже успѣла подрасти народная масса. При невозможности охранять разбросанные поля и луга, тогдашняя варварская эпоха установила ужасное наказаніе: поймаинаго на мѣстѣ вора на томъ-же полѣ, которое имъ было обкрадено, по горло зарывали въ землю, и за тѣмъ сохою отрывали у него голову. Гнусная жестокость эта, которую можно простить только тогдашней эпохѣ едва возникавшихъ культурныхъ зачатковъ, принесла однакоже благодѣтельные плоды прогрессивному устройству человѣческаго общества.

Мы дожили до того, что ложно-понятая гуманность уничтожила благодѣтельное вліяніе тѣхъ варварскихъ временъ, т. е. вторую природу, что она даже баранту Киргизской степи, наглое конокрадство, распространило до нашихъ самыхъ западныхъ границъ. Она подготовила неизбѣжныя послѣдствія неурядицы, которая лишь путемъ беззаконной самозащиты, линча и «краснаго пѣтуха» совершенно постепенно можетъ довести опять до исчезнувшей прежней безопасности.

Интересно, хотя и прискорбно, было видѣть у Самоѣдовъ первые зачатки подобной-же деморализаціи. При всей удивительной правдивости и честности, у нихъ уже оказывались двѣ слабыя стороны, которыя мнѣ удалось отыскать лишь послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ знакомства съ ними, потому что во всемъ остальномъ правдивость ихъ была безупречна. Тамъ, гдѣ начинало появляться больше чиновнаго движенія, показанія ихъ о количествѣ добытыхъ мѣховъ, равно какъ о числѣ сѣв. оленей, постоянно были умышленно невѣрны. Грабежи и требованія о дальнѣйшей перевозкѣ, которымъ эти добродушныя и слабыя дѣти природы подвергались со стороны чиновниковъ, казаковъ, священниковъ и торговцевъ, успѣли уже освятить ложь въ этомъ отношеніи.

Тутъ, какъ и вездѣ, святая невинность первобытныхъ людей разрушалась соприкосновеніемъ съ культурой, которая подкрадывалась къ нимъ въ образѣ неодолимой водки въ рукахъ самыхъ алчныхъ и часто самыхъ отвратительныхъ элементовъ. Да и можно ли было ожидать другаго исхода, когда даже священники, которыхъ имъ посылали, назначались въ эти глухія мѣста возвѣстителями слова Божія въ наказаніе за проступки всякаго рода и за дурное поведеніе. Путешественники всѣ въ одинъ голосъ говорятъ о томъ, что съ этой стороны къ кочевникамъ рѣдко являлось доброе, а главнымъ образомъ приходило только дурное [1]). Сама государственная система обращенія въ христіанство,

---

[1]) На память могу призвать въ свидѣтели Кастрена, Кривошапкина, Пршевальскаго, которые не убоялись откровенно высказать объ этомъ всю правду. Въ святой невинности, въ началѣ моего путешествія, я спросилъ сосланнаго въ Дудино священника: оказываются ли Самоѣды доступными христіанскому уче-

награжденіе одного парою сапоговъ и красною рубахою, другаго освобожденіемъ на три года отъ податей, да поощреніе священника-миссіонера за обращеніе столькихъ-то тысячь душь, система эта въ самомъ основаніи своемъ была безнравственна. Такъ дѣла шли нѣкогда и еще тридцать лѣтъ тому назадъ. Весьма понятно, что путешественники почти всегда лучше всего отзывались о некрещенныхъ кочевникахъ.

Вернемся къ высказанному мною выше предположенію о томъ, что цѣлымъ народамъ можно привить вторую натуру. Не могу не признаться откровенно моимъ либеральничающимъ противникамъ, что у туземцевъ дѣти растутъ почти безъ всякой выправки. Но за то и нужно принять въ соображеніе, что при этомъ нѣтъ никакой сентиментальности европейской дѣтской любви. Не смотря на то, путешественника вскорѣ поражаетъ безусловное повиновеніе младшихъ сородичей старшимъ. Гдѣ бы ни появлялся младшій, его тотчасъ-же заставляютъ или рубить дрова, или сгонять сѣв. оленей и т. п. Онъ и исполняетъ все это не переча, безъ малѣйшаго промедленія и всегда охотно, какъ будто это ему доставляетъ удовольствіе. Такимъ-же образомъ всякій туземецъ относится къ стоящему выше его чиновнику. Дѣлаются возраженія, вызываемыя мѣстностью и природными условіями вообще, но коль скоро вы по чему-либо считаете нужнымъ не принимать ихъ въ соображеніе, вы можете быть увѣрены въ безпрекословномъ повиновеніи.

Можно-ли объяснить это иначе, чѣмъ предложеннымъ мною способомъ? Не обязаны-ли мы, именно на основаніи этого, возлагать тѣмъ большую отвѣтственность на начальствующихъ лицъ, въ рукахъ которыхъ находится возможность цѣлыя племена человѣческаго рода или предавать вѣрной погибели, или выводить, по возможности непосредственно, изъ завиднаго дѣтскаго состоянія на степень культурнаго быта.

При сообщеніи свѣдѣній о Тунгусахъ и Якутахъ намъ представится случай ясно увидѣть разницу въ прирожденныхъ способностяхъ разныхъ народовъ. Въ сравненіи съ корыстолюбивымъ, предпріимчивымъ Якутомъ, или быстрымъ, отважнымъ, готовымъ на убійство Тунгусомъ, Самоѣдъ остался добродушнымъ и мирнымъ существомъ, не смотря на свое кровавое, безжалостное охотничье ремесло, не смотря на частыя возстанія, нападенія и рѣзни въ первое время покоренія Самоѣдовъ. Якуты и Тунгусы губители медвѣдей, Самоѣды ловцы сѣв. оленей. Народъ, который разставляетъ ловушки не въ состояніи произвести героевъ. Это очевидно основано на прирожденномъ внутреннемъ свойствѣ Самоѣдовъ ягнятъ глубокаго сѣвера, и очевидно побудило ихъ искать убѣжища отъ притѣсненія въ области крайней безпріютности почвы.

Единственный случай уголовнаго преступленія, совершеннаго между Самоѣдами,

нію, и набожны ли они. «Ну, (отвѣтилъ онъ мнѣ), какъ бы ни былъ благочестивъ этакій Самоѣдъ, больше песцовой лапы онъ не дастъ».

Другой священникъ, объѣзжавшій Тунгусовъ въ Алданскихъ горахъ, неподалеку отъ Якутска, посвятилъ меня въ дѣло еще ближе. Вотъ его слова: «Получивъ то, что слѣдуетъ священнику, принимаешь угощеніе. За тѣмъ слѣдовало твое угощеніе, и за него онъ долженъ дать что нибудь. Потомъ за совершеніе обряда. Потомъ начинается торгъ. Наконецъ прощальный подарокъ, а если онъ тебѣ не нравится, то самъ пошаришь и посмотришь, не спряталъ ли онъ чего. Да наконецъ попросишь себѣ еще чего-нибудь у жены». Всякій объѣздъ доставлялъ этому священнику до 200 соболей.

лѣтъ за двадцать до моего пріѣзда къ нимъ, тотъ-же самый, о которомъ Третьяковъ говоритъ тридцать лѣтъ спустя. Но и этотъ случай былъ слѣдствіемъ суевѣрнаго страха, въ видѣ появляющагося повсюду одинаковымъ образомъ страшнаго преданія о ликантрофіи.

Сильнѣйшею изъ всѣхъ прирожденныхъ кочевнику, упорно дѣйствующихъ страстей оказывается охота свободнаго передвиженія съ мѣста на мѣсто. Сотни питомцевъ и усыновленныхъ дѣтей, смолоду воспитанныхъ русскими поселенцами, вскорѣ представили примѣры удивительнѣйшихъ побѣговъ дѣтей въ степь, замѣчательнѣйшихъ возвращеній взрослыхъ къ кочевой жизни.

Енисейскіе Остяки.

Мнѣ привелось столкнуться съ ними лишь совершенно мимоходомъ, при проѣздѣ изъ Енисейска въ Туруханскъ. Они простирались далеко на правый берегъ Енисея, такъ какъ въ мое время Каменная Тунгуска была занята одними только этими Остяками, которые въ Сумароковѣ вели дѣла съ торговымъ міромъ. На Нижней Тунгускѣ они также жили до пороговъ. Я не сталъ бы печатать свои короткія замѣтки, которыя я помѣстилъ о нихъ въ своемъ дневникѣ, если бы Кастренъ не призналъ этихъ Остяковъ за особенно замѣчательный народецъ, который нѣкогда былъ великъ, а теперь вымираетъ и представляетъ лишь отдаленное сходство съ Финнами, Угрскими Остяками и Самоѣдами. При наклонности Кастрена къ выискиванію сродства, это много значитъ.

Такъ какъ мнѣ, вслѣдствіе задержки при проѣздѣ, удалось распорядиться изображеніемъ какъ разъ Енисейскихъ Остяковъ (табл. I), то я очень радъ, что у изображенныхъ личностей были очевидно типичныя физіономіи, потому что съ вышесообщеннымъ мнѣніемъ моимъ объ этихъ портретахъ, набросаннымъ мною уже въ Сибири, вполнѣ согласуется, какъ я теперь вижу, и отзывъ Кастрена, который высказалъ другими словами тоже самое, говоря[1]): «Въ наружности ихъ монгольскій элементъ не такъ бросается въ глаза, какъ у Самоѣдовъ и Тунгусовъ... По характеру они очень похожи на насъ, Финновъ. Это добрый, тихій, мирный, бѣдный и неприхотливый народъ. Они живутъ охотою и рыболовствомъ и ведутъ кочевой образъ жизни. По вѣроисповѣданію они принадлежатъ къ православной церкви, но преданы шаманству и поклоняются тремъ мощнымъ божествамъ: 1) богу неба, котораго называютъ Эсъ, 2) богу преисподней, котораго зовутъ Имля, и 3) богу земли, которымъ оказывается медвѣдь».

Что мои портреты изображаютъ Енисейскихъ Остяковъ, въ томъ служатъ порукою не только мѣста пребыванія послѣднихъ, рѣки Сымъ и Имбакъ, но случайно и нѣ-

---

[1]) Reiseberichte und Briefe p. 251. Въ своихъ Ethnologische Vorlesungen über die Altaischen Völker (стр. 87) Кастренъ повторилъ о Енисейскихъ Остякахъ почти тоже самое. Онъ выводитъ ихъ изъ Саянскихъ горъ и опредѣляетъ число ихъ едва въ тысячу податныхъ душъ.

*

которые собранные у нихъ образцики языка, оставшіеся у меня отъ матеріала, переданнаго мною гг. лингвистамъ. Безъ сомнѣнія, они послужатъ неопровержимымъ доказательствомъ [1]).

Сымцы называли своихъ Имбацкихъ родичей: Tygybāndjāng͡; Тунгусы назывались у нихъ: Fúmb$\frac{ä}{a}$n.

Составленное мною въ Назимовѣ описаніе этихъ людей гласитъ слѣдующее: «Изображенный человѣкъ (табл. I) смотритъ Финномъ; у его товарища нѣсколько болѣе монгольская физіономія, съ кругловатымъ очертаніемъ лица, съ довольно широкой glabella, и едва-едва наискось прорѣзаннымъ глазомъ. У обоихъ, особенно на головѣ, черные, какъ смола, волоса, но безъ всякаго блеска (чѣмъ и отличаются отъ одинаково-черныхъ европейскихъ волосъ) и жесткостью похожіе на тонкіе лошадиные волосы. Борода и усы очень рѣдкіе. Въ послѣднихъ къ угламъ рта нѣсколько волосковъ подлиннѣе. Маленькіе живые глаза, съ темно-кофейнымъ зрачкомъ, который рѣзко отдѣляется отъ бѣлка глаза. Цвѣтъ лица у перваго грязный, желтовато-чалый, у втораго — цыганско-бурый.

У женщины самая несомнѣнная финская физіономія, которая выступаетъ тѣмъ яснѣе, чѣмъ ближе я ее сравниваю съ моимъ типичнымъ эстскимъ слугою; при всемъ томъ скуловыя кости сильно развиты. Волосы не такъ черны, какъ у мущины Зрачекъ голубовато-сѣраго цвѣта [2]). Продолговатый овалъ лица отличается отъ тупаго кверху кругловатаго овоида мущинъ, у которыхъ лицо, въ сравненіи съ женскимъ, особенно по тому, какъ оно обросло волосами, и по подвижности маленькихъ глазъ, носитъ на себѣ монгольскіе слѣды».

---

[1]) При отдачѣ главнаго матеріала я, къ сожалѣнію, забылъ оставить себѣ копію съ ключа, т. е. съ нѣмецкихъ фразъ, которымъ соотвѣтствуютъ остяцкія. По всей вѣроятности это тѣже самые вопросы, которые приведены въ Кастреновыхъ Grundzüge einer tungusischen Sprachlehre, 1856, p. 137. Обращики эти были мои первыя замѣтки; притомъ мы очень спѣшили.

№ 1. úge kajbos (bu kajbos, ты имѣешь) chä′ sär fynnjäsär (сѣв. олень). bisäp (братъ) dagár kajbos.

№ 2. ab-chöm chä isdyb īs, san amboksym (завтра, а ennōg значитъ сегодня) fynnjä īs īsdyb.

№ 3. kīsölchom (вчера; буква *l* произносится твердо, какъ русское твердое *л*) siir dóge (три, произносится почти какъ французское *dogue*).

№ 4. ab-bisöp chām ādjade (нѣмое *e*).

№ 5. bispuöm ōnām.

№ 6. ab ōp ādjad.

№ 7. op-bisöp noontschīsho.

№ 8. ōpda sār bógas eng͡ (произносится въ носъ) bisöp sār. одинъ — chógda; два — yuä; три — dóge; четыре — ziä; пять — chájä; шесть — aas (мягкое *s*); семь — ons (мягкое *s*); восемъ — bósem; девять — débet; десять — désjat; двадцать — āāks; тридцать — dúngas; большой — chája; малый — fynnjäs (мягкое *s*); наибольшій — s'amyi chája; палецъ — tok.

Вышеприведенное продиктовалъ мнѣ Сымскій Остякъ, Өедоръ Алексѣевъ, въ Назимовѣ. Другой же Остякъ Сымской волости, Король Улиновъ Спиридонъ, при Васькѣ Василіи K$\frac{ö}{y}$ndja (что̀ означало львиную голову??) привелъ мнѣ слѣдующія слова, отличающіяся отъ предъидущихъ: одинъ — kógdo; два — ynn$\frac{ä}{a}$ng͡; три — dōng$\frac{ä}{a}$ng; четыре — zi$\frac{ä}{a}$ng; пять — chā$\frac{ä}{a}$ng; шесть — aa's (твердое *s*); семь — óns; восемъ, девять, десять — по-русски. какъ выше; одиннадцать — chus·$\frac{ä}{a}$mmagé; двѣнадцать — ynn$\frac{ä}{a}$mmagé; тринадцать — d$\frac{o}{y}$ng$\frac{ä}{a}$mmagé; шестнадцать — āas'-ögge; семнадцать — óns'-ögge (твердое *s*); восемнадцать — wós'em-áge; десять рублей — chō rubljä.

[2]) Онъ очевидно указывалъ на переходъ къ бѣлокурымъ Остякамъ, какъ ихъ описываетъ Палласъ (Reise III, p. 39).

Этой подвижности глазъ соотвѣтствовала отмѣченная мною въ Осиновскомъ манера этихъ людей говорить урывками, и такая-же особенность во всѣхъ движеніяхъ, напр. въ поклонахъ. Восьми- или девятилѣтній остяцкій мальчикъ, изображенный въ профиль (на табл. І-ой нѣм. изд.), по смерти обоихъ родителей, умершихъ отъ нервической горячки (голоднаго тифа?), былъ усыновленъ русскими поселенцами. Если бы жители деревни пришли въ чумъ только днемъ позже, то всѣ три оставшіяся сироты умерли бы съ голоду.

У означеннаго мальчика была типичная финская физіономія, съ финскими глазами, но монгольскимъ, почти кругообразнымъ очертаніемъ лица, совершенно черными волосами и темно-коричневымъ зрачкомъ, желтобурымъ цвѣтомъ лица, румяными щеками (потому что онѣ были вымыты). Превосходные зубы. Очень жирное лицо и толстое тѣло. Отсюда, можетъ быть, отчасти происходитъ особая, перекачивающаяся походка: очень маленькіе, быстрые шаги при незначительномъ подниманіи ногъ, какъ походка человѣка, который торопится перебраться чрезъ опасныя мѣста трясины и нигдѣ не рѣшается плотно наступить, чтобы не провалиться въ болото.

При этой походкѣ подошва ноги ложилась почти вдругъ, не начиная съ пятки.

Два другихъ Остяка, которыхъ я видѣлъ на Енисеѣ, также поражали своими неуклюжими головами и животами на тонкихъ ногахъ. Вслѣдствіе этого я отмѣтилъ у себя въ дневникѣ, что не берусь отличить любой остяцкій черепъ отъ киргизскаго, но готовъ распознать ихъ скелеты.

На Курейкѣ, въ чертѣ полярнаго круга, я видѣлъ на Енисеѣ самыхъ сѣверныхъ Остяковъ, съ такимъ явно финскимъ лицомъ, что они чрезвычайно напомнили мнѣ Лапландцевъ. Я очень доволенъ тѣмъ, что нахожу въ своемъ дневникѣ слѣдующую замѣтку объ осѣдломъ Остякѣ въ Игарскомъ поселеніи (подъ $67^2/_3^\circ$ с. ш.; изъ Байскаго рода): «вѣроятно это Самоѣдъ, потому что у него совершенно другая наружность, чѣмъ у Остяка, котораго я третьяго дня видѣлъ на Курейкѣ».

Одежда Сымскихъ Остяковъ была русская, также какъ и названія чиселъ 8, 9 и 10; только обувь свидѣтельствовала о быстроногомъ охотникѣ первобытнаго лѣса.

Въ то время, около половины Февраля, люди плохо питались зайцами, которыхъ ловили въ ловушкахъ. Во всей Сибири я не видѣлъ такихъ жалкихъ кочевниковъ, какъ Остяковъ у Бахтинскаго поселенія. Въ лохмотьяхъ, дрожа отъ холода, они приходили ко мнѣ жаловаться, что имъ отпускаютъ слишкомъ мало зерноваго хлѣба изъ казенныхъ магазиновъ и тѣмъ лишаютъ ихъ возможности отправляться въ болѣе лѣсистыя мѣстности, для добыванія мѣховъ и пищи. Одинъ изъ нихъ съ большимъ трудомъ, и только благодаря поддержкѣ со стороны поселенцевъ, перенесъ голодный тифъ, и страдалъ еще болью въ икрахъ. Мнѣ разсказывали, что умирали не только отдѣльныя лица, но даже цѣлые чумы. Одинъ Остякъ, обратившійся ко мнѣ за милостынею, оставилъ въ чумѣ семь душъ, получивъ, правда, въ Январѣ 10 пудовъ муки, но въ Февралѣ только 70 фун-

товъ, потому что задолжалъ казнѣ болѣе 300 руб. асс., и убилъ въ теченіи зимы всего 20 бѣлокъ.

Повторялась старинная исторія о постепенной гибели этихъ народовъ. Они погибали при соприкосновеніи съ развитіемъ культуры, въ особенности съ наплывомъ золотыхъ пріисковъ и неизбѣжнаго съ ними разгула. Казна, въ теченіи многихъ лѣтъ слишкомъ великодушно поддерживавшая ихъ изъ своихъ запасныхъ магазиновъ, этимъ деморализировала ихъ. О возвратѣ займа не могло быть и рѣчи. За тѣмъ насталъ періодъ, обнаружившій, что большая часть запасовъ все-таки растрачена въ видахъ обогащенія чиновниковъ. Когда наконецъ бѣднякамъ, съ каждымъ годомъ все болѣе должавшимъ (у нѣкоторыхъ долгъ простирался до 1000 руб.), прекратили выдачу продовольствія, то они стали умирать съ голоду.

Я отмѣтилъ у себя въ дневникѣ, что при такихъ данныхъ, по моему мнѣнію, нельзя требовать отъ государства иной помощи, какъ распредѣленія дѣтей между русскими поселенцами. Заправляющую всѣмъ водку вѣдь все-таки нельзя запретить.

Во время печатанія вышеизложеннаго, я успѣлъ ознакомиться съ изслѣдованіемъ Кастрена о языкѣ Енисейскихъ Остяковъ, просмотрѣннымъ и изданнымъ г. акад. Шифнеромъ [1]). Въ немъ указывается близкое сродство Енисейскихъ Остяковъ съ Аринами и Коттами, изъ которыхъ Кастрену удалось еще отыскать всего пять человѣкъ, жившихъ на притокѣ Кана.

Кастренъ различаетъ (стр. VIII) два главныхъ нарѣчія Енисейскихъ Остяковъ: 1) Сымское (на р. Сымѣ и между деревнею Анцыферово и Каменной Тунгуской); 2) Имбацкое (отъ Бахты до Курейки). Затѣмъ (стр. 157) Кастренъ говоритъ еще о Бахтинскомъ поднарѣчіи Имбацкаго діалекта и о Назимовскомъ поднарѣчіи Сымскаго діалекта.

Во всякомъ случаѣ образцики языка, помѣщенные мною на предыдущихъ страницахъ, не позволяютъ сомнѣваться въ томъ, что сообщенные мною портреты безспорно изображаютъ Енисейскихъ Остяковъ.

Самоѣды со включеніемъ Юраковъ.

Имя Самоѣдовъ впервые по-видимому является въ печати въ 1246 году у Плано Карпини, хотя этотъ народъ сталъ извѣстенъ уже 50 лѣтъ до того. Ремезову [см. Приложеніе къ его первой картѣ Сибири] въ то время были извѣстны только три самоѣдскихъ племени, тогда какъ у Якутовъ онъ приводитъ семь племенъ.

[1]) Castrén, Versuch einer Jeniséj-Ostjakischen und Kottischen Sprachlehre, 1858.

Въ мое время, согласно отчетамъ управленія Туруханскаго округа, по переписи, произведенной въ 1838 году, считалось Самоѣдовъ и Юраковъ:

	муж. пола.	женск. пола.
1) Тымско-Караконскихъ Остяцкихъ Самоѣдовъ......	325	300
2) Байскихъ [1] } Енисейскихъ Самоѣдовъ	109	30
3) Карасинскихъ } Енисейскихъ Самоѣдовъ.........	112	93
4) Хантайскихъ } Енисейскихъ Самоѣдовъ	118	121
5) Береговыхъ Юраковъ........................	75	69
6) Тазскихъ или Березовскихъ Юраковъ............	166	163
7) Авамскихъ Самоѣдовъ.......................	202	214
8) Водеевскихъ Самоѣдовъ......................	44	44
	1151	1034
Далѣе Енисейскихъ Остяковъ:		
9) Верхне-Имбацкихъ..........................	151	108
10) Нижне-Имбацкихъ..........................	162	129
11) Карасинскихъ............................	52	49
	365	286

Въ чрезвычайной ненадежности этой переписи я убѣдился при сравненіи ея съ прежнею переписью 1834 года. Даже крещенные Остяки сами жаловались мнѣ, что главный священникъ ихъ внесъ указанныхъ ими покойниковъ только въ видѣ исключенія. При всемъ томъ эта перепись сходна съ Кривошапкинскимъ [2]) исчисленіемъ народа за 1860 годъ, нѣсколько увеличившимся. Не сходны показанія о Береговыхъ Юракахъ [3]).

Значащіяся въ табл. II (см. атласъ картъ нѣм. изд. предлежащаго Путешествія) мѣста пребыванія ихъ показаны правильно; но очертанія красками требуютъ исправленія согласно лингвистическому распредѣленію, значащемуся на стр. 635 и слѣд.

Тѣ, которые полагаютъ, что «къ сѣверу Самоѣды простираются до Ледовитаго океана» явно ошибаются (ошибка эта неоднократно повторяется и у Кастрена), потому что въ области р. Енисея, а въ особенности въ Таймырскомъ краѣ, Самоѣды нигдѣ не простираются до Ледовитаго океана. Вслѣдствіе этого, лѣтомъ 1843 года, мнѣ удалось только слегка ознакомиться съ этимъ народомъ, такъ какъ въ срединѣ лѣта я подвигался въ безлюдную пустыню. До сѣвернаго берега Таймырскаго озера, равно какъ до Нижняго Таймыра, Самоѣды уже не простирались.

24-го Іюля, согласно уговору, нагналъ меня въ послѣдній разъ мой пріятель Тойчумъ, старшина Асинскихъ Самоѣдовъ, съ расторопнымъ парнемъ Авамской орды. Оба они, какъ предпріимчивые люди, заглянули дальше всѣхъ къ полюсу, и на

[1]) 1 и 2 приводились подъ именемъ Остяковъ. Самъ Кастренъ называетъ ихъ Остяцкими Самоѣдами.

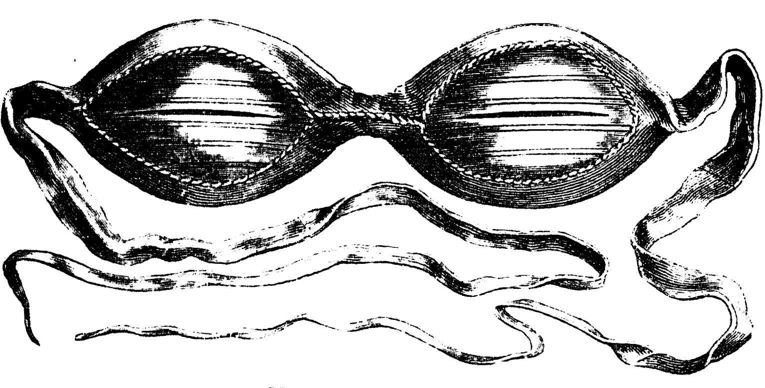
[2]) Енисейскій округъ и его жизнь, 1865, II, стр. 146.

[3]) Такъ какъ Кривошапкинъ насчитываетъ у нихъ только 29 душъ мужск. и 23 души женскаго пола, то эта разница совершенно непонятна.

прощаніе, съ высоты горнаго хребта, указали мнѣ мѣсто, гдѣ Нижній Таймыръ вѣроятно прорѣзаетъ горы или, какъ они выразились, «ломаетъ камень». Сами они, преслѣдуя сѣв. оленей, добрались только до западныхъ глубокихъ заливовъ Таймырскаго озера и поспѣшно возвратились, наткнувшись на слѣды прежняго пребыванія тамъ людей, на могилы, съ стоящими надъ ними памятниками, санями, снова пробудившими въ нихъ вѣру въ обращавшіяся между ними страшныя преданія о дальнемъ глубокомъ сѣверѣ. Когда-то давно, такъ гласило преданіе, оттуда прибыли и Чукчи, не для завоеванія страны, а для того, чтобы взглянуть на нее. Были они народъ одноногій, а между тѣмъ ни одинъ Самоѣдъ не могъ обогнать ихъ при бѣганіи въ запуски. Жили они по направленію къ полюсу, по ту сторону моря[1]). Пріятель Тойчумъ умолялъ меня не забираться слишкомъ далеко и не оставаться тамъ слишкомъ долго. Что въ умной головѣ его мрачныя преданія все-таки не успѣли заглушить всѣ зачатки запретныхъ сомнѣній на счетъ этихъ догматовъ, это доказывали отеческія наставленія, которыя давалъ мнѣ Тойчумъ, поручая мнѣ, куда бы я ни пришелъ, хорошенько обращать вниманіе въ той преисподней на мѣста, гдѣ проходятъ сѣв. олени, особенно на тѣ, гдѣ они перебираются чрезъ воды, на линяющихъ гусей и утокъ, на передвиженія рыбъ и т. п.

Такимъ образомъ мои сношенія съ Самоѣдами ограничивались проѣздомъ туда и обратно, и часто приводили меня отъ одного нарѣчія на слѣдующій день къ другому, котораго спутники мои не понимали болѣе. Вотъ отчего мои замѣтки такъ незначительны.

Первыхъ Самоѣдовъ я встрѣтилъ 26-го Марта на Енисеѣ, въ поселеніи Игарскомъ ($67^{2}/_{3}$°с.ш.). Ихъ называли Юраками, но это были **Енисейскіе Самоѣды** Байскаго рода. Въ сравненіи съ Енисейскими Остяками, за которыми они слѣдовали, они производили очень пріятное впечатлѣніе. Одѣтые съ головы до ногъ въ превосходныя двойныя мѣховыя рубахи, они являлись какъ бы броненосцами, мѣдные снѣговые очки казались забраломъ, а огромный пришитый башлыкъ надежнымъ шлемомъ, который по временамъ откиды-

Мѣдные снѣговые очки.

---

[1]) Не стану входить тутъ въ разсмотрѣніе того, что такое могло бы значить нѣкогда болѣе западное распространеніе Чукчей, но не могу не замѣтить, что я былъ весьма пораженъ, когда въ первый разъ услышалъ, что Асинцы зовутъ топоръ towa$\frac{h}{k}$a. Это очень напоминаетъ томагаукъ сѣверо-американскихъ туземцевъ.

вается назадъ и обнаруживаетъ находящіяся подъ нимъ и тѣсно прилегающія къ головѣ шапочки [изъ нѣжныхъ телячьихъ шкурокъ]. Богатый мѣдный поясъ вожака, неизмѣнное копье въ 3 саж. длины, для управленія сѣв. оленями, висящій рядомъ лукъ на саняхъ, и лыжи подъ исподомъ саннаго сидѣнія дополняютъ вооруженіе. Впечатлѣніе это усиливалось какъ-бы военнымъ порядкомъ и однообразіемъ вооруженія. Большею частью они сидѣли на саняхъ, поджавъ подъ себя обѣ ноги, или держа одну изъ нихъ на готовѣ на полозьяхъ.

Въ наши тяжело-нагруженныя нарты они впрягали по три сѣв. оленя, очевидно требуя отъ послѣднихъ слишкомъ много. Возлѣ каждой нарты усаживался возница на высокихъ саняхъ, въ которыя впрягались два сѣв. оленя. Возжею управлялось только лѣвое животное, впряженное въ нарту, а оно тянуло за собою двухъ остальныхъ, недоуздокъ которыхъ прикрѣплялась къ подпругѣ сосѣда (срав. стр. 498). Сѣв. олени, не успѣвшіе еще сбросить всѣ рога, открытымъ ртомъ и высунутымъ языкомъ своимъ производили тяжелое впечатлѣніе.

Лица этихъ Самоѣдовъ (табл. II и III вверху) отличались отъ тунгусскихъ менѣе выдающимися, особенно впередъ, скулами. Ширина лба хотя и была меньше широты лица въ скулахъ, но разница эта была незначительна; у Тунгусовъ же верхняя часть лица и черепа имѣла пирамидальную, съуживающуюся кверху форму (срав. напр. Юкагира по табл. I), или при широкомъ, какъ бы четыреугольномъ лбѣ оказывалась всежъ еще бóльшая ширина въ скулахъ.

Рѣзцы большею частью косо выдавались впередъ; вслѣдствіе этого губы были вздернуты, хотя верхняя челюсть не выдавалась замѣтно впередъ. Губы, въ связи съ чрезвычайно темнымъ цвѣтомъ кожи, придавали странному виду этихъ людей что-то негроподобное. Тѣ части тѣла, которыя обыкновенно прикрыты, отличались однако довольно свѣтлою кожею.

Необыкновенная подвижность и суетливость ихъ весьма поражала, въ сравненіи съ Остяками. Все дѣлалось почти бѣгомъ. Едва только успѣешь нѣсколько остановиться, какъ уже каждый немедленно соскакивалъ, выколачивалъ полость и постелью саней, чтобы она оставалась сухою, и небольшою сабелькою, сдѣланною изъ рога сѣв. оленя, соскабливалъ съ ремней на сѣв. оленяхъ грязь, снѣгъ и ледъ.

Кромѣ Игарскаго поселенія, къ сѣверу, я на возвратномъ пути (13-го Ноября) въ Плахинѣ (68° с. ш.) возобновилъ знакомство съ этими Самоѣдами Байскаго рода [1]) (табл. III вверху), признававшими себя сородичами Карасинскихъ Самоѣдовъ.

Распрошеннаго мною старшину ихъ звали Kjellóma; при крещеніи ему дано было имя Гаврилы, потому что родъ ихъ постоянно крестили. По его словамъ они сами называютъ себя Ваё (-Týdsho, т. е. Орда).

Хантайскихъ Самоѣдовъ они называютъ . . . . . . S'omâtu;

[1] Они называются также подгородными, потому что живутъ около Туруханска, на рѣчкахъ Байха.

Береговыхъ Юраковъ (Толстоносскихъ Самоѣдовъ) Lóbbö;
Авамскихъ Самоѣдовъ.................... Tābo;
Водеевскихъ Самоѣдовъ.................... Tābo-os's'ja;
Тунгусовъ.......................... Os's'ja;
Долгановъ.......................... Dolgāne;
Якутовъ............................ Jakúta;
Остяковъ........................... Báǵgo.

Енисей они называли Djéddos'i.

Они занимаются рыболовствомъ, вмѣстѣ съ Хантайскими Самоѣдами, главнымъ образомъ на р. Кетáрѣ; закалываютъ лишь небольшое количество сѣв. оленей на водныхъ переправахъ; убиваютъ такъ мало гусей, что на зиму остаются безъ запасовъ; не имѣютъ неводовъ. Хотя они говорятъ, что Остяки стрѣляютъ изъ луковъ лучше ихъ, но сами все-таки нападаютъ на медвѣдя въ берлогѣ его.

Между Плахинымъ и Лузинымъ (69° с. ш.) я познакомился съ некрещеными **Хантайскими** Самоѣдами. Старшину ихъ звали $\frac{A}{у}$nkúlej Olowin. Онъ вносилъ ясакъ въ Лузинѣ и принадлежалъ къ роду Ямки. По его словамъ, у него самого было только до 30 сѣв. оленей (?), а у сородичей по 10 — 20 головъ. Одинъ изъ нихъ впрочемъ славился особеннымъ богатствомъ по части сѣв. оленей.

Кормились они преимущественно рыболовствомъ, которымъ занимались въ озерахъ и небольшихъ рѣкахъ до перваго расширенія Енисея (Толстый Носъ), главнымъ же образомъ въ рѣкахъ Кетáрѣ (Русскіе называютъ ее Кетой) и Соленой, источники которыхъ они не посѣщаютъ и не знаютъ. Самое большое озеро ихъ края называется Nādād; въ окружности оно простирается верстъ на 150. Въ него заходятъ всякаго рода лохи, но не заходятъ ни омули, ни осетры, ни стерляди. Самоѣды эти не посѣщаютъ ни р. Таза, ни моря, и простираются никакъ не дальше втораго расширенія устья Енисея, и по другую его сторону до Пыры. Тоже самое мы находимъ уже 100 лѣтъ тому назадъ, въ лагъ-букахъ Минина. Ни къ западу, ни къ востоку, они не сталкиваются съ какими-нибудь сосѣдями. Страна ихъ плоска и лишь послѣ переправы чрезъ второе расширеніе на правый берегъ Енисея, они доходятъ (подъ 72° с. ш.) до черныхъ слоистыхъ скалъ. До нихъ они считаютъ 20 аргишей, т. е. кормовокъ сѣв. оленей или дней ѣзды.

Къ югу сосѣди ихъ—Карасинскіе Самоѣды, старшина которыхъ Балайка (Русскіе называли его Филькой) раскинулъ свой чумъ въ 2 геогр. миляхъ отъ Лузина.

Они, Хантайскіе Самоѣды, сами называютъ себя S'ómātu (tý$\frac{d}{sh}$ju, т. е. родъ); Карасинскихъ Самоѣдовъ зовутъ Bāë, а Береговыхъ Юраковъ — Lówwöo (Juráki tý$\frac{d}{sh}$ju).

Енисей называется ими Djēddos'i, а Русскіе Ljuotscha, такъ что это названіе, за незначительными измѣненіями, встрѣчается отъ Китая до Таймырскаго края.

Переводчика, помогавшаго мнѣ объясняться съ ними, звали Соваловымъ; слѣдовательно онъ назывался точно также, какъ старшина, съ которымъ сто лѣтъ тому назадъ приходилось имѣть дѣло моряку Минину, что доказываютъ лагъ-буки [1]). Слѣдовательно у этихъ Самоѣдовъ фамильныя имена.

О татуированіи эти люди не имѣли никакого понятія; для обозначенія «города» у нихъ не было выраженія.

Луки свои, если они не были куплены у Остяковъ, изготовляли они сами; кромѣ того они считались хорошими кузнецами, которые сами дѣлали наконечники копій и стрѣлъ, огнива и разныя украшенія, а потому они были очень падки на желѣзо и гвозди. Тѣмъ болѣе меня поразило извѣстіе, что женщины покупаютъ рыбій клей на Енисеѣ.

Лишь при началѣ Пясины (у Веденскаго поселенія) я познакомился въ Ноябрѣ съ Береговыми Юраками. Юракъ, служившій мнѣ переводчикомъ, находился на службѣ поселенца Лаптукова и назывался Манóрра (срав. табл. IV нѣм. изд.); отца его звали Вы́мя; общаго фамильнаго имени у нихъ не было.

Береговые Юраки сами называ́ютъ себя Jöndjör;
Хантайскихъ Самоѣдовъ зовутъ ...... Māndu;
Авамскихъ » » ...... Tágg$^{\bar{o}}_{y}$s';
Водеевскихъ » » ...... Tágg$^{\bar{o}}_{y}$s os's'ja;
Тунгусовъ » ...... oss'ja;
Долгановъ » ...... tingu's';
Якутовъ » ...... Jakút.

Енисей они называли Jentas'ī.

Старшина ихъ Саббіа вносилъ ясакъ въ Толстомъ Носѣ (70° с. ш.). Орда жила частью на лѣвомъ берегу нижняго Енисея, преимущественно же на малой Кетѣ, частью на правомъ берегу, гдѣ къ сѣверу у нея не было сосѣдей, а рядомъ съ ними жили Хантайскіе Самоѣды.

Лодки, даже луки и стрѣлы, они покупали. Волосы на головѣ они большею частью стригли, оставляя только кайму съ длинными прядями позади ушей.

Въ Введенскомъ-же я познакомился и съ Тавгынскими [2]) или Авамскими Самоѣдами. Старшина ихъ N͡goaró Trudágin, прозванный при крещеніи Іудой Уксусниковымъ, изображенъ на табл. XV-ой нѣм. изд., рис. I, въ шутовскомъ костюмѣ, т. е.

---

[1]) И у А. Шренка (I, стр. 629) мы встрѣчаемъ имя Апицынъ, которымъ называлось аристократическое самоѣдское семейство сѣверной Европы. Это-же самое имя я встрѣчалъ также въ старыхъ лагъ-букахъ.

[2]) Русскіе называютъ ихъ Тавскими или Авамскими Самоѣдами. Но называли ихъ также дикой ордой.

въ своемъ нарядномъ мундирѣ (срав. стр. 650). Къ послѣднему принадлежалъ еще дурацкій колпакъ изъ очень толстаго, чернаго, желтаго и краснаго сукна, съ бѣлой каймой вокругъ лица. Его родичи везли меня изъ лежащаго на полпути отъ Дудина поселенія Коева до Введенскаго.

Орда состоитъ, говорятъ, изъ 20 чумовъ и расположилась на тундрахъ праваго берега Енисея, отъ котораго она далеко и не уходитъ. На сѣверѣ она простирается до впадающей въ Пясину рѣки Фы́ры (Пыры), за которую рѣдко уходитъ; во всякомъ случаѣ она никогда не добирается до моря; на западъ рѣдко доходитъ до р. Голчихи ($71\frac{1}{2}^{\circ}$ с. ш.); на востокѣ столь-же рѣдко до Ага́пы, или даже до р. Таймыра [1]).

На вопросъ мой, почему они не доходятъ до моря, они пресерьозно отвѣчали мнѣ, что неоднократно пытались сдѣлать это, но что тамъ бродятъ бѣлые медвѣди цѣлыми стадами и постоянно опять вытѣсняютъ Самоѣдовъ. Они говорили о нихъ, какъ объ особой націи, умѣющей удержаться въ своей странѣ. Если вышлешь туда 8 человѣкъ, то бѣлые медвѣди немедленно высылаютъ протихъ нихъ 12 человѣкъ своей братіи.

Вскорѣ оказалось, что эта орда говоритъ на языкѣ, отличающемся отъ языка Хантайскихъ Самоѣдовъ, и конечно приписывала себѣ употребленіе настоящаго самоѣдскаго языка.

Авамскіе Самоѣды сами называли себя Njä- (Táns'a, т. е. орда);
Хантайскихъ Самоѣдовъ они зовутъ S'omātu;
Береговыхъ Юраковъ » » Lóbbö (Jurákì-Táns'a);
Водеевскихъ Самоѣдовъ » » A'ssjä, или также Njä-āja (т. е. Тунгусскіе Самоѣды);
Тунгусовъ » » Āja;
Долгановъ » » Dolgáne.

Имя Tābo, которымъ Хантайскіе Самоѣды называютъ Авамскихъ, послѣдніе сами произносятъ Tāŭbö. Они увѣряли меня также, что Юраки зовутъ ихъ Tāŭss'ób, а не $\text{Tagg}\frac{\text{o}}{\text{y}}\text{s'}$, какъ мнѣ продиктовали сами Юраки.

Тавгынскіе или Авамскіе Самоѣды были малаго роста; среднимъ числомъ не выше $4\frac{2}{3}$ англ. фут. Физіономія ихъ напоминала финскій типъ и далеко не казалась такою монгольскою, какъ физіономія тѣхъ Самоѣдовъ, которыхъ я видѣлъ на восточномъ берегу Бѣлаго моря, въ Европейской Россіи. Носъ и у нихъ отличался самоѣдскимъ характеромъ, т. е. былъ коротокъ, со впадиною по срединѣ, и безъ малаго могъ бы быть названъ некрасивымъ вздернутымъ кверху носомъ. Въ глазахъ почти не было ничего монгольскаго. Вслѣдствіе меньшаго, чѣмъ у Монголовъ, и обращеннаго книзу выступа скулъ, очертаніе лица получаетъ кругловатую форму. Кромѣ того, эти Самоѣды, у кото-

[1]) Кастренъ получилъ точнѣйшія свѣдѣнія о мѣстахъ пребыванія Тавгынскихъ Самоѣдовъ: кромѣ одного рода на Пырѣ, кочевали два рода на берегахъ Пясины и 5 родовъ при р. Таймырѣ. Всѣ эти роды, равно какъ и 19 ясачныхъ Самоѣдовъ на Хатангѣ, говорятъ на одномъ итомъ-же нарѣчіи и въ лингвистическомъ отношеніи не отличаются другъ отъ друга (см. вышеупом. сочиненіе. стр. 245, 266, 278).

рыхъ лобъ округленъ равномѣрнѣе, отличаются отъ Тунгусовъ, у которыхъ лобъ часто кажется угловатымъ.

Впрочемъ и въ этой ордѣ встрѣчались нѣкоторые гораздо болѣе монгольскіе черепа; особенно женскій полъ отличался по-видимому болѣе монгольскимъ отпечаткомъ. Зоотехническія наблюденія позволяютъ предполагать, что при несомнѣнно происходившей тутъ помѣси преобладало вліяніе монгольскихъ предковъ съ отцовской стороны. Вслѣдствіе еще мало-развитаго жевательнаго органа, дѣти и молодыя дѣвушки также кажутся довольно красивыми, въ смыслѣ монгольскаго покроя; во всякомъ случаѣ послѣднія красивѣе молодыхъ Лапландокъ. Финскіе признаки выступаютъ отчетливѣе подъ старость, при исчезаніи жироваго слоя. Старухи отвратительно дурны собою. Одинъ старикъ до такой степени былъ похожъ на знакомаго Эста моей родины, что и слуга мой вскорѣ воскликнулъ: «да вѣдь это Korter hone Jürri!» Лица чрезвычайно бураго цвѣта; но когда начнешь разсматривать ихъ въ чумѣ и сравнивать съ стѣнами его, то все-таки наконецъ задаешь себѣ вопросъ, не закопчена ли кожа на лицахъ точно также, какъ дубленая замшевая кожа чума.

Меня очень поразили три сѣдыхъ старика, потому что до того времени мнѣ не случалось еще видѣть ни одного туземца съ сѣдинами.

Въ первый разъ мнѣ представился случай взглянуть на домашнюю жизнь Самоѣдовъ, такъ какъ они, ради ускоренія моей поѣздки чрезъ Малую Низовую Тундру, поставили посреди ея 4 шалаша (чума) для смѣны упряжныхъ животныхъ.

Эти Самоѣды были снаряжены лучше Долганъ, въ хорошихъ шубахъ и какъ бы въ вооруженіи (ср. стр. 663 и политипажъ на стр. 556); по этому они и казались выше того роста, который показывала мѣрильная лента. Это былъ расторопный, веселый, добродушный народъ; особенно молодежь. Притомъ я впослѣдствіи узналъ, что Авамскіе Самоѣды считаются не только самымъ богатымъ изъ всѣхъ Самоѣдскихъ племенъ, но и самымъ искуснымъ, потому что они сами ковали даже наконечники для своихъ копій, а на глубокомъ сѣверѣ это искусство имѣетъ большое значеніе, такъ какъ съ нимъ связано богатство по части желѣза. Дѣйствительно у нихъ были желѣзные капканы, коегдѣ тунгусскія желѣзныя трубки, а у самой богатой женщины была даже желѣзная цѣпочка, служившая вмѣсто ремня для возжанія сѣв. оленей и производившая въ этой тундрѣ такой-же эффектъ, какой производитъ на нашихъ балахъ самая роскошная бриліантовая діадима.

Съ женщинами по-видимому обращались хорошо; но онѣ находились въ такомъ подчиненіи, что не претендовали даже на водку. За то онѣ постоянно держали трубку въ зубахъ. Какъ хорошія хозяйки, онѣ забирали рыбьи шкурки, которыя мы при ѣдѣ бросали въ сторону. Юпки ихъ были обвѣшаны плетеными ремнями и ниспадавшими съ пояса, въ перемежку, черными и красными ремешками. Краски для окрашиванія послѣднихъ онѣ покупали отъ торгашей. Женщинъ сразу можно было узнавать по ихъ бѣлымъ колпакамъ, внутренняя кайма которыхъ была украшена длинноволосымъ чер-

нымъ мѣхомъ. Несчастныя жертвы этой моды воспитывались въ образѣ маленькихъ, тявкающихъ, черныхъ шпицовъ, которые держались въ чумѣ на привязи. На исподней одеждѣ тѣло было покрыто 4 — 6 серпообразными мѣдными пластинками, на бедрахъ находилось съ полдюжины мѣдныхъ поперечныхъ полосокъ, сверху и снизу оканчивавшихся неподвижнымъ кольцомъ, посредствомъ котораго эти полоски были пришиты къ женскимъ штанамъ. Справа болталось огниво, слѣва мѣдный игольникъ. Разныя другія металлическія привѣски чрезвычайно звонкимъ стучаніемъ и брянчаніемъ своимъ свидѣтельствовали о подвижности женщинъ и служили для возбужденія вниманія окружавшихъ ихъ лицъ.

Маленькія дѣти лежали голыми передъ огнемъ, въ чумѣ, на небольшихъ шкурахъ; водяной мохъ (Sphagnum) принималъ въ себя нечистоты. Мѣшки изъ шкуры налима висѣли на готовѣ для укладки въ нихъ дѣтей на время похода. Дѣти, которыя были по старше, носили штанишки, около паха также обшитые кольцами, а на шеѣ разныя жестяныя украшенія и стеклянныя бусы. При всемъ томъ они удовлетворяли естественныя потребности свои въ чумѣ, на глазахъ передъ всѣми. Мальчики, которые были по старше, пріятельски боролись между собою, замахивались руками другъ на друга, вверхъ и внизъ, дрались на кулачкахъ или пытались колотить одинъ другаго по лицу.

Сильная дѣтская любовь выражалась у обоихъ половъ посредствомъ цѣлованія, и самъ отецъ нерѣдко укачивалъ дѣтей. Старшина посылалъ ко мнѣ дѣтей, выпрашивать хлѣба. Цѣлованіе очевидно составляло принадлежность высшаго свѣтскаго обращенія: каждый членъ орды, входившій въ чумъ, подходилъ къ старшинѣ и отпускалъ ему по поцѣлую въ обѣ щеки.

Вѣроятно вслѣдствіе большей численности этой орды, мнѣ въ разныхъ мѣстахъ представлялись все новыя знатныя особы, которыя разсчитывали на угощеніе, напр. десятскій (какъ мнѣ сказалъ переводчикъ) K$\frac{\ddot{o}}{y}$m$\frac{i}{y}$ss'i, старшина $\bar{N}$g$\frac{\ddot{o}}{e}$g$\frac{i}{y}$rmi, и наконецъ еще другой старшина (по авамски: Bārwötu), князецъ по имени Laturánta, также въ шутовской одеждѣ и дурацкомъ колпакѣ.

Его Степенство, импонировавшее ростомъ своимъ въ 5 футовъ (слѣдовательно великанъ между карликами), изволило принять меня въ чумѣ съ такимъ чувствомъ собственнаго достоинства, что мнѣ къ счастью легко было не расхохотаться. Слѣва, въ глубинѣ чума, разложена была для меня шкура сѣв. оленя. Справа, по нѣсколько позади его, усѣлась весьма невзрачная супруга его; на лѣво отъ него, т. е. между нами обоими, усадили переводчика.

Съ достоинствомъ, не хуже любыхъ европейскихъ владыкъ, Латуранта сталъ распрашивать меня о новостяхъ всемірнаго города, которымъ на этотъ разъ оказывался Туруханскъ. Онъ настоійчиво допытывался, на сколько справедливъ слухъ о томъ, что на Тунгускѣ появилась оспа[1]), наконецъ вынулъ недавно полученную имъ бумагу, т. е.

---

[1]) То была краснуха, которая вскорѣ послѣ того сыграла надо мною такую плохую шутку.

предписаніе начальства, и попросилъ меня истолковать ему пустое содержаніе этой бумаги. На вопросъ, что̀-же ему собственно слѣдуетъ дѣлать, я передалъ Его Степенству иголку и показалъ ему, какъ такого рода бумаги, если бы онѣ еще стали поступать къ нему, нужно нанизывать одну на другую на нитку, присовокупивъ, что этимъ онъ исполнитъ долгъ хорошаго вѣрноподданнаго. Здравому природному уму Его Степенства угодно было разразиться такимъ козлиноголосымъ смѣхомъ, что я слышу его, чудится мнѣ, еще до сихъ поръ. Оправившись нѣсколько, онъ вынулъ, изъ обитаго жестью ящика, квитанціи въ уплатѣ ясака, которыя имъ тщательно сберегались. Потомъ онъ подкрѣпилъ себя ржаными лепешками[1]), которыя жена его сняла съ огня, и за тѣмъ начался судъ.

Выступилъ истецъ и съ разстановкою сталъ излагать свое дѣло. Старшина отвѣчалъ, растягивая послѣдніе слоги словъ. Неоднократно мнѣ слышалось протяжное $\bar{a}\bar{o}$. Разинувъ рты, всѣ въ благоговѣйной тишинѣ прислушивались къ приговору оракула. Между тѣмъ у судьи языкъ неожиданно развязался: какъ мельничное колесо уста его быстро съ крикомъ извергали рядъ словъ и вдругъ замолкли. Судья, такъ объяснилъ мнѣ переводчикъ, приказалъ истцу пока пріостановить искъ за отсутствіемъ отвѣтчика. Дѣло шло о какомъ-то мнимомъ обманѣ. По окончаніи своихъ владѣтельскихъ обязанностей, Его Степенство изволило обогрѣться рюмкою водки, которая развязала ему языкъ и побудила его вступить со мною въ непринужденную бесѣду. Онъ много разсказывалъ о голодѣ, бывшемъ лѣтъ 30 тому назадъ и уничтожившемъ половину всей орды. Тогда и рыболовство и охота на сѣв. оленей были неудачны. На слѣдующій же годъ корму всякаго рода и пушныхъ животныхъ было такое изобиліе, какъ и комаровъ. Въ другой разъ случился падежъ домашнихъ животныхъ, такъ что одной части его орды пришлось прозимовать въ землянкахъ на лѣтнемъ предѣлѣ ихъ охотничьихъ угодій. Однимъ изъ такихъ несчастныхъ явился ко мнѣ Койпо̀да. Ему приводилось разводить огонь въ землянкѣ только разъ въ недѣлю. Въ тундрѣ я встрѣтилъ такого рода землянку съ пристройкой, сложенной изъ камней въ видѣ изогнутаго хода, для предохраненія землянки отъ метелей. Много лѣтъ тому назадъ, разсказывали мнѣ, и Русскіе бывали тамъ, на глубокомъ сѣверѣ. Такимъ образомъ одно столѣтіе успѣло уже обратить память о громадныхъ экспедиціяхъ въ какое-то смутное преданіе.

Этихъ Самоѣдовъ называли «дикими», вѣроятно потому, что они противились крещенію, мало сходились съ поселенцами и, сознавая свое богатство и независимость, дѣйствовали самостоятельно. Не только главнаго священника, но и неограниченнаго повелителя Туруханскаго края, засѣдателя, они бросили въ тундрѣ (за то, что онъ по-барски обходился съ ними, а, можетъ быть, и колотилъ ихъ) и ушли съ своею упряжью, ссылаясь впослѣдствіи на то, что голодъ заставилъ ихъ уйти, потому что эти господа не хотѣли подѣлить съ ними свои ржаные сухари.

---

[1]) Такъ называемые Röski сѣверной Финляндіи.

Суевѣріе проявлялось тутъ въ видѣ самыхъ разнообразныхъ тяжкихъ грѣховъ. Голову убитаго дикаго сѣв. оленя нужно было съѣдать сырою, потому что грѣшно варить ее; грѣшно было, что наша собака обгрызала кости дикихъ сѣв. оленей и т. п. Эта орда находилась совершенно подъ вліяніемъ своего шамана: дошло до того, что при возвращеніи моемъ Асинскіе Самоѣды разсказывали мнѣ, что изъ зависти къ славѣ великаго шамана, которую я снискалъ себѣ въ тундрѣ въ качествѣ волшебнаго стрѣлка, врачевателя и тѣмъ, что ежедневно имѣлъ чародѣйныя сношенія съ приборами неба и земли, ультрамонтанскій авамскій шаманъ, подстрекаемый злокозненнымъ асинскимъ товарищемъ своимъ, запретилъ своему племени выставить мнѣ къ началу зимы сѣв. оленей на возвратный путь, какъ мы уговорились съ ними весною. Вслѣдствіе этого я отправилъ асинскаго парня, передавъ ему ножны отъ моего охотничьяго ножа, продѣвъ въ ихъ кольца мою собачью плетку, и поручилъ ему отнести мою посылку къ Авамскимъ Самоѣдамъ да сказать имъ, что я, старикъ (срав. стр. 640, примѣч.), намѣренъ получить ее обратно на условленномъ мѣстѣ.

Въ теченіи лѣта я на столько сдѣлался Самоѣдомъ, что узналъ, какъ мнѣ слѣдуетъ поступать. Мою символическую посылку вполнѣ поняли и оцѣнили. Я засталъ сѣв. оленей, гдѣ слѣдовало, среди безпредѣльной тундры; вмѣстѣ съ тѣмъ возвратились ко мнѣ и ножны мои.

Поведеніе Латуранты, исполненное достоинства своего рода, чрезвычайно отличалось отъ клянчанія стариковъ его орды. Правда, что дѣло шло о томъ, какъ бы добыть хоть одинъ глоточекъ жизненнаго эликсира. Одинъ изъ стариковъ не ограничился умильнымъ поглядываніемъ на боченокъ, чмоканіемъ, облизываніемъ губъ, медвѣжьимъ ворчаніемъ, а растянулся на снѣгѣ во всю длину, чтобы, лежа на спинѣ, увидѣть снизу хоть частичку бочки, потому что сверху на нартѣ она была обвязана шкурами. Украдкой намъ, то тутъ, то тамъ, стали показывать сначала пару лапокъ, а потомъ и цѣлую шкуру песца, чтобы побудить насъ къ промѣну.

Латуранта взималъ, въ моемъ присутствіи, свой пай, т. е. десятую долю пойманной рыбы, но ему и въ голову не приходила мысль угостить хотя бы своихъ гостей изъ собственной орды. Отъ меня, какъ важнаго сановника, по-видимому, ожидали угощенія, почти какъ обязанности.

De Samojeden zyn in omgang de beesten schier gelyk.
Witsen. 1692, II. стр. 543.
De Volken Piasidaer genaemt zijn de slimste Duivel-dinaers....
..van Gods Heilige Engel weten deze Luiden niets to zeggen.
Witsen. 1705, II. p. 639. 640.

Больше всего мнѣ пришлось имѣть дѣло съ Водеевскими Самоѣдами или съ Асями, потому что они кочуютъ въ рѣчной области Боганиды, Дудыпты [1]) и Верхняго Таймыра, и доходятъ лѣтомъ до южнаго берега Таймырскаго озера ($74\frac{1}{2}°$ с. ш.); слѣдовательно, это самые сѣверные жители Таймырскаго края. На юго-западъ сосѣди ихъ — Авамскіе Самоѣды. Енисей они называютъ Djäntagé.

Въ тундрѣ всѣ единогласно утверждали, что Водеевцы не настоящіе Самоѣды. Мы дѣйствительно видѣли, что всѣ самоѣдскія племена, Баи, Береговые Юраки, Авамскіе Самоѣды, Долгане и Якуты одинаково называютъ ихъ Тавгынскими (Авамскими) Тунгусами. Сами они называли себя Асями.

Нѣсколько поколѣній тому назадъ, такъ разсказывалось въ тундрѣ, Тунгусы, предки Асей, по случаю тяжелаго времени въ хребтахъ, переселились съ истоковъ Хеты и Хатанги къ сѣверу въ тундру. Въ дѣйствительности этого факта нельзя было сомнѣваться, и если, какъ полагаетъ Кастренъ, Тавгынское племя прежде простиралось дальше на западъ, то во всякомъ случаѣ это могло относиться только къ Авамскимъ и Енисейскимъ Самоѣдамъ. Но и Аси утверждали, что въ прежнее время ихъ было больше и что они распространялись дальше по р. Таймыру. Впрочемъ упомянутое происхожденіе ихъ казалось невѣроятнымъ, потому что въ нихъ нельзя было подмѣтить ничего тунгусскаго, и по наружному виду, по одеждѣ, образу жизни и языку, это были Самоѣды. Они были Самоѣды въ такой-же степени, въ какой былъ сотоварищъ ихъ по зимнимъ квартирамъ Окò, котораго при всемъ томъ считали Долганомъ. Въ главѣ о Долганахъ объяснена эта путаница.

На Асяхъ я снова замѣтилъ упомянутыя уже выше (стр. 624) особенности наружнаго вида Самоѣдовъ. И у нихъ рѣзко выступали монгольскія черты лица, особенно у дѣвушекъ, тогда какъ у мущинъ онѣ часто совершенно отступали на второй планъ. Я сказалъ у дѣвушекъ, желая обратить также вниманіе на то, что монгольскій типъ выдается тѣмъ рѣзче, чѣмъ полнѣе лицо, благодаря молодости, либо хорошему питанію. Вслѣдствіе этого кажется, что у старухъ менѣе проявляются монгольскія черты лица. Стоитъ только привыкнуть къ кошачьему очертанію монгольскаго лица и даже Европейцу, пожалуй, понравятся иныя свѣжія лица молодыхъ дѣвушекъ. Широкая, почти четыреугольная верхняя часть лица оканчивается внизу клиномъ. Изъ продолговатыхъ, обра-

---

[1]) Эту рѣку они называли Tudíptu, а Таймырское озеро, подобно каждому морскому заливу, Djáma. Скалы (у Таймырскаго озера) они звали $\mathrm{Ny}\frac{\mathrm{dd}}{\mathrm{r}}\mathrm{i}$. Названія нѣкоторыхъ мѣстъ у Асей значатся на спеціальной картѣ Таймыра въ атласѣ картъ нѣм. изд.

щенныхъ внаружу и кверху, узенькихъ глазныхъ щелей выглядываютъ быстрые, темные, съ виду маленькіе, глаза. У мущинъ почти всегда остроконечный носъ, непосредственно выдающійся изъ плоскаго углубленія между глазными впадинами.

Волоса, безъ исключенія черные и жесткіе, образуютъ у мущинъ очень рѣденькіе усы, которые часто ограничиваются нѣсколькими волосками въ углахъ рта; вмѣсто бороды также кое-гдѣ являются волоски подъ подбородкомъ. Но и эти немногіе волоски, особенно козлиной бородки, нерѣдко стригутся.

Аси также отличаются очень маленькими ногами. Они ходятъ на кривыхъ, вывернутыхъ внаружу, и обхватывающихъ одна другую ногахъ. Это очевидно слѣдствіе сидѣнія на совершенно поджатыхъ подъ тѣло ногахъ.

Проживъ съ Асями нѣсколько мѣсяцевъ, я успѣлъ подмѣтить только единственный признакъ, по-видимому свидѣтельствовавшій о происхожденіи ихъ отъ Тунгусовъ: національно-тунгусскую пляску, исполненную ими всего одинъ разъ и безъ всякаго одушевленія, со сплетенными руками. Восклицая heira, hojna, они притаптываютъ ногами [1]). Такъ какъ эта пляска, говорятъ, неизвѣстна Авамскимъ Самоѣдамъ, которые во всемъ остальномъ почти тождественны съ Асями, то это дѣйствительно возбуждаетъ наше вниманіе [2]). Какъ бы то ни было, но настоящею любимою пляскою Асей была чисто самоѣдская медвѣжья пляска, съ которою мы тутъ познакомимся нѣсколько ближе.

Мущины, женщины и дѣти въ перемежку берутся за руки и составляютъ кругъ. Поворачивая всѣ, въ одинъ темпъ, лѣвую руку и лѣвое плечо во внутрь круга, и выдвигая въ тоже время правое плечо внаружу, они приподнимаютъ правую ногу на столько, что она лишь пальцами касается земли и медленно описываютъ ею полукругъ передъ лѣвой ногой, потомъ переносятъ тяжесть тѣла на правую ногу и быстрымъ урывчатымъ движеніемъ влѣво откидываютъ лѣвую ногу на бокъ, по направленію круга пляшущихъ. При первомъ темпѣ правое плечо, вмѣстѣ съ правой ногой, подвигается вовнутрь, къ центру круга, а при второмъ темпѣ опять быстро отставляется назадъ. Въ постоянномъ повтореніи этихъ двухъ эволюцій и заключается вся пляска, шикъ которой очевидно основанъ на переходѣ отъ возможно медленнаго перваго темпа къ самому по возможности быстрому и урывчатому выполненію втораго темпа. Столь-же важную роль играетъ и музыка, которою сопровождается пляска: при первомъ темпѣ требуется напряженное, возбуждаемое втягиваніемъ воздуха, хрипѣніе, которое должно быть какъ можно болѣе глубоко и сипло. Другой-же темпъ подкрѣпляется испусканіемъ втянутаго воздуха и отрывчатымъ откашливаніемъ въ родѣ хрюканія. Музыка несомнѣнно должна выражать медвѣжье ворчаніе, а второй темпъ — прыжокъ на противника, послѣ того какъ при первомъ темпѣ медвѣдь приподнялъ тѣло на заднія лапы. Мнѣ привелось видѣть, какъ они исполняли эту пляску во время сильной метели на открытой тундрѣ съ такимъ благоговѣйнымъ усердіемъ, что
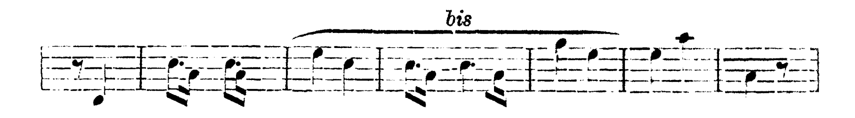
---

[1]) Castrén, Reiseber. und Briefe, p. 246.

[2]) Этому обстоятельству я готовъ былъ придать большое значеніе; но къ моему удивленію ни Тиманскіе, ни Канинскіе Самоѣды не были знакомы съ медвѣжьей пляской, а знали только тунгусскую съ восклицаніемъ ihej'ra.

наконецъ, снѣгъ былъ утоптанъ какъ токъ, и съ пляшущихъ ручьемъ струился потъ. «Tout comme chez nous», пробормоталъ я про себя и сталъ напѣвать Гейне-скій стихъ: «tanzen um die Bundeslade;... tanzen betend mit den Füssen».

Чтобы исчерпать запасъ свободныхъ искусствъ у моихъ полярныхъ друзей, я считаю нелишнимъ сообщить еще ноты къ баснѣ, которую я передалъ гг. лингвистамъ и которая частью распѣвалась, частью произносилась речитативомъ.

Пѣсня поется сильно въ носъ и интонація звуковъ весьма шатка.

Затѣмъ возвратимся къ тунгусскому происхожденію Асинскихъ Самоѣдовъ. На сколько языкъ ихъ вполнѣ согласовался съ языкомъ Авамскихъ Самоѣдовъ, на столько тунгусскій языкъ былъ имъ совершенно незнакомъ. Выселеніе ихъ изъ горъ совершилось, должно быть, весьма давно [1]), и перемѣна главнымъ образомъ произведена самоѣдскими женщинами. Старшина ихъ, единственный крещеный въ ордѣ, нарѣченный Михайломъ Портнягинымъ, прозывался N$\overset{ö'}{\underset{y}{-}}gg\overset{ö}{\underset{o}{-}}$s'i. Онъ кое-какъ коверкалъ русскій языкъ, хорошо говорилъ по якутски, но при всемъ томъ не понималъ тунгусскаго языка. Онъ принялъ крещеніе, само собою разумѣется, потому, что былъ самый хитрый, а потому былъ также шаманомъ своей орды. Такое скопленіе несогласныхъ между собою должностей встрѣчалось въ тундрѣ нерѣдко и напоминало Европу.

19-го Мая стар. ст. я тронулся съ этими Асями, которые, сильно пострадавъ отъ эпидеміи, теперь уже довольно поздно покинули свои зимовья на Боганидѣ съ тѣмъ, чтобы отказаться отъ защиты лѣснаго предѣла, и постепенно послѣдовать за тянувшимися къ сѣверу дикими сѣв. оленями и перелетными птицами. Во главѣ каравана двигался, въ арматурѣ, описанной выше на стр. 663, пріятель мой Тойчумъ, ростомъ всего въ 4 фута, но честный человѣкъ и умная голова.

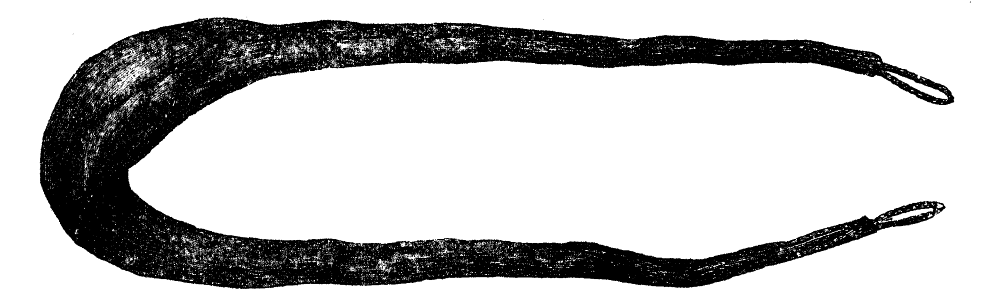
Шагомъ, и только изрѣдка мелкою рысцею, мы ежедневно проѣзжали отъ 3 до 4 геогр. миль, особенно потому, что за недостаткомъ сѣв. оленей, приходилось впрягать даже коровъ, недавно отелившихся, и молодой скотъ.

Важнымъ гусинымъ шагомъ слѣдовалъ длинный въ полсотню рядъ саней нашего каравана. Во главѣ, какъ сказано, Тойчумъ, торжественно, съ поднятымъ вверхъ копьемъ, которое вмѣстѣ съ тѣмъ служитъ пикой, бичемъ, тормазомъ, опорой при крутыхъ боковыхъ покатостяхъ, справщикомъ сбруи, и даже ломомъ, когда нужно добыть воду. Вслѣдъ за вожакомъ ѣхали женскія сани [2]), въ которыя впряжены были наиболѣе спо-

[1]) Въ 1614 году Таймырскихъ Самоѣдовъ впервые обложили податью (Müller, Samml. Russ. Gesch. VIII, p. 49). Были-ли это Авамскіе Самоѣды? или тогда участвовали въ этомъ уже и Аси?

[2]) Т. е. по формѣ. Женскія сани, на которыя кладется поклажа, выше и шире мужскихъ. Вся длина ихъ составляла 99', вышина подпорокъ 27" до дна саней, и на 8" выше для поддерживанія боковыхъ досокъ сидѣнья. Ширина

койные на ходу сѣв. олени; на этихъ саняхъ лежали крошечныя санки, въ которыхъ тщательно припрятанъ былъ идолъ орды. Затѣмъ слѣдовала пара мужскихъ саней, за ними наши нарты, потомъ опять мужскія сани, за которыми тянулся длинный рядъ женскихъ саней съ поклажей, и наконецъ еще стадо съ погонщиками, скакавшими то вправо, то влѣво, чтобы сгонять животныхъ.

Самоѣдскій, набитый волосомъ, хомутъ сѣв. оленя.

На одной части женскихъ саней лежали стойки для шалашей, шкуры для покрышки ихъ (njük), запасы топлива, лодки[1]) съ двулопатными веслами, разнаго рода снасти для ловли животныхъ и домашняя утварь. Другія сани были тщательно покрыты шкурами и обвязаны ремнями; въ нихъ находились съѣстные припасы. На нѣкоторыхъ разложены были мѣха для удобнаго сидѣнья больныхъ, для женщинъ и дѣтей. Даже нѣсколько мѣховыхъ собакъ сидѣло на саняхъ, тогда какъ большая часть, на привязи, бѣжали возлѣ саней.

По временамъ вожакъ другому, смѣняющему его лицу указываетъ направленіе пути, а самъ скачетъ на возвышеніе, выкуриваетъ трубку, посматриваетъ во всѣ стороны и, подобно полководцу, пропустивъ мимо себя весь караванъ, вслѣдъ затѣмъ опять отправляется во главу шествія. Tout comme chez nous. Въ качествѣ вожаковъ они считаютъ себя важными лицами, да и дѣйствительно задача ихъ не легка, потому что необходимо позаботиться и объ оленьемъ мхѣ, и о льдѣ для воды, и о топливѣ, хотя бы это были однѣ только криворослыя ивы, и о возможно лучшемъ успѣхѣ по части ловли рыбъ, сѣв. оленей и песцовъ, и о защитѣ отъ непогодъ.

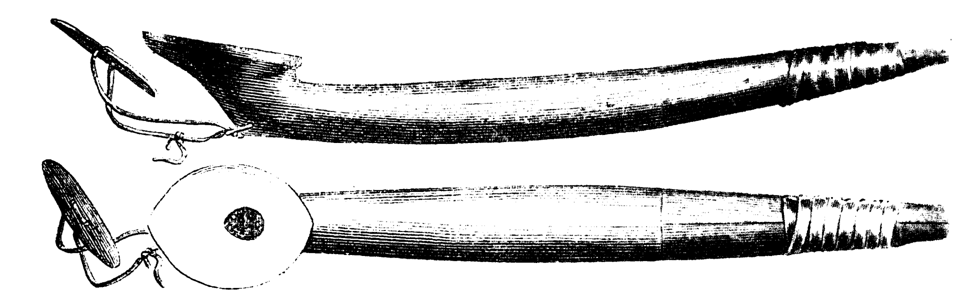
Наконецъ, сообразивъ порядкомъ все это, онъ втыкаетъ въ снѣгъ копье свое, притягиваетъ къ себѣ, не сходя съ саней, впряженныхъ въ нихъ сѣв. оленей, развязываетъ имъ ремни и отпускаетъ ихъ въ тундру. Затѣмъ, неподвижно продолжая сидѣть на поджатыхъ подъ себя ногахъ, онъ съ удивительнымъ спокойствіемъ вытаскиваетъ изъ-за голенища мѣховыхъ сапоговъ своихъ трубку[2]) изъ мамонтовой кости, изображенную тутъ въ половину настоящей величины. Пуговка съ ремешкомъ служитъ для лучшаго привѣшиванія трубки.

сидѣнья была на днѣ въ 35″, сверху въ 32″. Спинка возвышалась надъ боками на 8″ и находилась всего на 36″ надъ дномъ. Отвѣсно подъ нею конецъ полозьевъ, отъ подпорки въ 19″ до самой задней изъ трехъ, отстоящихъ одна отъ другой на 18″.

[1]) Mȳnduj, лодка; tuōfs'a, весло.

[2]) Въ мое время за такую трубку платили отъ полупесца до цѣлаго песца; за мѣдный нагрудникъ или на бедренникъ также песца; за лодку до 20 песцовъ.

Мундштукъ составляетъ раздвоенная трубка изъ лиственичнаго дерева, которую въ крайней нуждѣ растираютъ въ табакъ. Впрочемъ, потребность въ курительномъ матеріалѣ чрезвы-

Мамонтовая трубка въ полвеличины.

чайно незначительна, потому что въ трубкѣ едва помѣщается треть того, что входитъ въ наперстокъ, да кромѣ того, изъ шубы вырываются волоса, которыя кладутся подъ табакъ и, вмѣстѣ съ трутомъ, усиливаютъ дѣйствіе его. Дѣлается нѣсколько глубокихъ по самыя легкія затяжекъ, часто сопровождающихся наркотическимъ самозабвеніемъ или даже одуреніемъ, и куренію конецъ. Но тѣмъ чаще оно повторяется. Прекрасный полъ (въ особенности старыя вѣдьмы) также постоянно передаютъ другъ другу трубку, хотя бы она и была набита только шерстью сѣв. оленей и стружками. Но это, конечно, дѣлается не на привалахъ, потому что въ то время, когда мущины не трогаются съ мѣста и цѣлыми часами сидятъ при шумѣ непогодъ, не теряя терпѣнія и не понукая, изрѣдка даже спятъ, съежившись на саняхъ и запрятавъ ноги въ мѣховой мѣшокъ [1]), въ то время женщины находятся въ лихорадочномъ движеніи. Онѣ устраиваютъ чумъ, который снимается очень скоро, но нерѣдко устанавливается лишь съ величайшимъ усиліемъ.

Сгребаютъ снѣгъ, разстилаютъ на землѣ двѣ-три доски, съ прекрасно изолирующими рогожами, сплетенными изъ прутьевъ, и покрываютъ ихъ подержанными шалашными шкурами. Ставятъ конусообразно стойки въ видѣ продолговатаго, расширяющагося по бокамъ овала, и вдвигаютъ дощечку порогомъ для дверей. Чрезвычайной ловкости требуетъ, особенно при степной бурѣ, прикрѣпленіе шалашныхъ шкуръ, которыя внизу обкладываются снѣгомъ Дверное отверстіе, въ случаѣ надобности, завѣшивается вдвое. При слишкомъ сильномъ дымѣ, съ подвѣтренной стороны устраивается отверстіе. Затѣмъ садятся на мягкія шкуры. Долго Европеецъ не въ состояніи удерживаться отъ смѣха, когда новый обитатель чума на четверенькахъ вползаетъ чрезъ низенькое дверное отверстіе, усаживается, приподнимаетъ вверхъ ноги, показывая всей компаніи ту часть тѣла, гдѣ спина лишается честнаго своего имени, потомъ съ такимъ-же шумомъ, какъ напр. пѣтухъ, хлопающій крыльями, бьетъ одну ногу объ другую, чтобы стряхнуть въ огонь

[1]) **Куколь**, такъ называется сшитая спереди мѣшкомъ шкура сѣв. оленя, висящая сзади на спинкѣ саней и служащая полостью и спальнымъ мѣшкомъ.

приставшій къ нимъ снѣгъ и затѣмъ спокойно поджимаетъ подъ себя ноги, подобно раку, какъ складной ножикъ — недосягаемо для самаго благовоспитаннаго салоннаго Европейца.

Между тѣмъ женщины уже нарубили дровъ и льду, или осенью подъ снѣгомъ отыскали криворослыя ивы, навѣшиваютъ котелокъ (Nītt$^{a}_{o}$) и разводятъ огонь[1]), при чемъ неустанно дѣйствуетъ неизбѣжный мѣхъ[2]); но на перекоръ ему часто сырое, даже грубое, топливо до того наполняетъ чумъ дымомъ и ѣдкимъ чадомъ, что глаза съуживаются въ крошечную щелку, мускулы въ лицѣ судорожно сжимаются и Дарвиніанецъ смѣло могъ бы доказывать, что отъ этого-то и происходитъ монгольская форма глазъ, подобно тому, какъ широкое лицо средне-азіатскихъ Монголовъ приписывалось расширенному отъ верховой ѣзды тазу, въ которомъ развивается зародышъ.

Въ котлѣ почти всегда варится мясо сѣв. оленя, которое, если въ шалашѣ ждутъ еще другія семейства, часто уже вынимается полусырымъ. Наваръ остается въ котлѣ, который вмѣстѣ съ тѣмъ служитъ чашей и тарелкой. Смотря по надобности, этотъ наваръ употребляютъ какъ питье. Столь-же просто устроено дѣло съ ложкой; для черпанія употребляется большой желѣзный ковшикъ (Bāss'a-kītta), изъ котораго непосредственно хлебаютъ супъ. Корыто (sīljä'$^{ch}_{k}$a), деревянная чаша (kītta) и ложка изъ мамонтовой кости (kuj) въ обыденной жизни принадлежатъ уже къ предметамъ роскоши. Мясо хватаютъ пальцами, запускаютъ въ него зубы и ножемъ отрѣзываютъ кусокъ снизу кверху, передъ самымъ кончикомъ носа.

Кто въ добавокъ хочетъ вытереть запачканные пальцы, тому, вмѣсто полотенца, подаютъ тѣльныя перья бѣлыхъ куропатокъ.

Если охота неудачна, то являются на сцену, небольшими порціями, запасы послѣдняго сезона: мороженыя или слегка копченыя рыбы[3]), либо также вяленыя[4]), рубленыя, сохраненныя въ салѣ и рыбьемъ жирѣ, и высушеные вѣтромъ гуси (некопченые), зашитые въ мѣшки изъ шкуръ почти безчешуйной кунджи[5]). Въ видѣ лакомствъ являются также колбасообразныя рыбьи шкуры, набитыя жирными брюшными и спинными кусками лоховъ[6]), или колбасы, начиненныя лакомымъ надбрюшнымъ и кишечнымъ жиромъ сѣв. оленей, или гусинымъ жиромъ, составляющимъ прекраснѣйшій десертъ.

---

[1]) Трутомъ служитъ имъ трава $^{ch}_{f}$üu (вѣроятно Artemisia Tilesii Ledeb.), натираемая углемъ.

[2]) kāāj, конечно безъ клапановъ.

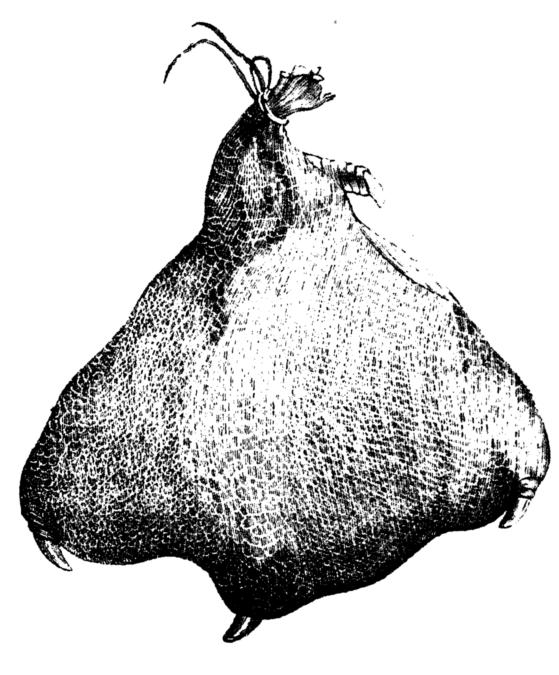
[3]) Такъ называемая вообще Jukola, которую Аси называютъ Fäggö.

[4]) Юликта русскихъ поселенцевъ; Аси называютъ $^{F}_{Ch}$urs'u.

[5]) Nilimā.

[6]) Ва́рка русскихъ поселенцевъ; у Асей: s'ōbo.

Весьма оригинальны сосуды, изъ которыхъ вынимаются съѣстные припасы и лакомства. То мнѣ подавали для наливанія водки флаконъ, снятый съ ноги лебедя или служившій сѣв. оленю желчнымъ пузыремъ, то сосудъ изъ гусиной шкуры, разрѣзанной сзади между ногами, выпотрошенной и, по перевязкѣ шеи, ногъ и крыльевъ, начиненной фаршемъ; то является бочка, сдѣланная изъ приготовленной такимъже образомъ шкуры олененка, которая выпотрошена черезъ ротъ и у которой потомъ, когда ее начинятъ, презабавно торчатъ четыре подвязанныхъ обрубка ногъ; то рыбныя шкуры, кишки сѣв. оленей и т. п. При необыкновенно ловкомъ снятіи кожи и разрѣзкѣ добытаго мною сѣв. оленя, желудокъ очистили, калитку закрыли, закрутивъ ее и задѣлавъ колышкомъ, и затѣмъ тщательно наполнили кровью.

Лебединая нога для храненія жира.

Народъ слишкомъ легко принимается за закалываніе олененка, и при маломальски наполненномъ людьми чумѣ двухгодовое животное исчезаетъ за однимъ ужиномъ. Часто мущины только слишкомъ лѣнивы, чтобы трогаться съ мѣста. Обрѣченнаго на закаланіе олененка я спасъ тѣмъ, что уговорилъ спутниковъ своихъ не убивать его; отправился человѣкъ въ степь, въ озаренную солнцемъ ночь и черезъ нѣсколько часовъ привезъ двадцать съ чѣмъ-то бѣлыхъ куропатокъ, которыхъ онъ загналъ въ сѣть. Вскорѣ отъ нихъ остались однѣ кишки, висѣвшія надъ очагомъ для копченія. Климатъ требуетъ обильной пищи и стараніе начинить желудокъ обращается въ обычай. Притомъ мясная пища переваривается такъ легко, что я вскорѣ началъ съѣдать порціи, вѣсомъ чуть-ли не втрое болѣе того, что́ я привыкъ ѣсть дома.

Когда наступаютъ тяжкія времена — а рѣдко проходитъ весна, которая за беззаботную небережливость не наказывала бы нуждою, — то съѣдаютъ волковъ, лисицъ и песцовъ. Одинъ Самоѣдъ выпросилъ у насъ выброшенныя нами кишки сѣв. оленей, которыя уже цѣлую недѣлю гнили возлѣ нашего чума подъ лучами незаходившаго солнца. Правда, что мѣсяца два спустя мы дорого бы дали, если бы сами могли съѣсть ихъ.

Вообще котлу приходится работать меньше, чѣмъ бы можно было думать, потому что рыбы большею частью поѣдаются въ сыромъ, свѣжемъ или замороженномъ видѣ. Голову убитаго дикаго оленя нужно съѣдать въ сыромъ видѣ, если не хочешь совершить

грѣха. Уши, спинной жиръ, вымя, печень и кишечный жиръ убитаго сѣв. оленя, составляющіе чрезвычайно лакомые кусочки, охотники любятъ съѣдать сырыми на мѣстѣ боя; глотаютъ даже часть пищи, содержащейся въ кишечномъ каналѣ, считая ее средствомъ противъ цынги. На ушахъ, которыя были отданы мнѣ, какъ счастливому стрѣлку, убившему оленя, я чуть-было не выломалъ себѣ зубовъ и все-таки не могъ справиться съ ними, но печенью, которая еще дымилась, я не могъ вдоволь насладиться. По ушамъ Аси узнають, жиренъ-ли сѣв. олень, или нѣтъ. У перехода отъ ушнаго хряща къ затылку, слѣдовательно вокругъ подъемнаго мускула уха, набирается отлагающійся въ клѣтчатую ткань жиръ, который ощупывается въ видѣ каната. Тутъ-то и кроется вся суть распознаванія жирности животнаго ощупью углей.

Растительная пища, даже мука, по-видимому не пользовалась почетомъ. Только во время голода весною я встрѣтилъ Самоѣда, который откапывалъ и съѣдалъ въ сыромъ видѣ корни, какъ мнѣ казалось, астрагалуса. Онъ увѣрялъ меня, что иногда они и варятъ ихъ.

Мущины ловятъ рыбу, охотятся и стерегутъ сѣв. оленей; послѣдніе каждый вечеръ сгоняются къ чуму, обыкновенно-же сами собираются, часто становятся чрезвычайно нахальными и при всякомъ внезапномъ испугѣ, того и гляди, чуть не опрокидываютъ шалашей. Въ дурную погоду чинятся сани, шесты и приборы. Важную роль играетъ коловоротъ, который долженъ находиться на всѣхъ мужскихъ саняхъ, потому что бо̀льшая часть починокъ производится перевязками.

Если бы Самоѣды были лучше вооружены, то они несравненно успѣшнѣе могли бы устроить свое хозяйство. Стрѣльба ихъ изъ луковъ, какъ мы уже замѣтили (стр. 600), весьма неудовлетворительна, а желѣзо на р. Таймырѣ такъ рѣдко, что, благодаря двумъ-тремъ гвоздямъ, я сдѣлался благодѣтелемъ Асинца, котораго постигло несчастіе, что онъ не могъ отыскать выпущенную имъ послѣднюю стрѣлу. Какъ ни искусенъ способъ загонки сѣв. оленей, но онъ лишь тогда сопровождается лучшимъ успѣхомъ, когда удается принудить животныхъ къ переправѣ черезъ значительныя водныя пространства. Только приборы для ловли песцовъ могутъ быть названы удовлетворительными, потому что щемилки изъ привезенныхъ съ предѣла древесной растительности стволовъ, на которые кладутся камни, тѣмъ болѣе соотвѣтствуютъ своему назначенію, чѣмъ онѣ проще и, слѣдовательно, чѣмъ больше ихъ тянется по всей тундрѣ въ видѣ почти непрерывнаго, часто даже параллельно идущаго, ряда ловушекъ. Съ другой стороны у Самоѣдовъ нѣтъ также недостатка въ лисьихъ капканахъ, которые разставляются передъ выходами изъ песцовыхъ норъ и наконецъ должны достигнуть своей цѣли, хотя иной тертый калачъ заставляетъ ждать себя дня три, прежде чѣмъ нужда заставитъ его влѣзть въ капканъ.

При всемъ томъ слѣдовало-бы облегчить пріобрѣтеніе лисьихъ капкановъ и во всякомъ случаѣ было бы необходимо развить его при помощи возможно большаго распространенія хорошо насталенныхъ наконечниковъ стрѣлъ и копій, а въ особенности волчьихъ капкановъ (срав. стр. 557), къ которымъ не мѣшало бы еще присоединить стрих-

нинъ. Волки и росомахи—злѣйшіе враги сѣвернаго оленеводства, большею частью не попадаются въ ловушки.

Недостаетъ также у Самоѣдовъ неводовъ, и вся ихъ рыбная ловля, по крайней мѣрѣ въ Таймырскомъ краѣ, ограничивается жалкими ставными сѣтями. Главный спросъ долженъ бы быть на пеньковую пряжу, а между тѣмъ торговля и тамъ, въ глуши, преимущественно избираетъ предметы роскоши и во время осенняго довольства Самоѣдовъ надѣляетъ и соблазняетъ этихъ часто голодающихъ, иногда даже умирающихъ съ голоду, дѣтей природы, табакомъ, мѣдными украшеніями, стеклянными бусами, полосками сукна и т. п., охотнѣе же всего водкою. Купцы производятъ рыбную ловлю лучше на собственный счетъ, при помощи обѣднѣвшихъ кочевниковъ, en gros.

Большіе невода были бы тѣмъ болѣе умѣстны, что Самоѣды привыкли заниматься ловлею сообща. Только въ началѣ лѣта стояло нѣсколько отдѣльныхъ шалашей на Верхнемъ Таймырѣ, и мы явились къ нимъ кстати неустанными передавателями извѣстій между сосѣдями, которые вовсе не видѣлись между собою и жадно распрашивали насъ о житьѣ-бытьѣ своихъ родичей, тѣмъ болѣе, что въ то время эпидемія похитила много жертвъ. Но уже въ концѣ Іюля Асинцы на Верхнемъ Таймырѣ стали собираться цѣлыми обществами, которыя на общій счетъ сгоняли сѣв. оленей на воды, загоняли линявшихъ гусей въ разставленныя сѣти и т. п.

Это не должно удивлять насъ, потому что коммунистическій обычай, сложившійся изъ первоначальнаго гостепріимства первобытныхъ порядковъ, какъ ракъ, разъѣдаетъ самоѣдское хозяйство. Я разумѣю дѣлежъ добычи на доли. За каждымъ хорошимъ охотникомъ слѣдуютъ праздные бѣдняки, потому что всякій, являющійся къ хозяину убитаго животнаго въ то время, когда охотникъ еще не успѣлъ разрѣзать добычу, вправѣ не только участвовать въ ѣдѣ, но и получить долю шкуры. Такимъ образомъ случилось, что Тойчумъ въ продолженіи всего лѣта ничего не получилъ и что первую шкуру, которая пришлась на его долю, доставилъ ему мой выстрѣлъ въ концѣ лѣта. Мой сотоварищъ по охотѣ Коммисси собственноручно закололъ четырехъ сѣв. оленей при переправѣ ихъ черезъ воду, а все-таки ему досталась доля, т. е. шкура и половина мяса, лишь отъ десятаго животнаго, убитаго имъ въ теченіи лѣта 1843 года. Рядомъ съ этимъ коммунистическимъ обычаемъ губятъ ихъ религіозный обычай, снабжать покойниковъ въ дальній путь принадлежавшимъ имъ имуществомъ, а въ особенности поминки, для которыхъ убивается огромное количество сѣв. оленей, съѣдаемыхъ при этомъ оставшимися въ живыхъ.

Податями обложены были Асинцы очень умѣренно: имъ приходилось платить каждому только по парѣ песцовыхъ шкуръ, которая оцѣнивалась въ 5 руб. асс., тогда какъ сосѣди ихъ, Тунгусы и Долгане, должны были вносить ясакъ изъ 4 песцовъ. Прежде Асинцы удерживали даже морду съ лапками, но теперь на это смотрѣли строже. Въ мое время песцовая лапа употреблялась какъ размѣнная монета и составляла $^1/_{12}$ часть единицы, т. е. цѣлаго песца, шкура котораго цѣнилась въ 2 руб. 40.

При взиманіи подати старшины, по-видимому, поступали весьма прилично, тогда

какъ на казенныхъ сборщиковъ податей, казацкихъ унтеръ-офицеровъ и казаковъ, жаловались, что они не умѣютъ писать прямо, какъ я пишу. Такой-то и такой-то, говорили мнѣ, «пишетъ слишкомъ криво», такъ что приходится всегда платить больше, а иногда и еще во второй разъ».

Власть старшинъ, въ качествѣ главныхъ судей, по-видимому была очень велика. Очевидно это расширенная патріархальная власть, потому что однажды Око сильно поколотилъ своего женатаго сына, жившаго отдѣльно отъ него. Это было единственное наказаніе, которое мнѣ привелось видѣть у Самоѣдовъ. Уваженіе къ старшему выражалось у Асинцевъ впрочемъ только тѣмъ, что какъ мущины, такъ и женщины, подходили къ нему и цѣловали его, если они встрѣчались съ нимъ лѣтомъ въ первый разъ. Старшины судятъ и наказываютъ по усмотрѣнію и по существующимъ обычаямъ. При моемъ незнакомствѣ съ послѣдними, я иногда затруднялся рѣшеніемъ вопроса, относившагося къ наслѣдственнымъ раздѣламъ, поступавшимъ ко мнѣ на апелляцію. Со мною вполнѣ соглашались въ томъ, что изъ лицъ, оставшихся въ живыхъ, двоюродный братъ, усыновленный сынъ и племянникъ должны получать свою часть. Но общее недоразумѣніе возбудилъ мой приговоръ, чтобы изъ имущества умершаго въ мое время старшины, не оставившаго по себѣ наслѣдниковъ, одна треть была отдана тремъ самымъ бѣднымъ сиротамъ племени.

Одна вдова получила въ наслѣдство сѣверныхъ оленей своего мужа, а весь охотничій приборъ его достался тому, который принялъ вдову къ себѣ въ чумъ. Казалось, что останься вдова бездѣтной, все перешло бы къ родственникамъ покойнаго мужа.

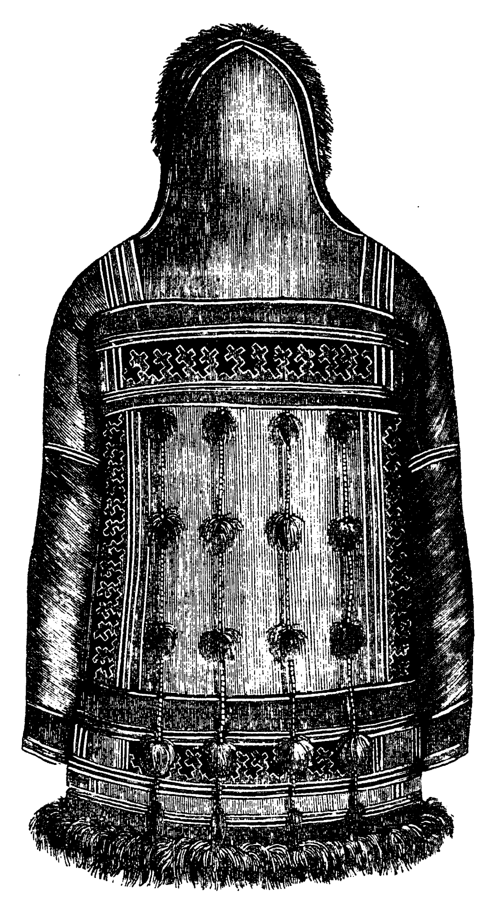
Большое затрудненіе заключается для пріѣзжаго въ томъ, что у Асинцевъ, также какъ у Береговыхъ Юраковъ (срав. стр. 665), нѣтъ фамильныхъ названій. Этимъ для нашего брата, да очень скоро и для Самоѣдовъ, прекращается всякая преемственность. Отца Тойчума звали напр. Тонкова. Кромѣ приведенныхъ уже прежде именъ, считаю нелишнимъ, ради образца, привести имена моихъ асинскихъ сотоварищей по охотѣ; ихъ звали: Nantúa, Naturánta, Nauránta, Motlja, Mohná, Nakaraka.

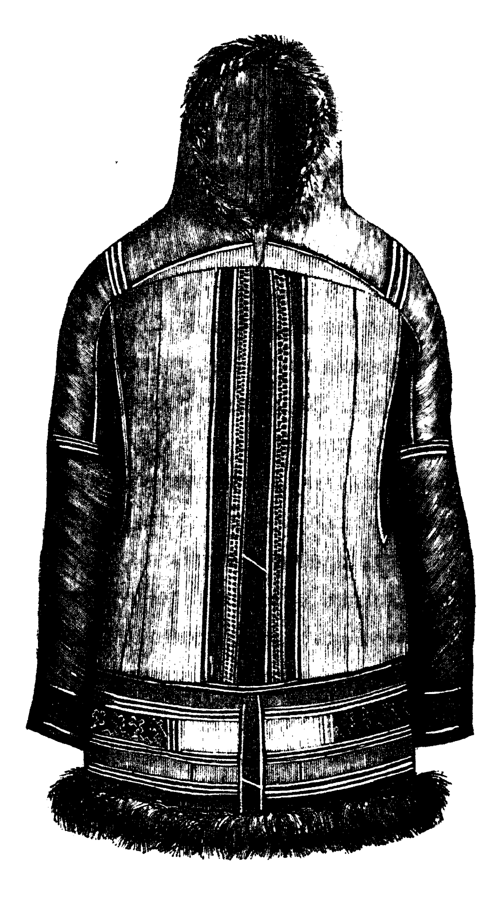
Стоитъ сказать еще нѣсколько словъ о женщинахъ.

Женщины дубятъ, шьютъ, чинятъ, вышиваютъ, какъ только выдается свободная минута. О произведеніяхъ ихъ по части шитья мы уже говорили на стр. 647. На слѣдующей страницѣ изображенъ обыденный нарядъ Асинца, собственно лѣтняя одежда, называемая n͡jäd$^{a}_{o}$ly. Жена для Самоѣда также необходима, какъ нашимъ знатнымъ барамъ камердинеръ, камеръ-юнгферъ, главный поваръ, дворникъ, модный портной, обойщикъ и т. п. Все это самоѣдская женщина соединяетъ въ одномъ лицѣ. Безъ женской свиты ни одинъ Самоѣдъ не тронется въ путь, развѣ только въ такомъ случаѣ, когда онъ увѣренъ, что наткнется на готовый ночлегъ, на чумы.

Да, такая трудолюбивая жена кладъ, и потому умный Самоѣдъ, если ему маломальски позволяютъ средства — а это рѣдко случается — заводитъ себѣ двухъ женъ. Если

онъ самъ не нуждается въ двухъ женщинахъ, то одну отдаетъ въ наймы, что бываетъ особенно выгодно въ такомъ случаѣ, когда кромѣ собственнаго пая, слѣдующаго ему,

Полушубокъ Асинскаго Самоѣда сзади.

Тотъ-же полушубокъ спереди.

какъ хозяину, по обычаю достается еще другой пай на долю жены. Такъ объяснилъ мнѣ это семейное дѣло тунгусскій старшина Сантаулъ, счастливецъ, успѣвшій запастись четырьмя женами. Конечно, что̀ все это значитъ въ сравненіи съ униженіемъ женщины на основаніи средневѣковаго права seigneurerie у европейскаго земскаго дворянства.

Если такой Крезъ по части стадъ, какъ напр. Око̀, въ состояніи нанять себѣ въ батраки Самоѣда, то онъ, кромѣ харчей и новой одежды съ головы до ногъ, обязанъ дать ему сѣв. оленя, за годовые труды его, считая срокъ отъ одного лѣта до другаго. Такое вознагражденіе соотвѣтствуетъ высокой рентѣ.

Чтобы добыть себѣ жену, нуженъ капиталъ, да притомъ большой капиталъ. Дочь-невѣста не тягость, а дорогое сокровище; это своего рода капиталъ. Нѣтъ ничего легче, какъ пріискать ей мужа. Поэтому нужно содержать ее хорошо. Почти за полстолѣтіе до меня, сестра старшины Натура́нты, который и въ мое время счастливо правилъ своимъ народомъ, всюду была извѣстна своею разсудительностью, бережливостью и безпреко-

*

словностью—буквально такъ перевелъ мнѣ разсказъ переводчикъ мой. Тщетно домогался ея руки цѣлый рядъ жениховъ. Цѣна за нее была слишкомъ высока. Наконецъ одинъ Самоѣдъ, слывшій въ то время за богача, купилъ ее для своего сына въ качествѣ второй жены. Онъ далъ отцу 5 голубыхъ песцовъ, 45 песцовъ, 5 волковъ, стадо въ 90 сѣв. оленей, 8 аршинъ краснаго сукна, не говоря уже о котлахъ и о всей принадлежности домашняго хозяйства. Кромѣ того цѣлое собраніе женскихъ мѣдныхъ панцырныхъ пластинокъ было замѣнено сѣв. оленями[1]). Громко раздавалась слава такой женщины и ясно доказывала, что Самоѣдъ, хотя и отдаетъ жену свою въ наймы, все-таки лучше инаго Европейца умѣетъ цѣнить умственныя достоинства женщины.

Старшій сынъ богача Окó женился на Авамской Самоѣдкѣ, заплативъ за нее 16 песцовъ, 2 волковъ, 40 сѣв. оленей, шкуры для чума, котлы и т. п. снаряды.

Пріятель мой Тойчумъ, хотя и старшина, но былъ бѣднякъ. За свою дочь онъ получилъ только 30 песцовъ, 2 волковъ и 20 сѣв. оленей, но въ свою очередь долженъ былъ отдать на обзаведеніе 10 сѣв. оленей, котлы и др. принадлежности. Но по опыту, говорилъ онъ, ему извѣстно, что сѣв. олени, пріобрѣтенные такимъ путемъ, какъ-то не идутъ въ прокъ, т. е. дохнутъ, разрываются волками и т. д.

Иногда приданое невѣсты, по-видимому, очень понижаетъ цѣну за нее. Такъ напр. видно было изъ разсказа, что невѣста должна имѣть на готовѣ новую одежлу для жениха, т. е. полушубокъ, совершенно бѣлые сапоги съ красными суконнымикаемками и т. д., что она должна получить въ приданое два отдѣленія новыхъ покрышекъ на чумъ и домашніе приборы всякаго рода, наполняющіе обыкновенно отъ 8 до 10, а въ экстренныхъ случаяхъ до 20 саней, изъ которыхъ въ каждые впряжено по 1, а въ невѣстины 2 сѣв. оленя. Все это достается молодой четѣ.

Слѣдовательно, нѣкоторымъ образомъ устраивается мѣна, да и на слѣдующій годъ молодая чета посѣщаетъ родителей и обязана привезти имъ новый нарядъ, и за это получаетъ отъ нихъ 2 сѣв. оленя.

Что основу брака составляетъ идея обмѣна, это доказываетъ также слѣдующій случай. Второй сынъ Окó, слѣдовательно сынъ очень богатаго человѣка, женился на дочери старшины Натуранты, т. е. на аристократкѣ. За нее отецъ Окó отдалъ свою дочь, т. е. сестру жениха, служившую Натурантѣ до тѣхъ поръ, пока онъ выдалъ ее замужъ ради своей пользы.

Переговоры часто длятся съ полгода и больше. Сватъ получаетъ за свои хлопоты сѣв. оленя.

Церемоній сватовства, сговора и приводовъ невѣсты, которыхъ мнѣ самому неудавалось видѣть, потому что все это дѣлается во время зимняго отдыха, я не стану описывать. Хотя ихъ и можно считать гражданскимъ бракомъ, но онѣ несравненно сложнѣе европейскихъ, и при всемъ томъ, бракъ легко разстраивается, конечно, при удовлетворительномъ возвращеніи вещей.

---

[1]) Кастренъ, въ упом. соч. стр. 56, также сообщилъ намъ высокую цѣну жены у Остяковъ.

Вообще съ женщиною, несмотря на униженіе ея, обращаются хорошо. Никогда я не видѣлъ, чтобы женщинъ истязали; даже бранныя слова большая рѣдкость. Какъ нѣчто неслыханное разсказывали, что Окὸ колотитъ жену свою, да преимущественно изъ ревности. Вдова, невѣстка Тойчума, лишившаяся уже двухъ мужей, хвалила мнѣ обоихъ, но все-таки увѣряла, что если бы сынишка не былъ такъ молодъ и уже умѣлъ бы ловить бѣлыхъ куропатокъ, то она не стала бы болѣе помышлять о третьемъ мужѣ.

Затѣмъ обратимся снова къ разсмотрѣнію того, что женщины шьютъ и вышиваютъ. Къ наряду принадлежитъ, какъ извѣстно, рубашкоподобная исподняя одежда, обращенная мѣхомъ во внутрь и заступающая мѣсто нашего фланелеваго бѣлья; есть нѣсколько видовъ ея [1]); затѣмъ штаны (Fonïä) и такъ-называемые чулки (Tōngada). Женскіе штаны, украшенные на поясѣ шитымъ узоромъ, нераздѣльно соединены съ грудною частью [2]), которая сдерживается подтяжками, оставляя спину открытою. Верхнія женскія шубы не смыкаются въ видѣ рубашки, а открыты спереди; да и шапка ихъ не соединяется съ верхней шубой.

Въ шалашѣ въ хорошее время года люди часто ходятъ голыми, въ однихъ только штанахъ; особенно они голыми ложатся спать въ свои спальные мѣшки, да обыкновенно вдвоемъ.

Кромѣ кистевыхъ ремней и различныхъ украшеній, на спинной части полушубка (см. рисунокъ на стр. 681), шкура еще расписана красками. Обыкновенно, а въ особенности на дѣтскихъ одеждахъ, которыя болѣе всего разукрашиваются, изображены четыреугольныя фигуры на спинѣ и сдѣланныя въ видѣ подтяжекъ полоски черезъ плечи. Бѣлая и красная краски смѣняются поочередно. Ремневыя косички также состоятъ изъ черныхъ, красныхъ и бѣлыхъ полосокъ.

Особенно отличается, какъ и у нашихъ дамъ, головной уборъ; но онъ неизмѣнно строго слѣдуетъ модѣ. Вышеупомянутое убранство шапки, съ длиннымъ чернымъ собачьимъ волосомъ мохнатыхъ шпицовъ, оканчивается и спереди чѣмъ-то въ родѣ пушистаго хвостика, который отчасти прикрываетъ лицо, но при вѣтрѣ важно развѣвается, какъ перья на шлемѣ.

Впрочемъ, женщины, когда онѣ принарядятся, совершенно обвѣшаны мѣдными бляхами и вплетенными въ косы бубенчиками и бусами. Но я разъ только нашелъ, что онѣ дѣйствительно имѣли статный видъ, т. е., когда онѣ насъ посѣтили среди лѣта и когда въ буквальномъ смыслѣ ихъ нельзя было узнать, потому что онѣ вымылись.

Татуированіе лица, въ видѣ украшенія, у Самоѣдовъ, по-видимому, дѣйствительно не въ употребленіи. Между Асинцами я встрѣтилъ, однакоже, трехъ молодыхъ дѣвушекъ, у которыхъ на правой рукѣ, отчасти на внутренней сторонѣ локтеваго сгиба, отчасти косо, вдоль поверхной вены, были три черныхъ пятна въ рядъ. Онѣ вшиваются съ ранней

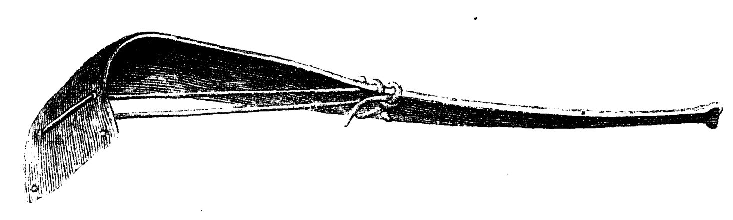
[1]) Коротенькій тулупъ съ шапкой мнѣ назвали ni táku; длинный tónn$\frac{o}{u}$.

[2]) Bäjku. Покрой ея какъ въ Германіи у мальчиковъ сельскихъ жителей.

молодости посредствомъ жильныхъ волоконъ, вычерненныхъ углемъ. Можетъ быть, это употребляется въ видѣ предохранительнаго средства отъ болѣзней, потому что противъ столь обычнаго въ чумахъ, чрезвычайно чувствительнаго лома въ поясницѣ татуирный шовъ служитъ какъ отводное средство; вслѣдствіе этого спина Натуранты представляла цѣлый рядъ образчиковъ такого рода. Кромѣ лома въ поясницѣ, которымъ и я сильно страдалъ, нерѣдкою болѣзнью оказывалась парша. Что жесткія невзгоды, которымъ подвергаютъ себя эти люди, не позволяютъ имъ достигать старости, это доказывалось тѣмъ, что во всей Асинской ордѣ былъ одинъ только старикъ. Онъ страдалъ неспособностью поднимать верхніе вѣки, но съумѣлъ помочь своему горю искусно придуманной повязкой въ видѣ буквы Т, которая спереди расходилась вилкообразно мимо обѣихъ сторонъ носа и подтягивала вѣки вверхъ.

Впрочемъ, кожа на тѣлѣ этихъ людей татуирована еще иначе, чѣмъ мы тотчасъ описали, а именно въ видѣ кровавыхъ точекъ, благодаря безчисленнымъ обитателямъ ихъ одежды, съ которыми они тщетно борются (срав. стр. 53 и 653). Къ точкамъ присоединяются рубцы, образующіеся отъ расчесыванія тѣла. Это страданіе заставило ихъ обзавестись особымъ инструментомъ, который въ чрезвычайно утонченныхъ туалетныхъ магазинахъ нашихъ встрѣчается въ видѣ длинной, изогнутой щетки, изображающей спинную скребницу.

Прототипъ этого рафинированнаго инструмента является у Самоѣдовъ въ видѣ тонкаго обрѣзка отъ рога сѣв. оленя, конецъ котораго передъ огнемъ согнутъ подъ прямымъ угломъ и ремнями удерживается въ этомъ положеніи. Чтобы объяснить значеніе этой скребницы, я долженъ возвратиться къ неподражаемо забавному описанію Стеллера[1]). Сообщивъ очень интересныя замѣтки о «пожираніи» и щелканіи, онъ продолжаетъ: «Если же они (т. е. Ительмяны) хо«тятъ вполнѣ ублажить себя, то они снимаютъ кухлянку, садятся голыми передъ огнемъ, «берутъ веревку, сплетенную изъ сухихъ корней Alsines marinae portulacaefoliae, во«дятъ ее обѣими руками по спинѣ и отъ удовольствія дѣлаютъ умильнѣйшія фи«зіономіи».

Спинная скребница Асинскаго Самоѣда.

Вознесемся отъ этихъ земныхъ горестей и радостей къ болѣе высокимъ предметамъ. Религіозный интересъ сосредоточивается, главнымъ образомъ, на удачѣ и неудачѣ въ охотѣ и ловлѣ, хотя домашнему истукану приходится заботиться еще о многомъ другомъ. Выше (стр. 647) мы уже имѣли случай ознакомиться съ двумя домашними истуканами. Ни Око,

[1]) Beschreibung des Landes Kamtschatka, 1774, стр. 199.

ни Тойчумъ не рѣшились показать мнѣ своихъ домашнихъ божковъ, освященныхъ шаманомъ. Это были какія-то куклы. Одинъ изъ моихъ казаковъ разсказывалъ мнѣ, что какой-то Береговой Юракъ возилъ съ собою, за истукана, отца своего, высохшаго въ черную мумію. Меня посѣтилъ Асинецъ, у котораго на шеѣ, на ремнѣ висѣлъ въ видѣ амулета, крошечный мѣшечекъ, наполненный золою особаго рода.

Кромѣ такихъ истукановъ Асинцы поклоняются также естественнымъ достопримѣчательностямъ. На высокомъ берегу р. Таймыра я нашелъ камень, изображающій, если дать волю фантазіи, верхнюю часть человѣческаго тѣла. Вокругъ него были навалены необыкновенно большія окаменѣлости и такъ-называемыя причуды природы; изъ нихъ одинъ камень, который долженъ былъ изображать птицу, искусственно нѣсколько былъ подтесанъ. Уваженіе къ Тойчуму и зависимость отъ него не позволяли мнѣ присвоить себѣ и увезти неизвѣстный дотолѣ видъ между упомянутыми окаменѣлостями; онъ и теперь еще лежитъ тамъ. На этомъ жертвенникѣ мнимыя уста фигуръ густо были обмазаны жиромъ и кровью [1]). При этомъ случаѣ я узналъ, что на р. Агапѣ, на высокомъ остромъ холмѣ, среди безлѣсной тундры, поставлена довольно большая засохшая ель съ сучьями. Каменный фундаментъ, въ который она упирается, обмазанъ кровью и жиромъ; рядомъ лежатъ принесенныя въ жертву деньги, бусы, мѣдныя кольца, стрѣлы и т. д. На Енисеѣ, ниже Дудина, на равнинѣ лежитъ, говорятъ, огромной величины камень. При немъ также совершаются приношенія и Самоѣды оправдывали ихъ тѣмъ, что «вѣдь такой тяжелый камень могъ принести туда только самъ Творецъ лично». Въ честь домашняго истукана по временамъ совершаются также возліянія.

Грѣховъ насчитывается безчисленное множество; тутъ также признается за грѣхъ варить голову убитаго сѣв. оленя, или не откидывать глазъ его далеко за себя, черезъ плечо. Если уши не съѣдаются тотчасъ-же, то ихъ необходимо отбрасывать такимъ-же образомъ или съѣдать уже впослѣдствіи, когда пройдетъ время травли сѣв. оленей; ѣсть убитыхъ животныхъ собаки не смѣютъ, волки-же и лисицы могутъ; убивать животное, подлежащее закаланію, иначе, чѣмъ посредствомъ задушенія, грѣшно и заставляетъ человѣка хворать и т. д. Но различныя племена, повидимому, различно относятся къ такимъ охотничьимъ заповѣдямъ. Такъ, напр. Хантайцы ѣли чаекъ и поморниковъ, какъ лакомство, тогда какъ Авамцы не смѣли ихъ ѣсть. Асинцы питали отвращеніе къ большому нырку (Eudytes glacialis) и увѣряли, что онъ убиваетъ людей, другія же племена охотились на него.

Болѣе всего опасны отношенія всего священнаго къ женщинамъ, которыхъ положительно считаютъ нечистыми. Живо припоминаю выраженіе ужаса на лицѣ моего пріятеля Тойчума, которое я не умѣлъ объяснить себѣ. Въ пылу наблюденій я положилъ свой Шмалькальденскій компасъ на сани, чтобы удобнѣе занести въ дневникъ градусы,

---

[1]) Самоѣды ограничиваются по крайней мѣрѣ символическимъ откармливаніемъ своихъ истукановъ, но нѣкоторыя киргизскія племена примѣняютъ эту процедуру и къ своимъ почтеннымъ гостямъ (Зап. Импер. Русск. Геогр. Общ. II. стр. 284).

которые онъ показывалъ. «Женскія сани», воскликнулъ Тойчумъ, «ты ужасно грѣшишь въ отношеніи къ твоему идолу». Чтобы успокоить пріятеля, мнѣ пришлось совершить надъ моимъ компасомъ систематическія очистительныя церемоніи, точно, какъ будто я находился въ Римѣ. Женщина ни за что не смѣетъ перерѣзать путь каравану; она должна притаиться къ стѣнѣ, когда мущина хочетъ выдти изъ чума и т. п.

Такой-же щекотливый пунктъ составляетъ обереганіе охотничьихъ снарядовъ, крыльевъ для травли сѣверн. оленей, и остальныхъ охотничьихъ принадлежностей, отъ оскверненія женщинами. Случается, что охота нѣсколько разъ шла не такъ, какъ желали. Начинаютъ допрашивать богослова и чародѣя, шамана, который, благодаря непосредственному божественному откровенію, все знаетъ и, вслѣдствіе непосредственнаго сношенія съ божествомъ, можетъ узнать еще и больше того. На первый разъ онъ отвѣчаетъ, что «крылья устали». Они должны отдохнуть, хотя великолѣпнѣйшая для охоты погода какъ разъ приглашаетъ васъ воспользоваться кратковременностью глубокаго сѣвера. Но тутъ, конечно, ничего не подѣлаешь; остаешься въ чумѣ и спишь цѣлый день. И я долженъ былъ остаться въ чумѣ, но легко успѣлъ обуздать свое нетерпѣніе, вспомнивъ о жаркосухихъ воскресныхъ и праздничныхъ дняхъ на родинѣ, въ самое горячее время сѣнокоса въ дождливые годы. При всемъ томъ однакоже охота опять-таки неудачна. Снова допрашиваютъ шамана и на этотъ разъ онъ отвѣчаетъ: «слѣдуетъ теперь допросить боговъ, безъ нихъ я не знаю болѣе что̀ дѣлать». Тогда возбуждается вопросъ: «надъ сколькими сѣв. оленями слѣдуетъ шаманствовать?» Встрѣчаются иногда такіе важные случаи, когда шаманствуютъ даже надъ 20 сѣв. оленями; въ такомъ случаѣ церемонія можетъ продолжаться дня три. Money and time. Шаманъ приводитъ себя въ восторженное состояніе, показываетъ свои извѣстные фокусы, позволяетъ даже отрѣзать ему голову, заговариваетъ больныхъ, которымъ истинная вѣра и помогаетъ и т. п. Наконецъ, сѣв. оленей закалываютъ, рты боговъ порядкомъ смазываютъ жиромъ и подкрашиваютъ кровью, шаманъ открываетъ кутежъ и все кидается на жертвенное мясо, исчезающее, какъ по волшебному мановенію, между зубами людей, незадолго передъ тѣмъ предававшихся умилительному благоговѣнію. Остатки дѣлаются достояніемъ шамана.

Само собою разумѣется, что шаманъ играетъ главную роль и тогда, когда приходится проложить путь усопшему къ будущей жизни, и опять все дѣло вертится на пированіи.

Во время странствованія моего съ Асинцами умерла старуха. Вмѣстѣ съ лучшею ея одеждою, въ такомъ-же сидячемъ положеніи, какое мы встрѣчаемъ въ нашихъ европейскихъ могилахъ каменнаго періода, ее зашили и притомъ (такъ какъ, благодаря нашей экспедиціи, ей удалось быть схороненной великолѣпнѣйшимъ образомъ) въ кусокъ старой парусины. Затѣмъ ее завернули въ часть шалашной покрышки, вынесли изъ чума чрезъ боковое отверстіе (но ни за что на свѣтѣ въ дверь) и посадили на женскія сани, украшенныя кусками красной кожи, вмѣстѣ съ принадлежавшимъ ей лично скарбомъ, мѣдными украшеніями и т. п. Впрягли двухъ сѣв. оленей, которыми правили изъ другихъ саней.

Въ такомъ видѣ отправились въ тундру, куда и нашъ старшина поѣхалъ въ этотъ день, потому что ему приходилось копьемъ своимъ заколоть двухъ сѣв. оленей — а вмѣстѣ съ тѣмъ и съѣсть лучшіе куски. Такъ какъ покойница была бѣдная женщина, оставившая по себѣ дочь съ маленькимъ сыномъ, то съ единственною частью шалашной покрышки [1]), съ санями, разными приборами и одеждою, и съ сѣв. оленями, покойной отдана была для будущей жизни большая часть ея имущества.

У осиротѣвшихъ, которые, вслѣдствіе похоронъ, лишились большей части своего добра, осталось всего 3 сѣв. оленя. Какъ ни жалко было положеніе, въ которомъ находились наслѣдники, они однакоже не выказывали ни малѣйшихъ признаковъ горя, ничѣмъ не проявляли, что съ ними произошло нѣчто необычайное. Но все-таки они цѣлую недѣлю должны были провести въ особомъ, устроенномъ для нихъ шалашѣ, прежде нежели имѣли право приняться опять за обычныя занятія. Европейцу не слѣдуетъ впрочемъ думать, что это свидѣтельствуетъ о равнодушіи. По прошествіи года они опять посѣщаютъ могилу своихъ родныхъ. Мнѣ неоднократно приводилось видѣть величайшую заботливость о больныхъ родичахъ, доказательства нѣжнѣйшей любви къ дѣтямъ, которая на европейскій маперъ выражается въ нѣжномъ цѣлованіи. Однажды отецъ, держа больнаго ребенка на рукахъ, съ выраженіемъ самой искренней заботливости о немъ, упрашивалъ меня помочь больному. Находясь далеко отъ чума и отъ походной аптеки моей, я старался объяснить ему, что ничего не могу сдѣлать для него, но онъ сталъ совершенно другимъ человѣкомъ, когда я, уступая его настойчивымъ просьбамъ, «положилъ руку мою на ребенка», потому что ощупываніе мною пульса они принимали за существенную часть леченія.

Пустыни тундры, подобно безпредѣльно обширному кладбищу, были усѣяны самоѣдскими могильными памятниками, далеко отстоявшими другъ отъ друга. Въ одномъ мѣстѣ уединенно торчали мужскія, въ другомъ женскія сани, а мѣстами и символическое изображеніе дѣтскихъ санокъ. На послѣднихъ также находилось миніатюрное оружіе, лукъ и стрѣлы, для употребленія въ будущей жизни. Котлы и желѣзные ковши сохранились тамъ, гдѣ, несмотря на охранительный климатъ, деревянныя вещи уже успѣли развалиться. Часто можно было еще ясно различать мѣста, на которыхъ были разведены очистительные огни. На свѣжихъ могилахъ мѣхъ отъ одеждъ и упряжи сѣв. оленей первый дѣлался добычею волковъ и лисицъ, которые съѣдали даже тѣло покойника, если въ часъ его смерти земля еще была ненарушимо мерзла и тѣло либо оставалось на саняхъ, либо клалось въ снѣгъ [2]). Это даже считается хорошимъ признакомъ, но если окажется, что могила разрыта людьми, то это принимается за весьма дурное предзнаменованіе.

---

[1]) Въ тундрѣ она извѣстна подъ названіемъ Njük; по самоѣдски: djöi, изъ чего у сѣв. Якутовъ вѣроятно образовалось слово dshié. — Покрытый шкурами шалашъ въ тундрѣ вообще называется чумъ; очевидно по связи съ словомъ чуми, которое, по крайней мѣрѣ у Хантайскихъ Самоѣдовъ, значило очагъ.

[2]) Кастренъ (Reiseberichte und Briefe, стр. 168 и 389) поступилъ совершенно справедливо, исправивъ впослѣдствіи самъ свое показаніе, что сѣверные Самоѣды вѣроятно кладутъ своихъ покойниковъ въ нѣдра земли.

Для устройства могилы обыкновенно выбирается вершина холма. Но когда мы собирались устроить свой шалашъ на болѣе продолжительное время у р. Таймыра, на полувысотѣ береговой покатости, и я успѣлъ пріискать для него довольно сухое мѣстечко съ прежнимъ очагомъ, то мы не мало удивились, что по снятіи нѣкоторыхъ каменныхъ плитъ, для уравненія мѣста подъ нашу стоянку, и вслѣдствіе разгребанія земли моею собакою, добрались до сайбы или до самоѣдскаго потаеннаго хранилища запасовъ. Дѣйствительно, вскорѣ появилось маховое гусиное перо, но подъ нимъ, среди кучки валуновъ, мы открыли не запасъ съѣстныхъ припасовъ, а зашитое въ шкуры мертвое тѣло. Оно было стянуто въ сидячемъ положеніи, т. е. схоронено точно такъ, какъ хоронились тѣла и въ Европѣ во время каменнаго періода. Оказалось, что это было тѣло дѣвушки въ полномъ облаченіи лучшаго наряда; горѣлое же мѣсто было остаткомъ заупокойной тризны.

Переводчикъ нашъ увѣрялъ, что гусиное перо кладутъ въ могилу несовершеннолѣтнихъ.

Въ дополненіе къ сказанному мною на стр. 626, 630, 632, 634, 663, 666, 667 и 671, относительно формы Самоѣдскихъ череповъ и лицъ, я считаю нелишнимъ присовокупить тутъ, что въ настоящее время предо мною фотографическіе снимки съ 8 Самоѣдовъ Нижняго Енисея, у которыхъ преобладаютъ монгольскія черты лица, и фотографія съ Самоѣда Большеземельской тундры, изъ превосходнаго фотографическаго атласа, приложеннаго къ описанію поѣздки графа Вильчека въ Новую Землю. Самыя замѣчательныя изъ нихъ я надѣюсь сообщить въ концѣ этого тома.

Долганы.

Съ напряженнымъ любопытствомъ я разсматривалъ кочевниковъ этого баснословнаго племени, съ которымъ впервые мнѣ удалось встрѣтиться на Енисеѣ, въ Дудинѣ ($69\frac{1}{2}$ с. ш.); туда явились Долганскіе старшины, чтобы ближе условиться на счетъ того, какимъ образомъ и чрезъ какія пространства Авамской тундры они мнѣ помогутъ перебраться на своихъ упряжныхъ животныхъ.

Вскорѣ оказалось, что Долганы живутъ на гораздо большемъ пространствѣ, чѣмъ можно было предполагать по ихъ немногочисленности, равно какъ по неизвѣстному имени ихъ, и что они не только были кочевники, но отчасти занимали также самыя сѣверныя поселенія всего Таймырскаго края.

Сначала я скоро пришелъ къ тому заключенію, что Долганы — сами они называли себя Долгашъ — представляютъ совершенно особое по формѣ лица народное племя, т. е.

типъ совершенно отличный отъ типа всѣхъ Остяковъ, Юраковъ, Самоѣдовъ и Тунгусовъ, которыхъ я до того времени имѣлъ случай видѣть и измѣрять и съ которыхъ, по моему распоряженію, снимались портреты. Этотъ типъ изображенъ на VI-ой таблицѣ прилагаемыхъ рисунковъ, и даже того, кто мало привыкъ подмѣчать этнографическіе признаки, должно поразить, какъ мало это лицо Мани (3), старшины Долганскаго племени [1]) Byhhigádjädj (у Русскихъ, по тамошнему произношенію: Дзиганская орда), служитъ представителемъ съ одной стороны финскаго, съ другой — монгольскаго типа. Скулы выдаются весьма умѣренно; глазное отверстіе хотя и узко, но не щелкообразно, да и не идетъ вкось, а лежитъ горизонтально. Но всякому сближенію съ монгольскимъ типомъ поразительнѣе всего противорѣчитъ длина лица, отъ глазъ до подбородка, слѣдовательно вышина верхнечелюстной кости, да длина носа. Послѣдній, въ основаніи своемъ, правда, широкъ, но отнюдь не плосокъ, а, напротивъ того, уже въ основаніи своемъ образуетъ острый хребетъ, оканчивающійся длиннымъ, полуразвитымъ орлинымъ носомъ. Это положительно татарское лицо кавказской породы.

Къ такому заключенію я пришелъ сначала, какъ уже замѣтилъ, но вскорѣ долженъ былъ измѣнить свой взглядъ: стали являться такія лица, которыя заставили меня отмѣтить въ дневникѣ слѣдующее: «теперь я все-таки болѣе не берусь сразу отличить любаго Долгана отъ Тунгуса». Въ административные списки правительства Долганы внесены подъ названіемъ Тунгусовъ. Дѣйствительно, на сколько въ физіономіи Мани и во многихъ другихъ, похожихъ на него, лицахъ легко было замѣтить особый типъ, на столько становилось труднымъ отыскать общія черты, послѣ того, какъ мнѣ встрѣтились такіе экземпляры, какъ Пальковъ (таб. VI, 2) и другіе.

Полгода спустя все это, конечно, стало мнѣ ясно, какъ день, но пусть читатель приметъ въ соображеніе, что я явился прямо изъ Европы и ѣхалъ безостановочно въ Таймырскій край. При совершенномъ незнакомствѣ моемъ съ Якутами и при сходствѣ образа жизни всѣхъ кочующихъ Долгановъ съ образомъ жизни Тунгусовъ, меня должно было сбить съ толку неправильное обозначеніе въ административныхъ спискахъ. Но еще болѣе поддерживали меня въ моей ошибкѣ единственныя извѣстія, которыя у меня были въ рукахъ относительно происхожденія этого загадочнаго народа. Тѣ изъ нихъ, которые были по разумнѣе, повторяли, что по преданію они родомъ съ Олейской стороны.

Фишерова Сибирская исторія дѣйствительно говоритъ намъ, что въ 1632 году Бекетовъ поплылъ внизъ по Ленѣ и наложилъ дань на Долганскихъ да Жиганскихъ Тунгусовъ. Это преданіе, казалось мнѣ, заслуживаетъ вѣроятія тѣмъ болѣе, что въ рукописномъ дневникѣ Редовскаго, хранящемся въ Академіи Наукъ, подъ 1806 годомъ, отмѣчено, что въ Тавунскѣ, слѣдовательно далеко на востокъ отъ Охотскаго моря, «5 отдѣловъ Тунгусовъ вносятъ ясакъ: 3 отдѣла Долганскихъ и 2 отдѣла Угаянскихъ, занимающихся охотою въ горахъ при р. Тавуи и Ямѣ».

---

[1]) Орда или племя по долгански называется: ärbyt.

Только впослѣдствіи, когда я сталъ сравнивать языкъ Долгановъ, оказалось, что кочующіе съ Тунгусами Долганы хорошо умѣли объясняться съ ними не потому, что языкъ ихъ принадлежалъ къ тому-же корню, или что Долганы понимали по-тунгусски (что впрочемъ также имѣло мѣсто), а еще гораздо больше потому, что Тунгусы усвоили себѣ долганскій языкъ. Послѣдній же, какъ вскорѣ оказалось, былъ почти чисто-якутскій языкъ.

Итакъ эта «Дзиганская орда», дѣйствительно, первоначально переселилась изъ окрестностей города Жиганска, лежащаго подъ полярнымъ кругомъ на р. Ленѣ, вѣроятно въ то время, когда казаки Мангазейскіе и Якутскіе старались перещеголять другъ друга въ грабежахъ на р. Ленѣ и предводители ихъ оспоривали другъ у друга порабощеніе первобытныхъ жителей долины р. Лены, т. е. не только воевали между собою, но и отбирали ясакъ у коренныхъ жителей съ той и съ другой стороны (1633 г.). Вѣроятно въ то время якутскія и тунгусскія племена вмѣстѣ двинулись на западъ, потому что въ административныхъ спискахъ Тунгусы въ Норильскихъ горахъ названы Жиганскими Тунгусами [1]). Къ тому времени, какъ извѣстно, относится также движеніе Якутовъ съ средняго теченія Лены въ область прибрежій Ледовитаго океана.

Слѣдовательно, въ мое время Долгановъ можно было считать небольшою вѣтвью выселившихся Якутовъ, которая сверхъ двухъ поселеній на Енисеѣ [2]) занимала самыя западныя мѣста пребыванія этого племени въ рѣчной области Пясины и Хатанги, но не простиралась далѣе низовьевъ этихъ рѣкъ и уже никакъ не доходила до устьевъ ихъ или до моря.

Они кочевали въ верховьяхъ упомянутыхъ рѣкъ, въ горахъ, окружающихъ Норильскія озера, и пользовались своими угодьями сообща съ Жиганскими Тунгусами, усвоивъ себѣ ихъ образъ жизни, а отчасти и языкъ. Самые сѣверные родичи ихъ, всего впрочемъ три чума, въ мое время кочевали на Авамской тундрѣ, при р. Авамѣ и на Дудыптѣ. Лѣтомъ эти Долганы отправлялись еще дальше на сѣверъ, вверхъ по Дудыптѣ, и внизъ по Пясинѣ, даже по Горбицѣ, въ область истоковъ р. Таймыра, прилегающую къ области рѣки Пясины и окаймляющую лѣвый берегъ истоковъ Таймыра горнымъ кряжемъ, тогда какъ по правому берегу тянется ровная тундра. Такимъ образомъ, эти Долганы съ запада окружали Асинскихъ Самоѣдовъ, Долгане же, придерживавшіеся болѣе р. Хатанги, граничили съ тѣми-же Самоѣдами съ востока, когда въ лѣтнее время на лѣвомъ берегу Хатанги откочевывали къ низовью Болохни и даже за нее [3]) до р. Блудной [4]), гдѣ находилась осенняя переправа кочующихъ сѣв. оленей,

---

[1]) Срав. атласъ картъ, приложенный къ этому сочиненію, табл. II.

[2]) Срав. въ главѣ о Якутахъ сказанное о Якутскихъ поселенцахъ у Туруханска.

[3]) До зимовья Портнягина.

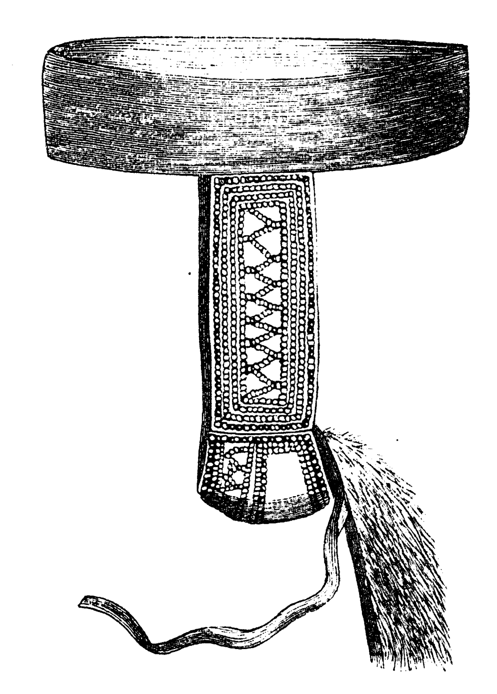
[4]) Въ мое время впрочемъ только патріархъ-Крёзъ Око́ и прямые его потомки. Въ 1740 году Лаптевъ при устьѣ Блудной засталъ уже «осѣдлыхъ Тунгусовъ», безъ сомнѣнія этихъ Долгановъ.

которыхъ они тамъ подстерегали. Отъ этой рѣки, къ югу, вдоль Хатанги, даже до источниковъ рѣки Попигая и Анабара, и до Норильскихъ горъ, бродили Долганы.

Эти кочующіе Долганы, хотя мѣстами и устраивали себѣ на время зимніе шалаши, юрты [1]), въ родѣ тунгусскихъ, но еще менѣе чѣмъ Тунгусы придерживались такихъ постоянныхъ жилищъ, и, не стѣсняясь ими, бродили какъ попало. Отчасти они тѣсно примкнули къ Тунгусамъ, подобно имъ заводили лишь небольшое число сѣв. оленей и потому только крайне неохотно выходили изъ горъ своихъ на плоскую тундру, многочисленные волки которой въ одну ночь могли отбить у нихъ все стадо. Они увѣряли, что благодаря волкамъ, болѣзнямъ и вызваннымъ нуждою закалыванiямъ животныхъ, они и лишились стадъ, которыми нѣкогда владѣли предки ихъ. Питались они, главнымъ образомъ, отчасти рыбами, отчасти крупною дичью, но вовсе не добывали, по ихъ увѣренію, пушныхъ животныхъ. Послѣднее было, пожалуй, ложное показаніе по необходимости, которое при сношеніяхъ съ корыстолюбивыми чиновниками, священниками и казаками, должно было обратиться въ привычку. Ясакъ свой они уплачивали впрочемъ наличными деньгами.

Съ перваго же взгляда они напоминали Тунгусовъ въ томъ отношеніи, что носили при себѣ винтовки и имѣли жесткіе черные волосы, связанные въ длинную косичку, которая была обмотана ремнями и обвѣшана на концѣ стеклянными бусами, да и въ томъ еще отношеніи, что доходившіе лишь до половины икоръ, слѣдовательно болѣе короткіе чѣмъ у Самоѣдовъ, тулупы состояли изъ шкуръ темнаго цвѣта. Безъ сомнѣнія это можно приписать столько-же болѣе темному цвѣту горныхъ сѣв. оленей, сколько свободному выбору, потому что въ области лѣсовъ темный цвѣтъ меньше отдѣляется отъ цвѣта прочей обстановки. А для охотника это чрезвычайно важно.

О якутскомъ нарядѣ напоминалъ шитый мѣховой набородникъ [2]), сдерживавшійся повязкою въ видѣ Т, оба бедра которой шли вдоль щекъ къ прилегавшему къ головѣ начельнику. Къ этому начельнику прикрѣплялись и снѣговые очки, которые у одного состояли даже изъ зеленыхъ стеколъ, чего я въ Сибири нигдѣ болѣе не видѣлъ. По всей вѣроятности это старинная наслѣдственная вещица, перешедшая изъ Якутска, а

Якутскій и долганскій начельникъ, нащечникъ и набородникъ.

[1]) Домики изъ поставленныхъ торчмя бревенъ. По оффиціяльнымъ свѣдѣніямъ такихъ домиковъ было: у Долганскаго рода 20, у Жиганскаго 16.

[2]) Срав. ниже якутскія названія.

можетъ быть и относящаяся ко временамъ ученыхъ экспедицій, совершенныхъ сто лѣтъ тому назадъ. На табл. XV, рис. 3 нѣм. изд. изображенъ великолѣпный головной уборъ Долганки, который привѣшивается къ концу косички и въ качествѣ такого украшенія косы пользуется у Тунгусокъ особеннымъ почетомъ.

Страннымъ показалось мнѣ, что у Долгановъ башлыкъ тулупный могъ затягиваться вокругъ мѣховой шапки при помощи продѣтаго ремня; эта особенность не встрѣчалась мнѣ у другихъ кочевниковъ и, вѣроятно, составляетъ моду у полярныхъ Якутовъ Восточной Сибири. Точно также я произвожу оттуда весьма поразительный въ Самоѣдской тундрѣ Долганскій способъ держать копье, т. е. шестъ для погонянія сѣв. оленей, въ правой рукѣ; по этому и заправной сѣв. олень въ четверкѣ припрягается у нихъ съ правой стороны, да и ѣздятъ они также справа отъ другихъ саней, если таковыя подчинены ихъ присмотру и впряженныя въ нихъ животныя не хотятъ порядкомъ слѣдовать сзади на привязи.

Хотя они по русски знали больше Тунгусовъ Норильскаго края, но они строже ихъ придерживались старинныхъ нарядовъ, обычаевъ и нравовъ. Всѣ они также, не исключая даже старшинъ Мани и Тыльцяхана, твердо устояли противъ сильнаго искушенія принять крещеніе. Это былъ живой, подвижной, ловкій, услужливый народъ, съ большимъ достоинствомъ. Въ единоборствѣ онъ отличался ловкостью, такъ что Долганы одерживали верхъ надъ моими казаками. Между кочующими Долганами больше всего встрѣчались неподдѣльно якутскія физіономіи. При всемъ этомъ они физически слились съ Тунгусами не менѣе, чѣмъ въ отношеніи нравовъ и образа жизни. Этому я приписывалъ и встрѣчавшіяся между ними значительныя различія въ ростѣ, хотя большая часть Долгановъ были малаго роста. Съ Тунгусами они слились до такой степени, что въ мое время Долганъ тунгусской Ялегринской орды, постоянно жившій въ Авамскомъ поселеніи, былъ выбранъ въ помощники старшины, т. е. въ десятники.

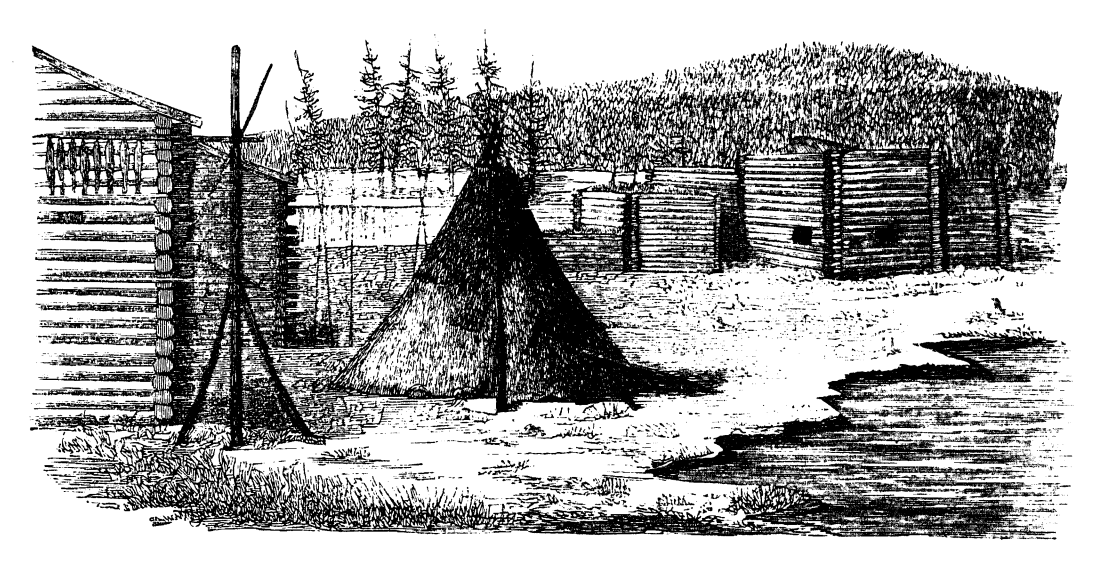
Тѣ члены этого рода, которые доходили до самыхъ крайнихъ полярныхъ предѣловъ его (главнымъ представителемъ ихъ былъ Крезъ Око, изъ области рѣки Болохни), сообразно плоской тундрѣ, до такой степени приняли внѣшность Самоѣдовъ, что даже дѣти Око, очевидно подъ вліяніемъ матери, Самоѣдки, не понимали и подавно не говорили по долгански. Око самъ понималъ только нѣсколько долганскихъ словъ. Дѣти сдѣлались пастухами сѣв. оленей и могли удержаться на тундрѣ только въ качествѣ такихъ обладателей и охранителей большихъ стадъ. Они говорили по самоѣдски и вооружены были только лукомъ да стрѣлами. Охота ихъ ограничивалась, какъ у Самоѣдовъ, добываніемъ сѣв. оленей и гусей. Рыбною ловлею они занимались только какъ совершенно второстепеннымъ дѣломъ.

Третью, весьма важную категорію Долгановъ составляли осѣдлые поселенцы, занимавшіе все пространство, можно почти сказать поперечный путь, отъ Дудина до Хатангскаго погоста. Лѣтомъ, правда, они отправлялись также на тундренныя озера, къ сѣверу, но и тамъ любили строить себѣ маленькіе шалаши. Отсюда-то они эксплуатиро-

вали безчисленное множество разсѣянныхъ кругомъ богатыхъ рыбою озеръ, заготовляя запасы на зиму. Они питались преимущественно рыбами и хотя свободно кочевавшіе родичи ихъ поглядывали на нихъ какъ-бы съ чувствомъ соболѣзнованія, но преимущества обезпеченнаго существованія, осѣдлости, связаннаго съ нею заготовленія большихъ запасовъ, сношеній съ проѣзжавшими по временамъ чиновниками, купцами и священниками, выгоды крещенія и т. д. давали имъ такое превосходство надъ кочующими, что они положительно были самыми замѣчательными членами этого рода и не мало гордились тѣмъ, что въ тяжкія времена спасаютъ странствующихъ собратьевъ своихъ отъ голодной смерти. Происходитъ это, говорили они неоднократно, оттого, что кочевники полагаются на ненадежное охотничье счастіе, вмѣсто того, чтобы заняться надежною рыбною ловлею, которую я не могъ не приравнить къ разведенію картофеля въ неблагопріятныхъ земледѣльческихъ мѣстностяхъ.

Между этими поселенцами поэтому-то и находилось двое старшинъ Долганскихъ, вліятельный Арця, по ту сторону Хатанги [1]) и долганскій старшина на Боганидѣ [2]). Арця уплачивалъ ясакъ своей орды, за 80 душъ.

Хотя въ поселеніяхъ того или другаго Долгана прямо называли Якутомъ — почему, этого мнѣ не удалось дознаться — но какъ разъ тутъ-то можно было замѣтить наиболь-

Долганское поселеніе на предѣлѣ лѣсной растительности.

шее смѣшеніе. Такъ напр. сынъ Арци былъ женатъ на Русской, самъ-же отличался несомнѣнно тунгусской физіономіей. Другой Долганъ, въ Хатангскомъ Погостѣ, былъ женатъ на дочери покойнаго священника, слѣдовательно также на Русской. Повсюду по-

---

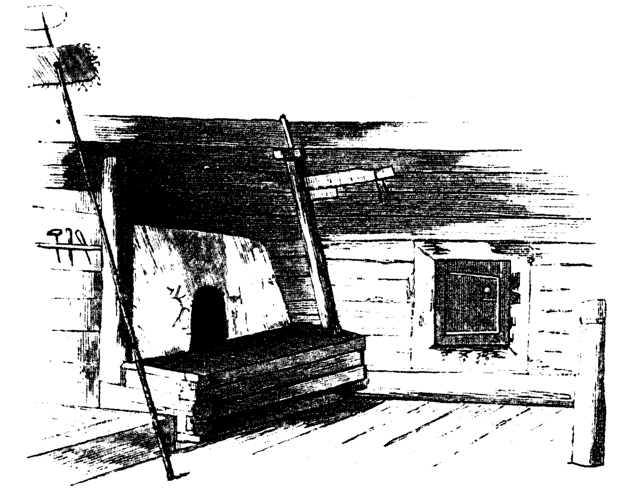
[1]) Въ Убойномъ, еще на два дня пути далѣе отъ Хатангскаго погоста.

[2]) Въ Горбуновѣ.

селенія указывали на свое родство между собою, хотя жители причисляли себя то къ Русскимъ, то къ Якутамъ или Долганамъ. Не исключали себя также кочевники и поселенцы. Изображенный на табл. VI, 2, Гаврила Пальковъ совершенно поселился на Боганидѣ, тогда какъ родители его еще кочевали между Хетой и озерами, лежащими за Хатангой. Изображенный на XI таблицѣ нѣм. изд. братній сынъ его Прысъ Пальковъ поселился на Хетѣ[1]), на которой, впрочемъ, нѣсколько прежнихъ поселеній были покинуты. Два сына вышеупомянутаго Долгана Око были женаты на Самоѣдкахъ, равно какъ и Долганъ, котораго я засталъ совершенно осѣдлымъ на р. Хетѣ, среди Якутовъ.

Помѣщенный выше рисунокъ можетъ дать понятіе о видѣ, какой представляетъ хорошо устроенное поселеніе около предѣла лѣсной растительности. Всегда оно лежитъ около воды; вмѣсто крыши зимовье обыкновенно довольствуется горизонтальной бревенчатой настилкой, покрытой дерномъ; безъ шалаша изъ шкуръ сѣв. оленей нельзя обойтись; одну изъ существеннѣйшихъ принадлежностой составляютъ жерди, на которыхъ сушатся распластанныя рыбы. Мы покончили со всѣмъ и намъ больше не о чемъ упоминать въ этой глуши.

Мы влѣзаемъ въ бревенчатый кубъ; пробраться въ него иначе нельзя, какъ сильно согнувшись, такъ какъ дверь доведена до возможно меньшаго размѣра съ тѣмъ, чтобы морозъ не прорывался непрошеннымъ гостемъ вмѣстѣ съ человѣкомъ. Внутри главнымъ образомъ поражаетъ очагъ, который по натурѣ своей каминъ, но по огромному размѣру печка. Передъ нимъ находится посыпанный пескомъ ящикъ, а на послѣднемъ висѣлица, на которую навѣшивается котелъ, и которую, по усмотрѣнію, можно поворачивать къ огню, или отворачивать отъ него, точно такъ, какъ это еще до сего времени дѣлается въ швейцарскихъ сыроварняхъ. Пламя выбиваетъ изъ печки далеко впередъ. На верху, въ потолкѣ, заступающемъ вмѣстѣ съ тѣмъ и крышу, на которой весною нерѣдко топочатъ сѣв. олени, находится отверстіе — дымовое окно — которое прежде, чѣмъ весь дымъ успѣетъ выдти, закрывается при помощи жерди, съ затычкою на концѣ, состоящею изъ

Долганскій очагъ.

[1]) Насупротивъ занятаго Русскими поселенія Корги, покинуто было поселеніе Орлово, равно какъ Романа рѣкѣ, выше Медвѣжьяго поселенія. Между ними ниха, лежащая по рѣкѣ еще выше Корги.

шкуры сѣв. оленя. Вокругъ стѣнъ идутъ лавки для сидѣнія, на которыхъ также спятъ и надъ которыми въ ростъ человѣческій прикрѣпленъ рядъ досокъ, служащій для удержанія сажи, падающей съ потолка и стѣнъ. Небольшое пространство, которое заключаетъ въ себѣ постройка, биткомъ набито людьми, приборами и снарядами. Одинъ только невыносимый, но дезинфицирующій дымъ зимою спасаетъ отъ удушающаго, зловоннаго испаренія, а лѣтомъ отъ кровожадныхъ небесныхъ сонмовъ комаровъ.

Въ мое время въ административныхъ спискахъ по-видимому совершенно отказались отъ распредѣленія жителей по національностямъ, потому что въ Туруханскомъ округѣ, кромѣ:

1) Долганскаго (также Долгано-Тунгусскаго) рода, по послѣдней ревизіи	82 души	[1]
2) Жиганскаго рода	73 »	[2]
значились еще:		
3) Бродячихъ Іесейской управы [3]	174 »	
4) » Боганидской »	55 »	[4]
	384 души	

Первые два отдѣла платили ясакъ по 2 руб. 15 коп. (ассигн.), послѣдніе два только по 1 руб. 43 коп. съ души; этимъ высказывалось, что первые считались ловцами соболей, а послѣдніе только ловцами песцовъ.

Впрочемъ, въ мое время, согласно ревизіи 1834 года, подъ № 1 насчитывалось лишь 35, а подъ № 2 только 26 душъ мужескаго пола, отъ 18 до 15 лѣтъ отъ роду, платившихъ ясакъ.

На этомъ останавливаются замѣтки въ моемъ дневникѣ, писанномъ 30 лѣтъ тому назадъ. Съ тѣхъ поръ о Долганахъ сообщены нѣкоторыя свѣдѣнія, въ особенности гг. Кривошапкинымъ и Третьяковымъ, которые, первый въ званіи врача, а второй въ качествѣ начальника Туруханскаго округа, довольно долго жили въ тѣхъ мѣстахъ и составили весьма замѣчательныя монографіи.

Здѣсь же я начну съ немногихъ замѣтокъ Кастрена [5], такъ какъ съ ними скорѣе всего можно покончить. Онъ говоритъ, что Долганами называютъ три маленькихъ якутскихъ племени, которыя сами называютъ себя: 1) Долганы, живущіе въ Хатангскомъ краѣ; 2) Адъяны, по-русски Жиганы; 3) Донготы; послѣдніе два рода живутъ у Норильскихъ озеръ. Хотя всѣ принимаютъ ихъ за Тунгусовъ, но они говорятъ на чисто

[1] По другому оффиціальному донесенію 90 душъ, по третьему 91, изъ которыхъ 35 платятъ ясакъ, а 56 моложе 18 или старше 50 лѣтъ. На это количество приходится 96 душъ женскаго пола.

[2] При 85 душахъ женскаго пола.

[3] По другому чтенію 168 душъ, изъ которыхъ 80 платятъ ясакъ. При этомъ 144 души женскаго пола.

[4] По другому извѣстію 58 душъ, при 50 душахъ женскаго пола.

[5] Reiseberichte und Briefe aus den Jahren 1845—1849, herausgegeben von Anton Schiefner, 1856.

якутскомъ языкѣ. Начало свое они производятъ отъ трехъ братьевъ: Галкингá, Сакатина и Бійка, переселившихся, по ихъ словамъ, изъ Якутскаго края. Вслѣдствіе этого поздняго переселенія Самоѣды называютъ Долгановъ и Тунгусовъ «Ая», т. е. младшими братьями.

У Кривошапкина[1]) число Долгановъ, на основаніи относящихся къ 1860 году оффиціальныхъ донесеній начальника округа Третьякова, сочиненіе котораго появилось въ печати позднѣе, показано слѣдующимъ образомъ [2]):

	муж. пола	женск. пола
Тунгусовъ Боганидскаго рода	59	49
» Долгано-Іесейскаго рода	195	187
» Жиганскаго рода	74	70
» Долганскаго рода	108	83
	436	389

Кривошапкинъ ошибается, утверждая, что Долганы говорятъ на языкѣ, похожемъ на тунгусскій, но все-таки, въ противоположность другому начальственному лицу, князю Кострову, отдѣляетъ ихъ отъ настоящихъ Тунгусовъ, опираясь на нашъ академическій авторитетъ.

По его мнѣнію [3]) физіономія Долгановъ выразилась менѣе отчетливо, одежда ихъ проще, чѣмъ у Тунгусовъ. Да и христіанское крещеніе Долганы принимаютъ охотнѣе [4]), такъ что всѣ считаются христіанами, тогда какъ Тунгусы едва на половину христіане. Впрочемъ, значеніе этого свѣдѣнія поясняется тѣмъ, что и христіане не могутъ обойтись безъ шамановъ. Третьяковъ присовокупляетъ [5]), что туземцы пользуются полною религіозною свободою, но что тѣ, которые принимаютъ крещеніе, освобождаются на три года отъ податей.

Болѣе извѣстій мы находимъ у Третьякова [6]). Особенный вѣсъ я придаю тому, что, перечисляя [7]) названіе мѣсяцевъ у разныхъ кочевниковъ, онъ приводитъ также долганскія имена мѣсяцевъ, которыя совершенно отличны отъ якутскихъ названій.

Число Долгановъ по 10-й переписи составляетъ у него 303 души мужескаго и 270 душъ женскаго пола [8]), а именно:

	муж. пола	женск. пола
Долгано-Іесейскаго рода	195	187
Долгано-Тунгусскаго рода	108	83

Первые живутъ по обѣимъ сторонамъ Хатанги и Хеты, послѣдніе у Норильскихъ озеръ и въ Авамской тундрѣ. Онъ напоминаетъ о томъ [9]), что въ 1633 году Корытовъ

[1]) Енисейскій округъ и его жизнь, изданіе Имп. Русск. Геогр. Общ. 1865.

[2]) Тамъ же I, стр. 353; II, стр. 31.

[3]) Тамъ же II, стр. 33, примѣч.

[4]) Тамъ же II, стр. 41.

[5]) Стр. 372.

[6]) Туруханскій край, Зап. Имп. Русск. Геогр. Общ. 1869. стр. 216 и слѣд.

[7]) Тамъ же стр. 291.

[8]) Тамъ же стр. 335, 373. 375.

[9]) Тамъ же стр. 353.

заставилъ Долганскаго старшину Диканга платить двойную дань и увелъ одного изъ сыновей его заложникомъ.

Долганы, перенявшіе у Якутовъ всѣ обычаи, даже покрой одежды [1]), называютъ себя, говоритъ онъ, Тагаль, по преданію происходятъ отъ Тунгусовъ и переселились изъ верховьевъ Хатанги въ то время, когда знаменитый богатырь Сюрдюкъ-сюгатоіонъ былъ побѣжденъ и взятъ въ плѣнъ Русскими. Нѣкогда племя это, говорятъ, было воинственно, потому что герои его носили кольчуги (куяк), защищавшіе лѣвый бокъ отъ шеи до колѣнъ. Къ этому вооруженію, кромѣ того, принадлежали головная защита (лаба) и прикрытіе лица (бастынга́).

Сверхъ медвѣжьей рогатины (Batás), у нихъ въ колчанѣ (kogäk) было 9 различныхъ видовъ стрѣлъ; 1) S'orús', съ пирамидальнымъ наконечникомъ; 2) Onohós', съ притупленнымъ наконечникомъ [2]); 3) Más' onohós' (Tamár у остальныхъ кочевниковъ), также съ тупымъ концомъ, но вся изъ дерева; 4) Bürgos', съ шилообразнымъ наконечникомъ; 5) Ok, съ типическимъ наконечникомъ; 6) Dshani, съ ножеподобнымъ наконечникомъ; 7) S'ile, съ двумя заостреными ребрами; 8) Djäna, вся изъ мамонтова зуба; 9) Torkó, съ раздвоеннымъ наконечникомъ.

Причина, по которой Долганы утеряли свой природный языкъ, заключается, по мнѣнію Третьякова, въ близкихъ сношеніяхъ ихъ съ Якутами, у которыхъ они брали женъ своихъ; не смотря на это у Долгановъ, увѣряетъ онъ, болѣе тунгусскій, чѣмъ якутскій типъ лица: умное, нѣскольмо серьезное, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, добродушное выраженіе; гладкій и высокій лобъ. Они носятъ тунгусскій, богато украшенный бусами, нагрудникъ (Tügüllük) и поясъ.

По единогласному отзыву лучшихъ путешественниковъ, Долганы не имѣютъ никакого понятія о христіанской религіи [3]), хотя половина туземцевъ приписана къ ней; они даже рѣдко удерживаютъ имена, которыя даются имъ при крещеніи. Вѣроисповѣданіе ихъ представляетъ смѣсь христіанскихъ и языческихъ понятій.

Тунгусы и бо́льшая часть Долгановъ, да Якутовъ ѣздятъ, по Третьякову, верхомъ на сѣв. оленяхъ.

Этими новѣйшими извѣстіями вообще подтверждаются, но, къ сожалѣнію, мало пополняются свѣдѣнія, заключающіяся въ моемъ дневникѣ. Предположеніе, что Долганы около половины 17-го столѣтія переселились съ востока въ теперешнія мѣста своего пребыванія, чтобы укрыться отъ гнета чужеземцевъ въ недоступныхъ пустыняхъ, пріобрѣтаетъ все болѣе вѣроятія, но не можетъ быть вполнѣ доказано.

Странна разница въ свѣдѣніяхъ, собранныхъ относительно названія ихъ. Кастренъ

---

[1]) Тамъ же стр. 406 и слѣд. — [2]) На Боганидѣ мнѣ показывали стрѣлу съ тупымъ наконечникомъ, подъ якутскимъ названіемъ Aandās. — [3]) Loc. cit. стр. 420 и 523.

*

пишетъ Dolgán; Долганы Авамской тундры продиктовали мнѣ названіе Dolgásch; по словамъ же Третьякова, они сами называютъ себя Тагаль. Отчего происходитъ эта разница?

Мнѣніе Кривошапкина, принимающаго языкъ Долгановъ за тунгусскій, во всякомъ случаѣ ошибочно; они несомнѣнно говорятъ на чистомъ якутскомъ языкѣ. Необходимо только объяснить, почему названія мѣсяцовъ несходны съ якутскими. Звучатъ они дѣйствительно по тунгусски и подлежатъ сравненію съ языкомъ Береговыхъ или Ламскихъ Тунгусовъ. Всѣ другія слова, мимоходомъ приводимыя Третьяковымъ, какъ-то: названіе различныхъ стрѣлъ, разныхъ одеждъ, божества и т. д. совершенно сходны съ якутскими.

Съ предположеніемъ Третьякова, что Долганы промѣняли свой первоначальный природный тунгусскій языкъ на якутскій, я не могу согласиться, тѣмъ болѣе, что у нихъ, какъ я замѣтилъ, преобладалъ именно якутскій типъ лица и притомъ въ такой сильной степени, что я не счелъ нужнымъ замѣнить лицо Долгана Мани (см. табл. VI. 3), служащее типомъ якутскаго лица, другимъ болѣе типичнымъ якутскимъ лицомъ [1]). Разсматривая обезьянье лицо Гаврилы Палькова (см. табл. VI. 2), который, впрочемъ, былъ весьма порядочный человѣкъ, вѣроятно никто не отыщетъ на немъ восхваляемаго Третьяковымъ высокаго, гладкаго лба Долгановъ. На стр. 634 о немъ уже говорилось.

Долганы, какъ я замѣтилъ уже выше, положительно, весьма интересный смѣшанный народъ, у котораго во всемъ явно высказывается преобладаніе якутскаго элемента. Мы не должны забывать при этомъ, что нѣкогда существовали весьма дѣятельныя сношенія между Якутскомъ и пресловутымъ Іесейскимъ озеромъ въ верховьяхъ Хатанги, да и внизъ по теченію этой рѣки. Еще въ мое время въ устахъ поселенцевъ на р. Боганидѣ сохранились преданія о прелестяхъ Іесейскаго озера. Кривошапкинъ [2]) говоритъ, что оспа и тифъ одолѣвали жителей и съ тѣхъ поръ сношенія прекратились.

Тунгусы (см. табл. IV и V).

На сколько численность ихъ незначительна, на столько чрезвычайно обширно распространеніе ихъ по всей Восточной Сибири, въ области р. Амура, въ горахъ острова Сахалина и еще дальше за предѣлами Сибири. На среднемъ теченіи Енисея они стали

---

[1]) Въ какой однакоже степени тутъ происходили по мѣси, это доказываютъ не только вышеприведенныя свѣдѣнія, но и преданіе, сообщаемое Третьяковымъ (стр. 376). Между Затундренскими Якутами (говоритъ онъ) существуютъ еще доселѣ потомки трехъ тунгускихъ братьевъ «Симилеръ», которые въ свое время были извѣстные бойцы.

Въ началѣ прошлаго столѣтія комиссаръ Тюпринъ, при помощи священника, уговорилъ этихъ Тунгусовъ принять крещеніе и поселиться на Хатангѣ, при впаденіи Жданихи, гдѣ Русскіе поселенцы были перебиты. Тунгусы окрещены были на имя Тюприна и поселились въ означенномъ мѣстѣ. Потомки ихъ превратились въ Якутовъ, вѣроятно вслѣдствіе браковъ съ ними.

[2]) Loc. cit. I, стр. 369.

даже перебираться на лѣвый его берегъ, въ Западную Сибирь. Въ одномъ Таймырскомъ краѣ они предоставили самую сѣверную часть Самоѣдамъ, на востокѣ-же, сдерживаемые только Чукчами, они занимаютъ гористую часть до береговъ Ледовитаго океана, а нѣкогда жили даже, можетъ быть, на островахъ этого океана[1]). Вслѣдствіе такого обширнаго ихъ распространенія, я не только встрѣчалъ ихъ мимоходомъ на Енисеѣ и въ области р. Пясины, но сталкивался съ тунгусскими семействами и на южномъ берегу Охотскаго моря, повсюду на Становомъ хребтѣ и на притокахъ Амура.

А. Сѣверные Тунгусы.

По переписи 1838 года, на основаніи оффиціальныхъ донесеній, въ Туруханскомъ краѣ находились слѣдующія тунгусскія племена:

	Душъ мужск. пола.	Душъ женск. пола.
1) Нижнечумскіе Тунгусы, съ присоединенными къ нимъ Тунгусами I-го лѣтняго рода.....	42	40
2) Илимпейскіе Тунгусы..................	208	189
3) Чапогиры........................	129	112
4) Усть-Курейскіе..................	39	36
5) Тунгусы II-го лѣтняго рода..............	86	82
6) » III-го » »	59	53
7) » IV-го » »	57	64
8) Боганидскіе Тунгусы..................	58	50
	678	626

Мѣста ихъ пребыванія значатся въ атласѣ картъ, приложенномъ къ нѣмецкому изданію, на табл. II-й.

Подъ $62\frac{1}{2}^\circ$ с. ш., въ поселеніи Бахтинскомъ, на Енисеѣ, я увидѣлъ первыя тунгусскія лица. Во-первыхъ изображенную на табл. IV-й Черемокъ, изъ рода Чапогировъ. Поселенецъ взялъ ее къ себѣ въ семейство почти тринадцатилѣтнею дѣвочкою. Чрезвычайно хвалили ея правдивость. Уже въ теченіи 8 мѣсяцевъ она научилась русскому языку. Точно такъ, какъ въ Енисейскихъ Остякахъ (стр. 640, 659), и въ ней меня поразило быстрое, и въ особенности урывчатое произношеніе словъ. Столь-же урывчато она и крестилась. Мнѣ показалось это весьма характеристичнымъ обстоятельствомъ. Она, да изображенный на IX-ой таблицѣ нѣм. изд, Илимпейскій Тунгусъ Ѳедотъ были татуированы и разсказали мнѣ, что она, будучи дѣвочкой лѣтъ 7 или 8, была связана по рукамъ и по ногамъ, въ то время когда старуха производила надъ ней весьма чувствительную операцію при помощи льняной нитки, натертой углемъ. Такъ какъ Ѳедотъ, вслѣдствіе

---

[1]) Уже болѣе ста лѣтъ тому назадъ было нѣсколько осѣдлыхъ Тунгусовъ на р. Блудной, которая подъ болѣе, чѣмъ 73° с. ш., впадаетъ съ востока въ устье Хатанги (Зап. Гидрогр. Деп. IX, стр. 301; Сиб. Вѣстн. I, стр. 79, 85).

боли, сталъ сопротивляться, то его не татуировали болѣе, хотя между мущинами ихъ рода встрѣчаются нѣкоторыя лица, татуированныя вокругъ лба и еще болѣе.

Затѣмъ, близь устья Нижней Тунгуски, въ поселеніи Мироѣдинскомъ, я снова увидѣлъ двухъ Тунгусовъ, поразившихъ меня своими рѣзкими монгольскими чертами лица. При положительно монгольской формѣ глазъ и носа, равно какъ и монгольскомъ цвѣтѣ кожи, поражалъ ихъ широкій лобъ, казавшійся четыреугольнымъ Самонадѣянность въ пріемахъ ихъ рѣзко отличалась отъ всего видѣннаго мною до тѣхъ поръ. Оба они были статные, проворные парни, съ легкостью скользившіе на лыжахъ по такимъ мѣстамъ, гдѣ неуклюжіе Остяки проваливались.

У нихъ было, и это меня тотчасъ-же поразило, особое названіе для сѣры, а именно «Njutä», тогда какъ повсюду мнѣ приводилось слышать только русское названіе.

Въ предѣлахъ полярнаго круга, на Курейкѣ, я нашелъ двухъ, усыновленныхъ русскими поселенцами, высокоголовыхъ Тунгусовъ, изображенныхъ на табл. V, 1, 2.

Наконецъ увидѣлъ и самыхъ сѣверныхъ Тунгусовъ Туруханскаго края въ низовьяхъ Авама (притока Пясины). Въ Дудинѣ ($69^{1}/_{2}{}^{\circ}$ с. ш.) представился мнѣ старшина «лѣтняго рода» Завыдда. Этихъ Тунгусовъ называли также Норильскими, по озерамъ, при которыхъ они жили. Они занимали до 10 чумовъ, изъ которыхъ у половины уже не было сѣв. оленей. У самого старшины также было всего 8 штукъ. Мѣста пребыванія имѣли у нихъ слѣдующія названія: озеро Пясина — Pāsina-amút; одна впадающая въ него рѣка (вѣроятно Буструмина) — $\frac{\text{Ö}}{\text{y}}$jan-djir$\frac{\text{i}}{\text{y}}$n; вытекающая изъ озера Ol$\frac{\text{d}}{\text{r}}o\frac{\text{z}}{\text{s'}}$i (вѣроятно Рыбнаго) горная рѣка, Ol$\frac{\text{d}}{\text{r}}o\frac{\text{z}}{\text{s'}}$ibirra; наконецъ Amút-ol$\frac{\text{d}}{\text{r}}$o (вѣроятно озеро Давыдово). Они жили рыбною ловлею, ловили изрѣдка песцовъ, а еще меньше соболей, которыхъ нѣкогда было больше.

Въ Авамскомъ поселеніи поджидалъ меня старшина Ялегринской орды [1]) $\frac{\text{S'}}{\text{h}}$antául. Эта орда кочевала на востокъ отъ р. Авама до Хатанги, а къ югу до извѣстнаго Іесейскаго озера и до высшихъ горныхъ вершинъ этого края, въ верховьяхъ Хеты. Тамъ они находятся въ сношеніяхъ съ Бояграми, изъ которыхъ одинъ изображенъ на табл. V-ой. Правительство же совершенно раздѣляетъ обѣ орды, причисляя Бояргровъ къ тому Якутскому старшинѣ (Арбай), чрезъ посредство котораго они вносятъ свой ясакъ. Ниже мы найдемъ членовъ этого рода не только на Вилюѣ и на сѣв. скатѣ Становаго водораздѣльнаго хребта, но даже на Амурѣ.

На Дудыптѣ я познакомился наконецъ еще съ тунгусскимъ старшиной Епифаномъ Тюприно, Тильбянтябульской орды, Харитонова рода. Онъ устроилъ себѣ осѣдлость при рѣкѣ, и проводилъ лѣто на сѣверѣ въ верховьяхъ р. Дудыпты [2]), въ то время какъ члены его орды, 23 души платившія ясакъ, въ приблизительно 10 чумахъ,

[1]) Къ этой ордѣ былъ присоединенъ родъ Малгачагринскихъ Тунгусовъ, состоявшій примѣрно изъ 9 душъ, вносившихъ ясакъ.

[2]) Между Фирсомъ и Бородино, у Иркутскаго поселенія. Ясакъ вносился въ Аксеновѣ.

занимались охотою въ южныхъ горахъ, вмѣстѣ съ **Ялеграми**, и только зимою спускались съ горъ къ сѣверу.

Ялегры только что выбрали себѣ въ десятскіе **Долгана** (Уксусникова), который устроился на р. Авамѣ и разставлялъ свои песцовыя ловушки по всей Авамской тундрѣ, островообразно лежащей внутри предѣла лѣсной растительности. У него было стадо сѣв. оленей, придававшее ему извѣстное значеніе, такъ какъ у большей части Тунгусовъ этой орды было ихъ только по нѣскольку штукъ.

Эти Тунгусы называли Авамъ, Виску, Іесейское озеро тѣми-же именами, которыя употребляются Русскими, но

Дудыпту	они	называли	Dydýpta;
Волочанку	»	»	Wolots'jänka;
Хатангу	»	»	Kōtuj (amút);
Курейку	»	»	Njúma.

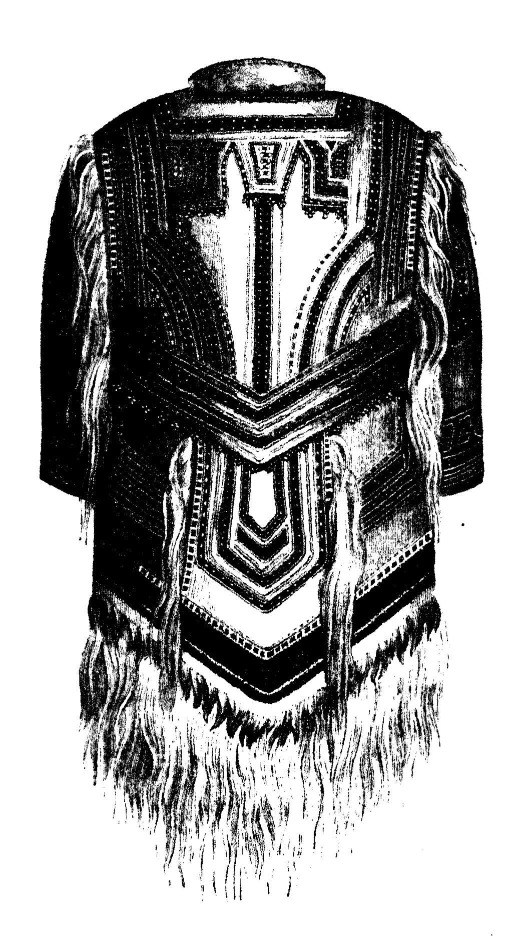
Всѣ жаловались на уменьшеніе количества «звѣря» въ ихъ краѣ, за исключеніемъ сѣв. оленей. Песцы, говорили они, встрѣчаются рѣдко, соболи почти совершенно истреблены. Ялегринская орда утверждала, что до Апрѣля ей удалось добыть всего 9 соболей и до 40 песцовъ. Мнѣ хотѣли этимъ дать понять, что казенный долгъ свой въ 160 пудовъ муки они никакъ не въ состояніи заплатить.

У всѣхъ были монгольскія лица и широкіе черепа въ такомъ родѣ, какъ у $\frac{\text{S'}}{\text{h}}$antaul'a, чрезъ кожу котораго просвѣчивалъ нѣжный оттѣнокъ яркаго румянца. Правда, что лицо его было умыто и волосы причесаны, какъ это повсюду принято у Тунгусовъ. Чрезвычайно красиво ихъ приличіе въ движеніяхъ, открытый характеръ ихъ. Хотя они были очень услужливы, но, не смотря на скромность, во всемъ видно было, что они сознавали свое достоинство. Это высказывалось и наружно въ томъ отношеніи, что одежда ихъ, хотя она и не была такъ разукрашена, какъ на сородичахъ ихъ, живущихъ на Нижней Тунгускѣ, но была въ большомъ порядкѣ, красиво обшита и такого покроя, который обрисовывалъ стройную, осанистую, но вмѣстѣ съ тѣмъ и ловкую фигуру ихъ. Лицо было умыто, жесткіе черные волосы причесаны, потому что національная коса исчезла съ пріобрѣтеніемъ русскихъ рубашекъ и шейныхъ платковъ. Волоса были подрѣзаны на половину. Въ отличіе отъ Самоѣдовъ, они дорожили теплыми верхними тулупами изъ темноцвѣтныхъ шкуръ сѣв. оленя. Кромѣ того, у нихъ былъ якутскій нагородникъ (см. изобр. на стр. 691) и колпакъ не соединялся съ верхнимъ тулупомъ, а составлялъ дорогой головной уборъ изъ блестящихъ лисьихъ ногъ, украшенный шкурами россомахи. Такой колпакъ стоилъ столько-же, сколько сѣв. олень.

Оригинальный покрой тунгусской первобытной одежды изображаютъ два прилагаемыхъ при семъ рисунка. Такъ какъ фракоподобный кафтанъ узокъ и спереди открытъ, то нагрудникъ составляетъ нераздѣльную часть его. Эти части одежды сверху до низу со вкусомъ расшиты и совершенно симметрично, но далеко не пестро, укра-

шены разноцвѣтными бусами. Въ мое время такой нарядъ стоилъ ни больше, ни меньше, какъ 25 руб. асс.

Остякъ или Самоѣдъ въ такомъ нарядѣ былъ бы похожъ на медвѣдя въ шутовской одеждѣ, Тунгуса же, при его тонкомъ, ловкомъ, приличномъ обращеніи, этотъ нарядъ чрезвычайно краситъ. Такое впечатлѣніе производили они на всѣхъ путешественниковъ, безъ исключенія [1]). Кастренъ (стр. 250) выразился очень вѣрно, сказавъ, что Тунгусовъ можно назвать дворянами Сибири. Они дѣйствительно большіе охотники до рыцарскихъ упражненій, потому что въ Авамской тундрѣ, при малѣйшемъ привалѣ, не было конца бѣганію въ запуски и состязанію въ единоборствѣ.

Тунгусскій обыденный фракъ съ Нижней Тунгуски.

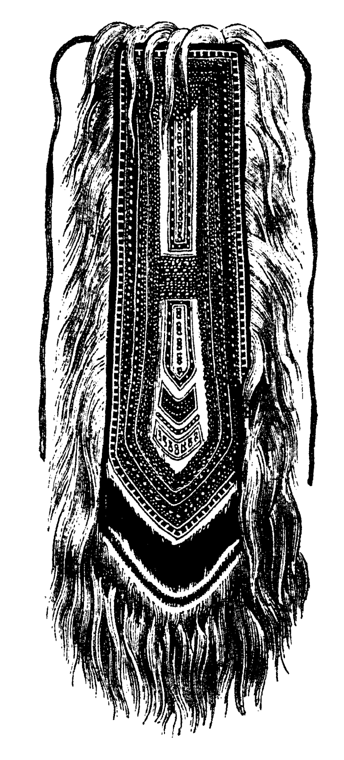
Хотя Тунгусы самые сѣверные верховые ѣздоки на сѣв. оленяхъ, но они мастерски умѣли управлять ими и въ упряжи, держали однакоже шестъ не въ лѣвой рукѣ, какъ Самоѣды, а въ правой. Они мало обращали вниманія на сильную метель, но при всемъ томъ и въ тундрѣ не сбивались съ дороги, хотя охотничьимъ угодьемъ ихъ были высокія горы, какъ это вполнѣ доказывали красивыя ложки ихъ, вырѣзанныя изъ рога горной овцы (цивукунь). Къ дикимъ оленямъ они прикрадывались, потому что загонять оленей посредствомъ махалокъ, какъ это дѣлаютъ Самоѣды, не позволяла лѣсистая мѣстность.

Мѣдныя украшенія въ косѣ, равно какъ ожерелье молодой дѣвушки, обставленное

---

[1]) Уже безъ малаго 150 лѣтъ тому назадъ моряки наши сообщали (Зап. Гидрогр. Деп. IX, стр. 36): «мужествомъ, и человѣчествомъ, и смысломъ, Тунгусы всѣхъ кочующихъ и въ юртахъ живущихъ превосходятъ. По нихъ Тунгусовъ состоятъ Якуты». Ганстенъ (стр. 55) говоритъ о прекрасномъ впечатлѣніи, которое на него произвели Тунгусы, и отъ Радде у меня есть письмо, въ которомъ онъ высказываетъ свой восторгъ объ этой націи.

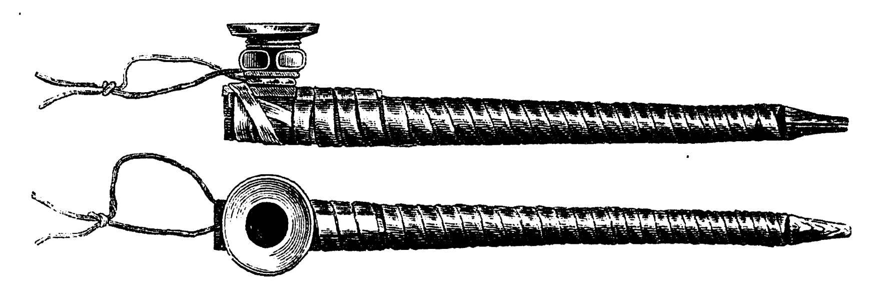
старыми пуговицами [1]), и мѣдная головка отъ трубки, пріобрѣтенныя всѣ въ Якутскѣ, свидѣтельствовали объ огромныхъ пространствахъ, которыя проходятъ эти Тунгусы. Притомъ эти Ялегринскіе Тунгусы говорили порядочно по-якутски; иные знали даже нѣсколько русскихъ словъ, хотя всѣ они придерживались вѣры предковъ и не принимали крещенія. Тѣмъ страннѣе, что у нихъ были постоянныя юрты, устроенныя на якутскій ладъ. Свой юртъ старшина выдвинулъ къ тундрѣ дальше всѣхъ другихъ, къ Волочанкѣ. Небольшая пристройка охраняла его отъ непосредственнаго проиканія вѣтра.

Нагрудникъ того-же Тунгуса.

Покойниковъ своихъ они хоронили въ гробахъ, которые въ ростъ человѣческій отстояли отъ земли и втиснуты были между двухъ деревъ; на тризну, по значительной стоимости упряжныхъ и верховыхъ сѣв. оленей, употребляли не больше двухъ сѣв. оленей. По небольшой съ нарѣзами палочкѣ отсчитывали праздники, а въ особенности день поминокъ.

Этимъ и ограничилось бы мое знакомство съ сѣверными Тунгусами, если бы въ Якутскѣ мнѣ не представился случай увидѣть двухъ Юкагировъ, жившихъ по близости отъ впаденія Индигирки въ Ледовитый океанъ. Ихъ сослали въ Якутскъ за смертоубійство. Оба были очень похожи другъ на друга. Одинъ изъ нихъ, Архипъ Бурнашевъ, изображенъ на табл. I-й. 2. Онъ произвелъ на меня впечатлѣніе человѣка, представляющаго смѣсь юракскихъ и тунгусскихъ элементовъ. Коренная часть носа была чрезвычайно плоска. Ростъ былъ вышиною въ 4′ 9″. Нѣкогда Юкагиры составляли, говорятъ, многочисленное

Тунгусская трубка Таймырскаго края, сдѣланная въ Якутскѣ.

[1]) Головы оленей и пуделей на этихъ пуговицахъ въ глазахъ много странствовавшихъ обладателей ихъ были опять фигуры миѳическихъ животныхъ. Срав. стр. 649.

племя. Въ 1842 году случилось небывалое дѣло: богатый Чукочъ женился на дочери Юкагира. Это снова доказываетъ, что даже самые строгіе ревнители чистоты расъ, какъ напр. Чукчи, съ теченіемъ времени, все-таки допускаютъ помѣси расъ. Женихъ сразу уплатилъ разными мѣхами болѣе 1,000 рублей, которые Юкагиръ задолжалъ купцамъ.

Оба Юкагира, не смотря на то, что они были преступники, все-таки приходили въ ужасъ отъ безчестности и низости людей въ столицѣ Якутскѣ.

B. Южные Тунгусы.

Прежде, чѣмъ я перейду къ тѣмъ главамъ моего дневника, которыя описываютъ мое знакомство съ южными Тунгусами, т. е. съ Тунгусами Становаго хребта, слѣдовательно касаются странъ, находящихся на нѣсколько тысячъ верстъ отъ Таймырскаго края, я считаю нужнымъ забѣжать нѣсколько впередъ. Мнѣ хочется предпослать объясненіе, что, не смотря на чрезвычайно дальнее распространеніе этого малочисленнаго народа, въ немъ, повсюду, гдѣ бы мы ни встрѣтились съ нимъ, высказывается все тотъже характеръ, который нами выше описанъ.

Во-первыхъ это положительно горный народъ, пробуждающій въ насъ воспоминанія объ особенностяхъ обитателей нашихъ европейскихъ Альповъ. Они обладаютъ извѣстной выправкой, исполнены приличія, ловки, предпріимчивы до отваги, живы, откровенны, самолюбивы, охотники наряжаться, а вмѣстѣ съ тѣмъ закалены физически.

Если мы хотимъ продолжать сравненіе съ европейскими горными народами, то мы должны отправиться въ Альпы дальше на западъ, чтобы встрѣтиться съ беззаботною удалью Тунгуса, который въ своей первобытности, главнымъ образомъ, хлѣбосолъ, любитель удовольствій и вѣтренникъ.

Правда, что эта страсть къ удовольствіямъ (въ особенности у южныхъ Тунгусовъ), причинявшая мнѣ не мало горя, вѣроятно потому только такъ поразила меня, что я наткнулся на нихъ какъ разъ въ періодъ осенняго раздолья и годичныхъ сходокъ, составляющихъ блестящія точки въ совершенно уединенной, трудовой и опасной обыденной жизни этихъ людей. Я не знаю другого народа, у котораго бóльшую часть года жизнь проходила бы такъ уединенно. Каждый чумъ самъ по себѣ отправляется въ лѣсную глушь самыхъ скрытыхъ горныхъ долинъ, предаваясь охотѣ и рыбной ловлѣ. Изъ этого обстоятельства у нихъ развилось и первобытнѣйшаго рода письмо, состоящее изъ знаковъ. Такъ напр., въ первобытномъ лѣсу вы встрѣчаете срубленное деревцо, въ зарубкѣ котораго торчитъ стрѣла концомъ внизъ. Это значитъ: я разставляю луки по близости. Если стрѣла смотритъ вкось кверху, то охотникъ ушелъ далеко. Вѣтка отъ куста, втиснутая такимъ-же образомъ, указываетъ на присутствіе лица въ самомъ близкомъ раз-

стояніи. Положенный через слѣдъ сучокъ запрещаетъ идти дальше по этому направленію; чурбанъ, положенный на такомъ мѣстѣ, гдѣ прежде находился входъ въ чумъ, не позволяетъ или не совѣтуетъ устраивать тутъ чумъ. Лошадиная голова, нарисованная на снятой съ дерева корѣ, предлагаетъ искать лошадь, пропавшую на мѣстѣ привала, и т. д.

Въ случаѣ болѣзни или погибели кормильца, иное семейство безпомощно погибаетъ отъ голода. Разговоръ съ Тунгусами, мимоходомъ, касается того или другого случая подобнаго рода, какъ будто это такъ и должно быть. Находятъ скелеты или замѣчаютъ, что недостаетъ знакомыхъ: всѣ они погибли безслѣдно.

Такъ я встрѣтилъ три совершенно обѣднѣвшихъ тунгусскихъ семейства; у одного изъ нихъ былъ всего одинъ сѣв. олень, у другого три, а у третьяго ихъ вовсе не было; эти три семейства соединились между собою, чтобы помогать другъ другу [1]).

Какъ ни уединенно Тунгусъ живетъ въ своей горной глуши, все-таки онъ очень подвиженъ. Не повезетъ ему въ одномъ мѣстѣ, онъ отправляется въ другое, и подвигается все дальше и дальше, такъ что постепенно, большею частью весьма небольшими переходами, посѣщаетъ самыя отдаленныя мѣстности и сходится съ самыми разнообразными сосѣдями. Я набрелъ на Тунгуса, пропавшаго безъ вѣсти съ двумя мальчиками. У него не было оленей и потому, выступая на лыжахъ, онъ тащилъ добро свое за собою на санкахъ. При всемъ томъ онъ забрался въ Китайскія области дальше всѣхъ другихъ русскихъ Тунгусовъ.

Жизнь Тунгуса представляетъ поразительную смѣсь кочеванія съ осѣдлостью. Онъ не упускаетъ случая въ теченіи года побывать въ мѣстахъ, отстоящихъ одно отъ другого на болѣе, чѣмъ тысячу, даже болѣе двухъ тысячъ верстъ, тутъ занимаясь обильной ловлей рыбъ, заходящихъ изъ морей въ рѣки, тамъ охотясь на лучшихъ соболей. Но съ другой стороны онъ любитъ также постоянно возвращаться на зиму въ тѣ-же нагорныя долины, гдѣ онъ на нѣсколько дней пути ведетъ свои засѣки, разставляетъ ловушки, устраиваетъ ямы, и гдѣ онъ издавна, по крутымъ скатамъ горъ, знаетъ обычные ходы кабарги, которою онъ питается.

Отсюда-то и происходитъ мнимое противорѣчіе, что Самоѣду, кочевая жизнь котораго почти за все время его существованія ограничивается однимъ шахматнымъ ходомъ: на лѣто къ сѣверу, а на долгую зиму опять назадъ къ предѣлу криворослаго лѣса, извѣстна только жизнь въ чумѣ. Совершенно иначе слагается жизнь Тунгуса, который не довольствуется тѣмъ, что устроитъ себѣ шалашъ лѣтомъ изъ бересты, въ болѣе суровое

---

[1]) Указъ 1823 года, найденный мною въ Архивѣ Удскаго Острога, предписывалъ Тунгусамъ дѣйствовать сообща, чтобы уничтожать дикихъ кошекъ (вѣроятно тигровъ или пантеръ). Должно быть, что приходилось плохо отъ нихъ.

Среди моего странствованія, я набрелъ на пустой тунгусскій шалашъ. На слѣдующій день я узналъ, что отецъ и мать недавно, почти въ одно время, умерли отъ повальной болѣзни, оставивъ трехъ дѣтей, изъ которыхъ старшему было всего семь лѣтъ. Куда дѣлись дѣти? Мы вернулись верхами назадъ, но въ шалашѣ все еще никого не было. Повѣсивъ мѣшокъ съ мукой между стойками шалаша и поставивъ возлѣ шалаша лисью ловушку, мы уѣхали. Это все, что можно было сдѣлать.

*

время года изъ шкуръ, а нерѣдко въ лѣсной глуши строитъ себѣ небольшой постоянный срубъ [ütän], на якутскій ладъ [1]), изъ отвѣсно поставленныхъ бревенъ. Но онъ и не привязывается неразлучно къ этому дому и, если нужно, тотчасъ покидаетъ его на нѣсколько лѣтъ, а иной разъ и навсегда. Это его охотничій зàмокъ, а не жилье съ домашнимъ очагомъ. Мы, рожденные въ домахъ, испытывали необыкновенно пріятное чувство, когда послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ въ пустыни нежданно находили себѣ кровъ. Тунгусъ очевидно не испытывалъ этого чувства, такъ что въ этомъ смыслѣ мѣстныя управленія справедливо причисляютъ его къ третьему отдѣленію, т. е. къ бродячимъ кочевникамъ.

При совершенномъ недостаткѣ картъ низовьевъ Амура мнѣ нисколько не помогали ни мои постоянные разспросы въ Якутскѣ, ни способность нѣкоторыхъ Якутовъ, растопыривая пальцы, объяснять на суставахъ, или изображать наглядно, посредствомъ складыванія вѣтокъ, сближеніе верховьевъ рѣкъ, водораздѣлы и проходы. Только на мѣстѣ я успѣлъ убѣдиться, на какія громадныя пространства этотъ предпріимчивый и подвижной народъ распространяетъ свои кочеванія, и какъ далеко онъ забирался въ мѣстности, признававшіяся за Китайскія области, куда ходить имъ строго запрещено было тогда нашими управленіями.

Но возвратимся опять къ регулярному топографическому ходу моего путешествія и, по этой нити, прослѣдимъ мое постепенное ознакомленіе съ южными Тунгусами.

Еще до переправы черезъ Алданъ, въ мѣстечкѣ Уранъ-Айдакъ, въ Алданскихъ горахъ, на р. Милѣ, я впервые встрѣтилъ южныхъ Тунгусовъ. Они принадлежали къ Кюрбюрдинскому роду Учурскаго племени, и поселились при рѣкѣ въ юртахъ (ütän), потому что только у двухъ-трехъ Тунгусовъ было еще по нѣскольку сѣв. оленей. Живя ближе къ центрамъ управленія, они были окрещены уже въ концѣ прошлаго столѣтія и мало по малу сдѣлались бѣдными рыбаками. На всемъ Алданскомъ хребтѣ находился только одинъ Тунгусъ, у котораго было 70 сѣв. оленей, за исключеніемъ живущаго на дальнемъ прибрежьѣ Гарамзина. У этого аристократа, предки котораго играли роль уже въ прошломъ столѣтіи, и въ мое время насчитывалось еще 600 сѣв. оленей. Его стада сохранились, не смотря на страшную копытную болѣзнь, потому что лѣтомъ охлаждались сначала позднимъ льдомъ Охотскаго моря, а потомъ, во второй половинѣ лѣта, наледными долинами на горныхъ высотахъ. Срав. сказанное на стр. 566.

Старшина Кюрбюрдинскаго рода на столько-же былъ полонъ претензій и надутъ, на сколько онъ былъ жалокъ; при навьючиваніи нашихъ животныхъ, онъ самъ не помогалъ, а изволилъ только приказывать. Болѣе жалкихъ Тунгусовъ я не видалъ. Правда, что это было время голоданія въ началѣ весны. Крещеніе этихъ Тунгусовъ, также какъ и другихъ ихъ соплеменниковъ, отзывалось обычнымъ образомъ: осенью, когда меня по-

---

[1]) Ближайшія свѣдѣнія см. въ главѣ о Якутахъ. Тунгусъ не возитъ съ собою, какъ Самоѣдъ, стоекъ для шалаша, которыхъ требуется до 30. На хорошихъ кормовыхъ мѣстахъ часто можно встрѣтить основанія для шалашей, поставленныя другими; если же ихъ нѣтъ, то лѣсъ представляетъ обиліе по части стоекъ.

разило, что Учурскіе Тунгусы, горячо о чемъ-то спорившіе, одного все называли ш/с-аманомъ, и когда я попросилъ растолковать мнѣ причину этого, они сознались, конфузясь и какъ бы оправдываясь: «да это не великій». Но живость характера вскорѣ побудила ихъ разсказать мнѣ потомъ о чудныхъ подвигахъ «великаго». Само собою разумѣется, что при этомъ играютъ роль разныя охотничьи суевѣрія подъ подставнымъ названіемъ «грѣха». Кабаргу я могъ получать только безъ головы, соболей безъ мяса, до тѣхъ поръ, пока длится на нихъ охота, иначе эта охота въ текущемъ году будетъ неудачна. Иные Тунгусы до такой степени придерживаются этого шабаша, что изъ-за того же опасенія даже не рѣшаются платить купцамъ деньги до тѣхъ поръ, пока весна не закончитъ срока охоты.

Такимъ-же образомъ, во время снимапія шкуры съ животнаго, никто не смѣетъ перешагнуть черезъ огонь, разведенный въ чумѣ, или внести въ чумъ свѣжаго снѣга, потому что это опять портитъ охоту. Не хорошо также, если кладутъ палку поперекъ слѣда, если срубленное дерево повалится поперекъ Тунгусской тропинки и т. п. Тунгусъ никому не дастъ огня изъ своего чума, и не взращиваетъ дикихъ сѣв. оленятъ или лосятъ — потому что все это грѣхъ.

Съ такимъ-же благочестіемъ, какъ Якуты, онъ на опасныхъ переходахъ совершаетъ возліянія въ честь злыхъ духовъ, и при этомъ выливаетъ даже единственный глоточекъ водки, который у него остается.

Въ Удскомъ Острогѣ, равно какъ во время моего лѣтняго плаванія по Охотскому морю, я совершенно потерялъ изъ виду Тунгусовъ, и только въ началѣ Сентября, когда я на р. Тугурѣ распростился съ своей байдарой и приступилъ къ зимнему странствованію на сѣв. оленяхъ по Амурскому краю, я встрѣтилъ ихъ сборные пункты. Они сошлись изъ близкихъ и дальнихъ мѣстъ и занимались заготовленіемъ зимнихъ запасовъ. Безчисленное множество кеты, забиравшейся вверхъ по рѣкамъ, представило удобный случай скоро справиться съ этимъ дѣломъ. Часгь рыбной ловли была окончена; тѣ семейства, которыя запоздали, собирались пополнить свои рыбные запасы въ области р. Амура. Они готовились къ переправѣ черезъ плоскій водораздѣлъ, съ Тугура къ Немилену (притоку Амура), куда кета заходитъ позднѣе, потому что ей приходится совершить туда изъ моря гораздо болѣе длинный путь. Стало ночью морозить и все предвѣщало, что настаетъ время попытать счастіе въ охотѣ на соболей «съ собачьими ногами». Всѣ начали готовиться.

Какъ только мы прибыли на сборный пунктъ Бурукапъ, при изгибѣ Тугура, какъ мой караванъ встрѣтили винтовочной пальбой. Собравшіеся Тунгусы салютовали, не смотря на дороговизну и рѣдкость пороха. Это было своего рода покушеніе на мои тщательно сберегавшіеся пороховые запасы. Noblesse oblige. Желая положить конецъ безполезной дѣтской пальбѣ (не отношу этого къ крѣпостямъ высокоцивилизованныхъ гаваней и къ военнымъ кораблямъ), я назначилъ преміи за стрѣльбу въ цѣль. Лучшіе тунгусскіе стрѣлки на 95 шаговъ попадали въ четвертушку бумаги довольно мѣтко, но клали

ружье на подставку. При этомъ нѣкоторые держали лѣвую руку трубкообразно надъ прицѣломъ. Тринадцатилѣтніе мальчики также принимали участіе въ стрѣльбѣ. Но какъ далеки были эти подвиги отъ хвастливаго преданія, которое сами Тунгусы считали дѣйствительнымъ фактомъ. Мнѣ показывали посеребренный поясъ, перешедшій къ теперешнему его владѣльцу отъ дѣда. Послѣдній былъ вызванъ въ Петербургъ къ Императрицѣ, которая приказала прикрѣпить монету къ шпилю церковной башни. Тунгусъ попалъ въ монету и получилъ поясъ на память отъ Императрицы.

За стрѣльбою въ цѣль послѣдовалъ балъ. Если уже Самоѣды при этомъ дохлопотались до поту, дѣйствуя спокойно и по-видимому разгорячаясь только отъ усиленнаго дѣйствія внутренняго напряженія, то въ Тунгусахъ окончательно разразилось плясовое бѣшенство энтузіастовъ. Сначала образовался маленькій кружокъ, въ перемежку изъ мущинъ и женщинъ, въ томъ числѣ и совершенныхъ старухъ, какъ попало, безъ замѣтнаго вліянія половыхъ отношеній. Схватились за руки и началась безискусственная пляска, заключавшаяся въ передвиженіи ногъ въ сторону. Вскорѣ однакоже круговая пляска стала оживляться, движенія обратились въ прыжки и скачки, все тѣло покачивалось, лица разгорались, восклицанія становились все восторженнѣе, одинъ старался перекричать другого; сбросили полушубочки, сбросили набедренники. Въ заключеніе всѣхъ обуяло бѣшенство. Нѣкоторые еще пытаются противиться, но вотъ уже и у нихъ голова незамѣтно начинаетъ покачиваться то вправо, то влѣво, подъ тактъ, и вдругъ такой зритель, какъ будто прорвавъ твердый оплотъ, вторгается въ кругъ пляшущихъ. Все отрывочнѣе, все шумнѣе становятся движенія, да напѣвъ восклицаній: hurjá, hurjá—hūgoj, hūgoj—hōgyj, hōgyj—hūmgoj, hūmgoj—hākä, hākä—ähandō, ähandō—härga, härga. Наконецъ весь кругъ разстраивается только вслѣдствіе крайнего утомленія; ноги и голоса не дѣйствуютъ болѣе.

Демонская сила пляски на морскомъ прибрежьѣ увлекла даже глядѣвшихъ на нее неуклюжихъ Гиляковъ, отъ головы до ногъ закутанныхъ въ тяжелыя собачьи шубы. Поглазѣвъ нѣсколько времени, они, какъ медвѣди, ринулись въ кругъ и, обнаживъ волосатыя верхнія части своего тѣла, вскорѣ спустили верхнюю часть мохнатой шубы на поясъ.

За пляской послѣдовалъ чай съ пуншемъ; къ стыду нашихъ большихъ баловъ я долженъ замѣтить, что тѣ же самые Тунгусы, какъ бы преобразившись, соблюдали самое сдержанное приличіе. Ни малѣйшей необузданности, никто не хваталъ раньше другого, всѣ пили умѣренно, соображаясь съ тѣмъ, чтобы никто не остался въ накладѣ.

Затѣмъ, совершенно иначе, чѣмъ у нѣмыхъ Самоѣдовъ, настала очередь и рѣчамъ, напомнившимъ мнѣ опять наши европейскія краснорѣчивыя націи и теперешнія красно- и многорѣчивыя времена. Рѣчи приняли высокій полетъ. Когда я, съ своей стороны, въ прощальной рѣчи указалъ на то, что эта страна несмѣтно богата всѣмъ необходимымъ для Тунгуса, и что только по собственной винѣ они могутъ задолжать, терпѣть нужду, или даже умирать съ голоду, вмѣсто того, чтобы быть пребогатыми, то всѣ громогласно согласились, что я совершенно правъ. Tout comme chez nous.

Выше я замѣтилъ, что страсть Тунгусовъ къ удовольствіямъ причиняла мнѣ не мало горя. Вотъ какъ это было.

У беззаботныхъ Тунгусовъ торговля сложилась иначе, чѣмъ у Самоѣдовъ. Благодаря содѣйствію чрезвычайно ловкихъ Якутовъ, охотниковъ поторговать, въ горахъ, въ разныхъ мѣстахъ образовались регулярно повторяющіяся въ извѣстныя времена сходки, вслѣдствіе которыхъ такія пустынныя мѣста по временамъ превращаются въ торговые пункты. Мы находимъ тамъ первые зачатки нашихъ ярмарокъ, потому что является конкурренція, которую торговцы стараются составлять другъ другу. Такъ какъ не можетъ быть рѣчи объ опредѣленныхъ дняхъ сходки и въ означенныхъ мѣстахъ приходится оставаться довольно долго, то вскорѣ строится также нѣсколько юртъ, въ которыхъ торговцы располагаются съ своимъ товаромъ. Затѣмъ является туда и Тунгуска съ своими якуто-тунгусскими дѣтьми (срав. стр. 630). Въ главѣ о Якутахъ мы вернемся опять къ этимъ торговцамъ, а тутъ замѣтимъ только, что такіе торговые пункты весьма естественно возникаютъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ происходитъ самая большая ловля пушныхъ звѣрей, хотя бы это было очень далеко, среди ужаснѣйшей глуши.

Отсюда-то проистекаетъ пріятная привычка вѣтренниковъ, въ теченіе послѣдней трети года странствовать сообща отъ одного торговаго пункта до другого, расходясь коегдѣ по пути, чтобы мимоходомъ заняться ловомъ. Затѣмъ вскорѣ опять сходятся. Такое странствованіе сообща представляетъ непрерывные легкомысленные кутежи, на которые всякій, у кого есть что-нибудь, долженъ вносить свою долю до тѣхъ поръ, пока у него ничего больше не останется; никто не оставляетъ компаніи до тѣхъ поръ, пока весь запасъ не истощится. При такомъ коммунистическомъ хлѣбосольствѣ горьше всѣхъ приходится солидному европейскому путешественнику, экономно разсчитавшему и распредѣлившему все для себя и для спутниковъ своихъ по недѣлямъ и днямъ, по фунтамъ и лотамъ. Гостепріимный обычай Тунгусовъ похожъ на священнодѣйствіе, а кто, даже въ Европѣ, сталъ бы поступать на перекоръ ему, хотя бы это было самое безсмысленное суевѣріе. Попробуйте-ка въ хорошемъ англійскомъ обществѣ поступить не gentlemanlike, напр. въ отношеніи бѣлаго цвѣта галстука, или держанія вилки и т. п. Въ пустыни же европеецъ зависитъ отъ дикаря. Тутъ я могу присовѣтовать только одно: съ самаго начала раздѣлить всѣ запасы по порціямъ, уложить ихъ отдѣльно въ разные мѣшки и по-іезуитски, какъ этого требуетъ культъ, по веселомъ окончаніи вскрытаго мѣшка, опустошеніе котораго разгоняетъ всѣхъ гостей, на дальнѣйшемъ пути снова приняться за бережливое расходованіе другаго.

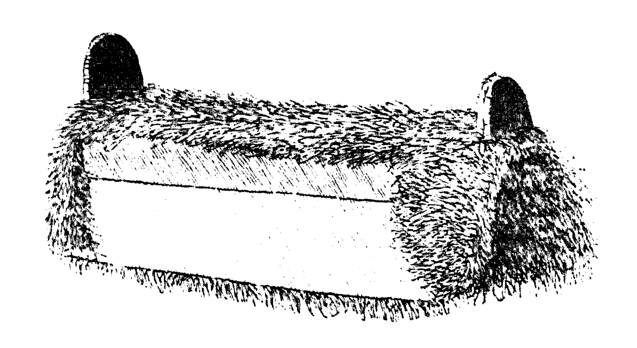
Извлекаю изъ дневника моего нѣсколько пояснительныхъ данныхъ. Сдѣлать предварительный разсчетъ, записалъ я, невозможно, потому что никогда не знаешь, сколько будетъ гостей. Вотъ отчего въ пустыняхъ и приходится такъ много голодать. Нашъ спутникъ, З а х а р ъ, сдѣлалъ находку, поймавъ сбѣжавшую лошадь; едва успѣли ее зарѣзать, какъ на пиръ явились другіе Тунгусы; на слѣдующій день отъ нея не осталось уже ни одного кусочка. Когда я купилъ лошадь, то и со мною случилось тоже самое. На Т у г у р ѣ явился купеческій прикащикъ; онъ прожилъ двѣ недѣли на счетъ Тун-

гусовъ. Тунгусскій старшина Аѳанасій присоединился къ намъ. Весь его запасъ заключался въ полулянкѣ сѣв. оленя. Я сталъ возставать противъ этого дикаго обычая; неизбѣжнымъ слѣдствіемъ этого было то, что вожакъ моего каравана, Ваньчá, сталъ кормить его изъ запасовъ владѣльца сѣв. оленей, своего хозяина. Затѣмъ пристали еще два Тунгуса, Константинъ и Прокопій, у которыхъ всего было по нѣскольку сушеныхъ рыбъ. Они насѣли на Гиляковъ и отправились на Дьелотикитъ, чтобы посѣтить рыбачившихъ Тунгусовъ, набить себѣ пузо, да забрать себѣ кое-что на обратный путь къ намъ. Хотя уже всѣ они ежедневно питались нашимъ чаемъ и нашими сухарями, которыми очевидно нельзя было не угощать ихъ, но вскорѣ намъ пришлось все-таки допустить къ нашей трапезѣ еще 3 Тунгусовъ и 4 Гиляковъ. Вслѣдствіе такихъ странствующихъ посѣтителей лавина по временамъ наростаетъ на 4 — 6 и даже до 11 душъ или собственно желудковъ. У насъ гости; у вожака свои. Вскорѣ у вожака истощаются нѣкоторыя принадлежности его запасовъ. Стоило ли уговариваться, что онъ самъ долженъ кормить и себя и своихъ погонщиковъ сѣв. оленей: мнѣ приходится многое удѣлять ему, а самому довольствоваться уменьшенными порціями.

Мы снимаемся съ мѣста. Да, но отъ этого намъ не лучше, потому что вся компанія провожаетъ насъ: она идетъ съ нами. Страшная стужа. Къ нашимъ 40 сѣв. оленямъ прибавилось еще 40 другихъ. Начинается суматоха. Впереди женщины съ развѣвающимися косами, серебряными поясами, разнаго рода привѣсками, съ обнаженными или вложенными въ ножны медвѣжьими рогатинами. Сбоку пристегнута люлька, плотно обвязанная мѣхами, подъ которыми тихохонько дремлетъ грудной ребенокъ. За матерью слѣдуетъ пятилѣтній мальчуганъ, составляющій добавокъ къ клади и сидящій сверху на сѣв. оленѣ. Онъ на видъ не столько высокъ, сколько широкъ. Шуба его мѣшаетъ ему опустить руки; онѣ растопырены горизонтально, точь въ точь какъ у огороднаго чучела. Рукава его кабарговой шубы зашиты въ видѣ обрубковъ и только прорѣха съ боку позволяетъ просунуть руку. Шапка оставляла бы небольшую часть лица раскрытой, если бы и эта часть не была припрятана за бѣличье боа.

У другой бездѣтной женщины позади на сѣдлѣ забавный на видъ снарядъ: это тунгусскіе щипцы, домашній приборъ, безъ котораго никакъ нельзя обойтись.

Другія женщины еще укладываются; даже дѣти усердно таскаютъ свернутую бересту [2]), между тѣмъ какъ мущины не заботятся о такомъ бабьемъ дѣлѣ и почти въ лѣтнихъ нарядахъ, сгорбивъ спину, такъ что косички далеко оттопыриваются, сидятъ на корточкахъ передъ огнемъ. Одинъ осматриваетъ, хороша ли его медвѣжья

Женское сѣдло [1]).

[1]) Срав. стр. 500.

[2]) Tinsy, стѣны шалаша.

рогатина, и ею скоблить себѣ зубъ. Мальчики лѣтъ 6—8 играють съ собаками; съ оленьимъ шестомъ въ рукѣ, они садятся затѣмъ на годовалыхъ или двухгодовалыхъ оленятъ. Везутся лыжи, самострѣлы, ружья и т. д., наваленныя на вьючныя сѣдла. Проѣзжаетъ также, въ видѣ добавленія къ поклажѣ, собака, привязанная на сѣв. оленѣ на сѣдлѣ. Слѣдуетъ верхомъ старикъ Тунгусъ. Всѣ эти сѣв. олени разряженные проходятъ мимо насъ; за ними бѣгутъ свободно, съ сиплымъ хрипомъ, почти хрюкая, нѣсколько оленятъ, которые безпокойно скачуть то туда, то сюда «Hrau, hraй», зовутъ впереди женщины и, желая приманить ихъ, стараются по возможности лучше подделаться подъ голосъ смолкшихъ оленицъ, на которыхъ сами сидятъ.

«Каӣ, каӣ», кричатъ погоняя мужчины, которые, держа въ рукѣ медвѣжью рогатину, большею частью ведутъ на поводѣ своихъ собакъ и пѣшкомъ плетутся позади. Немилосердыми толчками они погоняютъ своихъ чрезъ глубокій снѣгъ, проносясь мимо отстающихъ, потому что при этомъ они считаютъ себя точно такими-же молодцами, какъ у насъ человѣкъ, несущійся въ щегольскомъ экипажѣ.

Впрочемъ, эта непрошеная компанія все-таки была чрезвычайно интересна, а именно ее составляли: 1 — 4) Гиляки, идущіе съ нами недалеко, для осмотра силковъ въ прибрежныхъ горахъ; 5—6) Тунгусъ съ сыномъ, отправляющійся за высокія горы къ дальнимъ верховьямъ Силимджи; 7—8) Тунгусъ съ сестрой, хотя и собирающійся идти въ совершенно противоположномъ направленіи, но, ради пріятной компаніи, не дорожащій потерею нѣсколькихъ дней и совершеніемъ лишняго пути; 9) старикъ Тунгусъ, который доселѣ проводилъ зимы на Амгуни, т. е. въ Китайскихъ краяхъ, но узнавъ, что мать его захворала, отправляется къ ней, къ верховьямъ Торома; 10) Тунгусскій старшина, занимавшійся ловлею тюленей и теперь собирающійся сначала еще половить рыбу въ мѣстечкѣ Хамбыканѣ (на р. Амгуни), а потомъ двинуться на ловлю соболей къ верховьямъ этой рѣки; 11 и 12) Маинскій Тунгусъ, прибывшій изъ новой гавани Аяна, съ интересными извѣстіями объ адмиралѣ Завойкѣ и собирающійся съ товарищемъ также на Амгунь за соболями, которыхъ у него на родинѣ нѣтъ; наконецъ 13) Якутъ Сергѣй Соловьевъ, пользующійся почетомъ торговецъ. Вотъ весь комплектъ гостей, идущихъ съ нами часть пути. Впослѣдствіи сцена неоднократно мѣняется и мы проходимъ большія пространства, на которыхъ нѣсколько недѣль сряду не набредешь на слѣдъ человѣка. Наконецъ потребность собрать свѣдѣнія, необходимыя для оріентированія, становится такъ велика, что мы 6 дней сряду идемъ по слѣдамъ Тунгуса, какъ по слѣдамъ звѣря въ степи, пока намъ удается настигнуть его.

Упомянутые гости были непрошены. Но не слѣдуетъ думать, что они безъ дальнѣйшаго брали все, что̀ имъ вздумалось. Это весьма приличный и благонравный людъ. Тунгусъ влѣзаетъ въ чумъ и располагается у огня; это само собою разумѣется. Онъ у перваго встрѣчнаго беретъ трубку изо рта (стр. 703); это также весьма понятно точно такъ, какъ у насъ принято предлагать чужимъ свою табакерку или папиросницу. Этимъ они и довольствуются. Но за тѣмъ приличіе и обычай требуютъ, чтобы гостю предло-

жили отвѣдать, и тогда только онъ начинаетъ кушать. Къ счастію они умѣренны въ ѣдѣ; намъ нужно было болѣе для своего содержанія. При всемъ томъ они разсказали мнѣ, съ явнымъ самодовольствомъ, про одного изъ своихъ хорошихъ охотниковъ, нынѣ уже покойника, что онъ, не переставая, т. е. въ одинъ присѣстъ или въ одинъ обѣдъ, съѣдалъ трехлѣтняго медвѣдя, либо двухгодоваго дикаго сѣв. оленя. Тогда котелъ на огнѣ бывалъ обставленъ одними вертелами.

Весельчаки такъ беззаботны, что ни старикъ Тунгусъ, у котораго все-таки было восемь сѣв. оленей, ни жена его, съ взрослымъ сыномъ и дочерью да еще двумя маленькими дѣтьми, не забрали съ собою ни одной рыбы, а шли съ нами, полагаясь на запасы и хлѣбосольство вожака моего каравана. Двѣ изъ его оленицъ снабжали дѣтей молокомъ. Въ крайнемъ случаѣ онъ принимается за небольшое количество своихъ сѣв. оленей.

Пока есть возможность предположить, что у кого-нибудь еще найдутся запасы, только съ трудомъ можно убѣдить этотъ беззаботный людъ заняться охотою. Упомянутаго старика Тунгуса нельзя было уговорить, чтобы онъ разставлялъ сѣть нашу болѣе одного раза въ день. Мы проходили мимо утокъ, даже тетеревовъ, но провожавшая насъ компанія считала слишкомъ затруднительнымъ подкрадываться къ нимъ, имѣя въ виду наши мѣшки съ запасами. За этою лѣнью, повидимому, крылась боязнь, что они могутъ прозѣвать нашъ чай; по крайней мѣрѣ мнѣ привелось видѣть, что они не заботились спутать уже согнанныхъ сѣв. оленей, а полѣзли въ шалашъ за чаемъ, предоставивъ сѣв. оленямъ возможность разбѣжаться въ разныя стороны. Другой изъ-за чая не поздоровался со своимъ семействомъ, съ которымъ онъ встрѣтился у насъ послѣ мѣсячнаго отсутствія. Кромѣ того, пользуясь гостепріимствомъ, они не имѣютъ ни малѣйшаго желанія показать, что они считаютъ себя обязанными, такъ что угощаемые нами не помогали намъ (развѣ только, что на нихъ находила охота) ни рубить дрова, ни навьючивать поклажу, ни строить плотъ и т. п. Такимъ-же образомъ мнѣ привелось видѣть, что сестра, усерднѣйшимъ образомъ принимавшая участіе въ устройствѣ чума, спокойно глядѣла, какъ братъ рылъ яму для храненія запасовъ. Это была не ея работа, это до нея не относилось. Такое строгое распредѣленіе труда свойственно всѣмъ первобытнымъ людямъ, и никакія соображенія о благодарности не въ состояніи измѣнить эти порядки (срав. стр. 646).

При подобныхъ обстоятельствахъ случайная добыча часто должна выручать изъ бѣды. Такого рода добыча кстати познакомила меня съ установленными обычаемъ законами этого охотничьяго народа относительно права пользоваться долею (сравн. стр. 652 и 679).

Моя тунгусская собака Уорчакъ остановила лося. Мы подкрались къ нему и я застрѣлилъ его; только что мы успѣли разрѣзать его, какъ явился Тунгусъ и заявилъ свои права на добычу, утверждая, что раненный его самострѣломъ лось, за которымъ онъ гнался, очевидно долженъ быть этотъ самый. Надрѣзъ въ шкурѣ былъ подозрѣваемъ за рану, произведенную стрѣлой. Долго продолжался дальнѣйшій осмотръ шкуры и мяса; упорно,

но спокойно и съ величайшимъ приличіемъ, предъявлялись и взвѣшивались въ этомъ спорномъ вопросѣ доводы и возраженія. Со стыдомъ я припоминалъ иные охотничьи споры въ Европѣ. Такъ какъ въ мнимой ранѣ отъ стрѣлы не оказывалось необходимаго подтека крови, то претендентъ былъ устраненъ. Въ заключеніе на другой день при осмотрѣ слѣда оказалось, что нашъ лось пришелъ издалека: тогда Ваньча, вожакъ моего каравана, распредѣлилъ лося, согласно обычаю, слѣдующимъ образомъ: одну половину назначили мнѣ, признавъ возможнымъ, что справедливыя права свои я могу передать моимъ людямъ; другую половину получилъ Тунгусъ, странствовавшій съ нами уже нѣсколько дней, а именно: 1) какъ спутникъ, 2) какъ старшій между нами, и 3) какъ отецъ большого семейства, которое все шло съ нами.

Подъ половиной разумѣлись: 1) полшкуры [1]; 2) половина грудной части и 3) половина спиннаго куска [2]; 4) полголовы; 5) ползатылка; 6) половина крестцовыхъ и хвостовыхъ позвонковъ; 7—12) половина сердца, легкихъ, печени и крови, почекъ и кишечнаго жира.

Другой Тунгусъ, еще старше предыдущаго, но не принадлежавшій къ нашей компаніи, а случайно пришедшій къ раздѣлу, получилъ зашеекъ и одну ногу со шкурой къ этой ногѣ. Панданъ къ нему достался другому Тунгусу съ сыномъ. Вожакъ моего каравана съ товарищами и два погонщика нашихъ сѣв. оленей получили каждый ляшку съ ногой.

Позвонки были разобраны по одиночкѣ и распредѣлены поровну между всѣми, при чемъ самые средніе четыре поясничныхъ позвонка считались лакомствомъ, а послѣдній посмѣшищемъ судьбы. Кровь слили и хранили въ желудкѣ; внутренности тотчасъ-же отправились въ котелъ. Черепъ и копыта развѣшены были въ видѣ трофеевъ на мѣстѣ раздѣла. Въ нагорныхъ лѣсахъ мы нерѣдко встрѣчали гнѣздоподобные столы изъ хвороста, устроенные между двумя деревьями, близко стоящими одно возлѣ другаго или на вилообразныхъ шестахъ, и обставленные черепами и когтями медвѣдей, лосей и сѣв. оленей [3]).

На этомъ обычаѣ дѣлить добычу основано право всякаго, кто находитъ въ тунгусскихъ самострѣлахъ или ловушкахъ убитаго звѣря, брать безъ малѣйшаго опасенія сколько ему нужно, до половины всего животнаго. Шкуру же и голову онъ обязанъ оставить на мѣстѣ, и вмѣстѣ съ оставшимся мясомъ тщательно укрыть отъ хищныхъ звѣрей. Если же онъ по необходимости присвоитъ себѣ все мясо, то расчеты предъявляются только въ такомъ случаѣ, когда законный хозяинъ вслѣдствіе этого самъ попалъ въ бѣду и долженъ былъ заколоть своего собственнаго сѣв. оленя.

Съ кабаргой поступаютъ иначе. Она не подлежитъ распредѣленію на доли. Ее

---

[1]) Шкуры съ ногъ только зимою составляютъ нераздѣльную часть всей шкуры; относительно сѣв. оленя это постоянное правило, потому что шкура его не подлежитъ раздѣлу на двѣ части.

[2]) Ребра отдѣляются отъ позвоночнаго столба.

[3]) Dölkön у Кангаласцевъ; Gilik у Инкагировъ.

*

можно взять только въ случаѣ крайней нужды, но оставивъ голову и переднія ноги, иначе на будущее время ловъ не удастся, какъ и тогда, когда будетъ взятъ соболь. Если кто по необходимости долженъ былъ взять ее, то при первомъ-же свиданіи съ хозяиномъ ея, онъ говоритъ ему уже издалека: я взялъ твою кабаргу. Этого требуетъ обычай, котораго строго придерживаются.

Всѣ, въ особенности мой половинщикъ, торжественно благодарили меня за мой «таланъ». Что̀ означало это выраженіе: талантъ или счастіе? Но много ли проку было для моего половинщика въ его счастьѣ? По доброму тунгусскому обычаю онъ тотчасъ-же долженъ былъ отдать голову и шею на пирушку, къ которой пригласили и меня, тѣмъ болѣе, что вожакъ моего каравана принималъ живѣйшее участіе въ приготовленіи и снаряженіи пира. Усѣлись въ кружокъ и передъ каждымъ (маленькій тунгусскій мальчикъ также принялъ участіе въ пирушкѣ) разостлали въ видѣ скатерти сѣдельную попону сѣв. оленя (кумала́нъ). Сначала подали котелъ съ густой горячей кашей, состоявшей изъ раскрошеннаго на мелкіе кусочки мяса, которое жарилось въ мозгу и кишечномъ жирѣ. Котелъ обошелъ весь кружокъ, каждый бралъ полную ложку и передавалъ котелъ сосѣду. Опять соблюдалось высшее приличіе, съ спокойнымъ выжиданіемъ очереди. За кашею послѣдовали куски мяса разнаго рода, которые усердно поѣдались. Меня отличили тѣмъ, что мнѣ дали самые лакомые кусочки, какъ то: жиръ отъ грудной кости, мозгъ изъ костей (въ сыромъ видѣ Tschănga) и языкъ. И старикамъ, то туда, то сюда, раздавались лакомые кусочки. Если кто не могъ съѣсть все, данное ему распорядителемъ пира, что̀ бы то ни было, то онъ бралъ остатки съ собою, для жены и дѣтей, точно такъ какъ уже прежде это дѣлали Тунгусы и Гиляки съ нашими сухарями и съ чаемъ. Самый счастливый ловъ очень скоро прибирается и нѣтъ ничего характеристичнѣе отвѣта на вопросъ: хорошо ли было тамъ-то или тамъ-то тому или другому лицу. Тунгусъ отвѣчаетъ на этотъ вопросъ примѣрно такъ: «мы съѣли тамъ четырехъ лосей».

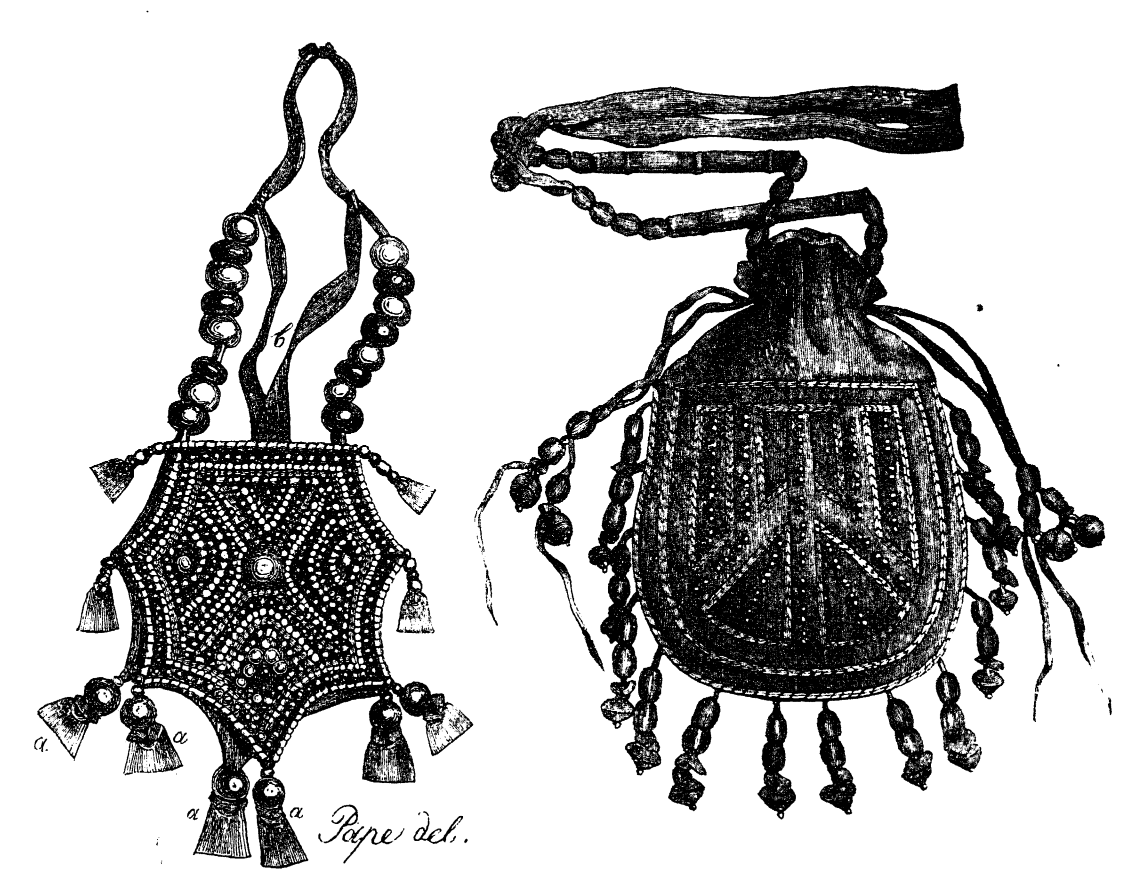
Тунгуса нельзя лучше угостить, какъ жиромъ, и за тѣмъ мукою. По этому мука, поджаренная на жирѣ или маслѣ, т. е. извѣстный по всей Сибири салама́тъ, такая божественная пища, съ которою ничто не можетъ сравниться.

Заговоривъ о кушаньяхъ, считаю еще нелишнимъ замѣтить, что мясо большихъ животныхъ разрѣзается на длинныя полоски въ палецъ толщины, которыя весною натыкаются на колышки и сушатся на солнцѣ, а во время появленія мухъ вѣшаются въ дымъ [1]). За тѣмъ еще считаю нужнымъ упомянуть, что меня угощали брусникой, которую хорошая тунгусская хозяйка растираетъ съ икрой въ тѣсто и въ такомъ видѣ хранитъ на зиму. Точно также растираются ягоды черемухи; добытое изъ нихъ тѣсто мѣшаютъ съ небольшимъ количествомъ масла, сплющиваютъ въ тарелкообразныя лепешки и сушатъ передъ огнемъ на жесткихъ, сложенныхъ въ рѣшетку, травахъ. Заморажи-

[1]) Такое сушеное мясо называется у Кангаласцевъ: oljonko, у Учурскихъ Тунгусовъ: hulüktȫ.

ваютъ также черемуховую кашу, разведенную на молокѣ сѣв. оленицы. Такимъ образомъ прекрасно сохраняется пріятный вкусъ синильной кислоты [1]).

Чтобы исчерпать немногое, отмѣченное мною въ дневникѣ относительно тунгусскихъ женщинъ, я замѣчу тутъ, что южные Тунгусы, хотя женами своими и обшиваются въ обтяжку и щегольски, но далеко не бываютъ такъ нарядны, какъ Тунгусы на Нижней Тунгускѣ (см. стр. 702 и 703), которые очевидно самые большіе щеголи. Не смотря на всѣ сходки, я встрѣчалъ мужчинъ только въ обыденной одеждѣ, что однакоже не исключало щегольскихъ принадлежностей, въ родѣ купленныхъ мною тамъ кисетовъ (см. прилагаемый рисунокъ), густо покрытыхъ разноцвѣтными бусами.

Кисеты южныхъ Тунгусовъ.

У кисета, изображеннаго съ лѣвой стороны, особаго рода покрой, такъ что собственно маленькій, незамѣтный тутъ, мѣшокъ виситъ на обоихъ, показанныхъ на

[1]) Тщетно я разспрашивалъ объ упомянутомъ у Георги обыкновеніи ѣсть дѣтскій послѣдъ вареным и жаренымъ. Оба названія, равно какъ слово Danira, были совершенно неизвѣстны. Но поминочная ѣда Schiturap была еще въ полномъ употребленіи.

рисункѣ, внутреннихъ ремняхъ (b) и, въ случаѣ надобности, вытаскивается внизъ изъ плотной, шитой оболочки.

Но я очень удивился, когда увидѣлъ, что не только женщины, но и мужчины, отправляясь въ путь, надѣвали замшевыя перчатки [1]). Повидимому, это означало высшую степень щегольства. Въ самомъ дѣлѣ эти перчатки были такъ ловко сшиты и украшены шелковыми узорами по швамъ, что въ качествѣ дорожныхъ перчатокъ онѣ и у насъ удостоились бы вниманія.

Сильно разряжены были женщины, а въ особенности дѣвушки, тѣмъ болѣе, что онѣ уже употребляли сукна. Красныя юбки были обшиты широкими синими каемками, которыя и сзади охватывали высоко заходившую кверху прорѣху, составляющую отличіе народа, ѣздящаго верхомъ. Если юбки были другаго цвѣта, то онѣ по крайней мѣрѣ были обшиты красными каймами. У тѣхъ, которыя были по богаче и находились въ сношеніяхъ съ китайскими пограничными народами, вмѣсто каемокъ были выпушки, шитыя желтымъ или зеленымъ шелкомъ. Вообще, вслѣдствіе различныхъ соприкосновеній съ разными пограничными сосѣдями, Тунгусы очевидно утеряли свой первоначальный національный костюмъ и усвоили себѣ все, что имъ казалось красивымъ. Гдѣ не преобладало сосѣдство Китая, тамъ вездѣ якутскіе торговцы распространили свои узоры. Такъ напр. изображенную тутъ Тунгуску по наряду нельзя отличить отъ Якутки. Особеннаго вниманія заслуживаетъ шапка, на которой, по красному сукну, серебряными нитками, вышиты пальмовыя листья, а рядомъ съ этимъ тропическимъ миѳомъ основаніемъ шапки послужилъ родной рысь, роскошной опушкой ея россомаха. Да и широкій мѣдный посеребренный поясъ, съ узорчатымъ серебрянымъ ожерельемъ [2]) въ два пальца толщиною, очевидно якутскаго происхожденія. При стужѣ его замѣняетъ боа изъ бѣличьихъ хвостовъ, которое носятъ и мужчины и женщины, обвивая его либо вокругъ шеи, либо вокругъ лба. На совершенно полное боа идетъ сотня бѣличьихъ хвостовъ [3]).

Тунгуска въ якутскомъ костюмѣ.

Большую роль играетъ украшеніе для косы, которое бываетъ или въ родѣ якутскаго (см. табл. XV, рис. 3 нѣм. изд.), или повидимому чисто-тунгусское, состоящее изъ серебрянаго либо посеребреннаго трубчатаго футляра. Затѣмъ слѣдуютъ серьги; изъ нихъ значащіяся на прилагаемомъ рисункѣ съ лѣвой стороны по формѣ сходны съ якутскими; показанныя справа состоятъ изъ се

[1]) Tarbak, для отличія отъ рукавицъ kokoldro срав. рисунокъ на стр. 646).

[2]) Стоитъ 10 рублей.

[3]) Въ такомъ случаѣ оно стоитъ 5 рублей.

ребряной проволоки съ двумя большими стеклянными бусами и кажутся мнѣ чисто тунгусскими. Кромѣ того женщина обвѣшена кистями, мѣховыми украшеніями и разными предметами убранства, какъ то: игольникомъ, сѣрной коробкой, серебряной цѣпочкой отъ трубки и т. д. Страстишка Тунгусокъ по этой части доходитъ до того, что онѣ даже сѣв. оленямъ продѣваютъ въ уши нитки, на которыя навѣшиваютъ шелковыя кисти. О сношеніяхъ съ китайскими Тунгусами свидѣтельствуютъ китайскія монеты на одеждѣ, привѣски по краямъ юбки и т. п.

Мнѣ вообще казалось, что южныя Тунгуски, должно быть, эгоистичнѣе Самоѣдокъ, потому что наряжають только самихъ себя и своихъ оленей, и далеко не хлопочутъ такъ о своихъ мужьяхъ, какъ Самоѣдки. Еще менѣе онѣ заботятся объ убранствѣ своихъ ребятъ, которые большею частью должны довольствоваться обносками и потому часто ходятъ въ лохмотьяхъ, полунагими и оцѣпенѣвшими отъ холода; иначе это и быть не можетъ, потому что напр. волосъ на парѣ изношенныхъ штановъ у хорошаго охотника остается очень мало.

У изголовья Тунгуской люльки вѣшались для успокоенія ребенка погремушки изъ зубовъ сѣв. оленей, соболиныхъ челюстей да козульихъ копытъ. Ребенокъ лежитъ въ люлькѣ всегда на хорошо высушенныхъ древесныхъ опилкахъ, на которыя только зимою кладется мѣхъ. Люльку въ шалашѣ иногда качаютъ; чѣмъ, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, высказывается нѣжная любовь родителей къ дѣтямъ.

Не только при дубленіи кожъ (стр. 643), но и при воспитаніи дѣтей можно замѣтить важное значеніе, которое кочевники придаютъ разрѣшающей и содѣйствующей пищеваренію силѣ слюны. Даже молоко сѣв. оленей кипятилось, бралось матерью въ ротъ и вплевывалось ребенку. Впрочемъ обыкновенно матери кормятъ дѣтей своихъ грудью года три сряду, такъ что нерѣдко сверхъ новорожденнаго являются сосать еще двое старшихъ. Случается даже, что десятилѣтній мальчуганъ, нисколько не конфузясь, высасываетъ у матери остатокъ молока, оставленный младшимъ братомъ.

Однолѣткамъ, для лучшаго прорѣзанія зубовъ, привязывается къ рукѣ кость сѣв. оленя.

Тунгусскій ребенокъ, которому наступаетъ третій годъ, еще совершенно неповоротливъ, хотя сзади къ одеждѣ его и придѣлана кожаная косичка съ привѣской; но мальчикъ, которому еще не было пяти лѣтъ, въ опасномъ мѣстѣ уже умѣлъ крикнуть сѣв. оленю свое «осторожно», даже соскакивалъ съ сѣдла, разумно болталъ, помогалъ. Маленькія дѣвочки уже были разукрашены всевозможными привѣсками и кушаками.

Во время самыхъ сильныхъ морозовъ, при которыхъ ртуть замерзаетъ, Тунгусы не кочуютъ, ради самыхъ маленькихъ дѣтей. Въ случаѣ крайней надобности кочеванія,

черезъ нѣсколько часовъ дѣлается привалъ и разводится большой огонь. На это время они очень дорожатъ срубленнымъ домикомъ. Дѣйствительно, трудно понять, какимъ образомъ крошечныя существа въ состояніи сохранить собственное тепло. Мнѣ привелось видѣть, какъ при самой сильной стужѣ, въ шалашѣ, сквозившемъ какъ рѣшето, брали изъ люльки голаго ребенка, чтобы согрѣть его передъ огнемъ. При этомъ спина бѣднаго существа подвергалась той разницѣ въ температурѣ, съ которой мы ознакомились на стр. 457. Не смотря на это, ребенокъ не хотѣлъ возвращаться въ люльку, изъ которой онъ протягивалъ голыя рученки свои. Лучистая теплота огня въ шалашѣ дѣйствуетъ такъ пріятно, что и для взрослыхъ кочевниковъ нѣтъ лучше удовольствія, какъ сидѣть передъ огнемъ и подвергать дѣйствію его обнаженныя туловище и ноги, прикрывая спину накинутымъ на плечи полушубкомъ. Чувствуешь, какъ съ каждой минутой пропадаютъ бѣдовыя ревматическія боли. Впрочемъ Тунгусы, хотя и они сидятъ, поджавъ подъ себя ноги, далеко не страдаютъ такъ отъ ревматическихъ болей, какъ Самоѣды; очевидно потому, что они много ходятъ. Но боль въ спинѣ и въ крестцѣ появляется вслѣдствіе напряженія силъ при трудной ходьбѣ по глубокому снѣгу.

Иногда мнѣ случалось видѣть, что грудныхъ дѣтей босыхъ, безъ штанишекъ, въ одной только коротенькой юбкѣ, сажали на холодный полъ передъ огнемъ. При этомъ ѣдятъ такое твердое, какъ камень, масло, что оно звенитъ, какъ монета, когда его бросаютъ въ котелъ.

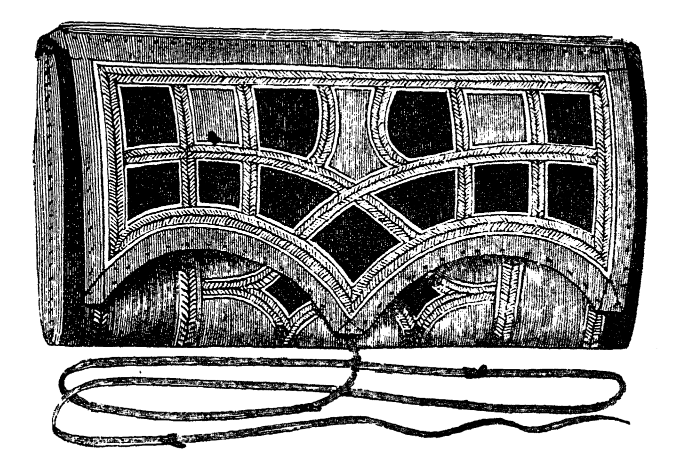
При такихъ климатическихъ и шалашныхъ условіяхъ представьте себѣ повальную корь, какую я засталъ. Изъ 15 лицъ, помѣщавшихся въ чумѣ, большихъ и малыхъ, 12 были больны корью, да еще въ декабрѣ.

Нужно удивляться, какъ человѣческій организмъ выноситъ такія сильныя невзгоды. Нельзя также не удивляться, какъ, не смотря на глядѣніе въ огонь съ ранней молодости, не смотря на часто невыносимый дымъ въ чумѣ, отъ котораго иной тунгускій мальчуганъ реветъ во всю глотку, взрослые хрюкаютъ, а женщины отъ слезъ не могутъ шить, какъ, не смотря на все это, глаза служатъ отлично и до глубокой старости. Если старикъ Тунгусъ жалуется, что «онъ болѣе ничего не видитъ», то это обыкновенно значитъ, что онъ все еще въ состояніи различать предметы несравненно лучше нашего брата. Все-таки гораздо губительнѣе дѣйствуетъ на организмъ вліяніе нашей культурной жизни! Столь-же мало, какъ рысьи глаза Тунгусовъ, страдаетъ и превосходно обоняющій носъ ихъ собакъ, хотя онѣ всегда садятся такъ близко къ огню, что для того, чтобы выдержать дѣйствіе его, поворачиваютъ голову то вправо, то влѣво, и лапой мажутъ себѣ по мордѣ, но при всемъ томъ бѣлая шерсть ихъ, пригорая, становится желтобурою. Отъ снѣжнаго сверканія глаза животныхъ, въ особенности сѣв. оленей, защищаются, какъ бы снѣговыми очками, тѣмъ, что зрачокъ ихъ съуживается въ едва замѣтную щель.

Въ сравненіи съ мотовскими суммами, которыя расточаютъ Тунгусы, цѣны, платимыя ими за женъ, чрезвычайно умѣренны. Тунгусъ, которому было ни по чемъ тутъ

задолжать тысячу рублей, тамъ столько-же считать за другимъ, купилъ себѣ жену за 20 сѣв. оленей. Но за то она принесла ему въ приданое 10 штукъ, да новую одежду и шалашную покрышку изъ замшевыхъ кожъ (Injukan). Такая шалашная покрышка (а на маленькій шалашъ нужны по меньшей мѣрѣ три шкуры) не дешева. Каждую покрышку составляютъ шкуры отъ 5 до 6 годовыхъ или двухгодовыхъ лосятъ, да еще шкура для приставки. Въ мое время подобная покрышка стоила отъ 35 до 40 рублей.

Свертки же изъ бересты (Tiks'a), которыми покрывается лѣтній шалашъ, не имѣютъ значенія. Ихъ берутъ со всего объема березы, т. е. до 3′ ширины, и обшиваютъ кожаными полосками въ три пальца ширины. Въ обработкѣ бересты Тунгусы очень искусны, какъ это доказываетъ изображенный тутъ дорожная сумочка, на которой фигуры были тисненныя.

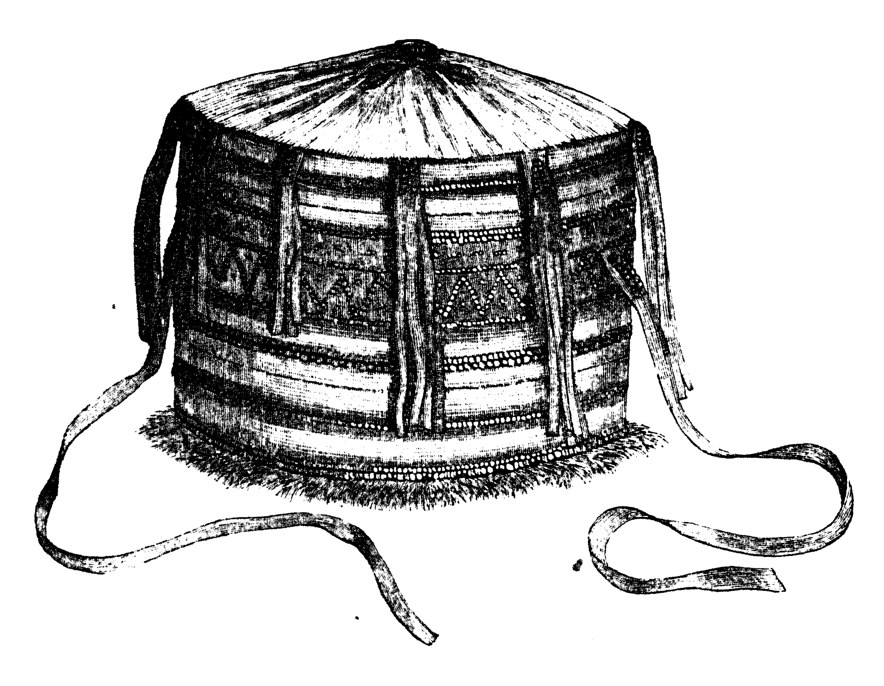

Дорожная сумочка изъ бересты.

Въ соединеніи съ шитьемъ бусами и съ нѣкоторыми узорами, какъ напр. на принадлежавшемъ Тунгускѣ футлярѣ для чайнаго прибора (см. рисунокъ на слѣдующей страницѣ), берестовая подкладка прекрасна.

Но весь такой домашній скарбъ, составляющій приданое невѣсты, не имѣетъ большой цѣнности, и я считаю нужнымъ замѣтить именно, что воздается не одинаковою мѣрою, такъ какъ женихъ не вправѣ обращать вниманіе на то, каковы сѣв. олени, которыхъ ему приноситъ будущая жена. Если не сдѣлано особаго уговора, то, по принятому обычаю, даже оленица, которая скоро должна отелиться, считается за двѣ головы. Отъ жениха же принимаются только отборные сѣв. олени.

Изъ-за средствъ, необходимыхъ для покупки жены, бѣдный парень на Становомъ хребтѣ лишенъ былъ возможности завести свое собственное хозяйство тѣмъ болѣе, что при естественныхъ богатствахъ въ горахъ недостатокъ средствъ для женитьбы почти равнялся неспособности добывать себѣ пропитаніе, и мотовству; съ другой же стороны первобытная честность была еще такъ велика, что похищеніе невѣсты или побѣгъ ея не могли дойти до такихъ размѣровъ, какіе Кастренъ засталъ у Остяковъ. Поэтому упомянутый парень счелъ себя счастливымъ, когда ему представился случай добыть сироту, выросшую у священника въ Удскомъ Острогѣ. Онъ хвалилъ великодушіе послѣдняго, такъ какъ отдѣлался уплатою 5 соболей и 10 половинокъ лосиныхъ шкуръ, но правда долженъ былъ взять жену почти нагую, даже безъ платочка, бѣдную, пребѣд-

Футляръ для чайнаго прибора.

ную. При всемъ томъ онъ и эту жену добылъ себѣ большею частью при помощи долговъ. Дѣло въ томъ, что когда сынъ отдѣляется отъ отцовскаго чума, то онъ уходитъ съ тѣмъ, что ему принесла жена. Только богатые родители надѣляютъ его еще сѣв. оленями.

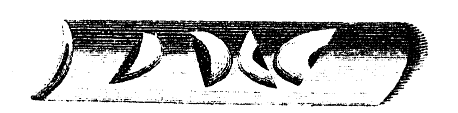
Насъ провожала вдова съ сыномъ и взрослою дочерью. Умри мать, говорили мнѣ, покупную цѣну за дѣвушку получитъ братъ, равно какъ воспитатель ея, который ей не сродникъ.

Возвратимся къ разсмотрѣнію занятій мужчинъ.

Устройство обширныхъ засѣкъ требуетъ много времени и труда. Вечеръ проходитъ въ изготовленіи луковъ и стрѣлъ [1]). Твердое лиственичное дерево сначала обрубается медвѣжьей рогатиной, а потомъ одинаково обдѣлывается ножемъ и скобелемъ. Наконецъ въ видѣ пробы, дерево гнутъ и смотрятъ гдѣ его еще слѣдуетъ подстругать, чтобы оно сгибалось совершенно равномѣрно. На изготовленіе десяти луковъ уходитъ цѣлый день. Если хотятъ, чтобы вещь была сдѣлана поглаже, какъ этого во всякомъ случаѣ требуютъ напр. стрѣла, шомполъ и т. п., то прибѣгаютъ къ изображенной тутъ деревянной «наstругѣ», у которой нижняя плоскость сдѣлана въ видѣ желобка. Вкладывая остріе ножа то въ ту, то въ другую зарубку, и потому захватывая имъ то глубже, то косѣе,

[1]) Желѣзные наконечники стрѣлъ покупались у якутскихъ торговцевъ по полтинѣ за штуку. Поэтому иногда еще употреблялись костяные наконечники.

когда вы проводите наstругу по дереву, которое подлежитъ полировкѣ, вы дѣйствуете какъ стругомъ.

Наструга, по-якутски: Kohák.

Короткій зимній день почти весь уходитъ на освидѣтельствованіе разставленныхъ самострѣловъ, ямъ и ловушекъ, хотя иногда проходятъ недѣли и мѣсяцы, пока засѣка осмотрѣна вся кругомъ. При такихъ задержкахъ уже случалось, что находили разомъ по 10, по 15, даже по 20 животныхъ. Лѣтомъ это не должно случаться, а всѣ мѣста, гдѣ происходитъ ловля, должны быть осматриваемы никакъ не позже, какъ на третій или на четвертый день.

За недостаткомъ времени, въ такихъ мѣстахъ, гдѣ стóитъ устраивать засѣки, рѣдко обращаютъ вниманіе на бѣлку, рѣдко разставляютъ чирканъ (см. стр. 611). Но и кабарги любятъ ходить по обратнымъ слѣдамъ, и потому самострѣлы разставляютъ по ихъ слѣду.

Осмотръ засѣчныхъ проходовъ, съ горы на гору, въ разъединенныхъ, поросшихъ первобытными лѣсами горахъ, покрытыхъ глубокимъ снѣгомъ, тяжелая работа. Поэтому, не смотря на сильную стужу, доходившую до замерзанія ртути, мы встрѣчали иного Тунгуса, одѣтаго въ легкій, спереди открытый, замшевый лѣтній кафтанчикъ. При каждомъ движеніи, подъ отодвигавшимся нагрудникомъ, выглядывало неприкрытое тѣло всего передняго туловища. Человѣкъ, о которомъ я теперь особенно вспоминаю, провелъ такимъ образомъ три ночи въ лѣсу около сильнаго огня. Шкуру для подстилки онъ носилъ при себѣ. Тунгусъ безъ сомнѣнія самый закаленный изъ всѣхъ кочевниковъ. Только лицо оберегается разсмотрѣнною нами на стр. 691 начельною, нащечною и подбородочною повязкою; только плечи защищаетъ Тунгусъ въ холодно-сырую погоду медвѣжьимъ воротникомъ, устраняющимъ промоканіе.
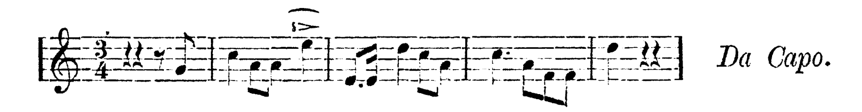
За тѣмъ, при той-же неблагопріятной поверхности почвы, нужно добычу отнести домой, потому что никакихъ санокъ нельзя употребить въ дѣло. Каждому охотнику приходится нести до трехъ кабаргъ. При этомъ голова и ноги отрубаются и укладываются рядомъ, иначе онѣ лежатъ слишкомъ неудобно. Встрѣчаются, говорятъ, Тунгусы, которые на плечѣ несутъ домой до 5 кабаргъ.

Очень трудно и даже опасно охотничье ремесло Тунгусовъ. Потому я и не встрѣчалъ между ними ни одного толстяка. Но дѣятельный образъ жизни сохраняетъ ихъ здоровье до глубокой старости. Со мною цѣлую недѣлю странствовали два Тунгуса, изъ которыхъ у одного, 60 лѣтъ отъ роду, были также сѣдые волоса, что̀ у нихъ составляетъ бо̀льшую рѣдкость. Младшему его сыну шелъ всего третій годъ. Другой Тунгусъ, хотя постарше (говорили, что ему 70 лѣтъ), былъ еще бодръ и крѣпокъ на ногахъ. Отецъ его, которому, какъ говорили, было сто лѣтъ, жилъ еще и года два тому назадъ былъ еще бодръ, пока наконецъ ослѣпъ и за тѣмъ поочередно черезъ годъ жилъ у одного изъ своихъ сыновей, удержавъ за собою стадо въ 20 сѣв. оленей, для котораго

нанималъ особую пастушку. Шестидесяти и семидесятилѣтніе старики нерѣдко представлялись мнѣ отцами грудныхъ дѣтей; иногда даже матерью оказывалась первая, уже очень съежившаяся жена. Неоднократно я встрѣчалъ въ живыхъ отъ 7 до 9 дѣтей. Если бы жены не кормили дѣтей грудью по нѣскольку лѣтъ, то приплодъ былъ бы еще многочисленнѣе. Тяжелое взращиваніе дѣтей, въ особенности же періодическое появленіе оспы, кори, краснухи и скарлатины, одолѣвающихъ и старыхъ и молодыхъ, равно какъ тифъ, сильно уничтожаютъ населеніе. Въ мое время повсюду господствовалъ коклюшъ. Въ архивной бумагѣ 1816 года насчитывалось 631 лицо Кангаласкихъ Тунгусовъ, которымъ не была привита оспа. Съ тѣхъ поръ это дѣло врядъ-ли улучшилось [1]).

Распространена была также такъ называемая «Radesyge», хотя первичная сифилитическая зараза занесена была только въ Удской Острогъ ссыльными, въ чумахъ же не была извѣстна. Слѣдовательно въ этомъ отношеніи столь значительная въ то время изолированность этихъ горъ имѣла еще большія преимущества предъ Западною Сибирью. Легкомысленный характеръ Тунгусовъ усилилъ бы зло, подвергшее погибели туземцевъ Западной Сибири.

На стр. 653 была рѣчь о необузданности эротическаго воображенія, оживляющаго тунгусскія пѣсни. Небольшой образчикъ, слышанный мною, помѣщенъ акад. Шифнеромъ въ Кастреновой Tungusische Sprachlehre (въ концѣ). Большая часть текстовъ, впрочемъ, говорятъ, импровизуется. Вотъ записанная мною на мѣстѣ мелодія пѣсни, слышанной на р. Килé:

Другая пѣсня распѣвалась по слѣдующей мелодіи:

Была еще третья мелодія, у которой послѣдній тонъ всегда оканчивался чрезвычайно отрывочно:

Какъ мало Тунгусы способны устоять противъ искушеній, это показываетъ намъ ближайшее разсмотрѣніе ихъ экономическихъ условій. Правда, что искушенія, которымъ

---

[1]) Сомнѣвающихся въ пользѣ оспопрививанія я послалъ бы непривитыми къ кочевникамъ. Тамъ, при первой же эпидеміи, они навсегда избавились бы отъ всякаго сомнѣнія.

подвергается ихъ легкомысліе, слишкомъ велики. По возможно точнымъ свѣдѣніямъ, собраннымъ мною во время пребыванія на Становомъ хребтѣ, оказалось, что въ 1844 году, на принадлежащемъ къ Якутскому краю сѣверномъ скатѣ Становаго пограничнаго хребта, со включеніемъ области прилегающихъ притоковъ р. Силимджи, торговало 25 купцовъ, съ приблизительно 80 прикащиками и полуприкащиками [1]). Товары свои, назначенные для южнаго ската, эти торговцы привозили въ горы на примѣрно 700 сѣв. оленяхъ. Изъ нихъ приводилось до 300 головъ, для продажи Тунгусамъ въ качествѣ вьючныхъ животныхъ, и между ними находилось отъ 50 до 100 болѣе дорогихъ сѣв. оленей (Ламскихъ [2])), изъ Алданскихъ горъ; прочіе получались съ Вилюя. Остальные 400 частью закалывались торговцами, частью служили имъ для возвращенія въ Якутскъ. На каждые 3 шалаша я насчитывалъ по торговцу.

Кромѣ сѣв. оленей въ горы приводились и лошади. На пути туда онѣ дѣйствительно служили вьючными животными, но до осени почти всѣ тамъ откармливались [3]) и потомъ продавались на убой, потому что у Тунгусовъ онѣ считаются самымъ лакомымъ мясомъ, которое предпочитается всякому другому мясу. Осенью 1844 года изъ вьючныхъ лошадей, отправленныхъ изъ Якутска въ Удской Острогъ, проданы были: часть въ Удскомъ, 10 вверхъ по Галламу, 10 вверхъ по Чонгару (притоку р. Уди), 15 на Инкань, въ верховьяхъ р. Силимджи, а нѣсколько штукъ погнали къ Тугуру и тамъ продали Тунгусамъ на убой [4]). Къ этимъ лошадямъ нужно еще прибавить неопредѣленное, но незначительное, число лошадей, которыя оставлены были въ горахъ китайскими Даурцами, приходящими съ юга.

Эти вьючныя животныя подвозили Тунгусамъ масло, жиръ, муку, чай, сахаръ, табакъ, порохъ и свинецъ, ружья, ружейные замки, котлы, сковороды, медвѣжьи рогатины, ножи, топоры и т. п.

Этимъ однакоже нисколько не исчерпанъ перечень подвозимыхъ съѣстныхъ припасовъ. Съ юга тѣ-же Даурцы, подобно Якутамъ, привозятъ топленое масло [5]), но и само-

---

[1]) Кромѣ этихъ купцовъ, около ста другихъ Тунгусскихъ торговцевъ отправилось по разнымъ, не относящимся къ нашему вопросу направленіямъ, отыскивая Тунгусовъ.

[2]) Для пополненія сказаннаго о Ламскихъ сѣв. оленяхъ на стр. 514, сообщаю тутъ слѣдующее сопоставленіе размѣровъ ихъ. Ламскій сѣв. олень имѣлъ въ холкѣ $48\frac{1}{2}$, въ крестцѣ $45\frac{1}{2}$ дюйма; Вилюйскій сѣв. олень $42\frac{1}{2}$ и $41\frac{1}{2}$ дюйм. Кромѣ разницы въ величинѣ, этимъ указывается на болѣе косое направленіе спинной линіи Ламскаго сѣв. оленя, у котораго холка поднимается выше.

[3]) И тутъ также лошади быстро разжирѣли не отъ сочныхъ горныхъ травъ, а опять таки отъ знаменитаго хвоща сибиктэ (срав. стр. 536, примѣч. 1-е). Особенно хорошими хвощевыми полями славились горныя рѣчки Орчій, Хатаннахъ, Кысайканъ (притокъ р. Шивили) и Оттукъ, равно какъ Бейтюмъ, притокъ Галлана.

[4]) Три года передъ тѣмъ число проданныхъ лошадей было гораздо значительнѣе. Поближе къ мѣстамъ пребыванія Якутовъ еще гораздо больше лошадей попадается подъ ножъ Тунгусовъ. Каждая лошадь разрѣзается на 6 частей и каждая шестая доля, смотря по состоянію откормки, стоитъ отъ 20 до 25 руб. При покупкѣ цѣлой лошади она продается за 100 рублей. — Изъ всего этого видно, какое значеніе можно придать извѣстію, что Тунгусы считаютъ величайшимъ грѣхомъ ѣсть конину (см. Вѣстн. Имп. Русск. Геогр. Общ. 1858, III, 22, стр. 150).

[5]) Примѣрно литру за соболя. Для масла у Тунгусовъ нѣтъ другаго названія, кромѣ якутскаго (агу) или русскаго.

роженую сметану въ видѣ блинковъ въ палецъ толщины и въ тарелку величины [1]), да свиные окорока [2]). Нѣкоторые китайскіе Бурало-Тунгусы также вымѣниваютъ соболей на товары.

Кромѣ подвоза съ сѣвера и съ юга, уже въ мое время являлся подвозъ съ запада, потому что ежегодно къ такъ называемой Солорнской [3]) сходкѣ пріѣзжало около ста казаковъ.

Со всѣхъ трехъ сторонъ Тунгусамъ подвозилась мука, но никакъ нельзя было узнать, какъ велико потребленіе ея. Повидимому она вообще составляетъ болѣе предметъ роскоши, чѣмъ дѣйствительной потребности питанія, и бо́льшая часть подвозимой муки идетъ вѣроятно на прокормленіе прикащиковъ и погонщиковъ сѣв. оленей.

Главныя сборныя мѣста были: 1) на Темтёнѣ, гдѣ собирались уже въ началѣ Октября, и потомъ вторично весною, со сходомъ снѣга; 2) на Давукытѣ (или Давукакытѣ), въ началѣ Января; 3) на Тикси, въ началѣ Декабря. Впрочемъ тѣ-же самые торговцы посѣщали также ярмарки на Учурѣ (отъ половины Мая до половины Іюня); въ Удскомъ Острогѣ (въ Августѣ); на Чогарѣ, впадающемъ въ Удь (въ Декабрѣ); около Бурука́на (въ Январѣ). Чириринъ (притокъ Уди) также служилъ торговцамъ, возвращавшимся въ Мартѣ съ Инканя, послѣднимъ сборнымъ мѣстомъ, которое посѣщали Тунгусы.

Какъ мало Тунгусы стѣснялись огромными разстояніями, это можетъ доказать слѣдующее обстоятельство: на Давукытѣ я встрѣтилъ тунгусскихъ торговцевъ, объяснившихъ мнѣ, что хотя оттуда къ Аянской гавани ближе, но что изъ-за лучшихъ кормовокъ они охотнѣе запасаются всѣми необходимыми предметами на Темтёнѣ, гдѣ такія-же цѣны, какъ тамъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ мнѣ представился старшина, который пришелъ къ Давукыту изъ Якутска, черезъ Аянъ, и сообщилъ новѣйшія свѣдѣнія о томъ, что дѣлалось въ гавани.

Въ мое время въ главныхъ сборныхъ пунктахъ оказывались слѣдующія цѣны:

	На Темтёнѣ (прит. Алдана) въ верховьяхъ.	На Давукытѣ (на р. Килé, прит. Дзеи).	На Туксп (прит. р. Нары).	У Солорнъ (слѣдов. Забайк. товаръ).	На Учурѣ (прит. Алдана).	Въ Аянской гавани [4]).
		Р	у б	л е	й.	
Муки, пудъ	8	10	15	5	6—10	5
Масла »	15	30	35	30	20—25	30
Жиру »	15	25	30	10	15	20—25
Табаку фунтъ . .	$2\frac{1}{2}$	$2\frac{1}{2}$	$2\frac{1}{2}$	въ видѣ придачи	$2—2\frac{1}{2}$	—
Чай съ сахаромъ.	10	15	15—20	10	15	—

[1]) Также стоитъ соболя.

[2]) Каждый окорокъ стоитъ соболя.

[3]) Подъ Солорномъ очевидно разумѣли торговое мѣсто на рѣчкѣ, впадающей въ Амуръ поверхъ Албазина, или самихъ козаковъ, отправлявшихся туда изъ Забайкалья; слѣдовательно примѣрно и компанію контрабандистовъ, схватить которую я счелъ для себя счастіемъ, потому что такимъ образомъ мнѣ удалось замѣнить уже негодныхъ сѣв. оленей моихъ лошадями. Срав. стр. 726.

[4]) Осенью 1844 года въ Аянѣ собралось до 20 чумовъ Тунгусовъ, пріѣхало 6 козаковъ для торговли, про-

Если иногда случалось, что товаровъ было больше, чѣмъ покупателей, то цѣны наконецъ понижались на $^1/_4$ обыкновенной стоимости.

На Темтёнѣ цѣны оказывались гораздо дешевле не только потому, что это мѣсто лежитъ еще на сѣверномъ скатѣ, но и потому въ особенности, что до него товары доставляются на вьючныхъ лошадяхъ, а оттуда развозятся дальше на сѣв. оленяхъ. Мнѣ разсчитывали, что каждую лошадь до Темтёна слѣдуетъ считать на 10 рублей расходовъ по перевозкѣ тяжести, и что слѣдовательно перевозка моего транспорта изъ Якутска до Давукакыта за $12^1/_2$ руб. съ пуда обошлась очень дешево.

Сѣв. олень и хорошая собака стоили рублей 100. За хорошее ружье платили еще больше и до 150 рублей, а за ружейный замокъ 10 руб., хотя между Тунгусами былъ ружейный мастеръ, а другой Тунгусъ, у котораго пружина лопнула, тотчасъ-же при мнѣ замѣнилъ ее маленькимъ лукомъ изъ упругаго дерева. За пеньковыя нитки для ставной сѣти платили 5 рублей, но Тунгусъ могъ связать себѣ изъ нихъ двѣ сѣти.

Медвѣжьи рогатины, топоры, ножи съ обитыми мѣдью ножнами, и 20 нитокъ мелкихъ бусъ стоили по 5 рублей.

Должно казаться страннымъ, что въ моемъ спискѣ цѣнъ не значатся ни порохъ, ни свинецъ. Это происходитъ оттого, что на каждаго тунгусскаго стрѣлка казна отпускаетъ вообще только по одному фунту пороху, хотя требовалось гораздо больше (фунтовъ до 5). Тунгусу приходилось платить 5 рублей за свой фунтъ пороху, который старшина ему привозилъ изъ магазиновъ. Но такъ какъ подати не уплачивались регулярно, то мѣстное Якутское управленіе уже два года не отпускало болѣе пороху.

Что́ же вы дѣлаете? спросилъ я съ любопытствомъ. «О, мы беремъ порохъ отъ Солорпцевъ (слѣд. Забайкальскій), гдѣ онъ также не дорогъ». Какъ затрудненіе добывать порохъ, такъ и довольно большой калибръ ихъ ружей, да страхъ пропустить выстрѣлъ болѣе доходный, удерживали Тунгусовъ, на южномъ скатѣ, отъ охоты на глухарей, рябчиковъ и т. п., которыхъ тамъ безчисленное множество, или также на бѣлокъ. Когда я вымѣнялъ себѣ собаку, то фунтъ пороху, который я далъ за нее сверхъ другихъ предметовъ, мнѣ все-таки разсчитали въ 10 рублей.

Что касается свинца, то часто слышалась жалоба, что онъ слишкомъ твердъ и портитъ ружейное дуло. Хорошъ былъ только свинецъ, получавшійся изъ Нерчинска.

Распоряженіе мудраго начальства о запрещеніи продавать порохъ не смутило Тунгусовъ, тѣмъ болѣе, что они уже успѣли смекнуть, что забайкальскіе покупатели, подобно китайскимъ, не были еще такъ избалованы хорошими собольими шкурами, какъ якутскіе, да и вообще мало знали толку въ хорошемъ товарѣ. Поэтому худые и попорченные соболи шли туда и доставляли продавцамъ отъ 20 до 25 руб., тогда какъ якутскіе торговцы предлагали за нихъ только по 5 рублей. Притомъ тамъ сбывались шкуры безъ

давшихъ 11 лошадей; въ предшествовавшую зиму Тунгусы купили тамъ и зарѣзали до 30 лошадей.

Мускусовые мѣшки принимались въ тамошней торговлѣ по $3^1/_2$ до 5 рублей, бѣлки по 30 — 50 копѣекъ.

хвостовъ и лапъ, даже такія шкуры, которыя вычернены были котельной сажей. Но за то тамъ и за самую лучшую шкуру платили не дороже 40 рублей.

Всѣ цѣны изъ году въ годъ оставались почти тѣ-же, только на кабарговыя струи сильно мѣнялся курсъ. Такъ напр. онѣ стоили въ горахъ:

въ 1839 году $2\frac{1}{2}$ руб.	въ 1841 году 6 руб.	въ 1843 году 4 руб.
» 1840 » 5 »	» 1842 » 5 »	» 1844 » 3 » и дешевле.

Цѣны же на лосинныя, собольи и др. шкуры не измѣнялись. При всемъ томъ, число ежегодно убиваемыхъ кабаргъ вѣроятно остается почти одно и то же, такъ какъ въ альпійскихъ хребтахъ кабарга составляетъ главную основу ежедневнаго пропитанія Тунгусовъ.

Жизнью Тунгуса руководятъ два соображенія: необходимость добывать пищу, а вмѣстѣ съ тѣмъ и соболей. Такъ какъ то и другое не вездѣ можно найти въ одномъ мѣстѣ, то явилась необходимость въ разныя времена года эксплоатировать мѣстности, очень далеко отстоящія одна отъ другой, а эта необходимость поддерживала страсть уходить далеко.

Но эта страсть издавна приняла два совершенно опредѣленныхъ направленія, потому что главный барышъ доставляли Становой альпійскій хребетъ и южные его скаты. Кромѣ соболя тамъ-же, на крутыхъ вершинахъ, водилась кабарга, а въ глубоко врѣзающихся долинахъ сѣв. олени и лоси. Вотъ что составляло основы тунгусскаго существованія. Гдѣ на южномъ скатѣ не было больше кабарги, гдѣ сѣв. олень уже рѣже начиналъ встрѣчаться, тамъ къ лосю присоединялись олень и козуля, а далѣе, внизъ по рѣкѣ, даже кабанъ, мѣстами въ видѣ рѣдкой придачи, мѣстами же и очень часто, какъ напр. въ низовьяхъ Ура. Преслѣдовать кабана дальше, въ южной его родинѣ, не позволяютъ прекращеніе соболя и невозможность прокормить домашняго сѣв. оленя на лишенной моховъ низменности по причинѣ слишкомъ южнаго положенія мѣстности. Тамъ, по ту сторону Бысы (притока Силимджи) и на Тырмѣ (притокѣ Буреи), Конные Тунгусы Китайской имперіи, подвигающіеся съ юга вверхъ, являются естественными сосѣдями Оленныхъ Тунгусовъ. Вслѣдствіе травяныхъ палей, нерѣдко распространяющихся по мшистымъ высоколежащимъ сосновымъ лѣсамъ, они отодвигаютъ Оленныхъ Тунгусовъ въ горы еще выше, чѣмъ это обусловливалось первобытною природою. Впрочемъ не только Конные Тунгусы устраивали такія пали (Kurun͡g), чтобы улучшать кормовыя мѣста для своихъ лошадей, но и наши Тунгусы жгли низменности, для полученія сочныхъ луговъ, на которыхъ они потомъ подстерегаютъ оленей.

Эти китайскіе Конные Тунгусы, называемые также Бура̄лами (или Быралами), и наши Оленные Тунгусы, кажется, взаимно давали другъ другу названіе Tö-ḣalj (тотъ народъ). Они устраивали свои засѣки на правомъ берегу Амура, но поздно осенью взбирались высоко къ подошвѣ Становаго водораздѣльнаго хребта, а иногда даже лѣтомъ, въ челнокахъ, напр. по Уру. Такъ какъ они весь южный берегъ этого хребта

считали своимъ, т. е. китайскимъ краемъ, то въ мое время разныя мелкія столкновенія не всегда ограничивались однѣми угрозами, а нерѣдко выражались въ жалобахъ на отнятіе огнестрѣльнаго оружія, на умерщвленіе верховыхъ и вьючныхъ животныхъ и т. п.[1]). Во всякомъ случаѣ собственно виновными тогда были наши Тунгусы, позволявшіе себѣ своевольничать все болѣе и болѣе. Такъ какъ я самъ былъ на запрещенномъ пути, за который два года спустя спутнику моему Ваганову пришлось поплатиться жизнью, то къ сожалѣнію я находился также въ неловкомъ положеніи, заставлявшемъ меня импонировать Бура̄ламъ. Одному Бура̄лу, который сталъ требовать у меня отчета о томъ, куда я отправляюсь, я отвѣтилъ угрозами и удачнымъ выстрѣломъ на лету. Потомъ мы сдѣлались хорошими друзьями.

Этотъ Бура̄лъ причислялъ себя, если я его вѣрно понялъ, къ Манигирьскому роду, а другой, на Буреѣ, къ Гураграмъ. У перваго была чисто тунгусская физіономія. По словамъ его, онъ не стригъ головы своей и не носилъ косы потому, что мать его умерла. Ясакъ платили они (китайскому правительству) по одному соболю и получали за это муки, примѣрно на 40 руб. на наши деньги. Если представленный соболь былъ слишкомъ плохъ, то чиновникъ отрѣзалъ лапу, вслѣдствіе чего шкура теряла цѣну свою въ торговлѣ.

Благодаря безумной неурядицѣ, которая дорожитъ только минутой и уничтожаетъ все, что ей попадаетъ подъ руки, не щадя по пословицѣ «ни денегъ въ сундукѣ, ни теленка въ коровѣ», Тунгусы изъ году въ годъ все болѣе истребляютъ животныхъ, такъ что съ каждымъ годомъ наши Оленные Тунгусы подвигались все дальше на юго-востокъ, гдѣ въ мое время первоначальное изобиліе первобытной природы еще сохранилось почти въ прежнемъ видѣ, потому что въ этомъ углу жители придерживались отчасти морскихъ прибрежій, отчасти Амура съ его значительными притоками и большихъ озеръ. Болѣе чѣмъ щедро питаемые рыбами, тюленями и выброшенными на берегъ китами, они мало по малу сдѣлались рыболовами и предоставили горы этой страны ихъ собственной судьбѣ.

Соболей и лосей въ этомъ благодатномъ уголкѣ земли было безчисленное множество. Когда нужны были съѣстные припасы, то отправлялись на Амгунь, въ которомъ кишмя кишѣла и кета. Въ Бурею она не заходила.

Лосей, увѣряли меня Тунгусы, съ горныхъ хребтовъ часто можно видѣть сразу по 30 головъ, хотя они ходятъ по одиночкѣ, а не стаями. Приэтомъ, дѣйствительно, можно было помириться съ недостаткомъ кабарги. О множествѣ соболей мы будемъ говорить ниже. Подобно калифорнской, австралійской и другимъ золотопромышленнымъ лихорадкамъ, горячка охватила и Тунгусовъ, такъ что все повалило въ пресловутое Эльдорадо[2]).

---

[1]) Сравни уже сказанное о Буралахъ или Быралахъ въ примѣчаніи къ I му тому нѣмецкаго изданія этого сочиненія, стр. 167. Жалоба ихъ 1780 года (см. тамъ-же, стр. 165) также относится сюда.

[2]) Наши Тунгусы отправились туда отчасти по долинѣ р. Буреи, отчасти чрезъ мѣстечко Бурука́нъ на Тугурѣ, чрезъ Укакытъ на Немиленъ, потомъ вверхъ по Амалу, а оттуда къ Ахрани, которая по болотамъ вела къ Амгуни.

Въ мое время къ Амгуни велъ новый путь отъ Хамбика́на на Немиленѣ, внизъ по Нила́ну.

Вѣроятно это случилось бы уже гораздо раньше[1]), если бы не оказалось одно неудобство: чѣмъ ближе къ прибрежью, тѣмъ меньше стоили соболи.

Лучшими соболями считались въ торговлѣ тѣ, которые шли съ Темтена, т. е. съ той части сѣвернаго ската и западной половины Становаго водораздѣльнаго хребта, гдѣ берутъ начала верховья и притоки Алдана, Дзеи и Ура. Эти шкуры составляли верхи или такъ называемыя головки собольихъ сороковъ и цѣнились каждый въ 100 рублей. За ними слѣдовали соболи съ верховьевъ р. Уди, но они рѣдко продавались за 80 руб.; обыкновенно же за нихъ платили по 60 руб. Еще дальше на востокъ, въ верховьяхъ Буреи, встрѣчались уже только шкуры похуже предыдущихъ, хотя тамошнія горы высоки и идутъ отвѣсными гребнями. Къ этому разряду принадлежали также соболи «золотаго края», съ прославленныхъ верховьевъ Амгуни, въ Бурейскихъ горахъ. Такого рода качество непомѣрно уменьшало доходы отъ множества добытыхъ соболей, тѣмъ болѣе, что по временамъ въ верховьяхъ Уди[2]) бывалъ очень хорошій уловъ, такъ какъ тамъ чащи кустарнаго кедра предохраняли соболей отъ истребленія.

Разсмотримъ теперь по одиночкѣ затронутые нами вопросы, принявъ за исходную точку болѣе сѣверныя мѣста пребыванія южныхъ Тунгусовъ.

Къ сѣверу отъ Половинной (притока р. Уди) въ мое время уже не было болѣе лосей; на Алданскомъ хребтѣ они, можно сказать, были почти совершенно истреблены, такъ что прибрежнымъ или Ламскимъ[3]) Тунгусамъ приходилось довольствоваться дикими сѣв. оленями, зайцами и бѣлыми куропатками. Кое-гдѣ попадалась горная овца, но нигдѣ у нихъ не встрѣчались кабарги, предѣлъ распространенія которыхъ прекращается южнѣе. Безчисленныя массы морскихъ рыбъ, заходившихъ въ рѣки, представляли основу хозяйства. Этимъ я никакъ не хочу сказать, чтобы иногда у нихъ не было раздолья по части мяса сѣв. оленей, какъ напр. весною 1844 года, когда снѣгъ такъ плохо спекался, что Учурскіе Тунгусы убивали по 30, 40 и даже по 60 сѣв. оленей на человѣка. Но за такой быстро прокученной рѣзней слѣдуетъ, само собою разумѣется, неудачная охота на сѣв. оленей нѣсколько лѣтъ сряду. Впрочемъ, домашніе сѣверные олени, которые въ Алданскихъ горахъ росли столь-же хорошо, какъ и дикіе, служили также поддержкою для пропитанія, и кромѣ того шли въ продажу, потому что вслѣдствіе особенной ихъ величины за нихъ дорого платили.

Соболи были почти совершенно истреблены. Тѣмъ быстрѣе размножались бѣлки, вознаграждая часть утеряннаго промысла. Осенью до моего пріѣзда было напр. такое неслыханное количество бѣлокъ на рѣкахъ Аимъ, что человѣку можно было убить до 2000 штукъ, а такъ какъ каждая стоила 30 к., то это уже составляло порядочный доходъ.

Сравнимъ теперь съ этими данными нѣкоторыя свѣдѣнія съ южнаго ската водораз-

---

[1]) Что движеніе началось уже въ прошломъ столѣтіи, это доказываетъ наше 4-е примѣчаніе на стр. 566, а еще подробнѣе содержаніе примѣчаній къ стр. 98 и слѣд., особенно же стр. 160—162-ой I-го отдѣла этой части.

[2]) А именно притоковъ Шивили и Галламъ.

[3]) Въ буквальномъ переводѣ: «Морскіе Тунгусы».

дѣльнаго хребта, гдѣ, замѣтимъ тутъ-же, горныя воды повсюду были запружены плотинами или «заезками»[1]) и доставляли богатую придачу къ питанію мясомъ.

A. Тунгусъ, проводившій лѣто въ нагорной части у перехода отъ верховьевъ Алдамы (притока Учура) къ Дзеѣ (тамъ регулярно выпадаетъ очень глубокій снѣгъ, такъ что лѣто благопріятно и для домашнихъ и для дикихъ сѣв. оленей), подкрадывался на сѣв. оленей, или ходилъ на нихъ также съ собакою на привязи. Въ Августѣ онъ, свистя на скрученной берестѣ, подманивалъ тамъ кабаргу, которая, какъ самецъ, такъ и самка, подбѣгала на зовъ. Осеннею зимою онъ спускается съ горъ къ югу, охотится на соболей «на собачьихъ ногахъ» и обходитъ лосей, направляясь по ихъ слѣду, а иногда дѣлаетъ кругъ и идетъ противъ вѣтра, такъ какъ и лось идетъ противъ вѣтра. Если онъ заберется далеко внизъ по рѣкѣ, то иной разъ ему подвернется и олень. Зимою главную его пищу составляетъ кабарга, а потому онъ въ это время опять забирается высоко въ горы и разставляетъ до 100 передвижныхъ самострѣловъ[2]), потому что у него не устроены засѣки. Только соболю, которому онъ не ставитъ приманки, а разставляетъ самострѣлы передъ его норой или на обратномъ слѣдѣ, онъ не позволяетъ обходить ловушку, втыкая кругомъ прутья.

Такимъ образомъ онъ ежегодно добываетъ среднимъ числомъ около 30 сѣв. оленей и лосей, по крайней мѣрѣ 100 кабаргъ и отъ 10 до 15 соболей. Существенную помощь оказываютъ домашніе сѣв. олени, которыхъ у него 30 штукъ. Чѣмъ дальше онъ уходитъ внизъ по рѣкѣ, тѣмъ больше преобладаетъ количество лосей, тѣмъ меньше онъ убиваетъ сѣв. оленей.

Въ обыденной жизни кабарга, будучи сварена, составляетъ обѣдъ для него, для жены, для сына, работницы и трехъ маленькихъ дѣтей. Въ случаѣ богатой добычи, устраиваются два обѣда, въ противномъ случаѣ только одинъ. На выручку является запасное сушеное мясо краснаго звѣря.

Въ годъ этотъ тунгусскій чумъ расходовалъ: 1) муки 10 пудовъ; 2) масла 5 пудовъ; 3) жира отъ 2 до 3 пудовъ; 4) чаю 5 фунтовъ и сахару 10 фунтовъ; 5) пороху 4 фунта и свинца 8 фунтовъ; 6) табаку 20 фунтовъ; 7) одежды рублей на 100.

B. Другой Учурскій Тунгусъ, жившій въ верховьяхъ Чонгара, Уди, Шивили и Галлама, потому что тамъ горы наиболѣе богаты кабаргами, добывалъ ихъ каждую зиму отъ 80 до 200 и даже 250 штукъ, если ему удавалось разставить 200 самострѣловъ. Столь-же богаты кабаргами были, говорили мнѣ, прибрежныя горы неподалеку отъ южнаго берега, въ верховьяхъ Уякона и Мальмасина.

C. На Ынѣ (притокѣ Нимана) и Иси (прит. Бысы) три брата разставили до 200 самострѣловъ и убили въ прошломъ году до 30 сѣв. оленей, 10 лосей и 200 кабаргъ.

---

[1]) По-тунгусски: Dalir; по-якутски: Buhyt.

[2]) Количество разставленныхъ самострѣловъ Тунгусъ понимаетъ такъ, что оно означаетъ такое-же количество слѣдовъ. Если лукъ убьетъ своего звѣря, и потомъ опять ставится на томъ-же мѣстѣ, то онъ все-таки считается за тотъ-же лукъ.

При засѣкахъ количество луковъ означаетъ количество проходовъ въ засѣкѣ.

D. У Тунгуса на Киле (прит. Дзеи) главную часть добычи уже составляли олени. Онъ убивалъ ежегодно штукъ 15; остальное количество необходимаго для него запаса доставляли лоси, козули и весьма многочисленныя кабарги. Козуль ежегодно добывалось до 25 штукъ, особенно во время переправы ихъ вплавь при ежегодныхъ весеннихъ и осеннихъ странствованіяхъ.

Поддержкою хозяйства являлось богатство рѣкъ и озеръ по части тайменей, леноковъ, щукъ и окуней, которыхъ Тунгусы ловили тамъ сѣтями[1]).

Соболи встрѣчались очень рѣдко; тѣмъ болѣе было рысей и россомахъ. Главный промыселъ составляли неокрѣпшіе оленьи роговые зачатки (tönlǖ), которые китайскіе Бурало-Тунгусы и Даурцы покупали у нихъ за большія деньги, трехконечные по 50, а четырехконечные по 70—80 рублей. Этихъ оленей убивали на приклички.

Оленьи шкуры, подобно шкурамъ сѣв. оленей, не раздѣляются на двѣ части и цѣнятся въ 5—10 рублей, хотя не поступаютъ въ продажу, а расходуются въ хозяйствѣ[2]). Десять рублей стóятъ большія, осеннія, совершенно коротковолосыя оленьи шкуры, которыя считаются самыми дорогими. Столько-же стоитъ каждая изъ обѣихъ половинокъ лосиной шкуры.

E. Тунгусы на Кёрокѣ. Лѣтомъ они уходятъ на озера р. Уръ, около которыхъ водится много лосей, оленей и козуль. Первыхъ охотникъ убиваетъ до 30 штукъ; кромѣ того еще отъ 5 до 8 кабановъ. Зимою они возвращаются къ своимъ засѣкамъ. Туда лишь очень рѣдко заходитъ соболь. Взамѣнъ того они убиваютъ бѣлокъ. Медвѣдей очень много, но ихъ убиваютъ такъ-же рѣдко, какъ выдръ, рысей и россомахъ. Лисицы вовсе не встрѣчаются. Волки тутъ уже появляются, преслѣдуя козуль.

Каждый чумъ ежегодно расходуетъ примѣрно 3 пуда муки.

F. Тунгусъ на Отобóкѣ (прит. Нижняго Килé). Добываетъ на половину сѣверныхъ оленей, на половину лосей. Въ цѣлый годъ онъ убилъ только одного оленя. Козули вовсе не встрѣчаются.

Соболей прежде въ хорошій годъ убивалось около 15 съ собакой и 10 въ самострѣлахъ, и среднимъ числомъ они продавались рублей за 25. Теперь соболи стали рѣдки и мѣсто ихъ заняли 50 — 200 бѣлокъ.

Онъ употребляетъ ежегодно 2 пуда муки и платитъ 10 руб. за фунтъ пороху.

Дальше внизъ, къ Амуру, Тунгусы стрѣляютъ, говорятъ, почти только бѣлокъ, много занимаются рыбною ловлею и употребляютъ много муки, которая тамъ дешева.

G. Тунгусъ на Джеєѣ (прит. Тымги, прит. Дзеи). Онъ ежегодно убиваетъ отъ 15 до 20 сѣв. оленей и лосей (преимущественно послѣднихъ), до 5 оленей, 10 козуль и 50 кабаргъ, разставляя 100 самострѣловъ.

---

[1]) Они ловили также рыбу Джоіо, но называли ее Дёву.

[2]) Онѣ были тутъ дороже, чѣмъ въ главномъ городѣ Якутскѣ, гдѣ за шкуру сѣв. оленя, вслѣдствіе привоза съ Колымы и изъ прибрежныхъ странъ Охотскаго моря, платили отъ 4 до $2^1/_2$ рублей.

Домашнихъ сѣв. оленей бывало у него отъ 3 до 20, смотря по годамъ; въ плохое время онъ закалывалъ до 10 штукъ, вмѣсто которыхъ потомъ покупалъ другихъ.

Муки онъ расходовалъ отъ 2 до 3 пудовъ.

Весною выручаютъ пойманные въ силкахъ глухари.

Н. Якутъ на Кебели (срав. ниже) въ годъ расходовалъ на свой чумъ (2 мужчинъ, 2 женщинъ и 1 мальчика) 10 пудовъ муки, отъ 3 до 4 пудовъ масла; столько-же жиру; 10 фунтовъ чаю; 15 фунтовъ табаку (сынъ не куритъ, что составляетъ неслыханное дѣло).

Такимъ образомъ на мѣстахъ хорошаго улова на восточной половинѣ южнаго ската значительнѣйшихъ возвышенностей Становаго хребта и его развѣтвленій сходятся Тунгусы сѣвернаго ската изъ самыхъ разнообразныхъ мѣстностей (срав. стр. 711).

Такъ мы встрѣтили тамъ Кангаласскихъ Тунгусовъ изъ Якутскаго округа, Учурскихъ Тунгусовъ (Бытальскій и Эдъянскій[1]) роды) и Ламутовъ, т. е. Прибрежныхъ Тунгусовъ изъ Алданскихъ горъ. Ламуты и Эдъянцы не носили косъ[2]), какъ Кангаласцы и Бытальцы, и поэтому ихъ можно было отличать съ перваго-же взгляда. По языку оказывалась также значительная разница между Кангаласскими и Учурскими Тунгусами. У послѣднихъ почти одно и тоже нарѣчіе съ Икагирами; разсказывали, что и Олекминскіе Тунгусы могутъ хорошо объясняться съ ними, у Ламутовъ же самый своеобразный языкъ.

Изъ всѣхъ Тунгусовъ, говорятъ, особенно Икагиры, нѣкогда, были несравненно многочисленнѣе. На плясовомъ лугу, разсказывали мнѣ, который 50 верстъ ниже Удскаго Острога окружаетъ холмъ Дяраканъ, они бывало плясали круговую и, держа другъ другъ за руку, своимъ кругомъ оцѣпляли весь холмъ. Оттого, говорили, еще до сихъ поръ совершенно ясно видны натоптанные слѣды. Не въ мѣру, говорятъ, они гордились своею многочисленностью, какъ вдругъ появилась оспа и истребила всѣхъ, за исключеніемъ двухъ семействъ, потомки которыхъ теперь находились передо мною.

Рѣчную долину Амгуни въ китайскихъ предѣлахъ въ мое время посѣщали главнымъ образомъ Эдъяне съ нѣсколькими Лалегирами[3]).

Кромѣ вышеупомянутыхъ Тунгусовъ, я встрѣтилъ дальше къ западу на р. Бургали Тунгусовъ слѣдующихъ родовъ: 1) Нинигань (во множ. числѣ Нинигаттеръ),

---

[1]) По оффиціяльнымъ извѣстіямъ, заслуживающимъ полнаго довѣрія, въ 1844 году въ третьемъ Эдъянскомъ родѣ считалось 118 податныхъ душъ, изъ которыхъ у 78 были сѣв. олени, тогда какъ остальные были осѣдлые рыбаки.

» Въ Бытальскомъ родѣ было 142 души, изъ которыхъ у 79 были олени (316 штукъ).

[2]) По-видимому это было слѣдствіе русскаго вліянія и главнымъ образомъ слѣдствіе головныхъ насѣкомыхъ, потому что у нѣкоторыхъ волосы на головѣ были обстрижены и оставленъ только рѣденькій вѣнокъ длинныхъ волосъ по краямъ.

[3]) Въ мое время въ Удскомъ Острогѣ насчитывались слѣдующіе Тунгусы: 1) Лалегиры, 92 души муж и 67 женск. пола; 2) Инкагиры, 20 душъ муж. и 11 женск. пола; 3) Эдъянъ, 59 душъ муж. и 52 женск. пола. Кромѣ того Якуты Шерскаго отдѣла, 20 душъ муж. и 16 женск. пола. — Цифры эти я считаю весьма сомнительными.

которыхъ было 33 податныхъ души: 2) Сологонъ съ 17, и 3) Мургаткаръ съ 4 податными лицами муж. пола.

Нииганьцы, у которыхъ было еще довольно много сѣв. оленей, ради нихъ проводили лѣто у верховьевъ Килé, Олдó, Ливéръ и нѣкоторыхъ, впадающихъ въ Олекму, горныхъ ручьевъ сѣвернаго ската. Они добывали весьма изобилующихъ тамъ дикихъ сѣв. оленей, а зимою кабаргъ.

Къ осени они отправлялись въ долины, убивать бѣлокъ; при этомъ попадалось и нѣсколько соболей, которые въ верховьяхъ Олдó уже вовсе не встрѣчались. Въ хорошій годъ они расходовали на человѣка до 6 фунтовъ пороху, который въ самой Горбицѣ, составлявшей центръ ихъ пребыванія, продавался не дешевле 5 руб. за фунтъ. Въ хорошіе годы человѣкъ убивалъ до 150, въ худые иногда только 50 бѣлокъ. Такъ какъ тамъ почти не было ни лосей, ни оленей, то трапезу пополняли зайцы и глухари. Около 10 тунгусскихъ семействъ этого рода, не имѣвшихъ сѣв. оленей, жили на р. Уричи. Между ними я встрѣтилъ впервые Тунгуса, который со слезами на глазахъ разсказалъ мнѣ, что имъ приходится очень жутко. Не смотря на значительный подарокъ, данный ему изъ состраданія, этотъ человѣкъ пальцемъ не шевельнулъ, чтобы помочь намъ при сломкѣ нашего чума (срав. стр. 712).

Эти Нииганьцы обращали на себя вниманіе чертами лица, отличавшимися отъ физіономіи болѣе восточныхъ Тунгусовъ, и поразительно напоминали особенности единственнаго семейства Норильскихъ Тунгусовъ, которое и на сѣверѣ стояло совершеннымъ особнякомъ между прочими Тунгусами. Черты лица ихъ носили на себѣ признаки монгольскаго типа, измѣненные вліяніемъ кавказскаго племени. Лицо было овальнѣе, скулы менѣе выдавались впередъ, глаза менѣе были прорѣзаны вкось. Да и рѣзко-черные волоса, которые особенно выдавались въ высоко-выгнутыхъ, густыхъ бровяхъ, казались иначе, чѣмъ у другихъ, прежде видѣнныхъ мною Тунгусовъ: они блестѣли и потому казались еще чернѣе, тогда какъ у другихъ Тунгусовъ были чернобурыя, менѣе густыя брови.

Откуда взялись такія качества, этого мнѣ не удалось узнать, тѣмъ болѣе, что Нииганьцы были приписаны здѣсь лишь 17 лѣтъ тому назадъ, а потому и очень жаловались на затрудненія, которыя они встрѣчаютъ въ сношеніяхъ со сборщиками податей вслѣдствіе незнанія одними тунгусскаго, другими русскаго языка. Недостатокъ посредническаго якутскаго языка былъ весьма чувствителенъ. Въ подтвержденіе своего разсказа о ихъ происхожденіи, старшина вынулъ бумагу отъ Якутскаго управленія 1683 года. Послѣ долгаго времени мнѣ опять, какъ въ Якутскѣ, впервые оказали честь тѣмъ, что сняли меня съ сѣдла. Металлическіе посеребренные кушаки напоминали о своемъ происхожденіи изъ Якутскаго края.

Съ уменьшеніемъ собольяго лова появилась у нихъ бѣличья монетная система, а вмѣстѣ съ тѣмъ и бóльшая положительность. Они были хорошо одѣты, даже въ бумазейныхъ кафтанахъ, но самый большой долгъ простирался не свыше 400 бѣлокъ, т. е.

по тогдашнимъ цѣнамъ на этихъ животныхъ, особенно высоко цѣнимыхъ изъ этой мѣстности, немногимъ больше 200 рублей. Такъ какъ каждый чумъ ежегодно расходовалъ отъ 4 до 15 пудовъ муки, то сбереженіе происходило оттого, что уже вовсе не требовалось масла и употреблялось только отъ ½ до 2 пудовъ жиру. Большею частью не было также расхода на чай. Пили его лишь въ 5 чумахъ, употребляя ежегодно отъ 4 до 6 фунтовъ.

Тутъ начиналось употребленіе ружей большаго калибра, про которыя прежде мнѣ часто разсказывали, называя ихъ Солорнскими ружьями. Они были гораздо дорож маленькихъ винтовокъ и цѣнились, если пользовались извѣстностью, до 200 руб.

Не только въ восточной и средней части водораздѣльнаго хребта, но и въ западной происходили такія-же передвиженія населенія, о какихъ мы говорили выше. Козаки въ верховьяхъ Амура увѣряли меня, что въ прежніе годы не было Тунгусовъ въ той полосѣ земли, которая заключается между Аргунью, верховьями Амура и Албазихой, что лѣтъ 12 тому назадъ Солорнскіе [1]) Тунгусы, жившіе прежде по ту сторону Олдó, въ верховьяхъ Дзеи, вслѣдствіе голоднаго года перешли на правый берегъ Амура, гдѣ не только много звѣрей, годныхъ для ѣды, но и много соболей, и что года четыре тому назадъ за ними послѣдовали также Бёльоты, душъ 12 Кангаласской орды, платящихъ ясакъ. Послѣдніе, такъ увѣряли меня Тунгусы, первоначально жили на Алданѣ, но выселились оттуда изъ-за тяжкаго времени и чтобы избавиться отъ притѣсненій. Такъ какъ они уже давно не платили ясака, то изъ Якутска послали въ погоню за ними козаковъ, которые однакоже не успѣли нагнать ихъ.

Верстъ 12 ниже начала Амура (Усть-Стрѣлка) я самъ встрѣтилъ Боягра, поселившагося тамъ въ срубленномъ домикѣ. Онъ принадлежалъ къ тому-же роду, какъ другой Тунгусъ, сдѣлавшій мнѣ челнокъ близь Удскаго Острога. И его также требовали, такъ какъ онъ со времени учрежденія ясачной коммиссіи не платилъ податей, но ему все удавалось отдѣлываться. Третій Боягръ также не платилъ и жилъ на золотыхъ пріискахъ на Тунгирѣ (притокѣ р. Олекмы). Родъ ихъ разбрелся во всѣ стороны, потому что Боягры жили на Дабукытѣ, на Олдо, Урѣ, Ботамѣ, Темтёнѣ и Алданѣ. Четыре брата этого рода въ мое время были записаны даже на Вилюѣ и тамъ вносили свой ясакъ. Всѣхъ ихъ было 74 человѣка, платившихъ подати.

Одного Учурскаго Тунгуса я встрѣтилъ при Улбаньскомъ заливѣ между 3 Гиляками. Восемь лѣтъ тому назадъ, вслѣдствіе смерти жены, онъ лишился ея приданаго и потому поселился на берегу рыбакомъ. Сначала онъ при случаѣ пересылалъ ясакъ, но потомъ пересталъ вносить его.

Между Тугуромъ и Немиленомъ, въ мѣстечкѣ Хамбыканѣ, въ то время считавшемся китайскимъ, я также встрѣтилъ Учурскаго Тунгуса, который поселился тамъ уже

---

[1]) Нѣкоторые козаки называли ихъ Сологонцами.

лѣтъ 10 тому назадъ, занимался охотою въ верховьяхъ Нимилена, и не обращалъ вниманія ни на какія требованія.

На р. Кебели (притокѣ Нимана) жилъ Якутъ лѣтъ 8. Онъ построилъ себѣ юртъ и помѣщеніе для склада товаровъ, и осенью жилъ тутъ, запрудивъ рѣку, а вмѣстѣ съ тѣмъ по близости занимался ловлею соболей. Въ верховьяхъ Бысы онъ въ прошломъ году разставилъ 300 самострѣловъ, давшихъ ему однакоже только 80 кабаргъ (изъ нихъ 1/4 съ сумками), 6 лосей и 5 сѣв. оленей. Соболей онъ добылъ только 10, потому что снѣгъ спекся и тѣмъ совершенно испортилъ охоту съ собаками.

И черезъ горы, лежащія на лѣвомъ берегу Шилки, приходили Тунгусы съ Олекмы (Тунгусы произносятъ Olöčhna) и съ Тунгира на сѣв. скатѣ. Другіе Тунгусы и козаки называли ихъ Айнăками и Орочóнами. Съ рыбной ловли въ верховьяхъ Амаджара, который они запружали, они приходили въ Чучугайскую, для покупки муки (на чумъ расходовалось до 20 пудовъ), которая продавалась тамъ очень дешево, т. е. по рублю или нѣсколько дороже, тогда какъ въ Олекминскомъ округѣ приходилось платить за нее 5 и даже до 15 рублей.

Между Тунгусами были явные дармоѣды: развитые эпизои гостепріимства. Такъ я встрѣтилъ одного, проѣвшаго своихъ сѣв. оленей въ верховьяхъ Дзеи. Съ женою и двумя дѣтьми онъ въ лодкахъ спустился по Дзеѣ до Эльгеи и жилъ на счетъ тамошнихъ Тунгусовъ до тѣхъ поръ, пока они, какъ онъ очень наивно разсказывалъ, «уже слишкомъ обѣднѣли и не могли далѣе кормить его», хотя тамъ уже встрѣчалось много кабановъ. За тѣмъ, спасаясь отъ комаровъ, онъ отправился въ лодкѣ вверхъ по Уру и пѣшкомъ внизъ по Олдо, чтобы отпраздновать тамъ сходку и пріискать себѣ хлѣбосола, у котораго онъ и пристроился.

Эти порядки однакоже до такой степени держались на основахъ коммунистическаго гостепріимства, что мнѣ ни отъ одного Тунгуса не приходилось слышать жалобу на дармоѣдство родичей. Но довольно часто они жаловались на якутскихъ торговцевъ и на свое собственное легкомысліе. Тѣ, которые были по разсудительнѣе, проклинали этихъ поживлявшихся на ихъ счетъ друзей, проклинали ихъ за то, что они удерживали ихъ отъ ловли животныхъ и соблазняли ихъ на частые легкомысленные кутежи. Но, всматриваясь въ дѣло внимательнѣе, легко можно было замѣтить, что такъ отзывались только болѣе богатые, у которыхъ была задняя мысль, т. е. желаніе вмѣсто Якутовъ самимъ обогатиться посредствомъ торговли и монополіи ея. Разумно и въ тоже время неэгоистично было ихъ сердечное желаніе, чтобы Якуты не слѣдовали за ними въ зимовья, а ограничивались ярмарочными пунктами. Бѣдные же Тунгусы все-таки твердили, что сами не въ состояніи помочь себѣ и пропали бы въ случаѣ неприбытія торговцевъ.

При всемъ томъ они неоднократно подавали начальству жалобы на различныя притѣсненія со стороны Якутовъ, но всѣ жалобы ихъ оставались тщетными. Хитрые Якуты умѣли обходить начальство.

Уже въ 1744 году внушено было нашимъ Тунгусамъ не переходить за китайскую

границу, не обижать и не обворовывать тамошнихъ народовъ [1]). Распоряженіе это послѣдовало очевидно вслѣдствіе того, что китайское правительство вступилось за своихъ подданныхъ. Не смотря на это, въ 1794 году было получено донесеніе о ежегодныхъ столкновеніяхъ Охотскихъ и Майскихъ Тунгусовъ съ Нигидальцами. Дѣйствительно, уже въ 1784 году, старшина Эдьянцевъ занимался ловлею звѣрей на Шантарскихъ островахъ. Въ 1780 году жаловались и китайскіе Бурало-Тунгусы особенно на Якутовъ, такъ что на слѣдующій годъ прямо послѣдовало запрещеніе пускать Якутовъ черезъ Удь на кочевья Тунгусовъ. Ослушниковъ приказывалось отсылать въ Якутское правленіе. Это были только послѣдствія прежнихъ порядковъ, потому что уже въ 1744 году присылались въ Удской острогъ указы разыскать нѣкоторыхъ скрывшихся Якутовъ различныхъ племенъ, о которыхъ извѣстно было, что они жили на Китайской землѣ. Съ тѣхъ поръ послѣдовало множество подобныхъ указовъ, такъ что въ девятидесятыхъ годахъ изъ Удскаго острога присылались въ Якутскій нижній окружный судъ то 15, то 20, даже по 30 и болѣе Якутовъ [2]).

Теперь вѣроятно уже не одно лишь нарушеніе границъ причиняло начальству столько хлопотъ, а стали появляться также жалобы русскихъ Тунгусовъ. Въ архивѣ Удскаго Острова оказалось множество такихъ жалобъ, относившихся къ періоду времени около 1792 года. Тунгусы жаловались на то, что Якуты въ Удскомъ краѣ, особенно на рѣкахъ Галламѣ, Шивелеѣ и т. д. торгуютъ, обманываютъ и ловятъ звѣря. Еще положительнѣе вызваны строгія мѣры вѣроятно тѣми громадными переходами на китайскую землю въ 1787 году, о которыхъ мѣстами упоминается.

Эти перекочевки приводили начальство въ отчаяніе, потому что иного Тунгуса не только нѣсколько лѣтъ сряду нельзя было развѣдать, не говорю уже отыскать, но даже нерѣдко тотъ или другой совсѣмъ не возвращался, а поселялся на южномъ скатѣ въ такихъ мѣстахъ, которыя принимались за китайскую землю.

Начальство очевидно не было въ состояніи услѣдить за подвижностью Тунгусовъ, а это увеличивало путаницу до невозможнаго. Такъ напр. на южномъ скатѣ я встрѣтилъ въ прежнемъ старшинѣ Боягровъ очень разсудительнаго и много видѣвшаго на своемъ вѣку Тунгуса. Онъ доказалъ мнѣ, что изъ 77 ясачныхъ душъ, представителемъ которыхъ ему доводилось быть, только 37 еще жили на сѣверномъ скатѣ, а 40 уже успѣли перебраться на южный. Вмѣсто того, чтобы возить ясакъ въ Горбицу на Шилкѣ, слѣдовательно непосредственно въ Иркутскъ, что и для него и для родичей его было бы весьма легко, приходилось вносить его, по прежнему, въ Якутскѣ, т. е. на 8 градусовъ широты сѣвернѣе и на столько же градусовъ долготы къ востоку. Старшина, конечно, не преминулъ отказаться отъ своей должности, потому что весь годъ уходилъ на пере-

---

1) Срав. примѣчанія къ 1 му отдѣлу этого сочиненія, стр. 159 и 160.

2) Зауеръ (Voyage, II, стр. 225) говоритъ даже о 6000 Якутахъ, перешедшихъ съ Олекмы и Вилюя. Въ китайскихъ источникахъ вѣроятно можно найти самыя вѣрныя свѣдѣнія объ этомъ случаѣ.

ѣзды туда и обратно, при чемъ ему удавалось убивать развѣ только мелкихъ звѣрей, напр. бѣлокъ. Рѣдко, говорилъ онъ, случалось убивать сѣв. оленя, потому что приходилось торопиться, чтобы въ теченіи года проѣхать 2000 верстъ до Якутска, да 2000 верстъ обратно. Нужно было тѣмъ болѣе торопиться, что въ противномъ случаѣ торговцы подоспѣютъ раньше и заберутъ себѣ добытыхъ соболей. При этомъ ему, хотя онъ и странствуетъ съ 30 сѣв. оленями, приводится неоднократно запасаться провизіей, покупать ее дорого, убивать собственныхъ домашнихъ животныхъ. Изъ прежнихъ его 50 сѣв. оленей дѣйствительно уже пропало 20, и не отдѣлайся онъ отъ своей должности, онъ уже теперь, какъ справедливо увѣрялъ, былъ бы такимъ-же нищимъ, какъ его родичъ, который, какъ старшина, поручился за своихъ и потомъ долженъ былъ отвѣчать за неуплату ясака.

Это одна сторона дѣла. Другая заключается въ выгодахъ, происходящихъ оттого, что старшины, подобно многимъ богатымъ соплеменникамъ, въ тоже время занимаются торговлею и притомъ безпошлинно. Къ этому еще нужно прибавить обычные подарки.

Да, правда, отвѣчалъ онъ мнѣ, вмѣсто содержанія я получалъ отъ соплеменниковъ моихъ подарки, но послѣдніе большею частью опять уходили въ городѣ. Зачѣмъ же ты давалъ? спросилъ я. «Вотъ видишь», продолжалъ онъ, «тѣ, которые въ городѣ, говорятъ, что имъ приходится хорошо одѣваться, хорошо жить, хорошо ѣсть, ну вотъ каждый и даетъ: много, у кого побольше, мало, кто не можетъ столько дать. Ты ничего не требуешь, тебѣ я ничего и не даю». Наслово повѣрилъ я ему, зная, что мой переводчикъ, какъ переводчикъ, бралъ подарки. Повѣрилъ ему, потому что когда мнѣ понравился колчанъ, который я хотѣлъ купить, то Тунгусъ отвѣтилъ: «пусть онъ его беретъ». Когда же я настаивалъ на томъ, что хочу купить его, то Тунгусъ не зналъ, что̀ запросить съ меня, пока я наконецъ, къ величайшему прискорбію его, отказался отъ покупки, потому что я и такъ уже посулилъ за нее черезъ чуръ много [1]).

Наводя Тунгусовъ все снова на тотъ-же предметъ, я понемногу успѣлъ понять, что дѣйствительно каждый Тунгусъ считалъ своею обязанностью давать старшинѣ подарокъ; исключались только самые бѣдные. Иной старшина былъ извѣстенъ тѣмъ, что умѣетъ выжимать подарки. Дѣло всетаки опять сводилось на то, что нечего дѣлать, нужно дать соболя. «Не стану же я его рѣзать», сказалъ Тунгусъ, когда я замѣтилъ, что это слишкомъ много. Вѣдь ясакъ, говорилъ онъ, уплачивается только соболями, и

---

[1]) Но зачѣмъ я выставлю на позоръ его, дикаря. Точно тоже со мною неоднократно продѣлывали сибирскіе чиновники. Прошу я напр. выручить меня изъ бѣды, уступить мнѣ сани, и встрѣчаю величайшую готовность и предупредительность. Проходитъ добрый часъ времени, пока растолкуешь, что ни въ какомъ случаѣ не приму подарка. Наконецъ цѣну назначаютъ — вчетверо дороже, почти непомѣрно. Это первобытные порядки человѣческаго общества.

Козацкій урядникъ, прежній «командиръ» Удскаго Острога, за чаемъ съ пуншемъ преоткровенно разсказалъ мнѣ, какъ онъ поступалъ. «Является такой старшина съ ясакомъ, все соболи, нанизанные на ремнѣ въ пучки; вотъ я ему и говорю: Да вѣдь этотъ слишкомъ плохъ. Такого царю вѣдь не дашь. Я вставлю за него моихъ собственныхъ, а ты останешься мнѣ ихъ должными». Стоило ему только сознать, что онъ остался въ долгу, и все дѣло было въ шляпѣ, лавина росла на ходу.

такъ какъ сдачи не даютъ [1]), а старшина остальное беретъ себѣ за свои труды, то нужно быть дуракомъ, чтобы отдать хорошаго; дать худаго неприлично, да и старшина бранитъ, ну и даешь соболя средняго разбора. Разсчетливый же старикъ высчитывалъ, что выгоднѣе поступать такъ, какъ онъ дѣлаетъ, т. е. платить бѣлками и кабарговыми сумками. Въ такомъ случаѣ и старшина долженъ довольствоваться тѣмъ, что получитъ на свою долю одну или двѣ сумочки. Развѣ только тогда, когда старшина цѣлый годъ у него не былъ, онъ даетъ ему соболя, да и то, конечно, средней доброты. Если къ этому онъ добавитъ еще кабарговую струю, то вѣдь это все, что можно дать.

Кромѣ ясачнаго соболя, богачи давали старшинѣ еще одного соболя за его хлопоты и въ вознагражденіе за расходы въ пользу тѣхъ его соплеменниковъ, съ которыхъ онъ къ сроку не могъ собрать ясакъ. Кромѣ того прежде старшина былъ обязанъ принимать для своего племени и раздавать ему запасы пороха и свинца, что̀ требовало отъ него не только особыхъ хлопотъ, но и лишнихъ вьючныхъ животныхъ.

Какъ бы то ни было, но тоже самое, что̀ мнѣ прежде привелось видѣть у Самоѣдовъ, повторилось и тутъ. Помимо неизбѣжныхъ подарочныхъ соболей, Тунгусскій старшина заплатилъ подати по 8 руб. 8 коп. асс. съ души, тогда какъ въ Нерчинскѣ я увидѣлъ изъ податныхъ списковъ, что его племя обязано было уплатить за 33 человѣка, всего 43 руб. $42\frac{3}{4}$ коп. сер. т. е. почти въ шесть разъ меньше. Это происходитъ оттого, что козакъ не умѣетъ прямо писать, сказали бы опять мои добродушные Самоѣды. У Тунгусовъ же я встрѣтилъ нѣсколько сильно озлобленныхъ лицъ, утверждавшихъ, что не можетъ же быть, чтобы недоимки взыскивались снова, когда подати постоянно вносились аккуратно. Вѣдь они давно сполна уплатили даже такъ называемыя недоимки, откуда же опять берутся новыя? Тунгусы шумѣли [2]).

---

[1]) Ясачная Коммиссія оцѣнила тамошнихъ соболей втораго сорта въ 20 рублей. На этомъ и остановились. Между тѣмъ собольи шкуры съ тѣхъ поръ стали вдвое дороже, а на бѣличьи мѣха цѣна почти не измѣнилась.

[2]) Инымъ можетъ показаться, что указанія эти, равно какъ на стр. 736 и 656, не довольно основательны. Для нихъ сообщаю еще нѣкоторыя извлеченія изъ моего дневника. 1) Въ одно время со мною въ Туруханскѣ находился окружный судья, для производства слѣдствія о мышахъ, уничтожившихъ хлѣбъ въ казенныхъ запасныхъ магазинахъ. Тоже самое приписывалось также медвѣдю. Судья этотъ умеръ до окончанія слѣдствія. 2) Такъ какъ меня приняли за чиновника сенатора Толстаго, которому поручена была ревизія Сибирскаго управленія, то помощникъ Туруханскаго окружнаго начальника зарѣзался въ бытность мою въ Туруханскѣ. 3) Въ Енисейскѣ одинъ изъ болѣе важныхъ чиновниковъ откровенно разсказалъ мнѣ, что онъ не принялъ должности окружнаго пристава, потому что ее оцѣняютъ слишкомъ высоко. Вновь открытые тамъ золотые пріиски оцѣниваются въ 200,000 рублей, тогда какъ они могутъ дать развѣ $\frac{1}{10}$ этой суммы, изъ которой $\frac{2}{3}$ нужно отдать выше. 4) Туруханскій отдѣльный засѣдатель жаловался мнѣ, что на его счетъ постоянно присылаются нарочные изъ Енисейска въ наказаніе за недоставленіе донесеній, которыхъ невозможно доставить. Эта жалоба согласовалась съ жалобой поселенцевъ. Они должны были ставить подводы, но никогда гроша не получали за нихъ, а деньги клалъ себѣ въ карманъ чиновникъ, пользовавшійся кромѣ того торговымъ доходомъ, потому что его нарочный возилъ въ Туруханскъ товаръ. 5) Какъ козаки, такъ и торговцы увѣряли меня, что чиновникъ по особымъ порученіямъ, посланный изъ Якутска на ярмарку на Учурѣ, для разбора разныхъ жалобъ, при укладкѣ собранныхъ имъ на обратный путь соболей, взялъ съ собою болѣе 800 штукъ. 6) Стоитъ только прочесть (въ 3-мъ томѣ эт. соч.) Отчета Уваровскаго, какъ онъ, по должности правителя канцеляріи тамошняго губернатора, получалъ въ мѣсяцъ всего 5 руб. содержанія (стр. 18), и сообразить при этомъ, что въ тоже самое время для

Но Тунгусъ по всему своему природному характеру гораздо отважнѣе тихаго Самоѣда. Съ самаго Тугура я часто встрѣчалъ въ лѣсу развѣшенные въ видѣ трофеевъ медвѣжьи черепа, свидѣтельствующіе о геройской храбрости лицъ, охотящихся въ одиночку. Что для Самоѣда копье въ отношеніи къ беззащитному сѣв. оленю, то для Тунгуса медвѣжья рогатина: родъ универсальнаго прибора, служащій ему топоромъ, для проложенія пути чрезъ первобытную чащу и для срубки лѣса на топливо, ножомъ для изготовленія самострѣловъ, верховою палкою, когда онъ садится на сѣв. оленя, пешнею для испытанія и проламыванія льда и т. д. Она для него самое надежное оружіе, съ которымъ онъ всегда готовъ пойти на встрѣчу любой опасности. Кольчуги, встрѣчающіяся еще у нѣкоторыхъ Тунгусовъ, напоминаютъ этому народу о геройскихъ подвигахъ прежняго времени. По этому разбой или смертоубійство, которыя между Самоѣдами неслыханны, у Тунгусовъ не большая рѣдкость. Въ мое время былъ такой случай: одинъ Тунгусъ застрѣлилъ другого на охотѣ и присвоилъ себѣ его сѣв. оленей, но былъ выданъ женою и дѣтьми убитаго, которымъ удалось уйти, и преданъ суду. Нѣсколько лѣтъ спустя бѣдный спутникъ мой Вагановъ и товарищи его во время сна были застрѣлены исподтишка Тунгусами; вскорѣ послѣ того были ограблены и убиты члены астрономическо-топографической экспедиціи, которая снаряжена была для изслѣдованія Становаго пограничнаго хребта, подъ начальствомъ проф. Шварца. Нельзя вмѣнять это горнымъ сынамъ въ слишкомъ большое преступленіе, потому что они привыкли встрѣчать одобреніе за убійство бѣглецовъ изъ Нерчинскихъ рудниковъ. Соблазнъ великъ, искусство подкрасться къ жертвѣ изучено превосходно, пуля бьетъ мѣтко, первобытный лѣсъ молчаливъ, преслѣдованіе слабо.

Взглянувъ еще разъ на бытъ Тунгусовъ, мы найдемъ, что онъ, какъ уже было сказано, похожъ на образъ жизни лотерейнаго игрока, которому почти цѣлое столѣтіе сряду большею частью чрезвычайно везло, а когда стали выходить пустые билеты, снова удалось срывать значительные выигрыши даже еще больше прежнихъ.

Разсказы о множествѣ соболей, водившихся на южномъ скатѣ еще пятьдесять лѣтъ, а мѣстами и двадцать, даже десять лѣтъ тому назадъ, доходили до баснословнаго. Я бы и не повѣрилъ такимъ охотничьимъ разсказамъ, если бы мнѣ не называли нѣсколько разъ времени, мѣста и лицъ и если бы всѣ показанія не были согласны между собою.

Для примѣра сообщаю два-три случая. Въ верховьяхъ и на притокахъ Силимджи, гдѣ въ то время виднѣлись собольи тропинки, какъ заячьи слѣды въ снѣгу, четыре брата, производившіе тогда ловлю на счетъ своего отца, лѣтъ за 20 до моего пріѣзда, въ одинъ годъ убили болѣе 200 соболей. Одинъ изъ нихъ, безъ малаго лѣтъ 10 тому

Тунгусовъ не существовало другой единицы, какъ соболь, т. е. 25 руб. Этимъ все сказано, все остальное тутъ ничего не значитъ. — Въ послѣднее время все это, говорятъ, стало лучше. О значительности оборотовъ въ собольемъ царствѣ можно судить по тому, что какъ при Козьминѣ, въ 1829 году, такъ еще и въ мое время, на Учурской ярмаркѣ въ оборотѣ было до 4000 соболей и 15,000 кабарговыхъ струй (сумочекъ).

назадъ, добылъ съ собакою болѣе 30, а всего въ одинъ и тотъ-же годъ поймалъ и продалъ до 50 соболей.

Старые Якуты, которые въ качествѣ торговцевъ мимоходомъ участвовали въ осенней ловлѣ соболей, подтвердили тоже самое. Сначала случалось нерѣдко, что Якутъ съ собакою убивалъ до 40 соболей, а отецъ одного Якута (его звали Сергѣемъ Соловьевымъ) самъ въ годъ убилъ безъ малаго 100 соболей. Срав. стр. 83.

Положимъ, что эти случаи служили выраженіемъ возможно большей удачи въ тогдашнія времена, но во всякомъ случаѣ они не составляли главнаго выигрыша, коекогда выпадавшаго на долю того или другого счастливца, а бо́льшая часть выигрывала, не сегодня, такъ завтра, столько-же или почти столько-же.

Осенняя охота съ собакою была положительно самая удачная. Но успѣхъ ея зависитъ не только отъ множества соболей, но главнымъ образомъ и отъ благопріятной погоды, а именно отъ количества и качества выпавшаго снѣга. Снѣгъ не долженъ быть очень глубокъ, чтобы собака не утомлялась, потому что подъ густыми, приникшими къ землѣ сучьями, прикрытыми снѣгомъ, соболю легко укрываться. Слой снѣга не долженъ быть также и слишкомъ тонокъ, т. е. менѣе трехъ четвертей или даже фута, иначе соболю легко бѣгать по немъ. Въ мою бытность уже 27-го октября слякоть положила конецъ охотѣ на соболя съ собакой, такъ какъ на другой день снѣгъ слегка спекся и соболь не проваливался. Это было плохо, но выпавшій за тѣмъ снѣгъ явился на выручку (срав. стр. 615).

Нерѣдко и самострѣлы съ избыткомъ вознаграждали за неудачу охоты съ собакой. Такъ лѣтъ 10 тому назадъ Якутъ, съ которымъ мы встрѣтились на Инкани, убилъ съ собакою только 14 соболей, но самострѣлы прибавили къ нимъ еще 62, такъ что онъ всего продалъ 76 штукъ. Въ прошломъ году онъ убилъ только 15 соболей, потому что на снѣгѣ образовалась кора. Если соболи разлакомились на павшую кабаргу, то случается, что одинъ и тотъ-же самострѣлъ убиваетъ отъ 3 до 4 соболей.

Въ прошедшемъ году охота съ собакой была чрезвычайно неудачна и продолжалась безъ малаго мѣсяцъ. При всемъ томъ вожакъ моего каравана совершенно мимоходомъ убилъ 6, а товарищъ 13 соболей. Потомъ мой вожакъ въ туже зиму разставилъ 20 самострѣловъ, уѣхалъ по дѣламъ, освидѣтельствовалъ свои самострѣлы лишь по прошествіи мѣсяца и нашелъ въ нихъ 9 соболей.

Однимъ словомъ, мы видимъ (срав. главу о Якутахъ), что въ мое время каждый Тунгусъ все-таки ежегодно могъ разсчитывать среднимъ числомъ по меньшей мѣрѣ на дюжину, и даже на гораздо большее количество соболей, дававшихъ ему, при продажѣ, среднимъ числомъ по 25 руб., слѣдовательно, всего до 300 рублей, къ которымъ прибавлялось еще не менѣе 100 рублей за шкуры, оленьи рога и кабарговыя сумки. На европейскую мѣрку это необыкновенно большой доходъ, такъ какъ при этомъ еще добывались мясная пища и одежда, при даровомъ помѣщеніи, отопленіи и освѣщеніи.

Не смотря на это, во время моего путешествія оказывалось, что у всѣхъ Тунгусовъ были большіе долги; притомъ (это было чрезвычайно знаменательно и казалось без-

смыслицею) долги ихъ постоянно были тѣмъ значительнѣе, чѣмъ богаче считался Тунгусъ. Выраженіе «у него только 100, 200, 300 руб. долгу» равнялось словамъ «это бѣднякъ». Правда, что это какой-то міръ на изнанку, но онъ и въ Европѣ не составляетъ рѣдкости, которую даже можно отыскать не въ одномъ студенческомъ быту.

У нѣкоторыхъ лицъ, которыхъ я разспрашивалъ, было до 2000 руб. долгу. Это были богачи, очевидно потому, что кредитъ ихъ, который они вполнѣ истощали, былъ очень великъ. За самыми богатыми насчитывали болѣе 3000 руб. долговъ и столько потому, что кредитъ ихъ былъ столь великъ. Тунгусъ, который на прибрежьѣ изготовилъ мнѣ челнокъ изъ ствола тополя за 25 рублей и котораго я упрекнулъ за то, что онъ труды цѣлой недѣли прокутилъ въ два дня, отвѣтилъ мнѣ недовольнымъ тономъ: «ну, такъ что же, стоитъ мнѣ только добыть чернобурую лисицу или дождаться хорошаго собольяго года, такъ я заплачу всѣ мои долги, которые не составляютъ даже 500 рублей, и буду богачемъ». Это было чрезвычайно характеристично. Эта монетная единица въ 25 рублей (и вчетверо больше), т. е. соболь, и случайная удача въ ловлѣ его, испортили народъ. На западной половинѣ Становаго хребта, гдѣ водились лишь бѣлки и въ случаѣ удачи можно было разсчитывать не болѣе какъ на 250 бѣличьихъ шкуръ, долги доходили только до одной десятой части вышеприведенной суммы.

Въ продолженіи всего моего путешествія я видѣлъ только одного Тунгуса, котораго считали богатымъ и у котораго все-таки не было долговъ. Впрочемъ онъ перенялъ у Якутовъ искусство наживаться торговлею.

При своемъ легкомысленномъ, беззаботномъ характерѣ отцы ихъ, да и сами они, пріучились нѣкогда расточать ежегодно, при даровомъ содержаніи, громадный доходъ, примѣрно въ 1000 руб. Мефистофели-Якуты предлагали имъ все, чего душа требовала, прежде особенно водку и во всякое время кредитъ. Но дѣтская душа первобытнаго человѣка проситъ все, что видитъ, особенно у Тунгуса, охотника до нарядовъ и удовольствій. Онъ утопаетъ въ раздольѣ, наслаждаясь жирными рыбами и жирною дичью, а все-таки Якутъ долженъ привозить ему на убой лошадей и сѣв. оленей, Даурецъ — окорока, все-таки ему необходимъ подвозъ масла и жира. Еще теперь вижу передъ собою сладкую физіономію, моргавшіе отъ восторга глаза моего караваннаго вожака, который какъ бы тающимъ отъ удовольствія голосомъ оправдывалъ Тунгусовъ, когда меня почти возмутили лакомки, платившіе Даурцамъ дорогія деньги за сметану. «Безцѣнно; вовсе не жаль дать соболя», говорилъ онъ, причмокивая.

Кирпичный чай, который я взялъ съ собою, я и не рѣшался вынимать изъ мѣшка. «Это чай втораго сорта», замѣтилъ Тунгусъ, прихлебывая, когда я дѣйствительно вытащилъ второй сортъ, потому что мой кирпичный чай оказывался здѣсь не годнымъ и долженъ былъ припрятаться. Нужно было доставать самые лучшіе припасы для этихъ «дикарей», между которыми самые богатые, т. е. наиболѣе надѣлавшіе долговъ, возили съ собою обитые металлическими пластинками ящички съ фарфоровой посудой для чая, потому что они въ годъ употребляли его до 10 фунтовъ, слѣдовательно, на 150 рублей.

Какъ же поступаютъ бѣдняки? спросилъ я. Бѣднякъ Тунгусъ не пьетъ чаю, отвѣтилъ спрошенный, но прибавилъ къ этому: если онъ поймаетъ соболя или найдетъ себѣ кредитъ, то ужъ онъ навѣрное тотчасъ-же купитъ себѣ чаю.

Тоже самое было и съ одеждою. Даурцы должны были привозить на продажу Тунгусамъ мѣха лисицъ и россомахъ для обшивокъ; даже весьма непрочныя одѣяла изъ заячьяго мѣха, покрытыя ситцомъ, продавались Тунгусамъ изъ Якутска рублей за 15—30. Но сукно съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе стало входить въ употребленіе, люди по богаче начали одѣваться въ полушелковые зипуны и когда однажды на Шилкѣ, въ Горбицѣ, я нашелъ, что такой зипунъ слишкомъ дорогъ, потому что за него требовали 20 рублей, то какой-то засаленный Тунгусъ тотчасъ-же перекупилъ его. О разныхъ мелкихъ украшеніяхъ, поясахъ и цѣпочкахъ, а подавно женскихъ нарядахъ нечего и говорить.

Сильный ремонтъ сѣв. оленей посредствомъ покупки новыхъ также увеличивалъ легкомысленно надѣланные долги; кромѣ того Тунгусы всегда тотчасъ-же готовы зарѣзать и разыгривать подлежащее убою животное. Полное пренебреженіе къ мяснымъ животнымъ, высказывавшееся въ пированіяхъ и неограниченномъ долевомъ надѣлѣ, соблазняло Тунгусовъ не обращать вниманія на несоразмѣрную дороговизну домашнихъ животныхъ.

Затѣмъ сильно наростали проценты, которые при каждой производившейся по частямъ уплатѣ долга уравнивались посредствомъ соболя. Положимъ, что за прошлый годъ Тунгусъ остался должнымъ 80 руб.; уплачивая теперь изъ нихъ 50 рублей, онъ приплачиваетъ соболя въ видѣ процента. Соболь, слѣдовательно 25 рублей, составлялъ ихъ монетную единицу, какъ при покупкѣ, такъ и при подаркахъ.

Но хлѣбосольство, коммунизмъ хлѣбосольства, чего онъ стоитъ? вѣдь бѣдный (долгами) имѣетъ точно такія-же потребности, какъ богатый (долгами), и все-таки долженъ жить на счетъ послѣдняго.

Такимъ образомъ Тунгусъ все болѣе и болѣе входитъ въ долги, потому что (такъ требуетъ этого обычай), онъ должаетъ только одному и тому-же торговцу. Послѣдній распоряжается имъ, назначаетъ цѣны, кормится запасами Тунгуса, но заставляетъ его платить за все, что онъ ему привозитъ. Является отдача въ закладъ лица, иго кабалы. Умираетъ только должникъ, но кабала безсмертна.

Сынъ, наслѣдникъ отвѣчаетъ за долги своего отца, и въ мое время всѣ приходили въ ужасъ отъ бывшаго при мнѣ случая, когда сынъ отказался не только отъ всего наслѣдства, но и отъ собственнаго добра и имущества, и твердо рѣшился уйти въ одной только одеждѣ, которая на немъ была, но быть свободнымъ. Нужно было поступить такъ, какъ поступилъ тотъ, который теперь сидѣлъ передо мною. Отецъ умеръ, оставивъ 900 рублей долговъ, но и сѣв. оленей да мѣхà; сынъ уплатилъ всѣ долги, а потому торговецъ и не бросилъ его, а ссудилъ его на цѣлый годъ необходимымъ запасомъ то-

варовъ. Въ какомъ же положеніи дѣло теперь? спросилъ я. Да у меня только немногимъ больше 2000 рублей долгу, отвѣтилъ онъ.

Контролировать такіе долги было нетрудно, потому что долговыя книги вездѣ были раскрыты. Частью долги всегда признавались самымъ честнымъ и откровеннымъ образомъ, частью торговцы, на случай смерти должника, обезпечивали себя тѣмъ, что количество долговъ дѣлалось извѣстнымъ и при случаѣ признавалось также при свидѣтеляхъ. Но свѣжіе долги текущаго года, тѣ до слѣдующаго года еще не считались долгами, не входили въ общій счетъ; таковъ уже былъ обычай.

Такимъ образомъ при одной сходкѣ въ моемъ присутствіи нетрудно было сосчитать, что менѣе подвижные Кангаласцы далеко не надѣлали столько долговъ, сколько предпріимчивые Учурцы. Только одинъ изъ Кангаласцевъ задолжалъ болѣе 1000 руб., другіе удовольствовались 700, 500 руб. и т. д. На за то эти Тунгусы задолжали казнѣ больше всѣхъ другихъ тунгусскихъ племенъ.

При такихъ порядкахъ, само собою разумѣется, въ казенныхъ податяхъ оказывались недоимки. Торговцы всегда уже раньше успѣли побывать у Тунгусовъ и соболей не было. Запретили торговцамъ торговать и стали высылать казаковъ для сбора податей. Торговцы начали прикрывать свои дѣлишки, говоря, что они отправляются на охоту или за сборомъ прежнихъ долговъ и вскорѣ казаки обратились въ ихъ прикащиковъ или стали торговать на свой собственный счетъ. Послали чиновниковъ. Тѣ стали дѣлать тоже самое, только въ гораздо высшемъ стилѣ (срав. стр. 737, примѣч. 2-е), но встрѣтили опасныхъ соперниковъ, успѣвшихъ опередить ихъ. Это были священники. Такимъ образомъ дѣло дошло до того, что Тунгусамъ, какъ я случайно узналъ отъ нихъ, необходимо отправляться въ Тылыглыръ-Ваньчья къ священнику, такъ какъ онъ, живя въ 180 верстахъ отъ Якутска, при впаденіи Синей въ Лену, не смѣетъ ѣздить дальше. Дальше ему не выдавали подорожнаго бланка, потому что Тунгусамъ пришлось наконецъ жаловаться, что часто они должны выставлять подводы въ 8 сѣв. оленей для любящаго разъѣзжать священника, который такъ толстъ, что сѣв. олень не въ состояніи возить его на себѣ верхомъ. Къ удивленію моему я услышалъ разсужденія дикарей, глубоко посвященныхъ въ бюрократическія дрязги, объ архіереѣ, Земскомъ Судѣ, Окружномъ Правленіи и т. д. Священникъ въ Горбицѣ также вѣнчалъ и крестилъ только на мѣстѣ. Поэтому я встрѣчалъ Тунгусовъ, которые женились по тунгусскому обычаю и собирались когда-нибудь при случаѣ справить церковное вѣнчаніе, да и крещеніе трехъ или четырехъ дѣтей своихъ. Одинъ Тунгусъ явился къ вѣнчанію съ 7 дѣтьми, подлежавшими крещенію.

Тоже самое повторялось и съ ясакомъ; уплату его откладывали и намѣренія внести его всегда были прекрасны.

Управленіе все-таки возвращалось опять къ единственно правильной системѣ: къ требованію ясака всего племени отъ старшины. Не смотря на большіе барыши, которыми послѣдній при этомъ пользовался, только тертый человѣкъ умѣлъ извлекать изъ нихъ

выгоду для себя (срав. стр. 737); онъ долженъ былъ дѣлиться съ другими, потому что самъ дѣлался чиновникомъ и потому что ему приходилось въ восточной столицѣ пополнять подарки торговцевъ, отъ которыхъ доходы уменьшились. Но къ великой чести Якутска я долженъ сказать, что торговля водкой въ то время почти совершенно вывелась, тогда какъ на забайкальскомъ концѣ хребта я къ великой радости своей замѣтилъ близость [тайно промышляющихъ виномъ] казаковъ по пьяному Тунгусу, котораго я встрѣтилъ среди первобытнаго лѣса. Плетясь верхомъ впереди своего каравана, я ѣхалъ озабоченный изъ отдаленнѣйшей безлюдной глуши, и мы уже перестали встрѣчать кормовыя мѣста для нашихъ сѣв. оленей.

У своихъ соплеменниковъ старшина не легко терялъ свои ссуды, но на скользкомъ пути, на который вступили Тунгусы, уже въ мое время не могли не встрѣчаться случаи, позорившіе весь тунгусскій народъ: иной Тунгусъ сталъ скрываться отъ своего кредитора и брать товары у другихъ торговцевъ, или сѣв. олени, которыми, по тунгусскому обычаю, одинъ другаго безпрекословно выручалъ, не были возвращаемы или не замѣнялись другими и т. д. Однимъ словомъ первобытный коммунизмъ, основанный на честности и довѣріи, сталъ расшатываться.

Для друга человѣчества прискорбно видѣть, что у Енисейскихъ Остяковъ (срав. стр. 660—661) казенныя недоимки наконецъ дошли до того, что выродившихся и изнемогшихъ туземцевъ придется предоставить неизбѣжной погибели, но почти столь-же прискорбно и во всякомъ случаѣ еще болѣе возбуждается наше участіе, когда мы видимъ, что такихъ энергическихъ людей, какъ Тунгусовъ, за подобные-же долги, но не казнѣ, а своимъ-же торговцамъ, неминуемо ожидаетъ самый положительный банкротъ, предвѣстники котораго начали также деморализоровать ихъ, но ни въ какомъ случаѣ не лишать ихъ увѣренности въ самихъ себя. Если Тунгусы своевременно не будутъ направлены на единственный для нихъ путь спасенія (а онъ едва-ли болѣе будетъ открытъ для нихъ, когда мясныя и пушныя животныя исчезнутъ еще больше прежняго), т. е. на занятіе скотоводствомъ, въ особенности же на разведеніе сѣв. оленей, то они, не смотря на замѣчательныя природныя дарованія, также обречены на погибель. Нельзя не пожелать, чтобы мѣстное начальство съумѣло справиться съ великой задачей. Еще время не ушло [1]).

[1]) Въ главѣ о Якутахъ мы покажемъ, какъ медленно происходитъ истребленіе соболей, такъ что времени еще вдоволь, чтобы приступить къ преобразованіямъ экономическихъ данныхъ.

Нигидальское племя.

Проѣхавъ по Тугуру вверхъ до м. Бурукáна, лежащаго на изгибѣ Тугура, я совершилъ небольшую поѣздку чрезъ невысокій водораздѣлъ къ Нимилéну, притоку Амгуни, и такимъ образомъ перебрался въ область р. Амура, чтобы познакомиться съ тунгусскимъ племенемъ, которое находилось въ китайскомъ подданствѣ и о которомъ неоднократно говорили наши Тунгусы. Это было племя Нигидаль, во множ. числѣ Нигидāттеръ [1]).

Мое, при тогдашнихъ условіяхъ, не безопасное предпріятіе облегчилъ мнѣ разумный Нигидалецъ, отецъ котораго уже живалъ на томъ-же мѣстѣ. Признавъ положеніе свое, какъ крайній форпостъ противъ Русской имперіи, не совсѣмъ безопаснымъ, онъ охотно согласился, по случаю проѣзда священника по Тугуру, принять крещеніе, но только лично, не впутывая въ это дѣло семейства, чтобы на всякій случай обезпечить себя. Онъ хорошо помнилъ и свое крестное имя Егора Лапатина, и входилъ въ сношенія съ нашими Тунгусами, тѣмъ болѣе, что это былъ единственный человѣкъ его племени, который обзавелся сѣв. оленями. Племя его составляло главнымъ образомъ осѣдлый рыболовный народъ, у котораго охота являлась второстепеннымъ дѣломъ.

Лѣтъ 10 тому назадъ еще два другихъ семейства его-же племени рѣшились перебраться съ Амгуни и поселиться въ этомъ мѣстѣ. Вслѣдствіе этого они ушли далеко отъ своихъ соплеменниковъ, потому что на Немилéнѣ не было селеній, и ближайшіе ихъ сосѣди жили только на Амгуни, на два дня пути отъ впаденія притока Амāля, до котораго они считали 4 дня пути. Слѣдовательно имъ нужно было пройти всего 6 дней пути, чтобы встрѣтить людей своего племени; послѣдніе жили отъ мѣста впаденія Амгуни въ Амуръ, вверхъ въ семи ночевкахъ ѣзды на лодкѣ. Съ этого устья Амгуни, говорили они, на Амурѣ нѣтъ ихъ соплеменниковъ, а живутъ только Гиляки.

Нигидальское племя дѣлилось на 9 родовъ: 1) Муктегры, къ которымъ принадлежалъ Егоръ; 2) Аюмканы, отъ которыхъ происходили его товарищи; 3) Алчакӯлы, которые соединились съ 4) Торōмконами; 5) Чӯкчагеры; 6) Ньясекагры; 7) Уддāны; 8) Чемакогры; 9) Тапкалы, жившіе уже на Амурѣ, тогда какъ Торōмконы жили на Амгуни выше всѣхъ другихъ. Всѣ эти роды были малочисленны, за исключеніемъ Ньясекагровъ и Аюмкāновъ. Нѣсколько Муктéгровъ жило мéжду Шамāграми. Кочевья ихъ были разбросаны; въ одномъ мѣстѣ было не болѣе 4 юртовъ.

---

[1]) Срав. сказанное уже о нихъ въ первой части этого сочиненія, т. I, стр. 169, прим. 1.

Я скоро познакомился со старикомъ, котораго звали Ö/у ljtun͡gab; отецъ его назывался S'āltitschān; сыновья S'īppin и Mȳnji; жена Njōren. Дѣтямъ даетъ имена отецъ. Такъ какъ я эти имена записалъ, то онъ пожелалъ узнать и мое имя, нѣсколько разъ повторялъ его, повторяя, снова спрашивалъ, такъ-ли онъ говоритъ и наконецъ очень довольный остановился на томъ, что меня зовутъ Эндōромъ.

Это былъ веселый, сообщительный старикъ, съ неиспорченнымъ любезнымъ первобытнымъ характеромъ, какой развивается въ лѣсномъ уединеніи. Въ сравненіи съ нимъ, наши Тунгусы казались какими-то субъектами, извращенными ложною житейскою мудростью. Не только мытый, но и гладко причесанный, съ косою старикъ съ полною готовностью объяснялъ мнѣ все, что меня интересовало. Амуръ они называли Mámgu, но и S'ilkirj Самихъ себя они называли Ylkán; нашихъ Тунгусовъ Dumgȳtka; Гиляковъ Giljäka; Шамагровъ S'amägr; Якутовъ Īöko.

Все ихъ хозяйство опиралось главнымъ образомъ на рыбную ловлю. Основаніе ея составляли кета и горбуша. Дальше внизъ по Амгуни встрѣчались еще разные другіе странные виды. Соболей они хотя никогда много не ловили, но изъ году въ годъ добывали меньше съ тѣхъ поръ, какъ наши Тунгусы стали забираться все дальше; на ихъ долю оставались только лисицы и выдры на зиму, когда имъ было время заниматься этою ловлею и конкурренты удалялись. Я охотно повѣрилъ имъ, когда они жаловались, что наши Тунгусы, которые намъ — вѣдь мы пріѣхали изъ цивилизованнаго міра — казались чрезвычайно честными, совсѣмъ не вели себя какъ люди и обманывали. Споръ между пограничными сосѣдями, объяснили мнѣ, начался съ того, что одинъ изъ нашихъ Инкагировъ выдалъ дочь свою за Нигидальца, но потомъ опять взялъ ее у него. Чтобы получить то, что было заплачено за невѣсту, Нигидалецъ захватилъ ружье Инкагира, съ порохомъ и табакомъ. Нигидальцы были чрезвычайно рады, что я не иду на нихъ войною за это, потому что лишь у весьма немногихъ были ружья и они должны были добывать себѣ порохъ да свинецъ у русскихъ Тунгусовъ, потому что китайскій порохъ былъ слишкомъ дуренъ. Поэтому они и знали русскія названія порохъ и свинесъ и даже отличали temātna[1]), т. е. русскія деньги, отъ Dsihā, т. е. китайской мѣди.

Впрочемъ Шамагры были посредниками въ торговлѣ, пріѣзжая лѣтомъ въ лодкахъ, а зимою на собачьихъ санкахъ. Нѣкогда даже Манджурскій купецъ отправился вверхъ по Амгуни, но онъ умеръ, не оставивъ наслѣдника. Между тѣмъ вмѣсто него, до моего пріѣзда, въ первый разъ Нгатку[ецъ] на нартахъ, въ которыя впряжены были 10 собакъ, доѣхалъ до Немилена, торгуя преимущественно табакомъ и китайскими матеріями (Даба). Въ послѣднее время Нигидальцы покупали кое-что и у нашихъ Тунгусовъ. Вверхъ по Амгуни привозилось не мало муки и проса. Чай въ такомъ видѣ, въ какомъ его пьютъ Манджурцы, они не любили, но нашъ подслащенныйчай они пили съ удовольствіемъ.

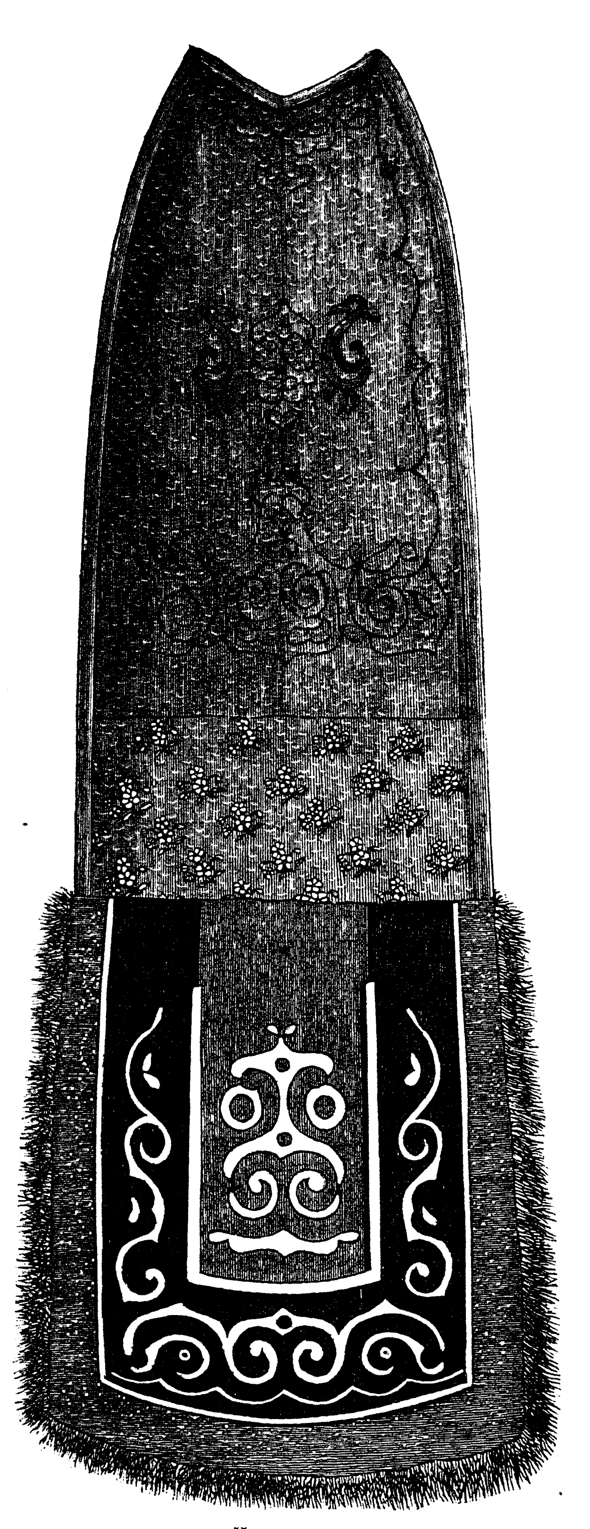
---

[1]) Меня поразило это тѣмъ болѣе, что какъ Якуты, такъ и Тунгусы называютъ наши деньги харчи.

*

Когда, передъ отъѣздомъ моимъ, начался торгъ и со мною, потому что мнѣ хотѣлось пріобрѣсти разныя этнографическія бездѣлушки, то безъискуственная первобытность этого небольшого народа высказалась въ непритворномъ выраженіи его страстишки къ тому, что̀ имъ нравилось. Такимъ образомъ я пріобрѣлъ изображенные ниже предметы главнымъ образомъ въ обмѣнъ на ситцы и бусы. На мой вопросъ: что̀ же онѣ станутъ дѣлать съ этими матеріями, въ которыя онѣ вѣдь не наряжаются, женщины отвѣчали, что это имъ нужно на смертный одръ, если не понадобится на свадьбу дочерей.

Онѣ старались торговаться совершенно по восточному, приносили мнѣ лепешку изъ черемухи и требовали за него всевозможное. Встрѣчая отказъ, онѣ нисколько не чувствовали себя обиженными, а оставались веселыми и не отбирали у меня лепешку, ловко оговариваясь, что такъ какъ мнѣ его прислалъ маленькій сынокъ, то онѣ не станутъ же опять брать его домой. Затѣмъ онѣ клали двѣ три незначительныя мелочи и требовали за нихъ цѣлое ситцевое платье; но какъ только я моталъ на это головой, такъ онѣ поскорѣе клали втрое противъ прежняго.

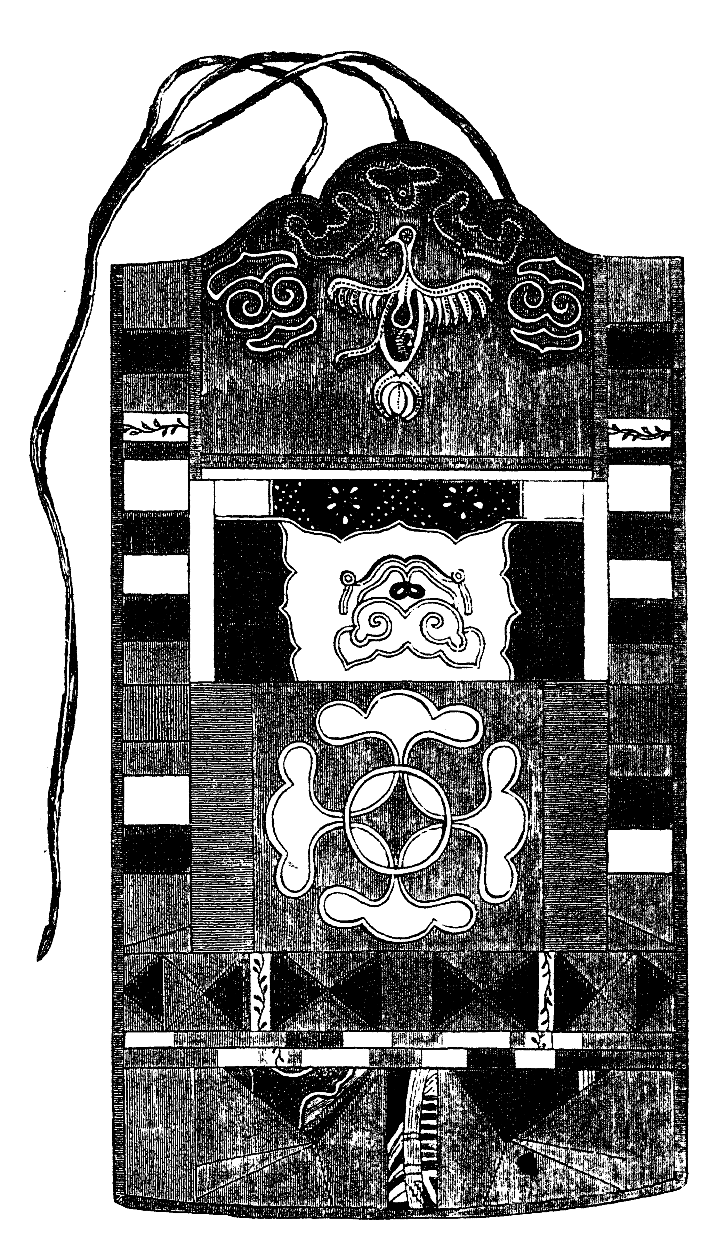
Нагрудникъ.

Нѣкоторыми изъ своихъ вещей онѣ чрезвычайно дорожили, говоря, что это остатки отъ стараго времени, или серебро, которое Манджурцы болѣе не возятъ и т. д. За невзрачную пару серегъ (S'eldūhhun), изображен-

ную на стр. 717, мнѣ пришлось дать 10 аршинъ ситцу, шейный платокъ и пару серегъ, потому что онѣ были сдѣланы изъ серебряной проволоки. Да разставаться и съ мѣдными привѣсками на юбкѣ стоило имъ очень много труда. Но онѣ показывали свои сокровища съ большимъ удовольствіемъ и неоднократно жалѣли, что лучшія вещи оставили въ своихъ зимнихъ мѣстопребываніяхъ.

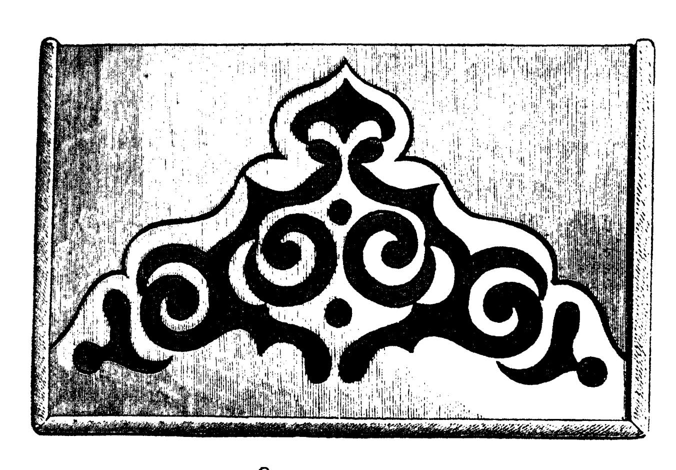
Хотя языкъ ихъ по-видимому отличался отъ тунгусскаго языка русскихъ подданныхъ только незначительными діалектическими особенностями, но все-же производилъ на меня такое впечатлѣніе, какъ будто я находился посреди новаго народа. Это происходило отчасти оттого, что Нигидальцы были почти исключительно рыболовный народъ, отчасти же и оттого, что они тяготѣли уже къ Китаю.

Форма лица хотя и была тунгусская съ высокоголовымъ направленіемъ, но здоровенные усы напоминали, вопреки рѣденькимъ бородкамъ, близость, да вѣроятно происходившую по временамъ примѣсь крови, сильно обросшихъ волосами жителей прибрежій и островов. Хотя у самого $\frac{\text{Ö}}{\text{y}}$-lj-tun͡gab'a, у прочихъ его товарищей, да и у старшаго сына, были такіе-же монгольскіе глаза, какіе составляютъ принад-

Нагрудникъ.

лежность монголо-тунгусскаго типа, но за то у младшаго сына, Сиппина, были такіе приподнятые кверху наружные глазные углы, какіе я до тѣхъ поръ видѣлъ только на произведеніяхъ китайской живописи. Вѣроятно такіе глазные углы были у покойнаго Манджурскаго купца.

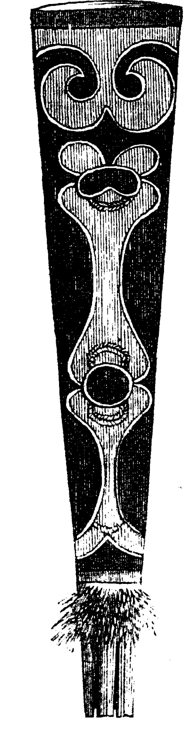

Отворотъ рукава.

Затѣмъ отборнѣйшія моды также сильно напоминали о Китаѣ. Изображенный на стр. 746 нагрудникъ своеобразными фигурами своими свидѣтельствовалъ о томъ, что онъ исходилъ не изъ того моднаго центра, которому подчинялись наши Тунгусы.

А тутъ на второмъ нагрудникѣ [1]), изображенномъ на предъидущей страницѣ, даже еще явился одноглавый орелъ, вышитый мало извѣстнымъ у сѣверныхъ Тунгусовъ матеріаломъ, шелкомъ (S'ëltakēn), который имъ привозятъ Манджуры. Впрочемъ сюда относилось еще множество мѣдныхъ привѣсокъ самыхъ странныхъ формъ, равно какъ запястья и т. п.

Выше показанная часть неоконченной работы, отворотъ рукава [2]), также можетъ служить нагляднымъ доказательствомъ новыхъ образцовъ, особенно если мы сравнимъ ихъ съ купленными у Нигидальцевъ-же рукавицами, изображенными на стр. 646, и сопоставимъ съ русско-тунгусскимъ шитьемъ, изображеннымъ на стр. 702 и 714.

Футляръ для ножа.

Наконецъ я считаю нелишнимъ помѣстить тутъ еще рисунокъ вышитаго уже на китайской шелковой матеріи футляра для ножа [3]). Тѣхъ, которымъ эти признаки зашедшаго изъ Китая эстетическаго вкуса могутъ показаться не довольно доказательными, вполнѣ убѣдятъ покрой изображенной на слѣдующей страницѣ женской стеганной шапки [4]), сдѣланной изъ шелковыхъ матерій, и женскій башмакъ, изображенный на той-же страницѣ. Я выра-

1) S'älla Нигидальцевъ.

2) N͡gās'uppun.

3) $\frac{\ddot{o}}{o}$ n $\frac{\bar{o}}{y}$ ku.

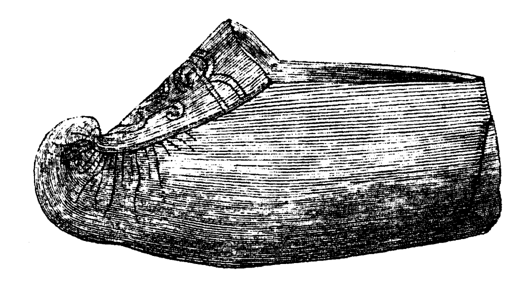
4) Āwun.

зилъ мнѣніе, что они привезены готовыми, но мнѣ объяснили, что дѣйствительно нужна особенно искусная жена на то, чтобы изготовить такія вещи, и представили мастерицу, которая оказалась женою одного изъ Нигидальцевъ. Такимъ шапкамъ онѣ придавали особенную цѣну еще потому, что, согласно обычаю, носили ихъ и дома. Въ обыденномъ употребленіи былъ родъ ночныхъ чепцовъ, защищавшихъ затылокъ и очень похожихъ на гельголандскій Nordwester. Стеганная шапочка надѣвалась на этотъ чепецъ.

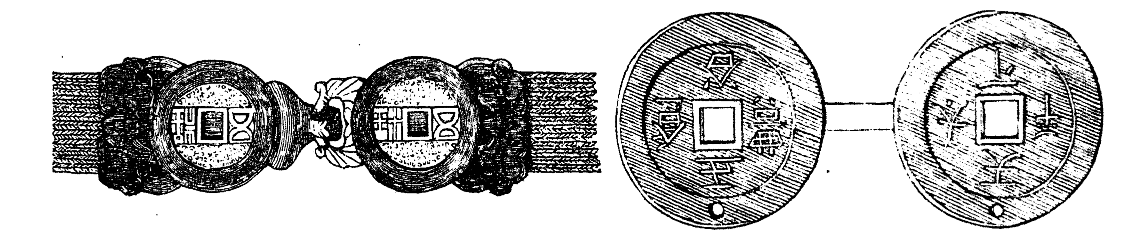

Женская шапка.

Женскій башмакъ изъ желтой кожи также напоминалъ Китай, а китайскія монеты, служившія пряжками на поясѣ изъ конскихъ волосъ, или на подвязкахъ [1]), носили на себѣ отпечатокъ своего происхожденія.

Приборъ другого покроя, съ которымъ я уже познакомился на прибрежьѣ, у Гиляковъ, происходилъ съ Амура. Это былъ кисетъ изъ выдѣланной въ родѣ подошвы тюленьей шкуры, для храненія табака и огнива. Верхняя половина, въ видѣ крышки, надвигалась на нижнюю; въ Сибири эта форма нигдѣ не встрѣчалась, но переходъ къ ней составляетъ тунгусскій кисетъ, изображенный на стр. 714. и описанный на стр. 715.

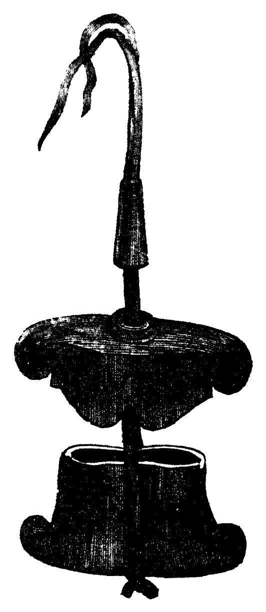

Женскій башмакъ.

Футляръ для ножа, сдѣланный изъ хвоста броненосной рыбы, также свидѣтельствовалъ о своемъ приморскомъ происхожденіи, потому что тунгусскіе футляры

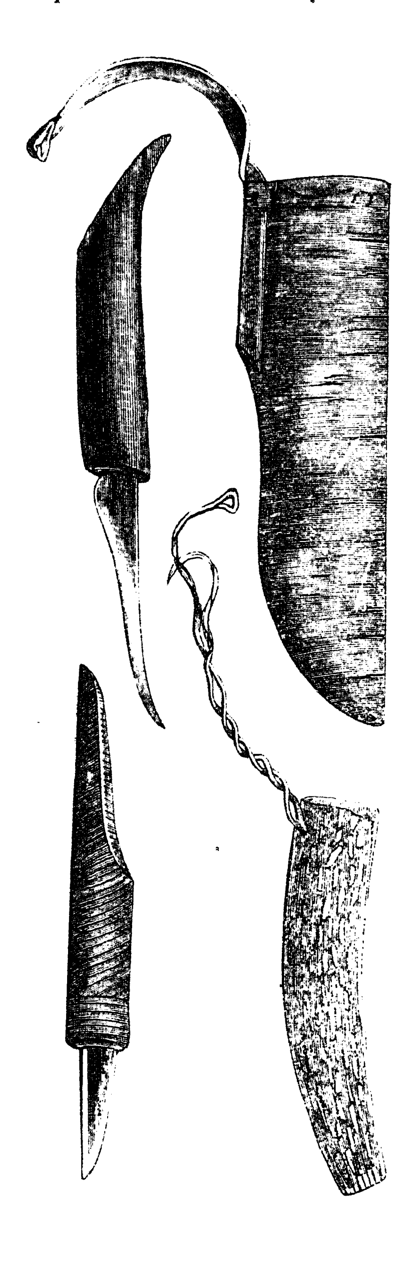

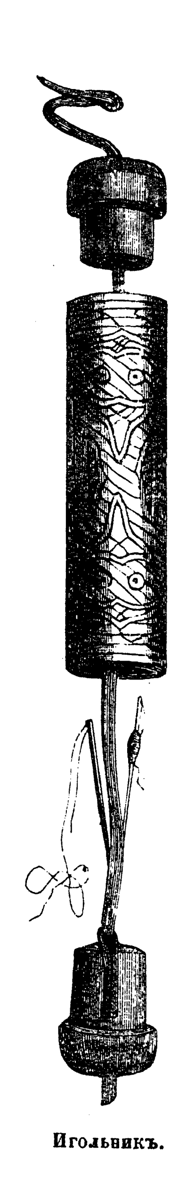
---

[1]) o $\frac{g}{h}$ n $\frac{ö}{y}$ ki.

Кисетъ.

Игольникъ.

дѣлаются изъ бересты. Желѣзо былъ рѣдкій товаръ, такъ что лезвія употреблялись въ дѣло до послѣдняго кусочка.

На Гиляковъ указывалъ также игольникъ, отличавшійся какъ оригинальною формою, такъ и своеобразными фигурами, которыми онъ украшенъ. Фигуры эти явно похожи на тѣ, которыя преобладаютъ на островахъ Южнаго океана, и очевидно должны считаться подражаніемъ столь употребительной тамъ формы мертвой головы, положительно находящейся въ связи съ каннибализмомъ и трофеями изъ человѣческихъ череповъ.

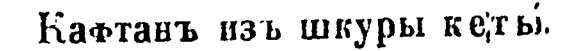

Съ Амура были также кольца и похожая на голову мертвеца пуговица съ обшивки, украшающей нижнюю кайму юбокъ.

Подобныя-же мѣдныя украшенія, но въ видѣ маленькихъ пустыхъ полушариковъ, на короткихъ ремешкахъ были пришиты къ изображенному тутъ кафтану [1]), въ видѣ каймы.

Рыбьи шкуры обработывались при помощи тяжелаго, клиновиднаго, слѣдовательно топорообразнаго, деревяннаго молотка, которымъ вколачивали ихъ въ соотвѣтственно устроенную форму, вырѣзанную въ кускѣ дерева.

Кафтанъ изъ шкуры кеты.

Тотъ-же кафтанъ спереди.

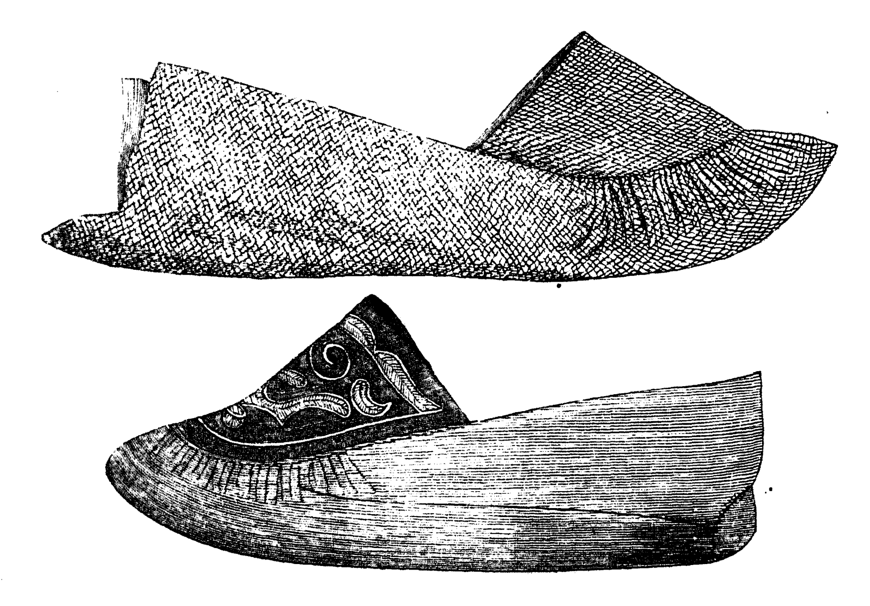
Послѣ долгаго толченія шкуры освобождаются отъ своихъ чешуй, за тѣмъ скоблятся тѣми-же самыми дубильными приборами, съ которыми мы ознакомились на стр. 642, порядочно еще растираются руками, и въ заключеніе гладко и бѣло шлифуются пемзой, которую имъ доставляютъ Ньгатку. Послѣдніе находятъ ее, говорятъ, на берегахъ Амура, въ видѣ изверженія, что указываетъ, слѣдовательно, на существованіе нѣкогда вулкана при одномъ изъ его притоковъ.

---

1) Uzjkȳllin.

Черною краскою является тутъ уже китайская тушь; для желтаго цвѣта употребляется желчь лосятъ. Всѣ одежды шьются не крапивными нитками, а жилами. Рыбьи шкуры служатъ главнымъ образомъ для женской одежды; для мужской предпочитаютъ болѣе носкую лосинную шкуру.

Кроятся и застегиваются кафтаны точно также, какъ сибирскіе зипуны вообще, и показываютъ намъ, откуда взялся покрой передней части нашихъ русскихъ кучерскихъ кафтановъ. Съ этимъ покроемъ вмѣстѣ съ тѣмъ прекращается и чисто-тунгусскій нагрудникъ, который превращается въ женскій передникъ, бывающій обыкновенно короче европейскаго.

Мужскіе башмаки.

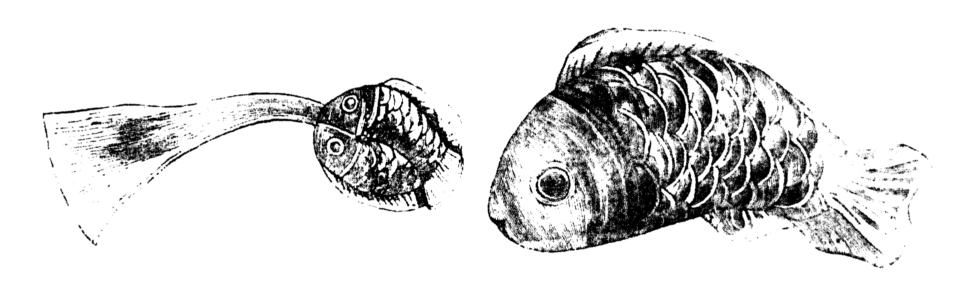
Къ вышеуказанному кафтану принадлежитъ еще цѣлый нарядъ изъ рыбьихъ шкуръ. Сообщаю тутъ рисунокъ мужскихъ башмаковъ [1]) Нигидальцевъ, чтобы наглядно показать измѣненіе покроя, потребовавшееся для женщинъ (см. стр. 749), безъ различія матеріала, т. е. безъ различія того, сдѣланы ли они изъ рыбьей шкуры, или изъ замшевой дубленой лосины. У Тунгуса даже обувь должна быть сдѣлана аккуратно и щеголевато.

Хорошія шкуры добываютъ какъ съ кеты, такъ и со щукъ [2]), но тонкую крашеную шкуру, употребляемую на шитую парадную одежду, даетъ рыба **кетакытъ**, которую изображаетъ, говорятъ, показанное на слѣдующей страницѣ китайское стекляное украшеніе, и которая, слѣдовательно, повидимому принадлежитъ къ карпамъ.

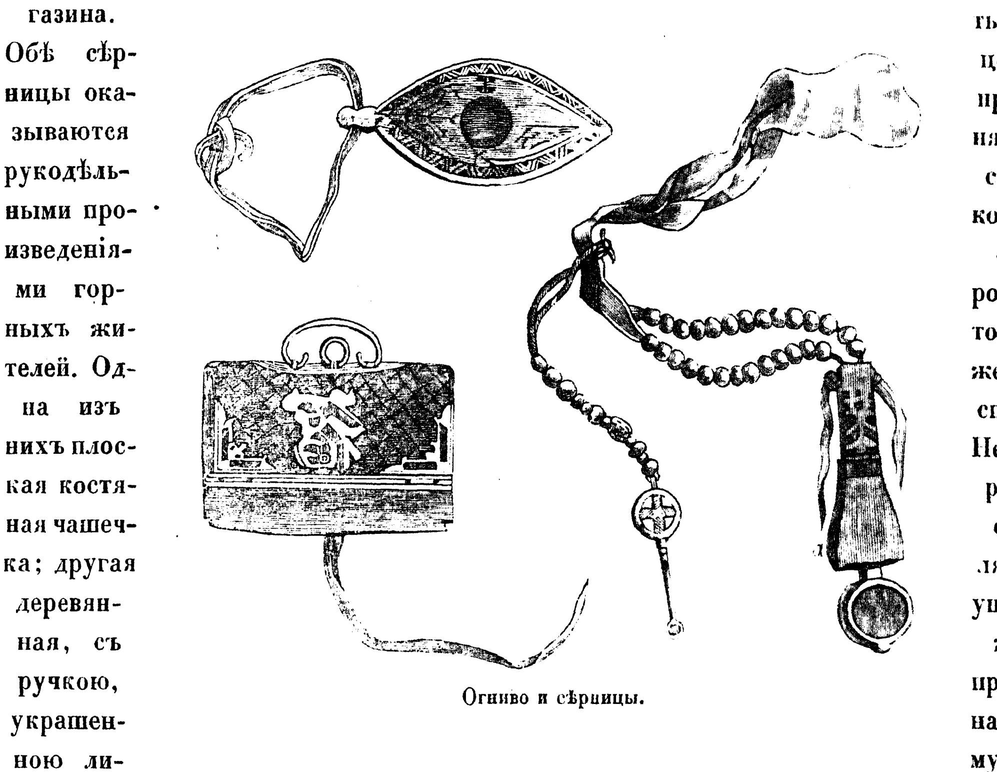
[1]) Ōnta; набедренникъ къ нимъ называется Gäjn.

[2]) Kujtschān (у нашихъ Тунгусовъ Mutkān).

Стеклянное украшеніе.

Эти указанія на Китай мы окончимъ изображеніемъ китайскаго огнива, которое рядомъ съ изделіями горныхъ жителей казалось вещицею, взятою изъ европейскаго магазина. Обѣ сѣрницы оказываются рукодѣльными произведеніями горныхъ жителей. Одна изъ нихъ плоская костяная чашечка; другая деревянная, съ ручкою, украшенною лигымъ свинцомъ, и предохраняемая отъ сырости кожанымъ футляромъ, который можетъ быть спущенъ. Не берусь рѣшить, составляетъ-ли ушная ложечка, привѣшанная къ этому необходимѣйшему прибору Тунгуса, предметъ роскоши востока или запада.

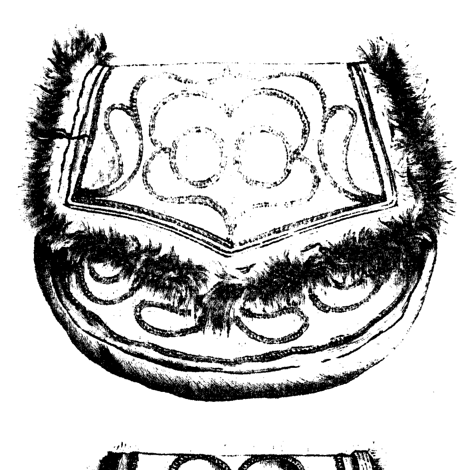
Огниво и сѣрницы.

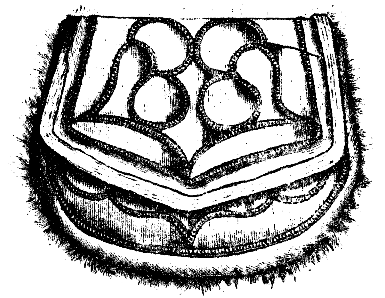
Чисто Нигидальскимъ произведеніемъ я нашелъ шитье на двухъ чрезвычайно отчетливо и красиво сдѣланныхъ кошелькахъ для храненія огнива и трута (S'iltïk). Фигуры вышиты блестящими бѣлыми нитками, которыя Нигидальскія женщины умѣютъ наматывать изъ внутренней кожи главной артеріи (Aorta) сѣв. оленей или лосей.

Кайма къ нимъ подобрана чрезвычайно удачно изъ самыхъ нѣжныхъ, — съ прекраснѣйшими цвѣтными переливами, и по возможности съ металлическимъ отблескомъ, —

перьевъ красивыхъ птицъ, разнообразныя чучела которыхъ находятся у нихъ въ употребленіи [1]). Эти перья, искусно подобранныя, дѣйствительно чрезвычайно красятъ нарядъ и вмѣстѣ съ тѣмъ доказываютъ, какъ спокойны Нигидальцы отъ моли, какъ воздушны ихъ лачуги.

Столь-же своеобразны, но въ другомъ направленіи, были художественныя произведенія Нигидальскихъ женщинъ, сдѣланныя изъ бересты. У рабочаго мѣшка, изображеннаго на слѣдующей страницѣ [2]), были растяжныя боковыя вставки изъ рыбьей шкуры.

Кошельки для огнива и трута.

Приходится одинаково удивляться и симметрическому вкусу и удачности выполненія. При помощи небольшаго ножичка, поперекъ вставленнаго въ черенокъ, и держа рядомъ, для разграниченія, большой палецъ свободной руки, женщина вырѣзала фигуры отъ руки на моихъ глазахъ. Вслѣдствіе этой ловкости въ изготовленіи бересты у Нигидальцевъ все принимаетъ весьма красивый видъ. Шалашъ, сдѣланный изъ того-же матеріала, можно сравнить съ карточнымъ домикомъ. Висящій при входѣ берестовый занавѣсъ изображаетъ дверь. Съ противоположной стороны другая дверь такого-же рода. Вмѣсто потолка, накрыто множествомъ тоненькихъ жердей, разложенныхъ въ видѣ рѣшетки, для копченія рыбъ и въ особенности рыбьей икры. На покатой берестовой крышѣ на самомъ верху приспособлено четыреугольное отверстіе, служащее дымовой трубой.

На полу, по обѣ стороны хода, ведущаго къ очагу и противоположной двери, также разложены берестовые ковры. На палецъ разстоянія въ нихъ сдѣланы поперечные надрѣзы, чтобы нельзя было поскользнуться. Такъ какъ они, подобно очагу, обложены

[1]) По-видимому это были большею частью утки и нырки, которыхъ Нигидальцы называли слѣдующимъ образомъ: 1) Koṅgaslán An. sponsa?; 2) Ātgatschan; 3) Īdgi; 4) Mōmnan; 5) Tajmi; 6) Sō's$\frac{i}{y}$l, самка котораго называлась Is'enen; 7) Käṅgū; 8) Akānny (Podiceps); 9) Tschōtema (An. bochas). Такія птичьи шкуры вообще назывались Moṅgōks'o. Тетерева Karāka (Tetr. falcipennis) нашихъ Тунгусовъ они называли Assūmja.

[2]) Kāpta; въ видѣ мѣшка онъ назывался S'okōtjon. Такой-же, но еще большій мѣшокъ, сшитый изъ шкурокъ сѣв. оленятъ, и являвшійся уже огромнымъ рабочимъ мѣшкомъ, назывался: hōkkor; наконецъ родъ футляра для шелковой матеріи: Ukil$\frac{tsch}{z}$jäk.

жердями, то внутренность шалаша производитъ впечатлѣніе большаго порядка, даже щеголеватости. Но какъ только сядешь, такъ къ сожалѣнію вспомнишь, что осѣдлый человѣкъ однимъ мучителемъ, однимъ быстроногимъ домашнимъ насѣкомымъ богаче кочевника, у котораго оно не можетъ завестись.

Лѣтнее помѣщеніе очень пусто. Все вертится на сѣтяхъ. Послѣднія дѣлаются изъ крапивы[1]), пышно разрастающейся благодаря остаткамъ отъ рыбной ловли. Стебли ея вырываются съ корнями, сушатся и, ножеподобно обдѣланными костями, расщепляются пополамъ; потомъ каждая изъ этихъ желобкообразныхъ половинокъ выглаживается тѣми-же костями. За тѣмъ въ корневомъ концѣ стебель надламывается такъ, что кора отдѣляется отъ мязги; послѣднюю отдираютъ и тотчасъ-же прядутъ изъ нея нитки, изъ которыхъ потомъ скручиваютъ веревки.

Женскій рабочій мѣшокъ.

Веретено, которымъ прядутъ, состоитъ изъ деревянной круглой пластины и служащей ей осью палки, на одномъ концѣ которой находится поперечный сучокъ. Къ послѣднему отодранное привязывается, веретено быстрымъ катаніемъ нижняго конца оси, на колѣнѣ, приводится въ круговое движеніе и такимъ образомъ совершается пряженіе. Для скручиванія полученныхъ нитокъ въ шнурки, вертится вокругъ оси инструментъ, похожій на приборы для наматыванія мѣрильныхъ веревокъ, лаговъ и т. п.

Пока мы старались объясняться другъ съ другомъ, отъ души хохотали и знакомились, старикъ преспокойно продолжалъ вязать свою сѣть, что пріятно отличалось отъ бездѣльничанія шалашныхъ Тунгусовъ. При всемъ томъ онъ повторилъ нѣсколько разъ: если бы мы могли порядкомъ объясниться другъ съ другомъ, то намъ можно бы было о многомъ поговорить. Иголка, которою вязалась сѣть, была такая-же, какою у насъ вяжутъ сѣти. Ячейки въ ладонь ширины назначались для тайменей и лениковъ.

Стоящіе на сваяхъ амбары доказывали, что въ нихъ съ успѣхомъ складывались большіе запасы на зиму. Челноки изъ бересты (срав. изображеніе на стр. 581) были длиною въ 20′, а шириною только въ $1\frac{1}{2}$′; по концамъ они были покрыты, какъ для удержанія волнъ, такъ и для защиты поклажи отъ промоканія. Просто, но весьма прак-

---

[1]) hīt$\frac{ö}{у}$, какъ у нашихъ Тунгусовъ.

тично защемливаніе бересты между тонкими расщепленными деревянными планочками, въ замѣнъ шва и рамки.

Меня угощали смѣсью сушеныхъ и толченыхъ черемуховыхъ ягодъ (Inöktö) съ сушеной кетой, которую обливали холодною водою. Въ поджаренномъ видѣ сушеная кета мнѣ чрезвычайно нравилась. Такъ какъ я отозвался объ этомъ съ похвалой, то мнѣ на дорогу дали хорошенькую корзиночку изъ бересты, наполненную лакомствами и прикрытую, взамѣнъ крышки, черемуховымъ пирогомъ.

Въ то время, какъ я ѣлъ, трехлѣтній [1]) босой, подобно всѣмъ дѣтямъ, мальчуганъ, который, глядя на ѣду, почувствовалъ аппетитъ, подошелъ къ матери и довольно безцеремонно самъ вытащилъ себѣ свою ѣду изъ-за ея нагрудника, что нисколько не смутило компанію. Едва онъ успѣлъ управиться съ этимъ, какъ потребовалъ морскаго сухаря, который я привезъ съ собою. Когда ему замѣтили, что сухарь для него слишкомъ крѣпокъ, онъ отвѣтилъ: хотя онъ и крѣпокъ, но я все-таки его раскушу, и показалъ при этомъ рядъ прекрасныхъ зубовъ. Голова его, за исключеніемъ косы, была выбрита.

Почетная дубина.

Когда я завелъ рѣчь о любопытномъ ихъ способѣ рѣшенія дѣлъ, касающихся чести и взаимныхъ споровъ, мой любезный старикъ съ величайшею готовностью вытащилъ на сцену изображенный тутъ прототипъ нашихъ рапиръ. Этотъ мукечи́ дѣлается изъ самаго крѣпкаго мѣстнаго дерева, т. е. изъ каменной березы. Какое значеніе имѣетъ желобокъ *a* на спинкѣ, этого я не могъ узнать. Мукечи нѣсколько шероховатъ для того, чтобы при парированіи удары не скользили слишкомъ легко.

Съ пылкимъ усердіемъ, которое сдѣлало бы честь самому задорному студенту, съ сверкающими глазами, мой добрый старикъ показывалъ мнѣ, какъ эту деревянную саблю держатъ обѣими руками и какъ, направляя ее то туда, то сюда, парируютъ удары. У каждаго Нигидальца, говорятъ, по крайней мѣрѣ, по одному мукечи. Совершенно на европейскій рыцарскій ладъ игра продолжается до перваго появленія крови, при чемъ иногда, говорятъ, переламываются пальцы и разсѣкается кожа на головѣ. Tout comme chez nous.

Теперь, говорилъ мой другъ, существуютъ только небольшіе шаманы, но мой собственный отецъ былъ очень большой шама́нъ.

[1]) Въ то время я не зналъ, что Манджуры и Монголы страннымъ образомъ считаютъ лѣта не со дня рожденія, а со дня зачатія. По-этому я теперь не знаю, не слѣдуетъ-ли во всѣхъ моихъ показаніяхъ возраста отсчитывать $^3/_4$ года.

Въ лѣсу я встрѣчалъ гробы, которые были втиснуты между деревьями, или стояли на двухъ столбахъ, соединенныхъ перекладинами.

Относительно народовъ, съ которыми въ мое время сталкивались тунгусскія племена южнаго ската водораздѣльнаго хребта, я могъ собрать только самыя незначительныя свѣдѣнія, потому что я не встрѣчался ни съ однимъ изъ такихъ народовъ.

Ньгатку описывались какъ народъ, жившій при Амурѣ, выше устья Амгуни, и говорившій на другомъ, чѣмъ тунгусскій, языкѣ.

Шамагры ежегодно въ выдолбленныхъ челнокахъ пріѣзжали вверхъ по Немилену до Хамбыкана, издалека, какъ говорили, съ той стороны Амгуни.

Буралы были очевидно Тунгусы, въ китайскомъ подданствѣ, потому что говорили на языкѣ, близко походившемъ на языкъ нашихъ Бытало-Тунгусовъ. Голову они брили, оставляя только косичку. Старшину ихъ китайское правительство отличало кисточкой на шапкѣ. Они были конные Тунгусы и отдѣлялись отъ нашихъ Оленныхъ Тунгусовъ свойствомъ кормовыхъ мѣстъ. Но такъ какъ они, въ интересахъ произрастанія травяной растительности, занимались спаливаніемъ весною прошлогодней травы, то пали ихъ иногда опустошали большія пространства лѣса, да и болѣе сухія кормовыя мѣста сѣв. оленей на южныхъ предѣлахъ той области, до которыхъ возможно пробраться на сѣв. оленяхъ. Отсюда происходили столкновенія и наши Тунгусы горько жаловались на это, забывая, что они сами находились на запретной границѣ.

У Бураловъ были только фитильныя ружья и мало лошадей, такъ что послѣднихъ цѣнили высоко, т. е. въ 6 — 9 соболей, тогда какъ Даурцы продавали своихъ коней гораздо дешевле.

На Ниманѣ, впослѣдствіи на Долдеканѣ, да и на Бысѣ, были сборные пункты, на которыхъ зимою они сходились съ нашими Тунгусами. Изъ году въ годъ это стало дѣлаться рѣже; да и Даурцы перестали приходить къ Инкани, гдѣ прежде ихъ много бывало.

Буралы по-видимому жили главнымъ образомъ близь самого Амура; самый сѣверный при впаденіи Бысы въ Силимджи. При устьѣ Урчи (впадающаго въ Амуръ, выше Албазина) я встрѣтилъ Бурала, на котораго не могъ однакоже обратить вниманія, потому что мы были какъ разъ на самомъ ходу. Ихъ должно быть много, потому что они жили на правомъ берегу Амура, между Албазихой и Пангой.

Нашихъ Тунгусовъ они называютъ Töhálj, а Даурцевъ Dahūhalj, тогда какъ наши Тунгусы называютъ Даурцевъ Djulú.

Якуты.

О Якутахъ уже столько писано, что мы не намѣрены прибавлять къ прежнимъ поверхностнымъ извѣстіямъ еще новое неполное описаніе. Между сибирскими туземцами этотъ народъ занимаетъ такое важное мѣсто, что ему слѣдовало бы посвятить обширное самостоятельное сочиненіе, которое могло бы стать на ряду съ изслѣдованіемъ акад. Бётлингка о языкѣ Якутовъ. Такое сочиненіе можетъ быть названо дѣйствительною потребностью тѣмъ болѣе, что до самого послѣдняго времени писатели отчасти съ выраженіемъ удивленія упоминаютъ о поразительныхъ будто бы странностяхъ кочевой жизни Якутовъ, частью распространяютъ даже совершенно ложныя извѣстія о характерѣ якутскаго народа, и въ нѣкоторыхъ, недавно появившихся, статьяхъ присоединяютъ Якутовъ къ числу тѣхъ сибирскихъ народовъ, которые обречены на неизбѣжную погибель.

Мои замѣтки ограничатся тутъ сообщеніемъ такихъ свѣдѣній изъ моихъ сношеній съ Якутами, которыя способны пролить настоящій свѣтъ на этотъ интересный народъ. Образцовое и въ свое время исчерпавшее всѣ данныя изслѣдованіе Бётлингка (въ 3-мъ томѣ нѣм. изд. этого Путешествія), а въ особенности сообщенный Уваровскимъ якутскій текстъ, хотя и приправленный нѣкоторыми восточными прикрасами, представляютъ превосходное основаніе для ознакомленія съ Якутами. Въ главахъ «Общія свѣдѣнія», «Долганы» и «Тунгусы» мною также неоднократно говорено о Якутахъ.

Подобно Тунгусамъ, я и Якутовъ встрѣчалъ какъ на глубокомъ сѣверѣ Таймырскаго края, такъ и на отдаленнѣйшемъ юго-востокѣ Сибири, даже на Амурѣ, область котораго въ то время еще вполнѣ принадлежала Китайской имперіи.

Не подготовленный путешественникъ удивится, услышавъ что на Енисеѣ, на нѣсколько тысячъ верстъ отъ главнаго пребыванія Якутовъ, онъ встрѣтитъ совершенно осѣдлый обломокъ этого племени, какъ скоро тронется изъ Туруханска внизъ по Енисею.

Всего въ 35 верстахъ отъ Туруханска, въ поселеніи Шорохинѣ, вы очутитесь среди колоніи, которая имѣетъ полнѣйшеее право считаться особымъ якутскимъ родомъ, Шорохинскимъ. Въ мое время насчитывали 17 душъ муж. и 16 душъ женск. пола. Вотъ и все. По общему наружному виду они преобразились въ Русскихъ; это тѣмъ болѣе не удивительно, что половина новыхъ дворовъ, составлявшихъ Шорохино, была занята чисто-русскими поселенцами.

Какими судьбами, когда и какимъ путемъ этотъ родъ, происшедшій вѣроятно отъ одного и того-же семейства, заброшенъ на самый крайній западный форпостъ, это мнѣ

къ сожалѣнію не удалось развѣдать при быстромъ моемъ проѣздѣ [1]). Какъ островъ, онъ находится среди обширнаго океана совершенно разнородныхъ народовъ, но сохранилъ для своей внутренней жизни свой языкъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ несомнѣнно и многое, связанное съ нимъ, не смотря на то, что уже въ мое время русскій языкъ у этого рода по видимому успѣлъ пріобрѣсти право гражданства.

Такимъ образомъ намъ пока можно прибѣгнуть къ двумъ предположеніямъ. Или ихъ постигла та же судьба, какой подвергнулись жители почти всѣхъ поселеній въ низовьяхъ Енисея, т. е. ихъ насильно, можетъ быть въ наказаніе за проступки, переселили на эту рѣку (на извѣстныхъ разстояніяхъ), чтобы сдѣлать возможнымъ сообщеніе между Туруханскомъ и поселеніями, лежащими дальше внизъ; или передъ нами добровольное переселеніе этого неугомоннаго народа, изъ Таймырскаго края, а еще вѣроятнѣе съ знаменитаго Есейскаго озера, которое нѣкогда поддерживало дѣятельныя сношенія между Вилюемъ, городомъ Якутскъ и самымъ южнымъ Таймырскимъ краемъ. Въ мое время еще не угасли разнородныя воспоминанія объ этихъ сношеніяхъ, да и на берегахъ этого богатаго дарами озера по-видимому еще сохранились остатки Якутскаго народа [2]).

Изъ Шорохина нужно отправиться за 4 градуса широты къ сѣверу и далеко на востокъ, чтобы за тундрами встрѣтить опять Якутовъ, которые тамъ, числомъ около 500 душъ, въ видѣ острова занимаютъ рѣчныя области Хатанги и Анабара [3]). Оффиціально они называются Нижне-Затундренскими, что составляетъ плеоназмъ, какъ потому, что нѣтъ Верхне-Затундренскихъ Якутовъ, такъ и потому, что тундра, по ту сторону которой они живутъ, называется «Большой Низовой», т. е. собственно глубоко-сѣверной.

Мѣста пребыванія Якутовъ означены въ нашемъ атласѣ картъ на табл. II-ой нѣм. изд. Тѣ изъ нихъ, у которыхъ нѣтъ сѣв. оленей (одинокіе), живутъ осѣдло въ срубахъ, на берегахъ текущихъ водъ. Между всѣми туземцами эти Якуты были единственный народъ, который въ оффиціальныхъ спискахъ составлялъ первую категорію «осѣдлыхъ туземцевъ». Самое большое ихъ поселеніе было Коренное Филиповское, на Боганидѣ, исходный пунктъ моихъ дальнѣйшихъ странствованій на сѣверъ; тамъ я устроилъ метеорологическую станцію, которая осталась на мѣстѣ въ теченіи лѣтней половины года.

---

[1]) Въ этомъ отношеніи вопросъ не разъясненъ и новѣйшими монографами Туруханскаго края, т. е. ни Костровымъ, ни Третьяковымъ, ни Кривошапкинымъ.

[2]) По словамъ Кривошапкина (Енисейскій округъ, 1865, изд. Имп. Русск. Геогр. Общ. I, стр. 371) тамъ еще и теперь живутъ Якуты.

[3]) У Палласа (Reise, III, p. 321) число Якутовъ Туруханскаго края, которые въ то время большею частію уже были крещены, простирается до 127 душъ муж. пола. Но изъ соч. Георги (Beschr. des Russ. Reichs, II, стр. 1013), вышедшаго въ 1799 году, видно, что въ концѣ прошлаго стодѣтія тамъ было 229 крещеныхъ и 70 языческихъ душъ муж. пола. Степановъ (Енис. губ. I, стр. 160) насчитывалъ еще почти такое-же число, т. е. 296 душъ муж. пола. Съ тѣхъ поръ, слѣдовательно, количество очевидно уменьшилось, потому что Костровъ насчитываетъ 234 Якутовъ и 236 Якутокъ, кромѣ Шорохинскихъ. У Кривошапкина (l. c. I, стр. 355) и Третьякова (l. c. стр. 373 и слѣд.) значится за 1860 годъ увеличеніе до 263 душъ муж. и 272 душъ женскаго пола.

Тѣ изъ тамошнихъ Якутовъ, у которыхъ есть сѣв. олени, пользуются этимъ упряжнымъ животнымъ и уѣзжаютъ на лѣто далеко на сѣв. равнины, въ область притоковъ Таймыра, и, не будучи стѣсняемы конкурентами, занимаются тамъ закалываніемъ сѣв. оленей и избіеніемъ гусей. Они очевидно заняли прежнія кочевья Самоѣдовъ и оттѣснили ихъ все дальше и дальше въ самыя крайнія пустыни глубокаго сѣвера, т. е. принудили ихъ къ тѣмъ обширнымъ лѣтнимъ странствованіямъ, которыя теперь сдѣлались правиломъ, потому что зимою оба народа живутъ въ однихъ и тѣхъ-же мѣстностяхъ.

Хотя упомянутые Якуты, имѣющіе сѣв. оленей, въ оффиціальныхъ спискахъ причисляются къ «кочующимъ туземцамъ», но любовь ихъ къ осѣдлымъ жилищамъ такъ развита, что и въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ ихъ лѣтнія промысловыя странствованія сталкиваются съ крайними предѣлами ихъ зимнихъ ловушекъ (срав. стр. 609), они любятъ устраивать себѣ маленькія хаты, или по крайней мѣрѣ срубы — лѣтовье или отъѣзжее,—сколачивая ихъ изъ бревенъ, которыя съ большимъ трудомъ приволакиваются съ предѣла лѣсной растительности къ тундрѣ.

Впрочемъ не одни эти лѣтнія и охотничьи редизенціи, но и главныя жилища свои (**зимовья**), они покидаютъ съ легкостью, напоминающею Тунгусовъ. Условія ловли или семейныя обстоятельства, гнетъ со стороны слишкомъ часто проѣзжающихъ сборщиковъ податей, важныхъ чиновниковъ или священниковъ и т. д. очень легко побуждаютъ весьма еще неусидчивый характеръ къ перемѣнѣ мѣста жительства. По-этому у путешественника, при началѣ его разспросовъ, слагается неизбѣжное понятіе, что передъ нимъ очень густо населенная рѣчная область. Вскорѣ, когда ближе вникаешь въ дѣло, является мысль, что происходило вымираніе. Фактически же, вслѣдствіе довольно медленнаго наращенія, количество населенія, пожалуй, мало измѣняется [1]). Бурная жизнь этихъ Якутовъ переноситъ ихъ то туда, то сюда, хотя вслѣдствіе безпріютности края и повальныхъ болѣзней дѣйствительно иное поселеніе совершенно теряетъ свое населеніе. Въ

---

[1]) Исчислимъ примѣрно рядъ зимовьевъ, которыя, какъ я узналъ по разспросамъ, расположены были на Хатангѣ и Хетѣ, но, какъ потомъ оказалось, не были постоянно заняты: На Хатангѣ сверху внизъ: 1) Крестовское, при устьѣ Хеты; 2) Носовское; 3) Козачье; 4) Ждановское (послѣднія три въ одинаковомъ разстояніи отъ Хатангскаго погоста); 5) Хатангскій погостъ, съ 4 дворами; 6) Проточное, на рукавѣ главной рѣки; 7) Лѣтовье; 8) Кылтасово Нижнее; 9) Убоино; 10) Нижнеостровское; 11) Лукино; 12) Крестовское; 13) Рыбное; 14) Попигайское; 15) Портнягино или Болохинское (единственное зимовье, лежащее на лѣвомъ берегу, на добрый день пути отъ № 14); 16) Новое, вверхъ по Попигаю (добрый день пути); 17) Озерское Лѣтовье, которое на зиму большею частью покидаютъ.

На Хетѣ отъ устья вверхъ: 1) Крестовское, о которомъ уже было говорено выше (оно состоитъ изъ 3 дворовъ); 2) Назоново, всего одинъ дворъ; 3) Проточное; 4) Соколово, изъ 5 дворовъ; 5) Прилучино, въ которомъ дѣйствительно никого не было, потому что всѣ жители этого поселенія, до послѣдняго человѣка, вымерли года за два до моего пріѣзда; 6) Конона, четыре двора съ тѣхъ поръ, какъ туда перебрался переселенецъ изъ Прилучина; 7) Александрово или Кирилово, четыре двора; 8) Рябово, два двора; 9) Назоново второе; 10) Назоново первое; 11) Корговское; 12) Медвѣжье; 13) Орлово.

За исключеніемъ Налтанова и Назонова второго, всѣ эти поселенія лежали на правомъ, высокомъ берегу Хеты.

устахъ народа однакоже извѣстія о такихъ событіяхъ слишкомъ выдвигаются на первый планъ и обобщаются, такъ что проѣзжій долженъ составлять себѣ объ этомъ ложныя понятія.

Свѣжо сохранившееся у этихъ глубоко-сѣверныхъ Якутовъ преданіе о томъ, что предки ихъ удалились въ эти пустыни издалека отъ притѣсненій, подтверждается неугомонностью ихъ.

Объ устройствѣ домовъ въ этихъ поселеніяхъ мы говорили въ главѣ о Долганахъ. Замѣчательно, что это блокгаузы на русскій ладъ, т. е. срубленныя изъ горизонтально лежащихъ другъ надъ другомъ бревенъ, тогда какъ во всемъ остальномъ якутская манера одержала верхъ надъ русскою. На Хетѣ я нашелъ даже, что первоначально русскіе поселенцы до такой степени преобразились въ Якутовъ, что якутскій языкъ сдѣлался ихъ настоящимъ роднымъ языкомъ, тѣмъ болѣе, что поселенцы русскаго происхожденія женились на Якуткахъ.

Якутка съ Хеты.

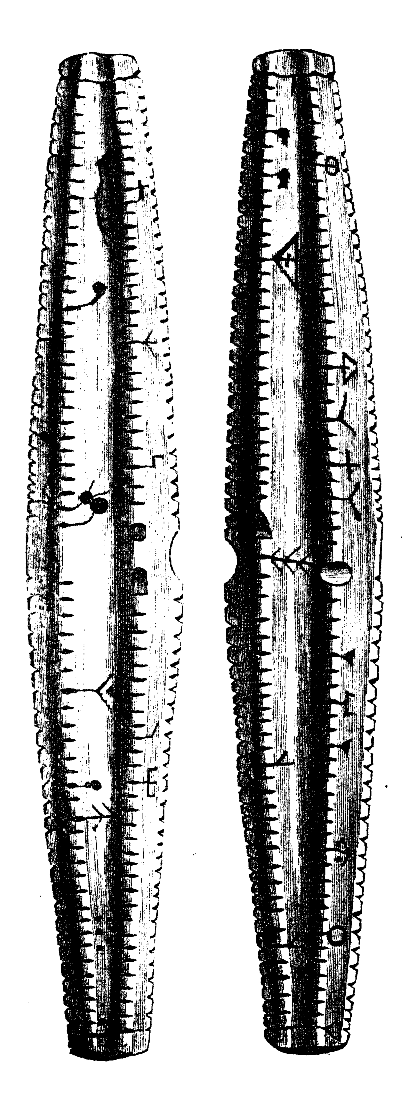
Хотя, по части нѣкоторыхъ мужскихъ нарядовъ, и замѣтны кое-какіе слѣды обращенія Якутовъ съ русскими поселенцами и торговцами, но прилагаемый рисунокъ можетъ служить доказательствомъ, что особенно женщины вполнѣ придерживаются стараго порядка. Нарядъ ихъ, на изготовленіе котораго онѣ употребляютъ много старанія, не можетъ не перейти и на русскихъ женщинъ.

Вслѣдствіе продолжительности зимней ночи на глубокомъ сѣверѣ, наклонность всѣхъ первобытныхъ людей къ бездѣльничанію и баклушничанью развилась у этихъ поселенцевъ до величайшей виртуозности. Вслѣдствіе этого успѣхи новаго ученія, добытые крещеніемъ, усвоены и даже развиты ими съ рѣдкою добросовѣстностью. Вошло въ законъ до того спать по безчисленнымъ праздникамъ, что только ѣда и послѣдствія ея могли нарушать эту зимнюю спячку. Верхъ этихъ порядковъ заключался въ томъ, что, очевидно, вслѣдствіе нашего пріѣзда, по временамъ являлись гости для того, чтобы по-

спать въ гостяхъ. Повидимому другъ друга приглашали на такое парадное спанье.

Это дѣлалось къ концу зимы. Люди какъ бы старались спать про запасъ. Когда въ лѣтней половинѣ года наступаютъ подвиги тундры, когда и ночь не въ состоянiи отодвинуть солнечный кругъ подъ горизонтъ, тогда тѣ же зимнiе сони пробуждаются къ самой усиленной, почти непрерывающейся дѣятельности.

Такъ какъ, слѣдовательно, Якуты должны дорожить тѣмъ, чтобы особенно во время упомянутой глубокой зимней спячки не проспать важныхъ дней самаго отборнаго сна, то у нихъ завелся календарь пустыни, какъ высшiй даръ цивилизацiи. Очевидно, они усвоили его себѣ отъ Русскихъ поселенцевъ. Это такъ называемый **карди** (русская пасхалiя), изъ мамонтовой кости. Зарубки служатъ скользящему по нимъ пальцевому ногтю мѣстами остановки, по которымъ тщательно отсчитывается число дней, отъ знака до знака. Между этими знаками напр. слѣва на верху очертанiе животнаго означаетъ медвѣдя, т. е. день св. Георгiя (23-го апрѣля) [1]). Счетъ идетъ внизъ по порядку и потомъ переходитъ на лежащiй справа рядъ зарубокъ, назадъ къ противоположному концу и т. д.

Якутскiй календарь **карди**.

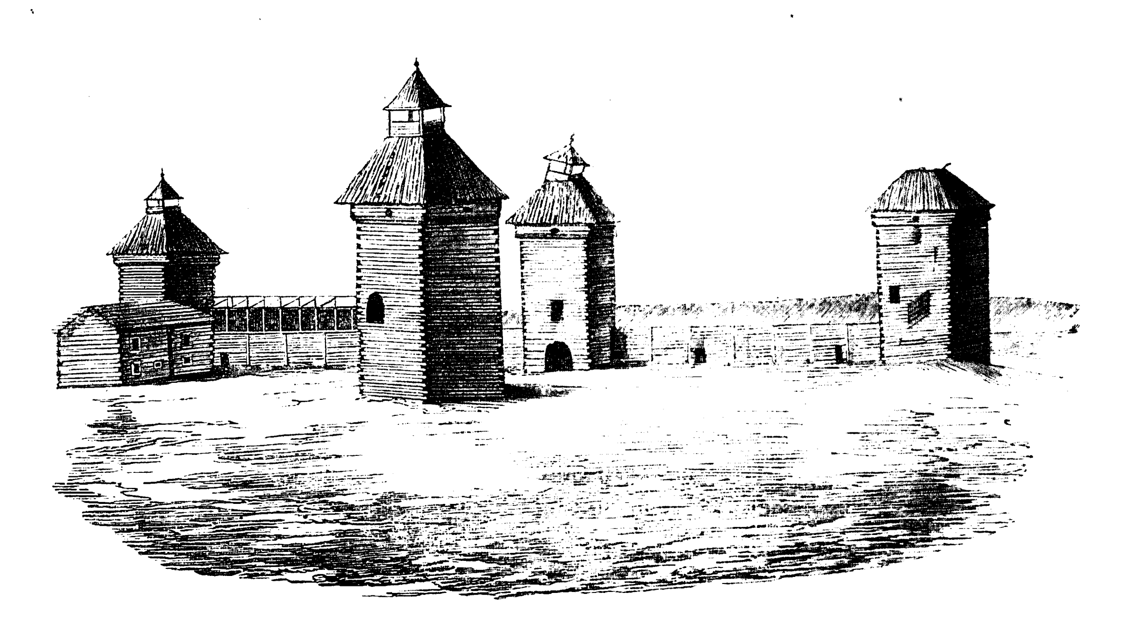
[1]) Для могущихъ интересоваться этимъ предметомъ, сообщаю еще слѣдующiя указанiя: Крещенiе; Аѳанасьевъ день; Аксенья; Трехъ Святителей; Срѣтенье; Евдокея; Сорока Святыхъ; Алексѣя; Благовѣщенье; Марiи Египетской и т. д.

Найдется мало хитрыхъ Русскихъ, которымъ кое-гдѣ удалось бы обмануть дикаря Якута.

Уваровскій, см. нѣм. изд. этого Путеш. III, стр. 62.

Длинное, предлинное путешествіе, обратно къ Енисею, вверхъ по немъ, наконецъ черезъ Иркутскъ, привело меня отъ вышеразсмотрѣннаго, столь далеко занесеннаго обломка якутскаго народа, за нѣсколько тысячъ верстъ, въ Якутскъ, въ средоточіе этого народа.

Говорятъ, что уже въ концѣ 14-го столѣтія Якуты были оттѣснены Бурятами отъ Байкальскаго озера и заняли рѣчную долину Лены и притоковъ этой рѣки.

Остатки старинной крѣпости въ Якутскѣ, въ 1844 году.

Первое столкновеніе русскихъ удальцовъ-завоевателей съ Якутами произошло лишь въ 1620 году[1]).

Для поясненія сообщеннаго ниже преданія, я помѣщаю тутъ вѣрное изображеніе послѣдняго изданія возведенныхъ противъ Якутовъ крѣпостныхъ сооруженій въ Якутскѣ. Столько сохранилось отъ нихъ еще весною 1844 года.

[1]) Къ періоду, предшествовавшему этому времени, относится нижеслѣдующее преданіе, разсказанное мнѣ Якутомъ за огонькомъ въ первобытномъ лѣсу.

Много, много лѣтъ тому назадъ жилъ очень богатый Якутъ по имени Огонòмъ. У него были двѣ дочери; одну изъ нихъ онъ очень любилъ, другую не любилъ. Плывя внизъ по Ленѣ на сдѣланномъ изъ кожъ суднѣ, его часто посѣщалъ Бурятъ, по имени Эльяй, потому что они были большіе друзья. Огонòмъ предложилъ ему ту изъ своихъ дочерей, которая ему понравится.

Уже до 1700-го года Якуты жили на Омолонѣ, потому что на Ремезовской картѣ (срав. т. I, стр. 36) возлѣ рѣки Омолоевой написано: «и при этихъ рѣкахъ живутъ Якуты разныхъ волостей».

Такимъ образомъ по этому пути Якуты, вслѣдъ за Юкагирами, мало по малу погибшими отъ междоусобій и оспы, простираются вплоть до Ледовитаго океана [1]). Но это было только на крайнемъ востокѣ, гдѣ не было Чукчей. Если Якуты уже въ 1710 г. появляются и на устьѣ Колымы, то все-таки столѣтіе спустя Сарычевъ сообщаетъ, что Якуты, придя съ Индигирки, лишь недавно прибыли къ Верхней и Средней Колымѣ [2]). Слѣдовательно распространеніе ихъ съ востока на западъ сравнительно шло медленно; да и едва-ли удастся доказать, добрались-ли они до Таймырскаго края съ Вилюя, или вдоль пребрежья Ледовитаго океана. Вѣроятнѣе, какъ мнѣ кажется, они пришли съ Вилюя, потому что уже ранѣе половины 18-го столѣтія моряки застали довольно значительное число Якутовъ въ Таймырскомъ краѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ, въ низовьяхъ Оленека и на Анабарѣ. По-видимому въ то время происходили главныя сношенія между низовьями Оленека и Хатангой, хотя прибрежье между Оленекомъ и Леной не было занято.

Во всякомъ случаѣ, при графическомъ изображеніи распространенія Якутовъ, оно представилось бы въ видѣ червообразныхъ фигуръ, тянущихся на картѣ вдоль большихъ рѣкъ и вдоль морскаго прибрежья. То же самое явленіе представляютъ на европейскомъ сѣверѣ Зыряне, вытѣсняющіе Самоѣдовъ, хотя ни тѣ ни другіе не могутъ быть названы моряками. По первоначальному мѣсту своего пребыванія Якуты были коневодами. Такими-же хорошими наѣздниками, содержащими по нѣскольку тысячъ лошадей, какими ихъ зналъ уже старикъ Витсенъ [3]), они и доселѣ еще остаются въ главныхъ мѣстахъ своего пребыванія. Овечьи стада, которыя безъ сомнѣнія были у нихъ въ первобытныхъ мѣстахъ пребыванія, совершенно погибли въ лѣсистой полосѣ сѣвера. На стр.

Эльяй выбралъ не любимую дочь. Осерчавъ на это еще болѣе, отецъ далъ ему въ приданое только кобылу и бурую корову. Между тѣмъ умерла и любимая дочь. Жена стала уговаривать Огонóма навѣстить зятя, говоря, что самъ онъ (Огонóмъ) уже становится слабъ. Старикъ не хотѣлъ вѣрить этому. Но однажды Эльяй, посѣтивъ его, колышками кругомъ приколол къ землѣ кафтанъ тестя. Огонóмъ взялъ полную чашу съ кумысомъ, но, стараясь встать, пролилъ все, что въ ней было. Понявъ поэтому, что онъ началъ слабѣть, онъ помирился съ Эльяемъ и навѣстилъ его.

Сынъ Эльяя назывался Тыгын'омъ и былъ сильный, могущественный правитель. Въ это время первые Русскіе прибыли въ край по рѣкѣ, но ихъ было немного. Тыгынъ убилъ всѣхъ, кромѣ одного, который былъ силачъ и взятъ въ батраки. Послѣдній убѣжалъ и за тѣмъ прибыло очень много Русскихъ на большомъ суднѣ и долго вели войну съ Тыгыномъ. Они построили крѣпость съ башнями и сверху стрѣляли. Тогда Якуты скрутили изъ конскаго волоса огромный канатъ и попытались обрушить башни. Но Русскіе скатывали сверху бревна. Они взяли Тыгына въ плѣнъ и повѣсили его. Въ то время у Тыгына родился сынъ Эбэрэ, отъ котораго происходитъ существующій еще доселѣ родъ. Кангаласцы же потомки братьевъ Тыгына.

[1]) Упоминаемое около 1735 года названіе рѣчки Хара-Улахъ, впадающей въ Ледовитый океанъ (Müller, Samml. Russ. Gesch. III, стр. 151), убѣдительнѣе всего доказываетъ, что въ то время Якуты успѣли уже проникнуть до береговъ Ледовитаго океана.

[2]) Сарычевъ, Путеш. I, стр. 63 и слѣд. — О движеніи ихъ къ Зашиверску и Верхоянску, срав. стр. 548 этой части.

[3]) II, стр. 542.

570 я уже замѣтилъ, что длина теперешней единицы путевой и кочевой мѣры — кёсъ нынѣшнихъ Якутовъ — весьма вѣроятно указываетъ на прежнее существованіе овечьихъ стадъ.

Характеристику чертъ Якутскаго лица мы сообщили на стр. 631. Чѣмъ болѣе мнѣ удавалось видѣть Якутовъ, тѣмъ болѣе оправдывались указанные мною отличительные признаки. Они оказывались несомнѣнною принадлежностью первоначальныхъ турко-татарскихъ якутскихъ лицъ и могутъ быть сведены на то, что жевательное продолженіе яремныхъ костей, какъ своею значительною вышиною (слѣдовательно длиною соотвѣтственной части лица), такъ и нѣкоторымъ выступаніемъ впередъ, главнымъ образомъ обусловливаетъ незначительно выдающееся положеніе скуловыхъ костей. Это выступаніе скуловыхъ костей гораздо незначительнѣе и меньше обращено внаружу, чѣмъ у настоящихъ Монголовъ.

Благодаря тому, что въ юго-восточной Сибири мнѣ часто случалось разсматривать сравнительно Якутовъ рядомъ съ Тунгусами, вскорѣ оказалось, что у послѣднихъ сильное выдаваніе скуловыхъ костей обусловливается не столько основою яремной кости, сколько тѣмъ, что самая яремная дуга выступаетъ и отстоитъ далеко отъ основы яремной кости; при чемъ эта яремная дуга, по-видимому, часто бываетъ очень тонка. Первобытное татарское лицо Якутовъ очевидно близко сродно съ формою лица нѣкоторыхъ сѣверо-американскихъ индѣйскихъ племенъ.

Но не слѣдуетъ полагать, что первобытное татарское лицо Якутовъ, такъ рѣзко выдававшееся среди другихъ народностей Таймырскаго края, встрѣчается повсюду у большей части Якутовъ. Это можетъ быть бываетъ или бывало преимущественно только въ центрѣ главнаго ихъ пребыванія и у чистокровныхъ старшинъ. Въ Якутскомъ краѣ, напротивъ того, мнѣ привелось главнымъ образомъ имѣть дѣло какъ разъ съ тѣми Якутами, которые находились въ наиболѣе дѣятельныхъ сношеніяхъ съ Тунгусами. Помѣсь съ послѣдними происходила часто, поводомъ къ ней служили не только частыя поѣздки и обусловленное ими продолжительное отсутствіе изъ дому [1]), но и обычай, указывающій на южно-азіятское отвращеніе къ бракамъ между сородичами, т. е. обычай, не позволявшій Якуту выбирать себѣ жену изъ одного съ нимъ рода, и, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, даже изъ одного съ нимъ племени. Какъ бы то ни было, но между Якутами, особенно между младшимъ поколѣніемъ, часто встрѣчались преобладающія монгольскія, преимущественно же тунгускія черты лица. Для этихъ формъ лица мнѣ удавалось розыскивать, безъ исключенія, тунгусскихъ матерей или бабокъ. Такія помѣси

---

[1]) Срав. стр. 632. Къ приведеннымъ тамъ причинамъ исчезновенія типическихъ особенностей, мы присоединимъ тутъ еще неоднократно повторявшееся переписываніе и приписываніе въ казенныхъ спискахъ. Въ моей Барабѣ (см. стр. 89 русск. изд.) я указалъ, какъ такимъ образомъ между казаками встрѣчаются киргизскія лица. Сарычевъ (Путеш. I, стр. 123) упоминаетъ о томъ, что подобнымъ-же образомъ на р. Маѣ Якутовъ записываютъ Тунгусами.

пошли въ ходъ въ началѣ этого столѣтія, и въ особенности на Алданскомъ хребтѣ составляли самое обыкновенное явленіе.

Меня должно было поразить, что при такомъ происхожденіи лицо главнымъ образомъ и даже вполнѣ подчинялось монгольскому типу; лобъ вмѣстѣ съ яремною костью и носомъ были укорочены; нерѣдко лобъ покато подавался назадъ отъ высокостоящихъ бровей; отъ сильно выдающейся яремной дуги и, вслѣдствіе того, яблокообразно выпучивающихся щекъ очертаніе лица рѣзко скашивалось внизъ къ острому подбородку.

Носъ становился вздернутымъ кверху толстымъ комомъ, глазныя щели дѣлались косѣе, вся голова была какъ-то меньше въ сравненіи съ величиною тѣла.

Относительно величины тѣла Якуты составляли, въ общей сложности, нѣчто среднее между Русскими и Тунгусами, изъ которыхъ послѣдніе, среднимъ числомъ, были приблизительно на $^3/_4$ фута короче Русскихъ, и очевидно имѣли болѣе тонкія кости, а потому и были легче ихъ[1]).

У типичныхъ Якутовъ и Якутокъ ноги и руки были больше, чѣмъ у Тунгусокъ, равно какъ у имѣвшихъ монгольскій складъ Гилячекъ, которыя въ этомъ отношеніи походили на Самоѣдокъ (срав. стр. 639).

Изъ всего сказаннаго видно, что еще въ мое время типичныхъ, первобытныхъ Якутовъ никакъ не слѣдовало смѣшивать съ Монголами, отъ которыхъ они явно отличались, тогда какъ главную массу Киргизовъ, по внѣшнему ихъ виду, я никогда не затруднялся пріурочивать къ Монголамъ, хотя языкъ ихъ и противорѣчитъ этому[2]). Изъ прежнихъ своихъ селищъ Якуты вытѣснены настоящими Монголами, Бурятами. На сколько они въ прежнія столѣтія, вслѣдствіе соприкосновеній съ Бурятами, подверглись примѣси монгольской крови, это трудно сказать, но даже между Долганами я встрѣтилъ двѣ-три чисто бурятскія физіономіи; отмѣтивъ себѣ незнакомыя мнѣ особенности этихъ лицъ, я отложилъ замѣтки свои въ сторону, пока наконецъ поѣздка моя по Бурятскимъ степямъ разъяснила мнѣ давнишнюю загадку мою. Далѣе, какъ я замѣтилъ, уже въ мое время, т. е. тридцать лѣтъ тому назадъ, якутскій народъ сильно омонголивался Тунгускими женщинами. Не только дочери, но именно сыновья такихъ смѣшанныхъ браковъ стали походить, уже въ первомъ поколѣніи, главнымъ образомъ на мать. Но, судя по нѣкоторымъ указаніямъ, мы должны предполагать, какъ сказано было выше, что въ 15-мъ и 16-мъ столѣтіяхъ, не говорю уже о еще раньшемъ времени, происходило гораздо болѣе продолжительное омонголиваніе посредствомъ бурятской крови. Это мы вправѣ предполагать не только на основаніи вышеприведеннаго преданія (см. стр. 763, примѣч.), которое уже давно опережено другими сказаніями подобнаго-же рода, но и вслѣдствіе древнѣйшихъ историческихъ извѣстій о Восточной Сибири, указывающихъ на

[1]) Среднимъ числомъ Русскіе въ Якутскѣ были ростомъ приблизительно въ 67 дюймовъ, Якуты отъ 63 — 64, а Тунгусы отъ 59 — 60 дюймовъ.

[2]) Это по-видимому доказываетъ, что Киргизы физически омонголились въ давнее время. Вѣроятно они уже давно подверглись тому-же самому процессу, зарожденіе котораго я засталъ у Якутовъ. Срав. мое изслѣдованіе: Бараба, стр. 87.

тѣсныя связи между обоими народами. Такъ напр. искусство Якутовъ по части обработки металловъ вообще, въ особенности же по части гравированія серебра и выкладыванія имъ, приписывается вліянію Бурятовъ [1]). Но что такая помѣсь продолжалась уже нѣсколько столѣтій сряду, объ этомъ еще убѣдительнѣе свидѣтельствуетъ якутскій языкъ, какъ это подробно доказалъ и положительно подтвердилъ акад. Бётлингъ въ третьемъ томѣ нѣмецкаго изданія этого сочиненія.

По моему мнѣнію даже весьма вѣроятно, что въ теченіи тридцати лѣтъ, протекшихъ со времени моего посѣщенія Якутовъ, физическое омонголеніе этого народа успѣло усилиться до такой-же степени, какъ это случилось съ Киргизами.

Если мы за тѣмъ обратимся къ характеристикѣ умственныхъ особенностей Якутовъ, то прежде всего насъ поражаетъ необыкновенная склонность и превосходная способность къ торговлѣ. Въ этомъ отношеніи невольно является сравненіе съ іудейскимъ народомъ, и мы готовы бы были назвать ихъ жидами сѣверо-восточной Азіи, если бы они въ весьма многихъ отношеніяхъ не отличались значительно отъ жидовъ другими, не менѣе характеристичными особенностями.

Но лучше всего не забѣгать впередъ, а предоставить читателю случай, изъ нижесообщаемой нами писанной съ натуры картины якутскаго быта, самому составить себѣ правильное понятіе объ этомъ народѣ.

Точнѣе охарактеризовать бытъ его я считаю себя обязаннымъ потому, что этотъ народъ безспорно не можетъ быть причисленъ къ исчезающимъ. Во первыхъ, онъ съ начала этого столѣтія, не смотря на всѣ препятствія, размножился почти вдвое, т. е. состоитъ изъ слишкомъ ста тысячъ душъ, а во-вторыхъ, не смотря на указанное мною сильное физическое омонголеніе, ассимиляціонная сила этого татарскаго смѣшаннаго народа такъ велика, что, при нѣкоторыхъ благопріятныхъ мѣстныхъ условіяхъ, онъ оякучиваетъ даже русскихъ поселенцевъ, главнымъ образомъ, конечно, по части языка, образа мыслей и направленія склонностей.

Тѣмъ, которымъ это покажется преувеличеніемъ, я припомню оякученныхъ русскихъ поселенцевъ Таймырскаго края, даже не исключая семейства священника въ Хатангскомъ погостѣ, укажу на Амчинскую слободу, большое село, опирающееся все-таки на близь-лежащій главный городъ Якутскъ, укажу на самый Якутскъ, гдѣ въ мое время на чиновничьихъ и купеческихъ вечеринкахъ много говорили по якутски [2]).

---

[1]) Müller, Samml. Russ. Gesch. III, стр. 570.

[2]) Нѣкоторые мѣстные чиновники сравнивали его, по этому, съ салоннымъ французскимъ языкомъ. Въ присутствіи чужаго лица, онъ можетъ быть употреблялся чаще, потому что былъ для него непонятенъ. Укоренился якутскій языкъ между Русскими очевидно вслѣдствіе якутской прислуги, которая встрѣчалась часто уже въ 1733 году (Müller, Samml. russ. Gesch. III, p. 523), равно какъ въ необразованности женщинъ, которыя всю жизнь свою оставались въ кругу привычекъ дѣтской обстановки. Кромѣ того я предлагаю господамъ лингвистамъ заняться разрѣшеніемъ вопроса, на сколько дѣйствительно особенности русскаго языка меньше подходили къ мѣстнымъ условіямъ, чѣмъ простой, вылившійся изъ жизни и быта кочевниковъ, удобный, потому что не вышколенный, якутскій языкъ. Срав. прекрасно выраженныя замѣчанія Гена по этому предмету (V. Hehn, Kulturpflanzen und Hausthiere, 1871, p. 18).

Наконецъ самое лучшее и неопровержимое доказательство можно найти очевидно въ третьемъ томѣ нѣмецкаго изданія этого сочиненія. Сынъ одного изъ болѣе значительныхъ чиновниковъ, впослѣдствіи самъ, днемъ и ночью, занимавшійся переписываніемъ бумагъ, высшимъ канцелярскимъ и административнымъ дѣломъ, сильнѣе всего увѣковѣчилъ справедливость моихъ словъ написаннымъ имъ Якутскимъ текстомъ. Якутскій языкъ соотвѣтствуетъ душѣ Уваровскаго лучше всякаго другаго; говоря о Якутахъ въ третьемъ лицѣ, онъ невольно на каждой страницѣ высказываетъ взгляды добродушнаго Якута, въ котораго самъ онъ превратился.

Но не одни только Русскіе научаются якутскому языку: даже въ Амурскомъ краѣ, на р. Урѣ, я встрѣтилъ Тунгусовъ, которые никогда не видали Якута, а между тѣмъ очень бойко объяснялись съ моими оленевожатыми на якутскомъ языкѣ. Хотя они и находились въ торговыхъ сношеніяхъ съ Русскими прибайкальскаго края, но кое-какъ знали только нѣсколько русскихъ словъ. Между тѣмъ они сочли полезнымъ научиться у сродственныхъ имъ Тунгусовъ якутскому языку. Въ формахъ и духѣ обоихъ языковъ заключается, должно быть, сходство, облегчающее Тунгусамъ изученіе этихъ чуждыхъ звуковъ, хотя между словарями того и другого языка нѣтъ ничего общаго.

Указанному нами преобладанію якутскаго языка нисколько, впрочемъ, не противорѣчитъ то обстоятельство, что мы встрѣчаемъ у Якутовъ множество словъ, ззимствованныхъ изъ русскаго языка. Относительно предметовъ и порядковъ, которые не были извѣстны Якутамъ до соприкосновенія ихъ съ Русскими, это само собою разумѣется [1]). Не трудно также понять, что тѣ Якуты, которые находятся въ довольно близкихъ отношеніяхъ къ господствующей націи, хвастаютъ знаніемъ русскихъ словъ, какъ это ясно показываетъ нижесообщенная хоровая пѣсня.

Иначе, кажется, должно смотрѣть на слово s'ierej, т. е. сѣрый. Вѣроятно оно понадобилось Якутамъ позднѣе, когда они научились правильно оцѣнивать незначительныя различія въ темныхъ цвѣтахъ. Поводъ къ такому предположенію подаетъ намъ стр. 649. Слово kärä, означающее сѣровато-козулій цвѣтъ, искони существовало въ якутскомъ языкѣ.

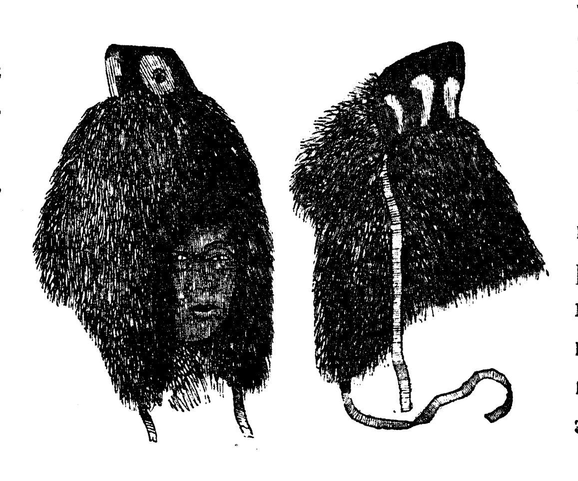
Но особенно поражаетъ меня то, что слово баранъ также перешло въ якутскій языкъ непосредственно изъ русскаго. Хотя это сильно противорѣчитъ моему предположенію, высказанному на стр. 570, но послѣднее все-таки можно подтвердить разными свидѣтельствами. Такъ напр. я тщетно доискивался первобытнаго якутскаго слова для обозначенія тумана, весьма сильно преобладающаго въ Якутскомъ краѣ. Для тумана у

---

[1]) Въ видѣ дополненія ко множеству примѣровъ, приведенныхъ Бётлингомъ въ 3-мъ томѣ нѣмецк. изданія этого сочиненія, я могу привести еще слѣдующіе: natrus'ka (пороховница), s'obonūk, (забойникъ), eperka (отвертка), merka (мѣрка пороховая), moschoká (мѣшокъ для дроби), mehók (кошелекъ сто рублей), etärbes (торбасъ, сапогъ), bitschugujá (бичевка, петля на стрѣлѣ, скрученная изъ конопляныхъ волоконъ), kapral (капралъ, вожакъ каравана), górok (городъ), tschās'tyjá (часто), otsjārāk (очередь), s'uolkō (шелкъ), nepremenno (непремѣнно), odnako (однако), budto (будто), perwoje dälo (первое дѣло).

Якутовъ не было другого слова, какъ русское туманъ. Тоже самое встрѣчается у Киргизовъ, говорилъ мнѣ спутникъ мой Вагановъ, который семь лѣтъ провелъ у Киргизовъ. И съ челнокомъ Якуты не были знакомы въ своей первобытной родинѣ: кромѣ ty онъ называется у нихъ чаще всего tóngus', т. е. Тунгусомъ или тунгусскимъ именемъ ongotschó. Это столь-же убѣдительно говоритъ въ пользу появленія Якутовъ изъ безводной степи, сколько напр. слово kyr'sá, которое у Монголовъ означаетъ степную лисицу, корсака, а Якутами глубокаго сѣвера употребляется для обозначенія тундроваго жителя, песца, мѣста пребыванія котораго отстоятъ отъ мѣстъ, гдѣ водится корсакъ, болѣе чѣмъ на 15 градусовъ широты.

Если мы, принявъ въ соображеніе только-что сказанное, взглянемъ за тѣмъ на густо-опушенную мѣхомъ конусообразную шапку на головѣ богатаго Якута и увидимъ на ней тотъ-же колпачекъ, по которому мы узнаемъ Татарина, и который въ такой-же степени свойственъ Киргизамъ; если мы далѣе послѣдуемъ удивленію моего спутника, долго жившаго между Киргизами и постоянно опять, по новымъ признакамъ, находившаго, что въ языкѣ, одеждѣ, нравахъ, наклонностяхъ и т. д. обоихъ народовъ чрезвычайно много сходнаго, то невольно задаешься вопросомъ, нельзя-ли это сходство опредѣлить точнѣйшимъ образомъ и объяснить временемъ и обстоятельствами разъединенія обоихъ народовъ. Стóитъ только отправить къ Якутамъ этнографическаго изслѣдователя, поручивъ ему побывать сперва у Киргизовъ, а потомъ у Бурятовъ, и дать ему возможность основательно изучить якутскій народъ, не только въ главныхъ мѣстахъ его пребыванія, но и въ самыхъ отдаленныхъ развѣтвленіяхъ его распространенія. Это было бы навѣрное благодарная задача.

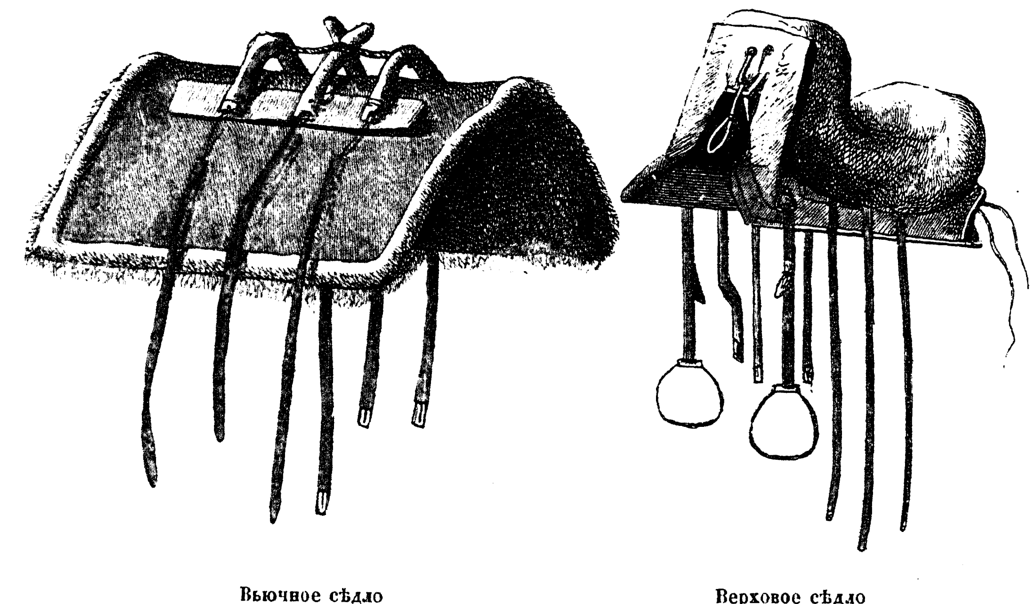

Прежде чѣмъ мы перейдемъ къ ближайшему разсмотрѣнію Якутовъ моего времени, необходимо бросить взглядъ на два внѣшнихъ обстоятельства, которыя не могли не развить природныхъ способностей этого народа.

Припомнимъ сперва, что до 1807 года, когда Sloop Diana была отправлена въ Охотскъ, всѣ припасы для флота Восточнаго океана, цѣлое столѣтіе сряду, перевозились сухимъ путемъ изъ Якутска въ Охотскъ. Одинъ уже провіантъ, который доставлялся для войска, находившагося въ Охотскѣ и въ Камчаткѣ, вѣсилъ 34 тысячи пудовъ. Ежегодно одна казна забирала на подводы десять тысячъ, а Американская компанія до трехъ

*

тысячъ лошадей [1]). Обстоятельства сами дѣлали Якутовъ подводчиками и торговцами для самыхъ отдаленныхъ мѣстностей. Но уже въ то время дѣла сложились такъ, что хотя купцы платили отъ 35 до 45 рублей за каждую подводную лошадь и за каждые пять пудовъ, Якутамъ это все-таки мало доставляло барыша [2]). Ежегодно начальству

Вьючное сѣдло Верховое сѣдло
Якутовъ.

[1]) Шемелинъ, Путешествіе I, стр. 203.

[2]) Тоже самое оказалось при ближайшемъ разсмотрѣніи условій, на которыхъ Якуты взялись доставить мою экспедицію на 72 лошадяхъ изъ Якутска въ Удской Острогъ. Рядчикъ платилъ вожаку по 15 рублей съ каждой лошади, а помощнику его по 12 рублей. Каждый погонщикъ получилъ по 30 руб. за лѣто, на хозяйскихъ харчахъ. Считалось хорошимъ запасомъ, что на всю дорогу они взяли по 6 пуд. муки, по 6 пуд. якутскаго масла и по $1\frac{1}{2}$ пуд. сала.

Были еще разные посторонніе расходы. Такъ напр. на р. Учурѣ пришлось многихъ уморившихся лошадей замѣнить новыми у Тунгусовъ, которые взяли хорошую надбавку; нужно было взять съ собою не входившихъ въ счетъ запасныхъ лошадей; за нихъ не платилось точно также какъ за лошадей, которыя везли поклажу и провизіи вожаковъ. Подкормка лошадей для путешествія обходилась отъ 5 до 10 рублей за каждую.

Заправляющій всѣмъ поѣздомъ и люди его отвѣчаютъ за тѣхъ лошадей, которыя могли бы пропасть, но не отвѣчаютъ за тѣхъ, которыхъ приходится оставлять вслѣдствіе ихъ утомленія, за тѣхъ, которыя тонутъ при переправахъ, и т. д.

Оказывалось, что главный барышъ рядчика заключался въ томъ, что онъ получалъ въ руки наличныя деньги, а людей своихъ разсчитывалъ товаромъ, заставлялъ отработывать прежніе долги, которые въ противномъ случаѣ остались бы неуплаченными, и наконецъ опять связывалъ ихъ новыми долгами. Выдача денегъ впередъ до такой степени входила въ разсчетъ сдѣлокъ съ Якутами, что даже въ казенныхъ дѣлахъ рядчикамъ выдавались $^{2}/_{3}$ условленной цѣны.

Что наемъ лошадей для моей экспедиціи происходилъ не при исключительныхъ обстоятельствахъ, это доказываетъ стр. 725. Къ этому я могу еще присовокупить, что въ мое время купецъ Стручковъ постоянно строилъ плоты на р. Учурѣ, которые по ней и по Алдану сплавлялъ до стараго казеннаго тракта, т. е. за 50 — 60 верстъ до урочища Чепанда́, и отсюда возвращался въ Якутскъ на наемныхъ лошадяхъ, за которыхъ платилъ среднимъ числомъ рублей 12 (отъ 10 до 15), смотря по конкуренціи.

Отъ Учура до Хотуньи самъ я тщетно предлагалъ по 30 рублей провозной платы за каждую лошадь.

приходилось посылать казаковъ на эту дорогу, сожигать павшихъ лошадей, которыя заражали воздухъ [1]).

Для пополненія относящихся сюда политипажей на стр. 537 и 544, тутъ изображены якутскія сѣдла, какъ самыя подходящія эмблемы этого народа. Шириною изображеннаго тутъ верховаго сѣдла объусловливается столь смѣшная поза всадника на стр. 544.

Другимъ обстоятельствомъ, послужившимъ къ развитію Якутовъ въ упомянутомъ отношеніи, служила натура тунгусскаго населенія. Необыкновенно подвижной, простодушный и легкомысленно преданный удовольствію народъ, какъ Тунгусы, представлялъ для предпріимчиваго торговаго духа Якутовъ такую пищу, какую нельзя бы было создать лучше съ этою собственною цѣлью. Умѣнье Якутовъ легко принаравливаться ко всѣмъ условіямъ посѣщаемыхъ ими народовъ исключало почти всякую конкуренцію, даже русскую, такъ какъ требовалось пробраться въ потаенное захолустье народа, живущаго особнякомъ, и обратиться съ нимъ въ Тунгуса.

Якуты мастерски умѣли утроять и учетверять свои барыши. На видъ они платили Тунгусамъ за мѣха дороже всякаго другаго, но въ нѣсколько разъ возмѣщали это на чрезвычайно высокихъ цѣнахъ своихъ собственныхъ товаровъ; торгуя, въ то же время сами принимались, вмѣстѣ съ Тунгусами, за ловлю звѣрей, но, эксплоатируя коммунистическое гостепріимство первобытнаго человѣка, въ это время большею частію жили на счетъ Тунгусовъ и при такихъ выгодныхъ условіяхъ находили необходимый досугъ и случай подбивать своихъ хозяевъ постоянно на новыя издержки для удовлетворенія прихотей, пока наконецъ у Тунгуса уже нечего было продавать и онъ при радушно предложенномъ ему кредитѣ легкомысленно бралъ товаръ въ долгъ. Но это апогей всякаго торга съ такъ называемыми дикарями; съ этой поры торговецъ становится дознаннымъ торговымъ пріятелемъ. Другими словами: теперь Тунгусъ закабаленъ въ монополію, вправѣ продавать свой товаръ только ему, заимодавцу, и покупать только у него. Цѣны назначаетъ продавецъ по своему произволу, мѣритъ товаръ на свой аршинъ. Продаетъ онъ напр. Тунгусу сѣв. оленя не дешевле 80—100 рублей, принимаетъ же отъ него не иначе, какъ за 50 рублей. Подарки, идущіе въ уплату, взамѣнъ процентовъ за долги,

---

[1]) Четыре года до моего проѣзда, на дорогѣ къ Учуру, изъ числа лошадей, везшихъ обозы съ товарами якутскихъ купцовъ, погибло болѣе 200 животныхъ вслѣдствіе того, что неожиданно выпало очень много снѣга. Это поясняетъ огромное значеніе, придаваемое Якутами слову as'ylyk, кормовище, о которомъ у нихъ постоянно идетъ разговоръ.

Опасность такихъ невзгодъ никакъ нельзя приписывать безпечности Якутовъ. За неимѣніемъ кормежокъ, покрывшихся наледью, срубается множество деревъ, чтобы воспользоваться бородатыми мхами, которыми они покрыты. На стр. 540 мы уже говорили, какъ тщательно разгорячившимся или подготовляемымъ въ дорогу лошадямъ высоко подвязываютъ головы; на стр. 545 упоминали, какъ превосходны потники. Прибавимъ тутъ еще, что предосторожность при подвязываніи головы весною соблюдается такъ строго, что сначала послѣ небольшого лишь переѣзда, лошади приходится стоять подвязанной отъ 6 до 8 часовъ, прежде нежели ей позволяютъ пастись. Даже на 10 й день ее заставляютъ стоять часа четыре. Иначе, говорятъ они, легкія становятся совершенно бѣлыми, печень точно вареною. Лѣтомъ и осенью Якуты гораздо менѣе опасались подвергаться такимъ невзгодамъ.

возрастаютъ свыше ста процентовъ. Дѣло выиграно, потому что «дикарь» слишкомъ честенъ, чтобы обманывать, да и слишкомъ честенъ, чтобы не быть обманутымъ чрѣзвычайно легко. Пока съ него можно взять что-нибудь, онъ станетъ давать все, что у него есть, и все, что у него будетъ.

Послушаемъ, какъ шло дѣло, по словамъ прекрасной, честной души, заправлявшей моимъ караваномъ, человѣка, который велъ дѣло въ качествѣ прикащика, но, не смотря на барыши, въ первый годъ потерпѣлъ убытокъ рублей въ 300, забывъ условиться, что угощеніе и заимообразная выдача денегъ должны идти на счетъ и на рискъ хозяина. Дѣло въ томъ, что для такого промысла онъ былъ слишкомъ честенъ и добродушенъ. Послушаемъ разсказъ его:

Нанялся я на зиму за 60 рублей; харчи хозяйскія да и одежа, потому что я могъ пользоваться шкурами бойныхъ вьючныхъ животныхъ, коли мнѣ не удастся самому убить столько лосей или сѣв. оленей, чтобы добыть себѣ нарядъ. Наймись я на цѣлый годъ, я получилъ бы — правда товаромъ, какъ всегда — 100 рублей содержанія и пасъ бы лѣтомъ сѣв. оленей на горахъ. Но мой хозяинъ отыскалъ Тунгуса, который взялся пасти сѣв. оленей по 4 рубля съ головы. За пропажу сѣв. оленя отвѣчалъ Тунгусъ, а за болѣзнь не отвѣчалъ. Но на такое дѣло соглашается только такой Тунгусъ, которому приходится уже очень плохо.

Провизіи полагается въ мѣсяцъ не болѣе 1 пуда муки и 30 фунтовъ сала. Остальное должны дополнять результаты собственной охоты и тунгусское гостепріимство.

Съ восемью сѣв. оленями моего хозяина, на которыхъ навьюченъ былъ товаръ, я тронулся въ путь такъ рано, что во-время могъ еще поспѣть къ осенней ловлѣ соболя «на собачьихъ ногахъ». Тутъ охота уже даетъ, что Богъ пошлетъ. Потомъ я отправился къ своему пріятелю Тунгусу, которому я кое-когда помогалъ также осматривать его засѣки и самострѣлы. Меня Тунгусъ кормитъ, потому что ѣда у нихъ не идетъ въ счетъ. Я же разставляю мои приборы на соболей, и эту охоту каждый ведетъ на свой счетъ. Убью я случайно мясное животное: мясо идетъ въ пользу юрты, а шкура и рога принадлежатъ мнѣ. Я везу съ собою муку, чай, табакъ, порохъ, свинецъ, до которыхъ иной разъ, пожалуй, также доходитъ очередь, равно какъ и до того или до другого изъ моихъ сѣверныхъ оленей, но такъ какъ это купленныя вещи, которыя мнѣ не принадлежатъ, то онѣ ставятся моему Тунгусу особо въ счетъ, хотя я ими также пользуюсь. Когда подойдетъ время, я отправляюсь на сборное мѣсто и такъ далѣе, и такъ далѣе.

Если люди ничего не хотятъ брать, такъ угостишь ихъ, тогда сердце ихъ растаетъ. Сначала они рѣшатся, можетъ быть, спросить только кремень, но потомъ является одно за другимъ. Когда угостишь ихъ хорошенько, такъ они берутъ все, что ни вытащишь, а на цѣны они соглашаются безъ дальнѣйшаго. Главное дѣло угощеніе. Заваришь чаю, подашь сахару, сухарей, масла, и въ заключеніе сваришь большой котелъ саламата. Вотъ что радуетъ Тунгуса непомѣрно и уже онъ на-вѣрное изъ благодарности подаритъ соболя; самый бѣдный и тотъ принесетъ по крайней мѣрѣ кабарговую струю. За тѣмъ

торгъ идетъ какъ по маслу и Тунгусъ дешевле отдаетъ соболей. Коль у него ихъ нѣтъ въ то время, то это ничего не значитъ, и какъ даровой, такъ и продажный соболь ставятся въ счетъ. Если же можешь дать водки, то все получишь; но она рѣдка и ее нужно провозить въ маслѣ, потому что она запрещена. Тунгусъ такой человѣкъ, что если я знакомому поклонюсь полпудомъ сала, такъ онъ уже непремѣнно отвѣтитъ на мой поклонъ соболемъ. Встрѣчается, правда, кое-гдѣ и такой Тунгусъ, который, хотя его и угостишь, не считаетъ себя за это въ долгу, но такихъ осуждаетъ общее мнѣніе.

Вотъ что разсказалъ мнѣ добродушный мой вожакъ.

Тунгусъ, котораго я разспрашивалъ о томъ, что онъ добылъ въ году, откровенно сообщалъ все, пока я не спросилъ: сколько же онъ наловилъ соболей въ эту зиму. Тутъ все застряло, человѣкъ какъ будто переродился. Уже впослѣдствіи я узналъ, что какъ онъ только успѣлъ залѣзть въ чумъ, такъ мои оленоводы стали разспрашивать дѣтей его, есть ли у отца мѣха. Къ чему послужила бѣдняку его осторожность? На другой день, когда онъ уѣхалъ, я узналъ, что помощникъ моего вожатаго уничтожилъ всѣ добрыя намѣренія первобытнаго человѣка и наконецъ все-таки выманилъ у него два мѣха.

Впрочемъ изъ Якутскихъ купцовъ только немногіе торговали мѣхами собственно отъ себя; въ мое время лишь трое, платившіе подати какъ купцы третьей гильдіи. Это были давно-извѣстныя личности (Басинъ, Стручковъ и Новгородовъ), въ сопровожденіи нѣсколькихъ Якутскихъ мѣщанъ и множества Кангаласскихъ Якутовъ. Такихъ второстепенныхъ торговцевъ я насчиталъ, какъ уже замѣтилъ выше (стр. 723), около сотни.

Что всѣ запрещенія [1]) ни къ чему не вели, это доказываетъ донесеніе Уваровскаго, которое я читалъ въ Якутскомъ архивѣ. Въ 1827 году онъ засталъ 47 семействъ, въ 84 души, которыя торговали, вопреки запрещенію, въ Удскомъ Острогѣ и изъ которыхъ нѣкоторые находились тамъ уже лѣтъ 30, не смотря на всѣ указы и на отсылку недостаточныхъ на родину. Уваровскій самъ тщетно выслалъ въ Якутскъ 11 такихъ человѣкъ. Да и я вскорѣ убѣдился, что дѣйствіе запрещеній не простиралось далѣе бумаги указовъ. Уже съ ноября шныряли якутскіе торговцы въ горахъ, отыскивая Тунгусовъ въ самыхъ затаенныхъ закоулкахъ, вмѣсто того, чтобы строго держаться ярмарочныхъ мѣстъ. Они успѣвали забирать всѣ мѣха и сборщикамъ податей приходилось уходить съ пустыми руками. Какъ ловкіе люди (срав. эпиграфъ на стр. 763), якутскіе торговцы всегда были у мѣстныхъ властей на довольно хорошемъ счету.

При этомъ Якутскій и Иркутскій край сами по себѣ такъ устроились, что не мѣшали другъ другу взаимной конкурренціей. Тутъ и тамъ эксплуатировали другихъ кочевниковъ и знали другъ о другѣ только по совершенно неопредѣленнымъ наслышкамъ, такъ что мои разспросы о мѣстностяхъ, лежащихъ при верховьяхъ Амура, до тѣхъ поръ

---

[1]) Ярмарочные сборы были назначены: на Учурѣ съ 1-го мая до 1-го іюня; на Маѣ съ 15-го іюня до 15-го іюля; въ Удскомъ Острогѣ съ 1-го августа до 1-го сентября, и потому приказано было не пускать купцовъ изъ Якутска ранѣе февраля.

не разъясняли мнѣ дѣла, пока я вдругъ, совершенно неожиданно, не очутился среди длинной вереницы забайкальскихъ казаковъ, бойко торговавшихъ на запретной Китайской землѣ. Да и условія, при которыхъ они вели свою торговлю, цѣны и т. д. были совершенно другія [1]).

На сколько Якутъ, сообразно вышеприведенному эпиграфу, хитрѣе Русскаго, это вскорѣ показали первые посредники между сбытомъ товара на востокѣ, и на западѣ. Какъ занимающіеся имъ Якуты, такъ и вожаки моихъ оленей, вскорѣ подмѣтили, что въ сущности казаки все-таки невѣжи по части торговли, которые не умѣютъ цѣнить самый отборный товаръ и не достоины его. На моихъ глазахъ собольи шкуры съ кабарной стороны смачивались теплою водою, растягивались, напяливались на доску, сушились передъ огнемъ [2]) и красились. «Вѣдь даже подуть противъ волосъ и узнать рѣдки-ли волосы казакъ не умѣетъ», говорили Якуты и, усѣвшись, вставляли въ плохія до негодности выговня мошонки мѣховыя заплатки, нанизывали ихъ вмѣстѣ съ хорошими на ремень, но самыя вѣсистыя вытаскивали и откладывали въ сторону для Якутска. «Эти слишкомъ хороши и полны; ихъ-то казаки и будутъ считать поддѣлками и искусственно набитыми. Вѣдь тутъ всякая мошонка стоитъ 5 рублей, какая бы она ни была». Такъ говорили они.

Болѣе опасными для Якутовъ конкуррентами, чѣмъ казаки, стали являться китайскіе Даурцы, которые нѣкогда начали торговать довольно успѣшно полушелковыми матеріями, камлотомъ, нанкою и окороками. Якуты жаловались на это и наши чиновники помогали имъ въ преслѣдованіи этихъ стѣснителей ихъ монополіи.

Сказанное достаточно показываетъ, что мы были вправѣ, сравнивъ якутскихъ торговцевъ съ еврейскими торгашами. Торгуютъ они до послѣдней минуты передъ отправленіемъ въ путь. По подвижности, смѣтливости и ловкому знанію людей они не уступаютъ Евреямъ, по части же хитрости иной Якутъ, можетъ быть, еще перещеголяетъ Еврея. Но у Якута нѣтъ той благодатной способности довольствоваться малымъ и той бережливости, которыми обладаетъ Еврей; а это много значитъ.

Якутъ въ состояніи подвизаться съ любымъ кочевникомъ: въ необыкновенной сдержанности, когда этого требуетъ необходимость; въ умѣніи терпѣливо, даже весело, переносить ужаснѣйшія невзгоды, которымъ его подвергаютъ климатъ и первобытная природа; въ самой напряженной дѣятельности, когда приходится преодолѣвать тысячи

---

[1]) Казаки со Стрѣлки между Шилкой и Аргунью покупали муку, которую везли, отъ крестьянъ, поселившихся въ деревняхъ нѣсколько выше на Аргуни. Послѣдніе зимними путями привозили ее къ Стрѣлкѣ, и продавали тутъ по $1\frac{1}{2}$—2 рубля (дома стоила она отъ 90 коп. до 1 руб.). Помолъ также доставлялъ барышъ, потому что зерновой хлѣбъ былъ 20 или 30 коп. дешевле. Но у казаковъ были только ручныя мельницы, тогда какъ у крестьянъ работа производилась водяными мельницами. Въ мѣховой торговлѣ казаки промѣнивали пудъ муки на 10 бѣлокъ, изъ которыхъ Аргунскія оцѣнивались купцами по 60, а всѣ прочія въ этомъ краѣ по 45—50 копѣекъ.

Водка, которая въ Якутской области почти совершенно устранена, тутъ продолжала еще свою деморализующую роль. Слѣдовательно, самые крайніе составы огромнаго государственнаго организма съумѣли оправиться въ этомъ отношеніи скорѣе, чѣмъ тѣ части членовъ, которыя лежатъ ближе къ туловищу.

[2]) Срав. поддѣлки, о которыхъ говорено на стр. 616.

разныхъ трудностей и опасностей, которыя ему противопоставляетъ суровый первобытный характеръ непріютныхъ горъ. Онъ не страшится никакой опасности.

Но заглядывающая вдаль бережливость, забота о запасѣ, о дальнемъ будущемъ, продолжительныя хлопоты, не вызванныя одною лишь неотвратимою необходимостью, ему совершенно чужды. Онъ главнымъ образомъ человѣкъ, живущій настоящимъ и для наслажденія.

Замѣчательно, что даже неутомимо подвижной вожакъ моего каравана, не страшившійся самыхъ утомительныхъ трудовъ, вдругъ превращался какъ будто въ другаго человѣка, коль скоро дѣлалась дневка. Страстно прищуривъ глаза, онъ растягивался во всю длину, какъ олицетворенная бездѣльничающая лѣность. Въ это время онъ лишь съ величайшею неохотою отвѣчалъ на вопросы, ворчалъ и начиналъ грубить, совершенно на перекоръ своему обыкновенному характеру. Но въ такомъ родѣ они были всѣ; торговцы же, которые были побогаче другихъ, вели уже совершенно лѣнивую сатрапскую жизнь. Они считали лишнимъ трогаться съ мѣста и тревожили или Тунгусовъ или своихъ женъ, а сами лежали на мѣстѣ и большею частью спали. Проснувшись, они проводили время въ пріятномъ бездѣльѣ, болтовнѣ, игрѣ въ карты и пированіи въ компаніи. При всемъ томъ я встрѣтилъ между ними двухъ братьевъ, которые дали другъ другу слово не пить крѣпкихъ напитковъ, впрочемъ чрезвычайно практично, только до извѣстнаго срока.

Въ главѣ о Тунгусахъ (стр. 741) мы видѣли деморализующее вліяніе того, что соболья шкура, означавшая тоже, что 25 рублей, являлась монетной единицей въ тунгусской торговлѣ. Когда я сначала подъѣхалъ съ копѣечными счетами, то Якутами овладѣлъ явный ужасъ. Это превосходило у нихъ всякое понятіе; на столько не хваталъ ихъ микроскопъ и когда я сталъ напирать на нихъ, то восклицаніемъ: «да вѣдь я же не стану разрѣзать соболью шкуру» они быстро старались выходить изъ затруднительнаго положенія. Даже кабарговыя струи, не говоря уже о бѣличьихъ шкуркахъ, нанизывались на ремни въ бо̀льшія единицы цѣнности. Чѣмъ ближе мы пододвигались къ предѣламъ распространенія соболя, чѣмъ исключительнѣе бѣличьи шкуры составляли главный предметъ охотничьей добычи, тѣмъ болѣе чрезвычайныя особенности въ торговлѣ Якутовъ стали опять отступать на заднiй планъ, хотя бѣлка, эта наименьшая единица, всетаки еще по стоимости равнялась полтинѣ.

О сумасбродствѣ, которое это обстоятельство возбуждало въ людяхъ, можно судить не только по сравнительно громаднымъ суммамъ, о которыхъ они говорили шутя, но и по тысячи, двумъ тысячамъ, тремъ тысячамъ рублей долгу, о которыхъ упоминалось вскользь, какъ о самой обыкновенной вещи (срав. стр. 740). Столь-же рѣзко явилось мнѣ неожиданно это сумасбродство съ другой стороны. Первый и притомъ громадный, глубоко втоптанный въ болото, медвѣжій слѣдъ, встрѣченный мною на Алданскомъ хребтѣ, поразилъ меня колодою картъ, которая тамъ, въ этой безлюдной пустынѣ, лежала въ немъ, какъ бы оправдывая этимъ преданіе о заколдованномъ старикѣ. Колоду эту потеряли проѣзжіе Якуты. Лентяйничанье, бездѣльничанье, кутежи и легкое

наживаніе денегъ посредствомъ охоты и торговли, привели Якутовъ къ карточной игрѣ. Представьте себѣ мое удивленіе, когда я, возвратясь съ развѣдки къ привалу, услышалъ, какъ якутскій торговецъ, громко крича, жаловался на фальшивую игру моего козацкаго урядника; разспросивъ о ближайшихъ обстоятельствахъ, я узналъ, что эти два молодца играли въ семерку (S'etteli), да еще не меньше, какъ по 5 руб. очко, такъ что въ нѣсколько часовъ проигрышъ простирался почти до 200 руб.

Карточная игра завелась у Якутовъ въ прошломъ столѣтіи. Уже въ 1808 году (какъ я совершенно случайно узналъ изъ архивныхъ бумагъ) купецъ Стручковъ, въ числѣ другаго товара, отправилъ 25 дюжинъ карточныхъ колодъ въ горы, на ярмарку на р. Учурѣ.

Въ одинъ присѣстъ проигрывали до 1000 рублей, что не удивительно, когда узнаешь, что бостонъ, отъ полтины до рубля фишъ, считался очень невысокою игрою. Упомянутая же игра въ семерку (S'etteli) игралась по 10, 15, 25 и даже по 100 руб. карта. По этому образцу можно судить о страстности игры. Игра S'etteli, называемая также Kosurdu$\frac{ch}{k}$ (вмѣстѣ съ тѣмъ это доказываетъ, что игра обязана своимъ происхожденіемъ русскимъ наставникамъ), основана на томъ, что сдающій открываетъ седьмую карту, и она служитъ козыремъ. Непокрытыя карты накопляются ко вреду того, кто играетъ.

Были также въ ходу игры maeras (mariage) и biät[1]).

Вожаки моихъ оленей также при всякомъ малѣйшемъ поводѣ тотчасъ предлагали другъ другу биться объ закладъ и ставка у этихъ бѣдняковъ почти всегда была не меньше 10 рублей.

На мои увѣщанія мнѣ всегда возражали: «да чтоже такое? Хорошая охота на соболей, или пожалуй олень-панты, или чернобурая лисица, я и богачъ». Tout comme chez nous.

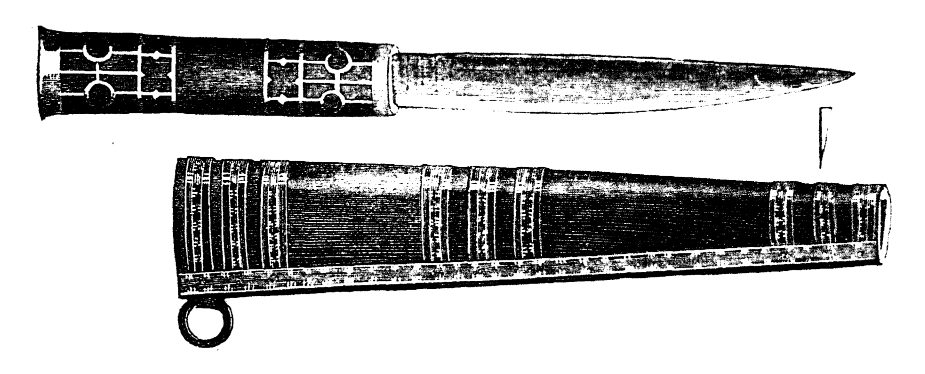
Когда я разсчитывалъ торговцамъ, какъ велики ихъ доходы и сколько тысячъ они должны бы были имѣть, то они соглашались съ этимъ, а все-таки оказывалось, что ничего не было сбережено. На кутежи и удовольствія уходилъ весь огромный барышъ отъ мѣховой торговли; даже Якутскимъ купцамъ она не приносила настоящей пользы, не смотря на почти 40,000 рублей, которые, по ихъ словамъ, Якуты и Тунгусы въ мое время имъ были должны. Побочныхъ расходовъ было также не мало, потому что прикащикъ, откровенно высказывавшійся, не только платилъ 55 руб. казенныхъ податей, но со включеніемъ этаго заплатилъ всего 220 рублей на ублаготвореніе разныхъ чиновниковъ.

Если мы покинемъ торговый районъ Якутовъ и заглянемъ въ главныя мѣста ихъ пребыванія, то мы поймемъ, что случай, который имъ представился, для развитія торговаго духа, имѣлъ на нихъ не благотворное, а деморализующее вліяніе.

Государству, имѣющему въ виду развить доставшійся ему безконечно обширный

[1]) Игорныя карты (ojnulach kärty) обозначались отчасти названіями, взятыми съ русскаго, напр. bubnaj, tschierbā, отчасти чисто-якутскими именами: äbbiannäch (сердцеобразные наконечники стрѣлъ, т. е. пики) и tuorá (поперечное, т. е. трефы), tojonó (король), chotuná (дама), klutá (валетъ); очки, $\frac{ch}{k}$aragá, считаются; только tús' взято прямо изъ русскаго языка.

Сибирскій край, должны быть особенно дороги свойства осѣдлаго рода, задатки котораго также имѣются въ этомъ даровитомъ народѣ (срав. стр. 759 и 760). Эти-то свойства несомнѣнно ставятъ Якута, умѣющаго справлять тяжелую и продолжительную работу, гораздо выше Еврея, съ которымъ у него, кромѣ торговаго духа и способности къ торговлѣ, одинаковая степень ловкости въ рукодѣльныхъ работахъ, равно какъ наклонность и способность къ самымъ разнообразнымъ ремесламъ. Якуты хорошіе плотники и камено-

Якутскій ножъ.

тесы. За тѣмъ они дѣлаютъ не только упомянутыя выше рѣзныя, красиво убранныя серебромъ, металлическія издѣлія, какъ напр. поясы, серьги и т. д., но и топоры, рогатины, ножи, серпы (Chotúr), ножницы, трубки, огнива и т. д., которыя всѣ разукрашены узорами и свидѣтельствуютъ о мастерскомъ исполненіи.

Взглянемъ напр. на изображенный тутъ ножъ, который служитъ Якутамъ какъ для собственной надобности, такъ и для продажи Тунгусамъ. Это приборъ самаго обыденнаго употребленія и самаго простаго свойства. Рѣзныя мѣдныя полоски на пластинкахъ, служащихъ для большей крѣпости ноженъ и свинцовыя спайки, украшающія рукоятку, вмѣстѣ съ тѣмъ придерживающія въ ней клинокъ, ясно указываютъ намъ, каковъ мастеръ, который ихъ изготовляетъ. Но узнавъ, что желѣзо для клинковъ добывается изъ руды самымъ первобытнымъ образомъ тѣмъ-же самымъ Якутомъ [1]), что при этомъ два кожаныхъ мѣшка [для сбереженія масла] изъ которыхъ поочередно выпускается воздухъ [2]), замѣняютъ раздувательный мѣхъ, и что весь приборъ столь-же простъ, чита-

---

[1]) Въ 1859 году въ одномъ Кангаласскомъ улусѣ насчитывались 64 плотника, 90 кузнецовъ и 3 столяра.

Руда добывалась въ двухъ округахъ (Nas'lég'ахъ): Хачикатскомъ и первомъ Шемконскомъ. Въ Хачикатскомъ округѣ, на р. Ботамѣ, а именно въ урочищахъ: Даркылахѣ, Шестаковскѣ и Кюртагія добывалось въ годъ 1400 пудовъ желѣза. Въ Шемконскомъ округѣ, при рѣчкѣ Лютягѣ, добывалось до 190 пудовъ.

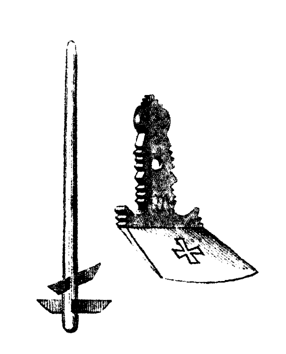
[2]) Мѣшокъ для масла (S'imirj) сшивается изъ полудубленыхъ, копченыхъ кожъ. Широкое отверстіе его закрывается двумя палками въ родѣ портмоне. Соединивъ обѣ палки, переложивъ ихъ черезъ третью палку и за тѣмъ связавъ ихъ, Якутъ получаетъ совершенно

*

тель навѣрное не преминетъ признать даровитость этого народа[1]). Это признаніе еще усилится, когда мы при ближайшемъ разсмотрѣніи узнаемъ, какъ показываетъ изображенный разрѣзъ клинка, что при изготовленіи этого клинка только одна плоскость его направляется подъ острымъ, другая же подъ прямымъ угломъ къ клиночному хребетку, на подобіе рѣзака на нашемъ рубанѣ. Въ связи съ этой уловкой и при помощи изображенной на стр. 721 деревяшки, чрезвычайная гибкость, которую Якутъ умѣетъ придать клинку своего ножа, въ состояніи замѣнить ему множество разнообразныхъ инструментовъ. Надобно напр. сдѣлать чашку, Якутъ тотчасъ-же сгибаетъ ножикъ свой объ стволъ дерева въ видѣ дуги, и съ руки, прежде чѣмъ успѣешь оглянуться, вытачиваетъ чашку изъ дерева лиственицы.

Потребуйте, чего хотите, Якутъ все смастеритъ: чайникъ ли, или болѣе сложный самоваръ, или винтовку съ нарѣзнымъ дуломъ и съ замкомъ.

Что бы онъ ни вырѣзалъ, во всемъ у него особый шикъ: будетъ ли это столь-же удобная, какъ простая, но все-таки красивая рыбная ложка (либáровка), которую онъ дѣлаетъ для Русскаго, или большая ступка для толченія, которая также дѣлается изъ дерева. Помѣстивъ на слѣдующей страницѣ рядомъ четыре рисунка этого столь простаго, но необходимаго для Якута, прибора, нельзя не согласиться, что тутъ не можетъ быть рѣчи о механической подражательности. Вездѣ проглядываетъ своеобразность. Одинъ, вырѣзая себѣ ступку изъ дерева, устраиваетъ ножку ея (см. рисунокъ съ лѣвой стороны) такъ, что она удобно можетъ быть защемлена обоими колѣнами, и придѣлываетъ къ ней ручку. Другой, живущій въ затопляемыхъ низменностяхъ, гдѣ нѣтъ пней, но есть много ивъ, осуществляетъ идею (см. фигуру справа), возможную только на полюсѣ крайней стужи, гдѣ какъ разъ человѣкъ этотъ живетъ. Сплетенная изъ ивовыхъ прутьевъ корзина скрѣпляется сверху и снизу деревяннымъ обручемъ, а промежутки замазываются тѣстомъ изъ глины и лошадинаго помета. За тѣмъ вся штука эта, будучи нѣсколько разъ опущена въ воду, покрывается толстою, крѣпко пристающею, ледяною глазурью и вотъ готовъ стекловидный сосудъ, глазурь котораго, какъ только пожелаете, можетъ быть возобновлена.

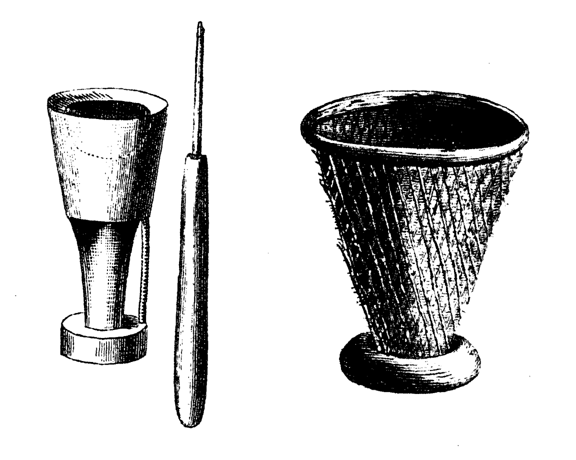

Мутовка (по якутски тык) и рыбная ложка.

Совершенно другую форму имѣетъ ступка для нюхательнаго табаку, Melliere; но оригинальнѣе всего, кажется, придумана ея соперница, которую изображаетъ послѣдній

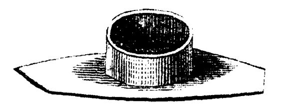
плотный мѣшокъ. Въ такомъ мѣшкѣ превосходно сохраняется якутское масло, которое отъ времени до времени освѣжается холодною водою. Кромѣ того онъ такъ плотенъ, что достаточно вставить трубку, поставить рядомъ два мѣшка и поочереднымъ выдавливаніемъ воздуха замѣнить раздувательный мѣхъ. При приподниманіи мѣшка отверстіе его немедленно широко раскрывается.

[1]) Мою байдару я сладилъ также при помощи двухъ Якутовъ, имѣвшихъ случай разъѣзжать на такихъ судахъ въ бывшихъ владѣніяхъ нашей Сѣверо-Американской компаніи.

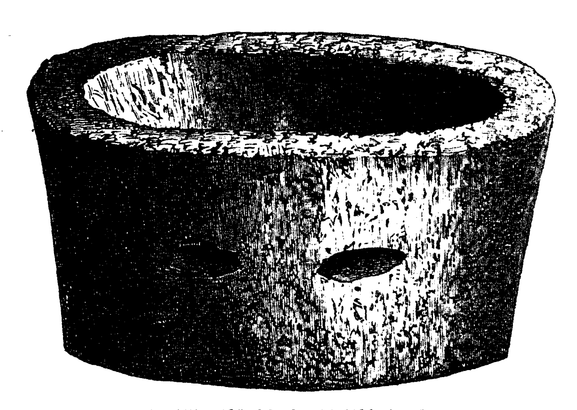
рисунокъ. Китовый позвонокъ выдолбленъ шарообразно. Такъ какъ стѣнки его, подобно отвердѣвшей губкѣ, по всѣмъ направленіямъ испещрены червообразно извивающимися трубчатыми ходами разнаго рода, то позвонокъ представляетъ шероховатую поверхность, напоминающую поверхность лучшихъ прирейнскихъ жернововъ, приготовляемыхъ изъ лавы. Главная польза отъ выбора такого, притомъ чрезвычайно легкаго на вѣсъ, позвонка, мнѣ стала понятна лишь послѣ долгаго знакомства съ нимъ, довольно забавнымъ образомъ. При коммунистическихъ порядкахъ, существующихъ среди первобытной природы, табачные запасы мало по малу совершенно истощались, такъ что страстные нюхальщики приходили въ отчаяніе. Тогда эта позвоночная ступка усердно должна была выручать ихъ изъ бѣды. Цѣлыя недѣли сряду, во время ночныхъ приваловъ, ее слегка постукивая, ворочали надъ подставкою по всѣмъ возможнымъ направленіямъ, цѣлыя недѣли сряду загадочно изогнутые меандрообразные ходы въ стѣнкѣ ступки снова выпускали изъ себя при этихъ пріемахъ нѣсколько понюшекъ. Уменьшить достоинство послѣднихъ не могло даже то обстоятельство, что губчатость ступки, для устраненія слишкомъ большой бережливости ея, была набита самыми сильными порціями золы, прежде чѣмъ дѣло доходило до растиранія табака.

по якутски Enég [1]).

по якут.: Melliere.

ступка изъ китоваго позвонка.

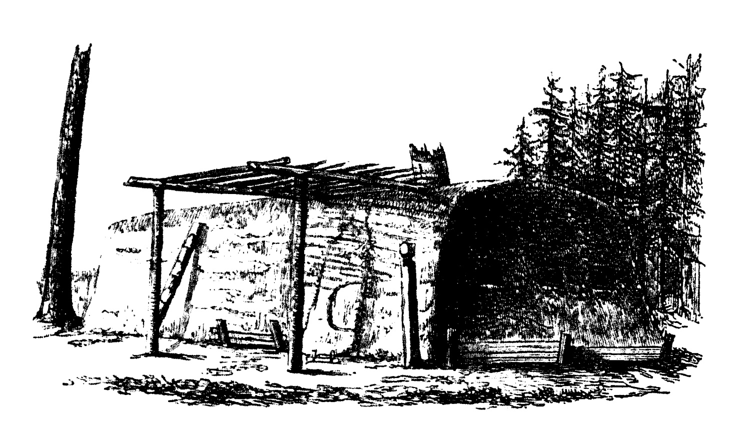
Ступки разнаго рода.

Что Якутъ все еще не помышляетъ серьезно объ осѣдлости, это съ перваго-же раза доказываетъ зимнее его жилье. Взглядъ на послѣднее, при нѣкоторомъ знакомствѣ

---

[1]) Ступка, изображенная съ правой стороны, называется также, говорятъ, Keli.

съ остальнымъ бытомъ этого народа, долженъ возбуждать подозрѣніе, что этотъ народъ нѣкогда прибылъ сюда изъ болѣе южныхъ странъ, что онъ когда-то жилъ въ кибиткахъ, но подъ полюсомъ, вслѣдствіе сильнѣйшей стужи, бросилъ ихъ, и перенялъ у Тунгусовъ ихъ зимнее жилье, Ütän, но не передѣлалъ его, а удовольствовался только расширеніемъ его [1]).

Зимнее жилье бѣднаго Якута.

Основное различіе тунгусско-якутскаго срубленнаго дома отъ русскаго заключается въ отвѣсномъ (вмѣсто горизонтальнаго) положеніи бревенъ. Это даетъ возможность употреблять молодой лѣсъ (не болѣе $\frac{1}{2}$ — $\frac{3}{4}$ фута въ стойкѣ) и облегчаетъ рубку, отеску и подвозку лѣса. Такой способъ постройки разсчитанъ на силы одиноко живущаго Тунгуса, у котораго нѣтъ ни лошадей, ни воловъ для подвозки бревенъ, и который помышляетъ о томъ, какъ бы ему при удобномъ случаѣ спокойно покинуть свое жилье.

Шесть отвѣсно впущенныхъ въ землю, но нѣсколько наклоненныхъ во внутрь, столбовъ, изъ которыхъ четыре по угламъ, а два, на футъ длиннѣе прочихъ, по срединѣ, составляютъ главный остовъ; лежащее поперегъ обоихъ среднихъ столбовъ, прикрѣпленное шипами бревно придаетъ всему стойкость, и отъ него идетъ бревенчатая рама, соединяющая между собою свободные концы всѣхъ столбовъ. Къ этой рамѣ приставляются столбы какъ можно плотнѣе одинъ къ другому и составляютъ стѣну; другіе, положенные сверху, образуютъ слегка покатый потолокъ, исполняющій вмѣстѣ съ тѣмъ роль крыши. Все это обмазывается смѣсью изъ глины и помета отъ лошадей да рогатаго скота, и обсыпается землей, зимою же прибѣгаютъ къ прекрасному матеріалу, снѣгу, для лучшаго удержанія тепла, предварительно покрывъ подстилку замерзающею водяною поливою, съ тѣмъ, чтобы чрезъ нее не сочился тающій въ концѣ зимы снѣгъ.

Для вставки оконныхъ ледяныхъ глыбъ оставляютъ одно или нѣсколько отверстій, величиною не болѣе квадратнаго фута. Слюду рѣдко встрѣчаешь, но при уменьшеніи холода, въ оконное отверстіе вставляется, чрезвычайно практично, плотно сплетенная изъ конскихъ волосъ сѣтка; она употребляется въ теченіе лѣтней половины года, пропускаетъ воздухъ и удерживаетъ комаровъ. Дверь большею частью была также не болѣе двухъ футовъ въ квадратѣ. Столь-же просто устроенъ каминъ, состоящій изъ стѣнки

---

[1]) На сѣверѣ они усвоили себѣ русскій блокгаузъ. Срав. стр. 761.

отвѣсныхъ, но кверху нѣсколько отогнутыхъ назадъ, столбовъ, которые глиняною обмазкою, скрѣпленною посредствомъ вставленныхъ въ нее камней, предохраняются отъ возгоранія. Такъ какъ передъ этой односторонней, лишь въ $2^1/_2$ фута ширины, но согнутой въ полутрубу, стѣной, которая наверху становится дымовой трубой, стоитъ глиняный въ футъ вышины ящикъ, на которомъ полѣнья ставятся отвѣсно къ стѣнѣ, то дерево горитъ превосходно и при окоченѣвшихъ членахъ ничто на свѣтѣ не можетъ сравниться съ ярко пылающимъ огнемъ такого громко трещащаго, хорошо обставленнаго камина.

На южномъ скатѣ Становаго пограничнаго хребта встрѣчается даже примѣненіе взятаго у Гиляковъ принципа провода трубы посреди идущаго вокругъ стѣны глинянаго прилавка, которая долѣе удерживаетъ тепло. Это, какъ мы сказали, заимствованная придача, тогда какъ первоначально къ такому жилью принадлежитъ только холодный прилавокъ, для спанья, идущій вдоль стѣнъ. Такой прилавокъ встрѣчается повсюду, вплоть до самаго глубокаго сѣвера и очевидно былъ вызванъ не только потребностью сидѣть и лежать, но главнымъ образомъ чрезвычайно разнообразными климатами внутри самого строенія. Не рѣдко разница между температурой на полу и температурой подъ потолкомъ бываетъ въ 50—60 градусовъ Цельсія. Когда привстанешь, то легкія задыхаются отъ жары, а ноги зябнутъ. Не рѣдко начинаешь спать на полу, безъ одежды, растянувшись на шкурѣ сѣв. оленя, и все-таки обливаешься потомъ. Пробуешь встать, но падаешь отъ чада. Вскорѣ въ просонкахъ начинаешь прикрываться, потомъ невольно взберешься на прилавокъ, гдѣ опять приходится сбросить одежду. Утромъ же васъ не защититъ уже никакая шуба, и только пылающій каминъ въ состояніи согрѣть окоченѣвшіе члены.

Такія постройки я засталъ еще посреди прославленнаго села Амгинска, хотя для тамошнихъ русскихъ поселенцевъ, для священника и казаковъ были построены удобные русскіе блокгаузы. Напротивъ того, само собою разумѣется, что Якутъ, у котораго есть скотъ, все болѣе и болѣе расширяетъ свое жилье, потому что рогатый скотъ, не привыкшій къ сѣверной зимѣ, ему приходится пристраивать въ своемъ жильѣ, т. е. по нашему въ своей комнатѣ. Непривычнаго къ такимъ порядкамъ Европейца ночью часто будитъ возня животныхъ. Повсюду происходятъ взрывы.

Передъ домомъ оставляютъ нѣсколько несрубленныхъ деревъ, къ которымъ привязываютъ лошадей. Вскорѣ дерево засыхаетъ; его срубаютъ въ ростъ человѣческій и столбъ готовъ; часто впрочемъ къ нему придѣлываютъ рѣзную головку. Этимъ не ограничивается употребленіе деревъ, на томъ мѣстѣ, гдѣ сооружается постройка. Внутри строенія встрѣчаются то столы на стволахъ, сидящихъ корнями еще въ землѣ, то колыбели, висящія между высокими обрубками и т. д. Возлѣ строенія весною возвышается высокій валъ изъ выволоченнаго помета.

Несравненно уютнѣе бываетъ лѣтомъ въ просторныхъ, прохладныхъ и довольно красиво сдѣланныхъ изъ бересты шалашахъ (Uros'á), которыя сооружаются посреди при-

вѣтливой мѣстности, на хорошихъ пастбищахъ, вдали отъ зимняго мѣстопребыванія, такъ какъ окрестности послѣдняго приходится тщательно оберегать отъ пастьбы. Длинную выросшую траву животныя легко разгребаютъ подъ снѣгомъ, потому что запасы сѣна Якутъ заготовляетъ, какъ мы уже замѣтили, только для рогатаго и молодаго скота (срав. стр. 547).

Это упоминаніе объ Якутахъ, въ качествѣ скотоводовъ, — а такими этихъ первоначальныхъ пастуховъ стали дѣлать неблагопріятныя условія полярнаго климата — это упоминаніе, говорю я, приводитъ насъ къ естественному главному назначенію этого народа въ отношеніи къ государственному хозяйству Сибири. Возвращаясь снова къ прежнему сравненію его съ Евреями (см. стр. 773), мы приходимъ къ такимъ качествамъ Якутовъ, по которымъ они стоятъ несравненно выше Евреевъ и потому тѣмъ болѣе заслуживаютъ полнаго вниманія правительства.

При значительной иниціативѣ и ассимиляціонной силѣ Якутовъ, о которой мы говорили уже выше (стр. 767), этотъ даровитый народъ обладаетъ такою необыкновенною способностью принаравливаться къ естественнымъ условіямъ и къ обычаямъ другихъ странъ и другихъ народовъ, что въ этомъ отношеніи онъ составляетъ полнѣйшую противоположность къ неподвижному національному характеру Евреевъ, которые вездѣ такъ долго остаются одними и тѣми-же. Среди первобытныхъ порядковъ тунгусскихъ или самоѣдскихъ, Якутъ въ самое короткое время становится Тунгусомъ или Самоѣдомъ, но не останавливается на этомъ превращеніи или не погрязаетъ въ немъ, а напротивъ вскорѣ въ этомъ новомъ своемъ качествѣ начинаетъ превосходить другихъ. Желѣзное, закаленное тѣло его позволяетъ ему браться за любую работу въ новой его обстановкѣ, а превосходство его изворотливаго, живаго ума вскорѣ возвышаетъ его надъ этой обстановкой. Мирно властвуя надъ пріютившими его, онъ въ скоромъ времени начинаетъ эксплуатировать ихъ. Являясь среди Русскихъ, онъ вскорѣ пріучается возвышаться до ихъ уровня; за тѣмъ, благодаря своему знанію людей и хитрости, быстро подмѣчаетъ ихъ слабости и тотчасъ-же ловко принаравливается къ новымъ условіямъ. Какъ только онъ попадаетъ подъ гнетъ чиновнаго взяточничества, такъ онъ съ замѣчательною быстротою освоивается со всею грязью оффиціальнаго бумажнаго прикрывательства и надувательства, знакомится съ тонкостями разныхъ формальностей и дѣловаго хода, эксплуатируетъ взяточничество и, подъ самолюбивымъ руководствомъ своихъ наслѣдственно посвященныхъ во все это наставниковъ, становится однимъ изъ самыхъ отъявленныхъ кляузниковъ и крючкотворовъ. Немало удивился я, когда Тунгусъ въ дебряхъ Становаго хребта сталъ спрашивать моего совѣта, хорошо ли составлена бережно припрятанная бумага, которую онъ предъявилъ. Это было прошеніе, написанное для Тунгуса Якутомъ города Якутска среди глуши Амурскаго края, обращенное ни къ кому иному, какъ прямо къ министру государственныхъ имуществъ, въ лежащей за десять тысячъ верстъ столицѣ, и начинавшееся словами: «Съ тѣхъ поръ какъ Якуты имѣютъ счастіе находиться подъ скипетромъ Русскаго» и т. д. Отсюда видно, что Якуты несправедливо под-

ведены подъ припаровленные къ дѣтскому состоянію особые законы, изданные для кочующихъ народовъ, а могли, и даже должны бы быть подчинены общимъ узаконеніямъ государства.

Упомянутыя нами способности поддерживаются такимъ терпѣніемъ, что мы встрѣчаемъ Якутовъ во главѣ какъ земледѣлія, такъ и скотоводства Сѣверной Сибири. Имъ удалось даже пробраться за предѣлъ успѣшнаго развитія этихъ двухъ отраслей промышленности, еще дальше къ сѣверу, и вездѣ дѣла ихъ идутъ хорошо.

Въ какомъ бы плохомъ видѣ ни находилось тамъ земледѣліе — въ отдѣлѣ «Растительность Сибири» (стр. 676, Прибавл. I, стр. III; Прибавл. II, стр. VII) мы изложили это на сколько могли[1]) — не слѣдуетъ упускать изъ виду двухъ обстоятельствъ: во-первыхъ, Якуты въ первобытныхъ, болѣе южныхъ мѣстахъ пребыванія своего едва-ли когда-либо воздѣлывали землю, а во вторыхъ, имъ приходится въ настоящее время дѣлать опыты землепашества при самыхъ невыгодныхъ условіяхъ, подъ полюсомъ самой суровой зимней стужи, въ ледяной почвѣ, промерзшей на значительную глубину и никогда не оттаивающей. Будучи родомъ изъ такихъ мѣстностей, въ которыхъ даже первобытный человѣкъ долженъ былъ сдѣлаться для насъ образцомъ по части орошенія земли, Якуты проявляютъ свое умѣніе припаравливаться къ обстоятельствамъ, тѣмъ, что здѣсь напротивъ того, выпускаютъ воду изъ озеръ (см. напр. Растительность Сибири, Прибавл. II, стр. VII; Прибавл. IV, стр. XXI, XXIII и т. д.).

Съ другой стороны Якуты-же, въ качествѣ пастуховъ, съумѣли распространить лошадь до береговъ Ледовитаго океана, и притомъ на самомъ крайнемъ сѣверо-востокѣ (стр. 535)[2]), тогда какъ въ болѣе теплой Западной Сибири правительство лишь при помощи жертвъ успѣло, не говорю водворить лошадь подъ полярнымъ кругомъ, а только выдвинуть на столько въ качествѣ добытаго издалека упряжнаго животнаго.

И съ рогатымъ скотомъ Якуты являются на крайнемъ полярномъ предѣлѣ скотоводства, а это имъ удалось только благодаря тому, что они мало по малу изъ пастуховъ сдѣлались скотоводами[3]). Сдѣлались же они скотоводами въ полномъ смыслѣ этого слова съ тѣхъ поръ, какъ со скотомъ своимъ пробрались въ такія безпріютныя мѣстности, гдѣ

---

[1]) Въ мое время Якуты сѣяли въ воздѣланныя земли по 10 пуд. ячменю на десятину, а въ слѣдующіе годы по 8 пудовъ. Одинъ изъ нихъ собралъ напр. въ 1842 году съ 21 пуда посѣва 300 пудовъ, а въ 1843 году съ 8 пудовъ посѣва 100 пудовъ ячменю, не смотря на множество саранчи (якут. as'yn͡gá). За два года до моего пріѣзда собрано было 20-е зерно, а три года раньше, слѣдовательно около 1839 года, не удалось даже собрать посѣва.

Въ Амгинской слободѣ въ мое время платили рабочему по 25 руб. въ годъ; 10 руб. за зиму.

[2]) О важномъ значеніи коневодства у Якутовъ нами говорено на стр. 769.

Въ Верхоянскомъ округѣ въ 1859 году лошадь стоила только отъ 20 — 40 руб. асс.: въ Якутскѣ въ 1844 году уже 35 — 40 руб.; въ Кангаласскомъ улусѣ, въ 1859 году, лошадь, которая шла на убой, дѣлилась на пять частей или «мѣстъ» и каждое мѣсто продавалось по 4 руб. сер. Въ Айтанскомъ наслегѣ лошадь стоила въ то время 15 руб. сер.

[3]) Для сравненія съ мѣрами, сообщенными на стр. 532 въ примѣчаніи, помѣщаю тутъ измѣренія тѣла якутской коровы на р. Билирѣ, въ Алданскихъ горахъ:

Высота у холки .... 53″
» » крестца. .... 49″
Вся длина .... 75″
От холки внизъ до груди, какъ разъ между передними ногами .... 33″.

имъ приходится заботиться о своевременномъ заготовленіи какъ зимняго жилья, такъ и запасовъ сѣна на зиму, да еще по 100 пудовъ и даже болѣе на каждую скотину [1]), при чемъ само собою разумѣется, какъ это дѣлается во всей Сибири, за косу принимаются только тогда, когда трава доходитъ человѣку по крайней мѣрѣ до половины бедра.

Такъ какъ возка сѣна зимою по временамъ причиняетъ имъ много хлопотъ, то они предпочитаютъ устройство, сверхъ главнаго жилья своего, еще нѣсколькихъ другихъ шалашей въ такихъ мѣстахъ, гдѣ находятся самые лучшіе запасы сѣна. Они перебираются туда съ своимъ скотомъ и стараются извернуться, какъ могутъ.

Не смотря на такія затрудненія, скотоводство ихъ довольно значительно [2]) и, кромѣ мяса, молоко и масло составляютъ весьма существенную часть ихъ пищи [3]) и сбыта.

Вслѣдствіе очевидныхъ выгодъ, доставляемыхъ скотоводствомъ, уже и въ мое время нѣкоторые Алданскіе Тунгусы начали слѣдовать хорошему примѣру и въ особенности на верховьяхъ Маи стали заниматься скотоводствомъ, такъ какъ хлѣбопашество въ Амгинскѣ доставляло имъ по сноснымъ цѣнамъ необходимое для того количество зерноваго хлѣба. Но они не успѣли еще пройти школу горькихъ опытовъ, которую прошли Якуты, прежде чѣмъ научились совладать съ препятствіями. Мнѣ самому привелось встрѣтить Тунгуса, которому удалось развести 30 штукъ рогатаго скота, пока весною, когда я проѣзжалъ, напоръ льда, запрудившаго Алданъ, внезапно не унесъ всего. Въ нѣсколько часовъ погибли плоды многихъ лѣтъ; разбогатѣвшій прогрессистъ вдругъ сдѣлался бѣднякомъ и нищимъ. Проложить путь прогрессу, благоденствовать піонеромъ, вовсе не такъ легко, какъ иному, можетъ быть, кажется.

Присоединимъ къ нашимъ замѣткамъ о скотоводствѣ Якутовъ, нѣсколько сообра-

---

[1]) По свѣдѣніямъ, сообщеннымъ мнѣ бывшимъ Якутскимъ губернаторомъ, другомъ моимъ, тайнымъ совѣтникомъ докторомъ фонъ Штубендорфомъ, въ 1859 году косили сѣна въ наслегѣ Сасыль до 57 пудовъ, въ наслегѣ Игидей до 81 пуда, въ наслегѣ Баягантай до 105 пудовъ на каждую скотину. Кромѣ того они заготовляли запасы сѣна для жеребятъ, равно какъ и для лошадей, которыхъ рано въ году приходилось подготовлять къ дальнимъ транспортнымъ походамъ.

[2]) Въ наслегѣ Игидей считали на семейство по 42, въ наслегѣ Омеко́но-Богоро́нъ по 59, въ наслегѣ Сасыль по 19 штукъ рогатаго скота.

Быкъ цѣнился въ Верхоянскомъ округѣ въ 15 — 20, корова въ 15 — 16 руб. асс.; въ наслегѣ Айтанъ штука цѣнилась въ 10 руб. сер., пудъ мяса въ 60 — 90 коп.

[3]) При такихъ затруднительныхъ условіяхъ якутская корова свѣжедойная даетъ 3 и не болѣе 6 литеръ въ день. Доятся коровы только съ мая до октября и не далѣе ноября и весь удой можно разсчитать лучше всего потому, что бѣднѣйшіе Якуты Мегинскаго улуса принимаютъ дойныхъ коровъ отъ богатыхъ съ тѣмъ условіемъ, что они обязываются во время попаса до 1-го октября внести хозяину 30 фунтовъ масла и полбочки (Chas'as'), т. е. 8 — 10 пудовъ простокваши (Tar). Са́михъ себя они содержатъ на счетъ остающагося излишка, кормятся имъ и сверхъ того заготовляютъ запасы на зиму.

Пудъ топленаго масла стоилъ у Якутовъ (Кангаласскаго и Мегинскаго улусовъ) отъ 3 — 4 руб.; пудъ такъ называемаго якутскаго масла, содержащаго много сырныхъ частей (Chasach) $1\frac{1}{3}$ руб.; полубочка простокваши $1\frac{1}{2}$ — 2 руб.; литра молока (Besmén, т. е. $2\frac{1}{2}$ фунта) $1\frac{1}{2}$ коп.

Отъ кобылъ Якуты постояннымъ доеніемъ добываютъ, смотря по обстоятельствамъ, столько-же молока, сколько отъ коровъ. Якуты увѣряли меня даже, что можно довести дѣло до ведра въ день. Но это достигается только частымъ доеніемъ. Обыкновенно доятъ отъ 5 до 6 разъ въ день. Если здоровыя кобылы стоятъ на жирномъ, спокойномъ, огороженномъ травяномъ мѣстѣ, то ихъ доятъ до 8 разъ въ день, и только вечеромъ допускаютъ жеребенка къ сосцамъ.

женій о ихъ способѣ пропитанія, и воздадимъ при этомъ случаѣ должное уваженіе тому неожиданному обстоятельству, что тотъ самый Якутъ, который не гнушается ни попортившагося мяса, ни самаго затхлаго творогу, ни невыносимо прогорьклаго якутскаго масла, умѣетъ отличать самыя мелкіе оттѣнки разныхъ сортовъ чая. Во время нашихъ переходовъ Якутъ, гостившій у насъ, замѣтилъ: «этотъ чай хуже вчерашняго». Топографъ мой и я, мы ничего не замѣтили, но этотъ парень былъ правъ; оказалось, что вмѣсто пачки въ 7 руб. за фунтъ начата была новая пачка по $6\frac{1}{2}$ руб. При всемъ томъ они приготовляютъ приправу изъ Epilobium'а, но употребляютъ ее только въ крайнемъ случаѣ [1]).

Количество годовыхъ припасовъ богатаго якутскаго семейства заключается, по сообщеннымъ мнѣ свѣдѣніямъ, въ слѣдующемъ:

Фамильнаго чаю......		20 до 30 фунтовъ
Бѣлаго сахару........		40 » 80 »
Водки...............		5 (и болѣе) ведеръ
Конины.............		30 пудовъ и болѣе
Коровьяго мяса.......		20 до 30 пудовъ
Масла	топленаго.....	10 » 15 »
	якутскаго.....	5 » 7 »
Творогу-простокваши...		25 пудовъ.

Сверхъ того еще уловъ рыбы, охотничья добыча и т. д; рѣдко мука [2]).

Въ бѣдныхъ же якутскихъ семействахъ мы уже находимъ меньшую степень раздолья, какая не замѣчалась у коренныхъ жителей, разсмотрѣнныхъ нами прежде. Улучшеніе культурнаго быта, заставляющее заводить съ трудомъ запасы на зиму, приводитъ Якута изъ прежняго состоянія первобытныхъ коммунистическихъ порядковъ къ той роковой разницѣ въ удобствахъ образа жизни, которая постоянно встрѣчается на западѣ. Разсматривая образъ жизни бѣдныхъ якутскихъ семействъ, я вспомнилъ, что имъ, равно какъ Тунгусамъ и Самоѣдамъ, могли бы очень пригодиться папиніанскіе горшки, для лучшаго употребленія суррогатовъ муки, и остатковъ отъ закалываемыхъ

---

[1]) Вслѣдствіе употребленія чая у Якутовъ вошли въ честь разные настои.

При непродолжительности моего пребыванія у нихъ мнѣ удалось замѣтить только, что настой на папоротникѣ (kawāl) давали сѣв. оленямъ, когда они смотрѣли уныло и казались больными. Онъ же хорошо помогаетъ, говорятъ, человѣку противъ хроническаго кашля. — Lycopodium же употреблялся только для вытиранія посуды.

Настой на травѣ, которая по тунгусски называется Tschukuktā, употребляется при ранахъ, опухоляхъ и ушибахъ. Настой медвѣжьей печени, заваренной на кипяткѣ, принимается противъ боли въ печени, равно какъ и медвѣжья желчь, а еще гораздо охотнѣе, желчь отъ дикой овцы.

[2]) Въ Кангаласскомъ улусѣ продавали пудъ ячменю по 40 коп., пудъ пшеницы по 1 руб. Смолотымъ это зерно продавалось 20-ю копѣйками дороже съ пуда, такъ какъ употребляются только ручныя мельницы.

Пудъ нельмы или таймена стоилъ отъ $1\frac{1}{2}$ до $1\frac{3}{4}$ рубля.

животныхъ, хотя при этомъ и такъ пропадаетъ очень мало. Но даже въ Европѣ эта полезная посуда еще не успѣла распространиться.

Соотвѣтственно тому, что сказано выше, добавочная ѣда богатаго Якута становится главною пищею бѣдняка и такъ какъ даже богачъ рѣдко употребляетъ муку, то бѣдняку приходится довольствоваться суррогатами, которые ему представляютъ главнымъ образомъ сосновая кора, и сверхъ того разные дико-растущіе корни.

Сосновая кора употребляется двоякимъ образомъ: отчасти толченою на крупоподобныя крохи[1]) — Jörä —, отчасти въ видѣ муки[2]) — Adýl —. Въ годъ бѣдное якутское семейство употребляетъ до 10 пудовъ крупъ перваго рода и до 6 пудовъ муки изъ сосновой коры; сверхъ того еще необходимо нужны двѣ полубочки творогу-простокваши.

Пища изъ сосновой коры, которая совсѣмъ не дурна на вкусъ, приготовляется слѣдующимъ образомъ. Въ глиняный сосудъ, вмѣщающій въ себѣ около ведра воды, кладутъ $1\frac{1}{2}$ фунта Jörä, $\frac{1}{2}$ фунта Adýl, 3 фунта творогу, если возможно наливаютъ еще $\frac{1}{2}$ фунта прѣснаго молока, а для сгущенія и лучшаго вкуса прибавляютъ 3 щепотки муки Undshulá[3]), все это хорошенько перемѣшиваютъ и варятъ съ водой. Счастливъ тотъ, кто можетъ подбавить муки, отъ которой кушанье становится вкуснымъ Butugas'омъ. Изъ коры лиственицы или, правильнѣе, изъ заболони этого дерева, также приготовляется мука, хотя и рѣже.

Корки эти толкутся въ ступкахъ разнаго рода (стр. 779) и, замѣшивая ихъ, главнымъ образомъ нужно прилежно разбалтывать похлебку. По этому у Якутовъ встрѣчаются мутовки всѣхъ возможныхъ формъ; если онѣ сдѣланы изъ дощечки, то всегда просверливаются дырочки самымъ практичнымъ образомъ.

Вожатый нашего каравана и его помощники питались главнымъ образомъ мучною похлебкою. Неполную горсть сала на человѣка распускали въ небольшомъ количествѣ воды, къ которому потомъ подмѣшивали добрую горсть муки, прибавляли опять воды и снова варили. Если къ этому удавалось добавлять вяленое на морозѣ мясо, то оно придавало кашицѣ вкусъ, крѣпость и цвѣтъ.

Овощами и пряностями служили: кислица (kislá), дикій лукъ и луковицы, которыя назывались хрѣномъ. Русскія названія ихъ очевидно доказываютъ, что̃ Якуты стали употреблять эти овощи лишь недавно.

Въ кашу эту подбавляли также ягоды разнаго рода.

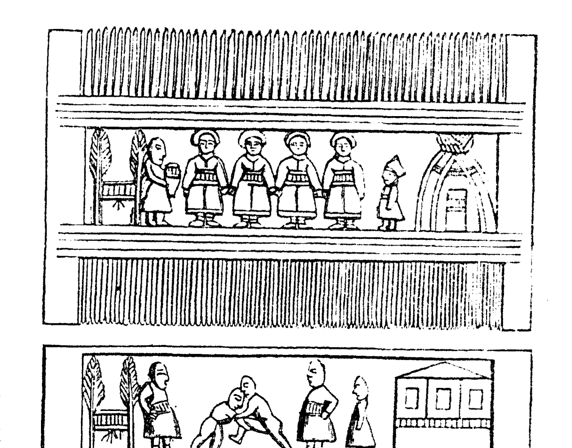
---

[1]) Толкутъ ее въ большихъ ступкахъ, изображенныхъ на стр. 779. Эту крупу называютъ также, говорятъ, Kyrbannik.

[2]) Для помола употребляются ручныя мельницы, на которыхъ въ день можно смолоть отъ 25 до 40 фунтовъ ячменя.

[3]) Это растеніе называется также Kjöl as'á (озерная пища) и, судя по описанію, можетъ быть корневищемъ Nymphaea. Кромѣ этихъ корней Якуты называли мнѣ еще другіе питательно-съѣдомые корни, какъ-то: 1) Ymyjách, 2) Bytá, 3) Makaarschin (вѣроятно извѣстная макарша), которые они ѣдятъ и сырыми и вареными, но Makaarschin почти только какъ лекарство, противъ поноса; 4) Chorún (вѣроятно сарана); они любятъ варить его въ молокѣ, которое становится оттого мучнистымъ. Его выкапываютъ изъ мышиныхъ норъ. 5) Тунгусы разсказывали мнѣ еще о корнѣ Schenikta, котораго Якуты не знали подъ этимъ названіемъ. Не есть ли это какой-нибудь видъ oxytropis?

Но апогеемъ всѣхъ наслажденій языка и утробы является божественная пища саламатъ. Приготовляется она очень просто: въ котлѣ распускаютъ масло, по немногу подбавляютъ муки, постоянно мѣшая ее, все это порядкомъ жарятъ, и наконецъ, не переставая мѣшать, до тѣхъ поръ подливаютъ кипятку, пока вся каша не получитъ двойнаго объема. Тогда чудесная пища эта готова. Но иногда мнѣ казалось, что людямъ этимъ чистое топленое масло нравилось все-таки еще больше; притомъ извѣстно [1]), что Якутъ не прочь за одинъ присѣстъ съѣсть съ пудъ топленаго масла. Саламату конечно врядъ ли столько можно съѣсть. Видѣлъ я также Якутовъ, которые вдоволь наѣвшись саламату, клали остатокъ въ горячій чай, такъ что масло выдѣлялось, плавало сверху и за тѣмъ могло быть спущено съ усладительнымъ чаемъ, осаждая на днѣ муку, уже не умѣщавшуюся въ утробѣ.

Мамонтовый гребень съ изображеніемъ празднествъ.

Обѣдъ, которымъ меня угостилъ богатый якутскій торговецъ, состоялъ изъ: 1) горшка густыхъ и желтыхъ вареныхъ сливокъ; 2) замороженныхъ сливокъ; 3) кусочковъ замороженнаго масла, составлявшихъ особое блюдо; 4) вареной рыбы; 5) масла, распущеннаго въ кипяткѣ; 6) глухаря и оленьяго языка; 7) коровьей почки и вымени, жареныхъ въ маслѣ; 8) саламата.

Такая роскошь, усиленная серебряными ложками и фарфоровою посудою, рѣзко контрастируетъ съ грязнымъ приготовленіемъ кушанья и съ окончательнымъ облизываніемъ (на манеръ усердныхъ собакъ) посуды, а въ особенности котла, въ которомъ потомъ исчезаетъ вся голова.

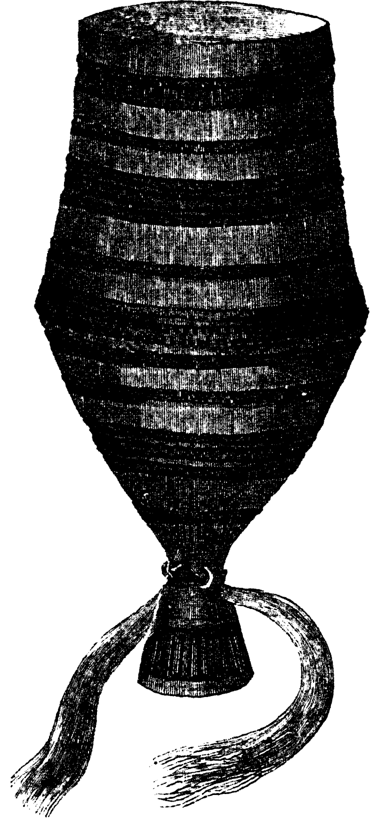
У другаго богатаго Якута дѣло происходило болѣе въ стилѣ первобытномъ: за рыбой слѣдовали оленьи языки, за тѣмъ оленья губа, потомъ конина и наконецъ саламатъ.

О передаваемомъ Гмелинымъ обычаѣ якутскихъ отцовъ съѣдать, какъ лакомство, послѣдъ собственнаго новорожденнаго ребенка, уже не знали болѣе. Все-же Европейцу не могъ не быть противенъ способъ, какъ они убивали убойный скотъ: не смотря на строжайшее запрещеніе, объявленное именнымъ Высочайшимъ указомъ, и въ мое время животному заживо распарывали животъ, запускали въ него руку, хватали аорту и сжимая, да переворачивая ее, убивали животное. Говорили впрочемъ, что животныхъ иногда закалывали заостренной палкой, а иногда задушали посредствомъ притягиванія къ дереву, смотря по мѣстнымъ обычаямъ.

---

[1]) Уже Эрманъ, Гейне (Expedition, III, 1857, стр. 53) и другіе говорятъ объ этомъ.

Такъ какъ лѣтнее время я провелъ опять среди Тунгусовъ, то мнѣ не удалось принять участіе въ извѣстныхъ якутскихъ празднествахъ и пирушкахъ, изображенныхъ на предыдущей страницѣ на барельефахъ художественнаго произведенія, сдѣланнаго Якутомъ изъ мамонтовой кости. Кромѣ любимыхъ въ Средней Азіи единоборствъ и скачекъ, эти празднества, поясненныя ниже сообщенными хоровыми пѣснями, главнымъ образомъ сводятся на непомѣрное употребленіе кобыльяго молока. Кумысъ, который подносится въ изображенный, сценѣ, распивается изъ огромныхъ, въ нѣсколько литръ, кружекъ, красиво вырѣзанныхъ изъ лиственичнаго дерева. Такую кружку, подобно древнимъ рогамъ для питья, приходится осушать до дна, потому что ножка ея, которую скорѣе можно назвать ручкой, не служитъ кружкѣ твердой подставкой. Ручка обвязана имѣющими особое значеніе волосами изъ лошадиной гривы, связанными въ пучокъ, и свидѣтельствующими о томъ, что кружка освящена, потому что Якутъ повсюду считаетъ себя окруженнымъ духами.

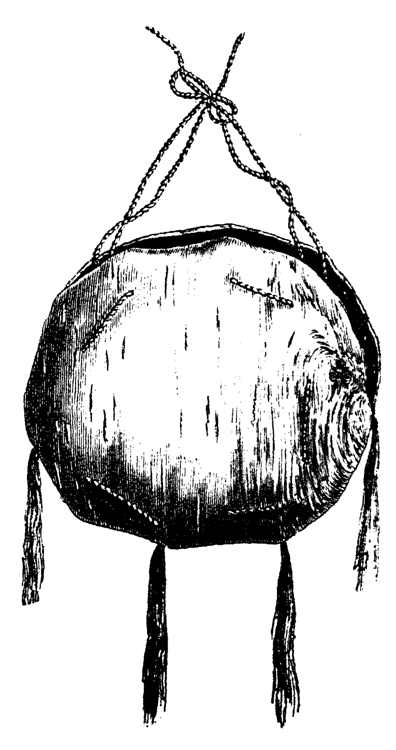

Кружки на пирахъ.

Особенно это бываетъ тогда, когда Якутъ перебирается чрезъ гребень водораздѣльнаго хребта. Заблаговременно подумавъ объ этомъ событіи, Якутъ, кочующій съ сѣв. оленями, уже изъ дому запасся пучкомъ лошадиныхъ волосъ, которые отчасти сами по себѣ, будучи привязаны къ сучьямъ ближайшихъ къ перевалу деревьевъ, посвящаются духамъ и бѣсамъ, отчасти служатъ къ подвязыванію всевозможныхъ приношеній. Начиная съ дорогаго пушнаго товара до сдѣланнаго изъ бересты поплавка для невода, всѣ такія приношенія богамъ угодны, но безъ лошадинаго волоса, либо скрученнаго, либо привѣшаннаго, какъ на изображенной тутъ кружкѣ, такъ и на поплавкѣ на слѣдующей страницѣ, дѣло уже никакъ не можетъ обойтись [1]). Если подъ рукою нѣтъ ничего болѣе подходящаго, то прибѣгаютъ даже, какъ мнѣ случилось видѣть, къ изображенной на страницѣ 790-ой кисти, служащей какъ для сметанія пыли, такъ и для чистки лошадей, да къ защитѣ отъ укушенія насѣкомыхъ. Всякаго рода конскій волосъ сперва проводятъ по воздуху надъ огнемъ въ шалашѣ, бормоча при этомъ: «Нечистота, выходи въ трубу» и этимъ очищаютъ, освящаютъ его.

[1]) Сарычеву (Путеш. I, стр. 27), равно какъ Хвостову и Давыдову (I, стр. 59) привелось видѣть тоже самое.

Безъ длинныхъ рѣчей впрочемъ также нельзя обойтись Якуту, когда онъ желаетъ, чтобы горные духи благоволили къ нему. Такъ какъ въ третьемъ томѣ нѣмецкаго изданія этого сочиненія не помѣщены ни текстъ такихъ рѣчей, которыя мнѣ довелось слышать, ни хоровая пѣсня при кумысовомъ праздникѣ, ни записанная мною сказка, то я хочу сообщить ихъ тутъ въ подробности.

Рѣчь, произнесенную помощникомъ моего вожатаго, чистѣйшимъ Якутомъ, при переходѣ чрезъ водораздѣлъ, приведшемъ насъ черезъ крутой хребетъ, примѣрно въ 5000′ вышины, отъ рѣчной области южнаго прибрежья Охотскаго моря въ область рѣки Амура, рѣчь эту я сперва долженъ передать тѣми же самыми словами, которыми я сообщилъ свѣжее впечатлѣніе свое въ письменномъ моемъ путевомъ донесеніи. Я замѣчу тутъ только, что поднимаясь по рѣчкѣ Кербú къ верховьямъ ея, мы въ то время собирались перейти на пути, проложенные Буреей.

Конскіе волосы на поплавкѣ въ видѣ приношенія.

Вотъ что сказано было въ моемъ донесеніи[1]): Представьте себѣ надъ нами голыя вершины отвѣснаго Буреинскаго хребта; ближайшею обстановкою ихъ дикія ущелья, покрытыя частью хаотически разбросанными глыбами скалъ, частью огромными первобытными лѣсами; на первомъ планѣ нашихъ пасущихся сѣв. оленей, жертвенное дерево, щедро разукрашенное привезенными издали волосами лошадиныхъ гривъ, и за тѣмъ, оратора, закутаннаго въ мѣха и обращеннаго къ долинѣ, Якута, произносящаго эту посвятительную рѣчь предъ пылающимъ огнемъ, и предъ нимъ другаго Якута, который, среди стоящей въ кругу дорожной компаніи, приподнимаетъ къ небу горячій саламатъ, это божественное лакомство Якутовъ; представьте себѣ брызжущее и трещащее въ огнѣ, какъ бы отвѣтъ призываемаго духа, обѣтное масло саламата, наконецъ вообразите себѣ, какъ потомъ, по окончаніи рѣчи, ложку, которою масло вливалось въ огонь, приподнимаютъ при постоянныхъ восклицаніяхъ и за тѣмъ бросаютъ вверхъ: она падаетъ, и въ видѣ счастливаго предзнаменованія обращается къ небу вогнутою стороною, а за этимъ раздается громкое «уруй» (ура), и пискливый, воеподобный, усердно поддержанный хоромъ, радостный крикъ оратора, который ставитъ ложку отвѣсно позади затылка.

---

[1]) Какъ въ Академическомъ Бюллетенѣ, такъ и въ заимствованной изъ него статьѣ въ Beiträge zur Kenntniss des Russ. Reiches, IX, 2, 1855, стр. 634.

Вдругъ вслѣдъ за тѣмъ настаетъ противоположная, напоминающая животныхъ, сцена глотанія саламата, оканчивающаяся собакоподобнымъ обгрызаніемъ и облизываніемъ ложекъ, тарелокъ, котловъ, доходящимъ до соскребанія послѣднихъ слѣдовъ полуды при помощи особыхъ устроенныхъ именно для этого костяныхъ лопаточекъ — представьте себѣ сказанное и вы можете себѣ составить приблизительное понятіе о томъ, какое сильное впечатлѣніе должна была произвести на меня эта рѣчь, которая вѣроятно займетъ почетное мѣсто между извѣстными рѣчами вождей воинственныхъ племенъ сѣверо-американскихъ Индѣйцевъ.

Рѣчь эта гласила слѣдующее:

Бабушка Кербй, престарая ты, и ты, бабушка Бурея, равная ей по лѣтамъ! Надѣлите благомъ насъ, странствующихъ въ вашихъ затаенныхъ ущельяхъ, охраните насъ, пошлите намъ счастья и дайте намъ ваше благословеніе. Вѣдь мы идемъ во имя великаго духа. Вы, которыя, питаясь, явились съ высотъ, ваши имена ведутъ насъ; девять разъ счастливъ да будетъ нашъ походъ;

А ты, при дорогахъ живущая, ты подобная повсюду быстро появляющемуся или исчезающему снѣгу, непостижимо быстрая волшебная дѣва Сырынай, ты скороходъ Курхачи, ты Сулкунъ-Экинъ, ты быстрогонъ горный духъ Хандá и вы духи, обитающіе справа въ девяти, и опять слѣва въ восьми горахъ, здравствуйте!

Я угощаю всѣхъ васъ вмѣстѣ [1]) — оставайтесь — наслаждайтесь — кушайте — не разбирайте разборчивымъ языкомъ — довольствуйтесь этимъ — празднуйте небесною ѣдою саламата недавно выпавшую новину [2]).

Якут. Daibé.

Даруйте благодать тойонамъ [3]), чтобы они счастливо и радостно достигли цѣли. Вѣдь это воля царя!

Умоляя васъ, восклицаю: ведите насъ благополучно, чтобы мы были равны лучшимъ, чтобы мы превзошли посредственныхъ.

Ты же, властвующій здѣсь духъ-охранитель Байтъ, старина горы, Баяняй, ты преботатый Барыллахъ: еще при утреннихъ сумеркахъ укажи намъ темный пушный товаръ, съ ранней зарей ярко блестящій мѣхъ, дорогіе мѣха! наполни туго нашъ широчайшій мѣшокъ, нанижи соболя къ соболю на нашъ самый длинный ремень.

Дай намъ встрѣтить крупную дичь.

Вѣдь ты подарилъ сивку тому, у котораго не было ничего кромѣ деревянной избушки; гнѣдаго ты подарилъ тому, которому принадлежала только мазанка. Такъ взгляни и теперь, улыбнись сюда весело.

---

[1]) При этомъ льютъ въ огонь три ложки масла саламатнаго изъ котла, который все это время торжественно приподнимаютъ вверхъ.

[2]) За нѣсколько дней передъ тѣмъ выпалъ первый снѣгъ.

[3]) Старшины, чиновники. Подъ этимъ названіемъ разумѣли меня и моего топографа.

Ты же[1]), престарѣлый духъ Чандай, не порази суставовъ хромотой, не напади на нашихъ шестнадцатиконцовыхъ, не моргай, не гляди сюда пристально сверкающимъ глазомъ — да умолкнетъ языкъ твой.

Счастье и благополучіе на дорогу!

Такую форму, въ какой я передалъ доселѣ посвятительную рѣчь помощника нашего вожатаго, она приняла въ путевомъ моемъ дневникѣ. Толмачемъ мнѣ служилъ самъ вожатый, также, какъ и тотъ, природный Якутъ, но съ малыхъ лѣтъ сиротой выросшій у священника въ Удскомъ острогѣ. При всемъ томъ онъ говорилъ по якутски несравненно лучше чѣмъ по русски. Такимъ образомъ было не столько трудно добиться смысла рѣчи, сколько слово за словомъ слѣдить за сказаннымъ и уяснить себѣ способъ выраженія.

По-этому становится понятнымъ, что мой почтенный другъ Бётлингъ, добывъ болѣе полный матеріалъ, не включилъ въ свой трудъ [2]) ни одной рѣчи, ни одной изъ тѣхъ сказокъ, которыя мною записаны. Не сдѣлалъ онъ этого «потому что часто связь была прервана, а иногда даже нельзя было добиться значенія словъ». Бётлингъ самъ объясняетъ это слѣдующимъ образомъ: «Это никого не должно удивлять, если принять въ соображеніе чрезвычайную трудность съ одной стороны записать быстро проговоренную рѣчь, а съ другой медленно повторить такую рѣчь тѣми-же словами, не путаясь самъ при этомъ и не теряя терпѣнія при этомъ занятіи. Рѣдкія, и, пожалуй, совершенно вышедшія изъ употребленія слова, которыя вѣроятно не всегда и воспроизведены совершенно правильно, также, можетъ быть, затруднили мнѣ пониманіе смысла».

Никто, надѣюсь я, не приметъ этого, весьма справедливаго, замѣчанія Бётлинга за желаніе выгородить меня, если вспомнитъ, что на мои лингвистическія занятія, къ которымъ я нисколько не былъ подготовленъ, мнѣ можно было удѣлять только небольшія частички времени и случая, отрываемыя отъ главныхъ моихъ работъ. Почтенному читателю стоитъ только задаться задачей, при совершенномъ незнаніи англійскаго языка, записать за глотающимъ слова, необразованнымъ сыномъ Альбіона, то, что послѣдній успѣлъ сказать, особенно когда это дѣлалось въ возбужденномъ состояніи, или лилось изъ устъ такъ, какъ школьники обыкновенно говорятъ отъ слова до слова вытверженные уроки. Такъ, не переводя духу, Якутъ мой говорилъ свои рѣчи. Уже въ пылу обыденнаго разговора, нѣкоторыя слова расплывались въ неясныя сокращенія, какъ напр. часто вставляемое dōr (вм. djugōr, пріятель) — пожилымъ людямъ говорится ogonnjór — или выраженіе bürduk (вмѣсто bu kurdúk, въ этомъ направленіи), которое въ этомъ случаѣ совершенно совпадаетъ съ якутскимъ названіемъ муки. Не рѣдко, казалось мнѣ, слова не могли довольно быстро слѣдовать за полетомъ мысли, такъ что ораторъ позволялъ себѣ вольности, которыя затрудняли якутскимъ слушателямъ пониманіе сказаннаго.

---

1) За тѣмъ слѣдуетъ злой принципъ.

2) Въ 1-мъ отдѣлѣ 3-го тома нѣмецк. изд. этого сочиненія, стр. XLVII.

Если мы обратимъ вниманіе на то, что фразы, записанныя мною для узнанія грамматическихъ правилъ, Бётлингъ нашелъ вполнѣ пригодными [1]) и что изъ грамматическаго моего наброска онъ заимствовалъ нѣсколько существенныхъ указаній, то есть нѣкоторая вѣроятность, что и остальные мои тексты могутъ содержать годный матеріалъ, хотя искаженный тѣмъ, что нѣкоторыя слова слились, а другія не разслышаны, какъ слѣдуетъ.

Особенную важность я придаю этнологическому значенію записаннаго мною текста и возвращаюсь къ нему тѣмъ болѣе, что очень часто, когда я начиналъ догадываться, что въ рѣчахъ, говорившихся по разнымъ случаямъ, то или другое выраженіе слишкомъ уклоняется отъ обыденной рѣчи, и за тѣмъ обращался съ распросами къ моимъ наставникамъ, послѣдніе мнѣ отвѣчали: «вѣдь это такъ слѣдуетъ; это именно такъ-то и прекрасно; это изстари такъ нужно». Притомъ такія рѣчи вовсе не были вполнѣ понятны остальнымъ Якутамъ, и оратору потомъ часто предлагали разные вопросы, въ которыхъ пытливое слово «du»? играло главную роль.

Точно также я не могъ не замѣтить, что на разспросы мои о свойствахъ различныхъ духовъ и бѣсовъ, которые упоминались въ разговорѣ и названія которыхъ сопровождались каждое совершенно особыми прилагательными, люди мои не были въ состояніи сообщить мнѣ ближайшія свѣдѣнія, а при настойчивости съ моей стороны, объясняли, что такъ это было нѣкогда. Такимъ образомъ — въ этомъ я убѣждался постоянно — въ обычаяхъ и въ языкѣ Якутовъ было много стариннаго, преемственнаго, чего народъ уже въ точности не понималъ. Болѣе развитое нѣкогда ученіе о божествахъ пришло въ забвеніе и передо мною являлись только обломки развалинъ давно забытаго ученія.

Это, конечно, все болѣе и болѣе уменьшало степень моего уваженія къ ораторскому таланту Якутовъ, такъ какъ многія составныя части ихъ замѣчательной способности къ импровизаціи очевидно сводились на хорошую память, на знаніе старинныхъ выраженій и формъ, на схематическія, бѣдныя смысломъ, аллитераціи, на поэтическія вольности, основанныя на непрочномъ образованіи и на большомъ богатсвѣ формъ. Дѣлаемыя слушателями поправки и вставки, которыя я замѣтилъ, не позволяли сомнѣваться въ томъ, что основу рѣчи составляли изстари употреблявшіяся выраженія, между тѣмъ одобрительная улыбка свидѣтельствовала объ импровизованныхъ добавленіяхъ. Но чѣмъ болѣе кумысовый праздникъ Якутовъ (см. стр. 799), единственно имъ свойственный, отличается отъ всѣхъ обычаевъ Тунгусовъ, Самоѣдовъ и Остяковъ, тѣмъ болѣе хоровое пѣніе ихъ напоминаетъ о подобныхъ обычаяхъ Киргизовъ, точно такъ какъ богатырскія сказки такого-же рода, какъ якутскія, поются у Киргизовъ и Татаръ южной Сибири, напр. у Минусинскихъ Татаръ [2]).

Такіе остатки прежнихъ понятій и порядковъ, остатки стариннаго быта, тѣмъ бо-

---

[1]) Немногія изъ нихъ онъ привелъ на стр. XXLVIII; остальныя помѣщены мною ниже вслѣдъ за сказками.

[2]) Вѣстникъ Импер. Русск. Геогр. Общ. 1855 г. Кн. VI, стр. 187.

лѣе, казалось мнѣ, имѣли значенія въ этнографическомъ отношеніи, что со временемъ ближайшее знакомство съ народами Средней Азіи все-таки можетъ намъ дать возможность вывести положительныя заключенія, которыя могутъ указать на первобытныя сношенія и мѣстопребыванія Якутовъ. Что они относятся къ чрезвычайно отдаленнымъ временамъ, это намъ показали изслѣдованія Бётлинга, несомнѣнно доказавшія, что между извѣстными до появленія его труда членами семейства тюрко-татарскихъ языковъ существуетъ значительно меньшая разница, чѣмъ между любымъ изъ этихъ членовъ и Якутскимъ языкомъ. Слѣдовательно Якуты первые отдѣлились отъ нераздѣленныхъ еще, по языку, тюрко-татарскихъ членовъ семейства, такъ что Бётлингъ счелъ бы удобнымъ семейство, распавшееся теперь на такое множество членовъ, обозначить названіемъ тюрко-якутскаго [1]).

Тѣмъ болѣе я считаю себя вправѣ напечатать остатокъ моихъ якутскихъ матеріаловъ, который Бётлингомъ не былъ изданъ. Я считаю себя даже обязаннымъ сдѣлать это, такъ какъ самъ Бётлингъ [2]) заявилъ, что я въ этомъ томѣ буду подробнѣе говорить о происхожденіи Якутовъ. Правда, что планъ этотъ, задуманный въ молодые годы, навсегда разстроило протекшее между тѣмъ время: съ тѣхъ поръ, какъ я былъ у Якутовъ, прошло тридцать лѣтъ. Такимъ образомъ я ограничиваюсь добросовѣстнымъ изданіемъ содержанія веденнаго мною тогда дневника, изъ котораго и Бётлингъ счелъ полезнымъ напечатать образчикъ аллитерацій въ хоровомъ пѣніи [3]).

Считаю нужнымъ заявить тутъ-же, что по части якутскаго языка я ничего не знаю, слѣдовательно знаю меньше Эрмана, но при этомъ все-таки выражаю надежду, что слѣдующія строки не поставятъ меня на одну доску съ Эрманомъ, который, по словамъ Бётлинга, зналъ по этой части больше, чѣмъ ничего.

И такъ мысль, побуждающая меня напечатать нижеслѣдующее, та, что всякій отрывочекъ древняго и недревняго времени, который, можетъ быть, отыщется въ такой рѣчи или въ такой пѣсни, можетъ идти въ параллель несмѣшанной первобытной формы якутскаго черепа, которую я старался выяснить [4]). Въ этомъ отношеніи, полагаю я, лингвистамъ всякій отрывокъ, какъ бы искаженъ онъ ни былъ, долженъ быть также дорогъ, какъ зоологамъ иное совершенно попорченное чучело, а палеонтологамъ какой-нибудь кусочекъ кости или раковины, какъ бы онъ ни былъ поврежденъ.

---

[1]) При всемъ томъ сродство всѣхъ этихъ членовъ между собою такъ велико, что и я, тридцать лѣтъ спустя, благодаря одному только посредству якутскаго языка, при чтеніи новѣйшихъ извѣстій о Туркестанѣ, могъ оріентироваться въ значеніи названій мѣстностей и другихъ именъ.

Уже старикъ Витсенъ (II, стр. 542) замѣтилъ, что «Якуты говорятъ на очень ломанномъ татарскомъ языкѣ». Сарычевъ подтвердилъ это самымъ положительнымъ образомъ, сообщивъ (Путеш. I, стр. 21), что сопровождавшій его Татаринъ понималъ Якутовъ.

[2]) См. нѣмецк. изд. этого сочиненія, т. III; отд. 2, стр. XXXVI.

[3]) Тамъ-же, стр. 203. Изслѣдованіе акад. Шифнера, напечатанное въ декабрѣ 1874 года въ Бюллетенѣ Акад. Наукъ, стр. 210, показываетъ мнѣ, что мои тунгускіе матеріалы, записанные несравненно поспѣшнѣе, оказались пригодными не только прежде (см. выше стр. 621, примѣч.), но и въ послѣднее время.

[4]) См. стр. 632 и 765.

*

Записываемыя слова я съ величайшею, сколько могъ, добросовѣстностью старался разслушивать у людей, которые ихъ произносили. Правда, что вслѣдствіе появленія образцоваго труда Бётлинга, нижеслѣдующіе отрывки изъ моего дневника, записанные до составленія моего грамматическаго эскиза, въ особенности же мои переводы, сдѣлались какими-то чудовищами: при всемъ томъ я намѣренъ ихъ напечатать безъ всякаго измѣненія, опасаясь по недоразумѣнію испортить то, что можетъ пригодиться; спеціалисту нетрудно будетъ исправить что̀ нужно.

Якутскія слова я передалъ въ моемъ дневникѣ посредствомъ смѣси русскихъ и латинскихъ буквъ, которую я не могъ удержать послѣ того, какъ Бётлингъ весьма своеобразно и основательно приспособилъ русскую азбуку для своей цѣли. По этому я передѣлалъ русскую часть буквъ моего дневника на латинскія, выразивъ *с* посредствомъ *s'*, *ж* посредствомъ *dsh*, *ы* посредствомъ *y* и т. д. Хотя я въ дневникѣ рядомъ съ русскими *ю* и *я* употреблялъ также *ü*, *jü*, *jä* и т. д., но я опасаюсь, что отъ неудачнаго примѣненія упомянутыхъ двухъ буквъ кое-гдѣ могло произойти неправильное толкованіе произношенія.

При всемъ томъ я не думаю, чтобы этимъ способомъ можно было объяснить большую часть, не говорю уже всѣ различія, которыя Бётлингъ пытается разрѣшить такимъ образомъ [1]: полагаю, что этимъ не всегда можно объяснить и тѣ случаи, когда я согласную, являющуюся въ соединеніи съ мягкими гласными, принималъ за смягченную и посредствомъ прибавленія *j* означалъ, что она смягчена.

Произносимый въ носъ звукъ *ӈ*, принятый Бётлингомъ [2]) и обозначенный имъ буквою *ӈ*, не только означенъ мною то посредствомъ *nj*, то чрезъ одно *j*, но и несомнѣнно слышанъ мною такимъ различнымъ образомъ [3]).

Ученый другъ мой позволитъ мнѣ высказать предположеніе, что въ его превосходномъ трудѣ якутскій языкъ легче поддался подъ иго замѣчательно искусно открытой лингвистомъ законной правильности, чѣмъ это дѣлается въ первобытномъ лѣсу. Какъ строитель новаго зданія среди языка первобытной природы, онъ конечно не могъ не отнестись нѣсколько самодержавно къ правиламъ, которыя умъ его извлекъ изъ глубины необработаннаго языка. Охотно признавая въ якутскомъ языкѣ замѣчательное преобладаніе созвучія гласныхъ и отсутствіе діалектическихъ различій [4]), я все-таки считаю себя вправѣ обратить вниманіе на то, что гдѣ я въ разныхъ мѣстахъ одно и тоже слово записалъ различнымъ образомъ, я и слышалъ, должно быть, что его произносили различ-

---

1) См. нѣмецк. изд. т. III, 2, стр. XLVIII.

2) См. тамъ-же, стр. 100.

3) Можетъ быть Бётлингъ и правъ, что не признаетъ *е* рядомъ съ *ä*, но я удержалъ обѣ буквы, чтобы остаться вѣрнымъ дневнику моему.

4) См. тамъ-же, стр. LII. Вѣроятно впрочемъ это нельзя понимать такъ безусловно. Замѣчательна, правда, однородность, которую вообще сохранилъ якутскій языкъ, не смотря на чрезвычайно сильное разъединеніе членовъ этого народа, но при всемъ томъ мнѣ разсказывали о различіяхъ, встрѣчающихся, говорятъ, при ближайшемъ сравненіи улусовъ между собою.

нымъ образомъ [1]). Не говорю уже о столь свойственномъ первобытнымъ народамъ глухомъ колебанiи произношенiя, мы слышимъ, какъ это колебанiе различно расходится по разнымъ направленiямъ. Поразительнѣе всего въ якутскомъ языкѣ расходится такимъ образомъ колебанiе относительно *s'*; вмѣсто него часто является звукъ *h*, который развился лишь недавно [2]) и навѣрное станетъ подвигаться далѣе, а въ теченiи прошедшихъ съ того времени 30 лѣтъ безъ сомнѣнiя уже и подвинулся впередъ. Это измѣненiе *s'* въ *h* также не составляетъ исключенiя, а оказывается, если не ошибаюсь, преобладающей формой у Кангаласскихъ Якутовъ. Кромѣ того *h* не ограничивается однимъ этимъ образованiемъ изъ *s'*. Слово yrāch (далеко) нерѣдко, казалось мнѣ, произносилось yrȁh. Да и самое измѣненiе не останавливается на этомъ, а влечетъ за собою другiя перемѣны; такъ напр. вмѣсто bys̆ach (также bys̆yja, ножъ) одинъ изъ моихъ Якутовъ постоянно говорилъ byhák. Во многихъ случаяхъ *ch* легко превращается въ *k*; въ словѣ yräh изъ *a* сдѣлалось *ä*.

Еще новѣе, чѣмъ *h*, долженъ быть звукъ *w*, который является между двумя гласными въ замѣнъ *b*, но и *m* да *g* [3]), и встрѣчался мнѣ только въ словахъ Dawukẏt (названiе мѣстности); tērwēs̆, кольцо; dīwīnj, говорю я; diwüt (вм. diller), они говорятъ; ata-w-yt, owonjór (стр. 796) и kowal, значенiе котораго я уже не въ состоянiи разобрать въ дневникѣ.

Относительно Бётлингова *ya*, которое мною передано очень различно, я ничего не умѣю сказать и потому ссылаюсь только на примѣчанiе къ стр. 108 въ 1-мъ отдѣлѣ 3-го тома нѣмецкаго изданiя этого сочиненiя. Въ доказательство того, что не только это *ya*, но даже *ü* и *ö* могутъ звучать различно, я замѣчу, что окончанiе ügöt записано у меня въ дневникѣ то (ü/y)get, то (u/y)get.

Otú malasynna, Освященiе привала.

Ebām	«Kerbī»	Emäachs̆ín,	Burojā	ebām,	Burojā	emäachs̆ín,	(dsh/j)ol (ü/y)rd(ü/y)gör!
Бабушка	Керби	старуха [4])	Бурея	бабушка	Бурея	старуха	благо сверху

köragas̆	köbutan	kinis̆ér	chorgotón [5])	turan͡gyn	(dsh/j)ol	tabā	tūttar	s̆org	(ü/y)rd(ū/y)gör
тѣсно	спрятаны [6])	мы идемъ	охрани	стоя	благо	сѣв. олень	держи	благо	сверху

[1]) За примѣрами дѣло не станетъ, такъ какъ ихъ наберется чрезвычайно много при ближайшемъ сравненiи сообщенныхъ ниже текстовъ. Здѣсь я укажу только на слѣдующiя:

s'uōch, произносилось это слово и такимъ образомъ, но отчетливѣе всего въ формѣ s'uo(h/g)a, обыкновенно же только s'uōch. Такъ у меня является górok; вмѣсто этого Бётлингъ читаетъ guorad. Вмѣсто is'eller говорилось также eheller (они слѣдуютъ) и т. п.

[2]) См. нѣмецк. изд. т. III, 2, стр. 97, 159.

[3]) См. тамъ-же, стр. 158.

[4]) Въ обыкновенномъ разговорѣ часто слышишь только: Mäachs'in, хотя собственно слѣдуетъ Emäachsinym, моя жена. Mäachs'inā, эта старуха, вѣжливо, при обращенiи къ ней.

[5]) Chorgojdo mas'kā, спрятался подъ деревомъ (напр. отъ дождя); berd или berdkā chorgolun͡g, спрячь меня хорошенько.

[6]) Köbüt, отложи, сбереги; köbutannerābin, я берегу, укладываю.

ütüönén ailán āś $\frac{\text{ü}}{\text{y}}rd\frac{\text{ü}}{\text{y}}$gör iśägý to$\frac{\text{h}}{\text{g}}$ūs tutachtăch śuolgan-itschitā utschugojd$\frac{\text{ü}}{\text{y}}$k
хорошо съ Богомъ пищу сверху пьете девять отправленія дорожно-горный духъ добродушно

elmísj śorg $\frac{\text{ü}}{\text{y}}rd\frac{\text{ü}}{\text{y}}$gör baharān iśigī ākytynán $\frac{\text{ü}}{\text{y}}rd\frac{\text{ü}}{\text{y}}$gör $\frac{\text{dsh}}{\text{j}}$ol butún $\frac{\text{ü}}{\text{y}}$rdöd śorg ubúng͡
веди благо сверху [1]) желаю вашимъ именемъ сверху благо возвысь благо

$\frac{\text{ü}}{\text{y}}$rdöd baśtynyn [2]) $\frac{\text{b}}{\text{p}}$ara-t-ungōr ortó Baít $\frac{\text{ö}}{\text{y}}$tschitā Bajanjāj ogonnjór küöch
возвысь лучшимъ пару [3]) по ту сторону полдень Баитъ-[4]) родъ Баяпяй- старикъ голубая

śārśirdā, küöch klannachtā [5]), karā śarśirdā [6]) karā klannāch [7]) ardaj́
утренняя заря прекрасный [8]) мѣхъ темная утренняя заря темный мѣхъ сѣроватый

aśyllachtā yján, kulū djorgonō [9])-śotollochto tośujón kulū máś balagannāch
пушный звѣрь укажи дай высоконогій крупный звѣрь встрѣчный дай деревянный балаганъ имѣющій

ata-w-ȳt mang͡an, ata$\frac{\text{w}}{\text{m}}$ytán anták körōn külümkyn bettächkór mitschīkkyn
коня найденнаго [10]) сиваго коня на бокъ взгляни, улыбнись въ эту сторону, улыбается,

ung͡órdeki to$\frac{\text{h}}{\text{g}}$ús $\frac{\text{ch}}{\text{k}}$ajá itschitā; chang͡áśdeki to$\frac{\text{hū}}{\text{gy}}$ś $\frac{\text{ch}}{\text{k}}$ajá itschitā ürä
на право девять скалистыхъ горъ духи, на лѣво девять скалистыхъ горъ духи, радуйся

chalyng͡ kün dül$\frac{\bar{\text{ö}}}{\text{y}}$tym iśjäechā aśśatym āch $\frac{\text{tsch}}{\text{z}}$jöch śannamáng͡ śalamatynnān
здравствуй дѣлаю угощать васъ кормлю [11])довольно [12]) не думайте ничего [13]) саламатъ

a$\frac{\text{s}}{\text{h}}$atȳm bū sónnor $\frac{\text{ch}}{\text{k}}$aar $\frac{\text{ü}}{\text{y}}rd\frac{\text{ü}}{\text{y}}$gör utschugojdýk ällä ś$\frac{\text{e}}{\text{y}}$ryt Tschādaj o$\frac{\text{w}}{\text{g}}$onnjór śüsiochta$\frac{\text{hä}}{\text{gä}}$
пищу, этотъ новый снѣгъ сверху, счастливо возьми ступай злой духъ [14]) старикъ, суставы

---

[1]) S'org или dshol ürdügör bar, ступай съ счастьемъ, напутствіе уходящему охотнику.

[2]) Bas'tу́n teg͡nä', догоня передняго. Teg͡näs'tüm, я догоняю. Teg͡näs'j, догони. Teg͡néi bajdarö, одинаково богатъ.

[3]) $\frac{\text{B}}{\text{P}}$ara, пара, съ русскаго. Вѣроятно должно не такъ понимать.

[4]) Bait, почти тоже самое, что Bajanjāj. Духъ богатства.

[5]) Должно бы было произнести kylannachtā, по *y* проглатывалось.

[6]) Утренніе сумерки.

[7]) Подъ этимъ названіемъ разумѣется какъ медвѣжья шкура, такъ и вообще темный, слѣдовательно самый дорогой мѣхъ.

[8]) Въ первомъ значеніи: голубой и зеленый; во второмъ какъ въ текстѣ.

[9]) Djorgoni, на высокихъ ногахъ. Сюда принадлежатъ сѣв. олень, лось, кабарга. Медвѣдя считаютъ уже животнымъ на короткихъ ногахъ.

[10]) Найти потеряннаго коня считается особеннымъ знакомъ счастія.

[11]) As'atym, я кормилъ; as'ā, ѣшь; s'ibīn, я ѣмъ.

[12]) Обращено къ бѣсамъ, чтобы они не требовали еще болѣе.

[13]) Т. е. дурнаго. Не раздумывайте.

[14]) Кромѣ Чадая, Якуты разсказывали мнѣ еще о бѣсахъ Ūtschikta и S'uhētka. Но оба не были, кажется, первобытно якутскими бѣсами, а перешли къ нимъ отъ Русскихъ; первый вѣроятно водяной бѣсъ, второй очевидно домовой, сосѣдка Русскихъ. Тщетно я разспрашивалъ про нечистую силу; мученій отъ давленій домоваго (Alp) эти счастливые дѣти природы казалось, не знали.

büdüri tümä atar$\frac{dsh}{j}$ăch muoṡtāchpyn ararm$\frac{\bar{a}}{y}$ kylymannag$\frac{ö}{y}$ $\frac{tsch}{z}$ip$\frac{tsch}{z}$ilytymā

спотыкаться кончи, вилообразно рога несущихъ не отгоняй, не моргай, не заколдуй [1])

uottāch charach ut$\frac{o}{a}$ry körümä tyllahō ätätimā etāng$\frac{ä}{a}$ ellä ṡyrẏt.

съ пылающими глазами, пристально [2]) не гляди, языкомъ [3]) молчи; благополучно возьми ступай [4]).

Вторая посвятительная рѣчь того-же Якута.

To$\frac{h}{g}$uṡ tutachtāch ṡuolgā-n-itschitā [5]) ṡyrẏ chār ṡyrynäj [6]) tyrg$\frac{ö}{y}$nj,

Девять отправленіе дорожно-горный духъ, пространный снѣгъ, внезапно являясь, быстрая

Ṡyrynaj-kẏs, Kurohatschí-ṡürük, Kurolaj-bärgenj, Ṡulkún-äkīn

Сырынай дѣвушка Корохачи-бѣсъ-быстробѣгущій, Куролай-бѣсъ мѣтко попадающій, Сулкунъ разное (?)

älik Chāndá aṡān ṡiēn [7]) turung toíottörbút $\frac{dsh}{j}$ól $\frac{ü}{y}$rd$\frac{ü}{y}$gör ürāng kötön [8])

быстрый Ханда-бѣсъ пейте ѣдите стойте, чиновникамъ [9]) благо сверху радостный полетъ

utschugojdẏk tiecha ürächtabyt $\frac{dsh}{j}$ól ungór utschugojdẏk eljäjṡj [10]). Baj

благополучно прибыть [11]) къ царю благо по ту сторону благополучно веди. Богатый

Baryllāch-ogonjór kiāng [12]) marbanȳ kiäptā uṡún tiṡigī tolorón buor

Барыллахъ старикъ, широкій мѣшокъ наполни, длинную веревку [13]) наполненную [14]) глино-

dshiellăch borong [15]) ata-w-ytyng.

домовладѣлецъ гнѣдаго коня подарилъ.

---

[1]) Посредствомъ сглазу.

[2]) Прямо.

[3]) Tyllach kis'i, разговорчивый человѣкъ.

[4]) Переведено также: «сохрани на память».

[5]) Есть Kajá itschitä, горные духи; Ū-itschitä, водяные духи; Mas' itschitä, древесные духи; S'ir-itschitä, земляные духи; Balagan-itschitä, домовые и т. д. Срав. примѣч. 14-е на стр. 796.

[6]) На превосходную аллитерацію эту обратили мое вниманіе.

[7]) S'ibin, я ѣмъ плотную пищу. As'annerebin, я ѣмъ жидкую пищу или кашу.

[8]) Kötör kötön, птица летитъ. Kötüm, я лечу.

[9]) Этимъ разумѣли васъ.

[10]) Ellähhebin ellas'ābin, elābin, я веду. Elljābaröm, я буду вести. Elljāatīm, я хотѣлъ бы вести. Ēlljä eläis', да ведетъ, да уведетъ.

[11]) Tidīm, я прибываю. Tibit, онъ прибылъ. Tiehym, я прибуду.

[12]) Kiāngtännerabin, я натягиваю (свѣжую соболью шкуру на подставку).

[13]) На которую нанизываютъ связку соболей.

[14]) Tolorobun, я укладываю. Tolór, укладывай. Tolu, полный, напр. Toion, большіе, сильные люди, костистыя лошади.

[15]) На прелесть этой аллитераціи обратили мое вниманіе, также какъ и на другую въ más' balagannäach — mangan. Якутамъ казалось, что эти мѣста особенно хороши.

Третья посвятительная рѣчь (произнесенная въ верховьяхъ Лахарытты).

Lacharytō̄ ebām! ahy̆s ilāch, ahy̆s s̓agalāch ān-dojdu as̓ynán
Лахарытэ бабушка восьми-рукая, восемь воротовъ носящая, свободное мѣсто, проходя мимо

turuñg as̓ynächýd bollagná tö̆lkaljöch tjöp tüeräch, olór
стоимъ мы, сжалиться надъ нами да соизволишь, согласно судьбѣ порядкомъ ложка [1]), погоди

as̓ynächyd s̓uoch buollagna tüñgnähin.
сжалиться если нѣтъ, пусть она упадетъ на голову [2]).

Рѣчь при подбрасываніи ложки (въ другой разъ).

Töljköljōch tjöpt tjörächpýn uroñg kulū kötjögón s̓yljäm
Судьбы опредѣленіе порядкомъ [3]) брошенное уложи [4]) дай быть поднятымъ [5]) я пойду [6])

kurdúk Aillāch altán, tjörächpín s̓ükojdän s̓yljachpýn argas̓par
такъ съ Богомъ [7]) золотой брошенные [8]) на плечо поднятые [9]) мы будемъ ѣхать на затылокъ [10])

uroñg kuluñg. Uruj.
кладешь [11]) дайте мнѣ. Ура.

---

[1]) При этомъ ложку подбрасывали вверхъ.

[2]) Т. е. выпуклою стороною кверху.

[3]) Пусть ложка упадетъ порядкомъ, т. е. вогнутою стороною кверху.

[4]) Uróm, я приподнимаю, напр. тяжелую ношу другому на плечо.

[5]) Kötjögonneräbin, я поднимаю; kötjöguohnm, я подниму; kötjöch, подними.

[6]) Miñ s'yljäibin, s'ildjänneräbin, я иду, странствую. S'ildjäbatach s'irim, s'iriñg, s'irá; мѣсто гдѣ я, ты, онъ прежде не былъ. S'ildjäbyt s'irim, мѣсто, по которому я ходилъ (извѣстное); s'ildjäbát, онъ не странствуетъ; s'ildjätügöt miächa, посѣщайте меня.

[7]) Aï, создатель, въ качествѣ языческаго бога, повидимому противопоставляется аналогическому христіанскому небесному богу, tañgará.

[8]) Tjöráchtännerabin, брось счастливый жребій. Tjöráchta, кинь, на счастье.

[9]) S'ük, подними на плечо, отъ слова s'ükojdübün.

[10]) Такъ говорится подобнымъ-же образомъ: s'üt per, лягъ на спину.

[11]) Urobýn, я кладу; än uroñg, ты кладешь; kiní urogā, онъ кладетъ; bis'igi urobyt, мы кладемъ; is'igi urogýt, вы кладете; kinilér urallár, они кладутъ; kinilér urdullár, они клали; urbytym, я клалъ; ūr, клади.

Ys̓äch Tögulјú [1]) или хороводная хоровая пѣсня, которая поется особенно въ кумысовый праздникъ.

Первая пѣсня.

Eägyj tschjédu tschjāl burán tschjāl gōk s̓anga dshil s̓alalynnā ütüō dshil
Эй! ну! сочный лугъ, сочная зелень [2]), новый годъ [3]) вернулся [4]), хорошій годъ

ongojdō unār kunjās̓ ojnjutā kütāng kunjās̓
глядитъ па насъ, марево солнечнымъ тепломъ усилилось, дрожаніе воздуха [5]) солнечнымъ тепломъ,

s̓iärej s̓ebirdāk s̓illegilätā mutō$\frac{ch}{k}$ $\frac{sch}{s'}$olkó mu$\frac{tsch}{z}$juktā munitātá
сѣрый [6]) древесный листъ распустился, кисть шелковая [7]) почка совсѣмъ раскрылась,

tomtór s̓īr torolojdā bättiämā bergātā kyrdál s̓īr otó
кругловатая [8]) травяная кочка выросла, хвощъ подросъ, продолговатаго травянаго мѣста трава

kytty s̓tā ergā dshil epk$\frac{ö}{y}$jdā modún dshil bochtōtō kür būs̓ kötöglünnā
переросла; старый годъ ушелъ [9]), холодный годъ остался [10]), множество льда [11]) поднято,

kürdshu$\frac{ch}{k}$ chār kötürlünnā kara mus̓ $\frac{ch}{k}$ammaridā; chalka$\frac{h}{s'}$ā
сгребанный въ сторону снѣгъ развалился, черный ледъ на куски разломался, растаявшій ледъ

buolla chajdannā ky$\frac{h}{s'}$ȳl mus̓ kyrbas̓tannā kydshimāk buolla kyjdannā
увлеченъ, красный ледъ на кусочки распался, развалившійся иглами ледъ унесенъ,

kotōl-s̓ir [12]) $\frac{ch}{k}$ojunnā otó ojnúr o$\frac{tsch}{z}$erāt [13]) korülürj kelienā [14]) ulán ujgutā
низменное мѣсто густо поросло травою. Играть очередь, играть часть, сѣрко доится

---

1) Ys'ăch ys'eary kynnylár, кумысовый праздникъ пить собираются они. Въ другой разъ похоже было на Is'ăch is'earȳ (is'ăchcha).

2) Съ такимъ совершенно мягкимъ произношеніемъ оно заступило мѣсто, говорятъ, обыкновеннаго твердаго küöch.

3) Весна. Годъ начинается у Якутовъ съ весны. Около Троицы, т. е. какъ скоро соберутся, начинается кумысовый праздникъ.

4) Содержитъ, кажется, понятіе о возвращеніи.

5) Какъ знакъ сильнаго солнечнаго тепла.

6) Взято съ русскаго, какъ поэтическій эпитетъ.

7) Взято съ русскато (мотокъ шёлку).

8) Выше burán означалъ большой лугъ на сухомъ мѣстѣ, а tomtor s'īr относится къ сырому мѣсту, также какъ и слово kyrdál-s'īr, означающее впрочемъ продолговатую кочку.

9) Обыкновенно употребляется глаголъ ās'tym, я прохожу мимо: ergā dshil ās'ta.

10) Вмѣсто bochtōtō, встрѣчающагося, можетъ быть, только въ пѣснѣ, употребляется, кажется, tochtótó; такъ напр. tymný, холодъ, или вѣтеръ tochtotó. Tochtobun, я останавливаюсь; tochtó, остановись; tochtotum, я остановился.

11) Mūs' чаще употребляется. Būs' поэтичеэкая форма.

12) Углубленіе, стокъ. Можетъ быть, заимствовано изъ русскаго (котелъ, котловина).

13) Взято съ русскаго (очередь).

14) Не смотря на мои возраженія, толмачъ мой оставался при томъ, что это слово также взято съ русскаго;

kärä käs̓itā s̓āmál kymýs̓ üs̓churdulaach mongoldjē üs̓j-
савраска одарилъ [1]); запасной [2]) кумысъ, трижды подплетенный [3]) берестовый шалашъ, трижды

dulgalāch tüōrdon tügachtāch otút tohonán ortolōch
подпертый, съ сорока нижними свертками коры, съ тридцатью средними свертками коры,

s̓ürbā tōbölōch uon uralāch üs̓j
съ двадцатью верхними свертками бересты, съ десятью самыми верхними свертками бересты, съ тремя

ülüs̓jtäch (dsh/j)äräk(ä/a)nnāch djïellāch djergalāch djäptälāch,
дымовыми отверстіями [4]), изъ пестрой бересты дверь, полосато сшитая, въ нѣсколько слоевъ сшитая,

us̓uordāch oronnōch erēn i(tsch/z)ig(ä/a)nnāch s̓atȳ dalbarýn
съ узорами [5]) съ лежанками [6]) пестро обвѣшанная [7]) съ ножкой большой кумысовый сосудъ [8])

tardān ās̓ telgän bār dshon as̓s̓atān aragās̓ tschetschi-
поставленъ, бѣлая лошадиная шкура разложена, собранная толпа кормится, желто-зеленыя березки [9])

rín anján anjä(ch/k) tután (tsch/z)jorón tohujān
посажены вокругъ, праздничные кубки [10]) приподнимаются, праздничныя крўжки держатся вверхъ [11])

belkäj tután to(h/g)ús̓ kulohulach s̓älätīn tīrän tuorāch
кубочки приподнимаются, девяносто [12]) клинушекъ на веревкѣ [13]) натянуто, подобно еловымъ шишкамъ,

---

должно тутъ разумѣть, говорилъ онъ, слово колѣно въ смыслѣ: отдѣла музыкальнаго произведенія.

[1]) Т. е. ожеребилась.

[2]) Кумысъ обыкновенно квасится въ маленькихъ сосудахъ и изъ нихъ выливается въ большой сборный сосудъ; когда въ немъ, по немногу, наберется порядочный запасъ, то его называютъ s'amál kymýs'.

[3]) По установкѣ конусообразно поставленныхъ стоекъ лѣтняго шалаша, ихъ связываютъ между собою тремя поперечными рядами прутьевъ, изображающихъ стропила крыши. Эту плетенку обтягиваютъ берестовыми свертками.

[4]) Такъ какъ устройство остова берестоваго шалаша начинается съ установки трехъ самыхъ длинныхъ стоекъ, то дымовое отверстіе считается состоящимъ изъ трехъ частей. Ülüs'j, дымовое отверстіе.

[5]) Можетъ быть взято съ русскаго (узоръ); или не зашло-ли первоначально это слово изъ татарскаго языка въ русскій?

[6]) Служатъ для спанья.

[7]) Надъ лежанками проводятъ отъ одной стойки къ другой ремни, на которыхъ висятъ занавѣски.

[8]) Онъ сдѣланъ также изъ бересты, равно какъ и большой сосудъ для s'amál-kymýs'a, имѣющій, говорятъ, до $2\frac{1}{2}$ футовъ въ поперечникѣ, и до 4 фут. глубины. Кора сшивается тонкимъ снуркомъ, который скручивается изъ лошадиныхъ волосъ. Швы заливаются особою замазкою, которая приготовляется такимъ образомъ, что мелко расщепленные слои самыхъ внутреннихъ частей бересты, съ примѣсью сметаны, сильно варятся въ глиняномъ горшкѣ, крышка котораго, замазанная глиной, плотно прилаживается къ нему.

[9]) Какъ у насъ къ Троицѣ дома украшаютъ березками, такъ у Якутовъ украшаютъ кумысовый сосудъ.

[10]) Такой кубокъ изображенъ на стр. 788.

[11]) Говорится такъ только объ этомъ кубкѣ.

[12]) Uon (десять), которое должно бы слѣдовать за to(h/g)us', подразумѣвается.

[13]) Веревка натягивается между двумя деревьями; къ ней привязываются клинья, которыми прикрѣпляются жеребята.

kolunūn tután kjöğuörün olordōn [1]) kögolzjōr biätīn ütün koünjöron
жеребчики (на этомъ) держатся, кожаный чанъ поставленъ, сѣрая какъ сталь кобыла доится, заквашено,

kömiölän kömjölj ūtunán üötünän oñgoron yšō$\frac{ch}{k}$ tután
разсыпалось на комочки, разбавлено водою, съ молокомъ приготовлено, посвящая они держатъ [2]),

bar $\frac{dsh}{j}$onnūn a$\frac{h}{s}$atān širihīt šietihän šiellä$\frac{ch}{k}$
вся толпа народа кормится, большіе кожаные чаны [3]) стоятъ рядомъ, большой праздничный кубокъ [4]),

anjahȳn ajgā tután zjorohonūn tañgarā tohujān kähā
большую кружку къ небу держатъ они, кубочекъ къ Богу они приподнимаютъ вверхъ; кукушка

$\frac{k}{g}$äkšietā ötōn üötā toiōn tschorgujdā kurhatsché kujardá kürühōj köl$\frac{tsch}{z}$ujdā,
зоветъ, горлица воркуетъ, орелъ кряхтитъ, маленькая ржанка [5]) свищетъ, жаворонокъ дѣлаетъ трели,

dālbaraj́ dajdā turujā njondojdō chāš kanylastā kytalyk kyttyštā,
птица изъ гнѣзда взлетаетъ, журавль идетъ шагомъ аиста, гусь тянется вереницей, аистъ сходится,

erién chotohojdōch ärgyjdā dabydallāch šalalynnā chōlboj kuor$\frac{s'}{sch}$un-
пестроперые [6]), окрыленные возвратились, предплечистистые [7]) вернулись, стаи перстонос-

nāch cholboštō ürjbä-kögulläch ürdüštā oñgotschó kuturuktach orohoštó
цевъ [8]) собрались, стадо чубоватыхъ [9]) стоитъ въ кучѣ, судá [10]), хвостатые идутъ вмѣстѣ,

šiellä$\frac{ch}{k}$ šyllamnātā šibiktā $\frac{h}{s'}$irdāch u$\frac{tsch}{z}$ōr-chonnujalāch omnon ottōch
гривистые [11]) грѣются на солнцѣ [12]), мѣста хвощевыя, кочко-болотное настбище [13]), хвощевая лужайка,

---

[1]) Olór, сядь.

[2]) Передъ ѣдою, саламатъ въ котлѣ и кумысъ въ кружкѣ, которую берутъ за ножку (срав. рисун. на стр. 787—8), посвящая держатъ вверхъ къ небу (tután) и произносятъ посвятительную рѣчь (algan). Три отборныхъ здоровыхъ и чистыхъ парня ставятся одинъ за другимъ, всѣ лицомъ на востокъ: передній держитъ кружку (anjach), второй кубокъ (tschjoron), послѣдній кубочекъ (Belkäj); у всѣхъ этихъ сосудовъ впрочемъ одинаковая форма.

[3]) Такой чанъ содержитъ около 350 литръ; онъ гораздо больше упомянутаго прежде kjöğuörün и украшенъ нарисованными да вышитыми фигурками.

[4]) Ножка его обвита шлейфомъ изъ лошадиныхъ волосъ; ее берутъ обѣими руками и все-таки онъ, по возможности, долженъ быть такъ великъ, что приходится растянуть руки, чтобы пьющій губами могъ дотронуться до края. Онъ содержитъ въ себѣ около 11 литръ.

[5]) Numenius phaeopus.

[6]) Перелетныя птицы.

[7]) Кости, на которыхъ держатся маховыя перья.

[8]) Кости, на которыхъ держатся маховыя перья передней части крыла.

[9]) Якуты весною стригутъ кобыламъ гривы, оставляя только чубъ, вдоль лба.

[10]) Подобно лодкѣ имѣющія сзади руль.

[11]) S'yllaj s'iölügö'r = животныя съ гривой.

[12]) Бокомъ, какъ широкой стороной, обращенныя къ солнцу.

[13]) Рѣдкій лѣсъ, на неровной, скалистой, покрытой мхомъ, почвѣ, на которой такъ любитъ расти извѣстный хвощъ сибиктэ.

*

s̊īgullāch s̊äbelās̊ mas̊tāch bolboktó tumullāch charjā chaljajlāch ogoruō
болотно-приборное дерево [1]) кустарно-кедровое предгорье, еловая утренняя сторона [2]) буснсто-

tschajdāch burdúk kummaktāch örüs̊j ebām chonnutugār ojnur-ozärāk
хрящевой берегъ, мучное песчаное дно, на рѣкѣ-бабушкѣ, на свободномъ мѣстѣ играть очередь,

etér ibirāt s̊a͡ngarár tschas̊tyjā bārt$\frac{ö}{y}$ bahardā$\frac{ch}{k}$ kurú͡ng työ go-
болтать пора, калякать часъ насталъ [3]), густой лѣсъ базарное мѣсто [4]) пожарищный лѣсъ го-

rodtāch ulāch oluks̊allāch dulgā toionnōch kirgíl knjästāch tschārda
родъ, подобно водамъ улицы [5]), высокоствольные чиновники, черный дятелъ князекъ, дроздъ [6])

$\frac{sch}{s'}$arschinnalāch [7]) kukak$\frac{ö}{y}$ kuluballāch [8]) ebān-s̊abān ätān ihīn s̊allyj īma͡ng
старшина, ронжа голова, постарайтесь, говорите [9]), идите, не уставайте,

s̊a͡ngaran ihīn edärdä ērgitī͡ng s̊onnunnā s̊ol-bujū͡ng kyr$\frac{dsh}{j}$äga$\frac{h}{s'}$y kytytyn-
пойте, кружитесь, молодой народъ, кружитесь, свѣжаго запѣвалу, слабые и старые осторони-

nan o͡ngonjorū u͡ngorunān emäachs̊inō injännan arba$\frac{h}{g}$as̊tahy anarannān
тесь, старики станьте по ту сторону, старушки ступайте туда, поношенно-одѣтые оставайтесь

ederdä ergitī͡ng kuhaktagȳ kuottarma͡ng us̊tannagȳ [10]) ȳȳty-
на той сторонѣ, молодой народъ кружитесь, кушачниковъ [11]) не распускайте, штанниковъ не рас-

mä͡ng s̊elle$\frac{tsch}{z}$iktagȳ [12]) s̊ītý͡ng s̊jörtiktag$\frac{ö}{y}$ [13]) töllörötümä͡ng āltys̊tagȳ [14]) chany-
пускайте, жилетниковъ тащите назадъ, вы сертучники не расходитесь, вы галстучники сойди-

lā͡ng kiljbiennag$\frac{ö}{y}$ ki$\frac{tsch}{z}$ai͡ng kildäg$\frac{ö}{y}$ kjergeny͡ng tolbonnogū turutú͡ng tordochtogū
тесь, вы щеголи [15]) держитесь крѣпко, грязные наряжайтесь, разодѣвшіеся оставайтесь, обносившіеся

---

[1]) Кустарникъ съ очень твердымъ деревомъ, которое употребляется на шомполы и кнутовища.

[2]) Kulā же называется вечерняя сторона лѣса, горы, рѣки и т. д., т. е. та сторона, которая освѣщается вечернимъ солнцемъ.

[3]) Взято съ русскаго.

[4]) Тамъ собираются птицы, какъ на базарѣ люди. Вся слѣдующая картина описываетъ лѣсную сцену.

[5]) Съ русскаго (улица).

[6]) Вмѣсто однозначущаго tschartschingōr.

[7]) Взято съ русскаго.

[8]) Съ русскаго. Обыкновенно, говорили мнѣ, соединяютъ слова kukàkö knjästach, потому что у ронжи, какъ у важничающаго князька, на ходу трясется задъ.

[9]) Т. е. пойте хоровую пѣсню къ пляскѣ.

[10]) Съ русскаго.

[11]) Съ русскаго.

[12]) Съ русскаго.

[13]) Съ русскаго.

[14]) Съ русскаго.

[15]) Тутъ подразумѣваются въ особенности женщины.

tutumang͡, kamnalagȳ [ch/k]annyláng͡ [ch/k]agedagȳch [ch/k]araimang s̓injelägȳ

не держите, кисейно-одѣтые [1]) становитесь попарно, лохмотно-потертыхъ оставляйте [2]), носящихъ

s̓ieting͡ s̓itiläg[ō/y] sietimäng͡.

швы, вышитые гривой сѣв. оленя, ведите, тѣхъ, у которыхъ кушаки изъ конскихъ волосъ, не ведите.

Вторая пѣсня: Ot-töguljú, травы пѣсня.

Ähögej ogollōr kürd[ö/y]ch kūr s̓aïmmýt körö buólla kjö[ch/g]-ot

Эй! путка! веселье [3]) повсюду, лѣтняя пора [4]), весело становится [5]) зеленая трава

köljtschujdā, aragās̓ altán-ot ang͡aryjdā ikkē-s̓allalā[ch/k] ïerögoj-ot ïedöjdā

выглядываетъ [6]), желтая золотая трава колышется [7]) двулиственно, канавка-трава пышно выросла [8])

üs̓j s̓allalāch ükōr ot üös̓j-chäetā tüörd s̓allalāch löglömōd tölö[h/g]jujdā biećj s̓alla-

три-листная, ükör-трава выходитъ, четыре-листника выдающійся пучокъ выросъ, пяти-лист-

lāch bettïemōd berke s̓idā, altā s̓allalāch aragás-ot alys̓tāta, s̓iettā s̓alla-

ный хвощевой колосъ прекрасно выросъ, шести-листная желтая трава огромная стала, семи лист-

lāch s̓ierēj-ot s̓illigiläetā, o[h/g]ys̓ s̓allalāch atschá-ot ang͡aryjdā to[h/g]ús s̓allalāch, s̓olkó-ot

ная сѣрая трава полноросла, восьми-листная ача́-трава выросла, девяти-листная шолкъ-трава [9])

nuorajdā uon͡ s̓allalāch unār-ot unars̓yjdā.

прилегла, десяти-листная колышащаяся трава мерцаетъ [10]).

Третья пѣсня: Mās̓-tögulju, деревъ пѣсня.

Höegyj ogollōr ān-dojdu ang͡ars̓yjdā ulū-dojdu unars̓yjdā kerirj

Айда! путка! свѣтлая мѣстность [11]) блеститъ, великая мѣстность блеститъ, густой

---

[1]) Китайская пеньковая матерія для женской одежды.

[2]) Charaim, мнѣ нужно.

[3]) Kürdjöch (въ такомъ видѣ это слово записано въ другой разъ), веселый. Kürdjöch kis'i, шутникъ.

[4]) S'ai, лѣто. Для усиленія ставится, говорятъ, передъ s'ai, также k[ö/y]r (веселіе).

[5]) Т. е. теплый лѣтній день вызываетъ на игры.

[6]) Köljtschujännerér, пускаетъ ростки.

[7]) Ang͡arïennerer или ang͡aryjännerer, колышется; напр. колосья на полѣ.

[8]) Ïedöjännerer, пышно растетъ вверхъ.

[9]) Даетъ лучшее, преимущественно зеленое сѣно.

[10]) Также ang͡ars'yjdá. Колебаніе и дрожаніе предметовъ, появленіе ихъ вдали. Сравни также примѣч. 7-е.

[11]) Ān-dojdu, свѣтлая, сухая, веселая, на проточной водѣ, мѣстность, какую Якуты выбираютъ для своихъ поселеній.

tyō kïerkyjdā, tumúl tyo tugus̓tā, tietīm ogotō titirīk
лѣсъ [1]) щеголяетъ, холмистый лѣсъ разукрасился [2]), лиственичные молодые [3]), молодыхъ лиственицъ

ojūr s̓illigiläetā chategȳm ogotó chachyjäh-ojūr changatā behīm ogotó berdshigās̓j-
чаща позеленѣла, березовые молодые березовая чаща выросла, сосновые молодые молодыхъ сосенъ

ojūr bejberejdā üetīm ogotó talāch ojūr namulöjdā.
чаща частитъ, ивовые молодые ивовая чаща нависла.

Öeg$\frac{ö}{y}$j ogollór kerā-k$\frac{u}{o}$lūn kähejtigér knjäster-dīn käkkellegie$\frac{h}{s}$yn͡g keré
Айда! нутка! саврасыя жеребята народились, князья всѣ сидятъ чинно, то и се

tyllā käps̓etiehán͡g s̓ur-kulummūt tus̓kotugár tojottordūn tschuogua$\frac{h}{s}$uohún͡g
говорятъ болтовню, караковые жеребята родились (?) чиновники сошлись,

s̓onnún-tyllá tolkujdahyagyn͡g [4]) s̓ālȳr-kulummút s̓amalā tschartschignalýn s̓an͡gā týlla
новое говорятъ, толкуютъ о нихъ, буланые жеребята. Старшины [5]) новости въ раз-

s̓an͡gáryehýn͡g karā kulummút $\frac{ch}{k}$annylas̓nyt kaprālȳn channylyehȳn͡g $\frac{ch}{k}$annylāch
говорѣ возвѣщаютъ, вороные жеребята соединились, капралы [6]) стоятъ рядомъ, по порядку

s̓an͡gartá an͡gars̓yehýng ulán-kulummút ujguttügȫr uolattardýn oojnuohún͡g
новости болтаютъ, сивые жеребята бѣгаютъ туда и сюда. Молодежь мы празднуемъ празд-

kyttyömyt kymmy$\frac{h}{s}$ygȫr kyrgytardȳn kyttyhyegyn͡g.
никъ, перводойныя кобылицы къ кумысу, съ дѣвушками мы соединимся.

Öeg$\frac{ö}{y}$j ogollór tüergānj tschelgïän s̓jälā tennién togús̓ kullogullāch tuo-
Айда! нутка! загородка [7]) просторное мѣсто, канатъ растянемъ девяти-клинчатый [8]), какъ

rāch kulún iillillān kö$\frac{h}{g}$ör kötög$\frac{u}{y}$llān behiejegā
шишки жеребята привязаны, большой кожаный мѣшокъ приподнятъ вверхъ [9]) съ мукой коры

---

[1]) Молодые, высокіе, гладкіе стволы котораго живописно окаймляютъ лужайку.

[2]) Позеленѣлъ.

[3]) Стволы лиственицы. Tīt, лиственица.

[4]) Съ русскаго толковать.

[5]) Срав. примѣч. 8-е на стр. 802.

[6]) Вожакъ транспортовъ, перевозимыхъ на вьючныхъ лошадяхъ; также помощникъ старшины при сборѣ податей, и въ такомъ случаѣ къ каждому роду приставленъ свой капралъ.

[7]) Огороженное мѣсто.

[8]) Срав. стр. 800, примѣч. 12-е.

[9]) Во время доенія онъ виситъ на веревкѣ, къ которой придѣлано кольцо; когда доеніе окончено, мѣшокъ подтягивается кверху, такъ что до него нельзя дотронуться.

bitiēn kannylāch chaljalāch irīm-dirīm tü$\frac{h}{s}$üljgälāch dalbār
перемѣшано нѣсколькими мутовками, троичныя березки вставлены, большой берестовый сосудъ

tardyllynnā tschoktschojlāch $\frac{tsch}{z}$jorón-ajāch tschuogujdā käkojullāch
притащенъ [1]), выпукло рѣзныя праздничныя кружки, большія, составлены, рѣзьбою украшенные,

keriēn ajā$\frac{ch}{k}$ käkkäläetā pároj [2]) ullāch mattātschāk parallāātā ymyjā
березовые кубки стоятъ рядами, парой убранные кубочки [3]) стоятъ попарно, большой деревян-

yn͡gyrys̓tā s̓iellāch anjā$\frac{ch}{k}$ s̓ietistā yhöch
ный сосудъ притащенъ, конскимъ волосомъ обвитые праздничные кубки разносятся праздновать кумы-

yn͡gyrystá s̓āmál-kymýs̓ tardylynnā $\frac{k}{x}$ojú kymys̓ kutulunnā s̓irhit
совый праздникъ созваны, запасный кумысъ притащенъ, густой кумысъ налитъ, большой ко-

s̓irityjdā a$\frac{h}{s}$ýr-at buollā aragás̓ arý adiritschȳ bud-
жаный сосудъ поставленъ на мѣсто, кислой [4]) пищей сталъ, желтое масло плаваетъ комками, свернув-

schurutschú kutulunnā i$\frac{h}{s}$eas̓yn͡g ibirāk buollá ojnjúr uotscharat buollá s̓angarar
шееся налито, станемъ ѣсть, готово естъ, праздновать очередь есть, поболтать

tschās̓tyjá buollá kȳr-s̓aïmnu körügör körüō$\frac{hc}{k}$ dshón kör$\frac{ä}{ü}$läe-
часъ есть, полное лѣто мы привѣтствуемъ торжествуя, праздничная толпа народа празд-

tebit s̓abānnāch s̓aimnybýt s̓alyölygőr s̓an͡garis̓tybýt.
нуетъ, дождливое [5]) лѣто празднуемъ мы.

Wiljuj Tögulju. Пѣсня въ честь рѣки Вилюя.

Öeg$\frac{ö}{y}$j ogollór, kiellemā-chotún kerā dshoruó kulunnún kiergātiā$\frac{h}{g}$ýn
Айда! нутка! Кіеллемэ [6])-госпожа, саврасые иноходцы родились разгуливая,

innigőr kärīr kākkā mas̓tamytýn ogollór kammahát ebām karā dshorúo kulun-
право, кругомъ въ рядахъ лѣснаго обилія; нутка, Каммахатъ бабушка, вороные иноходцы роди-

---

[1]) На столикѣ.

[2]) Съ русскаго.

[3]) Болѣе широки, чѣмъ высоки, и отверстіе уже тулья. Рѣзныя фигуры, которыми украшена наружная часть, называются, когда они виты, toptorgō, а если въ видѣ окошечекъ, s'uras'ȳn.

[4]) Имѣетъ еще значеніе: готовое.

[5]) Потому что нѣтъ болѣе снѣгу.

[6]) Рѣка или рѣчка въ области Вилюя.

nún $\frac{ch}{k}$ámṡictyā$\frac{h}{g}$yn innigő́r $\frac{ch}{k}$annylāch chatyn͡gnamyttýn ogollór ṡuól-ebā́m ṡūr
лись, гордо шагаютъ [1]), право, въ густомъ березовомъ лѣсу, путка, Суоль-бабушка, кара-

$\frac{dsh}{j}$oruó kulunnún tukṡaryāhýn innigő́r tommoruón maṡtamyttýn ogollór
ковые иноходцы родились щегольскіе, право, въ толстоствольномъ лѣсу, путка,

ṡiellemā-ebā́m ṡiëry $\frac{dsh}{j}$oruó kulunnún ṡitteriehýn innigő́r tschägiān tscharan͡gna-
Сіеллемэ-бабушка, сѣрые иноходцы родились безупречные, право, въ здоровомъ березовомъ

myttýn ogollór.
лѣску, право.

Öeg$\frac{ö}{y}$j ogollór Tāt-ebā́m kytajkā [3]) kyrdalāch kyrtáṡ sirdāch
Айда! путка! Татъ [2])-бабушка, китайкѣ подобное высокое мѣсто, свободное мѣсто;

cholustā [4]) chonnulāch chordohoj cho$\frac{tsch}{z}$ollōch Tāt-ebā́m altán allāṡtāch
холсту подобно открытое поле, покатое ровное поле, Татъ-бабушка, мѣдная лѣсная лысинка,

syö ṡy$\frac{h}{s}$yllāch Tāt ebā́m motuōch ṡolkō mutuntatā mungutātá ṡierej
какъ сало гладкій свободный берегъ, Татъ-бабушка, мотокъ шелку, почка раскрылась, сѣрый

ṡolkó ṡäbirdäga ṡiligläetā tschoptschú kömüṡj tuora$\frac{h}{g}$á torolujdō kará kömüṡj
шелкъ, листъ распустился, шарикъ-пуговка серебряная, шишки стали велики, черное серебро,

chatyryg$\frac{ā}{ō}$ kan͡gātā Tāt ebā́m ütüö́ dojdu kihilīn kērä $\frac{dsh}{j}$onnún
кора утолстилась, Татъ-бабушка, хорошее мѣсто, люди веселые [5]), народнаго собранія

duoran͡gā [6]) ān dojdū buolán chotuttardýn $\frac{ch}{k}$amṡyk ulū dojdu buola uolot-
дорога, свободное мѣсто будучи, госпожъ важничающихъ великое мѣсто, будучи парни

tardýn uluetuk Tāt ebā́m.
молодые гордые, Татъ-бабушка.

Ütüō dojdu ötön͡g kyllāch kerā dojdu kägá kyllāch tollú dojdu
Прекрасное мѣсто голуби-птицы, веселое мѣсто кукушки-птицы, хорошо обставленное мѣсто

toïōn kyllāch kytý dojdu kytallýk kyllāch modun dojdu mochṡoolg kyllāch turū
орлы-птицы, береговое мѣсто журавли [7])-птицы, необузданное мѣсто соколы-птицы, родное

---

[1]) $\frac{Ch}{k}$ams'iebyt, щеголяетъ.

[2]) Названіе рѣки.

[3]) Съ русскаго. Значитъ: гладко и чисто какъ китайка.

[4]) Съ русскаго.

[5]) Собственно значитъ, говорятъ, красно-желтый.

[6]) Съ русскаго.

[7]) Самый большой; можетъ быть leucogeranos.

dojdu turujög kyllāch kiën͡g dojdu chās̉ kyllāch kütür dojdu kögón͡g kyllāch allā
мѣсто журавли [1])- птицы, просторное мѣсто гуси-птицы, дурное мѣсто селезни-птицы, низкое

dojdu and$^{ö}_{y}$g kyllāch mān͡gā dojdu birginnjāk kyllāch tjoktyrgón ulāch
мѣсто черныя утки-птицы, пустынное мѣсто крикушки-птицы, кочковатое водяное мѣсто

tschorkoj kyllāch unār dojdu orulóst kyllāch s̉alýr dojdu s̉achs̉á kyllāch.
чирки-птицы, сухой туманъ мѣсто утки (?) - птицы, котелъ-мѣсто утки (вида?)— птицы [2]).

Eäg$^{ö}_{y}$j tschjédu tschjäl burán tschjälkōk, bērt dojdu berdér kyllāch, s̉as̉yl
Айда! путка! зеленый холмъ сочно-зеленый, прекрасное мѣсто рысь-дичь, лисье

dojdu s̉ārba kyllāch s̉ieröj dojdu tīn kyllāch bödön͡g dojdu borōh kyllāch ulachán dojdu
мѣсто соболь-дичь, сѣрое мѣсто бѣлка-дичь, большое мѣсто волкъ-дичь, большое мѣсто

ulū kyllāch djerán dojdu tabá kyllāch talajgon ulāch tārbán kyllāch s̉ūr
лось-дичь, ключевое мѣсто сѣв. олень-дичь, ? [3]) сонная сурковая дичь, сѣрое какъ шиферъ

dojdu s̉olon͡gkól kyllāch s̉andár chonnú s̉as̉ýl kyllāch kyrymák
мѣсто хорьковая [4]) дичь, просвѣчивающій лѣсъ на равнинѣ лисья дичь, осенній снѣжній пушокъ

chonnulāch kyrs̉á kyllāch bas̉týn͡g dojdu barán kyllāch $\frac{ch}{k}$otōl chon-
на свободномъ мѣстѣ песцовая дичь, превосходнѣйшее мѣсто баранъ звѣрь, котелъ— сво-

nulāch kohól kyllāch nedjer$^{ö}_{ā}$ $\frac{ch}{k}$onnulāch s̉ibinjō [5]) kyllāch yrās̉ chonnulāch
бодное мѣсто козелъ-звѣрь, лужи мѣсто свинья- звѣрь, чистое свободное мѣсто

aná$\frac{ch}{k}$ kyllāch kyrdāl chonnulᵃch s̉ylgȳ kyllāch eägyj tschjälguök.
корова-звѣрь, дерновое свободное мѣсто кобыла-звѣрь, эй! сочно-зелено!

Въ такомъ родѣ бываютъ рѣчи и пѣсни Якутовъ. Хотя эти, полные жизни, наблюдатели природы готовы пѣть во всякое время, но единственные музыкальные инструменты, которые я встрѣчалъ у нихъ, были изображенные на стр. 808 скрипка и варганъ. Оба очевидно заимствованы у Русскихъ. Музыка, сопровождающая ихъ пляску, заключается въ вышесообщенныхъ пѣсняхъ и, судя по обращику, который мнѣ самому привелось

---

[1]) Сѣрые съ бѣлой головой.

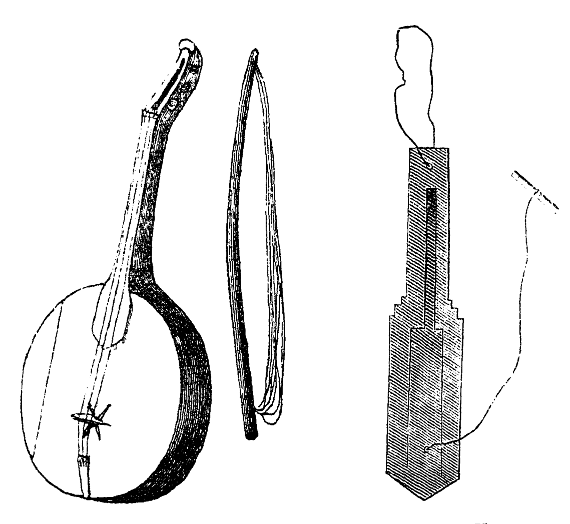
[2]) Кромѣ множества указанныхъ выше названій мѣстъ и тѣхъ, которыя значатся въ словарѣ, я слышалъ еще: Chotschṓ, свободное мѣсто при ручейкѣ.

[3]) Якутскіе мои спутники, также какъ и самъ пѣвецъ, не умѣли объяснить мнѣ значеніе этого слова; «оно изстари принято», говорили они.

[4]) Сибирскій хорекъ, Must. sibirica.
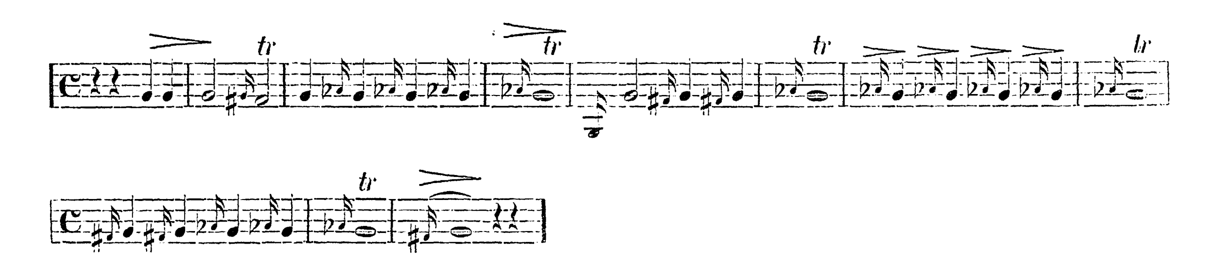
[5]) Взято съ русскаго, также какъ и слова barán и kohól.

видѣть, прекрасно идетъ къ ней, потому что пляска ихъ состоитъ не въ порывистомъ прыганіи, какъ у Тунгусовъ, а въ повтореніи той торжественной поступи, которую мы видѣли у Самоѣдовъ. Медленно и торжественно движется составленный кругъ; участвующіе въ немъ, постоянно кланяясь, стараются привести себя въ какое-то одуряющее головокруженіе, а запѣвала произноситъ свои воззванія, которыя вся толпа подхватываетъ хоромъ.

Якутск.: Komoss.

О раздирающей слухъ музыкѣ этого рода можно судить по нижеслѣдующимъ нотамъ, которыя я записалъ какъ средній результатъ сердечныхъ изліяній помощника моего вожака; ни въ словахъ, ни въ мелодіи не было ничего опредѣленнаго.

Хотя тотчасъ-же узнавалось прежде слышанное, но все-таки можно было различать и варіанты.

За этими пѣснями сообщаю еще сказку, которая впрочемъ записана наскоро и при болѣе неблагопріятныхъ условіяхъ, чѣмъ сообщенное мною выше. И въ сказкѣ нѣкоторыя роли произносятся на распѣвъ, такъ что я не мало удивился, когда среди темной ночи въ лѣсу меня разбудило громкое пѣніе изъ раскинутаго по близости шалаша Якута. На мой вопросъ, что̀ это за пѣніе, мнѣ отвѣтили: «это старикъ, онъ разсказываетъ сказки. Теперь поетъ дѣвушка, теперь лошадь» и т. д.

Erén toioṇ, Eberätschí chotún uolà Eredelj, bergän, ṡirten tut
Храбраго [1]) вождя Эберэчи жены сынъ Эредель, мѣтко попадая, отъ земли крѣпко держа

---

[1]) Переводчикъ постоянно возвращался къ значенію «пестрый».

ulluktāch, challantan s̓itimnāch, ürüng kömüs̓j balagannāch, ürüng kömüs̓j ürüttāch,
бедристый, отъ неба съ веревкой, бѣло-серебряный балаганъ, бѣло-серебряная покрышка,

dolgujbát muos̓tallāch, chotun dshächtar os̓ochtó uót uottullān diätägnä
не колеблясь перекинутый мостомъ, госпожа, женщина, въ печи огонь развести приказала,

uottulán kelér arahas s̓ys̓ȳ s̓āhá stuollāch ögurümör ohus̓ büdüriā tüs̓pü-
затопить идетъ желтый тащится такой большой какъ столъ, четырехлѣтній быкъ спотыкаясь падаетъ

tünj kurduk modsholāch s̓iettā kis̓í täbän turan aspát dshiellāch
на колѣни подобно порогу; семь человѣкъ упираясь тѣснятся, не могутъ открыть дверь,

s̓iellilächhät s̓itpät s̓ielbät kürjöllāch, a$^{h}_{g}$ys̓ kis̓í a$^{h}_{g}$apát chalgannāch
рысакъ обѣгаетъ не рысью сѣни; восемь человѣкъ не открываютъ ворота

altán, üs̓j kis̓i olujáu as̓pát oldurdāch uolán kis̓i s̓adāch igirdāch
мѣдныя, три человѣка двигая не открываютъ задвижки, молодые люди; лукъ тугой [1])

bos̓chó bulgunägy urán käbis̓pit kurdúk öngyrdāch kybāch kyttybattāch
бездревесный, какъ холмъ наложенный оставленъ какъ бы сѣдло; отъ метели вычищенный

kys̓a$^{s'}_{h}$alach $\frac{ch}{k}$ommurāch chommotóch tus̓s̓alāch toion kis̓i kinkinitschī
дворикъ, вьюги свободное мѣсто скотный дворъ, какъ важные люди громкогласно

käps̓etän turarýn kurduk s̓ergelāch bas̓tyn s̓ergetigőr Bar kyllāch orto
разговариваютъ стоятъ точно какъ рядомъ, на первомъ столбѣ Баръ ([2])-птица, на среднемъ

s̓ergetigör käha kyllāch bullytán bys̓ā s̓ürān kirbīt bystāch künten
столбѣ кукушка птица, ? огородка бѣгутъ быстро огороженное, какъ солнцемъ

küejā s̓irenj kirbitin kurduk künnāch challantán kajá s̓ürbütün kurduk
отрѣзанное мѣсто, зашедшимъ подобно солнцу; отъ неба скала отдѣлившись [3]) подобно

$\frac{ch}{k}$a$^{h}_{s'}$alā$\frac{ch}{k}$ Allabulla attāch kurbu dsherbí cholunnach chān-tangará chan-targatá ünnjäch
конюшня, Аллабулла лошадь, ? ? подпруга кровянаго бога кровь гоняя узда,

tjört tös̓ünnjäch köntös̓tāch ulu ürā$\frac{ch}{k}$ togojdonnón tüspütünj kurduk njärilyr
четыре узды поводъ [4]), большой рѣки изгибъ извивающійся подобно лукъ

---

[1]) Igir значитъ еще, какъ говорятъ, столбъ, на который вѣшаютъ вещи.

[2]) Баснословная птица.

[3]) S'ürbüty, онъ убѣжалъ.

[4]) Вмѣстѣ съ поводомъ, изъ конскаго волоса.

muoś śalāch üśj ürümittebättäch ūtj kjöllāch kará $\frac{dsh}{j}$äj śyśtybatā
рога вѣтвь, три не покрывающіяся льдомъ молочныя озера, темная грязь приставать [1])

buolloha kara dalain u-tühör chaśtanimán kjöch dalajgar ahyś attachtāch
не смѣла бы, чернаго потока къ водѣ смылъ [2]) у прекраснаго моря; на восьми столбахъ

arańgа$\frac{s'}{h}$ygar śalgyńga śajá a$\frac{h}{g}$yś tarán älin djekiten etér-bulýt
запасной амбаръ обвѣваемый вѣтромъ пребываеттъ, восемь чешутся на востокъ громовыя тучи [3])

śonguryttan tschuo bulyt tschuogujáu ürdügör tiän kelän orto tünän by$\frac{h}{s'}$a
плачутъ, кучевыя облака скучиваются на верху подходя около полуночи раздѣляется

baran ońgojön turdá kiniächa tyl ättā: śorunán kellim ońgo$\frac{h}{s'}$ūn änj ākár
врозь раскрываясь начиная къ нему слова сказала: нарочно я пришелъ приготовься ты ?

ol dojdu$\frac{h}{g}$a ol dojduttán chollonokún bulba tahkyn min iächa ildshīt kellím
изъ того міра въ этотъ міръ [4]) тебѣ подобнаго искать ? я къ тебѣ посломъ прихожу,

kjä$\frac{h}{s'}$ynnyn kyrrötynnan bilän, s'āinym śamyrynán bilän uol ki$\frac{s'}{h}$i uo$\frac{h}{g}$ā
зиму по инею узнавая, лѣто по дождю узнавая, молодой человѣкъ въ молодости

uruśchál buolán ädär beïem emgenïen kelím nutschā ki$\frac{h}{s'}$í chuollutunan
уставшимъ сдѣлавшись, моложавое тѣло дряхлое приходитъ, русскіе люди по обычаю

śü$\frac{h}{s'}$ün $\frac{ch}{k}$abá ortotunan chuolodā tünnük charraktāch nutschā kiśi bór chor-
на лбу прямо по срединѣ оконница съ большимъ окномъ такой глазъ, русскіе люди глину ко-

ruér kurdshagyn kurduk tistäch tańgālain $\frac{ch}{k}$aba ortotügör kōchö arbyjä tīstāch
пая лопатѣ подобный зубъ въ крѣпкомъ нёбѣ прямо по срединѣ крюкастое тесло зубомъ

tüä$\frac{h}{s'}$ünj $\frac{ch}{k}$aba ortotügör buolāch ililāch śamagyn $\frac{ch}{k}$aba ortotügör attachtāch
грудной кости прямо по срединѣ имѣя руку, у таза прямо по срединѣ нога,

śir byśtybutyn kurduk śiridāch kajá chajdybutyn kurduk cha-
глыбѣ земли оторванной подобно; отдѣльно стоящей верхушкѣ скалы треснувшей подобно глазъ

rachtāch syllaśtygás śymmyśśachtāch alýś-dienj kiśi śüölj-dienj
имѣющій, скалящую нижнюю губу. Весьма необыкновенный человѣкъ, весьма замѣчательный

---

[1]) S'ys'tybyt, пристало; s'ys'tybát, не приставая.

[2]) Chas'ta, грязь. — Anjännerer, онъ смываетъ или стираетъ.

[3]) Онъ говоритъ изъ облаковъ.

[4]) Соотвѣтствуетъ, говорятъ, выраженію «за тридевять земель» въ русскихъ сказкахъ.

kiṡi keleu turar Erejdelj bergänj än akár kelím albán ukuján
человѣкъ идетъ стоитъ тамъ Эрейдель, мѣтко попадающій; я ? пришелъ краше ?

dshon dshagadyjen berejdā-bergänj tiritä tibätj kur-
народъ ? мѣтко попадающій, сырой кожѣ, которая не хочетъ болѣе растягиваться, по-

duk kyṡyrbýt man͡gajkan allāch tylýn kördördā minigin bäṡj tscherpatyn kurduk
добно озлобленный; крошечный, быстро языкъ показалъ онъ, я, еловой щепкѣ, половѣ подобно,

ót chodulun kurduk ṡannatagyn kurduk ṡulumāch ochpunan byjeryn
сѣна остаткамъ подобно, мыслямъ подобно, одноконечной стрѣлой простреливая печень

chabá ortotunan kara$\frac{h}{g}$allan tüsüräjabyn kurduk dügör inän dügalitän ṡuo$\frac{h}{c}$á ājannan
прямо по срединѣ держащейся, брошенной подобно ? ? убирайся, не стану отпускать,

attannaryäm ṡuo$\frac{h}{h}$á üönnär üöjächtatäm chommurduoṡpar kuahon͡g notuom ṡuohá
позволять ѣхать [1]) не стану, червямъ буду кормить, водянымъ жукамъ не стану

bu kiṡi ulú tumuligör tüṡjtäbeietä Erejdelj bergänj ahyṡ ṡylgȳ
этого человѣка; съ большаго мыса спустился Эрейдель мѣтко попадая, восемь лошадей

mäldshī ṡildjibyttör kahatyn ṡalyn etīn äniänā chotū brachtýn ṡüötün
откормленныхъ [2]) пасущихся грудной жиръ, сало, мясо внизъ [3]) съ отлогости бросая, лошадь

ṡyṡȳ $\frac{ch}{k}$otū kötör ṡürár aṡán siēn $\frac{ch}{k}$otū ṡon͡gurú temirien bārbyt
внизъ на равнину, звѣрю бѣгающему [4]) въ пищу наѣвшись къ сѣверу и къ югу взлетѣли всѣ вмѣстѣ,

ṡiettā ṡichtāchṡiri iṡitī ajman-ṡajman kymyṡyn törgū ṡimirähā
изъ семи сшитыхъ кожъ большіе мѣха налитые туда и сюда [5]) кумысъ на подпругѣ въ малень-

tohon-chorón tolorón barán atyn kinigör üṡj-kun͡gagár ig͡närän
комъ кожаномъ мѣшкѣ [6]) небрежно налиты будучи, коню своему тре-ухому пестрому

käbiṡpitā etīn ṡür kurduk ṡimmämittāch kurduk tan͡gnybyt barbýt kyṡynýn
сунулъ онъ мясо ? подобно, въ полномъ вооруженіи какъ бы празднично одѣтый всю зиму

---

[1]) Attanabyn, сажусь на коня.

[2]) Не употребленныхъ на работу и къ дурное время года получавшихъ добавочный кормъ.

[3]) Онъ ѣсть только чистое сало, и откидываетъ прочь мясо. Chaljajā chotū chaltarytty, внизъ съ холма они скатили.

[4]) Означаетъ, говорятъ, преимущественно дикихъ звѣрей, которыхъ Якуты вскармливаютъ для своего употребленія.

[5]) Также ajmanán s'ajmanán.

[6]) S'imirtschāch, еще меньшій S'imirj.

kyrẏštynöm	bilänj	ṡaṡnyn	ṡamyrynán	bilänj	ōrli-ötōrli	keljbitärin	bilbä-
по инею[1])	узнавая,	весну	по дождю	узнавая,	долго-ли, скоро-ли	странствующаго	не

täch и т. д.
знаю.

На этомъ я прерываю передачу якутскаго текста, ограничиваясь сообщеніемъ дальнѣйшаго хода сказки въ приблизительномъ переводѣ.

Однажды герой высмотрѣлъ другаго великана, который убѣжалъ передъ нимъ. Онъ погналъ свою лошадь, чтобъ преслѣдовать его.

Но во время скачки передній выставилъ цѣлую гору, чтобы заградить дорогу. Другой схватилъ лукъ и стрѣлою да топоромъ просѣкъ всю гору, такъ что образовалось ущелье, по которому онъ продолжалъ свое преслѣдованіе. Прибывъ на верхушку горы, онъ увидѣлъ серебряный юртъ и красивыхъ дѣвушекъ, которыя плясали по якутски. Какъ только онѣ увидѣли его, такъ и исчезли. Онъ подъѣхалъ къ юрту и вотъ изъ него вышли всѣ девять дѣвушекъ и каждая изъ нихъ подала ему кружку съ кумысомъ. Онѣ подали ему и сказали: мы поджидаемъ тебя уже девятый годъ, такъ какъ ты очень славенъ и силенъ. Онѣ попросили его остановиться и посмотрѣть на нихъ добрымъ взглядомъ. Ты, продолжали онѣ, странникъ, ты долженъ отдохнуть у насъ, переночевать и мы покажемъ тебѣ дорогу къ тому, котораго ты преслѣдуешь.

Намѣреваясь остановиться, онъ стягнулъ свою лошадь, но она не пошла къ столбу, а сказала: господинъ, не слушайся ихъ, не то мы погибнемъ тутъ оба. Онъ поворотилъ лошадь, слезы проливая съ горя, что ему приходится разставаться.

Не знаемъ, долго-ли или недолго онъ продолжалъ свое преслѣдованіе — опять предстала предъ нимъ гора, опять онъ пробилъ себѣ черезъ нее дорогу, добрался до вершины и увидѣлъ семь дѣвушекъ. (За тѣмъ слѣдуетъ повтореніе выше-сказаннаго).

Отправляясь далѣе, онъ увидѣлъ прекрасныя мѣстности, луга, лѣса, птицъ и животныхъ особаго рода, безчисленное множество стадъ, въ которыхъ у телятъ и жеребятъ были серебряные и золотые намордники. Онъ увидѣлъ юртъ въ 30 этажей и безчисленное множество народа, который плясалъ, пѣлъ, игралъ и боролся. На бѣлыхъ коняхъ подъѣхали къ нему три человѣка, каждый съ кнутомъ въ рукѣ. Откуда ты ѣдешь? наша душа никого терпѣть не можетъ.

Я пріѣхалъ сюда для Вашей славы, помѣряться съ Вами въ кулачномъ бою и добыть себѣ невѣсту. Отъ этого слова всѣ трое отшатнулись назадъ и весь народъ, сколько его тамъ ни было, спрятался, такъ что онъ никого не нашелъ. Юртъ былъ запертъ. Онъ

[1]) Образовавшійся на бородѣ иней.

привязалъ свою лошадь къ столбу и столбъ погнулся; онъ повѣсилъ лукъ и стрѣлы на другой столбъ и тотъ согнулся подъ тяжестью. Онъ же злобно ходилъ туда и сюда и отъ гнѣва провалился въ землю по колѣна.

Примѣчаніе. Помѣщаю тутъ сборникъ словъ, которыя въ якутско-нѣмецкомъ словарѣ (во 2-ой части 3-го тома нѣм. изд. этого сочиненія) или сразу не отыскиваются или не значатся по крайней мѣрѣ въ указанномъ ниже значеніи или формѣ. Если кое-гдѣ и окажется, можетъ быть, излишекъ добра, то онъ все-таки не можетъ принести вреда.

aī . . . . великій духъ, создатель.
an͡gár (вм. an͡gará); напр. Liwér an͡gar (полъ) s̓alata . . . . . . одинъ изъ двухъ, напр. Ливéра, притока въ верховьяхъ (изъ двухъ).
atā kemī? или atā channýk? . . . . имя какое? какъ тебя зовутъ?
atschī, вм. atschigyj, напр. toión.
ateleahým . . . . я куплю.
ānärahā . . . . по ту сторону.
annanagȳ; напр. barȳ s̓ír künj annanagý . . обращенный, напр. всѣ мѣстности, обращенныя къ солнцу,
araränneräbin . . . . . . я раскалываю.
äriég . . . . деревянная ступка.
arguj . . . . осторожно.
ajannán is̓äbin . . . . . . странствуя иду я.
aljatým . . . . я разломалъ.
aljatā . . . . онъ разломалъ.
aljanna . . . . разломано.
aljamyt . . . . разломано, разорвано, напр. чулки.
allā . . . . подпруга сѣв. оленя (изображена на стр. 498).
ās̓, напр. s̓arym ās̓ или ahál miächa . . . . . . подай, напр. сапоги подай мнѣ.
ās̓ вм. türör . . . . . . поставь.
ās̓ . . . . поѣзжай.
as̓á . . . . ѣшь.
ăs̓tyn . . . . пусть онъ ѣстъ.
ās̓anneräbin . . . . . . я совершаю путь, перехожу, напр. черезъ рѣку.
ăs̓anneräbin . . . . . . я ѣмъ.
as̓pytým . . . . я ѣхалъ.
as̓abytým, ās̓týn . . . пусть онъ (мимо) ѣдетъ (= ajannatyn).
ās̓yehym . . . . буду ѣхать.
ăs̓yehym . . . . буду ѣсть.
as̓be . . . . косоплетка (изобр. на табл. XV, рис. 3 нѣм. изд.).
äak . . . . да.
äppitej tuohú . . . . . . ты сказалъ что? также tuohú etér.
äbān, напр. äbān ät или äbān käps̓ā; äbān s̓aban . . . . прибавь; напр. говори подробнѣе; прежде чѣмъ закроешь (мѣшокъ) подобавь.
äb, напр. mas̓ká . . . подобавь, напр. дровъ (къ огню).
äbärā или äbiäch buolta . . . . онъ хотѣлъ подобавить.
äbygdä chatýn . . . . . каменная береза.
ämtschirá . . . . тунгусскіе полусапожки (по тунгусски: olotschi, по русски: чортоходы).
ärieg . . . . деревянная ступка.
kin(i)-ältin . . . . пусть увезетъ.
ogún͡g вм. un͡gór . . . . по ту сторону.
otschegó . . . . въ то время.
ontón . . . . оттуда, далѣе.
dshontón . . . . отъ народа.
on͡gojú (также kymygý) мошка.

Въ юртѣ у хозяина дома была восьмидесятилѣтняя старушка, выгребавшая навозъ изъ хлѣвовъ. Она выступила съ лопатой, встала возлѣ очага и сказала хозяину [1]): Ты такъ разсудителенъ и уменъ; зачѣмъ ты не встрѣчаешь героя, окруживъ себя сыновьями и дочерьми? Ступайте ему на встрѣчу, возьмите его за бѣлыя ручки, разстелите бѣлыя лошадиныя шкуры и посадите его въ юртѣ на лежанку.

Хозяинъ напустился на нее: Ты что же пришла меня учить. Ступай сама встрѣчать его.

Старуха не могла открыть дверь, а потому пролѣзла подъ порогомъ въ сѣни и взглянула на чужаго. Увидѣвъ его, она побѣжала назадъ, опять остановилась у очага и воскликнула: что ты знаешь, хозяинъ! къ намъ подъѣхалъ верхомъ человѣкъ, который добромъ не уѣдетъ, потому что ростомъ онъ въ лиственницу, лядвеи его похожи на толстыя бревна, руки его подобны стволамъ; сегодня мы въ послѣдній разъ живемъ. Какъ ты думаешь раздѣлаться съ нимъ?

---

o͡ngotschó .... деревянная лодка.
o͡ngojännеräbin ..... я гляжу на.
o͡ngoidüm .... я глядѣлъ на.
orochā .... красть.
ōrda .... онъ укралъ.
mannā orbatter ... здѣсь не крадутъ.
olōm .... бродъ.
$\overset{ö}{\underset{y}{-}}$ideboрin (öidüö) ... не понимаю смысла того, что ты говоришь.
is̆tibäpin .... не понимаю (твоего) языка.
biljbäpin .... не знаю (этого).
y͡ngýr .... позови его.
yytý͡ng .... отпустите.
ytýk .... мутовка.
yt $o\overset{h}{\underset{g}{-}}ol\overset{á}{\underset{o}{-}}$ .... сукинъ сынъ.
yt ogotó .... кобель.
ymmunach .... чесотка.
yjänerý, также jänerý. охотничій ремень.
yrāch .... давно; дорого.
ienā, напр. Iwan ienā. принадлежащій.
iennerā, напр. miennerā; Utschur iennerā .... (притоки).
iitannerer .... онъ спрашиваетъ.
iipupunuj, iiputtym .... котораго я разспрашивалъ.
yiit .... спроси.
iipukynyj, iiputtaj .... разспрашивалъ онъ.
iipatyn .... я не разспрашиваю.
ikkeni buolbut ..... мы нашли двухъ.
ikkelī .... по два.
ikkihi͡ng = ikkīs̆j ... второй.
ininnā .... сперва.
ас̆yr ininnā ...... передъ обѣдомъ.
tigiri͡ng ininnā .... прежде чѣмъ ты сошьешь это.
͡ngororu͡ng ininnā .. прежде чѣмъ ты сдѣлаешь это.
argujō ininnā ..... въ то время какъ.
innigör .... впереди.
uot innigör ...... передъ огнемъ (напр. сушить).
kinnigör, напр. bariächā .... позади, напр. идти.
is̆ .... идти. Глаголъ этотъ казался мнѣ неполнымъ, потому что какъ скоро нужно было сказать: они пойдутъ вслѣдъ,

[1]) Рѣчь старухи произносилась на распѣвъ.

Гдѣ, вскричалъ старикъ, мои восемь сыновей, гдѣ мои восемь дочерей? ступайте встрѣчать его почтительно, чтобы онъ насъ не притѣснялъ.

Старикъ-хозяинъ спросилъ старуху: ты, старуха, лучше знаешь, какъ намъ слѣдуетъ обращаться съ нимъ? Она отвѣчала: вымойте меня хорошенько въ тепломъ молокѣ и я стану красавицей; отведите меня по скорѣе къ кузнецу Батамаю, онъ перекуетъ мнѣ руки и зубы. Онъ увезетъ меня, а нѣкоторыхъ другихъ, можетъ быть, убьетъ; противъ этого ничего не подѣлаешь.

Но въ переднемъ углу юрты лежитъ сватъ Харланъ Моксоголъ, лежитъ столько времени, что постель его вся покрылась плесенью; онъ слышитъ все, сильно испуганъ и говоритъ хозяину: когда же ты мнѣ отдашь дочь свою? вѣдь я лежу здѣсь вотъ уже 30 лѣтъ и жду, а ты затягиваешь дѣло.

Освободи насъ отъ великана.

Почему же нѣтъ? я его живаго разорву на куски. Онъ потянулся, выдавилъ при

всегда употреблялось слово källiächterá.
uottach, напр. tās̓ . . . огонь дающій, напр. камень.
uottonneräbin, uottom я развожу (разводилъ) огонь.
uottór . . . . онъ разводитъ огонь.
uot-uottum . . . . . . я разведу огонь.
uot-uottun . . . . разведи огонь.
u͡ngorităch . . . . по ту сторону.
unán . . . . орошенъ.
ulachan kis̓í . . . . знатный или богатый человѣкъ.
ügör . . . . по направленію.
ürdügör . . . . вверхъ; напр. слишкомъ высоко попалъ.
allera-t-ügör . . . . . сверху внизъ; напр. слишкомъ низко попалъ (выстрѣломъ).
is̓ăt-ügör . . . . снизу вверхъ.
bir, üs̓j, tüörd-ügöt-a͡ngará . . . . $1\frac{1}{2}$, $2\frac{1}{2}$, $3\frac{1}{2}$.
ühä . . . . выше.
отъ ürdjúk . . . . . .
bär$\frac{d}{t}$ ühā, bär$\frac{d}{t}$ ürdjúk . . . . чрезвычайно высоко.
ütā (taba) . . . . доится сѣв. олень.
ürj . . . . радуйся

üs̓jkiäbít, напр. bas̓par ālbäch byt . . . . умножились, напр. вши на головѣ.
kāha . . . . каша.
kärätīk . . . . разное, то и сё.
käs̓ibin (min) . . . . я дарю (особенно подарокъ гостю).
käs̓itā . . . . онъ подарилъ.
kohāk . . . . скребницца (изображ. на стр. 721).
kö$\frac{h}{g}$ül . . . . отдѣльные длинные волосы, оставляемые при обритой головѣ.
kötönnis̓ellér . . . . летятъ роемъ.
köbus̓anneräbin . . . . . я не трогаю.
köra$\frac{h}{g}$ás̓ или chaptschan s̓ir . . . . ущелье.
köran baran . . . . . . было узко.
köratan baran . . . . я былъ въ тискахъ.
körülän is̓ér bardallar массами идутъ они.
köstör, напр. sārbá . . въ виду соболя.
Burukan köstör-du? Буруканъ въ виду?
kyty-dékin . . . . вдоль морскаго прибрежья.
kyttyehýn, напр. kyttyehýn isér . . . . . вмѣстѣ; онѣ (птицы) тянутся вереницами.

этомъ половину юртовой стѣны, присѣлъ на свою лежанку и поскакалъ къ прибывшему прямо на встрѣчу. Откуда ты явился, несчастный? слышалъ ты обо мнѣ? и они начали бороться. Одинъ приподнялъ другаго черезъ ногу свою, такъ что онъ упалъ на всѣ четверинки, но этотъ приободрился, вскочилъ съ крикомъ и накинулся на одолѣвающаго такъ, что ни одинъ изъ нихъ не могъ справиться съ другимъ. Злобно схватилъ сватъ своего соперника за бокъ и вырвалъ у него восемь реберъ. Послѣдній вскрикнулъ: какое ты мнѣ нанесъ оскорбленіе! кинулся на свата, сталъ его давить, схватилъ его наконецъ за голову и оторвалъ ее у него. Вотъ тебѣ, сказалъ онъ хозяину, голова твоего жданнаго зятя, и бросилъ его въ юртъ какъ мячикъ.

Славно, молодецъ, спасибо тебѣ, что ты его побѣдилъ; тебя давно я ждалъ. Онъ бросилъ бездыханный трупъ въ яму, принесъ дровъ и сжегъ его.

Нѣтъ-ли еще кого-нибудь тамъ, въ юртѣ? не убѣжалъ-ли кто? я догоню его, хочу побороться съ нимъ.

---

kynnaräbin, kynnannеräbin . . . . я хочу.
kynnarynnym . . . . . . я хотѣлъ.
kyrgytár (безъ ед. ч.). дѣвушка. Вѣжливо вмѣсто kyśtár.
kitschain bāi. . . . . . . тщательно завяжи.
kinitén iśér. . . . . ступайте сзади.
tośujon iśér.
kimten tachśör . . . . . изъ какой (рѣки) вытекаетъ онъ, т. е. въ какую течетъ онъ.
kildāch. . . . . грязно.
kuotar(ā/a)nneräbin . . . . я отпускаю.
kuotoryn͡g. . . . . не гонись за.
kumuljäch. . . . . половинка лосиной шкуры.
kujár kiśi. . . . . дуралей, негодяй, шалунъ.
kütür. . . . . дурное, трудно проходимое мѣсто (гора, болото, чаща).
künjjāś. . . . . удушливо жаркій лѣтній день.
külümkönnym . . . . . . я улыбаюсь.
kjärgenabyn . . . . я удаляю.
kjärgyn. . . . . удали.
kjördäbin. . . . . я срубаю (дерево).
iti mahā kjört. . . . это дерево сруби.
kjöś. . . . . глиняный горшокъ.
(срав. Якутскій словарь, стр. 438, подъ словомъ byśtyn͡g.)
chaitabyn . . . . я колю.
chaitala . . . . расколи.
channylaśpyt, напр.
(dsh/j)onnór. . . . . стоящая рядами толпа.
chamyehyn͡g . . . . мы собираемся.
chár. . . . . убой, настъ.
chararännerer. . . . . . снѣгъ сходитъ или исчезаетъ.
chār, tü(h/s)ör, tüśännerer, tüśtā. . . . . палъ.
chārnanneräbin. . . . . я давлюсь, я подавился чѣмъ.
chaljā. . . . . дощечка для покрышки, большею частью узорчатая. Чтобы отверстіе кожанаго сосуда, въ которомъ взбалтывается кумысъ, не закрывалось, въ него вставляется такая дощечка и чрезъ продѣланное посреди ея от-

За тройнымъ замкóмъ въ балаганѣ стоитъ огненный крылатый конь; коли ты одолѣешь его, твое все, что мнѣ принадлежитъ.

Онъ побѣжалъ туда, и при напорѣ выбилъ дверь; выскочилъ конь и прямо на него. Онъ схватилъ его за уши и понеслись они по полю, но на всемъ скаку онъ оторвалъ коню голову и бросилъ ее хозяину, говоря: сохрани это на память. Народъ глядѣлъ на это издали, разбѣжался и спрятался; хозяинъ же послалъ герою своего гонца съ запросомъ, что ему угодно, двуногое-ли, скотъ-ли или имущество.

Всего этого мнѣ не нужно; хотѣлось бы мнѣ только взглянуть на твою младшую дочь, куторую ты никому не показываешь.

Какъ не показать, отвѣтилъ онъ; охотно даю ее тебѣ. Всѣ торжественно пошли на встрѣчу ему, герою. Отъ столба до постели разостлали ему рысьи шкуры съ лапами и хвостами, на постель также положили рысьи шкуры.

Между тѣмъ старуха отправилась къ невѣстѣ и сказала ей: ты пропала, твой ко-

---

верстіе кумысъ разбалтывается.

chaj вм. chaja, напр. chaj-déki . . . . гдѣ, куда.
chajännerābin . . . . . . я посыпаю.
напр. charnán . . . . . снѣгомъ.
chottung (minigín) . . . ты обсчиталъ меня.
chonnuktāch . . . . ночной привалъ.
bir chonnuktach . . . одна ночевка, т. е. два дня пути.
bir künnjāch . . . . одинъ день пути.
chojdonnerér . . . . . . свертывается, скисаетъ, сгущается (напр. каша).
gō, напр. Tugúr-go kirér. въ, до; въ Тунгуръ текутъ они.
Burukán-go . . . . . . до Бурукана.
tachs̓ännerer (künj) . . всходитъ (солнце).
Kilé, Dshej-ürächten tachs̓är . . . . . Киле впадаетъ въ Дзею.
künj kirennerer . . . солнце заходитъ.
tabalāch (üs̓j tabalach taba) . . . . съв. олень, стоющій трехъ съв. оленей.
tartyllar s̓ällätin . . . . они натягиваютъ ремень.
tén . . . . оттуда.
baigál-tén . . . . съ моря.

Elgejá-tén kutschuguj . . . . меньше Эльгеи.
tarpytym . . . . я курилъ.
tās̓-s̓olúr . . . . каменный котелъ.
tas̓tāch-s̓olúr . . . . котелъ, въ которомъ лежатъ камни.
tärwēs̓ . . . . кольцо туловищной части штановъ, къ которому, посредствомъ ремня s̓ypká подвязывается бедренная часть штановъ.
ton͡gno . . . . замерзло.
tōs̓ . . . . береста.
tögürük . . . . круглое, именно кумысовый сосудъ, подобно tumtaj.
tölötun͡g . . . . распустите (руки).
tuohū etähin? (etähyn) что ты говоришь?
tuóg ättin? . . . . что ты сказалъ?
tuoch-ka? . . . . для чего?
tuchs̓annerer . . . . покрывается листвою.
tuttarabýn, напр. tuttarbytym- . . . . я передаю, поручаю.
du-s̓uoch-du? . . . . отдалъ я тебѣ или нѣтъ?
tuttardā-du? . . . . . отдалъ онъ?
turtojbyt, напр. bas̓á. пŏсѣдѣлый, напр. гŏлŏва.
turgandyk . . . . быстро.

*

нецъ близокъ. Тогда со старухой поступили, какъ она потребовала и она стала точно семнадцатилѣтняя. Она одѣлась и сѣла на невѣстино мѣсто, а настоящей невѣстѣ она сказала: возьми сосудъ съ топленымъ масломъ, брось его въ огонь, приговаривая: «пусть я сдѣлаюсь колдуньей и вылечу въ трубу». Не успѣла она сказать это, какъ оно и совершилось. Старухѣ же расчесали волосы, заплели ихъ въ три косички, и привѣсили къ нимъ три серебряныя привѣски.

Хозяинъ приказалъ впустить зятя, пригласилъ его сѣсть и переночевать. Такъ и сдѣлано.

Около одинадцати часовъ ночи въ сѣняхъ постучались. Кто тамъ? спросили. Это сосѣдка, невидимка, которая всегда ночью безпокоитъ пріѣзжихъ, сказала старуха. Невѣста я; старуха, не запачкай моей постели; я тутъ на дворѣ совсѣмъ замерзла. Такъ отозвалось за дверью, но старуха осталась при своемъ объясненіи.

Утромъ, умывшись, новобрачные принялись пировать; пили, ѣли, веселились и

---

tüšüljgönō, напр. turorännerer	столонакрывающій — онъ ставится.
tüšüljgō	подано.
$\frac{tsch}{z}$ip$\frac{tsch}{z}$ilyt.	моргаетъ.
tschátschumtscha . . .	скоро, еще немного погодя.
tschoguján turdullár.	толпой стоятъ они.
tschugáš, напр. bīr kösj-du? tschugáš-du?	близко? напр. 10 верстъ ли, или ближе?
daibé	кисть изъ конскаго хвоста (изображ. на стр. 788).
dabydalā.	кости передней части крыльевъ, на которой сидятъ chodohoj.
du	ли, но въ обыкновенной рѣчи соотвѣтствуетъ и русскому ка.
dulgá.	подпора.
djādinȳ.	бѣдный.
djärān͡g.	Numenius.
djorgō, напр. kiši. . . .	молодецъ.
njōl$\frac{tsch}{z}$ätā	пухъ.
(nuolakai, мягкій).	
bïerderäbin.	приказываю (?) отдать.
nälbi	дождевой воротъ (обыкновенно изъ медвѣжьей шкуры).
(tuōchpún) n͡gorun-guj?.	сдѣлать ли мнѣ?
njondohór, напр. kiší ogollór.	щеголяя — человѣкъ, право.
mannā, напр. n͡gor (on͡gor).	сдѣлай это. Если приказаніе точно исполнено, то удовольствіе выражается словомъ
šitti или šol kurduk.	такъ.
mon͡goldjē.	берестовый шалашъ.
minér (minerä) tabá.	верховой сѣв. олень.
min mīnerym šooch-du?	моего верховаго сѣв. оленя нѣтъ?

(Отвѣтъ: channygýn? или chaj-olleryn, который? karā? bár.)

mitschíkkynným	я улыбаюсь.
mun͡gutabýt (kiší). . .	чрезвычайно богатый человѣкъ.
munjastannereller . . .	собираются, напр. на ярмарку.
bar-buolluochterā. . .	есть, пожалуй, нѣкоторые.

старухѣ въ приданое дана была половина всего, одежды, скота и прислуги. Они отправились въ путь. На первой ночевкѣ повторяется та-же самая ночная чертовщина и т. д.

Сказка оканчивается тѣмъ, что у старухи герой отрываетъ голову, онъ женится на заколдованной и они живутъ счастливо.

Въ заключеніе сооообщаю еще нѣсколько сказокъ, разсказанныхъ мнѣ за ночнымъ огонькомъ моимъ якутскимъ проводникомъ.

I.

На Майдѣ находится ущелье между отвѣсными скалами. Взбираясь по естественнымъ выступамъ одной изъ скалистыхъ стѣнъ, два Тунгуса, пришедшіе туда охотиться, добрались до входа въ обширныя пещеры. Они вошли и очутились въ жилищахъ подземныхъ духовъ, гдѣ они бродили цѣлый день. Совершенно ослѣпленные видѣнными ими чудесами, они возвратились домой. На обращенные къ нимъ вопросы они отвѣчали,

---

baharbatergýn da n͡gor	ты не хочешь, но дѣлай.
barärym-du, barbatym-du?	идти ли мнѣ?
barytýn, напр. tuttalatým	я поймалъ всѣхъ.
bārgá	вяленая рыба, порса.
bas̓tarnán	путешествуя по (рѣчнымъ) верховьямъ.
bas̓by	недоуздокъ сѣв. оленя (изображ. на стр. 498).
bäiberidā̈	семенитъ ногами; поэтически говорится о густомъ лѣсѣ, въ которомъ одно дерево тѣснитъ другое.
bäjắn͡g	самъ.
bärkes̓jännerer	преуспѣваетъ.
bäs̓erīk	молодыя сосны.
bir	одинъ.
bir ahylýk	сплошныя кормовыя мѣста.
bir kirér	сливаются (рѣки).
bul	находить.
bultung-du?	нашелъ ты?
bullum	нашелъ.
bulúm s̓ooch	не найду.
bulbatým	я не нашелъ.
(tymný) buoltā buollár	если бы было холодно.
(tuōchpún) bus̓umuj	варить мнѣ?
bus̓tā	уже сварилось.
bus̓ár	варить.
bäsiā̈ch,	мутовка для молока.
s̓ā-chāta	чехолъ для ружья.
s̓āga	употребляется также вм. an͡gara.
s̓amal-kymys̓	готовый кумысъ, неоднократно перелитый.
s̓áp	закрой (дверь).
sap	довольно.
s̓abannāch	мелкій дождь.
s̓alalym, s̓alalynným	я возвратился.
s̓alalyn,	возвратись.
s̓äbirdäch	вѣроятно всякій широкій листъ, потому что такъ называются не только древесныя, но и капустныя листья.
s̓olú	подпруга сѣв. оленя.
s̓ytygan charjá	вонючая ель, т. е. бѣлая ель, пихта.
s̓yppytá (отъ s̓ytyar)	онъ лежалъ.
s̓yt	лежи.
s̓yljá	короткіе штаны, набедренники.
s̓yttā	запахъ.

что ихъ тамъ превосходно угостили, прекрасными яствами; дальнѣйшее они разскажутъ на другой день, потому что теперь они слишкомъ устали. Но въ туже ночь оба умерли.

Другіе Тунгусы въ послѣднее время также пытались посѣтить эти пещеры, но не могли вынести гнилаго, испорченнаго воздуха.

II.

Творецъ создалъ землю очень красивою и ровною. Тогда спустился злой духъ, жестоко сталъ топать ногами и царапать руками, какъ собака, чтобы уничтожить землю. Хотя это ему и не удалось, но такъ образовались горы, долины и рѣки.

III.

Творецъ создалъ землю малой, милой и гладкой. Явился злой духъ, разгребъ и разорвалъ ее такъ, что она треснула. Творецъ сказалъ: это тебѣ не повредитъ, расти только, расти, ты со временемъ уже станешь чѣмъ-нибудь хорошимъ. Вотъ и стала она расти, да расти. Такъ образовались большія рѣки и даже моря изъ возраставшихъ трещинъ, и между ними выросла твердь земли.

За тѣмъ творецъ построилъ огромный каменный домъ, поставилъ въ немъ каменныя статуи и приставилъ къ нимъ человѣка сторожемъ. Ежедневно злой духъ старался подкупить человѣка и добиться входа въ домъ. Наконецъ ему удалось достигнуть своего намѣренія, обѣщавъ человѣку такой пестрый, всѣхъ возможныхъ цвѣтовъ, нарядъ, какого онъ только пожелаетъ и такого свойства, что онъ никогда не износится, никогда не потребуетъ починки.

Такимъ образомъ злой духъ открылъ себѣ доступъ въ домъ, и запачкалъ статуи каломъ и всякими другими испражненіями, которыя успѣлъ выдавить изъ себя.

(kus̓agan, utschugoj)	
s̓iätis̓tā̈	рука объ руку.
s̓ieritién, напр. turór .	твердо, не шатаясь; напр. поставь котелъ.
s̓iellāch-más̓	Сибирскій кедръ.
s̓īg	канавка, весенній ручей.
s̓ir s̓irinen, tan͡gara	
tan͡garanán	превосходное мѣсто, ясное небо.
s̓illegilätā̈ вм. s̓ittā̈.	
s̓uoch, напр. älbäch	
s̓uoch (или s̓uochter).	многихъ нѣтъ.
s̓üterdüm	я потерялъ (проигралъ).
напр. s̓uolú	дорогу.
s̓üdüm	я выигралъ, обдѣлилъ.
südún͡g	ты меня обдѣлилъ.
s̓tibäpín (отъ is̓it)	я не слышу.

Въ видѣ дополненія къ стр. 528 я сообщаю якутскія выраженія по части высшей собачьей дрессировки:

s̓ýt	ложись (couche).
s̓iä	ѣшь.
kördä	ищи.
tagýs̓	вонъ.
arguj	тихо.
tút	хватай.
töttör bár	ступай сзади.
ȳt	оставь.

Творецъ пришелъ, увидѣлъ случившееся и далъ сторожу, чего тотъ пожелалъ, обративъ его въ собаку. Статуи же Творецъ выворотилъ на изнанку, такъ что наружная сторона ихъ пришлась во внутрь. Съ тѣхъ поръ люди внутри полны грязи и кала.

Потомъ Творецъ вдохнулъ жизнь въ эти статуи и четыремъ изъ нихъ далъ женъ. Не женатые горько стали жаловаться на свою судьбу, но не были услышаны; такъ произошло прелюбодѣяніе. Между тѣмъ подросли четыре дочери четырехъ женщинъ. Изъ нихъ три были выданы за мужъ за холостыхъ мущинъ; осталась опять одна женщина неудовлетворенною и жаловалась на судьбу свою. Творецъ увѣщалъ ее, чтобъ она терпѣла, но она предалась разврату. Тогда Творецъ посадилъ ее на раздвоившуюся вершину ели, и она вросла въ нее, но она восклицала, что все-таки она не въ состояніи терпѣть. Тогда Творецъ отпустилъ ее и она продолжала жить по прежнему.

IV.

Мамонтъ оказался слишкомъ великимъ для Ноева ковчега и, не умѣщаясь въ немъ, погибъ въ потокахъ воды.

Въ противоположность этому преданію, принаровленному къ Русскимъ, другое національное сказаніе распространено несравненно болѣе. Когда зимою ледъ съ шумомъ трескается на большомъ протяженіи, что̀ случается нерѣдко и притомъ въ ночное время, то это приписывается продѣлкамъ огромнаго животнаго, водянаго быка (U-o^{h}_{g}us̓), отъ котораго происходятъ мамонтовые клыки.

Наконецъ сообщаю еще остатокъ фразъ, которыя я распросилъ у моихъ спутниковъ-проводниковъ, и изъ которыхъ только небольшая доля помѣщена на стр. XLVIII третьяго тома нѣмецкаго изданія этого путешествія, въ Введеніи къ якутской грамматикѣ Бётлинга.

Min oiohum s̓ir ulachan balyk (также balygý), atschigyn (также kutschuguju) as̓yähā
Моя жена ѣстъ большую рыбу, маленькихъ она будетъ ѣсть

s̓ars̓yn.
завтра.

Min bägas̓ā̓ s̓iätim üs̓j balygy.
Я вчера съѣлъ [1]) три рыбы.

Min balygym chat$\overset{e}{\underset{y}{-}}$rygā ulachán.
Моя рыба съ чешуей больше.

Min baltylarým $\overset{ö}{\underset{y}{-}}$hridá.
Мои сестры захворали [2]).

---

[1]) S'iä, ѣшь; s'iāt, веди; s'iätér, онъ ведетъ. — S'iähym, я буду ѣсть; s'iätehym, я буду вести.

[2]) Min $\overset{ö}{\underset{y}{-}}$hljöbytym, я захворалъ.

ı$^{h}_{g}$ám yhldjér.
тецъ хвораетъ.

baltá ölljȫ или tangaralat$^{ö}_{ā}$.
сестра умерла [1]).

a$^{h}_{g}$ám biitā (initā́) kürüätā́.
отца старшій братъ (младшій братъ) убѣжалъ.

inim attara ulachattar min aham attaratén (или atterynnagár).
младшаго брата лошади больше моего отца лошадей.

ıt. — Aty tutumā. — Aty tutung͡g-du, suoch-du? — Chaš̓an aty
лови. — Лошадь не лови. — Лошадь ловишь-ты, или нѣтъ? — Когда лошадь

tutung͡guj? — Bu atý tutuong͡g š̓uo$^{h}_{g}$a.
ты поймаешь [2])? — Эту лошадь поймаешь не.

bäga$^{s'}_{h}$ä bultú š̓yljybyttým, än dshiehár chālbytyng͡g; bügünj min dshiehá
вчера (на) ловлю отправился, ты дома остался; сегодня я дома

chal$^{ö}_{y}$m; än baryng bultú.
останусь; ты пойдешь на ловлю.

uolúm bīrgā äing͡gy ng͡gýtta barš̓y$^{h}_{g}$á,
сынъ вмѣстѣ съ тобою въ одно время [3]) пойдетъ.

ällärā k$^{ü}_{u}$nj ininä balygy bultabypýt; š̓arš̓yn ämā bultuochput.
;и третьяго дня день назадъ, рыбы ловили мы; завтра опять будемъ рыбалить [4]).

n än uolattarýng͡g bultannereller (bultullár); balygyn$^{ā}_{g}$n biš̓igi aš̓atyächpýt
ія твои сыновья идутъ рыбалить; эти рыбы мы отдадимъ съѣсть [5])

chamnatschitarbyn (ch... bytyn).
нашимъ батракамъ [6]).

ↄlänneräbin, я умираю: öhyldjännereller, они уми-
›; öljähým, я умру; öljbütüm или öllüm, я умеръ.
ↄhas'an tutumuj, когда ты поймаешь? min tuttarā̄
ı, я не буду пойманъ.
Meing͡g у ng͡gytta, вмѣстѣ со мною; bis'igini gytta,
ѣ съ нами.

[4]) Bultubún, я иду на ловъ. Bultuehým, bultuächterá.

[5]) As's'apytým, я кормилъ; as'át, корми.

[6]) Chamnatschitar$^{ö}_{y}$, батраки.

Chamnatschitargá (chamnatschitargytygŏ̋r) bus̓arye$\frac{ch}{k}$á (kōs̓tüöchā)[1] s̓an͡gá as̓alyk-ta
Батракамъ слѣдуетъ сварить новую пищу,

(или as̓alyk, или as̓alygy), ärgā (или urukū) s̓iämitä (s̓iäbittér).
старая съѣдена (они съѣли).

S̓ars̓yn kötörö bultuochpút; bu kötördörö goroka atylyehym[2]).
Завтра дичь мы наловимъ, этихъ птицъ въ городѣ (Якутскѣ) мы продадимъ.

Bis̓i$\frac{h}{g}$i tabanán (tabaga)-dú, aktá-dú ajannäech$\frac{ch}{k}$á (ajann$\frac{\text{åa}}{y}$pýt-du).
Мы на сѣв. оленѣ-ли? на конѣ-ли? ѣхать (мы поѣдемъ).

Bylyrýn (bylyryn͡gý dshíl) gorokka baröm (barrytým) ulachán s̓yrgá tabatyrytinän
Прошлый годъ въ городѣ я былъ большія сани съ шкурами сѣв. оленей

(älbäch tas̓agas̓ynán).
(съ большою поклажею).

Aný (byj-yl) ämä älbäch tällägy atylým goroka.
Впредь (этотъ годъ) опять много шкуръ продамъ въ городъ.

Tälläch atytā äljbäbīt (üürdjäbīt).
Шкуръ цѣна увеличилась (повысилась).

Min siäbin ikk$\frac{i}{e}$ balygy; min u͡olúm s̓ir üs̓j balygy; än bä$\frac{h}{g}$as̓ä s̓iäbitin͡g tüörtj balygy;
Я ѣмъ двѣ рыбы; мой сынъ ѣстъ три рыбы; ты вчера ѣлъ четыре рыбы;

bis̓igi künnätā s̓iebit (или as̓ybyt) ikilitä; is̓igi bīrdí (bīr künj bīrdā
мы ежедневно ѣдимъ по два раза; вы по одному разу (каждый день по

или bīrdí künj) as̓ygýt; atynnar (s̓oróch dshón) kün͡gä üs̓jtütä (üs̓jtülümä) as̓yllar.
одному разу) ѣдите; другіе (другой народъ) ежедневно по три раза ѣдятъ.

Bis̓igi aný birditä (bīrdā или innibitigŏ̋r) as̓yächpút (as̓yr buoluchpút).
Мы впредь по одному разу будемъ ѣсть (ѣсть намѣрены).

Min s̓ars̓yn tabá ätīnj s̓iem или as̓yäm; min s̓ylgý ätin ärä$\frac{ha}{gö}$r (älbächtāch)
Я завтра сѣв. оленя мясо буду ѣсть; я лошади мясо всегда (часто)

as̓atým (as̓abytým, s̓iätím).
ѣлъ.

[1]) Kös'tä, варить.

[2]) Atylyächka, продавать.

Что въ старинныя изрѣченія многое внесено посредствомъ любимой внезапной импровизаціи, объ этомъ убѣдительнѣе всего свидѣтельствуютъ изысканная вставка русскихъ словъ въ старинныя пѣсни. Замѣчательную ассимиляціонную силу якутскаго языка, о которой мы говорили уже прежде (стр. 767), я могу подтвердить еще тѣмъ, что благозвучіе аллитераціи усвоили себѣ и Русскіе въ Восточной Сибири, какъ напр. въ часто повторяемой поговоркѣ: оводъ, холодъ и голодъ, которою выражается непривѣтливость сѣвера [1]). При всемъ томъ Якутъ конечно любитъ щеголять знаніемъ русскихъ словъ [2]), какъ мы это часто видимъ въ кумысовой пѣсни, въ особенности тамъ, гдѣ хвастаютъ русскимъ нарядомъ. За тѣмъ мы встрѣчаемъ подражанія повелительнымъ словамъ непремѣнно, первое дѣло, привычныя восклицанія однако, будто, и даже такія фразы, какъ mâs̊ náda s̊och, дровъ не надо.

Разскащику сказокъ слушатели внимаютъ съ большимъ напряженіемъ: каждое отдѣльное предложеніе разсказа вызываетъ со стороны слушателей глухо пробормоченное сквозь зубы гм — гм, въ знакъ одобрительнаго пониманія; живое участіе высказывается постоянно и прерываетъ разскащика упомянутыми уже выше фразами на du, цѣль которыхъ заключается въ разспрашиваніи частностей происшествія, чтобы убѣдиться, вѣрно-ли понятъ разскащикъ. Послѣдній въ этомъ случаѣ вдается въ самыя мелкія подробности и иногда прибѣгаетъ къ выразительнымъ пантоминамъ.

Не рѣже вопросительнаго du, въ разсказы вставляется слово dir (говоритъ), или въ видѣ вопроса tūōch·dir, что̀ онъ говоритъ? или наконецъ поправка или подтвержденіе сказаннаго въ видѣ tūōch-ta, что̀ я сказалъ.

Вопреки ожиданію, я нашелъ, что усвоить себѣ языкъ Якутовъ не легко. Прежде всего васъ поражаетъ чрезмѣрное богатство формъ. Разнообразіе способа пониманія представляетъ большое затрудненіе даже въ совершенно неважныхъ вопросахъ. Слыша въ первый разъ, что говорятъ $a\overset{h}{\underset{g}{-}}ýs'$, siettā̆, т. е. восемь, семь, не знаешь, какъ быть съ этимъ, хотя и нетрудно догадаться, что Якутъ, желая, какъ въ настоящемъ случаѣ, сказать отъ семи до восьми, всегда сперва ставитъ большее число. Слѣдовательно (преувеличивая свой разсказъ) онъ убавляетъ, а не повышаетъ, какъ мы, число.

Точно также васъ смущаетъ множество различныхъ значеній, которое имѣетъ одно и тоже слово. Грамматика и словарь представляютъ по этой части большое количество примѣровъ. Напомнимъ тутъ, что въ самомъ началѣ словаря слогъ as' означаетъ въ одно и тоже время: вскрывать или открывать, колоть, накалывать, засовывать, далѣе: волоса,

---

[1]) Русскій языкъ, хотя діалектически онъ также постояненъ какъ якутскій (срав. примѣч. на стр. 795), подвергается въ Сибири сильному вліянію отъ разнообразія природы въ далеко отстоящихъ другъ отъ друга мѣстностяхъ. Такъ напр. на сѣверѣ слово звѣрь безспорно всегда означаетъ волка (звѣрь съѣлъ), а въ горахъ южной Сибири, гдѣ нѣтъ волковъ, подъ названіемъ звѣрь разумѣютъ только сѣв. оленя. Слово уралы примѣняется въ Сибири ко всѣмъ горнымъ хребтамъ; но положимъ, вамъ даже удалось узнать и это, все-таки сначала вы теряете терпѣніе, когда вы, подобно мнѣ, спрашиваете о бытѣ и происхожденіи Даурцевъ, и вамъ отвѣчаютъ, что это Уральскіе казаки.

[2]) У Бётлингка мы находимъ большой выборъ такихъ словъ, заимствованныхъ изъ русскаго языка, напр. на стр. 121, 143, 153, 163, 164. 186, 189, 192 и т. д.

кушанье, пищу; за тѣмъ: проходить, протекать мимо; также: голодъ и голодать, голодный и проголодавшійся; при всемъ томъ еще: бѣлый (сѣдой) цвѣтъ; наконецъ: дай, подай, равно какъ: поѣзжай; но и: поставь. Этого примѣра достаточно. Эго таже самая путаница, какъ съ безчисленными рѣчками, называемыми въ горахъ $\text{Eljg}^{\bar{\text{ö}}}_{\text{ä}}$, что по тунгусски, говорятъ, значитъ: «сдавленный между крутыми скалистыми берегами».

Кромѣ того якутскій языкъ очень богатъ выраженіями по части разнообразія природы. Каждая форма лѣса, или непокрытой лѣсомъ мѣстности, отличается отъ другихъ особыми названіями; наберется болѣе дюжины именъ для разныхъ пучковъ травы на кочкахъ; у каждаго годоваго возраста невзрослыхъ домашнихъ животныхъ, особенно сѣв. оленей, даже у каждаго рода ихъ, есть свое особое названіе; пѣніе всякой нѣсколько выдающейся птицы обозначается особымъ глаголомъ; у всякаго вида образующагося или распадающагося льда есть свой особый терминъ, а за тѣмъ Европеецъ не можетъ не сбиться съ толку, слушая пѣсни, въ которыхъ, совершенно непостижимо, прославляются не только зеленыя и синія, но и сѣрыя древесныя листья, да воспѣвается не только зеленый и синій, но и черный и красный ледъ. Въ подобныхъ вольностяхъ и въ изобиліи синонимовъ аллитераціонная импровизація Якутовъ, по видимому, находитъ свою главную опору.

Съ одной стороны такой преизбытокъ, а съ другой необыкновенный лаконизмъ. Слышу я, идетъ разговоръ про kalatschikter. Что это такое? спрашиваю я, и узнаю, что подъ этимъ разумѣютъ русское слово калачъ, въ уменьшительномъ калачикъ. Наконецъ изъ разныхъ перекрестныхъ вопросовъ оказывается, что къ нему, безъ дальнѣйшаго, прибавлено окончаніе якутскаго множественнаго числа ter. Разговоръ продолжается, и я спрашиваю наконецъ въ отчаяніи: но что̀ же это значитъ, вы говорите то kus'agan (худые) kalatschikter, то kus'agátter kalaktschikter, то kus'agan kalátschik, то kus'agatter kalatschik, хотя вы и этотъ разъ говорите о нѣсколькихъ калачахъ? Bīr (одно), отвѣчаютъ мнѣ отрывисто; bīr, повторяютъ еще разъ, когда я не удовлетворился отвѣтомъ, и только въ третій разъ прибавляютъ s'in bīr (все одно), чтобы увѣрить меня, что можно сказать либо такъ, либо иначе. Въ другой разъ я спрашиваю, то-ли мѣсто или другое ближе отъ того, гдѣ я стою. Tschugás' (близко), отвѣчаютъ мнѣ по отношенію къ первому, что значитъ: оно ближе. За тѣмъ я ставлю вопросъ иначе и стараюсь узнать, какъ нужно спрашивать: «въ десяти-ли верстахъ оно, или ближе?» Опять мнѣ отвѣчаютъ: bīr kös'j-du? tschugas'-du? т. е. 10 верстъ-ли? или близко-ли? Оказывается, что нѣтъ сравнительной степени, и чтобы вполнѣ выяснить дѣло, нужно по крайней мѣрѣ прибѣгнуть къ другому слову, въ родѣ bärt (чрезвычайно, должно значить: ближе) или anerahē ($\text{annara}^{\text{h}}_{\text{g}}\text{y}$, по ту сторону, должно значить: дальше). Или путешественникъ слышитъ, что произносятся два слова: bū prikladtāch-du? а при этомъ указываютъ на какого нибудь сѣв. оленя. Оказывается, что Якутъ, безъ дальнѣйшаго, къ русскому слову прикладъ (добавку къ клади) приплелъ свою обычную при-

бавочную частицу ăch, вставилъ для благозвучія *t*, присоединилъ вопросительную частицу du, и такимъ образомъ сочинилъ вопросъ: навьючена ли на этого сѣв. оленя добавочная кладь? Но не можетъ-ли это также означать вопросъ: не слѣдуетъ ли на этого сѣв. оленя еще навьючить кладъ, или не слишкомъ ли много клади навьючено на него? Bīr, конечно, отвѣчаютъ мнѣ. Приходится тебѣ, любезный странникъ, умѣть отгадывать подобныя вещи, точно также, какъ выше, нужно было угадать, которое значеніе слогъ as' долженъ имѣть въ данномъ случаѣ изъ тѣхъ 12 — 20 значеній, какія онъ имѣетъ.

При этомъ случаѣ считаю нелишнимъ замѣтить, что даже Якуты, подобно Тунгусамъ и Самоѣдамъ, первоначально не имѣли слова для выраженія благодарности. И теперь еще они ограничиваются русскимъ словомъ спасибо, искаженнымъ въ pas'ībo или pahībo. У Тунгусовъ я слышалъ, какъ они, вслѣдствіе прямаго предложенія моихъ спутниковъ, употребляли слово ajá, хорошо, для выраженія слова «благодарю». У Самоѣдовъ вовсе не было такого выраженія; въ этомъ я убѣждался неоднократно, досадуя сначала на казавшееся равнодушіе, съ какимъ они принимали самые щедрые подарки мои. При спокойномъ наблюденіи нельзя было не замѣтить возбужденной въ нихъ радости. Низкія степени того-же естественнаго равнодушія, которое, вслѣдствіе извѣстій о нравахъ сѣверо-американскихъ такъ-называемыхъ Индѣйцевъ, стало считаться высшимъ стоицизмомъ, очевидно встрѣчались и въ сѣверной Сибири до меня. Какъ о благодарности, такъ и о привѣтствіи или прощаніи, тамъ не было рѣчи, и даже Якутамъ пришлось у Русскихъ заимствовать и усвоить слово byras'ty (прости).

Во всякомъ случаѣ такой образъ дѣйствій чрезвычайно отличается отъ обыкновенныхъ, сангвиническихъ пріемовъ Якутовъ, ибо при всей своей энергіи, на какую они способны, они все-таки нерѣдко, совершенно внезапно, по какому-нибудь ничтожному поводу, впадаютъ въ полнѣйшее отчаяніе, или предаются неукротимому пылу и необузданному веселію. Бѣднымъ сѣв. оленямъ частенько приходится испытывать свирѣпую горячность Якутовъ; мнѣ случилось видѣть, какъ объ голову сѣв. оленя разлетѣлся въ куски ружейный прикладъ.

Пѣсни и сказки Якутовъ свидѣтельствуютъ о превосходной памяти человѣка первобытной природы, но еще болѣе способность припоминать мѣстность, въ которой имъ случалось быть разъ въ жизни, или положеніе которой имъ описано также только одинъ разъ. Старикъ Якутъ, бывшій въ китайской Дауріи всего разъ, лѣтъ за 25 передъ тѣмъ, умѣлъ мнѣ не только описать рѣки, рѣчки и ручейки, и означить разстоянія посредствомъ числа дней, необходимыхъ на совершеніе пути, но и перечислить всѣ ихъ имена, даже названія мѣстностей на Амурѣ. Вниманіе первобытнаго человѣка не разсѣевается неограниченнымъ кругомъ знанія, память его не обременяется разнымъ школьнымъ балластомъ, съ самой ранней молодости.

И тутъ также, рядомъ съ воровскими наклонностями, сосланными до Удскаго Острога, я встрѣчалъ между туземцами безпредѣльную честность, встрѣчалъ ее въ

томъ-же самомъ человѣкѣ, который не могъ удержаться отъ искушенія въ моихъ глазахъ запустить зубы въ масло, которое онъ мнѣ несъ, не могъ удержать слезъ отъ горя и досады, что я заставилъ его, не смотря на всѣ его отговорки, дать мнѣ кусочикъ масла на мазь для раны сѣв. оленя.

Неограниченная власть отца надъ семействомъ, эта прелюдія власти старшинъ и тоіоновъ надъ народомъ, дѣйствуетъ такъ глубоко, что невольно удивляешься той безусловной, извѣстной въ Европѣ лишь въ военномъ быту, дисциплинѣ, съ которой среди первобытной природы всякое слово старшаго считается обязательнымъ, и быстро выполняется. Такъ это бываетъ у Самоѣдовъ и Тунгусовъ, такъ и у Якутовъ. Раздаются слова S'ol kurduk или s'itti kurduk (точно такъ) и приказаніе исполняется безъ всякаго возраженія, если даже дѣло идетъ о самыхъ странныхъ для нихъ требованіяхъ науки. Не спрашивая, они послушно подчиняются высшему благоусмотрѣнію [1]). При всемъ томъ Якуты бьютъ своихъ дѣтей не очень часто, хотя и чаще Тунгусовъ, которые почти вовсе не били ихъ. Теперь, когда между Якутскими дѣтьми находятся, говорятъ, даже гимназисты, теперь кое-гдѣ вѣроятно все приняло другой видъ. Уже въ мое время проявлялось у нихъ желаніе, чтобы дѣти ихъ, которые вообще бойки и любознательны, обучались въ школѣ; я зналъ торговца, содержавшаго для своего лишь семилѣтняго сына учителя, которому онъ, кромѣ дароваго содержанія, платилъ въ мѣсяцъ по 5 рублей. Вскорѣ я пересталъ удивляться этому, познакомившись съ панданомъ въ лицѣ человѣка, котораго Тунгусамъ начальство ихъ навязало въ писаря, и которому эти лѣсные отшельники охотно платили 400 руб. жалованья, такъ какъ онъ прежде служилъ въ главномъ управленіи и даже дослужился до титулярнаго совѣтника. Они считали его своимъ избавителемъ, потому что предмѣстнику его платили по 1000 руб. въ годъ. Канцелярская переписка была доведена до замѣчательныхъ тонкостей, между тѣмъ какъ начальникъ такого важнаго писца прибѣгалъ къ упомянутому на стр. 704 языку знаковъ.

Хотя всѣ Якуты принимаютъ крещеніе, но все христіанство ихъ заключается въ данныхъ имъ при крещеніи именахъ, которыя они часто такъ коверкаютъ, что ихъ и узнать нельзя. Такъ какъ по принятому у нихъ обыкновенію, крещеному давали фамилію свидѣтеля и крестнаго отца, то между Якутами и Тунгусами встрѣчалось безчисленное множество Поповыхъ, Надѣиныхъ, Стручковыхъ и т. д., что уже въ то время подавало поводъ ко многимъ ошибкамъ. Мнѣ было забавно встрѣтить въ горахъ даже Гаузена, который въ прошломъ столѣтіи принялъ фамилію чиновника Гольцгаузена. Это напоминаетъ мнѣ слово Halstuch, обратившееся въ русское галстукъ, и занесенное къ Якутамъ, у которыхъ оно въ кумысовой пѣснѣ, на берегу Тихаго Океана, появилось въ якутской формѣ āltys'.

Когда я сталъ спрашивать про Отче нашъ, то его никто не зналъ, ни по русски,

---

[1]) Срав. стр. 656.

ни по якутски, и катихизисъ, на который Бётлингъ ссылается [1]), вызывалъ неоднократныя совѣщанія, вслѣдствіе которыхъ мнѣ объявили, что священникъ въ Амгинскѣ былъ правъ, сказавъ, что катихизисъ непонятенъ. Мнѣ говорили, что изо всего можно понять лишь нѣкоторыя слова, и что часто не только выраженія, но и смыслъ совершенно непонятны.

Только разъ, когда ледъ перерѣзалъ нашу кожаную лодку и мы находились въ большой опасности, одинъ старикъ Якутъ произнесъ слѣдующее воззваніе, которое, по его мнѣнію, должно было вызвать на помощь всѣхъ святыхъ. **Tan͡gara, Nikólo, bátjuschka!** воскликнулъ онъ, т. е. Боже небесный, Никола, батюшка! признавая св. Николая, по примѣру многихъ русскихъ простолюдиновъ въ Сибири, за самое сильное божество. Встрѣчаются также мѣстами въ пустынѣ могилы съ крестомъ, но рядомъ на деревья повѣшены люлька умершаго ребенка, да медвѣжьи черепа и т. д., потому что важнѣе всего, чтобы эти жертвенные дары, которые развѣшиваются на особыхъ, большею частью вилообразныхъ, шестахъ, не обгрызались собаками. Въ Сибири медвѣдю повсюду оказываютъ божескія почести. Въ юртѣ Якута висятъ медвѣжьи когти, а передъ нею переднія части череповъ зайцевъ и другихъ съѣдомыхъ животныхъ, въ качествѣ трофеевъ, по которымъ исчисляется зимняя добыча. Мѣсто бѣлаго медвѣдя, который на глубокомъ сѣверѣ является наиболѣе страшнымъ звѣремъ (срав. стр. 666), тутъ, на южномъ скатѣ водораздѣльнаго хребта, заступаетъ тигръ. Какъ тамъ является зубъ бѣлаго медвѣдя, такъ тутъ къ хвосту сѣв. оленя привязывается кусочикъ тигровой шкуры, который долженъ предохранять это животное отъ нападенія медвѣдей и волковъ.

Само собою разумѣется, что такое суевѣріе никакъ не можетъ остановиться на этомъ, а охотно принимаетъ болѣе отвлеченныя формы; такъ напр. отрубленный стволъ дерева можно класть въ огонь только толстымъ концемъ впередъ и т. д., какъ мы упоминали уже, говоря о Тунгусахъ (срав. стр. 707).

Еще въ мое время покойникамъ клали въ ротъ погребальную пищу (k͞ӧ͜ün͡gs'ǘ), чему, впрочемъ, нельзя удивляться, потому что мнѣ привелось видѣть тоже самое въ нашей столицѣ; кромѣ того между Якутами сохранилось еще воспоминаніе о томъ, что прежде при погребеніи убивали лошадей и хоронили ихъ, съ сѣдломъ и украшеніями, рядомъ съ ихъ хозяиномъ. Сохранилось даже еще преданіе о томъ, что нѣкогда вмѣстѣ съ знатными покойниками живьемъ хоронили также прислугу ихъ.

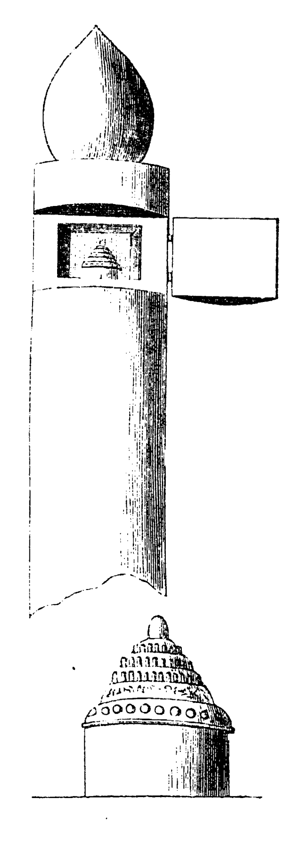
Кромѣ этихъ обрядовъ, указывающихъ на Среднюю Азію, и кромѣ разныхъ горныхъ духовъ, воспѣваемыхъ въ посвятительныхъ рѣчахъ, Якуты въ прежнія времена, менѣе 150 лѣтъ тому назадъ, поклонялись также примѣчательнымъ явленіямъ природы [2]), какъ это еще въ мое время случалось встрѣчать у Самоѣдовъ.

---

[1]) См. нѣм. изд. этого соч. т. III отд. 1, стр. XXXIX.

[2]) Въ Запискахъ Гидрографич. Департ. IX, стр. 57, говорится: На рѣкѣ Вилюѣ, близъ вершины живущіе Якуты желѣзо дѣлаютъ котлы ... но если какую вещь странную сыщутъ въ тундрѣ, о которой смыслъ не достигнетъ, какъ тамъ она есть; взявъ причитаютъ богомъ, котораго къ какому благополучію назовутъ — тѣмъ и слыветъ

И такъ, на сѣверномъ своемъ предѣлѣ, Якуты уже издавна, какъ мнѣ кажется, успѣли усвоить себѣ религіозныя воззрѣнія своихъ сѣверныхъ сосѣдей. Не слишкомъ далеко отъ юго-западнаго предѣла самыхъ крайнихъ форпостовъ ихъ, я встрѣтилъ въ уединенной Бурятской степи изображенный здѣсь столбъ, стоявшій съ своей стороны форпостомъ противъ сѣвера, въ качествѣ ламайской часовни. На глиняномъ храмикѣ находилась, какъ мы видимъ, идущая вѣнкомъ надпись.

Въ заключеніе сообщаю еще нѣсколько отрывочныхъ замѣтокъ объ одеждѣ, бракахъ и обычномъ правѣ Якутовъ по раздѣлу наслѣдства.

Видя, какъ на крайнемъ, такъ сказать, предѣлѣ тогдашняго міра, въ Удскомъ Острогѣ, командиръ (срав. прим. на стр. 737), т. е. казацкій унтеръ-офицеръ важничалъ самыми щегольскими, убранными соболемъ, нарядами, какъ рядилась другая, и вмѣстѣ съ тѣмъ и послѣдняя, знатная фамилія этого захолустья, т. е. семья священника, жена котораго являлась въ прекрасной, покрытой чернымъ шолкомъ, лисьей шубѣ, съ превосходнѣйшимъ собольимъ воротникомъ, вскорѣ перестаешь удивляться сильной расточительности Якутовъ. Не берусь рѣшить вопроса, на сколько у нихъ страсть щеголять прирождена, на сколько она перенята, но не подлежитъ сомнѣнію, что съ нею связано совпаденіе выраженій «бѣдный» и «худой». Бѣдныхъ называли «Kus'agáttar», да и въ пѣсни въ честь кумыса говорится, что плохоодѣтые должны быть прогнаны. Выраженія dshadaӈġy̅, дѣйствительно значащаго «бѣдный», мнѣ въ этихъ случаяхъ не приводилось слышать.

Само собою разумѣется, что эта страсть щеголять преимущественно проявляется въ нарядѣ женщинъ, платье которыхъ, у богатыхъ Якутовъ, въ мое время, стоило до 300 рублей. Да и мужья были не прочь поважничать богатыми нарядами своихъ женъ.

Какъ вездѣ, такъ и тутъ, головной уборъ, какъ вывѣска, составляетъ суть дѣла, и дѣйствительно, довольно оригинально, соотвѣтствуетъ климату полюса стужи. По этому-то, вѣроятно, наши европейскія, задающія тонъ, героини, еще не эксплуатировали его, хотя Якутки и въ юртѣ не снимаютъ своихъ гренадерскихъ шапокъ (не смотря на то, что послѣднія даже съ внутренней стороны тепло подбиты бѣличьимъ мѣхомъ), и при торжественныхъ случаяхъ не разстаются съ этимъ главнымъ нарядомъ, говорятъ, даже лѣтомъ. Мы не станемъ останавливаться на описаніи мѣховой шапки Якутокъ, придерживаемой повязками, такъ какъ устройство ихъ упомянуто уже на стр. 716, а форма ея изображена на стр. 716 и 749. Когда ей суждено быть въ полномъ блескѣ, то на помощь медвѣдеподобному мѣху росомахи являются боберъ и соболь, а посреди краснаго

сукна выдающейся пирамиды виднѣется кокарда либо крестъ изъ чернаго бархату. Для разнообразія встрѣчаются также рысьи шапки.

Когда эту шапку снимаютъ, то на сцену выступаетъ богато убранная головная повязка (Gojlan), изображенная на стр. 761, или чепчикоподобный срѣзанный конусъ, который сверху открытъ и нерѣдко надѣвается также мущинами въ дорогѣ. Представьте себѣ скроенный въ видѣ трапеціи кусокъ матеріи, обѣ сходящіяся стороны котораго вверху, внизу и по срединѣ, связываются посредствомъ размѣщенныхъ другъ противъ друга ленточекъ. Вслѣдствіе конической формы этого чепца, онъ приходится на любую голову. Подъ нимъ торчатъ серебряныя, или по крайней мѣрѣ посеребренныя, тяжелыя серьги, которыя висятъ на кольцахъ въ $1\frac{1}{2}$ дюйма въ поперечникѣ, и гравированныя пластинки которыхъ, посредствомъ маленькихъ колечекъ соединены въ нѣсколько этажей въ такомъ родѣ, какъ у насъ показано на стр. 716. Хотя ушныя мочки большею частью проколоты въ двухъ мѣстахъ, все-таки тяжесть привѣски непомѣрно растягиваетъ ушную раковину. Добавьте къ этому обмотанную ремешками косу и привѣшанное къ нему подобное-же, тяжелое украшеніе косы, состоящее также изъ гравированныхъ посеребренныхъ пластинокъ, висящихъ въ нѣсколько этажей на кольцѣ, въ палецъ толщины, или такой, украшенный бусами, уборъ, какой изображенъ на табл. XV, рис. 3, нѣм. изд. и принадлежалъ уже къ числу болѣе легкихъ украшеній. За тѣмъ, въ такомъ-же стилѣ отдѣланъ широкій, составленный изъ гравированныхъ квадратныхъ пластинокъ, поясъ, съ разными привѣсками, между которыми мнѣ особенно бросались въ глаза неизбѣжная ушная ложечка и трубка. Послѣдняя между красавицами часто переходила изъ рукъ въ руки. Всѣ металлическія принадлежности въ мое время оцѣнивались въ 100 руб. и болѣе; это еще не много, если припомнишь, что богатые мущины носили на своихъ кафтанахъ пуговицы изъ чистаго серебра и сидѣли на окованныхъ серебромъ сѣдлахъ.

На кафтанѣ[1]) разрѣзъ, съ красными, зелеными или синими обшивками, свидѣтельствуетъ, что это народъ наѣзднический, у котораго жены также привыкли ѣздить верхомъ. Но кафтанъ не всегда ограничивается однѣми красными выпушками. Мнѣ показывали дѣвичій нарядъ изъ голубой шелковой матеріи, украшенный самыми разнообразными фигурами, которыя были вышиты серебряными нитками. На спинѣ былъ вышитъ чернобурый крестъ изъ чрезвычайно уважаемаго мѣха росомахи. Такой-же крестъ изъ мѣха росомахи, съ присоединеніемъ полумѣсяца на затылочной части, вшиты были въ мѣховой кафтанъ изъ волчьей шкуры съ обращенными наружу волосами. Рукавицы довершаютъ щегольской нарядъ.

Волчій саннаяхъ невѣста должна имѣть на готовѣ для своего будущаго жениха.

У мущинъ такая-же шапка, какъ у женщинъ, а съ головной повязкой мы также ознакомились уже на стр. 761. Но у богачей подъ шапкой выглядываетъ плотно приле-

[1]) Саннаяхъ. Гдѣ на одеждѣ является замш , тамъ послѣдней придается красивый оранжевый цвѣтъ тѣмъ, что ольховая кора посредствомъ кипятка и примѣси золы растворяется и кашеобразный составъ этотъ сильно втирается ладонью.

гающая татарская ермолка, которую съ края обвиваетъ боа изъ бѣличьихъ хвостиковъ (стр. 710) и которая, вслѣдствіе этого, похожа на черкесскую шапку. Волосы на головѣ коротко стригутъ; только у нѣкоторыхъ оставляютъ кругомъ, за исключеніемъ неосѣненнаго лба, занавѣсъ, состоящій изъ прозрачнаго ряда краевыхъ волосъ. Тунгусы и Юраки точно также носятъ свои волоса, которые въ этомъ видѣ изображены на табл. III-ей.

Животъ богачи содержали въ теплѣ посредствомъ особаго кушака (Bātschí), въ двѣ пяди ширины, который удерживался въ своемъ положеніи посредствомъ подтяжекъ. Это былъ положительный прототипъ набрюшника Тирольскаго. Богатые торговцы щеголяли въ дорогихъ мѣховыхъ кафтанахъ, которые они даже лѣтомъ неохотно снимали. Когда становилось слишкомъ жарко, то Якуты снимали одну часть своего наряда за другою.

Во всѣхъ этихъ украшеніяхъ мы не завидовали Якутамъ, но скоро усвоили себѣ превосходную, непромокаемую обувь ихъ, сары, о которыхъ нами говорено уже на стр. 644. Этимъ именемъ называются также почки и крестецъ лошадиной шкуры, гдѣ она, говорятъ, толще всего. Красивый и плотный черный цвѣтъ свой сары принимаютъ отъ примѣси сала и красильнаго вещества, наростовъ, образующихся на березахъ. Зимою сары замѣняются высокими мѣховыми сапогами на мягкой подошвѣ.

Слѣдовательно вообще, какъ видно, удерживались старинныя, національныя части одежды, покрои и узоры ея, но вмѣстѣ съ тѣмъ уже въ то время, проложили себѣ путь къ Якутамъ принадлежности русскаго платья, и даже цѣлые наряды (срав. стр. 651 и 740). Большимъ почетомъ пользовались уже жилетки, по возможности съ красною спинкою, и тамъ гдѣ появлялась цвѣтная или пестрая сорочка, она свидѣтельствовала о своемъ происхожденіи, служа верхнимъ платьемъ, т. е. прикрывая на половину штаны.

Старикъ Витсенъ [1]) говоритъ: Het is aenmerkens-waerdig det de Volkeren hoog Noorden woonende, aen de Vlieten Lena en Jenisea, gewoon zin slapende op den buik to leggen om die warm te houden, daer zy de gesontheit achten in te bestaen, zonder zorg te dragen of de rug bedekt is of niet. Это вполнѣ согласуется съ тѣмъ, что̀ нами сказано было на стр. 324, но какая разница между такою способностью переносить стужу и непомѣрно щедрою мѣховою одеждою Якутовъ, которая нами выше описана и даже не совѣмъ уступаетъ дѣйствію лѣтняго тепла!

Сочтя мальчика, которому было 15 лѣтъ, нѣсколькими годами моложе, я очень удивился, когда мнѣ подтвердили, что у Якутовъ дѣвушекъ обручаютъ съ 10-го года и сватовство начинается даже у восьмилѣтнихъ дѣтей. Я смѣрилъ такую, представленную мнѣ даму, которая уже второй годъ была невѣстой, и нашелъ ее всего 49 дюймовъ вышины, такъ что ей недоставало около $\frac{1}{5}$ полнаго роста. Она изображена на табл. X-ой нѣм. изд. Такъ называемый кильтегангъ составлялъ у нихъ, какъ меня увѣряли, общій обычай. Я говорилъ съ Якутами, которые такимъ образомъ, благодаря попечительности своихъ родныхъ или пріемныхъ отцовъ, были обручены на 12-мъ и 13-мъ году. Четыре или пять

---

[1]) Второе изданіе, стр. 88.

лѣтъ спустя совершена была свадьба. Разсказывали о перемѣнѣ женъ, которая производилась рѣдко, хотя въ прежнія времена она была въ большомъ употребленіи. У одного богатаго Якута было въ живыхъ 3 сына и 9 дочерей, а 6 дѣтей уже умерло.

За невѣсту всегда вносится одинаковое количество разнаго скота, примѣрно 4 вола, 4 коровы, 4 мерина, 4 кобылы и т. д., но большею частью въ такомъ случаѣ 2 вола, 4 коровы, 2 мерина, 4 кобылы и т. д. опять возвращаются въ видѣ приданаго. Далѣе изъ 8 коней, которыхъ богатый женихъ долженъ дать на свадебный пиръ, двухъ, говорятъ, родители невѣсты опять возвращаютъ. Такимъ образомъ и тутъ дѣло больше похоже на мѣну, чѣмъ на покупку; при всемъ томъ мнѣ жаловались, что иной зажиточный парень свадьбою совершенно разстраиваетъ свои дѣла, потому что за невѣсту нерѣдко приходится вносить по 10 головъ каждаго рода скота; наименьшая цѣна 500 руб., но случается, что платятъ иногда до 5000 рублей.

У сѣверныхъ Якутовъ цѣна за невѣсту не была очень высока, а простиралась примѣрно до 16 сѣв. оленей, къ которымъ присоединялся еще одинъ для закланія на свадебномъ пиру. Кромѣ того жениху приходилось угощать водкой.

По смерти мужа выкупъ невѣсты опять переходитъ въ руки вдовы, которая за тѣмъ не имѣетъ никакихъ другихъ правъ на наслѣдство мужа и обыкновенно остается у своихъ родныхъ либо сводныхъ дѣтей, хотя можетъ идти, куда ей угодно.

Отецъ нерѣдко уже при жизни дѣлитъ свое состояніе между дѣтьми, когда у него бываетъ много взрослыхъ сыновей, которые потомъ продолжаютъ вести свое хозяйство на собственный счетъ. Обыкновенно же, т. е. когда не болѣе одного или двухъ взрослыхъ сыновей, они остаются у отца, даже если они сами уже женаты и имѣютъ дѣтей. Отецъ снабжаетъ ихъ всѣмъ необходимымъ для существованія, но и беретъ себѣ все что добывается. Патріархальная власть отца доходитъ до того, что женатаго сына, хотя бы со времени свадьбы прослужившаго отцу 10 лѣтъ, онъ все-таки имѣетъ право лишить наслѣдства. По существующему обычаю, отецъ дѣлитъ свое имущество на равныя части, но онъ имѣетъ полное право предпочесть того или другаго сына. Сынъ или сыновья, по смерти отца, получаютъ въ наслѣдство какъ имущество его, такъ и неуплаченные имъ долги. Раздѣлъ совершается между наслѣдниками пóровну. Только въ спорныхъ случаяхъ старшіе члены рода, или старшины племени, принимаютъ на себѣ уравненіе наслѣдства. Они же обязаны вступать въ должности попечителей при расточительности вдовъ, оставшихся съ малолѣтними дѣтьми. Если по смерти отца оказывается взрослый сынъ, то онъ заступаетъ мѣсто отца при малолѣтнихъ братьяхъ и сестрахъ, которые ему обязаны служить безплатно; а хозяинъ дома съ своей стороны долженъ поженить и выдать ихъ за мужъ и вообще поставить ихъ на ноги. Наслѣдство умершихъ дѣтей переходитъ къ отцу, или, если его нѣтъ въ живыхъ, къ братьямъ; мать же право имѣетъ только на выкупъ невѣсты.

И въ глазахъ Якутовъ женщина еще вполнѣ подчиненное существо.

Уже два столѣтія тому назадъ, прилежный компиляторъ, почтенный **Витсенъ**, замѣтилъ [1]): Het Volk dat omtrent de Vliet Piasida of Peisida, die in de Ys-zee uitstort, woont, zijn uit den bruin-geele, kloeke Luiden, hebben kleine oogen, en platte aengezichten. Онъ былъ совершенно правъ: монгольская раса, отчасти чистокровная, отчасти въ самыхъ разнообразныхъ помѣсяхъ, распространилась отъ Южнаго до Сѣв. Ледовитаго Океана по всей Азіи. Она забралась и въ Европу. По плодовитости и размноженію своему она превосходитъ Европейцевъ. Кто рѣшится предсказать, какая роль во всемірной исторіи предназначена монгольской расѣ, когда ей, чистокровной или при благопріятной помѣси съ кавказской расой, опять вздумается или придется обратить вниманіе на Европу.

Послѣ всего сказаннаго мною въ текстѣ на стр. 631—634 нижеслѣдующіе рисунки уже не требуютъ особаго объясненія.

Выраженная мною на стр. 688 надежда успѣла между тѣмъ осуществиться: благодаря Императорскому Русскому Геогр. Обществу я могъ небольшое число принадлежащихъ мнѣ фотографій пополнить нѣсколькими фотографіями изъ этнографическаго портфеля этого Общества и такимъ образомъ присоединить еще одну таблицу рисунковъ (II-ую). Рисунки эти сдѣланы съ фотографій, которыми, сколько мнѣ извѣстно, мы обязаны путешествію горнаго инженера г. **Лопатина**.

Всѣ они изображаютъ Самоѣдовъ, живущихъ въ низовьяхъ Енисея. Физіономія № 1 отличается чисто монгольскимъ типомъ. Въ № 2 кроется, какъ мнѣ кажется, какая-нибудь европейская примѣсь, кавказскаго племени. № 3—7 типичныя Самоѣдскія лица, финно-монгольской помѣси, между которыми № 4 поразительно похожъ на Ngegÿrmi нашей V-ой таблицы Нѣмецк. Изданія. № 8 и 9 я считаю положительною помѣсью славянско-самоѣдскаго происхожденія. Такія физіономіи я встрѣчалъ неоднократно. Отличительную черту этихъ лицъ составляютъ усы, борода и совершенно оригинальный носъ: большой, кеглеобразнаго очертанія, но выдающійся и съ рѣзко-выступающимъ гребнемъ. Тѣже самыя особенности мы встрѣчаемъ на Самоѣдскомъ лицѣ № 68 и 110 въ превосходной фотографической путевой портфели графа **Вильчека**; къ сожалѣнію она еще не издана, хотя во всякомъ случаѣ это весьма желательно.

---

[1]) Второе изданіе, стр. 666.

Остяки рѣки Сымъ.

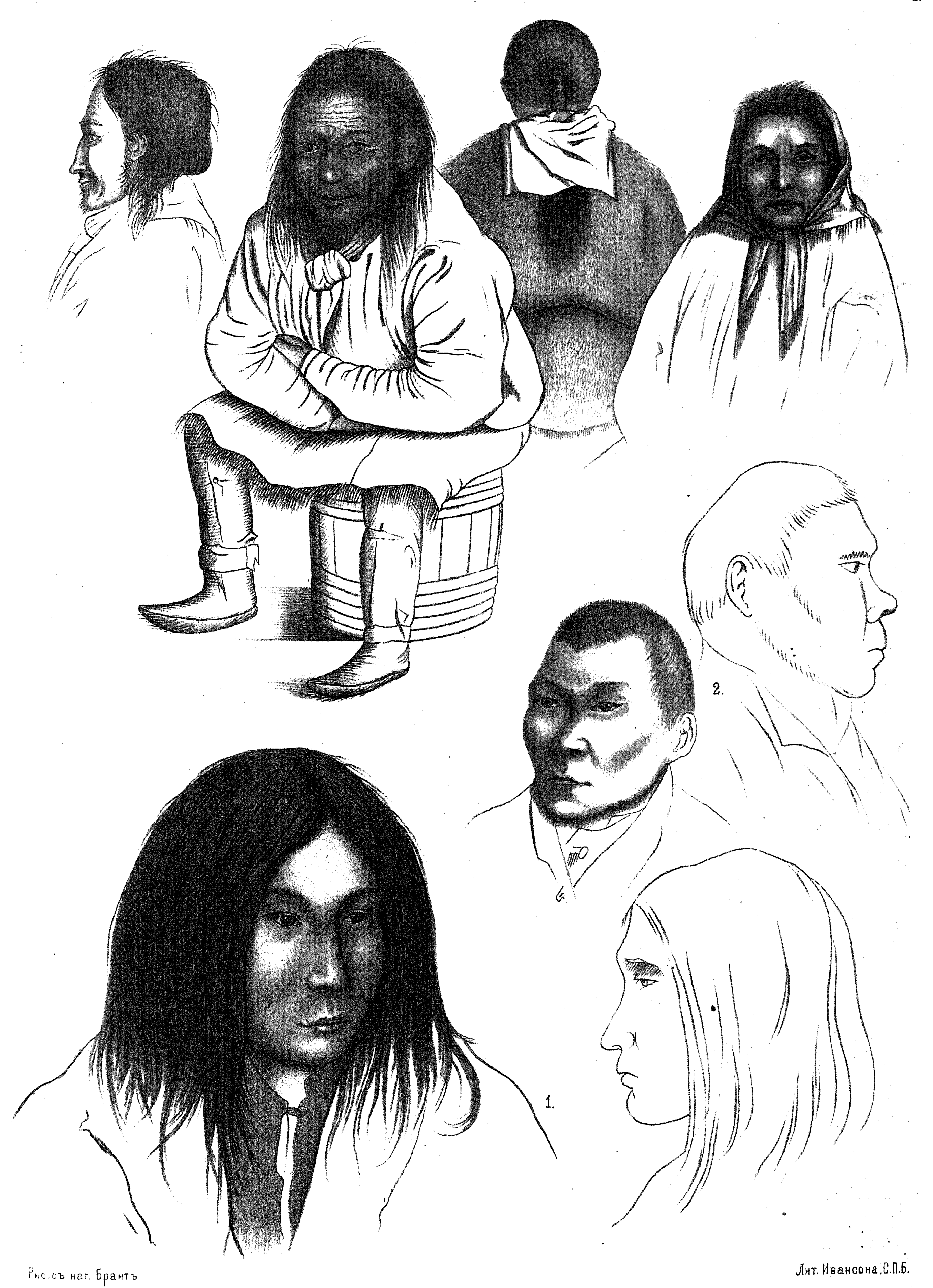
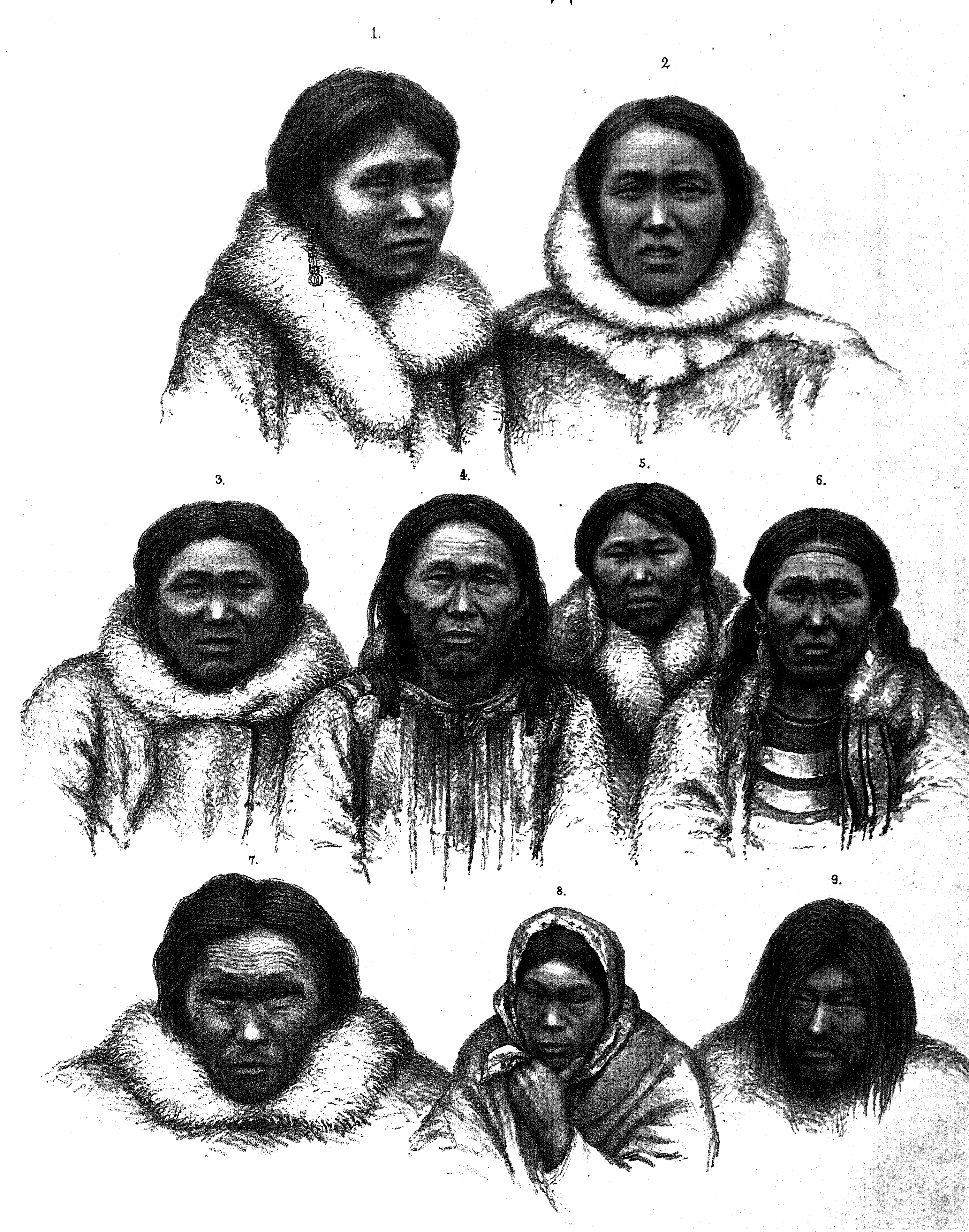

Рис. съ нат. Брантъ

Лит. Ивансона, С.П.Б.

1. Остякъ (Укта́) рѣки Имбакъ. — 2. Юка́гиръ р. Колыма.

САМОѢДЫ.

Литографія Ивансона С.Петербургъ.

1. САМОѢДЪ р. Тазъ.
(Пейка.)

Рис. на кам. Э. Ивансонъ С.П.Б.

САМОѢДЫ КАНИНСКІЕ.

(Ныйдзякó.) (Паркулевъ.) (Гаврила.)

1. Тунгуска Чапогирской орды.
(Черемокъ.)

Рис. на кам. Э Ивансонъ С.П.Б.

САМОѢДЫ ТИМАНСКІЕ

(Варайко Хамянъ.) (Малафей Апицинъ.)

ТУНГУСЫ 1. Иванъ, р. Курейка.
2. Прокопій Курба́товъ, р. Нижная Тунгуска.

V.

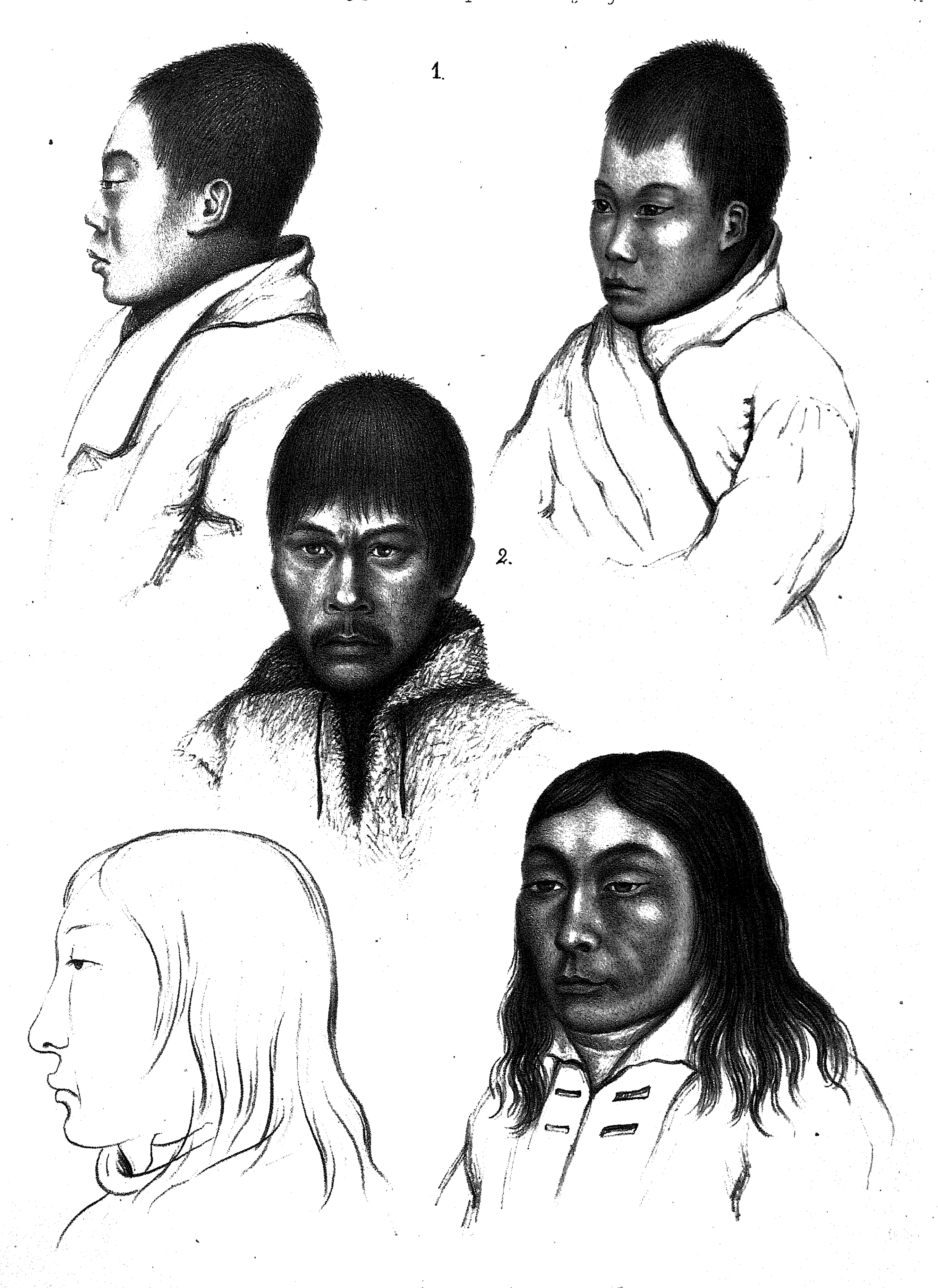

Рис. съ нат. Брандъ.

Лит. Ивансона С.П.Б.

(Савильи) Боягерской орды.

1. ЯКУТКА р. Учуръ.

ДОЛГАНЕ 2.(Гаврила Пальковъ.) р. Боганида. 3.(Манӣ.) орды Бытхигадядь Долгāшъ.

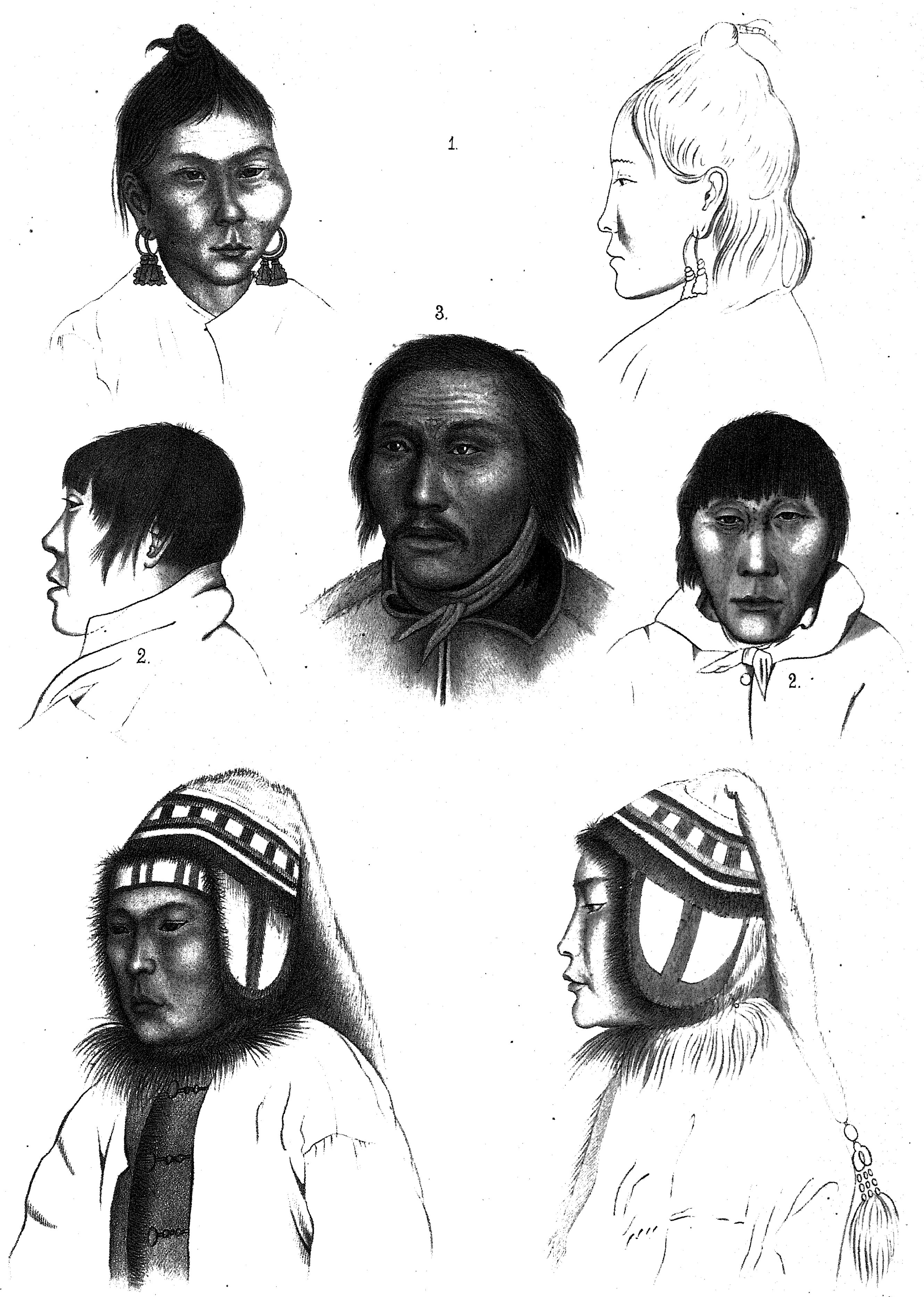

Рис. съ нат. Брандъ.

Лит. Ивансона С.ПБ.

(Одай) ЯКУТКА. р. Хета.

ОГЛАВЛЕНІЕ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

Стран.

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

1*

ОТДѢЛЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

ОГЛАВЛЕНІЕ ВТОРОЙ ЧАСТИ.

ОТДѢЛЪ ПЯТЫЙ.

ОТДѢЛЪ ШЕСТОЙ.

Коренные жители Сибири.

Стран.